ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

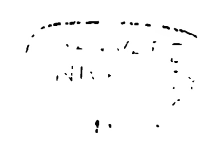
ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1903.

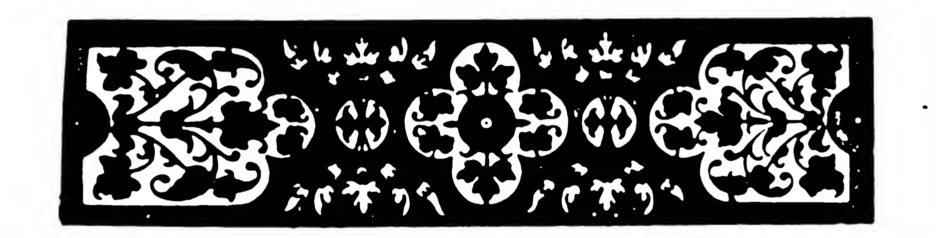
От Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 15 января 1903 г.

Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.



Reprinted by
JUH

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

БЕСѢДЫ НА ДѢЯНІЯ АПОСТОЛЬСКІЯ [1].

БЕСѢДА I.

Первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, яже 13
начатъ Іисусъ творити же и учити, даже до дне, въ
онь же заповѣдавъ апостоломъ Духомъ Святымъ, ихже
избра, вознесеся (Дѣян. I, 1, 2).

МНОГІЕ не знаютъ даже и того, что эта книга существуетъ,— (не знаютъ) ни самой книги, ни того, кто ее написалъ и составилъ. Поэтому-то въ особенности я и рѣшился заняться этимъ произведеніемъ, чтобы и научить незнающихъ, и не допустить, чтобъ такое сокровище таилось и оставалось въ неизвѣстности. Эта книга можетъ принести намъ пользы не меньше самаго Евангелія: такого исполнена она любомудрія, такой чистоты догматовъ и такого обилія чудесъ, въ особенности совершонныхъ Духомъ Святымъ. Не будемъ же оставлять ее безъ вниманія, но станемъ тщательно изслѣдовать.

---

[1]) Настоящія бесѣды произнесены святителемъ въ Константинополѣ. въ 400 или 401 гг.

Здѣсь можно видѣть исполненіе на дѣлѣ тѣхъ пророчествъ, какія
14 Христосъ возвѣщаетъ въ евангеліяхъ, истину, сіяющую въ са-
мыхъ событіяхъ, и большую въ ученикахъ перемѣну къ лучшему,
произведенную къ нихъ Духомъ Святымъ. Христосъ говорилъ
ученикамъ: всякъ *вѣруяй въ мя, дѣла, яже азъ творю, и той сотво-
ритъ, и болша сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12), и предсказывалъ имъ,
что они *предъ владыки и цари ведени будутъ*, что ихъ станутъ бить
на соборищахъ ихъ (Мѳ. X, 17, 18), что они подвергнутся жесто-
чайшимъ мукамъ и надъ всѣмъ восторжествуютъ, и что *евангеліе
проповѣстся* во всемъ мірѣ (Мѳ. XXIV, 14): все это, равно какъ
и еще большее другое, что Онъ говорилъ, обращаясь съ учени-
ками, представляется въ этой книгѣ исполнившимся со всею
точностію. Здѣсь же увидишь и то, какъ сами апостолы какъ бы
на крыльяхъ обтекали землю и море, какъ они, боязливые и не-
15 мудрые, вдругъ сдѣлались иными людьми, стали презирать бо-
гатство, сдѣлались нечувствительны къ славѣ, недоступны ни
гнѣву, ни вожделѣнію, и оказались рѣшительно выше всего;
(увидишь), что они имѣли великое единомысліе, и что между
ними никогда уже не было, какъ прежде, ни зависти, ни спора
о первенствѣ, а напротивъ, въ нихъ водворилась всякая совер-
шенная добродѣтель, и въ особенности начала сіять любовь, о
которой и (Христосъ) много заповѣдывалъ имъ словами: *о семъ
разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*
(Іоан. XIII, 35). Можно также найти здѣсь и догматы, которые,
если бы не было этой книги, никому не были бы такъ хорошо
извѣстны; да и то, что составляетъ основаніе нашего спасенія,—
какъ по отношенію къ жизни, такъ и по отношенію къ догма-
тамъ,—было бы темно и неясно. Но преимущественно здѣсь опи-
сываются дѣянія Павла, болѣе всѣхъ потрудившагося. Это потому,
что составителемъ книги былъ его ученикъ, блаженный Лука,
котораго добродѣтель можно усмотрѣть какъ изъ многаго дру-
гого, такъ въ особенности изъ того, что онъ неразлучно пребы-
валъ съ учителемъ и постоянно за нимъ слѣдовалъ. Такъ, когда
Димасъ и Гермогенъ оставили Павла, и одинъ пошелъ въ Га-
латію, а другой въ Далматію,—послушай, что апостолъ говоритъ
о немъ: *Лука единъ есть со мною* (2 Тим. IV, 10). И въ посланіи
къ Коринѳянамъ о немъ же говоритъ: *егоже похвала во евангеліи
по всѣмъ церквамъ* (2 Кор. VIII, 18). Также, когда повѣствуетъ, что
(Христосъ) *явися Кифѣ*, потомъ двѣнадцати, и говоритъ: по бла-
говѣствованію, *еже пріясте* (1 Кор. XV, 1, 3),—то разумѣетъ еван-
геліе Луки. Поэтому не погрѣшитъ тотъ, кто ему припишетъ это
твореніе; а когда я говорю: ему, разумѣю—Христа. Если же кто
скажетъ: почему же (Лука) не все описалъ, оставаясь съ Павломъ

до конца?—то я отвѣчу, что и этого достаточно было для тѣхъ, кто хотѣлъ быть внимательнымъ, что (апостолы) всегда заняты были дѣлами нужнѣйшими, и что главная забота ихъ состояла не въ томъ, чтобы писать книги, такъ какъ они многое сообщили и посредствомъ неписаннаго преданія.

Такимъ образомъ все, что заключается въ этой книгѣ, достойно удивленія, но въ особенности—то снисхожденіе апостоловъ, которое внушалъ имъ Духъ Святый, приготовляя ихъ на служеніе слову о домостроительствѣ спасенія. Поэтому-то, сообщивъ столько о Христѣ, они немногое сказали о божествѣ Его, а больше говорили о Его человѣчествѣ, страданіи, воскресеніи и вознесеніи. Теперь имъ прежде всего нужно было удостовѣрить въ томъ, что Онъ воскресъ и вознесся на небеса. Поэтому, какъ и самъ Христосъ преимущественнѣе всего старался доказать, что Онъ пришелъ отъ Отца, такъ и Лука (въ особенности доказываетъ), что Онъ воскресъ и вознесся, и отошелъ къ Отцу, и отъ Него пришелъ. Если не вѣрили этому прежде, то тѣмъ болѣе теперь, когда присоединилось воскресеніе и вознесеніе, все ученіе (о Христѣ) казалось іудеямъ невѣроятнымъ. Потому-то постепенно и мало-по-малу возводитъ ихъ къ высшему. А въ Аѳинахъ Павелъ назвалъ Его даже просто человѣкомъ (Дѣян. xvii, 31), не сказавъ ничего больше, и—поступилъ правильно. Вѣдь, если (іудеи) часто покушались побить камнями самого Христа, когда Онъ говорилъ о равенствѣ Своемъ съ Отцомъ, и называли Его за то богохульникомъ, то они едва ли бы приняли слово объ этомъ отъ рыбарей, и особенно тогда, когда уже предшествовалъ крестъ.

2. Но зачѣмъ говорить объ іудеяхъ, когда и сами ученики, внимая высшимъ догматамъ, тогда часто смущались и соблазнялись? Поэтому Христосъ и говорилъ: *много имамъ глаголати вамъ,* 16
но не можете носити нынѣ (Іоан. xvi, 12). Если же не могли они, не смотря на то, что столько времени обращались съ Нимъ, были участниками столькихъ таинъ и видѣли столько чудесъ,—то какъ могли люди, только что отставшіе отъ капищъ, идоловъ и жертвоприношеній, отъ кошекъ и крокодиловъ (таково именно было языческое богопочтеніе) и отъ прочихъ сквернъ, тотчасъ принять высокія рѣчи о догматахъ? Да и сами іудеи, которыхъ ежедневно учитъ и которымъ внушаетъ законъ: *слыши, Израилю, Господь Богъ твой Господь единъ есть*, и кромѣ Его нѣтъ другого (Втор. vi, 4), которые видѣли Христа пригвожденнымъ къ древу крестному, которые даже сами и распяли, и погребли Его, но не видѣли воскресшимъ, — іудеи, слыша, что Онъ-то и есть Богъ и что Онъ равенъ (Отцу), не должны ли были скорѣе всѣхъ отступить

и удалиться? Потому-то (апостолы) постепенно и мало-по-малу возводятъ ихъ къ понятіямъ высшимъ и, съ одной стороны, выказываютъ великое снисхожденіе, а съ другой—пользуются обильнѣйшею благодатію Духа и именемъ (Христа) творятъ чудеса еще большія, нежели какія Онъ самъ сотворилъ, чтобы посредствомъ того и другого воздвигнуть лежащихъ долу и удостовѣрить слово о воскресеніи. Настоящая книга и содержитъ въ себѣ по преимуществу это, именно доказательства воскресенія, такъ какъ увѣровавшему въ послѣднее уже легко было принять и все остальное. Итакъ, вотъ въ чемъ, говоря вообще, преимущественно состоитъ содержаніе и вся цѣль этой книги. Послушаемъ же теперь самое ея вступленіе. *Первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити* (ст. 1). Для чего (Лука) напоминаетъ Ѳеофилу о Евангеліи? Чтобы показать свою точность, такъ какъ въ началѣ той книги онъ говоритъ: *изволися и мнѣ, послѣдовавшу выше вся испытно, порядy писати тебѣ* (Лук. I. 3), и не довольствуется своимъ только свидѣтельствомъ, но все возводитъ къ апостоламъ, говоря: *якоже предаша намъ иже исперва самовидцы и слуги бывшіи Словесе* (ст. 2). Поэтому-то, сдѣлавъ достовѣрнымъ свое слово тамъ, онъ и не нуждается здѣсь въ новомъ удостовѣреніи, такъ какъ однажды пріобрѣлъ уже себѣ довѣріе (Ѳеофила) и тѣмъ произведеніемъ показалъ ему свою точность и истинность. А кто былъ достоинъ вѣры и кому дѣйствительно вѣрили, когда онъ писалъ то, что слышалъ, тому тѣмъ справедливѣе вѣрить, когда онъ излагаетъ не то, что принялъ отъ другихъ, но что самъ видѣлъ и слышалъ. Если, говоритъ, ты принялъ (мое повѣствованіе) о Христѣ, то тѣмъ больше (примешь повѣствованіе) объ апостолахъ. Что же? Развѣ то его произведеніе (Евангеліе) есть только (обыкновенная) исторія, и слово его не причастно Духа? Отнюдь нѣтъ. Почему? Потому, что то, что передали ему *иже исперва самовидцы и слуги бывшіи Словесе*, было отъ Духа. Но почему же онъ не сказалъ: *якоже предаша намъ* удостоившіеся Духа Святого, но: *иже исперва самовидцы бывшіи*? Потому, что это, то есть, знаніе отъ самовидцевъ, всего болѣе придаетъ достовѣрность (повѣствованію), а то для людей неразумныхъ показалось бы даже гордостію и хвастовствомъ. Потому-то и Іоаннъ такъ говорилъ: *азъ видѣхъ и свидѣтельствовахъ, яко сей есть Сынъ Божій* (Іоан. I, 34). Да и Христосъ также говоритъ Никодиму, когда тотъ былъ еще грубъ:
17 *еже вѣмы, глаголемъ, и еже видѣхомъ, свидѣтельствуемъ, и свидѣтельства нашего* никто не пріемлетъ (Іоан. III, 11). И опять, доказывая, что о многомъ можно свидѣтельствовать, основываясь и на данныхъ зрѣнія, Онъ говорилъ ученикамъ: *и вы свидѣтельствуете* о

Мнѣ, *яко искони со мною есте* (Іоан. xv, 27). И сами апостолы часто такъ говорятъ: свидѣтели мы и Духъ Святый, Котораго Богъ далъ повинующимся Ему (Дѣян. II, 32). А Петръ впослѣдствіи, чтобы увѣрить въ воскресеніи, говорилъ: *иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. x, 41). Вообще (іудеи и язычники) скорѣе принимали свидѣтельство людей, которые обращались (со Христомъ),— потому что были еще очень далеки отъ познанія Духа. Поэтому и Іоаннъ въ своемъ Евангеліи, повѣствуя о крови и водѣ, говоритъ, что онъ самъ это видѣлъ (Іоан. xix, 35), выставляя имъ свое видѣніе, какъ самое достовѣрное свидѣтельство. Конечно, внушенія Духа несомнѣннѣе (свидѣтельства) зрѣнія, но—не у невѣрныхъ. А что Лука былъ причастенъ Духа, это видно изъ многаго: изъ знаменій, которыя теперь совершаются, изъ того, что въ то время и простые люди получали Духа Святого, изъ свидѣтельства Павла, который говоритъ о немъ: *егоже похвала во евангеліи* (2 Кор. VIII, 18), наконецъ изъ того, что онъ былъ удостоенъ рукоположенія, такъ какъ Павелъ, сказавъ эти слова, прибавилъ: *но и освященъ* (χειροτονηθεὶς) *отъ церквей съ нами ходити, со благодатію сею, служимою нами* (ст. 19).

3. И смотри, какъ онъ далекъ отъ хвастовства. Не говоритъ: первое евангеліе, которое я благовѣстилъ, но *первое убо слово сотворихъ*,—считая наименованіе евангелія слишкомъ высокимъ для себя. Апостолъ (Павелъ) именно за евангеліе и прославляетъ его, говоря: *егоже похвала во евангеліи*; но самъ онъ смиренно говоритъ: *первое убо слово сотворихъ о всѣхъ, о Ѳеофиле, яже начатъ Іисусъ творити же и учити*. Не просто говоритъ: *о всѣхъ*, но—(о всемъ) отъ начала до конца: *даже до дне*, говоритъ, *въ онь же вознесеся*. Но вѣдь Іоаннъ разъясняетъ, что невозможно было описать всего, и чтобы раскрыть это, говоритъ: *яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему міру вмѣстити* (прибавляетъ) *пишемыхъ книгъ* (Іоан. xxi, 25). Какъ же, скажешь, Лука говоритъ о всемъ? Но онъ не сказалъ: все, а: *о всѣхъ*, а это значитъ тоже, что—вообще и сокращенно; или иначе: онъ говоритъ обо всемъ, что особенно важно и нужно. Далѣе показываетъ, въ чемъ именно состоитъ это все. *Яже начатъ Іисусъ творити же и учити*,– чѣмъ указываетъ на Его чудеса и ученіе, а также и на то, что Онъ училъ самымъ дѣломъ. Замѣть еще и то, какъ человѣколюбива апостольская душа его, если и для одного человѣка онъ столько потрудился, что написалъ цѣлое евангеліе: *да разумѣеши*, говоритъ, *о нихъ же научился еси словесѣхъ, утвержденіе* (Лук. I, 4),—такъ какъ онъ слышалъ слова Христа: *нѣсть воля* Отца моего, *да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ* (Мѳ. xviii, 14). Но почему онъ составилъ не одну книгу, между тѣмъ какъ посылалъ къ одному Ѳеофилу, а раздѣ-

лилъ ее на двѣ части? Для ясности, а также и для того, чтобы дать слушателю возможность отдохнуть; притомъ же, эти писанія различны и по самому содержанію. Но смотри, какъ Хри-
18 стосъ дѣлами придавалъ достовѣрность Своимъ словамъ. Онъ наставлялъ въ кротости и—говорилъ: *научитеся отъ мене, яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. xi, 29). Училъ быть нестяжательными и показывалъ это самыми дѣлами: *Сынъ человѣческій*, говорилъ Онъ, *не имать, гдѣ главы подклонити* (Мѳ. viii, 20). Опять, заповѣдывалъ любить враговъ, и наставлялъ этому, молясь на крестѣ за распинателей. Говорилъ: *хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (Мѳ. v, 40), а самъ отдалъ не только Свои одежды, но и кровь. Такъ повелѣлъ Онъ поступать и ученикамъ. Поэтому и Павелъ говорилъ: *якоже имате образъ насъ* (Фил. iii, 17). Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего безполезнѣе учителя, который любомудрствуетъ только на словахъ. Это свойственно не учителю, а лицемѣру. Потому апостолы прежде учили жизнію, а потомъ словами; да имъ даже и не нужны были слова, потому что громко говорили ихъ дѣла. Не ошибется также и тотъ, кто самое страданіе Христа назоветъ дѣйствіемъ: вѣдь чрезъ страданіе Онъ сотворилъ великое и чудное дѣло—разрушилъ смерть и совершилъ все прочее. *Даже до дне, въ оньже заповѣдавъ апостоломъ Духомъ Святымъ, ихже избра, вознесеся* (ст. 2). *Заповѣдавъ духомъ*, то есть, сказавъ имъ слова духовныя, (въ которыхъ не было) ничего человѣческаго. Или такъ надобно понимать эти слова, или же такъ, что Онъ заповѣдалъ имъ по внушенію Духа. Видишь, какъ еще уничиженно (Лука) выражается о Христѣ? Такъ и самъ Христосъ говорилъ о Себѣ: *аще ли же азъ о Дусѣ Божіи изгоню бѣсы* (Мѳ. xii, 28),—такъ какъ и Духъ Святый дѣйствовалъ въ томъ храмѣ. Что же Онъ заповѣдалъ? *Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѳ. xxviii, 19—20). Великую для апостоловъ похвалу составляетъ то, что имъ поручено было такое дѣло, то есть, спасеніе вселенной, что имъ ввѣрены были слова, исполненныя Духа,—какъ на это и указываетъ (Лука), когда говоритъ: *Духомъ Святымъ*, разумѣя (слова Христовы): *глаголы, яже азъ глаголахъ вамъ, Духъ суть* (Іоан. vi, 63). А говоритъ онъ это для того, чтобы возбудить въ слушателѣ желаніе—узнать заповѣди, и чтобы сдѣлать апостоловъ заслуживающими довѣрія, такъ какъ они будутъ возвѣщать слова Духа и заповѣди Христовы. *Заповѣдавъ*,—говоритъ онъ,—*вознесеся* (ἀνελήφθη). Не сказалъ (Лука): восшелъ (ἀνέβη), потому что все еще говоритъ о Немъ, какъ о человѣкѣ. Итакъ, Христосъ училъ учениковъ и послѣ воскресенія, но никто не изложилъ намъ съ

подробностію всего, что произошло въ то время. Болѣе же другихъ повѣствуютъ объ этомъ Іоаннъ и писатель настоящей книги, но всего никто не разсказалъ ясно,—потому что всѣ заботились о другомъ. Узнали же мы объ этомъ отъ апостоловъ, такъ какъ они, что слышали, то и сообщили. *Предъ нимиже и постави себе жива* (ст. 3). Сказавши сначала о вознесеніи, говоритъ теперь и о воскресеніи. Послѣ того, какъ сказалъ: *вознесеся*,—чтобы ты не подумалъ, что Онъ вознесенъ былъ другими,—прибавилъ: *предъ нимиже и постави себе жива.* Вѣдь, если Онъ самъ совершилъ дѣло большее, то тѣмъ болѣе могъ совершить меньшее.

4. Видишь, какъ незамѣтно (повѣствователь) привсѣваетъ эти великіе догматы? *Денми четыредесятми являяся имъ* (ст. 3). Въ то время Христосъ уже не постоянно былъ съ апостолами, — не такъ, какъ до воскресенія. Замѣть, не сказалъ: четыредесять дней: но: *денми четыредесятми*, такъ какъ Христосъ являлся и опять скрывался. Для чего же такъ? Чтобы возвысить мысли учениковъ и не допустить ихъ обращаться съ Нимъ по преж- 19
нему. И не безъ причины Онъ дѣлалъ это, но потому, что тщательно заботился объ устроеніи двухъ вещей,—о томъ, чтобы повѣрили воскресенію, и чтобы, наконецъ, думали о Немъ выше, чѣмъ о простомъ человѣкѣ. Хотя эти (два дѣла) были противоположны одно другому,—такъ какъ, для увѣренія въ воскресеніи надлежало случиться многому человѣческому, а для убѣжденія въ томъ (что Онъ выше человѣка)—напротивъ,—тѣмъ не менѣе, однакожъ, и то, и другое произошло въ надлежащее время. Почему же Онъ явился не всѣмъ, а только апостоламъ? Потому, что народу, не знавшему неизреченнаго таинства, Онъ показался бы привидѣніемъ. Если и сами ученики сначала не вѣрили, приходили въ смущеніе и нуждались въ прикосновеніи рукою и въ общеніи трапезы, то чего естественно слѣдовало ожидать отъ народа? Потому-то воскресеніе неопровержимо и доказывается чудесами, чтобы оно было несомнѣннымъ не только для тогдашнихъ людей, но и для всѣхъ послѣдующихъ родовъ. Что у первыхъ происходило оттого, что они видѣли чудеса, то у всѣхъ послѣдующихъ должно было происходить отъ вѣры. Поэтому отсюда мы заимствуемъ доказательства и противъ невѣрныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ не воскресъ, но остается умершимъ, то какимъ образомъ апостолы совершали знаменія Его именемъ? Или они не совершали знаменій? Въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ возникъ нашъ (христіанскій) родъ? Этого невѣрные, конечно, уже не станутъ отвергать и не будутъ спорить противъ того, что видятъ; а потому, когда они говорятъ, что знаменій не было, то тѣмъ еще больше безчестятъ сами себя. Въ самомъ

дѣлѣ, то было бы величайшее чудо, если бы безъ чудесъ вся вселенная прибѣгла (ко Христу), будучи уловлена двѣнадцатью бѣдными и неучеными людьми. Не множествомъ богатства, не мудростію словъ, не другимъ чѣмъ-нибудь подобнымъ побѣдили рыбари, такъ что по неволѣ должно признать, что въ нихъ была сила божественная, такъ какъ невѣроятно, чтобъ сила человѣческая когда-либо могла столько сдѣлать. Поэтому-то и самъ (Христосъ) оставался (на землѣ) послѣ воскресенія сорокъ дней, давая видѣть Себя въ теченіе продолжительнаго времени, чтобы (ученики) не сочли видимаго привидѣніемъ. Да и этимъ Онъ не удовольствовался, но присовокупилъ еще и трапезу, о чемъ далѣе и говоритъ (Лука): *съ нимиже и ядый* (ст. 4). Это всегда и сами апостолы считали доказательствомъ воскресенія, говоря: *иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. x, 41). А что Христосъ дѣлалъ во время Своихъ явленій, это показано въ послѣдующихъ словахъ: *являяся имъ и глаголя яже о царствіи Божіи* (ст. 3). А такъ какъ апостолы были опечалены и устрашены тѣмъ, что уже совершилось, а между тѣмъ имъ надлежало выступить на великіе подвиги, то Онъ, ободряя ихъ словами о будущемъ, *повелѣ имъ отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отча* (ст. 4). Сначала, когда они еще боялись и страшились, Онъ извелъ ихъ въ Галилею, чтобы они безъ страха могли выслушать слова Его. Потомъ, когда они выслушали и провели съ Нимъ сорокъ дней,— *повелѣ отъ Іерусалима не отлучатися.* Для чего такъ? Какъ воинамъ, намѣревающимся напасть на непріятеля, никто не позволитъ выступить прежде, чѣмъ они вооружатся; какъ конямъ не позволятъ выбѣжать на ристалища прежде, чѣмъ у нихъ будетъ возница,—такъ и имъ (Господь) не дозволялъ выступить на борьбу прежде сошествія Св. Духа, чтобы множество (враговъ) легко не одолѣло и не плѣнило ихъ. И не только поэтому (повелѣваетъ не отлучаться отъ Іерусалима), но и потому, что тамъ многіе
20 имѣли увѣровать. Къ тому же, чтобы не говорилъ кто-нибудь, что они, оставивъ своихъ *знаемыхъ*, пошли хвалиться къ иноземцамъ,— для этого они передъ тѣми самыми людьми, которые умертвили (Христа), представляютъ доказательства Его воскресенія,—предъ тѣми самыми, которые распяли и погребли Его, въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ дерзновенно совершено было это беззаконное дѣло, такъ что чрезъ это заграждены были уста и всѣмъ иноземцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сами распявшіе Его явятся въ числѣ увѣровавшихъ, то, очевидно, это будетъ явнымъ знакомъ и креста, и беззаконія поступка (іудеевъ), и великимъ доказательствомъ воскресенія. А чтобы ученики не говорили: какъ мы, когда насъ такъ мало и мы такъ ничтожны,

въ состояніи будемъ жить среди такого множества людей нечестивыхъ и дышащихъ убійствомъ?—смотри, какъ Онъ избавляетъ ихъ отъ этого страха словами: *но ждати обѣтованія Отча, еже слышасте отъ мене* (ст. 4). Когда же, скажешь, они слышали? Тогда, когда Онъ говорилъ: *уне есть вамъ, да азъ иду: аще бо не иду азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ* (Іоан. xvi, 7). И опять: *азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя* пошлетъ *вамъ, да будетъ съ вами* (Іоан. xiv, 16).

5. Но почему (Духъ Святый) пришелъ не тогда, какъ Христосъ былъ еще (на землѣ), и не тотчасъ послѣ Его отшествія, но, между тѣмъ, какъ Христосъ вознесся въ сороковой день, Духъ Святый пришелъ, *егда скончавашася дніе пятдесятницы* (Дѣян. II, 1)? И какимъ образомъ, когда Духа еще не было, Христосъ говорилъ: *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. xx. 22)? Это для того, чтобы приготовить учениковъ и сдѣлать ихъ способными къ Его принятію. Вѣдь если Даніилъ пришелъ въ изнеможеніе отъ того, что долженъ былъ увидѣть ангела (Дан. viii, 17), то тѣмъ больше (изнемогли бы) они, имѣвшіе принять столь великую благодать. Или въ такомъ смыслѣ нужно понимать эти слова, или же такъ, что Христосъ сказалъ о будущемъ, какъ уже о совершившемся, подобно тому, какъ говорилъ: наступайте *на змію, и на скорпію, и на всю силу вражію* (Лук. x, 19). Но почему же Духъ Святый не тотчасъ тогда пришелъ? Апостолы должны были воспламениться желаніемъ этого событія, и тогда уже получить благодать. Поэтому Духъ Святый пришелъ тогда, когда Христосъ отошелъ. А если бы Онъ пришелъ въ то время, когда (Христосъ) былъ еще (на землѣ), — въ нихъ не было бы такого ожиданія. По той же причинѣ Онъ пришелъ и не тотчасъ послѣ вознесенія Христова, но спустя восемь или девять дней. Такъ и мы тогда особенно обращаемся къ Богу, когда бываемъ поставлены въ какую-нибудь нужду. Поэтому и Іоаннъ тогда въ особенности посылаетъ учениковъ ко Христу, когда они должны были нуждаться въ Іисусѣ, такъ какъ самъ онъ былъ уже въ темницѣ. А съ другой стороны, надлежало, чтобы сначала наше естество явилось на небесахъ, и вполнѣ совершилось примиреніе, а потомъ бы уже и пришелъ Духъ, и (ученики) исполнились бы чистой радости. Если бы по пришествіи Духа Святого Христосъ удалился, а Духъ Святый пребылъ (на землѣ), то въ этомъ не было бы для нихъ столько утѣшенія, такъ какъ они были очень привязаны ко Христу,—почему Онъ и говорилъ, утѣшая ихъ: *уне есть вамъ, да азъ иду* (Іоан. xvi, 7). Поэтому Онъ и отлагаетъ на нѣсколько дней (ниспосланіе Св. Духа), чтобы они, немного испытавъ печаль и почувствовавъ, какъ я сказалъ, нужду, наслади-

лись полною и чистою радостію. А если бы Духъ былъ меньше Его, то этого утѣшенія было бы недостаточно. Да и какъ бы Онъ могъ говорить: *уне есть вамъ?* Для этого и предоставлена Духу Св. большая часть ученія, чтобы не сочли Его меньшимъ. Замѣть, въ какую необходимость—быть въ Іерусалимѣ—Христосъ поставилъ учениковъ тѣмъ, что обѣщалъ даровать тамъ Духа. Чтобы они опять не разбѣжались послѣ Его вознесенія,—этимъ ожиданіемъ, какъ бы нѣкоторыми узами, Онъ всѣхъ ихъ тамъ удерживаетъ. Сказавши же: *ждати обѣтованія Отча, еже слышасте*
21 *отъ мене,* прибавилъ: *яко Іоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ не по мнозѣхъ сихъ днехъ* (ст. 5). Здѣсь, наконецъ, Онъ показываетъ различіе между Собою и Іоанномъ, и уже не прикровенно, какъ прежде. Прежде Онъ очень затѣнилъ Свою рѣчь, сказавъ: *мній во царствіи небеснѣмъ болій его есть* (Мѳ. xi, 11); но теперь говоритъ гораздо яснѣе: *Іоаннъ крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ.* Уже не приводитъ самаго свидѣтельства его (Мѳ. ш, 11, 12), но только указываетъ на его лице и тѣмъ самымъ напоминаетъ о томъ, что было имъ сказано, и показываетъ, что они стали уже выше Іоанна, такъ какъ и сами они имѣли крестить Духомъ. И не сказалъ: васъ же Я крещу Духомъ Святымъ, но: *имате креститися,*—научая насъ смиренномудрію. А что именно Онъ крестилъ, это уже очевидно было изъ свидѣтельства Іоанна, который сказалъ: *той вы крестить Духомъ Святымъ и огнемъ* (Лук. ш, 16),—почему Христосъ и упомянулъ о немъ одномъ. Итакъ, Евангелія повѣствуютъ о томъ, что сдѣлалъ и сказалъ Христосъ, а Дѣянія—о томъ, что сказалъ и сдѣлалъ другой Утѣшитель. Конечно, Духъ Св. многое совершалъ и прежде, подобно тому, какъ Христосъ дѣйствуетъ и нынѣ, какъ (дѣйствовалъ) прежде; но прежде—чрезъ храмъ, а теперь—чрезъ апостоловъ. Тогда Онъ вошелъ въ дѣвственную утробу и образовалъ (въ ней) храмъ, а теперь—въ души апостольскія; тогда (нисшелъ) въ видѣ голубя, а теперь—въ видѣ огня. Почему такъ? Тамъ показывалъ кротость, а здѣсь строгость, и напоминая благовременно о судѣ. Когда надлежало простить грѣхи, нужна была великая кротость; а какъ скоро мы получили этотъ даръ,—время уже суда и испытанія. Но почему Христосъ говоритъ: *имате креститися,* когда въ горницѣ не было воды? Потому что болѣе главное (въ крещеніи) есть Духъ, чрезъ Котораго дѣйствуетъ и вода. Подобнымъ образомъ и о самомъ Христѣ говорится, что Онъ былъ помазанъ, хотя Онъ никогда не былъ помазанъ елеемъ, а получилъ Святого Духа. Впрочемъ, можно найти, что они были крещены и водою, и (крещены) въ различныя времена. У насъ то и другое (крещеніе, т. е., водою

и Духомъ) бываетъ вмѣстѣ, а тогда (было) раздѣльно. Въ началѣ они крещены были отъ Іоанна,—и это неудивительно. Вѣдь, если блудницы и мытари шли къ тому крещенію, то тѣмъ скорѣе (пришли) тѣ, которые послѣ этого должны были креститься Духомъ Святымъ. Потомъ, чтобы они не говорили: „это все еще только обѣщаніе“, — такъ какъ Онъ и прежде много говорилъ объ этомъ, — и чтобы не подумали, что это дѣйствіе не осуществимое, — Онъ отклоняетъ ихъ отъ такого предположенія словами: *не по мнозѣхъ сихъ днехъ*. Когда именно, этого не объявилъ, чтобы они всегда бодрствовали; сказалъ, что будетъ скоро, чтобы они не ослабѣли, однако, не присоединилъ, когда именно, чтобы всегда были бдительны. И не этимъ только увѣряетъ ихъ, то есть, не краткостію только времени, но и словами: *обѣтованіе, еже слышасте отъ мене* (ст. 4). Его слова значатъ: не теперь только Я сказалъ вамъ, но уже и прежде обѣщалъ это,—что непремѣнно и исполню. Итакъ, зачѣмъ же ты удивляешься тому, что Онъ не сказалъ дня кончины (міра), когда и этого дня, столь близкаго, не восхотѣлъ объявить? И это Онъ сдѣлалъ вполнѣ естественно,—чтобы они всегда бодрствовали, ожидали и заботились.

6. Невозможно, поистинѣ невозможно сподобиться благодати тому, кто не бодрствуетъ. Развѣ не знаешь, что говоритъ Илія своему ученику? *Аще узриши мя вземлема, будетъ ти тако* 22
(4 Цар. II, 10), — то есть, будетъ тебѣ то, чего ты просишь. И Христосъ всегда говорилъ приходящимъ къ Нему: вѣруешь ли?— потому что, если мы не освоимся съ тѣмъ, что даруется, то не будемъ сильно чувствовать и благодѣянія. Такъ и на Павла не тотчасъ сошла благодать, но напоредъ прошло три дня, въ которые онъ оставался слѣпымъ, томился страхомъ и приготовлялся. Какъ тѣ, которые окрашиваютъ багряницу, сначала нѣкоторыми другими веществами подготовляютъ матерію, назначаемую для окраски, чтобы цвѣтъ вышелъ не линючій, такъ и здѣсь Богъ сначала приготовляетъ бодрственную душу, и тогда уже изливаетъ благодать. Поэтому-то и не тотчасъ Онъ послалъ Духа, но въ пятьдесятницу.

Если же кто станетъ говорить: почему и мы не крестимъ въ это время?—то я отвѣчу, что благодать и въ пятьдесятницу, и нынѣ — одна и та же; но умъ теперь бываетъ возвышеннѣе, потому что предуготовляется постомъ. Да и время пятьдесятницы имѣетъ также не несообразное съ этимъ нѣкоторое значеніе. Какое же именно? Отцы наши считали крещеніе достаточною уздою для злого вожделѣнія и великимъ урокомъ—жить цѣломудренно и во время самаго веселія. Поэтому, какъ бы вкушая съ самимъ Христомъ и участвуя въ Его трапезѣ, не станемъ

ничего дѣлать просто, но пребудемъ въ постахъ, молитвахъ и въ великомъ воздержаніи. Если тотъ, кто хочетъ получить мірское начальство, приготовляетъ себѣ все необходимое для жизни и, чтобы достигнуть какого-либо достоинства, тратитъ деньги, не жалѣетъ времени, переноситъ безчисленные труды, то чего достойны мы, когда съ такимъ нерадѣніемъ приступаемъ къ царству небесному, не заботимся о немъ прежде, чѣмъ получимъ, и нерадимъ, когда получимъ? А оттого мы и бываемъ нерадивы послѣ полученія, что не были бдительны до полученія. Поэтому-то многіе тотчасъ послѣ полученія и возвратились на *свою блевотину* (2 Петр. II, 22), сдѣлались худшими и навлекли на себя тягчайшее наказаніе. Они освободились отъ прежнихъ грѣховъ, но потому-то особенно и прогнѣвали Судію, что, и освободившись отъ такого недуга, не исправились, но потерпѣли то, чѣмъ Христосъ угрожалъ разслабленному, говоря: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. V, 14), и что Онъ предсказывалъ объ іудеяхъ, показывая, что они неисцѣльно пострадаютъ за свою неблагодарность: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли* (Іоан. XV, 22). Такъ грѣхи, совершаемые послѣ (крещенія), дѣлаются вдвое и вчетверо тяжелѣе. Почему? Потому что, сподобившись чести, мы являемся неблагодарными и злыми. Поэтому-то купель (крещенія) нисколько не облегчаетъ для насъ наказанія. Замѣть: имѣлъ ли кто тяжкіе грѣхи (до крещенія), совершилъ ли, напримѣръ, убійство, или прелюбодѣяніе, или сдѣлалъ что-нибудь другое, еще болѣе тяжкое, — все это отпускается чрезъ купель крещенія. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ, подлинно нѣтъ никакого грѣха и нечестія, которое бы не уступило этому дару и не было его ниже, потому что это — божественная благодать. Но, если кто опять впалъ въ прелюбодѣяніе и совершилъ убійство, то, хотя прежнее прелюбодѣяніе разрѣшено и то убійство отпущено, и уже не воспоминается, такъ какъ *нераскаянна дарованія и званіе Божіе* (Рим. XI, 29), — тѣмъ не менѣе за эти грѣхи, совершенные послѣ крещенія, мы подвергаемся такому же наказанію, какъ если бы и прежніе были приняты во вниманіе, и даже гораздо большему. Это уже не
23 просто грѣхъ, но грѣхъ двойной и тройной. А что за эти грѣхи (ожидаетъ) большее осужденіе, — послушай, что говоритъ Павелъ: *отвергся кто закона Моисеова, безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтелехъ умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмнивъ, и Духа благодати укоривый* (Евр. X, 28, 29)?

Можетъ быть, я многихъ отвлекъ теперь отъ принятія крещенія? Но я сказалъ это не съ этою цѣлію, а для того, чтобы

принявшіе (крещеніе) пребывали въ цѣломудріи и усиленно вели честную жизнь. Но я боюсь, скажетъ кто-нибудь? Если бы ты боялся, то принялъ бы и сталъ бы хранить. Но потому-то самому, скажешь, я и не принимаю, что боюсь (не сохранить)? А такъ (безъ крещенія) отойти не боишься? Богъ, скажешь, человѣколюбивъ? Потому-то и прими крещеніе, что Онъ человѣколюбивъ и помогаетъ намъ. Но ты, когда нужно бы позаботиться (о крещеніи), не представляешь себѣ этого человѣколюбія; а когда хочешь отложить его, тогда о немъ вспоминаешь, между тѣмъ, какъ это человѣколюбіе имѣетъ мѣсто въ первомъ случаѣ, и къ намъ оно будетъ проявлено въ особенности тогда, когда и съ своей стороны привнесемъ, что слѣдуетъ. Кто во всемъ положился на Бога, тотъ, если и согрѣшитъ, какъ то свойственно человѣку, послѣ крещенія, чрезъ покаяніе сподобится человѣколюбія; а кто, какъ бы мудрствуя о человѣколюбіи Божіемъ, отойдетъ (отсюда) чуждымъ благодати, тотъ подвергнется неизбѣжному наказанію. Зачѣмъ же ты поступаешь такъ противъ своего спасенія? Невозможно, совершенно невозможно, какъ я, по крайней мѣрѣ, думаю, чтобы человѣкъ, который отлагаетъ (крещеніе), обольщая себя такими надеждами, совершилъ что-нибудь возвышенное и доброе. Для чего ты принимаешь на себя такой страхъ и прикрываешься неизвѣстностію будущаго? Почему не перемѣняешь этого страха на трудъ и стараніе, чтобы стать великимъ и достойнымъ удивленія? Что лучше—бояться, или трудиться? Если бы кто-нибудь посадилъ тебя безъ всякаго дѣла въ разваливающемся домѣ и сказалъ: „ожидай, что можетъ упасть на твою голову потолокъ, такъ какъ онъ уже гнилъ (можетъ быть, онъ упадетъ, а можетъ быть, и не упадетъ); если же ты не хочешь этого, то трудись и живи въ зданіи болѣе безопасномъ“,—то что бы ты предпочелъ? Праздность ли ту, соединенную со страхомъ, или этотъ трудъ, — съ увѣренностью въ безопасности? Поступай же такъ точно и теперь. Неизвѣстное будущее — это какъ бы нѣкоторый истлѣвшій домъ, всегда угрожающій паденіемъ; а этотъ трудъ, соединенный съ утомленіемъ, обѣщаетъ безопасность.

7. Итакъ, не дай Богъ, чтобы мы подверглись столь великому несчастію—грѣшить послѣ купели. Но, если бы и случилось что-нибудь подобное, то и при такихъ обстоятельствахъ не будемъ отчаиваться. Богъ человѣколюбивъ и предоставилъ намъ много путей къ полученію прощенія и послѣ (крещенія). И какъ тѣ, которые грѣшатъ послѣ купели, по этой самой причинѣ наказываются больше оглашенныхъ, такъ и тѣ, которые знаютъ, что есть врачество покаянія и не хотятъ имъ воспользоваться,

подвергнутся тягчайшему наказанію, потому что чѣмъ больше умножается человѣколюбіе Божіе, тѣмъ больше усиливается и наказаніе, если мы должнымъ образомъ не воспользуемся имъ. Что ты говоришь, человѣкъ? Ты былъ исполненъ такого множества золъ, ты былъ безъ всякой надежды на спасеніе, — и внезапно сдѣлался другомъ (Божіимъ) и возведенъ на высшую почесть, не за свои подвиги, но по дару Божію. Ты опять возвратился къ прежнимъ постыднымъ дѣламъ, за что и заслуживалъ бы тяжкаго наказанія; но Господь и при этомъ не отвратился отъ тебя, а далъ безчисленныя средства ко спасенію, чрезъ которыя (опять) можешь сдѣлаться Его другомъ. Такъ (поступаетъ) Богъ, а ты и при этомъ не хочешь потрудиться? Какого же, наконецъ, ты будешь достоинъ прощенія? И не справедливо
24 ли будутъ смѣяться надъ тобою язычники, какъ надъ какимъ-нибудь трутнемъ, живущимъ попусту и напрасно? Если ваше любомудріе, скажутъ они, имѣетъ силу, то объясните, что значитъ это множество непосвященныхъ? Прекрасны и вожделѣнны таинства, но пусть никто не принимаетъ крещенія, когда уже разлучается съ душею. Тогда — время не таинствъ, но завѣщаній; а время таинствъ — здравое состояніе ума и цѣломудріе души. Скажи мнѣ: если никто не рѣшится написать завѣщаніе, находясь въ такомъ состояніи, а если и напишетъ, то этимъ дастъ возможность впослѣдствіи опровергнуть его, — почему и начинаютъ завѣщанія вотъ этими словами: „я, при жизни, находясь въ полномъ и здравомъ разумѣ, дѣлаю распоряженіе о своемъ имуществѣ“, — то какъ возможно тому, кто потерялъ сознаніе, быть правильно посвященнымъ въ таинства? Если мірскіе законы не позволяютъ составлять завѣщанія о житейскихъ вещахъ человѣку, не вполнѣ владѣющему разумомъ, — не позволяютъ, несмотря на то, что онъ здѣсь распорядился бы своимъ имуществомъ, то какъ ты, наставляемый (въ ученіи) о небесномъ царствіи и о тѣхъ неизреченныхъ благахъ, въ состояніи будешь ясно все узнать, когда отъ болѣзни часто теряешь и разсудокъ? Да и какъ ты скажешь Христу, спогребаясь съ Нимъ, тѣ слова, когда ты уже отходишь? Вѣдь и въ дѣлахъ, и въ словахъ надобно выказывать къ Нему расположеніе. А ты дѣлаешь тоже, какъ если бы кто захотѣлъ записаться въ число воиновъ, когда война уже оканчивается, или какъ если бы борецъ сталъ снимать съ себя платье, когда бывшіе на зрѣлищѣ уже встали. Ты берешь оружіе не для того, чтобы тотчасъ отступить, но чтобы, взявши, одержать побѣду надъ противникомъ. Пусть никто не считаетъ слова объ этомъ неблаговременнымъ потому, что теперь не четыредесятница. О томъ-то я и сокрушаюсь,

что вы наблюдаете время въ подобныхъ дѣлахъ. Вѣдь евнухъ тотъ (Дѣян. VIII, 27), несмотря на то, что былъ варваромъ, что путешествовалъ и находился среди большой дороги,—не разсуждалъ о времени. Такъ точно (поступилъ) и темничный стражъ (Дѣян. XVI, 29), хотя находился среди узниковъ, видѣлъ учителя избитымъ и связаннымъ, и полагалъ, что онъ еще остается въ темницѣ. А теперь многіе, несмотря на то, что живутъ не въ темницѣ и не въ пути находятся, отлагаютъ (свое крещеніе), и отлагаютъ до послѣдняго издыханія.

8. Итакъ, если ты еще сомнѣваешься въ томъ, что Христосъ есть Богъ, то стой внѣ (церкви), не слушай божественныхъ словъ и не считай себя въ числѣ оглашенныхъ. Если же не сомнѣваешься и ясно знаешь это, то зачѣмъ медлишь? Зачѣмъ уклоняешься и откладываешь? Боюсь, говоришь, какъ бы не согрѣшить. А не боишься того, что страшнѣе, — какъ бы не отойти туда со столь тяжкимъ бременемъ? Вѣдь не все равно— не принять благодати предлагаемой и, рѣшившись жить добродѣтельно, погрѣшить. Скажи мнѣ: если станутъ обвинять тебя, зачѣмъ ты не приступилъ (къ крещенію), почему не жилъ добродѣтельно,—что ты скажешь? Тамъ ты еще можешь, пожалуй, сослаться на тяжесть заповѣдей и добродѣтели; но здѣсь нѣтъ ничего такого, здѣсь—благодать, даромъ дающая свободу. Но ты боишься, какъ бы не согрѣшить? Говори это послѣ крещенія, тогда имѣй этотъ страхъ, — для того, чтобы сохранить дерзновеніе, которое ты получилъ, а не для того, чтобы уклоняться отъ такого дара. А то, до крещенія ты благочестивъ, послѣ же крещенія—легкомысленъ. Но ты ожидаешь времени четыредесятницы? Для чего? Развѣ то время имѣетъ что-нибудь особенное? Апостолы не въ пасху удостоились благодати, но въ другое время; также не пасхальное было время, когда крестились три тысячи и пять тысячъ, равно какъ Корнилій, евнухъ и очень многіе другіе. Итакъ, не будемъ выжидать времени, чтобы чрезъ медленность и отлагательство не лишиться столь великихъ благъ и не отойти безъ нихъ. Какъ, подумайте вы, я скорблю всякій разъ, какъ слышу, что кто-нибудь отошелъ 25
отсюда, не будучи посвященъ въ таинства, и всякій разъ, какъ представляю себѣ тѣ нестерпимыя муки и неизбѣжное наказаніе! Какъ опять я сокрушаюсь, когда вижу другихъ, дошедшихъ до послѣдняго издыханія, но и тѣмъ не вразумляющихся! Потому-то и происходитъ многое, недостойное этого дара. Слѣдовало бы веселиться, ликовать, радоваться и украшаться вѣнками, когда кто-нибудь посвящается въ таинства; а (у насъ) жена больного, когда услышитъ, что врачъ присовѣтовалъ это,

сокрушается и плачетъ, какъ о какомъ-нибудь несчастіи; вездѣ въ домѣ вопли и стенанія, какъ бы по осужденнымъ, отводимымъ на казнь. Да, въ свою очередь, и самъ больной тогда въ особенности печалится; а если выздоровѣетъ, то еще больше сокрушается, какъ будто ему сдѣлали великое зло. Такъ какъ онъ не былъ приготовленъ къ добродѣтели, то лѣнится и уклоняется отъ слѣдующихъ затѣмъ подвиговъ. Видишь, какія козни устрояетъ діаволъ, какому (подвергаетъ) стыду, какому посмѣянію? Освободимся же отъ этого посмѣянія! Будемъ жить, какъ Христосъ заповѣдалъ! Не для того Онъ далъ крещеніе, чтобы мы, принявши его, отошли (въ вѣчность), но чтобы, поживши, показали плоды. Какъ скажешь: „приноси плоды“ тому, кто уже
26 отходитъ, кто уже отсѣченъ? Не слышалъ ли, что *плодъ духовный есть любы, радость, миръ* (Гал. v, 21)? Какъ же происходитъ противное? Жена стоитъ въ слезахъ, когда бы слѣдовало радоваться; дѣти рыдаютъ, когда бы нужно было веселиться; самъ больной лежитъ мраченъ, въ страхѣ и смущеніи, когда бы должно было торжествовать: онъ въ сильной печали отъ мысли о сиротствѣ дѣтей, о вдовствѣ жены, о запустѣніи дома. Такъ ли, скажи мнѣ, приступаютъ къ таинствамъ? Такъ ли пріобщаются священной трапезы? Можно ли это снести? Если царь пошлетъ указъ объ освобожденіи узниковъ изъ темницы, то бываетъ веселіе и радость; а когда Богъ посылаетъ съ небесъ Духа Святого и прощаетъ не денежныя недоимки, но всѣ вообще грѣхи, то вы всѣ плачете и сокрушаетесь? Что это за несообразность? Не говорю еще о томъ, что и на мертвыхъ была изливаема вода, и на землю была повергаема святыня; но не мы въ этомъ виноваты, а люди безразсудные. Поэтому умоляю васъ,—оставимъ все, обратимся къ себѣ самимъ и со всею ревностію приступимъ ко крещенію, чтобы, показавъ и въ настоящей жизни великую ревность, получить и будущее дерзновеніе, котораго и да сподобимся всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

25 Они же убо сошедшеся вопрошаху его, глаголюще: Господи, аще въ лѣто сіе устрояеши царство Израилево (Дѣян. I, 6)?

1. Ученики, намѣреваясь о чемъ-нибудь спросить (Господа), приступаютъ къ Нему всѣ вмѣстѣ, — и это дѣлаютъ для того,

чтобы самою многочисленностію своею склонить Его къ отвѣту. Они знали, что прежнія слова Его — *о дни томъ никтоже вѣсть* (Мѳ. XXIV, 36)—сказаны были Имъ для отклоненія отъ Себя вопроса, — не по незнанію, но по нежеланію отвѣчать. Поэтому-то опять приступаютъ къ Нему и спрашиваютъ; а они не спросили бы, если бы дѣйствительно были убѣждены (въ Его незнаніи). Такъ какъ они услышали, что получатъ Духа Святого, то хотѣли узнать (то время), какъ уже достойные того и готовые избавиться (отъ бѣдъ). Они не хотѣли повергнуть себя въ опасности, но насладиться покоемъ, такъ какъ не маловажно было то, что уже съ ними случилось, а напротивъ, они находились въ крайней опасности. Поэтому-то, ничего не сказавъ Ему о Духѣ, они спрашиваютъ: *Господи, аще въ лѣто сіе устрояиши царствіе Израилево?* Не сказали: когда? но: не нынѣ ли? — такъ желали они узнать этотъ день. Поэтому-то и приступаютъ съ великою почтительностію. А мнѣ кажется, что они не совсѣмъ ясно и понимали, что такое было это царствіе, такъ какъ еще не были научены Духомъ. И не сказали: когда это будетъ?—но что? *Аще въ лѣто сіе устрояиши царствіе Израилево?*—какъ будто оно уже разрушилось. Такъ спрашивали они потому, что все еще привязаны были къ предметамъ чувственнымъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, въ какой прежде. Они еще не сдѣлались лучшими; впрочемъ, о Христѣ думали уже выше. А такъ какъ они возвысились, то и Онъ бесѣдуетъ съ ними возвышеннѣе; уже не говоритъ имъ, что *о дни томъ* даже и Сынъ не знаетъ (Марк. XIII, 32),—но что? *Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти* (ст. 7). Слишкомъ многаго, говоритъ, домогаетесь,—хотя, впрочемъ, они знали уже и то, что было гораздо важнѣе. А чтобы ты точно понялъ это,— 26
смотри, сколь многое я перечислю. Скажи мнѣ, что важнѣе того, что имъ было открыто? Они узнали, что Христосъ есть Сынъ Божій, и что Богъ имѣетъ Сына равночестнаго; узнали, что будетъ воскресеніе; узнали, что Христосъ вознесся и возсѣлъ одесную Отца. Узнали и то, что еще изумительнѣе этого,—что плоть сѣдитъ горѣ и что ей поклоняются ангелы. Узнали, что Господь опять придетъ судить весь міръ и что тогда и они сядутъ судіями двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ; узнали, что іудеи отвержены, а что вмѣсто нихъ войдутъ въ царствіе Божіе язычники. Знать, что это будетъ, — дѣло великое; а постигнуть, что кто-нибудь или когда-нибудь будетъ царствовать,—въ этомъ нѣтъ ничего великаго. Павелъ узналъ то, чего *не лѣть есть человѣку глаголати* (2 Кор. XII, 4), узналъ все, что предшествовало этому міру. Что труднѣе узнать: начало или конецъ? Очевидно,—первое. А это узналъ Моисей и, исчисляя годы, показываетъ, когда

(это было) и за сколько времени. Зналъ это и Соломонъ, почему и говорилъ: *помяну яже отъ вѣка* (Притч. VIII, 21). Итакъ. что (то время) близко, объ этомъ впослѣдствіи узнали и апостолы, какъ и Павелъ говоритъ: *Господь близъ, ни о чемъ же пецытеся* (Фил. IV, 5—6); но тогда еще не знали, хотя имъ и были указаны признаки. И Христосъ, какъ (прежде) сказалъ: *не по мнозѣхъ сихъ днехъ* (ст. 5), но точно не обозначилъ времени, желая, чтобы они бодрствовали, такъ поступаетъ и теперь. Съ другой стороны, и они здѣсь спрашиваютъ не о кончинѣ (міра), но о царствіи, почему и говорили: *аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево?* Но Онъ и этого не открылъ имъ. А о концѣ (міра) они также
27 спрашивали Его еще прежде этого; но тогда Онъ отвѣчалъ имъ съ большею суровостью, чтобы они не думали, что освобожденіе ихъ близко, и подвергъ ихъ опасностямъ, а теперь не такъ, но— съ большею кротостію. И чтобы (слова Его) не показались имъ обидными и только отговоркою, — послушай, какъ Онъ тотчасъ обѣщаетъ даровать имъ то, чему они обрадовались бы,—и именно, Онъ прибавилъ: *но пріимете силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете ми свидѣтели въ Іерусалимѣ же, и во всей Іудеи и Самаріи, и даже до послѣднихъ земли* (ст. 8). Затѣмъ, чтобъ они снова не стали спрашивать Его, Онъ тотчасъ вознесся. Поэтому, какъ тамъ Онъ омрачилъ ихъ страхомъ и тѣмъ, что сказалъ: не знаю, такъ и здѣсь—тѣмъ, что послѣ этихъ словъ вознесся. Они имѣли сильное желаніе знать объ этомъ и не отступили бы (отъ Христа), а между тѣмъ было весьма нужно, чтобы они не узнали. Скажи мнѣ: чему больше не вѣруютъ язычники,—тому ли, что будетъ кончина, или тому, что Богъ содѣлался человѣкомъ, произошелъ изъ утробы Дѣвы и явился къ людямъ съ плотію? Не послѣднему ли? Безъ сомнѣнія, такъ скажешь и ты. Но я стыжусь постоянно говорить объ этомъ, какъ о какомъ-нибудь безразличномъ предметѣ. А чтобы они въ свою очередь не сказали: для чего Ты такъ высоко цѣнишь это дѣло,—Онъ говоритъ: *яже Отецъ положи во своей власти.* Но вѣдь власть Отца и власть Его одна и та же, какъ это видно изъ того, что Онъ говоритъ: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ ихже хощетъ живитъ* (Іоан. V, 21). Если тамъ, гдѣ должно дѣйствовать, Онъ дѣйствуетъ съ тою же властію, какъ и Отецъ, то ужели тамъ, гдѣ надобно знать, Онъ знаетъ не съ тою же властію? Воскрешать мертвыхъ,— очевидно, дѣло гораздо большее, чѣмъ узнать тотъ день. Если же Онъ совершаетъ со властію дѣло важнѣйшее, то не гораздо ли скорѣе—дѣло другое, менѣе значительное?

2. Но, чтобы сдѣлать это для васъ понятнымъ, я объясню примѣромъ. Подобно тому, какъ мы, когда видимъ, что дитя

плачетъ и постоянно проситъ у насъ какой-нибудь ненужной ему вещи, подальше спрятавъ эту вещь, показываемъ пустыя руки и говоримъ: видишь, у насъ нѣтъ,—такъ и Христосъ поступилъ съ апостолами. Но то дитя, хотя мы и не показываемъ (просимой вещи), продолжаетъ плакать, зная, что его обманули. Тогда мы оставляемъ его и уходимъ, говоря: меня зоветъ такой-то, а ему даемъ взамѣнъ просимаго что-нибудь другое, чтобы отвлечь его отъ избранной имъ вещи, при чемъ хвалимъ эту свою вещь больше той, и, давши ее, удаляемся. Такъ поступилъ и Христосъ. Ученики просили; Онъ сказалъ, что у Него нѣтъ, и на первый разъ даже устрашилъ ихъ. Когда же они снова стали просить, Онъ опять сказалъ, что у Него нѣтъ, но только теперь не устрашаетъ ихъ, а показавъ то, что сдѣлалъ, высказываетъ и благовидную причину, именно: *Отецъ положи во своей власти*. Что же? Ты не знаешь того, что принадлежитъ Отцу? Его самого знаешь, а того, что принадлежитъ Ему, не знаешь? Ты самъ сказалъ: *ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ* (Мѳ. XI, 27). Притомъ (сказано): *Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор. II, 10); а Ты и этого не знаешь? Отнюдь нѣтъ. Онъ сказалъ это не для того, чтобъ мы такъ подумали; Онъ показываетъ Себя незнающимъ, чтобы отвлечь учениковъ отъ неумѣстнаго вопроса. Снова 28
спросить они побоялись, чтобы не услышать: ужели *и вы неразумливи есте* (Марк. VII, 18)? — потому что теперь они страшились Его гораздо больше, нежели прежде. *Но пріимете силу, нашедшу Святому Духу на вы*. Какъ тамъ Онъ отвѣчалъ не на то, о чемъ спрашивали,—потому что дѣло учителя—учить не тому, что хочетъ знать ученикъ, а тому, что полезно для него,—такъ и теперь предсказываетъ то, что имъ нужно было знать, чтобъ не бояться. Они были еще немощны, и, чтобы внушить имъ дерзновеніе, Онъ ободрилъ ихъ души и прикрылъ трудности. Такъ какъ Онъ скоро уже долженъ былъ оставить ихъ, то, бесѣдуя съ ними, не говоритъ прямо ничего скорбнаго; но какъ? Къ словамъ скорбнымъ присоединяетъ похвалу, какъ бы говоря: не бойтесь, потому что вы *пріимете силу нашедшу Святому Духу на вы, и будете ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи, и Самаріи*. Прежде Онъ сказалъ: *на путь языкъ не идите, и во градъ самарянскій не внидите* (Мѳ. X, 6), а теперь хочетъ, чтобы они проповѣдывали *во всей Іудеи и Самаріи;* поэтому, чего тогда не сказалъ, то теперь присовокупилъ, говоря: *и даже до послѣднихъ земли*. И послѣ того, какъ сказалъ имъ о томъ, что всего страшнѣе,—чтобы они опять не стали спрашивать Его,—*зрящимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ его отъ очію ихъ* (ст. 9). Видишь ли, что они проповѣдали и исполнили евангеліе? Поистинѣ, великое дѣло Онъ

даровалъ имъ! Гдѣ, говоритъ, вы боялись, въ Іерусалимѣ, тамъ сначала проповѣдуйте, а потомъ—*даже до послѣднихъ земли.* Затѣмъ опять удостовѣреніе въ сказанномъ: *зрящимъ имъ*, говоритъ (писатель), *взятся.* Они не видѣли, когда Онъ воскресъ, но видѣли, когда Онъ *взятся*, такъ какъ и здѣсь зрѣніе могло постигнуть не все. Воскресенія они увидѣли конецъ, но не видѣли начала; а вознесенія увидѣли начало, но не видѣли конца. Излишне было видѣть начало воскресенія, когда присутствовалъ самъ возвѣщавшій его, и когда гробъ показывалъ, что Его тамъ нѣтъ; а что послѣдовало за вознесеніемъ, то надобно было узнать изъ слова. Такъ какъ глаза не могли проникнуть въ высоту и показать, вознесся ли Онъ точно на небо, или — только какъ бы на небо, то смотри, что совершается. Что это былъ именно Іисусъ, они знали изъ того, что Онъ бесѣдовалъ съ ними, — такъ какъ зрѣніемъ, по дальности разстоянія, они не могли уже распознавать Его; а что Онъ взимается на небо, это уже объяснили имъ сами ангелы. Смотри, какъ устраивается, чтобы не все извѣстно было отъ Духа, но (нѣчто) — и отъ зрѣнія. Для чего же *облакъ подъятъ его?* И это служитъ знакомъ, что Онъ вознесся на небо. Не огонь, не колесница огненная, какъ было съ Иліею, *но облакъ подъятъ его;* а это было символомъ неба. Такъ и пророкъ говоритъ: *полагаяй облаки на восхожденіе свое* (Пс. CIII, 3),—хотя это сказано объ Отцѣ. Поэтому выраженіе: „на облакѣ“ значитъ: на символѣ божественной силы, такъ какъ на облакѣ нигдѣ не представляется никакая другая сила. Послушай опять, что говоритъ другой пророкъ: *Господь сѣдитъ на облацѣ легцѣ* (Ис. XIX, 1).

29 3. Это случилось тогда, когда вопросъ касался предмета важнаго, когда ученики были очень внимательны къ тому, что говорилось, когда они были возбуждены и не дремали. И на горѣ (синайской), когда Моисей вошелъ въ мракъ (Исх. XXIV, 15), облако было также ради Христа, а не ради Моисея. (Христосъ) не сказалъ только: Я отхожу, чтобы ученики опять не стали сѣтовать; но вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ: Я посылаю Духа. А что Онъ отходилъ на небо, это они видѣли своими глазами. О, какого видѣнія удостоились они! *И егда*, сказано, *взирающе бяху на небо, идущу ему, и се мужа два стаста предъ ними во одежди бѣлѣ, иже и рекоста: мужіе галилейстіи, что стоите зряще на небо? Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо* (ст. 10, 11). Употребляютъ слово указательное: *сей*, говорятъ, *вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте его идуща на небо* (ст. 11). Опять свѣтлый образъ! Нѣкіе ангелы, облекшись въ человѣческій образъ, внезапно предстали и говорятъ: *мужіи галилейстіи.* Потому самому, что сказали: *мужіе галилейстіи*, они уже казались учени-

камъ достойными вѣры. А еслибы не это было ихъ цѣлію, то къ чему бы имъ нужно было указывать ученикамъ на ихъ отечество, имъ извѣстное? И самымъ видомъ своимъ они привлекли къ себѣ учениковъ и показывали, что они—съ неба. Почему же не самъ Христосъ говоритъ это ученикамъ, но ангелы? Онъ самъ обо всемъ бесѣдовалъ съ ними прежде, такъ что черезъ ангеловъ только напоминаетъ имъ то, что они уже слышали. И не сказали (ангелы): кого вы видѣли вознесеннымъ, но: кого видѣли *идуща на небо*,—чтобы показать, что Его вознесеніе есть восшествіе; а плоти свойственно быть вознесенной. Поэтому говорятъ: *вознесыйся отъ васъ, такожде пріидетъ*,—не посланъ будетъ, но *пріидетъ*. Гдѣ же меньшинство (Сына)? *Облакъ подъятъ его.* Прекрасно,—такъ какъ Онъ самъ восшелъ на облако, почему восшедшій есть Тотъ же самый, Который и нисшелъ (Еф. IV, 10). Но ты смотри, какъ одно говорится примѣнительно къ ихъ мыслямъ, а другое—сообразно съ достоинствомъ Божіимъ. Впрочемъ, и умъ смотрѣвшихъ теперь возвысился; Господь даровалъ имъ не малое познаніе втораго пришествія. Слова: *такожде пріидетъ* означаютъ то, что Онъ придетъ съ тѣломъ,—такъ какъ это они желали услышать, и что опять придетъ на судъ такимъ же образомъ,—на облакѣ. *И се*, сказано, *мужа два стаста*. Почему сказано: *мужа*? Потому, что (ангелы) приняли совершенный образъ мужей, чтобы (ученики) не испугались. *Иже и рекоста: что стоите, зряще на небо?* Такими словами они и обнаруживаютъ привѣтливость, и не позволяютъ имъ тотчасъ же ожидать Его возвращенія. Что важнѣе, о томъ они говорятъ, а о менѣе важномъ умалчиваютъ. Что Онъ *такожде пріидетъ*, и что Его должно ожидать съ неба, это говорятъ; а когда, о томъ умалчиваютъ. Такимъ образомъ они отвлекли учениковъ отъ того зрѣлища и обратили ихъ къ своей рѣчи, чтобы ученики, не имѣя уже возможности видѣть Христа, не подумали, что Онъ не вознесся, но остановились мыслію на ихъ словахъ. Если и прежде ученики говорили: *камо идеши* (Іоан. XIII, 36), то тѣмъ больше сказали бы теперь. *Аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево?* Столько знали они Его кротость, что и послѣ страданій спрашиваютъ Его: *аще устрояеши?* Правда, Онъ уже прежде сказалъ имъ: *услышати имате брани и слышанія бранемъ, но не тогда есть кончина*, и Іерусалимъ еще не будетъ плѣненъ (Мѳ. XXIV, 6); но теперь они спрашиваютъ о царствіи, а не о кончинѣ. Впрочемъ, послѣ 30
воскресенія Онъ уже не продолжительное простираетъ къ нимъ слово. Они спрашиваютъ, полагая, что и сами окажутся въ славѣ, если это сбудется; но Онъ не объявилъ, устроитъ ли (это царство), или нѣтъ. Для чего имъ нужно было знать о томъ? По-

этому-то, убоявшись, они уже не сказали: *что есть знаменіе твоего пришествія и кончины вѣка* (Мѳ. XXIV, 3)? но: *аще устрояеши царствіе Исраилево?* Они думали, что оно уже открылось; между тѣмъ, Онъ и въ притчахъ показалъ, что оно не близко; и когда спросили Его, то отвѣчалъ не на вопросъ, а слѣдующее: *пріимете силу нашедшу Святому Духу на вы.* Смотри: не сказалъ, что (Духъ) будетъ посланъ, но: *нашедшу*,—чтобы показать Его равночестность. Какъ же ты, духоборецъ, дерзаешь называть Его тварію? *И будете ми свидѣтели.* Сдѣлалъ намекъ на вознесеніе, — или лучше, и теперь снова напомнилъ имъ о томъ, о чемъ они уже слышали раньше. Уже было показано, что Онъ восшелъ на небо. *Облакъ и мракъ,* сказано, *подъ ногама его* (Пс. XCVI, 2; XVII, 10); а это и значатъ слова: *облакъ подъятъ его*, то есть, Владыку неба. Какъ колесница царская указываетъ царя, такъ и къ Нему послана была царская колесница, чтобы ученики не говорили ничего скорбнаго и не потерпѣли того же, что Елиссй, растерзавшій ризу, когда учитель его вознесся. Что же говорятъ (ангелы)? *Сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде пріидетъ.* Притомъ (сказано): *се мужа два стаста предъ ними.* Такъ и слѣдовало, потому что *при устѣхъ двою свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* (2 Кор. XIII, 1). Такъ именно они и говорятъ. *Во одежди,* сказано, *бѣлѣ.* Какъ прежде при гробѣ (жены) уже видѣли ангела *въ ризахъ блещащихся* (Лук. XXIV, 4), который и возвѣстилъ имъ то, о чемъ они думали, такъ и свидѣтелемъ вознесенія Христова является ангелъ. Впрочемъ, объ этомъ, какъ и о воскресеніи, многократно предсказывали и пророки.

4. Ангелы вездѣ являются вѣстниками, напримѣръ, при рождествѣ Христовомъ, опять при (благовѣщеніи) Маріи, какъ и при воскресеніи; такъ точно—и при вознесеніи; да и при второмъ пришествіи ангелы явятся предтечами. Такъ какъ они сказали: *сей Іисусъ, вознесыйся отъ васъ*, то, чтобы не привести учениковъ въ недоумѣніе,—присовокупили: *такожде пріидетъ.* Ученики нѣсколько успокоились, услышавъ, что Онъ опять придетъ, и придетъ такъ же, и не будетъ недоступенъ. Не безъ причины поставлено и слово: *отъ васъ*, но оно показываетъ любовь Христа къ ученикамъ, ихъ избраніе, и то, что Онъ не оставитъ тѣхъ, кого избралъ. Такимъ образомъ о воскреніи свидѣтельствовалъ самъ Христосъ, такъ какъ послѣ рождества, или лучше, и до рождества всего удивительнѣе было то, что Онъ воскресилъ самъ Себя: *разорите,* говорилъ Онъ, *церковь сію и треми денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19); а о будущемъ пришествіи свидѣтельствуютъ ангелы, говоря: *такожде пріидетъ.* Итакъ, если кто желаетъ увидѣть Христа, если кто скорбитъ, что не видѣлъ Его, тотъ, услышавъ объ Его бу-

дущемъ пришествіи, пусть ведетъ совершенную жизнь, и тогда непремѣнно увидитъ Его, и не обманется въ надеждѣ. Онъ придетъ съ большею славою, но также на облакѣ, также съ тѣломъ; и гораздо удивительнѣе увидѣть Его сходящимъ съ неба, чѣмъ восходящимъ отъ земли. Что Онъ придетъ, ангелы сказали; но—
для чего, этого не присовокупили. Это служитъ подтвержденіемъ 31
воскресенія, потому что если Онъ съ тѣломъ вознесся, то тѣмъ болѣе съ тѣломъ воскресъ. Гдѣ невѣрующіе воскресенію? Кто они, скажи мнѣ? Язычники, или христіане? Я не знаю, или лучше, я вполнѣ знаю. Это — язычники, невѣрующіе въ самое созданіе твари. Это именно ихъ дѣло — не допускать, что Богъ творитъ что-нибудь изъ ничего, и не признавать, что Онъ воскреситъ погребенное. Но они стыдятся, что не признаютъ силы Божіей, и отсюда, во избѣжаніе упрека за это, говорятъ: не потому мы это говоримъ, но потому, что нѣтъ нужды въ тѣлѣ. Поистинѣ благовременно сказать: *юродъ юродивая изречетъ* (Ис. xxxii, 6). Вы не стыдитесь, когда не допускаете, что Богъ творитъ изъ ничего? Но, если Онъ творитъ изъ чего-либо существующаго, то чѣмъ различается отъ людей?

Но откуда, говорятъ, зло? Ужели же потому, что не знаешь, откуда зло, ты долженъ привносить другое зло—въ познаніи зла? Здѣсь двѣ несообразности: первая—та, что ты дерзаешь говорить такъ; вѣдь если ты не признаешь, что Богъ творилъ существующее изъ ничего, то тѣмъ болѣе не узнаешь, откуда зло; а вторая—та, что, говоря такъ, ты вводишь зло нерожденное. Подумай, какъ худо—желать найти источникъ зла, но, не узнавъ его, привнесть еще другой! Ищи, откуда зло, и не хули Бога. Но какъ, скажешь, я хулю? Что ты говоришь? Развѣ ты не хулишь, когда вводишь нерожденное зло, когда допускаешь, что оно равномощно Богу, что оно имѣетъ такую же силу, что оно нерожденно? Смотри, что говоритъ Павелъ: *невидимая бо его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть* (Рим. i, 20); а діаволъ, напротивъ, сказалъ, что то и другое изъ вещества, чтобы мы ни откуда уже не познали Бога. Что труднѣе, скажи мнѣ: злое ли по естеству сдѣлать прекраснымъ (если только оно существуетъ: говорю сообразно съ вашимъ мнѣніемъ, потому что нельзя сдѣлать ничего, по естеству злого, содѣйствующимъ добру), или — сотворить изъ ничего? Что легче—говорю о качествѣ—ввести ли несуществующее качество, или существующее превратить въ противоположное ему? Что легче — не существующій домъ построить, или домъ разоренный вновь перестроить? Очевидно, — первое. Но это (по вашему мнѣнію) невозможно. Слѣдовательно, какъ невозможно это, такъ невозможно и то, то есть — превращать что-нибудь въ противоположное ему.

5. Скажи мнѣ: что труднѣе—приготовить ли муро, или заставить грязь производить дѣйствія мура? Что изъ двухъ удобоисполнимѣе, скажи мнѣ (мы подчиняемъ Бога нашимъ умозаключеніямъ, но это не мы—нѣтъ, а вы): устроить ли глаза, или сдѣлать, чтобы слѣпой, оставаясь слѣпымъ, видѣлъ, былъ острѣе зрячаго, пользовался слѣпотою для того, чтобы видѣть, и глухотою, чтобы слышать? Мнѣ кажется, первое. Значитъ, что труднѣе, то, скажи мнѣ, предоставляешь ты Богу, а что легче, того—нѣтъ? Но что я говорю объ этомъ? И самыя души, по ихъ мнѣнію, происходятъ изъ существа Божія. Но смотри, сколько (въ ихъ ученіи) нечестиваго и безсмысленнаго. Во-первыхъ, желая показать, что зло отъ Бога, они вводятъ другое зло, болѣе нечестивое, чѣмъ это: говорятъ, что зло современно Богу, и что Богъ нисколько не старше его, — дерзая такимъ образомъ при-
32 писывать и злу столь великое преимущество. Во-вторыхъ, говорятъ, что зло и безсмертно, потому что нерожденное не погибаетъ. Видите, какая хула? Отсюда необходимо (слѣдуетъ) или то, что отъ Бога ничто не произошло, или то, что и Бога нѣтъ. Въ-третьихъ, этимъ, какъ я уже сказалъ, они противорѣчатъ и сами себѣ и воздвигаютъ на себя еще большій гнѣвъ Божій. Въ-четвертыхъ, веществу, которое не можетъ само по себѣ существовать (ὕλη ἄστατος), они приписываютъ такую великую силу. Въ-пятыхъ, говорятъ, что причиной благости Божіей было зло, и что безъ него Благій не былъ бы Благимъ. Въ-шестыхъ, они преграждаютъ для насъ пути къ богопознанію. Въ-седьмыхъ, Бога низводятъ въ людей, въ растенія и деревья. Вѣдь если наша душа изъ существа Божія, а при переселеніи она переходитъ и въ тыквы, и въ дыни, и въ луковицы, то, слѣдовательно, существо Божіе будетъ и въ тыквахъ. Если мы скажемъ, что Духъ Святый образовалъ храмъ въ Дѣвѣ, — они смѣются; если скажемъ, что Онъ обиталъ въ храмѣ духовномъ,—опять смѣются; а сами не стыдятся низводить существо Божіе въ тыквы, дыни, въ мухъ, гусеницъ и ословъ, изобрѣтая нѣкоторый новый образъ идолослуженія. „Но не луковица (говоришь) въ Богѣ, а Богъ въ луковицѣ,—да не будетъ луковица Богомъ". Отчего ты не допускаешь переселенія Бога въ тѣла? „Низко", говоришь. Въ такомъ случаѣ еще болѣе низко то (что ты говоришь). „Нѣтъ, не низко". Такъ ли? По крайней мѣрѣ, у насъ, — еслибы это было, — поистинѣ низко. Видите ли скопище нечестія? Но почему не хотятъ они, чтобы тѣло воскресло? Что они скажутъ? Что тѣло—зло? Откуда же, скажи мнѣ, знаешь ты Бога? Откуда имѣешь познаніе о сущемъ? Какимъ образомъ и философъ бываетъ философомъ, если тѣло нисколько ему не содѣйствуетъ?

Повреди чувства и узнай что-нибудь изъ того, что нужно знать. Что было бы несмысленнѣе души, еслибы она съ самаго начала имѣла поврежденныя чувства? Если поврежденіе одного только члена, то есть, мозга, бываетъ для ней совершенно пагубно, то къ чему она будетъ годна, если и другіе будутъ повреждены? Покажи мнѣ душу безъ тѣла. Развѣ не слышишь, что говорятъ врачи: постигшая болѣзнь совершенно омрачаетъ душу? Долго ли вы не повѣситесь? Скажи мнѣ: тѣло изъ вещества? Хорошо. Поэтому слѣдовало бы ненавидѣть его. Зачѣмъ же ты питаешь его, зачѣмъ грѣешь? Тебѣ бы поэтому должно было умертвить себя; должно было бы освободить себя изъ узилища. Притомъ еще (говорятъ): Богъ не можетъ побѣдить вещества (ὕλη), если не смѣшается съ нимъ; Онъ не можетъ повелѣвать ему, доколѣ не будетъ вмѣстѣ съ нимъ и не распространится по всему его составу. Какое безсиліе! И царь все дѣлаетъ, давая повелѣнія; а Богъ не можетъ повелѣвать зломъ? Вообще же, еслибы вещество не было причастно какому-нибудь добру,—оно не могло бы существовать. Вѣдь зло, по своей природѣ не можетъ существовать, если не будетъ соединено съ какимъ-нибудь добромъ; поэтому, еслибы оно раньше не было смѣшано съ добромъ, то давно бы погибло, — таково уже свойство зла. Пусть кто-нибудь будетъ сластолюбивъ и пусть нисколько не сдерживаетъ себя: проживетъ ли онъ десять дней? Пусть будетъ кто разбойникомъ, безсовѣстнымъ въ отношеніи ко всѣмъ, даже и въ отношеніи къ другимъ разбойникамъ: останется ли онъ живъ? Пусть будетъ кто безстыднымъ 33
воромъ, который, не краснѣя, публично воруетъ: сохранитъ ли такой свою жизнь? Зло не можетъ существовать само по себѣ, если не будетъ въ немъ, хотя не много, чего-нибудь добраго; слѣдовательно, по ихъ ученію, оно получило свое начало отъ Бога. Пусть будетъ городъ, населенный людьми злыми: можетъ ли онъ существовать? И пусть эти люди будутъ злы не для добрыхъ только, но и для себя самихъ: очевидно, (такому городу) невозможно существовать. Поистинѣ, *глаголющеся быти мудри объюродѣша* (Рим. I, 22). Если тѣло — зло, то и все безъ различія видимое — и вода, и земля, и солнце, и воздухъ — также зло, потому что и воздухъ — тѣло, хотя не плотное и не твердое. Поэтому благовременно сказать: *повѣдаша мнѣ законопреступницы* 34
глумленія (Пс. CXVIII, 85). Но не будемъ внимать имъ; напротивъ, заградимъ отъ нихъ слухъ. Есть, подлинно есть воскресеніе тѣлъ. Это показываетъ гробъ въ Іерусалимѣ; это (показываетъ) древо, къ которому Христосъ былъ привязанъ, когда былъ бичуемъ. *Съ нимъ*, говорили (о Христѣ апостолы), *ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. X, 41). Будемъ же вѣровать воскресенію и поступать достойно его, чтобы

сподобиться и будущихъ благъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, со Св. Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

33 Тогда возвратишася апостолы во Іерусалимъ отъ горы, нарицаемыя Елеонъ, яже есть близъ Іерусалима, субботы имущія путь (Дѣян. I, 12).

1. *Тогда возвратишася.* Когда же—*тогда?* Когда выслушали (слова ангеловъ). Ученики вообще не перенесли бы (разлуки съ Господомъ), еслибъ имъ не было обѣщано, что Онъ придетъ въ другой разъ. И мнѣ кажется, что это случилось въ субботу: иначе писатель не обозначилъ бы такимъ образомъ разстоянія, не сказалъ бы: *отъ горы, нарицаемыя Елеонъ, яже есть близъ Іерусалима, субботы имущія путь,* — если бы не въ день субботній прошли они опредѣленное для этого дня пространство пути. *И егда внидоша, взыдоша на горницу, идѣже бяху пребывающе* (ст. 13). Значитъ, уже въ Іерусалимѣ они оставались послѣ воскресенія. *Петръ же,* сказано, *и Іаковъ, и Іоаннъ.* Уже упоминаются не одинъ Іоаннъ съ братомъ, но и Андрей съ Петромъ: *Филиппъ и Ѳома, Варѳоломей и Матѳей, Іаковъ Алфеовъ и Симонъ Зилотъ, и Іуда Іаковль.* Не безъ причины упомянулъ поименно объ ученикахъ: такъ какъ одинъ изъ нихъ сдѣлался предателемъ, другой отрекся, третій не повѣрилъ, то онъ показываетъ, что, кромѣ одного предателя, всѣ были цѣлы. *Сіи вси бяху терпяще единодушно въ молитвѣ и моленіи съ женами* (ст. 14). Прекрасно! Молитва—сильное оружіе среди искушеній. Этому, съ одной стороны, они уже были достаточно научены самимъ Учителемъ, а съ другой — къ тому же ихъ располагало и настоящее искушеніе: потому они и восходятъ на горницу, что сильно боялись іудеевъ. *Съ женами,*—говоритъ (писатель), такъ какъ (въ евангеліи) онъ сказалъ, что онѣ слѣдовали за Христомъ. *И Маріею, матеріею Іисусовою, и съ братіею его.* Но какъ же (Іоаннъ) говоритъ, что тогда ученикъ *поятъ ю во своя си?* Послѣ того, какъ Христосъ снова собралъ учениковъ, и она была опять съ ними. *Съ братіею его,*—говоритъ о тѣхъ, которые прежде не вѣрили Христу. *И во дни тыя, воставъ Петръ посредѣ ученикъ, рече* (ст. 15). Петръ всегда первый начинаетъ говорить, частію по живости своего характера, а частію потому, что Христосъ ввѣрилъ ему Свое стадо и онъ былъ первымъ въ ликѣ (апостоловъ). *Бѣ же именъ народа вкупѣ яко сто*
34 *и двадесять: мужіе братіе, подобаше скончатися писанію сему, еже*

предрече Духъ Святый (ст. 16). Почему онъ не отъ своего только лица просилъ Христа дать ему кого-нибудь вмѣсто Іуды? Или почему апостолы (всѣ вмѣстѣ) не дѣлаютъ выбора сами собою? Петръ сдѣлался теперь лучше, чѣмъ былъ прежде: такъ можно отвѣтить на первый вопросъ. Что же касается до того, почему не просто, а посредствомъ откровенія они просятъ восполнить свое собраніе,—на это я укажу двѣ причины: первая—та, что они заняты были другимъ дѣломъ; а другая—та, что это служило наибольшимъ доказательствомъ, что Христосъ пребывалъ съ ними. Онъ, и отсутствуя (видимымъ образомъ), самъ избралъ такъ же точно, какъ и тогда, когда былъ съ ними: а это служило для нихъ немаловажнымъ утѣшеніемъ. Но смотри, какъ Петръ все дѣлаетъ съ общаго согласія и не распоряжается ничѣмъ самовольно и какъ начальникъ. И онъ не сказалъ просто такъ: „на мѣсто Іуды мы избираемъ такого-то"; но, чтобы успокоить учениковъ относительно совершившагося, посмотри, какъ начинаетъ свою рѣчь. Это событіе, дѣйствительно, произвело въ нихъ не малое недоумѣніе; и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: если и теперь многіе разсуждаютъ о немъ, то что естественно слѣдовало говорить имъ тогда? *Мужіе*, говоритъ онъ, *братіе*. Если Господь назвалъ ихъ братіями, то тѣмъ приличнѣе было такое обращеніе Петру, потому-то онъ и восклицаетъ такъ въ присутствіи всѣхъ. Вотъ достоинство церкви и ангельское ея состояніе! Никто тогда не былъ отдѣленъ отъ другихъ, ни мужчина, ни женщина. И мнѣ желательно, чтобы таковы были церкви и теперь. Никто тогда не заботился о чемъ-либо житейскомъ, никто не безпокоился о домѣ. Вотъ какъ полезны искушенія! Вотъ какое благо—напасти! *Подобаше скончатися писанію сему, еже предрече Духъ Святый*. Постоянно утѣшаетъ ихъ пророчествомъ. Такъ при всякомъ случаѣ поступаетъ и Христосъ. Такимъ же точно образомъ и Петръ показываетъ, что въ этомъ событіи нѣтъ ничего страннаго, но что оно уже было предсказано. *Подобаше*, говоритъ онъ, *скончатися писанію сему, еже предрече Духъ Святый усты Давидовыми*. Не говоритъ: сказалъ Давидъ, но: Духъ чрезъ него. Вотъ замѣть уже въ самомъ началѣ книги, какимъ пользуется онъ ученіемъ. Видишь ли, я не напрасно сказалъ въ началѣ настоящаго произведенія, что эта книга (изображаетъ) устроеніе (πολιτεία) Духа. *Еже предрече Духъ Святый усты Давидовыми*. Смотри, какъ усвояетъ себѣ пророка и выставляетъ на видъ его изреченіе, зная, что для нихъ будетъ полезно то, что это изреченіе принадлежитъ Давиду, а не другому пророку.
О Іудѣ, бывшемъ вожди. Замѣть и здѣсь любомудріе этого чело- 35
вѣка: онъ не поноситъ и не безчеститъ (Іуду), не говоритъ, что онъ

былъ злодѣй и самый ужасный злодѣй, но просто поясняетъ, что произошло. Не называетъ даже его и предателемъ, а старается, сколько это было для него возможно, сложить вину на другихъ. Впрочемъ, и тѣхъ не сильно обвиняетъ: *бывшемъ*, говоритъ, *вожди емшимъ Іисуса*. И прежде, чѣмъ указалъ мѣсто, гдѣ находится это изреченіе Давида, напоминаетъ объ участи, постигшей Іуду, чтобы чрезъ настоящее удостовѣрить и въ будущемъ и показать, что (Іуда) уже получилъ наказаніе. *Яко причтенъ бѣ съ нами и пріялъ бяше жребій службы сея. Сей убо стяжа село отъ мзды неправедныя* (ст. 17, 18). Изображаетъ нравъ (Іуды) и непримѣтно обнаруживаетъ (его) вину, достойную наказанія. Не говоритъ: „Іудеи (стяжали)“, но: „онъ стяжалъ село“. И такъ какъ люди съ слабой душею смотрятъ не столько на будущее, сколько на настоящее,—онъ расказываетъ о наказаніи, постигшемъ его въ настоящей жизни. *И ницъ бывъ проспѣдеся посредѣ*. Прекрасно поступилъ, остановивъ свою рѣчь не на преступленіи Іуды, а на постигшемъ его наказаніи. *И изліяся вся утроба его*. Это служило для нихъ утѣшеніемъ. *И разумно бысть всѣмъ живущимъ во Іерусалимѣ, яко нарѣщися селу тому своимъ ихъ языкомъ Акелдама, еже есть село крове* (ст. 19).

2. Іудеи дали такое названіе селу не ради села, а ради Іуды; а Петръ перенесъ его на самое село и въ свидѣтели привелъ самихъ враговъ. И тѣмъ, что сказалъ: „назвали“, и тѣмъ, что присовокупилъ: *своимъ ихъ языкомъ*,—онъ, дѣйствительно, хочетъ это выразить. Затѣмъ, указавъ сначала на событіе, онъ прилично приводитъ пророчество и говоритъ: *пишется бо въ книзѣ псаломстѣй: да будетъ дворъ ихъ пустъ и да не будетъ живущаго въ немъ* (ст. 20; Пс. LXVIII, 26). Это (говорится) о селѣ и о домѣ. *И епископство его да пріиметъ инъ*, т. е., начальство, священство. Слѣдовательно, не по моей мысли это совершается, а по волѣ Того, Кто это предрекъ. Чтобы не показалось, будто онъ берется за дѣло слишкомъ великое, за такое, какое совершалъ Христосъ,—онъ въ свидѣтели привелъ пророка. *Подобаетъ убо*, говоритъ, *отъ сходившихся съ вами мужей во всякое лѣто* (ст. 21). Зачѣмъ онъ совѣтуется съ ними? Чтобы это дѣло не сдѣлалось предметомъ спора, чтобы между ними не вышло распри. Вѣдь если это случилось съ самими (апостолами), то тѣмъ скорѣе (могло случиться) съ тѣми людьми. Этого онъ всегда избѣгаетъ; потому и говорилъ въ самомъ началѣ: *мужіе братіе*, нужно избрать изъ насъ. Онъ предоставляетъ это дѣло на судъ большинства, а чрезъ то и избираемыхъ выставляетъ достопочтенными, и отъ себя отклоняетъ вражду со стороны другихъ, такъ какъ подобныя дѣла всегда порождаютъ большое зло. И вотъ, что надобно такъ поступить,

(избрать), этому въ свидѣтели онъ приводитъ пророка; а изъ какихъ лицъ надобно (сдѣлать выборъ), это онъ объясняетъ самъ, говоря: *отъ сходившихся съ нами во всякое лѣто.* Если бы онъ сказалъ: надобно, чтобы это были люди способные, — онъ оскорбилъ бы остальныхъ; а теперь онъ дѣло предоставилъ времени, сказавъ не просто: *сошедшихся,* но: *во всякое лѣто, въ неже вниде и изыде въ насъ Господь Іисусъ, наченъ отъ крещенія Іоаннова даже до дне, въ онь же вознесеся отъ насъ, свидѣтелю воскресенія его быти съ нами единому отъ сихъ* (ст. 21, 22). Для чего это? Чтобы ликъ (апостольскій) не оставался не полнымъ. Что же? Развѣ самому Петру нельзя было избрать? Очень можно. Но 36
онъ этого не дѣлаетъ, чтобы не показаться пристрастнымъ; а съ другой стороны,—онъ не получилъ еще и Святаго Духа. *И поставиша,* сказано, *два, Іосифа, нарицаемаго Варсаву, иже нареченъ бысть Іустъ, и Матѳія* (ст. 23). Не самъ Петръ поставилъ ихъ, но—всѣ; а мнѣніе подалъ онъ, показавъ, впрочемъ, что и оно принадлежитъ не ему, а издревле уже (возвѣщено) въ пророчествѣ, такъ что онъ былъ лишь толкователь, а не наставникъ. *Іосифа, нарицаемаго Варсаву, иже нареченъ бысть Іустъ.* Писатель поставилъ и то и другое названіе, быть можетъ, потому, что (у Іосифа) были соименники, такъ какъ и между апостолами было много соименниковъ, напримѣръ: Іаковъ Зеведеевъ и Іаковъ Алфеевъ, Симонъ Петръ и Симонъ Зилотъ, Іуда Іаковлевъ и Іуда Искаріотскій. Съ другой стороны, это названіе могло быть дано ему и вслѣдствіе перемѣны жизни, а, можетъ быть, и по его желанію. *И поставиша два, Іосифа, нарицаемаго Варсаву, иже нареченъ бысть Іустъ, и Матѳія. И помолившеся, рѣша: ты, Господи, сердцевѣдче всѣхъ, покажи, егоже избралъ еси отъ сею двою единаго, пріяти жребій служенія сего и апостольства, изъ негоже испаде Іуда, ити въ мѣсто свое* (ст. 23—25). Прилично упоминаютъ о преступленіи Іуды и тѣмъ показываютъ, что ищутъ свидѣтеля не для того, чтобъ увеличивать число (апостоловъ), но для того, чтобы не дать ему уменьшиться. *И даша жребія има,* такъ какъ Святаго Духа еще не было съ ними, *и паде жребій на Матѳія, и причтенъ бысть ко единонадесяти апостоломъ* (ст. 26). *Тогда,* сказано, *возвратишася во Іерусалимъ отъ горы, нарицаемыя Елеонъ, яже есть близъ Іерусалима, субботы имущія путь* (ст. 12). Такъ говоритъ (писатель), желая показать, что они не дальній предпринимаютъ путь, чтобы не подвергнуться какой-либо опасности, такъ какъ они все еще трепетали и боялись. *И егда внидоша, взыдоша на горницу* (ст. 13). Они не смѣли появиться въ городѣ и не напрасно взошли на горницу, но за тѣмъ, чтобы не легко было захватить ихъ въ расплохъ. *И бяху терпяще единодушно въ*

молитвѣ (ст. 14). Видишь ли, какъ они бодрствовали, *терпяще въ молитвѣ*, и притомъ, *терпяще единодушно*, какъ бы одною душею? Въ этихъ словахъ заключается свидѣтельство о томъ и другомъ. Іосифа, можетъ быть, уже не было въ живыхъ; поэтому о немъ (здѣсь) и не упоминается. Невозможно, чтобы этотъ человѣкъ, который прежде всѣхъ увѣровалъ (во Христа), не былъ вѣрующимъ теперь, когда и братья увѣровали. Поэтому-то, конечно, нигдѣ и не видно, чтобы онъ когда-либо смотрѣлъ на Христа, какъ на (простого) человѣка, между тѣмъ какъ Мать говорила: *се отецъ твой и азъ болящe искахомъ тебе* (Лук. II, 48). Итакъ онъ позналъ Его прежде всѣхъ; а братьямъ Христосъ говорилъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ, мене же ненавидитъ* (Іоан. VII, 7). Посмотри и на скромность Іакова: онъ принялъ епископство въ Іерусалимѣ, и однако—въ настоящемъ случаѣ не говоритъ ничего. Замѣть также глубокое смиреніе и остальныхъ учениковъ: они уступаютъ ему престолъ и не спорятъ уже между собою, такъ что та Церковь была, какъ бы на небѣ; въ ней не было ничего житейскаго; она блистала не стѣнами и не мраморомъ, но ревностію лицъ, ее составлявшихъ. *Яко сто и двадесять*, сказано, было ихъ. Въ томъ числѣ, вѣроятно, были семьдесятъ учениковъ, которыхъ избралъ самъ Христосъ, а равно и другіе изъ числа ревностнѣйшихъ по вѣрѣ, напр. Іосифъ и Матѳій; были и многія жены, которыя слѣдовали за Нимъ и всегда были вмѣстѣ.

37 3. Такова заботливость наставника! Онъ первый поставилъ учителя. Не сказалъ: достаточно и насъ,—такъ онъ былъ чуждъ всякаго тщеславія, и стремился лишь къ одной цѣли, хотя и не одинаковое со всѣми имѣлъ значеніе. Впрочемъ, это было совершенно естественно по причинѣ добродѣтели этого человѣка, а также и потому, что въ то время начальство составляло не честь, а заботу о подчиненныхъ. Отсюда происходило, что и тѣ, кого избирали, не гордились, потому что были призываемы на опасности; и тѣ, кто не былъ избранъ, не скорбѣли, потому что не считали этого для себя безчестіемъ. Но теперь уже бываетъ не такъ, а совершенно напротивъ. Смотри: ихъ было сто двадцать человѣкъ, а изъ всего этого множества онъ требуетъ (чтобы они избрали) одного,—и (требуетъ) справедливо. Онъ первый распоряжается въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ ему ввѣрены всѣ. Вѣдь ему сказалъ Христосъ: *и ты нѣкогда обращся, утверди братію твою* (Лук. XXII, 32). *Яко причтенъ бѣ*, говоритъ, *съ нами;* а потому надобно назначить другого, чтобы онъ сдѣлался свидѣтелемъ на мѣсто Іуды. И смотри, какъ онъ подражаетъ своему Учителю: всюду разсуждаетъ на основаніи Писанія и отнюдь ничего не го-

ворить о Христѣ, что Онъ часто это предсказывалъ. Не указываетъ и на тѣ мѣста Писанія, гдѣ упоминается о предательствѣ Іуды, напр.: *уста грѣшнича и уста льстиваго на мя отверзошася* (Псал. CVIII, 2); но приводитъ только то мѣсто, гдѣ упомянуто объ его наказаніи, такъ какъ теперь только объ этомъ и полезно было имъ узнать. Здѣсь опять особенно видно человѣколюбіе Господа. *Яко причтенъ бѣ*, говоритъ, *съ нами и пріялъ бяше жребій службы сея*. Вездѣ называетъ его жребіемъ и тѣмъ показываетъ, что здѣсь все—дѣло благодати Божіей и дѣло избранія,—и вмѣстѣ напоминаетъ имъ о временахъ древнихъ, выражая мысль, что Богъ сдѣлалъ его своимъ жребіемъ такъ же, какъ и левитовъ. Затѣмъ, продолжая говорить о немъ, замѣчаетъ, что награда за его предательство сдѣлалась торжественною вѣстницею и его наказанія. *Стяжа*, говоритъ, *село отъ мзды неправедныя*. Замѣть, какъ это событіе совершилось по устроенію Божію. *Неправедныя*. Много неправдъ; но никогда не было ничего неправеднѣе этой неправды; это—по преимуществу дѣло неправедное. И это сдѣлалось извѣстнымъ не однимъ лишь современникамъ, но и всѣмъ жившимъ послѣ того. Іудеи невольно, сами того не зная, дали названіе (селу), подобно тому, какъ и Каіафа предрекъ, не зная самъ о томъ. Богъ побудилъ ихъ назвать его по-еврейски: Акелдама. Отсюда уже можно было предусматривать и тѣ бѣдствія, какія имѣли постигнуть іудеевъ. Далѣе показываетъ, что отчасти уже сбылось предсказаніе, которое говоритъ: *добро было бы ему, аще не бы родился человѣкъ той* (Мѳ. XXVI, 24). Это же самое можно приложить и къ іудеямъ, потому что, если бывшій вождь (подвергся такой участи), то еще съ большею справедливостію (должны были испытать ее) эти люди. Но (Петръ) пока еще не говоритъ ничего такого. Затѣмъ, чтобы показать, что (это поле) по всей справедливости названо Акелдама, онъ приводитъ изреченіе пророка: *да будетъ дворъ его пустъ*. И что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть пустыннѣе села, обращеннаго въ кладбище? И это село естественно можетъ быть названо *его селомъ*. Кто внесъ слѣдующую за него плату, тотъ справедливо и долженъ считаться господиномъ этого великаго запустѣнія, хотя бы и другіе купили его. Это запустѣніе,—если внимательно вникнуть въ дѣло,—служитъ уже началомъ іудейскаго запустѣнія. Извѣстно, что іудеи губили себя голодомъ и многихъ умертвили, и что городъ ихъ обратился въ кладбище для чужестранцевъ, для воиновъ: имъ не позволяли погребать (умершихъ), потому что ихъ считали недостойными даже погребенія. *Подобаетъ убо*, говоритъ, *отъ сходившихся съ нами мужей*. Смотри,—онъ хочетъ, чтобы это были очевидные свидѣтели. Хотя и имѣлъ придти къ нимъ Духъ Свя-

тый, при всемъ томъ, на это дѣло была обращена крайняя заботливость. *Отъ сходившихся съ нами мужей*, говоритъ, *во всяко лѣто, въ неже вниде и изыде въ насъ Господь Іисусъ.* Этимъ показываетъ, что они жили вмѣстѣ съ Нимъ, а не просто только находились при Немъ, какъ Его ученики. Дѣйствительно, и съ самаго начала тогда многіе слѣдовали за нимъ. Смотри, какъ на это указываетъ (Іоаннъ), когда говоритъ: *бѣ единъ отъ обоихъ, слышавшихъ отъ Іоанна и шедшихъ* за Іисусомъ (Іоан. і, 40). *Во всяко*, говоритъ, *лѣто, въ неже вниде и изыде въ насъ Господь Іисусъ, начень отъ крещенія Іоаннова.* Прекрасно; такъ какъ, что было прежде этого, о томъ никто не зналъ чрезъ наученіе, но узнали отъ Святого Духа. *Даже до дне*, говоритъ, *въ оньже вознесеся отъ насъ, свидѣтелю воскресенія его быти съ нами единому отъ сихъ* (ст. 22). Не сказалъ: *свидѣтелю* остальнаго, но: *свидѣтелю* одного только *воскресенія*, потому что тотъ (свидѣтель) былъ достовѣрнѣе, кто могъ сказать, что Тотъ самый воскресъ, Кто ѣлъ, пилъ, былъ распятъ. Не надобно было свидѣтеля ни для того, что было прежде, ни для того, что было послѣ, ни для чудесъ: вопросъ заключался именно въ воскресеніи, такъ какъ то было явно и всѣми признано, а воскресеніе произошло тайно и только имъ однимъ было извѣстно. И они не говорятъ: намъ сказали ангелы, но: мы видѣли. Откуда это ясно? Изъ того, что мы творимъ чудеса. Поэтому тогда-то особенно имъ и слѣдовало быть достовѣрными. *И поставиша*, говоритъ (писатель), *два*. Зачѣмъ не больше? Чтобы не увеличивать между ними унынія, и не распространять этого дѣла на многихъ. И не безъ причины онъ ставитъ (Матѳія) послѣ (Іосифа), но этимъ показываетъ, что, кто пользуется почтеніемъ у людей, тотъ часто бываетъ меньшимъ предъ Богомъ. И всѣ вмѣстѣ молятся такимъ образомъ: *Ты, Господи, сердцевѣдче всѣхъ, покажи* (ст. 24). Ты, говорятъ, а не мы. Благовременно призываютъ и Сердцевѣдца: надлежало, чтобы Онъ сдѣлалъ избраніе, а не посторонніе люди. Такъ они были увѣрены, что одному непремѣнно слѣдовало быть избраннымъ. И не сказали: избери; но: *покажи*, говорятъ, избраннаго, *егоже избралъ еси;* они знали, что у Бога все напередъ опредѣлено. *Отъ сею двою единаго пріяти жребій служенія сего и апостольства* (ст. 24, 25),—потому что было и другое служеніе. *И даша жребія има* (ст. 26). Они еще не считали себя достойными того, чтобы самимъ сдѣлать выборъ; поэтому и хотятъ узнать посредствомъ какого-нибудь знака.

4. Съ другой стороны, если тамъ, гдѣ не было ни молитвы, ни достойныхъ людей, жребій имѣлъ столь великую силу, потому что былъ слѣдствіемъ справедливаго, по отношенію къ Іонѣ, рѣшенія, то гораздо болѣе здѣсь, гдѣ нужно было восполнить ликъ,

возстановить чинъ (апостольскій). И другой (Іосифъ) не опечалился (тѣмъ, что не былъ избранъ): иначе апостолы сказали бы объ этомъ, такъ какъ они не скрывали своихъ недостатковъ. Вѣдь и о самыхъ даже первоверховныхъ апостолахъ они не преминули замѣтить, что иногда они были недовольны; и это не однажды, но и дважды, и даже чаще. Будемъ же и мы подражать имъ. Слово мое относится не ко всѣмъ еще, а къ тѣмъ лишь, кто домогается власти. Если ты вѣришь, что выборъ дѣлается Богомъ, то не негодуй: иначе ты Имъ бываешь недоволенъ, противъ Него раздражаешься, потому что Онъ избралъ. Если же, несмотря на Его избраніе, ты дерзаешь огорчаться, то ты поступаешь такъ же, какъ Каинъ. Ему надлежало бы одобрить (приговоръ Божій), а онъ изъ-за того, что жертвѣ брата сдѣлано предпочтеніе, опечалился; вознегодовалъ, когда бы слѣдовало умилиться. Но, впрочемъ, не объ этомъ рѣчь, а о томъ, что Богъ знаетъ, какъ лучше устроять дѣла. Часто бываетъ, что по характеру, напримѣръ, ты скромнѣе, но не соотвѣтствуешь цѣли. Опять,—жизнь твоя безукоризненна и характеръ у тебя благородный, но не это только нужно въ Церкви. А притомъ, и пригоденъ бываетъ одинъ къ 39
одному, а другой къ другому. Развѣ не видишь, какъ много объ этомъ сказано въ Священномъ Писаніи?

Но я скажу, отчего это дѣло сдѣлалось предметомъ домогательствъ: причина—въ томъ, что мы домогаемся его, не какъ обязанности управлять другими и заботиться о братіяхъ, а какъ чести и покойной жизни. А еслибы ты зналъ, что епископъ долженъ принадлежать всѣмъ и носить тяготы всѣхъ, что остальнымъ, когда они гнѣваются, прощаютъ, а ему—никогда, что прочихъ, если они согрѣшатъ, охотно извиняютъ, а его—нѣтъ,—ты не добивался бы этого начальства, не стремился бы къ нему. Епископъ подлежитъ приговору всякаго, суду всѣхъ—и мудрыхъ, и неразумныхъ; каждый день, каждую ночь онъ изнуряется въ заботахъ; у него много недоброжелателей, много завистниковъ. Не говори мнѣ о тѣхъ, которые во всемъ угождаютъ, которые хотятъ спать, которые идутъ на это дѣло, какъ на покой,—не о нихъ рѣчь, но о тѣхъ, которые бдятъ о душахъ вашихъ, которые спасеніе подчиненныхъ предпочитаютъ своему собственному. Скажи мнѣ: если тотъ кто имѣетъ десятерыхъ дѣтей, которые подвластны ему и всегда живутъ вмѣстѣ съ нимъ, принужденъ бываетъ непрестанно о нихъ заботиться,—то какимъ слѣдуетъ быть тому, у кого такъ много лицъ, не подчиненныхъ ему, не живущихъ вмѣстѣ съ нимъ, но свободно располагающихъ собою? За то, скажешь, онъ пользуется честію. Какою честію? Самые послѣдніе нищіе поносятъ его на площади. Такъ зачѣмъ же онъ не заставляетъ ихъ замолчать?

Хорошо; но вѣдь это ужъ не дѣло епископа. И опять, не подавай онъ всякому,—и тѣмъ, кто (проводить время) въ праздности, и тѣмъ, кто трудится,—тысячи упрековъ со всѣхъ сторонъ; никто не боится обвинить и оклеветать его. Осуждать (мірскихъ) начальниковъ боятся; а этихъ (епископовъ)—нѣтъ, потому что страхъ Божій у такихъ людей не имѣетъ никакой силы. А что сказать касательно заботы о словѣ и объ ученіи? О трудности при рукоположеніяхъ? Или, быть можетъ, я ужъ крайне немощенъ, жалокъ и ничтоженъ, или дѣло обстоитъ дѣйствительно такъ, какъ я говорю. Душа священника ничѣмъ не отличается отъ корабля, обуреваемаго волнами; со всѣхъ сторонъ она уязвляется отъ друзей, отъ враговъ, отъ своихъ, отъ чужихъ. Не вселенною ли управляетъ царь, между тѣмъ какъ епископъ—однимъ только городомъ? Но заботы послѣдняго настолько же больше, насколько воздымающееся и бѣснующееся море различается отъ рѣчной воды, приводимой въ движеніе лишь вѣтромъ. Отчего бы это такъ? Оттого, что тамъ много помощниковъ, и все дѣлается по закону и по указу; а здѣсь нѣтъ ничего такого, и нельзя приказать по своему усмотрѣнію. Но, если будешь дѣйствовать сильно, прослывешь жестокимъ; а если не сильно,—холоднымъ. Надобно совмѣщать и то, и другое, такъ, чтобы и не быть въ пренебреженіи, и не заслужить ненависти. Съ другой стороны, и самыя дѣла здѣсь особенно трудны. Какъ многихъ (епископъ) вынужденъ бываетъ огорчать, волею или неволею! Какъ со многими вынужденъ бываетъ поступать сурово, хотѣлъ бы того, или не хотѣлъ! Говорю не иначе, а именно такъ, какъ думаю и чувствую. Не думаю, чтобъ въ средѣ священниковъ было много спасающихся; напротивъ—гораздо больше погибающихъ, и именно потому, что это дѣло требуетъ великой души. У епископа много нуждъ, которыя заставляютъ его выходить изъ своего дома: ему нужны тысячи глазъ со всѣхъ сторонъ. Не видишь ли, какъ много нужно имѣть ему? Онъ долженъ быть учительнымъ, терпѣли-
40 вымъ, твердо держаться *вѣрнаго словесе по ученію* (Тим. III, 2; Тит. I, 7 и др.). А какъ это трудно! И тогда, когда прочіе грѣшатъ,—вина падаетъ на него. Не говоря ни о чемъ другомъ, скажу только, что, если только и одинъ кто отойдетъ (изъ этой жизни) безъ посвященія въ таинства,—не ниспровергнетъ ли это всего его спасенія? Вѣдь погибель и одной души составляетъ такую потерю, которой не можетъ выразить никакое слово. Если спасеніе ея имѣетъ такую цѣну, что и Сынъ Божій сдѣлался для этого человѣкомъ и столько претерпѣлъ, то подумай, какое наказаніе повлечетъ за собою ея погибель! Если тотъ, чрезъ кого гибнетъ другой, достоинъ въ настоящей жизни смерти, то гораздо боль-

ше—тамъ. Не говори мнѣ: согрѣшилъ пресвитеръ или діаконъ,—вина всѣхъ ихъ падаетъ на главу рукоположившихъ. Укажу еще на нѣчто другое: случится кому-нибудь изъ людей нехорошихъ быть принятымъ въ клиръ,—является недоумѣніе: какое надобно принять рѣшеніе касательно его прежнихъ грѣховъ? Здѣсь двѣ пропасти: слѣдуетъ и его не оставить безъ наказанія, и остальнымъ не подать соблазна. Такъ надобно ли его извергнуть? Но въ настоящее время нѣтъ повода. Или оставить его безъ наказанія? Да, скажешь, потому что виноватъ рукоположившій. Такъ что же? Не нужно, по крайней мѣрѣ, рукополагать его и возводить въ другую степень? Но тогда для всѣхъ будетъ ясно, что онъ—какой-то дурной человѣкъ, и, слѣдовательно, отсюда опять произойдетъ соблазнъ. Или возвести его на высшую степень? Но это гораздо хуже.

5. Итакъ, еслибы всѣ стремились къ архіерейству, какъ къ обязанности заботиться о другихъ, то никто не рѣшился бы скоро принять его. А то мы гоняемся за нимъ такъ же точно, какъ за мірскими должностями. Изъ-за того, чтобы быть въ славѣ, чтобы достигнуть почестей у людей, мы погибаемъ предъ очами Божіими. И что пользы въ почести? Какъ ясно доказано, что она—ничто! Когда ты сильно возжелаешь священства, то противопоставь геенну, противопоставь отчетъ, какой тамъ нужно дать, противопоставь покойную жизнь, противопоставь степень наказанія. Если ты согрѣшишь просто, какъ человѣкъ, ты не потерпишь ничего подобнаго; если же согрѣшишь, будучи священникомъ,—ты погибъ. Подумай, сколько перенесъ, сколько любомудрствовалъ, сколько добраго выказалъ въ себѣ Моисей; и, однакожъ, за то, что сдѣлалъ одинъ только грѣхъ, потерпѣлъ строгое наказаніе. И справедливо,—потому что это соединено было со вредомъ для остальныхъ. Итакъ, онъ наказанъ былъ съ особенною строгостію не потому только, что его грѣхъ былъ явный, но и потому, что былъ грѣхъ священника. А вѣдь не одинаковому подвергаемся мы наказанію за грѣхи явные и за грѣхи тайные. Грѣхъ одинъ и тотъ же, но вредъ отъ него не одинаковъ, или лучше сказать—и грѣхъ не одинаковъ, потому что не все равно—грѣшить тайно и незамѣтно, и грѣшить явно. А епископу нельзя грѣшить тайно. Хорошо уже и то, если онъ свободенъ отъ упрековъ, когда не грѣшитъ; а ужъ нечего говорить о томъ, когда онъ грѣшитъ. Разсердится ли онъ, посмѣется ли, захочетъ ли дать себѣ отдыхъ сномъ,—является много насмѣшниковъ, много соблазняющихся, много законодателей, много такихъ, которые припоминаютъ прежнихъ (епископовъ) и охуждаютъ настоящаго; и это дѣлаютъ не потому, что хотятъ похвалить тѣхъ,—нѣтъ,—вспоминаютъ о преж-

нихъ епископахъ и пресвитерахъ только для того, чтобы уязвить этого. Пріятна, говорятъ, война для тѣхъ, кто не испыталъ ея. Это же прилично сказать и теперь; или лучше, мы такъ и говоримъ, пока не вступили въ подвигъ; а какъ скоро вступимъ, мы не бываемъ даже извѣстны народу. Теперь у насъ уже нѣтъ борьбы съ тѣми, кто угнетаетъ бѣдныхъ; мы не беремъ на себя труда ратовать за свое стадо, но, подобно тѣмъ пастырямъ, о ко-
41 торыхъ упоминается у Іезекіиля (XXXIV, 2), мы лишь закалаемъ и ѣдимъ. Кто изъ насъ выказываетъ такую же заботливость о стадѣ Христовомъ, какую имѣлъ Іаковъ о стадахъ Лавана? Кто можетъ похвалиться чѣмъ-нибудь такимъ, что могло бы равняться перенесенію ночного холода? Не называй мнѣ всенощныхъ бдѣній наравнѣ съ этою великою заботливостію. Нѣтъ, теперь все совсѣмъ иначе. Начальники округовъ и мѣстные правители не пользуются такою большою честію, какою—начальствующій въ Церкви. Войдетъ ли онъ въ царскій дворецъ,—кому первое мѣсто? Будетъ ли у женщинъ, или въ знатныхъ домахъ, — никому другому нѣтъ большаго передъ нимъ почета. Все погибло, все испорчено! Это говорю я не для того, чтобы васъ пристыдить, а для того, чтобы удержать васъ отъ этой страсти. Съ какою ты будешь совѣстію, если ты домогался (этого сана) или самъ собою, или чрезъ когонибудь другого? Какими глазами будешь смотрѣть на того, кто былъ твоимъ сообщникомъ? Какое будешь имѣть оправданіе? Кто (принялъ этотъ санъ) по неволѣ, по принужденію, противъ желанія, тотъ имѣетъ еще нѣкоторое оправданіе; хотя и ему по большей части отказываютъ въ прощеніи, но все же онъ имѣетъ нѣкоторое извиненіе. Подумай, чему подвергся Симонъ? Что нужды, что ты не даешь серебра, но, въ замѣнъ серебра, льстишь и употребляешь разнаго рода происки и хитрости? *Сребро твое съ тобою да будетъ въ погибель* (Дѣян. VIII, 20),—сказано было ему; и этимъ людямъ также будетъ сказано: домогательство ваше да будетъ съ вами въ погибель за то, что вы вздумали пріобрѣсть даръ Божій происками человѣческими. Но такихъ нѣтъ никого? О, еслибъ и не было! Вѣдь я вовсе и не желаю, чтобы слова мои относились къ вамъ; и теперь только по ходу рѣчи мнѣ пришлось сказать объ этомъ. Да когда я говорю и противъ любостяжанія, слова мои также не относятся къ вамъ, и даже ни къ одному изъ васъ. Дай Богъ, чтобы мы понапрасну приготовляли лѣкарства. И желанія врачей точно таковы же: не другого чего они хотятъ, а именно того, чтобы, послѣ значительнаго ихъ труда лѣкарства были брошены даромъ. Того же и мы желаемъ, то есть, чтобы наши слова говорились просто—на воздухъ, такъ, чтобы оставались только словами. Я готовъ снести все, лишь бы не

быть поставлену въ необходимость говорить объ этомъ. Впрочемъ, если угодно, мы и замолчимъ; только пусть наше молчаніе будетъ безопасно: я и не думаю, чтобы кто-либо, какъ бы ни былъ онъ тщеславенъ, захотѣлъ говорить безъ всякой надобности и только для того, чтобы себя выказать. Мы предоставимъ вамъ учить; ученіе дѣлами—это болѣе важное ученіе. И лучшіе врачи, несмотря на то, что недугъ больныхъ приноситъ имъ до- 42
ходы, желаютъ, чтобы ихъ друзья были здоровы; такъ и я хочу, чтобы всѣ вы были здоровы. Я не желаю, чтобы меня хвалили, а васъ осуждали. Я желалъ бы, если возможно, самымъ взоромъ выказать ту любовь, какую питаю къ вамъ: тогда уже никто не сталъ бы упрекать меня ни въ чемъ, еслибы даже слово мое было и слишкомъ жестко. Что говорится между друзьями, то легко переносится, хотя бы тутъ было что-нибудь и обидное,—потому что *достовѣрнѣе суть язвы друга, нежели вольная лобзанія врага* (Притч. xxvii, 6). Для меня нѣтъ ничего дороже васъ,—не дороже даже и этотъ свѣтъ. Тысячи разъ я желалъ бы самъ лишиться зрѣнія, если бы только чрезъ это можно было обратить ваши души,—такъ спасеніе ваше для меня пріятнѣе самаго свѣта. Да и что мнѣ пользы отъ лучей солнечныхъ, когда скорбь изъ-за васъ наводитъ глубокій мракъ на мои очи? Свѣтъ тогда хорошъ, когда онъ является во время радости; а для скорбной души онъ кажется даже тягостнымъ. А что я не лгу, — въ этомъ не дай Богъ когда-нибудь убѣдиться на опытѣ! Но, впрочемъ, если бы случилось, что кто-нибудь изъ васъ грѣшитъ, — придите ко мнѣ спящему: пусть я погибну, если я не похожу на разслабленныхъ, если не похожу на изступленныхъ; тогда, по словамъ пророка, *и свѣтъ очію моею, и той нѣсть со мною* (Псал. xxxvii, 11). Какая для васъ надежда, когда вы не показываете успѣховъ? А если вы заслуживаете похвалу, какая возможна печаль? Мнѣ кажется, я летаю (отъ радости), когда услышу о васъ что-нибудь хорошее. *Исполните мою радость* (Филипп. ii, 2). Объ этомъ только я прошу васъ, потому что я желаю вамъ успѣха. А я со всѣми буду спорить относительно того, что люблю васъ, что я сроднился съ вами, что вы для меня все—и отецъ, и мать, и братья, и дѣти. Такъ не подумайте же, что хоть что-нибудь говорится мною по непріязненности къ вамъ; нѣтъ,—(я говорю) для вашего исправленія. *Братъ*, говоритъ Писаніе, *отъ брата помогаемъ яко градъ твердъ* (Притч. xviii, 19). Итакъ, не пренебрегите моими словами. Вѣдь и я не отказываюсь слушать васъ; нѣтъ, я хотѣлъ бы, чтобъ вы исправляли меня, хотѣлъ бы учиться у васъ. Вѣдь мы всѣ братья, и одинъ у насъ Наставникъ; но и между братьями надобно, чтобы одинъ давалъ приказанія, а остальные слушались. Такъ не

пренебрегите же моими словами, но да будемъ дѣлать все во славу Бога, такъ какъ Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

41 **И егда скончавашася дніе пятьдесятницы, бѣша вси апостоли единодушно вкупѣ. И бысть внезапу съ небесе шумъ (Дѣян. II, 1, 2).**

1. Что это за пятьдесятница? Это—время, когда нужно было серпомъ срѣзывать жатву, когда надобно было собирать плоды. Видѣлъ образъ? Смотри, въ свою очередь, и на самую истину. Когда надобно было пустить въ дѣло серпъ слова, когда нужно было собирать жатву,—тогда, какъ изощренный серпъ, прилетаетъ Духъ. Послушай, въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ Христосъ: *возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть къ жатвѣ уже* (Іоан. IV, 35); и еще: *жатва многа, дѣлателей же мало* (Лук. X, 2). Итакъ, Христосъ самъ первый наложилъ серпъ; Онъ вознесъ на небеса начатки плодовъ, воспріявъ наше естество; потому-то Онъ
42 и называетъ это жатвою. *Егда скончавашася*, сказано, *дніе пятьдесятницы*, то есть, не прежде пятьдесятницы, но около самой, такъ сказать, пятьдесятницы. Надлежало, чтобы и это совершилось также во время праздника, чтобы тѣ, которые присутствовали при крестѣ Христовомъ, увидѣли и это событіе. *И бысть внезапу съ небесе шумъ.* Почему это событіе не совершилось безъ всякихъ чувственныхъ явленій? Потому, что, если и при этомъ іудеи говорили, *яко виномъ исполнени суть*, то чего не сказали бы, еслибы ничего такого не случилось? И не просто произошелъ шумъ, но—*съ небесе.* А своею внезапностію онъ возбудилъ учениковъ. *И исполни весь домъ.* Это показываетъ великую стреми-
43 тельность Духа. Замѣть: здѣсь всѣ были собраны, для того, чтобы и присутствующіе увѣровали, и ученики оказались достойными. И не только это (говоритъ Лука), но присовокупляетъ и то, что гораздо поразительнѣе: *и явишася*, говоритъ, *имъ раздѣлени языцы, яко огнени* (ст. 3). Прекрасно вездѣ прибавлено: *яко*, чтобы о Духѣ ты не подумалъ ничего чувственнаго: *яко огнени*, сказано, и: *якоже дыханію.* Значитъ, это былъ не вѣтеръ, обыкновенно разливающійся въ воздухѣ. Когда Іоанну нужно было узнать Святаго Духа,—Онъ сошелъ на главу Христову въ видѣ голубя: а теперь, когда надлежало обратиться всему народу, Онъ является въ видѣ огня. *Сѣде же на единомъ коемждо ихъ*, т. е., остановился, почилъ: сѣсть значитъ утвердиться, остаться на мѣстѣ. Что же? На однихъ лишь двѣнадцать учениковъ сошелъ (Святый Духъ),

а не на остальныхъ? Нѣтъ,—Онъ сошелъ и на всѣхъ сто двадцать человѣкъ. Петръ не безъ основанія привелъ свидѣтельство пророка, говоря: *и будетъ въ послѣднія дни, глаголетъ Господь Богъ, излію отъ Духа моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши и дщери ваша, и юноши ваши видѣнія узрятъ, и старцы ваши сонія видятъ* (ст. 17). И замѣть: такъ было, чтобы не только поразить ихъ, но и исполнить благодати; поэтому и (сказано): *Духомъ Святымъ и огнемъ* (Мѳ. III, 11). *И исполнишася*, прибавляется далѣе, *вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати* (ст. 4). Прежде всякаго другого знаменія получаютъ они именно это, такъ какъ оно было необыкновенно и не было нужды въ другомъ знаменіи. *Сѣде*, сказано, *на единомъ коемждо ихъ*,—слѣдовательно, и на томъ, кто не былъ избранъ: потому-то онъ уже и не скорбитъ, что не избранъ подобно Матѳію. Сказано: *и исполнишася вси*. Не просто приняли благодать Духа, но исполнились. *И начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати*. Не сказалъ бы: *вси*, хотя тутъ были и апостолы, еслибъ и остальные не участвовали. Съ другой стороны, сказавъ о нихъ прежде отдѣльно и поименно, онъ и теперь не сказалъ бы о нихъ на ряду съ прочими. Если тамъ, гдѣ нужно было сказать только, что тутъ апостолы, онъ упоминаетъ о нихъ отдѣльно, то тѣмъ больше (упомянулъ бы) здѣсь.

Но замѣть, прошу тебя, какъ Духъ приходитъ именно тогда, когда они пребываютъ въ молитвѣ, когда имѣютъ любовь. А слова: *яко огнени* напомнили имъ и о другомъ видѣніи, потому что, какъ огонь, Онъ явился и въ купинѣ. *Якоже Духъ даяше имъ провѣщавати;* ихъ слова, дѣйствительно, были провѣщаніями (ἀποφθέγματα). Сказано: *бяху же во Іерусалимѣ живущіи іудеи, мужіе благоговѣйніи* (ст. 5). Что они были благоговѣйны, свидѣтельствомъ тому служитъ именно то, что они тутъ жили. Какимъ образомъ? Принадлежа къ столь многимъ народамъ и оставивъ свое отечество, свои домы, своихъ родственниковъ, они жили тутъ. *Бяху же*, сказано, *въ Іерусалимѣ живущіи іудеи, мужіе благоговѣйніи отъ всего языка, иже подъ небесемъ. Бывшу же гласу сему, снидеся народъ и смятеся* (ст. 5, 6). Такъ какъ это событіе случилось въ домѣ, то, естественно, сбѣжались находившіеся внѣ дома. *Смятеся народъ*. Что значитъ: *смятеся?* Смутился, удивился. Затѣмъ (писатель), разъясняя, чему удивлялись, прибавляетъ: *яко слышаху единъ кійждо ихъ своимъ языкомъ глаголющихъ ихъ*. Итакъ, собрался народъ *и другъ ко другу* говорили: *не се ли вси сіи суть глаголющіи Галилеане* (ст. 6—7)? Тотчасъ же обратили взоры на апостоловъ. *И како*, говорятъ, *мы слышимъ кійждо свой языкъ нашъ*, 44

въ немже родихомся, Пареяне, и Мидяне, и Эламите, и живущіи въ Месопотаміи, въ Іудеи же и Каппадокіи, въ Понтѣ и во Асіи, во Фригіи же и Памфиліи, во Египтѣ и странахъ Ливіи, яже при Киринiи, и приходящіе Римляне, Іудеи же и пришельцы, Критяне и Аравляне, слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія? Ужасахуся же вси и недоумѣвахуся другъ ко другу глаголюще: что убо хощетъ сіе быти (ст. 8—12)? Видишь, какъ они стремятся отъ востока къ западу? *Иніи же ругающеся глаголаху, яко виномъ* (γλεύχους) *исполнени суть* (ст. 13).

2. Какое безуміе! Какая великая злоба! Теперь было вовсе не время для молодого вина (γλεύχους), потому что была пятьдесятница. И что еще хуже,—въ то время, какъ всѣ признаютъ (чудо), и римляне, и пришельцы, и, можетъ быть, даже тѣ, которые распяли (Господа),—они и послѣ всего этого говорятъ, *яко виномъ исполнени суть.* Но возвратимся къ тому, что сказано выше. *Исполни домъ.* Бурное дыханіе было какъ бы купелію водною; а огонь служитъ знакомъ именно обилія и силы. Этого никогда не случалось съ пророками; такъ было только теперь—съ апостолами; а съ пророками—иначе. Напримѣръ, Іезекіилю дается свитокъ книжный, и онъ съѣдаетъ то, что долженъ былъ говорить: *и бысть*, говоритъ онъ, *во устѣхъ* его, *яко медъ сладокъ* (Іез. III, 3). Или еще: рука Божія касается языка другого пророка (Іер. I, 9). А здѣсь (все дѣлаетъ) самъ Духъ Святой и такимъ образомъ является равночестнымъ Отцу и Сыну. Опять и въ другомъ мѣстѣ (пророкъ) говоритъ: *рыданіе, и жалость, и горе* (Іез. II, 10). Пророкамъ естественно (подавалась благодать) въ видѣ книги: для нихъ еще нужны были образы; притомъ, они имѣли дѣло съ однимъ только народомъ, съ людьми своими, а апостолы—съ цѣлой вселенной, съ людьми, которыхъ никогда не знали. Елисей получаетъ благодать чрезъ посредство милоти; другой, какъ напримѣръ Давидъ, посредствомъ елея; Моисей же призывается посредствомъ горящей купины; но здѣсь—не такъ, а самый огонь *сѣде* на апостолахъ. Почему огонь не наполнилъ дома? Потому что это поразило бы ихъ ужасомъ. Впрочемъ, изъ словъ (писателя) видно, что это такъ и было; обрати только вниманіе не на эти слова: *и явишася имъ раздѣлени языцы*, а на другія: *яко огнени.* Такое множество огня можетъ объять пламенемъ огромный лѣсъ. И прекрасно сказано: *раздѣлени;* вѣдь они были отъ одного корня,— чтобы ты узналъ, что это—сила, посланная Утѣшителемъ. Но смотри: и апостолы сначала показали себя достойными, и тогда уже сподобились Духа. Такъ и Давидъ: какъ поступалъ онъ, когда еще находился при стадахъ, такъ же точно велъ себя и послѣ побѣды и послѣ торжества, чтобы показать свою простую

вѣру. Посмотри опять на Моисея: и онъ (сначала) презираетъ
царскія палаты, а спустя сорокъ лѣтъ получаетъ управленіе на-
родомъ; или—на Самуила, воспитывавшагося въ храмѣ; или—на
Елисея, покинувшаго все; или опять—на Іезекіиля. А что дѣй-
ствительно такъ было (и съ апостолами), это ясно изъ послѣдую-
щаго: они именно оставили все, что было у нихъ. Поэтому они
тогда получаютъ Святого Духа, когда обнаружили свою добро-
дѣтель. Они узнали и человѣческую немощь изъ того, что испы-
тали: узнали, что не напрасно совершены ими эти подвиги. Рав-
нымъ образомъ и Саулъ сначала имѣлъ о себѣ свидѣтельство,
что онъ—хорошъ, и потомъ уже получилъ Святого Духа. Но ни- 45
кто, даже и большій изъ пророковъ—Моисей, не получилъ такъ,
какъ апостолы. Моисей, когда нужно было другимъ сдѣлаться
духовными, самъ претерпѣвалъ уменьшеніе; а здѣсь—не такъ.
Напротивъ, какъ огонь, сколько бы кто ни захотѣлъ зажечь отъ
него свѣтильниковъ, нисколько не уменьшается, такъ про-
изошло тогда и съ апостолами. Посредствомъ огня показы-
валось не только обиліе благодати, а и каждый получилъ
(неизсякаемый) источникъ Духа, какъ и самъ (Христосъ) ска-
залъ, что вѣрующіе въ Него будутъ имѣть источникъ воды,
текущей въ животъ вѣчный (Іоан. IV, 14). И это весьма ес-
тественно,—потому что они шли не говорить съ фараономъ,
а сражаться съ діаволомъ. И, что болѣе удивительно: будучи
посылаемы, они нисколько не противорѣчили, и не сказали,
что они худогласны и косноязычны,—въ этомъ вразумилъ ихъ
Моисей,—не сказали, что они слишкомъ молоды,—въ этомъ уму-
дрилъ ихъ Іеремія. Хотя они слышали много страшнаго, и го-
раздо больше, чѣмъ тѣ (пророки), однакожъ, боялись противорѣ-
чить. Отсюда видно, что это были ангелы свѣта и высшихъ дѣлъ
служители. Пророкамъ никто не является съ неба, потому что
они еще заботятся о томъ, что на землѣ; но послѣ того, какъ че-
ловѣкъ восшелъ на высоту,—и Святой Духъ сходитъ съ высоты:
якоже носиму, сказано, *дыханію бурну*. Это показываетъ, что имъ
ничто не въ состояніи будетъ противиться, но что они развѣютъ,
какъ прахъ, своихъ противниковъ. *И исполни* весь *домъ*. Домъ
служилъ символомъ міра. *Сѣде же на единомъ коемждо ихъ, и сни-
деся народъ и смятеся*. Видишь благочестіе этихъ людей,—какъ
они не тотчасъ произносятъ приговоръ, но недоумѣваютъ? А
тѣ неразумные произносятъ приговоръ, говоря: *яко виномъ испол-
нени суть*. Такъ какъ по закону можно было имъ три раза въ
годъ являться въ храмѣ, то тутъ жили благочестивые люди отъ
всѣхъ народовъ. Замѣть изъ настоящаго случая, какъ писатель
не льститъ имъ: не сказалъ, что они подали свой голосъ,—но

что? *Бывшу гласу сему, снидеся народъ и смятеся.* Это и естественно; они думали, что настоящее событіе грозитъ имъ погибелью за то, что они дерзнули сдѣлать противъ Христа. А съ другой стороны, и совѣсть потрясала ихъ души, такъ какъ убійство было еще, такъ сказать, у нихъ въ рукахъ, и все ихъ пугало. *Не се ли,* говорятъ, *вси сіи суть глаголющіи Галилеане?* Хорошо это сказано; значитъ, они признавали это. И до такой степени поразилъ ихъ этотъ шумъ, что сюда собрались люди изъ большей части вселенной. Между тѣмъ, для самихъ апостоловъ это служило подкрѣпленіемъ; они не знали, что значило говорить по-парѳянски, а теперь отъ этихъ людей узнавали. А о народахъ имъ враждебныхъ,—критянахъ, аравитянахъ, египтянахъ, персахъ,—писатель упоминаетъ для того, чтобы показать, что они одолѣютъ ихъ всѣхъ.

8. Такъ какъ іудеи были въ то время и въ плѣну, то, вѣроятно, вмѣстѣ съ ними тогда явились сюда и многіе изъ язычниковъ; а съ другой стороны, и слухъ о догматахъ въ это время уже распространился между народами, а потому многіе и изъ нихъ присутствовали здѣсь, по воспоминанію о томъ, что слышали. Такимъ образомъ свидѣтельство со всѣхъ сторонъ было непререкаемое,—со стороны гражданъ, со стороны иноземцевъ, со стороны пришельцевъ. *Слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія.* Они не просто говорили, но говорили нѣчто дивное; и потому справедливо эти люди недоумѣвали, такъ какъ никогда еще не было ничего подобнаго. Замѣть разсудительность этихъ людей: они изумлялись и недоумѣвали, говоря: *что хощетъ сіе быти? Иніи же ругающеся глаголаху, яко виномъ исполнени суть* (ст. 12, 13). Какое безстыдство, если они изъ-за этого
46 смѣялись! И что же, впрочемъ, тутъ удивительнаго, если и о самомъ Господѣ, когда Онъ изгонялъ бѣсовъ, они говорятъ, что Онъ *бѣса имать?* Гдѣ господствуетъ наглость, тамъ заботятся лишь о томъ одномъ, чтобы что-нибудь сказать; не о томъ, чтобы сказать что-нибудь разумное, а—лишь бы что-нибудь сказать. *Виномъ исполнени суть.* Вѣрно, такъ,—потому что люди, окруженные столькими опасностями, трепещущіе за самую жизнь, находящіеся въ такой печали, смѣютъ говорить подобное! И смотри: такъ какъ это было невѣроятно, то, чтобы ввести въ заблужденіе слушателей и показать, что (апостолы) дѣйствительно пьяны,—все приписываютъ качеству (напитка) и говорятъ: *виномъ исполнени суть. Ставъ же Петръ со единонадесятми, воздвиже гласъ свой и рече имъ.* Тамъ ты видишь его попечительность, а здѣсь мужество. Пусть они удивлялись, пусть они были поражены; но и при этомъ не удивительно ли было, что человѣкъ неученый и простой могъ

подать голосъ среди такого множества народа? Если и тогда, когда говоришь между своими, приходишь въ смущеніе, то тѣмъ больше—когда говоришь между врагами, между людьми, дышащими убійствомъ. А что (апостолы) не пьяны, это сейчасъ же сдѣлалось очевиднымъ изъ ихъ голоса, потому что они не пришли, подобно одержимымъ, въ изступленіе, и не были лишены свободы владѣть собою. Но что значить: *со единонадесятми?* Это значитъ, что они защищались общимъ голосомъ: Петръ служилъ устами всѣхъ, а прочіе одиннадцать (учениковъ) предстояли, подтверждая его слова своимъ свидѣтельствомъ. *Воздвиже гласъ свой*, т. е., заговорилъ съ великимъ дерзновеніемъ.

А поступаетъ онъ такъ для того, чтобы познали благодать Духа. Въ самомъ дѣлѣ, прежде онъ не вынесъ вопроса ничтожной служанки, а теперь среди толпы народной, когда всѣ дышатъ убійствомъ, говоритъ съ такимъ дерзновеніемъ! Это было несомнѣннымъ свидѣтельствомъ воскресенія, потому что онъ поступаетъ съ такою смѣлостію среди людей, которые смѣялись и глумились надъ такимъ великимъ событіемъ. Подумай, сколько нужно наглости, сколько нечестія, сколько безстыдства, чтобы необыкновенный даръ языковъ считать дѣломъ опьянѣнія! Но все это нисколько не смутило апостоловъ и не отняло у нихъ смѣлости, хотя они и слышали эти насмѣшки. Съ пришествіемъ Духа они уже измѣнились и стали выше всего плотского,—потому что, гдѣ является Духъ Святый, тамъ и бренные становятся золотыми. Посмотри, напримѣръ, прошу тебя, на Петра и узнай въ немъ того человѣка—бояэливаго, неразумнаго, какъ и Христосъ сказалъ: *еще ли и вы безъ разума есте* (Мѳ. xv, 16),—человѣка, который послѣ извѣстнаго своего дивнаго исповѣданія названъ былъ сатаною (Мѳ. xvi, 23). Обрати также вниманіе и на единодушіе апостоловъ: они уступаютъ ему говорить къ народу, потому что не слѣдовало говорить всѣмъ. *И воздвиже*, сказано, *гласъ свой* и сталъ говорить къ нимъ съ великимъ дерзновеніемъ. Вотъ что значитъ сдѣлаться мужемъ духовнымъ! Сдѣлаемъ же и мы себя достойными вышней благодати, и тогда все для насъ будетъ легко. Какъ огненный человѣкъ, попавъ въ солому, не потерпитъ никакого вреда, а напротивъ, самъ причинитъ вредъ, потому что самъ нисколько не страдаетъ, а стебли, которые прикасаются къ нему, губятъ сами себя, такъ было и теперь. Или лучше: какъ человѣкъ, у котораго въ рукахъ огонь, смѣло вступаетъ въ борьбу съ тѣмъ, кто несетъ на себѣ сѣно, 47
такъ точно и апостолы выступали противъ этихъ людей съ большимъ мужествомъ. И какой, въ самомъ дѣлѣ, вредъ причинила имъ эта многочисленная толпа? Скажи мнѣ: не боролись ли они

съ нищетою и голодомъ? Не сражались ли съ безчестіемъ и дурною славою? Вѣдь ихъ считали за обманщиковъ. Не подвергались ли они насмѣшкамъ и ругательствамъ со стороны присутствующихъ? Вѣдь на нихъ обрушилось и то и другое: одни смѣялись надъ ними, а другіе и ругались. Не были ли они подвержены ярости и неистовству цѣлыхъ городовъ, возстаніямъ и злоумышленіямъ? Не угрожали ли имъ огонь, и желѣзо, и звѣри? Не со всѣхъ ли сторонъ предстояла имъ борьба съ безчисленными врагами? Не въ такомъ ли они были состояніи, какъ будто бы видѣли эти бѣдствія во снѣ или на картинѣ? И что же? Не истощили ли они ярости враговъ? Не поставили ли ихъ самихъ въ затрудненіе? Не были ли эти люди больше всѣхъ одержимы и гнѣвомъ, и страхомъ? Не были ли они въ безпокойствѣ, въ боязни и трепетѣ? Въ самомъ дѣлѣ, послушай, что говорятъ они: *хощете навести на ны кровь человѣка сего* (Дѣян. v, 28).

И, что удивительно,—апостолы, совершенно безоружные, ополчались противъ вооруженныхъ, противъ начальниковъ, имѣвшихъ власть надъ ними; неопытные, неискусные въ словѣ и совершенно простые, они противостояли и вели борьбу съ искусниками, обманщиками, съ толпою софистовъ, риторовъ, философовъ, перегнившихъ въ академіи и въ школѣ перипатетиковъ. И тотъ, кто прежде упражнялся лишь около озеръ, одолѣлъ ихъ такъ точно, какъ будто бы велъ борьбу съ безгласными рыбами; да, онъ побѣдилъ ихъ такъ, какъ истый рыболовъ—безгласныхъ рыбъ. И Платонъ, который такъ много бредилъ—умолкъ; а этотъ говоритъ, и не передъ своими только, а и передъ пареянами, передъ мидянами, передъ эламитянами, и въ Индіи, и повсюду на землѣ даже до послѣднихъ предѣловъ вселенной. Гдѣ нынѣ гордость Греціи? Гдѣ слава Аѳинъ? Гдѣ бредъ философовъ? Галилеянинъ, виѳсаидянинъ, простолюдинъ, побѣдилъ ихъ всѣхъ. Не стыдно ли вамъ, скажите мнѣ, при одномъ имени той страны, которая была отечествомъ вашего побѣдителя? А если вы услышите и имя его, и узнаете, что его звали Кифа,—вамъ будетъ еще стыднѣе. Вотъ то-то именно и погубило васъ, что вы считаете это для себя унизительнымъ, что вы находите всю славу въ краснорѣчіи, а неискусство въ дарѣ слова считаете позоромъ. Не по тому пути вы шли, по какому слѣдовало идти; но вы оставили царскій путь—удобный и ровный, и пошли по пути неровному, крутому и трудному. Потому-то вы и не достигли царствія небеснаго.

4. Но почему же, скажешь, Христосъ дѣйствовалъ не чрезъ Платона и не чрезъ Пиѳагора? Потому, что душа Петра была гораздо способнѣе къ любомудрію, чѣмъ душа тѣхъ людей. Тѣ

были настоящія дѣти, которыя всюду увлекались пустою славою;
а Петръ былъ мужъ любомудрый и способный къ принятію бла-
годати. А если ты смѣешься, когда слышишь это,—въ томъ
нѣтъ ничего удивительнаго. Вѣдь и іудеи тогда также смѣялись
и говорили, будто апостолы напились молодого вина. Но послѣ,
когда потерпѣли тѣ тяжкія и самыя жестокія бѣдствія, когда
увидѣли, что городъ гибнетъ, что огонь разливается и стѣны па-
даютъ на землю, когда увидѣли и тѣ разныя неистовства, кото-
рыхъ никто не можетъ изобразить словомъ,—тогда уже больше 48
не смѣялись. Такъ и вы тогда не будете смѣяться, когда насту-
питъ время суда, когда будетъ возженъ огонь геены. Но для чего
я говорю о будущемъ? Хочешь ли, я покажу, каковъ Петръ и
каковъ Платонъ? Изслѣдуемъ пока, если угодно, ихъ нравы и по-
смотримъ, чѣмъ занимался тотъ и другой. Этотъ послѣдній упо-
требилъ все время жизни на занятія предметами безполезными
и пустыми. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза знать, что душа фило-
софа становится мухою? Подлинно (душа Платонова)—муха; не
въ муху превратилась, но муха вошла въ душу, обитавшую
въ Платонѣ. Что это за пустословіе! Откуда могло придти въ го-
лову—говорить подобный вздоръ? Это былъ человѣкъ полный на-
смѣшливости и всѣмъ завидовавшій. Онъ какъ будто бы ста-
рался о томъ, чтобы ни отъ себя не произвести, ни отъ другого
не позаимствовать ничего полезнаго; такимъ образомъ отъ дру-
гого онъ заимствовалъ переселеніе душъ, а самъ представилъ
ученіе о гражданскомъ обществѣ, гдѣ предписалъ гнуснѣйшія
правила. Пусть, говоритъ онъ, жены будутъ общія, пусть обна-
женныя дѣвицы борются на глазахъ любовниковъ, пусть будутъ
общими и отцы, и раждающіяся дѣти. Не выше ли это всякаго
безумія? Но таковъ Платонъ со своимъ ученіемъ. Здѣсь же не
природа дѣлаетъ отцевъ общими, а любомудріе Петра. Что же
касается до ученія (Платонова), то оно даже уничтожало (общихъ
отцевъ), потому что оно ничего другого не производило, кромѣ
того, что настоящаго отца почти не знали, а ненастоящаго при-
знавали отцемъ. Платонъ повергъ душу въ какое-то опьянѣніе и
въ грязь. Пусть всѣ, говоритъ онъ, безъ всякаго опасенія поль-
зуются женщинами. Потому я не стану разбирать ученія поэтовъ,
чтобы не сказали, будто я занимаюсь баснями; но я поговорю о
другихъ басняхъ, которыя гораздо смѣшнѣе этихъ. Сказали ль
гдѣ-нибудь поэты какую-либо подобную нелѣпость? А тотъ, кто
почитался главою философовъ, облекаетъ женщинъ даже въ ору-
жіе, въ шлемы и поножи, и утверждаетъ, что родъ человѣческій
ничѣмъ не разнится отъ собакъ. Такъ какъ между собаками,
говоритъ онъ, и самка и самецъ имѣютъ одинаковое участіе въ

дѣлахъ, то пусть и женщины также принимаютъ участіе во всемъ, и пусть все перевернется вверхъ дномъ. Діаволъ всегда старался черезъ посредство этихъ людей доказать, что нашъ родъ не имѣетъ никакого преимущества передъ безсловесными животными. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ нихъ дошли до такого суемудрія, что утверждали, будто и между безсловесными животными есть разумныя. И смотри, какъ разнообразно діаволъ неистовствовалъ въ ихъ душахъ. Главные между ними говорили, будто наша душа переходитъ и въ мухъ, и въ собакъ, и въ животныхъ; а ихъ преемники, устыдившись этого, впали въ другую гнусность, приписали животнымъ всякое разумное знаніе и постоянно доказывали, что существа, созданныя для насъ, по достоинству выше насъ. И не это только говорятъ они, но и то, будто у животныхъ есть предвѣдѣніе и благочестіе. Воронъ, говорятъ они, знаетъ Бога, равно какъ и ворона; и они имѣютъ дары пророчества и предвѣщаютъ будущее; есть, говорятъ, у животныхъ правосудіе, есть общество, есть законы, и собака между ними, по мнѣнію Платона, завистлива. Вы, можетъ быть, не вѣрите словамъ моимъ? Это и естественно, потому что вы воспитаны въ здравыхъ догматахъ: кто вскормленъ этою пищею, тотъ не можетъ повѣрить, что есть человѣкъ, который съ удовольствіемъ поѣдаетъ нечистоты. А между тѣмъ, когда говоришь имъ, что
49 все это басни и совершенное безуміе,—они отвѣчаютъ: вы не поняли. Да никогда и не захотимъ понимать столь смѣшного вашего ученія. Да, очень смѣшного! Вѣдь не нужно глубокаго ума для того, чтобы постигнуть, что значитъ все это нечестіе и эта путаница. Ужъ не по вороньи ли, безумные, говорите вы, какъ дѣлаютъ мальчики? Поистинѣ, вы настоящія дѣти, какъ и тѣ! Но Петръ не сказалъ ничего подобнаго; напротивъ, онъ подалъ голосъ, который, какъ обильный свѣтъ, просіявшій въ какомъ-нибудь темномъ мѣстѣ, разсѣялъ мракъ вселенной. А какъ кротокъ, какъ скроменъ его нравъ! Какъ онъ стоялъ выше всякой пустой славы! Какъ онъ имѣлъ въ виду лишь одно небо и былъ чуждъ хвастовства, не смотря на то, что даже воскрешалъ мертвыхъ! Случись кому-нибудь изъ этихъ неразумныхъ людей совершить что-нибудь подобное, хотя бы даже только призрачно, не тотчасъ ли онъ сталъ бы требовать себѣ жертвенника и храма, не захотѣлъ ли бы быть въ числѣ боговъ? Вѣдь и теперь, когда нѣтъ ничего такого, они всегда мечтаютъ объ этомъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, значатъ у нихъ Аѳина и Аполлонъ и Гера? Это у нихъ—роды духовъ. Есть у нихъ и царь, который хотѣлъ умереть для того, чтобы его почитали равнымъ Богу. Но апостолы (поступаютъ) не такъ, а совершенно наоборотъ. Послушай, что

говорятъ они при исцѣленіи хромого: *мужіе Израильтяне, что на ны взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его* 50
ходити (Дѣян. III, 12); и въ другомъ мѣстѣ: *и мы подобострастни есмы вамъ человѣцы* (XIV, 15). Но тамъ — великое хвастовство, великая гордость; все—только для почестей отъ людей и ничего —для любомудія. А когда что-либо происходитъ для славы, тогда все бываетъ низко: пусть человѣкъ имѣетъ все, но не владѣетъ этимъ (презрѣніемъ славы),—онъ совершенно чуждъ любомудрія и одержимъ сильнѣйшею и гнуснѣйшею страстію. Презрѣніе славы можетъ научить всему доброму и изгнать изъ души всякую губительную страсть. Поэтому убѣждаю и васъ—проявлять великую ревность о томъ, чтобы исторгнуть эту страсть съ корнемъ; иначе и нѣтъ возможности благоугодить Богу и снискать благоволеніе передъ этимъ неусыпнымъ окомъ. Итакъ, будемъ всячески стараться о томъ, чтобы снискать себѣ небесную помощь, чтобы не испытать и настоящихъ горестей, и сподобиться будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

Мужіе Іудейстіи, и живущіи во Іерусалимѣ вси, сіе 49
вамъ разумно да будетъ, и внушите глаголы моя (Дѣян. II, 14).

1. Здѣсь апостолъ обращаетъ свою рѣчь къ тѣмъ, которыхъ выше называлъ иноземцами; говоритъ, повидимому, только къ нимъ, а между тѣмъ исправляетъ и тѣхъ, которые смѣялись. А что нѣкоторые смѣялись, это было устроено (Богомъ) для того, чтобы (Петръ) началъ говорить въ защиту (апостоловъ) и, защищая ихъ, научилъ другихъ. Итакъ, эти люди считали для себя великою похвалою и то, что они жили въ Іерусалимѣ. *Сіе вамъ*, говоритъ, *разумно да будетъ, и внушите глаголы моя*. Этимъ пока возбуждаетъ ихъ вниманіе, а далѣе начинаетъ уже защищать. *Не бо, якоже вы непщуете, сіи піяни суть* (ст. 15). Видишь, какъ скромна его защита? Хотя онъ имѣлъ на своей сторонѣ большую часть народа, однакожъ говоритъ съ ними весьма кротко; и сперва опровергаетъ ихъ лукавое предположеніе, а затѣмъ уже приступаетъ къ защитѣ. Потому-то онъ и не сказалъ: какъ вы говорите, издѣваясь и смѣясь надъ нами; но: *яко же вы непщуете*,— желая показать, что они говорятъ это неумышленно, и приписывая это скорѣе ихъ невѣдѣнію, нежели злому умыслу. *Не бо,*

якоже вы непщуете, сіи піяни суть: есть бо часъ третій дне. Къ чему онъ говоритъ это? Развѣ нельзя быть пьянымъ и въ третьмъ часу? Конечно, можно; но онъ не хотѣлъ долго на этомъ останавливаться, такъ какъ (апостолы) были совсѣмъ не въ такомъ положеніи, какъ говорили въ насмѣшку эти люди. Отсюда, слѣдовательно, мы научаемся, что безъ нужды не надобно много говорить. А съ другой стороны, и дальнѣйшія слова его служатъ этому подтвержденіемъ. Теперь рѣчь его обращается уже вообще ко всѣмъ. *Но сіе есть реченое пророкомъ Іоилемъ: и будетъ въ послѣднія дни, глаголетъ Господь* Богъ (ст. 16, 17). Пока нигдѣ еще (не видно) имени Христа, и обѣтованіе это—не Его обѣтованіе, а—Отца. Замѣть благоразуміе (апостола). Онъ не опустилъ (этого обстоятельства) и не сталъ тотчасъ же говорить о томъ, что касается собственно Христа,—именно, что Онъ обѣщалъ это
50 послѣ Своего распятія: иначе, если бы онъ сказалъ такъ, то все бы испортилъ. Но вѣдь этого, скажешь, было бы достаточно для доказательства Его божества. Такъ,—когда этому вѣруютъ, пока же о томъ только была еще забота, чтобы этому повѣрили; а когда не вѣруютъ, то слѣдствіемъ этого было бы то, что ихъ побили бы камнями. *Излію отъ Духа моего на всяку плоть.* Подаетъ и имъ благія надежды, если только они сами того захотятъ. И не допускаетъ ихъ до мысли, что это лишь преимущество апостоловъ,—такъ какъ отсюда возникло бы неудовольствіе,—и такимъ образомъ устраняетъ зависть. *И прорекутъ*, говоритъ, *сынове ваши.* Не вамъ, говоритъ, принадлежитъ это великое дѣло и не вамъ эта похвала; къ вашимъ дѣтямъ перешла благодать. Дѣтьми называетъ себя вмѣстѣ съ прочими апостолами, а ихъ — отцами. *И юноши ваши видѣнія узрятъ и старцы ваши сонія видятъ: ибо на рабы моя и на рабыни моя во дни оны излію отъ Духа моего, и прорекутъ* (ст. 17, 18). Продолжаетъ показывать, что апостолы снискали благоволеніе (Божіе), такъ какъ удостоились Святого Духа, а тѣ—нѣтъ, потому что распяли Христа. Такъ и Христосъ, желая укротить ихъ гнѣвъ, говорилъ: *сынове ваши о комъ изгонятъ бѣсы* (Мѳ. XII, 27)? Не сказалъ: Мои ученики, такъ какъ показалось бы, что Онъ льститъ Себѣ. Равнымъ образомъ, и Петръ не сказалъ, что они не пьяны, но что они говорятъ по внушенію Духа, и не просто (сказалъ это), а прибѣгнулъ къ пророку и, оградившись имъ, говоритъ съ совершенною увѣренностію. Такимъ образомъ отъ обвиненія онъ освободилъ ихъ самъ, а касательно благодати приводитъ въ свидѣтели пророка. *Излію отъ Духа моего на всяку плоть.* Такъ сказано потому, что на однихъ благодать изливалась во снѣ, а на другихъ на яву. Вѣдь и во снѣ пророки имѣли видѣнія и полу-

чали откровенія. Затѣмъ (апостолъ) продолжаетъ пророчество, которое заключаетъ въ себѣ нѣчто и страшное. *И дамъ*, говоритъ, *чудеса на небеси горѣ и знаменія на земли низу* (ст. 19). Этими 51
словами намекаетъ и на будущій судъ, и на разрушеніе Іерусалима. *Кровь, и огнь, и куреніе дыма.* Смотри, какъ изобразилъ разрушеніе. *Солнце преложится во тьму и луна въ кровь* (ст. 20). Это онъ сказалъ примѣнительно къ положенію страждущихъ. Впрочемъ, разсказываютъ, что много такого и дѣйствительно было на небѣ, какъ свидѣтельствуетъ Іосифъ (Флавій). Въ то же время (апостолъ) этимъ и устрашилъ ихъ, напомнивъ имъ о бывшемъ мракѣ и заставивъ ожидать того, что будетъ. *Прежде даже не пріити дню Господню великому и просвѣщенному.* Если теперь, говоритъ, вы грѣшите безнаказанно, такъ еще не считайте себя въ безопасности. Вѣдь это начало нѣкотораго великаго и тяжкаго дня. Видишь ли, какъ онъ потрясъ и поколебалъ ихъ душу, и смѣхъ обратилъ въ оправданіе? Въ самомъ дѣлѣ, если это начало того дня, то необходимо слѣдуетъ, что имъ угрожала величайшая опасность. Что же? Продолжаетъ ли онъ говорить о томъ, что наводило страхъ? Нѣтъ. А что? Онъ снова даетъ имъ отдохнуть и говоритъ: *и будетъ всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется* (ст. 21). Это сказано о Христѣ, какъ говоритъ Павелъ (Рим. x, 13); однако Петръ не рѣшается высказать этого ясно. Но возвратимся къ тому, что сказано выше. Прекрасно возстаетъ Петръ противъ смѣющихся и издѣвающихся, говоря: *сіе вамъ* всѣмъ *извѣстно да будетъ и внушите глаголы моя.* А въ началѣ онъ говорилъ: *мужіе Іудейстіи*, называя, какъ мнѣ кажется, іудеями тѣхъ, которые жили въ Іудеѣ. Предложимъ, если угодно, и самыя слова Евангелія, чтобы ты узналъ, какимъ вдругъ сдѣлался Петръ. Вышла, говоритъ (евангелистъ), рабыня, *глаголющи: и ты былъ со Іисусомъ Назореомъ;* а онъ отвѣчалъ: *не вѣмъ человѣка*; и когда снова спросили его,—*начатъ ротитися и клятися* (Мѳ. xxvi, 69—74).

2. А здѣсь смотри, съ какимъ говоритъ онъ дерзновеніемъ, съ какою великою свободою. Онъ не похвалилъ тѣхъ, которые сказали: *слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки величія Божія;* а напротивъ, на ряду съ другими отягощаетъ и ихъ своими словами, желая сдѣлать ихъ болѣе ревностными и представить свое слово чуждымъ лести. Это и всегда прекрасно наблюдать, такъ, чтобы при снисходительности слово было чуждо всякой лести, равно какъ и всякаго оскорбленія, что̀—не легко. Не безъ причины также устроено и то, что это совершилось въ третьемъ часу: когда показывается блескъ свѣта, тогда люди еще не заняты бываютъ хлопотами объ обѣдѣ, тогда—ясный день, тогда всѣ на

площади. Видишь ли слово, исполненное свободы? *И внушите глаголы моя.* Сказавъ это, Петръ ничего не прибавилъ (отъ себя), а присовокупилъ: *сіе есть реченое пророкомъ Іоилемъ: и будетъ въ послѣднія дни.* Этимъ показываетъ, что уже близка и кончина. Оттого-то слова: *въ послѣднія дни* имѣютъ нѣкоторую особенную выразительность. Затѣмъ, чтобы не подумали, будто это дѣло касается только сыновъ, онъ присовокупляетъ: *и старцы ваши сонія видятъ.* Замѣть порядокъ: сначала сыны, какъ и Давидъ говоритъ: *вмѣсто отецъ твоихъ быша сынове твои* (Псал. XLIV, 17); и въ свою очередь, Малахія: *иже устроитъ сердце* отцовъ *къ чадамъ*
52 (Мал. IV, 6). *И на рабы моя и на рабыни моя.* И это—знакъ добродѣтели,—потому что мы стали рабами Божіими, освободившись отъ грѣха. Да обиленъ и даръ, когда дарованіе переходитъ и на другой полъ и не ограничивается однимъ или двумя лицами, какъ было въ древности, напримѣръ—Девворою и Олданою. И не сказалъ (Петръ), что это—Духъ Святой, и не истолковалъ словъ пророка, но привелъ лишь одно пророчество, предоставивъ ему говорить самому за себя. Ничего пока не говоритъ онъ и объ Іудѣ, потому что всѣмъ было извѣстно, какая казнь его постигла. Но онъ молчитъ, зная, что ничто на нихъ такъ сильно не дѣйствуетъ, какъ то, когда бесѣдуютъ съ ними на основаніи пророчества; это сильнѣе даже самыхъ дѣлъ. Когда Христосъ творилъ чудеса, Ему часто противорѣчили; а когда Христосъ привелъ имъ слѣдующія слова изъ пророчества: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене* (Пс. CIX, 1),—они умолкли, такъ что не могли уже сказать Ему въ отвѣтъ ни одного слова. Да и во многихъ мѣстахъ Онъ напоминаетъ имъ Писанія,—напримѣръ, когда говоритъ: *аще сихъ рече боги, къ нимже бысть слово Божіе* (Іоан. X, 35), а лучше—это всякому можно встрѣтить вездѣ. Потому-то и Петръ здѣсь говоритъ: *излію отъ Духа моего на всяку плоть,* т. е., на народы; но еще не раскрываетъ и не объясняетъ (пророчества), потому что это не было полезно. Такъ точно не ясны и эти слова: *дамъ знаменія на небеси горѣ,* потому что своею неясностію они еще больше устрашали ихъ. Если бы онъ объяснилъ имъ,—онъ болѣе вооружилъ бы ихъ противъ себя. Потому-то онъ и обходитъ его, какъ будто бы оно было ясно, желая внушить такое понятіе. Конечно, послѣ онъ объясняетъ имъ, когда бесѣдуетъ съ ними о воскресеніи, когда приготовилъ ихъ къ тому своимъ словомъ. Потому онъ охотно и обходитъ (это пророчество), что благодѣянія не въ силахъ были привлечь ихъ: этого никогда не было. Вѣдь тогда никто не спасся; а теперь вѣрные спаслись при Веспасіанѣ. Вотъ это и означаютъ слова (Спасителя): *и аще не быша прекратилися дніе*

оны, не бы убо спаслася всяка плоть (Мѳ. XXIV, 22). Что было болѣе тяжко, то случилось напередъ, такъ какъ сначала жители были взяты въ плѣнъ, и тогда городъ былъ разрушенъ и сожженъ.

Затѣмъ (Петръ) останавливается на иносказаніи, чтобы ближе представить предъ взорами слушателей раззореніе и плѣнъ. *Солнце превратится въ тьму и луна въ кровь.* Что значитъ выраженіе: луна превратится въ кровь? Мнѣ кажется, онъ означаетъ чрезъ это чрезмѣрность кровопролитія и намѣренно говоритъ такъ, чтобы внушить имъ великій страхъ. *И будетъ всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется. Всякъ*, говоритъ, будетъ ли то священникъ (хотя этого еще не высказываетъ), или рабъ, или свободный, потому что *о Христѣ Іисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій, нѣсть рабъ, ни свободь* (Галат. III, 28). И справедливо: это различіе, дѣйствительно, имѣетъ мѣсто лишь здѣсь, гдѣ все—тѣнь. Если въ царскихъ чертогахъ нѣтъ ни благороднаго, ни неблагороднаго, но всякаго обозначаютъ его дѣла; если и въ искусствахъ каждый цѣнится по своему произведенію, то тѣмъ больше—въ томъ состояніи. *Всякъ, иже аще призоветъ. Призоветъ* не просто,—потому что *не всякъ*, говоритъ (Христосъ), *глаголяй ми Господи, Господи* (Мѳ. VII, 21),—но призоветъ съ усердіемъ, при хорошей жизни, съ должнымъ дерзновеніемъ. Такимъ образомъ, слово его пока еще не тягостно, такъ какъ онъ вводитъ рѣчь о вѣрѣ, хотя не скрываетъ и страха наказанія. Почему? Потому что показываетъ, что есть спасеніе въ призываніи.

3. Что ты говоришь, скажи мнѣ? Вспоминаешь о спасеніи послѣ распятія? Потерпи немного. Человѣколюбіе Божіе велико; и то самое, что Господь ихъ призываетъ, доказываетъ Его боже- 53
ственность не меньше воскресенія, не меньше чудесъ. Вѣдь въ чемъ выражается чрезвычайная благость, то по преимуществу и свойственно Богу. Потому-то и говоритъ (Христосъ): *никто же благъ токмо единъ Богъ* (Лук. XVIII, 19). Но эту благость не станемъ обращать для себя въ поводъ къ безпечности, потому что Онъ и наказываетъ, какъ Богъ. Такъ вотъ и это сдѣлалъ Тотъ самый, кто сказалъ: *иже аще призоветъ имя Гооспoдне, спасется,*—говорю о томъ, что совершилось надъ Іерусалимомъ,—о томъ тягчайшемъ наказаніи. Объ этомъ я желаю сказать вамъ немного словъ, которыя будутъ полезны вамъ и для обличенія маркіонитовъ, и многихъ другихъ еретиковъ. Такъ какъ они утверждаютъ, что Христосъ—Богъ благій, а тотъ (который наказываетъ)—злой, то посмотримъ, кто это сдѣлалъ. Кто же это сдѣлалъ? Злой ли въ отмщеніе за Него? Не можетъ быть; иначе какъ же онъ будетъ чуждъ Ему? Или добрый? Но (изъ Писанія) оказывается, что это совершилъ и Отецъ, и Сынъ. Касательно

Отца, это видно изъ многихъ мѣстъ, напримѣръ, гдѣ говорится, что Онъ посылаетъ въ виноградникъ Свои воинства, а касательно Сына—изъ словъ: *обаче враги моя оны, иже не восхотѣша мене, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо и изсѣцыте предо мною* (Лук. XIX, 27). А съ другой стороны, и самъ Христосъ говоритъ о предстоящихъ скорбяхъ, которыя, по своей жестокости, превосходятъ все, что только когда-либо было сдѣлано, и самъ же возвѣстилъ о нихъ. Хочешь ли послушать, что было? Ихъ пронзали рожнами. Можетъ ли быть зрѣлище болѣе ужасное? Или хочешь, я раскажу о страданіяхъ женщины,—о томъ печальномъ событіи, которое выше всякаго бѣдствія? Или сказать о голодѣ и заразѣ? Я опускаю, что еще ужаснѣе этого. Тогда люди не признавали природы, не признавали закона, звѣрей превзошли жестокостію; и все это совершилось вслѣдствіе необходимостей войны, потому что такъ угодно было Богу и Христу. На это прилично будетъ указывать и маркіонитамъ, и тѣмъ, которые не вѣрятъ гееннѣ: этого будетъ довольно, чтобы обуздать ихъ безстыдство. Эти бѣдствія не ужаснѣе ли тѣхъ золъ, какія были въ Вавилонѣ? Этотъ голодъ не гораздо ли невыносимѣе тогдашняго? Объ этомъ и самъ Христосъ сказалъ такъ: *будетъ скорбь, яковаже не бысть, ниже имать быти* (Мѳ. XXIV, 21). Какъ же нѣкоторые говорятъ, будто Христосъ простилъ имъ грѣхъ? Можетъ быть, этотъ вопросъ считается обыкновеннымъ; но вы въ состояніи разрѣшить его. Никто нигдѣ не можетъ указать вымысла подобнаго тому, что было на самомъ дѣлѣ. И если бы писавшій это былъ христіанинъ,—слова его еще могли бы быть подозрительными; если же это іудей, и іудей самый ревностный, явившійся уже послѣ евангелія, то эти событія не должны ли быть достовѣрны для всѣхъ? Вѣдь ты всюду увидишь, какъ онъ превозноситъ все іудейское. Итакъ, и геенна есть, и Богъ благъ. Не ужаснулись ли вы, услыша о тѣхъ страданіяхъ? Но страданія здѣшнія—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что будетъ тамъ. Я опять вынужденъ казаться вамъ непріятнымъ, тягостнымъ и несноснымъ. Но чтожъ мнѣ дѣлать? Я на то и поставленъ. Какъ строгій воспитатель, по самой обязанности своей, неизбѣжно навлекаетъ на себя ненависть воспитанниковъ, такъ точно и мы. Иначе, не странно ли будетъ, если люди, назначенные царями на какую-нибудь должность, будутъ исполнять данныя имъ приказанія, хотя бы они были и непріятны, а мы, для избѣжанія упрековъ съ вашей стороны, станемъ пренебрегать обязанностію, на которую поставлены?

У всякаго свой долгъ: изъ васъ многіе обязаны имѣть состраданіе и человѣколюбіе, быть любезными и ласковыми съ

тѣми, кому вы оказываете благодѣяніе; а мы, съ своей стороны, для пользы тѣхъ, кому служимъ, являемся тягостными, жестокими, несносными и непріятными, такъ какъ мы приносимъ пользу не тѣмъ, чѣмъ нравимся, а тѣмъ, чѣмъ уязвляемъ. Таковъ и врачъ. Но онъ еще не слишкомъ непріятенъ, потому что 54
онъ сейчасъ же даетъ чувствовать пользу своего искусства; а мы—въ будущемъ. Таковъ и судья: онъ тягостенъ для преступниковъ и мятежниковъ. Таковъ и законодатель: онъ непріятенъ тѣмъ, которые должны подчиняться его законамъ. Но не таковъ тотъ, кто призываетъ къ удовольствіямъ, кто устрояетъ общественныя празднества и торжества, кто увѣнчиваетъ народъ; нѣтъ, эти люди нравятся, потому что увеселяютъ города разнообразными зрѣлищами, не жалѣя расходовъ и издержекъ. Потому-то получившіе отъ нихъ удовольствіе и награждаютъ ихъ съ своей стороны похвалами, занавѣсами, множествомъ свѣтильниковъ, вѣнками, вѣтвями, блистательною одеждою. Между тѣмъ больные, лишь только увидятъ врача, становятся печальны и унылы. Равнымъ образомъ и мятежники, какъ скоро увидятъ судью, приходятъ въ уныніе, а не радуются и не торжествуютъ, развѣ когда и самъ тотъ перейдетъ на ихъ сторону. Теперь посмотримъ, кто всего больше приноситъ пользы городамъ,—тѣ ли, которые устраиваютъ эти празднества, эти пиршества, роскошные обѣды и разнообразныя увеселенія, или тѣ, которые, отвергнувъ все это, приносятъ съ собою палку и бичи, приводятъ палачей и страшныхъ воиновъ, произносятъ грозныя слова, дѣлаютъ строгіе выговоры, наводятъ печаль и разгоняютъ палкой народъ на площади. Посмотримъ, говорю, на которой сторонѣ бываетъ выгода. Вѣдь этими послѣдними тяготятся, а тѣхъ очень любятъ. Что же бываетъ отъ тѣхъ, которые увеселяютъ народъ? Одно пустое удовольствіе, которое остается лишь до вечера, а на слѣдующій день пропадаетъ, — безчинный смѣхъ, неприличныя и невоздержныя слова. А что отъ этихъ? Опасеніе, воздержность, скромность въ образѣ мыслей, кротость души, удаленіе отъ безпечности, обузданіе внутреннихъ страстей, огражденіе себя отъ тѣхъ, которыя извнѣ вторгаются. Благодаря этимъ, каждый изъ насъ владѣетъ своимъ имуществомъ, а чрезъ тѣ празднества мы теряемъ его, и, притомъ, со вредомъ для себя,—теряемъ не потому, что къ намъ вторглись разбойники, но потому, что, къ нашему же удовольствію, насъ грабитъ тщеславіе. Всякій видитъ, какъ этотъ грабитель выноситъ все его имущество, и этимъ наслаждается. Вотъ новаго рода грабежъ, заставляющій веселиться тѣхъ, кто ему подвергается!

4. Но тамъ нѣтъ ничего подобнаго; тамъ мы ограждены Богомъ, какъ общимъ Отцемъ, отъ всего видимаго и невидимаго:

внемлите, говоритъ Онъ, *милостыни вашея не творити предъ человѣки* (Мѳ. VI, 1). Тамъ душа научается избѣгать неправды. Вѣдь неправда заключается не въ одной только преступной жадности къ деньгамъ, но и въ томъ, когда мы даемъ чреву пищи больше, чѣмъ нужно, и въ наслажденіи удовольствіями преступаемъ свойственную имъ мѣру и доходимъ до неистовства. Тамъ душа научается цѣломудрію, а здѣсь—распутству. Вѣдь распутство состоитъ не въ совокупленіи только съ женщиною, но и въ томъ, если мы смотримъ безстыдными глазами. Тамъ научается кротости, а здѣсь — надменности: *вся ми лѣть суть*, говоритъ (апостолъ), *но не вся на пользу* (1 Кор. VI, 12); тамъ—благопристойности, здѣсь—безстыдству. Умалчиваю уже о томъ, что бываетъ на зрѣлищахъ; здѣсь даже нѣтъ и никакого удовольствія, а скорѣе—печаль. Укажите мнѣ по прошествіи одного дня праздничнаго и на тѣхъ, которые несли издержки (по устройству праздника), и на тѣхъ, кого увеселяли зрѣлищами, — и мы увидимъ, что всѣ они унылы, а особенно тотъ, кто тратилъ деньги. Это и естественно. Въ предшествующій день онъ забавлялъ простолюдина, и простолюдинъ, дѣйствительно, былъ счастливъ и наслаждался большимъ удовольствіемъ, потому что его радовала блистательная одежда; но онъ не могъ ею пользоваться всегда и оттого скорбѣлъ и снѣдался печалію, когда видѣлъ, что ее съ него
55 снимаютъ. Что же касается того, кто тратился, то, повидимому, и счастіе его было мало въ сравненіи съ счастіемъ перваго. Потому-то на слѣдующій день они мѣняются другъ съ другомъ, и бóльшее недовольство достается на долю послѣдняго. Если же въ дѣлахъ людскихъ то, что радуетъ, имѣетъ въ себѣ столько непріятнаго, а что тягостно—приноситъ такую пользу, то тѣмъ больше—въ дѣлахъ духовныхъ. Потому-то никто не жалуется на законы, напротивъ, всѣ считаютъ ихъ общеполезными, такъ какъ не со стороны пришедшіе иноземцы и не враги постановили ихъ, но сами же граждане, надзиратели, попечители. И это считается знакомъ благоденствія и благожелательства, когда постановлены законы, несмотря на то, что законы наполнены наказаніями, и нельзя найти закона безъ наказанія. Не странно ли послѣ этого, если людей, излагающихъ тѣ законы, будете называть спасителями, благодѣтелями, заступниками, а насъ будете считать какими-то жестокими людьми и несносными, хотя мы говоримъ о законахъ Божіихъ? Вѣдь, когда бесѣдуемъ мы о гееннѣ, мы приводимъ тѣ самые законы. И какъ свѣтскіе законодатели излагаютъ законы объ убійствахъ, покражахъ, о бракахъ и о всемъ подобномъ, такъ и мы приводимъ законы о наказаніяхъ, законы, которые постановилъ не человѣкъ, но самъ единородный Сынъ

Божій. Безжалостный, говоритъ Онъ, да потерпитъ наказаніе; это именно означаетъ притча (о должникѣ) (Мѳ. XVIII, 23—35); злопамятный да подвергнется крайнему мученію; гнѣвающійся понапрасну да будетъ вверженъ въ огонь; злословящій да потерпитъ казнь въ гееннѣ.

Если же вамъ думается, что вы слышите законы странные,— не смущайтесь. Зачѣмъ было бы и приходить Христу, еслибы Онъ не имѣлъ постановить законы необыкновенные? Вѣдь то уже извѣстно намъ, что убійцу и прелюбодѣя надобно наказывать; слѣдовательно, если бы мы должны были услышать тоже самое, то какая была бы нужда въ небесномъ Учителѣ? Потому-то Онъ не говоритъ: прелюбодѣй да будетъ наказанъ, но—тотъ, кто смотритъ безстыдными глазами, и присовокупляетъ также и то, гдѣ и когда онъ подвергнется наказанію. И не на доскахъ и не на столпахъ изобразилъ Онъ Свои законы; и не столпы мѣдные по- 56
ставилъ Онъ, и не на нихъ начерталъ письмена; нѣтъ, Онъ воздвигъ для насъ двѣнадцать душъ апостольскихъ и на нихъ Духомъ Святымъ написалъ эти письмена. И мы, по всей справедливости, читаемъ ихъ вамъ. Если у іудеевъ это было законно, чтобы никто не могъ отговариваться незнаніемъ, то тѣмъ больше у насъ. Если же кто скажетъ: я не слушаю и не буду отвѣчать передъ судомъ, то за это подвергнется особенно большому наказанію. Въ самомъ дѣлѣ, если бы никто не училъ, то еще можно было бы этимъ отговариваться; но если есть учителя, то— уже нельзя. Посмотри, какъ Христосъ отнимаетъ у іудеевъ это извиненіе, когда говоритъ: *аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли* (Іоан. XV, 22). Опять и Павелъ (говоритъ): *но глаголю: еда не слышаша? Но паче во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (Рим. X, 18). Тогда бываетъ прощеніе, когда никто не говоритъ; но когда сидитъ надзиратель и имѣетъ это своею обязанностію, тогда уже нѣтъ прощенія. А между тѣмъ, Христосъ не того хотѣлъ, чтобы мы только смотрѣли на эти столпы, но—чтобы и сами были столпами. А такъ какъ мы сдѣлали себя недостойными этихъ письменъ, то будемъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣть на эти столпы. Какъ столпы другимъ угрожаютъ, а сами не подлежатъ отвѣтственности, равно какъ и самые законы,—такъ точно и блаженные апостолы. И смотри: не на одномъ мѣстѣ стоитъ такой столпъ, но вездѣ распространены эти письмена. Пойдешь ли въ Индію,—ты услышишь о нихъ; пойдешь ли въ Испанію или до самыхъ крайнихъ предѣловъ земли, — не встрѣтишь никого, кто бы не слыхалъ о нихъ, развѣ по собственному своему нерадѣнію. Такъ не сердитесь же, а будьте внимательны къ тому, что здѣсь говорится, чтобы вы были въ состояніи приняться за

дѣла добродѣтели и получить вѣчныя блага о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

55 Мужіе Израильстіи, послушайте словесъ сихъ (Дѣян. II, 22).

1. Не изъ лести это сказано (апостоломъ): но, такъ какъ выше онъ сильно обличилъ іудеевъ, то теперь дѣлаетъ имъ послабленіе и благовременно напоминаетъ о Давидѣ. Онъ опять начинаетъ вступленіемъ, чтобы они не пришли въ смятеніе, такъ какъ онъ намѣренъ былъ напомнить имъ объ Іисусѣ. До сихъ поръ они были спокойны, потому что слушали пророка; но имя Іисуса тотчасъ вооружило бы ихъ. И не сказалъ: повѣрьте, но: *послушайте*,—что было не тягостно. И замѣть, какъ онъ ничего не говоритъ высокаго, а начинаетъ свою рѣчь съ крайне уничиженнаго. *Іисуса*, говоритъ, *Назорея*,—сейчасъ же упоминаетъ объ отечествѣ, которое считалось презрѣннымъ. И ничего пока еще не говоритъ о Немъ великаго, даже и того, что иной сказалъ бы о пророкѣ. *Іисуса*, говоритъ, *Назорея, мужа, отъ Бога извѣствованна въ васъ*. Замѣть, какъ много значило сказать, что онъ посланъ отъ Бога. Это всегда и вездѣ старались доказать и самъ (Христосъ), и Іоаннъ, и апостолы. Послушай, напримѣръ, что го-
56 воритъ Іоаннъ: *той мнѣ рече: надъ негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на немъ, той есть* (Іоанн. I, 33). А самъ Христосъ даже и по преимуществу внушаетъ это, говоря: *не о себѣ пріидохъ, но той мя посла* (VIII, 42). Да и вездѣ въ Писаніи объ этомъ преимущественная забота. Потому-то и этотъ святой вождь въ блаженномъ ликѣ, приверженецъ Христовъ, пламенный ученикъ, которому ввѣрены были ключи небесъ, который принялъ духовное откровеніе, смирилъ ихъ страхомъ, показалъ, что (апостолы) сподобились великихъ даровъ, и сдѣлалъ ихъ достовѣрными, а тогда уже бесѣдуетъ и о Іисусѣ. Ахъ, какъ онъ осмѣлился среди убійцъ сказать, что Онъ воскресъ! Впрочемъ не тотчасъ говоритъ: Онъ воскресъ, а сначала: Онъ пришелъ къ вамъ отъ Бога. Это же видно изъ того, что Онъ сдѣлалъ. И не говоритъ: Онъ (сдѣлалъ), а: Богъ черезъ Него,—для того, чтобы скромностію лучше привлечь ихъ, при чемъ ихъ же самихъ призываетъ въ свидѣтели и говоритъ: *мужа, отъ Бога извѣствованна въ васъ силами, и чудесы, и знаменіи, яже сотвори тѣмъ Богъ посредѣ васъ, якоже и сами вѣсте* (ст. 22). Потомъ, когда

дошелъ до того ихъ ужаснаго преступленія,—смотри, какъ старается освободить ихъ отъ вины. Вѣдь, не смотря на то, что это было предопредѣлено, все же они были душегубцы. *Сего*, говорить онъ, *нарекованнымъ совѣтомъ и проразумѣніемъ Божіимъ преданa пріемше, руками беззаконныхъ пригвоздше, убисте* (ст. 23). 57
Говоритъ почти тѣми же самыми словами, какъ и Іосифъ, который также говорилъ своимъ братьямъ: не бойтесь; не вы меня продали, но Богъ меня послалъ сюда (Быт. XLV, 5). А такъ какъ онъ сказалъ, что на это была воля Божія, то, чтобы не сказали: значитъ, мы хорошо поступили,—онъ предупреждаетъ эту мысль тѣмъ, что присовокупилъ: *руками беззаконныхъ пригвоздше, убисте.* Здѣсь намекаетъ на Іуду и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ имъ, что они не въ силахъ были бы это сдѣлать, если бы Богъ не попустилъ и самъ не предалъ Его. Это и значитъ слово: *предана.* Такимъ образомъ всю вину слагаетъ на голову Іуды предателя, такъ какъ онъ предалъ Его лобзаніемъ. Или это означаютъ слова: *руками беззаконныхъ*, или онъ говоритъ здѣсь о воинахъ, выражая такую мысль: не просто вы убили Его, а чрезъ посредство беззаконныхъ людей. Замѣть, какъ повсюду (апостолы) заботятся о томъ, чтобы прежде всего были признаны Его страданія. Что же касается до воскресенія,—такъ какъ это было дѣло великое,—(Петръ) до времени прикрываетъ его и уже потомъ выставляетъ на видъ. Страданія, именно крестъ и смерть, были всѣми признаны, а воскресеніе еще нѣтъ; потому-то онъ и говоритъ о немъ послѣ, присовокупляя: *егоже Богъ воскреси, разрѣшивъ болѣзни смертныя, якоже не бяше мощно держиму быти ему отъ нея* (ст. 24). Здѣсь онъ указалъ на нѣчто великое и высокое. Слова: *не бяше мощно*—показываютъ, что Христосъ самъ и позволилъ (смерти) удержать Себя, и что самая смерть, держа Его, мучилась какъ бы болѣзнями рожденія и тяжко страдала. Извѣстно, что болѣзнію смертною Писаніе повсюду обыкновенно называетъ опасность. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь выражается мысль, что Онъ воскресъ такъ, что больше уже не умретъ. Или словами: *яко не бяше мощно держиму быти ему отъ нея*—(апостолъ) показываетъ, что воскресеніе Христово было не таково, какъ воскресеніе прочихъ людей. Затѣмъ прежде, чѣмъ въ умѣ ихъ могла родиться какая-нибудь мысль, онъ выставилъ имъ Давида, отстраняющаго всякій помыслъ человѣческій. *Давидъ бо*, говоритъ, *глаголетъ о немъ* (ст. 25). И смотри, какое опять уничиженное свидѣтельство! Для того онъ и привелъ его сначала, сказавъ то, что болѣе уничиженно, чтобы показать, что смерть (Христова) не была событіемъ горестнымъ. *Предзрѣхъ*, говоритъ, *Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся. Яко не оставиши души моея во адѣ* (ст. 25, 27). Затѣмъ,

докончивъ свидѣтельство пророческое, присовокупляетъ: *мужіе братіе* (ст. 29). Когда намѣренъ говорить что-нибудь особенно важное, всегда употребляетъ такое вступленіе, чтобы тѣмъ возбудить ихъ вниманіе и привлечь въ себѣ. *Достоитъ*, говоритъ, *рещи съ дерзновеніемъ къ вамъ о патріарсѣ Давидѣ* (ст. 29). Какая великая скромность! Такъ онъ всегда снисходитъ, когда это было безвредно. Потому и не сказалъ: это сказано о Христѣ, а не о Давидѣ; напротивъ, весьма благоразумно выказываетъ глубокое уваженіе къ блаженному Давиду, чтобы тѣмъ тронуть ихъ, и о томъ, что всѣми признано, говоритъ такъ, какъ будто это было дерзко сказать, стараясь расположить ихъ въ свою пользу тѣми похвалами (Давиду), какія незамѣтно вводитъ въ свою рѣчь. Потому и не просто говоритъ: *о Давидѣ*, но: *о патріарсѣ Давидѣ. Яко и умре, и погребенъ бысть.* Не говоритъ пока: и не воскресъ; но другимъ образомъ сейчасъ же высказываетъ и это, говоря: *и гробъ его есть въ насъ даже до дне сего* (ст. 29). Теперь онъ доказалъ то, что желалъ; но и послѣ этого не перешелъ еще ко Христу, а снова говоритъ съ похвалою о Давидѣ: *пророкъ убо сый и вѣдый, яко клятвою клятся ему Богъ* (ст. 30).

58 2. Такъ говоритъ онъ съ тою цѣлію, чтобы они, по крайней мѣрѣ, хоть изъ уваженія къ Давиду и къ его роду, приняли слово о воскресеніи,—такъ какъ будто бы въ противномъ случаѣ пострадаетъ пророчество и ихъ честь. *И вѣдый*, говоритъ, *яко клятвою клятся ему Богъ* (ст. 30). Не сказалъ просто: обѣщалъ, но, что было сильнѣе: *клятвою клятся отъ плода чреслъ его по плоти воздвигнути Христа и посадити его на престолѣ его* (ст. 30). Смотри, какъ опять указалъ на высокую истину. Такъ какъ онъ смягчилъ ихъ своими словами, то смѣло предлагаетъ это изреченіе пророка и бесѣдуетъ о воскресеніи. *Яко не оставися душа его во адѣ, ни плоть его видѣ истлѣнія* (ст. 31). Это опять удивительно; отсюда видно, что воскресеніе (Христово) не было похоже на воскресеніе прочихъ людей. Смерть держала Его и въ то же время не сдѣлала того, что ей свойственно дѣлать. Такимъ образомъ о грѣхѣ (іудеевъ) Петръ прикровенно сказалъ, а о наказаніи ничего не присовокупилъ; показалъ, что они умертвили (Христа), и вслѣдъ затѣмъ переходитъ къ знаменію Божію. Но, когда доказано, что умерщвленный былъ праведникъ и другъ Божій, то, хотя бы ты и умолчалъ о наказаніи, грѣшникъ самъ себя осудитъ еще больше, чѣмъ ты. Итакъ, (Петръ) все приписываетъ Отцу, для того, чтобы они приняли его слова. Затѣмъ приводитъ изъ пророчества выраженіе: *невозможно.* Поэтому, посмотримъ снова на то, что сказано выше. *Іисуса*, говоритъ (Петръ), *Назорея, мужа, отъ Бога извѣствованна въ васъ*, т. е., человѣка, о которомъ не

можетъ быть никакого сомнѣнія, но за котораго говорятъ дѣла. Такъ и Никодимъ говорилъ: *никтоже можетъ знаменій сихъ творити, яже ты твориши* (Іоан. III, 2). *Силами*, говоритъ, *и чудесы, и знаменіи, яже сотвори тѣмъ Богъ посредѣ васъ* (ст. 22; гл. 2 Дѣян.); значитъ, не тайно, если—*посредѣ*. Сначала говоритъ о томъ, что имъ извѣстно, и потомъ уже переходитъ къ неизвѣстному. Затѣмъ словами: *совѣтомъ Божіимъ*—показываетъ, что не они могли (это сдѣлать), но что это было дѣломъ премудрости и смотрѣнія Божія, такъ какъ было отъ Бога. И что было для нихъ непріятно, то онъ прошелъ скоро. Апостолы вездѣ старались показать, что (Христосъ) умеръ. Хотя бы вы, говоритъ (Петръ), стали отрицать,—они засвидѣтельствуютъ. А Кто привелъ въ затрудненіе самую смерть, тотъ, конечно, гораздо больше бѣдъ могъ причинить тѣмъ, которые Его распяли. Однакожъ, Петръ не говоритъ ничего такого, напримѣръ: Онъ могъ васъ умертвить, а просто только даетъ имъ понять это. Между тѣмъ, изъ этихъ словъ узнаемъ и мы, что значитъ то, что смерть держала Его. Кто мучится тѣмъ, что держитъ что-нибудь, тотъ уже не держитъ и не дѣйствуетъ, а страдаетъ и старается скорѣе бросить (что держитъ). Прекрасно также сказалъ (Петръ): *Давидъ бо глаголетъ о немъ*,—чтобы ты не отнесъ этихъ словъ къ самому пророку. Видишь ли, какъ онъ, наконецъ, объясняетъ и разоблачаетъ пророчество, показывая, какимъ образомъ Христосъ возсѣлъ на престолѣ Своемъ? Вѣдь царство духовное—на небесахъ. Замѣть, какъ вмѣстѣ съ воскресеніемъ онъ указалъ и на царство, сказавъ, что (Христосъ) воскресъ. (Далѣе) показываетъ, что пророкъ былъ поставленъ въ необходимость (говорить такъ), потому что это было пророчество о Христѣ. Почему же онъ не сказалъ: о царствѣ Его, но: *о воскресеніи его* (ст. 31)? Это было слишкомъ высоко (для нихъ). Но какъ Онъ возсѣлъ на престолѣ? Будучи царемъ надъ іудеями. А если—надъ іудеями, то тѣмъ больше надъ тѣми, которые Его распяли. *Ни плоть его*, говоритъ, *видѣ истлѣнія* (ст. 31). Это, повидимому, меньше воскресенія, но на самомъ дѣлѣ это—одно и то же. *Сего Іисуса воскреси Богъ*. Смотри, какъ (всегда) не иначе называетъ Его. *Емуже вси мы есмы свидѣтели. Десницею убо Божіею вознесеся* (ст. 32, 33). Опять обращается къ Отцу, хотя довольно было и того, что сказалъ уже прежде; но онъ зналъ, насколько это важно. Здѣсь онъ намекнулъ и на вознесеніе, и на то, что Христосъ пребываетъ на небесахъ; но ясно и этого не высказываетъ. *И обѣтованіе Святого Духа пріемъ* (ст. 33). Смотри: вначалѣ сказалъ, что не Христосъ послалъ Его (Святого Духа), но Отецъ; а когда напомнилъ имъ объ Его чудесахъ и о томъ, какъ поступили съ Нимъ іудеи, 59

когда сказалъ о воскресеніи, то уже смѣло начинаетъ говорить и объ этомъ и опять ихъ самихъ приводитъ въ свидѣтели, ссылаясь на то и другое ихъ чувство (т. е., на зрѣніе и слухъ — ст. 33). И о воскресеніи упоминаетъ часто, а объ ихъ преступленіи только однажды, чтобы не быть для нихъ тягостнымъ. *И обѣтованіе*, говоритъ, *Святаго Духа* пріемъ. Это опять—(истина) великая; и я думаю, что онъ говоритъ теперь о томъ обѣтованіи, которое было до страданія. Смотри, какъ, наконецъ, все это онъ усвояетъ Христу, дѣлая это очень незамѣтно. Въ самомъ дѣлѣ, если Онъ излилъ (Святого Духа), то, очевидно, о Немъ сказалъ пророкъ выше: *въ послѣднія дни излію отъ Духа моего на рабы моя и на рабыни моя, и дамъ чудеса на небеси горѣ* (ст. 17 и слѣд.). Смотри, какія (истины) онъ незамѣтно влагаетъ въ свои слова! Но такъ какъ это было дѣло великое, то онъ опять прикрываетъ его, сказавъ, что Христосъ принялъ отъ Отца. Онъ сказалъ объ оказанныхъ Имъ благодѣяніяхъ и о чудесахъ; сказалъ, что Онъ— Царь и что Онъ пришелъ къ нимъ; сказалъ, что Онъ даетъ Святого Духа. Но вѣдь что̀ бы кто ни сказалъ,—все будетъ напрасно, если онъ не будетъ имѣть въ виду пользы. Подобно Петру поступаетъ и Іоаннъ, когда говоритъ: *той вы креститъ Духомъ Святымъ* (Мѳ. III, 11). Вмѣстѣ съ тѣмъ (Петръ) показываетъ, что крестъ не только не умалилъ Христа, а напротивъ, еще болѣе прославилъ Его, такъ какъ, что издревле Богъ обѣщалъ Ему, то теперь даровалъ. Или иначе: Петръ говоритъ здѣсь о томъ обѣтованіи, которое Онъ намъ далъ. Такимъ образомъ Онъ напередъ уже зналъ о будущемъ обѣтованіи и послѣ креста даровалъ намъ еще большее. *И излія*. Здѣсь (апостолъ) показываетъ Его достоинство, равно какъ и то, что Онъ не просто (даровалъ Духа), но—въ изобиліи. Отсюда, чтобы сдѣлать и это (достоинство) очевиднымъ,—присовокупляетъ дальнѣйшія слова. Сказавъ о дарованіи Святого Духа, онъ теперь уже смѣло бесѣдуетъ и о вознесеніи (Христовомъ) на небеса, и не просто, но опять приводитъ свидѣтеля и напоминаетъ о томъ самомъ лицѣ, на которое и Христосъ указывалъ. *Не бо Давидъ*, говоритъ, *взыде на небеса* (ст. 34).

3. Здѣсь (апостолъ) говоритъ уже безъ стѣсненія, одушевляясь тѣмъ, что сказалъ выше; уже не говоритъ: *достоитъ рещи* (ст. 29) или что-нибудь подобное; но говоритъ ясно: *рече Господь Господеви моему: сѣди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (ст. 34, 35). А если Онъ — Господь Давида, то тѣмъ болѣе—ихъ. *Сѣди одесную мене*. Этимъ высказалъ все. *Дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ*. Этими словами возбудилъ въ нихъ великій страхъ, подобно тому, какъ и въ па-

чалѣ показалъ, какъ Богъ поступаетъ со Своими друзьями, и какъ—съ врагами. А чтобы они лучше ему повѣрили, онъ опять власть приписываетъ Отцу. И такъ какъ онъ сказалъ истину высокую, то теперь опять низводитъ слово свое къ уничиженному. *Твердо убо да уразумѣетъ*, говоритъ, *весь домъ Израилевъ* (ст. 36), т. е., не сомнѣвайтесь и не возражайте. А затѣмъ говоритъ уже со властію: *яко и Господа* самого *и Христа Богъ сотворилъ есть* (ст. 36). Это онъ припомнилъ изъ псалма Давидова (Пс. II, 2). Ему слѣдовало бы сказать: *твердо убо да уразумѣетъ весь домъ Израилевъ*, что Онъ сѣдитъ одесную; но такъ какъ то было слишкомъ высоко, то онъ, оставивъ это, приводитъ другое, что гораздо уничиженнѣе,—говоритъ: *сотворилъ есть*, т. е., поставилъ. Слѣдовательно, онъ здѣсь ничего не говоритъ о существѣ, но все объ этомъ предметѣ (т. е., о воплощеніи). *Сего Іисуса, его же вы распясте* (ст. 36). Прекрасно этимъ заключилъ свое слово, что- 60
бы чрезъ то потрясти ихъ умъ. Сначала показалъ, какъ велико это преступленіе, и потомъ уже открыто сказалъ о немъ, чтобы лучше представить его важность и преклонить ихъ страхомъ. Вѣдь люди не столько привлекаются благодѣяніями, сколько вразумляются страхомъ. Но дивные и великіе мужи и друзья Божіи ни въ чемъ этомъ не нуждаются. Таковъ, напримѣръ, былъ Павелъ: онъ не говорилъ ни о царствѣ, ни о гееннѣ.

Вотъ это значитъ любить Христа; это значитъ не быть наемникомъ, не смотрѣть (на благочестивую жизнь), какъ на промыселъ и на торговлю, а быть истинно добродѣтельнымъ и дѣлать все изъ одной любви къ Богу. Какихъ же достойны мы слезъ, когда на насъ лежитъ такой великій долгъ, а мы не стараемся, какъ бы купцы, пріобрѣсть царство небесное? Такъ много намъ обѣщано, а мы и при всемъ томъ не слушаемъ? Съ чѣмъ сравнить такую непріязнь? Люди, одержимые безумною страстію къ деньгамъ, кого бы ни встрѣтили, враговъ ли, или рабовъ, или самыхъ злыхъ своихъ противниковъ, самыхъ негодныхъ людей,—если только надѣются получить чрезъ нихъ деньги,—рѣшаются на все, и льстятъ, и услуживаютъ, и становятся рабами, и считаютъ ихъ самыми почтенными людьми, лишь бы что-нибудь получить отъ нихъ: надежда получить деньги производитъ то, что они ни о чемъ такомъ не думаютъ. А царство не имѣетъ того значенія у насъ, какое имѣютъ деньги; или лучше,—не имѣетъ и ничтожной доли того значенія. Между тѣмъ, и обѣщано оно не какимъ-нибудь обыкновеннымъ лицомъ, а Тѣмъ, Кто несравненно выше и самаго царства. Если же и обѣщано царство, и даетъ его самъ Богъ, то, очевидно, уже много значитъ и получить его отъ такого лица. А теперь, между тѣмъ, происходитъ

то же, какъ если бы царя, который, послѣ безчисленнаго множества другихъ благодѣяній, хочетъ сдѣлать (насъ) своими наслѣдниками и сонаслѣдниками собственнаго своего сына, мы стали презирать; а начальнику разбойниковъ, который былъ причиною весьма многихъ бѣдъ и для насъ, и для нашихъ родителей, который самъ исполненъ безчисленнаго зла и посрамилъ и нашу славу, и наше спасеніе, — стали кланяться, если онъ покажетъ намъ хотя одинъ оволъ. Богъ обѣщаетъ намъ царство, и мы пренебрегаемъ Его; діаволъ готовитъ намъ геенну, и мы чтимъ его! То—Богъ, а это—діаволъ! Но посмотримъ на самую разность ихъ заповѣдей. Вѣдь, если бы даже ничего этого не было,—если бы, то есть, то не былъ Богъ, а это—діаволъ, если бы первый не уготовлялъ намъ царства, а послѣдній — геенны, — самаго свойства ихъ заповѣдей не довольно ли было бы для того, чтобы побудить насъ быть въ союзѣ съ первымъ? Что же заповѣдуетъ тотъ и другой? Одинъ—то, что покрываетъ насъ стыдомъ, а другой—то, что дѣлаетъ насъ славными; одинъ—то, что подвергаетъ безчисленнымъ бѣдствіямъ и безславію, другой—то, что доставляетъ великую отраду. Въ самомъ дѣлѣ, посмотри: одинъ говоритъ: *научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мѳ. xi, 29); а другой говоритъ: будь жестокъ и суровъ, гнѣвливъ и раздражителенъ, будь лучше звѣремъ, чѣмъ человѣкомъ. Посмотримъ же, что полезнѣе, что благотворнѣе. Но не это только (имѣй въ виду), а помысли о томъ, что одинъ изъ нихъ діаволъ. Тогда въ особенности обнаружится то (что полезнѣе), да и торжество будетъ больше. Вѣдь не тотъ заботливъ, кто даетъ повелѣнія легкія, а кто заповѣдуетъ полезное. И отцы даютъ приказанія тягостныя, равно какъ и господа своимъ слугамъ; но потому-то именно одни изъ нихъ—отцы, а другіе—господа; а поработители и губители заповѣдуютъ все противное.

Впрочемъ, что (заповѣди Божіи) доставляютъ и удовольствіе, это ясно изъ слѣдующаго. Каково, по твоему мнѣнію, состояніе человѣка раздражительнаго, и человѣка незлобиваго и кроткаго? Не правда ли, что душа послѣдняго похожа на нѣкоторое уединенное мѣсто, гдѣ царствуетъ великая тишина, а душа перваго—на шумную площадь, гдѣ страшный крикъ, гдѣ погонщики вер-
61 блюдовъ, лошаковъ,ословъ кричатъ изо всей силы на проходящихъ, чтобы ихъ не задавить? Или еще, не походитъ ли душа послѣдняго на средину городовъ, гдѣ сильный шумъ то съ той стороны отъ серебренниковъ, то съ другой—отъ мѣдниковъ, и гдѣ одни обижаютъ, а другіе терпятъ обиду? А душа перваго похожа на нѣкоторую вершину горы, гдѣ вѣетъ легкій вѣтеръ и

куда падаетъ чистый лучъ (солнца), откуда льются прозрачныя струи потоковъ и гдѣ встрѣчаешь множество прелестныхъ цвѣтовъ, какъ на весеннихъ лугахъ и въ садахъ, красующихся растеніями, цвѣтами и струящимися ручейками. Если здѣсь и бываетъ какой звукъ, то это—звукъ пріятный, доставляющій большое удовольствіе тому, кто его слышитъ. Здѣсь или пѣвчія птицы сидятъ вверху на вѣтвяхъ деревъ, и кузнечики, соловьи и ласточки стройно воспѣваютъ какой-то одинъ концертъ; или тихій вѣтеръ, слегка касаясь вѣтвей деревъ, часто производитъ звуки, похожіе на звукъ флейты или на крикъ лебедя; или лугъ, покрытый розами и лиліями, которыя склоняются другъ къ другу и отливаютъ синевою, представляетъ какъ бы синее море въ минуту легкаго волненія. Однимъ словомъ, здѣсь всякому можно найти много подобій: когда посмотришь на розы,—подумаешь, что видишь радугу; а посмотришь на фіалки,—подумаешь, что видишь волнующееся море; посмотришь же на лиліи,—подумаешь, что видишь небо. И не зрѣніемъ только наслаждаешься здѣсь при видѣ такого зрѣлища, но и самымъ тѣломъ. Здѣсь человѣкъ по преимуществу находитъ для себя отраду и отдыхъ, такъ что скорѣе считаетъ себя на небѣ, чѣмъ на землѣ.

4. Есть здѣсь и другой звукъ,—когда вода непринужденно катится съ вершины по разсѣлинамъ и, слегка ударяясь о встрѣчающіеся камешки, тихо журчитъ и такую разливаетъ сладость по нашимъ членамъ, что скоро и сонъ, отъ котораго невольно опускаются члены, нисходитъ на глаза наши. Вы съ удовольствіемъ слушали мой разсказъ и, можетъ быть, даже плѣнились пустынною мѣстностью? А вѣдь душа великодушнаго человѣка еще несравненно пріятнѣе, чѣмъ эта пустынная мѣстность. И я не съ тѣмъ коснулся этого подобія, чтобы описать вамъ лугъ, или чтобы похвалить это краснорѣчіемъ, но, чтобы вы, увидѣвъ изъ описанія, какъ велико наслажденіе людей великодушныхъ,—увидѣвъ, что и обращеніе съ человѣкомъ великодушнымъ доставляетъ несравненно больше и удовольствія, и пользы, чѣмъ жизнь въ подобныхъ мѣстностяхъ, старались подражать такимъ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если отъ такой души не выходитъ и дыханіе бурное, но одни кроткія и привѣтливыя слова, истинно подобныя тихому вѣянію легкаго вѣтра, одни убѣжденія, въ которыхъ нѣтъ ничего грубаго, а напротивъ слышится нѣчто похожее на пѣніе птицъ, то неправда ли, что это лучше? Вѣяніе слова вѣдь ужъ не на тѣло падаетъ, а оживляетъ души. Не такъ скоро врачъ, какое бы онъ ни прилагалъ стараніе, освободитъ больного отъ горячки, какъ человѣкъ великодушный дуновеніемъ словъ своихъ охлаждаетъ человѣка и раздражительнаго, и пла-

менѣющаго гнѣвомъ. Но что я говорю о врачѣ? И раскаленное желѣзо, опущенное въ воду, такъ скоро не потеряетъ своей теплоты, какъ человѣкъ вспыльчивый, если встрѣтится съ душею
62 терпѣливою. Но какъ пѣвчія птицы на рынкѣ не имѣютъ почти никакой цѣны, такъ точно и наши убѣжденія считаются пустыми словами у людей раздражительныхъ. Итакъ, кротость пріятнѣе, чѣмъ гнѣвъ и ярость. Но не это только (нужно имѣть въ виду), но и то, что одно заповѣдано діаволомъ, а другое—Богомъ. Видите,—я не напрасно сказалъ, что, если бы то не былъ діаволъ и Богъ, самыя заповѣди были бы уже достаточны для того, чтобы отвлечь насъ (отъ діавола).

Человѣкъ кроткій и самъ себѣ пріятенъ, и остальнымъ полезенъ; а гнѣвливый—и самъ себѣ непріятенъ, и прочимъ вреденъ. Дѣйствительно, ничего нѣтъ хуже человѣка гнѣвливаго, ничего нѣтъ тягостнѣе, ничего несноснѣе, ничего постыднѣе; равно какъ и наоборотъ,—нѣтъ ничего пріятнѣе человѣка, который не умѣетъ гнѣваться. Лучше жить съ звѣремъ, чѣмъ съ такимъ человѣкомъ: звѣря только разъ укротишь, и ужъ онъ навсегда остается такимъ, какимъ его пріучили быть; а этого, сколько ни укрощай, онъ опять ожесточается, потому что только на одинъ разъ смирится. Какъ отличенъ ясный и свѣтлый день отъ времени ненастнаго и крайне печальнаго, такъ и душа человѣка гнѣвающагося отъ души человѣка кроткаго. Но мы теперь еще не будемъ разсматривать тотъ вредъ, который происходитъ (отъ людей раздражительныхъ) для остальныхъ, а посмотримъ на вредъ, какой они причиняютъ самимъ себѣ. Конечно, и то уже не маловажный вредъ, если мы сдѣлаемъ какое-либо зло другому; но на это мы пока не будемъ обращать вниманія. Какой палачъ можетъ истерзать до такой степени бока? Какіе раскаленные рожны могутъ такъ исколоть тѣло? Какое сумасшествіе можетъ настолько лишить насъ здраваго смысла, сколько (лишаютъ) гнѣвъ и бѣшенство? Я знаю многихъ, которые сдѣлались больными отъ гнѣва; и жестокія горячки всего болѣе бываютъ отъ гнѣва. А если (эти страсти) такъ вредны для тѣла, то подумай, (какъ вредны) для души. Не бери въ соображеніе того, что ты этого не видишь; но подумай, что если и то, что воспринимаетъ зло, терпитъ такой вредъ,—какой же вредъ получитъ то, что его рождаетъ? Многіе (отъ гнѣва) потеряли глаза, многіе впали въ самую тяжкую болѣзнь. Между тѣмъ, человѣкъ великодушный легко перенесетъ все. Но, не смотря на то, что (діаволъ) даетъ намъ такія тягостныя повелѣнія и въ награду за то предлагаетъ геенну, не смотря на то, что онъ—діаволъ и врагъ нашего спасенія, все же мы больше слушаемъ его, чѣмъ Христа,

хотя Христосъ—нашъ Спаситель и благодѣтель, и предлагаетъ намъ такія заповѣди, которыя и пріятнѣе, и полезнѣе, и благотворнѣе, которыя приносятъ величайшую пользу и намъ, и тѣмъ, кто съ нами живетъ. Нѣтъ ничего хуже гнѣва, возлюбленный; нѣтъ ничего хуже неумѣстной раздражительности. Гнѣвъ не терпитъ дальняго отлагательства; это—бурная страсть. Часто случается, что въ гнѣвѣ иной скажетъ такое слово, для вознагражденія котораго нужна цѣлая жизнь; или совершитъ такое дѣло, которое ниспровергнетъ всю его жизнь. Вѣдь то-то и ужасно, что въ короткое время, чрезъ одинъ поступокъ, чрезъ одно даже слово, (эта страсть) часто лишаетъ насъ вѣчныхъ благъ и дѣлаетъ напрасными безчисленные труды. Поэтому умоляю васъ, употребите всѣ мѣры къ тому, чтобы обуздывать этого звѣря. Это я сказалъ о кротости и гнѣвѣ. Но, если кто станетъ разсуждать и объ остальныхъ (качествахъ), напр., о любостяжаніи и презрѣніи богатства, о распутствѣ и цѣломудріи, о зависти и добродушіи, и сравнитъ ихъ одно съ другимъ,—тотъ узнаетъ, что и здѣсь есть различіе. Видѣли вы, какъ ясно изъ однихъ только заповѣдей открывается, что одинъ—Богъ, а другой—діаволъ? Будемъ же повиноваться Богу и не станемъ ввергать себя въ бездну, но, пока есть еще время, постараемся омыть все, что оскверняетъ душу, чтобы сподобиться вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

Слышавше же слова сіи, умилишася сердцемъ, и рѣша къ Петру и прочимъ апостоломъ: что сотворимъ, мужіе братіе (Дѣян. п, 27)? 63

1. Видишь ли, какое великое благо—кротость? Она больше жестокости уязвляетъ сердца наши и причиняетъ рану болѣе чувствительную. Какъ тотъ, кто наноситъ ударъ тѣламъ затвердѣлымъ, производитъ ощущеніе не столь сильное, а кто напередъ смягчитъ ихъ и сдѣлаетъ нѣжными, тотъ поражаетъ сильнѣе, такъ точно и здѣсь — прежде надобно смягчить, и тогда уже поразить. Смягчаетъ же не гнѣвъ, и не сильное обвиненіе, и не порицанія, но кротость: гнѣвъ еще увеличиваетъ ожесточеніе, а кротость уничтожаетъ. Итакъ, если хочешь тронуть кого-либо обидѣвшаго тебя, обращайся къ нему съ большою кротостію. Вотъ смотри, и здѣсь что дѣлаетъ (кро-

тость). Петръ кротко напомнилъ іудеямъ объ ихъ преступленіяхъ и ничего болѣе не прибавилъ; сказалъ о дарѣ Божіемъ, указалъ на благодать, какъ на свидѣтельство о минувшихъ событіяхъ. И еще далѣе простеръ слово. Іудеи устыдились кротости Петра, потому что онъ съ людьми, распявшими его Владыку и замышлявшими убійство противъ самихъ (апостоловъ), бесѣдовалъ, какъ отецъ и заботливый учитель. Они не просто убѣдились, но и осудили самихъ себя,—пришли въ сознаніе того, что сдѣлали. Это потому, что онъ не далъ имъ увлечься гнѣвомъ и не допустилъ ихъ разума до омраченія, но своимъ смиренномудріемъ разсѣялъ, какъ нѣкоторый мракъ, ихъ негодованіе, и тогда уже выставилъ на видъ ихъ преступленіе. Вѣдь такъ обыкновенно бываетъ: когда мы скажемъ, что насъ обидѣли, обидѣвшіе стараются доказать, что они не обижали; а когда скажемъ, что насъ не обидѣли, но скорѣе мы сами обидѣли, — тѣ поступаютъ напротивъ. Поэтому, если хочешь привести обидѣвшаго въ затрудненіе, — не обвиняй его, но вступись за него, и онъ самъ будетъ обвинять себя: родъ человѣческій любитъ спорить. Такъ сдѣлалъ Петръ. Онъ не осудилъ (іудеевъ) со всею силою, а напротивъ, постарался еще съ возможною кротостію почти защитить ихъ и потому тронулъ ихъ душу. Откуда же видно, что они умилились? Изъ ихъ словъ. Что именно говорятъ они? *Что сотворимъ, мужіе братіе?* Тѣхъ, которыхъ называли обманщиками, теперь называютъ братьями, не столько для того, чтобы сравнить себя съ ними, сколько для того, чтобы расположить ихъ къ любви и попеченію. А съ другой стороны, такъ какъ апостолы удостоили ихъ этого названія, то они и говорятъ: *что сотворимъ?* Не сказали тотчасъ: итакъ, покаемся; но предали себя на ихъ волю. Какъ человѣкъ, застигнутый кораблекрушеніемъ или болѣзнію, увидя кормчаго или врача, все предоставляетъ ему и во всемъ слушается его,—такъ и они признались, что находятся въ крайнемъ положеніи и не имѣютъ даже надежды на спасеніе. И смотри: не сказали они: какъ мы спасемся, но: *что сотворимъ?* Что же Петръ? Здѣсь опять, хотя спрошены были всѣ (апостолы), отвѣчаетъ Петръ. *Покайтеся*, говоритъ онъ, *и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа* (ст. 38). И еще не говоритъ: увѣруйте, но: *да крестится кійждо васъ*, — потому что вѣру они получали въ крещеніи. Потомъ показываетъ и пользу (крещенія): *во оставленіе грѣховъ, и пріимете даръ Святаго Духа* (ст. 38). Если вы получите даръ, если крещеніемъ дается *оставленіе* (грѣховъ), то зачѣмъ медлите? Потомъ, чтобы сдѣлать свое слово убѣдительнымъ, присовокупилъ: *вамъ бо есть обѣтованіе*
64 (ст. 39). И здѣсь разумѣетъ то же обѣтованіе, о которомъ гово-

рилъ и выше. *И чадомъ вашимъ*. Значитъ, болѣе великъ даръ, когда у нихъ есть и наслѣдники благъ. *И всѣмъ далнимъ*: если дальнимъ, то тѣмъ болѣе вамъ—близкимъ. *Елики аще призоветъ Господь Богъ нашъ* (ст. 39). Смотри, когда говоритъ: *далнимъ*? Тогда, когда они были уже расположены къ нему и осудили себя; вѣдь душа, когда осудитъ себя, уже не можетъ завидовать. *И иными словесы множайшими засвидѣтельствоваше и моляше ихъ, глаголя* (ст. 40). Смотри, какъ вездѣ (писатель) говоритъ кратко, какъ далекъ честолюбія и хвастовства. *Засвидѣтельствоваше*, говоритъ, *и моляше, глаголя*. Вотъ совершенное ученіе, внушающее и страхъ и любовь! *Спаситеся*, говоритъ (Петръ), *отъ рода строптиваго сего* (ст. 40). Ничего не говоритъ о будущемъ, но — о настоящемъ, чѣмъ люди всего болѣе и руководятся; и показываетъ, что проповѣдь освобождаетъ и отъ настоящихъ, и отъ будущихъ золъ. *Иже убо любезно пріяша слово его, крестишася: и приложишася въ день той душъ яко три тысящи* (ст. 41). Какъ думаешь, во сколько разъ больше знаменія это одушевило апостоловъ? *Бяху же терпяще* единодушно *во ученіи апостолъ и во общеніи* (ст. 42). Двѣ добродѣтели: и то, что терпѣли, и то, что—единодушно. *Во ученіи*, говоритъ, *апостолъ*, для того, чтобы показать, что и послѣ апостолы учили ихъ долгое время. *И во общеніи и въ преломленіи хлѣба и въ молитвѣхъ*. Все, говоритъ, дѣлали вмѣстѣ, все—съ терпѣніемъ. *Бысть же на всякой души страхъ* увѣровавшихъ: *многа бо чудеса и и знаменія апостолы быша* (ст. 43). Это и естественно. Они уже не презирали ихъ, какъ какихъ-нибудь простыхъ людей, и внимали уже не тому, что видѣли, но умъ ихъ очистился. А какъ выше Петръ говорилъ весьма многое, излагалъ обѣтованія и показывалъ будущее, то они справедливо поражены были страхомъ; свидѣтельствомъ же тому, что говорилъ онъ, служили чудеса. Какъ у Христа—прежде знаменія, потомъ ученіе, затѣмъ чудеса, такъ и теперь. *Вси же вѣровавшія бяху вкупѣ, и имяху вся обща* (ст. 44). Смотри, какой тотчасъ успѣхъ: не въ молитвахъ только общеніе и не въ ученіи, но и въ жизни. *И стяжанія и имѣнія продаяху, и раздаяху* ихъ *всѣмъ, его же аще кто требоваше* (ст. 45). Смотри, какой страхъ появился у нихъ. *И раздаяху* ихъ. Это сказалъ, чтобы показать, какъ они распоряжались имуществомъ. *Его же аще кто требоваше*. Не просто (раздавали), какъ у язычниковъ философы, изъ которыхъ одни оставили землю, а другіе много золота бросили въ море: это было не презрѣніемъ къ деньгамъ, но глупостію и безуміемъ. Діаволъ всегда и вездѣ старался оклеветать созданія Божіи, какъ будто нельзя хорошо пользоваться имуществомъ. *По вся же дни терпяще единодушно въ церкви* (ст. 46). Здѣсь указываетъ на то, какимъ образомъ они принимали ученіе.

2. Замѣть, какъ іудеи ничего другого не дѣлали, ни малаго, ни великаго, а только пребывали въ храмѣ. Такъ какъ они сдѣлались ревностнѣе, то и къ мѣсту имѣли больше благоговѣнія; и апостолы пока еще не отвлекли ихъ, чтобы не причинить имъ вреда. *И ломяще по домомъ хлѣбъ, пріимаху пищу въ радости и въ про-*
65 *стотѣ сердца, хваляще Бога и имуще благодать у всѣхъ людей* (ст. 46, 47). Когда говоритъ: *хлѣбъ*, то, мнѣ кажется, указываетъ здѣсь и на постъ, и на строгую жизнь, — такъ какъ они принимали пищу, а не предавались роскоши. Отсюда пойми, возлюбленный, что не роскошь, но пища приноситъ наслажденіе и что роскошествующіе (живутъ) въ печали, а не роскошествующіе — въ радости. Видишь ли, что слова Петра приводили и къ этому — къ воздержанію въ жизни? Такъ-то не можетъ быть радости, если нѣтъ *простоты*. Почему же, скажешь, они имѣли *благодать у всѣхъ людей?* По своимъ дѣламъ, по своей милостынѣ. Такъ не смотри же на то, что архіереи возстали на нихъ по зависти и ненависти, но — на то, что они имѣли *благодать у людей. Господь же прилагаше по вся дни церкви спасающіяся* (ст. 47). *Вси же вѣровавшіи бяху вкупѣ.* Такъ вездѣ прекрасно — единомысліе. *И иными словесы засвидѣтельствоваше.* Это сказалъ (апостолъ), показывая, что не достаточно было сказаннаго; или еще: прежнія слова были сказаны для того, чтобы привести къ вѣрѣ, а эти показывали, что̀ долженъ дѣлать вѣрующій. И не сказалъ: о крестѣ, но: *во имя Іисуса Христа да крестится кійждо васъ.* Не напоминаетъ имъ постоянно о крестѣ, чтобы не показалось, будто онъ поноситъ ихъ; но просто говоритъ: *покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ.* Въ здѣшнихъ судахъ законъ относится иначе; но въ (дѣлѣ) проповѣди грѣшникъ спасется тогда, когда сознается во грѣхахъ. Смотри, какъ Петръ не пропустилъ того, что болѣе важно; но, сказавъ сначала о благодати, присовокупилъ потомъ и это: *пріимете даръ Святаго Духа.* И слово его было достовѣрно потому, что сами (апостолы) получили (Духа). Сначала говоритъ о томъ, что легко и что подаетъ великій даръ, и потомъ уже ведетъ къ жизни, зная, что для нихъ поводомъ къ ревности будетъ то, что они уже вкусили столько благъ. А такъ какъ слушатель желалъ узнать, что составляло сущность его очень многихъ словъ, — онъ присоединяетъ и это, показывая, что это — даръ Святого Духа. Такимъ образомъ тѣ, которые приняли слово его, одобрили сказанное имъ, хотя слова его и были исполнены страха, и послѣ одобренія приступаютъ къ крещенію. Но посмотримъ, что сказано выше. *Бяху терпяще во ученіи.* Изъ этого видно, что не одинъ день, и не два, и не три, но въ теченіе многихъ дней они учи-

лись, такъ какъ перешли къ другому образу жизни. *И бысть на всякой души страхъ*. Если *на всякой*, то—и на неувѣровавшихъ. Вѣроятно, они чувствовали страхъ, видя столь внезапное обращеніе, а можетъ быть, (это происходило) и отъ знаменій. Не сказалъ (Лука): вмѣстѣ, но — *единодушно*, потому что можно кому-либо быть и вмѣстѣ, но не единодушно, раздѣляясь въ мысляхъ. *И словесы моляше*. И здѣсь не излагаетъ ученія, заботясь о краткости слова, хотя отсюда можно видѣть, что (апостолы) питали ихъ, какъ дѣтей, духовною пищею, и вотъ они вдругъ сдѣлались ангелами. *И раздаяху, его же аще кто требоваше*. Они видѣли, что духовныя блага общи и что никто не имѣетъ больше другого,— и потому скоро пришли къ мысли раздѣлить между всѣми и свое имущество. *Вси же вѣровавшіи бяху вкупѣ*. А что не по мѣсту они были *вкупѣ*, видно изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ: *и имяху вся обща. Вси же*, говоритъ; а не такъ, что одинъ имѣлъ, а другой нѣтъ. Это было ангельское общество, потому что они ничего не называли своимъ. Отсюда исторгнутъ былъ корень 66
золъ, и своими дѣлами они показали, что слышали (слово проповѣди). Говорилъ же (апостолъ) вотъ что: *спаситеся отъ рода строптиваго сего. И приложишася въ день той* душъ *яко три тысящи* (ст. 40 — 41). Такъ какъ ихъ было теперь три тысячи, то (апостолы) уже извели ихъ вонъ, и они съ дерзновеніемъ уже великимъ ежедневно приходили въ храмъ и пребывали въ немъ. Такъ точно, не много послѣ, поступаютъ и Петръ съ Іоанномъ, потому что они еще не отвергали ничего іудейскаго; да и самое почтеніе къ мѣсту переходило къ Владыкѣ храма. Видѣлъ ли ты успѣхъ благочестія? Отказывались отъ имущества и радовались, и велика была радость, потому что пріобрѣтенныя блага были больше. Никто не поносилъ, никто не завидовалъ, никто не враждовалъ; не было гордости, не было презрѣнія; всѣ, какъ дѣти, принимали наставленія, всѣ были настроены, какъ новорожденные. Но зачѣмъ я говорю въ темномъ образѣ? Помните, какъ всѣ были скромны, когда Богъ поколебалъ нашъ городъ? Въ такомъ же точно состояніи находились тогда они: не было коварныхъ, не было лукавыхъ. Вотъ что значитъ страхъ, вотъ что значитъ скорбь! Не было холоднаго слова: мое и твое; поэтому была радость при трапезѣ. Никто не думалъ, что ѣстъ свое; никто (не думалъ), что ѣстъ чужое, хотя это и кажется загадкою. Не считали чужимъ того, что принадлежало братьямъ, — такъ какъ то было Господне; не считали и своимъ, но—принадлежащимъ братьямъ. Ни бѣдный не стыдился, ни богатый не гордился: вотъ что значитъ—радоваться! И тотъ считалъ себя облагодѣтельствованнымъ и чувствовалъ, что онъ

больше пользуется благодѣяніями, и эти находили въ томъ свою славу; и всѣ были сильно привязаны другъ къ другу. Вѣдь случается, что при раздаяніи имущества бываетъ и обида, и гордость, и скорбь; поэтому апостолъ и говорилъ: *не отъ скорби, ни отъ нужды* (2 Кор. IX, 7). Смотри, какъ многое (Лука) прославляетъ въ нихъ: искреннюю вѣру, правую жизнь, постоянство въ слушаніи, въ молитвахъ, въ простотѣ, въ радости.

3. Двѣ (вещи) могли повергнуть ихъ въ печаль: постъ и раздаяніе имущества. Но они радовались и тому, и другому. Кто же людей съ такими чувствами не полюбилъ бы, какъ общихъ отцевъ? Никакого зла не замышляли они другъ противъ друга и все предоставляли благодати Божіей. Не было страха между ними, не смотря на то, что они находились среди опасностей. Но всю ихъ добродѣтель, гораздо высшую и презрѣнія къ имуществу, и поста, и постоянства въ молитвахъ, (апостолъ) выразилъ (словомъ): *въ простотѣ*. Такимъ-то образомъ они неукоризненно хвалили Бога; или лучше: въ этомъ-то и состоитъ хвала Богу. Но смотри, какъ они тотчасъ же получаютъ здѣсь и награду: то, что они имѣли *благодать у людей*, показываетъ, что они были любимы и были достойны любви. Да и кто не изумился бы, кто не подивился бы человѣку, простому нравомъ? Или кто не привязался бы къ тому, въ комъ нѣтъ ничего коварнаго? Кому другому, какъ не этимъ, принадлежитъ спасеніе? Кому, какъ не имъ — великія блага? Не пастыри ли первые услышали евангеліе? Не Іосифъ ли, этотъ простой человѣкъ—чтобы подозрѣніе въ прелюбодѣяніи не устрашило его и не побудило сдѣлать какое-либо зло? Не простыхъ ли поселянъ избралъ (Господь въ апостолы)? Сказано вѣдь: *душа благословенна всякая простая* (Притч. XI, 25). И опять: *иже ходитъ просто, ходитъ надѣяся* (X, 9). Такъ, скажешь, но надобно и благоразуміе. Да что же иное и простота какъ не благоразуміе? Вѣдь когда не подозрѣваешь ничего злого, тогда не можешь и замышлять зла. Когда ничѣмъ не огорчаешься, тогда не можешь быть и злопамятнымъ. Обидѣлъ ли кто тебя? Ты не опечалился. Оклеветалъ ли? Ты ничего не потерпѣлъ. Позавидовалъ ли тебѣ? И отъ этого ты нисколько не пострадалъ.
67 Простота есть нѣкоторый путь къ любомудрію. Никто такъ не прекрасенъ душею, какъ человѣкъ простой. Какъ по отношенію къ тѣлу человѣкъ печальный, унылый и угрюмый, хотя бы онъ былъ и красивъ собою, теряетъ много красоты, а беззаботный и кротко улыбающійся увеличиваетъ красоту, такъ точно и по отношенію къ душѣ. Угрюмый, хотя бы имѣлъ тысячи добрыхъ дѣлъ, отнимаетъ у нихъ всю красоту; а открытый и простой— напротивъ. Такого человѣка можно безопасно сдѣлать и другомъ,

а если онъ станетъ врагомъ, съ нимъ (не опасно) примириться. Не нужны для такого (человѣка) ни стражи и караулы, ни узы и оковы; онъ и самъ будетъ пользоваться великимъ спокойствіемъ, и всѣ живущіе съ нимъ. Что же, скажешь, если такой человѣкъ попадетъ въ общество дурныхъ людей? Богъ, повелѣвшій намъ быть простыми, простретъ ему руку. Что проще Давида? Что лукавѣе Саула? А между тѣмъ, кто остался побѣдителемъ? Чтожъ (сказать) объ Іосифѣ? Не въ простотѣ ли сердца пришелъ онъ къ госпожѣ своей, а та не имѣла ли злого намѣренія? И однакожъ, скажи мнѣ, потерпѣлъ ли онъ какой-либо вредъ? Что проще Авеля? Что коварнѣе Каина? И тотъ же, опять, Іосифъ не просто ли обращался съ своими братьями? Не потому ли онъ прославился, что все говорилъ съ довѣрчивостію, между тѣмъ какъ братья принимали съ злымъ умысломъ? Онъ разъ сказалъ о сновидѣніяхъ, сказалъ и въ другой разъ, и не остерегался. И онъ же опять пошелъ къ нимъ отнести пищу, и нисколько не остерегался, полагаясь во всемъ на Бога. Но чѣмъ больше они поступали съ нимъ, какъ съ врагомъ, тѣмъ больше онъ обходился съ ними, какъ съ братьями. Богъ могъ и не допустить, чтобы онъ впалъ (въ руки братьевъ), но допустилъ для того, чтобы показать чудо и то, что, хотя они и поступятъ съ нимъ, какъ враги, онъ будетъ выше ихъ. Такимъ образомъ, если (простой человѣкъ) и получаетъ рану, то получаетъ не отъ себя, а отъ другого.

Лукавый же наноситъ ударъ прежде всего себѣ и больше никому. Такимъ образомъ онъ врагъ самому себѣ. Душа такого человѣка всегда полна печали, въ то время, какъ мысли его всегда угрюмы. Если онъ долженъ выслушать или сказать что-нибудь, то все дѣлаетъ съ нареканіями, все обвиняетъ. Дружба и согласіе очень далеки отъ такихъ людей; у нихъ ссоры, вражда и непріятности; такіе люди и себя подозрѣваютъ. Имъ даже и сонъ непріятенъ, равно какъ и ничто другое. Если же они имѣютъ жену,—о! тогда они становятся всѣмъ врагами и непріятелями: безконечная ревность, постоянный страхъ! Лукавый (πονηρός) потому такъ и называется, что онъ находится въ трудѣ (παρὰ τὸ πονεῖν). Такъ и Писаніе всегда называетъ лукавство трудомъ, когда, напримѣръ, говоритъ: *подъ языкомъ его трудъ и болѣзнь* (Псал. IX, 28); и еще въ другомъ мѣстѣ: *и множае ихъ трудъ и болѣзнь* (Псал. LXXXIX 10). Если же кто удивляется, почему вначалѣ (христіане) были такими, а теперь уже не таковы,—тотъ пусть узнаетъ, что причиною тому была скорбь, учительница любомудрія, мать благочестія. Когда было раздаяніе имущества, тогда не было и лукавства. Такъ, скажешь; но объ этомъ именно я и спрашиваю: отчего теперь такое лукавство? Отчего эти три и пять тысячъ

вдругъ рѣшились избрать добродѣтель и такимъ образомъ всѣ сдѣлались любомудрыми, а теперь едва находится одинъ? Отчего тогда такъ были они согласны? Что сдѣлало ихъ ревностными и возбужденными? Что неожиданно воспламенило ихъ? Это—потому, что они приступили съ великимъ благоговѣніемъ; потому, что (тогда) не было почестей, какъ теперь; потому, что они переселились мыслію въ будущее и не ожидали ничего настоя-
68 щаго. Душѣ воспламененной свойственно жить въ скорбяхъ: это считали они христіанствомъ, — они, но не мы; а мы теперь ищемъ здѣсь покойной жизни. Поэтому намъ и не достигнуть, хотя бы и слѣдовало, тѣхъ (добродѣтелей). *Что сотворимъ?*—спрашивали они, считая себя въ отчаянномъ положеніи. Вы же, напротивъ: что сдѣлаемъ?—говорите,—хвастаясь предъ присутствующими и много думая о себѣ. Они дѣлали то, что слѣдовало дѣлать, а мы поступаемъ напротивъ. Они обвинили себя, отчаялись въ своемъ спасеніи; поэтому и сдѣлались такими. Они оцѣнили, какой великій даръ получили.

4. Какъ же вамъ быть такими, когда вы все дѣлаете не такъ, какъ они, а напротивъ? Они, какъ скоро услышали, тотчасъ крестились. Не сказали этихъ холодныхъ словъ, которыя мы теперь говоримъ, и не думали объ отсрочкѣ, хотя выслушали еще не всѣ оправданія, а только это: *спаситеся отъ рода сего.* Они не стали изъ-за этого медлить, но приняли эти слова, и что приняли, доказали дѣлами и показали, каковы они были. Они, лишь только вступили въ борьбу, тотчасъ сняли съ себя одежды; а мы, вступая, хотимъ бороться въ одеждахъ. Поэтому противникъ нашъ не имѣетъ нужды въ трудахъ, и мы, запутавшись въ своихъ (одеждахъ), часто падаемъ. Мы дѣлаемъ такъ же, какъ если бы кто, увидѣвъ настоящаго борца, запыленнаго, чернаго, обнаженнаго, покрытаго грязью и отъ пыли, и отъ солнца, и облитаго масломъ, потомъ и грязью, вышелъ сразиться съ нимъ, а самъ, между тѣмъ, издавалъ бы запахъ благовонныхъ мазей, надѣлъ бы на себя шелковыя одежды и золотую обувь, платье, ниспадающее до пятъ, и золотыя украшенія на голову. Такой человѣкъ не только будетъ препятствовать себѣ, но и, обращая всю свою заботу на то, чтобы не замарать и не разорвать одеждъ, тотчасъ падетъ отъ перваго натиска и, чего боялся, то сейчасъ потерпитъ, будучи пораженъ въ главныя части тѣла. Наступило время борьбы,—а ты одѣваешься въ шелковыя одежды? Время упражненія, время состязанія,—а ты украшаешь себя, какъ на торжествѣ? Какъ же остаться тебѣ побѣдителемъ? Не смотри на внѣшнее, но на внутреннее: вѣдь заботами о внѣшнемъ, какъ тяжкими узами, душа отовсюду связывается, такъ что мы не мо-

жемъ ни поднять руки, ни устремиться на врага, и дѣлаемся слабыми и изнѣженными. Хорошо было бы, если бы мы, и освободившись отъ всего (этого), могли побѣдить ту нечистую силу. Поэтому и Христосъ,—такъ какъ не довольно отвергнуть только имущество,—смотри, что говоритъ: *елика имаши, продаждь и даждь нищимъ: и ходи въ слѣдъ мене* (Марк. x, 21). Если же и тогда, когда оставимъ имущество, мы еще не безопасны, но имѣемъ нужду въ нѣкоторомъ другомъ упражненіи и въ неусыпныхъ трудахъ,—то тѣмъ болѣе, владѣя (имуществомъ), не сдѣлаемъ ничего великаго, но будемъ осмѣяны и зрителями, и самимъ духомъ злобы. Вѣдь если бы даже не было діавола, если бы и никто не ратовалъ противъ насъ,—и въ такомъ случаѣ безчисленные пути отовсюду ведутъ сребролюбца въ геенну. Гдѣ же теперь говорящіе: зачѣмъ сотворенъ діаволъ? Вотъ здѣсь діаволъ ничего не дѣлаетъ, но все (дѣлаемъ) мы. И пусть бы говорили это живущіе въ горахъ,—тѣ, которые, по цѣломудрію, по презрѣнію къ богатству и по пренебреженію остальныхъ благъ, тысячи разъ рѣшились бы оставить отца, и дома, и поля, и жену, и дѣтей. Но они-то всего болѣе и не говорятъ этого, а говорятъ тѣ, которымъ никогда бы не слѣдовало говорить. Тамъ, поистинѣ, 69
борьба съ діаволомъ; а сюда не слѣдуетъ и вводить его. Но это сребролюбіе, скажешь, внушаетъ діаволъ. Убѣгай же отъ него и не принимай его, человѣкъ! Вѣдь если ты увидишь, что кто-нибудь изъ-за какой-либо ограды выбрасываетъ нечистоту и что (другой), видя, какъ его обливаютъ, стоитъ и все принимаетъ на свою голову,—ты не только не пожалѣешь о немъ, но еще будешь негодовать на него и скажешь, что онъ справедливо страдаетъ. Да и всякій скажетъ ему: не будь безуменъ, и не столько будетъ обвинять того, кто бросаетъ, сколько того, кто принимаетъ. Между тѣмъ, ты знаешь, что сребролюбіе—отъ діавола; знаешь, что оно—причина безчисленныхъ золъ; видишь, что діаволъ бросаетъ, какъ грязь, нечистые и постыдные помыслы,—и, съ обнаженною головою принимая нечистоту его, ты не думаешь о томъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы, посторонившись нѣсколько, освободиться отъ всего этого. Какъ тотъ, если бы посторонился, избавился бы отъ грязи, такъ и ты не принимай подобныхъ помысловъ, и избѣгай грѣха, отвергни пожеланіе. Да какъ же, скажешь, мнѣ отвергнуть? Если бы ты былъ язычникомъ и цѣнилъ бы только настоящее,—можетъ быть, это было бы весьма трудно, хотя и язычники дѣлали это. Но ты—человѣкъ, ожидающій неба и того, что на небесахъ,—и говоришь: какъ 70
отвергнуть? Если бы я говорилъ противное, тогда бы слѣдовало затрудняться. Если бы я говорилъ: пожелай денегъ, ты могъ бы

сказать: какъ мнѣ пожелать денегъ, когда я вижу такія (блага)? Скажи мнѣ: если бы въ то время, когда лежатъ предъ тобой золото и драгоцѣнные камни, я говорилъ тебѣ: пожелай олова,— развѣ не было бы затрудненія? Ты, конечно, сказалъ бы: какъ могу я (желать этого)? А если бы я говорилъ: не пожелай,—это было бы легче. Не удивляюсь тѣмъ, которые пренебрегаютъ (деньгами), но (удивляюсь) тѣмъ, которые не пренебрегаютъ. Это—признакъ души, исполненной крайней лѣности,—души, ничѣмъ не отличающейся отъ мухъ и комаровъ, привязанной къ землѣ, валяющейся въ грязи, не представляющей себѣ ничего великаго. Что ты говоришь? Хочешь наслѣдовать жизнь вѣчную, и говоришь: какъ буду презирать для нея настоящую? Ужели можно это сравнивать? Хочешь получить одежду царскую, и говоришь: какъ презрѣть рубище? Ожидаешь, что тебя введутъ въ домъ царя, и говоришь: какъ презрѣть настоящую бѣдную хижину? Подлинно, мы виновны во всемъ, потому что не хотимъ сколько-нибудь возбудить себя. Всѣ же, которые хотѣли, поступали, какъ должно, и дѣлали это съ большою ревностію и легкостію. Дай Богъ, чтобъ и вы, послушавшись нашего увѣщанія, исправились и стали ревностными подражателями пожившихъ добродѣтельно,— по благодати и человѣколюбію единороднаго Его Сына, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

69 **Вкупѣ же Петръ и Іоаннъ восхождаста во святилище на молитву въ часъ девятый (Дѣян. III, 1).**

1. Вездѣ являются Петръ и Іоаннъ въ великомъ между собою согласіи. Іоанну Петръ подаетъ знакъ (на вечери); вмѣстѣ идутъ они ко гробу; объ Іоаннѣ (Петръ) говоритъ Христу: *сей же что* (Іоан. XXI, 21)? Прочія знаменія опустилъ писатель этой книги, а о томъ, которое произвело великій ужасъ и всѣхъ поразило, говоритъ. И замѣть опять, что (апостолы) шли собственно не для того, чтобы совершить это (чудо): такъ они были свободны отъ честолюбія и подражали своему Учителю. Зачѣмъ же они шли въ храмъ? Развѣ они жили еще по-іудейски? Нѣтъ; однакожъ, этотъ поступокъ ихъ сопровождался пользою. Опять происходитъ чудо, которое и ихъ утверждаетъ, и остальныхъ привлекаетъ,—чудо, какого они еще не совершали. Болѣзнь (хромого) происходила отъ природы и превышала врачебное искусство. Уже болѣе сорока лѣтъ онъ прожилъ въ хромотѣ,

какъ говорится далѣе, и во все это время никто не исцѣлилъ его. Вѣдь вы знаете, что тѣ (болѣзни) особенно трудны, которыя бываютъ отъ рожденія. Болѣзнь была столь ужасная, что (хромой) не могъ даже доставать себѣ необходимую пищу. И онъ былъ всѣмъ извѣстенъ какъ по мѣсту, такъ и по болѣзни. А какъ (совершилось чудо),—слушай. *И нѣкій мужъ*, сказано, *хромъ отъ чрева матере своея сый носимъ биваше, егоже полагаху по вся дни предъ дверми церковными, рекомыми красными, просити милостыни отъ входящихъ въ церковь* (ст. 2). Слѣдовательно, онъ желалъ получить милостыню и не зналъ, кто были—Петръ и Іоаннъ. *Иже видѣвъ Петра и Іоанна хотящыя внити въ церковь, прошаше милостыни. Воззрѣвъ же Петръ нань со Іоанномъ, рече: воззри на* 70
ны (ст. III, 4). Онъ слышитъ это, но и при этомъ не встаетъ, а все еще продолжаетъ просить. Такова бѣдность: когда и отказываются дать, она настаиваетъ и понуждаетъ. Устыдимся же мы, такъ поспѣшно удаляющіеся при просьбахъ! Смотри, какую кротость тотчасъ выказалъ Петръ, сказавъ: *воззри на ны*. Такъ самый внѣшній видъ ихъ обнаруживалъ ихъ душевное свойство. *Онъ же прилѣжаше имъ, мня нѣчто отъ нихъ пріяти. Рече же Петръ: сребра и злата нѣсть у мене: но еже имамъ, сіе ти даю* (ст. 5, 6). Не сказалъ: я дамъ тебѣ то, что гораздо лучше сребра; но что?—*Во имя Іисуса Христа Назорея, востани и ходи. И емь его за десную руку, воздвиже* (ст. 6, 7). Такъ поступалъ и Христосъ. Часто Онъ исцѣлялъ словомъ, часто дѣломъ, а часто простиралъ и руку, гдѣ были болѣе слабые въ вѣрѣ,—чтобы не подумали, что (чудо) совершалось само собою. *И емь его за десную руку, воздвиже.* Этимъ показалъ воскресеніе, такъ какъ это было образомъ воскресенія. *Абіе же утвердистѣся его плеснѣ и глезнѣ. И вскочивъ ста, и хождаше* (ст. 7, 8). Можетъ быть онъ испытывалъ себя и много разъ пробовалъ, дѣйствительно ли это сдѣлалось? Ноги у него были слабы, но не отняты; а нѣкоторые говорятъ, что онъ и не умѣлъ ходить. *И вниде съ ними въ церковь, ходя* (ст. 8). Поистинѣ, это достойно удивленія! Не они ведутъ его за собою, но онъ самъ слѣдуетъ за ними и тѣмъ, что слѣдуетъ, показываетъ благодѣтелей, а тѣмъ, что, вскочивъ, хвалитъ Бога, прославляетъ не ихъ, но Бога, чрезъ нихъ дѣйствовавшаго. Такъ благодаренъ былъ этотъ человѣкъ! Но посмотримъ, что сказано было выше. *Восхождаста на молитву въ часъ девятый.* Можетъ быть, въ это 71
время приносили и полагали хромого (при храмѣ) потому, что теперь особенно много людей входило въ храмъ. А чтобы кто не подумалъ, что его приносили для чего-нибудь другого, а не для полученія (милостыни),—смотри, какъ (писатель) ясно представилъ это словами: *егоже полагаху просити милостыни отъ входя-*

щихъ въ церковь. Для того упоминаетъ и о мѣстѣ, чтобы представить доказательство на то, о чемъ пишетъ. Почему же, скажешь, не привели его (хромого) ко Христу? Можетъ быть, сидѣвшіе при храмѣ были люди невѣрующіе, такъ какъ они не привели его и къ апостоламъ, хотя видѣли, что они входятъ (въ храмъ) и уже сотворили столько чудесъ. *Прошаше*, говоритъ, *милостыни.* Можетъ быть, по виду, онъ принялъ ихъ за людей благочестивыхъ, а потому и *прилѣжаше имъ.*

Но смотри, какъ Іоаннъ вездѣ молчитъ, а Петръ отвѣчаетъ и за него. *Сребра*, говоритъ, *и злата нѣсть у мене.* Не сказалъ: не имѣю при себѣ, какъ мы говоримъ; но—совсѣмъ не имѣю. Что же хромой? Ужели (говоритъ) презираешь мою просьбу? Нѣтъ, отвѣчаетъ (Петръ); но изъ того, что я имѣю, то и возьми. Видишь ли, какъ Петръ чуждъ надменности, какъ онъ не тщеславится даже предъ тѣмъ, кто получаетъ отъ него благодѣяніе? И вотъ (его) слово и рука сдѣлали все. Таковы-то были и хромавшіе іудеи! Въ то время, какъ надлежало просить здоровья,— они лежатъ на землѣ, и лучше просятъ денегъ. Для того они и сидѣли при храмѣ, чтобы собирать деньги. Что же Петръ? Онъ не презрѣлъ (хромого); онъ не сталъ искать человѣка богатаго, и не сказалъ: если не надъ такимъ человѣкомъ совершится чудо, то не будетъ ничего великаго; не ожидалъ отъ него никакой почести и не въ чьемъ-либо присутствіи исцѣлилъ его, такъ какъ этотъ человѣкъ былъ при входѣ, а не внутри храма, гдѣ находился народъ. Ничего такого Петръ не искалъ и, когда вошелъ (въ храмъ), не объявилъ (чуда), но однимъ только видомъ своимъ онъ расположилъ хромого къ просьбѣ. И удивительно, что хромой быстро увѣровалъ. Вѣдь освободившіеся отъ продолжительныхъ болѣзней съ трудомъ вѣрятъ даже самому зрѣнію. И получивъ исцѣленіе, хромой находился уже съ апостолами и благодарилъ Бога. *И вниде*, сказано, *съ ними въ церковь, ходя и скача и хваля Бога.*

2. Смотри, какъ онъ не остается въ покоѣ, частію отъ удовольствія, а частію для того, чтобы заградить уста іудеямъ. А мнѣ кажется, что онъ скакалъ и для того, чтобы не подумали, будто онъ притворяется, такъ какъ это уже не могло быть дѣломъ притворства. Въ самомъ дѣлѣ, если прежде онъ не могъ даже просто ходить, несмотря на то, что его принуждалъ (къ тому) голодъ,—иначе онъ не захотѣлъ бы дѣлить милостыню съ носившими его, если бы самъ могъ ходить,—то тѣмъ болѣе (не могъ скакать) тогда. Да и къ чему онъ сталъ бы притворяться въ пользу тѣхъ, которые не подали милостыни? Нѣтъ, это былъ человѣкъ благодарный и по выздоровленіи. Итакъ, и то, и дру-

гое обстоятельство являетъ его вѣрнымъ,—и его благодарность, и то, что съ нимъ случилось. Не всѣмъ, конечно, онъ представлялся извѣстнымъ, почему и старались узнать, кто онъ. *И видѣша его*, сказано, *вси людіе ходяща и хваляща Бога: знаху* (ἐπεγίνωσκον) *же его, яко сей бяше, иже милостыни ради сѣдяше при красныхъ дверехъ церковныхъ* (ст. 9, 10). И хорошо сказано: узнавали, такъ какъ послѣ того, что случилось съ нимъ, можно было и не узнать его. Это выраженіе мы обыкновенно употребляемъ о тѣхъ, кого едва узнаемъ. Итакъ, слѣдовало повѣрить тому, что имя Христово отпускаетъ грѣхи, если оно совершаетъ и такія дѣла.
Держащуся же исцѣлѣвшему Петра и Іоанна, притекоша вси 72
людіе въ притворъ, нарицаемый Соломоновъ, ужасни (ст. 11). По благорасположенію и любви къ нимъ, (хромой) не разлучался съ ними, а можетъ быть, и благодарилъ и прославлялъ ихъ. *И притекоша*, сказано, *вси людіе. Видѣвъ же* ихъ *Петръ, отвѣщаваше* (ст. 12). Опять Петръ и дѣйствуетъ, и проповѣдуетъ. Прежде возбудило іудеевъ къ слушанію чудо (огненныхъ) языковъ, а теперь—это. И тогда Петръ началъ рѣчь съ ихъ обвиненій, а теперь—съ ихъ тайной мысли. Посмотримъ же, чѣмъ эта проповѣдь отличается отъ той и что имѣетъ общаго съ нею. Та была въ домѣ, когда никто еще не присоединился (къ апостоламъ) и когда они ничего еще не совершили, а эта—когда всѣ удивлялись, когда подлѣ стоялъ исцѣленный, когда никто не сомнѣвался, какъ въ то время, въ которое говорили, *яко виномъ исполнени суть* (Дѣян. II, 13). И тогда Петръ говорилъ, находясь вмѣстѣ со всѣми апостолами; а теперь—съ однимъ Іоанномъ: онъ уже не боится и говоритъ сильнѣе.

Такова-то добродѣтель: получивъ начало, она идетъ впередъ и нигдѣ не останавливается. Смотри же, какъ (Промысломъ) устроено было и то, что чудо произошло при храмѣ, чтобы и другіе стали дерзновенны. Не въ сокровенномъ какомъ-либо мѣстѣ совершаютъ его или не тайно; но также—и не внутри храма, гдѣ было много народа. Почему же, скажешь, этому повѣрили? Потому, что самъ исцѣленный возвѣщалъ о благодѣяніи. А онъ, конечно, не сталъ бы лгать и не пришелъ бы къ какимъ-либо посторониимъ людямъ. Итакъ, апостолы или потому совершили тамъ чудо, что то мѣсто было пространное, или потому, что то было мѣсто отдѣленное. И замѣть, какъ это случилось. Пришли они по одному поводу, а дѣлаютъ другое. Такъ и Корнилій, постясь, молился объ одномъ, а видитъ другое. До сихъ поръ они вездѣ называютъ Христа Назореемъ: *во имя Іисуса Христа Назорея*, говоритъ (Петръ), *возстани и ходи*, потому что пока еще они только заботились о томъ, чтобы увѣровали въ Него. Но не

будемъ утомляться началомъ разсказа, а напротивъ, если бы кто, сказавъ о какомъ-либо великомъ дѣлѣ, остановился, — станемъ снова повторять начало. Если такъ всегда будемъ поступать, то скоро придемъ къ концу, скоро станемъ на вершинѣ, потому что отъ усердія, какъ говорятъ, родится усердіе, а отъ лѣности—лѣность. Кто сдѣлалъ, какъ должно, что-либо малое, тотъ получилъ побужденіе приступить къ дѣлу болѣе важному, а отсюда—идти и гораздо далѣе. И какъ огонь, чѣмъ больше объемлетъ дровъ, тѣмъ сильнѣе становится, такъ и ревность, чѣмъ больше возбуждаетъ благочестивыхъ помысловъ, тѣмъ больше вооружается противъ остальнаго рода мыслей. Скажу примѣръ. Есть въ насъ, подобно терніямъ, клятвопреступленіе, ложь, лицемѣріе, коварство, обманъ, злословіе, насмѣшки, смѣхотворство, срамословіе, кощунство; съ другой стороны — любостяжаніе, грабительство, несправедливость, клевета, навѣты; далѣе—похоть злая, нечистота, сладострастіе, блудъ, прелюбодѣяніе; а также — зависть, ревность, гнѣвъ, ярость, злопамятство, мстительность, хула и тысячи подобныхъ пороковъ. Если мы исправимся отъ первыхъ, то мы уже исправимся не только отъ нихъ, но чрезъ нихъ—и отъ слѣдующихъ за ними, потому что наша душа пріобрѣтаетъ отъ того большія силы къ уничтоженію ихъ. Напримѣръ, если тотъ, кто часто клянется, оставитъ эту діавольскую привычку, то въ немъ не только исправится этотъ порокъ, но появится и другого рода благоговѣніе. Мнѣ кажется, никто изъ не клянущихся не захочетъ легко сдѣлать какое-либо другое зло, но устыдится той добродѣтели, которой онъ уже достигъ. Какъ носящій прекрасную
73 одежду стыдится валяться въ грязи, такъ точно — и онъ. А отсюда онъ придетъ къ тому, что не будетъ ни сердиться, ни драться, ни браниться. Такъ, если только однажды будетъ сдѣлано и малое доброе дѣло, то уже будетъ сдѣлано все. Часто, впрочемъ, случается и противное: поступивъ однажды хорошо, мы по лѣности опять впадаемъ въ прежніе пороки, такъ что отъ этого и самое исправленіе становится даже невозможнымъ. Напримѣръ, мы положили себѣ законъ не клясться; въ теченіе трехъ или даже четырехъ дней мы исполняли его; но потомъ встрѣтилась какая-либо нужда—и мы расточили всю собранную прибыль. Тогда мы впадаемъ въ безпечность и отчаяніе, такъ что даже не хотимъ снова коснуться того же. И это естественно. Кто построитъ себѣ какое-либо зданіе и потомъ увидитъ, что его строеніе обрушилось, тотъ съ меньшимъ стараніемъ приступаетъ вновь къ строенію. Но и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ быть безпечнымъ, а напротивъ, надобно опять употреблять все стараніе.

3. Итакъ, положимъ себѣ ежедневные законы и начнемъ

пока съ легкаго. Отсѣчемъ отъ устъ своихъ частую клятву, обуздаемъ языкъ,—пусть никто не клянется Богомъ. Не требуетъ это издержекъ, не требуетъ труда, не требуетъ продолжительнаго обученія: достаточно захотѣть и—все окончено, потому что это—дѣло привычки. Да, прошу и умоляю, приложимъ къ этому стараніе. Скажи мнѣ: если бы я велѣлъ (вамъ) внесть (за меня) деньги,— не съ готовностію ли каждый изъ васъ принесъ бы по мѣрѣ силъ своихъ? Если бы вы увидѣли меня въ крайней опасности, не отдали ль бы вы даже часть своего тѣла, если бы можно было отнять ее? И теперь я въ опасности, и въ большой, такъ что, если бы я былъ въ темницѣ, или получилъ тысячи ударовъ, или находился въ рудникахъ,—и тогда я не скорбѣлъ бы болѣе. Прострите же руку помощи. Подумайте, какъ велика опасность, когда вы не можете сдѣлать и этого крайне малаго дѣла: называю его весьма малымъ по труду, какого оно требуетъ. Что скажу тогда въ отвѣтъ на обвиненія? Отчего не обличилъ? Отчего не повелѣлъ? Отчего не положилъ закона? Отчего не удержалъ непослушныхъ? Не достаточно будетъ, если я скажу: я увѣщевалъ. А надобно было, сказано будетъ мнѣ, употребить и болѣе сильное порицаніе. Вѣдь увѣщевалъ и Илій,—но не дай Богъ сравнивать васъ съ дѣтьми его! И онъ увѣщевалъ, и онъ говорилъ: *ни, чада, не творите тако, не добры слухи, яже азъ слышу* о васъ (1 Цар. II, 24); а между тѣмъ, Писаніе далѣе говоритъ, что онъ не вразумлялъ сыновей своихъ (1 Цар. III, 13), и говоритъ такъ потому, что онъ вразумлялъ не строго и не съ укоризною. Не странно ли, что въ іудейскихъ синагогахъ законы имѣютъ такую силу, хотя все заповѣдуетъ тотъ, кто учитъ, а здѣсь мы въ такомъ пренебреженіи и презрѣніи? Не о своей славѣ забочусь я (моя слава—ваша добрая жизнь); но—о вашемъ спасеніи. Каждый день мы вопіемъ, возглашаемъ въ слухъ вамъ, и, между тѣмъ, какъ никто не слушаетъ, мы не выказываемъ никакой строгости. Боюсь, чтобы за это неумѣстное и большое снисхожденіе не дать намъ отвѣта въ день будущаго суда. Поэтому громкимъ и яснымъ голосомъ объявляю всѣмъ и умоляю, чтобы тѣ, которые виновны въ этомъ преступленіи и произносятъ слова, происходящія *отъ непріязни* (Мѳ. V, 37),—а это и есть клятва,—не переступали за порогъ церковный. Но настоящій мѣсяцъ пусть будетъ назначенъ вамъ для исправленія. Не говори мнѣ: меня заставляетъ необходимость, потому что мнѣ не вѣрятъ. Оставь пока
клятвы, произносимыя по привычкѣ. Знаю, что многіе будутъ 74
смѣяться надъ нами, но лучше намъ быть осмѣянными теперь, чѣмъ плакать тогда. Да и смѣяться будутъ люди безумные; въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, кто съ здравымъ умомъ станетъ смѣять-

ся надъ тѣмъ, что соблюдается заповѣдь? Если же и будутъ смѣяться, то такіе люди станутъ смѣяться не надъ нами, а надъ Христомъ. Вы ужаснулись этихъ словъ? Я вполнѣ вѣрю этому. Вѣдь, если бы я ввелъ этотъ законъ, то смѣхъ относился бы ко мнѣ; если же есть другой Законодатель, то осмѣяніе переходитъ на Него. Нѣкогда и плевали на Христа, и били Его по ланитѣ, и заушали: такъ и теперь Онъ терпитъ это, и нѣтъ здѣсь ничего не сообразнаго. Поэтому-то уготована геенна, поэтому—червь нескончаемый.

Вотъ я опять говорю и свидѣтельствую. Пусть, кто хочетъ, смѣется; пусть, кто хочетъ, издѣвается: на то мы поставлены, чтобы надъ нами смѣялись и издѣвались, и чтобы мы все претерпѣли. Мы *отреби міру*, по слову блаженнаго Павла (1 Кор. IV, 13). Если кто не желаетъ исполнить этого приказанія, то я настоящимъ словомъ, какъ бы нѣкоторою трубою, запрещаю такому человѣку переступать за порогъ церковный, хотя бы то былъ начальникъ, хотя бы самъ носящій діадему. Или отнимите у меня эту власть, или, если я остаюсь съ нею, не окружайте меня опасностями. Я не могу восходить на этотъ престолъ, не совершая (ничего) великаго. А если это невозможно, то лучше стоять внизу, потому что нѣтъ ничего хуже начальника, который не приноситъ подчиненнымъ никакой пользы. Постарайтесь же еще, прошу васъ, и будьте внимательны; или лучше сказать: станемъ стараться вмѣстѣ, и тогда непремѣнно будетъ какая-либо польза. Поститесь, молите Бога, а вмѣстѣ съ вами (будемъ молиться) и мы, чтобы Онъ уничтожилъ въ насъ эту гибельную привычку. Великое дѣло — сдѣлаться учителями вселенной; не мало значитъ, когда вездѣ услышать, что въ этомъ городѣ никто не клянется. Если это будетъ, то вы получите награду не только за свои подвиги, но и за попеченіе о братьяхъ: вы сдѣлаетесь тѣмъ же для вселенной, чѣмъ я теперь для васъ. Тогда, навѣрно, и другіе поревнуютъ вамъ, и вы поистинѣ будете свѣтильникомъ, стоящимъ на свѣщницѣ. И это, скажешь, все? Нѣтъ, это не все, но это начало прочихъ (добродѣтелей). Кто не клянется, тотъ волею или неволею, изъ стыда или боязни, но непремѣнно придетъ и къ другимъ дѣламъ благочестія.

Но многіе, скажешь, не согласятся и отступятъ? Но лучше одинъ творящій волю Господню, нежели тысячи беззаконныхъ (Сир. XVI, 3). Оттого-то все ниспровержено, все въ крайнемъ безпорядкѣ, что мы, какъ на зрѣлищахъ, ищемъ множества людей, а не множества людей добрыхъ. Какую пользу, скажи мнѣ, можетъ принесть тебѣ толпа народа? Хочешь ли знать, что народъ составляютъ святые, а не толпа людей? Выведите на войну сотни

тысячъ и одного святого: посмотримъ, кто сдѣлаетъ больше? Іисусъ Навинъ вышелъ на брань и одинъ сдѣлалъ все; и такимъ образомъ остальные не принесли никакой пользы. Толпа людей, возлюбленный, когда они не творятъ воли Божіей, ничѣмъ не разнится отъ тѣхъ, кого нѣтъ совсѣмъ. Я молюсь и желаю, чтобы Церковь украшалась множествомъ людей, но—множествомъ людей добрыхъ: ради этого я охотно позволилъ бы растерзать себя на части. Если же это невозможно, то я желаю, чтобы немногіе были добрыми. Не видите ли, что лучше имѣть одинъ драгоцѣнный камень, нежели тысячи мелкихъ монетъ? Не видите ли, что лучше имѣть здоровый глазъ, нежели, потерявъ его, отяготить себя тучностію тѣла? Не видите ли, что лучше имѣть одну овцу здоро- 75
вую, нежели тысячи шелудивыхъ? Не видите-ли, что лучше немного дѣтей добрыхъ, чѣмъ много дурныхъ? Не видите ли, что въ царствѣ—немногіе, а въ гееннѣ—многіе? Что мнѣ отъ множества людей? Какая польза? Пользы никакой, а скорѣе вредъ для прочихъ. Вѣдь это то же, какъ если бы кто, при возможности имѣть или десять здоровыхъ, или тысячи больныхъ, привелъ эти тысячи къ тѣмъ десяти. Большинство, когда они не дѣлаютъ ничего добраго, не принесутъ намъ ничего другого, кромѣ наказанія тамъ и безславія здѣсь. Вѣдь никто не скажетъ, что насъ много, но (всякій) будетъ порицать за то, что мы безполезны. Такъ именно (язычники) всегда говорятъ намъ, когда слышатъ отъ насъ, что насъ много: много васъ,—говорятъ,—да худыхъ. Вотъ я опять за- 76
прещаю и громкимъ голосомъ возвѣщаю вамъ: пусть никто не считаетъ этого шуткою. Я удалю и не допущу непослушныхъ. И пока я буду сидѣть на этомъ престолѣ, — я не откажусь ни отъ одного изъ правъ его. Если кто низвергнетъ меня, я буду уже невиненъ. А пока я подлежу отвѣтственности, до тѣхъ поръ не могу пренебрегать, не ради собственнаго наказанія, но ради вашего спасенія, такъ какъ я пламенно желаю вамъ спасенія. Объ этомъ я терзаюсь и болѣзную. Но послушайтесь меня, чтобы и здѣсь, и въ будущемъ (вѣкѣ) вы получили великую награду, и мы (всѣ) вмѣстѣ насладились вѣчными благами, по благодати и человѣколюбію единороднаго Сына Божія, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

75 **Видѣвъ же Петръ, отвѣщеваше къ людемъ: мужіе Исраилтяне, что чудитеся о семъ, или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити (Дѣян. III, 12)?**

1. Въ настоящей рѣчи больше смѣлости (чѣмъ въ прежней). Это—не потому, чтобы прежде (апостолъ) боялся, но потому, что тѣ люди—насмѣшники и ругатели--не снесли бы (подобной смѣлости). Поэтому-то, начиная ту рѣчь, онъ тотчасъ же и возбуждаетъ ихъ вниманіе предисловіемъ, говоря: *сіе вамъ разумно да будетъ, и внушите глаголы моя* (Дѣян. II, 14). А здѣсь ему нѣтъ нужды въ такомъ приготовленіи. Эти люди не были безпечны; чудо сдѣлало всѣхъ ихъ внимательными, — почему они и были объяты страхомъ и ужасомъ. Поэтому-то апостолъ и не имѣлъ нужды начинать (здѣсь) съ того же, но (началъ) съ другого, чѣмъ всего болѣе и расположилъ ихъ къ себѣ, отклонивъ отъ себя то мнѣніе, какое они себѣ составили. Вѣдь ничто такъ не полезно и не пріятно для слушателей, какъ то, если говорящій не только не говоритъ о себѣ ничего великаго, но даже уничтожаетъ и мысль о томъ. Такимъ-то образомъ (апостолы) больше прославили себя тѣмъ, что презрѣли славу и показали, что то было дѣло не человѣческое, а Божіе, и что они также, наравнѣ съ другими, должны удивляться, а не служить предметомъ удивленія. Видишь ли, какъ (Петръ), будучи чуждъ честолюбія, отвергаетъ отъ себя славу? Такъ поступали и древніе. Напримѣръ, Даніилъ говорилъ: *и мнѣ не премудростію сущею во мнѣ* (Дан. II. 30). И еще Іосифъ: *еда не Богомъ изъявленіе ихъ есть* (Быт. XL, 8)? И Давидъ: *егда прихождаше левъ или медвѣдица*, во имя Господа я разрывалъ ихъ руками (1 Цар. XVII, 34, 35). Такъ теперь и апостолы: *что взираете на ны, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити*? И это, говорятъ, принадлежитъ не намъ, потому что не своимъ достоинствомъ привлекли мы на себя благодать Божію. *Богъ Авраамовъ и* Богъ *Исааковъ и* Богъ *Іаковль, Богъ отецъ нашихъ* (ст. 13). Смотри, какъ часто обращается къ предкамъ, чтобы не подумали, будто онъ вводитъ какое-нибудь новое ученіе: и тамъ онъ упомянулъ о патріархѣ Давидѣ, и здѣсь — объ Авраамѣ и другихъ патріархахъ. *Прослави отрока своего Іисуса* (ст. 13). Опять (говоритъ) смиренно, какъ въ предисловіи. Затѣмъ уже останавливается на ихъ преступленіи и ясно выставляетъ на видъ то, что они сдѣлали, а не прикрываетъ, какъ прежде. Поступаетъ же такъ для того, чтобы лучше привлечь ихъ, потому

что, чѣмъ больше показывалъ, что они виновны, тѣмъ больше достигалъ этого. *Прослави*, говоритъ, *отрока своего Іисуса, его же вы предасте и отвергостеся его предъ лицемъ Пилатовымъ, суждшу* 76
оному пустити. Два обвиненія: и то, что Пилатъ хотѣлъ отпустить, и то, что, когда онъ пожелалъ, вы не захотѣли. *Вы же Святаго и Праведнаго отвергостеся, и испросисте мужа убійцу дати вамъ. Начальника же жизни убисте: его же Богъ воскреси отъ мертвыхъ, ему же мы свидѣтели есмы* (ст. 14, 15). Онъ какъ бы такъ говорилъ: вмѣсто Его вы просили о разбойникѣ. Представилъ ихъ поступокъ въ самомъ страшномъ видѣ. Такъ какъ они были уже въ его власти, то онъ и поражаетъ ихъ сильно. *Начальника же*, говоритъ, *жизни*. Этимъ приготовляетъ вѣру въ воскресеніе. *Его же Богъ воскреси отъ мертвыхъ*. Чтобы не сказалъ кто-нибудь: откуда это видно?—для этого онъ ссылается теперь уже не на пророковъ, а на самого себя, потому что уже заслуживалъ вѣру. Прежде, сказавъ, что (Христосъ) воскресъ, онъ привелъ въ свидѣтели Давида, а теперь, сказавъ тоже, (сослался на) ликъ апостольскій: *ему же*, говоритъ, *мы свидѣтели есмы. И о вѣрѣ имене его, сего, его же видите и знаете, утверди имя его, и вѣра, яже его ради, даде ему всю цѣлость сію предъ всѣми вами* (ст. 16). Стараясь доказать это событіе, тотчасъ упоминаетъ и о чудѣ: *предъ всѣми*, говоритъ, *вами*. Такъ какъ онъ сильно укорилъ ихъ и показалъ, что Распятый воскресъ, то опять смягчаетъ свою рѣчь, давая имъ возможность покаяться, и говоритъ: *и нынѣ, братіе, вѣмъ, яко по невѣдѣнію* сіе *сотвористе, якоже и князи ваши* (ст. 17). *По невѣдѣнію сотвористе*: это—одно оправданіе; а другое: *якоже и князи ваши*. Что Іосифъ говорилъ братьямъ: *посла мя Богъ предъ вами* (Быт. XLV, 5), или лучше, что самъ онъ прежде сказалъ кратко: *нарекованнымъ совѣтомъ и проразумѣніемъ Божіимъ предана пріемше* (Дѣян. II, 23),—то же самое говоритъ теперь пространнѣе. *Богъ же, яже предвозвѣсти усты всѣхъ пророкъ своихъ пострадати Христу, исполни тако* (ст. 18). Доказавъ, что это произошло по волѣ Божіей, вмѣстѣ съ тѣмъ уже показываетъ, что это не ихъ дѣло. А словами: *яже предвозвѣсти* намекаетъ на тѣ слова, которыми они поносили (Христа) при крестѣ, когда говорили: *да избавитъ его, аще хощетъ ему. Рече бо, яко Божій есмь Сынъ. Упова на Бога. Да снидетъ нынѣ со креста* (Мѳ. XXVII, 43, 42). Ужели же то — пустыя слова, безумные? Нѣтъ, но тому надлежало быть, и этому свидѣтели пророки. Слѣдовательно, Онъ не по немощи Своей не сошелъ (со креста), но по Своей силѣ. Такимъ образомъ (апостолъ) представляетъ это, какъ оправданіе для іудеевъ, для того, чтобы и они приняли (слова его). *Исполни*, говоритъ, *тако*. Видишь ли, какъ все приписываетъ Богу? *Покайтеся убо*, говоритъ, 77

и обратитеся: не говоритъ: отъ грѣховъ вашихъ, но: *да очиститеся отъ грѣхъ вашихъ* (ст. 19), чѣмъ показываетъ тоже самое. Потомъ говоритъ и о пользѣ: *яко да пріидутъ времена прохладна отъ лица Господня* (ст. 20). Этимъ показываетъ, что они несчастны и удручены многими бѣдствіями. Потому-то онъ и сказалъ такъ, зная, что это слово вполнѣ сообразно съ состояніемъ человѣка, страждущаго и ищущаго утѣшенія.

2. И смотри, какъ онъ мало-по-малу идетъ впередъ. Въ первой рѣчи онъ незамѣтно указалъ на воскресеніе и сидѣніе на небѣ, а здѣсь ясно (говоритъ) и о Его пришествіи. *И послетъ пронареченнаго Христа Іисуса* (ст. 20). *Его же подобаетъ небеси убо пріяти*, то есть, необходимо, *даже до лѣтъ устроенія всѣхъ* (ст. 21). Почему не приходитъ теперь,—причина очевидна. *Яже*, говоритъ, *глагола Богъ усты святыхъ своихъ пророкъ отъ вѣка* (ст. 21). *Моисей убо ко отцемъ рече: яко пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ вашъ отъ братіи вашея, яко мене: того послушайте по всему, елика аще речетъ къ вамъ* (ст. 22). Тамъ упомянулъ о Давидѣ, а здѣсь о Моисеѣ. *Всѣхъ*, говоритъ, *яже глагола Богъ*. Не говоритъ: *яже глагола* Христосъ, но: *яже глагола Богъ*, чтобы прикровенною рѣчью лучше привлечь ихъ мало-по-малу къ вѣрѣ. Затѣмъ обращается къ тому, что достовѣрно, и говоритъ: *пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ отъ братіи вашея, яко мене: того послушайте по всему* (ст. 22). Далѣе (указываетъ) и великое наказаніе. *Будетъ же*, говоритъ, *всяка душа, яже аще не послушаетъ пророка онаго, потребится отъ людей. И вси же пророцы отъ Самуила и иже по сихъ, елицы глаголаша, такожде предвозвѣстиша дни сія* (ст. 23, 24). Здѣсь кстати сказалъ о погибели. Обращаясь (всегда) къ пророкамъ,—когда говоритъ что-нибудь великое, — онъ представилъ (здѣсь) свидѣтельство, въ которомъ содержится и то и другое. Такъ сказалъ и тамъ: *дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ* (Пс. сіх, 1). И удивительно, что въ одномъ мѣстѣ (говорится) о томъ и другомъ—и о подчиненіи, и о преслушаніи, и о наказаніи. *Якоже*, говоритъ, *мене*. Итакъ, чего вы боитесь? *Вы есте сынове пророкъ* (ст. 25). Слѣдовательно, вамъ они говорили и все было для васъ. А такъ какъ, по своему преступленію, они считали себя отчужденными, — вѣдь не естественно думать, чтобы Тотъ, Кого они распяли, сталъ заботиться о нихъ, какъ о своихъ,—то (апостолъ) показываетъ, что и то, и это согласно съ пророчествомъ. *Вы есте*, говоритъ, *сынове пророкъ и завѣта, егоже завѣща Богъ ко отцемъ вашимъ, глаголя ко Аврааму: и о сѣмени твоемъ возблагословятся вся отечествія земная* (ст. 25). *Вамъ первѣе*, говоритъ, *Богъ воздвигій Отрока своего посла его* (ст. 26). Значитъ, и къ другимъ; но прежде—къ вамъ, распявшимъ Его. *Бла-*

целовяща васъ, во еже отвратитися вамъ комуждо отъ злобъ (ст. 26). Но посмотримъ тщательнѣе на то, что выше прочитано. Сначала (апостолъ) внушаетъ, что не они сдѣлали чудо, сказавъ: *что чудитеся?* А чтобы не дать возможности сомнѣваться въ словахъ своихъ и чтобы сдѣлать ихъ болѣе достовѣрными,—предупреждаетъ судъ этихъ людей. *На ны*, говоритъ, *что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ?* Если это безпокоитъ и смущаетъ васъ, то поймите кто сдѣлалъ это, и не ужасайтесь. И смотри, какъ всегда безбоязненно порицаетъ ихъ, когда прибѣгаетъ къ Богу и говоритъ, что все—отъ Него. Поэтому и выше 78
говорилъ: *мужа отъ Бога извѣствованна въ васъ* (Дѣян. II, 22). И вездѣ напоминаетъ имъ объ ихъ злодѣяніи, чтобы и показать чудо, и подтвердить воскресеніе. А здѣсь присоединилъ и нѣчто другое. Не называетъ уже (Христа) Назореемъ, но — какъ? *Богъ*, говоритъ, *отецъ нашихъ прослави Отрока своего Іисуса.*

Замѣть и скромность его: не обвинилъ ихъ и не сказалъ тотчасъ: *и нынѣ* вѣруйте,—вотъ человѣкъ, сорокъ лѣтъ бывшій хромымъ, всталъ о имени Іисуса Христа. Не сказалъ такъ,—потому что чрезъ это сдѣлалъ бы ихъ еще болѣе упорными; но сначала хвалитъ ихъ за то, что они дивились случившемуся. И опять даетъ имъ названіе отъ (имени) предка. И не говоритъ: Іисусъ исцѣлилъ хромого,—хотя, дѣйствительно, Онъ исцѣлилъ его. А чтобы не говорили: какъ это возможно, чтобы (Богъ) прославлялъ законопреступника?—для этого напоминаетъ имъ о судѣ предъ Пилатомъ, показывая, что, если бы они захотѣли быть внимательными, то (узнали бы, что) Онъ — не законопреступникъ: иначе Пилатъ не пожелалъ бы освободить Его. И не сказалъ: когда тотъ хотѣлъ, но: *суждшу оному пустити,*—т. е. вы просили отпустить того, кто убивалъ другихъ, а Того, который оживотворяетъ убитыхъ,—не захотѣли. А чтобы они еще не сказали: какъ теперь прославляетъ Его Тотъ, Кто тогда не помогъ Ему?—приводитъ пророковъ, свидѣтельствующихъ, что тому надлежало быть. Затѣмъ, чтобы они не подумали, что оправданіемъ для нихъ служитъ опредѣленіе Божіе,—прежде всего упрекаетъ ихъ. Да и то, что они отреклись (отъ Христа) предъ лицемъ Пилата, когда тотъ хотѣлъ освободить Его, не было дѣломъ случайнымъ. Вамъ невозможно отречься отъ этого, потому что васъ обвиняетъ тотъ, кого вы испросили вмѣсто Его. Такимъ образомъ и въ этомъ было великое смотрѣніе (Божіе). Здѣсь (апостолъ) показываетъ ихъ безстыдство и наглость, такъ какъ язычникъ, который, притомъ, видѣлъ Его тогда лишь въ первый разъ, освобождалъ Его, хотя ничего великаго о Немъ не слышалъ; а они, воспитанные среди чудесъ, поступили напротивъ. А что онъ по справед-

ливости рѣшилъ освободить Его, а не по милости дѣлалъ это,—послушай, что говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: *есть обычай вамъ, да единаго отпущу: хощете ли убо, да отпущу вамъ его* (Іоан. XVIII, 39; Мѳ. XXVII, 15)? *Вы же Святаго и Праведнаго отвергостеся.* Не сказалъ: предали, но вездѣ—*отвергостеся.* И справедливо, потому что такъ и говорили они: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. XIX, 15). И не сказалъ: вы не просили невиннаго; не (сказалъ) только: *отвергостеся,* но и—*убисте.* Пока они были въ ослѣпленіи, онъ не сказалъ имъ ничего такого; а когда души ихъ были въ особенности потрясены и когда они могли уже чувствовать, тогда поражаетъ ихъ съ большою силою. Какъ мы людямъ пьянымъ не говоримъ ничего, а когда они отрезвятся и очнутся отъ опьяненія, тогда укоряемъ ихъ, такъ точно и Петръ. Когда они могли понимать его слова, тогда уже онъ изощряетъ языкъ и исчисляетъ многія ихъ преступленія, именно, что они предали Того, Кого Богъ прославилъ, что отъ Того, Котораго Пилатъ освобождалъ, они отреклись предъ лицемъ его, (Христу) предпочли разбойника.

3. Смотри опять, какъ прикровенно говоритъ объ Его силѣ, показывая, что Онъ самъ Себя воздвигъ (изъ мертвыхъ). Какъ въ прежней проповѣди говорилъ: *якоже не бяше мощно держиму быти ему отъ нея* (Дѣян. II, 24), такъ и здѣсь говоритъ: *начальника же жизни убисте.* Слѣдовательно, не отъ другого лица Онъ получилъ жизнь. Какъ начальникомъ злобы долженъ быть тотъ, кто родилъ злобу, а начальникомъ человѣкоубійства—тотъ, кто первый ввелъ послѣднее, такъ точно и начальникъ жизни—Тотъ,
79 Кто имѣетъ жизнь отъ самого Себя. *Егоже,* говоритъ, *Богъ воскреси.* Сказавъ это, присовокупилъ: *и о вѣрѣ имене его сего, егоже видите и знаете, утверди имя его: и вѣра, яже его ради, даде ему всю цѣлость сію.* Но, если все сдѣлала вѣра въ Него, потому что (хромой) увѣровалъ въ Него, то отчего (апостолъ) не сказалъ: именемъ, но: *о имени?* Оттого, что еще не осмѣливались сказать: вѣра въ Него. А чтобы выраженіе: *его ради* не было унизительно, онъ присоединилъ: *и имя его утверди сего.* И сначала сказавъ это, онъ затѣмъ говоритъ: *и вѣра, яже его ради, даде ему всю цѣлость сію.* Смотри, какъ онъ показываетъ, что и тѣ слова сказалъ по снисхожденію къ нимъ. Дѣйствительно, чье имя воздвигло хромого, ничѣмъ не отличнаго отъ мертваго, Тотъ не имѣлъ нужды въ другомъ для своего воскресенія. Замѣть, какъ вездѣ указываетъ на ихъ свидѣтельство. Такъ выше говорилъ: *якоже и сами вѣсте;* и: *посредѣ васъ* (Дѣян. II, 22); и опять: *егоже видите и знаете предъ всѣми вами* (III, 16). Хотя они не знали, что (хромой) стоитъ здравъ о имени Христа, но знали то, что

онъ былъ хромъ. Да и сами сдѣлавшіе это исповѣдывали, что онъ укрѣпился не ихъ силою, но Христовою. А если бы это было не такъ и если бы они не были дѣйствительно увѣрены въ томъ, что (Христосъ) воскресъ, то не захотѣли бы славу мертваго поставить выше своей, и особенно тогда, когда іудеи смотрѣли на нихъ (какъ на виновниковъ чуда). Затѣмъ апостолъ тотчасъ успокоилъ устрашенныя ихъ души, назвавъ ихъ братьями и сказавъ: *мужіе братіе!* Тамъ онъ ничего не говорилъ о себѣ, но только о Христѣ: *твердо убо, да разумѣетъ*, говорилъ онъ, *весь домъ Израилевъ* (Дѣян. II, 36); здѣсь же предлагаетъ и увѣщаніе. Тамъ ожидалъ, что іудеи скажутъ, а здѣсь, когда уже такъ многое (апостолы) сдѣлали,—зналъ, что они были способнѣе къ принятію словъ его. Безъ сомнѣнія, и то, что сказано выше, происходило не отъ невѣдѣнія. Вѣдь они просили о разбойникѣ, не приняли Того, Кого (Пилатъ) рѣшилъ освободить, захотѣли даже убить Его: какое же тутъ невѣдѣніе? Но, несмотря на все это, онъ даетъ имъ возможность отречься и раскаяться въ томъ, что они сдѣлали, даже представляетъ за нихъ и благовидное оправданіе и говоритъ: что вы убили невиннаго, это вы знали, а что (убили) Начальника жизни,—этого, можетъ быть, не знали. И такимъ образомъ не ихъ только оправдываетъ отъ преступленій, но и главныхъ виновниковъ зла. А если бы онъ обратилъ рѣчь въ обвиненіе, онъ сдѣлалъ бы ихъ болѣе упорными. Вѣдь когда обвиняютъ кого-нибудь, совершившаго что-либо ужасное, то онъ, пытаясь оправдываться, становится упрямѣе. И не говоритъ уже: вы распяли, убили, но: *сотвористе*, чѣмъ ведетъ ихъ къ прощенію. Если тѣ (сдѣлали) по невѣдѣнію, то тѣмъ болѣе эти; если тѣмъ прощается, то гораздо скорѣе этимъ. Но удивительно, что онъ, сказавъ и выше, и здѣсь,—тамъ: *нареченнымъ совѣтомъ и проразумѣніемъ*, а здѣсь: *предвозвѣсти всѣмъ Христа*, — нигдѣ не приводитъ свидѣтельства, потому что каждое изъ послѣднихъ вмѣстѣ съ сильными обвиненіями возвѣщаетъ и о наказаніи преступниковъ. *И дамъ*, сказано, *лукавыя вмѣсто погребенія его, и богатыя вмѣсто смерти его* (Ис. LIII, 9). И опять: *яже*, говоритъ, *предвозвѣсти усты всѣхъ пророкъ пострадати ему, исполни тако*. Этимъ показываетъ важность опредѣленія, такъ какъ всѣ говорили это, а не одинъ только. Значитъ, хотя это сдѣлано по невѣдѣнію, но совершилось не противъ воли Божіей.

Смотри, какова премудрость Божія, когда и злодѣянія 80
другихъ направляетъ къ тому, чему слѣдуетъ быть! *Исполни*. Чтобы не подумали, что еще остается что-нибудь, онъ присовокупилъ это (слово), показывая, что совершилось все, что (Христу) надлежало претерпѣть. Но не подумайте, что вамъ для оправда-

нія достаточно того, что объ этомъ сказали пророки, и что вы сдѣлали это по невѣдѣнію. Впрочемъ, онъ говоритъ не такъ, а съ большею кротостію: *покайтеся убо.* Для чего?—*Да очистится отъ грѣхъ вашихъ.* Не говорю о томъ, на что вы дерзнули при крестѣ,—то было, можетъ быть, по невѣдѣнію; но—да очистятся другіе ваши грѣхи. Потомъ прибавляетъ: *яко да пріидутъ вамъ времена прохладна.* Здѣсь прикровенно бесѣдуетъ о воскресеніи, такъ какъ то, поистинѣ, времена отрады, которыхъ желалъ и Павелъ, когда говорилъ: *и мы, сущіи въ тѣлѣ семъ, воздыхаемъ отягчаеми* (2 Кор. v, 4). Затѣмъ, показывая, что Христосъ—виновникъ временъ отрады, говоритъ: *и послетъ пронареченнаго вамъ Христа Іисуса.* Не сказалъ: загладится грѣхъ вашъ, но: *грѣхи,* намекая и на тотъ (грѣхъ). *И послетъ.* Сказавъ это, онъ не говоритъ, откуда (пошлетъ), но только прибавляетъ: *егоже подобаетъ небеси убо пріяти.* Еще только *пріяти.* Отчего же онъ не сказалъ: котораго небо приняло? Это потому, что онъ, бесѣдуя, сказалъ какъ бы о временахъ древнихъ: такъ, говоритъ, было опредѣлено, такъ было положено. О вѣчномъ же бытіи Его еще не говоритъ, но останавливается на домостроительствѣ нашего спасенія и говоритъ: *Моисей убо ко отцемъ рече: яко пророка вамъ воздвигнетъ Господь.* Такимъ образомъ сначала сказалъ: *даже до лѣтъ устроенія всѣхъ, яже глагола Богъ усты всѣхъ святыхъ своихъ пророкъ отъ вѣка,*— и затѣмъ, наконецъ, вводитъ самого Христа. Вѣдь, если Онъ многое предсказалъ и Его надобно слушать, то не погрѣшитъ тотъ, кто скажетъ, что это сказали пророки.

4. Съ другой стороны (апостолъ) желаетъ показать, что то же самое предсказали и пророки. И если кто тщательно вникнетъ, тотъ найдетъ, что и въ ветхомъ (завѣтѣ) сказано объ этомъ, хотя не ясно, такъ что въ этомъ нѣтъ ничего особенно новаго. *Пронареченнаго.* Этимъ и устрашаетъ ихъ, такъ какъ многому остается еще быть. Какъ же онъ говорилъ: *исполни* то, что надлежало (Христу) претерпѣть? Сказалъ: *исполни,* а не: исполнилось, — показывая, что (Богъ) исполнилъ то, что надлежало (Христу) претерпѣть, но еще не исполнилъ того, чему слѣдуетъ быть потомъ. *Пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ отъ братіи вашея, яко мене.* Говоритъ то, что особенно привлекало ихъ. Видишь ли, какъ онъ вмѣстѣ сѣетъ и низкое, и высокое? Въ самомъ дѣлѣ, и низко и высоко,—если имѣющій взойти на небеса подобенъ Моисею; впрочемъ, въ то время это и было (дѣломъ) великимъ. Вѣдь къ Моисею не идутъ уже эти слова: *и будетъ всякъ,* кто не послушаетъ, *потребится.* Да онъ сказалъ весьма многое и другое, изъ чего видно, что (Христосъ) не подобенъ Моисею. Такимъ образомъ онъ коснулся великаго свидѣтельства. *Богъ,* говоритъ, *воздвигнетъ* Его

отъ братіи вашея. И самъ Моисей грозилъ тѣмъ, которые не слушали его. Все это имѣло силу привлекать ихъ. *И вси же*, говоритъ, *пророцы отъ Самуила.* Не захотѣлъ выводить каждаго (пророка) отдѣльно, чтобы не сдѣлать рѣчи слишкомъ длинною; но, упомянувъ о важнѣйшемъ свидѣтельствѣ Моисеевомъ, опустилъ свидѣтельства прочихъ. *Вы есте*, говоритъ, *сынове пророкъ и завѣта, егоже завѣща Богъ.* Вы, говоритъ, сыны, то есть, наслѣдники завѣта. Чтобы они не подумали, что получаютъ это по милости Петра,—показываетъ, что это издревле должно было принадлежать имъ, чтобы они лучше повѣрили, что это угодно и Богу. *Вамъ первѣе,* говоритъ, *Богъ воздвигій Отрока своего посла.* 81
Не просто сказалъ: къ вамъ послалъ Отрока Своего, но именно: по воскресеніи, послѣ того, какъ Онъ былъ распятъ. Чтобы не думали, что Сынъ даровалъ это, а Отецъ—нѣтъ, для этого присовокупилъ: *благословяща васъ.* Если Онъ братъ вашъ и благословляетъ васъ, то это и есть обѣщаніе, т. е., вы не только имѣете участіе въ этихъ (благахъ), но Онъ хочетъ, чтобы и для остальныхъ вы стали ихъ виновниками. Итакъ, не считайте себя отринутыми и отверженными. *Во еже обратитися,* говоритъ, *комуждо отъ злобъ.* Вотъ въ какомъ случаѣ Онъ благословляетъ васъ, а не просто. Какое же тутъ благословеніе? — Великое. Обращенія отъ грѣховъ недостаточно и для того, чтобы разрѣшить ихъ. Если же этого недостаточно было и для разрѣшенія (грѣховъ), то какъ могло это дать благословеніе? Вѣдь кто поступилъ несправедливо, тотъ получаетъ прощеніе въ своихъ грѣхахъ, но еще не благословляется. А выраженіе: *яко мене*, если не принять его въ смыслѣ законоположенія, ни въ какомъ другомъ значеніи не будетъ имѣть основанія. *Того*, говоритъ, *послушайте.* И не просто, но какъ? *Будетъ же, всяка душа, яже не послушаетъ пророка онаго, потребится отъ людей.* Когда показалъ, что они согрѣшили, когда даровалъ имъ прощеніе и обѣщалъ блага, тогда показываетъ, что и Моисей говоритъ то же. Но что за послѣдовательность — сказать: *даже до лѣтъ устроенія,* и затѣмъ приводить Моисея, который заповѣдуетъ слушать все, что скажетъ Христосъ,—и притомъ не просто, но съ страшною угрозою? (Послѣдовательность) строгая. Апостолъ показываетъ, что и поэтому они должны повиноваться Христу. Что значитъ: *сынове пророкъ и завѣта?* Значитъ—наслѣдники, преемники. Итакъ, если вы сыны, то зачѣмъ вы къ своему относитесь, какъ къ чужому? Конечно, вы совершили достойное осужденія; но, несмотря на это, вы можете получить прощеніе. Сказавъ такимъ образомъ, онъ вслѣдъ за тѣмъ справедливо уже говоритъ: *вамъ посла Богъ Отрока своего благословяща васъ.* Не сказалъ: спасающаго, но—что важнѣе—*благословяща,*

показывая, что Распятый благословляетъ распявшихъ. Будемъ же и мы подражать Ему! Отвергнемъ отъ себя убійственное и враждебное расположеніе души. Не достаточно не мстить (это было и въ Ветхомъ Завѣтѣ); но будемъ дѣлать все для обидѣвшихъ насъ, какъ для искреннихъ друзей, какъ бы для себя самихъ. Мы—подражатели, мы—ученики Того, Который по распятіи употребляетъ всѣ мѣры для (спасенія) распявшихъ и посылаетъ (къ нимъ) апостоловъ. Да притомъ, мы часто страдаемъ и справедливо, а Его (подвергли страданіямъ) не только несправедливо, но и нечестиво: іудеи распяли Благодѣтеля, Того, Кто ничѣмъ (ихъ) не обидѣлъ. За что?—скажи мнѣ. Изъ-за славы ли? Но Онъ выставлялъ ихъ достойными уваженія. Какимъ образомъ? *На Моѵсеовѣ сѣдалищи*, говорилъ Онъ, *сѣдоша книжиницы и фарисеи: вся убо, елика аще рекутъ вамъ* творить, *творите: по дѣломъ же ихъ не творите* (Мѳ. XXIII, 2, 3). И опять въ другомъ мѣстѣ: *шедъ покажися іереови* (Мѳ. VIII, 4). Въ то время, какъ могъ погубить ихъ, Онъ спасаетъ. Станемъ же подражать Ему, и пусть никто не будетъ чьимъ-либо врагомъ, никто—непріятелемъ, развѣ только—діавольскимъ.

5. Не мало способствуетъ этому и то, если мы не клянемся и не гнѣваемся. Когда мы не будемъ гнѣваться, — не будемъ имѣть и врага. Отними у человѣка клятву, — и ты отнялъ крылья у гнѣва, погасилъ всю ярость. Клятва — это какъ бы вѣтеръ для гнѣва. Распусти паруса: парусъ ни къ чему не
82 служитъ, когда нѣтъ вѣтра. Итакъ, если мы не будемъ кричать и клясться,—мы отнимемъ всю силу у гнѣва. Если же вы не вѣрите этому, то сдѣлайте опытъ, и тогда узнаете, что это дѣйствительно такъ. Положи гнѣвливому законъ никогда не клясться, и тебѣ не будетъ нужды говорить ему о кротости. Въ этомъ случаѣ все будетъ успѣшно: вы не станете нарушать клятвъ, да и совсѣмъ не будете клясться. Не знаете ли, въ какія несообразности впадаете вы отъ этого? Вы сами на себя налагаете узы и (сами же) всѣми средствами стараетесь о томъ, чтобы освободить отъ нихъ свою душу, какъ будто бы это было какое-либо неизбѣжное зло. Но такъ какъ вы не можете (сдѣлать этого), то уже по необходимости проводите жизнь въ скорби и распряхъ и предаетесь гнѣву. А между тѣмъ, все это бываетъ безъ нужды и напрасно. Итакъ, грози, предписывай, дѣлай все—безъ клятвы. Тогда можно, если хочешь, отмѣнить и сказанное, и сдѣланное. Вотъ сегодня (мнѣ) необходимо бесѣдовать съ вами болѣе кротко. Такъ какъ вы послушались (словъ моихъ), то и сдѣлались гораздо лучше. Итакъ, скажемъ, если угодно, отчего появилась клятва и для чего она допущена. Разсказавъ о первоначальномъ

ся происхожденіи, о томъ, когда она возникла, и какъ, и отъ кого, мы этимъ разсказомъ возблагодаримъ васъ за послушаніе. Тому, кто поступаетъ, какъ должно, необходимо и любомудрствовать; а кто еще не (таковъ), тотъ недостоинъ и слушать (наше) слово. Авраамъ и бывшіе съ нимъ заключили много договоровъ, заклали жертвы, сдѣлали приношенія, а клятвы еще не было. Откуда же явилась клятва? Когда умножились беззаконія, когда все пришло въ крайній безпорядокъ, когда (люди) склонились къ идолослуженію, вотъ тогда-то,—тогда, когда они уже оказались недостойными вѣры, стали призывать Бога въ свидѣтели, представляя какъ бы вѣрнаго поручителя въ томъ, что говорили. Вѣдь клятва въ этомъ и состоитъ,—въ поручительствѣ,—потому что уже не довѣряютъ честности. Слѣдовательно, она прежде всего служитъ обвиненіемъ тому, кто клянется, если ему не вѣрятъ безъ поручителя и, притомъ, безъ поручителя великаго, потому что отъ великаго недовѣрія происходитъ то, что требуютъ въ свидѣтели не человѣка, но Бога. Во-вторыхъ, столько же виновенъ бываетъ и тотъ, кто принимаетъ клятву, если онъ, споря объ условіяхъ, влечетъ Бога въ поручительство и говоритъ, что не повѣритъ, если не будетъ имѣть Его (поручительства). Какая чрезвычайная безчувственность! Какое поруганіе! Ты—червь, земля, пепелъ и дымъ, влечешь къ поручительству Владыку своего и принуждаешь Его быть (поручителемъ). Скажи мнѣ: если бы въ то время, какъ ваши слуги спорятъ между собою и не довѣряютъ другъ другу, одинъ изъ рабовъ сказалъ, что онъ не повѣритъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ имѣть поручителемъ общаго господина, то не получилъ бы онъ тысячи ударовъ и не узналъ ли бы, что господиномъ надобно пользоваться для другихъ дѣлъ, а не для этого? Что я говорю о рабѣ (и господинѣ)? Если бы даже онъ избралъ (и другого) почтеннаго человѣка, то не счелъ ли бы тотъ такой выборъ позоромъ для себя? Но я, скажешь, не хочу. Прекрасно! Въ такомъ случаѣ не принуждай и Бога, когда и между людьми бываетъ такъ, что, если кто скажетъ: я представлю такого-то въ поручители, ты не берешь на себя (этого поручительства). Что же, скажешь, ужели мнѣ потерять то, что я далъ? Не говорю этого; но (утверждаю), что ты оскорбляешь Бога. Поэтому-то принуждающій (къ клятвѣ) еще неизбѣжнѣе, чѣмъ тотъ, кто клянется, подвергнется наказанію, равно какъ и тотъ, кто клянется, когда никто не требуетъ. И,—что особенно тягостно,—каждый клянется изъ-за одного овола, изъ-за малой выгоды, изъ-за несправедливости. Это (я говорю о тѣхъ случаяхъ), когда не будетъ клятвопреступленія; если же послѣдуетъ клятвопреступленіе, то все окажется въ крайнемъ безпорядкѣ, и виною

всего будетъ и тотъ, кто принялъ, и тотъ, кто далъ (клятву). Но иногда бываетъ, скажешь, нѣчто неизвѣстное? А ты предусматривай это и не дѣлай ничего легкомысленно; если же дѣлаешь что-либо легкомысленно, то самъ съ себя и взыскивай за вредъ. Лучше такъ потерпѣть вредъ, чѣмъ какъ-нибудь иначе. Скажи мнѣ, когда ты требуешь отъ человѣка клятвы, — чего ты ожи-
83 даешь? Того ли, что онъ нарушитъ клятву? Но это крайнее безуміе, потому что наказаніе обратится на твою голову. Лучше тебѣ потерять деньги, чѣмъ тому погибнуть. Для чего дѣлаешь это во вредъ себѣ и въ оскорбленіе Бога? Это свойственно душѣ звѣрской и человѣку нечестивому. Но я (скажешь) надѣюсь, что онъ не нарушитъ клятвы? Въ такомъ случаѣ повѣрь ему и безъ клятвы. Но многіе, скажешь, безъ клятвы рѣшались на обманъ, а послѣ клятвы—нѣтъ. Обманываешься, человѣкъ! Кто привыкъ красть и обижать ближняго, часто рѣшается попрать и клятву. Кто благоговѣетъ предъ клятвою, тотъ тѣмъ болѣе побоится нанести обиду. Но онъ сдѣлаетъ это по неволѣ? Въ такомъ случаѣ онъ достоинъ прощенія. Но что я говорю объ этихъ клятвахъ, оставляя клятвы, (бывающія) на рынкѣ? Тамъ ты не можешь сказать ничего подобнаго, потому что изъ-за десяти оволовъ бываютъ клятвы и клятвопреступленія. Такъ какъ не падаетъ съ неба молнія, такъ какъ не все ниспровергается, то ты стоишь и держишь (при себѣ) Бога. Для чего же? Чтобы получить нѣсколько огородной зелени, чтобы (взять) башмаки. Изъ-за нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ ты призываешь Его во свидѣтельство. Но если мы не подвергаемся наказанію, то не будемъ думать, что и не грѣшимъ. Это происходитъ отъ человѣколюбія Божія, а не отъ нашей добродѣтели. Клянись своимъ сыномъ, клянись самимъ собою; скажи: пусть палачъ приступитъ къ бокамъ моимъ. Но ты (этого) боишься. Такъ ужели Богъ безчестнѣе боковъ твоихъ? Ужели Онъ ничтожнѣе головы твоей? Скажи: пусть я ослѣпну! Но Христосъ такъ щадитъ насъ, что запрещаетъ намъ клясться даже и собственною головою; а мы до того не щадимъ славы Божіей, что всюду привлекаемъ Его. Развѣ не знаете, что такое—Богъ и какими устами надобно призывать Его? Разсуждая о какомъ-нибудь добродѣтельномъ человѣкѣ, мы говоримъ: умой уста твои и тогда вспоминай о немъ; а между тѣмъ, имя досточтимое, которое выше всякаго имени,—имя, чудное по всей землѣ, слыша которое, трепещутъ демоны,—мы всюду произносимъ безразсудно.

6. О, привычка! Отъ нея-то произошло то, что (это имя) пренебрегается. Вѣдь, если бы ты заставилъ кого-нибудь поклясться святымъ домомъ,—ты, безъ сомнѣнія, считалъ бы это за страш-

ную клятву. А отчего это кажется столь страшнымъ, какъ не оттого, что ту (клятву) мы употребляемъ безъ разбора, а эту—нѣтъ? Иначе не слѣдовало ли содрогаться, при произнесеніи имени Божія? У іудеевъ это имя было столь священно, что его писали на дощечкахъ, и никому не позволялось носить эти буквы, кромѣ одного только первосвященника; а мы теперь вездѣ произносимъ это имя, какъ обыкновенное. Если и просто называть Бога не всѣмъ дозволено, то, скажи мнѣ, какая дерзость, какое безуміе—призывать Его во свидѣтельство? Вѣдь, если бы и все надлежало бросить,—не слѣдовало ли бы охотно согласиться на то? Вотъ я говорю и настоятельно требую: оставьте эти клятвы, бывающія на площади, а всѣхъ, которые не слушаются, приведите ко мнѣ. Вотъ, въ вашемъ присутствіи, я заповѣдую тѣмъ, которые отдѣлены на служеніе молитвеннымъ домамъ, внушаю имъ и объявляю, что никому не дозволяется клясться безразсудно, а лучше сказать—и какъ бы то ни было. Итакъ, ведите ко мнѣ (клянущагося), кто бы онъ ни былъ,—потому что и это должно доходить до насъ, какъ будто бы вы были малыя дѣти. Но не дай Богъ, чтобы это случилось! Стыдно, если вы еще имѣете нужду чему-нибудь учиться. Осмѣлишься ли ты, не будучи посвященъ въ тайны, 84
прикоснуться къ священной трапезѣ? Но, что еще хуже,—ты, посвященный въ тайны, дерзаешь прикасаться къ священной трапезѣ, которой и не всѣмъ священникамъ позволено касаться,—и такимъ образомъ клянешься! Ты не коснешься, по выходѣ (изъ дома), и головы дитяти, а касаешься трапезы,—и не трепещешь, и не боишься? Веди ко мнѣ такихъ (людей)! Я произведу судъ и отпущу обоихъ съ радостію. Дѣлайте, что хотите: я полагаю законъ—отнюдь не клясться. Какая надежда спасенія, когда мы все такъ унижаемъ? Ужели для того записи, для того обязательства, чтобы ты принесъ имъ въ жертву свою душу? Пріобрѣтаешь ли ты столько же, сколько теряешь? Нарушилъ ли клятву (тотъ, кого ты обязалъ ею)? Ты погубилъ и его, и себя. Не нарушилъ? И въ этомъ случаѣ ты погубилъ его, принудивъ его преступить заповѣдь. Удалимъ отъ души эту болѣзнь. Прежде всего будемъ гнать ее съ рынка, изъ лавокъ и изъ всѣхъ прочихъ торговыхъ заведеній. Намъ будетъ отъ этого больше прибыли. Не подумайте, что отъ нарушенія божественныхъ законовъ житейскія дѣла идутъ лучше. Но мнѣ, скажешь, не вѣрятъ? Дѣйствительно, мнѣ случалось иногда слышать отъ нѣкоторыхъ и это, что если я не произнесу тысячи клятвъ, то мнѣ не вѣрятъ. Ты самъ причиной этому, потому что легкомысленно клянешься. А если бы этого не было и если бы всѣмъ было извѣстно, что ты не клянешься, то повѣрь словамъ моимъ, что ты сдѣлалъ бы

только знакъ, и тебѣ повѣрили бы больше, чѣмъ тѣмъ, которые употребляютъ тысячи клятвъ. Вотъ, скажи мнѣ, кому вы больше вѣрите: мнѣ ли, хотя я не клянусь, или тѣмъ, которые клянутся? Но ты,—скажете вы,—начальникъ и епископъ? Что же, если я докажу, что не поэтому только (вѣрите мнѣ)? Отвѣчайте мнѣ со всею искренностью, прошу васъ: если бы я часто и всегда клялся, помогло ли бы мое начальственное положеніе? Отнюдь нѣтъ. Видишь ли, что не поэтому (вѣрите мнѣ)? Да и какую, скажи мнѣ, пріобрѣтаешь ты, наконецъ, выгоду? Павелъ терпѣлъ голодъ; рѣшись и ты лучше терпѣть голодъ, чѣмъ преступить какую-либо изъ заповѣдей Божіихъ. Отчего ты такъ невѣренъ? Ужели тогда, какъ ты рѣшишься все сдѣлать и претерпѣть для того, чтобы не клясться,—Богъ не вознаградитъ тебя? Вѣдь Онъ каждый день питаетъ клятвопреступниковъ и (людей) часто клянущихся: ужели предастъ голоду тебя за то, что ты послушалъ Его? Пусть всѣ знаютъ, что изъ собирающихся въ эту церковь никто не клянется! Пусть мы будемъ извѣстны и этимъ, а не вѣрою только! Пусть будетъ это нашимъ отличіемъ отъ язычниковъ и отъ всѣхъ (людей)! Пусть примемъ печать съ небесъ, чтобы намъ вездѣ являться какъ бы царскимъ стадомъ! Пусть тотчасъ же узнаютъ насъ, какъ варваровъ, по рѣчамъ и языку, и пусть отличаемся этимъ отъ варваровъ, подобно знающимъ по-гречески! Скажи мнѣ: по чему узнаютъ такъ называемыхъ попугаевъ? Не по тому ли, что они говорятъ по-человѣчески? Такъ пусть же и насъ узнаютъ по тому, что мы говоримъ, какъ апостолы, говоримъ, какъ ангелы. Если кто скажетъ: поклянись, то пусть услышитъ, что Христосъ заповѣдалъ не клясться, и я не клянусь. Этого довольно, чтобы ввести всякую добродѣтель. Это—нѣкоторая дверь къ благочестію, путь, ведущій къ благоговѣйному любомудрію, это—нѣкотораго рода училище. Будемъ соблюдать это, чтобы сподобиться
85 ся и настоящихъ и будущихъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Свя-
86 тымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

35 **Глаголющимъ же имъ къ людемъ, наидоша на нихъ священницы и воевода церковный (Дѣян. IV, 1).**

1. Еще не отдохнули (апостолы) отъ прежнихъ искушеній, а уже тотчасъ впали въ другія. И смотри, какъ это устрояется. Сначала они были осмѣяны всѣ вмѣстѣ: это—не малое искуше-

ніе; а потомъ сами верховные впадаютъ въ опасности. Но эти два (событія) произошли не сряду одно за другимъ и не просто; а сначала (апостолы) прославились въ рѣчахъ, потомъ сдѣлали великое чудо, и затѣмъ уже, по допущенію Божію, съ дерзновеніемъ вступаютъ въ борьбу. Ты же замѣть, прошу тебя, какъ тѣ, которые при Христѣ искали предателя, теперь уже сами налагаютъ руки, сдѣлавшись послѣ креста болѣе дерзкими и болѣе безстыдными. Такъ-то грѣхъ, пока только еще рождается, бываетъ нѣсколько стыдливъ; но когда совершится, тогда дѣлаетъ безстыднѣйшими тѣхъ, которые совершаютъ его. Но для чего же приходитъ и воевода? Вѣдь сказано: *наидоша на нихъ священницы и воевода церковный.* Для того, чтобы опять представить государственнымъ преступленіемъ то, что происходило, и наказать за это, не какъ за (дѣло) частное: такъ вездѣ они стараются поступать. *Жаляще си, за еже учити имъ люди* (ст. 2). Они досадовали не только на то, что (апостолы) учили, но и на то, что говорили, что (Христосъ) не только самъ воскресъ, но что и мы воскреснемъ чрезъ Него. *За еже учити имъ*, сказано, *люди, и возвѣщати о Іисусѣ воскресеніе мертвыхъ* (ст. 2). Воскресеніе Его было такъ дѣйственно, что и для другихъ Онъ содѣлался виновникомъ воскресенія. *И возложиша на нихъ руки, и положиша ихъ въ соблюденіе до утрія: бѣ бо вечеръ уже* (ст. 3). О, безстыдство! Еще прежней кровію были исполнены ихъ руки, а они тѣмъ не удовольствовались, но снова наложили ихъ, чтобы обагрить другою кровію. Или, можетъ быть, они и боялись, такъ какъ учениковъ было уже много, и поэтому явился вмѣстѣ съ ними воевода: *бѣ бо*, сказано, *вечеръ уже.* Итакъ, они это дѣлали и стерегли (апостоловъ), желая ослабить ихъ, а апостоламъ эта отсрочка времени придавала болѣе смѣлости. И смотри, кто подвергается задержанію: это—верховные изъ апостоловъ, которые такимъ образомъ и для прочихъ послужили указаніемъ, чтобы они впредь не искали другъ друга и не домогались быть вмѣстѣ. *Мнози же отъ слышавшихъ слово вѣроваша: и бысть число мужей яко тысящъ пять* (ст. 4).

Что это значитъ? Развѣ они видѣли (апостоловъ) въ славѣ? Не видѣли ль, напротивъ, что ихъ связали? Какъ же увѣровали? Видишь ли явную силу (Божію)? Вѣдь и тѣмъ, которые уже увѣровали, надлежало бы сдѣлаться (отъ этого) немощнѣе, но они не сдѣлались. Рѣчь Петра глубоко бросила сѣмена и тронула ихъ душу. А тѣ (священники и саддукеи) гнѣвались потому, что нисколько не убоялись ихъ и за ничто считали настоящія бѣдствія. Если Распятый, говорили они, дѣлаетъ такія (чудеса) и если Онъ воздвигъ хромого, то мы не боимся и ихъ. Итакъ, и

это было дѣломъ Промысла Божія. Поэтому увѣровавшихъ было теперь больше, чѣмъ прежде. Вотъ этого (священники съ саддукеями) и боялись, и потому-то въ ихъ глазахъ и связали апостоловъ, чтобы и на нихъ навести большій страхъ; но случилось совсѣмъ не то, чего они хотѣли. Поэтому-то они и допрашиваютъ
86 апостоловъ не при нихъ, но отдѣльно, чтобы слушатели не получили пользы отъ ихъ дерзновенія. *Бысть же на утріе собратися княземъ ихъ и старцемъ и книжникомъ во Іерусалимъ, и Аннѣ архіерею и Каіафѣ и Іоанну и Александру, и елицы бѣша отъ рода архіерейска* (ст. 5—6). Опять сходятся вмѣстѣ,—а въ числѣ прочихъ золъ было и то, что уже не соблюдались постановленія закона. Опять придаютъ собранію видъ суда, чтобы обвинить ихъ неправеднымъ судомъ. *И поставльше ихъ посредѣ, вопрошаху: коею силою, или коимъ именемъ сотвористе сіе вы* (ст. 7)? Но они ужъ знали (это), потому что досадовали, какъ сказано, на то, что (апостолы) проповѣдуютъ въ Іисусѣ воскресеніе. Поэтому-то именно они и задержали ихъ. Для чего же спрашиваютъ? Они ожидали, что (апостолы), убоясь множества, отрекутся, и думали, что этимъ все исправятъ. И замѣть, что они говорятъ: *коимъ именемъ сотвористе сіе вы? Тогда Петръ исполнився Духа Свята, рече къ нимъ* (ст. 8). Припомни же теперь слова Христовы и то, какъ сбылось, что Онъ говорилъ: *егда же приведутъ вы на сборища, не пецытеся, како или что речете: Духъ бо Отца вашего* будетъ *глаголяй въ васъ* (Лук. XII, 11; ср. Мѳ. X, 19). Слѣдовательно, они уже пользовались великимъ содѣйствіемъ Божіимъ. Что же именно говоритъ (Петръ), — послушай. *Князи людстіи и старцы Израилевы* (ст. 8). Замѣть любомудріе мужа: будучи исполненъ дерзновенія, Онъ не произноситъ ничего оскорбительнаго, но говоритъ почтительно: *князи людстіи и старцы Израилевы, аще мы днесь истязуеми есмы о благодѣяніи человѣка немощна, о чесомъ сей спасеся, разумно буди всѣмъ, вамъ и всѣмъ людемъ Израилевымъ* (ст. 9—10). Съ великимъ мужествомъ напалъ на нихъ съ самаго начала и уязвилъ ихъ; а притомъ и напомнилъ имъ о прежнемъ, такъ какъ они судятъ ихъ за благодѣяніе. Онъ какъ бы такъ говорилъ: за это, конечно, всего болѣе надлежало бы увѣнчать насъ и провозгласить благодѣтелями, а между тѣмъ насъ судятъ за благодѣяніе человѣку немощному, небогатому, немогущественному и неславному. Кто могъ бы позавидовать (намъ) въ этомъ?

2. Много тягостнаго заключаютъ въ себѣ слова (Петра); но изъ нихъ видно, что іудеи сами навязывались на зло. *Яко во имя Іисуса Христа Назорея* (ст. 10). Что особенно опечалило ихъ, то (апостолъ) и прибавляетъ. Вотъ это именно и значили слова Христовы: *еже во уши слышите, проповѣдите на кровѣхъ* (Мѳ. X,

27). *Яко во имя Іисуса Христа Назорея, егоже вы распясте, егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ, о семъ сей стоитъ предъ вами здравъ* (ст. 10). Не подумайте, говоритъ, что мы скрываемъ Его отечество или страданіе. *Егоже вы распясте, егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ, о семъ сей стоитъ предъ вами здравъ.* Опять—страданіе, опять—воскресеніе. *Сей есть камень укоренный отъ васъ зиждущихъ, бывый во главу угла* (ст. 11). Напомнилъ имъ и о словѣ, котораго достаточно было, чтобъ устрашить ихъ, такъ какъ сказано: *падый на камени семъ сокрушится: а на немже падетъ сотрыетъ и* (Мѳ. XXI, 44). *И нѣсть ни о единомъ же иномъ спасенія* (ст. 11). Какія, думаешь, раны получили они отъ этихъ словъ? *Нѣсть бо иного имени подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немже* 87
подобаетъ спастися намъ (ст. 12). Здѣсь возвѣщается и (нѣчто) возвышенное. Когда не было нужды чего-либо достигнуть, а надлежало только показать дерзновеніе, тогда (апостолъ) не щадитъ, потому что не боялся поразить ихъ. И не сказалъ просто: чрезъ другого, но: *нѣсть ни о единомъ же иномъ спасенія*,—этимъ показывая, что Онъ можетъ спасти насъ, а въ то же время желая и устрашить ихъ. *Видяще же Петрово дерзновеніе и Іоанново, и разумѣвше, яко человѣка не книжна еста и проста, дивляхуся: знаху же ихъ, яко со* Іисусомъ *бѣста* (ст. 13). Но какимъ же, скажешь, образомъ люди неученые побѣдили краснорѣчіемъ и ихъ, и первосвященниковъ? Это—потому, что не они говорили, а чрезъ нихъ—благодать Духа. *Видяще же исцѣлѣвшаго человѣка съ нима стояща, ничтоже имяху противу рещи* (ст. 14). Велика смѣлость этого человѣка, какъ видно изъ того, что онъ не оставилъ апостоловъ въ самомъ судѣ. Слѣдовательно, еслибы они сказали, что (дѣло) не такъ было, онъ обличилъ бы ихъ.

Повелѣвше же има вонъ изъ сонмища изыти, стязахуся другъ со другомъ, глаголюще: что сотворимъ человѣкома сима (ст. 15—16)? Видишь, какъ они недоумѣваютъ и какъ опять все дѣлаютъ по страху человѣческому. Какъ при Христѣ они не могли ни опровергнуть, ни скрыть событій, а напротивъ, отъ ихъ противодѣйствія вѣра еще болѣе возрастала,—такъ точно и теперь. *Что сотворимъ?* Какое безуміе, если они думали устрашить тѣхъ, которые уже вкусили подвиговъ, особенно же, если они, не будучи въ состояніи ничего (сдѣлать) сначала, надѣялись сдѣлать что-либо послѣ такого краснорѣчія! Чѣмъ больше они хотѣли препятствовать, тѣмъ дѣла шли впередъ успѣшнѣе. *Яко убо нарочитое знаменіе бысть има, всѣмъ живущимъ во Іерусалимѣ явѣ, и не можемъ отрещися. Но да не болѣе прострется въ людехъ, прещеніемъ да запретимъ има ктому не глаголати о имени семъ ни единому отъ человѣкъ. И призвавше ихъ заповѣдаша има отнюдь не*

провѣщавати, ниже учити о имени Іисусовѣ (ст. 16—18). Замѣть и безстыдство ихъ, и любомудріе апостоловъ. *Петръ же,* сказано, *и Іоаннъ отвѣщавше къ нимъ рѣста: аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите. Не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати. Они же призапретивше има, пустиша я, ничтоже обрѣтше, како мучити ихъ, людей ради* (ст. 19—21). Знаменія заградили имъ уста, и они уже не позволили апостоламъ окончить слово, но весьма оскорбительно прервали ихъ во время самой рѣчи. *Яко вси прославляху Бога о бывшемъ. Лѣтъ бо бяше множае четыредесяти человѣкъ той, на немже бысть чудо сіе исцѣленія* (ст. 21, 22). Но посмотримъ снова на то, что сказано выше. *Что сотворимъ человѣкома сима?* Прежде они все дѣлали для славы человѣческой; а теперь присоединилась и другая (забота), именно о томъ, чтобы не сочли ихъ убійцами, какъ послѣ и говорили они: *хощете навести на ны кровь человѣка сего* (Дѣян. v, 28). *Прещеніемъ да запретимъ има ктому не глаголати о имени семъ ни единому отъ человѣкъ.* Какое безуміе! Убѣжденные, что (Христосъ) воскресъ, и имѣя въ этомъ доказатель-
88 ство Его божества, они надѣялись своими кознями утаить того, Кто не былъ удержанъ смертію. Что сравнится съ этимъ безуміемъ? И не удивляйся, что они опять замышляютъ дѣло несбыточное. Таково ужъ свойство злобы: она ни на что не смотритъ, но всюду производитъ смятеніе. Будучи посрамляемы, они поступаютъ такъ, какъ будто бы введены были въ обманъ: такъ обыкновенно бываетъ съ тѣми, которые, не достигнувъ чего-либо, подвергаются посмѣянію. Но вѣдь (апостолы) для того вездѣ и говорили, что Богъ воздвигъ (Іисуса) и что о имени Іисуса хромой стоитъ здоровымъ, чтобы показать, что Іисусъ воскресъ. А съ другой стороны, и сами они признавали воскресеніе: хотя въ пустомъ и ребяческомъ видѣ, но все же—признавали; а теперь не вѣрятъ и находятся въ смущеніи, совѣтуясь, что дѣлать съ апостолами. Да уже одно только то, что они говорили съ такою смѣлостію, недостаточно ли было для убѣжденія—ничего не дѣлать съ ними? Почему ты не вѣришь, скажи мнѣ, іудей? Вѣдь надлежало внимать происшедшему чуду и словамъ (апостоловъ), а не злобѣ толпы. Но почему же (іудеи) не предаютъ ихъ римлянамъ? Потому что уже были ненавистны для нихъ тѣмъ, что сдѣлали со Христомъ. Такимъ образомъ они больше вредили сами себѣ, откладывая ихъ обвиненіе. Со Христомъ (было) не такъ; но схвативъ Его среди ночи, они тотчасъ же повели Его на судъ и не откладывали, сильно боясь народа. А съ апостолами не смѣли поступить такъ: не ведутъ ихъ и къ Пилату, боясь и опасаясь за прежнее, чтобы и за то не обвинили ихъ. *Бысть же*

на утріе собратися князємъ ихъ и старцемъ и книжникомъ во Іерусалимъ.

3. Опять собраніе въ Іерусалимѣ и проливается тамъ кровь. Не устыдились и города. (Тутъ были), сказано, Анна и Каіафа Петръ не перенесъ (нѣкогда) и вопроса служанки Каіафы и отрекся, тогда какъ другой былъ задержанъ; а теперь, явившись среди ихъ, смотри, какъ говоритъ: *аще мы истязуеми есмы о благодѣяніи человѣка немощна, о чесомъ сей спасеся, разумно буди всѣмъ вамъ.* А они говорятъ: *коимъ именемъ сотвористе сіе?* Зачѣмъ же не называешь этого (имени), но скрываешь? *Коимъ именемъ сотвористе сіе вы?* Но вѣдь (Петръ) говорилъ: не мы сдѣлали это. Замѣть благоразуміе. Не сказалъ тотчасъ: мы сдѣлали именемъ Іисуса, но какъ? *Во имя его сей стоитъ предъ вами здравъ.* Не говоритъ также: сдѣлался здоровъ отъ насъ. И опять: *аще мы истязуемы есмы о благодѣяніи человѣка немощна.* Укоряетъ ихъ, какъ людей, всегда осуждающихъ за благодѣянія, и напоминаетъ о прежнемъ, именно—что они стремятся къ убійствамъ, и не только обнаруживаютъ это, а еще и обвиняютъ за благодѣянія. Видишь ли, какъ тяжки и слова (Петра)? (Апостолы) уже упражнялись въ этомъ и стали, наконецъ, неустрашимы. Здѣсь (Петръ) показываетъ имъ, что они сами противъ воли проповѣдуютъ Христа, что они сами, судя и изслѣдуя, распространяютъ ученіе (о Немъ). *Егоже вы распясте.* О, какая смѣлость! *Егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ.* А это—знакъ еще большаго дерзновенія. Слова его значатъ вотъ что: не подумайте, что мы скрываемъ (что-нибудь) позорное; нѣтъ, мы не только не скрываемъ, а напротивъ, говоримъ съ дерзновеніемъ. Такъ говоритъ (апостолъ) и тѣмъ почти порицаетъ ихъ, и не просто, но и останавливается на этомъ, говоря: *сей есть камень укоренный отъ васъ зиждущихъ.* 89
Затѣмъ, показывая, что они поступили такъ съ камнемъ драгоцѣннымъ, прибавляетъ: *бывый во главу угла,* то есть, камень по природѣ драгоцѣнный и неподдѣльный, онъ пренебреженъ вами. Такъ-то чудо сообщило имъ великую смѣлость. Но ты замѣть, какъ они, когда надобно учить, приводятъ много пророчествъ, а когда нужно говорить съ дерзновеніемъ, представляютъ лишь свое мнѣніе. *Нѣсть бо,* говоритъ (апостолъ), *иного имени подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о немже подобаетъ спастися намъ,* потому что всѣмъ людямъ, а не имъ однимъ, дано было это имя. И въ свидѣтели этому онъ приводитъ ихъ самихъ. Такъ какъ они говорили: *коимъ именемъ сотвористе сіе?*—то отвѣчаетъ: *во имя Христа,*—другого имени нѣтъ. Какъ же вы спрашиваете? Такъ это вездѣ очевидно! *Нѣсть бо,* говоритъ, *иного имени подъ небесемъ, о немже подобаетъ спастися намъ.* Это—

слова души, презирающей настоящую жизнь, какъ это видно изъ той великой смѣлости, съ какой они произносятся. Отсюда явно, что и въ то время, когда говорилъ о Христѣ уничиженно, (говорилъ) не изъ боязни, но по снисхожденію. А такъ какъ теперь было удобное время, то онъ говоритъ столь возвышенно, что этимъ самымъ устрашилъ даже и всѣхъ слушателей. Вотъ и другое доказательство, не меньшее прежняго. *Знаху же ихъ*, сказано, *яко со Іисусомъ бѣста.* Не безъ цѣли евангелистъ помѣстилъ эти слова, но—чтобы показать и то, гдѣ они были (съ Іисусомъ), то есть, при страданіи. Дѣйствительно, они одни только были тогда со Христомъ, и тогда ихъ видѣли смиренными, униженными. Вотъ почему особенно и удивляла (священниковъ) эта внезапная перемѣна; вѣдь и тамъ были Анна и Каіафа съ клевретами, и предъ ними предстояли и апостолы. Теперь же они были изумлены ихъ чрезвычайною смѣлостію, такъ какъ не словами только показывали, что не заботятся о томъ, что ихъ судятъ за такія дѣла и что имъ угрожаетъ крайняя опасность, но и видомъ, и голосомъ, и взоромъ, и всѣмъ вообще выказывали предъ народомъ смѣлость въ то время, какъ говорили. А удивлялись (священники), можетъ быть, потому, что (апостолы) были люди и неученые и простые, такъ какъ можно быть кому-либо неученымъ и, однако, не быть еще простымъ, или быть простымъ и, тѣмъ не менѣе, не неученымъ. Этимъ (писатель) показываетъ, что (въ апостолахъ) соединилось то и другое. *Разумѣвше*, сказано. Изъ чего? Изъ того, что они говорили. Немного (Петръ) произноситъ словъ, но самымъ выраженіемъ и составомъ рѣчи показываетъ смѣлость. И (священники) обвинили бы апостоловъ, если бы не было съ ними этого человѣка (хромого). *Знаху же ихъ*, сказано, *яко со Іисусомъ бѣста.* Отсюда они приходили къ убѣжденію, что научились этому отъ Іисуса и что они все дѣлали, какъ Его ученики. И самое чудо и знаменіе издавало не менѣе громкій голосъ, чѣмъ голосъ апостоловъ: оно-то именно больше всего и заградило имъ уста. *Аще праведно есть*, говорятъ, *предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога, судите.* Когда страхъ уменьшился,—такъ какъ заповѣдать (не говорить о Іисусѣ) не что другое значило, какъ отпустить ихъ, — тогда и говорятъ съ большею кротостію: такъ они далеки были отъ дерзости. *Яко нарочитое знаменіе бысть, не можемъ отрещися.* Слѣдовательно, они отреклись бы, если бы оно было не таково, если бы не было свидѣтельства многихъ. А оно, дѣйствительно, было извѣстно всѣмъ. Но такова-то злоба,—дерзка и нагла! *Прещеніемъ да запретимъ.* Что вы говорите? Ужели вы надѣетесь угрозою остановить проповѣдь? Такъ вездѣ начальство трудно и неудобно! Вы убили

Учителя и не остановили (проповѣди), ужели же теперь своими 90
угрозами надѣетесь удержать насъ отъ нея? Узы не заставили насъ говорить съ меньшимъ дерзновеніемъ, и вы ли заставите, когда мы считаемъ за ничто и угрозы ваши? *Аще праведно есть*, говорятъ, *предъ Богомъ васъ послушати паче, нежели Бога?* Здѣсь вмѣсто Христа именуютъ Бога. Видишь ли, какъ теперь сбылось то, что (Христосъ) сказалъ имъ: *се азъ посылаю васъ яко овцы посредѣ волковъ: не убойтеся* ихъ (Мѳ. x, 16, 31)?

4. Затѣмъ опять подтверждаютъ воскресеніе, присовокупивъ эти слова: *не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати*. Итакъ, мы—достостовѣрные свидѣтели; а вы, присовокупляя угрозы къ угрозамъ, напрасно опять грозите. Имъ, конечно, надлежало бы обратиться вслѣдствіе чуда, за которое народъ прославлялъ Бога; а они грозятъ даже убійствомъ: такъ они противились Богу! *Они же призапрещше, пустиша я.* Чрезъ это (апостолы) сдѣлались болѣе славными и болѣе знаменитыми. *Сила моя*, сказано, *въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 9,); и это они уже засвидѣтельствовали, противоставъ всему. Что значитъ: *не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати?* Это значитъ: если ложны наши слова,—обличи, а если истинны, то зачѣмъ препятствуешь? Таково-то любомудріе! Тѣ въ затрудненіи, а эти въ радости; тѣ исполнены великаго стыда, а эти все дѣлаютъ съ дерзновеніемъ; тѣ въ страхѣ, а эти безбоязненны. Кто въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, боялся? Тѣ ли, которые говорили: *да не болѣе прострется въ людехъ*, или тѣ, которые говорили: *не можемъ, яже видѣхомъ и слышахомъ, не глаголати?* Эти—и въ удовольствіи, и въ дерзновеніи, и въ величайшей радости; тѣ—въ печали, въ стыдѣ, въ страхѣ, потому что боялись народа. Эти что хотѣли, то и сказали; а тѣ не сдѣлали того, чего хотѣли. Кто былъ въ узахъ и опасностяхъ? Не эти ли по преимуществу?

Итакъ, будемъ держаться добродѣтели! Пусть слова эти будутъ не для удовольствія только и какого-либо утѣшенія! Здѣсь не театръ, возлюбленный, не мѣсто играющихъ на цитрѣ или представляющихъ трагедіи, гдѣ плодомъ бываетъ только наслажденіе, такъ что прошелъ день—и наслажденіе исчезло. И пусть бы только было наслажденіе и не было другого вреда вмѣстѣ съ наслажденіемъ. Но, вѣдь, каждый идетъ оттуда домой, какъ изъ какого-нибудь зараженнаго мѣста, усвоивъ себѣ многое изъ того, что бываетъ тамъ. Такъ юноша, взявъ оттуда нѣкоторые звуки діавольскихъ пѣсней, какіе только могъ удержать въ памяти, часто поетъ ихъ дома, а старикъ, какъ болѣе степенный, хотя не дѣлаетъ этого, но помнитъ всѣ слова, какія тамъ говорились. Отсюда же вы уходите ни съ чѣмъ. Не стыдно ли это? Мы по-

ложили законъ, или лучше—не мы положили, нѣтъ, такъ какъ сказано: *не зовите учителя на земли* (Мѳ. XXIII, 8—9),—Христосъ положилъ законъ, чтобы никто не клялся. Что же, скажи мнѣ, сдѣлалось съ этимъ закономъ? Я не перестану говорить объ этомъ, *да не како паки пришедъ*, по словамъ апостола, *не пощажду* (2 Кор. XIII, 2). Подумали ли вы объ этомъ? Позаботились ли? Было ли у васъ какое-нибудь стараніе? Или мы опять должны говорить тоже? Впрочемъ было ли или нѣтъ, мы опять станемъ говорить тѣ же слова, чтобы вы имѣли о томъ попеченіе; а если вы уже позаботились, то—чтобы опять исполняли это постояннѣе, да и остальныхъ склоняли къ тому. Откуда же должно начать намъ слово? Хотите ли—съ ветхаго завѣта? Но стыдно намъ, что мы не соблюдаемъ даже того, что въ ветхомъ завѣтѣ и что надле-
91 жало бы намъ превзойти. Вѣдь намъ слѣдовало бы слушать не объ этомъ,—это предписанія іудейской бѣдности,—а о (заповѣдяхъ) совершенныхъ, какъ напримѣръ: брось деньги, стой мужественно, отдай душу за проповѣдь, смѣйся надъ всѣмъ земнымъ, пусть не будетъ у тебя ничего общаго съ настоящею жизнію. Если кто обидитъ тебя,—окажи ему благодѣяніе; если обманетъ,—заплати благословеніемъ; если будетъ поносить,—окажи почтеніе. Будь выше всего. Вотъ о чемъ и о подобномъ намъ слѣдовало бы слушать.

А мы теперь говоримъ о клятвѣ! Это то же, какъ если бы кто человѣка, который долженъ любомудрствовать, отвлекъ отъ учителей мудрости и заставилъ его читать еще по складамъ и (разбирать) буквы. Подумай, какой стыдъ для человѣка, имѣющаго длинную бороду, носящаго палку и плащъ, идти вмѣстѣ съ дѣтьми къ учителямъ и учиться тому же, чему они учатся! Не крайне ли смѣшно это? Но мы еще смѣшнѣе, потому что не столько различія между философіею и азбукою, сколько между іудейскимъ образомъ жизни и нашимъ: (здѣсь столько различія), сколько между ангелами и людьми. Скажи мнѣ: если бы кто низвелъ ангела съ неба и велѣлъ ему стоять здѣсь и слушать наши слова, какъ будто бы ему необходимо было поучаться въ нихъ,—не стыдно ли и не смѣшно ли было бы это? Если же смѣшно только еще учиться этому, то, скажи мнѣ, какое осужденіе, какой стыдъ—даже не внимать этому? И въ самомъ дѣлѣ, какъ не стыдно, что христіане только еще учатся тому, что не должно клясться! Подчинимся, однакожъ, этой необходимости, чтобы не подвергнуться еще большему стыду. Такъ станемъ же сегодня говорить вамъ изъ ветхаго завѣта. Что же говоритъ онъ? — *Заклинанію не обучай устъ своихъ, и клятися именемъ святымъ не навыкай* (Сир. XXIII, 8 — 9). Почему? *Яко же бо рабъ*

истязуемъ часто, отъ ранъ не умалится, такожде и кленыйся (Сир. XXIII, 10).

5. Замѣть благоразуміе этого мудреца. Не сказалъ: *заклинанію не обучай* мысли своей, но: *устъ своихъ*; онъ зналъ, что все зависитъ отъ устъ и легко исправляется. Это, наконецъ, обращается въ невольную привычку, подобно тому, какъ многіе, входя въ бани, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ переступаютъ дверь, кладутъ на себѣ (крестное) знаменіе. Это обыкновенно дѣлаетъ рука по привычкѣ, когда даже никто не приказываетъ. Опять, и при возжженіи свѣтильника, часто рука творитъ знаменіе, между тѣмъ какъ мысль обращена на что-нибудь другое. Такъ точно и уста говорятъ не отъ души, но по привычкѣ, и все заключается въ языкѣ. *И клятися*, сказано, *именемъ святымъ не навыкай. Яко же бо рабъ истязуемъ часто, отъ ранъ не умалится, такожде и кленыйся.* Не клятвопреступленіе осуждается здѣсь, но клятва, и за нее полагается наказаніе. Слѣдовательно, клясться—грѣхъ. Такова, поистинѣ, душа (клянущагося): много на ней ранъ, много язвъ. Но ты не видишь? Въ томъ-то и бѣда! Между тѣмъ, ты могъ бы видѣть, если бы захотѣлъ, потому что Богъ далъ тебѣ глаза. Такими глазами смотрѣлъ пророкъ, когда говорилъ: *возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего* (Пс. XXXVII, 6). Мы презрѣли Бога, возненавидѣли благое имя, попрали Христа, оставили стыдъ,—никто не вспоминаетъ съ уваженіемъ имени Божія. Вѣдь, если ты кого любишь, ты встаешь и при его имени; а Бога 92
часто призываешь такъ, какъ бы Онъ былъ ничто. Призови Его, когда благотворишь врагу; призови Его для спасенія своей души. Тогда Онъ приблизится къ тебѣ, тогда ты возвеселишь Его, а теперь ты прогнѣвляешь Его. Призови Его, какъ призвалъ Стефанъ. Что говорилъ онъ? *Господи, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. VII, 60). Призови Его, какъ призвала жена Елканова, со слезами, съ плачемъ, съ молитвою. Этого я не запрещаю, напротивъ, къ этому особенно побуждаю. Призови Его, какъ призвалъ Моисей, когда взывалъ, молясь за тѣхъ, которые гнали его. Вѣдь, если бы ты безразсудно сталъ упоминать о какомъ-нибудь почтенномъ человѣкѣ, это было бы поношеніемъ; а упоминая въ своихъ рѣчахъ о Богѣ не только безразсудно, но и неумѣстно, считаешь это за ничто? Какого же былъ бы ты не достоинъ наказанія? Я не запрещаю имѣть Бога непрестанно въ мысляхъ,—напротивъ, объ этомъ и прошу и этого желаю, но не противъ воли Его, а для того, чтобы хвалить и почитать Его. Это доставило бы намъ великія блага, если бы мы призывали Его только тогда, когда нужно, и въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ нужно. Почему, скажи мнѣ, при апостолахъ было столько чудесъ, а въ наше время ихъ

нѣтъ, хотя Богъ тотъ же и имя то же? Это потому, что оно не одинаково (употребляется нами). Какимъ образомъ? Такъ, что они призывали Его только въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ я сказалъ, а мы призываемъ не въ этихъ, а въ другихъ. Если же тебѣ не вѣрятъ, и ты поэтому клянешься, то говори: повѣрь, и даже, если хочешь, поклянись самимъ собою. Я говорю это не потому, чтобы хотѣлъ давать законы противные закону Христову,—отнюдь нѣтъ: сказано: *буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни* (Мѳ. v, 37); но по снисхожденію къ вамъ, чтобы больше побудить васъ къ этому и отвлечь отъ той ужасной привычки. Сколько людей, снискавшихъ себѣ славу въ прочихъ дѣлахъ, погибло отъ этой привычки? Хотите ли узнать, почему древнимъ позволялось клясться (нарушать клятву вѣдь и имъ было не дозволено)? Это потому, что они клялись идолами. Не стыдно ли вамъ оставаться при тѣхъ же законахъ, какими водились люди немощные? Вѣдь и теперь, если я приму язычника, я не тотчасъ заповѣдую ему это, но сначала убѣждаю его познать Христа. Но, если вѣрующій и познавшій Его и слышавшій о Немъ станетъ требовать себѣ такого же снисхожденія, какое оказывается язычнику,—что пользы въ этомъ, какая прибыль? Но сильна привычка, и тебѣ трудно оставить ее? Если такъ велика сила привычки, то перемѣни эту привычку на другую. Да какъ, скажешь, это возможно? Я часто уже говорилъ объ этомъ и теперь скажу то же. Пусть многіе слѣдятъ за нашими словами, пусть изслѣдуютъ и исправляютъ ихъ. Нѣтъ стыда въ томъ, когда насъ другіе исправляютъ; напротивъ, стыдно удалять отъ себя тѣхъ, кто исправляетъ насъ, и дѣлать это во вредъ собственному спасенію. Вѣдь, если ты надѣнешь платье на изнанку, ты позволяешь и слугѣ поправить его и не стыдишься того, что онъ учитъ тебя, хотя это и очень стыдно; а здѣсь ты причиняешь вредъ душѣ своей и стыдишься, скажи мнѣ, когда другой вразумляетъ тебя? Ты терпишь раба, который наряжаетъ тебя въ одежду и надѣваетъ на тебя обувь; а того, кто украшаетъ душу твою, не терпишь? Не крайнее ли это безуміе? Пусть будетъ
93 и рабъ учителемъ въ этомъ, пусть будетъ и дитя, и жена, и другъ, и родственникъ, и сосѣдъ. Какъ звѣрь, когда его отовсюду гонятъ, не можетъ убѣжать, такъ и тотъ, кто имѣетъ столькихъ стражей и столькихъ порицателей и кого отовсюду поражаютъ, не можетъ не быть осторожен. Въ первый день это будетъ для него тяжело, равно и во второй и въ третій, а потомъ будетъ
94 легче, а послѣ четвертаго дня это не будетъ для него и дѣломъ. Сдѣлайте опытъ, если не вѣрите. Позаботьтесь, прошу васъ. Не маловаженъ этотъ грѣхъ, не маловажно и исправленіе отъ него; напротивъ, важно и то, и другое,—и зло, и добро. Но дай Богъ,

чтобы было добро, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

Отпущена же бывша пріидоста къ своимъ, и возвѣстиста, 93
елика къ нима архіереи и старцы рѣша (Дѣян. IV, 23).

1. Не изъ тщеславія разсказываютъ объ этомъ, — какъ это возможно?—но здѣсь свидѣтельствуютъ они о явленіи благодати Христовой. Поэтому, что первосвященники и старѣйшины сказали имъ, тò они пересказываютъ; а свои (слова), хотя опускаютъ, однако, и при этомъ случаѣ являютъ еще большее дерзновеніе. Посмотри, какъ они опять прибѣгли къ истинной помощи, къ непреоборимому Поборнику, и опять единодушно и со тщаніемъ, потому что молитва (ихъ) не просто совершается. *Они же слышавше, единодушно воздвигоша гласъ къ Богу и рекоша* (ст. 24). Смотри, какъ мудры молитвы ихъ. Когда они просили показать имъ достойнаго апостольства, тогда взывали: *ты, Господи, сердцевѣдче всѣхъ, покажи* (Дѣян. I, 24),—потому что тамъ нужно было предвѣдѣніе; а здѣсь, когда надлежало заградить уста противникамъ, говорятъ о владычествѣ. Потому и начали такъ: *Владыко, Боже, сотворивый небо и землю, и море, и вся, яже въ нихъ: иже усты Давида отрока твоего реклъ еси: вскую шаташася языцы, и людіе поучишася тщетнымъ? Предсташа царіе земстіи, и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа его* (ст. 24 — 26). Они приводятъ пророчество, какъ бы требуя отъ Бога обѣщаннаго и вмѣстѣ утѣшая себя тѣмъ, что враги все замышляютъ тщетно. Такимъ образомъ, слова ихъ значатъ: приведи все это къ концу и покажи, что они замыслили тщетное. *Собрашася бо воистину во градѣ семъ на святаго отрока твоего Іисуса, егоже помазалъ еси, Иродъ же и Понтійскій Пилатъ, съ языки и людми Исраилевыми, сотворити, елика рука твоя и совѣтъ твой предначече быти. И нынѣ, Господи, призри на прещенія ихъ* (ст. 27—29). Видишь ли любомудріе и то, какъ они не ропщутъ здѣсь? Они подробно не перечисляютъ угрозъ, а говорятъ только, что имъ угрожали,—потому что писатель говоритъ сокращенно. И смотри: не сказали они: сокруши ихъ, низложи ихъ, — но что? *И даждь рабомъ твоимъ со всякимъ дерзновеніемъ глаголати слово твое* (ст. 29). Такъ научимся молиться и мы. Правда, кто не исполнился бы гнѣва, попавъ къ людямъ, ищущимъ его смерти и дышущимъ такими угрозами? И какого не исполнился бы онъ негодованія? Но не (такъ поступаютъ) эти

святые. *Внегда руку твою простерти во исцѣленіе, и знаменіемъ и чудесемъ бывати именемъ святымъ отрока твоего Іисуса* (ст. 30). Если именемъ Его будутъ совершаться чудеса, то велико будетъ дерзновеніе, говорятъ они. *И помолившимся имъ, подвижеся мѣсто, идѣже бяху собрани* (ст. 31). Это было знакомъ того, что они услы-
94 шаны, и — посѣщенія Божія. *И исполнишася вси Духа Свята* (ст. 31). Что значитъ: *исполнишася?* Значитъ—воспламенились Духомъ, и возгорѣлся въ нихъ этотъ даръ. *И глаголаху слово Божіе со дерзновеніемъ* (ст. 31). *Народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина* (ст. 32). Видишь ли, какъ вмѣстѣ съ благодатію Божіею они отличались и своими (добродѣтелями)? Да и вездѣ должно примѣчать, что вмѣстѣ съ благодатію Божіею они проявляли и свои (добродѣтели), какъ и Петръ сказалъ: *сребра и злата нѣсть у мене* (Дѣян. III, 6). Впрочемъ, что сказалъ выше, въ словахъ: *вси бяху вкупѣ* (Дѣян. II, 44), тоже самое опять выражаетъ и здѣсь словами: *народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина*. Сказавъ же, что они были услышаны, онъ говоритъ потомъ и объ ихъ добродѣтели, такъ какъ намѣревается приступить къ повѣствованію о Сапфирѣ и Ананіи. Потому, желая показать ихъ преступленіе, онъ и говоритъ сначала о добродѣтели прочихъ. Но скажи мнѣ: любовь ли родила нестяжаніе, или нестяжаніе—любовь? Мнѣ кажется, любовь — нестяжаніе, которое укрѣпляло ее еще болѣе. Послушай же, что говоритъ (писатель): у всѣхъ *бѣ сердце и душа едина*. Вотъ сердце и душа — одно. *И ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща* (ст. 32). *И веліею силою воздаяху свидѣтельство апостоли воскресенію Господа Іисуса Христа* (ст. 33). Выражаетъ, что имъ какъ бы ввѣрено было это (свидѣтельство), или говоритъ о немъ, какъ о долгѣ; то есть: они съ дерзновеніемъ преподавали всѣмъ свидѣтельство о царствіи. *Благодать же бѣ велія на всѣхъ ихъ. Не бяше бо нищъ ни единъ въ нихъ* (ст. 33, 34). Какъ въ домѣ родительскомъ всѣ сыновья имѣютъ равную честь, въ такомъ же положеніи были и они, и нельзя было сказать, что они питали другихъ; они питались своимъ; только удивительно то, что, отказавшись отъ своего, они питались такъ, что, казалось, они питаются уже не своимъ, а общимъ. *Елицы бо господіе селомъ или домовомъ бяху, продающе приношаху цѣны продаемыхъ, и полагаху при ногахъ апостолъ: даяшеся же коемуждо, егоже аще кто требоваше* (ст. 34, 35). Изъ великаго уваженія къ апостоламъ они полагали не въ руки, а къ ногамъ ихъ. *Іосіа же, нареченный Варнава отъ апостолъ, еже есть сказаемо, сынъ утѣшенія* (ст. 36). Это, мнѣ кажется, не тотъ, который (поставленъ былъ) вмѣстѣ съ Матѳіемъ; тотъ назывался и Іосіею, и Варсавою, а потомъ прозванъ былъ и Іустомъ, а этотъ

былъ прозванъ отъ апостоловъ Варнавою — сыномъ утѣшенія. И самое имя, кажется мнѣ, получилъ отъ добродѣтели, къ которой былъ способенъ и расположенъ. *Левитъ, Кипрянинъ родомъ,* 95
имѣя село, продавъ принесе цѣну, и положи предъ ногами апостолъ (ст. 36, 37).

2. Замѣть здѣсь, какъ (писатель) указываетъ на ослабленіе закона, когда говоритъ: *Левитъ, Кипрянинъ родомъ.* Значитъ, уже и въ переселеніи были левиты. Но обратимся къ вышесказанному: *отпущена же бывша,* говоритъ, *пріидоста къ своимъ, и возвѣстиста, елика къ нима архіереи и старцы рѣша.* Смотри, (какое) смиреніе и любомудріе апостоловъ. Они не пошли вездѣ хвастать и говорить, какъ они отвѣчали священникамъ, и при разсказѣ не тщеславились, но, пришедши, просто возвѣщаютъ то, что слышали отъ старѣйшинъ. Отсюда мы узнаемъ, что они не подвергали сами себя искушеніямъ, но мужественно переносили тѣ, которыя были имъ причиняемы. Иной кто-нибудь, надѣясь на помощь народа, можетъ быть, сталъ бы порицать и наговорилъ бы тысячу непріятностей. А эти любомудрые—не такъ, но во всемъ кротко и смиренно. *Они же,* говоритъ, *слышавше, единодушно воздвигоша гласъ къ Богу.* Возвысили гласъ отъ радости и великаго усердія. Такія именно молитвы и бываютъ успѣшны, — молитвы, исполненныя любомудрія, совершаемыя о такихъ (предметахъ), со стороны такихъ (людей), въ такихъ обстоятельствахъ и такимъ образомъ; а всѣ прочія недостойны и нечисты. Смотри, какъ они не говорятъ ничего лишняго, но — только о силѣ Господа; или лучше, какъ Христосъ говорилъ іудеямъ: *аще же азъ о Дусѣ Божіи* глаголю (Мѳ. xii, 28), такъ и они говорятъ: *Духомъ Святымъ.* Вотъ и Спаситель говоритъ *о Дусѣ.* А что говорятъ они, послушай. *Владыко Боже, иже усты Давида отрока твоего рекль еси: вскую шаташася языцы?* Въ Писаніи обычно говорится объ одномъ, какъ о многихъ. Смыслъ же словъ ихъ слѣдующій: не сами они (іудеи) превозмогли, но Ты содѣлалъ все, попустивъ это и приведши къ концу, какъ благоискусный и премудрый, устроившій и съ самими врагами по волѣ Своей; здѣсь указываютъ они на благоискусство и премудрость Его въ томъ, что, хотя тѣ сошлись съ убійственнымъ намѣреніемъ, какъ враги и противники, но дѣлали то, чего Ты, однако, хотѣлъ, *елика рука твоя и совѣтъ твой преднарече быти.* Что значитъ: *рука твоя?* Здѣсь, мнѣ кажется, рукою называетъ какъ силу, такъ и совѣтъ. Тебѣ довольно, говоритъ, только захотѣть, потому что никто не предопредѣляетъ силою. Итакъ выраженіе: *яже рука твоя* значитъ: что̀ Ты повелѣлъ. Или это говоритъ, или — что (Господь) совершилъ Своею рукою. Поэтому, какъ тогда они замыслили тщетное, такъ и теперь, говорятъ,

сдѣлай, чтобы они замыслили тщетное. *И даждь рабомъ твоимъ*, то есть, чтобы угрозы ихъ не исполнились на дѣлѣ. Говорили же они такъ не потому, чтобы сами опасались претерпѣть что-нибудь тяжкое, но (заботясь) о проповѣди. Не сказали: и избавь насъ отъ опасностей, но что? *И даждь рабомъ твоимъ со всякимъ дерзновеніемъ глаголати слово твое*. Ты самъ, приведшій къ концу то, приведи и это. *Егоже помазалъ еси*, говорятъ. Смотри, какъ и въ молитвѣ они раздѣляютъ (съ Нимъ) страданіе и все относятъ къ Нему и называютъ Его виновникомъ дерзновенія. Видишь ли, какъ они всего просятъ для Бога и ничего для собственной славы и любочестія? А что касается ихъ самихъ, то обѣщаютъ, что они
96 не устрашатся; просятъ также и о знаменіяхъ. *Внегда*, говорятъ, *руку твою простерти во исцѣленіе, и знаменіемъ и чудесемъ бывати*. И прекрасно, потому что безъ этого, сколь бы великую они ни проявили ревность, все дѣлали бы напрасно. Господь склонился на прошеніе ихъ и, поколебавъ мѣсто, показалъ, что Онъ присутствуетъ при ихъ молитвѣ. *И помолившымся имъ*, говоритъ, *подвижеся мѣсто*. А что ради этого именно произошло, послушай, что говоритъ пророкъ: *призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Пс. CIII, 32). И еще: *отъ лица Господня подвижеся земля, отъ лица Бога Іаковля* (Пс. CXIII, 7). Богъ дѣлаетъ это какъ для большаго страха, такъ и для того, чтобы внушить апостоламъ бодрость послѣ прежнихъ угрозъ и чтобы расположить ихъ къ большему дерзновенію. Тогда было начало (проповѣди), и потому они имѣли нужду въ видимомъ знаменіи для того, чтобы быть болѣе увѣренными, а послѣ никогда этого не бывало. Итакъ, они получили много утѣшенія отъ молитвы.

Естественно они испрашиваютъ и благодати знаменій, потому что не инымъ чѣмъ, какъ знаменіями, они могли доказать, что (Христосъ) воскресъ. И не безопасности своей только просили они, но и того, чтобы имъ не постыдиться, а говорить съ дерзновеніемъ. Поколебалось мѣсто,—и это еще болѣе утвердило ихъ. А это иногда бываетъ знакомъ гнѣва, иногда посѣщенія и промышленія, теперь же гнѣва. Во время спасительнаго страданія (землетресеніе) произошло чудно и сверхъестественно: тогда поколебалась вся земля. И самъ Спаситель говорилъ: тогда *будутъ глади, и пагубы, и труси по мѣстомъ* (Мѳ. XXIV, 7). И здѣсь, съ одной стороны, это было знакомъ гнѣва на тѣхъ (іудеевъ), а ихъ (апостоловъ) исполнило Духа. Смотри, какъ и апостолы послѣ молитвы исполняются Духа: *благодать же бѣ велія*, говоритъ, *на всѣхъ ихъ. Не бяше бо нищъ ни единъ въ нихъ*. Видишь, какъ велика сила этой добродѣтели (общенія имѣній), если она была нужна и тамъ. Дѣйствительно, она—виновница благъ, и объ ней-то

упоминаетъ онъ здѣсь въ другой разъ, внушая всѣмъ нестяжательность; говоря выше: *и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти*, здѣсь говоритъ: *не бяше нищъ ни единъ въ нихъ* (ст. 34).

3. А что это происходило не отъ знаменій только, но и отъ ихъ желанія, показываютъ Сапфира и Ананія. Не словомъ только, но и силою они засвидѣтельствовали о воскресеніи, какъ и Павелъ говоритъ: *и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи Духа и силы* (1 Кор. II, 4). И не просто: силою, но—*веліею силою*. И хорошо сказалъ: *благодать бѣ на всѣхъ*, потому что благодать—въ томъ, что никто не былъ бѣденъ, то есть, отъ великаго усердія дающихъ никто не былъ въ бѣдности. Не часть одну они давали, а другую оставляли у себя; и (отдавая) все, не (считали) за свое. Они изгнали изъ среды себя неравенство и жили въ большомъ изобиліи; притомъ дѣлали это съ великою честію. Такъ они не смѣли отдавать въ руки (апостоловъ) и не съ надменностію отдавали, но приносили къ ногамъ ихъ и предоставляли имъ быть распорядителями и дѣлали ихъ господами, такъ что издержки дѣлались уже какъ изъ общаго (имѣнія), а не какъ изъ своего. Это предохраняло ихъ и отъ тщеславія. Если бы такъ было и 97
теперь, то мы жили бы съ большею пріятностію—и богатые, и бѣдные. Какъ бѣднымъ, такъ и богатымъ было бы пріятно. И, если угодно, мы изобразимъ это, по крайней мѣрѣ, словомъ, если не хотите (показать) дѣломъ, и отъ того уже получимъ удовольствіе. Правда, это весьма ясно и изъ того, что было тогда, такъ какъ продающіе не дѣлались бѣдными, но и бѣдныхъ дѣлали богатыми.

Но изобразимъ теперь это словомъ: пусть всѣ продадутъ все, что имѣютъ, и принесутъ на средину,—только словомъ говорю; никто не смущайся—ни богатый, ни бѣдный. Сколько, думаете, было бы собрано золота? Я полагаю,—съ точностью сказать нельзя,—что если бы всѣ мужчины и всѣ женщины принесли сюда свои деньги, если бы отдали и поля, и имѣнія, и жилища (не говорю о рабахъ—ихъ тогда не было, быть можетъ, отпускали ихъ на волю), то, вѣроятно, собралось бы тысяча тысячъ литровъ золота или лучше сказать даже два и три раза столько. Скажите, въ самомъ дѣлѣ, сколько теперь вообще жителей въ нашемъ городѣ? Сколько, думаете вы, въ немъ христіанъ? Думаете ли, что сто тысячъ, а прочіе язычники и іудеи? Сколько же тысячъ золота было бы собрано? А какъ велико число бѣдныхъ? Не думаю, чтобы больше пятидесяти тысячъ. И чтобы кормить ихъ каждый день, много ли было бы нужно? При общемъ

содержаніи и за общимъ столомъ, конечно, не потребовалось бы большихъ издержекъ. Что же, скажутъ, мы будемъ дѣлать, когда истратимъ свои средства? Ужели ты думаешь, что можно когда-нибудь дойти до этого состоянія? Не въ тысячи ли разъ больше была бы благодать Божія? Не изливалась ли бы благодать Божія обильно? И что же? Не сдѣлали бы мы землю небомъ? Если между тремя и пятью тысячами это совершалось съ такою славою, и никто изъ нихъ не жаловался на бѣдность,—то не тѣмъ ли болѣе въ такомъ множествѣ? Даже и изъ внѣшнихъ (не-христіанъ) кто не сдѣлалъ бы приношенія? А чтобы видѣть, что раздѣленіе сопряжено съ убытками и производитъ бѣдность, представимъ себѣ домъ, въ которомъ десять человѣкъ дѣтей, жена и мужъ: она, положимъ, прядетъ пряжу, а онъ получаетъ доходы отвнѣ. Скажи же мнѣ, когда больше издержатъ они, вмѣстѣ ли питаясь и живя въ одномъ домѣ, или раздѣлившись? Очевидно, что раздѣлившись; если десятеро дѣтей захотятъ раздѣлиться, то понадобится десять домовъ, десять трапезъ, десять слугъ и постольку же прочихъ принадлежностей. И тамъ, гдѣ много рабовъ, не для того ли всѣ они имѣютъ общій столъ, чтобы меньше было издержекъ? Раздѣленіе всегда производитъ убытокъ, а единомысліе и согласіе—прибыль. Такъ живутъ теперь въ монастыряхъ, какъ (жили) нѣкогда вѣрные. И умеръ ли кто съ голода? Напротивъ, кто не былъ удовлетворенъ съ большимъ изобиліемъ? А теперь люди боятся этого больше, нежели броситься въ неизмѣримое и безпредѣльное море. Но, если бы мы сдѣлали опытъ, тогда отважились бы на это дѣло. И какая была бы благодать? Если тогда, когда не было вѣрныхъ, кромѣ лишь трехъ и пяти тысячъ, когда всѣ по вселенной были врагами (вѣры), когда ни откуда не ожидали утѣшенія, они столь смѣло приступили къ этому дѣлу, то не тѣмъ ли болѣе это возможно теперь, когда, по благодати Божіей, вездѣ по вселенной (находятся) вѣрные? И остался ли бы тогда кто язычникомъ? Я, по крайней мѣрѣ,
98 думаю, никто: такимъ образомъ мы всѣхъ склонили бы и привлекли бы къ себѣ. Впрочемъ, если пойдемъ этимъ путемъ, то, уповаю на Бога, будетъ и это. Только послушайтесь меня, и устроимъ дѣла такимъ порядкомъ; и если Богъ продлитъ жизнь, то, я увѣренъ, мы скоро будемъ вести такой образъ жизни.

4. Между тѣмъ, исполняйте и твердо храните законъ о клятвѣ; сохранившій пусть обнаруживаетъ несохранившаго, пусть увѣщеваетъ и сильно обличаетъ его. Срокъ близокъ [1]); я изслѣдую дѣло и уличеннаго отлучу и не допущу (въ церковь). Но

[1]) См. Бесѣду 8.

дай Богъ, чтобы ни одного такого не нашлось между нами, но чтобы всѣ въ точности сохранили это духовное условіе! Какъ на войнѣ по условному знаку узнають и своихъ и чужихъ, такъ пусть будетъ и теперь, — вѣдь и мы теперь на войнѣ,—чтобы и намъ узнавать своихъ братій. А какимъ благомъ для насъ можетъ быть этотъ знакъ и здѣсь, и въ чужой странѣ! Какимъ оружіемъ противъ козней діавола! Уста, не употребляющія клятвы, скоро и Бога преклонять въ молитвахъ, и діаволу нанесутъ тяжкую рану. Уста, не употребляющія клятвы, не будутъ и поносить. Какъ бы изъ нѣкотораго дома, извлеки этотъ огонь изъ языка и извергни вонъ. Дай языку отдохнуть нѣсколько и сдѣлай язву менѣе заразительною. Объ этомъ умоляю васъ, чтобы я могъ преподать вамъ и другое наставленіе; а до тѣхъ поръ, пока это еще не исполнено, я не смѣю перейти къ чему-либо другому. Исполняйте это въ точности; восчувствуйте напередъ эту добродѣтель; а потомъ я предложу вамъ и другія правила, лучше же сказать, не я, но самъ Христосъ. Насадите въ душѣ вашей это доброе (древо),—и вы мало-по-малу содѣлаетесь раемъ Божіимъ, гораздо лучшимъ первобытнаго рая, такъ какъ нѣтъ у насъ ни змія, ни древа смертоноснаго, ни другого чего-нибудь тому подобнаго. Глубоко вкорените въ себѣ этотъ навыкъ. Если такъ будетъ, то не вы только, предстоящіе здѣсь, получите пользу, но и всѣ, живущіе во вселенной; и не они только, но и тѣ, которые будутъ жить послѣ насъ. Такъ, добрая привычка, вкоренившаяся и сохраняемая всѣми, передается въ отдаленныя времена, и никакое время не будетъ въ состояніи истребить ея. Если нѣкто, собиравшій дрова въ субботу, былъ побитъ камнями (Числ. xv, 35), то дѣлающій гораздо хуже того собиранія и собирающій бремя грѣховъ (а таково множество клятвъ) чему не подвергнется, чего не потерпитъ? Вы получите отъ Бога великую помощь, когда это дѣло будетъ у васъ исполнено. Если я скажу: не оскорбляй, ты (въ оправданіе свое) тотчасъ представишь гнѣвъ. Если скажу: не завидуй, ты назовешь другую причину. Но здѣсь не можешь сказать ничего такого. Поэтому я началъ съ легкаго, такъ какъ и во всѣхъ искусствахъ дѣлаютъ тоже самое. Кто переходитъ къ труднѣйшему, тотъ сначала уже изучилъ болѣе легкое. Вы узнаете, какъ это легко, когда, исполнивъ это по благодати Божіей, получите и другое правило. Доставьте мнѣ дерзновеніе и предъ язычниками, и предъ іудеями, и прежде всего—предъ Богомъ. Умоляю васъ тою любовію, тѣми болѣзнями рожденія, съ которыми я родилъ васъ. *Чадца моя!* А что далѣе— *имиже паки болѣзную*,—не прибавлю. Не скажу и слѣдующаго: *дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. iv, 19),—такъ какъ я

вѣрую, что Христосъ уже изобразился въ васъ. Но скажу вамъ другое: *братія моя возлюбленная и вожделѣнная, радосте и вѣнче мой*
99 (Филип. VI, 1)! Повѣрьте мнѣ, что не скажу иначе. Если бы кто-нибудь возложилъ теперь на голову мою тысячи царскихъ вѣнцовъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, то я не обрадовался бы столько, сколько радуюсь о вашемъ преуспѣяніи; даже и царь, я думаю, не радуется такъ, какъ я о васъ. И что я говорю? Если бы (царь) возвратился, побѣдивши всѣ враждебные ему народы, и, кромѣ обычнаго вѣнца, получилъ еще другіе вѣнцы и другія отличія въ знакъ побѣды, то и онъ, я думаю, не радовался бы своимъ трофеямъ такъ, какъ я о вашемъ преуспѣяніи. Какъ будто у меня на головѣ тысячи вѣнцовъ,– такъ я радуюсь; и естественно. Если вы по благодати Божіей сохраните этотъ навыкъ, то вы побѣдите тысячи враговъ, гораздо лютѣйшихъ, чѣмъ тотъ; вы поборете и преодолѣете лукавыхъ и злыхъ демоновъ, не мечемъ, но языкомъ и волею. И смотрите, сколько будетъ сдѣлано, если только вы сдѣлаете это. Вы истребите, во-первыхъ, дурную привычку; во-вторыхъ—злой помыслъ, отъ котораго все зло, т. е., мысль, будто это дѣло безразличное и нисколько невредное; въ-третьихъ—гнѣвъ; въ-четвертыхъ—любостяжаніе: все это вѣдь производитъ клятва. А вмѣстѣ съ тѣмъ вы получите великое расположеніе и къ прочимъ добрымъ дѣламъ. Какъ дѣти, изучая буквы, не ихъ только изучаютъ, но чрезъ нихъ мало-по-малу научаются чтенію, такъ точно и вы. Васъ уже не прельститъ злой помыслъ и не будете говорить, что это безразлично; уже не будете произносить (клятвы) по привычкѣ; противъ всего этого будете стоять мужественно, чтобы, во всемъ исполнивъ божественную добродѣтель, сподобиться вамъ и вѣчныхъ благъ,—по благодати и человѣколюбію единороднаго Сына Божія, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

99 Іосіа же нареченный Варнава отъ апостолъ, еже есть сказаемо, сынъ утѣшенія, Левитъ, Кипрянинъ родомъ, имѣя село, продавъ принесе цѣну, и положи предъ ногами апостолъ (Дѣян. IV, 36, 37).

1. Теперь (писатель) намѣревается повѣствовать объ Ананіи съ Сапфирой и, желая показать, что этотъ человѣкъ совершилъ

тягчайшій грѣхъ, напередъ упоминаетъ о томъ, который поступилъ, какъ должно. И когда столь многіе поступали также, когда была такая благодать, такія знаменія, онъ (Ананія) при всемъ этомъ не исправился; но, будучи однажды ослѣпленъ любостяжаніемъ, навлекъ погибель на свою голову. *Имѣя село*,—такъ сказалъ (писатель), выражая, что больше ничего у него и не было,—*продавъ принесе цѣну, и положи предъ ногами апостолъ. Мужъ же нѣкій Ананіа именемъ, съ Сапфирою женою своею, продаде село, и утаи отъ цѣны, свѣдущей и женѣ его, и принесъ часть нѣкую, предъ ногами апостолъ положи* (v, 1, 2). Важно то, что грѣхъ (совершенъ) по согласію, и никто другой не зналъ о случившемся. Откуда пришло (на мысль) этому несчастному и жалкому сдѣлать это? *Рече же Петръ: Ананіе, почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому, и утаити отъ цѣны села* (v, 3)? Смотри—и теперь совершилось великое знаменіе и притомъ гораздо большее того прежняго. *Сущее тебѣ, не твое ли бѣ, и проданное не въ твоей ли власти бяше* (ст. 4)? То есть, развѣ была какая-либо необходимость и принужденіе? Развѣ мы привлекаемъ васъ невольно? *Что яко положилъ еси въ сердцѣ твоемъ вещь сію? Не человѣкомъ солгалъ еси, но Богу. Слышавъ же Ананіа словеса сія, падъ издше* (ст. 4—5). Видишь ли, чѣмъ это знаменіе больше (прежняго)? Тѣмъ, что (Ананія) лишается жизни, и что (Петръ) узнаетъ сокровенное въ мысляхъ и совершенное втайнѣ. *И бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ сія. Вставше же юноши взяша его, и изнесше погребоша. Бысть же яко тремъ часомъ минувшымъ, и жена его не вѣдущи бывшаго вниде. Отвѣщавъ же ей Петръ: рцы ми, аще на толицѣ село отдаста* (ст. 6—8)? Онъ хотѣлъ спасти ее,—такъ какъ 100
мужъ былъ виновникомъ грѣха,—и потому, можетъ быть, дастъ ей время къ оправданію и возможность къ покаянію. Поэтому и говоритъ: *рцы ми, аще на толицѣ село отдаста? Она же рече: ей, на толицѣ* (ст. 8). *Петръ же рече къ ней: что яко согласистася искусити Духа* Святаго? *Се ноги погребшихъ мужа твоего при дверехъ, и изнесутъ тя. Паде же абіе предъ ногама его, и издше: вшедше же юноши обрѣтоша ю мертву, и изнесше погребоша близъ мужа ея. И бысть страхъ великъ на всей церкви, и на всѣхъ слышащихъ сія* (ст. 9—11). Послѣ этого страшнаго чуда (апостолы) совершали много знаменій, а что именно, послушай. *Руками же апостольскими быша знаменія и чудеса въ людехъ многа. И бяху единодушно вси въ притворѣ Соломони; отъ прочихъ же никтоже смѣяше прилѣплятися имъ, но величаху ихъ людіе* (ст. 12, 13). Справедливо. Вѣдь Петръ уже внушалъ страхъ, наказывая и обличая сокровенное въ мысляхъ. Къ нему больше и прилѣплялись, какъ по причинѣ чуда, такъ и по причинѣ первой, второй и третьей про-

повѣди,—потому, что онъ совершилъ и первое чудо, и второе, и настоящее, которое мнѣ кажется не просто однимъ только, но сугубымъ: первое—то, что онъ изобличилъ сокровенное въ мысляхъ, а второе—то, то что повелѣніемъ лишилъ жизни. *Паче же*, говоритъ, *прилагахуся вѣрующіи Господеви, множество мужей же и женъ, яко и на стогны износити недужныя, и полагати на постеляхъ и на одрѣхъ, да грядущу Петру поне сѣнь его осѣнитъ нѣкоего отъ нихъ* (ст. 14, 15). При Христѣ этого не происходило, откуда и можно видѣть, что теперь на дѣлѣ исполнилось сказанное Имъ. Что же именно? *Вѣруяй съ мя, дѣла, яже азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12). *Схождашеся же и множество отъ окрестныхъ градовъ во Іерусалимъ, приносяще недужныя и страждущія отъ духъ нечистыхъ, иже исцѣлѣвахуся вси* (ст. 16).

Замѣть, прошу, какъ вся жизнь ихъ слагается изъ противоположностей. Такъ, прежде была скорбь по причинѣ вознесенія
101 Христа, потомъ радость по причинѣ сошествія Духа; опять скорбь отъ поносившихъ, потомъ радость отъ вѣрныхъ и отъ чуда; снова скорбь, когда задержали ихъ, потомъ радость послѣ оправданія. И здѣсь опять и радость, и скорбь. Радость, потому что прославились и отъ Бога получили откровенія; скорбь, потому что лишили жизни своихъ. Снова радость оттого, что сдѣлались извѣстными, и снова скорбь изъ-за первосвященника. И это вездѣ можно замѣчать, подобно тому, какъ можно видѣть это и на древнихъ (святыхъ мужахъ). Но обратимся къ вышесказанному. Продавали, говорится, и *приношаху цѣны, и полагаху при ногахъ апостолъ*. Смотри, возлюбленный, какъ они не апостоламъ поручали продавать, а сами продавали и цѣну имъ отдавали. Но не такъ Ананія: онъ удерживаетъ у себя нѣчто отъ цѣны проданнаго поля, потому и наказывается, какъ сдѣлавшій не хорошо и обличенный въ похищеніи своего. Это замѣчаніе касается и нынѣшнихъ священниковъ, и даже весьма сильно. А такъ какъ и жена его соглашалась на его поступокъ, то (апостолъ) подвергаетъ суду и ее.

2. Но, можетъ быть, скажетъ кто-нибудь, что онъ поступилъ съ нею слишкомъ жестоко. Что говоришь ты? Какая жестокость, скажи мнѣ? Если нѣкто, собиравшій дрова въ субботу, былъ побитъ камнями (Числ. XV, 32—36), то тѣмъ болѣе святотатецъ: вѣдь эти деньги были уже священныя. И подлинно, кто рѣшился продать свое и отдать, а потомъ удержалъ у себя, тотъ святотатецъ. Если же взявшій изъ своего—святотатецъ, то гораздо болѣе—взявшій изъ чужого. Поэтому не подумайте, что, если теперь не бываетъ этого, если наказаніе не слѣдуетъ тотчасъ, то будто

и остается безъ наказанія. Видишь ли, какъ онъ обвиняется въ томъ, что, сдѣлавъ свои деньги священными, потомъ взялъ ихъ? Развѣ не могъ ты, говоритъ, продавъ, пользоваться ими, какъ своими? Развѣ кто препятствовалъ тебѣ? Почему берешь ихъ послѣ того, какъ обѣщалъ (отдать)? Вотъ какъ съ самаго начала діаволъ дѣйствовалъ среди столь великихъ знаменій и чудесъ, или лучше, какъ тотъ (Ананія) былъ ослѣпленъ имъ. Подобное нѣчто случилось и въ ветхомъ завѣтѣ, когда сынъ Харміи уличенъ былъ въ томъ, что похитилъ посвященное Богу; ты, однако, знаешь, какимъ наказаніемъ окончилось и тогда это дѣло (Нав. VII, 1—26). Такъ, возлюбленный, святотатство—очень тяжко и исполнено великаго неразумія. Мы, говоритъ, не принуждали тебя ни продавать, ни отдавать деньги послѣ продажи; ты рѣшился на это по собственной волѣ. Для чего же ты укралъ изъ священныхъ денегъ? *Почто*, говоритъ, *исполни сатана сердце твое*? А если сатана сдѣлалъ это, то почему осуждается онъ? Онъ виновенъ въ томъ, что воспринялъ дѣйствіе сатаны и исполнилъ. Но слѣдовало, скажутъ, исправить его. Нѣтъ, онъ не исправился бы, потому что, кто видѣлъ такія (чудеса) и не получилъ отъ нихъ пользы, тотъ тѣмъ болѣе не получилъ бы пользы отъ чего-нибудь другого. Итакъ, нельзя было оставить это дѣло безъ вниманія, но надлежало отсѣчь (виновнаго), какъ гнилой членъ, чтобы не заразилось все тѣло. Теперь и онъ получилъ пользу, какъ не преуспѣвающій болѣе во злѣ, и прочіе сдѣлались болѣе ревностными; а тогда случилось бы напротивъ. Поэтому (апостолъ) сначала обличаетъ и показываетъ, что это дѣло не укрылось отъ него, а потомъ и осуждаетъ. Для чего, говоритъ, ты сдѣлалъ это? Ты хотѣлъ удержать у себя? Надобно было удержать сначала и не давать обѣщанія. А теперь, взявъ послѣ посвященія Богу, ты сдѣлалъ тяжкое святотатство. Кто беретъ принадлежащее другимъ, тотъ беретъ, можетъ быть, изъ желанія чужого; но тебѣ можно было удержать свое. Для чего же ты сдѣлалъ ихъ священными и потомъ взялъ? Ты сдѣлалъ это по великому неразумію. Это не- 102
простительно, неизвинительно.

Пусть же никто не соблазняется, если и теперь есть нѣкоторые святотатцы. Если они были тогда, то тѣмъ болѣе теперь, когда такъ много золъ. Но обличимъ ихъ предъ всѣми, чтобы и прочіе имѣли страхъ. Іуда былъ святотатецъ, но это не соблазнило учениковъ. Видишь ли, сколько золъ производитъ страсть къ деньгамъ? *И бысть*, говоритъ, *страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ сія*. Тотъ былъ наказанъ, и другіе получили пользу. Итакъ, не безъ цѣли это устроояется; прежде, хотя бывали другія чудеса, однакожъ не было такого страха. Такъ истинно изреченіе: *знаемь*

есть Господь судбы творяй (Пс. IX, 17). Такъ было и при кивотѣ: Оза былъ наказанъ, и другихъ объялъ страхъ. Но тамъ устрашенный царь отринулъ кивотъ; а здѣсь они дѣлаются болѣе внимательными. Видишь: Петръ не призывалъ ея, но ждалъ, пока она сама придетъ; и изъ прочихъ никто не осмѣлился разсказать о случившемся. Это—страхъ предъ учителемъ, это — почтеніе и послушаніе учениковъ. *Тремъ часамъ минувшымъ*—и жена не узнала, и никто изъ присутствовавшихъ не сказалъ объ этомъ, хотя довольно было времени для того, чтобы разнеслась вѣсть о томъ. Но они были въ страхѣ. Объ этомъ и писатель съ изумленіемъ говоритъ, что *не вѣдущи бывшаго внидe*. Отсюда уже можно было уразумѣть, что онъ зналъ сокровенное. Почему онъ, не спросивъ никого, спрашиваетъ васъ? Не потому ли, конечно, что онъ зналъ? Но крайнее ослѣпленіе не позволило ей избавиться отъ осужденія, и она отвѣчала съ великою дерзостію, думая, что говоритъ съ (простымъ) человѣкомъ. Важно то, что они впали въ грѣхъ по одному умыслу или какъ бы по нѣкоторому соглашенію. *Что яко согласистася между собою*, говоритъ, *искусити Духа* Святаго? *Се ноги погребшихъ мужа твоего при дверехъ, и изнесутъ тя.* Прежде внушаетъ, что она согрѣшила, а потомъ показываетъ, что она справедливо подвергнется одинаковой участи съ мужемъ, такъ какъ и она согрѣшила въ томъ же. И какъ, скажешь, *паде абіе предъ ногама его, и издше?* Это потому, что она стояла близко. Такимъ образомъ сами они навлекли на себя наказаніе. Кто же не ужаснулся бы? Кто не убоялся бы апостола? Кто не удивился бы? *И бяху*, говоритъ, *единодушно вси въ притворѣ Соломони.* Отсюда видно, что они пребывали не въ домѣ, а въ храмѣ; также — что они уже не остерегались прикасаться къ нечистымъ, но просто прикасались къ мертвымъ. И смотри, какъ къ своимъ они были строги, а въ отношеніи къ чужимъ не употребляли этой власти. *Паче же*, говоритъ, *прилагахуся вѣрующіи Господеви, множество мужей же и женъ: яко и на стогны износити недужныя, и полагати на постеляхъ и на одрѣхъ, да грядущу Петру поне сѣнь его осѣнитъ нѣкоего отъ нихъ* (ст. 14, 15).

3. Велика вѣра приходившихъ, даже больше, чѣмъ при Христѣ! Отчего же это произошло? Оттого, что Христосъ предвозвѣстилъ, сказавъ: *вѣруяй въ мя, дѣла, яже азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ* (Іоан. XIV, 12). Они оставались тамъ и не обходили (городовъ и весей), а между тѣмъ, всѣ приносили къ нимъ больныхъ своихъ на постеляхъ и одрахъ, и всюду они являли чудеса: на увѣровавшихъ, на исцѣленныхъ, на наказан-
103 номъ, въ дерзновеніи предъ тѣми (іудеями), въ самой добродѣтели серьезно увѣровавшихъ,—все это происходило не отъ зна-

меній только однихъ. Хотя они, по смиренію, приписываютъ все не себѣ, говоря, что они дѣлаютъ это именемъ Христовымъ, но и жизнь, и добродѣтель ихъ производили это. И смотри: (писатель) не говоритъ здѣсь о числѣ увѣровавшихъ, предоставляя судить о немъ самому слушателю; такъ вѣрующіе возрасли до безчисленнаго множества. Съ тѣмъ вмѣстѣ и воскресеніе (Христово) возвѣщалось болѣе. *Никтоже смѣяше прилѣплятися имъ, но величаху ихъ людіе* (ст. 13). Говоритъ это, выражая, что они уже не были презираемы, какъ прежде, и что въ короткое время и въ одно мгновеніе совершено столь многое рыбаремъ и простымъ человѣкомъ.

Итакъ, земля была уже небомъ, по (ихъ) жизни, по дерзновенію, по чудесамъ и по всему; и они, какъ ангелы, были предметомъ удивленія, потому что нисколько не взирали ни на насмѣшки, ни на угрозы, ни на опасности. И не поэтому только, но и потому, что, какъ весьма человѣколюбивые и попечительные, они помогали однимъ деньгами, а другимъ—врачеваніемъ тѣлъ. *Почто исполни сатана сердце твое?* Петръ какъ бы оправдываетъ себя, приступая къ наказанію его, но вмѣстѣ вразумляетъ и прочихъ. Такъ какъ случившееся могло показаться весьма тяжкимъ, то онъ производитъ страшный судъ и надъ нимъ, и надъ его женою. И если бы онъ не подвергъ ихъ обоихъ, непростительно согрѣшившихъ, такому суду, то какое отсюда не произошло бы пренебреженіе къ (дѣламъ) Божіимъ? А что именно потому (онъ такъ сдѣлалъ), видно изъ того, что онъ не тотчасъ приступилъ къ наказанію, а напередъ обнаружилъ ихъ грѣхъ. Потому-то никто не плакалъ, никто не рыдалъ, но всѣ убоялись. И не удивительно, что, когда вѣра ихъ распространялась, то и знаменій было больше, и великій страхъ былъ между своими,—потому что не столько безпокоитъ насъ постороннее, сколько свое. Такъ, если и мы будемъ соединены другъ съ другомъ, то никто не станетъ возставать противъ насъ; а если будемъ раздѣляться другъ отъ друга, то, наоборотъ, всѣ будутъ нападать на насъ. Оттого и они были смѣлы и съ дерзновеніемъ выходили на торжища посреди враговъ, и одерживали побѣду; и исполнялось сказанное: *господствуй посредѣ врагов твоихъ* (Пс. cix, 2); тѣмъ большую силу (ихъ) доказывало то, что они дѣлали это, будучи задерживаемы и связываемы. Итакъ, если только солгавшіе потерпѣли такое наказаніе, то чего не потерпятъ тѣ, которые нарушаютъ клятвы? Или лучше: если жена, сказавшая только: *ей, на толицѣ*, подверглась такому наказанію и не избѣжала (его), то подумайте, какого наказанія достойны вы, клянущіеся и нарушающіе клятвы? Благовременно показать теперь и изъ ветхаго завѣта тяжесть клятвопреступленія.

Серпъ, говоритъ (пророкъ), *летящъ въ широту десяти лактей* (Зах. v, 1, 2). Выраженіе: *летящъ* означаетъ чрезвычайную скорость наказанія, слѣдующаго за клятвами; а то, что онъ былъ *десяти лактей въ широту* и (двадцати) въ длину, означаетъ тяжесть и величину золъ; то, что онъ летѣлъ съ неба, значитъ, что опредѣленіе исходитъ отъ вышняго судилища; а то, что онъ имѣлъ видъ серпа, — неизбѣжность наказанія. Какъ серпъ, вонзившись въ шею, не прежде можетъ быть извлеченъ изъ нея, какъ вмѣстѣ съ отсѣкаемою головою, такъ и наказаніе, постигающее клянущихся, бываетъ страшно и не прежде отступаетъ
105 отъ нихъ, какъ окончивъ свое дѣло. Если же мы избѣгаемъ наказанія, употребляя клятвы, то не будемъ на это полагаться; это бываетъ къ нашему же несчастію. Что вы думаете? Что многіе послѣ Ананіи и Сапфиры дерзали дѣлать тоже самое и не подверглись тому же наказанію? Почему, скажете вы, они не подверглись? Не потому, чтобы это прощено имъ было, но потому, что они соблюдаются для большаго наказанія.

4. Итакъ, много согрѣшающіе должны больше бояться и страшиться, когда они не наказываются, нежели когда наказываются, потому что наказаніе ихъ увеличивается отъ безнаказанности и долготерпѣнія Божія. Поэтому будемъ смотрѣть не на то, что мы не наказываемся, но на то, не согрѣшили ли мы? Если же грѣшимъ и не наказываемся, то намъ слѣдуетъ трепетать еще болѣе. Скажи мнѣ: если бы ты имѣлъ какого-либо раба и только угрожалъ бы ему, а не билъ его, то когда онъ больше боялся бы, когда убѣгалъ бы, когда рѣшился бы на бѣгство? Не тогда ли, когда бы ты только угрожалъ? Потому-то и мы внушаемъ не угрожать постоянно другъ другу, чтобы страхомъ не смутить слишкомъ душу, чтобы этимъ не мучить ее больше, чѣмъ ранами. Въ одномъ случаѣ наказаніе бываетъ временное, а въ другомъ—постоянное. Поэтому, если никто не страдаетъ теперь отъ этого серпа, не смотри на то, но подумай, дѣлаются ли такія дѣла? Многое и теперь дѣлается такое, что было во времена потопа; но потопа нѣтъ, потому что предстоитъ геенна и мученіе. Многіе грѣшатъ подобно содомлянамъ, но огненный дождь не сходитъ на нихъ, потому что уготована рѣка огненная. Многіе дерзнули сдѣлать то же, что фараонъ, но не подверглись одинаковому съ нимъ наказанію, не потоплены въ Чермномъ морѣ, потому что ихъ ожидаетъ море бездны, гдѣ наказаніе не будетъ сопровождаться безчувствіемъ и не окончится смертію, но гдѣ они будутъ мучиться, болѣе и болѣе подвергаясь наказанію, жженію и удушенію. Многіе дерзнули грѣшить подобно израильтянамъ, но змѣи не угрызали ихъ, потому что ихъ ожидаетъ червь

нескончаемый. Многіе дерзнули дѣлать то же, что Гіезій, но не были поражены проказою, потому что вмѣсто проказы имъ предстоитъ быть разсѣченными пополамъ и подвергнуться одной участи съ лицемѣрами (Мѳ. xxiv, 51). Многіе клялись и нарушали клятвы, но, если они и избѣжали (наказанія), не будемъ полагаться на это, потому что ихъ ожидаетъ скрежетъ зубовъ. Да и здѣсь, можетъ быть, они испытаютъ и не избѣгнутъ (наказанія), если не тотчасъ, то при другихъ грѣхахъ, такъ что наказаніе будетъ болѣе тяжкимъ. И мы вѣдь часто, по поводу малыхъ (проступковъ), воздаемъ вполнѣ и за великіе. Итакъ, когда замѣтишь, что съ тобой случилось что-нибудь, вспомни этотъ грѣхъ свой. Такъ именно было съ сыновьями Іакова. Помните братьевъ Іосифа: они продали брата, покушались лишить его жизни или, лучше сказать, уже и лишили, сколько это отъ нихъ зависѣло; обманули и опечалили старца,—и ничего не потерпѣли. Но, спустя много лѣтъ, они подверглись крайней опасности и вспомнили объ этомъ грѣхѣ. А что сказанное не выдумка, послушай, что сами они говорятъ: *ей, во грѣсѣхъ бо есмы брата ради нашего* (Быт. xlii, 21). Такъ точно и ты, когда случится что-нибудь, скажи: да, мы во грѣхѣ, потому что не послушали Христа, потому что клялись; частыя клятвы и клятвопреступленія пали на мою голову. Такимъ образомъ исповѣдуйся, потому что и они исповѣдались и спаслись. Что изъ того, если не тотчасъ постигаетъ наказаніе? Вѣдь и Ахавъ за Навуѳея также не тотчасъ по преступленіи потерпѣлъ то, что послѣ испыталъ. Для чего же это бываетъ? Богъ даетъ тебѣ время, чтобы ты омылся, а когда ты медлишь, Онъ посылаетъ, наконецъ, наказаніе. Видѣли вы, что потерпѣли сол- 105
гавшіе? Отсюда поймите, чему подвергнутся и нарушающіе клятвы, поймите и перестаньте. Кто клянется, тотъ не можетъ не нарушать клятвы волею или неволею; а кто нарушаетъ клятвы, тотъ не можетъ спастись. Однократное нарушеніе клятвы можетъ сдѣлать все и навлечь на насъ всецѣлое наказаніе. Поэтому, умоляю 106
васъ, будемъ внимательны къ самимъ себѣ, чтобы, избѣгнувъ наказанія здѣсь, удостоиться милости отъ Бога, по благодати и щедротамъ единороднаго Сына Его, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIII.

105 **Воставъ же архіерей и вси, иже съ нимъ, сущая ересь саддукейская, исполнишася зависти и возложиша руки своя на апостолы и послаша ихъ въ соблюденіе общее (Дѣян. v, 17, 18).**

1. Нѣтъ ничего безстыднѣе и дерзостнѣе злобы. По опыту узнавъ мужество апостоловъ изъ того, что сдѣлали съ ними прежде, (архіерей и саддукеи), не смотря на то, опять нападаютъ и всѣ вмѣстѣ возстаютъ на нихъ. Что значитъ: *воставъ же архіерей и вси, иже съ нимъ?* Значитъ: возсталъ противъ нихъ, будучи возбужденъ случившимся. *И возложиша руки своя на апостолы и послаша ихъ въ соблюденіе общее.* Теперь сильнѣе нападаютъ на нихъ; впрочемъ, не тотчасъ подвергли ихъ суду, ожидая, что они станутъ болѣе спокойными. Изъ чего видно, что нападали на нихъ сильнѣе? Изъ того, что послали ихъ въ общественную темницу. Апостолы снова подвергаются опасностямъ и снова получаютъ помощь отъ Бога; а какимъ образомъ—послушай далѣе: *ангелъ же Господень нощію отверзе двери темницы, изведъ же ихъ, рече: идите и ставше глаголите въ церкви людемъ вся глаголы жизни сея* (ст. 19, 20). Это совершилось и въ утѣшеніе ихъ (апостоловъ), и въ пользу и назиданіе тѣхъ (іудеевъ). И смотри,—что бывало при Христѣ, то совершалось и теперь. Самаго совершенія чудесъ Онъ, конечно, не попускаетъ видѣть имъ (іудеямъ), а то, изъ чего они могли бы удостовѣриться, предоставляетъ имъ. Напримѣръ, при воскресеніи Своемъ Онъ не попустилъ имъ видѣть, какъ Онъ воскресъ, потому что они были недостойны видѣть воскресеніе, но показываетъ это дѣлами Своими. Также и во время претворенія воды въ вино возлежавшіе за столомъ не видѣли, потому что были упоены виномъ, и судить о томъ Онъ предоставляетъ другимъ. Такъ именно и здѣсь. Какъ были выводимы апостолы, они не видятъ; а доказательства, которыми могли удостовѣриться въ случившемся, они увидѣли. Почему же (ангелъ) вывелъ ихъ ночью? Потому, что въ такомъ случаѣ имъ могли повѣрить болѣе, нежели въ другомъ; въ другомъ случаѣ не стали бы и спрашивать ихъ объ этомъ; да тогда и сами они не повѣрили бы. Такъ было и въ древнія времена, напр., при Навуходоносорѣ. Онъ увидѣлъ отроковъ въ пещи восхвалявшихъ Бога, и тогда изумился (Дан. ііі, 91). Поэтому и саддукеямъ надлежало сначала спросить апостоловъ: какъ вы вышли?—а они, какъ будто ничего не было, обращаются къ апостоламъ съ такимъ вопросомъ: *не запрещеніемъ ли запретихомъ вамъ не учити* (ст. 28)? Смотри, какъ о всемъ они узна-

ютъ отъ другихъ,—(отъ тѣхъ, которые) видѣли темницу тщательно запертою и стражу стоящею предъ дверьми. *Слышавше же, внидоша по утренницѣ въ церковь и учаху. Пришедъ же архіерей и иже съ нимъ, созваша соборъ и вся старцы отъ сыновъ Израилевыхъ, и послаша во узилище привести ихъ. Слуги же шедше не обрѣтоша ихъ въ темницѣ: возвращшежеся возвѣстиша, глаголюще, яко темницу* 106
убо обрѣтохомъ заключену со всякимъ утвержденіемъ и блюстители стоящыя предъ дверми, отверзше же внутрь ни единаго обрѣтохомъ (ст. 21—23). Двоякое было огражденіе, какъ при гробѣ (Христовомъ),—печать и люди. Смотри, какъ они враждовали противъ Бога! Скажите мнѣ: свойственно ли людямъ то, что случилось съ ними? Кто провелъ ихъ сквозь запертыя двери? Какъ прошли они при стоящихъ предъ дверьми стражахъ? Подлинно, слова ихъ—(слова) безумныхъ и упившихся виномъ. Тѣхъ, кого не удержали ни темница, ни узы, ни запертыя двери, тѣхъ они надѣялись преодолѣть, поступая подобно неразумнымъ дѣтямъ. Сами слуги ихъ по этому поводу приходятъ и разсказываютъ о случившемся, чтобы опровергнуть всякое ихъ оправданіе. Видишь ли различныя знаменія за знаменіями, одни происходящія отъ нихъ (апостоловъ), другія имѣющія отношенія къ нимъ,—послѣднія даже болѣе славныя? Хорошо и то, что не вдругъ было донесено объ этомъ начальникамъ (іудейскимъ); но сперва они были въ недоумѣніи, для того, чтобы, узнавъ все, уразумѣли дѣйствіе силы божественной. *Якоже слышаша словеса сія архіерей же и воевода церковный и первосвященницы, недоумѣвахуся о нихъ, что убо будетъ сіе. Пришедъ же нѣкто возвѣсти имъ, глаголя, яко се мужіе, ихже всадисте въ темницу, суть въ церкви стояще и учаще люди. Тогда шедъ воевода со слугами приведе ихъ не съ нуждею: бояхуся бо людей, да не каменіемъ побіютъ ихъ* (ст. 24—26). О, безуміе! *Бояхуся*, говорится, *людей*. Что пользы приносилъ имъ народъ? Надлежало бояться Бога, Который постоянно исторгаетъ изъ рукъ ихъ апостоловъ, какъ птенцовъ; а они болѣе боятся народа. *И вопроси ихъ архіерей, глаголя: не запрещеніемъ ли запретихомъ вамъ не учити о имени семъ? И се исполнисте Іерусалимъ ученіемъ вашимъ, и хощете навести на ны кровь человѣка сего* (ст. 27, 28). Что же апостолы? Они опять бесѣдуютъ съ тѣми кротко, хотя могли бы сказать: „кто вы, повелѣвающіе вопреки Богу?“ Но они что? Опять въ видѣ увѣщанія и совѣта и весьма скромно отвѣчаютъ: *отвѣщавъ же Петръ и апостоли рѣша: повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ* (ст. 29). Великое любомудріе (въ словахъ ихъ) и такое, что отсюда обнаруживается и вражда тѣхъ противъ Бога. *Богъ отецъ нашихъ воздвиже Іисуса, егоже вы убисте повѣсивше на древѣ. Сего Богъ Началника и Спаса вознеси десницею*

своею дати покаяніе Исраилеви и оставленіе грѣховъ (ст. 30, 31). *Егоже вы убисте*, говоритъ, *Богъ воздвиже*. И смотри, какъ они опять все относятъ къ Отцу, чтобы Сынъ не считался чуждымъ Отцу. *И вознеси*, говоритъ, *десницею своею*. Этимъ указывается не на одно только воскресеніе, но и на возвышеніе, то есть, на вознесеніе. *Дати покаяніе Исраилеви.*

107 2. Вотъ и еще пріобрѣтеніе, еще ученіе, высказанное въ видѣ защиты! *И мы есмы того свидѣтели глаголъ сихъ.* Какое великое дерзновеніе! Затѣмъ для большей достовѣрности словъ своихъ (Петръ) прибавилъ: *и Духъ Святый, егоже даде Богъ повинующымся ему* (ст. 32). Видишь, какъ апостолы представляютъ въ свидѣтели не себя только, но и Духа? Они не сказали: *егоже даде* намъ, но: *повинующымся*, и свое являя смиреніе, и показывая величіе Духа, и выражая, что и тѣмъ (іудеямъ) можно получить Его. Замѣть, какъ они были поучаемы и дѣлами и словами, но не внимали; за то и постигнетъ ихъ праведное осужденіе. Богъ для того и попустилъ вести апостоловъ на судъ, чтобы и тѣ получили назиданіе, если бы захотѣли научиться, и апостолы явили дерзновеніе. *Они же слышавше распыхахуся, и совѣщаша убити ихъ* (ст. 33). Замѣть крайнюю ихъ злобу! Надлежало ужаснуться того, что они услышали; а они *распыхахуся и совѣщаша* безъ всякой вины *убити*. Впрочемъ, нужно повторить прочитанное выше: *ангелъ же Господень нощію отверзе двери темницы, изведъ же ихъ рече: идите и ставше глаголите въ церкви людемъ вся глаголы жизни сея* (ст. 19, 20). *Изведъ;* не самъ онъ отводитъ ихъ, но отпускаетъ; такъ и изъ этого открывается неустрашимость ихъ, что они сами ночью вошли въ храмъ и учили. Когда бы ихъ выпустили стражи, какъ тѣ думали, то они, если бы только согласились выйти, обратились бы въ бѣгство, а когда бы тѣ ихъ изгнали, то они не явились бы въ храмъ, а удалились бы. Это понятно для всякаго здравомыслящаго. *Не запрещеніемъ ли*, говорятъ, *запретихомъ вамъ*? Такъ; если они дали слово послушаться васъ, то вы справедливо обвиняете; если же они еще прежде отказались отъ этого, то излишни обвиненія, излишни и запрещенія. Вотъ непослѣдовательность и крайняя безсмысленность обвиненій! Далѣе апостолы хотятъ показать убійственныя намѣренія іудеевъ, дѣйствовавшихъ здѣсь не за правду, но желавшихъ отомстить за себя. Потому и отвѣчаютъ имъ не рѣзко,— вѣдь они были учители,—хотя иной, привлекши на свою сторону весь городъ и получивъ такую благодать, чего не сказалъ бы и не высказалъ ли бы слишкомъ многаго? Но апостолы не такъ; они не гнѣвались, но сожалѣли и плакали объ нихъ, и имѣли въ виду, какъ бы отклонить ихъ отъ заблужденія и

ярости. Они даже не говорятъ имъ: сами судите (Дѣян. IV 19); но такъ говорятъ: *его же Богъ воздвиже*, выражая этимъ, что все это происходитъ по волѣ Божіей. Не сказали: не говорили ль мы вамъ прежде: *не можемъ, яже видѣхомъ и слышахомъ не глаголати* (Дѣян. IV, 20)?—потому что они не тщеславны; но опять говорятъ объ одномъ и томъ же, о крестѣ, о воскресеніи. Впрочемъ, они не говорятъ, почему (Христосъ) распятъ,—то есть, что распятъ за насъ; но (только) намекаютъ на это, и при томъ еще не ясно, желая возбудить въ нихъ страхъ. Скажи мнѣ, есть ли здѣсь сколько-нибудь искусственнаго краснорѣчія? Нисколько! Такъ безъ приготовленія они возвѣщали евангеліе жизни! Сказавши: *вознеси*, (Петръ) говоритъ и о томъ, съ какою цѣлію (это сдѣлано); *дати покаяніе*, прибавляетъ, *Израилеви и оставленіе грѣховъ*. Но скажутъ: это казалось еще невѣроятнымъ. Что ты говоришь? Какъ невѣроятно то, чему не могли противорѣчить ни начальники, ни народъ, и отъ чего однимъ заграждались уста, а другіе получали назиданіе? *И мы*, говоритъ, *свидѣтели* 108
глаголъ сихъ. Чего? Того, что (Христосъ) возвѣстилъ отпущеніе и покаяніе, такъ какъ воскресеніе (Его) уже признано было несомнѣннымъ. А что Онъ даруетъ отпущеніе, тому свидѣтели мы и Духъ Святый, который не снизошелъ бы, если бы не были сначала отпущены грѣхи, такъ что это несомнѣнный знакъ. Ты же, окаянный, слышишь объ отпущеніи грѣховъ и о томъ, что (Христосъ) не требуетъ тебя на судъ, и хочешь умертвить (проповѣдниковъ)? Не есть ли это дѣло величайшей злобы? Нужно было или обличить ихъ, если они говорили неправду, или повѣрить имъ, если нельзя (обличить); если же не было желанія увѣровать, то (по крайней мѣрѣ) не умерщвлять. За что въ самомъ дѣлѣ было умерщвлять ихъ? Но они (іудеи) отъ ярости даже и не разобрали дѣла. Смотри, какъ здѣсь (апостолы), упомянувъ о злодѣяніи (іудеевъ), говорятъ объ отпущеніи, показывая тѣмъ, что совершенное ими достойно смерти, но даруемое подается имъ, какъ раскаявающимся. Да и какъ иначе можно было кому-нибудь убѣдить ихъ, если не сказавъ, что они еще могутъ исправиться? А какова злоба! Они возбуждаютъ противъ апостоловъ саддукеевъ, которые особенно заблуждались касательно воскресенія. Но злоба нисколько не принесла имъ пользы. Однако, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: какой человѣкъ, пользуясь тѣмъ, что (имѣли) апостолы, не сдѣлался бы великимъ? Но замѣть, прежде, нежели они получили благодать, какъ они единодушно пребывали въ молитвѣ и возлагали надежду на силу свыше! И ты, возлюбленный, надѣешься получить царствіе небесное; но имѣешь ли терпѣніе? И ты получилъ Духа; но

испытываешь ли то же и подвергаешься ли тѣмъ же опасностямъ? Они раньше, чѣмъ успокоились отъ прежнихъ бѣдствій, снова подверглись другимъ. И то самое, что они не возгордились, не тщеславились—какъ прекрасно! А что говорили съ кротостію— не есть ли это весьма полезное дѣло? Подлинно, не все это было дѣломъ благодати, но здѣсь много видно и ихъ собственнаго усердія. Вѣдь и то, что въ нихъ сіяли дары благодати, было плодомъ ихъ ревности.

3. Посмотри и въ самомъ началѣ, какъ былъ попечителенъ Петръ, какъ онъ бодрствовалъ и заботился, какъ вѣрующіе оставляли имѣнія, ничего не имѣли собственнаго, пребывали въ молитвѣ, проявляли единомысліе, постились. Скажи мнѣ: это было дѣйствіемъ какой благодати? Оттого-то и произошло, что обличили ихъ (іудеевъ) сами ихъ слуги, которые, какъ при Христѣ посланные говорили: *николиже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко сей человѣкъ* (Іоан. VII, 46), тоже возвратившись, возвѣстили, что видѣли. Замѣть также здѣсь кротость апостоловъ, какъ они не противорѣчатъ,—и притворство первосвященника. Онъ говоритъ имъ съ видомъ скромности, какъ будто чего боится, и готовъ скорѣе воспретить, нежели умертвить, такъ какъ этого онъ и не могъ сдѣлать. А между тѣмъ возбуждаетъ всѣхъ и представляетъ имъ какъ бы крайнюю опасность: *хощете*, говоритъ, *навести на ны кровь человѣка сего* (ст. 28). Ужели еще онъ кажется тебѣ (простымъ) человѣкомъ? Сказалъ это потому, что считалъ необходимымъ сдѣлать имъ побужденіе. А Петръ, посмотри, что говоритъ: *сего Богъ Началника и Спаса возвыси десницею своею дати покаяніе Исраилеви и оставленіе грѣховъ* (ст. 31). Онъ здѣсь умалчиваетъ о язычникахъ, чтобы не подать повода (къ умерщвленію). *И совѣщаша*, говоритъ (писатель), *убити ихъ* (ст. 33). Замѣть: они опять въ недоумѣніи и въ печали, а тѣ (апостолы) спокойны, благодушествуютъ и радуются. И не просто были печальны, но *распыхахуся*. Это значитъ: худо себя чувствовать и покушаться на зло,— какъ можно видѣть и здѣсь. Апостолы были въ узахъ, предстояли предъ судилищемъ, а судьи были въ недоумѣніи и великомъ
109 затрудненіи. И какъ бьющій по алмазу самъ себѣ наноситъ ударъ, точно такъ и они. Они видѣли, что не только не уменьшается дерзновеніе апостоловъ, но что проповѣдь еще болѣе усиливается, что они неустрашимы въ словѣ, и между тѣмъ не подаютъ никакого повода (къ умерщвленію ихъ). Будемъ, возлюбленные, подражать имъ и мы, будемъ неустрашимы при всѣхъ бѣдствіяхъ. Нѣтъ ничего ужаснаго для того, кто боится Бога, но для небоящихся есть бѣдствія. Кто чрезъ добродѣтель становится выше страстей и на временныя блага смотритъ, какъ на тѣнь, тотъ отъ

чего потерпитъ бѣдствіе? Чего будетъ бояться? Или что станетъ считать бѣдствіемъ? Прибѣгнемъ же и мы къ этой непоколебимой скалѣ! Если бы кто-нибудь устроилъ для насъ городъ и оградилъ его стѣною, или лучше—если бы поселилъ насъ на такую землю, гдѣ никто насъ не безпокоилъ бы, и тамъ доставлялъ бы намъ изобиліе во всемъ такъ, чтобы намъ не нужно было ни съ кѣмъ имѣть никакого дѣла, то и онъ не далъ бы намъ такого спокойствія, какое нынѣ Христосъ. Пусть будетъ, если тебѣ угодно, этотъ городъ мѣдный, огражденный со всѣхъ сторонъ твердою и неразрушимою стѣною; пусть никто изъ непріятелей не нападаетъ на него; пусть онъ будетъ имѣть землю богатую и тучную, изобиловать и всѣми остальными благами; пусть граждане его будутъ кротки и ласковы, и ни одного въ немъ злодѣя, ни вора, ни хищника, ни клеветника, ни судилища, но одни простыя и мирныя отношенія, и въ этомъ городѣ жили бы мы: и тогда мы не могли бы жить спокойно. Отчего? Оттого, что по необходимости возникнутъ у насъ разногласія съ прислугою, съ женою, съ дѣтьми, и будутъ причиною многихъ непріятностей. Но здѣсь не было ничего такого; не было никакой причины къ печали и непріятностямъ.

Но, что удивительно, — то самое, что, кажется, причиняетъ непріятности, было (для апостоловъ) источникомъ всякой радости и веселія. Скажи мнѣ: о чемъ имъ было печалиться, о чемъ скорбѣть? Хочешь — представимъ кого-нибудь для сравненія. Пусть кто-нибудь изъ вельможъ обладаетъ большимъ богатствомъ, живетъ въ столицѣ, никакихъ не имѣетъ хлопотъ, только веселится, только въ этомъ проводитъ время, и находится на высшей степени богатства, чести и могущества. Противопоставимъ ему Петра въ узахъ и, если угодно, среди безчисленныхъ бѣдствій: и тогда мы найдемъ, что (Петръ) имѣетъ больше радости,—потому что если отъ избытка радости онъ и въ узахъ радуется, то представь, какъ велика радость! Какъ облеченные великою властію не чувствуютъ бѣдствій, сколько бы ихъ ни случилось, но продолжаютъ радоваться,—такъ и апостолы по причинѣ самыхъ бѣдствій еще болѣе радовались. Нельзя, поистинѣ нельзя выразить словомъ того удовольствія, какое случается испытывать страждущимъ за Христа. Они радуются болѣе среди бѣдствій, нежели во время благоденствія. Если кто возлюбилъ Христа, — тотъ понимаетъ, что я говорю. Но что? Могли ли они для собственной безопасности избѣгать бѣдствій? Кто, скажи мнѣ, и владѣя несмѣтнымъ богатствомъ, могъ бы избѣжать великихъ опасностей, имѣя дѣло со столь многими народами для преобразованія государства? А они все совершали, какъ будто по царскому повелѣнію, а лучше сказать,

даже гораздо удобнѣе. Вѣдь не столько (сдѣлало бы) царское повелѣніе, сколько сдѣлали всѣ ихъ слова, потому что царское по-
110 велѣніе налагаетъ необходимость (повиноваться), а они (обращали) людей по ихъ желанію, по доброй ихъ волѣ и по чувству великой благодарности. Какой царскій указъ убѣдилъ бы отказаться отъ всего имѣнія и самой жизни, оставить домъ, отечество, родныхъ и собственную безопасность? А внушенія рыбарей и скинотворцевъ произвели это, и оттого они радовались, были могущественнѣе и сильнѣе всѣхъ. Да, скажутъ, оттого, что они творили знаменія. Но увѣровавшіе въ числѣ трехъ и пяти тысячъ, скажи мнѣ, какія творили знаменія, а между тѣмъ и они жили въ великой радости? Точно такъ, и это потому, что уничтожена была причина всѣхъ непріятностей—владѣніе имуществомъ; а оно-то, оно бываетъ виною войнъ, несогласія, скорби, печали и всѣхъ золъ; оно дѣлаетъ жизнь тягостною и болѣе прискорбною. И гораздо больше причинъ къ непріятностямъ найдешь у богатыхъ, нежели у бѣдныхъ. Если кому кажется это невѣрнымъ, то лишь по его мнѣнію, а не по существу дѣла. Если же и богатые имѣютъ нѣкоторыя удовольствія, то и это нисколько не удивительно, потому что и пораженные чесоткою ощущаютъ великое удовольствіе. Богатые нисколько не отличаются отъ нихъ, и душа ихъ такова же, какъ видно изъ слѣдующаго: ихъ мучатъ заботы, и однако они охотно предаются имъ изъ-за временнаго удовольствія. Но тѣ, которые избавились отъ заботъ, здравствуютъ и благодушествуютъ.

4. Что пріятнѣе, скажи мнѣ, что безопаснѣе: заботиться ли объ одномъ хлѣбѣ и одеждѣ, или о множествѣ рабовъ и свободныхъ, о себѣ же не заботиться? Какъ тотъ печется о себѣ самомъ, такъ и ты—обо всемъ, что навлекъ на свою голову. Отчего же, скажутъ, избѣгаютъ бѣдности? Оттого же, отчего многіе удаляются и прочихъ благъ,—не потому, чтобы эти блага сами по себѣ были достойны отверженія, а потому, что на опытѣ они представляются трудными. Такъ и бѣдность не сама по себѣ отвергается, но потому, что трудна на опытѣ, такъ что, если кто можетъ ее перенести, тотъ не откажется отъ ней. Почему не гнушались ея апостолы? Почему многіе избираютъ ее и не только не гнушаются, но еще и прибѣгаютъ къ ней? Вѣдь то, что поистинѣ достойно отверженія, не избирается, исключая однихъ безумныхъ.

Если же изъ людей любомудрые и высокіе прибѣгаютъ къ ней, какъ къ нѣкоему безопасному и безболѣзненному убѣжищу, то вовсе не удивительно, что прочимъ она не кажется такою. Богатый, по моему мнѣнію, есть не что иное, какъ городъ, не

огражденный стѣнами, построенный въ полѣ и со всѣхъ сторонъ привлекающій къ себѣ непріятелей: а бѣдность есть безопасная крѣпость, огражденная большою мѣдною стѣною и недоступная. Но бываетъ, скажутъ, совсѣмъ напротивъ, потому что бѣдныхъ часто влекутъ въ судилище, ихъ обижаютъ и подвергаютъ тяжкимъ бѣдствіямъ. Нѣтъ, не просто бѣдныхъ, но бѣдныхъ, желающихъ быть богатыми. Да я не объ нихъ и говорю, а о тѣхъ, которые хотятъ жить въ бѣдности. Скажи мнѣ, отчего никто не влечетъ въ судилище живущихъ въ горахъ? Если бѣдность притѣснять легко, то всего скорѣе надлежало бы предавать суду ихъ, насколько они всѣхъ бѣднѣе. Отчего никто не влечетъ въ судилище нищихъ? Отчего никто не притѣсняетъ ихъ и не клевещетъ? Не оттого ли, что они находятся въ болѣе безопасномъ мѣстѣ? А какъ многимъ это кажется невыносимымъ, т. е. быть въ бѣдности и просить милостыню! Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, хорошо ли просить милостыню? Хорошо еще, если есть люди со- 111
страдательные и милосердые, если есть, кто бы сталъ подавать. Всякій знаетъ, что такая жизнь чужда заботъ и безопасна. Впрочемъ, я не это хвалю,—да не будетъ!—но убѣждаю не добиваться богатства. Скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ, кого я назову болѣе блаженными: тѣхъ ли, кто близокъ къ добродѣтели, или тѣхъ, кто далекъ отъ нея? Безъ сомнѣнія, близкихъ. Но кто изъ нихъ способнѣе усвоить что-либо полезное и отличаться любомудріемъ,— тотъ, или этотъ? Всякому ясно, что тотъ. Если же не вѣришь, то послушай. Пусть приведутъ съ площади кого-нибудь изъ нищихъ, и пусть онъ будетъ слѣпъ, хромъ, увѣченъ: а другой кто-либо пусть будетъ красивъ на видъ, крѣпокъ тѣломъ и вполнѣ здоровъ, богатъ, знатенъ по происхожденію и съ великою властію. Приведемъ ихъ въ училище любомудрія и посмотримъ, кто изъ нихъ лучше усвоитъ предметы ученія? Предложимъ первую заповѣдь: будь *кротокъ* и *смиренъ*, такъ повелѣлъ Христосъ (Мѳ. xi, 29). Кто изъ нихъ будетъ въ состояніи лучше выполнить это, тотъ или этотъ? *Блажени плачущіи.* Кто будетъ болѣе внимателенъ къ этому изреченію? *Блажени кротцыи.* Кто лучше выслушаетъ? *Блажени чистіи сердцемъ, блажени алчущіи и жаждущіи правды, блажени изгнани правды ради* (Мѳ. v, 4 — 11). Кто изъ нихъ скорѣе приметъ все это? И если хочешь, приложимъ все это къ каждому изъ нихъ. Не всегда ли гордится и надмевается одинъ изъ нихъ; а другой, напротивъ, не всегда ли бываетъ кротокъ и смиренномудръ? Конечно, такъ. У внѣшнихъ (язычниковъ) есть на этотъ предметъ такое изреченіе: Эпиктетъ—рабъ, по тѣлу увѣченъ, по бѣдности Иръ, но другъ (боговъ) безсмертныхъ [1]). Таковъ бѣдный;

[1]) Эпиктетъ—греческій философъ. Иръ—собст. имя нищаго у Гомера.

но душа богатаго исполнена всѣхъ золъ: гордости, тщеславія, безчисленныхъ пожеланій, гнѣва, ярости, корыстолюбія, неправды и тому подобнаго. Очевидно, что душа перваго способнѣе къ любомудрію, нежели послѣдняго. Но вы хотите узнать, что пріятнѣе; о томъ именно, какъ я вижу, многіе заботятся, какая жизнь пріятнѣе? И въ этомъ не должно быть сомнѣнія; кто здоровѣе, тотъ и (живетъ) въ большомъ удовольствіи. А кто, скажи мнѣ, болѣе способенъ къ исполненію правила, которое я хочу внушить, т. е. закона о клятвѣ, бѣдный или богатый? Кто скорѣе будетъ клясться, тотъ ли, кто гнѣвается на слугъ, имѣетъ сношеніе съ безчислен-
112 нымъ множествомъ (людей), или кто проситъ только о хлѣбѣ или одной одеждѣ? Послѣдній даже не имѣетъ и нужды въ клятвахъ, если захочетъ, по всю жизнь проводитъ безъ заботъ. Или лучше сказать: всякій, научившійся не клясться, часто будетъ презирать и богатство и можетъ увидѣть какъ отъ этого блага открываются всѣ пути къ добродѣтели,—всѣ, ведущія къ кротости, къ презрѣнію богатства, къ благочестію, къ спокойствію души, къ сокрушенію.

Поэтому не будемъ безпечны, возлюбленные, но снова приложимъ большое усердіе: исправившіеся—къ тому, чтобы сохранить себя исправными, чтобы какъ-нибудь не отступить и не возвратиться вспять; а остающіеся еще позади—чтобы возстать и постараться восполнить недостающее. Между тѣмъ исправившіеся, простирая руки къ еще не достигшимъ этого, какъ бы къ плавающимъ въ морѣ, пусть примутъ ихъ въ пристань, чуждую клятвъ. Не клясться—это пристань поистинѣ безопасная, пристань, въ которой не утопаютъ отъ поднимающихся вѣтровъ. Хотя бы вспыхнулъ гнѣвъ, вражда, ненависть, или что-нибудь подобное, душа остается въ безопасности, такъ что не произнесетъ ничего такого, чего не должно произносить, потому что она не подчинила себя ни нуждѣ, ни закону. Посмотри, что сдѣлалъ изъ-за клятвы Иродъ: онъ отсѣкъ главу Предтечи. *Клятвы ради*, говоритъ (Писаніе), *и за возлежащихъ съ нимъ не восхотѣ отрещи ей* (Мар. vi, 26). Что претерпѣли колѣна (израильскія) изъ-за клятвы касательно колѣна Веніаминова (Суд. xxi, 1—10)? Что потерпѣлъ изъ-за клятвы Саулъ (2 Ц. xxi, 2)? Онъ нарушилъ клятву, а Иродъ совершилъ дѣло хуже клятвопреступленія—убійство. Ты знаешь также, что потерпѣлъ Іисусъ (Навинъ) изъ-за клятвы касательно гаваонитянъ (Нав. ix, 15). Клятва, поистинѣ, есть сѣть сатанинская. Расторгнемъ же эти узы и устроимъ себя такъ, чтобы намъ легко было воздерживаться отъ ней. Освободимся отъ этой сѣти сатанинской; убоимся заповѣди Господа, пріучимъ себя къ лучшему, чтобы, простираясь впередъ и исполнивъ эту и прочія за-

повѣди, намъ сподобиться благъ, обѣщанныхъ любящимъ Его,—по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIV.

Воставъ же нѣкій на сонмищи фарисей, именемъ Гама- 111
ліилъ, законоучитель, честенъ всѣмъ людемъ, повелѣ
внѣ мало что человѣкомъ быти (Дѣян. v, 34).

1. Этотъ Гамаліилъ былъ учителемъ Павла и достойно удивленія, какъ онъ, будучи такъ благоразуменъ и, притомъ, законоучитель, еще не увѣровалъ. Не можетъ быть, чтобы онъ остался совершенно невѣровавшимъ, какъ видно и изъ словъ его, въ которыхъ онъ предлагаетъ свой совѣтъ. *Повелѣ*, говоритъ (писатель), *внѣ мало что человѣкомъ творити.* Посмотри и на благоразуміе его рѣчи, и на то, какъ онъ тотчасъ привелъ ихъ въ страхъ. Чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ согласіи съ тѣми (апостолами), онъ обращается какъ бы къ единомыслящимъ съ нимъ, и выражается не слишкомъ рѣзко, но говоритъ имъ, какъ бы опьянѣвшимъ отъ ярости, такъ: *мужіе Израилтяне, внимайте себѣ о человѣцѣхъ сихъ, что хощете сотворити* (ст. 35). Не поступайте, говоритъ, просто и какъ попало. *Предъ сими бо денми воста Ѳевда,* 112
глаголя быти велика нѣкоего себе, ему же прилѣпишася числомъ мужей яко четыреста, иже убіенъ бысть, и вси, елицы повинушася ему, разыдошася и быша ни во чтоже (ст. 36). Вразумляетъ ихъ примѣрами,—именно, чтобы успокоить ихъ, указываетъ на (человѣка), увлекшаго за собою очень многихъ. Прежде указанія на примѣры, онъ говоритъ: *внимайте себѣ;* а послѣ указанія выражаетъ свое мнѣніе такъ: *и нынѣ глаголю вамъ, отступите отъ человѣкъ сихъ. Посемъ воста Іуда Галилеанинъ во дни написанія, и отвлече люди доволны въ слѣдъ себе, и той погибе и вси, елицы послушаша его, разсыпашася. И нынѣ глаголю вамъ: отступите отъ человѣкъ сихъ и оставите ихъ: яко аще будетъ отъ человѣкъ совѣтъ сей или дѣло сіе, разорится, аще ли же отъ Бога есть, не можете разорити то* (37—39). Какъ бы такъ говорилъ: погодите; если и 113
эти явились сами по себѣ, то ничто не помѣшаетъ и имъ разсѣяться. *Да не како и богоборцы обрящетеся* (ст. 39). Отклоняетъ ихъ и невозможностію, и безполезностію. Не сказалъ, кѣмъ тѣ были истреблены, но просто: *разсыпашася,* можетъ быть, считая излишнимъ (говорить о томъ). А послѣдующими словами научаетъ ихъ: если это дѣло человѣческое, то не будетъ нужды

вамъ безпокоиться, а если Божіе, то и при всѣхъ усиліяхъ вы не въ состояніи будете преодолѣть. Рѣчь его показалась разумною, такъ что они послушались и (рѣшились) не убивать апостоловъ, а только подвергнуть бичеванію. *Послушаша же его*, говоритъ (писатель), *и призвавше апостолы, бивше запретиша имъ не глаголати о имени Іисусовѣ, и отпустиша ихъ* (ст. 40). Смотри, послѣ какихъ чудесъ они подвергаются бичеванію. Но, несмотря на то, проповѣдь ихъ еще съ большею силою продолжалась, и они учили и дома, и въ храмѣ. *Они же убо идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя* Христа *сподобишася безчестіе пріяти. По вся же дни въ церкви и въ домѣхъ не престаяху учаще и благовѣствующе Іисуса Христа* (ст. 41, 42). *Во днехъ же сихъ умножившымся ученикомъ бысть ропщаніе Еллиновъ ко Евреомъ, яко презираеми бываху во вседневнѣмъ служеніи вдовицы ихъ* (VI, 1). Не въ тѣ именно дни, о которыхъ говорится (выше), но, какъ обыкновенно употребляется въ Писаніи, объ имѣвшемся случиться впослѣдствіи времени (писатель) говоритъ, какъ бы о происходившемъ тогда же; потому онъ такъ и выразился. Эллинами, я думаю, онъ называетъ тѣхъ, которые говорили по-эллински, потому что тогда и евреи говорили по-эллински. Вотъ и еще искушеніе; или лучше сказать, если захочешь вникнуть, то и ты увидишь, что съ самаго начала (у нихъ) была борьба и извнутри, и отвнѣ. *Призвавше же дванадесять множество ученикъ, рѣша: неугодно есть намъ, оставльшымъ слово Божіе, служити трапезамъ* (ст. 2). Справедливо: необходимому нужно предпочитать болѣе необходимое. Но смотри, какъ они тотчасъ же и объ этомъ прилагаютъ попеченіе, и проповѣди не оставляютъ. А какъ они были достопочтеннѣе (другихъ), то поэтому и получаютъ высшее назначеніе. *Усмотрите убо, братіе, мужи отъ васъ свидѣтельствованы седмь, исполнены Духа Свята и премудрости, ихже поставимъ надъ службою сею: мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ. И угодно бысть слово сіе предъ всѣмъ народомъ, и избраша Стефана, мужа исполнена вѣры и Духа Свята* (ст. 3—5). Такъ и эти исполнены были вѣры,—которыхъ и избрали, чтобы не случилось того же, что было съ Іудой, съ Ананіей и Сапфирою. *И Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая пришелца антіохійскаго: ихже поставиша предъ апостолы и помолившеся возложиша на ня руцѣ. И слово Божіе растяше и множашеся число ученикъ во Іерусалимѣ зѣло: многъ же народъ священниковъ послушаху вѣры* (ст. 5—7). Но обратимся къ вышесказанному. *Мужіе, внимайте себѣ*. Посмотри, прошу, съ какою кротостію здѣсь говоритъ Гамаліилъ и какъ кратко выражается предъ ними; и не представляетъ древнихъ примѣровъ, хотя и имѣлъ ихъ, но указываетъ на

недавніе, которые могли убѣдить особенно сильно. Потому и прикровенно выражается такъ: *предъ сими бо денми*, какъ бы говоря: за нѣсколько дней. Если бы онъ прямо сказалъ: отпустите этихъ 114
людей, то и на себя навлекъ бы подозрѣніе, и рѣчь его не имѣла бы такой силы; а при помощи примѣровъ она получила надлежащую силу. Для того онъ и вспоминаетъ не одинъ примѣръ, а и другой, хотя могъ бы привести и третій, обиліемъ ихъ показывая и справедливость своихъ словъ, и ихъ отклоняя отъ убійственнаго намѣренія. *Отступите отъ человѣкъ сихъ.*

2. Смотри, какъ онъ кротокъ. Онъ говоритъ не длинную рѣчь, но краткую; и о тѣхъ (примѣрахъ) упоминаетъ не съ гнѣвомъ: *и вси, елицы послушаша его, разсыпашася.* Говоря это, онъ вовсе не произноситъ хулы на Христа, но достигаетъ того, чего преимущественно желаетъ. *Аще будетъ*, говоритъ, *отъ человѣкъ, разорится.* Здѣсь, кажется мнѣ, онъ предлагаетъ имъ слѣдующее умозаключеніе: если же не разорится, то, значитъ, это дѣло не человѣческое. *Да не како и богоборцы обрящетеся.* Сказалъ это съ тѣмъ, чтобы удержать ихъ и невозможностію и безполезностію. *Аще же отъ Бога есть, не можете разорити то.* Онъ не сказалъ: если Христосъ есть Богъ, потому что самое дѣло доказывало это, не утверждалъ и того, что это дѣло не человѣческое или что оно Божеское; но убѣдить ихъ въ этомъ предоставилъ будущему времени, и убѣдилъ. Если же онъ убѣдилъ ихъ, то скажутъ, для чего они подвергли апостоловъ бичеванію? Неопровержимой справедливости словъ его они не могли воспротивиться; но, несмотря на то, удовлетворили свою ярость; и, кромѣ того, опять надѣялись такимъ образомъ устрашить (апостоловъ). Къ большему убѣжденію ихъ ему способствовало и то, что онъ говорилъ это въ отсутствіи апостоловъ; и сладость его словъ, и справедливость говоримаго убѣждали ихъ. Онъ почти былъ для нихъ проповѣдникомъ евангелія; или лучше сказать, какъ бы обращается къ нимъ съ такимъ разсужденіемъ: вы убѣдились, что вы не въ силахъ разорить,—почему же вы не увѣровали? Ихъ проповѣдь такъ велика, что (получаетъ) свидѣтельство и отъ враговъ. Тамъ возстали четыреста человѣкъ и затѣмъ много народа, а здѣсь первоначально было только двѣнадцать; слѣдовательно, вамъ не нужно страшиться многочисленности, нападающей на васъ. *Аще убо отъ человѣкъ дѣло сіе, разорится.* Онъ могъ бы указать еще на другого египетскаго (возмутителя); но объ этомъ говорить было бы уже излишне. Видѣлъ ли ты, какъ онъ въ заключеніе рѣчи своей устрашилъ ихъ? Для того онъ и не высказываетъ своего мнѣнія прямо, чтобы не показаться защитникомъ апостоловъ; но выводитъ заключеніе изъ послѣдствій

дѣла. Онъ не рѣшился прямо сказать, что это дѣло человѣческое, или что оно отъ Бога: если бы онъ сказалъ, что оно отъ Бога, то они стали бы противорѣчить; а если бы (сказалъ, что оно) человѣческое, то они тотчасъ бы возстали снова. Поэтому онъ совѣтуетъ имъ дождаться конца, сказавъ: *отступите*. А они опять угрожаютъ апостоламъ, хотя и зная, что нисколько не будутъ имѣть успѣха, но все же настаивая на своемъ. Такова злоба: она часто домогается невозможнаго. *Посемъ возста Іуда*. Объ этомъ подробнѣе можете узнать изъ книгъ Іосифа (Флавія), который обстоятельно излагаетъ исторію этихъ событій [1]). Видѣлъ ли ты, какое Гамаліилъ имѣлъ дерзновеніе, когда сказалъ, что это *отъ Бога*, такъ какъ изъ самыхъ дѣлъ убѣдилъ ихъ въ этомъ уже послѣ? Дѣйствительно, велико дерзновеніе, велико безпристрастіе! *Послушаша же его*, говоритъ (писатель), *и призвавше апостолы, бивше отпустиша ихъ*. Они устыдились мнѣнія совѣтника и потому оставляютъ намѣреніе умертвить апостоловъ, только подвергнувъ бичеванію, отпускаютъ ихъ. *Они же убо*
115 *идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя* Христа *сподобишася безчестіе пріяти* (ст. 41). Какихъ знаменій это не удивительнѣе! Ничего такого не было съ древними, хотя и Іеремія за слово Божіе подвергался бичеванію, и Иліи угрожали, и прочимъ: между тѣмъ, здѣсь и этимъ самымъ, а не одними только знаменіями, они являли силу Божію. Не сказалъ (писатель), что они не скорбѣли, но что, и скорбя, они радовались. Откуда это видно? Изъ послѣдующаго ихъ дерзновенія, потому что и послѣ бичеванія они непрестанно проповѣдывали. Свидѣтельствуя объ этомъ, (писатель) говоритъ: *въ церкви и въ домѣхъ не престаяху учаще и благовѣствующе Іисуса Христа* (ст. 42). *Во днехъ же сихъ*. Въ какихъ? Когда это происходило, т. е., когда ихъ бичевали, имъ угрожали и когда увеличивалось число учениковъ, тогда *бысть роптаніе* (VI, 1). Быть можетъ, оно возникло по причинѣ множества (учениковъ), потому что въ такомъ случаѣ не можетъ не быть затрудненія. *Многъ же народъ священниковъ послушаху вѣры* (ст. 7). Этимъ намекаетъ и указываетъ на то, что и изъ тѣхъ, кто были виновниками смерти Христовой, многіе увѣровали.

Бысть, говоритъ, *роптаніе, яко презираеми бываху во вседневнѣмъ служеніи вдовицы ихъ* (ст. 1). Слѣдовательно, для вдовицъ было ежедневное служеніе. И смотри, какъ онъ называетъ это служеніемъ, а не просто милостынею, возвышая чрезъ то и подающихъ, и пріемлющихъ. Это (небреженіе о вдовицахъ) происходило не отъ недоброжелательства, но, вѣроятно, отъ невнима-

[1]) Іуд. древн. кн. 18, гл. 1, и кн. 20, гл. 2.

тельности по причинѣ многолюдства. Потому это и поставлено было на видъ,—а зло было немаловажное,—чтобы тотчасъ же исправить его. Видишь ли, какъ и въ началѣ были непріятности не только отвнѣ, но и внутри? Но ты смотри не на то только, что это исправлено, но и на то, что это было великое зло. *Усмотрите, братіе, мужи отъ васъ седмь* (ст. 3). Не по собственному усмотрѣнію они поступаютъ, но сначала оправдываютъ себя предъ народомъ. Такъ и теперь надлежало бы поступать. *Не угодно есть*, говорятъ, *намъ оставльшымъ слово Божіе служити трапезамъ* (ст. 2). Сперва писатель указываетъ на несовмѣстимость (этихъ обязанностей) и разъясняетъ, что невозможно ревностно выполнять то и другое вмѣстѣ. Вѣдь и тогда, когда они приступали къ рукоположенію Матѳія, сперва указали на необходимость этого дѣла, потому что одного недоставало, а надлежало быть двѣнадцати. Такъ и здѣсь они выяснили необходимость. Впрочемъ, не прежде сдѣлали это, какъ выждавъ, пока возникъ ропотъ; послѣ же того уже не медлили, чтобы онъ не усилился.

3. Смотри, они представляютъ дѣло на судъ ихъ, а сами предуказываютъ, чтобы это были (мужи) угодные всѣмъ и одобряемые всѣми. Когда нужно было избрать Матѳія, тогда говорили: *подобаетъ отъ сходившихся съ нами мужей во всяко лѣто* (Дѣян. I, 21); но здѣсь не такъ, потому что и дѣло было не таково. Поэтому они и не предоставляютъ избранія жребію, и сами не совершаютъ его, хотя они, движимые Духомъ, и могли бы избрать; но настаиваютъ на томъ болѣе, что̀ окажется по свидѣтельству народа. Опредѣлить число и рукоположить, когда была такая нужда, было ихъ дѣло; но избрать мужей (достойныхъ) они предоставляютъ всѣмъ, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ лицепріятіи. Такъ и Богъ повелѣлъ Моисею избрать старѣйшинъ, кого онъ зналъ. Для подобныхъ распоряженій требуется много мудрости. Не подумайте, чтобы, кому не ввѣрено было слово (ученія), тому не нужна была и мудрость; нѣтъ, нужна была, и великая. *Мы же*, говоритъ, *въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ* (ст. 4). И въ на- 116
чалѣ и въ концѣ рѣчи они оправдываютъ себя. *Пребудемъ*, говорятъ. Такъ нужно было (въ этихъ дѣлахъ поступать), не просто и не какъ случилось, но постоянно пребывать. *И угодно бысть*, говоритъ (писатель), *слово сіе предъ всѣмъ народомъ* (ст. 5). Это достойно ихъ мудрости; всѣ одобрили сказанное: такъ оно было разумно! *И избраша*, говоритъ,—и здѣсь всѣ избираютъ,—*Стефана, мужа исполнена вѣры и Духа Свята, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая, пришелца антіохійска: ихже поставиша предъ апостолы и помолившеся возложиша на ня руки* (ст. 5—6). Отсюда видно, что они отдѣлили избран-

ныхъ отъ народа, и сами привели ихъ, а не апостолы. Замѣть, какъ писатель не говоритъ ничего лишняго: онъ не объясняетъ, какимъ образомъ; но просто говоритъ, что они рукоположены были молитвою, потому что такъ совершается рукоположеніе. Возлагается рука на человѣка; но все совершаетъ Богъ, и Его десница касается головы рукополагаемаго, если рукоположеніе совершается, какъ должно. *И слово*, говоритъ, *Божіе растяше и множашеся число ученикъ* (ст. 7). Не безъ намѣренія онъ прибавилъ это, но чтобы показать, какъ велика сила благотворительности и распорядительности. Затѣмъ, намѣреваясь приступить къ повѣствованію о происходившемъ со Стефаномъ, онъ напередъ представляетъ причины того. *Многъ же*, говоритъ, *народъ священниковъ послушаху вѣры*. Они видѣли, что то, о чемъ предлагалъ имъ свое мнѣніе начальникъ и учитель, они испытываютъ уже на самомъ дѣлѣ. И достойно удивленія, какъ народъ не раздѣлился при избраніи тѣхъ мужей, и какъ не были уничижены предъ ними апостолы.

А какой именно санъ имѣли они и какое получили рукоположеніе, это необходимо разсмотрѣть. Не діаконское ли? Но эти распоряженія въ церквахъ предоставляются не діаконамъ, а пресвитерамъ; притомъ, тогда не было еще ни одного епископа, а только апостолы. Потому, кажется мнѣ, наименованія діаконовъ и пресвитеровъ тогда не различались ясно и точно. По крайней мѣрѣ, они были рукоположены на это (служеніе) и не просто были назначены, но о нихъ молились, чтобы имъ была сообщена сила (благодати). Замѣть, прошу, если нужны были для этого семь мужей, то какъ умножилось ихъ имущество, какъ много было вдовъ! И молитвы совершались не просто, но съ великимъ тщаніемъ: потому-то и это дѣло, подобно проповѣди, имѣло такой успѣхъ, такъ какъ въ очень многомъ они успѣвали молитвами. Такимъ образомъ имъ сообщены были и духовные (дары); они были посылаемы и въ другія мѣста; имъ ввѣрено было и слово (ученія). Но (писатель) не говоритъ объ этомъ и не превозноситъ ихъ, (внушая тѣмъ), что не слѣдуетъ оставлять порученнаго дѣла. Такъ и Моисеемъ (избранные старѣйшины) были научены — не все дѣлать самимъ по себѣ (Исх. XVIII, 26). Потому и Павелъ говоритъ: *точію нищихъ да помнимъ* (Гал. II, 10). Пойми, какъ они избрали ихъ (діаконовъ). Постились, пребывали въ молитвѣ (Дѣян. II, 42). Такъ и теперь должно бы быть. Этихъ же (писатель) назвалъ не просто духовными, но исполненными Духа и премудрости, показывая, что нужно было имѣть великое любомудріе, чтобы сносить жалобы вдовицъ. Что пользы, если иной, хотя не крадетъ, но все расточаетъ? Или будетъ дерзокъ и гнѣвливъ?

Въ этомъ отношеніи Филиппъ былъ достоинъ удивленія. О немъ (писатель) говоритъ: *и вшедше въ домъ Филиппа благовѣстника, сущa отъ седми, пребыхомъ у него* (Дѣян. XXI, 8). Видишь, какъ у нихъ ничего не дѣлалось по (обычаю) человѣческому? *И множащеся число ученикъ во Іерусалимѣ* (ст. 7). Въ Іерусалимѣ воз- 117
растало число (вѣрующихъ). Удивительно, что, гдѣ Христосъ былъ преданъ смерти, тамъ и распространилась проповѣдь (о Немъ). И не только никто изъ учениковъ не соблазнился, видя, что апостолы подвергаются бичеванію, одни имъ угрожаютъ, другіе искушаютъ Духа, а иные ропщутъ, но все болѣе умножалось число вѣровавшихъ. Такъ они были вразумлены происшествіемъ съ Ананіею, и очень большой былъ страхъ между ними. Замѣть, прошу, какимъ образомъ увеличивалось число вѣрующихъ. Оно увеличилось уже послѣ искушеній, а не прежде того. Посмотри, сколь велико и человѣколюбіе Божіе. Изъ тѣхъ самыхъ архіереевъ, которые возбуждали народъ къ убіенію (І. Христа), которые взывали и говорили: *иныя спасе, себе же не можетъ спасти* (Мѳ. XXVII, 42), изъ тѣхъ самыхъ *многіе*, говоритъ, *послушаху вѣры* (ст. 7).

4. Будемъ же подражать Ему и мы. Онъ принялъ ихъ, а не отвергъ. Такъ будемъ воздавать и мы своимъ врагамъ, хотя бы они причинили намъ безчисленное множество золъ. Всѣмъ, что есть у насъ добраго, воздадимъ имъ; не преминемъ оказывать и имъ благодѣянія. Вѣдь если, терпя зло, можно удовлетворить ярость ихъ, то гораздо больше — благодѣльствуя имъ. Первое меньше послѣдняго, потому что не все равно—благодѣтельствовать врагу, и пожелать или быть готову претерпѣть (отъ него) большее зло. Отъ послѣдняго перейдемъ и къ первому, что (и составляетъ) преимущество учениковъ Христовыхъ. Они (іудеи) распяли Его, пришедшаго благотворить имъ, подвергли бичеванію учениковъ Его, и послѣ всего этого Онъ удостоиваетъ ихъ такой же чести, какъ и учениковъ Своихъ, сообщая и тѣмъ Свои блага наравнѣ съ этими. Будемъ, увѣщеваю васъ, подражать Христу: въ этомъ должно подражать Ему; это дѣлаетъ (человѣка) равнымъ Богу; это есть дѣло вышечеловѣческое. Возлюбимъ милосердіе: оно есть руководитель и учитель любомудрія. Тотъ, кто научился быть милосердымъ къ несчастному, научится и не злопамятствовать; а научившись этому, въ состояніи будетъ и благодѣтельствовать врагамъ. Научимся сострадать несчастіямъ ближнихъ; тогда научимся переносить отъ нихъ и зло. Спросимъ самого того, кто враждуетъ противъ насъ: не осуждаетъ ли онъ самъ себя, не желалъ ли бы и онъ быть любомудрымъ, не скажетъ ли онъ, что все это происходитъ отъ гнѣва, отъ малодушія или отъ досады, не хотѣлъ ли бы и онъ быть лучше въ числѣ оскорбляемыхъ и

молчаливо переносящихъ (обиды), нежели въ числѣ оскорбляющихъ и неистовствующихъ, не съ удивленіемъ ли и онъ отходитъ отъ переносящаго (обиды) терпѣливо? Не подумай, будто это дѣлаетъ (людей) презрѣнными. Ничто такъ не дѣлаетъ презрѣнными, какъ нанесеніе обидъ; и ничто такъ не дѣлаетъ почтенными, какъ перенесеніе обидъ. Первый (причиняющій обиды) есть злодѣй, а послѣдній (переносящій обиды) есть человѣкъ любомудрый; тотъ ниже человѣка, а этотъ равенъ ангеламъ. Хотя бы (оскорбляемый) былъ и меньше оскорбителя, однако и онъ, если бы захотѣлъ, могъ бы мстить; а какъ онъ не дѣлаетъ этого, то всѣ и сострадаютъ ему, а того ненавидятъ. Чтожъ? Не гораздо ли поэтому онъ лучше перваго? На того всѣ будутъ смотрѣть, какъ на безумнаго, а на него, какъ на благоразумнаго. Поэтому, если кто станетъ побуждать тебя осудить кого-нибудь, скажи ему: я не могу сказать что-нибудь худое про него; боюсь, что онъ, быть можетъ, не таковъ. Никогда не говори (худого о другомъ) даже и въ умѣ, тѣмъ болѣе предъ другими. Не ропщи на него и передъ Богомъ. Если узнаешь, что объ немъ отзываются худо, защити его; скажи: это слова страсти, а не человѣка,—гнѣва, а не друга, — изступленія, а не души. Такъ будемъ разсуждать при
118 всякомъ прегрѣшеніи. Не ожидай, пока огонь возгорится, но прежде этого потуши его; не раздражай дикаго звѣря, но удержи прежде, чѣмъ онъ раздражится; ты уже не въ состояніи будешь потушить, когда пламя разгорится. И что о немъ сказали? Что онъ безуменъ и глупъ? Но къ кому болѣе относятся эти слова: къ тому ли, о комъ говорятъ, или — кто говоритъ? Послѣдній, хотя бы былъ очень мудрый человѣкъ, заслуживаетъ названіе глупаго; а первый, хотя бы и не былъ уменъ, (заслуживаетъ названіе) человѣка благоразумнаго и любомудраго. Кто глупъ, скажи мнѣ: тотъ ли, кто приписываетъ другому то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, или тотъ, кто и при этомъ случаѣ не смущается? Если оставаться спокойнымъ, когда безпокоятъ, есть знакъ любомудрія, то раздражаться безъ всякаго побужденія не есть ли великое безуміе? Я уже не говорю о томъ, какое мѣсто наказанія уготовано оскорбляющимъ и злословящимъ ближняго (Мѳ. v, 22). Но еще что сказали о немъ? Что онъ безчестный изъ безчестныхъ, низкій изъ низкихъ? Опять (говорящій это) обращаетъ поношеніе на себя самого. Тотъ окажется честнымъ и почтеннымъ, а этотъ поистинѣ низкимъ. Поставлять въ укоризну такія вещи, т. е. незнатность происхожденія, подлинно свойственно душѣ низкой; а тотъ будетъ великимъ и достойнымъ удивленія, если онъ нисколько не думаетъ объ этомъ, но остается въ такомъ положеніи, какъ будто бы о немъ говорили, что онъ имѣетъ нѣчто превос-

холное предъ прочими. Скажутъ ли, что онъ прелюбодѣй, и тому подобное? Въ такомъ случаѣ можно и посмѣяться: когда совѣсть не укоряетъ, тогда не можетъ быть мѣста гнѣву. Понявъ, какія дурныя и отвратительныя произносятъ выраженія, не слѣдуетъ скорбѣть и отъ этого, потому что (произносящій ихъ) уже открылъ то, о чемъ всякій могъ бы узнать впослѣдствіи времени, а чрезъ то сдѣлалъ себя для всѣхъ уже не заслуживающимъ довѣрія, какъ человѣкъ, не умѣющій скрывать недостатковъ ближняго, и такимъ образомъ постыдилъ болѣе себя самого, нежели другого, заградилъ для себя всякую пристань и подвергъ себя страшной отвѣтственности на будущемъ судѣ. Всѣ будутъ отвращаться не столько отъ того, сколько отъ его самого, какъ обнаружившаго то, чего не слѣдовало бы открывать. И ты не все говори, что знаешь, но объ иномъ умолчи, если хочешь снискать себѣ добрую славу. Чрезъ это ты не только опровергнешь сказанное (другими) и прикроешь (недостатки ближняго), но сдѣлаешь и другое доброе дѣло: не попустишь произносить судъ противъ себя самого. О тебѣ худо отзывается кто-нибудь? А ты скажи: если бы онъ зналъ все, то и не это только сказалъ бы (обо мнѣ). Вы изумляетесь и удивляетесь сказанному? Но такъ должно поступать. Все, сказанное вамъ, мы заимствуемъ отвнѣ не потому, чтобы въ Писаніяхъ не было безчисленныхъ на то доказательствъ, но потому, что это скорѣе можетъ пристыдить (васъ). И Писаніе иногда имѣетъ цѣлію пристыдить, какъ, напр., когда говоритъ: *не и язычницы ли такожде творятъ* (Мѳ. v, 47)? Пророкъ Іеремія привелъ въ примѣръ сыновей Рихава, которые не согласились нарушить заповѣди отца своего (Іер. xxxv). Маріамъ и другіе вмѣстѣ съ нею роптали на Моисея; но онъ своею молитвою немедленно избавилъ ихъ отъ наказанія и не попустилъ, чтобы кто-нибудь узналъ, что они за него наказаны (Числ. xii). А у насъ не такъ; напротивъ, мы того особенно и хотимъ, чтобы всѣ знали, что обида осталась не отомщенною. Доколѣ мы будемъ жить (жизнію) земною? Не можетъ быть борьбы, когда только одна (противящаяся) сторона: если вооружишь ту и другую сторону неистовствующихъ, то еще болѣе раздражишь ихъ; а если (только) правую или лѣвую, то укротишь ея ярость. Наносящій удары, когда имѣетъ предъ собою человѣка, сопротивляющагося ему, то еще болѣе раздражается; а когда—покоряющагося, то скорѣе утихаетъ и удары обращаются на него самого. Не столько укрощаетъ силу врага человѣкъ искусный въ борьбѣ, сколько человѣкъ оскорбляемый и не отвѣчающій тѣмъ же, потому что врагъ, наконецъ, отступаетъ отъ него посрамленный и осужденный, во-первыхъ—своею совѣстію, и во-вторыхъ —всѣми видѣвшими. Есть 119

одна пословица: почитающій (другихъ) почитаетъ самого себя. Слѣдовательно, и посрамляющій (другихъ) посрамляетъ самого себя.

Никто, снова скажу, не можетъ обидѣть насъ, кромѣ насъ самихъ; и бѣднымъ никто не сдѣлаетъ меня, кромѣ меня самого. Объяснимъ это такъ: пусть будетъ у меня душа низкая и всѣ жертвуютъ мнѣ деньги. Что изъ этого? Пока душа не перемѣнится, то все напрасно. Пусть будетъ у меня душа великая и всѣ берутъ отъ меня деньги. Что изъ этого? Пока ты не сдѣлаешь ея низкою, то нѣтъ никакого вреда. Пусть жизнь моя будетъ нечистая, а всѣ говорятъ обо мнѣ противное. Что изъ этого? Они хотя и говорятъ такъ, но въ душѣ судятъ обо мнѣ не такъ. Или пусть жизнь моя будетъ чистая, а всѣ говорятъ обо мнѣ противное. Что жъ изъ этого? Вѣдь они сами себя осудятъ въ своей совѣсти, потому что говорятъ не по убѣжденію. Не нужно принимать къ сердцу какъ похвалъ, такъ и порицаній. Что я говорю? Никто не въ состояніи будетъ повредить намъ клеветою или какимъ-нибудь порицаніемъ, если мы захотимъ того. Объяснимъ это такъ: пусть кто-нибудь влечетъ (насъ) на судилище, пусть злословитъ, пусть, если хочешь, домогается лишить жизни. Чтожъ значитъ—нѣсколько времени потерпѣть это невинно? Но это самое, скажутъ, и есть зло. Напротивъ, пострадать невинно—это и есть добро. Что? Неужели нужно страдать не невинно? Такъ. скажу при этомъ, одинъ философъ изъ внѣшнихъ (язычниковъ), когда услышалъ, что такой-то лишенъ жизни, и когда одинъ изъ учениковъ его сказалъ: жаль, что несправедливо, обратившись
120 къ нему, сказалъ: чтожъ, тебѣ хотѣлось бы, чтобъ — справедливо [1]? И Іоаннъ (Креститель) не несправедливо ли лишенъ жизни? Кого же ты болѣе жалѣешь, того ли, кто лишенъ жизни несправедливо, или кто напротивъ? Не считаешь ли ты послѣдняго несчастнымъ, а первому не удивляешься ли? Что же несправедливаго потерпѣлъ человѣкъ, который и отъ самой смерти получилъ большую пользу, а не только что никакого вреда? Если бы (невинная смерть) дѣлала безсмертнаго смертнымъ, тогда подлинно былъ бы вредъ. Если же смертнаго, котораго по природѣ чрезъ нѣсколько времени должна постигнуть смерть, кто-нибудь поспѣшилъ предать смерти со славою, то какой здѣсь вредъ? Итакъ, пусть будетъ у насъ душа хорошо настроена, и тогда не будетъ намъ никакого вреда отвнѣ. Но ты не въ славѣ? Чтожъ изъ этого? Что мы сказали о богатствѣ, тоже и о славѣ. Если я великъ, то ни въ чемъ не буду нуждаться; а если тще-

[1]) Сократъ у Ксенофонта.

славенъ, то чѣмъ больше буду пріобрѣтать, тѣмъ большаго буду желать. Тогда-то въ особенности я и буду знатенъ и достигну большей славы, когда буду презирать славу. Итакъ, познавъ это, возблагодаримъ Христа Бога нашего, даровавшаго намъ такую жизнь, и будемъ проводить ее во славу Его, такъ какъ Ему подобаетъ слава со безначальнымъ Отцемъ и Святымъ Его Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XV.

Стефанъ же исполнь вѣры и силы творяше знаменія и чудеса веліяя въ людехъ (Дѣян. VI, 8). 119

1. Смотри, какъ и въ числѣ семи одинъ былъ главный и имѣлъ первенство. Хотя рукоположеніе было общее, но онъ, однако, получилъ большую благодать. Онъ не творилъ знаменій прежде, но когда уже сдѣлался извѣстнымъ, чтобы явно было, что для этого не довольно одной благодати, но нужно еще рукоположеніе, которое умножало (дары) Духа. Они и прежде были исполнены Духа, но то отъ купели (крещенія). *Восташа же нѣцыи отъ сонма* (ст. 9). Возстаніемъ (писатель) опять называетъ раздраженіе и гнѣвъ ихъ. Посмотри, и здѣсь великое множество (возставшихъ); но уже другой видъ обвиненія. Такъ какъ Гамаліилъ воспрепятствовалъ имъ судить апостоловъ за то (дѣло), то они взносятъ обвиненіе другого рода. *Восташа же нѣцыи отъ сонма глаголемаго Либертинска и Киринейска и Александрска и иже отъ Киликіи и Асіи, стязающеся со Стефаномъ: и не можаху противу стати премудрости и Духу, имже глаголаше. Тогда подъустиша мужы, глаголющыя, яко слышахомъ его глаголюща глаголы хульныя на Моисеа и на Бога* (ст. 9—11). Для составленія обвиненія, утверждаютъ, будто онъ говоритъ противъ Бога и Моисея. Для того и состязались съ нимъ, чтобы вынудить его сказать что-нибудь подобное. Но онъ, хотя потомъ объяснялся очень прямо, но говорилъ только о прекращеніи закона, или даже не говорилъ ясно, а только намекалъ на это, потому что, если бы онъ сказалъ объ этомъ ясно, то не было бы нужды ни въ клеветникахъ, ни въ лжесвидѣтеляхъ. Синагоги были разныя: либертинцевъ и киринейцевъ. Ки- 120
ринейцы—это тѣ, которые имѣли синагоги по ту сторону Александріи, между тамошними народами; но, можетъ быть, они жили и здѣсь (въ Іерусалимѣ), чтобы не быть въ необходимости часто приходить (сюда). А либертинцами называются римскіе вольноотпущенники. Такъ какъ здѣсь жило много иностранцевъ, то и они имѣли синагоги, въ которыхъ читали законъ и совер-

шали молитвы. Замѣть, прошу, Стефанъ начинаетъ учить, будучи вынужденъ къ тому; а они съ своей стороны возбуждаются ненавистію противъ него не только за знаменія, но и потому. что онъ превосходилъ ихъ въ словѣ, и, какъ на (человѣка) нестерпимаго для нихъ, представляютъ лжесвидѣтелей. Они не хотѣли лишать (апостоловъ) жизни просто, но по судебному приговору, чтобы и славѣ ихъ повредить, и тѣхъ, которые отступятъ отъ нихъ, привлечь на свою сторону: они надѣялись такимъ образомъ устрашить ихъ. И не сказали: *яко глаголетъ*; но: *не престаетъ глаголя*, чтобъ усилить обвиненіе. *Сподвигоша же и старцы и книжники, и нападше восхитиша его и приведоша на сонмище. Поставиша же свидѣтели ложны, глаголющыя; человѣкъ сей не престаетъ глаголы глаголя на мѣсто святое сіе и законъ* (ст. 12, 13). *Не престаетъ*, говорятъ, выражая тѣмъ, будто онъ (теперь же) дѣлаетъ это дѣло. *Слышахомъ бо его глаголюща, яко Іисусъ Назорей сей разоритъ мѣсто сіе, и измѣнитъ обычаи, яже предаде намъ Моисей* (ст. 14). *Іисусъ*, говорятъ, *Назорей*, — прибавляя для уко-
121 ризны,—*разоритъ мѣсто сіе и измѣнитъ обычаи*. Тоже говорили они, когда и Христа обвиняли: *разоряяй церковь* Божію (Мѳ. XXVII, 40). Они весьма благоговѣли предъ храмомъ, при которомъ и жить хотѣли,—также предъ именемъ Моисея. Обвиненіе, замѣть, двоякое: *разоритъ*, говорятъ, *мѣсто и измѣнитъ обычаи*. И не только двоякое, но и тяжкое, и исполненное опасностей. *И воззрѣвши нань вси сѣдящіи въ сонмищи, видѣша лице его, яко лице ангела* (ст. 15). Такъ могутъ блистать находящіеся и на низшей степени (служенія)! Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, чего у него не доставало въ сравненіи съ апостолами? Не творилъ ли и онъ знаменій? Не явилъ ли и онъ великаго дерзновенія? *Видѣша*, говоритъ (писатель), *лице его, яко лице ангела*. Это была, слѣдовательно, благодать; въ этомъ состояла и слава Моисея. Богъ содѣлалъ его исполненнымъ такой благодати, кажется мнѣ, для того, чтобы въ то время, какъ онъ намѣревался говорить, самымъ видомъ его тотчасъ поразить ихъ. Могутъ, подлинно могутъ лица, исполненныя духовной благодати, быть вожделѣнными для любящихъ и поразительными и страшными для ненавидящихъ. Или, быть можетъ, (писатель) указалъ на это, какъ на причину, почему они дозволили ему говорить рѣчь. Что же архіерей? *Аще убо*, говоритъ онъ, *сія тако суть* (VII, 1)? Видишь, какъ вопросъ его кротокъ и не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго? Поэтому и Стефанъ кротко начинаетъ свою рѣчь и говоритъ: *мужіе братіе и отцы, послушайте. Богъ славы явися отцу нашему Аврааму, сущу въ Месопотаміи, прежде даже не вселитися ему въ Харранъ* (ст. 2). Съ самаго начала онъ уже опро-

вергаетъ ихъ мнѣніе и этими словами несомнѣнно доказываетъ, что и самый храмъ и обычаи—ничто, и что они не въ состояніи остановить проповѣди, а Богъ всегда творитъ и устрояетъ все, что кажется невозможнымъ. Посмотри, какъ послѣдовательно въ рѣчи своей онъ доказываетъ, что тѣ, которые всегда пользовались особеннымъ благоволеніемъ (Божіимъ), воздали своему Благодѣтелю противнымъ и замышляютъ невозможное. *Богъ славы явися отцу нашему Аврааму и рече къ нему: изыди отъ земли твоея и пріиди въ землю, юже аще ти покажу* (ст. 3).

2. Не было ни храма, ни жертвоприношенія, но Авраамъ сподобился божественнаго видѣнія, хотя имѣлъ предками персовъ [1]) и жилъ на чуждой землѣ. И почему (Стефанъ) въ началѣ своей рѣчи назвалъ Бога *Богомъ славы?* Потому, что Онъ безславныхъ содѣлалъ славными; и для того, чтобы научить, что, если Онъ прославилъ тѣхъ, то тѣмъ болѣе прославитъ ихъ (апостоловъ). Видишь ли, какъ онъ отвлекаетъ ихъ отъ предметовъ чувственныхъ и прежде всего отъ мѣста, такъ какъ рѣчь шла о мѣстѣ? *Богъ славы.* Если Онъ—Богъ славы, то, очевидно, Онъ не имѣетъ нужды въ прославленіи отъ насъ, или посредствомъ храма; Онъ самъ есть источникъ славы. Поэтому не подумайте прославлять Его такимъ образомъ. Какъ же, скажутъ, вѣдь Писаніе говоритъ это объ отцѣ Авраама (Быт. xi, 31)? Оно не говоритъ ничего лишняго, ничего кромѣ самаго необходимаго. Что полезно было узнать, тому только оно и научило насъ, именно, что (Ѳарра) послѣ откровенія сыну вышелъ вмѣстѣ съ нимъ; а больше ничего не говоритъ о немъ, потому что онъ вскорѣ по переселеніи въ Харранъ скончался. *Изыди отъ рода твоего* (ст. 3). Этимъ Стефанъ показываетъ, что они не чада Авраама. Какимъ образомъ? Тѣмъ, что тотъ былъ послушенъ, а они непослушны; и изъ того, что онъ сдѣлалъ по повелѣнію (Божію), мы видимъ, что онъ претерпѣвалъ труды, а они лишь собираютъ плоды, между тѣмъ какъ всѣ праотцы терпѣли озлобленія. *Изшедъ отъ земли Халдейскія,* 122
вселися въ Харранъ: и оттуду, по умертвіи отца его, пресели его въ землю сію, на нейже вы нынѣ живете. И не даде ему наслѣдія въ ней, ниже стопы ногу (ст. 4, 5). Смотри, какъ онъ отвлекаетъ ихъ отъ земли; не сказалъ: дастъ, но: *не даде*, выражая тѣмъ, что все отъ Него и ничего отъ нихъ. Вѣдь (Авраамъ) вышелъ, оставивъ родныхъ и отечество. Почему же *не даде?* Потому что (эта земля) была образомъ другой, которую Богъ и обѣщалъ дать ему. Видишь ли, что не просто Стефанъ ведетъ рѣчь свою? *Не даде ему,* говоритъ, *и обѣща и сѣмени его по немъ, не сущу ему чаду* (ст. 5).

[1]) Т. е. народъ, жившій въ предѣлахъ Халдеи и Месопотаміи.

Опять отсюда открывается всемогущество Божіе и то, какъ Онъ творитъ все, что (кажется) невозможнымъ: когда Авраамъ былъ еще въ Персіи и на такомъ разстояніи, Богъ сказалъ, что Онъ сдѣлаетъ его владыкою Палестины. Но обратимся къ вышесказанному. *Воззрѣвше нань*, говорится, *видѣша лице его, яко лице ангела*. Отчего въ Стефанѣ процвѣла такая благодать? Не отъ вѣры ли? Очевидно, что такъ; о немъ выше засвидѣтельствовано, что онъ былъ исполненъ вѣры. Слѣдовательно, можно имѣть благодать и кромѣ (благодати) исцѣленій: потому и апостолъ говоритъ: *иному дарованія исцѣленій, овому дается слово премудрости* (1 Кор. XII, 8, 9). Здѣсь словами: *видѣша лице его, яко лице ангела*, кажется мнѣ, намекается на то, что онъ былъ исполненъ благодати, какъ говорится это и о Варнавѣ (Дѣян. IV, 36). Отсюда мы видимъ, что люди простые и незлобивые возбуждаютъ къ себѣ особенное удивленіе и преимущественно бываютъ исполнены благодати. *Тогда подъустиша мужи глаголющыя, яко слышахомъ его глаголюща глаголы хульныя*. Прежде объ апостолахъ говорили, что они проповѣдывали воскресеніе, и что къ нимъ стекалось множество народа; а теперь,—что они исцѣляли. О, безуміе! За что нужно было благодарить, за то осуждали,—и тѣхъ, которые были сильны дѣлами, надѣялись преодолѣть словами (какъ поступали и со Христомъ) и постоянно старались уловить ихъ въ словахъ, потому что стыдились прямо схватить ихъ, не имѣя ничего, въ чемъ бы обвинить ихъ. И посмотри, судьи не сами лжесвидѣтельствуютъ,—потому что ихъ уличили бы,—а подкупаютъ другихъ, чтобы это дѣло не показалось насиліемъ. Тоже самое, какъ видимъ, было и со Христомъ. Видѣлъ ли ты силу проповѣди, какъ она дѣйствуетъ, несмотря на то, что (проповѣдники) не только подвергаются біичеванію, но и побиваются камнями, не только ведутся на судъ, но и отвсюду изгоняются? И здѣсь, несмотря на лжесвидѣтельство, (враги) не только не преодолѣвали, но и не въ состояніи были противостоять, хотя были крайне безстыдны; съ такою силою она поражала ихъ, хотя они дѣлали много ухищреній, подобно какъ и противъ Христа, для умерщвленія Котораго употребляли всѣ свои усилія, такъ что послѣ того для всѣхъ стало ясно, что это была борьба не людей между собою, но борьба между Богомъ и людьми. Посмотри, что говорятъ лжесвидѣтели, поставленные тѣми, которые злодѣйски привлекли его въ судилище. *Слышахомъ его глаголюща глаголы хульныя на Моисеа и на Бога*. Безстыдные! Вы сами совершаете дѣла хульныя противъ Бога и не думаете объ этомъ, а притворяетесь ревнующими за Моисея? Моисей потому и поставленъ напередъ, что о Божіемъ они немного заботились; о Моисеѣ упоминаютъ и выше и ниже:

Моисей, говорятъ, *сей, иже изведе насъ* (Дѣян. VII, 40), желая тѣмъ возбудить легкомысліе народа. Какъ человѣкъ богохульный могъ бы остаться побѣдителемъ? Какъ человѣкъ богохульный могъ бы 123
творить такія знаменія въ народѣ? Но такова зависть; она подвергшихся ей дѣлаетъ безумными, такъ что они даже не понимаютъ, что говорятъ. *Слышахомъ*, говорятъ, *его глаголюща глаголы хульныя на Моисеа и на Бога;* и далѣе: *человѣкъ сей не престаетъ глаголы глаголя на мѣсто святое сіе и законъ*, и прибавляютъ: *яже предаде намъ Моисей*, а не Богъ (VI, 11—14).

3. Видишь ли, какъ обвиняютъ его въ нарушеніи общественнаго порядка и въ нечестіи? Но что ему не свойственно было говорить это и быть такъ дерзкимъ, это очевидно для всякаго; и самое лице его отличалось кротостію. Такъ, когда не клеветали (на апостоловъ), то Писаніе не говоритъ ничего подобнаго; а какъ здѣсь все—клевета, то Богъ естественно опровергаетъ ее и самымъ видомъ его. На апостоловъ не клеветали, но имъ запрещали; а на Стефана клевещутъ; потому прежде всего самое лице защищаетъ его. Можетъ быть, оно-то пристыдило и архіерея. Выраженіемъ: *обѣща* Стефанъ указываетъ на то, что обѣтованіе дано было прежде мѣста, прежде обрѣзанія, прежде жертвы, прежде храма, и что они не по достоинству своему получили и обрѣзаніе, и законъ, но что единственно за послушаніе (Авраамово) наградою была эта земля, и даже исполненіе обѣтованія произошло еще прежде установленія обрѣзанія; что все это были прообразы, и оставленіе отечества и родныхъ по повелѣнію Божію (тамъ вѣдь и отечество, куда приведетъ Богъ), и неполученіе здѣсь наслѣдія; что іудеи (отрасль) персовъ, если надлежащимъ образомъ изслѣдовать; что словамъ Божіимъ должно повиноваться и безъ знаменій, хотя бы и встрѣтилось что-нибудь прискорбное, такъ какъ и патріархъ оставилъ гробъ отца и все изъ повиновенія Богу. Если же отецъ его не сопутствовалъ ему при переселеніи его въ Палестину, потому что не вѣровалъ (въ истиннаго Бога), то тѣмъ болѣе потомки не будутъ участвовать въ этомъ, хотя бы они прошли и большую часть пути, потому что не подражали добродѣтели праотца. *И обѣща*, говоритъ, *дати ему ю и сѣмени его по немъ*. Здѣсь указывается и великое человѣколюбіе Божіе, и вѣра Авраама. Увѣренность Авраама въ этомъ, еще *не сущу ему чаду*, доказываетъ и послушаніе, и вѣру его, хотя обстоятельства представляли противное, т. е., по пришествіи онъ не получилъ ни *стопы ногу*, не имѣлъ и сына, что могло препятствовать вѣрѣ. Зная это, будемъ и мы принимать все, что обѣщаетъ Богъ, хотя бы иногда и случалось противное; впрочемъ, у насъ не бываетъ противнаго, но все совершенно послѣдовательно. Гдѣ обѣщаютъ

(одно пріятное), а между тѣмъ случается напротивъ, тамъ дѣйствительно бываетъ противное; а у насъ наоборотъ: здѣсь Онъ обѣщалъ скорби, а тамъ блаженство. Зачѣмъ же смѣшивать (различныя) времена? Зачѣмъ горпее дѣлать дольнимъ? Скажи мнѣ, ты скорбишь, что живешь въ бѣдности и смущаешься отъ этого? Не смущайся; достойно скорби то, если тамъ тебѣ придется мучиться; а настоящая скорбь можетъ быть причиною блаженства.
124 *Сія болѣзнь*, говоритъ (Господь), *нѣсть къ смерти* (Іоан. XI, 4). Будущая скорбь есть наказаніе, а настоящая—вразумленіе и исправленіе. Настоящая жизнь есть время борьбы; слѣдовательно, нужно бороться; здѣсь война и брань. На войнѣ никто не ищетъ покоя, на войнѣ никто не думаетъ объ удовольствіяхъ, никто не заботится объ имуществѣ, никто не безпокоится о женѣ; но печется только объ одномъ, какъ бы одолѣть враговъ. Такъ будемъ поступать и мы. И если мы побѣдимъ и возвратимся съ трофеями, то Богъ подастъ намъ все. Объ одномъ только намъ надобно стараться, какъ бы одолѣть діавола; а лучше сказать, и это не есть дѣло нашихъ усилій, но все—благодати Божіей. Объ одномъ только намъ надобно стараться, чтобы пріобрѣсти благодать Его, чтобы стяжать себѣ помощь Его. *Аще Богъ по насъ, кто на ны*, говорится (Рим. VIII, 31). Объ одномъ только будемъ стараться, чтобы Онъ не сталъ врагомъ нашимъ, чтобы Онъ не отвратился отъ насъ.

4. Не перенесеніе бѣдствій есть зло, но грѣхъ—зло. Онъ великое бѣдствіе, хотя бы мы жили въ удовольствіяхъ; не говорю, въ будущей жизни, но и въ настоящей. Что,—думаешь,—значитъ испытывать угрызенія совѣсти? Не хуже ли это всякой пытки? Я хотѣлъ бы тщательно разспросить живущихъ во злѣ, не помышляютъ ли они иногда о своихъ грѣхахъ, не трепещутъ ли они при этомъ, не страшатся ли, не скорбятъ ли, не ублажаютъ ли тѣхъ, которые живутъ въ постѣ, въ горахъ, въ любомудріи? Ты хочешь получить блаженство тамъ? Потерпи здѣсь ради Христа; ничто не можетъ сравняться съ этимъ блаженствомъ. Апостолы радовались, когда ихъ подвергали бичеванію. Къ этому увѣщеваетъ и Павелъ, когда говоритъ: *радуйтеся о Господѣ* (Фил. IV, 4). Какъ можно, скажутъ, радоваться тамъ, гдѣ узы, гдѣ пытки, гдѣ судилища? Здѣсь-то въ особенности и можно радоваться. А какъ можно радоваться при этихъ условіяхъ, послушай. Кто ничего не знаетъ за собою, тотъ всегда будетъ въ великой радости, такъ что, чѣмъ больше будешь говорить ему о бѣдствіяхъ, тѣмъ больше доставишь ему удовольствія. Вотъ, скажи мнѣ, воинъ, получившій множество ранъ и окончившій брань, не съ великимъ ли удовольствіемъ будетъ возвращаться домой, имѣя въ самыхъ ранахъ основаніе къ своему ободренію,

славѣ и знаменитости? И ты, если бы могъ сказать то же, что сказалъ Павелъ: *азъ язвы Іисуса ношу* (Гал. VI, 17), то могъ бы сдѣлаться великимъ, славнымъ и знаменитымъ. Но теперь нѣтъ гоненій? Возстань противъ тщеславія; если кто скажетъ противъ тебя что-нибудь, не убойся выслушать о себѣ худое ради Христа. Возстань противъ тираніи, гордости; возстань противъ нападеній гнѣва, противъ мукъ вожделѣнія; и это—раны, и это—мученія. Скажи мнѣ, какое изъ мученій всѣхъ ужаснѣе? Не то ли, когда душа мучится и терзается? Тамъ (въ тѣлесныхъ мученіяхъ) страдаетъ больше тѣло, а здѣсь все относится къ душѣ. Она болѣзнуетъ, когда (человѣкъ) гнѣвается, завидуетъ или что-нибудь подобное дѣлаетъ, или лучше сказать—когда страдаетъ: вѣдь имѣть гнѣвъ, зависть,—не значитъ дѣйствовать, но страдать (πάσχειν); потому и называются страстями (πάθη) души, ранами, язвами. Подлинно, это страданіе, и даже ужаснѣе страданія.

Поймите же, гнѣвающіеся, что вы дѣлаете это по страсти. Слѣдовательно, кто не гнѣвается, тотъ не страдаетъ. Видишь ли, 125
что не тотъ страдаетъ, кто терпитъ обиды, а тотъ, кто наноситъ ихъ, о чемъ я уже говорилъ? А что онъ дѣйствительно страдаетъ, это видно и изъ того, что такое состояніе называется страстію, и изъ самаго тѣла его, такъ какъ отъ гнѣва рождаются болѣзни: тупость зрѣнія, сумасшествіе и многія другія. Но, скажешь, онъ оскорбилъ моего сына, моего слугу? Не подумай, что съ твоей стороны будетъ слабость, если и самъ ты не сдѣлаешь того же. Скажи мнѣ, хорошо ли это было бы? Нельзя, думаю, сказать, (что хорошо); поэтому не дѣлай того, что не хорошо. Знаю, какія являются при этомъ гнѣвныя движенія. А что, скажешь, если онъ окажетъ презрѣніе, или опять будетъ досаждать? *Обличи, запрети, умоли* (2 Тим. IV, 2); гнѣвъ побѣждается кротостію; пришли къ нему и обличи. Впрочемъ, за себя самихъ и этого не должно дѣлать, но за прочихъ дѣлать это необходимо. Оскорбленія, нанесеннаго твоему сыну, не считай обидой себѣ самому: пожалѣй также и о томъ, но не такъ, какъ бы ты самъ былъ оскорбленъ; когда сынъ твой потерпѣлъ зло, то не ты пострадалъ, а тотъ, кто совершилъ зло. Укроти (гнѣвъ)—этотъ острый мечъ; пусть онъ остается въ ножнахъ. Если мы обнажимъ его, то, увлекаясь имъ, часто будемъ употреблять его и безвременно; а если онъ будетъ скрытъ, то хотя бы и случилась нужда, гнѣвъ укротится. Христосъ не желаетъ, чтобы мы гнѣвались даже за Него; послушай, что Онъ сказалъ Петру: *возврати ножъ твой въ мѣсто его* (Мѳ. XXVI, 52); а ты гнѣваешься за сына? Научи и сына быть любомудрымъ; разскажи ему о страданіяхъ Господа;

подражай твоему Учителю. Когда апостоламъ предстояло терпѣть поношенія, Онъ не сказалъ: Я отомщу; но что? *Мене изгнаша, и васъ изженутъ*. Поэтому терпите мужественно; вы не больше Меня (Іоан. xv, 20). Тоже скажи и ты своему сыну и рабу: ты не больше господина твоего. Но эти внушенія любомудрія кажутся недостаточными? Увы, словомъ нельзя выразить такъ, какъ можно научиться самымъ опытомъ. Когда ты стоишь между двумя враждующими сторонами, то будь на сторонѣ обижаемыхъ, а не обижающихъ,—и узнаешь, не будетъ ли на твоей сторонѣ побѣда, не получишь ли блистательныхъ вѣнцовъ. Посмотри, какъ Богъ, будучи оскорбляемъ, отвѣчаетъ кротко и милостиво: *гдѣ есть*, говоритъ Онъ, *Авель братъ твой?* Что же отвѣчаетъ Каинъ? *Еда стражъ брату моему есмь азъ* (Быт. iv, 9)? Что надменнѣе этого отвѣта? Если бы даже отъ сына кто-нибудь услышалъ это, или отъ брата, не принялъ ли бы такого поступка за оскорбленіе? Но Богъ опять кротко отвѣчаетъ: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ*. Но Богъ, скажешь, выше гнѣва? Для того-то и снизошелъ Сынъ Божій, чтобы сдѣлать тебя богоподобнымъ, насколько это возможно для человѣка. Но это, скажешь, невозможно для меня, какъ для человѣка? Такъ мы представимъ тебѣ въ примѣръ людей же. И не подумай, что я укажу на Павла или Петра; нѣтъ, на людей меньше и гораздо ниже ихъ. Рабъ Илія оскорбилъ Анну, сказавъ: *отъими вино твое*. Что обиднѣе этого? Но что она? *Жена въ жестокъ день азъ есмь* (1 Цар. 1, 14). Подлинно, нѣтъ ничего лучше скорби: она мать любомудрія. Эта самая жена, имѣя у себя соперницу, не оскорбила ея; но что? Прибѣгаетъ къ Богу и во время молитвы даже не вспоминаетъ о ней, не говоритъ: меня оскорбляетъ такая-то, отомсти ей за меня; такого-то любомудрія была исполнена жена (устыдимся же мы—мужи), хотя вы знаете, что нѣтъ ничего равнаго ревности.

5. Мытарь, оскорбленный фарисеемъ, не воздалъ ему оскорбленіемъ, хотя бы и могъ, если бы захотѣлъ; но съ любомудріемъ перенесъ это, сказавъ: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику* (Лук. xviii, 13).
126 Мемфиваалъ, обвиненный и оклеветанный рабомъ, не сказалъ и не сдѣлалъ ему ничего худого, даже предъ самимъ царемъ (2 Цар. xvi, 3; ср. 1 Парал. viii, 35). Хочешь ли услышать о любомудріи и блудницы? Послушай, что говорилъ Христосъ, когда она отирала ноги Его волосами своими: *мытари и любодѣйцы варяютъ вы въ царствіи Божіи* (Мѳ. xxi, 31). Ты знаешь, какъ она стояла, плакала и омывала грѣхи свои? Посмотри же, какъ она не гнѣвалась на фарисея, будучи имъ оскорбляема. *Сей*, говоритъ онъ, *аще бы вѣдалъ*, что эта жена есть *грѣшница*, не допустилъ бы ее къ Себѣ

(Лук. VII, 39). Но она не сказала ему: что, скажи мнѣ, самъ ты чистъ ли отъ грѣховъ?—а еще болѣе сокрушалась, болѣе скорбѣла и проливала болѣе горячія слезы. Если же и женщина, и мытари, и блудницы любомудрствуютъ, и, притомъ, прежде (полученія) благодати, то какого прощенія удостоимся мы, когда при такой благодати хуже дикихъ звѣрей враждуемъ, угрызаемъ и терзаемъ другъ друга?

Нѣтъ ничего постыднѣе гнѣва: ничего безчестнѣе, ничего ужаснѣе, ничего непріятнѣе, ничего вреднѣе его. Говорю это не къ тому, чтобы мы были кротки только въ отношеніи къ мужамъ, но чтобы ты терпѣлъ, если бы и жена досаждала тебѣ словами. Пусть и жена будетъ для тебя поприщемъ борьбы и училищемъ. Не безумно ли заниматься упражненіями, не приносящими никакой пользы и даже изнуряющими тѣло, а домъ свой не дѣлать училищемъ, которое доставляетъ намъ вѣнецъ прежде подвиговъ? Жена оскорбляетъ тебя? Не будь самъ женщиной: вѣдь оскорблять свойственно женщинѣ: это—болѣзнь души, порокъ. Не сочти безчестнымъ для себя, когда жена оскорбитъ тебя. Безчестно, если ты оскорбляешь ее, а она любомудрствуетъ; тогда ты поступаешь низко, тогда ты терпишь вредъ: если же ты, будучи оскорбляемъ, терпишь, то это—великое доказательство твоей силы. Говорю это не къ тому, чтобы расположить женщинъ къ нанесенію обидъ,—да не будетъ!—но къ тому, чтобъ, если бы когда и случилось это по наущенію сатанинскому, то вы терпѣли бы. Мужамъ, какъ сильнымъ, свойственно переносить (обиды отъ) слабыхъ. Если и слуга будетъ противорѣчить, ты перенеси съ любомудріемъ: не то, чего онъ заслужилъ отъ тебя, говори и дѣлай, но—что тебѣ нужно говорить и дѣлать. Никогда, въ оскорбленіе дѣвицы, не произноси срамного слова; никогда не называй раба подлымъ, потому что этимъ ты унижаешь не его, а себя. Невозможно гнѣвающемуся не выйти изъ себя, подобно морю, когда оно волнуется, или источнику остаться чистымъ, когда въ него откуда-нибудь бросаютъ грязь: такъ все здѣсь перемѣшивается, или, лучше сказать, все становится вверхъ дномъ! Если ты кого-нибудь ударилъ или разорвалъ на немъ одежду, то причинилъ больше вреда себѣ самому; у него рана остается на тѣлѣ и одеждѣ, у тебя же на душѣ. Ее ты растерзалъ, ее ты поразилъ; всадника повергъ подъ ноги лошадей, сдѣлалъ то, что онѣ влачатъ его, ниспровергнутаго навзничь; и происходитъ тоже, какъ если возница, разсердившись на другого, самъ потомъ влачится (по землѣ). Когда ты наказываешь или вразумляешь, или дѣлаешь что-нибудь подобное, (дѣлай) безъ ярости и гнѣва. Если наказывающій есть врачъ согрѣшающаго, то какъ онъ можетъ исцѣ-

лить другого, причинивъ напередъ зло себѣ и не исцѣляя самого себя? Скажи мнѣ, если какой-либо врачъ пойдетъ лѣчить другого, поранивъ напередъ руку у себя или ослѣпивъ напередъ свои глаза,—неужели въ такомъ состояніи онъ исцѣлитъ другого? Нѣтъ, скажешь. Такъ точно и ты, когда кого наказываешь или вразумляешь, то пусть свѣтло смотрятъ глаза твои. Не возмути ума
127 своего,—иначе какъ совершишь ты исцѣленіе? А онъ не можетъ быть одинаково спокоенъ у человѣка не гнѣвающагося и разгнѣваннаго. Зачѣмъ, ниспровергнувъ учителя съ его сѣдалища, совѣтуешься съ нимъ, лежащимъ на землѣ? Не видишь ли, какъ судьи, намѣреваясь производить судъ, садятся на своемъ сѣдалищѣ и въ одеждѣ благопристойной? Такъ поступи и ты: укрась душу свою одеждой судіи (а она есть кротость), и тогда садись производить судъ на своемъ сѣдалищѣ. Но, скажешь, не будетъ
128 бояться? Нѣтъ, гораздо больше убоится. Въ противномъ случаѣ, хотя бы ты сказалъ и правду, рабъ припишетъ это гнѣву, а если (скажешь) кротко, то онъ осудитъ самъ себя; главное же, ты сдѣлаешь угодное Богу, и такимъ образомъ сподобишься вѣчныхъ благъ, — по благодати, щедротамъ и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVI.

127 **Глагола же сице Богъ, глаголяй, яко будетъ сѣмя его пришелцы въ земли чуждей и поработятъ е, и озлобятъ, лѣтъ четыреста. И языку, емуже поработаютъ, сужду азъ, рече Богъ: и по сихъ изыдутъ и послужатъ ми на мѣстѣ семъ (Дѣян. VII, 6, 7).**

1. Смотри, за сколько лѣтъ (дано) это обѣтованіе и каковъ образъ обѣтованія, тогда какъ (не было) ни жертвы, ни обрѣзанія. Здѣсь Стефанъ показываетъ, что самъ Богъ попустилъ іудеямъ пострадать и что (враги ихъ) не останутся безъ наказанія. *И языку, емуже поработаютъ, сужду азъ, рече Богъ*. Видишь ли? Обѣщавшій и даровавшій землю сперва попускаетъ бѣдствія. Такъ и теперь: обѣщавъ царствіе, Онъ попускаетъ испытывать искушенія. Если здѣсь чрезъ четыреста лѣтъ свобода, то что удивительнаго, если не иначе бываетъ и съ царствіемъ? Богъ, однако, исполнилъ (Свое обѣтованіе) и отъ продолжительнаго времени слово Его не оказалось ложнымъ, хотя они (іудеи) терпѣли не легкое рабство. Стефанъ не останавливается на одникъ наказаніяхъ ихъ, но возвѣщаетъ и о дарованныхъ имъ благахъ. Этимъ, кажется мнѣ, онъ

напоминаетъ имъ о полученныхъ ими благодѣяніяхъ. *И даде ему завѣтъ обрѣзанія, и тако роди Исаака* (ст. 8); и потомъ далѣе прибавляетъ: *и обрѣза его въ день осмый: и Исаакъ Іакова и Іаковъ дванадесять патріархъ. И патріарси, позавидѣвше Іосифу, продаша его во Египетъ* (ст. 8, 9). Тоже было и со Христомъ, такъ какъ Іосифъ былъ прообразомъ Его. Это имѣя въ виду, Стефанъ и излагаетъ вполнѣ его исторію. Они не могли ни въ чемъ обвинить его, но дурно поступили съ нимъ, когда онъ пришелъ къ нимъ съ пищею. Посмотри, и здѣсь также обѣтованіе отдаленное, но, несмотря на то, наконецъ исполняется. *И бѣ Богъ съ нимъ*; и, притомъ, изъ-за нихъ: *и изъятъ его отъ всѣхъ скорбей его* (ст. 10). Здѣсь онъ показываетъ, что они, сами того не зная, содѣйствовали (исполненію) пророчества и сами были виновниками того, а бѣдствія обратились на нихъ же самихъ. *И даде ему благодать и премудрость предъ фараономъ царемъ египетскимъ* (ст. 10). *Даде благодать*, и это предъ царемъ языческимъ, рабу и плѣннику; его братья продали, а тотъ почтилъ. *Пріиде же гладъ на всю землю Египетскую и Ханааню, и скорбь велія: и не обрѣтаху сытости отцы наши. Слышавъ же Іаковъ сущую пшеницу во Египтѣ, посла отцы наша первѣе. И внегда второе пріидоша, познанъ бысть Іосифъ братіи своей* (ст. 11—13). Они пришли купить (хлѣба) и имѣли въ немъ нужду. Что же онъ? Онъ не только въ этой нуждѣ проявилъ имъ человѣколюбіе, но и объявилъ о томъ фараону и переселилъ ихъ туда. *И явѣ бысть фараону родъ Іосифовъ. Пославъ же Іосифъ, призва* 128
отца своего Іакова и все сродство свое, седмьдесять и пять душъ. Сниде же Іаковъ во Египетъ и скончася самъ и отцы наши. И принесени быша въ Сихемъ, и положени быша во гробѣ, егоже купи Авраамъ цѣною сребра отъ сыновъ Еммора Сихемова. И якоже приближашеся время обѣтованія, имже клятся Богъ Аврааму, возрастоша людіе и умножишася во Египтѣ, дондеже воста царь инъ во Египтѣ, иже не знаше Іосифа (ст. 13—18). Еще новая неожиданность: первая—голодъ, вторая—та, что они впали въ руки брата, а третья—та, что царь издалъ повелѣніе умерщвлять (потомковъ ихъ): и однако они спаслись отъ всего этого. Показывая (въ этомъ) премудрость Божію, (Стефанъ) говоритъ далѣе: *въ неже время родися Моисей и бѣ угоденъ Богови* (ст. 20). Если удивительно, что Іосифъ былъ проданъ братьями, то еще болѣе удивительно, что царь воспиталъ того, кто впослѣдствіи ниспровергъ царство его, (воспиталъ) самъ, долженствовавшій погибнуть отъ него.

Видишь ли, какъ въ (Писаніи) почти вездѣ предызображается воскресеніе мертвыхъ? Подлинно, не все равно, совершается ли что-нибудь отъ самого Бога, или происходитъ отъ воли человѣческой. А это произошло не отъ воли человѣческой.

Бѣ же силенъ въ словесѣхъ и дѣлахъ (ст. 22). Этими словами выражаетъ, что онъ былъ ихъ избавитель, а они—неблагодарны къ благодѣтелю. Какъ тогда (братья) были избавлены пострадавшимъ Іосифомъ,—такъ и теперь они избавлены пострадавшимъ, т. е., Моисеемъ. Что изъ того, если они не умертвили его самымъ дѣломъ? Они, подобно тѣмъ, умертвили его словомъ. Тѣ продали (Іосифа) изъ своей страны въ другую, чужую; а эти изгоняютъ (Моисея) изъ страны чужой въ чужую: тамъ—принесшаго пищу, а здѣсь—руководившаго ихъ къ Богу. Такъ и въ этихъ событіяхъ открывается справедливость сказаннаго Гамаліиломъ: *аще отъ Бога есть, не можете разорити то* (Дѣян. v, 39). Ты же видя, какъ гонимые бываютъ виновниками спасенія гонителей, удивляйся премудрости и разуму Божію. Если бы первые не были гонимы, то послѣдніе не спаслись бы. Насталъ голодъ, и они не погибли; и не только не погибли, но были спасены тѣмъ самымъ, кого хотѣли погубить. Вышло царское повелѣніе, и не истребило ихъ; но тогда болѣе и умножались они, когда умеръ (царь), знавшій ихъ. Они хотѣли погубить своего избавителя, и не имѣли въ этомъ успѣха.

2. Видишь ли, какъ чрезъ то самое, чѣмъ діаволъ старался сдѣлать тщетнымъ обѣтованіе Божіе, оно еще болѣе исполнялось? Тогда-то и слѣдовало имъ сказать, что Богъ премудръ и си-
129 ленъ—извести насъ оттуда. Премудрость Божія въ томъ особенно открывалась, что и среди гоненій народъ умножался, будучи порабощенъ, озлобляемъ и умерщвляемъ. Такъ велика сила обѣтованія! Вѣдь если бы они умножились въ своей странѣ, то это было бы не столь удивительно. И не малое время они жили въ чужой странѣ,—четыреста лѣтъ. Отсюда мы узнаемъ, сколь великое они обнаружили любомудріе,—потому что (египтяне) обращались съ ними, не какъ господа съ рабами, но какъ враги и притѣснители. Поэтому Богъ и предсказалъ имъ, что они получатъ совершенную свободу: это именно означаютъ слова: *послужатъ ми* и *по сихъ изыдутъ*, и притомъ не безъ наказанія (враговъ ихъ) (ст. 7). И посмотри, какъ Онъ, повидимому, нѣчто предоставляетъ обрѣзанію, а между тѣмъ ничего не даруетъ ему; обѣтованіе (дано) прежде него, а оно послѣ того. *И патріарси*, говоритъ (Стефанъ), *позавидѣвше*; Іосифъ же не вредитъ имъ за то, а благодѣтельствуетъ. *Патріархами* онъ называетъ праотцевъ, такъ какъ (іудеи) и ими много гордились; а съ другой стороны, показываетъ этимъ, что и святые не были свободны отъ скорбей, но и среди скорбей получали помощь. Они же не только не облегчали (ихъ скорбей), но еще содѣйствовали врагамъ ихъ, тогда какъ должны были бы, напротивъ, прекращать эти скорби.

Какъ (тѣ) сдѣлали Іосифа очень знаменитымъ, продавши его, такъ и царь—Моисея, повелѣвъ умерщвлять младенцевъ. Если бы онъ не повелѣлъ этого, то и того не было бы.

И посмотри на дѣйствія Промысла Божія. Тотъ изгоняетъ Моисея, а Богъ, устрояя будущее, не препятствуетъ этому, чтобы онъ тамъ сдѣлался достойнымъ (божественнаго) видѣнія. Такъ и проданнаго въ рабство дѣлаетъ правителемъ тамъ, гдѣ почитали его рабомъ. Какъ (Іосифъ) дѣлается правителемъ тамъ, куда его продали, такъ и Христосъ являетъ силу въ смерти; и это не было только знакомъ чести, но слѣдствіемъ собственнаго (Его) могущества. Впрочемъ, обратимся къ вышесказанному. *И постави его начальника надъ Египтомъ и надъ всѣмъ домомъ своимъ* (ст. 10). Смотри, что устрояетъ (Богъ) посредствомъ голода. Въ числѣ *седмидесяти и пяти душъ*, говоритъ, *сниде Іаковъ во Египетъ, и скончася самъ и отцы наши: и принесени быша въ Сихемъ, и положени быша во гробѣ, егоже купи Авраамъ цѣною сребра отъ сыновъ Еммора Сихемова* (ст. 14—16). Этимъ показываетъ, что они дотолѣ не были владѣтелями гробницы. *И якоже приближашеся время обѣтованія, имже клятся Богъ Аврааму, возрастоша людіе и умножишася во Египтѣ, дондеже наста царь инъ во Египтѣ, иже не знаше Іосифа* (ст. 17, 18). Замѣть, что не въ теченіе стольких лѣтъ Богъ умножалъ ихъ, но когда уже имѣлъ приблизиться конецъ, хотя всего они прожили въ Египтѣ четыреста и болѣе лѣтъ. Это-то и удивительно. *Сей*, говоритъ, *злѣ умысливъ о родѣ нашемъ, озлоби отцы наши, дабы извергали младенцы своя, во еже не быти имъ живымъ* (ст. 19). Словами: *злѣ умысливъ* указываетъ на тайное убійство; (царь) не хотѣлъ убивать ихъ явно; для выраженія этого онъ и прибавилъ: *дабы извергали младенцы. Въ неже время родися Моисей и бѣ угоденъ Богови*. То удивительно, что будущій избавитель рождается не прежде и не послѣ, но среди самаго бѣдствія. *Иже питанъ бысть мѣсяцы три въ дому отца своего* (ст. 20). Когда же всѣ человѣческія надежды истощились, и когда 130
онъ былъ брошенъ, тогда явилось во всемъ свѣтѣ домостроительство Божіе. *Изверженна же его взятъ его дщи Фараонова, и воспита и себѣ въ сына* (ст. 21). Еще не было нигдѣ ни храма, ни жертвоприношенія, хотя уже совершилось столько дѣйствій (Промысла Божія); и былъ онъ воспитанъ въ домѣ языческомъ. *И наказанъ бысть Моисей всей премудрости египетстѣй: бѣ же силенъ въ словесѣхъ и дѣлахъ* (ст. 22). Меня удивляетъ то, какъ онъ, живя тамъ сорокъ лѣтъ, не былъ узнанъ по обрѣзанію; а еще болѣе, какъ и онъ и Іосифъ, живя въ безопасности, не заботились о себѣ самихъ, чтобы спасти другихъ. *Егда же исполняшеся ему лѣтъ четыредесятихъ время, взыде на сердце ему посѣтити братію свою*

сыны Израилевы. И видѣвъ нѣкоего обидима, пособствова и сотвори отмщеніе обидимому, убивъ Египтянина. Мняше бо разумѣти братіямъ своимъ, яко Богъ рукою его дастъ имъ спасеніе: они же не разумѣша (ст. 23—25). Замѣть, (Стефанъ) доселѣ не дѣлается нестерпимымъ (для слушателей своихъ), но когда говоритъ это, они продолжаютъ слушать его: такъ увлекла ихъ благодать на лицѣ его! *Мняше*, говоритъ, *разумѣти братіямъ своимъ*. Хотя защита была оказана на самомъ дѣлѣ, и здѣсь не нужно было разсуждать, но при всемъ томъ они не поняли. Видишь ли, какъ кротко онъ бесѣдуетъ и какъ, показавъ гнѣвъ (Моисея) на одного, выражаетъ и кротость его въ отношеніи къ другому? *Во утрій же день явися имъ тяжущымся, и привлачаше ихъ въ примиреніе, рекъ: мужіе, братія есте вы, вскую обидите другъ друга? Обидяй же ближняго отрину его, рекъ: кто тя постави князя и судію надъ нами? Еда убити ты мя хощеши, имже образомъ убилъ еси вчера Египтянина* (ст. 26—28)? Въ томъ же духѣ и почти тоже они говорили и противъ Христа: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. XIX, 15). Такъ обычно всегда поступали іудеи, даже и когда получали благодѣянія. Видѣлъ ли ты ихъ безуміе? Того, кто имѣлъ избавить ихъ, укоряютъ, говоря: *имже образомъ убилъ еси вчера Египтянина. Бѣжа же Моисей о словеси семъ, и бысть пришлецъ въ земли Мадіамстѣй, идѣже роди сына два* (ст. 29). Убѣжалъ, но и бѣгство не воспрепятствовало домостроительству (Божію), равно какъ и (угрожавшая ему) смерть. *И исполнившымся лѣтомъ четыредесятимъ, явися ему въ пустыни горы Синайскія ангелъ Господень въ пламени огненнѣ въ купинѣ* (ст. 30).

3. Видишь ли, какъ это домостроительство не останавливается временемъ? Когда онъ былъ бѣглецомъ и странникомъ, когда уже много времени провелъ въ чужой странѣ и имѣлъ уже двоихъ дѣтей, когда уже и не надѣялся возвращаться оттуда, тогда является ему ангелъ. Ангеломъ, равно какъ (иногда) и человѣкомъ, (Писаніе) называетъ Сына Божія. И гдѣ является? Въ пустынѣ, а не въ храмѣ. Видишь ли, какія совершаются чудеса, и еще нигдѣ не было ни храма, ни жертвоприношенія? И здѣсь, въ пустынѣ, (является) не просто, но въ купинѣ. *Моисей же видѣвъ дивляшеся видѣнію: приступающу же ему разумѣти, бысть гласъ Господень къ нему* (ст. 31); вотъ онъ удостоился и гласа. *Азъ Богъ отецъ твоихъ, Богъ Авраамовъ и Богъ Исааковъ и Богъ Іаковль* (ст. 32). Этимъ (Стефанъ) выражаетъ не только то, что явившійся Моисею ангелъ былъ *велика совѣта ангелъ* (Ис. IX, 6), но показываетъ и человѣколюбіе, какое Богъ проявляетъ въ этомъ видѣніи. *Трепетенъ же бывъ Моисей, не смѣяше смотрити. Рече же ему Господь: иззуй сапоги ногу твоею: мѣсто бо, на немже*

стоиши, земля свята есть (ст. 32, 33). Храма нѣтъ, и однако это
мѣсто свято отъ явленія и дѣйствія Христова. Оно даже чудес- 131
нѣе мѣста во святомъ святыхъ, потому что здѣсь Богъ никогда
не являлся такимъ образомъ, и Моисей никогда не былъ такъ
объятъ трепетомъ. Видѣлъ ли ты человѣколюбіе (Божіе)? По-
смотри затѣмъ и на промышленіе Его. *Видя видѣхъ*, говоритъ,
*озлобленіе людей моихъ, иже во Египтѣ, и стенаніе ихъ услышахъ,
и снидохъ изъяти ихъ: и нынѣ гряди, послю тя во Египетъ* (ст.
34). Посмотри, какъ (Стефанъ) показываетъ, что (Богъ) руково-
дилъ ихъ и благодѣяніями, и наказаніями, и чудесами, а они
остались тѣми же. Отсюда мы узнаемъ, что Богъ вездѣсущъ.
Слыша это, будемъ и мы прибѣгать къ Нему въ скорбяхъ. *И
стенаніе ихъ*, говоритъ, *услышахъ*. Не просто, говоритъ, *услышахъ*,
но по причинѣ ихъ страданій. Если же кто спроситъ: для чего
Богъ допустилъ имъ такъ страдать?—тотъ пусть знаетъ, что
всякій праведникъ въ особенности за страданія бываетъ удостои-
ваемъ наградъ; или для того Онъ попустилъ имъ страдать,
чтобы и свою силу явить чрезъ это во всемъ свѣтѣ, и ихъ
этими страданіями научить—во всемъ любомудрствовать. По-
смотри, когда они были въ пустынѣ, тогда не только они *утыли,
утолстѣли, расширѣли*, но и *отступили отъ Бога* (Втор. xxxii, 15).
Беззаботная жизнь, возлюбленный, всегда есть зло! Потому и
въ началѣ (Богъ) говорилъ Адаму: *въ потѣ лица твоего снѣси
хлѣбъ твой* (Быт. iii, 19). Итакъ, чтобы они, вмѣсто великихъ
страданій пользуясь беззаботною жизнію, не сдѣлались пороч-
ными, Онъ попускаетъ имъ претерпѣвать скорби: скорбь есть
великое благо.

А что скорбь—благо, послушай Давида, который говоритъ:
благо мнѣ, яко смирилъ мя еси (Пс. cxviii, 71). Если же скорбь
есть великое благо для мужей великихъ и чудныхъ, то тѣмъ
болѣе для насъ. Если хотите, разсмотримъ эту скорбь и саму
по себѣ. Представимъ, что кто-нибудь чрезмѣрно радуется, ве-
селится и заливается (смѣхомъ): что безобразнѣе, что безумнѣе
этого? Другой кто-нибудь пусть печалится и скорбитъ: что лю-
бомудрѣе этого? Поэтому и Премудрый внушаетъ: *благо ходити
въ домъ плача, нежели ходити въ домъ пира* (Еккл. vii, 3). Можетъ
быть, вы смѣетесь надъ этими словами? Но вспомнимъ, каковъ
былъ Адамъ въ раю, и каковъ послѣ того; каковъ былъ Каинъ
прежде (убійства), и каковъ послѣ. Душа веселящагося не
остается на своемъ мѣстѣ; но, какъ бы какимъ вѣтромъ, увле-
кается удовольствіемъ, становится легкомысленною и не имѣетъ
ничего твердаго. Она бываетъ легка на вымыслы, скора на обѣ-
щанія, и великая въ ней буря помысловъ. Отсюда —неумѣстный

смѣхъ, безотчетная веселость, излишній потокъ рѣчей и большое пустословіе. Но что я говорю о прочихъ? Представимъ кого-нибудь изъ святыхъ и посмотримъ, каковъ онъ былъ среди удовольствія и каковъ, въ свою очередь, во время печали. Посмотримъ, если хотите, на Давида. Когда онъ жилъ въ удовольствіи и радости по причинѣ множества трофеевъ, побѣдъ, вѣнцевъ, роскоши и самоувѣренности, тогда, посмотри, что онъ сказалъ и сдѣлалъ? *Азъ же рѣхъ во обиліи моемъ: не подвижуся во вѣкъ* (Пс. xxix, 7). Когда же находился въ скорби, то послушай, что онъ говоритъ: *и аще тако речетъ мнѣ: не благоволихъ въ тебѣ, се азъ есмь, да сотворитъ ми по благому предъ очима своима* (2 Цар. xv, 26). Что любомудрѣе этихъ словъ? Пусть будетъ такъ, говоритъ, какъ угодно Богу. Также и Саулу онъ говорилъ: *аще Богъ поощряетъ тя на мя, да будетъ благовонна жертва твоя* (1 Цар. xxvi, 19). Когда былъ въ скорби, тогда щадилъ даже враговъ, а
132 послѣ того ни друзей, ни тѣхъ, которые ничѣмъ не оскорбили его. Іаковъ, когда былъ въ скорби, говорилъ: *аще дастъ ми Господь хлѣбъ ясти и ризы облещися* (Быт. xxviii, 20). И сынъ Ноя прежде ничего такого не сдѣлалъ, а когда увѣрился въ безопасности (отъ потопа), тогда, слышишь, какъ оказался дерзокъ (Быт. ix, 22). И Езекія, когда былъ въ скорби, посмотри, что дѣлалъ для своего спасенія: облекся въ рубище и сидѣлъ на землѣ; когда же сталъ жить въ удовольствіяхъ, тогда палъ съ высоты сердца своего. Поэтому и Моисей увѣщеваетъ: *ядый и піяй и насытився, да не забудеши Господа Бога твоего* (Втор. vi, 11, 12), потому что путь удовольствій скользокъ и ведетъ къ забвенію Бога. Когда израильтяне были въ скорби, тогда болѣе и болѣе умножались; а когда (Богъ) избавилъ ихъ, тогда всѣ погибли. Но для чего я привожу примѣры древнихъ? Обратимся, если угодно, къ себѣ самимъ. Изъ насъ очень многіе, когда благоденствуютъ, бываютъ надменными, врагами для всѣхъ, гнѣвливыми, пока имѣютъ власть; а когда она отнята отъ нихъ, то дѣлаются кроткими, смиренными, тихими, и приходятъ въ сознаніе собственной природы. А что это такъ, подтверждаетъ и Давидъ, говоря: *удержа я гордыня ихъ до конца: изыдетъ яко изъ тука неправда ихъ* (Пс. lxxii, 6, 7). Это я говорю для того, чтобы мы не домогались удовольствій всѣми средствами. Какъ же, скажутъ, Павелъ говоритъ: *радуйтеся всегда?* Онъ не просто сказалъ: *радуйтеся*, но прибавилъ: *о Господѣ* (Филип. iv, 4).

4. Это—самая высокая радость; ею радовались и апостолы; это—радость, приносящая пользу; она имѣетъ свое начало, корень и основаніе въ узахъ, въ бичеваніяхъ, въ гоненіяхъ, въ худой молвѣ, и вообще въ предметахъ скорбныхъ, но конецъ ея вожде-

лѣпный. Радость же мірская, напротивъ, начинается удовольствіемъ, а оканчивается скорбію. Я не возбраняю радоваться о Господѣ, но даже особенно убѣждаю къ тому. Апостолы были бичуемы—и радовались; были связываемы—и благодарили; были побиваемы камнями—и проповѣдывали. Такой радости желаю и я; она беретъ свое начало не отъ чего-нибудь чувственнаго, а отъ предметовъ духовныхъ. Невозможно, чтобы радующійся по мірскому радовался вмѣстѣ и о Богѣ; всякій радующійся по мірскому радуется богатству, роскоши, славѣ, могуществу, почестямъ; а радующійся о Богѣ радуется безчестію ради Его, бѣдности, нестяжательности, пощенію, смиренномудрію. Видишь ли, какъ противоположны ихъ предметы? Кто здѣсь не имѣетъ радости, тотъ чуждъ и скорби (духовной); а кто здѣсь не имѣетъ скорби, тотъ чуждъ и радости (о Богѣ). Несомнѣнно, эти (предметы) доставляютъ истинную радость; а тѣ носятъ только одно имя радости, въ сущности же составляютъ скорбь. Сколько скорбей имѣетъ (человѣкъ) высокомѣрный! Какъ онъ терзаетъ самъ себя отъ гордости, выдумывая себѣ тысячи оскорбленій, (питая въ себѣ) великую ненависть, сильную вражду, большую зависть и крайнее недоброжелательство! Если оскорбилъ его кто-нибудь изъ высшихъ его, онъ досадуетъ; если онъ еще не возвысился надъ всѣми, терзается. Напротивъ, человѣкъ смиренный наслаждается великимъ удовольствіемъ, не ожидая почестей ни отъ кого. Если ему оказываютъ честь, онъ радуется; если не оказываютъ, онъ не скорбитъ, но даже любитъ то, что ему не воздали почестей. Такимъ образомъ не искать почестей и получать ихъ, это—великое удовольствіе. А у того наоборотъ: онъ ищетъ почестей и не получаетъ ихъ. И радуются почестямъ неодинаково ищущій ихъ и 133
не ищущій. Первый, сколько бы ни получалъ, думаетъ, что ничего не получилъ; а послѣдній, хотя и не много окажешь ему, принимаетъ такъ, какъ если бы все получилъ. Также человѣкъ, живущій въ роскоши, имѣетъ множество богатства, и пріобрѣтенія текутъ къ нему легко, какъ бы изъ источника; но онъ страшится бѣдствій (происходящихъ) отъ роскоши и неизвѣстности будущаго; а тотъ, кто пріучилъ себя къ скромному образу жизни, всегда спокоенъ и наслаждается удовольствіемъ; не столько огорчаетъ его то, что онъ не имѣетъ роскошнаго стола, сколько услаждаетъ то, что онъ не страшится неизвѣстности будущаго. Всякому извѣстно, сколько бѣдствій происходитъ отъ роскоши, но необходимо сказать объ этомъ и теперь. Отъ ней сугубая брань, т. е., и тѣла, и души, сугубая буря, сугубыя болѣзни, и притомъ болѣзни неисцѣльныя, сопровождающіяся великими несчастіями. Но не таковы плоды умѣренности; (отъ ней) сугубое здоровье,

сугубыя блага. *Сонъ здравый*, говоритъ Премудрый, *отъ чрева умѣренна* (Сир. XXXI, 22). Умѣренность всюду вожделѣнна, а неумѣренность напротивъ. Напримѣръ: положи на малую искру большую связку дровъ, и ты увидишь уже не свѣтлый огонь, а только дымъ весьма непріятный.

Возложи на человѣка очень сильнаго и большого тяжесть, превышающую силы его, и увидишь его вмѣстѣ съ ношею поверженнымъ и лежащимъ на землѣ. Навали слишкомъ много грузу на корабль, и причинишь страшное кораблекрушеніе. Таковы плоды и роскоши. Какъ на корабляхъ, слишкомъ нагруженныхъ, происходитъ большое смятеніе пассажировъ, когда и кормчій, и сидящій на кормѣ, и прочіе плывущіе на немъ начнутъ бросать въ море все и сверху и снизу, такъ и здѣсь: извергаютъ и вверхъ, и внизъ, и среди терзаній погибаютъ. А что всего постыднѣе, самыя уста исполняютъ дѣло заднихъ частей и даже дѣлаются срамнѣе ихъ. Если же въ такомъ срамномъ состояніи уста, то представь, каково на душѣ. Тамъ все—мракъ, все—буря, все—тьма, большая смутность въ мысляхъ, мятущихся безпокойно и тяжко, и сама душа вопіетъ отъ стѣсненія. Тогда и сами чревоугодники обвиняютъ другъ друга, досадуютъ и спѣшатъ извергнуть внутреннюю нечистоту. Однако и по изверженіи буря не прекращается, но являются горячки и другія болѣзни. Такъ, скажешь, подвергаются болѣзнямъ и сраму; но напрасно описывать это и исчислять намъ болѣзни; бываю боленъ я, страдаю я, подвергаюсь сраму я, который не имѣю, что ѣсть; а эти, живущіе въ роскоши, какъ видишь, благодушествуютъ, цвѣтутъ здоровьемъ, веселятся и катаются на коняхъ. Увы, такія слова достойны слезъ! А кого, скажи мнѣ, видимъ мы страждущими подагрой, носимыми на носилкахъ, обвязанными? И если бы они не считали для себя
134 обиднымъ и не приняли словъ моихъ за оскорбленіе, то я могъ бы назвать ихъ по именамъ. Но есть и такіе, скажешь, которые остаются и здоровыми. Это потому, что они не предаются однимъ удовольствіямъ, (но занимаются) и трудами. Укажи мнѣ хотя одного человѣка, который бы, постоянно угождая чреву, лежа въ бездѣйствіи и нисколько не трудясь, былъ бы здоровъ. Ты не найдешь (такого человѣка). Хотя бы собрались тысячи врачей, и они не въ состояніи избавить отъ болѣзней того, кто постоянно пресыщается, потому что это противно свойству самаго дѣла. А я предложу вамъ врачебное наставленіе: не все то, что принимается въ чрево, обращается въ пищу, потому что и въ самомъ существѣ пищи не все питательно, есть въ ней часть, поступающая на изверженіе, а другая на питаніе. Поэтому кто, принявъ ее въ мѣру, дастъ ей совершенно перевариться, съ тѣмъ это и дѣлается и

она достигаетъ своего назначенія; все здоровое и полезное занимаетъ свое мѣсто, а излишнее и безполезное отдѣляется и извергается; если же она принята чрезъ мѣру, тогда и то, что въ ней есть питательнаго, становится вреднымъ. Чтобы яснѣе раскрыть вамъ это, представлю въ примѣръ слѣдующее: въ хлѣбѣ есть крупчатка, мука и отруби. Если въ жерновъ насыплешь столько, сколько онъ можетъ смолоть, то онъ отдѣляетъ все это; а если насыплешь больше, то все перемѣшивается. Также вино, если будетъ имѣть надлежащее приготовленіе и благовременное броженіе, то въ немъ сперва бываетъ все нераздѣльно, а потомъ одно обращается въ дрожжи, другое въ пѣну, а иное дѣлается напиткомъ усладительнымъ для употребляющихъ его, и это послѣднее бываетъ полезно и не скоро портится, тогда какъ сначала не было ни вина, ни дрожжей, но все было смѣшано. Тоже можно видѣть и на морѣ, во время сильной бури. Какъ тогда мы видимъ, что рыбы плаваютъ по поверхности мертвыми, не будучи въ состояніи укрыться отъ стужи въ глубинѣ, такъ бываетъ и съ нами. Когда низвергнется на насъ сильный дождь пресыщенія, все возмущающій, тогда производитъ то, что наши мысли, дотолѣ бывшія здравыми и спокойными, плаваютъ какъ бы мертвыми на поверхности (души нашей). Итакъ, научившись этими примѣрами, какъ великъ вредъ (отъ пресыщенія), перестанемъ ублажать тѣхъ, которыхъ слѣдовало бы считать несчастными, и оплакивать себя за то, за что слѣдовало бы называть блаженными, и возлюбимъ умѣренность. Или вы не знаете изреченія врачей, что скудость—мать здоровья? Я же скажу, что скудость есть мать здоровья не только тѣлеснаго, но и душевнаго. Тоже внушаетъ и Павелъ, этотъ истинный врачъ, когда говоритъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими доволни будемъ* (1 Тим. VI, 8). Будемъ же послушны ему, чтобы намъ здоровыми дѣлать то, что должно дѣлать, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVII.

Сего Моисеа, егоже отринуша, рекше: кто тя постави начальника и судію надъ нами? сего Богъ князя и избавителя посла рукою ангела, явльшагося ему въ купинѣ (Дѣян. VII, 35). 133

1. Это весьма близко относится къ предложенному (Стефаномъ) предмету. *Сего Моисеа*, говоритъ. Какого—*сего*? Того, который

подвергался опасности погибнуть, котораго (евреи) презрѣли, кото-
134 раго они отвергли, сказавъ: *кто тя постави начальника*, подобно тому, какъ и о Христѣ говорили: *не имамы царя, токмо кесаря* (Іоан. XIX, 15). *Сего Богъ князя и избавителя посла рукою ангела*, который сказалъ ему: *Азъ есмь Богъ Авраамовъ* (Исх. III, 6). Этимъ онъ показываетъ, что бывшія (при Моисеѣ) чудеса совершены были Христомъ. *Сей*, т. е. Моисей (посмотри, какъ Стефанъ изображаетъ славу его) *изведе ихъ, сотворь чудеса и знаменія въ земли Египетстѣй, и въ Чермномъ мори, и въ пустыни, лѣтъ четыредесять*.
135 *Сей есть Моисей рекій сыномъ Исраилевымъ: пророка вамъ воздвигнетъ Господь Богъ вашъ отъ братіи вашея, яко мене* (ст. XXXVI, 37), т. е., котораго они также презрятъ и подвергнутъ гоненіямъ. Вѣдь и Его (Христа) Иродъ хотѣлъ убить, но Онъ спасся въ Египтѣ, подобно тому, какъ и тотъ въ дѣтствѣ подвергался гоненіямъ. *Сей есть бывый въ церкви въ пустыни со ангеломъ, глаголавшимъ ему на горѣ Синайстѣй и со отцы нашими, иже пріятъ словеса жива дати намъ* (ст. 38). Опять (это происходило, когда) еще не было ни храма, ни жертвоприношенія. *Со ангеломъ*, говоритъ, *пріятъ словеса жива дати намъ*. Этимъ онъ показываетъ, что (Моисей) не только творилъ знаменія, но и далъ законъ, какъ и Христосъ. И какъ онъ сначала творитъ знаменія, потомъ даетъ законъ, такъ точно и Христосъ. Но (евреи), привыкшіе никогда не покоряться, не послушали его и послѣ знаменій и чудесъ, бывшихъ въ теченіе сорока лѣтъ. И не только не послушали, но сдѣлали противное, на что указывая, Стефанъ и присовокупилъ: *егоже не восхотѣша послушати отцы наши, но отринуша и обратишася сердцемъ своимъ во Египетъ, рекше Аарону: сотвори намъ боги, иже предъидутъ предъ нами: Моисею бо сему, иже изведе насъ изъ земли Египетскія, не вѣмы что бысть ему. И сотвориша телца во дни оны, и принесоша жертву идолу и веселяхуся въ дѣлѣхъ руку своею. Отвратися же Богъ и предаде ихъ служити воемъ небеснымъ, якоже писано есть въ книзѣ пророкъ: еда заколенія и жертвы принесосте ми лѣтъ четыредесять въ пустыни, доме Исраилевъ? И воспріясте скинію Молохову и звѣзду Бога вашего Ремфана, образы, яже сотвористе поклонятися имъ. И преселю вы далѣе Вавилона* (ст. 39 — 43). *Предаде* здѣсь значитъ: попустилъ. *Сѣнь свидѣнія бяше отцемъ нашымъ въ пустыни, якоже повелѣ глаголяй Моисеови сотворити ю по образу, егоже видѣ* (ст. 44). Хотя скинія была, но жертвъ еще не было. А что ихъ не было, объ этомъ ясно говоритъ пророкъ: *еда заколенія и требы принесосте ми* (Ам. V, 25)? Скинія свидѣнія была, но не принесла имъ никакой пользы, и они погибали. Также и знаменія ни прежде того, ни послѣ не принесли имъ никакой пользы. *Юже и внесоша пріемше отцы наши* (ст. 45). Ви-

дишь ли, что то мѣсто и свято, гдѣ присутствуетъ Богъ? Потому онъ и сказалъ: *въ пустыни,* чтобы сравнить одно мѣсто съ другимъ. Затѣмъ (слѣдовало) благодѣяніе. *Юже и внесоша,* говоритъ, *пріемше отцы наши со Іисусомъ во одержаніе языковъ, ихже изрину Богъ отъ лица отецъ нашихъ даже до дней Давида: иже обрѣте благодать предъ Богомъ, и испроси обрѣсти селеніе Богу Іаковлю* (ст. 45, 46). Молилъ о построеніи (храма) Давидъ великій и чудный, но не получаетъ просимаго; а создаетъ его отверженный Соломонъ. Потому (Стефанъ) и говоритъ: *Соломонъ же созда ему храмъ. Но Вышній не въ рукотворенныхъ церквахъ живетъ* (ст. 47, 48). Это уже доказано и предъидущими словами; но подтверждается еще и голосомъ пророческимъ; а какимъ образомъ, послушай далѣе: *якоже и пророкъ глаголетъ: небо мнѣ престолъ есть, земля же подножіе ногама моима. И кій храмъ созиждете ми, глаголетъ Господь, или кое мѣсто покоищу моему? не рука ли моя сотвори сія вся* (ст. 49, 50)? Не удивляйтесь, говоритъ, что Христосъ благотворитъ и 136
тѣмъ, которые отвергаютъ царствіе Его: тоже было и при Моисеѣ. Онъ не просто извелъ (евреевъ), но послѣ того, какъ они пробыли въ пустынѣ. Видишь ли, что и тѣ знаменія были для нихъ? Кто бесѣдовалъ съ Богомъ, былъ спасенъ чудеснымъ образомъ, столько сдѣлалъ и имѣлъ такую силу, того пророчество, доказываетъ (Стефанъ), непремѣнно должно исполниться, и онъ не можетъ противорѣчить самому себѣ. Впрочемъ, обратимся къ вышесказанному. *Сей есть,* говоритъ, *Моисей рекій: пророка вамъ воздвигнетъ Господь, яко мене.* Мнѣ кажется, на это изреченіе указывалъ и Христосъ, когда сказалъ: *спасеніе отъ іудей есть* (Іоан. IV, 22), разумѣя самого Себя. *Сей есть бывый въ пустыни со ангеломъ, глаголавшимъ ему.* Вотъ и опять указываетъ, что (Христосъ) далъ законъ, такъ какъ Онъ былъ съ нимъ (Моисеемъ) въ собраніи— въ пустынѣ. Здѣсь же напоминаетъ и о великомъ чудѣ, случившемся на горѣ (Синайской). *Иже пріятъ словеса жива дати намъ.* Во всемъ чуденъ Моисей, но особенно, когда нужно было дать законъ. Что значитъ: *словеса жива?* Разумѣетъ тѣ, которыхъ исполненіе раскрывалось въ словахъ его, или пророчества. Затѣмъ слѣдуетъ обвиненіе праотцевъ, которые послѣ знаменій и чудесъ, и по полученіи словъ живыхъ, *не восхотѣша,* говоритъ, *послушати его.* Хорошо онъ сказалъ: *словеса жива,* показывая тѣмъ, что есть слова и не живыя, о которыхъ упоминаетъ и Іезекіиль, когда говоритъ: *и дахъ вамъ заповѣди не добры* (Іез. XX, 25). Въ противоположность такимъ словамъ онъ прибавилъ: *жива. Но отринуша и, и обратишася сердцемъ своимъ во Египетъ,* гдѣ они стонали, гдѣ вопили, откуда призывали Бога. *И рекше Аарону: сотвори намъ боги, иже предъидутъ предъ нами.*

2. О, безуміе! *Сотвори*, говорятъ, *да предъидутъ предъ нами.* Куда? Въ Египетъ. Видишь ли, какъ неохотно они разставались съ обычаями египетскими? Что ты говоришь? Не хочешь дождаться того, кто вывелъ, но отказываешься отъ благодѣянія и убѣгаешь отъ благодѣтеля? И смотри, какъ они оскорбляютъ его. *Моисею бо сему, иже изведе насъ отъ земли Египетскія.* Нигдѣ не упоминаютъ имени Божія, но все приписываютъ Моисею. Когда нужно было имъ быть благодарными, тогда они обвиняютъ Моисея; а когда нужно было исполнять законъ, тогда не помнятъ уже и о Моисеѣ. Онъ сказалъ имъ, что восходитъ (на гору) для полученія закона; а они не подождали и сорока дней. *Сотвори намъ боги.* Не сказали: *Бога*, но *боги*; такъ они неистовствовали, что и сами не знаютъ, что говорятъ. *И сотвориша телца во дни оны, и принесоша жертву идолу.* Видѣлъ ли ты крайнее безуміе? Тамъ, гдѣ Богъ явился Моисею, они дѣлаютъ тельца и приносятъ ему жертву. *И веселяхуся*, говоритъ, *въ дѣлѣхъ руку своею.* Чего надобно было стыдиться, тому они радовались. И что удивительнаго, если вы не признаете Христа, когда (вы не признавали) ни Моисея, ни Бога, открывшагося въ столькихъ знаменіяхъ? Но они не только не признавали, но еще иначе оскорбили ихъ, сдѣлавъ идоловъ. *Отвратися же Богъ и предаде ихъ служити воемъ небеснымъ.* Отсюда и произошли эти обычаи; отсюда эти жертвы. Они сначала приносили жертвы идоламъ, на что указывая, и Давидъ говоритъ: *и сотвориша телца въ Хоривѣ и поклонишася истуканному* (Пс. cv, 19). Такъ какъ прежде этого нигдѣ не упоминается
137 о жертвахъ, но (были) заповѣди живыя и *словеса жива*,—то нигдѣ не было и (жертвенныхъ) обрядовъ, а только чудеса и явленіе знаменій. *Якоже писано есть въ книзѣ пророкъ.* Здѣсь (Стефанъ) привелъ свидѣтельство не безъ цѣли, но для того, чтобы показать, что въ жертвахъ нѣтъ нужды. И смотри, что онъ говоритъ: *еда заколенія и жертвы принесосте ми лѣтъ четыредесять въ пустыни? И воспріясте скинію Молохову и звѣзду бога вашего Ремфана, образы, яже сотвористе покланятися имъ.* Онъ сказалъ въ видѣ обличенія; а слова его означаютъ слѣдующее: вы не можете сказать, что вы стали приносить жертвы идоламъ, подобно тому, какъ приносили ихъ Мнѣ; и это было въ пустынѣ, когда Богъ особенно руководилъ ихъ. *И воспріясте скинію Молохову.* Отъ ней и (получили) начало жертвы. *И преселю вы далѣе Вавилона.* Такъ и плѣнъ есть наказаніе за нечестіе. Но почему, скажутъ, скинія названа *скинію свидѣнія* (μαρτυρίου)? Потому что она была для того, чтобы они имѣли Бога свидѣтелемъ (μάρτυρα). Для этого только она и существовала. *По образу*, сказано, *показанному тебѣ на горѣ* (Исх. xxv, 40). Слѣдовательно, образецъ ея показанъ

былъ на горѣ, и она была носима въ пустынѣ, а не стояла на мѣстѣ. Скиніею же свидѣтельства называется не по чему-нибудь другому, какъ по чудесамъ и заповѣдямъ. Впрочемъ, ни она, ни они не имѣли храма. И самый образецъ ея показанъ былъ, слѣдовательно, самимъ ангеломъ. *Даже до дній Давида*, говоритъ. Слѣдовательно, до того времени не было храма, хотя и были изгнаны (языческіе) народы, о которыхъ онъ говоритъ: *ихже изрину Богъ отъ лица отецъ нашихъ*. Это же онъ сказалъ опять съ цѣлію доказать, что тогда не было храма. Но что я говорю: было столько чудесъ и еще не было храма? Вотъ была и первая скинія, но еще не было храма. Давидъ молилъ обрѣсти благодать предъ Богомъ,— молилъ и не создалъ (храма). Слѣдовательно храмъ не составлялъ чего-нибудь важнаго, хотя нѣкоторые и считали Соломона великимъ за построеніе храма, и даже за это ставили его выше отца. Но что онъ не былъ лучше отца и даже не равенъ ему, а только кажется такимъ во мнѣніи толпы, это онъ объяснилъ, присовокупивъ: *но Вышній не въ рукотворенныхъ церквахъ живетъ, якоже пророкъ глаголетъ: небо мнѣ престолъ есть, земля же подножіе ногама моима*. Да и эти (небо и земля) недостойны (быть жилищемъ) Бога, какъ творенія, какъ дѣла руки Его. Смотри, какъ онъ убѣждаетъ ихъ мало-по-малу. Изъ пророка онъ доказываетъ, что даже и эти (творенія) нельзя назвать достойными (быть жилищемъ) Бога. Для чего же, скажутъ, онъ говоритъ потомъ такъ обличительно? У него было великое дерзновеніе, какъ (у человѣка) готоваго на смерть; я думаю объ этомъ онъ зналъ по откровенію. *Жестоковыйніи и необрѣзанніи сердцы и ушесы;* и это также изъ пророка, а не собственныя его слова; *вы присно Духу Святому противитеся, якоже отцы ваши, тако и вы* (ст. 51). Когда Богъ не желалъ, чтобъ были жертвы, вы приносили жертвы; а когда желаетъ, вы не приносите ихъ; когда Онъ не хотѣлъ давать вамъ заповѣдей, вы требовали ихъ; а когда получили, то нерадѣли о нихъ. И еще, когда существовалъ храмъ, вы служили идоламъ; а когда Ему угодно, чтобы вы служили Ему безъ храма, вы дѣлаете противоположное. Смотри, онъ не сказалъ: *Богу противитеся*, но: *Духу*; такъ онъ не полагаетъ никакого различія (между Ними). И еще большее говоритъ: *якоже отцы ваши, тако и вы*. Такъ и Христосъ обличалъ ихъ, потому что они всегда слишкомъ много хвалились отцами. *Кого отъ пророкъ не изгнаша отцы ваши?*
И убиша предвозвѣстившыя о пришествіи Праведнаго. Говоритъ: 133
Праведнаго, чтобы и этимъ вразумить ихъ. *Егоже вы нынѣ предатели и убійцы бысте* (ст. 52). Обличаетъ ихъ въ двухъ дѣлахъ: въ томъ, что они не признали (пророковъ) и что убили ихъ. *Иже пріясте законъ устроеніемъ ангельскимъ, и не сохранисте* (ст. 53).

3. Что это значитъ? Нѣкоторые утверждаютъ, что, по словамъ его, законъ былъ составленъ ангелами; но это несправедливо, потому что когда же ангелы являлись составляющими законъ? Но онъ называетъ его *устроеннымъ*, т. е. врученнымъ Моисею ангеломъ, явившимся ему въ купинѣ, такъ какъ это былъ не человѣкъ. Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, говоритъ, если вы совершили это, когда совершили и тò; если вы умертвили возвѣщавшихъ (о Христѣ), то тѣмъ болѣе (могли умертвить) Его. Здѣсь онъ представляетъ ихъ непокорными и Богу, и ангеламъ, и пророкамъ, и Духу, и всѣмъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ Писаніе говоритъ: *Господи, пророки твоя избиша и олтари твоя раскопаша* (3 Цар. XIX, 10). Они, притворно защищая законъ, говорили: *глаголы хульныя глаголетъ на Моисеа* (Дѣян. VI, 11); а онъ показываетъ, что они сами еще болѣе произносятъ хулу не только на Моисея, но и на Бога, и что они издревле такъ поступаютъ; что они сами нарушили обычаи, въ которыхъ уже нѣтъ нужды; что они, обвиняя и называя его противящимся Моисею, сами противились Духу, и не просто, но даже и съ совершеніемъ убійства, и что издревле они враждовали (противъ Бога). Видишь ли, какъ онъ доказываетъ, что они противились и Моисею, и всѣмъ, и не соблюдали закона? Моисей сказалъ: *пророка возставитъ вамъ Господь* (Втор. XVIII, 15), и прочіе предсказывали объ Его пришествіи; также и пророкъ говоритъ: *кій домъ созиждете ми* (Ис. LXVI, 1)? И еще: *еда заколенія и требы принесосте ми лѣтъ четыредесять* (Амс. V, 25)? Таково дерзновеніе мужа, несущаго крестъ (Христовъ)! Будемъ же подражать ему и мы; хотя теперь и нѣтъ брани, но для дерзновенія всегда есть время. *И глаголахъ*, говоритъ (Давидъ), *о свидѣніихъ твоихъ предъ цари, и не стыдяхся* (Псал. CXVIII, 46). Поэтому, встрѣтимся ли мы съ эллинами, будемъ такимъ образомъ заграждать имъ уста, но безъ гнѣва, безъ ожесточенія. Если станемъ это дѣлать съ гнѣвомъ, то это, кажется, уже не будетъ дерзновеніе, а страсть; если же кротко, то это и есть истинное дерзновеніе, потому что не могутъ быть вмѣстѣ въ одно и то же время и добродѣтель, и порокъ. Дерзновеніе—это добродѣтель, а гнѣвъ—порокъ. Итакъ мы, если хотимъ имѣть дерзновеніе, должны быть чистыми отъ гнѣва, чтобы кто-нибудь не приписалъ ему словъ (нашихъ). Если ты говоришь и правду, но съ гнѣвомъ, то все погубилъ, будешь ли ты обличать, или вразумлять, или дѣлать что-нибудь другое. Посмотри на этого мужа (Стефана), какъ онъ бесѣдуетъ безъ гнѣва; вѣдь онъ не оскорбилъ ихъ, а только напомнилъ имъ о словѣ пророческомъ. А что онъ не былъ въ гнѣвѣ, это самъ онъ показалъ, когда его мучили, а онъ молился за нихъ и говорилъ: *Господи,*

не постави имъ грѣха сего (ст. 60). Такъ онъ говорилъ это, не гнѣваясь на нихъ, но сожалѣя и скорбя о нихъ. И о лицѣ его поэтому сказалъ (писатель): *видѣша лице его, яко лице ангела* (Дѣян. vi, 15), такъ что и оно могло привлечь ихъ. Будемъ же чистыми отъ гнѣва. Духъ Святый не обитаетъ тамъ, гдѣ гнѣвъ. Гнѣвливый подлежитъ проклятію. И невозможно быть чему-нибудь здравому тамъ, откуда происходитъ гнѣвъ. Какъ во время бури на морѣ происходитъ великое смятеніе и сильный крикъ, и никто тогда не имѣетъ времени заниматься разсужденіями, такъ и во гнѣвѣ. Если же душа хочетъ сказать или усвоить что-нибудь любомудрое, то напередъ должна быть въ (тихой) 139
пристани. Не замѣчаешь ли, какъ мы, когда хотимъ разсуждать о чемъ-нибудь необходимомъ, избираемъ мѣста, удаленныя отъ шума, гдѣ спокойствіе и тишина, чтобы намъ не развлекаться? Если же внѣшній шумъ развлекаетъ насъ, то тѣмъ болѣе внутреннее смятеніе. И станетъ ли кто молиться, онъ молится напрасно, если дѣлаетъ это во гнѣвѣ и раздраженіи; станетъ ли говорить, будетъ смѣшнымъ; станетъ ли молчать, опять тоже; будетъ ли ѣсть, и тогда повредитъ себѣ; будетъ ли пить или не будетъ, будетъ ли сидѣть или стоять, ходить или спать, ему и во снѣ представляется подобное же. И что у такихъ (людей) не безпорядочно? Глаза — отвратительны; ротъ — искривленъ; члены тѣла напряжены и трясутся; языкъ необузданъ и не щадитъ никого; разсудокъ помѣшанъ; одежда въ непристойномъ видѣ; (во всемъ) великое безобразіе! Посмотри на глаза бѣснующихся, пьяныхъ и неистовствующихъ (отъ гнѣва): чѣмъ они отличаются другъ отъ друга? Не всюду ли безуміе? Но вѣдь это бываетъ всегда только на время? Правда, неистовствующій бываетъ одержимъ (гнѣвомъ) на время. Но что можетъ быть хуже этого? И еще не стыдятся оправдываться: я не сознавалъ, говорятъ, что сказалъ. Почему же не сознавалъ этого ты, существо разумное, имѣющее разсудокъ? Почему ты дѣйствуешь подобно неразумнымъ животнымъ, какъ бы дикій конь, увлеченный гнѣвомъ и яростью? Это—оправданіе, достойное осужденія. Желательно, чтобы ты зналъ, что говорилъ. Это — слова гнѣва, скажешь, а не мои. Какъ—гнѣва? Гнѣвъ не имѣетъ силы, если не получитъ ея отъ тебя. Это подобно тому, какъ если бы кто сказалъ: это — раны руки (моей), а не мои. Гдѣ, кажется, больше всего нуженъ гнѣвъ, какъ не на войнѣ и во время битвы? Но и тамъ, если что будетъ дѣлаться съ гнѣвомъ, то все будетъ испорчено и погублено. Воюющимъ въ особенности и не слѣдуетъ гнѣваться; нападающимъ въ особенности и не нужно раздражаться. Но, скажешь, какъ же иначе можно сражаться? Ра-

зумно, спокойно. Сраженіе есть стояніе одной стороны противъ другой. Развѣ ты не видишь, что и самыя войны подчинены закону, порядку и времени? А гнѣвъ есть не что иное, какъ безумное раздраженіе; безумный же не можетъ сдѣлать ничего разумнаго.

4. Такъ и онъ (Стефанъ) говорилъ это, и не гнѣвался. И Илія говорилъ: *доколѣ вы храмлете на обѣ плесни ваши* (3 Цар. XVIII, 21)? но не гнѣвался. И Финеесъ совершилъ убійство, но не гнѣвался. Гнѣвъ не дозволяетъ видѣть, но какъ бы во время ночной битвы, закрывъ все, и глаза и уши, ведетъ туда, куда хочетъ. Избавимъ же себя отъ этого демона, сокрушимъ его, когда онъ нападаетъ на насъ, положимъ на перси знаменіе (креста), какъ бы нѣкоторую узду на него. Гнѣвъ есть безстыдный песъ; но пусть онъ научится слушаться закона. Если песъ при стадѣ такъ свирѣпъ, что не будетъ слушаться приказаній пастуха и узнавать его голоса, то все потеряно и погублено. Онъ пасется вмѣстѣ съ овцами; но когда станетъ кусать овецъ, то дѣлается вреднымъ, и его убиваютъ. Если песъ научится слушаться тебя, то корми его; онъ полезенъ своимъ лаемъ противъ волковъ, разбойниковъ и воровъ, а не противъ овецъ и не противъ домашнихъ. Если же не слушается, то во всемъ вредитъ, и если не обращаетъ вниманія на приказанія, то все губитъ. Итакъ, пусть не истощается кротость твоя, но самый гнѣвъ пусть хранитъ и питаетъ ее; а онъ сохранитъ и въ совершенной безопасности будетъ пасти ее тогда, когда будетъ истреблять нечистые и порочные помыслы, когда будетъ отовсюду отгонять діавола. Такъ кротость соблюдается тогда, когда мы не помышляемъ ничего худого противъ ближняго; такъ мы дѣлаемся
140 достойными уваженія, когда не учимся поступать безстыдно. Ничто не дѣлаетъ такъ безстыднымъ, какъ порочная совѣсть. Отчего блудницы безстыдны? Отчего дѣвственницы стыдливы? Первыя не отъ грѣха ли? А послѣднія не отъ цѣломудрія ли? Ничто не дѣлаетъ такъ безстыднымъ, какъ грѣхъ. Напротивъ, скажутъ, онъ производитъ стыдъ? Правда, въ томъ, кто сознаетъ себя; а безстыднаго онъ дѣлаетъ еще болѣе дерзостнымъ; кто не сознаетъ себя, тотъ становится дерзкимъ. *Егда пріидетъ*, говоритъ (Премудрый), *нечестивый во глубину золъ, нерадитъ* (Прит. XVIII, 3). Безстыдный бываетъ дерзкимъ, а дерзкій—отчаяннымъ. Хочешь ли узнать, когда истощается кротость? Когда сокрушаютъ ее порочные помыслы. Но, если случится и то, что этотъ песъ не будетъ стоять и громко лаять, то и тогда не должно отчаиваться. У насъ есть и праща и камень,—вы знаете, что я говорю,—у насъ есть и копье, и ограда, и затворъ, гдѣ мы можемъ сохра-

нить помыслы чистыми. Если песъ ласковъ къ овцамъ, но лаетъ на чужихъ и не сонливъ, то это—хорошія качества пса. Когда онъ голоденъ, то и тогда не кусаетъ овецъ, когда и сытъ, не щадитъ волковъ. Таковъ и гнѣвъ. Когда онъ раздражается, не (долженъ) отступать отъ кротости; и когда не раздраженъ, (долженъ) возставать противъ порочныхъ помысловъ; своихъ, хотя бы и бьющихъ его, не оставлять, но признавать, а чужимъ, хотя бы и ласкающимъ его, не давать пощады. Діаволъ часто ластится, какъ собака; но пусть всякій знаетъ, что онъ чужой (для насъ). Такъ и мы будемъ любить добродѣтель, хотя бы она причиняла намъ скорбь; а отъ порока, хотя бы онъ и доставлялъ намъ удовольствіе, будемъ отвращаться. Не будемъ хуже псовъ, которые не убѣгаютъ (съ своего двора), хотя бы ихъ били и мучили; а чужому, хотя бы онъ и накормилъ ихъ, скорѣе вредятъ. Такъ и гнѣвъ бываетъ полезенъ, когда онъ возстаетъ противъ чужихъ. Что значитъ изреченіе: *гнѣваяйся на брата своего всуе* (Мѳ. v, 22)? То же, что: не мсти за себя и не воздавай зломъ. Если видишь другого погибающимъ, протяни ему руку помощи; гнѣвъ не будетъ уже имѣть мѣста, когда ты будешь свободенъ отъ пристрастія къ себѣ самому. Давидъ застигъ Саула, но не разгнѣвался и не вонзилъ копья, имѣя въ рукахъ своихъ врага (1 Цар. xxvi, 7); а отмстилъ діаволу (своею кротостію). Моисей, увидѣвъ, что чужой обижаетъ (еврея), убилъ его; а когда свой (обижалъ своего), то не сдѣлалъ этого; но братьевъ хотѣлъ примирить, а тѣхъ раздѣлилъ (Исх. ii, 12). Хотя Писаніе и называетъ его самымъ кроткимъ человѣкомъ (Числ. xii, 3), однако, и въ немъ иногда возбуждался гнѣвъ. Но мы не такъ; когда нужно показать кротость, то бываемъ свирѣпѣе всѣхъ звѣрей; а когда (нужно) гнѣваться, то (бываемъ) всѣхъ лѣнивѣе и безпечнѣе. Такимъ образомъ, употребляя свои силы не на то, на что должно, мы тратимъ и жизнь свою напрасно, подобно тому, какъ снаряды, когда употребляютъ ихъ одинъ вмѣсто другого, портятся всѣ. Такъ, напримѣръ, если кто-нибудь, имѣя мечъ, не будетъ употреблять его, когда нужно употребить, но будетъ дѣйствовать рукою, не достигнетъ успѣха; и напротивъ, если употребитъ мечъ тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать рукою, то испортитъ все. Также и врачъ, если не отрѣзываетъ тамъ, гдѣ должно, а отрѣзываетъ, гдѣ не нужно, то портитъ все. Поэтому, умоляю, будемъ употреблять это орудіе (гнѣвъ) въ свое время. Для гнѣва — вовсе не время, когда мы должны помочь самимъ себѣ; а если нужно исправить другихъ, тогда въ особенности должно употреблять его, чтобы спасти другихъ. Такимъ образомъ, всюду соблюдая себя отъ гнѣва, мы уподобимся Богу и сподобимся будущихъ благъ, по 141

благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ
142 Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ
и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

141 Слышавше же сія, распыхахуся сердцы своими, и скрежетаху зубы нань (Дѣян. VII, 54).

1. Достойно удивленія, какъ они, не найдя въ словахъ (Стефана) повода къ убіенію его, еще бѣснуются и ищутъ этой причины. Такъ всегда бываютъ злобны (люди), поступающіе неправедно. Подобно тому, какъ первосвященники недоумѣвали и говорили: *что сотворимъ человѣкома сима* (Дѣян. IV, 16), такъ и они терзаются. Кажется, онъ долженъ былъ бы негодовать, какъ не сдѣлавшій ничего несправедливаго, и между тѣмъ подвергшійся участи (людей) неправедныхъ и оклеветанный. Но этимъ-то болѣе клеветники и обличаются; и такъ-то (оказывается) истиннымъ то, о чемъ я всегда говорилъ, что дѣлать зло—значитъ страдать. А онъ не произносилъ никакой клеветы, но говорилъ правду. Такъ, когда насъ поносятъ за то, чего мы не сознаемъ за собою, мы отъ этого ничего не терпимъ. Они хотѣли убить его; но не (вдругъ) дѣлаютъ это, а желаютъ еще найти благовидную причину для своего злодѣянія. Какъ? Развѣ обличеніе не было благовидною причиною? Но это было обличеніе не его собственное, а пророческое; или они нарочито отлагали (убіеніе), чтобы показать видъ, будто они убили его не за обличеніе ихъ,—подобно тому, какъ было и со Христомъ,—но за нечестіе. Между тѣмъ слова его были слова благочестія. Поэтому, намѣреваясь вмѣстѣ съ лишеніемъ жизни повредить и славѣ его, они *распыхахуся*,—такъ какъ они боялись, чтобы изъ-за него еще не случилось чего-нибудь новаго. Затѣмъ, что они сдѣлали со Христомъ, то (дѣлаютъ) и со Стефаномъ. Какъ тамъ, когда Онъ сказалъ: *узрите Сына человѣческаго сѣдяща одесную силы* (Мѳ. XXVI, 64), они называли это богохульствомъ и призывали народъ во свидѣтели, такъ точно и здѣсь. Тамъ растерзали одежды; здѣсь затыкали уши. *Стефанъ же сый исполнь Духа Свята, воззрѣвъ на небо, видѣ славу Божію, и Іисуса стояща одесную Бога, и рече: се вижу небеса отверста, и Сына человѣча одесную стояща Бога. Возопивше же гласомъ веліимъ, затыкаху уши свои, и устремишася единодушно нань: и изведше внѣ града, каменіемъ побиваху* (ст. 55—58). И если бы даже онъ говорилъ неправду, то слѣдовало бы отпустить его, какъ изступленнаго. Но онъ сказалъ это съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ.

Такъ какъ онъ сказалъ только о смерти (Христовой), а о воскресеніи не сказалъ ничего, то теперь благовременно присовокупляетъ ученіе и объ этомъ предметѣ. Онъ говоритъ, что (Христосъ) явился ему такъ, какъ онъ разсказываетъ, чтобы хотя такимъ образомъ расположить ихъ къ принятію словъ его; сказать, что сѣдитъ (одесную Бога), было бы невыносимо для нихъ; потому онъ проповѣдуетъ только о воскресеніи и говоритъ, что Христосъ стоитъ (одесную Бога). Думаю, что и лице его прославилось отъ этого (видѣнія). Человѣколюбецъ Богъ чрезъ то самое и хотѣлъ призвать ихъ къ Себѣ, за что они негодовали, если бы и не было ничего болѣе. *И изведше внѣ града, каменіемъ побиваху.* Опять смерть внѣ города, какъ (было) со Христомъ, и при самой смерти возвѣщается исповѣданіе и проповѣдь. *И свидѣтеліе ризы своя положиша при ногу юноши, нарицаемаго Савла, и каменіемъ побиваху Стефана, молящася (Богу) и глаголюща: Господи Іисусе Христе,* 142
пріими духъ мой (ст. 58, 59). Этимъ онъ показываетъ и научаетъ ихъ, что онъ не погибаетъ. *И преклонь колѣна, возопи гласомъ веліемъ: Господи, не постави имъ грѣха сего* (ст. 60). Какъ бы въ доказательство того, что и прежде сказанное имъ происходило не отъ гнѣва, говоритъ: *Господи;* или такимъ образомъ онъ хотѣлъ обратить ихъ: вѣдь простить гнѣвъ и ярость, (простирающуюся) до убійства, и показать душу, непричастную страсти,—это могло расположить къ принятію слова его. *Савлъ же бѣ соизволяя убійству его. Бысть же въ той день гоненіе веліе на церковь Іерусалимскую* (VIII, 1). Не случайно, мнѣ кажется, произошло это гоненіе, но по устроенію (Божію). *Вси же разсѣяшася по странамъ Іудейскимъ и Самарійскимъ, кромѣ апостолъ* (ст. 1). Видишь ли, какъ Богъ опять попускаетъ быть искушеніямъ? Но посмотри здѣсь, прошу, какъ устрояются дѣла. Они были предметомъ удивленія по причинѣ знаменій; будучи бичуемы, нисколько не скорбѣли; остались на мѣстахъ; проповѣдь распространялась; но потомъ (Богъ) попускаетъ великое препятствіе: происходитъ гоненіе не малое, но такое, что вмѣстѣ и они должны были бѣжать (а ихъ боялись, какъ сдѣлавшихся болѣе дерзновенными), и для всѣхъ стало явно, что тѣ, которые боялись и бѣжали, были люди. Но, чтобы ты послѣ не говорилъ, будто они все дѣлали только благодатію и тогда, когда были гонимы, для того тѣ оказались болѣе робкими, а они болѣе дерзновенными. И *вси*, говоритъ (писатель), *разсѣяшася, кромѣ апостолъ.* Итакъ, я не напрасно говорилъ, что это гоненіе было по устроенію (Божію); если бы его не было, ученики не разсѣялись бы. *Погребоша же Стефана мужіе благоговѣйніи, и сотвориша плачь велій надъ нимъ* (ст. 2). Они оплакиваютъ его или потому, что они еще не были совершенны, или потому.

что онъ былъ достоинъ любви и уваженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и эта печаль, и плачъ, кромѣ страха, показываютъ, что они были люди.

2. И кто не заплакалъ бы, видя этого кроткаго агнца, побитаго камнями и лежавшаго мертвымъ? Достойную его надгробную надпись оставилъ евангелистъ, сказавъ: *и преклонь колѣна, возопи гласомъ веліемъ. И сотвориша плачь велій надъ нимъ.* Но обратимся къ вышесказанному. *Сый исполнь Духа Свята, воззрѣвъ на небо, видѣ славу Божію, и Іисуса стояща одесную Бога, и рече: се вижу небеса отверста.* И *затыкаху уши свои, и устремишася единодушно нань.* Что здѣсь достойнаго осужденія? Но, несмотря на то, они (мужа) сдѣлавшаго такія знаменія, побѣдившаго всѣхъ словомъ своимъ и такъ говорившаго, взяли и, какъ хотѣли, такъ и удовлетворили надъ нимъ ярость свою. *Свидѣтеліе же ризы своя положиша при ногу юноши, нарицаемаго Савла.* Смотри, какъ обстоятельно (писатель) повѣствуетъ о томъ, что касается Павла, чтобы показать тебѣ дѣло Божіе, совершившееся надъ нимъ послѣ. А теперь онъ не только не вѣруетъ, но и предаетъ Стефана въ руки безчисленныхъ убійцъ; на что указывая, (писатель) и говоритъ:
143 *Савлъ же бѣ соизволяя убійству его.* Молится же блаженный (Стефанъ) не просто, но внимательно: *преклонь же*, говоритъ, *колѣна.* Потому и смерть его была божественна; а до этого времени душамъ опредѣлено было пребывать во адѣ. *Вси же разсѣяшася по странамъ Іудейскимъ и Самарійскимъ.* Безъ опасенія входятъ въ общеніе съ самарянами тѣ, которые слышали: *на путь языкъ не идите* (Мѳ. x, 5). *Кромѣ*, говоритъ, *апостолъ*, показывая тѣмъ, что они, желая и при этомъ случаѣ обратить іудеевъ, не оставили города; или же они хотѣли быть и для другихъ образцами дерзновенія. *Савлъ же озлобляше Церковь, въ домы входя, и влача мужи и жены, предаяше въ темницу* (ст. 3). Великое изступленіе, какъ потому, что онъ былъ одинъ, такъ и потому, что входилъ въ домы: до такой степени онъ отдалъ душу свою за законъ! *Влача*, говоритъ, *мужи и жены.* Посмотри и на смѣлость, и на озлобленіе, и на изступленіе. Всѣхъ попадавшихся ему онъ подвергалъ безчисленнымъ бѣдствіямъ, какъ будто послѣ этого убійства (Стефана) сдѣлавшись дерзостнѣе. Итакъ, *разсѣявшіися прохождаху, благовѣствующе слово. Филиппъ же сошедъ во градъ Самарійскій, проповѣдаше имъ Христа, внимаху же народи глаголемымъ отъ Филиппа единодушно, слышаще и видяще знаменія, яже творяше. Дуси бо нечистіи отъ многихъ имущихъ я, вопіюще гласомъ веліемъ, исхождаху: мнози же разслабленніи и хроміи исцѣлишася. И бысть радость велія во градѣ томъ. Мужъ же нѣкій, именемъ Симонъ, прежде бѣ во градѣ волхвуя и удивляя языкъ Самарійскій, глаголя нѣкоего быти*

себѣ велика. Ему же внимаху вси отъ мала даже до велика, глаголюще: сей есть сила Божія великая (ст. 4—10). Замѣть, прошу, и другое искушеніе, т. е. отъ Симона. *Внимаху же ему*, говоритъ, *народи, зане довольно время волхвованіи удивляше ихъ. Егда же вѣроваша Филиппу благовѣствующу, яже о царствіи Божіи и о имени Іисусъ Христовѣ, крещахуся мужіе же и жены. Симонъ же и самъ вѣрова, и крещся бѣ пребывая у Филиппа: видя же силы и знаменія велія бываема, дивляшеся. Слышавше же, иже во Іерусалимѣ апостоли, яко пріятъ Самарія слово Божіе, послаша къ нимъ Петра и Іоанна. Иже сошедше помолишася о нихъ, яко да пріимутъ Духа Святаго. Еще бо ни на единаго ихъ бѣ пришелъ, точію крещени бяху во имя Господа Іисуса. Тогда возложиша руцѣ на ня, и пріяша Духа Святаго. Видѣвъ же Симонъ, яко возложеніемъ рукъ апостольскихъ дается Духъ Святый, принесе имъ сребро, глаголя: дадите и мнѣ власть сію, да, на него же аще положу руцѣ, пріиметъ Духа Святаго* (ст. 11—19). Какъ, скажутъ, неужели они не получили Духа? Они получили Духа отпущенія (грѣховъ); но Духа знаменій еще не получили. А что это такъ, что они не получили Духа знаменій, ясно изъ того, что Симонъ, увидѣвъ это, пришелъ просить Его. Гоненіе тогда особенно и усилилось, но Богъ опять избавлялъ ихъ, оградивъ ихъ знаменіями. Такъ какъ смерть Стефана не укротила ярости (іудеевъ), но еще болѣе усилила ее, то учители и разсѣиваются, чтобы ученіе бо- 144
лѣе распространилось. Но вотъ, обстоятельства ихъ опять дѣлаются благопріятными и они получаютъ радость. *И бысть*, говоритъ (писатель), *радость велія во градѣ* (ст. 8), хотя (прежде) былъ великій плачъ. Такъ обыкновенно Богъ всегда дѣлаетъ, соединяя радости со скорбями, чтобы быть еще болѣе достойнымъ удивленія. Недугъ былъ въ Симонѣ съ давняго времени. Оттого онъ и при этомъ (крещеніи) не освобождается отъ него. Какъ же крестили его? Такъ же, какъ и Христосъ избралъ Іуду. Онъ, видя совершающіяся знаменія, изумлялся, но еще не смѣлъ испрашивать благодати знаменій, такъ какъ видѣлъ, что и прочіе еще не получили ея. Почему же не лишили его жизни, подобно Ананіи и Сапфирѣ? Потому, что и въ древности собиравшій дрова (въ субботу) былъ лишенъ жизни въ наученіе другихъ, но никто другой уже не подвергался тому же самому. Такъ и теперь поступаетъ Петръ и, наказавъ тѣхъ, не наказываетъ этого, но говоритъ ему: *сребро твое съ тобою да будетъ въ погибель, яко даръ Божій непщевалъ еси сребромъ стяжати* (ст. 20).

3. И почему они по крещеніи не получили Духа Святого? Или потому, что Филиппъ не сообщилъ (Его), можетъ быть, воздавая тѣмъ честь апостоламъ, или онъ самъ не имѣлъ этого дарованія,—потому что былъ изъ числа семи (діаконовъ); послѣд-

нее можно сказать съ большею вѣроятностію. Отсюда мнѣ кажется, что этотъ Филиппъ былъ изъ числа семи, второй послѣ Стефана. Онъ, крестя, не сообщалъ крещаемымъ Духа, такъ какъ не имѣлъ такой власти: это дарованіе принадлежало однимъ только двѣнадцати (апостоламъ). И замѣть: эти (апостолы) не вышли, но по устроенію (Божію) вышли (изъ Іерусалима) тѣ, которые не имѣли этой благодати, потому что еще не получили Духа Святого. Они получили силу творить знаменія, но не получили (силы) сообщать Духа другимъ. Слѣдовательно, это исключительно принадлежало апостоламъ. Потому мы и видимъ, что дѣлаютъ это верховные (апостолы), а не другой кто-нибудь. *Видѣвъ же*, говоритъ (писатель), *Симонъ, яко возложеніемъ рукъ апостольскихъ дается Духъ Святый*. Онъ не сказалъ бы такъ, если бы не происходило чего-нибудь подлежащаго чувствамъ. Такъ и Павелъ выразился, когда (свидѣтельствовалъ, что) они говорили (разными) языками. Видѣлъ ли ты нечестіе Симона? Онъ принесъ деньги, хотя и не видѣлъ, чтобы (апостолъ) дѣлалъ это за деньги; слѣдовательно это не было дѣломъ невѣдѣнія, но дѣломъ того, который искушалъ и хотѣлъ подвергнуть (его) осужденію. Поэтому и услышалъ: *нѣсть ти части, ни жребія въ словеси семъ: ибо сердце твое нѣсть право предъ Богомъ* (ст. 21). Опять сокровенное въ душѣ (Петръ) обнаруживаетъ, хотя тотъ и думалъ скрыть это. *Покайся убо о злобѣ твоей сей и молися Богу, аще убо отпустится ти помышленіе сердца твоего: въ желчи бо горести и союзѣ неправды зрю тя суща. Отвѣщавъ же Симонъ рече: помолитеся вы о мнѣ ко Господу, яко да ничтоже сихъ найдетъ на мя, яже рекосте* (ст. 22—24). Надобно было покаяться отъ сердца, надобно было плакать, а онъ только лицемѣрно дѣлаетъ это. *Аще убо отпустится ти*. Это сказалъ (Петръ) не въ томъ смыслѣ, что ему не простится, если бы онъ и плакалъ, но такъ обыкновенно и пророки только угрожаютъ, и не говорятъ: если сдѣлаешь это, то простится тебѣ; но (говорятъ), что наказаніе послѣдуетъ непремѣнно. Но подивись,—прошу,—какъ они и во время бѣдствія не оставляютъ, а продолжаютъ проповѣдь: и какъ подобно тому, какъ при Моисеѣ (истинныя) чудеса узнавались по сравненію (съ ложными), такъ точно
145 и здѣсь. Было волхвованіе, но эти знаменія явно отличались; тамъ не должно бы быть ни одного бѣсноватаго, гдѣ (Симонъ) не малое время дѣйствовалъ на нихъ волхвованіями; но какъ бѣсноватыхъ было много и разслабленныхъ много, то его (чудеса) не были истинны. Филиппъ же не только знаменіями, но и словомъ приводилъ ихъ (къ вѣрѣ), бесѣдуя о царствіи и о Христѣ. *Симонъ же*, говоритъ (писатель), *крещся бѣ пребывая у Филиппа*,—пребывалъ не для вѣры, но для того, чтобы самому сдѣлаться такимъ же.

Иже сошедше помолишася о нихъ, яко да пріимутъ Духа Святаго. Еще бо ни на единаго ихъ бѣ пришедъ. Тогда возложиша руцѣ на ня: и пріяша Духа Святаго. Видишь ли, (это дѣлалось) не просто, но нужна была великая сила, чтобы сообщать Духа Святого? Не все вѣдь равно—получить отпущеніе (грѣховъ), или получить такую силу. *Видѣвъ же Симонъ, яко возложеніемъ рукъ апостольскихъ дается Духъ Святый, принесе имъ сребро.* Видѣлъ ли онъ, чтобы прочіе дѣлали это? Чтобы (дѣлалъ) Филиппъ? Неужели онъ думалъ, что они не знали, съ какою мыслію приступалъ онъ? Потому Петръ хорошо называетъ это даромъ, говоря: *сребро твое съ тобою да будетъ въ погибель, яко даръ Божій непщевалъ еси сребромъ стяжати.* Видишь ли, какъ они были непричастны деньгамъ? *Нѣсть ти части ни жребія въ словеси семъ: ибо сердце твое нѣсть право предъ Богомъ.* Итакъ, онъ дѣлалъ все неправо, а надлежало быть простымъ. *Покайся убо: въ желчи бо горести и союзѣ неправды зрю тя суща.* Это—выраженія сильнаго гнѣва. Впрочемъ онъ не наказываетъ его для того, чтобы вѣра не происходила отъ необходимости, чтобы она не казалась дѣломъ жестокимъ, чтобы осталось мѣсто покаянію; или потому, что для исправленія (его) достаточно было обличенія, что достаточно было обнаружить (сокрытое) въ сердцѣ, чтобы онъ сознался, что онъ уличенъ. Словами: *помолитеся вы о мнѣ* онъ это сознаетъ и вмѣстѣ исповѣдуетъ. Посмотри, какъ онъ, хотя былъ нечестивъ, однако увѣровалъ, когда былъ обличенъ, и теперь сдѣлался смиреннымъ, когда былъ снова обличенъ. *Видя знаменія бываема, дивляшеся,* показывая тѣмъ, что всѣ (дѣла его)—ложь. Не сказано: приступилъ, но: *дивляшеся.* Почему же онъ не сдѣлалъ этого прежде? Онъ думалъ, что можетъ укрыться; думалъ, что это было дѣломъ искусства. Но, такъ какъ онъ не могъ укрыться отъ апостоловъ, то и приступилъ. *Дуси бо нечистіи отъ многихъ имущихъ я, вопіюще гласомъ веліимъ, исхождаху.* Этотъ (гласъ) былъ явнымъ знакомъ того, что они исходили, а дѣйствія волхвовъ напротивъ еще болѣе связывали (уста). *Мнози же разслабленніи и хроміи исцѣлишася.* Здѣсь не было обмана, потому что (исцѣленные) должны были ходить и дѣйствовать. *Емуже внимаху вси, глаголюще: сей есть сила Божія.* Здѣсь исполняется сказанное Христомъ: *мнози востанутъ лжехристи и лжепророцы* во имя мое (Марк. XIII, 22). Но почему они не тотчасъ обличили его? Они удовольствовались тѣмъ, что онъ самъ обличилъ себя; и это было поучительно. Когда же онъ не могъ противиться, то лицемѣритъ, подобно волхвамъ, которые говорили: *перстъ Божій есть сіе* (Исх. VIII, 19). А чтобы его опять не изгнали, для этого онъ и пребывалъ у Филиппа, и не отходилъ (отъ него).

4. Посмотри, прошу, сколько послѣдствій произошло отъ
146 смерти Стефана. Они разсѣеваются по странамъ іудейской и самарійской; благовѣствуютъ слово, проповѣдуютъ Христа, совершаютъ знаменія; мало-по-малу получаютъ даръ (Св. Духа). Здѣсь было сугубое знаменіе: имъ дать, а тому (Симону) не дать—это величайшее знаменіе. *Они же убо засвидѣтельствовавше и глаголавше слово Господне, возвратишася во Іерусалимъ, и многимъ весемъ Самарійскимъ благовѣстиша* (ст. 25). Прекрасно сказано: *засвидѣтельствовавше*. Они свидѣтельствуютъ, можетъ быть, касательно того (Симона), чтобы (вѣрующіе) не прельстились, чтобы они были въ безопасности, чтобы по неопытности не были часто увлекаемы. *Возвратишася во Іерусалимъ*. Зачѣмъ они опять идутъ туда, гдѣ было гоненіе, гдѣ было начало бѣдствій, гдѣ особенно пребывали убійцы? Какъ на сраженіяхъ поступаютъ военачальники, устремляясь къ той части войска, которая ослабѣваетъ, точно такъ дѣлаютъ и они. Смотри еще: ученики не прежде приходятъ въ Самарію, но вслѣдствіе гоненія, какъ и при Христѣ, а потомъ уже къ увѣровавшимъ изъ самарянъ посылаются апостолы. *Слышавше же*, говоритъ (писатель), *иже во Іерусалимѣ апостоли, послаша къ нимъ Петра и Іоанна* (ст. 14). Для чего же посылаются? Для того, чтобы избавить ихъ отъ волхвованія, чтобы напомнить ученіе, которое они слышали отъ Христа, когда въ началѣ увѣровали. Итакъ, (Симону) напротивъ слѣдовало попросить, чтобы самому получить Духа Святого; а онъ, не заботясь о Немъ для себя, проситъ, чтобы (имѣть силу) сообщать Его другимъ. И тѣ (семь діаконовъ) не получили Его такъ, чтобы сообщать другимъ; а онъ захотѣлъ стать славнѣе Филиппа, будучи въ числѣ учениковъ его. *Сребро твое съ тобою да будетъ въ погибель*. Это — слова не надмевающагося, но учащаго. Такъ какъ онъ не употребилъ сребра, на что должно, то пусть, говоритъ, оно будетъ при тебѣ—такомъ (нечестивцѣ). Или какъ бы такъ сказалъ: пусть оно погибнетъ вмѣстѣ съ твоимъ намѣреніемъ, потому что ты такъ низко думаешь о дарѣ Божіемъ, считая его дѣломъ совершенно человѣческимъ. Не таковъ этотъ даръ. Если бы онъ пришелъ, какъ слѣдовало придти, то былъ бы принятъ, или, по крайней мѣрѣ, не былъ бы отвергнутъ, какъ зараза. Видишь ли, какъ тотъ грѣшитъ сугубо, кто думаетъ низко о (предметахъ) высокихъ? Поэтому (апостолъ) повелѣваетъ ему два (дѣла): *покайся и молися, аще убо отпустится ти помышленіе сердца твоего*. Такъ тотъ замыслилъ дѣло порочное; потому (апостолъ) и сказалъ ему: *аще убо отпустится ти*,—зная, что онъ неисправимъ. Онъ же, съ своей стороны, опасался народа и не рѣшился раскаяться. Если бы онъ не смутился, то сказалъ бы: я не зналъ, я поступилъ легкомыс-

ленно: но онъ былъ пораженъ, во-первыхъ, тѣмъ, что предъ нимъ совершались знаменія, а во-вторыхъ, тѣмъ, что сокровенное въ душѣ его сдѣлалось явнымъ. Поэтому онъ и отправился далеко, въ Римъ, куда апостолъ еще не доходилъ. *И многимъ*, говоритъ, *весемъ Самарійскимъ благовѣстиша*. Смотри, какъ и въ самомъ путешествіи они совершали свое дѣло; они и путешествовали не напрасно. Такія путешествія должно совершать и намъ. Но что я говорю: путешествія? Многіе имѣютъ села и деревни, но не заботятся и нисколько не пекутся о нихъ. О томъ, какъ бы устроить баню, какъ увеличить доходы, какъ устроить дворы и жилища, они заботятся много; а о томъ, какъ бы воздѣлать души, нисколько. Когда ты видишь на полѣ терніе, то исторгаешь, жжешь, уничтожаешь его, чтобы освободить землю отъ причиняемаго имъ вреда; но, видя самихъ земледѣльцевъ, исполненныхъ терніемъ, не исторгаешь его: неужели, скажи мнѣ, ты не боишься и не трепещешь Того, Который потребуетъ отъ тебя от- 147
чета за нихъ? Не долженъ ли каждый изъ вѣрующихъ построить церковь, пригласить учителя въ помощь себѣ, и заботиться прежде всего о томъ, чтобы всѣ были христіанами? Какимъ образомъ, скажи мнѣ, земледѣлецъ будетъ христіаниномъ, когда онъ видитъ, что ты такъ нерадишь о его спасеніи? Но ты не можешь творить знаменій и убѣждать? Убѣждай ихъ тѣмъ, чѣмъ можешь: человѣколюбіемъ, предстательствомъ, кротостію, ласками и всѣмъ другимъ.

Рынки и бани строятъ многіе, а церквей не строятъ, и скорѣе все (сдѣлаютъ), нежели это. Поэтому убѣждаю, умоляю и прошу какъ милости, или лучше, поставляю даже закономъ, чтобы никто не имѣлъ села безъ церкви. Не говори мнѣ: (церковь) есть близко, у сосѣдей; (съ нею) много расходовъ, не много доходовъ. Если ты имѣешь что-нибудь удѣлять нищимъ, то употреби это на нее; лучше на это, нежели на то; содержи учителя, содержи діакона и священнослужительскій чинъ. Подобно тому, какъ (ты дѣлаешь), когда берешь жену или невѣсту, или отдаешь дочь, такъ поступи и съ церковью. Удѣли ей приданое. Такимъ образомъ село твое исполнится благословенія. Какихъ не будетъ тамъ благъ? Не важно ли, скажи мнѣ, что гумно (твое) будетъ благословляться? Не важно ли, что отъ всѣхъ плодовъ твоихъ Богъ прежде всѣхъ будетъ принимать часть и начатки? Это полезно для мира земледѣльцевъ. Затѣмъ и священникъ будетъ пользоваться уваженіемъ, и для села это послужитъ во спасеніе. Тамъ (будутъ совершаться) за тебя постоянныя молитвы, пѣснопѣнія и торжества, и приношеніе (безкровной жертвы) въ каждый день воскресный. Что болѣе достойно хвалы—то ли, что другіе строятъ

великолѣпныя гробницы, чтобы послѣ нихъ говорили: такой-то построилъ ихъ, или то, что ты воздвигъ церкви? Подумай, что, воздвигнувъ жертвенникъ Богу, ты будешь имѣть воздаяніе до самаго пришествія Христова.

5. Скажи мнѣ: если бы царь повелѣлъ тебѣ построить домъ, чтобы ему жить тамъ, не сдѣлалъ ли бы ты всего? Но зданіе церкви есть царственное жилище Христа. Не смотри на расходы, но подумай о плодѣ. Тѣ воздѣлываютъ землю,—ты воздѣлай ихъ души; тѣ приносятъ тебѣ плоды, —ты возводи ихъ на небо. Кто полагаетъ начало, тотъ (бываетъ) виновникомъ и всего прочаго. Такъ и ты будешь виновникомъ (спасенія) оглашаемыхъ тамъ и въ ближайшихъ селеніяхъ. Бани дѣлаютъ земледѣльцевъ очень изнѣженными, корчмы—очень невоздержными; но, не смотря на то, вы строите ихъ ради славы. Рынки и сходбища (дѣлаютъ ихъ) безстыдными; а здѣсь все напротивъ. Каково видѣть священника, шествующаго, подобно Аврааму, убѣленнаго сѣдинами, опоясаннаго, воздѣлывающаго землю и работающаго своими руками! Что вожделѣннѣе такого селенія? Здѣсь добродѣтель гораздо больше. Здѣсь нѣтъ распутства: оно отвергнуто; нѣтъ пьянства и объяденія: они изгнаны; нѣтъ тщеславія: оно погашено; здѣсь радушіе больше сіяетъ отъ простосердечія. Каково выходить и входить въ домъ Божій и сознавать, что самъ построилъ его, лечь отдохнуть и послѣ тѣлеснаго отдыха присутствовать при вечернихъ и утреннихъ молитвословіяхъ, пригласить къ своему столу священника,
148 бесѣдовать съ нимъ, принимать благословеніе, видѣть, какъ и другіе идутъ туда! Это—стѣна, это—безопасность селенія. Это—та нива, о которой сказано: *воня нивы исполнены, юже благослови Господь* (Быт. XXVII, 27). Если и безъ того село хорошо по тишинѣ и спокойствію, въ немъ господствующему, то, когда оно будетъ имѣть и это, съ чѣмъ сравнится? Подлинно, село, имѣющее церковь, подобно раю Божію. Нѣтъ тамъ ни крика, ни шума, ни разныхъ враговъ, ни ересей: всѣ являются друзьями, исповѣдующими одни и тѣ же догматы. Тишина располагаетъ тебя къ любомудрію; священникъ, начавъ съ этого любомудрія, легко уврачуетъ тебя. Здѣсь все, что мы говоримъ, разсѣевается на торжищѣ; а тамъ, что ты услышишь (отъ него), твердо напечатлѣешь въ душѣ своей, и оттого въ селѣ ты будешь другимъ (человѣкомъ). Онъ и тѣхъ (поселянъ) станетъ руководствовать и будетъ для нихъ стражемъ, какъ самымъ пребываніемъ (между ними), такъ и вразумленіемъ ихъ. А какіе расходы, скажи мнѣ? Ты построй сначала небольшой домъ въ видѣ храма; кто-нибудь послѣ тебя построитъ притворъ, а другой послѣ него прибавитъ еще что-нибудь, и такимъ образомъ тебѣ вмѣнится все. Ты даешь немногое, а

получаешь воздаяніе за все. Итакъ, сдѣлай начало, положи основаніе, или лучше сказать, убѣждайте другъ друга, соревнуйте между собою въ этомъ дѣлѣ. Мѣста, гдѣ надобно хранить мякину, рожь и все подобное, устроиють со всѣми удобствами; а гдѣ надобно собирать плоды духовные, о томъ нисколько не заботятся, но принуждають себя проходить тысячи стадій и предпринимать дальнія путешествія, чтобы придти въ церковь. А какъ хорошо, когда священникъ съ совершеннымъ спокойствіемъ приходитъ въ церковь, чтобы приступить къ Богу и каждый день молиться о селѣ, о создателѣ (храма)! Не важно ли, скажи мнѣ, что твое имя будетъ постоянно поминаться въ священнодѣйствіяхъ и каждый день будутъ совершаться о селѣ молитвы къ Богу? Сколько это принесетъ тебѣ пользы и въ прочихъ отношеніяхъ! Случается, что иные изъ твоихъ сосѣдей имѣютъ покровителей; къ тебѣ—бѣдному—никто изъ нихъ и придти не захочетъ, а священника, быть можетъ, и пригласитъ, и посадитъ за столъ вмѣстѣ съ собою. Видишь ли, сколько отсюда можетъ произойти благъ? Село будетъ свободно отъ всякаго дурного нареканія; никто не станетъ обвинять его ни въ убійствѣ, ни въ воровствѣ, ни подозрѣвать въ чемъ-нибудь подобномъ. Будутъ имѣть (поселяне) отъ этого и другое утѣшеніе, когда приключится съ кѣмъ болѣзнь или смерть. Не безъ пользы и не какъ случилось будутъ тамъ вести дружбу посѣщающіе другъ друга; и собранія будутъ гораздо пріятнѣе, нежели на (народныхъ) праздникахъ. И не только собранія, но и сами старѣйшины будутъ болѣе уважаемы ради священника. Ты, конечно, слышалъ, что Іерусалимъ у древнихъ былъ почитаемъ болѣе остальныхъ городовъ,—и не безъ причины, но потому, что (въ немъ) тогда господствовало благочестіе. Гдѣ почитаютъ Бога, тамъ нѣтъ ничего худого; а напротивъ, гдѣ не почитаютъ Его, тамъ нѣтъ ничего добраго. Такъ будетъ (тамъ) великое благосостояніе и по отношенію къ Богу, и по отношенію къ людямъ. Поэтому увѣщеваю васъ — не небрежно, но усердно приняться за это дѣло. *Если изводящій честное отъ недостойнаго, яко уста Божіи будетъ* (Іер. xv, 19), то приносящій пользу и спасеніе столь многимъ душамъ, которыя теперь существуютъ и которыя еще будутъ до пришествія Христова, какого благоволенія не удостоится отъ Бога! Устрой твердыню противъ діавола: это и есть церковь. Оттуда пусть простираются руки (поселянъ) на
трудъ; прежде пусть они простираютъ ихъ на молитвы, а потомъ 149
идутъ на работу. Такимъ образомъ будетъ у нихъ и тѣлесная сила, и земледѣліе будетъ успѣшно, и всѣ бѣдствія будутъ имъ чужды. Невозможно выразить словомъ происходящаго отсюда удовольствія, пока оно не будетъ испытано на дѣлѣ. Не на то

смотри, что церковь не приноситъ никакого дохода. Если такъ смотришь, то лучше совсѣмъ не приступай къ дѣлу, если ты не думаешь получать доходъ выше всякаго селенія. Если не такъ думаешь, то и не дѣлай, если не считаешь этого дѣла выше всего. Что выше этого пріобрѣтенія — возводить души въ житницу небесную? Жаль, что вы не знаете, какъ важно пріобрѣтать души. Послушай, что говоритъ Христосъ Петру: *если любишь Меня, паси овцы моя* (Іоан. XXI, 16). Если бы ты, увидѣвъ, что царскія овцы или лошади (скитаются) внѣ затвора и подвергаются опасности, самъ построилъ для нихъ затворъ и конюшню, или даже приставилъ пастуха къ нимъ, то чѣмъ не вознаградилъ бы тебя царь?
150 Здѣсь ты собираешь стадо Христово и приставляешь къ нему пастыря, и неужели, думаешь, совершаешь дѣло не важное? Но что я говорю? Если соблазняющему и одного (человѣка) угрожаетъ такое наказаніе (Лук. XVII, 2), то спасающій столь многихъ людей, скажи мнѣ, неужели не спасется? Безъ сомнѣнія, спасется. Какой грѣхъ будетъ за нимъ? А если какой и будетъ, то не простится ли ему? Изъ наказанія соблазняющему познай воздаяніе спасающему. Если бы для Бога не было вожделѣнно спасеніе и одной души, то погубленіе ея не подвергалось бы такому гнѣву Его. Итакъ, зная это, примемся за это духовное дѣло; пусть каждый (изъ васъ) пригласитъ и меня, и мы вмѣстѣ устроимъ это по возможности. И если будутъ три владѣльца, то пусть дѣлаютъ это общими силами; а если одинъ, то пусть убѣждаетъ къ тому и прочихъ сосѣдей. Только, увѣщеваю васъ, постарайтесь сдѣлать это, чтобы, во всемъ благоугождая Богу, сподобиться намъ вѣчныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIX.

149 Ангелъ же Господень рече къ Филиппу, глаголя: востани и иди на полудне, на путь сходящій отъ Іерусалима въ Газу: и той есть пусть. И воставъ пойде (Дѣян. VIII, 26, 27).

1. Мнѣ кажется, что (Филиппъ) получилъ это повелѣніе, находясь въ Самаріи, потому что изъ Іерусалима (въ Газу) надобно идти не къ полудню, а къ сѣверу, отъ Самаріи же къ полудню. *Той есть пустъ*. Это сказано для того, чтобы онъ не опасался нападенія со стороны іудеевъ. И онъ не спросилъ: для чего?— но *воставъ пойде*. *И се*, говоритъ (писатель), *мужъ Муринъ евнухъ*

силенъ Кандакіи царицы Муринскія, иже бѣ надъ всѣми сокровищи ея: иже пріиде поклонитися во Іерусалимъ. Бѣ же возвращаяся и сѣдя на колесницѣ своей, чтяше пророка Исаію (ст. 27, 28). Много похвальнаго сказано о немъ въ этихъ словахъ: несмотря на то, что онъ жилъ въ Еѳіопіи, занятъ былъ такимъ множествомъ дѣлъ, находился въ суевѣрномъ городѣ, и праздника не было, онъ пріѣзжалъ на поклоненіе въ Іерусалимъ. Великое усердіе его (видно) и изъ того, что, сидя на колесницѣ, онъ читалъ. *Рече же Духъ къ Филиппу: приступи и прилѣпися къ колесницѣ сей. Притекъ же Филиппъ, услыша его чтуща пророка Исаію, и рече: убо разумѣеши ли, яже чтеши? Онъ же рече: како убо могу, аще не кто наставитъ мя* (ст. 29—31)? Вотъ и еще похвальное качество. Какое? То, что онъ, не понимая, читалъ. Но потомъ, по прочтеніи, старается уразумѣть. *Умоли же Филиппа, да возшедъ сядетъ съ нимъ. Слово же писанія, еже чтяше, бѣ сіе: яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ прямо стригущему его безгласенъ: тако не отверзаетъ устъ своихъ. Во смиреніи его судъ его вятся: родъ же его кто исповѣсть? Яко вземлется отъ земли животъ его. Отвѣщавъ же каженикъ къ Филиппу рече: молю тя, о комъ пророкъ глаголетъ сіе, о себѣ ли, или о иномъ нѣкоемъ? Отверзъ же Филиппъ уста своя, и наченъ* 15)
отъ писанія сего, благовѣсти ему Іисуса (ст. 31—35). Видишь ли, какъ устраивается дѣло его (обращенія)? Сначала онъ читаетъ и не понимаетъ; притомъ читаетъ то мѣсто, гдѣ повѣствуется о страданіи, воскресеніи и дарѣ (Господнемъ). *Якоже идяху путемъ, пріидоша на нѣкую воду: и рече каженикъ: се вода: что возбраняетъ ми креститися* (ст. 36)? Видѣлъ ли ты готовность? Видѣть ли усердіе? *И повелѣ стати колесницѣ: и снидоста оба на воду, Филиппъ же и каженикъ: и крести его. Егда же изыдоста отъ воды, Духъ Господень восхити Филиппа, и не видѣ его ктому каженикъ: идяше бо въ путь свой радуяся* (ст. 38, 39). Зачѣмъ, скажешь, восхитилъ Филиппа Духъ Господень? Затѣмъ, что ему предстояло идти и въ другіе города и проповѣдывать; и для того это сдѣлано, чтобы онъ самъ впослѣдствіи, удивляясь этому, не считалъ случившагося съ нимъ дѣломъ человѣческимъ, но Божіимъ. *Филиппъ же обрѣтеся во Азотѣ: и проходя благовѣствоваше градомъ всѣмъ, дондеже пріити ему въ Кесарію* (ст. 40). И отсюда видно, что онъ былъ изъ числа семи (діаконовъ); онъ же и впослѣдствіи оказывается тамъ въ Кесаріи. Не безъ цѣли восхитилъ его Духъ; иначе евнухъ сталъ бы просить его сопутствовать ему, и Филиппъ опечалилъ бы его, не согласившись и отказавши, такъ какъ еще не пришло время (для этого). Видѣлъ ли ты, какъ ангелы содѣйствуютъ проповѣди, однако не сами проповѣдуя, но призывая ихъ (апостоловъ)? И здѣсь открывается достойное удив-

ленія: что прежде бывало рѣдко и едва ли случалось, то здѣсь происходитъ весьма часто. Кромѣ того, это происшествіе было нѣкоторымъ предзнаменованіемъ того, что (апостолы) обратятъ и иноплеменниковъ. Достойное вѣроятія свидѣтельство могло расположить и другихъ, узнавшихъ объ этомъ, къ такой же ревности. Поэтому-то евнухъ и отправился *радуяся*; а если бы онъ не позналъ, то и не радовался бы. Но что, скажешь, препятствовало ему хорошо познать все это, сидя на колесницѣ и особенно въ пустынѣ? То, что это не было ясно. Но обратимся къ прочитан-
151 ному выше. *И се мужъ Муринъ евнухъ, силенъ Кандакіи царицы Муринскія.* Отсюда видно, что (еѳіопляне) были управляемы ею; въ древности и женщины управляли; таковъ былъ у нихъ законъ. Такимъ образомъ Филиппъ не зналъ, для чего онъ *шелъ* въ пустыню, такъ какъ не (прежде) ангелъ, но (послѣ) восхищаетъ его. Евнухъ же и ничего этого не видитъ,—потому ли что онъ былъ еще не совершенъ, или потому, что это—дѣло не тѣлесныхъ, но духовныхъ очей, и еще не знаетъ того, чему научаетъ его Филиппъ. А почему ангелъ не является ему и не приводитъ его къ Филиппу? Можетъ быть, потому, что тогда онъ не послушался бы, но только былъ бы изумленъ. Посмотри на любомудріе Филиппа: онъ не укорилъ, не сказалъ: ты не знаешь, я тебя научу; не сказалъ: я хорошо знаю это; не польстилъ и не сказалъ: блаженъ ты, читающій. Такъ, слова его были чужды и надменности, и лести, но болѣе выражали попеченіе и человѣколюбіе. Ему самому нужно было спросить, самому нужно было пожелать. Сказавъ: *убо разумѣеши ли, яже чтеши?* онъ выражаетъ, что ему извѣстно, что тотъ ничего не знаетъ, и вмѣстѣ показываетъ, что великое сокровище заключается (въ прочитанномъ).

2. Но смотри, какъ благоразумно отвѣчаетъ и евнухъ: *како убо могу*, говоритъ, *аще не кто наставитъ мя?* Онъ не посмотрѣлъ на (внѣшній) видъ (Филиппа), не сказалъ: кто ты таковъ?—не укорялъ, не тщеславится, не говорилъ, что знаетъ, но сознается, что не понимаетъ; потому и получаетъ наставленіе. Онъ показываетъ рану врачу; уразумѣлъ, что (Филиппъ) и знаетъ это, и желаетъ научить. Онъ замѣтилъ смиреніе (его),—такъ какъ онъ былъ не въ блестящей одеждѣ. Такое онъ имѣлъ желаніе слышать и внимать словамъ его, что и слова (Писанія): *ищай обрѣтаетъ* (Мѳ. VII, 8) исполнились на немъ. *Умоли же*, сказано, *Филиппа, да возшедъ сядетъ съ нимъ*. Видѣлъ ли ты усердіе? Видѣлъ ли желаніе? *Умоли, да возшедъ сядетъ съ нимъ*. Онъ еще не зналъ, что тотъ скажетъ ему, но просто думалъ услышать что-нибудь о пророчествѣ. Очень большая честь (Филиппу) и въ томъ, что (евнухъ) не просто посадилъ его, но *умоливъ*. *Притекъ же Фи-*

липпъ, услыша его чтуща. Приближеніе показываетъ (въ Филиппѣ) желаніе говорить, а чтеніе—знакъ усердія (въ евнухѣ). Онъ читалъ въ то время, когда солнце производитъ сильнѣйшій зной. *Слово же писанія бѣ сіе: яко овча на заколеніе ведеся.* И это служитъ доказательствомъ его любомудрія, что онъ держалъ въ рукахъ такого пророка, который выше прочихъ. Потому и говоритъ (Филиппу) не съ тщеславіемъ, но спокойно, и притомъ говоритъ такъ не прежде, какъ будучи спрошенъ, когда тотъ спросилъ его. Точно также онъ и далѣе говоритъ: *молю тя, о комъ пророкъ глаголетъ сіе?* Мнѣ кажется, онъ не зналъ, что пророки говорятъ о другихъ; или, если не такъ, то не зналъ, что о самихъ себѣ они говорятъ въ другомъ лицѣ. Устыдимся мы, и бѣдные и богатые, этого хранителя сокровищъ! Потомъ *пріидоша на нѣкую воду, и рече: се вода.* Это—(знакъ) сильно пламенѣющей души. *Что возбраняетъ ми креститися?* Видишь ли его готовность? Не говоритъ: крести меня, и не молчитъ; но говоритъ нѣчто среднее, выражающее и желаніе, и благоговѣніе: *что возбраняетъ ми креститися?* Смотри, какъ онъ уже получилъ совершенное (познаніе) догматовъ; вѣдь пророчество содержало въ себѣ все: воплощеніе, страданіе, воскресеніе, вознесеніе и будущій судъ; это-то въ особенности и произвело въ немъ сильное желаніе (креститься). Устыдитесь вы, которые остаетесь еще непросвѣщенными! *И повелѣ стати колесницѣ.* Сказалъ и въ то же время повелѣлъ, прежде 152
чѣмъ услышалъ (отвѣтъ). *Егда же изыдоста отъ воды, Духъ Господень восхити Филиппа.* Хорошо (сдѣлано),—чтобы явно было, что происходящее есть дѣло Божіе, и чтобы (евнухъ) не подумалъ, что (Филиппъ)—простой человѣкъ. *Идяше бо въ путь свой радуяся.* Это сказалъ (писатель), выражая, что онъ опечалился бы, если бы узналъ (объ удаленіи Филиппа); такъ отъ великой радости, по полученіи Духа, онъ и не замѣтилъ происходившаго около него. *И обрѣтеся*, говоритъ, *во Азотѣ.* И Филиппъ получилъ отъ того великую пользу. Что онъ слышалъ о пророкахъ, объ Аввакумѣ, Іезекіилѣ и прочихъ, увидѣлъ исполнившимся на себѣ, оказавшись прошедшимъ мгновенно далекій путь; *и обрѣтеся во Азотѣ*, останавливается тамъ, гдѣ ему и надлежало проповѣдывать. *Савлъ же еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни, приступль ко архіерею, испроси отъ него посланія въ Дамаскъ къ сонмищемъ, яко да аще нѣкія обрящетъ того пути сущыя, мужи же и жены, связаны приведетъ во Іерусалимъ* (IX, 1, 2). Благовременно (писатель) повѣствуетъ о ревности Павла, чтобы показать, что онъ именно увлекался ревностію. Еще не насытившись убіеніемъ Стефана и не удовольствовавшись гоненіемъ и разсѣяніемъ Церкви, онъ приходитъ къ архіерею. Здѣсь испол-

няются слова Христовы, сказанныя къ ученикамъ: *пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу* (Іоан. XVI, 2). Такъ онъ поступалъ, но не такъ, какъ іудеи,—да не будетъ! Онъ поступалъ по ревности, какъ видно изъ того, что отправлялся и въ чужіе города; а они не заботились и о томъ, что происходило въ Іерусалимѣ, но домогались одного только—насладиться честью. Зачѣмъ онъ отправлялся въ Дамаскъ? Это былъ городъ большой, столичный; онъ боялся, чтобы и туда не проникли (вѣрующіе). И посмотри на его усердіе и ревность, какъ онъ дѣйствовалъ по закону. Онъ не приходитъ къ правителю, но къ архіерею. *Испроси отъ него посланія, яко да аще нѣкія обрящетъ того пути сущыя. Путемъ* называетъ (писатель) вѣрующихъ, которыхъ тогда всѣ такъ называли, можетъ быть, потому, что они шли по пути, ведущему на небо. Почему же онъ не получилъ власти наказать ихъ тамъ, но ведетъ въ Іерусалимъ? Чтобы здѣсь съ большею властію совершить наказаніе. И смотри, подвергая себя такой опасности, онъ, однако, боится, чтобы не потерпѣть чего-нибудь худого; потому онъ беретъ съ собою и другихъ, можетъ быть, изъ страха, или потому, что шелъ противъ многихъ, онъ и беретъ многихъ, чтобы смѣлѣе, *аще нѣкія обрящетъ, мужи же и жены, связаны приведетъ во Іерусалимъ*. Съ другой стороны, этимъ путешествіемъ онъ хотѣлъ показать всѣмъ имъ, что все это—его (дѣло): а тѣ не заботились объ этомъ. И замѣть, онъ и прежде ввергалъ (въ темницу). Такъ, чего тѣ не могли, то онъ могъ по ревности. *Внегда же ему ити, бысть ему приближитися къ Дамаску, и внезапу облиста его свѣтъ отъ небесе: и падъ на землю, слыша гласъ глаголющъ ему: Савле, Савле, что мя гониши* (ст. 3, 4)?

3. Почему это случилось не въ Іерусалимѣ? Почему не въ Дамаскѣ? Чтобы другіе не могли иначе разсказать объ этомъ, но чтобы самъ, шедшій съ такою цѣлію, разсказалъ и былъ достоинъ вѣроятія. Это онъ и разсказываетъ въ защитительной рѣчи предъ Агриппою (Дѣян. XXVI, 10—18). Онъ страдалъ глазами, потому
153 что чрезмѣрный свѣтъ обыкновенно ослѣпляетъ, зрѣніе же имѣетъ свою мѣру. Говорятъ, что и чрезмѣрный звукъ оглушаетъ и поражаетъ; но его (Господь) только ослѣпилъ и страхомъ угасилъ ярость его, такъ что онъ услышалъ слова: *Савле, Савле, что мя гониши?* Не говоритъ ему: увѣруй, и ничего подобнаго; но укоряетъ, и въ укоризнѣ какъ бы говоритъ: за какую обиду отъ Меня, большую или малую, ты дѣлаешь это? *Рече же: кто еси, Господи?* Здѣсь онъ признаетъ себя рабомъ. *Господь же рече: азъ есмь Іисусъ, его же ты гониши* (ст. 5). Какъ бы такъ говорилъ: не подумай, что ты ведешь брань съ людьми. *Бывшіе же съ нимъ,*

гласъ убо Павла *слышаще, но никого же видяще* (ст. 7), кому онъ отвѣчалъ. Естественно,—потому что они удостоились слышать меньшее. Если бы они услышали тотъ гласъ (Господа), то и тогда не увѣровали бы; а видя Павла отвѣчающаго, изумлялись. Но *востани и вниди во градъ, и речется ти, что ти подобаетъ творити* (ст. 6). Смотри, какъ (Господь) не тотчасъ открываетъ ему все, но (прежде) только смягчаетъ его душу: и повелѣвая, что дѣлать ему, вмѣстѣ съ тѣмъ подаетъ ему добрую надежду, что онъ опять получитъ зрѣніе. *Мужіе же идущіи съ нимъ стояху чудящеся, гласъ убо слышаще, но никого же видяще. Воста же Савлъ отъ земли, и отверстыма очима своима ни единаго видяше: ведуще же его за руку введоша въ Дамаскъ* (ст. 7, 8). Вводятъ добычу, (отнятую) у діавола, сосуды его, какъ бы по взятіи какого-нибудь города или столицы. И подлинно удивительно, что сами враги и противники вводили его предъ глазами всѣхъ. *И бѣ дни три не видя: и ни ядс, ни піяше* (ст. 9). Бывало ли что-нибудь подобное этому? Обращеніе Павла служитъ утѣшеніемъ, вознаграждающимъ за скорбь о Стефанѣ, которая хотя и сама въ себѣ имѣла нѣчто утѣшительное въ томъ, что онъ такъ отошелъ (къ Господу), но теперь получила и это (утѣшеніе); также и селенія самарійскія обращеніемъ (своимъ) принесли весьма много утѣшенія.

Зачѣмъ, скажешь, это случилось не въ началѣ, но послѣ? Чтобы показать, что Христосъ воистину воскресъ. Кто гналъ Его, не вѣровалъ Его смерти и воскресенію и преслѣдовалъ учениковъ Его, тотъ какимъ образомъ, скажи мнѣ, увѣровалъ бы, если бы не была велика сила Распятаго? Положимъ, что тѣ (ученики) дѣйствовали изъ преданности къ Нему; но что скажешь объ этомъ? Съ другой стороны, онъ обратился послѣ воскресенія, а не тогда же, для того, чтобы вражда его обнаружилась яснѣе. Неистовствовавшій до того, что проливалъ и кровь и ввергалъ въ темницы, вдругъ вѣруетъ. Не достаточно было того, что онъ не обращался со Христомъ: но надлежало, чтобы онъ и жестоко преслѣдовалъ вѣрующихъ, и онъ достигъ крайней степени неистовства и былъ жесточе всѣхъ. Но когда онъ лишился зрѣнія, тогда познаетъ знаменія Его силы и человѣколюбія. Или для того (это было), чтобы кто-нибудь не сказалъ, будто Савлъ притворялся. Какъ могъ притворяться тотъ, кто жаждалъ крови, приходилъ къ священникамъ, подвергалъ себя опасностямъ, преслѣдовалъ и наказывалъ даже внѣ (Іерусалима)? И онъ послѣ всего этого признаетъ силу (Христову). Но почему не внутри города, а предъ нимъ, свѣтъ облисталъ его? Потому что (тогда) 154
многіе не только не увѣровали бы, но еще стали бы издѣваться, подобно тому, какъ тамъ, когда услышали гласъ, пришедшій

свыше, говорили: *громъ бысть* (Іоан. XII, 19); а ему должны были повѣрить, когда онъ разсказывалъ о случившемся съ нимъ. И вели его связаннаго, хотя не возложенными на него узами, вели того, кто самъ надѣялся вести другихъ. Но почему онъ не ѣлъ и не пилъ? Онъ раскаивался въ дѣлахъ своихъ, исповѣдывался, молился, просилъ Бога. Если же кто скажетъ, что это было дѣломъ необходимости,—вѣдь и Елима тоже потерпѣлъ (Дѣян. XIII, 11),—мы скажемъ: да, и тотъ потерпѣлъ, но остался, какъ былъ. Слѣдовательно, не безъ принужденія ли онъ такъ поступалъ? Что могло быть разительнѣе землетрясенія, бывшаго при воскресеніи (Христовомъ),—воиновъ, возвѣстившихъ (объ этомъ),—прочихъ знаменій,—и того, что видѣли Его воскресшимъ? Но и это не было принужденіемъ, а внушеніемъ. Иначе почему бы іудеи не увѣровали, слыша обо всемъ этомъ? Очевидно, что онъ дѣйствовалъ искренно. Онъ не обратился бы, если бы не случилось этого, такъ что всѣ должны были ему повѣрить. Онъ былъ не меньше проповѣдавшихъ о воскресеніи (Христовомъ), даже еще и достовѣрнѣе ихъ, (какъ) обратившійся внезапно. Онъ не имѣлъ сношеній ни съ кѣмъ изъ вѣрующихъ, но обратился въ Дамаскѣ, или, лучше сказать, это случилось съ нимъ предъ Дамаскомъ. Я спрашиваю іудея: отчего, скажи мнѣ, обратился Павелъ? Онъ видѣлъ столько знаменій, и не обращался. Учитель его (Гамаліилъ) обратился, а онъ не обращался. Кто же убѣдилъ его? Или лучше—кто внезапно возбудилъ въ немъ такую ревность, что онъ желалъ и самъ отлученъ быть ради Христа (Рим. IX, 3)? Истина дѣла очевидна. Впрочемъ, (вспомнимъ) о чемъ я говорилъ, и устыдимся евнуха, просвѣщаемаго и читающаго. Видите ли, какую онъ имѣлъ власть, какое богатство, и однако, не отдыхалъ и на пути? Каковъ же онъ, слѣдовательно, былъ дома, если и во время путешествія не позволялъ себѣ быть празднымъ? Каковъ онъ былъ ночью?

4. Вы, которые отличены почестями, послушайте и подражайте смиренію и благочестію. Онъ, хотя возвращался домой, но не сказалъ самому себѣ: я возвращаюсь въ отечество, тамъ приму баню (крещенія),—какъ сказали бы равнодушно многіе. Не требовалъ знаменій, не требовалъ чудесъ, но только отъ пророка увѣровалъ. Потому и Павелъ, скорбя о себѣ, говоритъ: *но сего ради помилованъ быхъ, яко не вѣдый сотворихъ въ невѣрствіи, и да во мнѣ первомъ покажетъ Іисусъ Христосъ все долготерпѣніе* (1 Тим. I, 13, 16). И подлинно, достоинъ удивленія этотъ евнухъ. Онъ не видѣлъ Христа, не видѣлъ знаменій; видѣлъ Іерусалимъ еще стоящимъ (въ цѣлости), и повѣрилъ Филиппу. Отчего же онъ сдѣлался такимъ? Онъ имѣлъ попеченіе о душѣ своей, внималъ

Писаніямъ, упражнялся въ чтеніи (ихъ). Вѣдь и разбойникъ видѣлъ знаменія, и волхвы видѣли звѣзду; а онъ ничего такого не видѣлъ и увѣровалъ: какъ полезно чтеніе Писаній! Что же Павелъ? Не поучался ли и онъ въ законѣ? Но, мнѣ кажется, онъ нарочито былъ оставленъ (въ такомъ состояніи) для того, о чемъ я сказалъ выше, по изволенію Христа, желавшаго всѣми мѣрами привлечь къ Себѣ іудеевъ. Если бы они имѣли умъ, то ничто не принесло бы имъ столько пользы, какъ это (чтеніе Писаній). Вѣдь оно болѣе знаменій и всего другого могло бы привлечь ихъ (ко Христу), равно какъ ничто столько не соблазняетъ обыкновенно людей болѣе грубыхъ. Итакъ, смотри, какъ и по разсѣяніи апостоловъ Богъ творитъ знаменія. Іудеи обвинили апостоловъ, ввергли ихъ въ темницу; но Богъ творитъ знаменія. 155
И посмотри, какія. Изведеніе изъ темницы было Его знаменіе; приведеніе Филиппа было Его знаменіе; обращеніе Павла было Его знаменіе; явленіе Стефану было Его знаменіе. И замѣть, какая оказывается честь Павлу, и какая евнуху. Здѣсь (Павлу) даже является самъ Христосъ, можетъ быть, по причинѣ ожесточенія (его) и потому, что иначе онъ не увѣровалъ бы. Внимая этимъ чудесамъ, и мы содѣлаемъ себя достойными. Но нынѣ многіе даже не приходятъ въ церковь и не знаютъ, что (въ ней) читается; евнухъ же на улицѣ, и сидя на колесницѣ, внимательно читалъ Писанія. Но вы не такъ; изъ васъ никто не имѣетъ въ рукахъ Библіи, и скорѣе (возьметъ) все другое, чѣмъ Библію. А почему онъ встрѣчается съ Филиппомъ не прежде (посѣщенія) Іерусалима, а послѣ того? Ему не слѣдовало видѣть апостоловъ гонимыми, потому что онъ былъ еще немощенъ; и прежде это было бы не такъ удобно, какъ тогда, когда пророкъ наставилъ его. Такъ и теперь, если кто изъ васъ желалъ бы внимать пророкамъ, то онъ не будетъ нуждаться въ знаменіяхъ. Но, если угодно, разсмотримъ и самое пророчество, что говоритъ оно. *Яко овча на заколеніе ведеся, и во смиреніи его судъ его взятся.* Отсюда онъ узналъ, что (Христосъ) былъ распятъ, что была взята отъ земли жизнь Его, что Онъ не совершилъ грѣха, что могъ и другихъ спасти, что родъ Его неисповѣдимъ, что камни распались, что завѣса раздралась, что мертвые возстали изъ гробовъ; или лучше, обо всемъ этомъ сказалъ ему Филиппъ, только по поводу (чтенія) изъ пророка. Подлинно, важно чтеніе Писаній. Такъ исполнялось сказанное Моисеемъ: *сѣдяй, и идый путемъ, и лежа, и востоя,* помни Господа Бога твоего (Втор. VI, 7). Въ особенности на пути, въ пустынѣ, когда никто не препятствуетъ, мы бываемъ способнѣе къ размышленію. И евнухъ увѣровалъ на пути, и Павелъ—на пути; но его (Павла) не другой

кто привлекъ, а самъ Христосъ. Это важнѣе того, что дѣлали апостолы; важнѣе потому, что, тогда какъ апостолы находились въ Іерусалимѣ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ въ Дамаскѣ, онъ возвратился оттуда вѣрующимъ: а находившіеся въ Дамаскѣ знали, что изъ Іерусалима онъ шелъ еще невѣрующимъ, такъ какъ онъ несъ письма, чтобы связывать вѣрующихъ. Какъ прекрасный врачъ (употребляетъ врачество), когда горячка еще въ полной силѣ, такъ и Христосъ (въ это время) подалъ ему помощь, потому что надлежало удержать его среди самаго неистовства. Тогда лучше онъ смирился и раскаялся въ своихъ жестокихъ предпріятіяхъ. Но опять нужно обратить слово къ вамъ. Для чего, скажите мнѣ, Писанія? Если бы отъ васъ зависѣло, то они всѣ были бы уничтожены. Для чего Церковь? Зарой въ землю книги: можетъ быть, не такое (постигнетъ тебя) осужденіе, не такое наказаніе. Если бы кто зарылъ ихъ въ грязь и не слушалъ ихъ, то и тогда не столько оскорбилъ бы ихъ, какъ теперь. Что, скажи мнѣ, оскорбительнаго тамъ? То, что кто-либо зарылъ ихъ. А что здѣсь? То, что мы не слушаемъ ихъ. Скажи мнѣ: когда всего больше оскорбляетъ кто-либо, тогда ли, когда не отвѣчаетъ молчащему, или когда (не отвѣчаетъ) говорящему? Конечно, когда говорящему. Такъ и теперь, большее оскорбленіе, большее пренебреженіе (ты оказываешь), когда не слушаешь говорящаго. *Не глаголите къ намъ*, говорили въ древ-
156 ности іудеи пророкамъ (1 Цар. VIII, 16, Іер. XLIV, 16); вы же хуже дѣлаете, говоря: не говорите, мы дѣлать не будемъ. Тѣ удерживали пророковъ, чтобы они не говорили, какъ бы по нѣкоторому благоговѣнію къ словамъ ихъ; а вы по крайнему небреженію и этого не дѣлаете. Повѣрьте, если бы вы заградили намъ уста, положивъ на нихъ руки, то и тогда не столько оскорбили бы, сколько теперь. Скажи мнѣ, слушающій ли и не повинующійся оказываетъ болѣе пренебреженія, или тотъ, кто даже и вовсе не слушаетъ?

5. Но вникнемъ въ этотъ предметъ касательно оскорбленія. Если бы кто удерживалъ укоряющаго и заграждалъ ему уста, чувствуя укоризны его, а другой нисколько не заботился бы и не обращалъ бы на него вниманія, то кто изъ нихъ показалъ бы болѣе пренебреженія? Не послѣдній ли? Вѣдь тотъ показываетъ, что онъ чувствуетъ ударъ; а этотъ какъ бы заграждаетъ уста самого Бога. Васъ ужаснуло сказанное? Но послушайте, какъ это бываетъ. •Уста, чрезъ которыя вѣщаетъ Богъ, это—уста Божіи. Какъ эти вотъ уста—уста нашей души, хотя собственно душа и не имѣетъ устъ, такъ и уста пророковъ—Божіи. Послушайте и ужаснитесь. Діаконъ, отъ лица всѣхъ, стоитъ

и, громко восклицая, говоритъ: *вонмемъ;* и это часто. Этотъ голосъ, который онъ издаетъ, есть общій голосъ Церкви, но никто не внимаетъ. Послѣ него чтецъ начинаетъ: *пророчества Исаіина,*—и опять никто не внимаетъ, хотя пророчество не содержитъ въ себѣ ничего человѣческаго. Потомъ въ слухъ всѣхъ вѣщаетъ: *сія глаголетъ Господь,*—и также никто не внимаетъ. Но что я говорю? Читается нѣчто страшное и ужасное; но и при этомъ никто не внимаетъ. И что говорятъ многіе? Всегда, говорятъ, читается одно и то же. Это-то особенно и губитъ васъ. Если бы вы знали все это, то тѣмъ болѣе не слѣдовало бы оказывать пренебреженіе; и на зрѣлищахъ всегда бываетъ одно и то же, и, однако, вы не знаете (въ нихъ) сытости. О какомъ „одномъ и томъ же" ты дерзаешь говорить, когда не знаешь даже именъ пророковъ? Не стыдно ли тебѣ говорить, что ты не слушаешь потому, что всегда читается одно и то же, когда не знаешь даже именъ читаемыхъ (писателей), хотя и слушаешь всегда одно и то же. Ты вѣдь самъ сознался, что читается одно и то же. Если бы я говорилъ это къ (твоему) осужденію, то тебѣ надлежало бы обратиться къ другому оправданію, а не (къ такому, которое служитъ) къ твоему же осужденію. Скажи мнѣ: не вразумляешь ли ты сына своего? Но, если бы онъ сказалъ, что всегда одно и то же, то не принялъ ли бы ты этого за оскорбленіе? Тогда можно было бы не говорить одно и то же, когда бы мы и знали это и показывали своими дѣлами: или лучше, и тогда чтеніе (того же) не было бы излишне. Что можетъ сравняться съ Тимоѳеемъ? Но, однако, и ему въ посланіи Павелъ говорилъ: *внемли чтенію, утѣшенію* (1 Тим. IV, 13). Невозможно, никогда невозможно исчерпать смыслъ Писаній. Это—нѣкоторый источникъ, не имѣющій предѣла. Говорятъ: я научился,—и этого довольно съ меня. Но хотите ли, я покажу, что не все одно и то же? Сколь многіе, полагаете вы, говорили о Евангеліяхъ? И всѣ они говорили нѣчто новое и особенное. Чѣмъ болѣе кто занимается Писаніями, тѣмъ яснѣе видитъ, тѣмъ болѣе созерцаетъ чистый свѣтъ. А сколько я еще могу сказать? Что такое, скажите, пророчество? Что—повѣствованія? Что—притча? Что—иносказаніе? Что—образъ? Что—символъ? Что—Евангелія? Скажите мнѣ только о томъ, что ясно: почему Евангелія такъ названы? Хотя вы часто слышали, что благовѣстія (εὐαγγέλια) не 157
должны заключать въ себѣ ничего прискорбнаго, однако, въ нихъ много прискорбнаго. *Огнь ихъ не угасаетъ*, говорится въ нихъ, *и червь ихъ не умираетъ* (Мар. IX, 44); также: *растешетъ его полма, и часть его съ невѣрными положитъ* (Мѳ. XXIV, 51); также: *речетъ Господь: не вѣмъ васъ, отъидите отъ мене дѣлающіи беззаконіе* (Мѳ. VII, 23). Не станемъ же обольщать себя, воображая, что они на-

зываются такъ (только) у насъ по-гречески, или будто это все не относится къ намъ. Но вы онѣмѣли, и, какъ изумленные, стоите, поникнувъ долу. Благовѣстія не должны заключать въ себѣ ничего изъ (правилъ) дѣятельности, но только выражать благопріятное; и, однако, въ нихъ множество правилъ дѣятельности, какъ, напр., слѣдующія: *аще кто не возненавидитъ отца своего и матерь, нѣсть мене достоинъ* (Лук. XIV, 26); и еще: *не пріидохъ воврещи миръ на землю, но мечъ* (Мѳ. X, 34); и еще: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. XVI, 33). Прекрасныя (внушенія); но это—не благовѣстія. Благовѣстіемъ было бы слѣдующее: это будетъ для тебя хорошо,—какъ обыкновенно говорятъ люди другъ другу. Что скажешь мнѣ пріятнаго? Придетъ отецъ твой, мать твоя. А не говорятъ: сдѣлай то-то. Еще скажи мнѣ: чѣмъ они отличаются отъ (книгъ) пророческихъ? Почему тѣ не называются Евангеліями, хотя также содержатъ и благовѣстія, какъ, напримѣръ: *скочитъ хромый, яко олень* (Ис. XXXV, 6); *Господь дастъ глаголъ благовѣствующымъ* (Псал. LXVII, 12); *дамъ вамъ небо ново и землю нову* (Ис. LXV, 17). Почему тѣ не называются Евангеліями, или они—пророчествомъ? Если же вы, не зная, что такое Евангелія, такъ пренебрегаете чтеніемъ Писаній, то что я скажу вамъ? Спрошу еще и о другомъ: почему
158 четыре Евангелія? Почему не десять, почему не двадцать? Почему не многіе приступали къ составленію Евангелій? Почему не одинъ? Почему ученики (Христовы)? Почему не тѣ, которые не были учениками? Почему вообще (священныя книги называются) Писаніями? Между тѣмъ, напротивъ, въ ветхомъ завѣтѣ говорится: *дамъ вамъ завѣтъ новъ* (Іер. XXXI, 31). Гдѣ же тѣ, которые говорятъ, что всегда (читается) одно и то же? Если бы вы знали, что хотя бы человѣкъ прожилъ тысячи лѣтъ, и тогда (для него) здѣсь не было бы одно и то же,—то вы не сказали бы этого. Повѣрьте, я не стану болѣе говорить вамъ объ этомъ ничего ни наединѣ, ни всенародно; но, если кто будетъ спрашивать, то не откажусь (отвѣчать); если же нѣтъ, то оставлю. И то уже мы причинили вамъ скорбь, говоря всегда обо всемъ прямо и не оставляя того, что нужно. Вотъ вы слышали довольно вопросовъ: разсмотрите и скажите причину: почему Евангелія (такъ называются)? Почему не пророчествами? Почему въ Евангеліяхъ есть правила дѣятельности? Если одинъ будетъ недоумѣвать, то пусть подумаетъ другой, и свои (мысли) сообщайте другъ другу. А мы затѣмъ замолчимъ. Если сказанное не принесло вамъ никакой пользы, то тѣмъ болѣе (будетъ безполезно), если бы мы прибавили что-нибудь другое. Подлинно, мы вливали бы (воду) въ дырявую бочку; а васъ оттого (постигло бы) и большее наказаніе. Поэтому мы замолчимъ. А чтобы этого не произошло, зависитъ отъ васъ. Если

мы увидимъ вашу ревность, то, можетъ быть, опять станемъ говорить, чтобъ и вы болѣе и болѣе преуспѣвали, и мы радовались о васъ, во всемъ славя Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава, держава, величіе, честь со безначальнымъ Отцомъ и Святымъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XX.

**Бѣ же нѣкто ученикъ въ Дамасцѣ именемъ Ананіа: и рече 157
къ нему Господь въ видѣніи: Ананіе. Онъ же рече: се азъ, Господи. Господь же къ нему: воставъ поиди на стогну нарицаемую правую, и взыщи въ дому Іудовѣ Савла именемъ, Тарсянина: се бо молитву дѣетъ. И видѣ въ видѣніи мужа, Ананію, вшедша и возложша нань руку, яко да прозритъ (Дѣян. ix, 10—12).**

1. Почему кого-либо изъ верховныхъ апостоловъ не призвалъ и не послалъ (Господь) для оглашенія Павла? Потому что ему слѣдовало быть введену (въ Церковь) не людьми, но самимъ Христомъ; и этотъ (Ананія) ничему не научилъ его, а только крестилъ. По крещеніи же онъ (Павелъ) тотчасъ получилъ великую благодать Духа, за ревность и великое усердіе. Впрочемъ, и Ананія былъ изъ числа весьма извѣстныхъ это видно какъ изъ того, что (Господь) явившись говоритъ ему, такъ и изъ того, что онъ отвѣчаетъ въ словахъ: *Господи, слышахъ отъ многихъ о мужи семъ, колика зла сотвори святымъ твоимъ во Іерусалимѣ* (ст. 13). Если онъ возражалъ Господу, то тѣмъ болѣе (сдѣлалъ бы это), если бы (Господь) послалъ (къ нему) ангела. Поэтому и прежде того Филиппу не было открыто будущее, но только является ему ангелъ, а потомъ Духъ повелѣваетъ подойти и пристать къ колесницѣ (Дѣян. vііі, 26, 29). Здѣсь же прежде всего (Господь) освобождаетъ отъ страха, и какъ бы такъ говоритъ: вотъ, онъ молится, онъ слѣпъ, и ты страшишься? Такъ страшился и Моисей (Исх. ііі, 11); но это слова только боящагося, а не невѣрующаго. Выслушай и самыя слова: *Господи, слышахомъ отъ многихъ о мужи семъ*. Что ты говоришь? Богъ говоритъ, а ты сомнѣваешься? Такъ они еще не знали силы Хри- 158
стовой. *И здѣ имать власть отъ архіерей связати вся нарицающыя имя твое* (ст. 14). Откуда это извѣстно? Вѣроятно, они, находясь въ страхѣ, разузнавали. Говоритъ это (Ананія) не потому, будто Христосъ не зналъ того, но потому, что недоумѣвалъ, какъ, при такихъ обстоятельствахъ, возможно исполненіе (повелѣнія).

Такъ и въ другое время ученики говорятъ: *кто можетъ спасенъ быти* (Марк. x, 26)? Но посмотри, что сдѣлано, чтобы Павелъ повѣрилъ тому, кто придетъ (къ нему); онъ видѣлъ въ видѣніи (мужа, который) предвозвѣстилъ ему (объ этомъ). Онъ молится, говоритъ (Господь); поэтому не бойся. Для чего же Онъ не говоритъ ему о происшедшей перемѣнѣ (въ Павлѣ)? Для того, чтобы научить насъ не говорить о нашихъ добродѣтеляхъ; а болѣе потому, что видитъ его въ страхѣ. Не сказалъ и такъ: тебѣ онъ повѣритъ; но что? *Воставъ поиди. И видѣ въ видѣніи мужа, возложша нань руку. Въ видѣніи* потому, что онъ былъ слѣпъ. И это великое чудо не убѣдило ученика: такъ онъ страшился! Но, не смотря на то, чрезъ него Богъ возвратилъ зрѣніе Павлу, бывшему слѣпымъ. *Рече же къ нему Господь: иди, яко сосудъ избранъ ми есть сей, пронести имя мое предъ языки и цармі и сынми Израилевыми. Азъ бо скажу ему, елика подобаетъ ему о имени моемъ пострадати* (ст. 15, 16). Не только будетъ вѣрующимъ, говоритъ, но и учителемъ и съ великимъ дерзновеніемъ будетъ говорить *предъ языки и цармі*. Такъ, говоритъ, возрастетъ это ученіе, что и народы, и всѣ цари покорятся ему. *Пойде же Ананіа, и вниде въ храмину, и возложъ нань руцѣ, рече: Савле брате, Господь Іисусъ явлйся ти на пути, имже шелъ еси, посла мя, яко да прозриши, и исполнишися Духа Свята* (ст. 17). Тотчасъ же располагаетъ его къ себѣ названіемъ (брата). *Іисусъ явлйся ти на пути*
159 говоритъ. Этого Христосъ не сказалъ ему; но онъ узналъ о томъ отъ Духа. *И абіе отпадоша отъ очію его яко чешуя, прозрѣ же абіе, и воставъ крестися. И пріемъ пищу укрѣпися* (ст. 18, 19). Какъ только возложилъ на него руки, такъ тотчасъ чешуя и отпала отъ глазъ его. Эта (чешуя), говорятъ нѣкоторые, и была причиною слѣпоты его. И почему (Господь) не ослѣпилъ глазъ его? То и было болѣе удивительно, что онъ не видѣлъ съ открытыми (глазами); въ такомъ же состояніи онъ находился подъ закономъ, пока не было возложено на него имя Іисусово. И тотчасъ *крестися и пріемъ пищу укрѣпися*. Онъ изнемогъ какъ отъ путешествія, такъ и отъ страха, а равно отъ голода и отъ скорби. И желая усилить эту скорбь его, (Господь) попустилъ ему оставаться слѣпымъ, пока не пришелъ Ананія. А чтобы кто не подумалъ, будто слѣпота его была только воображаемая, для того— чешуя. Слѣдовательно, онъ не имѣлъ нужды въ какомъ-либо другомъ наученіи; но случившееся было наученіемъ. *Бысть же съ сущими въ Дамасцѣ учениками дни нѣкія: и абіе на сонмищахъ проповѣдаше Христа, яко сей есть Сынъ Божій* (ст. 19, 20). Смотри, тотчасъ же онъ сдѣлался учителемъ въ синагогахъ; не стыдился перемѣны, не боялся разрушать то, чѣмъ прежде славился; и не

просто былъ учителемъ, но и въ синагогахъ. Такимъ сдѣлался человѣкъ, въ началѣ причинявшій смерть и расположенный къ убійству! Видишь ли, какое явное знаменіе совершилось на немъ? Этимъ самымъ онъ и удивлялъ всѣхъ, какъ показываетъ (писатель), прибавляя: *дивляхуся же вси слышащіи, и глаголаху: не сей ли есть гонивый во Іерусалимѣ нарицающыя имя сіе, и здѣ на сіе пріиде, да связаны тыя приведетъ ко архіереемъ? Савлъ же паче крѣпляшеся, и смущаше Іудеи живущыя въ Дамасцѣ, препирая, яко сей есть Христосъ* (ст. 21, 22). Какъ опытный въ знаніи закона, онъ заграждалъ имъ уста и не попускалъ говорить (противное). Они думали, что, освободившись отъ Стефана, избавились отъ подобныхъ состязаній, но встрѣтили другого сильнѣе Стефана.

2. Но обратимся къ вышесказанному объ Ананіи. Не сказалъ (Господь) ему: побесѣдуй и наставь его, потому что, если словами: *молитву дѣетъ, и видѣ мужа возложша нань руку,* не убѣдилъ, то тѣмъ болѣе, если бы сказалъ это. *Видѣ*, говоритъ, *въ видѣніи*, и потому не будетъ не вѣрить тебѣ; не бойся же, но иди. Такъ и Филиппу не все тогда вдругъ было открыто. *Яко сосудъ избранъ ми есть сей.* Этими словами (Господь) совершенно отгоняетъ страхъ (Ананіи) и внушаетъ ему смѣлость, (представляя), какъ (Павелъ) будетъ преданъ Ему до того, что и претерпитъ многое. Словомъ: *сосудъ* показываетъ, что злоба его не была естественная; прибавлаетъ: *избранъ*, чтобы показать, что онъ благоугоденъ Ему, такъ какъ мы избираемъ благоугодное. Слыша это, да не подумаетъ кто-либо, что Ананія говоритъ это потому, что не вѣритъ сказанному, или полагаетъ, что Христосъ не вѣдаетъ правды,—да не будетъ; но, услышавъ имя Павла, въ страхѣ и трепетѣ онъ и не внялъ сказанному; такъ страхъ овладѣлъ душею его при имени (Павловомъ), хотя послѣ того, какъ онъ услышалъ, что (Господь) ослѣпилъ его, ему слѣдовало быть смѣлымъ. *И здѣ*, говоритъ, *на сіе пріиде, связати вся нарицающыя имя твое*. Какъ бы такъ говорилъ: боюсь, чтобы онъ какъ-нибудь и меня не отвелъ въ Іерусалимъ; для чего же Ты ввергаешь меня въ пасть льва? Для чего предаешь меня ему? Онъ страшится и говоритъ такъ, чтобы мы вполнѣ узнали добродѣтель этого мужа. Если это говорилось іудеями, то это нисколько не удивительно; если же и имъ, и притомъ съ такимъ страхомъ, то это служитъ 160
величайшимъ свидѣтельствомъ силы Божіей. *Савле брате.* Здѣсь и великій страхъ и еще большее послушаніе послѣ страха. Затѣмъ, чтобы послѣ словъ: *сосудъ избранъ*, ты не сказалъ, что все это—дѣло Божіе, (Господь), удаляя отъ тебя такую мысль, прибавляетъ слѣдующее: *пронести имя мое предъ языки и цари и сынми Исраилевыми.* Ананія услышалъ то, чего сильно желалъ,—

что (Павелъ) противостанетъ и іудеямъ; поэтому исполняется не только радости, но и дерзновенія. *Азъ бо*, говоритъ (Господь), *скажу ему, елика подобаетъ ему о имени моемъ пострадати.* Эти слова и пророчественныя, и вмѣстѣ увѣщательныя: если тотъ, кто такъ неистовствовалъ, готовъ перенести все, то какъ этому не хотѣть крестить его, *яко да прозритъ?* Хорошо, говоритъ (Ананія), пусть онъ останется слѣпымъ; онъ нынѣ кротокъ, потому что слѣпъ; зачѣмъ же Ты повелѣваешь мнѣ отверсть очи его? Не для того ли, чтобы онъ опять связывалъ (вѣрующихъ)? Но не убойся того, что будетъ, (отвѣчаетъ Господь); прозрѣніемъ онъ будетъ пользоваться не противъ насъ, а за насъ; къ тому: *яко да прозритъ*, надобно прибавить еще и это. Не бойся: онъ не сдѣлаетъ вамъ никакого зла, но еще самъ пострадаетъ много. И то удивительно, что онъ прежде пострадаетъ, и тогда пойдетъ на опасности. *Савле брате, Іисусъ явлейся ти на пути посла мя.* Не сказалъ: ослѣпившій, но: *явлейся ти*. Такъ выразился онъ смиренно, и не сказалъ чего-нибудь тщеславнаго. Подобнымъ образомъ и Петръ говорилъ о хромомъ: *на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. III, 12); также и онъ: *Іисусъ явлейся ти*,—говорилъ это, возложивъ руки, и сугубая слѣпота разрѣшилась. Когда же (писатель) говоритъ: *и пріемъ пищу укрѣпися*, то показываетъ, что онъ изнемогъ отъ скорби по причинѣ слѣпоты, и отъ страха, и отъ голода. Онъ не хотѣлъ и принимать пищи дотолѣ, пока не крестится и вмѣстѣ съ тѣмъ получитъ великіе дары. Не говоритъ (Ананія): Іисусъ распятый, Сынъ Божій, творящій знаменія; но что? *Явлейся ти*,—то, что Павлу было извѣстно,—подобно тому, какъ и Христосъ ничего больше не прибавилъ и не сказалъ: Я—распятый, воскресшій, но: *его же ты гониши.* Не сказалъ (Ананія): Тотъ, котораго ты гналъ,—чтобы не показаться разгнѣваннымъ и насмѣхающимся. *Явлейся ти*, говоритъ, *на пути.* Онъ самъ не былъ видѣнъ, но явился дѣлами. Желая смягчить жесткость этихъ словъ, тотчасъ прибавилъ: *яко да прозриши, и исполнишися Духа Свята.* Я пришелъ, говоритъ, не обличать бывшее, но преподать даръ. Мнѣ кажется, что онъ (Павелъ), подобно тому какъ и Корнилій, тотчасъ по произнесеніи этихъ словъ сподобился Духа, хотя преподававшій и не былъ изъ числа двѣнадцати. Такъ все касающееся Павла было не человѣческимъ и совершалось не черезъ человѣка, но самъ Богъ былъ совершителемъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ (Богъ) научаетъ его смиренію тѣмъ, что не приводитъ его къ верховнымъ апостоламъ, и показываетъ, что здѣсь нѣтъ ничего человѣческаго. Онъ не сподобился Духа, творящаго знаменія, чтобы и чрезъ это явилась вѣра его, такъ какъ онъ (тогда) не

творилъ чудесъ. *И абіе*, говоритъ (писатель), *на сонмищахъ проповѣдаше* Христа, *яко сей есть Сынъ Божій*. Не проповѣдывалъ, что воскресъ, или что Онъ живъ; но что? Весьма точно излагалъ догматъ: *яко сей есть Сынъ Божій*. Они же, слыша это, остаются въ невѣріи, между тѣмъ какъ надлежало не только вѣровать, но и ужасаться. И почему они говорятъ не просто, что онъ былъ гонителемъ, но что онъ *есть гонивый нарицающыя имя сіе*? Они 161
выражаютъ этимъ крайнее неистовство. И не сказали: Іисуса, не желая по ненависти даже слышать этого имени: такъ они были ожесточены! *И здѣ на сіе пріиде*. Не можемъ сказать, говорятъ, чтобы онъ прежде обращался съ апостолами.

3. Смотри, сколько свидѣтельствъ того, что Павелъ былъ изъ числа враговъ (Христовыхъ)! Онъ же не только не стыдился этого, но и хвалился. *Савлъ же паче крѣпляшеся и смущаше іудеи*, заграждалъ имъ уста, не попускалъ сказать что-нибудь (противное), доказывая, *яко сей есть Христосъ*, и уча этому, потому что онъ тотчасъ же сдѣлался учителемъ. *Якоже исполнишася дніе довольни, совѣщаша Іудее убити его* (ст. 23). Іудеи опять прибѣгаютъ къ жестокому умыслу; но уже не ищутъ клеветниковъ, обвинителей и лжесвидѣтелей, уже не хотятъ имѣть ихъ; а что? Дѣйствуютъ, наконецъ, сами собою. Они увидѣли, что дѣло возрастаетъ; потому не производятъ и суда. *Увѣданъ же бысть Савлу совѣтъ ихъ. Стрежаху же вратъ день и нощь, яко да убіютъ его* (стр. 24). Почему? Потому, что это было для нихъ невыносимѣе всѣхъ уже прежде бывшихъ знаменій, съ пятью тысячами, съ тремя тысячами (обращенныхъ ко Христу), и всѣхъ вообще. И смотри, теперь онъ спасается не благодатію, но человѣческою мудростію, чтобы ты понялъ добродѣтель этого мужа, прославившагося и безъ чудесъ. *Поемше же его ученицы нощію свѣсиша по стѣнѣ въ кошницѣ* (ст. 25). Такъ и слѣдовало, чтобы дѣло не было замѣчено. Что же? Избѣгнувъ такой опасности, остается ли онъ (спокойнымъ)? Нѣтъ, но уходитъ туда, гдѣ могъ еще болѣе возбудить ихъ. Многимъ еще казалось невѣроятнымъ, что онъ точно увѣровалъ. Оттого это и происходило, спустя довольно дней. Что же это значитъ? Вѣроятно, онъ сначала не хотѣлъ выходить оттуда, какъ многіе, можетъ быть, просили; когда же узналъ (о замыслѣ іудеевъ), тогда позволилъ ученикамъ своимъ (спустить себя); а онъ уже имѣлъ учениковъ. На это указывая, онъ самъ говорилъ: *въ Дамасцѣ языческій князь Ареѳы царя стрежаше Дамаскъ градъ, яти мя хотя* (2 Кор. XI, 32). И смотри, какъ евангелистъ не говоритъ ничего тщеславнаго и не восхваляетъ Павла, но только, что они возбудили къ тому царя. Итакъ, они спустили его одного и съ нимъ никого. Это также не напрасно, такъ что онъ самъ могъ

явиться къ апостоламъ въ Іерусалимѣ; или лучше, они спустили его, чтобы онъ затѣмъ искалъ себѣ спасенія; а онъ сдѣлалъ противное, отправившись прямо къ неистовствующимъ. Такъ онъ воспламенился, такъ сильно горѣлъ! И посмотри, какъ онъ слѣдуетъ (Христу), съ перваго дня соблюдая заповѣдь, которую слышали апостолы: *иже не пріемлетъ креста своего, и въ слѣдъ мене грядетъ* (Мѳ. x, 38). То самое, что онъ пришелъ послѣ прочихъ, дѣлало его ревностнѣйшимъ, и на дѣлѣ здѣсь исполнилось сказанное: *емуже оставляется много, много и возлюбитъ* (Лук. VII, 47), такъ что чѣмъ позже онъ пришелъ, тѣмъ больше возлюбилъ. Потому, осуждая прежнюю свою жизнь и часто упрекая себя, онъ ничего не считалъ достаточнымъ для заглажденія прежняго. *Препирая*, говоритъ (писатель), т. е., уча съ кротостію. И смотри, они не говорятъ ему: ты былъ гонителемъ, для чего же перемѣнился? Они стыдились (говорить это); вмѣсто того совѣщались между собою. Иначе онъ гораздо справедливѣе сказалъ бы имъ: это-то особенно и должно вразумить васъ,—какъ онъ защищался предъ Агриппою (Дѣян XXVI, 9—20). Будемъ, увѣщеваю васъ,
162 подражать ему и мы, и будемъ готовы на всѣ опасности. Какъ же, скажутъ, онъ обратился въ бѣгство? Это онъ сдѣлалъ не по трусости, но сохранялъ себя для проповѣди. Если бы онъ страшился, то не пошелъ бы въ Іерусалимъ, не сталъ бы тотчасъ же учить, оставилъ бы ревность. Но онъ дѣйствовалъ не по страху, а по благоразумію. Онъ наученъ былъ страданіемъ Стефана. Поэтому онъ не считалъ великимъ умереть за проповѣдь, если это не соединялось съ великою пользою. Это—мужъ, который не хотѣлъ даже видѣть Христа, Котораго теперь болѣе всего желалъ бы видѣть, когда еще не было исполнено служеніе его людямъ. Такова должна быть душа христіанина!

4. Характеръ Павла выразился съ самаго начала и съ перваго шага его поприща; а лучше сказать—еще и прежде этого. А что онъ дѣлалъ не по разуму, то дѣлалъ, руководствуясь разсужденіемъ человѣческимъ. Если, спустя столько времени, онъ не хотѣлъ разрѣшиться (отъ жизни, безъ пользы для другихъ), то тѣмъ болѣе въ началѣ дѣятельности, когда лишь только вышелъ изъ пристани. Христосъ не избавляетъ его отъ опасности, но попускаетъ, потому что желаетъ, чтобы многое совершалось и человѣческимъ благоразуміемъ; съ другой стороны, попускаетъ для того, чтобы научить насъ, что и они были люди, и что не всегда все совершала благодать. Вѣдь, если бы этого не было, то можно было бы уподобить ихъ просто деревьямъ. Поэтому многое и сами они совершали (своими) дѣйствіями. Будемъ такъ поступать и мы, и также будемъ пещись о спасеніи братій. Это—

не ниже мученичества, т. е., чтобы не отрицаться ни отъ какихъ страданій для спасенія многихъ; ничто такъ не благоугодно Богу. Опять скажу то, что я часто говорилъ; скажу, потому что сильно желаю этого. То же дѣлалъ и Христосъ, научая прощенію (обидъ); Онъ говорилъ: когда вы *молитесь*, то *отпустите*, если что имѣете на кого (Мѳ. v, 23; vi, 14; xviii, 35); и еще, бесѣдуя съ Петромъ, сказалъ: *не глаголю тебѣ до седмь кратъ, но до седмидесятъ кратъ седмерицею* (Мѳ. xviii, 22); и самымъ дѣломъ отпустилъ все, что было сдѣлано противъ Него. Такъ и мы, зная, что въ этомъ цѣль христіанства, непрестанно говоримъ объ этомъ.

Нѣтъ ничего холоднѣе христіанина, который не заботится о спасеніи другихъ. Здѣсь ты не можешь извиняться бѣдностію; положившая двѣ лепты обличитъ тебя (Лук. xxi, 2); и Петръ говорилъ: *сребра и злата нѣсть у мене* (Дѣян. iii, 6). А Павелъ былъ такъ бѣденъ, что часто голодалъ и не имѣлъ необходимой пищи. Не можешь извиняться незнатностію; и они были незнатны и не отъ знатныхъ. Не можешь указывать на неученость; и они были неученые. Хотя бы ты былъ рабомъ, хотя бы бѣглецомъ,—и тогда можешь исполнить свое дѣло; таковъ былъ и Онисимъ, и, однако, смотри, къ чему призываетъ его (Павелъ) и въ какое возводитъ достоинство: *да общникъ ми будетъ*, говоритъ, *во узахъ моихъ* (Филим. i, 10, 17). Не можешь извиняться немощію; таковъ былъ и Тимоѳей, часто страдавшій недугами. А что онъ былъ немощенъ, послушай: *мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тимоѳ. v, 23). Каждый можетъ быть полезнымъ ближнему, если захочетъ исполнять, что отъ него зависитъ. Не видите ли безплодныхъ деревьевъ, какъ они крѣпки, какъ красивы, рослы, гладки и высоки? Но, если бы у насъ былъ садъ, то мы захотѣли бы лучше имѣть плодоносныя гранатовыя или масличныя деревья, нежели ихъ, потому что они доставляютъ (только) удовольствіе, а не пользу, хотя, впрочемъ, бываетъ и отъ нихъ нѣкоторая малая польза. Таковы тѣ, которые заботятся только о самихъ себѣ, или даже еще хуже; они годны только на 163
сожженіе· тогда какъ тѣ (деревья годны) и на постройку, и для храненія въ нихъ вещей. Таковы были тѣ дѣвы, хотя чистыя, украшенныя и цѣломудренныя, но никому не приносившія пользы; поэтому онѣ и осуждаются на сожженіе (Мѳ. xxv, 1—12). Таковы были не напитавшіе Христа; замѣть, никто изъ нихъ не осуждается за собственные грѣхи: ни за прелюбодѣяніе, ни за клятвопреступленіе, вообще ни за что, но за то, что не былъ полезенъ другому (Мѳ. xxv, 41—46). Таковъ былъ зарывшій талантъ въ землю, безукоризненный по своей жизни, но безполезный для другого (Мѳ. xxv, 18—28). И какъ такой можетъ быть христіаниномъ?

Скажи мнѣ: если закваска, смѣшанная съ мукою, не сообщаетъ своего свойства всему (смѣшенію), то закваска ли это? Также, если муро не сообщаетъ благовонія приближающимся, то можемъ ли мы его назвать его муромъ? Не говори: мнѣ невозможно помогать другимъ; если бы ты былъ (истиннымъ) христіаниномъ, то невозможно было бы этому не быть. Какъ то, что составляетъ свойство (вещи), не можетъ быть противно ей, такъ и здѣсь, потому что это составляетъ свойство христіанина. Не оскорбляй Бога. Если бы ты сказалъ, что солнце не можетъ свѣтить, то оскорбилъ бы Его; если скажешь, что христіанинъ не можетъ приносить пользу, то (также) оскорбишь Бога и назовешь (Его)
164 лживымъ, потому что скорѣе солнце не будетъ ни грѣть, ни свѣтить, нежели христіанинъ—не просвѣщать; скорѣе свѣтъ сдѣлается тьмою, нежели будетъ это. Не говори же, что невозможно; невозможно противоположное этому. Не оскорбляй Бога. Если мы хорошо исполнимъ, что зависитъ отъ насъ, то, безъ сомнѣнія, будетъ и это, какъ естественное слѣдствіе. Не можетъ утаиться свѣтъ христіанина; не можетъ сокрыться свѣтильникъ столь свѣтлый. Не будемъ же нерадивы. Какъ отъ добродѣтели происходитъ польза и для насъ, и для облагодѣтельствованныхъ нами, такъ и отъ злобы происходитъ сугубый вредъ,—и для насъ, и для озлобляемыхъ нами. Пусть, напримѣръ, какой-нибудь человѣкъ простой терпитъ отъ другого безчисленное множество золъ и никто (за это) пусть не мститъ, но даже пусть благодѣтельствуютъ ему: какого наставленія это не будетъ сильнѣе, какихъ словъ, какихъ увѣщаній? Какой ярости это не смягчитъ и не угаситъ? Итакъ, зная это, возлюбимъ добродѣтель, потому что невозможно спастись иначе, какъ проводя настоящую жизнь въ такихъ добрыхъ дѣлахъ, чтобы сподобиться и будущихъ благъ,—по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXI.

163 **Пришедъ же Савлъ во Іерусалимъ, покушашеся прилѣплятися ученикомъ: и вси бояхуся его, не вѣрующе, яко ученикъ естъ. Варнава же пріемъ его, приведе ко апостоломъ, и повѣда имъ, како на пути видѣ Господа (Дѣян. IX, 26, 27).**

1. Здѣсь справедливо (можно) недоумѣвать: въ посланіи къ Галатамъ (Павелъ) говоритъ: *ни взыдохъ во Іерусалимъ, но во Ара-*

вію и въ Дамаскъ; и: *по тріехъ лѣтѣхъ взыдохъ во Іерусалимъ соглядати Петра, иного же отъ апостолъ не видѣхъ* (Гал. I,17—19); а здѣсь, напротивъ (говорится), что Варнава привелъ его къ апостоламъ. Онъ говорить или то, что онъ ходилъ въ (Іерусалимъ) не съ тѣмъ, чтобы остаться; тамъ именно говоритъ: *не приложихся плоти и крови, ни взыдохъ къ первѣйшимъ мене апостоломъ* (Гал. I, 16, 17); или то, что умыселъ (противъ него) въ Дамаскѣ случился послѣ пришествія его изъ Аравіи, а потомъ уже, по возвращеніи оттуда, послѣдовало путешествіе (въ Іерусалимъ). Такимъ образомъ, онъ приходилъ не къ апостоламъ, но *покушашеся прилѣплятися ученикомъ*, какъ ученикъ, а не какъ учитель. Слѣдовательно, приходилъ не для того, чтобы идти къ первѣйшимъ его (апостоламъ), потому что отъ нихъ онъ ничему не учился. Или онъ не упоминаетъ объ этомъ путешествіи, но умалчиваетъ, такъ что дѣло было такъ: онъ отправился въ Аравію, потомъ пришелъ въ Дамаскъ, потомъ въ Іерусалимъ, потомъ въ Сирію; или еще такъ: пришелъ въ Іерусалимъ, потомъ былъ посланъ въ Дамаскъ, потомъ въ Сирію, потомъ опять въ Дамаскъ, потомъ въ Кесарію, и затѣмъ, спустя четырнадцать лѣтъ, можетъ быть (опять пришелъ въ Іерусалимъ), когда привелъ братію съ Варнавою (Гал. II, 1—4). Или, если не такъ, то здѣсь рѣчь идетъ о другомъ времени. Писатель многое сокращаетъ и соединяетъ различныя времена. Смотри, какъ онъ не тщеславится и не распространяется въ разсказѣ объ этомъ видѣніи (Павла), но кратко повѣствуетъ. А затѣмъ опять начинаетъ и говоритъ такъ: *пришедъ же во Іерусалимъ, покушашеся прилѣплятися ученикомъ, и вси бояхуся его* (ст. 26). И отсюда опять открывается пламенная (ревность) Павла, 164
не (только) отъ Ананіи и тѣхъ, которые удивлялись ему тамъ (въ Дамаскѣ), но и изъ случившагося въ Іерусалимѣ, такъ какъ это (обращеніе его) было совершено сверхъ чаянія человѣческаго. И смотри: по смиренію онъ приходитъ не къ апостоламъ, но къ ученикамъ, какъ ученикъ, потому что ему еще не вѣрили. *Варнава же, пріемъ его, приведе ко апостоломъ, и повѣда имъ, како на пути видѣ Господа* (ст. 27). Этотъ Варнава былъ человѣкъ послушный и кроткій; имя его значитъ: сынъ утѣшенія; потому и былъ любимъ Павломъ. А что онъ былъ весьма добръ и кротокъ, это видно какъ изъ настоящаго обстоятельства, такъ и изъ бывшаго съ Іоанномъ (Маркомъ, Дѣян. XV, 37). Отсюда онъ не боится, но разсказываетъ, *како* (Павелъ) *на пути видѣ Господа, и яко глагола ему, и како въ Дамасцѣ дерзаше о имени Господа Іисуса* (ст. 27). Вѣроятно, онъ слышалъ о томъ, что случилось съ нимъ еще въ Дамаскѣ. Потому, когда предварительно это было совершено, тогда (Павелъ) дѣлами подтвердилъ сказанное. *И бяше съ ними*

входя и исходя во Іерусалимъ, и дерзая о имени Іисусовѣ. Глаголаше же и стязашеся съ Еллины (ст. 28, 29). Такъ какъ ученики боялись его, апостолы же не вѣрили ему, то этимъ онъ разсѣеваетъ страхъ ихъ. *Глаголаше же и стязашеся*, говоритъ (писатель), *съ Еллины*. Эллинами называетъ тѣхъ, которые говорили по-эллински; и это (дѣлалъ Павелъ) весьма разумно, потому что прочіе, закоренѣлые евреи, и видѣть его не хотѣли. *Они же искаху убити его:* это свидѣтельствуетъ о силѣ и совершенной побѣдѣ (Павла), а также и о томъ, что они были весьма недовольны случившимся. *Разумѣвше же братія, сведоша его въ Кесарію* (ст. 30). Дѣлаютъ это изъ опасенія. Боясь, чтобы (съ нимъ) не случилось того же, что со Стефаномъ, отправляютъ его въ Кесарію. *И отпустиша его въ Тарсъ.* Отправляютъ его, какъ изъ опасенія, такъ вмѣстѣ и съ тѣмъ, чтобы онъ проповѣдывалъ и былъ въ безопасности, нахо-
165 дясь въ своемъ отечествѣ. И замѣть, прошу, какъ не все дѣлается благодатію, но Богъ попускаетъ имъ устроять многое и собственною мудростію, по-человѣчески. Если такъ было съ нимъ, то тѣмъ болѣе съ тѣми (учениками); попускаетъ же для того, чтобы нерадивые не имѣли оправданія. *Церкви же по всей Іудеи и Самаріи имѣяху миръ, созидающеся и ходяще въ страсѣ Господни, и утѣшеніемъ Святаго Духа умножахуся* (ст. 31). (Писатель) намѣревается говорить о Петрѣ и о путешествіи его ко святымъ. Поэтому, чтобы кто не подумалъ, будто это (сдѣлалъ Петръ) по страху, сначала онъ повѣствуетъ о томъ, въ какомъ состояніи находились церкви, и показываетъ, что, когда было гоненіе, то (Петръ) находился въ Іерусалимѣ, а когда повсюду Церковь находилась въ безопасности, тогда уже онъ и оставляетъ Іерусалимъ. Такъ онъ былъ ревностенъ и твердъ! Онъ не думалъ, что, если былъ миръ, то и не нужно его прибытія. Почему же, скажешь, онъ дѣлаетъ это и идетъ во время мира и послѣ отшествія Павла? Потому, что на нихъ (апостоловъ) больше обращали вниманія, какъ часто являвшихся и бывшихъ предметомъ удивленія для народа, а его презирали и противъ него больше возставали.

2. Видѣлъ ли ты, какъ за бранію слѣдуетъ миръ? Или лучше: видѣлъ ли ты, что сдѣлала та брань? Она разсѣяла творящихъ миръ. Въ Самаріи пристыженъ былъ Симонъ; въ Іудеѣ случилось происшествіе съ Сапфирою. И тогда, какъ былъ миръ, дѣла (ихъ) не были безуспѣшны, но этотъ миръ былъ такой, что и (во время его) нужно было утѣшеніе. *И бысть Петру посѣщающу всѣхъ, снити и ко святымъ, живущымъ въ Лиддѣ* (ст. 32). Онъ обходилъ, какъ бы нѣкоторый военачальникъ, ряды, наблюдая, какая часть сомкнута, какая во всемъ вооруженіи и какая имѣетъ

нужду въ его присутствіи. Посмотри, какъ онъ вездѣ успѣваетъ быть и является первымъ. Когда надлежало избрать апостола, онъ—первый; когда бесѣдовать съ іудеями о томъ, что (апостолы) не были упоены виномъ, когда исцѣлить хромого, когда говорить къ народу, онъ—прежде остальныхъ; когда (было дѣло) съ начальниками, когда—съ Ананіею, когда совершались исцѣленія отъ тѣни, былъ онъ. Гдѣ была опасность и гдѣ (требовалась) распорядительность, тамъ онъ; а гдѣ все было въ мирѣ, тамъ всѣ они вмѣстѣ: такъ онъ не искалъ себѣ большей чести. Опять, когда надлежало творить чудеса, онъ является прежде другихъ, и здѣсь также онъ самъ подъемлетъ трудъ и совершаетъ путешествіе. *Обрѣте же тамо человѣка нѣкоего, именемъ Енеа, отъ осми лѣтъ лежаща на одрѣ, иже бѣ разслабленъ. И рече ему Петръ: Енее, исцѣляетъ тя Іисусъ Христосъ: возстани съ постели твоея. И абіе воста* (ст. 33, 34). Почему онъ не ожидалъ вѣры этого человѣка, и даже не спросилъ, желаетъ ли онъ быть исцѣленнымъ? Особенно потому, что чудо было совершено и для утѣшенія многихъ. Послушай, какая (отсюда произошла) польза. *И видѣша*, продолжаетъ (писатель), *вси живущіи въ Лиддѣ и во Ассаронѣ, иже обратишася ко Господу* (ст. 35). Не напрасно онъ такъ сказалъ; Еней былъ человѣкъ извѣстный; притомъ онъ представилъ и доказательство знаменія, взявши одръ. (Апостолы) не только исцѣляли отъ болѣзней, но вмѣстѣ съ здоровьемъ сообщали еще и силу. Съ другой стороны, до этого времени они еще не показали своей (чудотворной) силы, и потому справедливо не требовали вѣры отъ этого человѣка, какъ не потребовали и отъ хромого. Подобно тому, какъ Христосъ, начиная знаменія, не требовалъ вѣры, такъ и они. Въ Іерусалимѣ справедливо отъ нихъ 166
требовалась сначала вѣра; такъ, по вѣрѣ нѣкоторые, одержимые болѣзнями, полагаемы были на дорогахъ, чтобы хотя тѣнь проходящаго Петра осѣнила кого-либо изъ нихъ, потому что тамъ совершалось много знаменій; а здѣсь это совершается первое. И одни изъ знаменій совершались для обращенія невѣровавшихъ, а другія для утѣшенія вѣрующихъ. *Во Іоппіи же бѣ нѣкая ученица, именемъ Тавиѳа, еже сказаема глаголется Серна: сія бяше исполнена благихъ дѣлъ и милостынь, яже творяше. Бысть же во дни тыя болѣвшей ей умрети: омывше же ю, положиша въ горницѣ. Близъ же сущей Лиддѣ Іоппіи, ученицы слышавше, яко Петръ есть въ ней, послаша два мужа къ нему, моляще его не облѣнитися пріити до нихъ* (ст. 36—38). Почему они ждали, пока она умретъ? Почему не утруждали Петра и прежде этого? По любомудрію они считали недостойнымъ утруждать учениковъ ради такихъ дѣлъ и отвлекать отъ проповѣди; поэтому (писатель) и говоритъ, что

(Петръ) находился недалеко, чтобы показать, что они просили объ этомъ какъ бы случайно,—а Тавиѳа была ученица,—но не нарочито. *Воставъ же Петръ, иде съ нима: его же пришедша возведоша въ горницу* (ст. 39). Не просятъ, но предоставляютъ ему, чтобы онъ по собственному побужденію даровалъ ей жизнь. Такъ здѣсь исполняется сказанное: *милостыня избавляетъ отъ смерти* (Товит. XII, 9). *И предсташа ему вся вдовицы, плачущя, и показующа ризы и одежды, елика творяше съ ними сущи Серна* (ст. 39). Приводятъ Петра туда, гдѣ лежала умершая,—можетъ быть, думая представить ему (случай) къ какому-либо назиданію. Видѣлъ ли ты, какое сдѣлано прибавленіе (къ имени этой жены)? Не безъ цѣли упоминается и имя ея, но чтобы мы узнали, что она соотвѣтствовала этому имени, была такъ внимательна и дѣятельна, какъ серна. Многія имена даются съ особеннымъ значеніемъ, какъ мы часто говорили вамъ. *Исполнена бяше*, говоритъ (писатель), *благихъ дѣлъ и милостынь, яже творяше*. Великая похвала для жены, если тѣ и другія она творила такъ, что была *исполнена* тѣхъ и другихъ; и напередъ, какъ видно, она прилагала попеченіе о первыхъ, а потомъ о послѣднихъ. *Елика творяше*, говоритъ, *съ ними сущи Серна*. Великое смиренномудріе! Не такъ, какъ мы; но они были всѣ вмѣстѣ, прилагая великое попеченіе о милостынѣ. *Изгнавъ же вонъ вся Петръ, преклонь колѣна, помолися: и обращся къ тѣлу, рече: Тавиѳо, востани. Она же отверзе очи свои, и, видѣвши Петра, сѣде* (ст. 40). Для чего онъ всѣхъ высылаетъ вонъ? Для того, чтобы не смутиться слезами и не потерять спокойствія. *И преклонь колѣна, помолися.* Это—знакъ напряженной молитвы. *Подавъ же*, говоритъ, *руку*. Раздѣльно показываетъ здѣсь, какъ возвращаема была жизнь и потомъ сила, та чрезъ слово, а эта чрезъ руку. *Подавъ же ей руку, воздвиже ю: и призвавъ святыя и вдовицы, постави ю живу* (ст. 41), однимъ въ утѣшеніе, такъ какъ они снова получили сестру и увидѣли чудо, а другимъ въ помощь. *Увѣдано же бысть се по всей Іоппіи, и мнози вѣроваша въ Господа. Бысть же дни довольны пребыти ему во Іоппіи у нѣкоего Симона усмаря* (ст. 42, 43).

167 3. Посмотри на смиреніе и кротость Петра: онъ имѣетъ пребываніе не у ней (Тавиѳы) и не у кого-либо другого изъ знатныхъ, но у кожевника, всѣми (дѣйствіями своими) внушая смиренномудріе, и не попуская ни бѣднымъ стыдиться, ни великимъ превозноситься; онъ потому и рѣшилъ обойти (церкви), что вѣровавшіе имѣли нужду въ его наставленіи. Но обратимся къ вышесказанному. *Покушашеся* (Павелъ), говоритъ (писатель), *прилѣплятися ученикомъ*. Не съ гордостію пришелъ, но смиренно. Учениками же называетъ и тѣхъ, которые не были въ числѣ

двѣнадцати, потому что тогда всѣ назывались учениками по великой добродѣтели, которая была явнымъ отличіемъ учениковъ. *И вси*, говоритъ, *бояхуся его.* Смотри, какъ они избѣгали опасностей, и какъ еще былъ силенъ страхъ. *Варнава же пріемъ его, приведе ко апостоломъ, и повѣда имъ.* Мнѣ кажется, что Варнава и прежде былъ близокъ къ Павлу; потому и разсказываетъ все о немъ. Самъ же онъ ничего не говоритъ объ этомъ; думаю, что онъ не сталъ бы и послѣ говорить объ этомъ предъ прочими, если бы не представилась ему какая-либо необходимость. *И бяше съ ними входя во Іерусалимъ, и дерзая о имени Господа Іисуса.* Это и остальнымъ придавало бодрости. Видишь ли, что какъ тамъ, такъ и здѣсь прочіе заботятся и устраиваютъ его путешествіе, а самъ онъ доселѣ еще не получалъ божественнаго внушенія? Этимъ также показывается его ревность; и мнѣ кажется, что онъ совершалъ путешествіе не (только) сушею, но потомъ и моремъ. А все это было съ благою цѣлію, чтобы онъ и тамъ проповѣдывалъ. Поэтому и покушенія противъ нихъ, и путешествіе во Іерусалимъ были съ благою цѣлію, для того, чтобы не оставалось больше сомнѣнія касательно него. *Глаголаше же и стязашеся съ Еллины. Церкви же имѣяху миръ, созидающеся и ходяще въ страсѣ Господни;* т. е., умножились и имѣли между собою миръ, миръ истинный. И хорошо, потому что внѣшняя брань причинила имъ много зла. *И утѣшеніемъ Святаго Духа умножахуся.* Духъ утѣшалъ (всѣхъ) ихъ и чудесами, и дѣлами, а также, сверхъ того, и каждаго порознь. *И бысть Петру посѣщающу всѣхъ снити въ Лидду. Обрѣте же тамо человѣка лежаща, и рече ему: Енее, исцѣляетъ тя Іисусъ Христосъ.* Это слово не тщеславія, но убѣжденія, что такъ будетъ. И мнѣ кажется несомнѣннымъ, что больной повѣрилъ этому слову и (потому) сталъ здоровымъ. А что (Петръ) былъ чуждъ гордости, видно и изъ послѣдующаго. Онъ не сказалъ: во имя Іисуса; но какъ бы повѣствуетъ (только) о самомъ знаменіи. *И видѣша живущіи въ Лиддѣ, и обратишася ко Господу.* Слѣдовательно, не напрасно я говорилъ, что чудеса были совершаемы для убѣжденія и утѣшенія. *Въ Іоппіи же бѣ нѣкая ученица именемъ Тавиѳа. Бысть же во дни тыя, болѣвшей ей умрети.* Видѣлъ ли ты, какъ повсюду совершались знаменія? Не вдругъ умерла Тавиѳа, но послѣ болѣзни; а они не приглашали Петра дотолѣ, пока она умерла. *Ученицы слышавше послаша, моляще не облѣнитися пріити до нихъ.* Замѣть, чрезъ другихъ посланныхъ приглашаютъ; но онъ повинуется и приходитъ, не считая такого приглашенія обидою. Столь великое 168
благо—скорбь; она соединяетъ наши души. Тамъ (не было) никакого плача, никакого рыданія. *Омывше же ю положиша въ горницѣ,*

т. е. сдѣлали все, что (дѣлается) надъ мертвымъ. *Воставъ же Петръ, иде съ нима, и пришедши въ горницу, преклонь колѣна помолися: и обращся къ тѣлу, рече: Тавиѳо, востани.* Не всѣ знаменія Богъ попускаетъ совершать съ одинаковою легкостію. Это было полезно для самихъ (апостоловъ). Онъ промышлялъ не только о спасеніи другихъ, но и ихъ самихъ. Потому-то исцѣлявшій многихъ (одною) тѣнію теперь употребляетъ такое (усиліе) для воскрешенія. Впрочемъ, иногда содѣйствовала и вѣра приступающихъ. Такимъ образомъ, ее первую (Петръ) воскрешаетъ изъ мертвыхъ, называя по имени. Она, какъ бы пробудившись отъ сна, сначала открыла глаза; потомъ, тотчасъ увидѣвши Петра, сѣла, и, наконецъ, прикосновеніемъ руки была укрѣплена. Замѣть опять, прошу, какая (отсюда) польза, и какъ плоды (этого) служили не къ (удовлетворенію) тщеславія. Поэтому онъ и высылаетъ всѣхъ вонъ, подражая и въ этомъ Учителю. Гдѣ слезы, тамъ невозможно совершаться такому таинству; или лучше: гдѣ чудеса, тамъ не должны быть слезы. Послушайте, увѣщеваю: и надъ нынѣшними мертвыми совершается хотя не такое, но также великое таинство. Скажи мнѣ: если бы къ намъ сидящимъ (здѣсь) царь прислалъ кого-либо звать въ свое царское жилище, то неужели слѣдовало бы плакать и рыдать? И здѣсь присутствуютъ нисшедшіе съ небесъ ангелы, посланные отъ самого Царя—призвать подобнаго имъ раба, а ты плачешь? Или не знаешь, какое здѣсь происходитъ таинство, какое страшное и ужасное, но поистинѣ и достойное пѣснопѣній и радости?

4. Хочешь ли понять и убѣдиться, что здѣсь не время слезамъ? Это—величайшее таинство Божіей премудрости. Душа, какъ бы покидая какой домъ, исходя (изъ тѣла) поспѣшаетъ къ своему Владыкѣ; а ты плачешь? Поэтому слѣдовало бы дѣлать тоже и при рожденіи младенца; вѣдь и это есть рожденіе, (только) лучшее того. Она является въ другой свѣтъ; освобождается какъ бы изъ какого заключенія; выходитъ какъ бы съ поприща. Да, скажешь, справедливо такъ говорить о (людяхъ) добродѣтельныхъ. Но что тебѣ изъ этого, человѣкъ, когда ты не поступаешь такъ и по отношенію къ добродѣтельнымъ? Скажи мнѣ, въ чемъ могъ бы ты обвинить малаго младенца? Для чего же оплакиваешь его? Для чего (оплакиваешь) новопросвѣщеннаго? И онъ находится въ такомъ же состояніи. Зачѣмъ же ты плачешь о немъ? Развѣ ты не знаешь, что какъ солнце восходитъ чистымъ, такъ и душа, оставляющая тѣло съ чистою совѣстію, сіяетъ свѣтло? Не съ такимъ безмолвіемъ слѣдуетъ взирать на царя, вступающаго въ городъ, съ какимъ на душу, оставляющую тѣло и отходящую съ ангелами. Представь, въ какомъ состояніи бываетъ тогда душа,

въ какомъ изумленіи, въ какомъ удивленіи, въ какой радости! Почему же ты плачешь, скажи мнѣ? Ты вѣдь не надъ грѣшниками только дѣлаешь это? О, если бы это было (только надъ грѣшниками)! Тогда я не сталъ бы останавливать слезъ. О, если бы такова была цѣль (ихъ)! Это—плачъ апостольскій, это—плачъ самого Господа. И Іисусъ плакалъ объ Іерусалимѣ. Такимъ правиломъ я хотѣлъ бы различить (разные) роды плача. Когда же, оплакивая (мертвыхъ), произносишь рѣчи, (упоминая) и о привычкѣ, и о попеченіи (своемъ), то не о томъ ты плачешь, а (только) притворяешься. Плачь и рыдай о грѣшникѣ, (о немъ) и я буду проливать слезы; и я (буду плакать) тѣмъ больше, чѣмъ большему онъ подлежитъ и наказанію; и я буду плакать съ этою 169
цѣлію. О такомъ (умершемъ) не тебѣ только слѣдуетъ плакать, но и всему городу и (всѣмъ) встрѣчающимся, какъ (плачутъ) о ведомыхъ на смерть. Смерть грѣшниковъ поистинѣ лютая смерть. Но (у насъ) все извращено. Такой плачъ есть плачъ исполненный любомудрія и великаго назиданія, а тотъ—(знакъ) малодушія. Если бы всѣ мы плакали такимъ плачемъ, то исправляли бы ихъ при жизни. Какъ если бы ты имѣлъ возможность доставить лѣкарство, не допускающее смерти тѣлесной, то ты сдѣлалъ бы это, такъ и теперь, если бы ты оплакивалъ эту смерть (грѣшниковъ), то ты не допустилъ бы ея ни въ себѣ, ни въ другомъ. А теперь, непонятно, что дѣлается: имѣя возможность не допустить этой смерти постигнуть насъ, допускаемъ; а когда она приключилась, плачемъ. Поистинѣ достойны слезъ (грѣшники): когда они предстанутъ предъ престоломъ Христовымъ, какія они услышатъ слова, какія потерпятъ мученія! Напрасно жили они: или лучше, не напрасно, а во вредъ (себѣ). И о нихъ прилично сказать: *добрѣе было бы имъ, аще не бы родились* (Марк. XIV, 21). Что, въ самомъ дѣлѣ, пользы, скажи мнѣ, истратить столько времени во вредъ себѣ самому? И если бы только оно было истрачено напрасно, то развѣ маловажна была бы потеря? Скажи мнѣ: если бы какой-либо наемникъ потрудился напрасно двадцать лѣтъ, то не сталъ ли бы онъ плакать и рыдать и считать себя несчастнѣе всѣхъ? А этотъ всю жизнь трудился напрасно, и ни одного дня не жилъ для себя, но для удовольствій, для роскоши, для любостяжанія, для грѣха, для діавола. О немъ ли не будемъ плакать, скажи мнѣ? Его ли не постараемся исхитить отъ опасностей? Есть, подлинно есть возможность облегчить его наказаніе, если пожелаемъ. Такъ, если будемъ совершать за него частыя молитвы; если будемъ подавать милостыню,—то, хотя онъ самъ былъ и недостоинъ, Богъ услышитъ насъ. Если ради Павла Онъ спасалъ другихъ, и ради другихъ милуетъ иныхъ, то не сдѣлаетъ ли того

же самаго и ради насъ? Изъ собственнаго его имѣнія, изъ твоего, изъ чего хочешь, окажи помощь; возлей (на него) елей, или, по крайней мѣрѣ, воду. Онъ не можетъ предъявить собственныхъ дѣлъ милосердія? Пусть будутъ хотя родственныя. Не имѣетъ совершонныхъ имъ самимъ? Пусть будутъ (совершонныя) за него. Такимъ образомъ жена можетъ ходатайствовать за него съ дерзновеніемъ, представивъ за него потребное для спасенія. Чѣмъ въ большихъ онъ виновенъ грѣхахъ, тѣмъ болѣе необходима для него милостыня. И не поэтому только, но и потому, что теперь она уже не имѣетъ такой силы, но гораздо меньше. Не все равно, творитъ ли ее кто самъ, или за него. Итакъ, чѣмъ она менѣе (по силѣ), тѣмъ болѣе мы должны увеличивать ее по количеству.

Не о памятникахъ, не о надгробныхъ украшеніяхъ будемъ заботиться. Ты собери вдовицъ—вотъ наилучшій памятникъ! Скажи (имъ) имя (покойнаго); пусть всѣ творятъ за него молитвы и моленія. Это преклонитъ на милость Бога, хотя и не онъ самъ, а другой за него совершаетъ милостыню. Это сообразно съ человѣколюбіемъ Божіимъ. Стоящія вокругъ и плачущія вдовицы могутъ спасти если не отъ настоящей, то отъ будущей смерти. Многіе получили пользу отъ милостынь, совершаемыхъ за нихъ другими. Если они и не совершенно (помилованы), то, по крайней мѣрѣ, получили нѣкоторое утѣшеніе. Въ противномъ же случаѣ, какъ опасались бы дѣти, которыя сами отъ себя ничего не представляютъ, а все—родители? И часто женамъ даруемы были дѣти, которыя сами отъ себя ничего не представляли. Много путей ко спасенію даровалъ намъ Богъ; только бы сами мы не были нерадивыми!

170 5. Но что, скажешь, если кто бѣденъ? Опять скажу, что о достоинствѣ милостыни судится не только потому, что дается, но и по усердію. Не давай только меньше того, сколько можешь, и исполнишь все. А если кто, скажешь, одинокъ, чужой и никого не имѣетъ? А почему онъ никого не имѣетъ, скажи мнѣ? За то самое онъ и подвергается наказанію, что не имѣетъ никого, такъ близкаго, такъ добродѣтельнаго. Поэтому, если мы сами не добродѣтельны, то должны стараться имѣть добродѣтельныхъ товарищей и друзей, жену и сына, для того, чтобы получить какую-нибудь пользу и чрезъ нихъ, хотя и малую, однако же, пользу. Если постараешься взять за себя не богатую, но благочестивую жену, то будешь имѣть это утѣшеніе. Равнымъ образомъ, если постараешься оставить по себѣ не богатаго, но благочестиваго сына и честную дочь, то и тогда будешь имѣть это утѣшеніе. А если будешь заботиться объ этомъ, то и самъ будешь таковъ. Добродѣтели свойственно имѣть такихъ и друзей, и жену, и дѣтей.

Не напрасно бываютъ приношенія за умершихъ, не напрасно молитвы, не напрасно милостыни. Все это установилъ Духъ, желая, чтобы мы приносили другъ другу взаимную пользу. Смотри: тотъ получаетъ пользу чрезъ тебя, а ты получаешь пользу ради него. Ты истратилъ имущество, рѣшившись сдѣлать доброе дѣло,— и ты для него сталъ виновникомъ спасенія, а онъ для тебя (виновникомъ) милостыни. Не сомнѣвайся, что это принесетъ добрый плодъ. Не напрасно діаконъ возглашаетъ: *о иже о Христѣ усопшихъ, и о иже памяти о нихъ совершающихъ.* Не діаконъ изрекаетъ эти слова, но Духъ Святый; разумѣю дарованіе (Его). А ты что говоришь? Жертва въ рукахъ (священнослужителей) и все предлежитъ уготованное; предстоятъ ангелы, архангелы; присутствуетъ Сынъ Божій; всѣ стоятъ съ такимъ трепетомъ; тѣ предстоятъ, возглашая среди общаго молчанія; и ты думаешь, что это бываетъ напрасно? Въ такомъ случаѣ и все прочее напрасно: и приношенія за Церковь, и за священниковъ и за всѣхъ (христіанъ). Но, да не будетъ! Напротивъ, все это совершается съ вѣрою. Для чего, думаешь ты, бываютъ приношенія за мучениковъ, и они призываются въ этотъ часъ? Хотя они — мученики, хотя это—(приношенія) за мучениковъ, но великая честь быть воспомянутымъ въ присутствіи Господа, во время совершенія такой смерти, страшной жертвы, неизреченныхъ таинствъ. Какъ предъ лицемъ сѣдящаго царя всякій можетъ испрашивать, чего хочетъ, когда же онъ встанетъ (съ своего мѣста), тогда, что бы ни говорилъ, будетъ говорить напрасно, — такъ и здѣсь, пока предлежатъ таинства, то для всѣхъ величайшая честь — удостоиться поминовенія. Смотри: здѣсь возвѣщается то страшное таинство, что Богъ предалъ Себя за вселенную. Вмѣстѣ съ этимъ тайнодѣйствіемъ благовременно воспоминаются и согрѣшившіе. Подобно тому, какъ въ то время, когда празднуются побѣды царей, прославляются и тѣ, которые участвовали въ побѣдѣ, и освобождаются тѣ, которые въ то время находятся въ узахъ, а когда пройдетъ это время, то не успѣвшій получить уже не получаетъ ничего, такъ точно и здѣсь; это—время побѣднаго торжества. *Елижды бо аще,* говоритъ (апостолъ), *ясте хлѣбъ сей, смерть Господню возвѣщаете* (1 Кор. xi, 26). Не будемъ же приступать легкомысленно и думать, будто это совершается такъ, безъ цѣли. А вмѣстѣ будемъ поминать и мучениковъ, и, притомъ, съ вѣрою, что Господь не умеръ; а что Онъ былъ мертвымъ, то это—знакъ умерщвленія смерти. Зная это, будемъ по- 171
мнить, какія утѣшенія мы можемъ доставить умершимъ,—вмѣсто слезъ, вмѣсто рыданій, вмѣсто надгробныхъ памятниковъ *милостыни,* молитвы, приношенія,—чтобы и имъ и намъ сподо- 172

биться обѣщанныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Единороднаго Сына, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXII.

171 **Мужъ же нѣкій бѣ въ Кесаріи именемъ Корнилій, сотникъ отъ спиры нарицающіяся Италійскія, благоговѣинъ и бояйся Бога со всѣмъ домомъ своимъ, творяй милостыни многи людемъ, и моляйся Богу всегда: видѣ въ видѣніи явѣ, яко въ часъ девятый дне, ангела Божія шедша къ нему, и рекша ему: Корниліе. Онъ же воззрѣвъ нань и пристрашенъ бывъ рече: что есть, Господи? Рече же ему: молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога (Дѣян. x, 1—4).**

1. Корнилій былъ не іудей и не жилъ по закону (іудейскому), но уже слѣдовалъ нашему образу жизни. Обрати вниманіе на двухъ увѣровавшихъ, которые оба были сановниками,— на евнуха изъ Газы и этого,—и на то, какъ велико было объ нихъ попеченіе (Божіе). Но не подумай, чтобы это—за ихъ санъ. Нѣтъ, не за то,—да не будетъ! — но за благочестіе. Для того и замѣчено о санѣ, чтобы болѣе явно было ихъ благочестіе. Когда кто бываетъ такимъ среди богатства и власти, то это болѣе достойно удивленія. Великая похвала первому, что онъ предпринялъ такое путешествіе, что на пути, когда время не благопріятствовало, занимался чтеніемъ, что, сидя на колесницѣ, пригласилъ къ себѣ Филиппа, и за весьма многое другое; великая (похвала) и послѣднему, что онъ творилъ милостыни и молитвы, и былъ благочестивъ при такой начальственной должности. Поэтому естественно (писатель) упоминаетъ и о должности этого мужа, чтобы кто-нибудь не сказалъ, что повѣствованіе Писаній не точно. *Отъ спиры*, говоритъ, *нарицающіяся Италійскія. Спира*— тоже, что теперь мы называемъ отрядомъ (νούμερος) [1]. *Благоговѣинъ и бояйся Бога со всѣмъ домомъ своимъ.* Говоритъ это для того, чтобы ты не подумалъ, будто случившееся съ нимъ сдѣлано ради (его) сана. Когда нужно было обратить Павла, то является не ангелъ, но самъ Господь; и посылаетъ его не къ кому-либо изъ двѣнадцати, но къ Ананіи. А здѣсь напротивъ: посылаетъ верховнаго (апостола), подобно тому, какъ Филиппа къ евнуху, снисходя къ ихъ слабости и научая, какъ должно поступать съ

---

[1]) *Спира*—десятая часть римскаго легіона.

такими (людьми). И Христосъ часто самъ приходитъ къ тѣмъ, которые страдаютъ тяжко и сами не могутъ приступить (къ Нему). Замѣть, прошу, также и здѣсь новую похвалу милостынѣ, какъ тамъ (въ сказаніи) о Тавиѳѣ. *Мужъ благоговѣинъ и бояйся Бога со всѣмъ домомъ своимъ* (ст. 2). Да услышать это тѣ изъ насъ, которые не заботятся о домашнихъ. Онъ же заботился и о воинахъ, *творя милостыни* всѣмъ *людемъ*. Такъ были благоустроены у него и понятія, и жизнь. *Видѣ въ видѣніи явѣ, яко въ часъ девятый дне, ангела Божія сшедша къ нему, и рекша ему: Корниліе* (ст. 3). Для чего онъ видитъ ангела? Это — для удостовѣренія Петра, или лучше—не его, но остальныхъ слабѣйшихъ. *Въ часъ девятый*, когда онъ былъ свободенъ отъ заботъ и не былъ занятъ дѣлами, и между тѣмъ (предавался) молитвамъ и сокрушенію. *Онъ же воззрѣвъ нань и пристрашенъ бывъ, рече* (ст. 4). Смотри: ангелъ не тотчасъ говоритъ то, что онъ сказалъ, но сначала разсеваетъ страхъ и возноситъ горѣ мысли Корнилія. Видѣніе произвело (въ немъ) страхъ, но страхъ умѣренный, чтобы только сдѣлать его внимательнымъ. Потомъ слова (ангела) раз- 172
сѣяли этотъ страхъ, или лучше—заключающаяся въ нихъ похвала смягчила непріятное (чувство) страха. Послушай же и самыя слова. *Молитвы твоя и милостыни твоя взыдота на память предъ Бога. И нынѣ посли во Іоппію мужей, и призови Симона, нарицаемаго Петра* (ст. 4, 5). Чтобы они не пришли къ другому, для того указываетъ не только прозваніе, но и мѣстопребываніе этого мужа. *Сей странствуетъ у нѣкоего Симона усмаря, емуже есть домъ при мори* (ст. 6). Видѣлъ ли, какъ апостолы, любя уединеніе и тишину, искали отдаленныхъ мѣстъ въ городахъ? Но что, если бы случилось быть и другому Симону и также кожевнику? Для того данъ былъ еще иной признакъ — жительство близъ моря: тремъ же (признакамъ) вмѣстѣ невозможно было совпасть. Не сказалъ (ангелъ), для чего (послать), чтобы не смутить Корнилія, но, возбудивъ въ немъ стремленіе и желаніе слышать (Петра), такъ оставилъ его. *И якоже отъиде ангелъ, глаголяй Корнилію, пригласивъ два отъ рабовъ своихъ, и воина благочестива отъ служащихъ ему, и сказавъ имъ вся, посла ихъ во Іоппію* (ст. 7, 8). Видишь ли, что не напрасно (писатель) говоритъ это, но чтобы показать, что и служившіе при Корнилѣ были таковы же, (какъ онъ)? *И сказавъ имъ вся.* Смотри, какъ онъ не гордъ. Онъ не сказалъ: призовите ко мнѣ Петра; но разсказалъ все, чтобы убѣдить: такъ онъ былъ благоразуменъ! Онъ не хотѣлъ своею властію призвать его; потому и разсказываетъ: такъ этотъ мужъ былъ кротокъ, хотя онъ не могъ представить себѣ ничего высокаго о человѣкѣ, жившемъ у кожевника! *Во утріе же путеше-*

ствующымъ имъ и ко граду приближающымся, взыде Петръ на горницу помолитися о часѣ шестомъ (ст. 9). Смотри, какъ Духъ сочетаваетъ времена, и устрояетъ, что это случилось ни раньше, ни позже. *Взыде Петръ на кровлю помолитися о часѣ шестомъ*, т. е., въ уединеніи и тишинѣ, въ горнемъ мѣстѣ. *Бысть же прилаченъ и хотяше вкусити: готовящымъ же онѣмъ, нападе нань ужасъ* (ἔκστασις), *и видѣ небо отверсто* (ст. 10, 11). Что такое *ужасъ*? Произошло, говоритъ, въ немъ духовное видѣніе; душа, такъ сказать, отрѣшилась отъ тѣла. *И видѣ небо отверсто, и сходящъ нань сосудъ нѣкій, яко плащаницу велію, по четыремъ краямъ привязанъ, и низу спущаемь на землю: въ немже бяху вся четвероногая земли, и звѣріе, и гади, и птицы небесныя. И бысть гласъ къ нему: воставъ Петре, заколи и яждь. Петръ же рече: никакоже, Господи: яко николиже ядохъ всяко скверно или нечисто. И се гласъ паки къ нему вторицею: яже Богъ очистилъ есть, ты не скверни. Сіе же бысть трищи, и паки взяся сосудъ на небо* (ст. 11—16).

2. Что это значитъ? Это видѣніе означаетъ всю вселенную. Корнилій былъ необрѣзанный и не имѣлъ ничего общаго съ іу-
173 деями. Поэтому, имѣя въ виду, что всѣ будутъ обвинять его, какъ нарушителя (закона),—а это весьма много значило у нихъ,—(Петръ) необходимо располагается сказать: *николиже ядохъ*, не самъ возбудивъ въ себѣ такое опасеніе,—нѣтъ!—но, какъ я сказалъ, будучи расположенъ къ тому Духомъ, чтобы имѣть ему въ оправданіе противъ обвинителей то, что онъ даже прекословилъ; а они весьма заботились о соблюденіи закона. Онъ былъ посылаемъ къ язычникамъ. Поэтому, какъ я выше сказалъ, и совершается это для того, чтобы іудеи не обвиняли его. А чтобы это не показалось какимъ-либо призракомъ, онъ сказалъ: *никакоже, Господи: яко николиже ядохъ всяко скверно или нечисто. И бысть гласъ къ нему: яже Богъ очистилъ есть, ты не скверни.* Это, повидимому, говорится къ нему, но все относится къ іудеямъ. Если учитель получаетъ такое внушеніе, то тѣмъ болѣе они. Итакъ, плащаница—это земля; находившіяся въ ней животныя—язычники; слова: *заколи и яждь*—что должно обратиться и имъ; троекратное же повтореніе знаменуетъ крещеніе. *Никакоже, Господи: николиже ядохъ скверно или нечисто.* Для чего, скажутъ, онъ возражалъ? Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что Богъ искушалъ его, какъ Авраама, когда повелѣвалъ принести въ жертву сына, или какъ Филиппа, когда Христосъ спрашивалъ его: *колико хлѣбы имате* (Марк. VI, 38), не для того, чтобы узнать это, но *искушая его* (Іоан. VI, 5). Притомъ и въ законѣ Моисей раздѣльно указалъ чистыхъ и нечистыхъ (животныхъ), какъ земныхъ, такъ и морскихъ. Но онъ, однако, не уразумѣлъ этого.

Яко же въ себѣ недоумѣвашеся Петръ, что бы было видѣніе, еже видѣ, и се мужіе посланніи отъ Корнилія, вопрошше домъ Симоновъ, сташа предъ враты, и возглашше вопрошаху, аще Симонъ, нарицаемый Петръ, здѣ странствуетъ (ст. 17, 18). Когда Петръ изумлялся самъ въ себѣ и недоумѣвалъ, тѣ мужи приходятъ и благовременно разрѣшаютъ недоумѣніе; такъ и Іосифу (Богъ) попускаетъ прежде смутиться, а потомъ посылаетъ архангела (Мѳ. I, 20). Душа, которая прежде была въ недоумѣніи, легко принимаетъ разрѣшеніе (недоумѣнія). Такимъ образомъ, недоумѣніе его продолжалось не долго и (началось) не прежде того, но около времени обѣда. *Петру же размышляющу о видѣніи, рече ему Духъ: се мужіе ищутъ тебе. Но воставъ сниди, и иди съ ними, ничтоже разсуждая, зане Азъ послахъ ихъ* (ст. 19, 20). Это опять служитъ къ оправданію Петра предъ учениками, чтобы они поняли, что и онъ сомнѣвался и затѣмъ былъ наученъ — нисколько не сомнѣваться. *Зане Азъ*, говоритъ, *послахъ ихъ*. Смотри, какова власть Духа. Что дѣлаетъ Богъ, то называется дѣйствіемъ Духа. Не такъ (говоритъ) ангелъ; но, сказавъ напередъ: *молитвы твоя и милостыни твоя*, потомъ говоритъ: *посли*, чтобы показать, что онъ посланъ свыше. Духъ же, какъ господственный, (говоритъ): *Азъ послахъ ихъ. Сошедъ же Петръ къ мужемъ, рече: се азъ есмь, его же ищете. Кая есть вина, еяже ради пріидосте? Они же рекоша: Корнилій сотникъ, мужъ праведенъ и боящися Бога, свидѣтельствованъ отъ всего языка Іудейска, увѣщенъ есть отъ ангела свята, призвати тя въ домъ свой, и слышати глаголы отъ тебе* (ст. 20—22). Они восхваляютъ (Корнилія), чтобы увѣрить, что ангелъ явился ему. *Призвавъ же ихъ учреди* (ст. 23). Видишь ли, съ кого начинается (обращеніе) язычниковъ? Съ человѣка благочестиваго, явившагося достойнымъ того дѣлами. Если и при этомъ іудеи, однако, соблазняются, то чего не сказали бы они, если бы было иначе? *Призвавъ же ихъ учреди*. Смотри, какая въ немъ увѣрен- 174
ность! Чтобы они не потерпѣли чего-нибудь непріятнаго, онъ приглашаетъ ихъ къ себѣ, и потомъ безъ всякаго опасенія вмѣстѣ съ ними принимаетъ пищу. *На утріе же Петръ воставъ иде съ ними, и нѣцыи отъ братій, иже отъ Іоппіи, идоша съ нимъ. И на утріе внидоша въ Кесарію* (ст. 23, 24). Извѣстный человѣкъ былъ (Корнилій) и жилъ въ извѣстномъ городѣ. Потому все это и происходитъ съ нимъ, и отъ Іудеи начинается дѣло (обращенія язычниковъ); видѣніе же было ему не тогда, когда онъ спалъ, а когда бодрствовалъ,—во время дня, около девятаго часа: такъ бодрственно онъ велъ себя! Но обратимся къ вышесказанному. *Рече же ангелъ: молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога*. Отсюда явно, что когда ангелъ назвалъ его,

тогда онъ и увидѣлъ его, такъ что, если бы не назвалъ, то онъ и не увидѣлъ бы: такъ онъ былъ углубленъ въ дѣло, которымъ занимался! *И призови Симона, нарицаемаго Петра.* Открылъ только, что онъ пригласитъ Петра на доброе дѣло; а на какое доброе, этого еще не (открылъ). Такъ и Петръ не все высказываетъ. Повсюду изреченія (ихъ) только отчасти (ясны), чтобы возбудить вниманіе слушателей. Такъ и Филиппа (ангелъ) только посылаетъ въ пустыню. *Взыде Петръ на горницу помолитися о часѣ шестомъ, и нападе нань ужасъ, и видѣ сосудъ нѣкій, яко плащаницу.* Замѣть, что даже и голодъ не принудилъ его приступить къ плащаницѣ. А чтобы онъ не оставался долѣе въ недоумѣніи, слышитъ голосъ, говорящій: *воставъ, Петре, заколи и яждь.* Можетъ быть, онъ стоялъ на колѣнахъ, когда созерцалъ видѣніе, и, кажется мнѣ, видѣлъ его для (успѣха) проповѣди (евангельской). А что это событіе было божественное, явно изъ того, что (Петръ) видѣлъ сосудъ нисходящимъ свыше, и что онъ—апостолъ—находился въ изступленіи. Также и то, что слышанъ былъ оттуда голосъ, что это повторялось трижды, что небо отверзалось, что (сосудъ) былъ спущенъ оттуда и опять взятъ туда, — служитъ великимъ доказательствомъ божественности этого событія.

3. Для чего же такое событіе? Для послѣдовавшихъ поколѣній, которымъ оно имѣло быть разсказано; да и самъ (Петръ) слышалъ (заповѣдь): *на путь языкъ не идите* (Мѳ. x, 5). Не удивляйся этому. Если Павелъ считалъ нужными обрѣзаніе и жертвы, то тѣмъ болѣе онѣ казались нужными тогда, въ началѣ проповѣди, когда (между вѣрующими) были еще слабѣйшіе. *И се мужіе посланніи отъ Корниліа сташа предъ враты, и возглашше вопрошаху, аще Симонъ, нарицаемый Петръ, здѣ странствуетъ.* Какъ предъ бѣднымъ домомъ, они спрашивали внизу (предъ вратами его), а не распрашивали у сосѣдей. *Петру же размышляющему, рече ему Духъ: воставъ сниди, и иди, ничтоже разсуждая, зане Азъ послахъ ихъ.* Смотри, не сказалъ: для того тебѣ и видѣніе явилось, но: *Азъ послахъ ихъ,* внушая, что такъ должно повиноваться (Богу), не спрашивая о причинахъ. Для совершеннаго убѣжденія достаточно услышать отъ Него: сдѣлай то-то, скажи то-то, и не требовать ничего болѣе. *Сошедъ же Петръ, рече: се азъ есмь, егоже ищете.* Почему же онъ не тотчасъ принялъ ихъ, а спрашиваетъ? Онъ увидѣлъ въ посѣтителяхъ воиновъ: потому не просто спрашиваетъ, но сначала называетъ себя, а потомъ разузнаетъ о причинѣ прибытія, чтобы не подумали, будто онъ спрашивалъ потому, что желалъ скрыться. Спрашиваетъ же для того, чтобы, если бы они потребовали, тотчасъ же и идти вмѣстѣ съ ними; если же нѣтъ, то принять ихъ къ себѣ.

А почему они говорятъ: *призываетъ тя въ домъ свой?* Потому что 175
такъ приказалъ имъ (Корнилій); а можетъ быть, они, извиняясь за него, говорятъ какъ бы такъ: нисколько не осуди (его), потому что онъ послалъ не изъ пренебреженія (къ тебѣ), но такъ ему было приказано. *Корнилій же бѣ чая ихъ, созвавъ сродники своя и любезныя други* (ст. 24). Такъ и слѣдовало; несправедливо было бы не собрать сродниковъ и друзей; а съ другой стороны, присутствуя здѣсь, они могли болѣе слушать его (Петра).

Видѣли ли вы, какова сила милостыни, и изъ прежней бесѣды, и изъ настоящей? Тамъ она избавила отъ смерти временной, здѣсь—отъ вѣчной, и отверзла врата неба. Смотри, какъ много сдѣлано было для того, чтобы увѣровалъ Корнилій: ангелъ былъ посланъ, Духъ дѣйствовалъ, верховный изъ апостоловъ былъ призванъ, явлено было такое видѣніе, и вообще не было оставлено ничего. Сколько было сотниковъ, тысяченачальниковъ и царей, и никто изъ нихъ не удостоился того, чего онъ? Послушайте всѣ вы, принадлежащіе къ войску, предстоящіе царямъ. Онъ былъ *благоговѣинъ*, говоритъ (писатель), и *боящися Бога*, а что еще болѣе, былъ таковъ *со всѣмъ домомъ своимъ*. Онъ такъ былъ этому преданъ и благорасположенъ, что не только себя велъ хорошо, но и домашнихъ своихъ направлялъ точно также. Не такъ, какъ мы, которые дѣлаемъ все къ тому, чтобы слуги боялись насъ, но ничего къ тому, чтобы они были благочестивыми. А онъ не такъ, но боялся Бога со всѣмъ домомъ своимъ, будучи какъ бы общимъ отцемъ не только для всѣхъ, бывшихъ съ нимъ, но и для воиновъ, бывшихъ подъ его властію. Послушай, что еще другое они говорятъ,—не напрасно вѣдь прибавлено: *свидѣтельствованъ отъ всего языка* (*Іудейска*), но чтобы никто не сказалъ: что въ томъ, да если онъ былъ необрѣзанный? И тѣ, говорятъ, свидѣтельствуютъ о немъ. Итакъ, нѣтъ ничего равнаго милостынѣ; или лучше: такъ велика сила этой добродѣтели, когда она происходитъ изъ чистыхъ сокровищницъ! Какъ происходящее отъ неправедныхъ (стяжаній) подобно источнику, изливающему нечистоты, такъ (происходящее) отъ праведныхъ стяжаній есть какъ бы прозрачный и чистый потокъ въ саду, пріятный на видъ, усладительный на вкусъ, доставляющій свѣжесть и прохладу во время полудня. Такова милостыня! При этомъ источникѣ растутъ не тополи, не сосны и не кипарисы, но другія, гораздо лучшія этихъ великія произрастенія: любовь Божія, похвала отъ людей, слава предъ Богомъ, благорасположенность отъ всѣхъ, изглажденіе грѣховъ, великое дерзновеніе, презрѣніе богатства, милосердіе, которымъ питается древо любви. Обыкновенно ничто такъ не питаетъ любви,

какъ милостыня. Она простираетъ въ высоту свои вѣтви. Она — источникъ лучше райскаго, не раздѣляющійся на четыре *начала* (Быт. II, 10), но достигающій до самаго неба. Она источаетъ ту *воду, текущую въ животъ вѣчный* (Іоан. IV, 14): смерть, коснувшись ея, исчезаетъ, какъ искра въ источникѣ: такъ она, гдѣ бы ни источалась, производитъ великія блага! Она угашаетъ ту рѣку огненную, какъ искру; она истребляетъ того червя, какъ ничто; кто имѣетъ ее, тотъ не узнаетъ скрежета зубовъ (Мѳ. XXV, 30). Отъ воды ея если и капля упадаетъ на узы, расторгаетъ ихъ; а если упадаетъ въ печи, всецѣло погашаетъ ихъ.

4. Какъ райскій источникъ не таковъ, чтобы то изливать потоки, то изсыхать,—тогда онъ не былъ бы и источникомъ,—
176 но течетъ постоянно, такъ и нашъ (источникъ) пусть всегда изливаетъ очень обильные потоки, особенно для нуждающихся въ милостынѣ, чтобы онъ оставался источникомъ. Это доставляетъ радость принимающему; это и есть милостыня, когда изливается потокъ не только обильный, но и постоянный. Если хочешь, чтобы милость Божія дождила на тебя какъ бы изъ источника, то имѣй и ты у себя источникъ. Ничто не можетъ сравниться съ нимъ. Если ты откроешь этотъ источникъ, то источникъ Божій откроется такъ, что превзойдетъ всякую бездну. Богъ ожидаетъ отъ насъ только повода, чтобы излить блага изъ Своихъ сокровищницъ. Когда (кто) тратитъ, когда издерживаетъ, тогда богатѣетъ, тогда изобилуетъ. Великъ истокъ этого источника; чистъ и прозраченъ потокъ его. Если ты не заградишь его, то не (заградишь) и того (источника Божія). Никакого безплоднаго дерева не насаждай при немъ, чтобы оно не потребило влаги его. У тебя есть имѣніе? Не насаждай тамъ тополей; такова роскошь: она многое истребляетъ, но ничего собою не доставляетъ, а (только) губитъ плодъ. Не насаждай ни сосны, ни липы, ни другихъ подобныхъ, требующихъ многаго, но ни къ чему не полезныхъ: такова роскошь въ одеждахъ, только пріятная на видъ, но не полезная ни къ чему. Вырости виноградныя лозы, насади всякія деревья плодовитыя, какія хочешь, въ рукахъ бѣдныхъ. Нѣтъ ничего плодоноснѣе этой земли. Хотя не велика вмѣстимость руки, однако насаждаемое здѣсь дерево достигаетъ до самаго неба и стоитъ твердо. Это и значитъ—насаждать. А насаждаемое на землѣ, если не теперь, то чрезъ сто лѣтъ погибнетъ. Для чего же ты насаждаешь деревья, которыми не будешь пользоваться, а прежде, нежели воспользуешься, смерть придетъ и похититъ тебя? А это дерево, когда ты умрешь, тогда принесетъ тебѣ плодъ. Если насаждаешь, то насади не въ ненасытной утробѣ, чтобы плодъ не былъ изверженъ вонъ; но насади въ чревѣ алчу-

щемъ, чтобы плодъ достигъ неба. Утѣшь страждущую душу бѣднаго, чтобы не скорбѣла твоя утучнѣвшая. Не видишь ли, какъ деревья, напояемыя чрезъ мѣру, загниваютъ съ корня, а напояемыя умѣренно возрастаютъ? Такъ и ты не напояй чрезмѣрно своего чрева, чтобы не загнилъ корень этого дерева: напой (чрево) жаждущее, чтобы оно принесло плодъ. Напояемое въ мѣру не загниваетъ отъ солнца, а неумѣренно (напояемое) загниваетъ: таково естественное дѣйствіе солнца. Неумѣренность вездѣ зло. Поэтому будемъ воздерживаться отъ нея, чтобы и намъ получить то, о чемъ просимъ. Источники, говорятъ, получаютъ свое начало въ мѣстахъ весьма возвышенныхъ. Сдѣлаемся же и мы возвышенны душею, и тотчасъ потечетъ (отъ насъ) милостыня. Невозможно возвышенной душѣ не быть милостивою, и милостивой—не быть возвышенною. Итакъ, кто презираетъ имущество, тотъ выше *корня золъ* (1 Тим. vi, 10). Источники по большей части находятся въ пустыняхъ; и мы изведемъ душу изъ (мірской) суеты, и потечетъ отъ насъ милостыня. Источники чѣмъ болѣе очищаются, тѣмъ болѣе обильными становятся; такъ и мы чѣмъ болѣе будемъ раздавать, тѣмъ болѣе произрастетъ благъ. Кто имѣетъ источникъ, тотъ чуждъ страха; такъ и мы, если будемъ имѣть источникъ — милостыню, не будемъ страшиться. И для питья, и для орошенія, и для постройки зданій—для всего полезенъ намъ этотъ источникъ. Нѣтъ ничего лучше такого питья: оно не производитъ опьяненія. Лучше имѣть такой источникъ, нежели источники, доставляющіе золото. Душа, носящая это золото, лучше всякой земли золотоносной. Оно сопутствуетъ намъ не въ это царство, но въ горнее. Это золото служитъ украшеніемъ Церкви Божіей. Изъ этого золота приготовляется мечъ духовный
(Ефес. vi, 17), мечъ, которымъ посѣкается змій. Изъ этого источ- 177
ника происходятъ драгоцѣнные камни, украшающіе голову Царя
(Апок. iv, 3). Не будемъ же пренебрегать такимъ богатствомъ, но 178
будемъ творить милостыню щедро, чтобы намъ удостоиться милости Божіей, по благодати и щедротамъ Единороднаго Сына Его, Которому всякая слава, честь и держава, со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIII.

177 **На утріе же Петръ воставъ иде съ ними, и нѣцыи отъ братій, иже отъ Іоппіи, идоша съ нимъ. И на утріе внидоша въ Кесарію. Корнилій же бѣ чая ихъ, созвавъ сродники своя и любезныя други (Дѣян. х, 23, 24).**

1. Угостивъ мужей (посланныхъ Корниліемъ), отправляется (Петръ) вмѣстѣ съ ними; и хорошо: сначала онъ съ любовію принимаетъ ихъ, какъ утомившихся отъ пути, и располагаетъ къ себѣ, а потомъ уже отправляется съ ними. *На утріе же воставъ Петръ, иде съ ними, и нѣцыи отъ братій* (ст. 23). Не одинъ онъ, но и другіе идутъ съ нимъ; и это съ тою предусмотрительностью, чтобы впослѣдствіи были свидѣтели, когда Петру нужно будетъ оправдываться. *Корнилій же бѣ чая ихъ, созвавъ сродники своя и любезныя други* (ст. 24). Таково свойство друга, таково свойство благочестиваго (человѣка), чтобы прежде всего дѣлать участниками такихъ благъ близкихъ друзей. Естественно онъ созываетъ тѣхъ, кому всегда довѣрялъ, особенно разсуждая о такихъ предметахъ, о которыхъ еще излишне было говорить съ другими. Мнѣ кажется, что и друзья, и родственники имъ же были назидаемы. *Якоже бысть внити Петру, срѣте его Корнилій, и падъ на ногу его, поклонися. Петръ же воздвиже его, глаголя: востани: и азъ самъ человѣкъ есмь* (ст. 25, 26). Дѣлая это, (Корнилій) проявляетъ свое смиреніе, научаетъ прочихъ, благодаритъ Бога и показываетъ, что хотя онъ и получилъ повелѣніе, однако, и самъ въ себѣ имѣлъ великое благочестіе. Что же Петръ? *Востани: и азъ самъ человѣкъ есмь.* Видишь ли, какъ онъ прежде всего научаетъ ихъ не думать слишкомъ много о самихъ себѣ? *И съ нимъ бесѣдуя, вниде, и обрѣте собравшыяся многи. Рече же къ нимъ: вы вѣсте, яко не лѣпо есть мужу Іудеанину прилѣплятися или приходити къ иноплеменнику* (ст. 27, 28). Смотри: тотчасъ же начинаетъ бесѣдовать о человѣколюбіи Божіемъ, и показываетъ, что Онъ даровалъ имъ великія блага. Но здѣсь достойно удивленія не только то, что онъ бесѣдуетъ о такихъ предметахъ, но и то, какъ онъ говоритъ о предметахъ высокихъ и вмѣстѣ соблюдаетъ смиреніе. Не сказалъ: мы—люди, не удостоивающіе никого своего общенія, пришли къ вамъ; но что? *Вы вѣсте.* Богъ, говоритъ, запретилъ (намъ) входить въ общеніе или обращаться съ иноплеменникомъ. Потомъ, чтобы не показать пристрастія къ нему, продолжаетъ: *и мнѣ Богъ показа ни единаго скверна или нечиста глаголати человѣка* (ст. 28). Присовокупляетъ это, чтобы не подумали, что онъ льститъ ему. *Тѣмъ же и безъ сумнѣнія пріидохъ призванъ* (ст. 29).

Чтобы не подумали, что хотя дѣло было и противозаконное, но онъ послушался потому, что (Корнилій) былъ начальникъ, а чтобы все приписывали Богу, для того говоритъ, что не дозволено не только *прилѣплятися*, но даже и *приходити*. *Вопрошаю убо, коея ради вины посласте по мене* (ст. 29)? Спрашиваетъ не потому, чтобы не знать. Петръ зналъ все изъ видѣнія, слышалъ и отъ воиновъ; но онъ хочетъ, чтобы спачала они сами исповѣдали и предрасположили себя къ вѣрѣ. Что же Корнилій? Онъ не сказалъ: развѣ воины не сказали тебѣ? Но смотри, какъ кротко и смиренно гово- 178
ритъ: *отъ четвертаго дне даже до сего часа бѣхъ постяся, и въ девятый часъ моляся въ дому моемъ: и се мужъ ста предо мною во одеждѣ свѣтлѣ и рече: Корниліе, услышана бысть молитва твоя, и милостыни твоя помянушася предъ Богомъ* (ст. 30, 31). *И въ девятый*, говоритъ, *часъ моляся*. Что это значитъ? Мнѣ кажется, что у него назначены были часы для благочестивыхъ занятій, и притомъ въ извѣстные дни. Потому онъ и сказалъ: *отъ четвертаго дне*. Смотри, какъ важна молитва! Когда онъ предался благочестивому занятію, тогда является ему ангелъ. Это былъ первый день; когда посланные отправились, еще одинъ; когда возвращались, еще одинъ; а на четвертый (Петръ) прибылъ, такъ что это былъ второй день, въ который (Корнилій) предавался молитвѣ. *И се мужъ ста предо мною во одеждѣ свѣтлѣ*. Не называетъ ангеломъ: такъ онъ чуждъ гордости! *И рече: Корниліе, услышана бысть молитва твоя, и милостыни твоя помянушася предъ Богомъ. Посли убо во Іоппію, и призови Симона, иже нарицается Петръ: сей странствуетъ въ дому Симона усмаря близъ моря: иже пришедъ возглаголетъ тебѣ. Абіе убо послахъ къ тебѣ, ты же добрѣ сотворилъ еси пришедъ: нынѣ убо вси мы предъ Богомъ предстоимъ слышати вся повелѣнная тебѣ отъ Бога* (ст. 31—33). Для того (Петръ) и сказалъ: *коея ради вины посласте по мене*, чтобы (Корнилій) высказалъ всѣ эти слова. *Отверзъ же Петръ уста, рече: по истиннѣ разумѣваю, яко не на лица зритъ Богъ, но во всякомъ языцѣ бояйся его и дѣлаяй правду, пріятенъ ему есть* (ст. 34, 35), т. е., будетъ ли онъ необрѣзанный, или обрѣзанный. Тоже выражаетъ и Павелъ, когда говоритъ: *нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога* (Римл. II, 11). *Нынѣ убо вси мы*, говоритъ, *предъ Богомъ предстоимъ*. Смотри, какая вѣра, какое благочестіе! Онъ уразумѣлъ, что Петръ вѣщалъ не человѣческое ученіе, когда сказалъ: *мнѣ Богъ показа*. Потому и говоритъ: *предстоимъ слышати вся повелѣнная тебѣ отъ Бога*. Какъ? Неужели *пріятенъ* Ему и принадлежащій къ персамъ? Если онъ достоинъ, то будетъ *пріятенъ* такъ, что сподобится вѣры. Потому Онъ не презрѣлъ и евнуха изъ Ѳіопіи. Но что, скажутъ, думать о людяхъ богобоязненныхъ и между тѣмъ оставленныхъ въ презрѣніи?

Нѣтъ; ни одинъ богобоязненный не оставляется въ презрѣніи. Не можетъ, никогда не можетъ быть презрѣнъ кто-либо изъ такихъ (людей). *Во всякомъ языцѣ*, говоритъ, *боящися Бога и дѣлаяй правду*. Правдою онъ называетъ всякую добродѣтель.

2. Видишь ли, какъ Онъ внушаетъ смиреніе словами: *во всякомъ языцѣ боящся Бога пріятенъ ему есть?* Какъ бы такъ говорилъ: Онъ никого не отвергаетъ, принимаетъ всѣхъ вѣрующихъ. Потомъ, чтобы они не почли себя въ числѣ отверженныхъ, продолжаетъ: *слово, еже посла сыномъ Исраилевымъ, благовѣствуя миръ Іисусъ Христомъ, сей есть всѣмъ Господь* (ст. 36). Говоритъ это для присутствующихъ, чтобы убѣдить и ихъ. Для того онъ расположилъ и Корнилія — предложить разсказъ. *Слово*, говоритъ,
179 *еже послалъ сыномъ Исраилевымъ*. Смотри: сначала имъ отдаетъ преимущество, а потомъ и тѣхъ приводитъ въ свидѣтели, и говоритъ: *вы вѣсте глаголъ, бывшій по всей Іудеи, наченшійся отъ Галилеи, по крещеніи, еже проповѣда Іоаннъ* (ст. 37). Что это такъ, подтверждаетъ слѣдующимъ: *Іисуса, иже отъ Назарета, яко помаза его Богъ Духомъ Святымъ и силою* (ст. 38). Не сказалъ: вы знаете Іисуса,—такъ какъ они еще не знали Его,—но излагаетъ дѣянія Его: *иже пройде благовѣствуя и исцѣляя вся насилованныя отъ діавола*. Указываетъ здѣсь на многіе недуги и страданія тѣлесныя, причиняемыя діаволомъ. *Яко Богъ бяше съ нимъ* (ст. 38). Снова выражается смиренно; не просто, я думаю, но примѣнительно къ понятіямъ человѣческимъ. *И мы есмы свидѣтели всѣхъ, яже сотвори во странѣ Іудейстѣй и во Іерусалимѣ*. И вы, говоритъ, и мы (свидѣтели). *Его же и убиша, повѣсивше на древѣ* (ст. 39). Здѣсь говоритъ о страданіи (Христовомъ). *Сего Богъ воскреси въ третій день, и даде ему явленну быти, не всѣмъ людемъ, но намъ свидѣтелемъ преднареченнымъ отъ Бога, иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ, по воскресеніи его отъ мертвыхъ* (ст. 40, 41). Это — величайшее свидѣтельство воскресенія. *И повелѣ намъ проповѣдати людемъ, и засвидѣтельствовати, яко той есть нареченный отъ Бога Судія живыхъ и мертвыхъ* (ст. 42). И это много способствуетъ къ тому, чтобы они явились достовѣрными (свидѣтелями). Но онъ приводитъ и (другое) свидѣтельство—слѣдующее: *о семъ вси пророцы свидѣтельствуютъ, оставленіе грѣховъ пріяти именемъ его всякому вѣрующему въ онь* (ст. 43). Это—предсказаніе будущихъ послѣдующихъ событій; для подтвержденія его благовременно приводитъ въ свидѣтели пророковъ. Но обратимся къ вышесказанному о Корнилiѣ. *Посла*, говоритъ (писатель), *во Іоппію призвати Петра*. Вѣровалъ, что онъ непремѣнно придетъ; потому и послалъ. *И съ нимъ бесѣдуя, вниде*. О чемъ бесѣдуя? Бесѣдуя, думаю, о томъ, что сказано выше. *И падъ на ногу, поклонися*. Смотри,

какъ слово (его) всегда чуждо лести и исполнено смиренія. Чрезъ это же показалъ себя достойнымъ и тотъ евнухъ; онъ пригласилъ Филиппа взойти и сѣсть на колесницу, хотя и не зналъ, кто онъ таковъ, развѣ только послѣ изъясненія пророчества. А этотъ даже палъ къ ногамъ. Видѣлъ ли ты, какъ онъ былъ чуждъ гордости? Посмотри же, какъ Петръ показываетъ божественность своего пришествія, когда говоритъ: *вы вѣсте, яко не лѣпо есть.* Почему онъ не сказалъ тотчасъ о плащаницѣ? Потому, что былъ весьма не тщеславенъ. О томъ, что былъ посланъ отъ Бога, онъ говоритъ, но какъ, пока еще нѣтъ; а когда открылась нужда, тогда и сказалъ. *Вы вѣсте, яко не лѣпо есть мужу Іудеанину прилѣплятися или приходити къ иноплеменнику.* Такъ онъ былъ далекъ отъ тщеславія! *Вы вѣсте.* Говоря это, ссылается и на ихъ знаніе. Что же Корнилій? *Мы предъ Богомъ*, говоритъ, *предстоимъ слышати вся повелѣнная тебѣ отъ Бога.* Не сказалъ: предъ человѣкомъ, но: *предъ Богомъ*, показывая, что такъ должно внимать рабамъ Божіимъ. Видѣли ли вы высокую душу его? Видѣли ли вы, какъ онъ былъ достоинъ всего этого? *Отверзъ же Петръ уста, рече: по истиннѣ разумѣваю, яко не на лица зритъ Богъ.* Говорилъ это и для присутствовавшихъ іудеевъ, въ свое оправданіе. Такъ какъ ему предстояло вести съ ними рѣчь, то онъ напередъ представляетъ какъ бы оправданіе. Что же? Развѣ прежде этого (Богъ) былъ лицепріятенъ? Да не будетъ! Онъ и 180
прежде былъ таковъ же. *Всякъ*, говоритъ, *боящйся Бога и дѣлаяй правду пріятенъ ему есть.* Объ этомъ и Павелъ пишетъ такъ: *егда бо языцы, не имуще закона, естествомъ законная творятъ* (Рим. II, 14). Здѣсь (Петръ) преподаетъ и ученіе, и правила жизни. Если (Богъ) не презрѣлъ волхвовъ, и эѳіоплянина, и разбойника, и блудницу, то, безъ сомнѣнія, тѣмъ болѣе не презритъ дѣлающихъ правду и желающихъ (вѣровать). Почему же бываютъ люди добрые и кроткіе, и однако не хотятъ вѣровать? Вотъ самъ ты и сказалъ причину: потому, что не хотятъ. Съ другой стороны, добрымъ онъ называетъ здѣсь не кроткаго, но *дѣлающаго правду*, т. е., благоугоднаго (Богу) во всемъ, каковымъ человѣкъ бываетъ тогда, когда имѣетъ надлежащій страхъ Божій; такого знаетъ одинъ Богъ. Смотри, какъ этотъ былъ *пріятенъ.* Какъ скоро онъ услышалъ, то и повиновался. И теперь, скажешь, повиновался бы всякій, кто бы то ни былъ, если бы явился ангелъ? Но нынѣшнія знаменія гораздо больше тѣхъ, и однако многіе не вѣруютъ. Затѣмъ (Петръ) начинаетъ ученіе, наблюдая достоинство іудеевъ. *Слово*, говоритъ, *еже посла сыномъ Израилевымъ, благовѣствуя миръ, сей есть Господь всѣмъ.* Во-первыхъ, говоритъ о господствѣ Его, и весьма возвышенно, какъ и слѣдовало, потому что имѣлъ предъ

собою душу, которая уже сдѣлалась высокою и съ горячностію принимала все, имъ сказанное. Потомъ, чтобы показать, какъ Онъ есть *Господь всѣмъ*, присовокупляетъ слова: *еже посла благовѣствуя*, т. е., призывая на благое, а не возвѣщая судъ.

3. Здѣсь онъ показываетъ, что (Христосъ) былъ посланъ отъ Бога прежде къ іудеямъ. Затѣмъ доказываетъ это тѣмъ, что Онъ совершилъ во всей Іудеѣ, и говоритъ: *вы вѣсте глаголъ бывшій по всей Іудеи*, и, къ удивленію, *наченшійся отъ Галилеи, по крещеніи, еже проповѣда Іоаннъ*. Сначала сказалъ объ Его дѣлахъ, а потомъ рѣшается сказать объ Его отечествѣ: *Іисуса, иже отъ Назарета*. Онъ зналъ, что это отечество служило соблазномъ. *Яко помаза его Богъ Духомъ Святымъ и силою*. Затѣмъ снова (приводитъ) доказательство; чтобы кто не сказалъ: откуда это видно?—присовокупляетъ слова: *иже пройде благодѣтельствуя и исцѣляя вся насилованныя отъ діавола*. Вмѣстѣ съ добрыми дѣлами, которыя Онъ совершилъ, показываетъ, что велика была и сила Его; она должна быть могущественна и велика, если побѣждаетъ діавола. Приводитъ и причину: *яко Богъ бяше съ нимъ*. Потому и іудеи говорили такъ: *вѣмы, яко отъ Бога пришелъ еси учитель: никтоже бо можетъ знаменій сихъ творити, аще не будетъ Богъ съ нимъ* (Іоан. III, 2). Потомъ, когда доказалъ, что Онъ былъ посланъ отъ Бога, тогда уже и говоритъ, что Онъ былъ умерщвленъ, чтобы ты не подумалъ (о Немъ) чего-либо недостойнаго. Видишь ли, какъ они никогда не скрывали о крестѣ, но, между прочимъ, упоминали и объ образѣ (распятія)? *Егоже и убиша*, говоритъ, *повѣсише на древѣ. И даде ему явленну быти, не всѣмъ людемъ, но свидѣтелемъ преднареченнымъ отъ Бога намъ*. Хотя Онъ самъ избралъ ихъ, но и это (Петръ) приписываетъ Богу. *Преднареченнымъ*, говоритъ. Смотри, чѣмъ онъ доказываетъ воскресеніе—ядeніемъ. Почему же, по воскресеніи, (Христосъ) не совершилъ никакого знаменія, а ѣлъ и пилъ? Потому, что воскресеніе и само по себѣ было великимъ знаменіемъ; а для доказательства (подлинности) его ничто
181 не можетъ быть больше того, что Онъ ѣлъ и пилъ. *Засвидѣтельствовати*, говоритъ. Здѣсь онъ внушаетъ и страхъ, чтобы они не могли оправдываться невѣдѣніемъ. И не сказалъ, что Онъ есть Сынъ Божій, но,—что особенно могло устрашить ихъ, — *яко той есть нареченный отъ Бога Судія живыхъ и мертвыхъ*. Затѣмъ (приводитъ) сильное доказательство отъ пророковъ, потому что они были въ великой славѣ. *О семъ вси пророцы свидѣтельствуютъ*. Внушивъ страхъ, представляетъ потомъ прощеніе (грѣховъ), говоря не отъ себя, но отъ лица пророковъ. Страшное (говоритъ) отъ себя, а пріятное—отъ лица пророковъ. Вы, которые получили это прощеніе, которые удостоились вѣры, постарайтесь, умоляю

васъ, познавши величіе дара, не оскорбить Благодѣтеля. Не для того мы получили прощеніе, чтобы сдѣлаться худшими, но чтобъ быть гораздо лучшими и совершеннѣйшими.

Итакъ, пусть никто не говоритъ, будто Богъ есть виновникъ нашихъ грѣховъ, потому что не подвергъ насъ наказанію и мученію. Скажи мнѣ: если бы какой начальникъ, имѣя въ рукахъ своихъ убійцу, отпустилъ его, то можетъ ли онъ считаться виновникомъ послѣдующихъ убійствъ? Нисколько. Какъ же мы сами, дерзая нечестивыми устами своими оскорблять Бога, не боимся и не трепещемъ? И чего не скажутъ? Чего не произнесутъ? Онъ самъ, говорятъ, попустилъ имъ; надлежало наказать ихъ, если они достойны того, не раздавать имъ почестей, вѣнцовъ и преимуществъ, а подвергнуть наказанію и мученію. Не дѣлая съ ними ничего такого, но вмѣсто того удостоивая ихъ почестей, Онъ и дѣлаетъ ихъ такими. Нѣтъ, прошу и умоляю, пусть никто не произноситъ о насъ такого отзыва. Лучше тысячи разъ быть зарыту въ землѣ, нежели допустить, чтобы о Богѣ говорили такъ изъ-за насъ. Іудеи говорили Ему: *разоряяй церковь и тремя денми созидаяй ю, спасися самъ;* и еще: *аще Сынъ еси Божій, снииди со креста* (Мѳ. xxvii, 40). Но то богохульнѣе этого. Итакъ, чтобы изъ-за насъ не могли называть Его виновникомъ зла и чтобы за это самое богохульство намъ не подпасть наказанію,—такъ какъ *вами*, говоритъ Онъ, *имя* мое *хулится во языцѣхъ* (Рим. ii, 24),—постараемся, чтобы говорили противное, проводя жизнь достойно Призывающаго и приступая къ крещенію сыноположенія. Поистинѣ велика сила крещенія; оно совершенно измѣняетъ сподобившихся этого дара, и люди чрезъ него перестаютъ быть тѣми же людьми. Пусть же и эллинъ увѣруетъ, что велика сила Духа, потому что она преобразовала, потому что пересоздала. Зачѣмъ ты ожидаешь послѣдняго издыханія, какъ бѣглый рабъ, какъ злодѣй, какъ будто не обязанный жить для Бога? Зачѣмъ ведешь себя по отношенію къ Нему, какъ бы къ какому жестокому и безчеловѣчному властителю? Что можетъ быть холоднѣе, что жалче принимающихъ крещеніе въ такое время? Богъ сдѣлалъ тебя другомъ и удостоилъ всѣхъ благъ, чтобы и ты съ своей стороны явилъ дѣла друга. Скажи мнѣ: если бы ты причинилъ кому-либо великія обиды и оскорбленія, и послѣ множества сдѣланныхъ ему непріятностей впалъ въ руки обиженнаго, а онъ вмѣсто того почтилъ бы тебя, сдѣлалъ бы соучастникомъ всѣхъ своихъ (благъ), за самыя обиды, нанесенныя ему, увѣнчалъ бы тебя между друзьями своими и сказалъ бы, что считаетъ тебя за родного сына, и потомъ внезапно умеръ,—не почелъ ли бы ты этого потерею?—не сказалъ ли бы: я желалъ бы видѣть его живымъ, чтобы воз-

дать ему должное, чтобы возблагодарить его, чтобы не оказаться недостойнымъ предъ благодѣтелемъ? Такъ (поступаешь) по отношенію къ человѣку; а по отношенію къ Богу почему стараешься устроить такъ, чтобы не воздать Благодѣтелю за столь великіе дары? Нѣтъ, ты тогда и приступи, когда можешь воздать Ему
182 съ своей стороны. Зачѣмъ ты убѣгаешь? Такъ, скажешь; я не могу соблюсти (заповѣдей). Но развѣ Богъ заповѣдалъ невозможное? Оттого и извратилось все, оттого и растлѣлась вселенная, что никто нисколько не заботится жить по Богѣ. Оглашенные, питая такія мысли, не обнаруживаютъ никакого попеченія о благочестивой жизни. Изъ крещенныхъ одни приняли крещеніе въ дѣтствѣ; другіе въ болѣзни, и такъ какъ не имѣли никакого усердія жить для Бога, то по выздоровленіи тоже не прилагаютъ заботы; иные приняли въ здоровомъ состояніи, но и они обнаруживаютъ мало заботы, и они имѣли пламенное усердіе въ то время, впослѣдствіи же угасили свой пламень. Развѣ не позволяется тебѣ заниматься дѣлами? Развѣ я отвлекаю тебя отъ жены? Удерживаю тебя только отъ прелюбодѣянія. Развѣ отъ пользованія имуществомъ? Отъ любостяжанія только и хищенія. Развѣ принуждаю раздать все? Только немногое, по мѣрѣ возможности, удѣлять нуждающимся. *Ваше избыточествіе*, говоритъ (апостолъ), *во онѣхъ лишеніе* (2 Кор. VIII, 14). Но и такимъ образомъ мы не убѣждаемъ. Развѣ принуждаемъ поститься? Запрещаемъ только предаваться опьяненію и пресыщенію. Устраняемъ то, что причиняетъ тебѣ безчестіе, что и самъ ты еще здѣсь, прежде геенны, уже признаешь постыднымъ и ненавистнымъ. Развѣ (запрещаемъ) веселиться и радоваться? Только бы (это было) не постыдно и не безчестно.

4. Чего ты боишься? Чего страшишься? Чего трепещешь? Гдѣ брачная жизнь, гдѣ доброе употребленіе имущества, гдѣ умѣренность въ пищѣ,—какой тамъ поводъ ко грѣху? Внѣшніе (язычники) повелѣваютъ противоположное, и ихъ слушаютъ. Они требуютъ не по мѣрѣ возможности, но говорятъ: столько-то надобно отдать, — и хотя ты ссылаешься на бѣдность, не отступаютъ и тогда. А Христосъ не такъ: дай (говоритъ) изъ того, что имѣешь, и поставлю тебя въ числѣ первыхъ. Еще тѣ говорятъ: если хочешь быть славнымъ, оставь отца, мать, родныхъ, домашнихъ, и будь при царскомъ дворѣ, перенося труды, испытывая оскорбленія, раболѣпствуя, не имѣя покоя, претерпѣвая множество непріятностей. А Христосъ не такъ, но—будь въ своемъ домѣ съ женою, съ дѣтьми, и устраивай дѣла свои такъ, чтобы проводить жизнь спокойную и безопасную. Такъ, скажешь; но тотъ обѣщаетъ богатство? А Онъ—царство; или лучше: вмѣстѣ съ тѣмъ и богатство. Онъ говоритъ: *ищите царствія* небеснаго, *и сія вся*

приложатся вамъ (Мѳ. VI, 33). Тотъ (обѣщаетъ богатство) не въ видѣ прибавленія, а Онъ—еще нѣчто прежде этого. *Юнѣйшій быхъ*, говоритъ (Давидъ), *ибо состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы* (Псал. XXXVI, 25). Начнемъ же жизнь добродѣтельную; положимъ ей начало; только приступимъ къ ней, и увидишь, сколько въ ней благъ. Ты не безъ труда совершаешь тѣ дѣла; почему же съ боязнію смотришь на эти? Да, скажешь, тѣ безъ труда, а эти съ трудомъ. Нѣтъ, не такъ, не правда. Если слѣдуетъ сказать правду, то тѣ сопряжены съ гораздо большими трудностями и совершаются съ большимъ трудомъ, а эти, если захотимъ, легко.

Не будемъ же уклоняться, умоляю васъ, отъ божественныхъ таинствъ. Не смотри на то, что прежде тебя крещенный сдѣлался худымъ и лишился своего упованія, и не дѣлайся оттого еще нерадивѣе; и между воинами мы видимъ однихъ, отправляющихъ воинскую службу не какъ должно, а другихъ отмѣнно ревностныхъ, но обращаемъ вниманіе не на лѣнивыхъ, а подражаемъ этимъ—исправнымъ. Такъ и ты смотри на тѣхъ, которые послѣ крещенія изъ людей сдѣлались ангелами. Страшись неизвѣстно- 183
сти будущаго. Смерть приходитъ, какъ *тать въ нощи* (2 Петр. III, 10), и не просто какъ тать, но нападаетъ на насъ спящихъ и восхищаетъ не бодрствующихъ. Для того Богъ и оставилъ будущее неизвѣстнымъ, чтобы, по неизвѣстности всегда ожидая, мы проводили жизнь добродѣтельно. Но Богъ, скажешь, человѣколюбивъ. Доколѣ же мы будемъ повторять это холодное и возбуждающееее смѣхъ изреченіе? Я не только говорю и не перестану говорить, что Богъ человѣколюбивъ, но и (скажу), что нѣтъ никого человѣколюбивѣе Его и что все въ отношеніи къ намъ Онъ устраиваетъ на пользу. Не видишь ли, какъ многіе во всякомъ возрастѣ бываютъ подвержены проказѣ? Какъ многіе съ перваго возраста остаются слѣпыми до старости? Другіе подверглись слѣпотѣ впослѣдствіи; иные (живутъ) въ бѣдности; иные въ узахъ; иные въ рудокопняхъ; иные и задавлены тамъ землею; а иные погибли на войнѣ. Дѣло ли это человѣколюбія, скажи мнѣ? Не могъ ли бы Онъ не допустить этого, если бы пожелалъ? Но Онъ допускаетъ. Такъ, скажешь. Скажи же мнѣ, отчего бываютъ слѣпые съ перваго возраста? Я не скажу, пока не дашь мнѣ обѣщанія—креститься и по крещеніи жить благочестиво. Не слѣдуетъ тебѣ заниматься разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ; слово существуетъ не для забавы. И если я разрѣшу этотъ вопросъ, за нимъ послѣдуетъ другой; въ Писаніи вѣдь—бездна вопросовъ. Поэтому пріучайтесь не изыскивать только разрѣшеніе вопросовъ, но и не задавать ихъ, потому что никогда не будетъ конца нашимъ во-

просамъ. Вотъ, если я разрѣшу этотъ, то подамъ поводъ къ безчисленному множеству другихъ вопросовъ. Научимся же лучше достигать этого (чтобы не задавать вопросовъ), нежели искать разрѣшенія ихъ. Если и разрѣшимъ, то разрѣшимъ не совершенно, а по человѣческому разумѣнію. Самое лучшее разрѣшеніе такихъ вопросовъ есть вѣра, т. е. убѣжденіе, что Богъ устраиваетъ все праведно, человѣколюбиво и на пользу, и что причины этого постигнуть невозможно. Вотъ единственное разрѣшеніе, и другого лучше этого нѣтъ. Въ чемъ, скажи мнѣ, состоитъ дѣло разрѣшенія? Конечно, въ томъ, чтобы не искать больше того, что разрѣшено. Если же ты убѣдишься, что все управляется Промысломъ Божіимъ, одно попускающимъ по извѣстной Ему причинѣ, а другое устрояющимъ, то и не будешь болѣе задавать вопро-
184 совъ и получишь для себя готовое ихъ разрѣшеніе. Но возвратимся къ предмету. Итакъ, если ты видишь столь многихъ претерпѣвающими страданія, а это все попускаетъ Богъ, то воспользуйся здоровьемъ (своего) тѣла для здоровья души. Но, скажешь, какая мнѣ нужда подвергаться трудамъ и лишеніямъ, когда можно очиститься отъ всего и безъ труда? Прежде всего (скажу): это неизвѣстно. Случается не только не очиститься безъ труда, но и отойти со всѣми (грѣхами). А если бы это и было извѣстно, то не отрадны такія слова. Привелъ тебя (Богъ) на бранное поприще; предложены золотыя оружія; слѣдуетъ взять ихъ и дѣйствовать; а ты хочешь спастись безъ славы и не сдѣлать ничего добраго. Скажи мнѣ: если бы происходила война и самъ царь присутствовалъ, и ты видѣлъ бы, какъ одни бросаются въ ряды непріятелей, поражаютъ и наносятъ безчисленныя раны, другіе вступаютъ въ единоборство; одни бѣгутъ, другіе несутся на коняхъ и получаютъ похвалу отъ царя, удивленіе, рукоплесканія, вѣнцы; а иные въ то же время считаютъ за лучшее не подвергаться никакой опасности, держаться позади всѣхъ, и остаются въ бездѣйствіи; потомъ, по окончаніи войны, первые вызываются, награждаются великими дарами и провозглашаются, а послѣдніе остаются неизвѣстными даже по имени, и только лишь сохраненіе жизни служитъ имъ воздаяніемъ за дѣла,—въ числѣ которыхъ ты пожелалъ бы находиться? Хотя бы ты былъ каменнымъ, хотя бы былъ безпечнѣе вещей безчувственныхъ и бездушныхъ,—не пожелалъ ли бы ты тысячи разъ быть въ числѣ первыхъ? Такъ, прошу и умоляю. Вѣдь хотя бы надлежало и пасть среди брани, не слѣдуетъ ли съ готовностію рѣшиться и на это? Не видишь ли, какъ свѣтлы падающіе въ такихъ войнахъ, хотя они умираютъ смертію, послѣ которой не могутъ получить почестей отъ царя? А въ этой брани совсѣмъ не

такъ, но (послѣ нея) ты непремѣнно предстанешь со своими ранами, которыя да сподобимся всѣ мы явить, и безъ гоненій, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIV.

Еще же глаголющу Петру глаголы сія, нападе Духъ Святый на вся слышащыя слово. И ужасошася иже отъ обрѣзанія вѣрніи, елицы пріидоша съ Петромъ, яко и на языки даръ Святаго Духа изліяся: слышаху бо ихъ глаголющихъ языки и величающихъ Бога (Дѣян. x, 44—46). 183

1. Посмотри на домостроительство Божіе. Петръ еще не успѣлъ окончить рѣчи, и крещеніе (Корнилія и бывшихъ у него) еще не совершилось по его повелѣнію; но такъ какъ они показали чудное расположеніе души своей, приняли начало ученія и увѣровали, что въ крещеніи несомнѣнно подается прощеніе грѣховъ, то и сошелъ (на нихъ) Духъ. Это же совершаетъ Богъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы доставить Петру сильное оправданіе. Они не только получаютъ Духа, но и стали говорить языками, что и изумило пришедшихъ съ Петромъ. Зачѣмъ же такъ устраивается это дѣло? Для іудеевъ, такъ какъ они весьма ненавистно смотрѣли на это. Такъ вездѣ все совершается Богомъ; а Петръ почти только присутствуетъ здѣсь, вразумляясь, что имъ (апостоламъ) слѣдуетъ уже обращать язычниковъ, и что это должно 184
чрезъ нихъ произойти. И не удивляйся! Если послѣ такихъ событій и въ Кесаріи, и въ Іерусалимѣ было негодованіе, то чего не было бы, если бы ихъ не случилось? Поэтому-то они и совершаются чрезвычайнымъ образомъ. Смотри, какъ и Петръ при этомъ случаѣ защищается. А что онъ отвѣчаетъ послѣ такого случая, о томъ послушай евангелиста, повѣствующаго такъ: *тогда отвѣща Петръ: еда воду возбранити можетъ кто, еже не креститися симъ, иже Духъ Святый пріяша, якоже и мы* (ст. 47)? Видишь ли ты, къ чему онъ склонилъ дѣло и какъ желалъ совершить это? Такъ онъ еще прежде имѣлъ это въ мысляхъ. *Еда воду*, говоритъ, *возбранити можетъ кто?* Онъ почти какъ бы опровергаетъ противившихся и утверждавшихъ, что этого дѣлать не должно. Все совершилось, говоритъ, необходимѣйшее исполнилось, т. е., то крещеніе, которымъ и мы крестились. *Повелѣ же имъ креститися во имя Іисусъ Христово* (ст. 48). Послѣ того,

185 какъ оправдался, тогда и повелѣлъ имъ креститься, научая ихъ самымъ дѣломъ: настолько ненавистно смотрѣли (на это) іудеи! Поэтому-то онъ сначала защищается, хотя дѣла говорили сами за себя, и потомъ повелѣваетъ. *Тогда молиша его пребыти у нихъ дни нѣкія* (ст. 48). Послѣ этого онъ естественно уже не сомнѣвается и остается. *Слышаша же апостоли и братія сущіи во Іудеи, яко и языцы пріяша слово Божіе. И егда взыде Петръ во Іерусалимъ, препирахуся съ нимъ, иже отъ обрѣзанія, глаголюще, яко къ мужемъ обрѣзанія не имущимъ вшелъ еси, и ялъ еси съ ними* (XI. 1—3). Послѣ того *препирахуся иже отъ обрѣзанія*, а не апостолы. Что значитъ *препирахуся*? Не мало соблазнялись, говоритъ (писатель). И смотри, что они возражаютъ. Не говорятъ: для чего ты проповѣдывалъ имъ?—но: для чего ты вкушалъ пищу вмѣстѣ съ ними? Петръ же не останавливается на этомъ холодномъ (замѣчаніи),—и поистинѣ оно было холодное,—но (указывая) на то великое (дѣло), говоритъ: если и они получили Духа, то какъ можно было не преподать имъ (крещенія)? Почему же не было того съ самарянами, но (было) противоположное? И не только не было до крещенія, но и послѣ крещенія. И (вѣрующіе изъ іудеевъ) не негодовали на нихъ, но, услышавъ, послали (Петра и Іоанна) для этого самаго (Дѣян. VIII, 14, 15). Впрочемъ, и здѣсь они упрекаютъ не за это, такъ какъ знали, что это было дѣломъ благодати Божіей; но для чего, говорятъ, ты вкушалъ пищу вмѣстѣ съ ними? Съ другой стороны, великая и несравненная разница между самарянами и язычниками. Или онъ подвергся упреку по благоустроенію (Божію), чтобы они научились, такъ какъ безъ нужды Петръ и не сказалъ бы. Смотри, какъ онъ не горделивъ и не тщеславенъ. *Началъ*, говоритъ (писатель), *Петръ сказоваше имъ поряду, глаголя: азъ бѣхъ во градѣ Іоппійстѣмъ моляся* (ст. 4, 5). Не говоритъ, для чего или по какому случаю. *И видѣхъ во ужасѣ видѣніе, сходящъ сосудъ нѣкій яко плащаницу велію, отъ четырехъ краевъ низпущаему съ небесе, и пріиде даже до мене. Въ нюже воззрѣвъ смотряхъ и видѣхъ четвероногая земная и звѣри и гады и птицы небесныя. Слышахъ же гласъ глаголющъ мнѣ: воставъ, Петре, заколи и яждь* (ст. 5—7). Что онъ хочетъ сказать этимъ? Одно видѣніе плащаницы, говоритъ, достаточно было для убѣжденія въ этомъ; но къ тому присоединенъ былъ и голосъ. *Рѣхъ же: никакоже, Господи: яко всяко скверно и нечисто николиже вниде во уста моя* (ст. 8). Видишь ли? Я сдѣлалъ, говоритъ, свое дѣло; сказалъ, что я никогда не ѣлъ. Это противъ того, что говорили тѣ: *яко вшелъ еси и ялъ еси съ ними.* Корнилію онъ не говоритъ этого, потому что не было нужды. *Отвѣща же ми гласъ вторицею съ небесе: яже Богъ очистилъ есть, ты не*

скверни. Сіе бысть трижды: и паки взятася вся на небо. И се абіе тріе мужіе сташа предъ храминою, въ ней же бѣхъ, послани отъ Кесаріи ко мнѣ (ст. 9—11). Говоритъ то, что было нужно, а о прочемъ умалчиваетъ; или лучше, первымъ подтверждаетъ и послѣднее. И смотри, какъ онъ оправдывается: онъ не хочетъ пользоваться достоинствомъ учителя, знаетъ, что чѣмъ смиреннѣе будетъ говорить, тѣмъ скорѣе успокоитъ ихъ. *Николиже вниде*, говоритъ, *во уста моя скверно и не чисто*. Такъ предусмотрительно было все оправданіе (его). *И се абіе тріе мужіе сташа предъ храминою, въ ней же бѣхъ. Рече же ми Духъ ити съ ними, ничтоже разсуждая.*

2. Видишь ли, что законоположеніе есть (дѣло) Духа? *Пріидоста же со мною и шесть братія сіи.* Что можетъ быть смирен- 186
нѣе, когда Петръ ссылается при этомъ и на свидѣтельство братій? *Пріидоша же со мною и шесть братія сіи, и внидохомъ въ домъ мужа. И возвѣсти намъ, како видѣ ангела въ дому своемъ, ставша и рекша ему: посли во Іоппію мужи и призови Симона нарицаемаго Петра, иже речетъ глаголы къ тебѣ, въ нихже спасешися ты и весь домъ твой* (ст. 12—14). Не сказалъ того, что говорилъ ангелъ Корнилію: *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога*, чтобы не оскорбить ихъ; но—то, что не заключало въ себѣ ничего великаго: *речетъ глаголы къ тебѣ, въ нихже спасешися ты и весь домъ твой.* Видишь ли, какъ онъ изъясняется поспѣшно по той причинѣ, о которой я сказалъ выше? Не говоритъ ничего и о кротости того мужа. Итакъ, когда Духъ посылалъ, Богъ повелѣвалъ, тамъ призывая чрезъ ангела, здѣсь побуждая, и разрѣшая сомнительность дѣла, тогда чтó должно было дѣлать? Но онъ не говоритъ ничего этого, а указываетъ на послѣдующее событіе, которое и само по себѣ было несомнѣннымъ свидѣтельствомъ. Почему же, скажешь, не одно только оно было? Отъ преизбытка (силы, бывшей) отъ Бога, чтобы явно было, что и начало (этого дѣла) не отъ апостола. Если бы онъ пошелъ самъ собою и ничего такого не было, то они весьма вознегодовали бы; поэтому онъ издалека располагаетъ къ себѣ мысли ихъ и говоритъ имъ: *иже Духъ Святый пріяша, якоже и мы.* И еще: *внегда же начахъ глаголати, нападе Духъ Святый на нихъ, якоже и на ны въ началѣ* (ст. 15). Не довольствуется и этимъ, но напоминаетъ и объ изреченіи Господа: *помянухъ же глаголъ Господень, якоже глаголаше: Іоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ* (ст. 16). Такимъ образомъ, здѣсь не случилось ничего новаго, но то, о чемъ Онъ предсказалъ. Но, скажешь, не должно было крестить (ихъ), потому что крещеніе уже совершилось, когда сошелъ на нихъ Духъ? Потому-то онъ и не говоритъ: я повелѣлъ

имъ напередъ креститься; но что?—*еда воду возбранити может кто, еже не креститися симъ,*—показывая этимъ, что онъ не сдѣлалъ ничего самъ собою. Итакъ, они получили то, что имѣемъ и мы. *Аще убо,* говоритъ, *равенъ даръ даде имъ Богъ, якоже и намъ вѣровавшымъ въ Господа Іисуса, азъ же кто бѣхъ могій возбранити Бога* (ст. 17)? Чтобы сильнѣе заградить имъ уста, для того сказалъ: *равенъ даръ.* Видишь ли, какъ онъ утверждаетъ, что внезапно увѣровавшіе получили не меньше ихъ? *Равенъ даръ даде имъ Богъ, якоже и намъ вѣровавшымъ въ Господа;* слѣдовательно, самъ очистилъ ихъ. И не говоритъ: вамъ, но: *намъ,* чтобы смягчить и такимъ образомъ рѣчь свою. Почему же вы негодуете, когда мы считаемъ ихъ соучастниками (того же дара)? *Слышавше же сія умолкоша, и славляху Бога, глаголюще: убо и языкомъ Богъ покаяніе даде въ животъ* (ст. 18). Видишь ли, какъ все сдѣлано рѣчью Петра, обстоятельно разсказавшаго о случившемся? Потому они и славили Бога, что Онъ и тѣмъ даровалъ покаяніе: такъ они смирились отъ этихъ словъ! Тогда-то, наконецъ, открылась дверь (вѣры) язычникамъ. Но обратимся, если угодно, къ вышесказанному. Не сказалъ (писатель), что *препирашеся* Петръ, но: *иже отъ обрѣзанія;* онъ зналъ, что совершается. И дѣйствительно, должно было удивляться тому, какъ и тѣ увѣровали. Они же не вознегодовали,
187 когда услышали, что тѣ увѣровали; но когда (услышали, что) Богъ даровалъ имъ Духа, когда Петръ излагалъ свое видѣніе и говорилъ: *Богъ показа мнѣ ни единаго скверна или нечиста глаголати человѣка.* Такъ онъ еще прежде зналъ это. Поэтому онъ и приготовляетъ рѣчь о язычникахъ, въ которой показываетъ, что они уже не были язычниками, когда явилась (въ нихъ) вѣра. Такимъ образомъ нисколько неудивительно, что они получили Духа прежде крещенія; и съ нами тоже случилось. Здѣсь Петръ показываетъ, что они крестились не такъ, какъ прочіе, но гораздо лучше. Поэтому вполнѣ достигнуто было то, что они не могли ничего болѣе сказать, но должны были признать тѣхъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи себѣ равными. *И молиша его,* говоритъ (писатель), *пребыти.* Видишь ли, какъ они недружелюбно приняли его? Видишь ли, какую они имѣли ревность о законѣ? Они не устыдились ни достоинства Петра, ни случившихся знаменій, ни того великаго событія, что слово (евангельское) принято (язычниками); но о тѣхъ маловажныхъ предметахъ *препирахуся.* Если бы ничего такого не было, то самаго событія (для нихъ) было бы недостаточно. Впрочемъ, Петръ оправдывается не такъ; онъ былъ благоразуменъ; или лучше, это были слова не его благоразумія, но Духа. Онъ въ оправданіи своемъ показываетъ, что отнюдь не онъ самъ виновникъ всего, но Богъ; и го-

ворить имъ какъ бы такъ: Онъ сдѣлалъ, что я пришелъ въ изступленіе, а я просто *бѣхъ моляся*; сосудъ Онъ показалъ, а я возразилъ; потомъ опять Онъ сказалъ, а я и тогда не послушался; Духъ повелѣлъ идти, а я, несмотря на то, пошелъ не поспѣшно; я сказалъ (Корнилію), что Богъ послалъ, но и послѣ этого самъ не крестилъ, а опять Богъ сдѣлалъ все. Слѣдовательно, Богъ крестилъ ихъ, а не я. И не сказалъ: послѣ всего бывшаго, не слѣдовало ли, наконецъ, употребить воду?—но, какъ бы уже ничего болѣе не оставалось, говоритъ: *азъ кто бѣхъ могій возбранити Бога?* Вотъ, каково его оправданіе! Вѣдь не сказалъ: узнавъ объ этомъ, успокойтесь,—но что? Принимаетъ ихъ нападеніе и оправдывается противъ ихъ обвиненія: *азъ кто бѣхъ*, говоритъ, *могій возбранити Бога*? Пристыжаетъ и сильно поражаетъ ихъ своимъ оправданіемъ: я не могъ, говоритъ, воспротивиться. Поэтому они затѣмъ, устрашившись, *умолкоша и славляху Бога*.

3. Такъ и намъ должно славить Бога за блага, (получаемыя) нашими ближними, а не завидовать, какъ завидуютъ многіе изъ новокрещенныхъ, когда видятъ другихъ, по крещеніи вскорѣ отходящихъ (отъ этой жизни). Должно славить Бога и за то, что Онъ не даруетъ имъ продолженія жизни. А ты, если угодно, получилъ и большій даръ; разумѣю то, что ты получилъ не только просвѣщеніе (крещеніемъ),—вѣдь это общее и для того, и для тебя,—но и потребное время для добрыхъ дѣлъ. Тотъ облекся въ одежду (обновленія)—и не успѣлъ насладиться ею; тебѣ даровалъ Богъ большую возможность воспользоваться оружіемъ, какъ должно, и такимъ образомъ испытывать его на дѣлѣ. Тотъ отходитъ, получая награду только за вѣру свою; ты стоишь на поприщѣ дѣлъ, имѣя возможность получить многія награды и явиться столько свѣтлѣе его, сколько солнце (свѣтлѣе) малѣйшей звѣзды, сколько военачальникъ—послѣдняго воина, или лучше, сколько самъ царь. Поэтому обвиняй самого себя, или лучше, не обвиняй, но постоянно исправляйся; недостаточно (только) обвинить себя; надобно возбудить себя къ борьбѣ. Ты палъ? Ты тяжко пострадалъ? Возстань, укрѣпись; ты еще на поприщѣ; зрѣлище еще продолжается. Не видишь ли, какъ многіе борцы, поверженные, снова возбуждали себя къ борьбѣ? Только не падай добровольно. 183
Ты ублажаешь отшедшаго? Гораздо болѣе ублажай себя самого. Тотъ получилъ прощеніе грѣховъ? Но ты, если хочешь, не только омоешь грѣхи свои, а и будешь имѣть добрыя дѣла, что для того невозможно. Мы имѣемъ возможность—возстановлять себя.

Велико врачество покаянія; не отчаивайся. Тотъ поистинѣ достоинъ отчаянія, кто самъ отчаивается; онъ уже не имѣетъ надеждъ спасенія. Не столько страшно—впасть въ глубину золъ,

сколько—впавши оставаться въ ней; не столько нечестиво—впасть въ глубину золъ, сколько—впавши оставаться безпечнымъ. Почему же, скажи мнѣ, ты не заботишься о томъ, о чемъ особенно долженъ стараться? Ты палъ, получивъ столько ранъ? Но нѣтъ никакой душевной раны неисцѣльной; на тѣлѣ много такихъ ранъ, а въ душѣ ни одной; и о тѣхъ мы непрестанно заботимся, а объ этихъ нисколько не безпокоимся. Не видишь ли, въ какое краткое время исправился разбойникъ (Лук. XXIII, 41)? Не видишь ли, въ какое краткое время мученики совершали все? Но теперь уже не время мученій? И теперь—время подвиговъ, если захотимъ, о чемъ я часто говорилъ. *Вси же*, говоритъ (апостолъ), *хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гоними будутъ* (2 Тим. III, 12). Живущіе благочестиво бываютъ постоянно гонимы, если не отъ людей, то отъ демоновъ; а это есть тягчайшее гоненіе. И еще прежде, отъ самой безопасности особенно терпятъ гоненіе (люди) безпечные. Или, думаешь, не великое гоненіе — быть въ безопасности (отъ гоненій)? Это есть тягчайшее изъ всѣхъ (гоненій); это хуже самаго гоненія. Безопасность, какъ бы потокъ наводняющій, разслабляетъ душу; и что зной и холодъ, тоже гоненіе и безопасность. Но, чтобы ты полнѣе убѣдился, что она—хуже гоненія, замѣть слѣдующее: она наводитъ сонъ на душу, производитъ великую невнимательность и безпечность, возбуждаетъ всякаго рода страсти, вооружаетъ гордость, вооружаетъ сластолюбіе, вооружаетъ гнѣвъ, зависть, тщеславіе, ревность. Во время же гоненія ничто подобное не можетъ возмутиться: но страхъ, приблизившись, какъ бы какимъ бичемъ сильно ударивъ лающаго пса, всѣмъ этимъ страстямъ не позволяетъ даже подать голоса. Во время гоненія кто можетъ тщеславиться? Кто предаваться сластолюбію? Никто; но (тогда бываетъ) великій страхъ и трепетъ, производящій великую тишину, ведущій къ тихой пристани, содѣлывающій душу благоговѣйною. Я слыхалъ нѣкогда отъ отцовъ нашихъ,—впрочемъ, да не будетъ этого съ нами, потому что намъ заповѣдано не искать искушеній (Матѳ. VI, 13),—они говорили, что во время древнихъ гоненій можно было видѣть мужей истинно христіанскихъ. Никто тогда не заботился объ имуществѣ, никто—о женѣ, никто—о дѣтяхъ, никто—объ отечествѣ; у всѣхъ была одна забота, чтобы спасти душу свою. Одни скрывались въ гробницахъ и пещерахъ, другіе—въ пустыняхъ. Не только мужи, но и нѣжныя и слабыя жены скрывались тогда, непрестанно претерпѣвая голодъ. Представь, могло ли родиться какое-либо желаніе роскоши или сластолюбія у жены, скрывающейся въ пещерѣ, ожидающей служанки, которая должна была принести пищу, боящейся, чтобы не быть пойманною, и ле-

жащей въ гробницѣ, какъ бы въ печи? Даже могла ли она подумать, что есть какая-то роскошь, что вообще существуетъ міръ? Видишь ли, что теперь особенно и есть гоненіе, когда страсти отвсюду нападаютъ на насъ, какъ дикіе звѣри. Теперь—тяжкое гоненіе, какъ поэтому, такъ и потому, что оно даже не считается гоненіемъ. Подлинно, и ту опасность представляетъ эта брань, что она считается миромъ, чтобы мы не вооружались противъ нея, чтобы не возставали; никто не боится (ея), никто не страшится. 189
Если же не вѣрите, то спросите язычниковъ, которые гонятъ (христіанъ): когда обязанности христіанскія (исполнялись) точнѣе, когда всѣ (были) благочестивыми? Не велико было тогда число ихъ; но велико было богатство добродѣтели. Скажи мнѣ, какая польза отъ того, что много сѣна, когда можно было бы имѣть драгоцѣнные камни? Не въ многочисленности вся важность, но въ превосходствѣ добродѣтели. Илія былъ одинъ; но его не стоилъ міръ (3 Цар. xix, 14). Миръ состоитъ изъ множества; но и множество не составляетъ ничего, когда не можетъ сравниться даже съ однимъ. *Лучше единъ* творящій волю Господню, *нежели тысяща грѣшникъ* (Сирах. xvi, 3). Тоже выражаетъ и Премудрый, когда говоритъ: *не желай чадъ множества неключимыхъ* (Сир. xvi, 1). Такіе (люди) подаютъ поводъ къ хулѣ на Бога болѣе, нежели когда бы они не были христіанами. Какая мнѣ нужда во множествѣ? Только больше пищи для огня. Тоже можешь видѣть и на тѣлѣ: лучше умѣренная пища, способствующая здоровью, нежели роскошная, причиняющая вредъ; та питаетъ гораздо больше этой; та—пища, а эта—болѣзнь. Тоже можетъ всякій видѣть и на войнѣ: лучше десять мужей опытныхъ и храбрыхъ, нежели тысячи неопытныхъ: эти ничего не дѣлаютъ и даже препятствуютъ дѣлающимъ. Тоже можно видѣть и на кораблѣ: лучше два опытныхъ мореплавателя, нежели безчисленное множество неопытныхъ,—потому что эти потопятъ самый корабль.

4. Говорю это не потому, чтобы я былъ недоволенъ вашею многочисленностію, но желая, чтобы всѣ вы были отличными (по добродѣтелямъ) и не надѣялись на множество. Гораздо многочисленнѣе идущіе въ геенну; но царствіе (Божіе) больше ея, хотя содержитъ немногихъ. Народъ (израильскій) былъ многочисленъ, какъ песокъ морской, но одинъ спасъ его. Одинъ былъ Моисей, а имѣлъ силу больше всѣхъ (Числ. xii, 7); одинъ былъ Іисусъ, но имѣлъ силу больше шести сотъ тысячъ (Исх. xii, 37). Не о томъ будемъ стараться, чтобы только были многіе, но болѣе о томъ, чтобы они были отличны (по добродѣтелямъ). Когда последнее будетъ достигнуто, тогда будетъ и первое. Никто, строя домъ, не желаетъ сдѣлать его напередъ просторнымъ, но сначала

крѣпкимъ и благонадежнымъ, а потомъ—и просторнымъ; никто
не полагаетъ основанія такъ, чтобы возбудить противъ себя на-
смѣшки. Сначала постараемся о послѣднемъ, а потомъ и о пер-
вомъ. Если есть послѣднее, то легко будетъ и первое; а если
нѣтъ послѣдняго, то первое, хотя бы и было, (не принесетъ) ни-
какой пользы. Если есть могущіе просіять въ Церкви, то скоро
будутъ и многіе; если же нѣтъ первыхъ, то и множество никогда
не будетъ имѣть превосходства.

Сколько, вы думаете, въ нашемъ городѣ спасаемыхъ? Тяжко
то, что я намѣренъ сказать; однако скажу. Изъ числа столь мно-
гихъ тысячъ нельзя найти болѣе ста спасаемыхъ; но и въ этихъ
сомнѣваюсь. Какое, скажи мнѣ, нечестіе въ юношахъ? Какое не-
радѣніе въ старцахъ? Никто не заботится, какъ должно, о своемъ
собственномъ сынѣ; никто не ревнуетъ при видѣ старца подра-
жать ему. Образцы для подражанія утратились; оттого и юноши
нисколько не достойны удивленія. Не говори мнѣ того, что мы
составляемъ множество. Это свойственно людямъ холоднымъ;
предъ людьми справедливо можно было бы говорить объ этомъ,
но предъ Богомъ, Который не имѣетъ нужды въ насъ, нельзя.
А что это слова холодныя и для нихъ, послушай. Имѣющій мно-
жество слугъ, но слугъ развратныхъ, сколько потерпитъ непріят-
ностей! Не имѣющему у себя ни одного кажется непріятнымъ
то, что онъ остается безъ слугъ; а имѣющій негодныхъ (слугъ)
и самого себя губитъ вмѣстѣ съ ними, и (терпитъ) большій вредъ.
Гораздо тяжелѣе наказывать другихъ и вести съ ними ссору,
190 чѣмъ служить самому себѣ. Говорю это для того, чтобы никто
не удивлялся Церкви изъ-за многочисленности, но чтобы мы стара-
лись сдѣлать эту многочисленность отличною, чтобы каждый
имѣлъ попеченіе о собственномъ своемъ членѣ, не о друзьяхъ,
не о родныхъ,—какъ я всегда говорю,—и не о сосѣдахъ; но
чтобы привлекалъ (въ Церковь) и постороннихъ. Напримѣръ: со-
вершается молитва, сидятъ холодно всѣ, и юноши, и старцы,
скорѣе изверги, нежели юноши, смѣясь, хохоча, разговаривая,—
и это вѣдь я слышалъ,—насмѣхаясь другъ надъ другомъ, когда
стоятъ на колѣняхъ; ты стоишь тутъ, юноша или старецъ, оста-
нови, когда видишь, укори сильнѣе не слушающаго, пригласи
діакона, пригрози, сдѣлай свое дѣло; и если онъ осмѣлится сдѣ-
лать что-нибудь противъ тебя, то конечно многіе помогутъ тебѣ.
Кто такъ неразуменъ, что, видя, какъ ты укоряешь за это, а тѣ
укоряются, не приметъ твоей стороны? Тогда ступай (домой), по-
лучивъ награду за молитву. Въ домѣ господина мы тѣхъ слугъ
считаемъ усерднѣйшими, которые не оставляютъ ни одного со-
суда лежать въ безпорядкѣ. Скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ

дома серебряный сосудъ, выброшенный вонъ, то хотя бы ты и
не былъ обязанъ къ тому, не взялъ ли бы его и не внесъ ли бы
въ домъ? Если бы (увидѣлъ) одежду, брошенную въ безпорядкѣ,
то, хотя бы ты не долженъ былъ заботиться о ней, хотя бы ты
былъ врагомъ приставленнаго (къ этому дѣлу), но по располо-
женію къ господину не привелъ ли бы ее въ порядокъ? Такъ и
теперь. Это—сосуды; если видишь ихъ лежащими въ безпорядкѣ,
приведи въ порядокъ; приди ко мнѣ, я не откажусь; мнѣ скажи,
объяви; я не могу самъ усмотрѣть всего; простите. Вы видите,
какое зло господствуетъ во вселенной. Не безъ причины я гово-
рилъ, что мы—куча сѣна, безпорядочное море. Не говорю о томъ,
что они дѣлаютъ, но о томъ, что приходящіе (сюда) предаются
такому сну, что и не исправляютъ этого. Опять вижу, какъ одни
разговариваютъ стоя, когда совершается молитва, а другіе, болѣе
скромные, не только когда совершается молитва, но и когда свя-
щенникъ благословляетъ. О, дерзость! Когда же будетъ спасеніе?
Какъ же мы умилостивимъ Бога? Если придешь на мѣсто игръ, то
увидишь всѣхъ благочинно составляющихъ хоръ, и—ничего не-
стройнаго. Какъ на лирѣ, составленной разнообразно и вмѣстѣ
стройно, отъ благоустройства каждой изъ составныхъ частей про-
исходитъ одинъ благозвучный тонъ, такъ точно и здѣсь изъ
всѣхъ должно бы составляться одно стройное согласіе. Мы со-
ставляемъ одну Церковь, стройно составленные члены одной
Главы; всѣ мы—одно тѣло; если одинъ какой-нибудь (членъ) бу-
детъ оставленъ въ пренебреженіи, то все (тѣло) пренебрегается
и растлѣвается. Такъ безчинствомъ одного нарушается благочи-
ніе всѣхъ. То поистинѣ страшно, что ты приходишь сюда не на
мѣсто игръ или пляски для забавы, и стоишь неблагочинно.
Развѣ ты не знаешь, что стоишь вмѣстѣ съ ангелами? Съ ними
поешь, съ ними возсылаешь хвалы,—и стоя смѣешься? Не удиви-
тельно ли, что ударъ молніи не ниспадаетъ не только на нихъ,
но и насъ? Дѣйствительно, это достойно удара молніи. Предстоитъ
Царь, смотритъ воинство; а ты предъ ихъ глазами стоя смѣешься,
или не удерживаешь смѣющагося? Но доколѣ мы будемъ обли-
чать? Доколѣ укорять? Не слѣдовало ли бы такихъ, какъ заразу,
какъ развратителей, какъ злодѣевъ, развращенныхъ и исполнен-
ныхъ безчисленнаго множества золъ, изгнать изъ Церкви? Когда
они станутъ воздерживаться отъ смѣха,—они, смѣющіеся въ
столь грозный часъ? Когда удержатся отъ пустословія разгова-
ривающіе во время благословенія? Неужели они не стыдятся при-
сутствующихъ? Неужели не боятся Бога? Для насъ недостаточно 191
душевной невнимательности, не довольно и того, что, молясь,
блуждаемъ (мыслями) повсюду; но мы привносимъ еще смѣхъ и
великій хохотъ.

Развѣ здѣсь зрѣлище? Впрочемъ, я думаю, это производятъ именно зрѣлища: они доставляютъ намъ многихъ непокорныхъ и безчинныхъ. Что здѣсь мы созидаемъ, то тамъ разрушается; и не только этою, но и другими нечистотами они (тамъ) неизбѣжно наполняются. И происходитъ тоже, какъ если бы кто захотѣлъ очистить поле, а вверху находящійся источникъ снова извергалъ бы на него грязь: одно очистишь, натечетъ опять другое. Тоже происходитъ и здѣсь. Всякій разъ, какъ мы очистимъ приходящихъ съ зрѣлищъ и приносящихъ нечистоту, они, отправившись туда снова, получаютъ еще большую нечистоту, какъ будто нарочито живя для того, чтобы причинять намъ безпокой-
192 ство, и приходятъ опять съ великою грязью въ нравахъ, въ движеніяхъ, въ словахъ, въ смѣхѣ, въ небрежности. Потомъ опять мы очищаемъ снова, какъ будто нарочито очищая для того, чтобы, отпустивъ ихъ чистыми, снова увидѣть покрытыми грязью. Поэтому предаю васъ Богу. И вамъ, которые здоровы, отнынѣ заповѣдаю, что на васъ будетъ судъ и осужденіе, если кто, увидѣвъ безчинствующаго или разговаривающаго, особенно въ такое время, не остановитъ и не исправитъ. Это—лучше молитвы. Оставь свою молитву и сдѣлай ему внушеніе; тогда и ему принесешь пользу, и самъ будешь съ прибылью. Такимъ образомъ и всѣ мы будемъ въ состояніи спастись и достигнуть царствія небеснаго, котораго да сподобимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXV.

191 **Разсѣявшіися убо отъ скорби бывшія при Стефанѣ, проидоша даже до Финикіи и Кипра и Антіохіи, ни единому же глаголюще слово, токмо Іудеемъ (Дѣян. xi, 19).**

1. Гоненіе не мало пользы принесло проповѣди: *любящымъ Бога*, говоритъ (апостолъ), *вся поспѣшествуютъ во благое* (Римл. viii, 28). Если бы они (враги) старались нарочито распространить Церковь, то сдѣлали бы не что иное, какъ это; разумѣю разсѣяніе учителей. И смотри, куда простерлась проповѣдь. *Проидоша*, говоритъ (писатель), *даже до Финикіи и Кипра и Антіохіи, ни единому же глаголюще слово, токмо Іудеемъ*. Видишь ли, какъ все касательно Корнилія было сдѣлано предусмотрительно? А это служитъ и къ оправданію Христа, и къ обвиненію іудеевъ. Когда

Стефанъ былъ убитъ, когда Павелъ дважды находился въ опасности, когда апостолы подверглись бичеванію, когда они часто были изгоняемы,—тогда уже были приняты язычники, тогда—самаряне. Объ этомъ и Павелъ возвѣщаетъ, когда говоритъ: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Божіе: а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе, се обращаемся во языки* (Дѣян. XIII, 46). Такимъ образомъ они путешествовали, бесѣдуя и съ язычниками. *Бяху же нѣцыи отъ нихъ мужіе Кипрстіи и Киринейстіи, иже вшедше во Антіохію, глаголаху къ Еллиномъ, благовѣствующе Господа Іисуса. И бѣ рука Господня съ ними: многое же число вѣровавше обратишася ко Господу Іисусу* (ст. 20, 21). Смотри, они проповѣдуютъ эллинамъ. Поэтому вѣроятно, что они умѣли (говорить) по-эллински, и что въ Антіохіи было много такихъ. *И бѣ*, говоритъ (писатель), *рука Господня съ ними*, т. е., они творили знаменія. Видишь ли, для чего и теперь нужны были знаменія? Для того, чтобы они увѣровали. *Слышано же бысть слово о нихъ во ушію Церкве сущія во Іерусалимѣ, и послаша Варнаву прейти даже до Антіохіи* (ст. 22). Для чего же въ такой городъ, уже принявшій проповѣдь, не отправились сами (апостолы), а посылаютъ Варнаву? Ради іудеевъ. Впрочемъ, съ немалою предусмотрительностію это устраивается, и для того, чтобы такимъ образомъ прибылъ сюда Павелъ; не напрасно, но по великому устроенію (Божію) отвращаются отъ него (іудеи), чтобы этотъ голосъ проповѣди, эта труба небесная не ограничилась Іерусалимомъ. Видѣлъ 192
ли ты, какъ Христосъ всегда обращалъ самую злобу ихъ во благо, по Своей волѣ, и нерасположенность ихъ къ Павлу (употребилъ) къ созданію Церкви изъ язычниковъ? Но обрати также вниманіе и на этого святого, т. е. Варнаву, какъ онъ не заботился о себѣ, но отправился въ Тарсъ. *Иже пришедъ и видѣвъ благодать Божію, возрадовася, и моляше всѣхъ изволеніемъ сердца терпѣти о Господѣ. Яко бѣ мужъ благъ и исполнь Духа Свята и вѣры. И приложися народъ многъ Господеви. Изыде же Варнава въ Тарсъ взыскати Савла, и обрѣтъ его, приведе его во Антіохію* (ст. 23—25). Онъ былъ мужъ весьма добродѣтельный, кроткій и друженъ съ Павломъ. Потому онъ и пришелъ къ этому атлету, къ этому военачальнику, къ этому единоборцу, къ этому льву. Не знаю, что еще сказать. Что я ни сказалъ бы, скажу меньше достоинства Павлова. Пришелъ къ этому ловчему псу, одолѣвающему львовъ, къ этому крѣпкому волу (1 Кор. IX, 9; 1 Тим. V, 18), къ этой лампадѣ свѣтлой, къ этимъ устамъ, достаточнымъ для всей вселенной. Подлинно потому въ Антіохіи (вѣрующіе) стали называться христіанами, что Павелъ пребылъ въ ней столько времени. *Бысть же имъ лѣто цѣло собиратися въ церкви, и учити народъ многъ,*

нарещи же прежде во Антіохіи ученики христіаны (ст. 26). Не малая похвала городу. Дѣйствительно, можно утверждать предъ всѣми, что онъ прежде всѣхъ прочихъ (городовъ) столько времени наслаждался тѣми устами, и оттого въ немъ прежде всѣхъ (вѣрующіе) удостоились этого названія. Видишь ли, на какую высоту онъ вознесъ и какимъ славнымъ сдѣлалъ этотъ городъ? Это—заслуга Павла. Тамъ, гдѣ увѣровали три тысячи, гдѣ—пять тысячъ, гдѣ—такое множество, не было ничего подобнаго, но назывались еще только *путемъ* (Дѣян. ix, 2); а здѣсь стали называться христіанами. *Въ тыя же дни снидоша отъ Іерусалима пророцы во Антіохію (*ст. 27). Такъ какъ здѣсь надлежало произрасти и плоду милостыни, то съ пользою устроется, что (сюда) пришли пророки. Но замѣть, прошу: и здѣсь никто изъ извѣстнѣйшихъ (апостоловъ) не былъ учителемъ; они имѣли учителями кипрянъ и киринейцевъ и Павла,—хотя онъ и превосходилъ ихъ,—подобно какъ Павелъ (имѣлъ учителями) Варнаву и Ананію, и, однако, оттого онъ нисколько не былъ меньше ихъ, къ тому же у него
193 былъ (учителемъ) самъ Христосъ. *Воставъ же единъ отъ нихъ именемъ Агавъ, назнаменаше гладъ великъ хотящъ быти по всей вселеннѣй: иже и бысть при Клавдіи Кесарѣ* (ст. 28). Не напрасно здѣсь предвѣщается, что будетъ великій голодъ, который и случился, какъ о немъ было предсказано. Чтобы нѣкоторые не подумали, будто голодъ былъ потому, что появилось христіанство, что отступили демоны, Духъ Святый предсказываетъ, что имѣло случиться, подобно тому, какъ и Христосъ предсказалъ многое, что и случилось.

Такимъ образомъ не потому это случилось, что такъ должно было случиться отъ начала, но за то зло, которое сдѣлано было апостоламъ; когда начали дѣлать его, то Богъ долготерпѣлъ; а когда стали упорствовать, то наступаетъ голодъ, угрожавшій іудеямъ будущими бѣдствіями. Но, если онъ былъ для нихъ, то для прочихъ ему и по наступленіи надлежало прекратиться. Какое, въ самомъ дѣлѣ, зло сдѣлали эллины, чтобы и имъ, не сдѣлавшимъ никакого зла (апостоламъ), подвергаться тѣмъ же бѣдствіямъ? Если же не для іудеевъ, то и сами (христіане) могли еще болѣе явить свои добродѣтели, потому что (іудеи) дѣлали свое дѣло—убивали, терзали, мучили, повсюду гнали (ихъ). И смотри,—когда наступаетъ голодъ: когда уже приняты были и язычники.

2. Но, скажешь, если (голодъ былъ) за злодѣянія (іудеевъ), то христіанамъ слѣдовало бы быть изъятыми отъ него? Почему же, скажи мнѣ? Не сказалъ ли еще прежде имъ Христосъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. xvi, 33)? А ты, говоря это, можетъ быть

и то прибавишь, что имъ не слѣдовало и подвергаться бичеванію? Но посмотри: для нихъ и голодъ послужилъ во спасеніе, подалъ поводъ къ милостынѣ, сдѣлался виновникомъ многихъ благъ, какъ онъ былъ бы и для васъ, если бы вы захотѣли; но вы не хотѣли. Предсказывается о немъ для того, чтобы они приготовились къ милостынѣ, потому что бывшіе въ Іерусалимѣ тяжко страдали; а до того времени у нихъ не было голода. И посылаются Варнава и Павелъ—послужить имъ. *Отъ ученикъ же, поелику кто имѣяше что* (ст. 29). Видишь ли, какъ они, лишь только увѣровали, уже приносятъ и плоды, не для своихъ только, но и для отдаленныхъ? Здѣсь, кажется мнѣ, говорится о томъ же, о чемъ въ другомъ мѣстѣ Павелъ говоритъ такъ: *десницы даша мнѣ и Варнавѣ общенія, точію нищихъ да помнимъ* (Гал. II, 9, 10). Такую-то пользу принесъ голодъ! И смотри: они и при этой скорби не предаются плачу и слезамъ, какъ мы, но принимаются за великое и доброе дѣло; они продолжали проповѣдывать слово еще съ большею смѣлостію. И не сказали: мы, киринейцы и кипряне, пришли въ такой славный и великій городъ; но, надѣясь на благодать Божію, эти приступили къ ученію, а тѣ не возгнушались чему-нибудь научиться отъ нихъ. Смотри, какъ все совершается мало-по-малу, проповѣдь распространяется, находящіеся въ Іерусалимѣ заботятся одинаково о всѣхъ, какъ бы считая всю вселенную однимъ домомъ. Услышали они, что Самарія приняла слово, и послали туда Петра и Іоанна; услышали о происходившемъ въ Антіохіи, и посылаютъ туда Варнаву. Велико было разстояніе (отъ Іерусалима), и апостоламъ еще не слѣдовало отлучаться оттуда, чтобы не сочли ихъ за бѣглецовъ, убѣгающихъ отъ своихъ. Отлучаются же (они оттуда) по необходимости уже тогда, когда, наконецъ, іудеи оказались неисцѣльными, когда уже настала война и можно было погибнуть, когда произнесенъ былъ приговоръ (на Іерусалимъ); а доколѣ Павелъ не прибылъ въ Римъ, дотолѣ они были тамъ. Впрочемъ, они удаляются не потому, чтобы боялись войны; какъ (могли бояться 194
этого) тѣ, которые шли къ (людямъ), имѣвшимъ вести съ ними брань? Притомъ, война началась уже по смерти апостоловъ, и исполнилось сказанное объ іудеяхъ: *постиже на нихъ гнѣвъ до конца* (1 Сол. II, 16). Такъ, чѣмъ они были уничиженнѣе, тѣмъ болѣе сіяла благодать, чрезъ малыхъ совершая великое! Но обратимся къ вышесказанному. *Моляше всѣхъ*, говоритъ (писатель), *терпѣти о Господѣ: яко бѣ мужъ благъ* (ἀγαθός). Мнѣ кажется, *благъ* означаетъ здѣсь простого, непритворнаго, весьма ревнующаго о спасеніи ближнихъ. И не только онъ былъ *мужъ благъ*, но *и исполнь Духа Свята и вѣры*. Поэтому онъ *изволеніемъ сердца мо-*

ляше всѣхъ, т. е., съ прославленіемъ и хвалою (Господу). И смотри, какъ этотъ городъ, какъ бы тучная земля, принялъ слово и явилъ великій плодъ. Для чего же Варнава извелъ Павла изъ Тарса и привелъ сюда? Не напрасно, но потому, что здѣсь были и хорошія надежды, и обширный городъ, и великое множество (народа). Видѣлъ ли ты, какъ все совершаетъ благодать, а не Павелъ,— какъ дѣло началось съ малаго, а когда стало извѣстнымъ, тогда они посылаютъ Варнаву? И почему не послали его прежде? Потому что имѣли великое попеченіе о своихъ дѣлахъ и не хотѣли, чтобы іудеи обвиняли ихъ за то, что они принимали язычниковъ; вѣдь когда неизбѣжно нужно было имъ соединиться (съ язычниками), между ними было нѣкоторое негодованіе, для предотвращенія котораго произошло бывшее съ Корниліемъ. Тогда уже и говорятъ: *да мы во языки, они же во обрѣзаніе* (Гал. II, 9). И смотри, какъ благовременно нужда отъ голода произвела общеніе (чрезъ милостыню), посланную отъ язычниковъ къ бывшимъ во Іерусалимѣ; эти принимаютъ посланное отъ тѣхъ; и тѣ не такъ, какъ мы, встрѣчающіе несчастія со слезами,—не поступали такъ, но переносили съ великимъ благодушіемъ, какъ находившіеся вдали отъ гонителей и жившіе между людьми, не боявшимися іудеевъ,— что также не мало къ тому способствовало. Но отходили и въ Кипръ, гдѣ была большая безопасность и большее спокойствіе. *Ни единому же глаголюще слово*, говоритъ (писатель), *токмо Іудеемъ*. Дѣлали это не по страху человѣческому, который считали за ничто, а желая соблюсти законъ и еще снисходя къ нимъ. *Бяху же нѣцыи во Антіохіи мужіе Кипрстіи и Киринейстіи*. Эти не слишкомъ заботились объ іудеяхъ. *Иже глаголаху къ Еллиномъ, благовѣствующе Господа Іисуса*. Можетъ быть потому, что они не умѣли (говорить) по-еврейски, называли ихъ эллинами. *Пришедъ же Варнава*, говоритъ (писатель), *и видѣвъ благодать Божію*, а не стараніе человѣческое, *моляше* ихъ *терпѣти о Господѣ*. Похваливъ и одобривъ народъ, онъ, вѣроятно, обратилъ этимъ еще больше. И почему они не пишутъ къ Павлу, а посылаютъ Варнаву? Они еще не знали добродѣтели этого мужа; потому и устрояется такъ, что отправляется одинъ только Варнава. А такъ какъ (тамъ) было множество народа, и никто не препятствовалъ, то вѣра произрастала благоуспѣшно, а въ особенности потому, что тамъ не терпѣли никакого искушенія, и что проповѣдывалъ Павелъ, уже не подвергаясь необходимости обращаться въ бѣгство. Хорошо и то, что не они сами предсказываютъ о голодѣ, а пророки, чтобы (иначе) не показаться какимъ-либо образомъ тягостными. И достойно удивленія, какъ антіохійцы не негодовали на то, что были какъ бы презрѣны (апостолами), но довольствовались своими учи-

телями. Такъ всѣ они пламенѣли къ слову (евангельскому)! Они даже не ожидали, чтобы наступилъ голодъ, но прежде него послали, *поелику кто имѣяше что.*

3. И смотри: отъ апостоловъ другимъ ввѣряется это (попеченіе о бѣдныхъ), а здѣсь—Павлу и Варнавѣ. Не съ малою предусмотрительностію сдѣлано было и это; тогда было начало (Церкви христіанской) и притомъ нужно было остерегаться соблазна. 195
А теперь никто не дѣлаетъ этого, хотя и теперь голодъ — тяжелѣе тогдашняго. Не все вѣдь равно--переносить несчастіе всѣмъ вмѣстѣ, или, между тѣмъ какъ всѣ живутъ въ изобиліи, бѣднѣйшимъ терпѣть голодъ. Тогда былъ только голодъ, и сами подававшіе (были) бѣдны,—*отъ ученикъ же поелику кто имѣяше что*, говоритъ (писатель),—а теперь сугубый голодъ, хотя и изобиліе сугубое, голодъ тяжкій, голодъ не слышанія слова Господня, но насыщенія посредствомъ милостыни. Тогда получали утѣшеніе и іудейскіе бѣдные, и антіохійцы, подавшіе помощь, и послѣдніе больше первыхъ; а теперь и мы, и бѣдные терпимъ голодъ, они—нуждаясь въ необходимой пищѣ, а мы—лишаясь милости Божіей. Не можетъ быть ничего необходимѣе такого насыщенія. Здѣсь не бываетъ зла, происходящаго отъ пресыщенія; здѣсь избытокъ пищи не выходитъ вонъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе, нѣтъ ничего здоровѣе души, питаемой такимъ образомъ; она выше всякой болѣзни, всякаго голода, всякаго нездоровья и недуга; никто не можетъ коснуться ея, но какъ адамантовому тѣлу не можетъ повредить ни желѣзо, ни что другое, такъ и души, огражденной милостынею, совершенно ничто не можетъ коснуться. Скажи мнѣ, что можетъ когда-либо овладѣть ею? Бѣдность ли? Нѣтъ; (милостыня) хранится въ царской сокровищницѣ. Воръ и разбойникъ? Но подъ ея стѣны никто не можетъ подкопаться. Червь? Но это сокровище выше и такого зла. Зависть и ненависть? Но не овладѣвается и ими. Клеветы и навѣты? Не могутъ и они, потому что это сокровище неприступно. Но несправедливо было бы показать только эти свойства милостыни, и не (показать) противоположныхъ. Она не только свободна отъ зависти, но и сопровождается великимъ благословеніемъ даже отъ не испытавшихъ ея благодѣяній. Какъ жестокіе и безчеловѣчные бываютъ ненавистны не только тѣмъ, которые обижены ими, но и тѣмъ, которые ничего не потерпѣли отъ нихъ, а только сострадаютъ обиженнымъ и осуждаютъ обижающихъ, такъ и сдѣлавшихъ много прекраснаго хвалятъ не только тѣ, которые облагодѣтельствованы ими, но и тѣ, которые ничего не получили отъ нихъ. Но что я говорю: свободна отъ зависти, клеветниковъ, воровъ и разбойниковъ? Не это только въ ней хорошо, но еще и

то, что она не уменьшается сама въ себѣ, а всегда возрастаетъ и умножается. Что было гнуснѣе Навуходоносора? Что безобразнѣе, что преступнѣе его? Онъ былъ человѣкъ нечестивый; видѣлъ множество знаменій и чудесъ и не захотѣлъ раскаяться, но ввергъ въ печь рабовъ Божіихъ, хотя послѣ того и поклонился (Богу). А что говоритъ ему пророкъ? *Царю, совѣтъ мой да будетъ тебѣ угоденъ, и грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ: негли будетъ долготерпѣливъ грѣхомъ твоимъ Богъ* (Дан. IV, 24). Сказалъ такъ не потому, чтобы сомнѣвался,—онъ вѣдь былъ совершенно увѣренъ въ томъ,—но желая возбудить въ немъ большій страхъ и сильнѣе (показать) необходимость сдѣлать это. Если бы онъ сказалъ утвердительно, то тотъ сдѣлался бы еще болѣе нерадивымъ. Такъ и мы тогда скорѣе всего побуждаемъ кого-нибудь, когда говоримъ: попроси такого-то, и не прибавляемъ, что онъ непремѣнно выслушаетъ, но говоримъ: можетъ быть, онъ выслушаетъ; большее опасеніе, происходящее отъ сомнѣнія, производитъ и большее побужденіе.
196 Поэтому и пророкъ не высказалъ этого ясно. Но что ты говоришь? Неужели такимъ преступленіямъ будетъ прощеніе? Да.

Нѣтъ грѣха, котораго бы не могла очистить, котораго бы не могла истребить милостыня; всякій грѣхъ ниже ея; она есть врачество, пригодное ко всякой ранѣ. Что хуже мытаря? Онъ способенъ на всякое нечестіе; но и это все нечестіе Закхей очистилъ (Лук. XIX, 8, 9). Смотри, какъ и Христосъ внушаетъ это тѣмъ, что установилъ *имѣть ковчежецъ и носить вметаемая* (Іоан. XII, 6). И Павелъ говоритъ: *точію нищихъ да помнимъ* (Гал. II, 10). И вездѣ въ Писаніяхъ много говорится объ этомъ предметѣ. Такъ, (Премудрый) говоритъ: *избавленіе мужа души свое ему богатство* (Притч. XIII, 8). И Христосъ: *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое, и даждь нищымъ, и гряди въ слѣдъ мене* (Мѳ. XIX, 21). Въ этомъ, подлинно, состоитъ совершенство. Милостыня же совершается не только деньгами, но и дѣлами. Такъ, напримѣръ, можно ходатайствовать, можно подать руку помощи; часто въ дѣлахъ ходатайство помогало даже больше денегъ.

4. Итакъ, приведемъ въ дѣйствіе въ настоящемъ случаѣ всѣ роды милостыни. Можешь деньгами? Не медли. Можешь ходатайствомъ? Не говори, что у тебя нѣтъ денегъ; это ничего; и то значитъ весьма много, будь такъ расположенъ, какъ бы ты подавалъ деньги. Можешь услугою? Сдѣлай и это. Напримѣръ: ты врачъ по званію? Позаботься о больныхъ; и это много значитъ. Можешь совѣтомъ? Это — гораздо важнѣе всего; совѣтъ тѣмъ лучше и выше всего, чѣмъ большую онъ приноситъ пользу: имъ ты избавляешь не отъ голода, но отъ лютой смерти. Имъ и апо-

столы были особенно богаты; поэтому раздачу денегъ они вврѣрили низшимъ, а сами пребывали въ служеніи слову (Дѣян. VI, 1—4). Или, думаешь ты, не велика будетъ милостыня, если душу, предавшуюся унынію, находящуюся въ крайней опасности, одержимую пламенемъ (страсти), можешь освободить отъ этой болѣзни? Напримѣръ, ты видишь друга одержимаго сребролюбіемъ? Окажи милость этому человѣку. Онъ хочетъ удавиться? Угаси пламень его. А что, если онъ не послушается? Ты дѣлай свое дѣло и не лѣнись. Видишь его связаннаго узами (сребролюбіе вѣдь—поистинѣ узы)? Приди къ нему, посѣти его, утѣшь, постарайся освободить отъ узъ. Если онъ не согласится, самъ будетъ виноватъ. Видишь нагого и странника (поистинѣ нагъ и странникъ для небесъ не пекущійся о добродѣтельной жизни)? Возьми его въ домъ свой, одѣнь въ одежды добродѣтели, сдѣлай гражданиномъ неба. А что, скажешь, если я самъ нагъ? Одѣнь напередъ себя самого; если знаешь, что ты нагъ, то, конечно, знаешь и то, что ты долженъ одѣться. Если только ты знаешь свойства этой наготы, то легко можешь узнать и свойственное ей одѣяніе. Какъ многія женщины носятъ шелковыя одежды, и поистинѣ обнажены отъ одеждъ добродѣтели! Такихъ пусть одѣваютъ мужья. Но онѣ не принимаютъ этихъ одеждъ, а хотятъ тѣхъ? Сдѣлай сначала такъ: возбуди въ нихъ желаніе этихъ одеждъ, покажи, что онѣ наги, бесѣдуй о будущемъ судѣ, скажи, что тамъ нужны будутъ намъ другія (одежды), а не тѣ (шелковыя). Если позволите мнѣ, то и я покажу эту наготу. Нагой, во время стужи, цѣпенѣетъ, дрожитъ, стоитъ скорчившись и поджавши руки, а во время жара не дѣлаетъ этого. Если теперь я покажу, что и богатые мужи и богатыя жены тѣмъ болѣе бываютъ наги, чѣмъ болѣе одѣваются, то не гнѣвайтесь. 197
Скажи мнѣ: когда мы разсуждаемъ о гееннѣ и тѣхъ мученіяхъ, не больше ли цѣпенѣютъ и дрожатъ эти, нежели тѣ—нагіе? Не вздыхаютъ ли они тяжко и не осуждаютъ ли самихъ себя? Когда они приходятъ къ кому-нибудь и говорятъ: помолись обо мнѣ, не то же ли самое говорятъ они, что и тѣ? Впрочемъ, теперь, что бы мы ни говорили, эта нагота не будетъ видна вполнѣ; она будетъ видна тамъ. Какъ и какимъ образомъ? Когда эти шелковыя одежды и драгоцѣнные камни погибнутъ и въ однѣхъ только одеждахъ добродѣтели и порока явятся всѣ; когда бѣдные будутъ облечены великою славою, а богатые въ наготѣ и безобразіи будутъ влечены на мученія. Кто былъ изнѣженнѣе того богача, облекавшагося въ порфиру? Кто бѣднѣе Лазаря? А кто изъ нихъ говорилъ подобно нищимъ? И кто наслаждался блаженствомъ (Лук. XVI, 19—25)? Скажи мнѣ: если бы кто украсилъ

домъ свой множествомъ покрывалъ, а самъ сидѣлъ внутри его нагимъ, какая была бы польза? Такъ бываетъ и съ женами. Домъ души, т. е. тѣло, одѣваютъ множествомъ украшеній; а госпожа дома сидитъ внутри нагая. Откройте, прошу, душевныя очи, и
198 я покажу вамъ душевную наготу. Что такое одежда души? Ясно, что—добродѣтель. А что нагота? Порокъ. Какъ если обнажить кого-нибудь изъ свободныхъ, то онъ стыдится, стѣсняется и убѣгаетъ, такъ точно и душа, не имѣющая этой одежды, когда мы хотимъ взглянуть на нее, стыдится. И теперь, думаешь, многія не стыдятся ли и не удаляются ли въ самую глубину, какъ бы ища какого покрывала и занавѣса, чтобы не слышать этихъ словъ? А другія, ничего не сознавая за собою, веселятся, радуются, утѣшаются и восхищаются сказаннымъ. Послушай о блаженной Ѳеклѣ. Она для того, чтобы увидѣть Павла, отдала свое золото; а ты не отдаешь и обола, чтобы увидѣть Христа; удивляешься поступкамъ ея, но не подражаешь ей. Не слышишь ли, какъ слово (Божіе) ублажаетъ милостивыхъ? *Блаженни милостивіи*, говоритъ, *яко тіи помилованы будутъ* (Мѳ. v, 7). Какая польза отъ драгоцѣнныхъ одеждъ? Доколѣ мы будемъ пристрастны къ этому украшенію? Будемъ одѣваться славою Христовою, будемъ облекаться тою красотою, чтобы намъ и здѣсь получить похвалу, и тамъ сподобиться вѣчныхъ благъ,—по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI.

197 **Во оно же время возложи Иродъ царь руцѣ озлобити нѣкія, иже отъ Церкве. Уби же Іакова брата Іоаннова мечемъ. И видѣвъ, яко годѣ есть Іудеемъ, приложи яти и Петра. Бяху же дніе опрѣсночніи (Дѣян. xii, 1—3).**

1. О какомъ *ономъ* времени говоритъ (писатель)? Конечно, о послѣдующемъ. Здѣсь такъ (надобно разумѣть), а въ другихъ мѣстахъ иначе. Когда Матѳей говоритъ: *во дни оны пріиде Іоаннъ проповѣдуя*, то означаетъ не послѣдующіе дни, а тѣ, въ которые происходило повѣствуемое (Матѳ. iii, 1). Въ Писаніи обыкновенно употребляется такой образъ (рѣчи), что иногда событія непосредственно слѣдующія излагаются по порядку, а иногда объ имѣющемъ случиться гораздо позже повѣствуется, какъ о непосредственно слѣдующемъ. Прекрасно говоритъ: *Иродъ царь*, такъ какъ это былъ не тотъ, который жилъ при Христѣ. Вотъ и другое

искушеніе. И смотри,—о чемъ еще въ началѣ я сказалъ,—какъ дѣла устраиваются, какъ все составляется изъ радостей и скорбей. Уже не іудеи и не синедріонъ, но царь поднимаетъ руки, чтобы *озлобити*. Здѣсь—высшая власть, тягчайшая брань, тѣмъ болѣе, что происходила въ угодность іудеямъ. *Уби же Іакова брата Іоаннова мечемъ*. Безъ причины и безъ разбора. Если же кто спроситъ: зачѣмъ Богъ попустилъ это?—то мы скажемъ: ради нихъ же самихъ: во-первыхъ, чтобы убѣдить ихъ, что (вѣрующіе), и будучи убиваемы, побѣждаютъ, какъ было со Стефаномъ; во-вторыхъ, чтобы дать имъ насытить ярость свою и потомъ удержаться отъ неистовства; въ-третьихъ, чтобы показать, что это происходило по Его попущенію. *И видѣвъ, яко годѣ есть Іудеемъ, приложи яти и Петра*. О, великое нечестіе! Тѣмъ ли угождалъ имъ, что совершалъ убійства безъ причины и напрасно? *Бяху же дніе опрѣсночніи*. Опять (видна) излишняя разборчивость іудеевъ (во дняхъ); впрочемъ, убивать они не препятствовали, но и въ такое время дѣлали это. *Его же и емь всади въ темницу, предавъ четыремъ четверицамъ воиновъ* (ст. 4). Это 198
происходило отъ гнѣва и отъ страха. *Уби же*, говоритъ (писатель), *Іакова брата Іоаннова мечемъ*. Видишь ли мужество ихъ (апостоловъ)? Чтобы кто-нибудь не говорилъ, будто они потому смѣло и безстрашно идутъ на смерть, что Богъ избавляетъ ихъ отъ ней, для этого Онъ попускаетъ имъ быть убиваемыми, и особенно верховнымъ, научая тѣмъ самихъ убивающихъ, что даже и это не останавливаетъ ихъ и не препятствуетъ имъ. *И убо Петра стрежаху въ темницѣ: молитва же бѣ прилежна бываема отъ Церкве къ Богу о немъ* (ст. 5). Они находились теперь въ самомъ опасномъ положеніи. Ихъ устрашало и то, что тотъ убитъ, и то, что этотъ посаженъ въ темницу. *Егда же хотяше его извести Иродъ, въ нощи той бѣ Петръ спя между двѣма воинома, связанъ ужема двѣма, стражіе же предъ дверми стрежаху темницы. И се ангелъ Господнь предста, и свѣтъ возсія въ храминѣ: толкнувъ же въ ребра Петра, воздвиже его, глаголя: востани вскорѣ. И спадоша ему ужя съ руку* (ст. 6, 7). Смотри, въ эту самую ночь избавилъ его. *И свѣтъ возсія въ храминѣ*, чтобы онъ не подумалъ, что это—привидѣніе; а свѣта никто не видалъ, кромѣ его. Если и при этомъ онъ думалъ, что видитъ привидѣніе, по причинѣ неожиданности, то тѣмъ болѣе (подумалъ бы), если бы этого не случилось: такъ онъ былъ готовъ на смерть! А это происходило оттого, что онъ оставался тамъ много дней, не получая избавленія. Почему же, скажутъ, (Богъ) не попустилъ ему впасть въ руки Ирода, чтобы тогда и избавить? Потому, что это привело бы ихъ въ ужасъ; а это происходило и для нихъ. Подумали бы,

что (апостолы) не люди, если бы Онъ все совершалъ божественно. Чего Онъ не сдѣлалъ со Стефаномъ? Не явилъ ли имъ (лице его) *яко лице ангела* (Дѣян. vi, 15)? Чего же, вообще, недоставало и здѣсь? *Рече же ангелъ къ нему: препояшися и вступи въ*
199 *плесницы твоя* (ст. 8). Здѣсь (писатель) снова показываетъ, что это сдѣлано не съ злымъ умысломъ; кто спѣшитъ и намѣревается выйти украдкою, тотъ не дѣлаетъ такихъ приготовленій, чтобы и обуться и опоясаться. *Сотворижe тако. И глагола ему: облецыся въ ризу твою, и послѣдствуй ми. И изшедъ въ слѣдъ его идяше: и не вѣдаше, яко истина есть бывшее отъ ангела, мняше же видѣніе зрѣти. Прошедша же первую стражу и вторую, пріидоша ко вратомъ желѣзнымъ, вводящымъ во градъ, яже о себѣ отверзошася има* (ст. 8—10). Вотъ и второе знаменіе. Когда ангела не стало съ нимъ, тогда Петръ уразумѣлъ (видѣнное). *И изшедше преидоша стогну едину, и абіе отступи ангелъ отъ него. И Петръ бывъ въ себѣ, рече: нынѣ вѣмъ воистину, яко посла Богъ ангела своего, и изъятъ мя изъ руки Иродовы и отъ всего чаянія людей Іудейскихъ* (ст. 10—11). Теперь, говоритъ, я уразумѣлъ, а не прежде. Для чего это дѣлается, и почему Петръ не разумѣетъ происходящаго, хотя онъ уже былъ столь свободенъ послѣ того, какъ всѣ (цѣпи) были сняты съ него? Для того, чтобы онъ получилъ избавленіе внезапно и чтобы тогда уже, по избавленіи, почувствовалъ это. А что цѣпи спали съ рукъ его, это явный знакъ, что онъ не убѣжалъ. *Смотривъ же пріиде въ домъ Маріи матере Іоанна нарицаемаго Марка, идѣже бяху мнози собрани и молящеся. Толкнувшу же Петру во врата двора, приступи слышати отроковица именемъ Роди. И познавши гласъ Петровъ, отъ радости не отверзе вратъ* (ст. 12—14). Смотри: Петръ не тотчасъ удаляется (изъ Іерусалима), но напередъ сообщаетъ радостную вѣсть своимъ. *Притекши же сказа Петра стояща предъ враты. Они же къ ней рѣша: бѣснуешися ли? Она же крѣпляшеся тако быти* (ст. 14, 15).

2. Смотри, какъ и служанки были исполнены благочестія. Отъ радости она не отворила сѣней; но они и послѣ этого не вѣрили. *Она же*, говорилъ (писатель), *крѣпляшеся тако быти: они же глаголаху: ангелъ его есть. Петръ же пребываше толкій; отверзше же видѣша его, и ужасошася. Помаавъ же имъ рукою молчати, сказа имъ, како Господь его изведе изъ темницы. Рече же: возвѣстите Іакову и братіямъ сія. И изшедъ иде во ино мѣсто* (ст. 15—17). Но обратимся къ вышесказанному по порядку. *Во оно время*, говоритъ (писатель), *возложи Иродъ царь руцѣ озлобити нѣкія иже отъ Церкве.* Какъ дикій звѣрь, онъ нападалъ на всѣхъ безъ причины и безъ разбора. Здѣсь исполняется то, что сказалъ Христосъ: *чашу убо, юже азъ пію, испіета, и крещеніемъ, имъ же азъ*

крещаюся, креститася (Марк. x, 39). *Уби же*, говоритъ, *Іакова брата Іоаннова мечемъ*. А почему, скажутъ, онъ не убилъ Петра тогда же? Причину привелъ писатель: *бяху же*, говоритъ, *дніе опрѣсночніи*, и онъ хотѣлъ совершить убіеніе его съ большею торжественностію. Сами (іудеи) по совѣту Гамаліила теперь воздерживались отъ убійствъ, и притомъ не находили причинъ къ тому, а чрезъ другихъ совершали то же самое. Такъ какъ былъ другой Іаковъ, братъ Господень, то онъ означилъ это, сказавъ: *брата Іоаннова*. Видишь ли, что эти три (апостола) были главные, особенно же Петръ и Іаковъ? Это служитъ къ большему 200
осужденію іудеевъ. Вѣдь уже явно было, что проповѣдь ихъ не человѣческая, и поистинѣ исполнялось сказанное: *вмѣнихомся, яко овцы заколенія* (Псал. xliii, 23). *Видѣвъ же*, говоритъ, *яко годѣ есть Іудеемъ, приложи яти и Петра*. Пріятно было убійство, и притомъ убійство несправедливое. Велико безуміе Ирода; онъ служилъ нечестивымъ страстямъ ихъ. Надлежало бы дѣлать противное и удерживать ихъ неистовство; а онъ возбуждалъ и былъ какъ бы какой палачъ недугующихъ, а не врачъ ихъ, хотя имѣлъ много примѣровъ—и дѣда и отца Ирода, изъ которыхъ первый за убіеніе младенцевъ потерпѣлъ множество бѣдствій (Мѳ. ii, 16), а второй, убившій Іоанна Крестителя (Мѳ. xiv, 10), велъ жестокую войну. *Егоже и емь*, говоритъ, *всади въ темницу*. Онъ *боялся*, чтобы отъ страха (по случаю убіенія) Іакова Петръ не скрылся, и чтобы вѣрнѣе имѣть его въ своихъ рукахъ, посадилъ его въ темницу. Чѣмъ тщательнѣе было стереженіе, тѣмъ удивительнѣе событіе. Это послужило Петру — сдѣлаться еще болѣе славнымъ и показать свое мужество. *Молитва же бѣ*, говоритъ, *прилѣжна бываемая*. Эта молитва—знакъ любви. Всѣ молились объ отцѣ, кроткомъ отцѣ. *Молитва бѣ*, говоритъ, *прилѣжна бываемая о немъ*. Послушайте, какъ они были расположены къ учителямъ. Они не возмущались, не производили смутъ, но обратились къ молитвѣ, прибѣгли къ этой непреоборимой поборницѣ. Не говорили: я не великъ и напрасно сталъ бы молиться о немъ; они дѣлали по любви и потому ничего такого не помышляли. Хочешь ли знать, что сдѣлали (іудеи) противъ своей воли? Тѣхъ сдѣлали славнѣйшими, а этихъ усерднѣйшими. И смотри: искушенія постигаютъ ихъ въ праздникъ, чтобы они явились славнѣйшими. *Егдаже хотяше его извести Иродъ*, говоритъ (писатель), *въ нощи той бѣ Петръ спя*. Видишь: Петръ спитъ, не предается ни унынію, ни страху. Въ ту самую ночь, когда хотѣли вести его (на смерть), онъ спалъ, предавъ все Богу. Спалъ не просто, но посреди воиновъ и связанный. *Между двѣма воинома*, говоритъ, *связанъ желѣзнома ужема двѣма*. Видишь ли, какъ тщательно сте-

регли его? *И се,* говоритъ, *ангелъ Господень предста, глаголя: востани вскорѣ.* Стражи также спали, и оттого ничего случившагося не слыхали. *И свѣтъ возсія,* для того, чтобы Петръ увидѣлъ и услышалъ, и не подумалъ, что это—привидѣніе. А чтобы онъ не замедлилъ, то и *толкнулъ* его *въ ребра.* И не просто сказалъ: *возстани,* но прибавилъ: *вскорѣ,*—такъ онъ крѣпко спалъ! *Мняше же видѣніе видѣти,* говоритъ (писатель). *Прошедша же первую стражу и вторую.* Гдѣ теперь еретики? Пусть они скажутъ намъ: какъ онъ прошелъ? Но они не могли бы (сказать). Между тѣмъ (ангелъ) для того повелѣваетъ ему опоясаться и обуться, чтобы и этимъ внушить ему, что это—не привидѣніе, чтобы онъ воспрянулъ отъ сна и убѣдился, что это—истина; для того тотчасъ же и цѣпи упали съ рукъ его, и сказано было: *востани вскорѣ.* Это—слова не смущающаго, но убѣждающаго не медлить. *И не вѣдаше,* говоритъ, *яко истина есть бывшее отъ ангела, мняше же видѣніе зрѣти.* Конечно, по чрезвычайности событія.

3. Видишь ли, какъ чрезвычайно знаменіе? Какъ оно изумляетъ видящаго? Какъ представляется невѣроятнымъ? Если Петръ
201 думалъ, что видитъ привидѣніе, въ такое время, когда самъ былъ опоясанъ и обутъ, то чего не случилось бы со всякимъ другимъ? *Прошедша же,* говоритъ (писатель), *первую стражу и вторую, пріидоста ко вратомъ желѣзнымъ: и исшедше преидоша стогну едину, и абіе отступи ангелъ отъ него.* Происходившее внутри было болѣе чудесно; а это послѣдующее—болѣе обыкновенно. Когда уже не было никакого препятствія, тогда ангела не стало съ нимъ. Петръ (одинъ) не прошелъ бы при столь многихъ препятствіяхъ; вѣдь это было изумительно, поистинѣ изумительно. *Нынѣ вѣмъ,* говоритъ, *яко воистинну посла Богъ ангела своего, и изъятъ мя изъ руки Ирода и отъ всего чаянія людей Іудейскихъ.* Нынѣ, а не тогда, когда я былъ въ узахъ. *Смотривъ же пріиде въ домъ Маріи матере Іоанна.* Что значитъ: *смотривъ?* Размысливъ, гдѣ онъ находится. Или объ этомъ онъ размышлялъ, или о томъ, что не должно просто удалиться, но воздать благодѣтелю; размышляя о томъ, онъ и пришелъ къ дому Маріи. Кто этотъ Іоаннъ? Можетъ быть тотъ, который всегда былъ съ ними; потому (писатель) присовокупилъ и прозваніе его.

Смотри, какое благо—скорбь, какой успѣхъ имѣла молитва ихъ во время ночи, какъ они были бдительны. Видишь ли, какіе плоды отъ убіенія Стефана? Видишь ли, какая польза отъ этой темницы? Подлинно Богъ не для отмщенія гонителей ихъ являетъ величіе евангельской проповѣди, но для самихъ гонителей, хотя они и не терпятъ ничего непріятнаго, показываетъ, какъ велики скорби сами по себѣ, чтобы и мы не старались всячески избавляться

отъ нихъ или мстить за нихъ. Замѣть, какъ и служанки ихъ были равночестны имъ. *Отъ радости*, говоритъ, *не отверзе*. Хорошо это сдѣлано и въ томъ отношеніи, чтобы они, увидѣвъ его вдругъ, не устрашились и не стали сомнѣваться, но чтобы мысли ихъ были подготовлены. И какъ обыкновенно дѣлается у насъ, такъ теперь и она сдѣлала: она поспѣшила сама принести радостную вѣсть,—и въ самомъ дѣлѣ это была радостная вѣсть. *Они же къ ней рѣша: бѣснуешися ли? Она же крѣпляшеся тако быти: они же глаголаху: ангелъ его есть*. Отсюда (очевидна) истина, что у каждаго изъ насъ есть ангелъ. А какъ они пришли тогда къ мысли, что это—ангелъ? По времени разсудили такъ. Между тѣмъ Петръ *пребываше толкій*, говоритъ (писатель), *отверзше же видѣша его и ужасошася*. Онъ же *помаавъ рукою* водворилъ великую тишину, чтобы они выслушали его. Какъ онъ былъ теперь вожделѣненъ для учениковъ, не только потому, что избавился (изъ темницы), но и потому, что тотчасъ же пришелъ и предсталъ предъ ними! Затѣмъ ясно узнаютъ все и свои, узнали бы и чужіе, если бы захотѣли вѣровать; но они не захотѣли. Такъ было и при Христѣ (Іоан. VII, 12, 31). *Возвѣстите*, говоритъ, *Іакову и братіямъ сія*. Смотри, какъ онъ не тщеславенъ. Онъ не сказалъ: сдѣлайте это извѣстнымъ повсюду; но: *братіямъ*. *И иде во ино мѣсто*. Не искушалъ Бога и не подвергалъ самъ себя опасностямъ; это они дѣлали только тогда, когда имъ было повелѣваемо. Такъ, имъ было сказано: *ставше глаголите въ церкви людемъ:* они выслушали это и тотчасъ же повиновались (Дѣян. V, 20, 21). Но того ангелъ не сказалъ ему, а только, отступивъ въ молчаніи и выведши ночью, доставилъ ему возможность удалиться. Это также происходитъ для того, чтобы мы научились, что многое совершалось тогда и по-человѣчески, и чтобы онъ опять не подвергся опасности. А чтобы тѣ не сказали по отшествіи 202
его, что это—ангелъ его, для этого они высказываютъ напередъ, а потомъ видятъ его самого, въ опроверженіе такой мысли. Если бы это былъ ангелъ, то онъ не толкалъ бы въ дверь и не удалился бы *во ино мѣсто*. Въ этомъ увѣряетъ ихъ и то, что это было не днемъ. Такимъ образомъ свободные отъ узъ пребывали въ молитвѣ, а связанный — во снѣ; если бы онъ принималъ происходившее за дѣйствительность, то устрашился бы и не помнилъ бы (случившагося); а теперь, какъ бы видя сновидѣніе, онъ оставался невозмутимымъ. *Пріидоста*, говоритъ (писатель), *ко вратомъ желѣзнымъ*. Смотри, какъ они были крѣпки. *Прошедша же*, говоритъ, *первую стражу и вторую, пріидоста ко вратомъ желѣзнымъ*. И почему, скажутъ, это совершается не чрезъ самихъ (апостоловъ)? Почему? Потому что Богъ и тѣмъ оказываетъ имъ

честь, что избавляетъ ихъ чрезъ ангеловъ. Почему же съ Павломъ не такъ было? Тамъ съ тою цѣлію, чтобы темничный стражъ увѣровалъ, а здѣсь надлежало избавиться только одному апостолу: а съ другой стороны и потому, что Богъ устрояетъ все разнообразно. Тамъ Павелъ воспѣвалъ хвалы, а здѣсь Петръ спалъ (Дѣян. xvi, 25). Поэтому не будемъ скрывать чудесъ Божіихъ, но будемъ стараться, чтобы они дѣлались извѣстными и для нашей пользы и для назиданія другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если (Петръ) удивителенъ, когда восхотѣлъ быть связаннымъ, то онъ еще удивительнѣе, когда не прежде удалился, какъ возвѣстивъ напередъ обо всемъ своимъ. *Рече же*, говоритъ: *возвѣстите Іакову и братіямъ*. Для чего повелѣваетъ возвѣстить? Для того, чтобы они возрадовались, чтобы не скорбѣли, чтобы тѣ узнали отъ этихъ, а не эти отъ тѣхъ: такъ онъ заботился о нижайшихъ членахъ! Подлинно, нѣтъ ничего лучше умѣренной скорби. Какова, думаешь, была тогда душа ихъ? Какой исполнена радости?

Гдѣ теперь жены, спящія во всю ночь? Гдѣ мужи, не хотящіе даже поворотиться на ложѣ? Видишь ли бодрственную душу? Съ женами и дѣтьми и служанками они воспѣвали, отъ скорби содѣлавшись чище неба. А нынѣ мы, едва увидимъ малую опасность, падаемъ (духомъ). Нѣтъ ничего свѣтлѣе тогдашней Церкви. Будемъ же подражать, будемъ соревновать. Не для того дана ночь, чтобы мы во всю ее спали и бездѣйствовали. Свидѣтели тому ремесленники, погонщики муловъ, торговцы, Церковь Божія, возстающая среди ночи. Возстань и ты, посмотри на хоръ звѣздъ, на глубокую тишину, на великое безмолвіе, и удивляйся дѣламъ Владыки твоего. Тогда душа бываетъ чище, легче и бодрѣе, бываетъ особенно способна воспарять и возвышаться; самый мракъ и совершенное безмолвіе много располагаютъ къ умиленію. Если взглянешь на небо, испещренное звѣздами, какъ бы безчисленнымъ множествомъ глазъ, то получишь совершенное удовольствіе, помысливъ тотчасъ о Создателѣ. Если представишь, что тѣ, которые въ теченіе дня шумятъ, смѣются, играютъ, скачутъ, обижаютъ, лихоимствуютъ, досаждаютъ, дѣлаютъ безчисленное множество золъ, теперь нисколько не отличаются отъ мертвыхъ, то познаешь все ничтожество человѣческаго самолюбія. Сонъ пришелъ и показалъ природу, какъ она есть; онъ—образъ смерти; онъ—образъ кончины (міра). Если взглянешь на улицу, не услышишь ни одного голоса; если посмотришь въ домѣ, увидишь всѣхъ лежащими какъ бы во гробѣ. Все это можетъ возбудить душу и привести на мысль кончину міра.

203 4. Слово мое—къ мужамъ и женамъ. Преклони колѣна, воздыхай, моли Господа твоего быть милостивымъ къ тебѣ; Онъ

особенно преклоняется (на милость) ночными молитвами, когда ты время отдохновенія дѣлаешь временемъ плача. Вспомни о царѣ, какъ онъ говорилъ: *утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всякую нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Псал. VI, 7). Какія бы ты ни имѣлъ удовольствія, не будешь имѣть болѣе его; какъ бы ты ни былъ богатъ, не будешь богаче Давида. Но онъ же въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *полунощи востахъ исповѣдатися тебѣ о судьбахъ правды твоея* (Псал. CXVIII, 62). Тогда не безпокоитъ тщеславіе; да и какъ (можетъ безпокоить), когда всѣ спятъ и не видятъ? Тогда не нападаютъ лѣность и безпечность; да и какъ (могутъ напасть), когда столь многое возбуждаетъ душу? Послѣ такихъ всенощныхъ бдѣній бываютъ и сонъ пріятный и видѣнія чудныя. Это дѣлай и ты, мужъ, а не одна только жена. Пусть домъ содѣлается Церковію, составленною изъ мужей и женъ. Не считай препятствіемъ этому то, что ты мужъ только одинъ и что она жена только одна. *Идѣже бо еста два*, говоритъ (Христосъ), *собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мѳ. XVIII, 20). А гдѣ присутствуетъ Христосъ, тамъ великое множество; гдѣ Христосъ, тамъ необходимо бываютъ и ангелы, и архангелы, и прочія силы. Поэтому вы—не одни, когда съ вами Владыка всѣхъ. И еще послушай, что говоритъ пророкъ: *лучше единъ праведникъ, нежели тысяща грѣшникъ* (Сирах. XVI, 3). Нѣтъ ничего безсильнѣе многихъ грѣшниковъ, и ничего сильнѣе одного, живущаго по закону Божію. Если у тебя есть дѣти, то подними и дѣтей, и пусть во время ночи весь домъ сдѣлается Церковію; если же они малолѣтни и не могутъ переносить бодрствованія, то (пусть выслушаютъ) по крайней мѣрѣ одну молитву или двѣ, и успокоятся; только ты встань, только ты обрати себѣ это въ навыкъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе жилища, въ которомъ совершаются такія молитвы. Послушай, что говоритъ пророкъ: *аще поминахъ тя на постели моей, на утренниxъ поучахся въ тя* (Псал. LXII, 7). Но, скажешь, я очень утомился въ продолженіе дня, и не могу. Это — отговорка и предлогъ; сколько бы ты ни трудился, не потрудишься болѣе ковача мѣди, который опускаетъ столь тяжелый молотъ съ великой высоты, брызжетъ искрами, по всему тѣлу пропитывается дымомъ, и однако проводитъ въ этомъ большую часть ночи. И вы, жены, знаете, когда вамъ бываетъ нужно идти въ поле, или придти въ ночное собраніе, — что тамъ проводятъ цѣлую ночь безъ сна. Такъ и у тебя пусть будетъ ду- 204
ховная кузница, чтобы устроять не котлы и сковороды, но душу твою, которая гораздо лучше всякаго произведенія изъ мѣди и золота. Ее, устарѣвшую отъ грѣховъ, ввергни въ горнило покаянія; ударяй ее съ великой высоты молотомъ, т. е. исповѣда-

ніемъ грѣховъ; воспламени огонь Духа. Твое искусство гораздо лучше. Ты устрояешь не золотые сосуды, но душу, драгоцѣннѣе всякаго золота, подобно тому, какъ ковачъ мѣди свое издѣліе. Ты не вещественный приготовляешь сосудъ, но освобождаешь душу отъ всякаго житейскаго попеченія. Пусть предстоитъ предъ тобою свѣтильникъ, не этотъ сгарающій, но тотъ, который имѣлъ у себя пророкъ, когда онъ говоритъ: *свѣтильникъ ногама моима законъ твой* (Псал. cxviii, 105). Воспламени душу молитвою; если увидишь, что она имѣетъ довольно (огня), то выпь ее (изъ этого горнила) и устрой ее, какъ хочешь. Повѣрь мнѣ, не столько огонь истребляетъ ржавчину (металла), сколько ночная молитва— ржавчину грѣховъ нашихъ. Устыдимся, если не кого другого, то хотя ночныхъ стражей. Они, повинуясь человѣческому закону, обходятъ во время стужи, громко крича и проходя по улицамъ, часто подъ дождемъ и цѣпенѣя (отъ холода), для тебя, для твоей безопасности и для охраненія твоего имущества. Тотъ о твоемъ имуществѣ оказываетъ такое попеченіе; а ты не (оказываешь) даже о душѣ своей. И притомъ я не заставляю тебя ходить, подобно ему, подъ открытымъ небомъ, ни громко кричать и надрываться; но, находясь въ томъ же самомъ жилищѣ, въ той же самой спальнѣ, преклони колѣна, обратись съ молитвою къ Господу. Для чего самъ Христосъ на горѣ пробылъ всю ночь (Лук. xvi, 12)? Не для того ли, чтобы подать намъ Собою примѣръ? Тогда растенія возстановляютъ свои силы, т. е. во время ночи; тогда особенно и душа еще болѣе ихъ принимаетъ въ себя росу. Что днемъ попаляется солнцемъ, то освѣжается ночью. Ночныя слезы лучше всякой росы нисходятъ и на пожеланія и на всякое пламенное разжженіе, и не попускаютъ потерпѣть ничего вреднаго. Если она не будетъ питаться этою росою, то будетъ сожигаться во время дня. Впрочемъ, да не подвергнется никто изъ васъ сожженію отъ того огня, но пребывая въ прохладѣ и подъ покровомъ человѣколюбія Божія, да сподобимся всѣ мы освободиться отъ бремени грѣховъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVII.

Бывшу же дню, бѣ молва не мала въ воинѣхъ, что убо Петру бысть. Иродъ же поискавъ его, и не обрѣтъ, истязавъ стражы, повелѣ отвести. И изшедъ отъ Іудеи въ Кессарію, живяше (Дѣян. xii, 18, 19).

1. Многіе недоумѣваютъ, какъ Богъ попустилъ нѣкогда умертвить младенцевъ за Него (Мѳ. ii, 16), и теперь еще воиновъ за Петра, хотя Онъ могъ избавить и ихъ вмѣстѣ съ Петромъ. Но если бы ангелъ вывелъ и воиновъ вмѣстѣ съ Петромъ то это было бы принято за бѣгство. Почему же, скажутъ, онъ, не устроилъ иначе? Теперь между тѣмъ какое произошло зло! Если мы вспомнимъ, что пострадавшіе несправедливо и напрасно не терпятъ никакого зла, то не будемъ дѣлать такихъ вопросовъ. Отчего же ты не спрашиваешь объ Іаковѣ—почему Онъ и его не избавилъ (Дѣян. xii, 2)? Притомъ тогда было еще не время суда, чтобы воздавать каждому по достоинству. И не Петръ же предалъ ихъ въ руки Ирода. А онъ оскорбился особенно тѣмъ, что обманулся, подобно какъ дѣдъ его остался обманутымъ отъ волхвовъ; это особенно раздражало его и дѣлало смѣшнымъ. Но слѣдуетъ выслушать слова самого писателя: *бывшу же дню*, говоритъ онъ, *бѣ молва не мала въ воинѣхъ, что убо Петру бысть. Иродъ же поискавъ его, и не обрѣтъ, истязавъ стражы, повелѣ отвести*, хотя слышалъ отъ нихъ,—вѣдь *истязалъ же* ихъ,—что цѣпи были оставлены, что обувь (Петръ) взялъ и что онъ находился съ ними до самой той ночи. Что же они скрыли? И почему сами не убѣжали? Подлинно, это должно было удивить его, должно было поразить его. Послѣ того смерть ихъ предъ всѣми обнаруживаетъ и чудо Божіе и нечестіе Ирода. И смотри, как писатель не скрываетъ этого, но повѣствуетъ объ историческомъ событіи, чтобы научить насъ. Онъ говоритъ далѣе: *и изшедъ отъ Іудеи въ Кессарію, живяше. Бѣ же Иродъ гнѣваяся на Тиряны и Сидоняны: иже единодушно пріидоша къ нему, и умоливше Власта постелника царева, прошаху мира, понеже страны ихъ отъ царства его питахуся. Въ нареченный же день Иродъ облкся во одежду царску, и сѣдъ на судищѣ предъ народомъ, глаголаше къ нимъ. Народъ же возглашаше: гласъ Божій, а не человѣчь. Внезапу же порази его ангелъ Господень, зане не даде славы Богу: и бывъ червми изъяденъ, издше. Слово же Божіе растяше и множашеся* (ст. 19—24). И это не маловажно. Тотчасъ же постигло его наказаніе, если не за Петра, то за надменную рѣчь его. Но, скажутъ, если тѣ возглашали, то чѣмъ онъ виновенъ? Тѣмъ, что

203 (beside line 1), 204 (beside "не избавилъ"), 205 (beside "всѣми обнаруживаетъ")

принялъ такое возгляшеніе, что считалъ себя достойнымъ такой лести. Это особенно служитъ къ наученію самихъ безразсудныхъ льстецовъ. И смотри: и тѣ и онъ достойны наказанія, а наказывается онъ, потому что теперь не время суда, но кто болѣе виновенъ, того (Богъ) и наказываетъ, чтобы тѣ получили отъ этого пользу. *Слово Божіе*, говоритъ (писатель), *растяше и множашеся*, т. е. когда это происходило. Видишь ли домостроительство Божіе? *Варнава же и Савлъ возвратистася изъ Іерусалима, исполнивше службу, поемше съ собою и Іоанна нарицаемаго Марка. Бяху же нѣцыи во Церкви сущей во Антіохіи пророцы и учителіе, Варнава же и Симеонъ нарицаемый Нигеръ, и Лукій Киринеанинъ, и Манаилъ со Иродомъ четвертовластникомъ воспитанный, и Савлъ* (XII, 25; XIII, 1). Варнаву поставляетъ пока на первомъ мѣстѣ, потому что Павелъ еще не былъ славенъ, еще не совершилъ никакого знаменія. *Служащымъ же имъ Господеви и постящымся, рече Духъ Святый: отдѣлите ми Варнаву и Савла на дѣло, на неже призвахъ ихъ. Тогда постившеся и помолившеся, и возложше руки на ня, отпустиша* (ст. 2, 3). Что значитъ: *служащымъ?* Когда они проповѣдывали. *Отдѣлите ми*, говоритъ, *Варнаву и Савла*. Что значитъ: *отдѣлите ми?* На дѣло, на апостольство. Смотри еще, кѣмъ они рукополагаются: Лукіемъ Киринеяниномъ и Манаиломъ, и особенно—Духомъ. Чѣмъ уничиженнѣе лица, тѣмъ яснѣе открывается благодать Божія. Такимъ образомъ (Павелъ) рукополагается на апостольство, чтобы проповѣдывать со властію. Какъ же онъ самъ говоритъ: *ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ* (Гал. I, 1)? Словами: *ни отъ человѣкъ* онъ показываетъ, что не человѣкъ призвалъ или привелъ его; а словами: *ни человѣкомъ*—что онъ посланъ не кѣмъ-либо другимъ, но Духомъ. Потому (писатель) и присовокупилъ слѣдующее: *сія убо послана бывша отъ Духа, снидоста въ Селевкію, оттуду же отплыша въ Кипръ* (ст. 4). Но обратимся къ вышесказанному. *Бывшу же дню*, говоритъ, *бѣ молва не мала* изъ-за Петра, *и истязавъ стражы, повелѣ отвести*. Онъ такъ былъ безчувственъ, что даже рѣшился наказать несправедливо. Вотъ я скажу въ ихъ защиту. Узы были; стражи находились внутри; темница была заперта; стѣна нигдѣ не подкопана;
206 всѣ согласно говорили одно и тоже; узникъ не былъ похищенъ: за что же ты осуждаешь ихъ? Если бы они хотѣли выпустить его, то или выпустили бы прежде, или ушли бы вмѣстѣ съ нимъ. Они быть можетъ взяли деньги? Но какъ могъ дать имъ тотъ, кто былъ не въ состояніи дать нищему? Цѣпи не были ни разорваны, ни развязаны. Можно было видѣть, что это дѣло Божіе, а не человѣческое. Затѣмъ, повѣствуя объ историческомъ событіи, (писатель) приводитъ и имена, чтобы видно было, что

обо всемъ онъ говоритъ правду. *И умоливше Власта,* говоритъ, *постельника царева, прошаху мира.* Дѣлаютъ это потому, что былъ голодъ. *Въ нареченный же день,* говоритъ, *Иродъ сѣдъ на судище предъ народомъ, глаголаше. Внезапу же порази его ангелъ Господень, и бывъ червми изъяденъ, издше.*

2. Также и Іосифъ (Флавій) говоритъ, что онъ впалъ въ продолжительную болѣзнь [1]). Народъ не зналъ этого, но апостолъ повѣствуетъ объ этомъ. Впрочемъ и самое незнаніе было полезно, потому что случившееся съ Иродомъ приписывали ему за убіеніе апостола и умерщвленіе воиновъ. Смотри: когда онъ убилъ апостола, то ничего такого не дѣлалъ, и когда этихъ (умертвилъ), то ничего не говорилъ. Такимъ образомъ, какъ бы недоумѣвая и стыдясь, онъ отправился изъ Іудеи въ Кесарію. Мнѣ кажется, что онъ, желая привлечь тѣхъ (тирянъ и сидонянъ), прибылъ защищать этихъ (іудеевъ): онъ гнѣвался на тѣхъ, тогда какъ этимъ столько угождалъ. Смотри, какъ этотъ человѣкъ былъ тщеславенъ. Намѣреваясь даровать имъ (миръ), онъ говорилъ рѣчь. Іосифъ же повѣствуетъ, что онъ былъ одѣтъ въ блестящую одежду, истканную изъ серебра. Смотри, какъ и тѣ были льстивы, и какъ мудры апостолы. Кому угождалъ весь народъ, того они ставили ни во что. Но теперь они получили великое облегченіе, и множество благъ произошло отъ его наказанія. Если же онъ подвергся такому наказанію, когда выслушалъ слова: *гласъ Божій, а не человѣчь,* хотя самъ ничего такого не говорилъ, то тѣмъ болѣе Христосъ, если бы Онъ не былъ Богомъ, (подвергся бы) за то, что Онъ постоянно говорилъ: *глаголы, яже азъ глаголю, о себѣ не глаголю* (Іоан. XIV, 10), и еще: *слуги мои убо подвизалися быша* (Іоан. XVIII, 36), и тому подобное. Между тѣмъ тотъ постыднымъ и жалкимъ образомъ окончилъ жизнь, и уже нѣтъ его. И замѣть, что его склоняетъ къ миру Власть: такъ легко этотъ жалкій человѣкъ предавался гнѣву и опять успокоивался, будучи всегда рабомъ народа и не имѣя въ себѣ ничего самостоятельнаго! Замѣть и власть Святого Духа. *Служащымъ же имъ,* говоритъ (писатель), *и постящымся, рече Духъ Святый: отдѣлите ми Варнаву и Савла.* Кто бы осмѣлился, не имѣя на то власти, сказать это? А дѣлается это для того, чтобы они не оставались вмѣстѣ. Онъ зналъ, что они имѣютъ великія совершенства и могутъ быть полезными многимъ. Какъ же Онъ сказалъ имъ? Вѣроятно, чрезъ пророковъ. Потому-то (писатель) предварительно и замѣтилъ, что тамъ были пророки и пребывали въ постѣ и служеніи, чтобы ты уразумѣлъ, что нужна была великая бди-

---

[1]) Іуд. древ. кн. 19. гл. 8.

тельность. Рукополагается (Павелъ) въ Антіохіи, гдѣ и проповѣдывалъ. Почему же (Духъ) не сказалъ: отдѣлите Господу, но: *ми?* Этимъ Онъ показываетъ, что у Него единая (съ Богомъ) власть и сила.

Видишь ли, насколько великое дѣло—постъ? Замѣчено, что Духъ совершалъ все; но великое благо—и постъ. Онъ не ограничивается предѣломъ (времени); когда нужно было рукополагать, тогда они постятся: *и постящымся имъ, рече Духъ.* Постъ же состоитъ не только въ воздержаніи отъ пищи, но и воздержаніе отъ сластолюбія есть видъ поста. Это-то въ особенности я заповѣдаю: воздерживайтесь не отъ пищи, а отъ сластолюбія. Пища
207 намъ нужна, а не растлѣніе; пища намъ нужна, а не причина болѣзней, болѣзней и душевныхъ и тѣлесныхъ: пища намъ нужна, доставляющая сладость, а не сластолюбіе, исполненное горечи; то полезно, а это вредно; то пріятно, а это непріятно; то естественно, а это противуестественно. Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь далъ тебѣ напиться яду, не было ли бы это противуестественно? Если бы кто (подалъ) дрова и камни, развѣ не отвратился бы ты? Конечно,—потому что это противуестественно. Таково и сластолюбіе. Какъ въ осажденномъ городѣ бываетъ великое безпокойство и смятеніе, когда вторгаются въ него непріятели, такъ бываетъ и въ душѣ, когда нападаетъ на нее пьянство и сластолюбіе. *Кому горе, кому молва, кому горести и свары, кому судове? Не пребывающымъ ли въ винѣ? Кому сини очи* (Прит. XXIII, 29, 30)? Но, что бы мы ни говорили, мы не удержимъ людей, преданныхъ сластолюбію, если не возстанемъ противъ другой страсти. И вопервыхъ, къ женамъ обращу мое слово. Нѣтъ ничего срамнѣе жены сластолюбивой, нѣтъ ничего отвратительнѣе жены, преданной пьянству; цвѣтъ лица ея увядаетъ, ясность и кротость глазъ помрачаются, какъ бы отъ какого облака, закрывающаго лучи солнечные. Это—дѣло, свойственное не свободному человѣку, но рабу, и крайне неблагородное. Какъ непріятна жена, дышащая зловоннымъ и испортившимся виномъ, отрыгающая испаренія гнилого мяса, отягченная такъ, что не можетъ встать, раскраснѣвшаяся больше надлежащаго, безпрестанно зѣвающая и дремлющая! Не такова жена, воздерживающаяся отъ сластолюбія: она почтенна, цѣломудренна и благообразна, такъ какъ доброе расположеніе души придаетъ много красоты и тѣлу. Не думай, что красота зависитъ только отъ тѣлеснаго благообразія. Представь дѣвицу благообразную, но нескромную, болтливую, сварливую, склонную къ пьянству и расточительности: не безобразнѣе ли она всякой некрасивой? Если же она будетъ скромна, молчалива и стыдлива, если привыкнетъ говорить благоприлично и соблю-

дать постъ, то красота ея сугуба, благообразіе больше, лице привлекательнѣе, исполнено цѣломудрія и прелести. Хочешь ли, я скажу теперь и о мужахъ? Что отвратительнѣе пьянаго? Онъ смѣшонъ для рабовъ, смѣшонъ для враговъ, жалокъ для друзей, достоинъ всякаго осужденія, болѣе звѣрь, нежели человѣкъ, такъ какъ пресыщаться свойственно тигру, льву или медвѣдю. Имъ это свойственно, потому что они не имѣютъ разумной души. Впрочемъ и они, когда насыщаются больше надлежащаго и больше мѣры, назначенной имъ природою, то разстроиваютъ все свое тѣло: не тѣмъ ли болѣе мы? Для того-то Богъ далъ намъ небольшой желудокъ, для того назначилъ намъ малую мѣру пищи, чтобы научить насъ заботиться о душѣ.

3. Посмотримъ на самое устройство нашего тѣла, и мы увидимъ, что одна только малая часть у насъ имѣетъ такое назначеніе (для питанія). Уста наши и языкъ назначены для пѣснопѣній, гортань для издаванія голоса. Потому естественная необходимость заставляетъ насъ невольно воздерживаться отъ пресыщенія. Если бы сластолюбіе не сопровождалось непріятностями, недугами и болѣзнями, то оно не было бы противно; но теперь отъ природы тебѣ назначены предѣлы, чтобы ты не могъ, хотя бы и желалъ, преступить ихъ. Не наслажденій ли ищешь ты, возлюбленный? Найдешь ихъ въ жизни воздержной. Не здравія ли? И это здѣсь. Не спокойствія ли? И это здѣсь. Не свободы ли? Не крѣпости ли и стройности тѣла? Не бодрости ли и дѣятельности души? Всѣ эти блага здѣсь; а въ томъ (пресы- 208
щеніи) напротивъ, непріятность, нездоровье, болѣзнь, стѣсненіе, излишнія издержки. Почему же, скажутъ, всѣ мы предаемся ему? По болѣзни. Скажи мнѣ: почему больной желаетъ того, что вредно? Это самое не есть ли признакъ болѣзни? Почему хромой не ходитъ прямо? А все это отъ нерадѣнія и отъ того, что не хотятъ придти къ врачу. Изъ вещей однѣ доставляютъ временное удовольствіе, и вѣчное мученіе; другіе напротивъ— временное страданіе, и вѣчное блаженство. Потому кто такъ сластолюбивъ и безпеченъ, что не презираетъ настоящихъ удовольствій для достиженія будущихъ, тотъ скоро обманывается. Скажи мнѣ: почему обманулся Исавъ, почему онъ предпочелъ настоящее удовольствіе будущей чести? По сластолюбію и невоздержанію (Быт. XXV, 34). А это самое, скажутъ, откуда происходитъ? Отъ насъ самихъ, какъ видно изъ слѣдующаго: когда мы захотимъ, то сдерживаемъ себя и бываемъ терпѣливы; если встрѣтится какая-нибудь нужда, а часто даже только изъ соревнованія, мы избираемъ полезное.

Итакъ, когда будетъ возбуждаться сластолюбіе, то представь

кратковременность этого удовольствія, вредъ,—а поистинѣ вредно дѣлать такія издержки къ собственной погибели,—недуги, болѣзни, и отвергни сластолюбіе. Хочешь ли, я перечислю тебѣ, сколь многіе тяжко пострадали отъ сластолюбія? Ной *упися и обнажися*, и, вспомни, сколько зла произошло отъ того (Быт. IX, 21—29). Исавъ по невоздержанію продалъ свое первенство и рѣшался на братоубійство (Быт. XXV, 31—34). Израильтяне *сѣдоша ясти и пити, и восташа играти* (Исход. XXXII, 6). Потому и сказано имъ: *ядый и насытився, не забудеши Господа Бога твоего* (Втор. VI, 12). Предавшіеся сластолюбію стоятъ на скользкомъ пути. *Вдовица*, говоритъ (Писаніе), *питающаяся пространно, жива умерла* (1 Тим. V, 6); и еще: *уты, утолстѣ, и отвержеся возлюбленный* (Втор. XXXII, 15); также апостолъ говоритъ: *плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. XIII, 14). Я уже не предписываю поста,—этого никто не сталъ бы слушать,—но запрещаю невоздержаніе, возбраняю сластолюбіе, для вашей же пользы. Сластолюбіе, подобно бурному потоку, истребляетъ все; его не удерживаетъ никакое препятствіе; оно отлучаетъ отъ царствія. Что еще? Ты желаешь наслажденій? Подай бѣднымъ, призови Христа (въ лицѣ ихъ), и будешь наслаждаться даже по окончаніи трапезы. Теперь ты не можешь этого по тому самому, что настоящія блага не постоянны: а тогда сможешь. Ты желаешь наслажденій? Питай свою душу, предложи ей пищу, какая ей свойственна, не томи ее голодомъ. Теперь время борьбы, время подвиговъ: а ты сидишь и пресыщаешься? Развѣ не знаешь, что и сами скиптроносцы въ походахъ во время войны живутъ скудно? *Нѣсть наша брань къ крови и плоти* (Ефес. VI, 12), а ты утучняешь себя, приготовляясь на брань? *Супостатъ* стоитъ, скрежеща своими зубами (1 Петр. V, 8), а ты предаешься нѣгѣ и занимаешься трапезою? Знаю, что я говорю это напрасно, но не для всѣхъ. *Имѣяй уши слышати, да слышитъ* (Лук. VIII, 8). Христосъ истощается отъ голода, а ты расторгаешься отъ пресыщенія: сугубая неумѣренность! И какого зла не производитъ сластолюбіе? Оно заключаетъ противорѣчіе въ самомъ себѣ; не знаю даже, почему оно получило такое названіе; развѣ подобно тому, какъ слава (земная), которая есть безчестіе, и богатство (земное), которое есть бѣдность, получили свои названія, такъ и сластолюбіе, хотя оно само въ себѣ есть горечь. Не готовимся ли мы заклаться въ жертву, что такъ утучняемъ себя? Для чего ты приготовляешь червямъ роскошную трапезу? Для чего увеличиваешь количество жира? Для чего умножаешь источники пота и зловонія? Для чего дѣлаешь себя негоднымъ ни къ чему? Хочешь ли, чтобы глазъ твой былъ исправенъ? Сдѣлай все тѣло благоустроеннымъ. Изъ струнъ та,

которая жирна и не очищена, бываетъ неспособна издавать 209
пріятные звуки, а которая совершенно очищена, та бываетъ стройна и благозвучна. Для чего зарываешь душу? Для чего ограду ея дѣлаешь толще? Для чего (наводишь на нее) великій дымъ и облако, когда испаренія, какъ бы какая мгла, поднимаются отвсюду? Если не кто другой, то пусть по крайней мѣрѣ борцы научатъ тебя, что тѣло менѣе тучное бываетъ болѣе сильнымъ. Такъ и любомудрая душа бываетъ благоустроеннѣе, подобно тому, какъ бываетъ съ возницею и конемъ. Надобно видѣть, какъ неудобоподвижны люди, преданные сластолюбію и утучнившіе свое тѣло, подобно тому, какъ неподвижны тучные кони, причиняющіе возницѣ такъ много хлопотъ. Тотъ, у кого конь послушный и быстрый, легко можетъ получить побѣдную награду; а когда возница принужденъ тащить его, безпрестанно 210
падающаго, и не можетъ даже ударами поднять его, то хотя бы онъ былъ человѣкъ весьма опытный, не одержитъ побѣды. Не будемъ же нерадѣть о душѣ своей, подавляемой тѣломъ, но содѣлаемъ взоръ ея болѣе свѣтлымъ, крылья ея—болѣе легкими, узы—болѣе сносными; будемъ питать ее бесѣдами, при воздержной жизни, такъ чтобы тѣло было только здраво и крѣпко, чтобы она радовалась и не скорбѣла, чтобы, такимъ образомъ благоустроивъ себя, мы могли достигнуть высшей степени добродѣтели и сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVIII.

Сія убо послана бывша отъ Духа Свята, снидоста въ 209
Селевкію, оттуду же отплыша въ Кипръ. И бывше въ Саламинѣ, возвѣщаста слово Божіе въ сонмищахъ Іудейскихъ: имѣста же и Іоанна слугу (Дѣян. XIII, 4, 5).

1. Принявъ вмѣстѣ рукоположеніе, (Варнава и Павелъ) вышли (изъ Антіохіи) и отплыли въ Кипръ, гдѣ не было гоненія и слово (Божіе) уже было посѣяно. Въ Антіохіи находилось довольно (учителей), и Финикія была не далеко отъ Палестины, Кипръ же далеко. Впрочемъ, не спрашивай, почему (они отплыли туда), когда они были движимы Духомъ; вѣдь они не только рукоположены, но и посланы были Духомъ. *И бывше въ Саламинѣ, возвѣщаста слово Божіе въ сонмищахъ Іудейскихъ.* Видишь ли, какъ они всячески стараются возвѣщать слово напередъ

іудеямъ, чтобы не возбудить ихъ негодованія? Какъ тѣ не проповѣдывали никому, *токмо Іудеемъ* (Дѣян. xi, 19), такъ и эти входили въ синагоги. *Прошедша же островъ даже до Пафа, обрѣтоста нѣкоего мужа волхва лжепророка Іудеанина, ему же имя Варіисусъ, иже бѣ со анѳипатомъ Сергіемъ Павломъ, мужемъ разумнымъ: сей призвавъ Варнаву и Савла, взыска услышати слово Божіе. Сопротивляшеся же има Елима волхвъ (тако бо сказуется имя его), ищай развратити анѳипата отъ вѣры* (ст. 6—8). Опять волхвъ, іудеянинъ, подобно Симону. И смотри: когда они проповѣдывали другимъ, то онъ не слишкомъ безпокоился; но когда пришли къ проконсулу, тогда онъ (возсталъ). Въ проконсулѣ же достойно удивленія то, что онъ, хотя и былъ подъ вліяніемъ магіи того (волхва), однако захотѣлъ слушать апостоловъ. Такъ поступили и самаряне: а изъ сравненія является побѣда, такъ какъ магія одолѣвается. Вездѣ тщеславіе и властолюбіе бываютъ причиною золъ. *Савлъ же, иже и Павелъ, исполнися Духа Свята, и воззрѣвъ нань, рече: о исполненне всякія лести и всякія злобы, сыне діаволь, враже всякія правды, не престанеши ли развращая пути Господни правыя? И нынѣ се рука Господня на тя, и будеши слѣпъ, не видя солнца до времене* (ст. 9—11). Здѣсь съ рукоположеніемъ перемѣняется его имя; тоже было и съ Петромъ. И смотри: дѣйствіе (Павла) есть не обида, но пораженіе; такъ и слѣдуетъ поражать дерзкихъ и безстыдныхъ. *О исполненне всякія лести*, говоритъ, *и всякія злобы, сыне діаволь, враже всякія правды.* Здѣсь онъ откры-
210 ваетъ то, что было въ мысляхъ (волхва), подъ видомъ спасенія губившаго проконсула. *Не престанеши ли*, говоритъ, *развращая пути Господни?* Конечно, говоритъ, ты не съ нами ведешь войну и брань, но развращаешь пути Господни *правые*, и—съ похвалою. *И нынѣ се рука Господня на тя, и будеши слѣпъ.* Посредствомъ того же знаменія, какимъ самъ былъ обращенъ, захотѣлъ обратить и его. Выраженіе: *до времене* было словомъ не наказывающаго, а обращающаго, потому что если бы оно было (словомъ) наказывающаго, то онъ сдѣлалъ бы его слѣпымъ навсегда; теперь же не такъ, а *до времене,* чтобы пріобрѣсть и проконсула. *Внезапу же нападе нань мракъ и тма, и осязая искаше вождей. Тогда видя анѳипатъ бывшее, вѣрова, дивяся о ученіи Господни* (ст. 11, 12). И справедливо, потому что находившагося подъ вліяніемъ магіи такое наказаніе должно было вразумить. Такъ и египетскіе волхвы нѣкогда были вразумлены скнипами (Исх. viii, 16—19). И смотри: они не медлятъ здѣсь, послѣ того, какъ проконсулъ увѣровалъ, и не бездѣйствуютъ, и не разнѣживаются отъ лести и чести, но тотчасъ же принимаются за дѣло и отправляются въ страну, лежащую по ту сторону (моря). *Отвезшеся же отъ Кипра сущіи*

съ Павломъ, пріидоша въ Пергію Памфилійскую: Іоаннъ же отлучився отъ нихъ, возвратися во Іерусалимъ. Они же прошедше отъ Пергіи, пріидоша во Антіохію Писидійскую и вшедше въ сонмище въ день субботный, сѣдоша (ст. 13, 14). Опять они входили въ синагоги по обычаю іудеевъ, чтобы не подвергнуться нападенію и изгнанію; такъ они и все дѣлали. *По чтеніи же закона и пророкъ, послаша начальницы сонмища къ нимъ, глаголюще: мужіе братіе, аще есть слово въ васъ утѣшенія къ людемъ, глаголите* (ст. 15). Здѣсь мы узнаемъ о томъ, что касается Павла, узнавъ не мало о Петрѣ изъ сказаннаго прежде. Но разсмотримъ вышесказанное. *И бывше*, говоритъ (писатель), *съ Саламинѣ, возвѣщаста слово Божіе*—въ главномъ городѣ Кипра. Они провели годъ въ Антіохіи; надлежало выйти оттуда, а не оставаться тамъ навсегда; (вѣрующіе) имѣли нужду въ большихъ учителяхъ. Смотри, какъ и въ Селевкіи они не медлятъ, зная, что (ея жители) могли получать великую пользу отъ сосѣдняго города, но спѣшатъ и оттуда на дѣла нужнѣйшія. Пришедши въ главный городъ острова, они спѣшатъ обратить проконсула. А что не изъ лести сказано: *бѣ со анѳипатомъ, мужемъ разумнымъ,* можешь усмотрѣть изъ самаго дѣла, какъ онъ не нуждался во многихъ убѣжденіяхъ, но самъ хотѣлъ слышать ихъ. Имена городовъ перечисляетъ (писатель), 211
чтобы показать, что такъ какъ они недавно приняли слово (Божіе), то надлежало утвердить ихъ, чтобъ они оставались въ вѣрѣ; потому-то (апостолы) часто посѣщали ихъ. Смотри: (Павелъ) ничего не говорилъ волхву, пока тотъ не подалъ повода; но они возвѣщали только слово Господне. А тотъ, видя другихъ внимающихъ (Павлу), заботился только о томъ, чтобы (проконсулъ) не увѣровалъ. И почему (Павелъ) не сотворилъ другого знаменія? Потому что всего лучше было—уловить врага.

2. И смотри, онъ прежде обличаетъ, а потомъ поражаетъ. Что тотъ справедливо пострадалъ, это онъ означаетъ словами: *о исполненне всякія льсти*, т. е. не имѣющій ничего свободнаго отъ обмана. И хорошо сказалъ: *всякія льсти,*—потому что тотъ лицемѣрилъ. *Сыне діаволь,*—потому что совершалъ его дѣло. *Враже всякія правды,*—потому что здѣсь поистинѣ была всякая правда. Мнѣ кажется, что этими словами онъ обличаетъ и его жизнь. А чтобы показать, что это сказано не по гнѣву, для этого (писатель) предварительно замѣтилъ: *исполнився Духа Свята*, т. е. силы (Его). *И нынѣ се рука Господня на тя.* Это было не наказаніе, но врачество. Онъ какъ бы такъ сказалъ: не я дѣйствую, но рука Божія. Видишь, какъ онъ чуждъ гордости. *Будеши слѣпъ, не видя солнца до времене.* Говоритъ это, чтобы дать ему время для покаянія. Они (апостолы) никогда не хотѣли являться слишкомъ

строгими, хотя бы это было бы и въ отношеніи къ врагамъ. Въ отношеніи къ своимъ это было сообразно, а въ отношеніи къ чужимъ—нѣтъ, чтобы (извѣстное) дѣло не показалось слѣдствіемъ принужденія и страха. Признакъ слѣпоты—исканіе вожатаго. Затѣмъ проконсулъ видитъ слѣпоту и тотчасъ вѣруетъ, и не просто, но *дивяся*,—онъ увидѣлъ, что здѣсь не слова и не обманъ. Смотри, какую питалъ онъ любовь къ ученію, имѣя такую власть. Не сказалъ (Павелъ) волхву: *не пристанеши ли развращая Анѳипата*, но—*пути Господни*, что гораздо важнѣе, чтобы не показаться льстецомъ. Почему же Іоаннъ отстаетъ отъ нихъ? *Іоаннъ же*, говоритъ (писатель), *отлучився отъ нихъ, возвратися въ Іерусалимъ*. Потому что они отправлялись въ дальнѣйшій путь,—и хотя онъ былъ ихъ слугою, но они сами взяли на себя этотъ трудъ. Посѣтивъ опять Пергію, они проходятъ мимо другихъ городовъ, потому что спѣшили въ главный городъ—Антіохію. И смотри, какъ кратко повѣствуетъ писатель. Сидѣли, говоритъ, въ сонмищѣ и въ день субботный, чтобы приготовить путь слову. Они говорятъ не прежде другихъ, но будучи вызваны, когда ихъ, какъ гостей, пригласили къ тому. Если бы они не находились тамъ, то не было бы и слова. Здѣсь Павелъ проповѣдуетъ первый. И посмотри на мудрость его: онъ проходитъ мимо тѣхъ мѣстъ, гдѣ уже было посѣяно слово (Божіе); а гдѣ еще не былъ никто (изъ проповѣдниковъ), тамъ останавливается, какъ и самъ онъ пишетъ: *сице же потщахся благовѣстити, не идѣже именовася Христосъ* (Рим. XV, 20). И это было свойствомъ его великаго мужества. Подлинно, съ самаго начала онъ былъ мужъ удивительный; распявшись (для міра, Гал. VI, 14), вооружившись (духовно), онъ зналъ, какая была въ немъ благодать; соразмѣрную тому оказывалъ и ревность. Онъ не разгнѣвался на Іоанна,—это не было ему свойственно,—но принялся за дѣло; не убоялся, не устрашился, подвергаясь опасностямъ среди народа. Смотри, какъ хорошо устрояется, что Павелъ не проповѣдуетъ въ Іерусалимѣ; (тамъ) довольно было только слышать, что онъ увѣровалъ, а проповѣди его не стали бы слушать по ненависти къ нему; потому онъ и отправляется
212 далеко, гдѣ не знали его. Во-первыхъ, онъ обличаетъ волхва, каковъ тотъ былъ; а что онъ дѣйствительно былъ таковъ, доказало знаменіе. Оно было знакомъ его душевной слѣпоты; онъ страдаетъ до времени для того, чтобы покаялся. Хорошо они вошли въ синагогу въ субботу, когда всѣ были собраны. *По чтеніи же закона и пророкъ*, говоритъ (писатель), *послаша началницы сонмища къ нимъ, глаголюще: мужіе братіе, аще есть слово въ васъ утѣшенія къ людемъ, глаголите*. Смотри: тогда они сдѣлали это безъ зависти, а послѣ не такъ. Если вы сами хотѣли этого, то тѣмъ болѣе

надлежало увѣщевать. Но, о, властолюбіе! О, тщеславіе! Какъ оно низвращаетъ и губитъ все! Оно побуждаетъ возставать противъ спасенія своего и другихъ. Оно уродуетъ и ослѣпляетъ, такъ что приходится искать вожатыхъ. И, о, если бы такъ, если бы они искали вожатыхъ! Но даже и этого не хотятъ дѣлать, полагаясь во всемъ на самихъ себя. Оно не даетъ имъ видѣть ничего; окружаетъ ихъ, какъ бы какая мгла и мракъ, не позволяя прозрѣть.

Какое будемъ имѣть оправданіе мы, которые побѣждаемъ страсть страстію, а не страхомъ Божіимъ? Напримѣръ, многіе, будучи сластолюбивы и сребролюбивы, обуздывали сластолюбіе изъ-за сбереженія денегъ; другіе, напротивъ, для удовольствій пренебрегали деньгами; иные, увлекаясь тщеславіемъ, презрѣли и то и другое, издерживая деньги безпощадно и соблюдая цѣломудріе всуе; а иные, будучи крайне тщеславны, пренебрегли этой страстью, совершивъ много постыднаго, какъ изъ-за плотскихъ удовольствій, такъ и изъ-за денегъ; еще иные, чтобы удовлетворить своему гнѣву, рѣшаются на безчисленныя издержки и не заботятся ни о чемъ, кромѣ того, чтобы только сдѣлать по своему желанію. Такъ, что можетъ сдѣлать страсть, того у насъ не дѣлаетъ страхъ Божій. И что я говорю: страсть? Что можетъ сдѣлать стыдъ человѣческій, того не дѣлаетъ страхъ Божій. Много хорошаго мы дѣлаемъ, много и грѣшимъ, стыдясь людей, а Бога не боимся. Какъ многіе расточили свое имущество изъ стыда! Какъ многіе тщетно домогались почестей, услуживая друзьямъ своимъ во злѣ! Какъ многіе и какъ много согрѣшили въ угодность дружбѣ!

3. Итакъ, если страсть и стыдъ предъ людьми могутъ побуждать насъ и ко грѣхамъ и къ дѣламъ добрымъ, то мы напрасно говоримъ, что не можемъ (обуздывать страсти); мы можемъ, если пожелаемъ; а желать должны всѣ. Скажи мнѣ, почему ты не можешь преодолѣть тщеславія, когда другіе преодолѣваютъ, имѣя такую же душу, такое же тѣло, такой же внѣшній видъ, живя такою же жизнію? Помысли о Богѣ, помысли о высшей славѣ, противопоставь ей настоящее, и ты скоро отстанешь отъ него (тщеславія). Если ты непремѣнно желаешь славы, то ищи славы истинной. Какая это слава, если она приноситъ безчестіе? Какая это слава, если она заставляетъ искать чести отъ низшихъ и имѣетъ въ ней нужду? Честь состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться славою отъ высшихъ. Если ты непремѣнно желаешь славы, то ищи лучше славы отъ Бога. Возлюбивъ эту, ты будешь пренебрегать тою, увидишь, какъ она безчестна; а пока не узнаешь этой, дотолѣ не увидишь, какъ та постыдна, какъ смѣшна. Подобно тому, какъ тѣ, которые плѣнились какою-

нибудь женою злою, безобразною и безстыдною, пока питають къ ней любовь, не могутъ видѣть ея безобразія, потому что страсть помрачаетъ разсудокъ, такъ и здѣсь, пока обладаетъ нами эта
213 страсть, мы не можемъ видѣть, каково это зло. Но какимъ же образомъ, скажешь, мы можемъ освободиться отъ нея? Вспомни о тѣхъ, которые расточили множество имущества и не получили отъ того никакой пользы; вспомни объ умершихъ, какой они наслаждались славой, и она оказалась непрочною, исчезла и разсѣялась; пойми, что она есть одно только имя и не имѣетъ въ себѣ ничего существеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что такое слава? Сдѣлай какое-нибудь опредѣленіе. Быть для всѣхъ, скажешь, предметомъ удивленія? По праву или не по праву? Если не по праву, то это будетъ не удивленіе, а порицаніе, лесть, клевета. Если по праву, то это невозможно, потому что народъ не имѣетъ правильныхъ сужденій, а удивляется тѣмъ, которые угождаютъ его желаніямъ. Если угодно, посмотрите на тѣхъ, которые дарятъ свое имущество блудницамъ, наѣздникамъ и плясунамъ. Но, скажешь, мы не о нихъ говоримъ, а о честныхъ, справедливыхъ, могущихъ дѣлать много добраго. Точно, если бы захотѣли, то скоро дѣлали бы много добраго; но нынѣ ничего такого не дѣлаютъ. Кто нынѣ, скажи мнѣ, хвалитъ честнаго и справедливаго? Противное тому (дѣлается). И что отвратительнѣе такого праведника, если онъ, совершая какое-нибудь доброе дѣло, ожидаетъ славы отъ толпы? Онъ дѣлаетъ тоже, какъ если бы какой-нибудь отличный живописецъ, рисуя портретъ царя,
214 ожидалъ похвалъ отъ неопытныхъ. Съ другой стороны, кто домогается славы отъ людей, тотъ скоро оставитъ дѣла добродѣтельныя. Кто ожидаетъ похвалъ, тотъ дѣлаетъ то, чего желаютъ другіе, а не то, чего онъ самъ. Что же дѣлать я совѣтывалъ бы вамъ? Внимать Богу, довольствоваться похвалами отъ Него, дѣлать все благоугодное Ему, и совершать добрыя дѣла, не прилѣпляться ни къ чему человѣческому. Это (пристрастіе къ земной славѣ) вредитъ и посту и молитвѣ и милостынѣ, и дѣлаетъ тщетными всѣ наши добрыя дѣла. Потому, чтобы не потерпѣть этого, будемъ убѣгать этой страсти; будемъ имѣть въ виду только одно,—похвалу отъ Бога, одобреніе отъ Него, прославленіе отъ нашего общаго Владыки, чтобы, проживъ добродѣтельно настоящую жизнь, намъ сподобиться обѣтованныхъ благъ, съ любящими Его, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIX.

Воставъ же Павелъ, и помаавъ рукою, рече: мужіе 213
Исраилтяне, и иже въ васъ боящіися Бога, услышите.
Богъ людей сихъ избра отцы наши, и люди вознесе въ
пришелствіи ихъ въ земли Египетстѣй, и мышцею высокою изведе ихъ изъ нея (Дѣян. xiii, 16, 17).

1. Смотри, Варнава предоставляетъ (говорить) Павлу, подобно какъ Іоаннъ всегда—Петру. Онъ привелъ его изъ Дамаска, хотя тотъ былъ славнѣе его. Но они имѣли въ виду общую пользу. *Воставъ же*, говоритъ (писатель), *и помаавъ рукою.* Таковъ былъ обычай у іудеевъ; потому и онъ такъ же обращается къ нимъ съ рѣчью. Смотри, какое онъ дѣлаетъ вступленіе къ слову: напередъ похваливъ ихъ и показавъ великое промышленіе о нихъ (Божіе) словами: *боящіися Бога*, потомъ и начинаетъ рѣчь. Не сказалъ: *пришельцы*, потому что это названіе указываетъ на бѣдствія. *Богъ людей сихъ избра отцы наши, и люди.* Смотри, какъ и онъ, подобно Стефану, общаго людей Бога называетъ собственно ихъ Богомъ и изображаетъ древнія великія благодѣянія Его. Они дѣлаютъ это для того, чтобы научить ихъ, что и нынѣ (Богъ) по тому же благоволенію послалъ Сына Своего. Какъ и Христосъ сказалъ о виноградникѣ (Лук. xx, 13), такъ говоритъ и онъ. *Вознесе въ пришелствіи въ земли Египетстѣй, и мышцею высокою изведе ихъ изъ нея.* Было и противное; но они умножились; для нихъ совершались чудеса. Объ этихъ (чудесахъ), бывшихъ въ Египтѣ, и пророки всегда вспоминаютъ. И смотри, какъ онъ проходитъ молчаніемъ времена бѣдствій и нигдѣ не поставляетъ на видъ преступленій, но человѣколюбіе Божіе, предоставляя о томъ помыслить имъ самимъ. *И до четыредесяти лѣтъ препита ихъ въ пустыни* (ст. 18). Потомъ говоритъ о поселеніи ихъ. *И низложивъ языкъ седмь въ земли Ханаанстѣй, даде имъ наслѣдіе землю ихъ* (ст. 19). Затѣмъ (прошло) много времени,—четыреста 214
пятьдесятъ лѣтъ. *И по сихъ, яко лѣтъ четыреста и пятьдесятъ, даде имъ судіи до Самуила пророка* (ст. 20). Здѣсь онъ показалъ, что (Богъ) различнымъ образомъ промышлялъ о нихъ. *И оттуду просиша царя* (ст. 21). Не говоритъ о неблагодарности ихъ, но вездѣ о человѣколюбіи Божіемъ. *И даде имъ Саула, сына Кисова, мужа отъ колѣна Веніаминова, лѣтъ четыредесять. И преставль его, воздвиже имъ Давида въ царя, ему же и рече свидѣтельствовавъ: обрѣтохъ Давида сына Іессеова, мужа по сердцу моему, иже сотворитъ вся хотѣнія моя* (ст. 21, 22). Не маловажно то, что Христосъ происходитъ отъ Давида. Потомъ приводитъ и свидѣтельство

Іоанна въ слѣдующихъ словахъ: *отъ сего сѣмене Богъ по обѣтованію воздвиже Исраилю* Спасителя *(Іисуса), проповѣдавшу Іоанну предъ лицемъ внитія его крещеніе покаянія всѣмъ людемъ Исраилевымъ. И якоже скончаваше Іоаннъ теченіе, глаголаше: кого мя непщуете быти? Нѣсмь азъ, но се грядетъ по мнѣ, емуже нѣсмь достоинъ разрѣшити ремень ногъ* (ст. 23—25). Іоаннъ свидѣтельствуетъ не просто, но отстраняя отъ себя честь, хотя ее всѣ воздавали ему. А не одно и тоже—отказываться отъ чести, когда никто не предлагаетъ, или — когда многіе воздаютъ ее, и притомъ не просто, но съ такимъ уничиженіемъ. *Мужіе братіе, сынове рода Авраамля, и иже въ васъ боящіися Бога, вамъ слово спасенія сего послася. Живущіи бо во Іерусалимѣ, и князи ихъ, сего не разумѣвше, и гласы пророческія по вся субботы чтомыя, осудивше, исполниша: и ни единыя вины смертныя обрѣтше, просиша у Пилата убити его* (ст. 26—28). Вездѣ (апостолы) стараются показать, что это служитъ къ собственному благу ихъ (іудеевъ), чтобы они, слушая о томъ, какъ бы о чуждомъ, не удалялись по той причинѣ, что они же распяли Его. *Сего,* говоритъ, *не разумѣвше;* итакъ, это былъ грѣхъ невѣдѣнія. Смотри, какъ онъ слегка оправдываетъ ихъ; и не только это (говоритъ),
215 но прибавляетъ еще, что такъ и надлежало быть. А чтобы кто-нибудь не сказалъ: откуда извѣстно, что (Христосъ) воскресъ?— онъ говоритъ: *и свидѣтеліе его суть* (ст. 31). Потомъ опять приводитъ свидѣтельства изъ Писаній: *якоже скончаша вся, яже о немъ писана, снемше съ древа, положиша во гробѣ. Богъ же воскреси его отъ мертвыхъ. Иже являшеся во дни многи совозшедшимъ съ нимъ отъ Галилеи во Іерусалимъ, иже нынѣ суть свидѣтеліе его къ людемъ. И мы вамъ благовѣствуемъ обѣтованіе бывшее ко отцемъ, яко сіе Богъ исполнилъ есть намъ чадомъ ихъ, воздвигъ Іисуса: якоже и во псалмѣ второмъ писано есть: Сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя. А якоже воскреси его отъ мертвыхъ, не ктому хотяща его возвратитися во истлѣніе, сице рече: яко дамъ вамъ преподобная Давидова вѣрная. Тѣмже и въ другомъ глаголетъ: не даси преподобному твоему видѣти истлѣнія. Давидъ бо своему роду послуживъ Божіимъ совѣтомъ, успе, и приложися ко отцемъ своимъ, и видѣ истлѣніе: а его же Богъ воздвиже, не видѣ истлѣнія* (ст. 29—37). Смотри, съ какою силою говоритъ онъ; этого Петръ никогда не говорилъ. *Вѣдомо убо да будетъ вамъ, мужіе братіе, яко его ради вамъ оставленіе грѣховъ проповѣдается: и отъ всѣхъ, отъ нихже не возмогосте въ законѣ Моисеовѣ оправдитися, о семъ всякъ вѣруяй оправдается* (ст. 38, 39). Потомъ (присовокупляетъ) и грозныя слова: *блюдите убо, да не пріидетъ на васъ реченное во пророцѣхъ: видите нерадивіи и узрите, и чудитеся и исчезните: яко дѣло азъ*

содѣлаю во дни ваша, ему же не имате вѣровати, аще кто повѣсть вамъ (ст. 40, 41).

2. Смотри, какъ онъ сплетаетъ рѣчь изъ настоящихъ событій, и пророковъ, и обѣтованнаго сѣмени. Но обратимся къ вышесказанному. *Мужіе братіе, сынове рода Авраамля.* Называетъ ихъ по праотцу. *Вамъ слово спасенія сего послася.* Здѣсь словомъ: *вамъ* онъ не выражаетъ, что это одни только іудеи, но даетъ имъ возможность отдѣлить себя отъ совершившихъ убійство, какъ это видно изъ слѣдующаго. *Живущіи бо,* говоритъ, *во Іерусалимѣ, сего не разумѣвше, и гласы пророческія по вся субботы чтомыя, осудивше, исполниша.* Великая вина, если они, постоянно слушая, не внимали. И это нисколько не удивительно: сказанное о Египтѣ и пустынѣ достаточно показываетъ неблагодарность ихъ. Но какъ они не уразумѣли, скажешь, когда Іоаннъ говорилъ имъ? Что удивительнаго, когда (они не слушали) и пророковъ, часто говорившихъ имъ? Потомъ и другая вина: *и ни единыя вины смертныя обрѣтше.* Это уже не было дѣломъ невѣдѣнія,—положимъ, что они не почитали Его за Христа, но почему притомъ убили Его? *Просиша,* говоритъ, *у Пилата убити его. Якоже скончаша вся, яже о немъ писана, снемше съ древа, положиша во гробѣ.* Смотри, какъ тщательно они дѣлали это. Говоритъ объ образѣ смерти Его и упоминаетъ о Пилатѣ, какъ для того, чтобы страданіе Его было очевиднѣе изъ (производившагося надъ нимъ) суда, такъ и для того, чтобы сильнѣе обличить ихъ, предавшихъ Его иноплеменнику. И не сказалъ: обвиняли Его, но: *просиша, ни единыя вины смертныя обрѣтше, убити его,* чтобы показать, что онъ сдѣлалъ это въ угодность имъ, и въ противность собственному желанію,— что яснѣе выражаетъ Петръ: *суждшу оному пустити* 216
(Дѣян. III, 13). Павелъ весьма любилъ ихъ; и однако, смотри, не останавливается на неблагодарности отцовъ ихъ, но возбуждаетъ страхъ въ нихъ самихъ. Стефанъ по справедливости дѣлаетъ это, когда готовится умереть, и притомъ не предлагая ученія показываетъ, что законъ уже прекращается; а онъ еще не (говоритъ этого), но только высказываетъ угрозы и возбуждаетъ страхъ. *Богъ же воскреси его отъ мертвыхъ. Иже являшеся,* говоритъ, *во дни многи совозшедшымъ съ нимъ отъ Галилеи во Іерусалимъ.* Смотри, какъ онъ, движимый самимъ Духомъ, непрестанно проповѣдуетъ о страданіи и погребеніи (Христовомъ). *И мы вамъ благовѣствуемъ,* говоритъ, *обѣтованіе бывшее ко отцемъ,* т. е. отцы получили обѣтованіе, а вы—самое дѣло. Приведши въ свидѣтели Іоанна, и сказавъ: *отъ сего сѣмене по обѣтованію воздвиже Исраилю Спасителя, проповѣдавшу Іоанну предъ лицемъ внитія его крещеніе покаянія Исраилю,* онъ потомъ опять приводитъ слова его: *кого*

мя непщуете быти? Нѣсмь азъ. Затѣмъ приводитъ и апостоловъ въ свидѣтели воскресенія и говоритъ: *иже суть свидѣтеліе его къ людемъ.* Далѣе—Давида, свидѣтельствующаго о томъ же самомъ въ слѣдующихъ словахъ: *не даси преподобному твоему видѣти истлѣнія* (Псал. xv, 10). Въ виду того, что ни древнія (свидѣтельства) сами по себѣ не были бы столь сильными, ни эти (новыя) безъ тѣхъ, онъ и подтверждаетъ свою рѣчь тѣми и другими. И такъ какъ они были одержимы страхомъ, какъ убившіе Его, и совѣсть осуждала ихъ, то (апостолы) говорятъ имъ, не какъ христоубійцамъ, и преподаютъ имъ (ученіе), не какъ чуждое благо, но какъ ихъ собственное. Для нихъ (іудеевъ) было весьма вожделѣнно имя Давида, потому (Павелъ) и приводитъ его, чтобы они по крайней мѣрѣ такимъ образомъ признали Его (Христа); онъ какъ бы такъ говорилъ: Сынъ его будетъ царствовать надъ вами; потому не отвергайте власти Его. Что̀ значитъ: *дамъ вамъ преподобная Давидова вѣрная?* Т. е. твердыя, никогда не погибающія. Не останавливается и на этомъ,—потому что рѣчь уже была доказана,—но угрожаетъ наказаніемъ, переходитъ къ вожделѣнному для нихъ, показывая, что законъ прекращается, и распространяется о полезномъ, о томъ, что великія блага ожидаютъ послушныхъ и великія бѣдствія постигнутъ непокорныхъ. Потомъ опять говоритъ о Давидѣ, и притомъ съ похвалою. *Давидъ бо,* говоритъ, *своему роду послуживъ Божіимъ совѣтомъ, приложися ко отцемъ своимъ;* подобно какъ Петръ, упоминая о немъ, говоритъ: *достоитъ рещи съ дерзновеніемъ о патріарсѣ Давидѣ* (Дѣян. ii, 29). Не говоритъ, что онъ умеръ, но: *приложися ко отцемъ своимъ,* что было благоприличнѣе. И смотри: онъ нигдѣ не касается добрыхъ дѣлъ ихъ, но тѣхъ, которыя достойны осужденія. Именно, то самое, чего они просили (убить Христа) и получили, служитъ къ величайшему ихъ осужденію. Потомъ исчисляетъ благодѣянія Божіи. *Избра, вознесе, препита,*—эти похвалы относятся не къ нимъ, но къ Богу. Восхваляетъ только Давида, потому что отъ него—Христосъ. *Внитіемъ,* о которомъ онъ говоритъ въ словахъ: *предъ лицемъ внитія его,* Іоаннъ (Креститель) называетъ воплощеніе Христово, явленіе Его во плоти. Подобнымъ образомъ и Іоаннъ евангелистъ часто указываетъ на него,—потому что имя его было славно по всей вселенной. И смотри: (писатель) не говоритъ о томъ отъ себя, но приводитъ самое свидѣтельство его.

217 3. Видишь ли, какъ тщательно онъ показалъ настоящее дѣло домостроительства? Но послушаемъ, что внушали апостолы, говоря, что (Христосъ) былъ распятъ. Что невѣроятнѣе того, что Онъ погребенъ тѣми, которымъ обѣщалъ спасеніе, что будучи погребенъ Онъ отпускаетъ грѣхи, и притомъ болѣе закона? По-

тому (Павелъ) и не сказалъ: въ чемъ вы не хотѣли, но: *въ нихже не возмогосте въ законѣ Моисеовѣ оправдитися, о семъ всякъ вѣруяй оправдается*, показывая тѣмъ безсиліе закона. Прекрасно онъ прибавилъ: *всякъ*, чтобы показать, что (оправдывается) всякій, кто только вѣруетъ. Во всемъ томъ не было бы никакой пользы, если бы не было какого-либо благодѣянія. Потому Онъ и говоритъ наконецъ объ *оставленіи* (грѣховъ), выводя изъ предыдущаго важнѣйшее и показывая, что чего не въ состояніи былъ сдѣлать законъ, то совершившимъ своею смертію является Пострадавшій. Итакъ онъ хорошо сказалъ: *иже суть свидѣтеліе его къ людемъ*, т. е. къ убившимъ Его; но они не были бы свидѣтелями, если бы не были укрѣпляемы божественною силою, не свидѣтельствовали бы этого предъ людьми, готовыми на убійство предъ самими убійцами. Слова: *азъ днесь родихъ тя* онъ привелъ, имѣя въ виду то, что за ними слѣдуетъ (Псал. II, 7). Но почему онъ не присовокупилъ свидѣтельства, изъ котораго они должны были убѣдиться, что отпущеніе (грѣховъ) совершается чрезъ Христа? Потому что онъ хотѣлъ напередъ доказать, что (Христосъ) воскресъ; а какъ скоро это будетъ принято, то отсюда уже становится несомнѣннымъ и то, что отпущеніе грѣховъ совершается чрезъ Него. Съ другой стороны онъ хотѣлъ возбудить въ нихъ желаніе этого великаго (блага). Такимъ образомъ смерть Его была не лишеніемъ, но исполненіемъ пророчествъ. Объ историческихъ событіяхъ онъ упоминаетъ потому, что, не разумѣя ихъ, (іудеи) потерпѣли множество золъ. На это онъ и указываетъ въ заключеніе, когда говоритъ: *видите нерадивіи, и узрите*. И смотри, какъ смягчаетъ строгость самаго этого (увѣщанія). *Да не пріидетъ*, говоритъ, *на васъ реченное* другимъ: *яко дѣло азъ содѣлаю, емуже не имате вѣровати, аще кто повѣсть вамъ*. Не удивляйтесь потому (только), что оно кажется невѣроятнымъ, какъ о томъ сказано выше. Это и къ намъ можно было бы по справедливости сказать: *видите, нерадивіи*, касательно тѣхъ, которые не вѣруютъ воскресенію. Дѣла Церкви находятся въ весьма худомъ состояніи, хотя вы и думаете, что она въ мирѣ. То тяжело, что находясь среди множества золъ, мы даже не знаемъ, что находимся во злѣ.

Что ты говоришь (скажете вы)? Мы содержимъ церкви, у насъ имущество, все прочее, бываютъ собранія, ежедневно приходитъ народъ, и—мы нерадивы? Но не это надобно ставить въ похвалу Церкви. Что же, скажешь? То, если есть въ ней благочестіе, если мы уходимъ домой каждый день съ пользою, собравъ болѣе или менѣе плодовъ, а не исполняя только законъ или показывая видъ благочестія. Сдѣлался ли кто лучше, бывая въ

собраніи въ продолженіе цѣлаго мѣсяца? Вотъ о чемъ надобно спросить. То самое, что кажется добрымъ дѣломъ, не есть дѣло доброе, если по совершеніи его ничего больше отъ него не происходитъ. И о, если бы ничего больше! Но нынѣ происходитъ еще худшее. Какую пользу получаете вы отъ собраній? Если бы была для васъ какая-нибудь польза, то вамъ всѣмъ уже давно слѣдовало бы вести жизнь любомудрую, послѣ того какъ съ вами бесѣдуютъ дважды въ недѣлю столько пророковъ, столько апостоловъ, евангелистовъ и всѣ они предлагаютъ спасительные догматы и съ великою ревностію представляютъ вамъ убѣжденія къ исправленію вашихъ нравовъ. Воинъ, приходя на мѣсто уче-
218 нія, становится искуснѣе въ военномъ дѣлѣ; атлетъ, приходя на ристалище, дѣлается опытнѣе въ борьбѣ; изучающій врачебное искусство, приходя къ учителю, становится болѣе свѣдущимъ, болѣе узнаетъ и большему научается; а ты какую пріобрѣлъ пользу? Не говорю о тѣхъ, которые въ продолженіе одного года, но о тѣхъ, которые съ юнаго возраста приходятъ въ (церковныя) собранія. Или то вы считаете благочестіемъ, что часто бываете въ собраніяхъ? Это не значитъ ничего, если мы не получаемъ никакой пользы; если (здѣсь) не собираемъ никакихъ плодовъ, то лучше оставаться дома. Предки построили намъ церкви, конечно, не для того, чтобы мы, собираясь изъ своихъ домовъ, показывали себя другъ другу,—это можно было бы дѣлать и на площади, и въ баняхъ, и на празднествахъ,—но чтобы собирались вмѣстѣ ученики и учители, и первые дѣлались лучшими при помощи послѣднихъ. Наши (собранія) стали просто обычаемъ и видомъ благочестія, остальное дѣло — привычкой. Наступаетъ пасха; (здѣсь) большой шумъ, большая сутолока, не скажу— толпа людей, такъ какъ это не свойственно людямъ. Прошелъ праздникъ; шумъ прекращается, но это безмолвіе опять безплодно. Сколько (бываетъ) всенощныхъ бдѣній, сколько священныхъ пѣснопѣній! А что изъ этого? Еще хуже: многіе даже дѣлаютъ это изъ тщеславія. Какъ, думаете вы, я сокрушаюсь внутренно, когда вижу, что все это протекаетъ, какъ бы сквозь дырявую бочку? Но вы, безъ сомнѣнія, скажете мнѣ: мы знаемъ Писанія. А что изъ этого? Если бы вы показывали это дѣлами, то было бы пріобрѣтеніе, была бы польза. Церковь—это красильня; если вы всегда уходите, не получивъ никакой окраски, то какая польза отъ того, что вы часто сюда ходите? Только большій вредъ. Кто-нибудь (изъ васъ) прибавилъ ли что-либо къ обычаямъ, которые наслѣдовалъ отъ предковъ? Напримѣръ: кто-нибудь имѣетъ обыкновеніе поминать мать, жену или сына; онъ дѣлаетъ это,— слышалъ ли о томъ отъ насъ, или не слышалъ,—руководствуясь

обычаемъ и совѣстію. Такъ на это ты негодуешь, скажутъ? Да не будетъ! Напротивъ, я весьма радуюсь этому; но желалъ бы, чтобы онъ получилъ какую-нибудь пользу и отъ нашей бесѣды и, что сдѣлала привычка, то произошло бы и отъ насъ, чтобы образовалась и другая привычка. Иначе для чего мнѣ напрасно трудиться и пустословить, если вы намѣрены оставаться при одномъ и томъ же, если наши собранія не производятъ въ васъ ничего добраго?

4. Но, скажутъ, мы молимся. А что изъ того, если это бываетъ безъ дѣлъ? Послушай, чтó говоритъ Христосъ: *не всякъ глаголяй ми, Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ* (Мѳ. VII, 21). Часто я рѣшался замолчать, видя, что отъ моихъ словъ въ васъ не происходитъ никакого преуспѣнія; а можетъ быть и происходитъ, только я по чрезмѣрности своихъ требованій и желаній уподобляюсь тѣмъ, которые слишкомъ пристрастны къ деньгамъ. Какъ они, сколько ни собираютъ, всегда думаютъ, что ничего не имѣютъ, такъ и я, сильно желая вашего спасенія, пока не увижу вашего преуспѣнія, думаю, что ничего не сдѣлалъ, потому что я весьма желаю, чтобы вы достигли самой высшей степени. Я желалъ бы, чтобы это было такъ, чтобы это происходило отъ моего недовольства, а не отъ вашего нерадѣнія; но боюсь, что мой намекъ окажется вѣрнымъ. Вѣдь вы должны согласиться, что если бы была какая-нибудь польза въ продолженіе такого времени, то намъ уже слѣдовало бы прекратить свои бесѣды; и вамъ не нужны были бы наши слова, когда ихъ сказано такъ довольно, что вы могли бы научить и другихъ, если бы вы сколько-нибудь заботились о пользѣ отсутствующихъ. Но вы непрестанно имѣете нужду въ поученіяхъ, и это показываетъ не 210
что иное, какъ то, что вы не очень въ хорошемъ состояніи.

Что же дѣлать? Не обличать же только? Прошу и умоляю, старайтесь не о томъ только, чтобы приходить въ церковь, но чтобы уходить и домой, получивъ какое-нибудь врачество противъ своихъ страстей, чтобы если не отъ насъ, то отъ Писаній заимствовать соотвѣтственныя врачества. Напримѣръ, предается ли кто гнѣву? Пусть внимаетъ чтеніямъ Писаній, и непремѣнно найдетъ (врачество) или въ повѣствованіяхъ, или въ поученіяхъ; въ поученіяхъ, когда говорится: *устремленіе ярости его паденіе ему* (Сирах. I, 22), и: *мужъ ярый не благообразенъ* (Притч. XI, 25), и тому подобное; и еще: *мужъ язычен не исправится* (Псал. CXXXIX, 12). Также Христосъ (говоритъ): *гнѣваяйся на брата своего всуе* (Мѳ. V, 22), и пророкъ: *гнѣвайтеся, и не согрѣшайте* (Псал. IV, 5), и еще: *проклята ярость ихъ, яко упорна* (Быт. XLIX, 7). Въ

повѣствованіяхъ, какія напримѣръ слышишь о фараонѣ, исполнившемся великаго гнѣва (Исх. XIV, 5), и о (царѣ) ассирійскомъ (4 Цар. XIX, 35), которые потому и погибли. Одержимъ ли кто сребролюбіемъ? Пусть послушаетъ, что нѣтъ ничего беззаконнѣе лихоимца, что и самую душу свою онъ отдастъ за имущество (Сир. XIV, 1—10); и Христосъ говоритъ: *не можете Богу работати и мамонѣ* (Мѳ. VI, 24), и апостолъ: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (1 Тимоѳ. VI, 10), и пророкъ: *богатство аще течетъ, не прилагайте сердца* (Псал. LXI, 11), и много тому подобнаго. Въ повѣствованіяхъ (слышишь) о Гіезіѣ, Іудѣ, старѣйшинахъ книжниковъ, и что *дары ослѣпляютъ очи мудрыхъ* (Второз. XVI, 19). Гордится ли кто? Пусть послушаетъ, что *Богъ гордымъ противится* (Прит. III, 34), и: *начало гордыни грѣхъ* (Сир. X, 14), и: *нечистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый* (Притч. XVI, 5); а изъ повѣствованій (знаешь) о діаволѣ и всѣхъ другихъ. Вообще,—невозможно вѣдь перечислить всего,—пусть каждый избираетъ изъ божественныхъ Писаній врачества для своихъ ранъ; если не все вдругъ, то часть сегодня, часть завтра, и такимъ образомъ очистите все. И касательно покаянія, и исповѣданія (грѣховъ), и милостыни, и кротости, и цѣломудрія, и касательно всего найдешь (тамъ) много примѣровъ. *Вся бо сія въ наше наказаніе преднаписашася*, говорится (Рим. XV, 4). Если же въ нихъ все— для нашего наставленія, то станемъ внимать имъ, какъ слѣдуетъ внимать. Для чего мы понапрасну обманываемъ себя самихъ? Боюсь, чтобы и о насъ кто-нибудь не сказалъ: *яко исчезоша въ суетѣ дніе* наши *и лѣта* наши *со тщаніемъ* (Псал. LXXVII, 33). Кто, слушая насъ, отсталъ отъ зрѣлищъ, кто отсталъ отъ любостяжанія, кто сталъ усерднѣе къ милостынѣ? Я желалъ бы узнать это, не́ изъ тщеславія, но чтобы сдѣлаться ревностнѣе, видя прекрасный плодъ трудовъ своихъ. Нынѣ же, какъ я примусь за дѣло, видя, что дождь ученія нисходилъ въ такомъ количествѣ, а нивы наши остаются въ томъ же состояніи и растенія нисколько не дѣлаются выше? Уже наступило время жатвы, (готова) вѣятельная лопата; боюсь, чтобы все не оказалось плевелами; боюсь, чтабы всѣмъ намъ не быть вверженными въ пещь (Мѳ. III, 12). Прошло лѣто, пришла зима, а мы сидимъ, и юноши и старцы, одержимые своими страстями. Не говори мнѣ: я не блудодѣйствую. Какая польза, что ты не блудодѣйствуешь, когда ты сребролюбивъ? Если воробей хотя не всѣмъ тѣломъ, а только за ногу будетъ удержанъ, то онъ погибъ и остался въ западнѣ, и уже
220 нисколько не помогутъ крылья, когда удержана нога: такъ и ты не плѣненъ блудодѣяніемъ, но плѣненъ сребролюбіемъ, а все же плѣненъ. Дѣло не въ томъ, какъ ты плѣненъ, но въ томъ, что

ты плѣненъ. Не говори ты, юноша: я не сребролюбивъ; можетъ быть, ты предаешься прелюбодѣянію. И оттого опять какая польза? Невозможно же, чтобы всѣ страсти овладѣвали нами въ одномъ возрастѣ; но онѣ раздѣлены, и это по человѣколюбію Божію, чтобы, напавъ на насъ вмѣстѣ, онѣ не сдѣлались неодолимыми и борьба съ ними не была для насъ слишкомъ трудною. Какое неразуміе— быть не въ состояніи побѣждать и раздѣльныя страсти, но покоряться имъ во всякое время, и еще гордиться тѣмъ, что укрощается не нашимъ стараніемъ, но самымъ возрастомъ! Не видите ли, какое стараніе, и упражненіе, и труды прилагаютъ возницы, употребляя и хлѣбъ и все другое, чтобы не быть сброшенными съ колесницъ и влачимыми (по землѣ)? Видишь, сколько здѣсь искусства? Часто человѣкъ взрослый не можетъ справиться съ однимъ конемъ; а мальчикъ съ искусствомъ взявши двухъ коней легко ведетъ и управляетъ ими. У индійцевъ, говорятъ, великій звѣрь и страшный—слонъ съ великою покорностію повинуется пятнадцатилѣтнему отроку. Для чего я говорю все это? Для того, что если мы при стараніи укрощаемъ слоновъ и дикихъ коней, то тѣмъ болѣе (можемъ укрощать) наши страсти. Почему же мы такъ нерадивы во всю жизнь? Мы никогда не старались пріобрѣсти это искусство; никогда въ свободное время, когда нѣтъ борьбы, не бесѣдовали другъ съ другомъ о чемъ-нибудь полезномъ. Насъ тогда можно видѣть стоящими на колесницѣ, когда борьба началась, потому-то мы и бываемъ достойны осмѣянія. Не говорилъ ли я часто: будемъ упражняться на домашнихъ своихъ прежде искушенія? Мы часто сердимся дома на дѣтей; удержимъ здѣсь гнѣвъ, чтобы намъ легко было обуздывать его предъ друзьями. Если бы такъ мы упражнялись и во всемъ другомъ, то во время борьбы не подвергались бы осмѣянію. Для другихъ искусствъ и подвиговъ нынѣ есть и оружіе, и упражненіе, и стараніе; для добродѣтели же ничего. Земледѣлецъ не осмѣлится прикоснуться къ винограду прежде, нежели хорошо научится земледѣлію; и кормчій не станетъ на кормѣ, пока не сдѣлается свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ; а мы, будучи совершенно неопытными, желаемъ получить первенство. Надлежало бы молчать, надлежало бы ни съ кѣмъ не имѣть общенія ни дѣломъ, ни словомъ, пока не укротимъ звѣря, находящагося въ насъ самихъ. Не свирѣпѣе ли всякаго звѣря нападаютъ на насъ гнѣвъ и вожделѣніе? Не выходи на площадь съ этими звѣрями, пока не наложишь хорошо узду на нихъ, пока не укротишь ихъ, пока не сдѣлаешь ручными. Не видишь ли тѣхъ, которые водятъ укрощенныхъ львовъ по площади, какую они получаютъ прибыль и какъ имъ удивляются, что они въ безсловесномъ животномъ

произвели такую кротость? Но если бы внезапно этотъ звѣрь разсвирѣпѣлъ, то онъ разогналъ бы всѣхъ, находящихся на площади, и самъ водящій его подвергся бы опасности и сдѣлался бы виновникомъ погибели другихъ. Такъ и ты напередъ укроти льва, и потомъ води его съ собою, не для того, чтобы собирать серебро, но чтобы получить прибыль, которой нѣтъ ничего равнаго. И дѣйствительно нѣтъ ничего равнаго кротости, которая приноситъ великую пользу и тѣмъ, кто имѣетъ ее, и тѣмъ, на кого она дѣйствуетъ. Будемъ же достигать ея, чтобы, совершивъ надлежащимъ образомъ путь добродѣтели, намъ сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXX.

221 **Исходящымъ же имъ, моляху въ другую субботу глаголатися имъ глаголомъ симъ (Дѣян. XIII, 42).**

1. Видишь ли мудрость Павла? Онъ не только привелъ въ удивленіе (слушавшихъ его) тогда, но и возбудилъ въ нихъ желаніе—слушать его въ другой разъ, посѣялъ нѣкоторыя сѣмена, но не докончилъ и не заключилъ рѣчи, чтобы привлечь и расположить ихъ къ себѣ и чтобы не утомить ихъ сообщеніемъ душамъ ихъ всего вдругъ. Онъ сказалъ: *его ради вамъ оставленіе грѣховъ проповѣдается* (Дѣян. XIII, 38); а какимъ образомъ,—не показалъ. Послѣ того (писатель) поставляетъ его на первомъ мѣстѣ (ст. 43, 50). Видишь ли, какое (возбудилось въ нихъ) усердіе? *Послѣдоваша*, говоритъ, за ними (ст. 43). Почему онъ не крестилъ ихъ тотчасъ же? Еще не пришло время. Надобно было убѣдить, чтобы они оставались твердыми. *Разшедшуся же собору, послѣдоваша мнози отъ Іудей и честивыхъ пришлецъ Павлу и Варнавѣ: иже глаголюще имъ увѣщаху ихъ пребывати въ благодати Божіей. Во грядущую же субботу мало не весь градъ собрася послушати слова Божія. Видѣвше же Іудеи народы, исполнишася зависти, и вопреки глаголаху глаголемымъ отъ Павла, сопротивъ глаголюще и хуляще* (ст. 43—45). Смотри, какъ злоба поражается, когда хочетъ поразить другихъ. Противорѣчіе тѣхъ (іудеевъ) послужило еще къ большей славѣ этихъ (апостоловъ). А прежде тѣ сами просили ихъ (говоритъ). *Сопротивъ глаголюще и хуляще.* О, безстыдство! Въ чемъ надобно было съ ними согласиться, они тому противорѣчатъ. *Дерзнувше же Павелъ и Варнава рекоста: вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Божіе: а понеже отвергосте е и недостойны творите сами себе вѣч-*

ному животу, се обращаемся во языки (ст. 46). Видишь ли, какъ по причинѣ любопренія (іудеевъ) они простерли далѣе свою проповѣдь, и еще болѣе обратились къ язычникамъ, оправдавъ и сдѣлавъ себя свободными отъ обвиненій предъ своими (единоплеменниками)? И не сказали: вы недостойны; но—*творите сами себе недостойны*, чтобы смягчить рѣчь свою. *Се обращаемся во языки. Тако бо заповѣда намъ Господь: положихъ тя во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе даже до послѣднихъ земли* (ст. 47). Чтобы язычники, слыша это, не опечалились, что въ случаѣ готовности іудеевъ они не получили бы этихъ благъ, онъ приводитъ слѣдующее пророчество: *положихъ тя во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе даже до послѣднихъ земли. Слышаще же языцы.* Это и самихъ (апостоловъ) дѣлало ревностнѣйшими, когда тѣмъ, чѣмъ должны были слушая пользоваться іудеи, пользовались язычники, іудеевъ же болѣе огорчало. *Слышаще же языцы*, говоритъ (писатель), *радовахуся и славяху слово Господне, и вѣроваша, елицы учинени бяху въ жизнь вѣчную*, т. е. были предъизбраны Богомъ (ст. 48). Смотри, какъ скоро, по сказанію его, это принесло пользу: *проношашеся же слово Господне по всей странѣ* (ст. 49), т. е. распространялось; какъ бы такъ сказалъ: они не ограничились одною ревностію, но присоединили и дѣла. Посмотри опять, какъ они, будучи гонимы, совершаютъ другія великія дѣла по ревности; они стали дѣйствовать рѣшительнѣе и обратились къ язычникамъ; и послушай, какъ *дерзнувше же Павелъ и Варнава рекоста: вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Божіе: а понеже отвергосте е, се обращаемся во языки.* 222 Такимъ образомъ они намѣревались идти къ язычникамъ. Но, смотри, и въ этой рѣшимости соблюдалась мѣра, какъ и слѣдовало. Если Петръ оправдывался, то тѣмъ болѣе для нихъ нужно было оправданіе, потому что ихъ никто не приглашалъ туда. Словомъ: *первѣе* онъ выразилъ, что и тѣмъ надлежало (проповѣдывать); а словомъ: *лѣпо* показалъ, что и имъ необходимо было. *А понеже отвергосте*,—не сказалъ: горе вамъ, или: вы будете наказаны,—но: *се обращаемся во языки.* Видишь ли, какой великой кротости исполнена эта рѣшимость? *Іудеи же наустиша честивыя жены и благообразныя и старѣйшины града, и воздвигоша гоненіе на Павла и Варнаву, и изгнаша я отъ предѣлъ своихъ* (ст. 50). Видишь ли, что сдѣлали противившіеся проповѣди, до какого безстыдства довели ихъ (женщинъ)? *Она же оттрясше прахъ отъ ногъ своихъ на нихъ, пріидоста во Иконію* (ст. 51). Здѣсь они наконецъ исполнили ту грозную заповѣдь, которую далъ І. Христосъ: *и иже аще не пріиметъ васъ, исходяще оттрясите прахъ ногъ вашихъ* (Мѳ. x, 14). Впрочемъ, они сдѣлали это не вдругъ, но когда уже были изгнаны ими. Но и это не

повредило ученикамъ; напротивъ, они еще болѣе утвердились въ словѣ (Божіемъ), что (писатель) и показываетъ, присовокупляя: *ученицы же исполняхуся радости и Духа Свята* (ст. 52). Страданія учителя не останавливаютъ усердія ученика, но дѣлаютъ его еще ревностнѣйшимъ. *Бысть же во Иконіи вкупѣ внити има въ сонмище Іудейское, и глаголати тако, яко вѣровати Іудеевъ и Еллиновъ множеству многу* (XIV, 1). Опять входятъ въ синагоги. Смотри, какъ они не сдѣлались боязливѣе, послѣ того, какъ сказали: *обращаемся во языки.* Уже тѣмъ, что здѣсь было великое множество (увѣровавшихъ), лишаютъ ихъ оправданія. *Яко вѣровати*, говоритъ (писатель), *Іудеевъ и Еллиновъ множеству многу.* Вѣроятно, они проповѣдывали и эллинамъ. *Невѣрующіи же Іудеи воздвигоша и озлобиша души языковъ на братію* (ст. 2). Возбудили вмѣстѣ и язычниковъ, какъ будто недовольно было ихъ однихъ. Почему же (апостолы) не вышли оттуда? Потому что ихъ не изгоняли, а только притѣсняли. *Довольно же убо время пребыша дерзающе о Господѣ, свидѣтельствующемъ слову благодати своея, и дающемъ знаменія и чудеса быти рукама ихъ* (ст. 3). Это придавало имъ дерзновенія, или лучше, ихъ усердіе придавало имъ дерзновенія. Потому-то они долгое время нигдѣ не совершали знаменій. Самое то, что слушающіе вѣровали, было изъ числа знаменій. Этому содѣйствовало и ихъ дерзновеніе. *Раздѣлишажеся множество града: и ови убо бяху со Іудеи, ови же со апостолы* (ст. 4). Не мало служитъ къ осужденію тѣхъ и это самое раздѣленіе. Здѣсь происходило то, что сказалъ Христосъ: *не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ* (Мѳ. X, 34). *И егда бысть стремленіе языкомъ же и Іудеемъ съ начальники ихъ, досадити и каменіемъ побити ихъ, увѣдѣвше прибѣгоша во грады Ликаонскія, въ Листру и Дервію, и во окрестныя*
223 *ихъ, и тамо бѣста благовѣствующе* (ст. 5—7).

2. Опять, какъ бы нарочито желая распространить проповѣдь, когда она получила успѣхъ, тогда и изгоняютъ ихъ (апостоловъ). Смотри: вездѣ гоненія производятъ великія блага, и гонители остаются побѣжденными, а гонимые являются славными. Придя въ Листру, (Павелъ) совершаетъ великое чудо, воздвигаетъ хромого и притомъ громкимъ голосомъ; а какъ, послушай. *И нѣкто*, говоритъ (писатель), *мужъ въ Листрѣхъ немощенъ ногами сѣдяще, хромъ отъ чрева матере своея сый, иже николиже бѣ ходилъ. Сей слышаше Павла глаголюща. Иже воззрѣвъ нань, и видѣвъ, яко вѣру имать здравъ быти, рече веліимъ гласомъ: востани на ногу твою правъ. И возскочи, и хождаше* (ст. 8—10). Для чего громкимъ голосомъ? Для того, чтобы народъ увѣровалъ. И смотри, съ какимъ усердіемъ онъ внималъ словамъ Павла; это, именно, означается словомъ: *слышаше.* Видишь ли его любомудріе? Хромота

нисколько не препятствовала его усердію—слушать. *Иже воззрѣвъ нань, и видѣвъ яко вѣру иматъ здравъ быти.* Онъ уже обратился внутренно: между тѣмъ съ другими происходило противное. Напередъ исцѣлялись тѣла ихъ, а потомъ уже врачевались ихъ души: этотъ же не такъ. Мнѣ кажется, что Павелъ проникалъ въ самую душу его. *И возскочи,* говоритъ, *и хождаше.* Знакомъ совершеннаго исцѣленія было то, что онъ вскочилъ. *Народи же видѣвше, еже сотвори Павелъ, воздвигоша гласъ свой, Ликаонски глаголюще: бози уподобльшеся человѣкомъ снидоша къ намъ. Нарицаху же Варнаву убо Діа, Павла же Ерміа: понеже той бяше начальникъ слову. Жрецъ же Діевъ, сущаго предъ градомъ ихъ, приведе юнцы и вѣнцы предъ врата, съ народы хотяше жерти* (ст. 11—13). Но этого доселѣ нельзя было знать, потому что они говорили на собственномъ нарѣчіи: *бози уподобльшеся человѣкомъ снидоша къ намъ.* Потому (апостолы) ничего не говорили имъ; но когда увидѣли вѣнцы, то бросившись разодрали одежды свои. *Слышавше же апостоли Варнава и Павелъ, растерзавше ризы своя, вскочиста въ народъ, зовуще и глаголюще: мужіе, что сія творите? И мы подобострастни есмы вамъ человѣцы* (ст. 14, 15). Смотри, какъ они всегда чуждались славы, и не только не искали ея, но отклоняли и тогда, когда имъ предлагали ее. Такъ и Петръ говоритъ: *на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворивомъ его ходити* (Дѣян. III, 12)? Также и они говорятъ. Іосифъ говорилъ о сновидѣніяхъ: *еда не Богомъ изъявленіе ихъ* (Быт. XL, 8)? Подобнымъ образомъ и Даніилъ: *и мнѣ не премудростію сущею во мнѣ открыся* (Дан. II, 30). И Павелъ всегда тоже говорилъ, какъ напримѣръ: *и къ симъ кто доволенъ* (2 Кор. II, 16); и еще: *не яко доволни есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога* (2 Кор. III, 5). Но обратимся къ вышесказанному. Народъ не просто слѣдовалъ за апостолами, но какъ?—просилъ, чтобы они опять проповѣдали о томъ же, и усердіе свое показывалъ на дѣлѣ. И они, смотри, постоянно вразумляли, а не просто принимали и не льстили. Потому (писатель) и сказалъ: *иже глаголюще имъ увѣщаху ихъ пребывати въ благодати Божіей.* А почему (іудеи) прежде не противорѣчили? Потому что проповѣдники дотолѣ молчали. Видишь ли, какъ они всегда руководились страстію? И не только противорѣчили, но еще злословили: такъ злоба никогда не знаетъ 224
предѣловъ! Но посмотри и на рѣшимость (апостоловъ). *Вамъ бѣ,* говорится, *лѣпо первѣе глаголати слово Божіе: а понеже отвергосте е.* Ничего оскорбительнаго (не сказано). Также поступали (іудеи) и съ пророками: *не глаголите намъ,* говорили они, *глаголаніемъ* (1 Цар. VIII, 19; Іер. XLIV, 16). *Понеже отвергосте е,* говорится, а не насъ,—потому что не къ намъ относится ваше оскорб-

леніе. А чтобы кто не подумалъ, что они изъ благоговѣнія *недостойны творили сами себе*, для того (Павелъ) сказалъ напередъ: *отвергосте е*, и потомъ: *обращаемся во языки.* Эти слова исполнены великой кротости. Не сказалъ: мы оставляемъ васъ,—чтобы показать, что можно было опять возвратиться сюда; и это (удаленіе) дѣлается не вслѣдствіе вашего оскорбленія, но такъ намъ заповѣдано. Язычникамъ надлежитъ услышать (слово Божіе), но то не отъ насъ, а отъ васъ зависитъ, что они должны будутъ (услышать) прежде васъ. *Тако бо заповѣда намъ Господь: положихъ тя во свѣтъ языкомъ, еже быти тебѣ во спасеніе*, т. е. въ познаніе спасенія, и не просто *языкомъ*, но всѣмъ; это, именно, означаютъ слова: *елицы учинени бяху въ жизнь вѣчную.* А это служитъ признакомъ, что они приняты по волѣ Божіей. Сказалъ: *учинени*, чтобы показать, что не по принужденію. *Ихже бо предъувѣдѣ*, говоритъ, *тѣхъ и предъустави* (Рим. VIII, 29). И не только въ городѣ они проповѣдывали, но и во (всей) странѣ. Язычники, услышавъ о томъ, вскорѣ и сами стали приходить. *Іудеи же*, говоритъ (писатель), *наустиша честивыя жены и воздвигоша гоненіе.* Смотри: они же были виновниками и сдѣланнаго женами. *И изгнаша я*, говоритъ, *отъ предѣлъ своихъ*, не только изъ города, но и изъ всей страны. Потомъ говоритъ еще болѣе страшное: *ученицы же исполняхуся радости и Духа Свята.* Учители были гонимы, а они радовались. Видишь ли свойство евангельской проповѣди, какую великую она имѣетъ силу? *Озлобиша*, говоритъ, *души языковъ на братію*, т. е. клеветали на апостоловъ, во многомъ обвиняли ихъ, ихъ—простосердечныхъ представляли коварными.

8. И смотри, какъ всегда (писатель) все приписываетъ Богу. *Довольно время*, говоритъ, *пребыша, дерзающе о Господѣ, свидѣтельствующемъ слову благодати своея.* Не подумай, что это служитъ къ униженію ихъ. Когда они проповѣдывали,—подобно какъ (о Христѣ апостолъ) говоритъ: *свидѣтельствовавшимъ при понтійстѣмъ Пилатѣ* (1 Тим. VI, 13),—то выражалось ихъ дерзновеніе; здѣсь же онъ говоритъ по отношенію къ народу. Потомъ, увидѣвъ нападеніе, они не медлили: *и прибѣгоша во грады Ликаонскія, въ Листру и Дервію, и во окрестныя ихъ*, гдѣ уже не могла дѣйствовать ярость (іудеевъ), и ходили не только по городамъ, но и по окрестнымъ странамъ. Посмотри на простоту язычниковъ и на злобу іудеевъ. Тѣ дѣлами показали, что они были достойны слушать (апостоловъ); такую честь они оказывали имъ только за знаменія. Тѣ почитали ихъ за боговъ, а эти изгоняли ихъ, какъ людей вредныхъ; тѣ не только не препятствовали проповѣди, но и говорили: *бози уподоблшеся человѣкомъ снидоша къ намъ*, а іудеи соблазнялись. *Нарицаху же*, говоритъ (писатель), *Варнаву*

Діа. Павла же Ермія. Мнѣ кажется, что Варнава имѣлъ и видъ достопочтенный. Не малое было это искушеніе отъ излишняго усердія; но апостолы и здѣсь явили добродѣтель свою. И смотри, какъ всегда они все относятъ къ Богу. Будемъ подражать имъ и мы; не будемъ считать ничего своимъ, такъ какъ и самая вѣра не есть наша собственность. А что она принадлежитъ не 225
намъ, но болѣе Богу, послушай Павла, который говоритъ: *и сіе не отъ насъ, Божій даръ* (Ефес. II, 8). Потому не будемъ высокомудрствовать и превозноситься мы—люди, земля и пепелъ, дымъ и тѣнь. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ты превозносишься? Тѣмъ ли, что ты подалъ милостыню и раздалъ имущество? Но что изъ этого? Подумай, что было бы, если бы Богъ не восхотѣлъ сдѣлать тебя богатымъ; подумай о бѣдныхъ, или лучше— вспомни, сколь многіе пожертвовали притомъ и самымъ тѣломъ своимъ и многимъ другимъ, и пожертвовавъ считали себя ничего не сдѣлавшими. Ты подалъ для себя, а Христосъ (предалъ Себя) для тебя; ты отдалъ должное, а Христосъ не былъ тебѣ долженъ. Вспомни о неизвѣстности будущаго и не высокомудрствуй, но страшись; не унижай добродѣтели гордостію. Хочешь ли поистинѣ сдѣлать что-либо великое? Никогда не считай своихъ добрыхъ дѣлъ великими. Но ты пребываешь дѣвственникомъ? И тѣ были дѣвами (Мѳ. xxv, 3), но не получили никакой пользы отъ дѣвства по своей жестокости и безчеловѣчію.

Нѣтъ ничего равнаго смиренномудрію: оно — источникъ, корень, питатель, основаніе и союзъ всего добраго; безъ него мы жалки, скверны и нечисты. Представь, если хочешь, что кто-нибудь воскрешаетъ мертвыхъ, исцѣляетъ хромыхъ, очищаетъ прокаженныхъ, но съ гордостію: ничего не можетъ быть хуже, нечестивѣе и виновнѣе его. Не считай ничего своимъ. Обладаешь ли словомъ и даромъ учительства? Не думай, что ты чрезъ это имѣешь что-нибудь больше другихъ. Потому въ особенности ты и долженъ смиряться, что удостоился большихъ даровъ. Кому больше *отпущено*, тотъ долженъ больше *возлюбить* (Лук. VII, 47). Потому тебѣ и должно смиряться, что Богъ, минуя другихъ, призрѣлъ тебя. Поэтому страшись, такъ какъ это часто служитъ и къ твоей погибели, если не бываешь внимательнымъ.

Чѣмъ ты превозносишься? Тѣмъ ли, что учишь посредствомъ словъ? Но любомудрствовать на словахъ легко; научи меня своею жизнію,—вотъ самый лучшій способъ ученія. Ты говоришь, что надобно быть умѣреннымъ, ведешь объ этомъ длинную рѣчь и витійствуешь, разглагольствуя неудержимо. Но гораздо лучше тебя тотъ,—всѣ скажутъ,—кто учитъ меня этому дѣлами. Обыкновенно не столько внѣдряются въ душу наставленія словами,

сколько дѣлами: и если ты не имѣешь дѣлъ, то разглагольствуя не только не приносишь пользы, но больше причиняешь вредъ; лучше бы молчать. Почему? Потому что предлагаешь мнѣ дѣло невозможное. Если ты, который говоришь такъ много,—разсуждаю я,—не исполняешь этого, то тѣмъ больше я достоинъ извиненія, который ничего не говорю. Потому-то и сказалъ пророкъ: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія моя* (Псал. XLIX, 16)? Гораздо больше вреда въ томъ, когда кто, хорошо поучая словами, опровергаетъ свое ученіе дѣлами. Это стало виною множества золъ въ церквахъ. Потому простите, прошу васъ, если рѣчь наша долѣе остановится на этой страсти. Многіе дѣлаютъ многое для того, чтобы ставши на срединѣ говорить продолжительно; если они удостоятся рукоплесканій отъ народа, то бываетъ съ ними тоже, какъ бы получили они царство: если же окончаніе ихъ рѣчи сопровождается молчаніемъ, то это молчаливое уныніе бываетъ для нихъ мучительнѣе самой геенны. Это такъ низвратило церкви, что и вы ищете слышать слово не обличительное, но могущее услаждать васъ и произношеніемъ и составомъ рѣчи, какъ будто вы слушаете пѣвцовъ и музыкантовъ, и мы холоднымъ и жалкимъ образомъ стараемся угождать вашимъ желаніямъ, которыя слѣдовало бы отвергать.

226 4. И бываетъ тоже, какъ если бы какой отецъ своему слишкомъ нѣжному и притомъ больному сыну давалъ пирожное, прохладительное и все, что только услаждаетъ, а полезнаго ничего не предлагать; и потомъ на замѣчанія врачей сталъ бы говорить въ свое оправданіе: „чтоже дѣлать? Я не могу видѣть плачущаго сына“. Несчастный, жалкій, предатель! — вѣдь я не назову такого отцемъ,—не гораздо ли лучше было бы, причинивъ кратковременную скорбь, возвратить ему совершенное здоровье, нежели временное услажденіе сдѣлать причиною всегдашней скорби? Тоже бываетъ и съ нами, когда мы заботимся о красотѣ выраженій, о составѣ и благозвучіи рѣчи, чтобы доставить удовольствіе, а не принести пользу, чтобы возбудить удивленіе, а не научить, чтобы усладить, а не обличить, чтобы получить рукоплесканія и отойти съ похвалами, а не исправить нравы.

Повѣрьте мнѣ,—не безъ причины говорю,—когда слова мои сопровождаются рукоплесканіями, въ то время я чувствую нѣчто человѣческое (почему не сказать правды?), радуюсь и услаждаюсь; но когда, возвратившись домой, подумаю, что рукоплескавшіе не получили никакой пользы, а если чѣмъ и должны были воспользоваться, то потеряли отъ рукоплесканій и похвалъ, тогда скорблю, жалѣю и плачу, думаю, что все я говорилъ напрасно, и говорю самъ себѣ: какая польза отъ моихъ трудовъ,

когда слушатели не хотятъ получить никакой пользы отъ словъ моихъ? Неоднократно я думалъ постановить правило, запрещающее рукоплесканія и приглашающее васъ слушать въ молчаніи и съ должной благопристойностью. Воздержитесь же, прошу васъ, послушайте меня и, если угодно, постановимъ теперь же такое правило, что никому изъ слушателей не дозволяется рукоплескать въ продолженіе чьей-либо рѣчи; если кто желаетъ удивляться, то пусть удивляется въ молчаніи; никто этому не препятствуетъ; но все вниманіе и стараніе пусть обратится на то, чтобы усвоить сказанное. Но вотъ, для чего вы рукоплещете? Противъ этого-то я полагаю правило; а вы не имѣете терпѣнія выслушать. Оно будетъ виною многихъ благъ и училищемъ любомудрія. Когда внѣшніе (языческіе) философы говорили, никогда никто не рукоплескалъ имъ; когда и апостолы проповѣдывали, никогда не случалось, чтобы среди рѣчи ихъ слушатели прерывали говорившаго рукоплесканіями. Оно принесетъ намъ великую пользу. Итакъ, постановимъ слѣдующее: пусть всѣ слушаютъ въ молчаніи, чтобы мы досказывали все. Вѣдь если мы послѣ рукоплесканій отойдемъ, удерживая слышанное, то и тогда эта похвала совершенно безполезна (но я впрочемъ не стану строго разбирать, чтобы кто не упрекнулъ меня въ неучтивости); если же въ этомъ нѣтъ никакой пользы, но еще вредъ, то удалимъ препятствіе, прекратимъ восхищенія, оставимъ душевные восторги. Христосъ проповѣдывалъ на горѣ; но никто ничего не говорилъ, пока Онъ не окончилъ рѣчи (Мѳ. v, 1; vii, 28). Я не лишаю возможности рукоплескать тѣхъ, которые хотятъ этого; но еще болѣе поддерживаю ихъ восторгъ. Гораздо лучше, выслушавъ въ молчаніи и припоминая (сказанное), рукоплескать во всякое время, и дома и на площади, нежели, растерявъ все, возвратиться домой ни съ чѣмъ, не имѣя и предмета для рукоплесканій. Не будетъ ли достоинъ осмѣянія слушатель, не сочтутъ ли его льстецомъ и насмѣшникомъ, если онъ разсказываетъ, что учитель говорилъ хорошо, а что именно говорилъ, сказать не можетъ? Это свойственно лести. Кто слушалъ музыкантовъ и пѣвцовъ, тому было бы простительно, если бы онъ не могъ передать слышаннаго подобно имъ; а здѣсь не музыка и не пѣніе, но сила сужденій 227
и любомудрія, что̀ легко всякому пересказать и передать: какъ же не признать достойнымъ осужденія того, кто не можетъ объяснить, почему онъ хвалитъ говорившаго? Церкви всего болѣе прилично молчаніе, благочиніе. Шумъ умѣстенъ на зрѣлищахъ, въ баняхъ, на торжествахъ и площадяхъ; а гдѣ преподаются такіе догматы, тамъ должно быть спокойствіе, тишина, любомудріе и совершенная пристань. Это знайте всѣ, прошу и умоляю. Я

изыскиваю всѣ способы, которыми бы могъ сдѣлать полезное для вашихъ душъ. Не маловажнымъ мнѣ кажется и этотъ способъ; онъ можетъ принести пользу не только вамъ, но и намъ. Онъ не попуститъ чваниться и домогаться похвалъ и славы, говорить пріятное, вмѣсто полезнаго, ежеминутно заниматься составомъ и красотою выраженій, вмѣсто силы мыслей. Войди въ мастерскую живописца, и найдешь тамъ великую тишину. Такъ (пусть будетъ) и здѣсь. И здѣсь мы пишемъ изображенія царскія, а не простыхъ людей, красками добродѣтели. Что это? Опять вы ру-
228 коплещете? Дѣло кажется не легкимъ; но это не по свойству (его), а оттого, что вслѣдствіе сильной привычки вы еще не научились исполнять его. Кисть наша здѣсь — языкъ, а художникъ—Духъ Святый. Скажи мнѣ, при совершеніи таинствъ бываетъ ли шумъ, бываетъ ли смятеніе? Когда мы совершаемъ крещеніе или что-либо подобное, не тишина ли и безмолвіе объемлетъ все? Это украшеніе разсѣяно на небѣ. За то осуждаютъ насъ и эллины, что мы все дѣлаемъ какъ бы на показъ и изъ честолюбія. Но когда прекратится это, тогда погаснетъ и страсть—къ переднимъ мѣстамъ. А кто любитъ похвалы, для того достаточно получить ихъ послѣ слушанія, когда онъ станетъ собирать плоды. Да, прошу васъ, постановимъ это правило, чтобы исполняя все, какъ благоугодно Богу, намъ сподобиться Его человѣколюбія, благодатію и щедротами Единороднаго Его, Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXI.

227 **Слышавше же апостоли Варнава и Павелъ, растерзавше ризы своя вскочиста въ народъ, зовуще и глаголюще: мужіе, что сія творите? Мы подобострастни есмы вамъ человѣцы, благовѣствующе вамъ отъ сихъ суетныхъ обращатися къ Богу живу, иже сотвори небо и землю, и море, и вся, яже въ нихъ (Дѣян. xiv, 14, 15).**

1. Смотри, съ какою силою апостолы все дѣлаютъ. Они разорвали одежды, бросились, стали взывать громко, и все это—по расположенію души, по отвращенію къ случившемуся и въ знакъ своей скорби. И дѣйствительно прискорбно было, поистинѣ неутѣшной было скорбію то, что ихъ приняли за боговъ, какъ будто они вводили идолослуженіе, которое пришли разрушить. А подстроено это было діаволомъ. Они же не остаются безмолв-

ными, но что? *И мы*, говорятъ, *подобострастни есмы вамъ человѣцы*. Тотчасъ же остановили зло въ самомъ началѣ. Не сказали просто: *человѣцы*, но: подобные вамъ. Потомъ, чтобы не подумали, что и они почитаютъ боговъ, послушай, что присовокупляютъ: *благовѣствующе вамъ отъ сихъ суетныхъ обращатися къ Богу живу, иже сотвори небо и землю, и море, и вся, яже въ нихъ*. Смотри: они не упоминаютъ о пророкахъ, и не говорятъ, для чего (Богъ), будучи Создателемъ всего, попустилъ язычникамъ жить по своимъ законамъ. *Иже въ мимошедшыя роды оставилъ бѣ вся языки ходити въ путехъ ихъ* (ст. 16). О томъ, что (Богъ) попустилъ, (Павелъ) говоритъ, а для чего попустилъ, еще не (говоритъ); останавливается пока на самомъ нужномъ, не упоминая и о имени Христа. *И убо не несвидѣтельствована себѣ остави, благотворя, съ небесе намъ дожди дая, и времена плодоносна, исполняя пищею и веселіемъ сердца наша* (ст. 17). Смотри: онъ не хочетъ увеличивать вины ихъ, но научаетъ ихъ лучше относить все къ Богу. (Апостолы) знали, что не столько должно заботиться о томъ, чтобы сказать что-либо достойное о Богѣ, сколько о томъ, чтобы сказать полезное слушателямъ. Замѣть, какъ прикровенно онъ указываетъ и на вину ихъ. Вѣдь если (Богъ) столько дѣлалъ для нихъ, то они достойны наказанія за то, что, наслаждаясь такими благами, 228
не познали своего Питателя. Но онъ не говоритъ этого явственно, а только намекаетъ, говоря: *съ небесе намъ дожди дая*. Такъ и Давидъ говорилъ: *отъ плода пшеницы, вина и елеа своего умножишася* (Пс. IV, 8); и во многихъ другихъ мѣстахъ, когда разсуждаетъ о твореніи, указываетъ на это. Іеремія также говоритъ сначала о твореніи, а потомъ о промышленіи, являющемся (въ ниспосланіи) дождей. Ими и онъ руководствуется въ своей рѣчи. *Исполняя*, говоритъ, *пищею и веселіемъ*. Пища (подается) въ изобиліи, а не только въ довольствѣ и соотвѣтственно нуждѣ. *И сія глаголюще, едва устависта народы не жрети имъ* (ст. 18). Поэтому они еще болѣе достойны были удивленія. Видишь ли, что они о томъ и заботились, чтобы остановить это безуміе? *Пріидоша же отъ Антіохіи и Иконіи Іудеи, и наустивше народы, и каменіемъ побивше Павла, извлекоша внѣ града, мняще его умерша* (ст. 19). Подлинно сыны діавола! Не только въ своихъ городахъ, но и внѣ ихъ они поступаютъ такъ и употребляютъ столько же усилій ко вреду проповѣди, сколько апостолы къ ея утвержденію. *И наустивше*, говоритъ, *народы, и каменіемъ побивше Павла, извлекоша внѣ града*. Здѣсь исполняется сказанное: *довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Это больше, нежели воздвигнуть хромого. Язычники приняли ихъ за боговъ, а іудеи *извлекоша, наустивше народы*: не всѣмъ же было обычно

удивленіе относительно ихъ (апостоловъ). И смотри, въ томъ же самомъ городѣ, въ которомъ столько удивлялись имъ, они претерпѣваютъ страданія; и это было полезно для видѣвшихъ. А что (Богъ) для этого попустилъ имъ страдать, послушай, какъ (самъ апостолъ) указываетъ на то, когда говоритъ: *да не како кто вознепщуетъ о мнѣ паче, еже видитъ мя или слышитъ что отъ мене* (2 Кор. xii, 6).

Окрестъ же ставшымъ его ученикомъ, воставъ вниде во градъ (ст. 20). Видишь ли его ревность? Видишь ли горячее и пламенное усердіе? Онъ вошелъ опять въ тотъ же самый городъ. И от-
229 сюда дѣлается явнымъ, что если онъ (потомъ) и удалился, то потому, что хотѣлъ сѣять слово (въ другихъ мѣстахъ) и что не нужно было раздражать ярость ихъ. Это не менѣе чудесъ прославляло ихъ и еще болѣе радовало. Нигдѣ не говорится, чтобы они возвратились, радуясь о томъ, что сотворили знаменія, но— что удостоились принять безчестіе за имя Его. Этому научились они отъ Христа, Который сказалъ: *не радуйтеся, яко бѣсы вамъ повинуются* (Лук. x, 20). Истинная и чистая радость — потерпѣть что-либо за Христа. Потомъ они посѣтили всѣ тѣ города, въ которыхъ подвергались опасностямъ. *И наутріе изыде съ Варнавою въ Дервію. Благовѣствовавше же граду тому и научивше многи, возвратишася въ Листру и Иконію и Антіохію, утверждающе души учениковъ, моляще пребыти въ вѣрѣ, и яко многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (ст. 21, 22).

2. Такъ они говорили, такъ убѣждали. *Утверждающе*, говоритъ (писатель), *души учениковъ*. Такимъ образомъ они были утверждаемы и еще болѣе присоединялись. Предсказывали имъ (страданія), чтобы тѣ не соблазнились, такъ какъ слѣдовало одному и тому же быть не только съ апостолами, но и съ учениками, чтобы они тотчасъ же съ самаго начала познали и силу проповѣди, и то, что и имъ надлежитъ страдать, и чтобы стояли мужественно, не удивляясь только знаменіямъ, но еще болѣе (укрѣпляясь) противъ искушеній. Потому и самъ онъ сказалъ: *той же подвигъ имуще, яковъ же во мнѣ видѣсте и* слышасте (Филип. 1, 30). Гоненія слѣдовали за гоненіями, повсюду были брани, преслѣдованія, побиваніе камнями: каково утѣшеніе? Какъ они убѣждали, въ самомъ началѣ бесѣдуя о страданіяхъ? Но вотъ и другое утѣшеніе. *Рукоположше же имъ пресвитеры на вся церкви и помолившеся съ постомъ, предаша ихъ Господеви, въ него же увѣроваша* (ст. 23). Видишь ли ревность Павла? *Помолившеся*, говоритъ, *съ постомъ, предаша ихъ Господеви.* Вотъ рукоположеніе съ постомъ; опять постъ, очищеніе душъ нашихъ. *И прошедше Писидію, пріидоша въ Памфилію: и глаголавше въ Пергіи слово, сни-*

доша во Атталію (ст. 24, 25). Чтобы ученики не пали духомъ оттого, что принятые за боговъ претерпѣваютъ такія страданія,— они пришли къ нимъ и бесѣдовали. И замѣть: напередъ отходятъ въ Дервію, чтобы дать имъ успокоиться отъ ярости; а потомъ опять въ Листру, Иконію и Антіохію, уступая имъ, когда они были раздражены, и опять обращаясь къ нимъ, когда они успокоились. Видишь ли, какъ они не все совершали благодатію, но иное и собственнымъ тщаніемъ? *И оттуду отплыша во Антіохію, отнюду же бѣша преданы благодати Божіей въ дѣло, еже скончаша* (ст. 26). Для чего приходятъ опять въ Антіохію? Чтобы возвѣстить о случившемся тамъ. Кромѣ того чрезъ это устрояется и великое дѣло: надлежало наконецъ открыто проповѣдывать язычникамъ; потому они и приходятъ возвѣстить, чтобы тѣ могли знать объ этомъ,—а случилось, что тогда же пришли и возбранявшіе бесѣдовать съ язычниками,—и чтобы они, получивъ потомъ подтвержденіе изъ Іерусалима, шли (къ язычникамъ) открыто. Или иначе: изъ этого обнаруживается ихъ не надменный нравъ. Пришедши, они показываютъ и свое дерзновеніе, такъ какъ они и безъ тѣхъ (апостоловъ) возвѣщали язычникамъ, и послушаніе, такъ какъ извѣщаютъ ихъ объ этомъ; совершивъ такія дѣла, они не возгордились. *Отнюду же бѣша пре-* 230
даны, говоритъ (писатель), *благодати Божіей*. Духъ повелѣлъ тогда; но извѣстно, что принадлежащее Духу принадлежитъ и Сыну, потому что одна у Нихъ власть, какъ одна природа Сына и Духа. *Пришедше же и собравше Церковь, сказаша, елика сотвори Богъ съ ними, и яко отверзи* Богъ *языкомъ дверь вѣры. Пребыша же тамо время не мало со ученики* (ст. 27, 28). И слѣдовало, потому что городъ былъ большой и имѣлъ нужду въ учителяхъ. Но обратимся къ вышесказанному. Они поразили ихъ самымъ видомъ своимъ, разодравши одежды. Тоже сдѣлалъ и Іисусъ Навинъ послѣ пораженія народа (израильскаго—Нав. VII, 6). Не подумай, что это недостойно ихъ и ихъ благоповеденія: иначе они не остановили бы такого порыва, иначе не угасили бы этого пламени. Такъ и мы да не оставляемъ дѣлать то, что бываетъ нужно. Если и такимъ образомъ они едва убѣдили ихъ, то чего не было бы, если бы они не поступили такъ? Если бы они не сдѣлали этого, то можно было бы подумать, что они не смиренномудры и болѣе заботятся о собственной чести. И обрати вниманіе на рѣчь, умѣренную въ упрекѣ, исполненную вмѣстѣ удивленія и упрека. Это-то особенно и остановило тѣхъ, т. е. слово: *и мы подобострастни есмы вамъ человѣцы, благовѣствующе вамъ отъ сихъ суетныхъ обращатися къ Богу*. Какъ бы такъ сказали: хотя мы — люди, но больше этихъ (боговъ), потому что они мертвы. Смотри, какъ они

не только останавливаютъ, но и научаютъ, и ничего не говорятъ о предметахъ невидимыхъ. *Иже сотвори*, говоритъ, *небо и землю, и море, и вся, яже въ нихъ*. Свидѣтелями называетъ самыя времена. О, неистовство іудеевъ! Они осмѣлились придти къ народу, столько почтившему апостоловъ, и побить камнями Павла. Извлекли его за городъ, можетъ быть боясь народа. *И помолившеся*, говоритъ (писатель), *съ постомъ, предаша ихъ Господеви*. Учили поститься среди искушеній. Не говорили о томъ, что они сами сдѣлали, но *елика Богъ сотвори съ ними*. Мнѣ кажется, что они говорили объ искушеніяхъ. Пришли сюда не напрасно и не съ тѣмъ, чтобы успокоиться, но предусмотрительно будучи руководимы Духомъ, чтобы болѣе утвердилась проповѣдь между язычниками. Но почему, скажешь, они не поставили пресвитеровъ въ Кипрѣ и въ Самаріи? Потому что послѣдняя была недалеко отъ апостоловъ, а первый—отъ Антіохіи, отчего слово (тамъ) и поддерживалось; здѣсь же имѣли нужду въ большемъ утѣшеніи, особенно вѣрующіе изъ язычниковъ, которыхъ надлежало много научать. Они пришли научать, потому что были истинно рукоположены Духомъ. И посмотри на ревность Павла. Онъ не спрашиваетъ, должно ли проповѣдывать язычникамъ, но тотчасъ же проповѣдуетъ; потому онъ и говорилъ о себѣ: *не приложихся плоти и крови* (Гал. 1, 16).

3. Подлинно, скорбь—великое благо и украшеніе великой и благородной души. Какъ многіе увѣровали послѣ этого, и никто столько не прославился! Такъ и намъ всегда нужна ревность, великая горячность души и готовность ея къ смерти. Невозможно вѣдь получить царствіе иначе, какъ чрезъ крестъ. Не будемъ же обольщать себя. Если во время войны невозможно спастись, предаваясь нѣгѣ, заботясь объ имуществѣ, занимаясь торговлею и оставаясь въ безпечности, то тѣмъ болѣе во время
231 этой брани. Или вы думаете, что эта брань не жесточе всѣхъ другихъ? *Нѣсть наша брань*, говоритъ (апостолъ), *къ крови и плоти* (Ефес. VI, 12). Обѣдаемъ ли мы, ходимъ ли, моемся ли,—врагъ всегда стоитъ подлѣ насъ. Онъ не знаетъ времени отдыха, развѣ только во время сна; но часто и тогда нападаетъ, влагая нечистые помыслы и возбуждая наши страсти сновидѣніями. А мы, считая маловажнымъ то, изъ-за чего онъ нападаетъ, не бодрствуемъ, не трезвимся, не взираемъ на множество враждебныхъ намъ силъ, не думаемъ, что это самое и есть величайшее бѣдствіе, но среди столь многихъ браней предаемся нѣгѣ, какъ будто среди мира. Повѣрьте мнѣ, и теперь можно терпѣть страданія лютѣе тѣхъ, какія претерпѣлъ Павелъ. Тогда побивали его камнями, а теперь можно быть побиваему словами тяжелѣе камней. Что же надобно

дѣлать? То, что онъ дѣлалъ. Онъ не возненавидѣлъ побивающихъ его, но послѣ того, какъ извлекли его вонъ, опять вошелъ въ городъ, чтобы благодѣтельствовать столько оскорбившимъ его. Если и ты перенесъ оскорбленіе отъ обидчика, поступившаго съ тобою несправедливо, то и ты какъ бы побиваемъ былъ камнями. Не говори: я не сдѣлалъ ничего худого. А Павелъ что сдѣлалъ такое, за что бы побивать его камнями? Онъ проповѣдывалъ о царствіи, отклонялъ отъ заблужденія, приводилъ къ Богу: это достойно вѣнцовъ, достойно славы, достойно неисчислимыхъ наградъ, а не камней,—и однако онъ потерпѣлъ противное. Но это и есть блистательная побѣда. *И извлекоша его*, говоритъ (писатель). И тебя часто влекутъ. Но ты не гнѣвайся, а проповѣдуй слово (Божіе), посредствомъ кротости. Оскорбилъ ли тебя кто? Молчи, благословляй, если можешь: такимъ образомъ и ты возвѣстишь слово (Божіе), научишь кротости, внушишь смиреніе. Я знаю многихъ, которые не столько страдаютъ отъ ранъ, сколько отъ оскорбленія словами, потому что рана касается тѣла, а это—души. Но не будемъ огорчаться, или лучше, когда мы оскорблены, будемъ терпѣть. Не видите ли, какъ борцы, будучи ранены въ голову, потерявъ зубы, спокойно переносятъ боли? Но здѣсь не нужно скрежетать, не нужно кусать зубами. Вспомни о твоемъ Владыкѣ, и это воспоминаніе тотчасъ содѣлается для тебя врачествомъ; вспомни о Павлѣ; разсуди, что ты, получая рану, остаешься побѣдителемъ, а тотъ, нанося рану, побѣжденнымъ, и этимъ уврачуешь все. Не увлекайся въ (первую) минуту, и ты тотчасъ исправишь все; не поддавайся (первому) движенію, и угасишь все. Великое утѣшеніе — потерпѣть что-либо за Христа. Если ты не возвѣщаешь слова вѣры, то возвѣщаешь слово любомудрія. Но, скажешь, чѣмъ болѣе (обидчикъ) видитъ кротости, тѣмъ болѣе нападаетъ. Неужели же ты огорчаешься тѣмъ, что онъ умножаетъ для тебя награды? Но, скажутъ, онъ дѣлается неукротимымъ. Это предлогъ твоего малодушія; напротивъ, тогда онъ дѣлается неукротимымъ, когда ты мстишь. Если бы Богъ зналъ, что вслѣдствіе немстительности оскорбители дѣлаются неукротимыми, то не заповѣдалъ бы ея, а сказалъ бы: мсти за себя; но Онъ знаетъ, что она приноситъ болѣе пользы.

Не полагай законовъ, противныхъ Богу; Ему повинуйся; ты не лучше Сотворившаго насъ. Онъ сказалъ: переноси оскорбленія; а ты говоришь: я отмщу оскорбителю, чтобы онъ не сдѣлался неукротимымъ. Такъ ты болѣе (Бога) печешься о немъ? Это—слова страсти, строптивости, гордости, противленія заповѣдямъ Божіимъ. Если бы даже онъ потерпѣлъ отъ того вредъ, то не слѣдуетъ ли повиноваться? Когда Богъ повелѣваетъ что-нибудь,

мы не должны полагать законовъ, противныхъ Ему. *Отвѣтъ смиренъ*, говоритъ (Премудрый), *отвращаетъ ярость* (Притч. XV, 1).
232 Вотъ, что дѣлаетъ (отвѣтъ) смиренный, а не противорѣчивый. Если это полезно для тебя, то полезно и для него; если же вредно для тебя, который думаешь исправить его, то тѣмъ болѣе для него. *Врачу, исцѣлися самъ* (Лук. IV, 23). Сказалъ ли онъ худо (о тебѣ)? Ты похвали (его). Поносилъ ли? Ты превозноси. Замышлялъ ли зло? Ты окажи благодѣяніе. Воздай ему противнымъ, если точно печешься о его спасеніи, а не старайся удовлетворить своей страсти мщенія. Но, скажешь, неоднократно испытавъ мое долготерпѣніе, онъ сдѣлался хуже. Это касается не тебя, а его. Хочешь ли узнать, что претерпѣлъ Богъ? Жертвенники Его разрушили, пророковъ убили (Рим. XI, 3), а Онъ перенесъ все. Не могъ ли Онъ ниспослать молніи свыше? Но послѣ того, какъ посланныхъ Имъ пророковъ убили, Онъ послалъ Сына. Когда они обнаруживали большое нечестіе, тогда Онъ оказывалъ благодѣянія. Такъ и ты, когда видишь (гнѣвливаго) ожесточившимся, тогда тѣмъ болѣе уступи, потому что самое ожесточеніе его имѣетъ нужду въ большемъ послабленіи. Чѣмъ сильнѣе онъ оскорбляетъ, тѣмъ въ большей кротости имѣетъ нужду. Подобно тому какъ горячка, когда особенно усиливается, тогда требуетъ спокойствія, такъ и ожесточившійся. Когда звѣрь слишкомъ разсвирѣпѣетъ, тогда мы всѣ убѣгаемъ отъ него,—такъ и отъ гнѣвнаго. Не подумай, что это честь для него: развѣ мы хотимъ почтить звѣря или бѣснующихся, когда убѣгаемъ отъ нихъ? Нисколько. Это—безчестіе и укоризна; или лучше, не безчестіе и укоризна, но снисхожденіе и человѣколюбіе. Не видишь ли, какъ мореплаватели, когда поднимается сильный вѣтеръ, спускаютъ паруса, чтобы не потопить короблю? И всадникъ, когда кони понесутъ его, даетъ имъ волю и не удерживаетъ, чтобы напрасно не истощить (своей) силы.

4. Такъ поступай и ты. Гнѣвъ—это огонь, это сильный пламень, требующій (горючаго) вещества; не давай пищи огню, и скоро прекратишь зло. Гнѣвъ не имѣетъ силы самъ по себѣ, если кто-либо другой не будетъ поддерживать его. Ничто не можетъ оправдать тебя. Тотъ одержимъ неистовствомъ, и не знаетъ, что дѣлаетъ; а если ты, взирая на него, впадаешь въ тоже и не умудряешься его примѣромъ, то можешь ли получить прощеніе? Если бы кто, находясь на пиршествѣ, увидѣлъ другого въ преддверіи въ пьяномъ и безобразномъ видѣ, а потомъ и самъ впалъ въ то же, не будетъ ли это непростительно тѣмъ болѣе, что онъ упился послѣ того? Такъ и здѣсь. Не будемъ думать, будто можно сказать въ оправданіе: не я началъ; это служитъ къ нашему же

обвиненію, что мы, видя его, не умудрились; это подобно тому, какъ если бы кто сказалъ: убилъ не я первый. Потому-то ты и достоинъ наказанія, что, видя и примѣръ, не удержалъ себя.

Если бы ты видѣлъ, какъ пьяный блюетъ, мучится, терзается, выпучиваетъ глаза, наполняетъ столъ нечистотою, и всѣ убѣгаютъ отъ него, а потомъ самъ впалъ въ то же, то не тѣмъ ли болѣе ты былъ бы отвратителенъ? Таковъ и гнѣвающійся. Онъ напрягаетъ жилы болѣе блюющаго, распаляетъ глаза, терзается внутренностями, изрыгаетъ слова гораздо сквернѣе той пищи, говоритъ все какъ бы непереваренное и ничего дѣльнаго,—потому что гнѣвъ препятствуетъ,—и какъ тамъ часто избытокъ мокротъ, раздражая желудокъ, совершенно истощаетъ его, такъ и здѣсь избытокъ жара, возмущая душу, не позволяетъ скрывать того, о чемъ лучше бы молчать, и гнѣвающійся говоритъ все, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ, посрамляя не слушающихъ, но самого себя. И какъ мы убѣгаемъ отъ блюющихъ, такъ и отъ гнѣвающихся. Что мы дѣлаемъ тогда? Посыплемъ пепелъ на ихъ бле- 233
вотину, тихонько подзовемъ псовъ, чтобы они съѣли изблеванное. Знаю, что вы слушаете съ отвращеніемъ; но мнѣ хочется, чтобы вы чувствовали то же, когда видите и то состояніе, а не услаждались имъ. Гнѣвливый нечистѣе пса, возвращающагося на свою блевотину (2 Петр. II, 22): если бы онъ, изблевавъ однажды, пересталъ, то не былъ бы подобенъ ему; если же опять изблевываетъ тоже, то очевидно, что онъ пожралъ изблеванное. Но что сквернѣе этого? Что нечистѣе устъ, пожирающихъ такую пищу? Притомъ первое есть дѣло природы, а послѣднее—нѣтъ; или лучше, и то и другое противно природѣ. Какъ? Такъ; гнѣваться всуе (Мѳ. V, 22) несвойственно природѣ, но противно ей; потому онъ и не говоритъ ничего, какъ человѣкъ, но иное какъ звѣрь, иное какъ бѣснующійся. Какъ тѣлесная болѣзнь противна природѣ, такъ и это. А то, что это противно природѣ, (видно изъ того), что, если онъ долго останется въ такомъ состояніи, то мало-по-малу погибнетъ; а оставаясь долго въ томъ, что свойственно природѣ, не погибнетъ. Я желалъ бы лучше раздѣлять трапезу съ человѣкомъ, питающимся грязью, нежели съ произносящимъ такія слова. Не видите ли, какъ свиньи пожираютъ калъ? Такъ и эти. Что въ самомъ дѣлѣ срамнѣе словъ, которыя произносятъ гнѣвливые? Они какъ бы стараются не сказать ничего здраваго, ничего чистаго, но что только есть постыднаго, что только есть безобразнаго, то и стараются сказать и сдѣлать; и что всего хуже, посрамляя болѣе самихъ себя, думаютъ, будто посрамляютъ другихъ; а что они посрамляютъ самихъ себя, видно изъ вышесказаннаго. Не возражай мнѣ, что они говорятъ ложь.

Пусть напримѣръ отъявленная блудница, или кто другой изъ дѣйствующихъ на зрѣлищахъ ведетъ съ кѣмъ-нибудь ссору; пусть этотъ скажетъ ему такія слова, а онъ этому точно также: кто изъ нихъ будетъ болѣе оскорбленъ такими словами? Тотъ слышитъ то, что въ немъ есть, а этотъ, чего въ немъ нѣтъ; такимъ образомъ въ томъ ничего не прибыло къ стыду его, а у этого многое прибавилось къ стыду его. Но пусть дѣйствительно будутъ какія-либо дѣла, о которыхъ знаетъ одинъ только гнѣвливый, и пусть онъ, молчавши прежде, обнаружитъ ихъ во время гнѣва; и въ такомъ случаѣ онъ болѣе вредитъ самому себѣ. Ка-
234 кимъ образомъ? Содѣлываясь провозвѣстникомъ зла, заслуживая славу безсовѣстнаго и невѣрнаго; онъ увидитъ, какъ всѣ тотчасъ будутъ порицать его и вездѣ говорить такъ: если бы онъ зналъ даже объ убійствѣ, скажутъ, то и это все высказалъ бы. Всѣ будутъ отвращаться отъ него, какъ отъ нечеловѣка, ненавидѣть его, называть свирѣпымъ и дикимъ звѣремъ, и скорѣе простятъ тому, нежели ему. Мы не столько отвращаемся отъ тѣхъ, которые имѣютъ раны, сколько отъ тѣхъ, которые стараются обнажить и показать ихъ. Такъ и онъ оскорбляетъ не того только, но и самого себя и слушающихъ и всю вообще природу человѣческую; онъ поразилъ слушателя, но ничего добраго не сдѣлалъ. Потому Павелъ и говоритъ: *еже есть благо слово къ созданію, да дастъ благодать слышащимъ* (Еф. VI, 29). Будемъ же имѣть языкъ, изрекающій доброе, чтобы снискать любовь и благорасположенность. Но зло дошло до того, что многіе хвалятся тѣмъ, чего надлежало бы стыдиться. Многіе произносятъ такую угрозу: ты не устоишь, говорятъ, противъ языка моего. Такія слова свойственны женщинѣ пьяной и безпорядочной, старухѣ непотребной, которую преслѣдуютъ на торжищѣ. Нѣтъ ничего постыднѣе этихъ словъ; нѣтъ ничего недостойнѣе мужа, ничего женоподобнѣе, какъ въ языкѣ полагать свою силу и хвалиться злословіемъ, подобно дѣйствующимъ на зрѣлищахъ, подобно шутамъ, тунеядцамъ и льстецамъ. Болѣе свиньи, нежели люди,—тѣ, которые этимъ хвалятся. Тебѣ надлежало бы скрыть это отъ самого себя, и если бы кто другой сказалъ тебѣ объ этомъ, надлежало бы бѣжать отъ словъ его, какъ враждебныхъ и недостойныхъ мужа; а ты самъ дѣлаешься провозвѣстникомъ укоризнъ. Но ты нисколько не повредишь слушающему отъ тебя злое. Потому, увѣщеваю, уразумѣвъ, какъ велико это зло, которымъ многіе даже хвалятся, опомнимся, исправимъ преданныхъ этому безумію, изгонимъ изъ города такія общества, благоустроимъ нашъ языкъ и воздержимъ его отъ всякаго злословія, чтобы, очистившись отъ грѣховъ, мы могли пріобрѣсти благоволеніе свыше и сподобиться человѣколюбія Бо-

жія, благодатію и щедротами Единороднаго Его, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXII.

Пребыша же тамо, говоритъ, время не мало со ученики. 233
И нѣцыи сшедше отъ Іудеи, учаху братію, яко аще не обрѣжетеся по обычаю Моисеову, не можете спастися (Дѣян. XIV, 28; XV, 1).

1. Смотри, какъ вездѣ (іудеи) сами подаютъ поводъ и вынуждаютъ (апостоловъ) обращаться къ язычникамъ. Прежде, будучи порицаемъ, (Павелъ) оправдывался и въ свое оправданіе сказалъ все, что дѣлало слово его удобопріемлемымъ; а затѣмъ, когда іудеи отвратились, пошелъ къ язычникамъ. Теперь опять, видя новое затрудненіе, онъ поставляетъ законъ. Такъ какъ они (Павелъ и Варнава), какъ наученные Богомъ, говорили безъ различія всѣмъ, то это и возбудило ревность въ тѣхъ изъ іудеевъ, которые учили не только обрѣзанію, но и тому, что (безъ него) *не можете спастися*. Благовременно было сказать напротивъ: *аще обрѣжетеся, не можете спастися*. Видишь ли безпрестанныя искушенія извнутри и извнѣ? Хорошо, что это происходитъ въ присутствіи Павла, который могъ сдѣлать возраженіе. Но Павелъ не сказалъ: что же? Неужели я не заслуживаю довѣрія послѣ такихъ знаменій? — а поступилъ кротко для нихъ же. И смотри: всѣ послѣ этого 234
узнаютъ о случившемся съ язычниками, даже и самаряне, и радуются. *Бывшей же распри и стязанію немалу Павлу и Варнавѣ къ нимъ, учиниша взыти Павлу и Варнавѣ и нѣкимъ другимъ отъ нихъ ко апостоломъ и старцемъ во Іерусалимъ о вопрошеніи семъ. Они же убо предпослани бывше отъ Церкве, прохождаху Финикію и Самарію, повѣдающе обращеніе языковъ: и творяху радость велію всей братіи. Пришедше же во Іерусалимъ, пріяти быша отъ Церкве и апостолъ и старецъ, сказаша же, елика сотвори Богъ съ ними* (ст. 2—4). Смотри, какъ это благоустрояется. *Восташа же нѣцыи отъ ереси фарисейскія вѣровавшіи, глаголюще, яко подобаетъ обрѣзати ихъ, завѣщавати же блюсти законъ Моисеовъ. Собрашася же апостоли и старцы видѣти о словеси семъ. Многу же взысканію бывшу, воставъ* 235
Петръ рече къ нимъ: мужіе братіе, вы вѣсте, яко отъ дній первыхъ Богъ въ васъ *избра усты моими услышати языкомъ слово благовѣстія и вѣровати* (ст. 4—7). Смотри, какъ Петръ доселѣ сообщается съ іудеями, будучи давно уже отдѣленъ отъ этого (общенія). *Вы вѣсте*, говоритъ. Вѣроятно, здѣсь были и обвинявшіе его прежде

за Корнилія, и входившіе вмѣстѣ съ нимъ (въ домъ Корнилія— Дѣян. xi, 12); потому онъ приводитъ ихъ въ свидѣтели. *Отъ дній первыхъ Богъ въ васъ избра.* Что значитъ: *въ васъ?* Т. е., говоритъ, въ Палестинѣ, или—въ присутствіи вашемъ. *Усты моими.* Смотри, какъ онъ показываетъ, что Богъ говоритъ чрезъ него, а не что-либо человѣческое. *И сердцевѣдецъ Богъ свидѣтельствова имъ.* Указываетъ имъ на свидѣтельство Духа. *Давъ имъ Духа Святаго, якоже и намъ* (ст. 8). Смотри, какъ вездѣ онъ равняетъ язычниковъ (съ іудеями). *И ничтоже разсуди между нами же и оними, вѣрою очищъ сердца ихъ* (ст. 9). По вѣрѣ одной, говоритъ, они получили тоже самое. Это служитъ къ стыду іудеевъ, или лучше, можетъ и ихъ научить, что нужна одна вѣра, а не дѣла (закона) и не обрѣзаніе. Говоря это, (апостолы) желаютъ не оправдать только язычниковъ, но научить и іудеевъ — оставить законъ. Впрочемъ они еще не выражаютъ этого. *Нынѣ убо что искушаете Бога, хотяще возложити иго на выи ученикомъ, егоже ни отцы наши, ни мы возмогохомъ понести? Но благодатію Господа Іисуса вѣруемъ спастися, якоже и они* (ст. 10. 11). Что значитъ: *искушаете Бога?* Что не вѣруете, говоритъ, Богу? Что искушаете Его, какъ будто Онъ не можетъ спасти вѣрою? Слѣдовательно, держаться закона есть (знакъ) невѣрія. Затѣмъ показываетъ, что они и сами не получаютъ отъ того никакой пользы, но все слагаетъ на законъ, а не на нихъ, и такимъ образомъ смягчаетъ обличеніе. *Егоже*, говоритъ, *ни отцы наши, ни мы возмогохомъ понести. Но благодатію Господа Іисуса Христа вѣруемъ спастися, якоже и они.* Какой силы исполнены эти слова! Онъ говоритъ тоже, о чемъ пространнѣе сказалъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ: *аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася*, говоритъ онъ, *иматъ похвалу, но не у Бога* (Рим. iv, 2). Видишь ли, что это служитъ болѣе къ наученію (іудеевъ), нежели къ оправданію язычниковъ? Если бы онъ говорилъ объ этомъ безъ особеннаго повода, то можетъ быть не выразилъ бы такого замѣчанія; но получивъ тогда поводъ, онъ уже говоритъ безбоязненно. И смотри, какъ вездѣ дѣйствія враговъ обращаются въ пользу апостоловъ. Если бы они не подали повода, то не было бы изречено ни это, ни то, что слѣдуетъ за этимъ. А отсюда они научаются, что хотя бы язычники и не захотѣли обратиться, и тогда не слѣдуетъ презирать ихъ. Но обратимся къ вышесказанному. Въ васъ, говоритъ, *избра*, и *отъ дній первыхъ.* Этими словами показываетъ, что (это было) давно, а не теперь. Не маловажно и то, что это относится къ вѣрующимъ іудеямъ. Двумя обстоятельствами подтверждается сказанное: временемъ и мѣстомъ. Хорошо также сказано: *избра*; не сказалъ: благоволилъ какъ бы къ нимъ, но: *избра.* Откуда это извѣстно?

Отъ Духа, говоритъ. Потомъ показываетъ, что не о благодати только, но и о добродѣтели ихъ свидѣтельствуетъ то, что имъ дано нисколько не менѣе. *Ничтоже разсуди*, говоритъ, *между нами же и онѣми*. Слѣдовательно вездѣ должно изслѣдовать сердца. Благовременно сказалъ: *сердцевѣдецъ Богъ свидѣтельствова имъ*, подобно какъ въ томъ мѣстѣ: *Ты Господи сердцевѣдче всѣхъ, покажи* (Дѣян. I, 24). А что это угодно (Богу), смотри, что присовокупляетъ: *ничтоже разсуди между нами же и онѣми*. Сказавъ о свидѣтельствѣ касательно нихъ, потомъ изрекаетъ великую истину, которую возвѣщаетъ Павелъ: *ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе* (Гал. V, 6), и еще: *да оба созиждетъ собою* (Еф. II, 15). Сѣмена всего этого заключаются въ рѣчи Петра. Не сказалъ: между обрѣзанными, но: *между нами*, т. е. апостолами. Потомъ, чтобы не огорчить словомъ: *ничтоже*, прибавляетъ: *вѣрою очищъ сердца ихъ*, и такимъ образомъ разрѣшаетъ недоумѣніе. Сначала онъ изъяснилъ предметъ рѣчи, а потомъ показываетъ, что не законъ худъ, но они сами слабы. 236

2. Смотри, какъ онъ устрашаетъ въ концѣ рѣчи. Онъ ничего не говоритъ имъ изъ пророковъ, но (ссылается) на настоящія событія, которыхъ они сами были свидѣтелями. Вѣроятно, и они потомъ свидѣтельствуютъ и подтверждаютъ рѣчь его событіями. И замѣть, (Петръ) даетъ сначала произойти разсужденію въ Церкви, и потомъ говоритъ. Такъ какъ онъ говорилъ не объ обрѣзанныхъ, а о язычникахъ (одно, постепенно подтверждаясь, дѣлалось болѣе доказательнымъ, а другое было свойственно испытующему, можно ли спастись при законѣ), то смотри, что онъ дѣлаетъ: онъ показываетъ, что они сами въ опасности, если законъ не могъ сдѣлать того, что сдѣлала вѣра; если же недостаетъ вѣры, то неизбѣжно имъ угрожаетъ погибель. Не сказалъ: вы не вѣруете, что было бы слишкомъ тягостно, когда притомъ самое дѣло доказывало это. Въ Іерусалимѣ не было язычниковъ, а въ Антіохіи они, конечно, были; потому (Павелъ и Варнава) и отправляются туда и пребываютъ тамъ немалое время. Возстали же нѣкоторые изъ фарисеевъ, еще страдавшіе любоначаліемъ и желавшіе подчинить себѣ вѣрующихъ изъ язычниковъ. Павелъ также былъ наученъ въ законѣ, но не страдалъ этимъ недугомъ; по прибытіи же его (изъ Іерусалима) ученіе стало болѣе точнымъ, такъ какъ если находящіеся въ Іерусалимѣ не заповѣдуютъ ничего такого, то тѣмъ болѣе (не должны заповѣдывать) они. Видишь ли, какъ они не страдаютъ любоначаліемъ, радуются о вѣрѣ? Такимъ образомъ разсказы ихъ были не изъ честолюбія и не изъ тщеславія, но для оправданія проповѣди къ язычникамъ; потому они и не говорятъ ничего о случившемся съ іудеями.

Велико упорство фарисеевъ, послѣ вѣры налагающихъ законъ и не повинующихся апостоламъ! Но посмотри, какъ эти бесѣдуютъ кротко и безъ самолюбія; такія бесѣды пріятны и сильнѣе напечатлѣваются. Видишь ли, какъ они никогда не заботятся о краснорѣчіи, но доказываютъ дѣлами и Духомъ? И при такихъ доказательствахъ они бесѣдуютъ кротко. И смотри: они не идутъ порицать бывшихъ въ Антіохіи, но отсюда опять берутъ поводъ (къ своимъ распоряженіямъ). Такимъ образомъ заботились о любоначаліи тѣ, которые были осуждены и безъ намѣренія апостоловъ. Впрочемъ, ничего такого они не произносили; но когда уже рѣшили дѣло, тогда и написали съ большею силою. Такъ кротость всегда есть великое благо; кротость, говорю, а не холодность; кротость, а не лесть,—потому что эти свойства весьма различны между собою.

Ничто не раздражало Павла, ничто—Петра. Если ты имѣешь доказательства, то для чего гнѣваешься? Не для того ли, чтобы сдѣлать и ихъ недѣйствительными? Никогда не можетъ убѣдить гнѣвающійся. Вчера мы разсуждали о гнѣвѣ; ничто не препятствуетъ говорить (о томъ же) и сегодня; частое повтореніе, можетъ быть, и сдѣлаетъ что-нибудь. И лѣкарство, имѣющее силу исцѣлить рану, если не будетъ прилагаемо часто, испортитъ все.
237 Не подумайте же, будто отъ невниманія къ вамъ мы часто говоримъ объ одномъ и томъ же; если бы мы не обращали вниманія, то и не говорили бы; но мы потому теперь говоримъ это, что надѣемся принести вамъ великую пользу. О, если бы мы постоянно говорили объ одномъ и томъ же! О, если бы у насъ не было ни другого предмета разговоровъ, ни другой заботы, кромѣ того, какъ бы обуздать наши страсти! Не странно ли,—тогда какъ у царей, живущихъ въ изобиліи и такой чести, нѣтъ другого разговора ни за столомъ, ни въ иное время, кромѣ того, какъ бы побѣдить враговъ, для чего они и дѣлаютъ каждый день совѣщанія, собираютъ военачальниковъ и воиновъ, требуютъ податей и въ гражданскихъ дѣлахъ считаютъ необходимымъ имѣть въ виду эти два обстоятельства, какъ бы побѣдить враговъ и устроить въ мирѣ своихъ, мы не хотимъ даже во снѣ разсуждать о такихъ предметахъ? О томъ, какъ бы купить поле, какъ (пріобрѣсти) рабовъ и увеличить имущество, мы разсуждаемъ каждый день и не знаемъ сытости; а о нашихъ, поистинѣ нашихъ дѣлахъ не хотимъ ни сами говорить, ни другихъ говорящихъ о томъ слушать. О чемъ же, скажи мнѣ, желаешь ты бесѣдовать? Объ обѣдѣ? Но объ этомъ говорить свойственно поварамъ. О деньгахъ? Но это—(дѣло) купцевъ и торговцевъ. О строеніяхъ? Но это—архитекторовъ и домостроителей. О землѣ? Но это — земледѣльцевъ.

Наше же дѣло не иное какое, а то, какъ бы стяжать богатство для души. Потому да не будетъ вамъ противно наше слово. Отчего никто не осуждаетъ врача, постоянно разсуждающаго о врачебномъ искусствѣ, ни другихъ художниковъ, разсуждающихъ о своихъ художествахъ? Если бы наши страсти были такъ укрощены, что не нужно было бы и напоминать о нихъ, то справедливо могли бы насъ упрекать въ честолюбіи и тщеславіи. Впрочемъ и тогда не (могли бы). Если бы онѣ и были укрощены, и тогда нужно было бы говорить, чтобы не впасть въ нихъ снова. И врачи бесѣдуютъ не только съ больными, но и съ здоровыми; есть у нихъ и книги такого содержанія, чтобы однихъ исцѣлять отъ болѣзни, а другимъ сохранять здоровье. Такъ и намъ, хотя бы мы и были здоровы, не слѣдуетъ уклоняться, но дѣлать все, чтобы сохранить свое здоровье.

3. Если же мы больны, то для насъ вдвойнѣ нужны эти бесѣды: во-первыхъ, чтобы исцѣлиться отъ болѣзни; во-вторыхъ, чтобы исцѣлившись не впасть въ нее снова. Итакъ, мы будемъ бесѣдовать нынѣ по способу врачебному, а не по такому, какой приличенъ въ здоровомъ состояніи. Какимъ же образомъ можно исторгнуть эту злую страсть? Какъ утолить эту сильную горячку? Посмотримъ, откуда она произошла, и уничтожимъ причину. Откуда же она обыкновенно происходитъ? Отъ надменности и великой гордости. Уничтожимъ эту причину, и вмѣстѣ уничтожится болѣзнь. А что такое надменность? Откуда она происходитъ? Можетъ быть, мы находимся въ опасности найти еще другое начало. Такимъ образомъ, какую (причину) укажетъ намъ слово, на ту и устремимся, чтобы исторгнуть зло въ основаніи и съ корнемъ. Откуда же надменность? Отъ того, что мы не испытуемъ себя самихъ; о свойствахъ земли, хотя мы и не земледѣльцы, стараемся узнать, также о свойствахъ растеній, о свойствахъ золота, хотя мы и не торговцы, объ одеждахъ и обо всемъ, а относительно насъ 238
самихъ и нашей природы не стараемся этого дѣлать. Но кто же, скажешь, не знаетъ собственной природы? Многіе, и можетъ быть всѣ, кромѣ немногихъ. Если угодно, отсюда я и начну обличеніе. Скажи мнѣ: что такое человѣкъ? Если кого спросить: чѣмъ онъ отличается отъ безсловесныхъ, какъ онъ сроденъ существамъ небеснымъ, что можетъ сдѣлаться изъ человѣка,—могъ ли бы онъ отвѣчать правильно? Не думаю. Какъ о какой-нибудь вещи, такъ и о человѣкѣ (можно сказать): человѣкъ есть существо; но онъ можетъ сдѣлаться и ангеломъ и звѣремъ. Не странными ли кажутся вамъ эти слова? Но вы часто слышали ихъ въ Писаніяхъ; тамъ о нѣкоторыхъ людяхъ говорится, что *ангелъ Господа есть; и закона*, говоритъ, *взыщутъ отъ устъ его* (Малах. II,

7); и еще: *посылаю ангела моего предъ лицемъ моимъ* (—III, 1); о нѣкоторыхъ же, что они—змѣи, *порожденія ехиднова* (Мѳ. XII, 34). Такъ, по собственному настроенію, онъ можетъ быть всѣмъ, и ангеломъ, и человѣкомъ. Что я говорю ангеломъ? И сыномъ Божіимъ: *азъ рѣхъ,* говоритъ (Писаніе), *бози есте и сынове Вышняго вси* (Пс. LXXXI, 6). А еще важнѣе то, что онъ самъ имѣетъ власть дѣлаться и богомъ, и ангеломъ, и сыномъ Божіимъ. Человѣкъ даже созидаетъ ангела. Можетъ быть васъ изумляютъ эти слова? Но послушайте, что говоритъ Христосъ: *въ воскресеніе ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели суть* (Мѳ. XXII, 30), и еще: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (XIX, 12). Вообще ангелами дѣлаетъ добродѣтель, а добродѣтель въ нашей власти; слѣдовательно, мы можемъ созидать ангеловъ, если не по естеству, то по произволенію. Безъ добродѣтели нѣтъ никакой пользы быть ангеломъ по естеству; это доказываетъ діаволъ, бывшій такимъ прежде; а съ нею нѣтъ никакого вреда быть человѣкомъ по естеству; это доказываютъ Іоаннъ, бывшій человѣкомъ, и Илія, восшедшій на небо, и всѣ, имѣющіе отойти туда. Имъ и тѣло не воспрепятствовало обитать на небѣ; а тѣ, будучи безтѣлесными, не могли остаться на небѣ. Потому пусть никто не скорбитъ и не жалуется на свою природу, какъ бы она препятствовала, но на свое произволеніе. Тотъ левъ сдѣлался изъ безтѣлеснаго: *се,* говоритъ (апостолъ), *супостатъ нашъ яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8); а мы (дѣлаемся) ангелами изъ тѣлесныхъ. Подобно тому, какъ кто-либо, нашедши драгоцѣнное вещество, напр. жемчугъ, или перлъ, или другое что подобное, и пренебрегши имъ, какъ не свѣдущій въ такихъ вещахъ, понесъ бы великую потерю, такъ и мы, если не будемъ знать своей природы, то совершенно пренебрежемъ ею; если же познаемъ ее, то окажемъ великое попеченіе и получимъ величайшую пользу, потому что изъ нея бываетъ царская одежда, изъ нея—царское жилище, изъ нея—царскіе члены, (изъ нея)—все царское. Не будемъ же злоупотреблять ко вреду своему собственною природою. *Малымъ чимъ умалилъ насъ Богъ отъ ангелъ* (Пс. VIII, 6), т. е. смертію; но и это мы получили на малое время. Итакъ, ничто не препятствуетъ намъ приблизиться къ ангеламъ, если мы захотимъ. Да будетъ же, да будетъ въ насъ это желаніе, чтобы намъ, совершивъ свой подвигъ, возсылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIII.

По умолчаніи же ихъ, отвѣща Іаковъ, глаголя: мужіе братіе, послушайте мене. Симеонъ повѣда, яко прежде Богъ посѣти пріяти отъ языкъ люди о имени своемъ: и сему согласуютъ словеса пророкъ (Дѣян. XV, 13—15). 239

1. (Іаковъ) былъ епископомъ іерусалимской Церкви,—потому онъ и говоритъ послѣдній. Здѣсь исполняется сказанное: *при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ* (Мѳ. XVIII, 16). Посмотри и на благоразуміе его: онъ подтверждаетъ свое слово новыми (учителями) и древними пророками, такъ какъ онъ не могъ указать на какое-либо событіе, подобно Петру или Павлу. И хорошо устроется, что это произошло чрезъ тѣхъ, которые не намѣревались остаться въ Іерусалимѣ, а этотъ (Іаковъ) поучающій ихъ, не былъ подчиненъ имъ, хотя и не отдѣлялся отъ ихъ мнѣнія. Что же онъ говоритъ? *Мужіе братіе, послушайте мене. Симеонъ повѣда*. Нѣкоторые говорятъ, что этотъ (Іаковъ) есть тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Лука (Лук. V, 10); иные (разумѣютъ) другого, соименнаго ему. Тотъ ли онъ или другой, нѣтъ нужды изслѣдовать; а только слѣдуетъ припять, какъ необходимое, то, что сказано имъ. *Мужіе братіе*, говоритъ онъ. Велико смиреніе этого мужа и совершенна эта рѣчь; она полагаетъ конецъ дѣлу. *Яко прежде Богъ посѣти пріяти отъ языкъ люди о имени своемъ: и сему согласуютъ словеса пророкъ*. Хотя онъ издавна былъ извѣстенъ, но какъ не былъ непререкаемъ, не будучи древнимъ, то присовокупляетъ древнее пророчество и говоритъ: *якоже пишетъ: по сихъ обращуся и созижду кровъ Давидовъ падшій, и раскопаная его созижду, и исправлю его, яко да взыщутъ прочіи человѣцы Господа, и вси языцы, въ нихже наречеся имя мое, глаголетъ Господь творяй сія вся* (ст. 15—17). Какъ? Развѣ Іерусалимъ не былъ возобновленъ и послѣ опять не былъ разрушенъ? Но не объ этомъ онъ говоритъ здѣсь. О какомъ же, скажешь, онъ говоритъ возобновленіи? О томъ, которое было послѣ (плѣна) Вавилонскаго. *Разумна отъ вѣка суть Богови вся дѣла его* (ст. 18). Непререкаемы слова его; здѣсь (говоритъ) нѣтъ чего-либо новаго, но все предызображено отъ начала. Затѣмъ слѣдуетъ его мнѣніе. *Сего ради азъ сужду не стужати отъ языкъ обращающымся къ Богу, но заповѣдати имъ огребатися отъ требъ идольскихъ и отъ блуда и удавленины и отъ крове. Моисей бо отъ родовъ древнихъ по всѣмъ градомъ проповѣдающыя его иматъ въ сонмищахъ по вся субботы чтомый* (ст. 19—21). Такъ какъ они еще не слыхали изъ закона (объ этомъ предметѣ), то онъ прилично приводитъ изреченіе изъ

закона, чтобы не показалось, что онъ нарушается. Но, смотри, онъ не допускаетъ ихъ выслушать это отъ закона, но отъ себя самого: *сужду азъ*, т. е. выслушавъ отъ меня самого, не отъ закона. Потомъ постановляется общее рѣшеніе. *Тогда изволися апостоломъ и старцемъ со всею Церковію, избравше* мужи *отъ нихъ, послати во Антіохію съ Павломъ и Варнавою, Іуду нарицаемаго Варсаву и Силу*, мужи нарочитыя *въ братіи, написавше рукама ихъ сія* (ст. 22). Смотри: они не просто постановляютъ это, но чтобы рѣшеніе было достовѣрно и чтобы прибывшіе съ Павломъ не
240 подверглись подозрѣнію, посылаютъ тѣхъ отъ себя. И смотри, какъ сильно они укоряютъ (противниковъ) въ своемъ посланіи: *апостоли и старцы и братія, сущымъ во Антіохіи и Сиріи и Киликіи братіямъ, иже отъ языкъ, радоватися. Понеже слышахомъ, яко нѣцыи отъ насъ возмутиша васъ словесы, развращающе души ваша, глаголюще* обрѣзати имъ чада *и блюсти законъ, имже мы не завѣщахомъ* (ст. 23, 24). Обличеніе, достаточное для неразумія тѣхъ и достойное кротости апостоловъ, которые не сказали ничего болѣе. *Изволися намъ, собравшымся единодушно, избранныя мужи послати къ вамъ, съ возлюбленными нашими Варнавою и Павломъ, человѣки предавшими души своя о имени Господа нашего Іисуса Христа* (ст. 25. 26). Чтобы показать, что не самовластно, что это всѣмъ *изволися*, что они пишутъ это съ разсужденіемъ, онъ сказалъ: *избранныя* отъ насъ *мужи*. А чтобы не показалось порицаніемъ Павла и Варнавы то, что посылаютъ тѣхъ, смотри похвалу имъ: *человѣки*, говоритъ, *предавшими души своя о имени Господа нашего Іисуса Христа. Послахомъ убо Іуду и Силу, и тѣхъ словомъ сказующихъ таяжде. Изволися бо Святому Духу и намъ* (ст. 27, 28). Слѣдовательно это не человѣческое (ученіе), если *Духу* такъ *изволися. Ничтоже множае возложити вамъ тяготы* (ст. 28). Опять законъ называютъ бременемъ. Потомъ дѣлаютъ оговорку касательно слѣдующаго: *развѣ нуждныхъ сихъ, огребатися отъ идоложертвенныхъ и удавленины и блуда и крове, отъ нихже соблюдающе себе добрѣ сотворите* (ст. 29). Новый (законъ) этого не предписывалъ: Христосъ нигдѣ не говоритъ объ этомъ; но они заимствуютъ это изъ закона. *И удавленины*, говоритъ. Здѣсь запрещается убійство. *Они же убо послани бывше, пріидоша во Антіохію: и собравше народъ, вдаша писаніе. Прочетше же, возрадовашася о утѣшеніи* (ст. 30, 31). Потомъ, чтобы показать, что и тѣ утѣшали ихъ, (писатель) присовокупилъ: *Іуда же и Сила, и тіи пророцы суще, словомъ многомъ утѣшаша братію, и утвердиша. Пребывше же тамо время, отпущени быша съ миромъ отъ братій ко апостоломъ* (ст. 32, 33).

2. Прекратились несогласія и распри,—потому, утвердивъ

ихъ, они и отошли съ миромъ. Съ Павломъ у нихъ были состязанія, но Павелъ и послѣ того учитъ. Такъ, въ Церкви не было никакой надменности, но великое благочиніе. И смотри: послѣ Петра говоритъ Павелъ и никто не останавливаетъ его; Іаковъ ожидаетъ и не выступаетъ впередъ, хотя ему предоставлено было первенство. Ничего не говоритъ здѣсь Іоаннъ, ничего и прочіе апостолы, и хотя молчатъ, но не огорчаются: такъ душа ихъ была чужда тщеславія! Но обратимся къ вышесказанному. *По умолчаніи же ихъ*, говоритъ (писатель), *отвѣща Іаковъ глаголя: Симеонъ повѣда, яко прежде Богъ посѣти.* Сначала говорилъ Петръ сильнѣе, а потомъ этотъ кротче. Такъ всегда нужно поступать тому, кто имѣетъ большую власть, укоризны предоставлять другимъ, а самому говорить съ большею кротостію. Хорошо онъ сказалъ: *Симеонъ повѣда,* какъ бы и тотъ выражалъ мнѣніе другихъ. Смотри, 241
насколько древнимъ онъ представляетъ это дѣло. *Пріяти*, говоритъ, *отъ языкъ люди о имени своемъ.* Не просто *избралъ*, но *о имени своемъ*, т. е. во славу свою. Не стыдится называть славою имени Его принятіе язычниковъ, такъ какъ это большая слава. Здѣсь онъ указываетъ на нѣчто великое. На что же? На то, что они, говоритъ, (приняты) *прежде* всѣхъ. *По сихъ*, говоритъ, *обращуся и созижду кровъ Давидовъ падшій.* Кто разсмотритъ внимательно, тотъ найдетъ, что царство Давида стоитъ и теперь. Если царствуетъ потомокъ его, то конечно существуетъ и его царство. Какая польза отъ зданій и города, когда нѣтъ подданныхъ? И какой вредъ отъ разрушенія города, когда всѣ готовы отдать за него души свои? Такимъ образомъ оно не только стоитъ, но еще сдѣлалось знаменитѣе всѣхъ, потому что прославляется теперь по всей вселенной. Исполнилось одно; должно исполниться и другое. Сказавъ: *и созижду,* присовокупляетъ и причину, для чего это, именно: *яко да взыщутъ прочіи человѣцы Господа.* Если городъ возстановленъ для того, кто (произошелъ) отъ нихъ, то очевидно, что причиною созданія города было призваніе язычниковъ. Кто эти *прочіи?* Тѣ, которые остались тогда (не принятыми). Но, смотри, онъ соблюдаетъ порядокъ и поставляетъ ихъ на второмъ мѣстѣ. *Глаголетъ Господь,* говоритъ, *творяй сія вся.* Не только глаголетъ, но и творитъ. Слѣдовательно, призваніе язычниковъ есть дѣло Божіе. Впрочемъ, дѣло шло о другомъ,— какъ выразилъ ясно и Петръ,—о томъ, что не должно обрѣзываться язычникамъ. Для чего же ты говоришь это? Они не то говорили, что не должно принимать ихъ, когда они вѣруютъ, но то, что (должно принимать) съ соблюденіемъ закона. Петръ хорошо объяснилъ и это; но такъ какъ это болѣе всего смущало слушателей, то Іаковъ опять обращаетъ на это вниманіе. И смотри:

то, что нужно положить за правило—не соблюдать закона, доказалъ Петръ; а о томъ, что свойственно намъ и давно было принято, говоритъ (Іаковъ) и особенно останавливается на томъ, о чемъ ничего не было писано, чтобы, уврачевавъ умъ ихъ напоминаніемъ о допущенномъ, удобно доказать и это. *Сего ради азъ сужду не стужати отъ языкъ обращающымся къ Богу*, т. е. не отвращать ихъ. Если Богъ призвалъ, а соблюденіе закона отвращаетъ ихъ, то (въ этомъ случаѣ) мы воюемъ противъ Бога. Хорошо онъ сказалъ: *отъ языкъ обращающымся*, показывая тѣмъ и Божіе о нихъ смотрѣніе свыше, и ихъ покорность и готовность къ призванію. Что значитъ: *сужду азъ*? Иначе сказать: со властію говорю, что это такъ. *Но заповѣдати имъ*, говоритъ, *огребатися отъ требъ идольскихъ и отъ блуда и удавленины и отъ крове.* Хотя это касается предметовъ тѣлесныхъ, но необходимо воздерживаться отъ нихъ, потому что они производили великое зло. А чтобы кто-нибудь не возразилъ: почему мы не предписываемъ того же іудеямъ? онъ присовокупилъ: *Моисей отъ родовъ древнихъ по всѣмъ градомъ проповѣдающыя его имать*, т. е. Моисей непрестанно говоритъ имъ объ этомъ,—что и означаютъ слова: *по вся субботы чтомый*. Смотри, какое снисхожденіе! Въ чемъ (законъ) не причинялъ вреда, въ томъ (апостолъ) оставилъ (его) имъ наставникомъ, и между тѣмъ даровалъ благодать ни въ чемъ не стѣсняющую, повелѣвъ іудеямъ повиноваться ему во всемъ и не подчиняя (ему) вѣрующихъ изъ язычниковъ. Такимъ образомъ, чѣмъ повидимому почтилъ его и удержалъ власть его надъ своими, тѣмъ самымъ устранилъ отъ него язычниковъ. Почему же они
242 (іудеи) не научаются отъ него? По своему непокорству. Отсюда онъ показываетъ, что и имъ ничего болѣе не слѣдуетъ соблюдать (изъ закона). Если же имъ не предписывается объ этомъ, то не потому, чтобы они должны были соблюдать что-нибудь болѣе, но потому, что они имѣютъ учителя. Не сказалъ: не соблазнять ихъ, или: *превратити*, какъ сказалъ Павелъ къ Галатамъ (1, 7), но: *не стужати*, чѣмъ означается не иное какое-либо дѣйствіе, какъ только отягощеніе. Такимъ образомъ онъ разрѣшилъ все. Повидимому онъ заповѣдуетъ соблюдать законъ, потому что изъ него заимствуетъ эти (предписанія), но (въ дѣйствительности) онъ отрѣшилъ отъ него, заимствуя только это. Часто было говорено имъ объ этомъ, но (говоритъ и онъ), чтобы показать, что онъ уважаетъ законъ, и притомъ говоритъ не отъ лица Моисея, а отъ лица апостоловъ, и, для исполненія многихъ заповѣдей, избралъ одну. Это особенно и успокоило ихъ. Итакъ самое разногласіе произошло по смотрѣнію (Божію), чтобы послѣ разногласія ученіе сдѣлалось болѣе твердымъ. *Тогда*, говоритъ (пи-

сатель), *изволися апостоломъ* мужи нарочитыя *въ братіи послати.* Не какихъ-нибудь, но *нарочитыхъ* посылаютъ, послѣ избранія. *Сущымъ*, говоритъ, *во Антіохіи и Сиріи и Киликіи*, гдѣ народилась болѣзнь.

3. Смотри, какъ они не говорятъ противъ тѣхъ ничего оскорбительнаго, но заботятся только объ одномъ, чтобы исправить случившееся: это и расположило тамошнихъ возмутителей принять рѣшеніе. Не сказали: вы прельстители, губители, и тому подобное. Когда нужно было, то Павелъ поступалъ такъ, наприм., когда онъ говоритъ: *о исполнене всякія льсти* (Дѣян. XIII, 10); но здѣсь, когда дѣло было уже исправлено, не было въ этомъ нужды. И смотри: не говорятъ: *яко нѣцыи отъ насъ* повелѣли вамъ соблюдать законъ, но: *возмутиша васъ словесы развращающе.* Невозможно выразиться точнѣе; никто не сказалъ бы такъ (хорошо). *Души*, говоритъ, уже утвержденныя, *развращающе* (ἀνασκευάζοντες), какъ бы въ зданіи перелагая уже положенное другими. *Имже*, говорятъ, *мы не повелѣхомъ. Изволися намъ собравшымся единодушно съ возлюбленными.* Если они *возлюбленные*, то не пренебрегутъ ими; если *предаша души своя*, то они достойны довѣрія. *Послахомъ убо*, говоритъ, *Іуду и Силу, и тѣхъ словомъ сказующихъ таяжде.* И слѣдовало явиться не одному только посланію, чтобы не сказали, что сократили (опредѣленіе), сказали одно вмѣсто другого. Похвала, приписанная Павлу, заградила имъ уста. Потому и отправляются не одинъ только Павелъ, или Варнава, но и другіе отъ Церкви, чтобы не смотрѣли на него съ подозрѣніемъ, такъ какъ онъ держался того же ученія, и не одни только посланные изъ Іерусалима. Показываетъ, какъ они достойны довѣрія; они не превозносятся, говоритъ, не столь неразумны; потому и прибавилъ: *человѣки предавшими души своя о имени Господа нашего Іисуса Христа.* А почему сказано: *изволися Духу Святому и намъ*, тогда какъ достаточно было бы сказать: *Духу Святому? Духу Святому* — сказано для того, чтобы не подумали, что это человѣческое (ученіе), а *намъ*—для того, чтобы внушить, что и они сами принимаютъ это, хотя и принадлежатъ къ обрѣзаннымъ. *Ничтоже множае*, говоритъ, *возложити вамъ тяготы.* Говорятъ это потому, что обращаютъ рѣчь къ людямъ немощнымъ и находившимся въ страхѣ; потому и прибавляютъ это. Но въ то же время показываетъ, что опредѣленіе является не по снисхожденію, не потому будто щадили ихъ, какъ немощныхъ,—напротивъ, великое было тогда уваженіе къ учителямъ,—но потому, что это было бы излишнимъ бременемъ. Смотри, какъ кратко посланіе и не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго, ни хитросплетеній, ни умозаключеній, но только опредѣленіе: оно было законополо-

243 женіемъ Духа. Бременемъ же называютъ (законъ) въ разныхъ мѣстахъ. И опять: *собравше народъ, вдаша посланіе.* По (прочтеніи) посланія и сами обратились (къ нимъ) со словомъ; а это нужно было, чтобы освободиться отъ всякаго подозрѣнія. *И тіи,* говоритъ (писатель), *пророцы суще, словомъ многимъ утѣшиша братію* (ст. 39). Показываетъ, какъ они были достойны довѣрія. Могъ (сдѣлать это) и Павелъ; но слѣдовало и имъ. *Пребывше же тамо время, отпущени быша съ миромъ* (ст. 33). Уже нѣтъ распри, нѣтъ разногласія! Тогда, мнѣ кажется, они приняли десницы (апостоловъ), какъ самъ Павелъ говоритъ: *десницы даша мнѣ и Варнавѣ общенія* (гл. II, 9). Говоритъ также: *ничтоже мнѣ привозложиша* (ст. 6), потому что они приняли его мнѣніе и съ уваженіемъ одобрили. Показываетъ, что и по человѣческому соображенію, а не только отъ Духа, можно видѣть, что (язычники) совершали грѣхи неудобоисправимые; это не требуетъ (вразумленія) Духа. Показываетъ также, что прочее не необходимо и даже излишне, если только это необходимо. *Отъ нихже соблюдающе себе,* говорятъ, *добрѣ сотворите.* Выражаетъ, что этого достаточно для нихъ и ничего болѣе ненужно. Можно было (заповѣдать) и безъ посланія; но, чтобы законъ былъ заключенъ въ письмени, они пишутъ посланіе. И опять, чтобы было это повиновеніе закону, и они тѣмъ говорили, и тѣ исполняли, и *съ миромъ.* Да не соблазняютъ и насъ еретики. Смотри, сколько было соблазновъ въ началѣ (евангельской) проповѣди; не говорю о внѣшнихъ, — эти ничего не значили, — но о внутреннихъ. И, во-первыхъ, Ананія, потомъ ропотъ, затѣмъ Симонъ волхвъ, потомъ негодованіе на Петра за Корнилія, затѣмъ голодъ, и наконецъ это самое главное изъ золъ.

Дѣйствительно, какъ скоро является какое-либо добро, то невозможно, чтобы не примѣшалось и зло. Не будемъ же смущаться, если нѣкоторые соблазняются, но и за нихъ будемъ благодарить Бога, что Онъ дѣлаетъ насъ болѣе опытными. Не скорби только, но и самыя искушенія дѣлаютъ насъ болѣе славными. Держащійся истины, если никто не совращаетъ его, не былъ бы крѣпкимъ любителемъ истины; а когда многіе совращаютъ его, тогда онъ дѣлается славнымъ. Что же? Не для этого ли и бываютъ соблазны? Не говорю, что будто бы Богъ производитъ ихъ,—да не будетъ!—но Онъ и чрезъ это зло благодѣтельствуетъ намъ, хотя самъ отнюдь не желаетъ его. Дай имъ, говоритъ Онъ, да *едино будутъ* (Іоан. XVII, 21). Если же бываютъ соблазны, то и они нисколько не вредятъ имъ, но приносятъ пользу. Какъ мученикамъ невольно приносятъ пользу тѣ, которые влекутъ ихъ на мученіе, а Богъ отнюдь не побуждаетъ ихъ къ тому,

такъ и здѣсь. Не будемъ же взирать на то, что (многіе) соблазняются. То самое и служитъ знакомъ превосходства нашего ученія, что многіе притворно подражаютъ ему; вѣдь если бы оно не было хорошо, то они не представлялись бы подражающими. Раскрою это вамъ яснѣе.

4. Благовонныя масла имѣютъ поддѣлывателей, какъ напримѣръ, листъ амома. Такъ какъ они рѣдки и нужны, то и бываетъ много поддѣльныхъ. Никто не станетъ поддѣлывать что-нибудь другое изъ вещей дешевыхъ. Такъ и чистая жизнь имѣетъ многихъ поддѣлывателей; никто не рѣшится казаться пребывающимъ въ нечистотѣ, но пребывающимъ въ иночествѣ. Что же мы будемъ отвѣчать эллинамъ? Вотъ приходитъ эллинъ, и говоритъ: я хочу быть христіаниномъ, но не знаю, къ кому присоединиться,— у васъ много несогласій и распрей и великое смятеніе. Какое мнѣ избрать ученіе? Какое предпочесть? Каждый говоритъ: я содержу истину. Кому вѣрить, когда я совершенно ничего не знаю въ Писаніяхъ? И тѣ (еретики) представляютъ тоже самое. Точно, это бываетъ между нами. Но если бы мы говорили, что нужно 244
вѣрить умствованіямъ, то ты справедливо могъ бы смущаться; если же мы говоримъ, что (нужно) вѣровать Писаніямъ, которыя просты и истинны, то тебѣ легко (найти) требуемое. Кто согласенъ съ (Писаніями), тотъ христіанинъ; а кто несогласенъ съ ними, тотъ далекъ отъ этого правила. А что, если онъ придетъ и скажетъ: Писаніе говоритъ так, а ты говоришь другое, и вы изъясняете Писанія иначе, извращая смыслъ ихъ? Но, скажи мнѣ, развѣ ты не имѣешь ума и разсудка? Какъ я, скажетъ, могу судить, не зная ничего вашего? Я хочу быть ученикомъ, а ты уже дѣлаешь меня учителемъ. Если онъ такъ скажетъ, то, говоришь, что мы будемъ отвѣчать? Какъ убѣдимъ его? Спросимъ: не притворство ли это и предлогъ? Спросимъ: осуждаетъ ли онъ эллиновъ? Во всякомъ случаѣ онъ скажетъ что-нибудь, потому что, не осуждая ихъ, не пришелъ бы къ намъ. Спросимъ о причинѣ, почему онъ осуждаетъ, потому что не напрасно же осуждаетъ. Онъ скажетъ, какъ извѣстно: потому что (боги ихъ) суть твари, а не Богъ несозданный. Хорошо. Послѣ этого, если онъ найдетъ тоже въ иныхъ ересяхъ, а у насъ противное, то нужно ли и говорить болѣе? Всѣ мы исповѣдуемъ, что Христосъ есть Богъ. Посмотримъ же, кто съ этимъ согласенъ, и кто несогласенъ. Мы, называя Его Богомъ, и говоримъ о Немъ достойное Бога, что Онъ имѣетъ власть, что Онъ не есть рабъ, но свободенъ, что Онъ творитъ все самъ Собою; а еретикъ — напротивъ. Опять спрошу: когда ты хочешь научиться врачебному искусству, то, скажи мнѣ, просто ли и какъ случилось принимаешь пре-

подаваемое? У врачей много мнѣній. Если просто будешь принимать все, что ни услышишь, то это не достойно мужа; если же съ умомъ и разсужденіемъ, то безъ сомнѣнія научишься доброму. Мы называемъ Его Сыномъ, и точно такъ признаемъ, какъ говоримъ, а еретики называютъ такъ, но не исповѣдуютъ. Сказать яснѣе: они имѣтъ нѣкоторыхъ (людей), по имени которыхъ называются, т. е. по имени своего ересеначальника, — такова каждая ересь,—а у насъ не человѣкъ какой-нибудь далъ намъ названіе, но сама вѣра. Итакъ съ твоей стороны это—притворство и предлогъ. Скажи мнѣ, почему ты, когда хочешь купить одежду, то хотя и не знаешь ткацкаго искусства, не говоришь такихъ словъ: я не умѣю купить, меня обманываютъ; но употребляешь все, чтобы сдѣлаться свѣдущимъ? Когда хочешь купить и другое что-нибудь, то всячески стараешься получить вѣрныя свѣдѣнія; а здѣсь говоришь это. Судя по этимъ словамъ,—ты вовсе не хочешь принимать ничего. Пусть тотъ, кто не имѣетъ никакаго ученія, говоритъ то, что ты говоришь о христіанахъ: „такъ много ихъ и столько различныхъ содержатъ ученій: одинъ — эллинъ, другой — іудей, иной — христіанинъ; не нужно принимать ни одного ученія, потому что они противорѣчатъ другъ другу; я ученикъ, не хочу быть судьею и не могу осуждать ни одного ученія“. Но у тебя такой предлогъ не имѣетъ мѣста. Если ты былъ въ состояніи отвергнуть ложное, то будешь въ состояніи, пришедши сюда, оцѣнить и истинное. Кто не осуждаетъ никакого ученія, тотъ легко скажетъ это; но осудившій какое-нибудь, хотя онъ еще не избралъ ничего другого, съ теченіемъ времени можетъ узнать нужное. Не станемъ же притворствовать и изобрѣтать предлоги: все легко. Если хочешь, я покажу тебѣ, что это только предлогъ. Ты знаешь, что должно дѣлать и чего не должно? Почему же дѣлаешь не то, что должно, а чего не должно? Дѣлай, что должно, и съ правыми мыслями проси отъ Бога, и Онъ конечно откроетъ тебѣ. *Не на лица зритъ Богъ*, говоритъ (Писаніе), *но во всякомъ языцѣ бояйся его и дѣлаяй правду пріятенъ ему есть* (Дѣян. x, 34, 35). Кто слушаетъ безъ предразсудка, тотъ не
245 можетъ не убѣдиться. Какъ въ томъ случаѣ, когда есть какое-либо мѣрило, по которому можно опредѣлять все, не требуется большихъ разсужденій, а легко обличить измѣряющаго невѣрно, такъ и теперь. Отчего же не видятъ? Много содѣйствуютъ тому предразсудки и человѣческія побужденія. Но, скажешь, тоже самое и они объ насъ говорятъ? Какъ? Развѣ мы отдѣлились отъ Церкви? Развѣ мы имѣемъ ересеначальниковъ? Развѣ мы называемся по имени людей? Развѣ есть у насъ какой-нибудь предводитель, подобно какъ у нихъ, у того Маркіонъ, у другого Манихей, у

иного Арій, а у иного еще какой-нибудь начальникъ ереси? Хотя и мы имѣемъ извѣстное названіе, но не (имѣемъ) начальниковъ ереси, а предстоятелей нашихъ и правителей Церкви. Мы не имѣемъ учителей на земли,—да не будетъ!—а имѣемъ *единаго, иже на небесѣхъ* (Мѳ. xxiii, 9, 10). И они, скажешь, утверждаютъ то же? Но у нихъ есть названіе, осуждающее ихъ и заграждающее имъ уста. Много было эллиновъ, и никто не предлагалъ такихъ 246
вопросовъ; и у философовъ было тоже, но это не препятствовало никому изъ тѣхъ, кто имѣлъ здравое ученіе. Потому и объ іудеяхъ не говорили,—когда они занимались этимъ,—что между ними есть такіе-то и такіе: кому изъ нихъ намъ слѣдуетъ вѣрить? Но вѣрили, какъ должно. Будемъ же и мы покоряться законамъ Божіимъ и во всемъ дѣлать угодное Ему и поступать по волѣ Его, доколѣ продолжаемъ настоящую жизнь, чтобы, проживъ добродѣтельно остальное время нашей жизни, мы могли получить блага, обѣтованныя любящимъ Его, и сподобились чести съ угодившими Ему, благодатію и человѣколюбіемъ единороднаго Сына Его и всесвятого и животворящаго Духа, единаго и истиннаго Божества, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIV.

**Павелъ же и Варнава живяху во Антіохіи, учаще и 245
благовѣствующе слово Господне, и со инѣми многими. По нѣкіихъ же днехъ рече Павелъ къ Варнавѣ: возвращшеся подобаетъ посѣтити братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихже проповѣдахомъ слово Господне, како пребываютъ (Дѣян. xv, 35, 36).**

1. Посмотри опять на ихъ смиреніе, какъ они преподаютъ слово вмѣстѣ съ другими. Лука изобразилъ намъ нравы и прочихъ апостоловъ и показалъ, что одинъ изъ нихъ былъ болѣе мягкосердъ и снисходителенъ, другой болѣе суровъ и строгъ. Различныя бываютъ дарованія; а это, какъ извѣстно, есть также дарованіе. Одно потребно по отношенію къ людямъ съ одними нравами, а другое съ другими, такъ что, если бы перемѣнить ихъ, то они сдѣлались бы безполезными. Повидимому (между Павломъ и Варнавою) произошло нѣкоторое разногласіе; но все это происходитъ по устроенію (Божію), чтобы каждый изъ нихъ занялъ соотвѣтственное себѣ мѣсто. Съ другой стороны нужно, чтобы не всѣ были въ равной чести, но одинъ начальствовалъ, а другой подчинялся; и это по устроенію (Божію). Притомъ кипряне ни-

чего такого не показали, что бывшіе въ Антіохіи и другіе; для однихъ нуженъ былъ нравъ мягкосердый, а для другихъ напротивъ. *Варнава же восхотѣ пояти съ собою Іоанна, нарицаемаго Марка. Павелъ же глаголаше, отступлшаго* отъ нихъ *въ Памфиліи, и не шедшаго съ нами на дѣло, не пояти сего съ собою. Бысть убо распря, яко отлучитися има отъ себе, Варнава убо, поемъ Марка, отплы въ Кипръ: Павелъ же, избравъ Силу, изыде преданъ благодати Божіей отъ братій* (ст. 37—40). И въ пророкахъ мы видимъ различные характеры и различные нравы; напримѣръ, Илія строгъ, Моисей кротокъ. Такъ и здѣсь—Павелъ болѣе твердъ. Но смотри при этомъ и на его кротость. Онъ просилъ, говоритъ (писатель), *отступлшаго* отъ нихъ *въ Памфиліи не пояти съ собою.* Какъ военачальникъ не желалъ бы имѣть при себѣ оруженосца постоянно небрежнаго, такъ (не желалъ) и апостолъ. Это и другихъ вразумляло, и того самого исправляло. Итакъ, скажешь, Варнава былъ не хорошаго нрава? Отнюдь нѣтъ; думать такъ объ немъ весьма нелѣпо. Въ самомъ дѣлѣ, не нелѣпо ли считать его дурнымъ за такое маловажное дѣло? И смотри, во-первыхъ, отъ того не произошло никакого зла, что они разлучились другъ съ другомъ, сдѣлавшись такимъ образомъ достаточными для всѣхъ язычниковъ, а напротивъ—великое благо; во-вторыхъ, если бы этого не случилось, то они не легко рѣшились бы отдѣлиться другъ отъ
246 друга. Подивись лучше тому, что (писатель) не умолчалъ объ этомъ. Ты скажешь: если слѣдовало раздѣлиться, то можно было и безъ распри? Но здѣсь особенно и обнаружились человѣческія (свойства ихъ). Если этому слѣдовало быть во Христѣ, то тѣмъ болѣе въ нихъ. Съ другой стороны, распря не была бы предосудительна, когда каждый препирался бы о такихъ предметахъ и съ такою справедливостію. Если бы кто изъ нихъ огорчался, домогаясь собственной пользы и собственной чести, то дѣйствительно (было бы неодобрительно); если же каждый изъ нихъ, желая учить и наставлять, отправляется одинъ однимъ, а другой другимъ путемъ, что здѣсь предосудительнаго? Многое они дѣлали и по человѣческому разсужденію: не были вѣдь они камнями или деревами. И смотри, Павелъ выражаетъ неудовольствіе (на Марка), но приводитъ и причину. Онъ уважалъ Варнаву за великое его смиреніе, за то, что онъ находился при немъ и раздѣлялъ съ нимъ столько трудовъ; но уважалъ не такъ, чтобы пренебрегать долгомъ. Кто изъ нихъ совѣтовалъ лучше, не наше дѣло изслѣдовать; по крайней мѣрѣ великое было смотрѣніе (Божіе), что одни (изъ вѣрующихъ) должны были удостоиться вторичнаго ихъ посѣщенія, а другіе ни одного. Въ Антіохіи они не просто пребывали, но учили. Чему учили? Что

проповѣдывали? Что (нужно было) какъ для вѣрующихъ, такъ и еще не вѣрующихъ. Было множество соблазновъ, и потому присутствіе ихъ было необходимо. А что касается ихъ распри, то должно смотрѣть не на то, въ чемъ они были не согласны, а на то, въ чемъ они согласились между собою. Раздѣленіе ихъ послужило къ большому благу, которое произошло по этому поводу. Что же? Врагами ли они разстались? Нисколько. И послѣ того ты видишь, какъ Павелъ въ посланіяхъ своихъ упоминаетъ о Варнавѣ съ великими похвалами (2 Кор. VIII, 18). *Распря бысть*, говоритъ (писатель), но не вражда, не раздоръ. Распря сдѣлала то, что они раздѣлились; и хорошо, такъ какъ что послѣ каждый изъ нихъ порознь предпринялъ полезнаго, того не сдѣлалъ бы по тому самому, что были бы вмѣстѣ.

2. Мнѣ кажется даже, что и раздѣленіе произошло у нихъ по согласію, и что они сказали другъ другу: такъ какъ я не желаю этого, а ты желаешь, то, чтобы намъ не ссориться, раздѣлимся по разнымъ мѣстамъ. Такимъ образомъ они сдѣлали это, совершенно уступая другъ другу. Варнава хотѣлъ, чтобы оставалось мнѣніе Павла, и потому отдѣлился; также и Павелъ хотѣлъ, чтобы оставалось мнѣніе (Варнавы), и потому дѣлаетъ тоже и отдѣляется. О, если бы и мы раздѣлялись другъ отъ друга такимъ же образомъ и для того, чтобы идти на проповѣдь! *Павелъ же*, говоритъ (писатель), *избравъ Силу, изыде преданъ благодати Божіей отъ братій*. Удивителенъ и весьма великъ этотъ 247
мужъ! А Марку эта распря принесла большую пользу. Строгость Павла вразумила его, а доброта Варнавы сдѣлала, что онъ не остался: такъ распря, бывшая между ними, достигаетъ одной цѣли—пользы. Видя, что Павелъ рѣшается оставить его, (Маркъ) весьма устрашился и осудилъ себя; а видя, что Варнава столько расположенъ къ нему, онъ весьма возлюбилъ его; такимъ образомъ распря учителей исправила ученика: такъ онъ далекъ былъ отъ того, чтобы соблазняться ею. Если бы они дѣлали это для собственной чести, то конечно (онъ могъ бы соблазниться); но такъ какъ они препирались для его спасенія и единственно для того, чтобы показать, какъ премудры совѣты (Бога), удостоившаго его такой чести, то что здѣсь предосудительнаго?

3. Посмотри на мудрость Павла: онъ не прежде отправляется въ другіе города, какъ посѣтивъ уже принявшіе слово. *Прохождаше же Сирію и Киликію, утверждая Церкви* (ст. 41). *Пріиде же въ Дервію и Листру* (XVI, 1). Не благоразумно было бы ходить напрасно. Будемъ также поступать и мы: будемъ наставлять напередъ прежнихъ, чтобы они не послужили препятствіемъ для послѣдующихъ. *Посѣтимъ*, говоритъ, *братію, како пребываютъ*.

Онъ не зналъ объ этомъ, какъ слѣдуетъ, и потому пошелъ посѣтить братію. Видишь, какъ онъ постоянно бодрствуетъ, заботится, не остается на одномъ мѣстѣ, хотя подвергался множеству опасностей. Видишь ли, что и прибытіе его въ Антіохію было не отъ страха? Какъ врачъ, онъ пошелъ къ болящимъ и необходимость посѣщенія изъяснилъ въ словахъ: *въ нихже проповѣдахомъ слово.* Варнава отдѣлился и уже болѣе не сопутствовалъ ему. *Избравъ же Силу*, говоритъ (писатель), *и преданъ благодати Божіей.* Что это значитъ? Т. е. молились, просили Бога. Смотри, какъ всегда много можетъ молитва братій. И затѣмъ пошелъ пѣшкомъ, желая на пути принести пользу видѣвшимъ его; и благоразумно. Когда они спѣшили, то плыли; а теперь не такъ. *И се ученикъ нѣкій бѣ ту, именемъ Тимоѳей, сынъ жены нѣкія Іудеанины вѣрны, отца же Еллина: иже свидѣтельствованъ бѣ отъ сущихъ въ Листрѣхъ и Иконіи братій. Сего восхотѣ Павелъ съ собою изыти: и пріемъ обрѣза его, Іудей ради сущихъ на мѣстѣхъ онѣхъ: вѣдяху бо вси отца его, яко Еллинъ бяше* (ст. 1—3).

Достойна удивленія мудрость Павла! Онъ, столько возстававшій противъ обрѣзанія, употреблявшій всѣ мѣры и успокоившійся не прежде, какъ достигнувъ цѣли, тогда, когда это ученіе было утверждено, обрѣзываетъ ученика. Не только другимъ не возбраняетъ, но и самъ дѣлаетъ это. Нѣтъ никого мудрѣе Павла; Онъ во всемъ смотрѣлъ на пользу, не дѣлалъ ничего просто, по предубѣжденію. *Сего восхотѣ*, говоритъ (писатель), *съ собою изыти.* Удивительно, что онъ даже привелъ его съ собою. *Іудей ради*, говоритъ, *сущихъ на мѣстѣхъ онѣхъ.* Это—причина обрѣзанія; они не стали бы слушать слово отъ необрѣзаннаго. Но что? Посмотри на самое дѣло: онъ обрѣзалъ, чтобы прекратить обрѣзаніе, потому что проповѣдывалъ опредѣленія апостоловъ. Видишь ли борьбу и чрезъ борьбу созиданіе? Не отъ другихъ побуждаемые, но и сами дѣлая противное, они такимъ образомъ устрояли Церковь. Они внесли опредѣленіе не обрѣзывать, а онъ обрѣзываетъ. *И прибываху*, говоритъ (писатель), *въ число по вся дни* (ст. 5). Видишь ли пользу отъ этого обрѣзанія? Затѣмъ онъ болѣе не остается у нихъ, какъ пришедшій посѣтить
248 ихъ, но что? Идетъ дальше. *И якоже прохождаху грады, предаяху имъ хранити уставы сужденныя отъ апостолъ и старецъ, иже во Іерусалимѣ. Церкви же утверждахуся вѣрою, и прибываху въ число по вся дни. Прошедше же Фригію и Галатійскую страну, возбранени отъ Святаго Духа глаголати слово во Асіи, оставльше Фригію и Галатію, поспѣшаху въ страну среднюю. Пришедше же въ Мисію, покушахуся въ Виѳинію поити: и не остави ихъ Духъ* (ст. 5—7). Почему они *возбранени*, не говоритъ (писатель), но

только говоритъ, что они были *возбранени*, научая насъ этимъ покоряться и не изслѣдовать причинъ, и показывая, что многое они дѣлали и по-человѣчески. *Прешедше же Мисію, снидоша въ Троаду. И видѣніе въ нощи явися Павлу: мужъ нѣкій бѣ Македонянинъ стоя, моля его и глаголя: пришедъ въ Македонію, помози намъ* (ст. 8—9). Для чего было видѣніе, а не самъ Духъ Святый повелѣлъ? Онъ желалъ привлечь ихъ и такимъ образомъ. И (другимъ) святымъ бывали видѣнія, и самъ (Павелъ) въ началѣ видѣлъ въ видѣніи мужа, пришедшаго и возложившаго на него руку (Дѣян. IX, 12). Для того побуждаетъ его идти туда, чтобы проповѣдь распространилась. Также и по слѣдующей причинѣ возбраняется ему оставаться въ другихъ городахъ, когда побуждаетъ его Христосъ (идти туда). Эти имѣли слушать Іоанна, и притомъ долгое время, и можетъ быть не слишкомъ имѣли въ томъ нужду, а туда нужно было придти. Потомъ онъ и уходитъ, отправившись на ту сторону (моря). *И якоже видѣніе видѣ, абіе взыскахомъ изыти въ Македонію, разумѣвше, яко призва ны Господь благовѣстити имъ. Отвезшееся же отъ Троады, пріидохомъ* прямо *въ Самоѳракъ, во утріе же въ Неаполь, оттуду же въ Филиппы, иже есть первый градъ части Македоніи, колонія. Бѣхомъ же въ томъ градѣ пребывающе дни нѣкія* (ст. 10—12). Такъ, ему является и самъ Христосъ, говоря: *кесарю ти подобаетъ предстати* (Дѣян. XXVII, 24). Потомъ (писатель), какъ повѣтствующій исторію, говоритъ о мѣстахъ и показываетъ, гдѣ (Павелъ) останавливался, именно въ большихъ городахъ, а другіе проходилъ. Б..ь колоніею составляетъ достоинство города. Но обратимся къ вышесказанному. (Павелъ) представляетъ Варнавѣ необходимость путешествія, когда говоритъ: *подобаетъ посѣтити грады, въ нихъ же проповѣдахомъ слово.* Но ему не подобало просить того, когда намѣревался обличать впослѣдствіи.

4. Тоже было между Богомъ и Моисеемъ. Одинъ проситъ, а другой гнѣвается; такъ напримѣръ, когда говоритъ: *аще бы отецъ ея* (Маріамы) *плюя заплевалъ въ лице ея* (Числ. XII, 14), и еще: *и нынѣ остави мя и возъярився гнѣвомъ на ня, потреблю ихъ* (Исх. XXXII, 10), и когда Самуилъ оплакивалъ Саула (1 Цар. XV, 35). Но отъ того и другого произошло великое благо. Такъ и здѣсь одинъ гнѣвается, а другой нѣтъ. Тоже бываетъ и между нами. Распря была не напрасно, но чтобы вразумить того (Марка), и чтобы дѣло (проповѣди) не показалось шуткою. Иначе уступилъ бы и теперь (Варнава), уступавшій всегда и столько любившій Павла, что еще прежде отыскалъ его въ Тарсѣ (Дѣян. XI, 25), привелъ его къ апостоламъ, вмѣстѣ съ нимъ доставлялъ милостыню и вмѣстѣ съ нимъ принялъ согласное съ опредѣленіемъ

(апостоловъ). Не изъ-за такого дѣла произошло между ними огорченіе; но они отдѣляются другъ отъ друга для того, чтобы раздѣльно учить и усовершать нуждавшихся въ ихъ ученіи. Такъ и въ другомъ мѣстѣ (Павелъ) говоритъ: *вы же не стужайте*
249 *доброе творяще* (2 Сол. III, 13), и хотя укоряетъ нѣкоторыхъ, но заповѣдуетъ дѣлать добро всѣмъ. Такъ обыкновенно мы и поступаемъ. Мнѣ кажется, что здѣсь вмѣстѣ съ Павломъ и другіе были недовольны; онъ же, обращаясь къ каждому изъ нихъ особо, дѣлаетъ все, увѣщеваетъ, вразумляетъ. Много можетъ (дѣлать) согласіе, много—любовь. Хотя бы ты просилъ о слишкомъ многомъ, хотя бы даже былъ недостоинъ, будешь услышанъ за доброе намѣреніе; не бойся. *Прохождаше*, говоритъ (писатель), города. *И се ученикъ нѣкій бѣ именемъ Тимоѳей, иже свидѣтельствованъ бѣ отъ сущихъ въ Листрѣхъ и Иконіи братій.* Велика вѣра Тимоѳея, если свидѣтельствуется всѣми. Когда отдѣлился Варнава, Павелъ находитъ равнаго ему, о чемъ самъ говоритъ: *поминая слезы твоя*, нелицемѣрную вѣру твою, *яже вселися прежде въ бабу твою Лоиду и въ матерь твою Евникію* (2 Тимоѳ. I, 4, 5). *И пріемъ*, говоритъ (писатель), *обрѣза его*; а для чего, показываетъ, прибавляя: *Іудей ради сущихъ на мѣстѣхъ онѣхъ*. Итакъ поэтому (Тимоѳей) обрѣзывается, или и ради отца, который былъ эллинъ и слѣдовательно не былъ обрѣзанъ. Смотри, какъ законъ уже отрѣшался. Иные же думаютъ, что онъ родился послѣ оглашенія его (отца) проповѣдію; но, можетъ быть, это не справедливо, такъ какъ *изъ млада*, говоритъ (Павелъ), *священная писанія умѣеши* (2 Тим. III, 15). Потому надобно принять первое; если же не такъ, то потому, что (Павелъ) намѣревался сдѣлать его епископомъ и ему не слѣдовало оставаться необрѣзаннымъ. Язычникамъ же не нужно было соблюдать ничего такого; и это было немаловажно, такъ какъ столь долгое время они соблазнялись этимъ. Начало отмѣненія (закона) было положено тѣмъ, что язычники не соблюдали его и не терпѣли никакого вреда и ничего не лишались по отношенію къ вѣрѣ; потому они охотно и оставили его. Такъ какъ онъ намѣревался проповѣдывать, то чтобы вдвойнѣ не поразить іудеевъ, обрѣзываетъ его, хотя онъ былъ двоякаго происхожденія—отъ отца эллина и отъ матери вѣрующей. И хотя дѣло касательно язычниковъ было важно, но онъ, не смотря на это, самъ обрѣзалъ его, потому что проповѣдь должна была распространяться. И смотри: отъ дѣйствія противнаго (опредѣленію апостоловъ) здѣсь происходитъ великое благо. *И прибываху въ число*, говоритъ (писатель). Видишь ли, что обрѣзаніе не только не повредило, но и принесло великую пользу? *И якоже видѣніе видѣ, абіе*, говоритъ, *взыскахомъ изыти въ Македонію, разумѣвше, яко призва ны Господь.*

Замѣть, не чрезъ ангела, какъ Филиппу, или Корнилію, но какъ?—въ видѣніи является ему (Господь), только человѣческимъ образомъ, а не божественнымъ. Гдѣ легко было убѣдить, тамъ (Онъ является) болѣе человѣческимъ образомъ, а гдѣ съ большею трудностію, тамъ болѣе божественнымъ. Такъ, когда онъ привлекался только проповѣдывать, для этого было ему сновидѣніе, а когда нужно было удержать отъ проповѣданія, это открываетъ Духъ Святый. Такъ было и съ Петромъ (когда Духъ сказалъ ему): *воставъ, сниди* (Дѣян. x, 20). Легкихъ дѣлъ не совершалъ Духъ, но для этого достаточно было и сновидѣнія. Такъ и Іосифу, когда легко было убѣдить его, было сновидѣніе, а другимъ видѣніе (Мѳ. ii, 13). Такъ и Корнилію и самому (Павлу). И вотъ, говоритъ (писатель), *мужъ нѣкій бѣ Македонянинъ стоя, моля и глаголя*. Не сказалъ: повелѣвая, но: *моля*, т. е. (прося) о тѣхъ, которые нуждались во врачеваніи. Что значитъ: *разумѣвше?* Значитъ: догадываясь. И изъ того, что видѣніе было Павлу, а не кому другому, и изъ того, что они были удержаны Духомъ, 250
и изъ того, что находились у предѣловъ (Македоніи),—изъ всего этого они дѣлали такое заключеніе. Съ другой стороны и самое плаваніе указывало на это,—потому что въ теченіе короткаго времени они достигли самаго корня Македоніи. Такимъ образомъ устрояется, что распря послужила на пользу. И если бы Духъ Святый не явилъ своего дѣйствія, Македонія не приняла бы слова. А такое преуспѣяніе—знакъ, что случившееся не есть дѣло человѣческое. Не сказано, что Варнава огорчился, но что между ними *бысть распря*. Если же не огорчался онъ, то также и Павелъ.

5. Зная это, будемъ не просто читать Писанія, но изучать и назидаться. Вѣдь (ничего) не написано напрасно. Великое зло не знать Писаній. Отъ чего бы слѣдовало получать пользу, отъ того мы получаемъ вредъ. Такъ часто и лѣкарства, имѣющія по природѣ цѣлительную силу, когда употребляющіе ихъ не умѣютъ хорошо пользоваться ими, приносятъ вредъ и разстройство; и оружіе, которымъ можно защищаться, для того, кто не умѣетъ обращаться съ нимъ, служитъ во вредъ. А причиною то, что мы всего прочаго ищемъ больше, нежели пользы душевной, и больше смотримъ на постороннее, нежели на свою (истинную) пользу. О прочности дома мы часто заботимся и не потерпѣли бы видѣть, какъ онъ ветшаетъ, обрушивается и повреждается отъ бурь; о душѣ же нисколько не заботимся, но хотя и видимъ, что основаніе ея и самое зданіе и кровля разрушаются, не прилагаемъ никакого попеченія. Также, если имѣемъ скотъ, то стараемся объ удобствахъ для него, нанимаемъ и конюховъ, и коноваловъ, и

всѣ силы напрягаемъ: заботимся о помѣщеніяхъ, внушаемъ приставникамъ, чтобы они не гоняли его безъ нужды и какъ попало, не клали на него излишней тяжести, не выпускали безвременно среди ночи, довольствовали пищею, и много установляемъ правилъ касательно ухода за безсловесными животными; а о душѣ нисколько не печемся. Но что я говорю о животныхъ, полезныхъ для насъ? Многіе держатъ маленькихъ птицъ, которыя не приносятъ никакой пользы, а только забавляютъ; и касательно ихъ есть у насъ много правилъ и ничего не опущено и не забыто; обо всемъ мы заботимся больше, нежели о самихъ себѣ. Такъ мы сдѣлались малоцѣннѣе всего. Если кто въ обиду назоветъ насъ псомъ, то мы оскорбляемся; а сами безславя себя не словомъ, но дѣломъ, и не прилагая попеченія о душѣ даже столько, сколько о псахъ, не чувствуемъ никакого огорченія. Видите ли, какъ все (у насъ) покрыто мракомъ? Какъ многіе заботятся о псахъ, чтобы они не были накормлены болѣе надлежащаго, чтобы они были быстры и пригодны къ охотѣ, побуждаемые голодомъ и жаждой, а о себѣ самихъ не заботятся и не стараются обуздать своего сластолюбія; безсловесныхъ научаютъ любомудрію, а себя допускаютъ нисходить до дикости животныхъ!

Это кажется загадкою. Гдѣ, скажешь, эти любомудрыя безсловесныя? Но развѣ не великое любомудріе, когда песъ, побуждаемый голодомъ, схвативши добычу, удерживается отъ попавшей ему пищи, и, видя предъ собою готовую ѣду, томимый голодомъ, дожидается господина? Устыдитесь самихъ себя; на-
251 учите ваши чрева быть также любомудрыми. Вамъ нѣтъ никакого оправданія. Если ты можешь сообщить такое любомудріе животному, отъ природы не умѣющему ни говорить, ни мыслить, то тѣмъ болѣе могъ бы сообщить себѣ. Это вѣдь дѣло человѣческаго старанія, а не природы; иначе всѣ псы были бы таковыми. Итакъ, будьте (въ данномъ случаѣ) подобны псамъ. Вы сами вынуждаете меня заимствовать примѣръ отсюда; слѣдовало бы отъ предметовъ небесныхъ, но если я начну говорить о какомъ-нибудь изъ этихъ предметовъ, вы говорите, что это слишкомъ высоко; потому я и не говорю уже о предметахъ небесныхъ. Если приведу въ примѣръ Павла, вы говорите, что онъ былъ апостолъ; потому я не говорю уже о Павлѣ. Если приведу въ примѣръ какого-либо другого человѣка, вы говорите, что онъ могъ (дѣлать это); потому я и не указываю на человѣка, но на животное, и животное, получившее такія свойства не отъ природы, чтобы вы не сказали, что оно дѣлаетъ это по природѣ, а не по доброй волѣ, и, что еще удивительнѣе, не по собственной волѣ, а по твоему старанію. Оно не разсуждаетъ, что устало, что

утомилось отъ бѣга, что поймало добычу собственными своими трудами, но, оставивъ все это въ сторонѣ, исполняетъ волю господина и становится выше чрева. Да оно, скажешь, ожидаетъ одобренія, надѣется получить обильнѣйшую пищу. Скажи и ты самому себѣ: песъ въ надеждѣ будущаго довольства пренебрегаетъ настоящимъ, а ты не хочешь въ надеждѣ будущихъ благъ пренебрегать настоящими. Но онъ (скажешь) знаетъ, что если неблаговременно и противъ воли господина вкуситъ пищи, то лишится не только этой, но и обыкновенно назначаемой ему пищи, и даже вмѣсто пищи получитъ побои. А ты и этого не можешь знать, и того, что онъ умѣетъ дѣлать по привычкѣ, ты не исполняешь по разуму. Будемъ подражать хотя псамъ. Говорятъ, что дѣлаютъ тоже и ястребы и орлы; что тѣ дѣлаютъ съ зайцами и сернами, то эти съ птицами, и также по наученію человѣческому. Все это можетъ обличить насъ, все это можетъ осудить насъ. Скажу еще. Взявъ дикихъ и свирѣпыхъ коней, которые и бьютъ ногами и кусаются, опытные люди въ короткое время образовываютъ ихъ такъ, что сѣвшій на нихъ всадникъ наслаждается ихъ стройною походкою; а когда душа поступаетъ безпорядочно, никто объ этомъ не заботится; она и скачетъ, и бьется, и бросается на землю, какъ дитя, и дѣлаетъ множество безчинствъ, но никто не налагаетъ на нее ни аркана, ни путъ, ни узды, и не сажаетъ опытнаго всадника, т. е. Христа. Такимъ образомъ все низвратилось. Если ты заставляешь псовъ владѣть желудкомъ, укрощаешь ярость льва и свирѣпость коней и научаешь говорить птицъ, то не странно ли неразумнымъ существамъ сообщать свойства разумныхъ, а въ разумныхъ допускать неразумныя страсти? Нѣтъ, нѣтъ намъ никакого оправданія. Насъ обвинятъ всѣ дѣлающіе должное, и вѣрные и невѣрные,—вѣдь и невѣрные дѣлаютъ должное, — и не только люди, но и звѣри, и псы; осудимъ себя и мы сами, которые дѣлаемъ доброе, когда хотимъ, а когда бываемъ безпечны, увлекаемся на злое. Часто и многіе изъ 252
самыхъ порочныхъ людей, когда захотѣли, исправлялись. А причиною то, какъ я сказалъ, что мы всячески ищемъ пользы посторонней, а не нашей собственно. Построилъ ли ты великолѣпный домъ,—ты позаботился о благоустройствѣ дома, а не твоемъ собственномъ; получилъ ли хорошую одежду,—(ты позаботился) о тѣлѣ, а не о самомъ себѣ; если хорошую лошадь,—также. Никто не заботится, чтобы душа была добра, тогда какъ при добротѣ души нѣтъ никакой нужды въ тѣхъ благахъ, а безъ нея нѣтъ никакой пользы и отъ нихъ. Какъ для невѣсты, хотя бы ея брачный чертогъ былъ убранъ золотыми покровами, хотя бы окружали ее сонмы благовиднѣйшихъ и прекрасныхъ женщинъ, розы и вѣнцы, хотя бы

и женихъ былъ прекрасенъ, и служанки и подруги и всѣ были благовидны, нѣтъ отъ того никакой пользы, если она сама крайне безобразна; если же она прекрасна, то и безъ всего этого нѣтъ для ней никакого вреда, а напротивъ (польза), потому что безобразная при этомъ будетъ казаться еще безобразнѣе, а прекрасная безъ этого будетъ еще прекраснѣе,—такъ точно и душа, если она добра, не только въ этомъ не нуждается, но даже помрачаетъ этимъ свою красоту. Человѣкъ любомудрый, какъ мы увидимъ, блистаетъ не столько въ богатствѣ, сколько въ бѣдности; въ первомъ случаѣ многіе приписываютъ любомудріе его богатству и тому, что онъ не имѣетъ нужды въ деньгахъ; если же онъ живетъ въ бѣдности, и между тѣмъ отличается всѣми (добродѣтелями) и не допускаетъ себя дѣлать что-либо постыдное, тогда уже никто другой не раздѣляетъ съ нимъ вѣнца, который стяжалъ онъ любомудріемъ.

Итакъ, будемъ украшать душу, если хотимъ быть богатыми. Что пользы, если лошаки твои бѣлы, тучны и красивы, а ты, сидящій на нихъ, и худъ, и нечистъ, и безобразенъ? Что пользы, если ковры твои мягки и красивы и искусно испещрены различными цвѣтами, а душа одѣта въ рубище, или совершенно обнажена и безобразна? Что пользы, если конь выступаетъ плавно, или походитъ болѣе на пляшущаго, нежели на идущаго, и украшенъ какъ бы для брачнаго пира, а сидящій на немъ хромаетъ (душою) болѣе хромыхъ и разстроенъ въ рукахъ и ногахъ болѣе пьяныхъ и разслабленныхъ? Скажи мнѣ, если бы кто далъ тебѣ хорошаго коня, а тѣлу твоему нанесъ бы вредъ, какая отъ того польза? А теперь у тебя повреждена душа, и ты нисколько не заботишься. Позаботимся же когда-нибудь, увѣщеваю васъ, о самихъ себѣ. Не будемъ считать самихъ себя малоцѣннѣе всего. Когда кто оскорбляетъ насъ словами, мы досадуемъ и огорчаемся; а сами, унижая себя дѣлами, не исправляемся. Вразумимся же хотя поздно, чтобы, приложивъ ревностное попеченіе о душѣ своей и возлюбивъ добродѣтель, могли мы сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXV.

Въ день же субботный изыдохомъ вонъ изъ града при рѣцѣ, идѣже мняшеся молитвенница быти, и сѣдше глаголахомъ къ собравшымся женамъ. И нѣкая жена именемъ Лидіа, порфиропродалница отъ града Ѳуатирскаго, чтущи Бога, послушаше: ейже Господь отверзе сердце, внимати глаголемымъ отъ Павла (Дѣян. XVI, 13, 14). 251

1. Смотри, какъ опять Павелъ іудействуетъ, и въ отношеніи времени и обычая. *Идѣже мняшеся*, говоритъ (писатель), *молитвенница быти*. Іудеи молились не только тамъ, гдѣ была синагога, но и внѣ ея, назначая для этого особое мѣсто, какъ люди плотскіе. *Въ день же субботный*,—когда обыкновенно собирается и народъ. *И сѣдше глаголахомъ собравшымся женамъ. И нѣкая жена именемъ Лидіа, порфиропродалница отъ града Ѳуатирскаго, чтущи Бога, послушаше: ейже Господь отверзе сердце внимати глаголемымъ отъ Павла.* Посмотри опять, какъ онъ чуждъ гордости. И она была женщина и притомъ незнатная, какъ видно изъ ремесла ея; но смотри, какое въ ней любомудріе! Во-первыхъ, сказано, что она почитала Бога; потомъ—что пригласила къ себѣ апостоловъ. *Якоже крестися та и домъ ея, моляше, глаголющи:* Господіе мои, *аще усмотристе мя вѣрну Господеви быти, вшедше въ домъ мой пребудите: и принуди насъ* (ст. 15). *Якоже крестися*, говоритъ (писатель), *та и домъ ея.* Замѣть, какъ она убѣдила всѣхъ (домашнихъ), потомъ посмотри на благоразуміе ея, какъ она умоляетъ апостоловъ, какого смиренія, какой мудрости исполнены слова ея! *Аще усмотристе мя*, говоритъ, *вѣрну Господеви быти.* Ничто не могло быть болѣе убѣдительнымъ. Кого не тронули бы эти слова? Не просто просила и приглашала, не предоставила имъ поступить, какъ имъ угодно, но сильно понуждала ихъ; это именно означаютъ слова: *и принуди насъ*, т. е. тѣми словами. Смотри, какъ она тотчасъ же приноситъ плодъ и считаетъ это посѣщеніе великимъ для себя одолженіемъ. А что вы (говоритъ) признали меня вѣрною, очевидно изъ того, что ввѣрили мнѣ такія тайны, которыхъ не ввѣрили бы, если бы не считали меня такою. И не осмѣлилась пригласить ихъ прежде, но когда уже крестилась, показывая этимъ, что иначе и не убѣдила бы ихъ. Почему же бывшіе съ Павломъ сначала не хотѣли идти, но отказывались, такъ что нужно было понуждать ихъ? Или потому, что вызывали ее къ большему усердію, или потому, что Христосъ сказалъ: *въ оньже аще градъ внидете, испытайте, кто въ немъ достоинъ есть, и ту пребудите* (Мѳ. X, 11). Такъ предусмотрительно они дѣлали все. *Бысть же иду-*

щымъ намъ на молитву, отроковица нѣкая имущая духъ пытливъ срѣте насъ, яже стяжаніе много даяше господемъ своимъ, волхвующи. Та послѣдовавши Павлу и намъ, взываше, глаголющи: сіи человѣцы раби Бога вышняго суть, иже возвѣщаютъ намъ путь спасенія (ст. 16, 17). Почему бѣсъ говорилъ это, а Павелъ запретилъ ему? Тотъ дѣлалъ злонамѣренно, а этотъ (поступилъ) мудро: онъ хотѣлъ, чтобы къ тому не имѣли довѣрія. Если бы Павелъ принялъ свидѣтельство его, то онъ, какъ одобренный имъ, прельстилъ бы многихъ и изъ вѣрующихъ; потому онъ и рѣшился возвѣщать объ ихъ дѣлахъ, чтобы устроить свои, и снисходительностію (Павла) самому воспользоваться для погибели (другихъ). Сначала Павелъ только не принималъ и не обращалъ вниманія, не желая тотчасъ же прибѣгать къ знаменіямъ; но когда тотъ продолжалъ дѣлать это *на многи дни* и касался дѣла ихъ, говоря: *сіи человѣцы раби Бога вышняго суть, иже возвѣщаютъ намъ путь спасенія*, тогда повелѣлъ ему *изыти. Стуживъ же си Павелъ, и обращся, духови рече: запрещаю ти именемъ Іисуса Христа, изыди изъ нея: и изыде въ томъ часъ. Видѣвше же господіе ея, яко изыде надежда стяжанія ихъ, поемше Павла и Силу, влекоша на торгъ ко княземъ. И приведше ихъ къ воеводамъ рѣша: сіи человѣцы возмущаютъ градъ нашъ, Іудее суще, и завѣщаваютъ обычаи, яже недостоитъ намъ пріимати,*
254 *ни творити, Римляномъ сущымъ* (ст. 18—21). Корыстолюбіе вездѣ причиняетъ зло. О, эллинское безчеловѣчіе! Они хотѣли бы оставить отроковицу одержимою бѣсомъ, чтобы самимъ обогащаться. *Поемше же*, говоритъ (писатель), *Павла и Силу, рѣша: сіи человѣцы возмущаютъ градъ нашъ.* Что же они сдѣлали? Почему вы не брали ихъ прежде? *Іудее суще*, говорятъ: такъ было позорно это имя! *И завѣщаваютъ обычаи, яже недостоитъ намъ пріимати, ни творити, Римляномъ сущымъ.* Обратили дѣло въ государственное преступленіе. *И снидеся народъ на нихъ* (ст. 22). О, безуміе! Не изслѣдовали дѣла, не дали отвѣчать имъ, между тѣмъ какъ послѣ такого чуда слѣдовало бы почтить ихъ, слѣдовало бы принять какъ спасителей и благодѣтелей. Если вы желали имущества, то почему, нашедши такое богатство, не прибѣгли къ нему? Имѣть силу изгонять бѣсовъ гораздо славнѣе, нежели повиноваться имъ. Вотъ и знаменія, но корыстолюбіе преодолѣло. *И воеводы растерзавше имъ ризы, веляху палицами бити. Многи же давше имъ раны, всадиша въ темницу, завѣщавше темничному стражу твердо стрещи ихъ* (ст. 22, 23). Павелъ дѣлалъ все, и творилъ чудеса и училъ, а опасности раздѣляетъ съ нимъ и Сила. Что значитъ: *стуживъ же си Павелъ?* Значитъ: видя злонамѣренность бѣса,—какъ въ другомъ мѣстѣ онъ самъ говоритъ: *не неразумѣваемъ бо умышленій его* (2 Кор. п, 11). А почему тѣ не сказали,

что они изгнали бѣса, что оказались нечестивыми къ Богу, но обратили дѣло въ государственное преступленіе? Тогда они повредили бы сами себѣ. Такъ и о Христѣ говорили: *не имамы царя, токмо кесаря. Всякъ иже царя себе творитъ, противится кесарю* (Іоан. XIX, 12, 15). *И всадиша* ихъ, говоритъ (писатель), *въ темницу*. Великое неистовство! *Иже таково завѣщаніе пріемъ, всади ихъ во внутреннюю темницу, и ноги ихъ заби въ кладѣ* (ст. 24). Смотри: посадилъ ихъ во внутреннюю темницу; и это по устроенію (Божію). Такъ какъ должно было совершиться великое чудо, то назначается мѣсто удобное для слушанія его, внѣ города, вдали отъ искушеній и опасностей. Смотри, какъ писатель исторіи не стыдится разсказывать о занятіяхъ (жителей). А когда было время свободное отъ занятій, тогда они болѣе слушали поученія: городъ же филиппійцевъ былъ не великъ. Зная это, и мы не будемъ стыдиться никого. Петръ живетъ у кожевника, Павелъ у порфиропродавщицы: есть ли здѣсь гордость? Будемъ просить Бога, чтобы Онъ отверзъ наше сердце; отверзаетъ же Онъ сердца, желающія этого; а бываютъ и поврежденныя сердца. Но обратимся къ вышесказанному. *Жена*, говоритъ (писатель), *порфиропродалница, ейже Господь отверзе сердце внимати глаголемымъ отъ Павла*. Отверзать есть дѣло Бога, а внимать — дѣло ея: такъ это дѣло было и божеское и человѣческое. *Якоже крестися*, говоритъ, *моляше, глаголющи: аще усмотристе мя*. Смотри: и крещается и принимаетъ апостоловъ съ такою покорностію, съ большею, нежели покорность Авраамова. Не указала на какое-нибудь другое свое достоинство, но на то, за которое была спасена. Не сказала: *аще усмотристе мя* великою или благочестивою женщиною, но что? *Вѣрну Господеви*. Если вѣрна Господу, то тѣмъ болѣе вамъ, если только вы не сомнѣваетесь. И не сказала: *пребудите* у меня, но: *въ домъ моемъ*, чтобы показать, что сдѣлала это съ великимъ усердіемъ. Поистинѣ вѣрная жена! А скажи мнѣ, какой это былъ бѣсъ? Писатель говоритъ: богъ Пиѳонъ, отъ мѣста такъ называемый [1]). Видишь ли, что и Аполлонъ есть бѣсъ? Же- 255
лая подвергнуть (апостоловъ) искушеніямъ и болѣе раздражить (народъ), онъ побуждалъ (отроковицу) произносить (сказанныя слова).

2. О, лукавый и прелукавый! Если ты зналъ, что они *возвѣщаютъ путь спасенія*, то почему ты не вышелъ добровольно? Но онъ хотѣлъ того же, чего домогался Симонъ, когда говорилъ: *дадите и мнѣ власть сію, да на него же аще положу руцѣ, пріиметъ*

---

[1]) Πυθώ—собственное имя города, иначе называемаго Дельфами и посвященнаго Аполлону.

Духа Святаго (Дѣян. VIII, 19). Такъ и этотъ дѣлаетъ. Видя, что они пользуются славою, онъ и теперь притворяется, надѣясь, что такимъ образомъ останется въ тѣлѣ (отроковицы), когда будетъ возвѣщать тоже. Но если отъ человѣка *не красна похвала во устѣхъ грѣшника* (Сир. XV, 9), то тѣмъ болѣе отъ бѣса. Если Христосъ не принимаетъ свидѣтельства отъ людей и даже отъ Іоанна, то тѣмъ болѣе отъ бѣса. Вѣдь проповѣдь не отъ людей, но отъ Духа Святого. Итакъ, (обвинители) неистово кричали, и думая подѣйствовать крикомъ, говорили: *сіи человѣцы возмущаютъ градъ нашъ*. Что ты говоришь? Ты вѣришь бѣсу: почему же не вѣришь ему теперь? Онъ говоритъ, что они—*раби Бога вышняго*, а ты говоришь: *возмущаютъ градъ нашъ*; онъ говоритъ: *возвѣщаютъ намъ путь спасенія*, а ты говоришь: *завѣщаютъ намъ обычаи, яже недостоитъ намъ пріимати*. Смотри, они не внемлютъ и бѣсу, а имѣютъ въ виду одно любостяжаніе. *Влекоша* ихъ, говоритъ (писатель), *на торгъ ко княземъ: и снидеся народъ на нихъ*. А они, смотри, ничего не отвѣчаютъ и не защищаются, чтобы явиться достойными еще большаго удивленія. *Егда бо*, говоритъ (Павелъ), *немощствую, тогда силенъ есмь* (2 Кор. XII, 10); *довлѣетъ ти благодать моя: сила бо моя въ немощи совершается* (ст. 9). Такъ, они были удивительны и кротостію. Чѣмъ строже заключеніе, тѣмъ славнѣе чудо. Начальники сдѣлали это, можетъ быть, для того, чтобы прекратить смятеніе; они видѣли, что народъ волновался, и, подвергая ударамъ (апостоловъ), хотѣли укротить неистовство его, а сажая ихъ въ темницу и приказывая крѣпко стеречь, желали выслушать дѣло. И *заби*, говоритъ (писатель), *въ кладѣ*; иначе сказать: въ кандалы. Какихъ же слезъ достойно то, что дѣлается теперь? (Апостолы) столько страдали, а мы въ роскоши, мы на зрѣлищахъ. Потому мы и гибнемъ и подвергаемся опасностямъ, ища вездѣ удовольствій и не желая для Христа перенести ни малѣйшаго оскорбленія даже словомъ. Будемъ, увѣщеваю васъ, непрестанно вспоминать, сколько страдали они, сколько терпѣли, и не возмущались, не соблазнялись. Они совершали дѣло Божіе и столько терпѣли; не говорили: мы проповѣдуемъ,—почему же Богъ не защищаетъ насъ? Но и это приносило имъ пользу, и безъ помощи самыя страданія дѣлали ихъ болѣе твердыми, болѣе крѣпкими и неустрашимыми. *Скорбь*, говоритъ (Павелъ), *терпѣніе содѣловаетъ* (Рим. V, 3).

Не будемъ же искать жизни роскошной и изнѣженной. Какъ тамъ бываетъ двоякое благо: дѣлаются крѣпкими и удостоиваются великихъ наградъ,—такъ здѣсь двоякое зло: дѣлаются слабыми и негодными ни на что, развѣ только на зло. Нѣтъ ничего безполезнѣе человѣка, который проводитъ все время въ бездѣйствіи

и роскоши. Мужъ неиспытанный, говоритъ (Писаніе), *неискусенъ* (ср. Сир. XXXVII, 30); неискусенъ не только въ этихъ подвигахъ, но и во всемъ прочемъ. Бездѣйствіе безполезно, и въ самыхъ удоволь- 256
ствіяхъ всего труднѣе получать удовольствіе, такъ какъ они производятъ пресыщеніе. Удовольствіе отъ кушаній и отъ бездѣйствія отнюдь не таково (какъ кажется), но все это кратковременно и скоропреходяще. Не будемъ же заботиться о такой жизни. Если мы посмотримъ, кто пріятнѣе проводитъ время, трудящійся ли и живущій въ бѣдности, или предающійся роскоши, то найдемъ, что первый. Во-первыхъ, самое тѣло послѣдняго изнѣжено и разслаблено; потомъ, тѣлесныя чувства его не въ здравомъ состояніи, но слабы и безжизненны; а безъ этого нѣтъ и пріятнаго ощущенія здоровья. Какой конь бываетъ полезнѣе, утучняемый въ бездѣйствіи, или употребляемый на работу? Какой корабль—плавающій, или стоящій безъ движенія? Какая вода—текучая, или стоячая? Какое желѣзо—употребляемое въ дѣло, или не употребляемое? То блеститъ и уподобляется серебру, а это покрывается ржавчиною и остается безполезнымъ и даже теряетъ часть вещества своего. Нѣчто подобное происходитъ и въ празднолюбивой душѣ: какъ бы ржавчина покрываетъ ее и истребляетъ ея свѣтлость и все прочее. Чѣмъ же можно уничтожить эту ржавчину? Оселкомъ скорбей; онѣ дѣлаютъ душу полезною и способною на все. Скажи мнѣ, можетъ ли она посѣкать страсти, когда остріе ея притупилось и гнется, какъ олово? Можетъ ли наносить раны діаволу? И кому можетъ быть пріятенъ человѣкъ, утучняющій плоть свою и движущійся на подобіе тюленя?

3. Говорю это не о тѣхъ, которые таковы по природѣ, но о тѣхъ, которые утучняютъ тѣло свое роскошью, будучи по природѣ не тучны. Взошло солнце, разлило повсюду свѣтлые лучи свои, пробудило всѣхъ на дѣла ихъ; земледѣлецъ выходитъ, взявъ заступъ, ковачъ мѣди беретъ молотъ, каждый ремесленникъ—свойственное ему орудіе, и всѣ принимаются за свое дѣло; жена беретъ пряжу или ткань; а онъ, какъ свинья, съ ранняго утра заботится о насыщеніи своего чрева, думая, какъ бы приготовить роскошную трапезу. Подлинно, насыщаться съ ранняго утра свойственно только безсловеснымъ животнымъ, которыя ни къ чему негодны, какъ только на закланіе. Но и изъ нихъ служащія къ переноскѣ тяжестей и способныя къ труду послѣ ночи также принимаются за дѣло. А онъ, возставши съ ложа, когда солнце уже озарило всю площадь и когда всѣ уже довольно потрудились надъ своими дѣлами, поднимается потягиваясь, поистинѣ какъ откормленная свинья, потерявъ лучшую часть дня во мракѣ (сна). Потомъ долгое время сидитъ на постели,

часто будучи не въ состояніи держаться отъ вчерашняго опьяненія, и проводитъ въ этомъ большую часть (утра). Затѣмъ украшаетъ себя и выходитъ — воплощенное безобразіе, не имѣя въ себѣ ничего человѣческаго, но совершенный звѣрь въ образѣ человѣка: глаза заплыли, уста издаютъ зловоніе вина, а бѣдная душа, какъ бы поверженная на одръ болѣзни отъ неумѣренно принятаго множества яствъ, влачитъ бремя плоти, какъ слонъ. Послѣ того, дошедши до мѣста, садится и начинаетъ говорить и дѣлать такъ, что лучше бы ему еще спать, нежели бодрствовать. Если ему скажутъ что-нибудь непріятное, то онъ бываетъ чувствительнѣе всякой дѣвицы; если же—пріятное, то легкомысленнѣе всякаго дитяти; между тѣмъ лице его безпрестанно искажается зѣвотою. Онъ готовъ подчиниться всѣмъ, желающимъ сдѣлать зло, если не людямъ, то страстямъ; имъ легко овладѣ-
257 ваетъ и гнѣвъ, и похоть, и зависть, и все. Всѣ ему льстятъ, всѣ услуживаютъ, еще болѣе разслабляя его душу; и каждый день онъ получаетъ какое-либо приращеніе своей болѣзни. Если онъ впадаетъ въ затруднительныя обстоятельства, то обращается въ прахъ и пепелъ, и шелковыя одежды не приносятъ ему никакой пользы. Это сказано нами не напрасно, но съ цѣлью научить, чтобы никто не жилъ въ праздности и бездѣйствіи. Праздность и роскошь негодны ни къ чему, а только служатъ для тщеславія и удовольствія. Какъ всѣмъ не презирать такого человѣка, и домашнимъ и друзьямъ и роднымъ. Не справедливо ли кто-либо скажетъ, что онъ бремя земли и напрасно родился въ міръ, или лучше—не напрасно, но на свою голову, на погибель свою и ко вреду другихъ? И посмотримъ, что пріятнаго въ (такой жизни), гдѣ стремятся къ праздности и недѣятельности? Что можетъ быть непріятнѣе человѣка, не знающаго, что дѣлать? Что постыднѣе его? Что жалче? Не хуже ли тысячи узъ—постоянно зѣвать, сидя на площади и взирая на проходящихъ? Душа по природѣ своей имѣетъ нужду въ движеніи и не терпитъ спокойствія. Богъ сотворилъ ее существомъ дѣятельнымъ и потому дѣятельность свойственна ея природѣ, а бездѣйствіе противно ея природѣ. Не будемъ указывать на больныхъ, но возьмемъ въ доказа-
258 тельство самый опытъ. Нѣтъ ничего постыднѣе праздности и бездѣйствія; потому Богъ и поставилъ насъ въ необходимость — трудиться. Бездѣйствіе вредитъ всему и даже тѣлеснымъ членамъ. Если глазъ, или уста, или желудокъ и какой угодно членъ не исполняетъ своего дѣла, то впадаетъ въ крайнюю болѣзнь; но ничто такъ не терпитъ отъ этого, какъ душа. Впрочемъ, какъ праздность есть зло, такъ и не надлежащая дѣятельность. Подобно тому, какъ еслибы кто не сталъ ѣсть ничего, то повредилъ бы свои зубы, и если бы

сталъ ѣсть не надлежащее, то произвелъ бы въ нихъ оскомину,— такъ точно и здѣсь: если не дѣлаетъ ничего или дѣлаетъ, чего не должно, то теряетъ свою силу. Потому постараемся избѣгать того и другого, и праздности и такой дѣятельности, которая хуже праздности. Какая же это дѣятельность? Любостяжаніе, гнѣвъ, зависть и прочія страсти. Относительно таковыхъ будемъ стремиться къ бездѣйствію, чтобы намъ получить обѣтованныя намъ блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVI.

Въ полунощи же Павелъ и Сила молящеся пояху Бога: 257
послушаху же ихъ юзницы. Внезапу же трусъ бысть велій, яко поколебатися основанію темничному: отверзошася же абіе двери вся, и всѣмъ юзы ослабѣша (Дѣян. XVI, 25, 26).

1. Что можетъ сравниться съ душами (Павла и Силы)? Они претерпѣли удары, получили множество ранъ, вынесли оскорбленія, находились въ крайней опасности, были въ кандалахъ, содержались во внутренней темницѣ; но и при этомъ не дозволили себѣ спать, а бодрствовали въ теченіе всей ночи. Смотрите, какое благо—скорбь. А мы и на мягкихъ постеляхъ, и безъ всякой опасности, спимъ во всю ночь. Можетъ быть и потому бодрствовали, что находились въ такихъ обстоятельствахъ. Ни сила сна не одолѣла ихъ, ни страданія не изнурили, ни страхъ не привелъ въ уныніе; но все это еще болѣе возбуждало ихъ и исполняло великой радости. *Въ полунощи же*, говоритъ (писатель), *пояху Бога: послушаху же ихъ юзницы.* Узникамъ казалось это страннымъ и необычайнымъ. *Внезапу же трусъ бысть велій, яко поколебатися основанію темничному: отверзошася же абіе двери вся и всѣмъ юзы ослабѣша.* Землетрясеніе было такое, что и (сторожъ) проснулся; двери отворились такъ, что нельзя было не удивиться случившемуся; но узники не видѣли этого; иначе они всѣ разбѣжались бы. *Возбуждся же темничный стражъ, и видѣвъ отверсты двери темницы, извлекъ ножъ, хотяше себе убити, мня избѣгша юзники. Возгласи же гласомъ веліимъ Павелъ, глаголя: ничтоже сотвори себѣ зла: вси бо есмы здѣ* (ст. 27, 28). Онъ особенно дивился человѣколюбію Павла, изумлялся и его мужеству, какъ онъ, имѣя возможность убѣжать, не убѣжалъ и его удержалъ отъ самоубійства. *Просивъ же свѣщи, вскочи и трепетенъ бывъ, припаде къ Павлу и*

Силъ. И изведъ ихъ вонъ, рече: господіе, что ми подобаетъ творити,
да спасуся (ст. 29, 30)? Видишь ли, какъ чудо поразило его? *Она*
258 *же рекоста: вѣруй въ Господа Іисуса Христа, и спасешися ты и*
домъ твой. И глаголаста ему слово Господне, и всѣмъ, иже въ дому
его (ст. 31, 32). Вступивъ немедленно въ бесѣду съ нимъ, они
показали свое къ нему человѣколюбіе. *И поемь я въ той же часъ*
нощи, измы отъ ранъ, и крестися самъ и свои ему абіе. Введъ же
я въ домъ свой, постави трапезу, и возрадовася со всѣмъ до-
момъ своимъ, вѣровавъ Богу (ст. 33, 34). Омылъ ихъ, воздавая
этимъ благодарность и оказывая имъ честь. *Дню же бывшу, по-*
слаша воеводы паличники, глаголюще: отпусти человѣка она (ст. 35).
Начальники, можетъ быть, узнали о случившемся и не смѣли
сами (придти) отпустить ихъ. *Сказа же темничный стражъ сло-*
веса сія Павлу: яко послаша воеводы, да отпущени будете: нынѣ убо
изшедше, идите съ миромъ. Павелъ же рече къ нимъ: бивше насъ
предъ людми, неосужденныхъ, человѣковъ Римлянъ сущихъ, всадивше
въ темницу, и нынѣ отай изводятъ насъ? Ни бо: но да пришедше
сами изведутъ насъ. Сказаша же паличницы воеводамъ глаголы сія:
и убояшася, слышавше, яко Римляне суть. И пришедше умолиша
ихъ, изведше моляху изыти изъ града. Изшедше же изъ темницы,
пріидоста къ Лидіи, и видѣвше братію, утѣшиста ихъ, и изыдоста
(ст. 36—40). И послѣ того какъ начальники объявили, Па-
велъ не выходитъ, можетъ быть ради Лидіи и другихъ братій,
или желая устрашить начальниковъ, чтобы кто не подумалъ,
будто они отпущены по своей просьбѣ, и чтобы внушить смѣ-
лость другимъ (христіанамъ). Троякая, возлюбленные, была вина
ихъ, именно: они посадили въ темницу римскихъ гражданъ, безъ
суда, и всенародно. Видишь, какъ апостолы дѣлали многое и по-
человѣчески. Сравнимъ съ этою ночью наши ночи, которыя про-
259 водятся въ пиршествахъ, пьянствѣ и безчиніи, въ которыя бы-
ваетъ сонъ ничѣмъ не отличающійся отъ смерти, или бодрство-
ваніе хуже сна. Одни спятъ безчувственно, другіе бодрствуютъ
къ сожалѣнію и несчастію, составляя козни, заботясь о деньгахъ,
придумывая, какъ бы отомстить обидѣвшимъ ихъ, питая вражду,
припоминая оскорбительныя слова, сказанныя днемъ, и такимъ
образомъ воспламеняютъ огонь гнѣва и совершаютъ непрости-
тельныя дѣла. Посмотри, какъ спалъ Петръ; съ нимъ это было
по смотрѣнію (Божію), потому что надлежало придти ангелу и
никому не должно было видѣть случившагося (Дѣян. XII, 6). Хо-
рошо и то, что сторожъ не допущенъ былъ до самоубійства. По-
чему было это, а не другое какое-либо знаменіе? Потому что оно осо-
бенно могло вразумить и убѣдить его, а если бы этого не было, то онъ
подвергся бы опасности, такъ какъ не столько чудеса вразумляютъ

насъ, сколько то, что относится къ нашему спасенію. А чтобы не показалось, что землетрясеніе произошло само собою, во свидѣтельство чуда и случилось послѣдующее. Оно совершается ночью, потому что (апостолы) ничего не дѣлали изъ тщеславія, но все для спасенія. Темничный стражъ не былъ злой; онъ заключилъ ихъ во внутреннюю темницу, потому что получилъ такое приказаніе, а не самъ отъ себя. Почему же Павелъ не вдругъ воззвалъ къ нему? Потому что онъ былъ исполненъ страха и смятенія и не внялъ бы. Потому, когда Павелъ увидѣлъ, что онъ намѣревается умертвить себя, то предупреждаетъ и громко говоритъ ему: *вси есмы здѣ*. Послѣ этого онъ *просивъ свѣщи вскочи и припаде къ Павлу и Силѣ*. Сторожъ палъ къ ногамъ узника! Изводитъ ихъ вонъ и говоритъ: *господіе, что ми подобаетъ творити, до спасуся?* Что же они сказали? Замѣть: онъ не потому возлюбилъ ихъ, что самъ избавился отъ опасности, но потому, что пораженъ былъ силою (Божіею).

2. Видишь ли, что было тамъ и что здѣсь? Тамъ отроковица избавлена отъ духа—и ввергли (апостоловъ) въ темницу за то, что они избавили ее отъ бѣса; здѣсь только показали они отверстыми двери—и (у сторожа) отверзлись двери сердца, разрѣшились сугубые узы и возсіялъ свѣтъ; вѣдь свѣтъ возсіялъ и въ его сердцѣ. *И вскочи и припаде*, и не спрашиваетъ: что случилось, какъ это случилось?—но тотчасъ же говоритъ: *что ми подобаетъ творити, да спасуся?* Что же Павелъ? *Вѣруй*, говоритъ, *въ Господа Іисуса Христа, и спасешися ты и домъ твой*. Много дѣйствуетъ на людей и то, что спасется и домъ ихъ. *И глаголаста ему слово и всѣмъ, иже въ дому его*. Онъ омылъ ихъ, и самъ омылся; омылъ ихъ отъ ранъ, а самъ омылся отъ грѣховъ; напиталъ ихъ, и самъ напитался. *И возрадовася*, говоритъ (писатель), хотя не получилъ ничего, кромѣ собесѣдованія и благой надежды. Доказательствомъ его вѣры служитъ то, что онъ оставилъ все (худое). Что хуже темничнаго сторожа? Что жесточе, что суровѣе его? Но онъ принялъ ихъ съ великою честію. *Возрадовася*, не потому, что избавился отъ опасности, но *вѣровавъ Богу*. *Вѣруй*, говорилъ Павелъ, *въ Господа*; потому и прибавилъ (писатель): *вѣровавъ Богу*, чтобы не показалось, что спасается человѣкъ осужденный и грѣшный. *Бивше насъ предъ людми, неосужденныхъ человѣковъ, всадиша въ темницу*,—чтобы это дѣло не было только дѣйствіемъ благодати, но и ихъ самихъ. Смотри, какъ разнообразно дѣйствуетъ благодать, какъ вышелъ (Петръ) и какъ (Павелъ), хотя они оба были апостолы. *Убояшася*, говоритъ (писатель). Боятся потому, что они *Римляне суть*, а не потому, что несправедливо заключили ихъ. *И моляху ихъ изыти изъ града*. Просили

260 этого, какъ милости. Они же, пришедши къ Лидіи и утѣшивъ ее, тогда и *изыдоста*. Не слѣдовало гостепріимную жену оставлять въ скорби и недоумѣніи. *Изыдоста*, не потому, что повиновались начальникамъ, но поспѣшая на проповѣдь, такъ какъ этотъ городъ уже довольно получилъ пользы отъ чуда. Долѣе оставаться здѣсь не слѣдовало; чудо является большимъ, когда уходятъ совершившіе его; тогда и оно само взываетъ громче. Вѣра темничнаго сторожа была здѣсь вмѣсто проповѣди. Что можетъ сравниться съ этимъ? Связывается (Павелъ) и связанный разрѣшаетъ, разрѣшаетъ сугубые узы, разрѣшаетъ связавшаго чрезъ то самое, что былъ связанъ. Поистинѣ это—дѣло благодати. *Нынѣ убо*, говоритъ, *изшедше, идите съ миромъ*, т. е. безопасно, не боясь ничего. Съ другой стороны они желаютъ, чтобы и онъ оставался въ безопасности, чтобы и послѣ того не подвергался обвиненію. Не говорятъ: *бивше всадиша въ темницу насъ*, совершившихъ чудеса, такъ какъ на это не обратили бы вниманія, но, что особенно могло подѣйствовать на душу ихъ, говорятъ: *неосужденныхъ и Римлянъ сущихъ*. Будемъ и мы всегда помнить объ этомъ узникѣ, а не (только) о чудѣ. Что въ томъ, скажутъ эллины, что онъ, будучи узникомъ, вразумилъ темничнаго сторожа? Кого, скажутъ, и можно было убѣдить, какъ не человѣка грубаго, жалкаго, не отличавшагося умомъ, преисполненнаго пороковъ, удобоубѣждаемаго? Къ этому прибавляютъ: вообще, кто вѣровалъ, кромѣ кожевника, порфиропродавщицы, евнуха, темничнаго сторожа, рабовъ и женщинъ? Но что они скажутъ, если мы укажемъ на сановниковъ, на сотника, проконсула и другихъ съ того времени донынѣ, даже на властителей и царей? Впрочемъ скажу нѣчто другое, большее этого; посмотримъ на тѣхъ же простыхъ людей. Что же, скажутъ, здѣсь удивительнаго? Это и удивительно; если бы кто убѣдился въ предметахъ обыкновенныхъ, то это было бы нисколько не удивительно; но когда о воскресеніи, о царствіи небесномъ, о жизни любомудрой говорятъ людямъ простымъ и убѣждаютъ ихъ, это гораздо удивительнѣе, нежели убѣдить мудрецовъ. Если нѣтъ никакой опасности и кто-либо убѣждаетъ, то указываютъ на неразуміе (вѣрующихъ); но когда говорятъ, напримѣръ, рабу: если ты повѣришь мнѣ, то будешь въ опасности, всѣ будутъ твоими врагами, тебѣ должно будетъ умереть и претерпѣть множество бѣдъ, и при всемъ томъ уловляютъ душу его, то это уже не отъ безумія. Если бы ученіе (христіанское) служило для удовольствія, то справедливо можно было бы сказать это; если же рабъ научается тому, чего не захотѣли бы принять философы, то это—высшее чудо. Представимъ, если угодно, того кожевника и посмотримъ, о чемъ бесѣ-

довалъ съ нимъ Петръ, или, если хочешь, того самаго темничнаго сторожа. О чемъ говорилъ ему Павелъ? Говорилъ о томъ, что Христосъ воскресъ, что есть воскресеніе мертвыхъ, что есть царствіе (небесное), и скоро убѣдилъ этого, удобоубѣждаемаго человѣка. Что же? Не говорилъ ли ему также о жизни, о томъ, что нужно быть цѣломудреннымъ, удерживаться отъ любостяжанія, не быть жестокимъ и удѣлять другимъ изъ своего имущества? Убѣдиться и въ этомъ, поистинѣ, свойственно не безумной, но великой душѣ. Положимъ, что они принимали ученіе болѣе по неразумію; но усвоить себѣ жизнь столь любомудрую—можетъ ли это быть отъ неразумія? Такимъ образомъ, чѣмъ неразумнѣе убѣждаемый и однако убѣждается въ томъ, въ чемъ философы не могли убѣдить философовъ, тѣмъ большее здѣсь чудо, особенно, когда убѣждаются и женщины и рабы, и дѣлами показываютъ то, въ чемъ Платоны и всѣ другіе (философы) не могли убѣдить никого. Что я говорю: никого? Даже и себя самихъ. Платонъ внушалъ, что не нужно презирать богатства, внушалъ тѣмъ, что собралъ столько имущества, такое множество денегъ, золотыхъ перстней и чашъ. Что не нужно презирать славы мірской, внушалъ самъ 261
Сократъ, хотя и много философствовалъ объ этомъ, — внушалъ тѣмъ, что все дѣлалъ изъ тщеславія. Если бы вы были знакомы съ его ученіемъ, то я болѣе распространился бы объ этомъ и показалъ бы, какъ много въ нихъ лицемѣрія, и какъ у самого Сократа,—если вѣрить тому, что говоритъ ученикъ его,—все ученіе проникнуто тщеславіемъ.

3. Но оставимъ ихъ и обратимъ рѣчь къ самимъ себѣ. Къ вышесказанному можно прибавить и то, что они убѣждались въ этомъ среди опасностей. Итакъ, не будемъ безстыдны, но подумаемъ о той ночи, о кандалахъ, о пѣснопѣніи, и постараемся сами поступать также; тогда и мы отверземъ себѣ не темницу, а небо. Если будемъ молиться, то можемъ отверзть самое небо. Илія и заключалъ и отверзалъ небо молитвою. И на небѣ есть темница. *Елика аще*, говоритъ (Христосъ), *свяжете на земли, будутъ связана на небеси* (Мѳ. XVIII, 18). Будемъ молиться во время ночи и разрѣшимъ эти узы. А что молитва разрѣшаетъ грѣхи, въ этомъ можетъ убѣдить насъ вдовица (Лук. XVIII, 3), можетъ убѣдить другъ, который въ полночь стоялъ у дверей и толкалъ (Лук. XI, 5), можетъ убѣдить Корнилій, которому (ангелъ) сказалъ: *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша предъ Бога* (Дѣян. X, 4), можетъ убѣдить Павелъ, который говоритъ: *сущая истинная вдовица и уединена уповаетъ на Бога, и пребываетъ въ молитвахъ и моленіяхъ день и нощь* (1 Тим. V, 5). Если онъ говоритъ это о вдовицѣ, женѣ слабой, то тѣмъ болѣе (можно сказать) о мужахъ.

Я уже и говорилъ вамъ объ этомъ, и теперь скажу: будемъ вставать во время ночи; если не прочитаешь многихъ молитвъ, то прочитай одну со вниманіемъ, и этого довольно; ничего болѣе не требую; если не среди ночи, то хотя около утра. Покажи, что ночь не для одного тѣла, но и для души; не попускай проходить ей въ бездѣйствіи, но воздай это воздаяніе Господу, или лучше, оно опять къ тебѣ же возвратится. Скажи мнѣ: когда мы впадаемъ въ затруднительное положеніе, то кого тогда не просимъ? И если скоро получаемъ просимое, то чувствуемъ облегченіе. Гдѣ ты найдешь, чтобы тотъ, кого ты просишь, готовъ былъ благодарить тебя за то, что ты просишь? Гдѣ ты найдешь, чтобы не нужно было ходить и искать, кого бы попросить, но имѣть его всегда въ готовности? Или не нуждаться въ другихъ, чтобы просить чрезъ нихъ? Что можетъ быть больше этого? Онъ тогда особенно и исполняетъ (наши просьбы), когда мы не прибѣгаемъ къ другимъ, подобно тому, какъ искренній другъ тогда особенно упрекаетъ насъ въ недовѣрчивости къ его дружбѣ, когда просимъ его чрезъ другихъ. Такъ поступаемъ и мы съ просящими насъ; тогда особенно бываемъ къ нимъ благосклонны, когда они сами обращаются къ намъ, а не чрезъ другихъ. Но что, скажешь, если я оскорбилъ Его? Перестань оскорблять, со слезами приступи къ Нему, и Онъ скоро помилуетъ тебя за прежнія дѣла. Скажи только, что оскорбилъ Его, скажи отъ души и изъ глу-
262 бины сердца, и во всемъ получишь прощеніе. Не столько ты желаешь, чтобы прощены были тебѣ грѣхи, сколько Онъ желаетъ простить грѣхи твои. А что ты мало желаешь этого, пойми изъ того, что ты не хочешь ни бодрствовать, ни удѣлять изъ имущества своего; а Онъ, чтобы оставить намъ грѣхи наши, не пощадилъ единороднаго, истиннаго и сопрестольнаго Сына Своего. Видишь ли, что Онъ гораздо болѣе тебя желаетъ простить грѣхи твои? Не будемъ же нерадивы и не станемъ откладывать это дѣло. Онъ человѣколюбивъ и благъ; подадимъ Ему только поводъ; и даже этого (Онъ требуетъ) только для того, чтобы мы не оставались непотребными; а иначе Онъ помиловалъ бы насъ и безъ этого. Подобно тому, какъ мы для блага рабовъ своихъ изобрѣтаемъ и употребляемъ тысячи средствъ, такъ и Онъ печется о нашемъ спасеніи. *Предваримъ лице его во исповѣданіи*, что Онъ благъ и милосердъ (Псал. xciv, 2). Если ты не будешь призывать Его во истинѣ и не станешь взывать отъ сердца: прости мнѣ, а одними только устами, то что Онъ сдѣлаетъ? Что же значитъ: призывать во истинѣ? Съ добрымъ расположеніемъ, съ усердіемъ, отъ чистаго сердца. Подобно тому, какъ о мурѣ говорятъ, что оно истинное, когда къ нему ничего не примѣшано,

такъ точно и здѣсь. Истинно призывающій Его и истинно просящій Его проситъ непрестанно и не отходитъ дотолѣ, пока не получитъ; а кто дѣлаетъ это лицемѣрно и желаетъ только исполнить законъ, тотъ не призываетъ Его во истинѣ. Всякій, кто бы то ни былъ, не говори только: я грѣшникъ, но и старайся избавить себя отъ этой славы; не говори только, но и сокрушайся. Если ты сокрушаешься, то прилагаешь стараніе; если не стараешься, то и не сокрушаешься; если же не сокрушаешься, то издѣваешься. Кто, сознавая, что онъ боленъ, не дѣлаетъ всего къ тому, чтобы избавиться отъ болѣзни? Молитва—великое оружіе. *Аще вы*, говоритъ (Христосъ), *умѣете даянія блага даяти чадомъ вашымъ, кольми паче Отецъ вашъ* (Лук. XI, 13). Почему же ты не хочешь прибѣгнуть къ Нему? Онъ любитъ тебя; можетъ сдѣлать больше всѣхъ; и желаетъ и можетъ: что же тебѣ препятствуетъ? Ничто. Итакъ, будемъ приступать къ Нему съ вѣрою, приступать принося угодные Ему дары: непамятозлобіе, снисходительность, кротость. Хотя бы ты былъ грѣшникъ, съ дерзновеніемъ проси у Него прощенія грѣховъ, если можешь представить съ своей стороны это доброе дѣло; и хотя бы ты былъ праведникъ, но если не имѣешь непамятозлобія, то не получишь никакой пользы. Человѣкъ, простившій своему ближнему, не можетъ не получить совершеннаго прощенія (отъ Бога), потому что Богъ несравненно человѣколюбивѣе насъ; это извѣстно каждому. Что же ты говоришь? Если можешь сказать (предъ Богомъ): я былъ обиженъ, но обуздалъ гнѣвъ, преодолѣлъ бурный порывъ его по заповѣди Твоей, то не проститъ ли и Онъ тебѣ? Безъ сомнѣнія, проститъ. Очистимъ же душу свою отъ памятозлобія; этого довольно будетъ, чтобы и намъ быть услышанными; будемъ молиться со вниманіемъ и великимъ усердіемъ, чтобы намъ, удостоившись великаго человѣколюбія Его, сподобиться обѣтованныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVII.

261 Прешедше же Амфиполь и Аполлонію, внидоста въ Со-
лунь, идѣже бѣ сонмище іудейское. По обычаю же
своему Павелъ вниде къ нимъ, и по субботы три стя-
зашеся съ ними отъ Писаній, сказуя и предлагая, яко
262 Христу подобаше пострадати и воскреснути отъ мерт-
выхъ, и яко сей Іисусъ, егоже азъ проповѣдаю вамъ,
есть Христосъ (Дѣян. xvii, 1—3).

1. Опять они проходятъ малые города, но поспѣшаютъ въ большіе, изъ которыхъ, какъ бы изъ какого источника, слово
263 могло распространяться въ сосѣдніе города. По обычаю своему Павелъ вошелъ въ синагогу іудейскую. Хотя онъ сказалъ: *обращаемся во языки* (Дѣян. xiii, 46), но не оставилъ и тѣхъ, потому что питалъ къ нимъ великую любовь. Послушай, въ самомъ дѣлѣ, что онъ говоритъ: *братіе, благоволеніе моего сердца, и молитва, яже къ Богу по Исраили, есть во спасеніе* (Рим. x, 1), и: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей* (ix, 3). Онъ дѣлалъ это какъ ради обѣтованія Божія и славы Его, такъ и для того, чтобы въ противномъ случаѣ не соблазнились эллины. *И по субботы три стязашеся съ ними отъ Писаній, сказуя и предлагая, яко Христу подобаше пострадати и воскреснути отъ мертвыхъ, и яко сей Іисусъ, егоже азъ проповѣдаю вамъ, есть Христосъ.* Видишь, какъ онъ прежде всего проповѣдуетъ о страданіи; такъ, (апостолы) не стыдились этого, но были увѣрены, что это спасительно. *И нѣцыи отъ нихъ вѣроваша, и приложишася къ Павлу и Силѣ, отъ чтивыхъ Еллинъ множество много, и отъ женъ благородныхъ не мало* (ст. 4). Только сущность бесѣды изложилъ (писатель); такъ онъ не многорѣчивъ и не вездѣ излагаетъ цѣлыя рѣчи Павла. *Возревновавше же непокоривміися Іудее, и пріемше крамолники нѣкія мужи злыя, и собравше народъ, молвяху по граду: нашедше же на домъ Іассоновъ, искаху ихъ извести къ народу. Не обрѣтше же ихъ, влечаху Іассона и нѣкія отъ братій къ градоначалникомъ, вопіюще, яко иже развратиша вселенную, сіи и здѣ пріидоша, ихже пріятъ Іассонъ: и сіи вси противно велѣніемъ кесаревымъ творятъ, царя глаголюще иного быти, Іисуса* (ст. 5—7). О, клевета! Опять обвиняютъ ихъ въ государственномъ преступленіи. *Глаголюще*, говорятъ, *царя иного быти, Іисуса. Смятоша же народъ и градоначалники слышавшыя сія: вземше же доволное отъ Іассона и отъ прочихъ, отпустиша ихъ* (ст. 8—9). Удивителенъ этотъ мужъ, подвергшій опасности себя и спасшій ихъ. *Братія же абіе въ нощи отслаша Павла и Силу въ Берію: иже пришедше, идо-*

ша въ соборъ іудейскій. Сіи же бяху благороднѣйши живущихъ въ Солуни, иже пріяша слово со всѣмъ усердіемъ, по вся дни разсуждающе Писанія, аще суть сія тако (ст. 10—11). *Благороднѣйши*, т. е. болѣе послушные. И смотри, они не просто, но тщательно изслѣдовали Писанія (это именно означаетъ—*разсуждающе*), желая изъ нихъ болѣе удостовѣриться касательно страданія (Христова), такъ какъ они уже вѣровали. *Мнози убо отъ нихъ вѣроваша, и отъ еллинскихъ женъ благообразныхъ и мужей не мало. И яко увѣдаша иже отъ Солуня Іудеи, яко и въ Беріи проповѣдася отъ Павла слово Божіе, пріидоша и тамо движуще народы. Абіе же тогда братія отпустиша Павла ити на поморіе: остаста же Сила и Тимоѳей тамо* (ст. 12—14). Смотри, какъ онъ и отступаетъ и опять наступаетъ, и многое дѣлаетъ по-человѣчески. *Провождающіи же Павла ведоша его даже до Аѳинъ: и пріемше заповѣдь къ Силѣ и Тимоѳею, да яко скорѣе пріидутъ къ нему, взыдоша* (ст. 15). Но обратимся къ вышесказанному. *По субботы три*, говоритъ (писатель), *стязашеся съ ними отъ Писаній*. И хорошо, потому что тогда они не 264
были заняты. Тоже дѣлалъ и Христосъ, поучая часто изъ Писаній, а не всегда посредствомъ знаменій. Такъ какъ они противились ему и клеветали на него, какъ бы на обольстителя и развратителя, то онъ и бесѣдуетъ съ ними изъ Писаній. Кто старается убѣдить посредствомъ однихъ только знаменій, тотъ легко навлекаетъ на себя подозрѣніе; а кто убѣждаетъ изъ Писаній, тотъ не подвергается такому подозрѣнію. И мы видимъ, что онъ часто убѣждалъ посредствомъ ученія; въ Антіохіи, когда онъ училъ, собрался къ нему весь городъ; и это—великое дѣло, и также знаменіе, и притомъ не малое, но весьма большое. А чтобы (апостолы) не думали, что они сами собою совершали все, для того Богъ попускаетъ имъ быть гонимыми. Отсюда происходило два блага: они не высокомудрствовали, какъ бы преодолѣвая все сами собою, и съ другой стороны не страшились, какъ бы виновные въ чемъ-нибудь; такъ по устроенію (Божію) было и то, что они призывались (съ мѣста на мѣсто). *И вѣроваша*, говоритъ (писатель), отъ честивыхъ еллинъ множество много *и отъ еллинскихъ женъ благообразныхъ и мужей не мало* (ст. 12). А (іудеи) противились. Почему же тотъ, кто говорилъ: *да мы во языки, они же во обрѣзаніе* (Гал. II, 9), бесѣдовалъ съ іудеями? Онъ дѣлалъ это отъ избытка (ревности). Если же нужно было бесѣдовать и съ іудеями, то почему онъ опять говорилъ: *ибо споспѣшествовавый оному* (Петру) *въ* обрѣзаніе *споспѣшествова и мнѣ во языки* (ст. 8)? Какъ тѣ (апостолы) бесѣдовали и съ язычниками, хотя были посланы къ обрѣзаннымъ, такъ и онъ болѣе бесѣдовалъ съ (язычниками), но не оставлялъ и (іудеевъ), чтобы не показалось, что они раздѣлились.

2. Почему же, скажешь, онъ напередъ входилъ въ синагоги? Онъ убѣждалъ язычниковъ черезъ іудеевъ, тѣмъ, о чемъ бесѣдовалъ съ іудеями. Онъ зналъ, что это особенно располагало язычниковъ къ вѣрѣ. Потому онъ говорилъ: *понеже есмь азъ языкомъ апостолъ* (Рим. XI, 13); и всѣ посланія его направлены противъ іудеевъ. *Яко Христу*, говоритъ, *подобаше пострадати*. Если надлежало пострадать, то и воскреснуть; первое гораздо удивительнѣе послѣдняго. Если (Богъ) ни въ чемъ невиновнаго (Христа) предалъ на смерть, то тѣмъ болѣе справедливо, что Онъ воскресилъ Его. *Непокоршіися Іудее*, говоритъ (писатель), *пріемши крамолники нѣкія, молвяху по граду*. Слѣдовательно здѣсь было больше эллиновъ. *И* принимаютъ *нѣкія*, потому что іудеи считали себя недостаточными для возмущенія (народа) и не имѣли основательной къ тому причины. Они всегда производили это съ шумомъ и при помощи негодныхъ людей. *Не обрѣтше же ихъ*, говоритъ, *влечаху Іассона*. О, насиліе! Повлекли ихъ прямо изъ домовъ ихъ. *Сіи вси*, говорятъ, *противно велѣніемъ кесаревымъ творятъ, царя глаголюще иного быти, Іисуса*. Такъ какъ они не говорили ничего противнáго законамъ и не возмущали города, то обвиняютъ ихъ въ другомъ, государственномъ, преступленіи. Но чего вы страшитесь, если (Христосъ) умеръ? Смотри, какъ гоненія вездѣ служатъ къ распространенію проповѣди. *Сіи же бяху*, говоритъ (писатель), *благороднѣйши живущихъ въ Солуни*, т. е., никакого зла (апостоламъ) не дѣлали; они увѣровали, а тѣ поступаютъ напротивъ, производя возмущеніе. *Мнози убо*, говоритъ, *отъ нихъ вѣроваша, и отъ еллинскихъ женъ*. Опять здѣсь вѣ-
265 руютъ эллины. Замѣть, что они удалились по предусмотрительности, а не по страху; иначе они перестали бы проповѣдывать и тѣхъ раздражали бы еще болѣе. А теперь произошло два блага: и неистовство тѣхъ прекратилось и проповѣдь распространилась. Достойно безчинія іудеевъ выразился (писатель), сказавъ, что они *пріидоша и тамо, движуще народы*, и тѣмъ изобразивъ ихъ неукротимое неистовство. *Абіе же*, говоритъ, *братія отпустиша Павла ити на поморіе*. Здѣсь они отпускаютъ одного Павла, потому что за него опасались, чтобы онъ не потерпѣлъ чего-нибудь, такъ какъ онъ былъ ихъ главою. Такъ, не вездѣ дѣйствовала благодать, но оставляла имъ дѣйствовать и самимъ по-человѣчески, возбуждая ихъ и располагая къ бодрствованію и вниманію. Смотри: она избавляла ихъ (отъ опасностей) до Филиппъ, а отъ этого мѣста уже нѣтъ. *И пріемше*, говоритъ (писатель), *заповѣдь къ Силѣ и Тимоѳею, да яко скорѣе пріидутъ къ нему, изыдоша*. Такъ и слѣдовало; гдѣ былъ Павелъ, тамъ нужно было быть и имъ. Хорошо, что они приведены были Богомъ въ Ма-

кедонію, такъ какъ Греція была уже славною. Притомъ (Павелъ) дѣлалъ иное съ избыткомъ. Христосъ повелѣлъ (проповѣдникамъ) жить отъ благовѣстія, а онъ не дѣлалъ этого (1 Кор. IX, 14, 15), Христосъ не посылалъ его крестить (1 Кор. 1, 17), а онъ крестилъ. Видишь, какъ онъ былъ равно способенъ на все. Петръ (пошелъ) къ обрѣзаннымъ, а онъ къ язычникамъ, къ многочисленнѣйшей части. *Вземше же*, говоритъ, *доволное отъ Іассона, отпустиша ихъ*. Смотри, какъ Іассонъ, давъ *доволное*, избавилъ Павла и такимъ образомъ положилъ за него душу свою. *Сіи же*, говоритъ, *бяху благороднѣйши живущихъ въ Солуни*, т. е., были такими по добродѣтели и вѣрѣ въ Бога. *Иже пріяша слово со всѣмъ усердіемъ, по вся дни разсуждающе Писанія, аще суть сія тако*,—не просто, по увлеченію или соревнованію.

Городъ былъ большой и въ немъ были негодные люди. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ большомъ городѣ были худые люди; весьма естественно быть худымъ людямъ въ большомъ городѣ, гдѣ такъ много случаевъ къ безчинствамъ. Какъ въ тѣлѣ, когда болѣзнь дѣлается сильнѣе, то находитъ себѣ болѣе матеріала и пищи, — такъ и здѣсь было тоже, что и въ Иконіи, что бываетъ и теперь. Павелъ удаляется, чтобы они (іудеи) остались виновными въ погибели другихъ (необращенныхъ). Почему Павелъ и говорилъ: *возбраняющихъ намъ глаголати языкомъ* (1 Сол. II, 16). А почему, скажешь, они не остались здѣсь? Почему не совершили знаменій? Если (Павелъ) оставался довольно времени тамъ, гдѣ былъ побиваемъ камнями, то тѣмъ болѣе (могъ остаться) здѣсь. Почему? Богу не было угодно, чтобы они постоянно совершали знаменія; и если гонимые побѣждаютъ безъ знаменій, то это есть не меньшее знаменіе, какъ и совершать знаменія. Какъ теперь (Богъ) побѣждаетъ безъ знаменій, такъ точно Онъ часто благоволилъ побѣждать и тогда. Апостолы не прибѣгали къ знаменіямъ, какъ и Павелъ говоритъ: *мы же проповѣдуемъ Христа распята* (1 Кор. 1, 23); ищущимъ знаменій и премудрости мы сообщаемъ то, въ чемъ иной не могъ бы убѣдить и при помощи знаменій, и убѣждаемъ. Это и есть великое знаменіе. Когда же проповѣдь распространялась, то, смотри, какъ часто они прибѣгаютъ къ знаменіямъ. Для вѣрующихъ слѣдовало совершать больше знаменій, нежели для прочихъ; потому они и совершаются; впрочемъ (апостолы) совершали ихъ тогда, когда уходили и приходили. *Отпустиша*, говоритъ (писатель), *Павла ити на поморіе*. Для чего? Чтобы (іудеямъ) не легко было взять его. Такимъ образомъ (отпустившіе Павла) сами по себѣ могли сдѣлать нѣчто великое, а съ нимъ сдѣлали бы и успѣли бы еще болѣе; но они хотѣли пока избавить его отъ опасности.

3. Смотри, какую заботливость проявляли всѣ ученики о верховныхъ (апостолахъ), не такъ какъ мы теперь, мы, которые отдѣлились другъ отъ друга, раздѣлились на великихъ и малыхъ; одни превозносимся, другіе завидуемъ; эти завидуютъ потому,
266 что мы надмеваемся и не хотимъ равняться съ ними. Въ тѣлѣ нашемъ есть согласіе, потому что (между членами его) нѣтъ надменности; а нѣтъ надменности потому, что всѣ члены по необходимости имѣютъ нужду одинъ въ другомъ; голова имѣетъ нужду въ ногахъ, а ноги — въ головѣ. И между нами Богъ устроилъ тоже самое, но не смотря на то мы не хотимъ (равняться съ другими), хотя и безъ этого слѣдовало бы имѣть любовь между собою. Не слышите ли, какъ и внѣшніе (язычники) осуждаютъ насъ, когда говорятъ: дружба полезна? Міряне имѣютъ нужду въ насъ, а мы существуемъ для нихъ. Такъ, не было бы ни учителя, ни начальника, если бы не было учащихся и подчиненныхъ, и не явили бы они дѣлъ своихъ, потому что не могли бы. Какъ земля имѣетъ нужду въ земледѣльцѣ и земледѣлецъ въ землѣ, такъ и здѣсь. Какое воздаяніе получитъ учитель, если онъ не можетъ показать наученныхъ имъ? Какое—и учащіеся, если они не пользовались добрымъ ученіемъ? Такимъ образомъ мы равно имѣемъ нужду другъ въ другѣ, начальники въ подчиненныхъ, настоятель въ послушникахъ; начальники существуютъ для другихъ многихъ. Никто ни въ какомъ дѣлѣ не можетъ ограничиться самимъ собою, нужно ли будетъ рукополагать, или давать совѣты и мнѣнія, но получаетъ большую честь отъ собранія и множества. Напримѣръ, бѣдные имѣютъ нужду въ подающихъ, а подающіе въ пріемлющихъ. *Да разумѣваемъ другъ друга*, говоритъ (апостолъ), *въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ* (Евр. x, 24). Потому много можетъ общеніе съ Церковію, и кто не можетъ сдѣлать чего-либо самъ собою, то сдѣлаетъ вмѣстѣ съ другими. Потому-то здѣсь особенно совершаются потребныя молитвы о вселенной, о Церкви во всѣхъ предѣлахъ, о мирѣ, о находящихся въ опасностяхъ. И Павелъ выражаетъ это, когда говоритъ: *да отъ многихъ лицъ, еже въ насъ дарованіе, многими благодарится о насъ* (2 Кор. I, 11), т. е., чтобы воздана была благодарность многимъ. И часто онъ испрашиваетъ себѣ молитвъ ихъ. Посмотри, что и Богъ говоритъ о ниневитянахъ: *не пощажду ли града, въ немъ же живутъ множайшіи нежe дванадесять темъ человѣкъ* (Іон. IV, 11)? *Идѣже еста два или тріе*, говоритъ (Христосъ), *собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мѳ. XVIII, 20). Если же двое могутъ сдѣлать много, то не тѣмъ ли болѣе многіе? Положимъ, что ты и одинъ имѣешь силу, но не столько (какъ съ другими). И почему ты одинъ? Почему не собираешь многихъ? Почему не дѣлаешься

виновникомъ любви? Почему не устрояешь дружбы? Ты не имѣешь величайшей славы добродѣтели. Какъ зло, сдѣланное по согласію съ другими, болѣе оскорбляетъ Бога, такъ и добро, сдѣланное по согласію съ другими, болѣе пріятно Ему. *Да не будеши*, говоритъ (писаніе), *со многими на злобу* (Исх. ххш, 2). *Вси уклонишася, вкупѣ неключими быша* (Пс. xш, 3) и сдѣлались подобны ликующимъ въ злобѣ своей. Позаботься пріобрѣсти себѣ друзей прежде домашнихъ своихъ, прежде всего прочаго. Если *миротворецъ* есть *сынъ Божій* (Мѳ. v, 9), то не тѣмъ ли болѣе пріобрѣтающій друзей? Если только примиряющій называется сыномъ Божіимъ, то дѣлающій примиряющихся друзьями чего не удостоится? Будемъ совершать эту куплю, враждующихъ между собою дѣлать друзьями, соединять тѣхъ, которые ни враги ни друзья между собою, а прежде всѣхъ—насъ самихъ. Какъ тотъ, кто допустилъ вражду въ своемъ домѣ и живетъ не въ согласіи съ своею женою, не будетъ имѣть довѣрія, когда станетъ примирять другихъ, но услышитъ слова: *врачу, исцѣлися самъ* (Лук. iv, 23), такъ точно и мы услышимъ здѣсь. Какая же вражда у насъ? Вражда души съ тѣломъ, порока съ добродѣтелію. Прекратимъ эту вражду, уничтожимъ эту брань; тогда и другихъ будемъ вразумлять съ миромъ и съ великимъ дерзновеніемъ, безъ упрековъ совѣсти. Гнѣвъ противится кротости, любостяжаніе противится презрѣнію 267
богатства, зависть противится доброжелательству. Прекратимъ эту брань, низложимъ этихъ враговъ, поставимъ эти трофеи, устроимъ миръ въ нашемъ городѣ. У насъ вѣдь есть свой городъ и управленіе, граждане и множество пришельцевъ. Изгонимъ пришельцевъ, чтобы не развратились наши граждане. Да не входитъ къ намъ никакое чуждое и нездравое ученіе, никакое плотское мудрованіе. Не видимъ ли мы, что если кто-нибудь изъ непріятелей будетъ пойманъ въ городѣ, то судится, какъ соглядатай? Изгонимъ же пришельцевъ, или лучше, не пришельцевъ только, но и враговъ. Если замѣтимъ какой-нибудь помыслъ, враждебный намъ, но прикрывающійся одеждой гражданина, предадимъ его начальнику—уму. Много у насъ такихъ помысловъ, враждебныхъ по существу своему, но прикрывающихся овечьей кожею. Какъ персы, снявъ свою тіару, шаровары и обувь, и надѣвъ другую одежду, употребляемую у насъ, остригшись догола и говоря на здѣшнемъ языкѣ, подъ этимъ внѣшнимъ видомъ скрываютъ свою вражду, а если подвергнешь ихъ пыткѣ, то откроешь скрываемое, такъ и здѣсь: подвергни тысячѣ пытокъ этотъ помыслъ, и тотчасъ увидишь враждебное мудрованіе. Но, чтобы показать вамъ примѣръ этихъ соглядатаевъ, которыхъ діаволъ посылаетъ подсматривать за нами, разоблачимъ хотя одного

268 изъ нихъ и тщательно допросимъ предъ судилищемъ; и, если угодно, представимъ нѣкоторыхъ изъ обличенныхъ Павломъ: *яже суть*, говоритъ онъ, *слово имущя премудрости въ самоволнѣй службѣ и смиренномудріи и непощадѣніи тѣла, не въ чести коей къ сытости плоти* (Кол. II, 23). Такъ, напримѣръ, діаволъ хотѣлъ ввести ересь жидовствующихъ. Если бы онъ сталъ прямо вводить ее, то никого не убѣдилъ бы. Смотри же, какъ онъ сдѣлалъ это: не нужно, говоритъ, щадить своей плоти. Не прилѣпляться къ пищѣ, но воздерживаться, вотъ это—любомудріе, это—смиренномудріе. И нынѣ еще онъ вмѣстѣ съ еретиками хотѣлъ низвести насъ до почитанія твари. Смотри же, какъ онъ устроилъ свой коварный замыслъ. Если бы онъ сказалъ: покланяйся твари, то былъ бы обличенъ; но что? Богъ, говоритъ, сотворенъ. Обличимъ же его предъ судомъ судей, (разумѣющихъ) смыслъ апостольскихъ писаній; къ нимъ приведемъ его; они распознаютъ, что́ проповѣдь и что пустословіе. Многіе собираютъ имущества, будто бы для того, чтобы имѣть что подать бѣднымъ, собираютъ неправедно; и это также злой помыслъ. Отвергнемъ его, обличимъ, чтобы намъ не быть уловленными, но чтобы, избѣгая всѣхъ козней діавола и вѣрно содержа здравое ученіе, намъ безопасно пройти настоящую жизнь и сподобиться обѣтованныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXVIII.

267 Во Аѳинѣхъ же ждущу ихъ Павлу, раздражашеся духъ его въ немъ, зрящемъ идолъ полнъ сущъ градъ. Стязашеся убо на сонмищи со Іудеи и съ честивыми, и на торжищи по вся дни съ приключающимися (Дѣян. XVII, 16, 17).

1. Смотри, какъ онъ терпѣлъ отъ іудеевъ гораздо болѣе искушеній, нежели отъ эллиновъ. Въ Аѳинахъ даже онъ не потерпѣлъ ничего такого, но все кончилось смѣхомъ, и еще убѣдилъ (нѣкоторыхъ); отъ іудеевъ же много пострадалъ: такъ сильно они были вооружены противъ него! Потому и говоритъ (писатель): *во Аѳинѣхъ же ждущу ихъ Павлу, раздражашеся духъ его въ немъ, зрящемъ идолъ полнъ сущъ градъ.* Справедливо онъ огорчался, потому что нигдѣ нельзя было видѣть столько идоловъ. *Стязашеся убо на сонмищи со іудеи и честивыми, и на торжищи по вся дни съ приключающимися.* Смотри, какъ онъ опять бесѣдуетъ съ

іудеями, и чрезъ это заграждаетъ уста тѣмъ, которые утверждаютъ, будто онъ оставилъ ихъ, обратившись къ язычникамъ. Удивительно, что философы горделиво не посмѣялись ему тотчасъ же, какъ онъ сталъ говорить, и не отвергли его ученія, сказавъ: оно далеко отъ философіи. Это потому, что онъ не имѣетъ надменности; или, съ другой стороны, потому, что они не понимали и не разумѣли ничего изъ сказаннаго. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли (уразумѣть его) тѣ, изъ которыхъ одни почитали Бога существомъ тѣлеснымъ, другіе удовольствіе считали блаженствомъ? *Нѣцыи же отъ Епикуръ и отъ Стоикъ философовъ стязахуся съ нимъ, и нѣціи глаголаху: что убо хощетъ суесловивый сей глаголати? Иніи же: чуждихъ боговъ мнится проповѣдникъ быти: яко Іисуса и воскресеніе благовѣствоваше имъ* (ст. 18). Они думали, что воскресеніе (ἀνάστασις) есть какое-нибудь божество, такъ какъ имѣли обычай почитать и женщинъ. *Поемше же его, ведоша на Ареопагъ, глаголюще: можемъ ли разумѣти, что новое сіе глаголемое тобою ученіе? Странна бо нѣкая влагаеши во ушеса наша. Хощемъ убо разумѣти, что хотятъ сія быти* (ст. 19, 20). Повели его въ ареопагъ не для того, чтобы научиться, но чтобы наказать его, такъ какъ тамъ судились уголовныя преступленія. Смотри, какъ они, подъ видомъ желанія научиться, во всемъ обнаруживаютъ свою страсть къ новостямъ. Городъ ихъ былъ городъ пустослововъ. 268
Аѳинеи же вси и приходящіи странніи ни во что же ино упражняхуся, развѣ глаголати что или слышати новое. Ставъ же Павелъ посредѣ Ареопага, рече: мужіи аѳинейстіи, по всему зрю вы, аки благочестивыя. Проходя бо и соглядая чествованія ваша обрѣтохъ и капище, на немъ же бѣ написано: невѣдомому Богу. Его же убо невѣдуще чтете, сего азъ проповѣдую вамъ (ст. 21—23). Какъ бы похваляя ихъ, онъ, повидимому, не говоритъ имъ ничего непріятнаго. *Зрю вы*, говоритъ, *яко благочестивыя*, т. е. набожные. *На немъ же бѣ написано: невѣдомому Богу.* Что это значитъ? Аѳиняне, принимавшіе въ разныя времена разныхъ боговъ и даже иноземныхъ, напримѣръ, богиню Минерву, Пана и другихъ изъ другихъ странъ, боясь, чтобы не нашелся еще какой-нибудь богъ, невѣдомый имъ, но почитаемый въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ, для большей безопасности поставили жертвенникъ и ему; и такъ какъ этотъ богъ былъ неизвѣстенъ, то и написали: невѣдомому Богу. Этотъ-то Богъ, говоритъ Павелъ, и есть Іисусъ Христосъ, или лучше, Богъ всѣхъ. *Его же убо невѣдуще чтете*, говоритъ, *сего азъ проповѣдую вамъ.* Смотри, какъ онъ доказываетъ, что они и прежде принимали Его. Ничего страннаго, говоритъ, ничего новаго я не предлагаю. Они твердили ему: *что новое сіе глаголемое тобою ученіе? Странна бо нѣкая влагаеши во ушеса наша.* По-

тому онъ немедленно уничтожаетъ ихъ предубѣжденіе и говоритъ: *Богъ сотворивый міръ и вся яже въ немъ, сей небесе и земли Господь сый* (ст. 24). Потомъ, чтобы они не думали, что Онъ есть одинъ изъ многихъ (боговъ), въ исправленіе этого присовокупляетъ: *не въ рукотворныхъ храмѣхъ живетъ, ни отъ рукъ человѣческихъ угожденія пріемлетъ, требуя что* (ст. 25). Видишь ли, какъ онъ мало-по-малу научаетъ любомудрію? Какъ посмѣивается языческому заблужденію? *Дая всѣмъ животъ и дыханія и вся. Сотворилъ же есть отъ единыя крове весь языкъ человѣчь, жити по всему лицу земному* (ст. 26). Это свойственно Богу. Но, замѣть, это можетъ быть сказано и о Сынѣ. *Небесе и земли*, говоритъ, *Господь сый*, — неба и земли, которыя они считали богами. Объясняетъ имъ сотвореніе міра и людей. *Уставивъ предучиненая времена и предѣлы селенія ихъ, взыскати Господа, да поне осяжутъ его и обрящутъ, яко недалече отъ единаго коегождо насъ суща. О немъ бо живемъ и движемся и есмы, якоже и нѣцыи отъ вашихъ книжникъ рекоша: сего бо и родъ есмы* (ст. 27, 28). Это сказалъ поэтъ Аратъ. Смотри, какъ онъ заимствуетъ доказательства и изъ того, что ими самими сдѣлано и сказано. *Родъ убо суще Божій, не должни есмы непщевати подобно быти Божество злату или сребру, или каменю художнѣ начертану и смышленію человѣчу* (ст. 29). Но поэтому-то, скажутъ, и должны? Отнюдь нѣтъ; ни мы, ни наши души не (совершенно) подобны (Богу). Почему же онъ не сталъ прямо научать любомудрію и не сказалъ: Богъ безтѣлесенъ по существу, невидимъ, неизобразимъ? Потому, что излишне было бы говорить это людямъ, которые еще не знали, что Богъ одинъ. Потому, не говоря объ этомъ, онъ останавливается на болѣе близкомъ предметѣ и говоритъ: *лѣта убо невѣдѣнія презирая Богъ, нынѣ повелѣваетъ человѣкомъ всѣмъ всюду покаятися. Зане уставилъ есть день, въ онь же хощетъ судити вселеннѣй въ правдѣ, о мужѣ, его же предустави, вѣру подая всѣмъ, воскресивъ его отъ мертвыхъ* (ст. 30, 31). Смотри: тронувъ ихъ душу словами: *уставилъ есть день*, и устрашивъ, онъ потомъ благовременно присовокупляетъ: *воскресивъ его отъ мертвыхъ*. Но обратимся къ вышесказанному. *Во Аѳинѣхъ же ждущу ихъ Павлу, раздражашеся*, говоритъ (писатель), *духъ его въ немъ*. Не гнѣвъ или негодованіе означаетъ здѣсь раздраженіе, но горячность души и ревность, какъ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говорится: *бысть распря* между ними (Дѣян. xv, 39).

2. Смотри, какъ это устроятся, тогда какъ онъ невольно остался здѣсь, ожидая своихъ спутниковъ. Что значитъ: *раздражашеся?* Иначе сказать: возревновалъ; этотъ даръ далекъ отъ гнѣва и негодованія. Онъ не могъ снести и скорбѣлъ духомъ.

Стязашеся же убо, говоритъ (писатель), *на сонмищи со Іудеи и съ чествивыми.* Смотри: онъ опять бесѣдуетъ съ іудеями. *Чествивыми* же называются здѣсь прозелиты. Іудеи со времени пришествія Христова разсѣялись повсюду, какъ потому, что съ того времени законъ потерялъ силу, такъ и для того, чтобы научать людей благочестію. Но сами они не получали никакой пользы, а только увѣрялись въ своихъ бѣдствіяхъ. *Нѣцыи же отъ Епикуръ и отъ Стоикъ философъ стязахуся съ нимъ.* Аѳиняне тогда уже не управлялись своими законами, какъ подвластные римлянамъ. А отчего философы стали состязаться съ нимъ? Они видѣли, что другіе бесѣдуютъ съ нимъ и что этотъ человѣкъ пользуется славою. И смотри, какъ обидно они тотчасъ же (выражаются),—*душевенъ бо человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія* (1 Кор. II, 14): *чуждихъ боговъ (δαιμονίων) мнится*, говорятъ, *проповѣдникъ быти.* Демонами они называли своихъ боговъ; а города ихъ были наполнены идолами. *Поемше же его, ведоша на Ареопагъ, глаголюще.* Для чего повели его въ ареопагъ? Чтобы устрашить его, такъ какъ тамъ судились уголовныя преступленія. *Можемъ ли разумѣти, что новое сіе глаголемое тобою ученіе? Странна бо нѣкая влагаеши во ушеса наша. Аѳинеи же вси и приходящіи страніи ни во что же ино упражняхуся, развѣ глаголати что или слышати новое.* Здѣсь указывается на то, что хотя они постоянно проводили время въ томъ, чтобы говорить или слушать, но и для нихъ казалось страннымъ это (ученіе Павла), котораго они еще не слыхали. *Ставъ же Павелъ посредѣ Ареопага, рече: мужіе аѳинейстіи, по всему зрю вы, аки благочестивыя. Проходя бо и соглядая чествованія ваша.* Не сказалъ прямо: *идоловъ*, но для предисловія къ рѣчи сказалъ: *зрю вы, аки благочестивыя*, по причинѣ упомянутаго жертвенника. *Богъ*, говоритъ, *сотворивый міръ и вся яже въ немъ.* Произнесъ одно слово, которымъ ниспровергъ всѣ ученія философовъ. Эпикурейцы утверждали, что все произошло само собою и составилось изъ атомовъ; стоики,—что все тѣлесно и (составилось) изъ огнеобразнаго вещества; а онъ говоритъ, что *міръ и вся яже въ немъ*—дѣло Божіе. Видишь ли, какая краткость и въ краткости какая ясность? И смотри, что имъ казалось страннымъ. То, что Богъ сотворилъ міръ. Что теперь всякій знаетъ, того не знали аѳиняне и мудрѣйшіе изъ аѳинянъ. Если же Онъ сотворилъ, то очевидно, что Онъ есть Господь. Замѣть, какое, по словамъ его, отличительное свойство Божества: творчество, которое принадлежитъ и Сыну. И пророки вездѣ говорятъ, что творить свойственно Богу,—не такъ, какъ эти (еретики), которые признаютъ творцемъ иное существо, а не Господа, предполагая несозданное вещество. Здѣсь онъ высказалъ и подтвердилъ свою мысль, но

нѣкоторымъ образомъ ниспровергъ ученіе и этихъ (еретиковъ). *Не въ рукотворенныхъ*, говоритъ, *храмѣхъ живетъ*. (Богъ) обитаетъ и въ храмахъ, но не въ такихъ, а въ душѣ человѣческой. Смотри, какъ онъ ниспровергаетъ чувственное служеніе (Богу). Какъ? Развѣ Богъ не обиталъ въ храмѣ іерусалимскомъ? Нѣтъ, но только дѣйствовалъ. Развѣ Онъ не принималъ служенія отъ рукъ человѣческихъ у іудеевъ? Не отъ рукъ, но отъ души, и этого требовалъ не потому, чтобы имѣлъ въ томъ нужду. *Еда ямъ*, говоритъ Онъ, *мяса юнча, или кровь козловъ пію* (Псал. XLIX, 13)? Затѣмъ сказавъ: *ни отъ рукъ человѣческихъ угожденія пріемлетъ, требуя что*, — не довольно вѣдь того, что Онъ ни въ чемъ не нуждается, какъ сказано, хотя и это есть божеское свойство, но надлежитъ быть еще и другому,—онъ присовокупляетъ: *самъ дая всѣмъ животъ и дыханіе и вся*. Указываетъ два отличительныя свойства Божества: ни въ чемъ не нуждаться и всѣмъ подавать все. Сравни съ этимъ то, что говорили о Богѣ Платонъ или Эпикуръ, и все въ сравненіи съ этимъ окажется пустословіемъ. *Дая*, говоритъ, *животъ и дыханіе*. Вотъ и по отношенію къ душѣ, утверждаетъ онъ, Богъ есть творецъ ея, а не родитель. Посмотри
271 еще, какъ онъ опровергаетъ ученіе о веществѣ. *Сотворилъ же есть*, говоритъ, *отъ единыя крове весь языкъ человѣчь, жити по всему лицу земному*. Это гораздо лучше ихъ (ученія) и ниспровергаетъ и атомы и (несозданное) вещество. Здѣсь онъ показываетъ, что и душа человѣческая недѣлима, и что быть Творцемъ не то значитъ, что они говорятъ. А словами, что Богъ *ни отъ рукъ человѣческихъ угожденія пріемлетъ*, выражаетъ то, что Онъ принимаетъ служеніе душею и умомъ. *Сей*, говоритъ, *небесе и земли Господь*, — слѣдовательно не частные боги. *Богъ, сотворивый міръ и вся, яже въ немъ*. Сказавъ напередъ, какъ произошло небо, онъ потомъ изъяснилъ, что Богъ живетъ не въ рукотворенныхъ (храмахъ) и какъ бы такъ сказалъ: если Онъ—Богъ, то очевидно сотворилъ все; если же не сотворилъ, то Онъ и не Богъ. Боги, говоритъ, которые не сотворили неба и земли, должны быть отвергнуты. Такимъ образомъ онъ преподалъ ученіе гораздо выше философовъ (хотя и не сказалъ еще о важнѣйшемъ, такъ какъ еще не пришло время, а онъ говорилъ съ ними, какъ съ дѣтьми)— ученіе о твореніи, господствѣ (Бога), о томъ, что Онъ не нуждается ни въ чемъ.

3. Сказавъ, что (Богъ) *сотворилъ есть отъ единыя крове весь языкъ человѣчь*, онъ указалъ причину всѣхъ благъ. Что можетъ сравниться съ этимъ величіемъ? Удивительно—сотворить отъ одного столь многихъ; но еще удивительнѣе—обладать всѣми. *Дая всѣмъ*, говоритъ, *животъ и дыханіе*. Что значитъ: *уставивъ предучи-*

нная времена и предѣлы селенія ихъ, взыскати Господа, да поне осяжутъ его и обрящутъ? Никому, говоритъ, не нужно было ходить и искать Бога; или, если не такъ, то: опредѣлилъ искать Бога, но опредѣлилъ не навсегда, а на *предучиненая времена.* Этими словами онъ выражаетъ, что и теперь искавшіе не нашли Его, хотя Онъ былъ такъ явенъ для ищущихъ, какъ бы находящійся предъ нами осязаемый предметъ. Не таково это небо, чтобы въ одномъ мѣстѣ оно было, а въ другомъ—нѣтъ, чтобы въ одно время было, а въ другое—нѣтъ; но во всякое время и на всякомъ мѣстѣ можно найти его. Такъ устроилъ (Богъ), что ищущимъ Его не препятствуетъ ни мѣсто, ни время. Это самое и имъ много послужило бы во благо, если бы они захотѣли, т. е. что это небо находится вездѣ, существуетъ во всякое время. Потому онъ и сказалъ: *яко не далече отъ единаго коегождо насъ суща,* но находящагося близъ всѣхъ. Это значитъ, что Богъ не только далъ намъ жизнь и дыханіе и все, но, что́ важнѣе всего, открылъ путь къ познанію Его, даровалъ то, чрезъ что мы можемъ найти и достигнуть Его. Но мы не захотѣли искать Его, хотя Онъ близъ насъ. *Не далече,* говоритъ, *отъ единаго коегождо насъ суща.* Такъ, близокъ ко всѣмъ, говоритъ, находящимся повсюду во вселенной. Что можетъ быть больше этого? Смотри, какъ онъ ниспровергаетъ частныхъ (боговъ). Что я говорю: *не далече?* Онъ такъ близокъ, что безъ Него невозможно и жить. *О немъ бо живемъ и движемся и есмы.* Какъ бы указываетъ на вещественный примѣръ въ такомъ родѣ: какъ невозможно не знать воздуха, который разлитъ повсюду и находится недалеко отъ каждаго изъ насъ, или лучше, находится и въ насъ самихъ, такъ точно—и Творца всего. Смотри, какъ (Павелъ) приписываетъ Ему все—и промышленіе и сохраненіе, бытіе, дѣйствіе и продолженіе (всего). Не сказалъ: чрезъ 272
Него, но, что означаетъ большую близость: *о немъ.* Ничего подобнаго не сказалъ тотъ поэтъ, который выразился: *сего бо и родъ есмы.* Тотъ сказалъ о Юпитерѣ, а онъ относитъ это къ Творцу, разумѣя не то самое существо, которое тотъ (разумѣлъ),—да не будетъ!—но примѣняя къ Нему то, что собственно сказано о другомъ; равно какъ и жертвенникъ онъ приписалъ Ему, а не тому, котораго они почитали. Говорилось и дѣлалось нѣчто, относящееся къ Нему, но эллины не знали, что это относится къ Нему, а относили къ другому.

Скажи мнѣ, о комъ, собственно, можно было сказать: *невѣдомому Богу*—о Творцѣ, или о демонѣ? Очевидно, что о Творцѣ, хотя они не знали Его, а того знали. Какъ тѣ слова, что все сотворилъ (Богъ), надобно относить собственно къ Богу, а не къ Юпитеру, какому-то человѣку порочному, нечестивцу и чародѣю,

такъ точно и слова: *сего бо и родъ есмы*, Павелъ сказалъ не въ одинаковомъ (съ поэтомъ), но въ другомъ смыслѣ. *Родъ Божій*, говоритъ, мы *есмы*, т. е., родственные и ближайшіе, или, такъ сказать, приближенные и сосѣдственные. А чтобы они опять не сказали: *странна влагаеши во уиеса наша* (ничто вѣдь такъ мало не соотвѣтствуетъ людямъ, какъ это),—онъ ссылается на поэта. И не сказалъ: вы, нечестивые и пренечестивые, не должны думать, что Божество подобно золоту или серебру; но смиренно говоритъ: *не должни есмы* думать это, но гораздо выше этого. Что же выше этого? Богъ. Но и этого (не сказалъ),—потому что это имя означаетъ (положительную) дѣятельность,—а говоритъ пока отрицательно: Божество не подобно этому; кто можетъ сказать это? Смотри, какъ онъ доводитъ до понятія о безтѣлесномъ. Когда умъ представляетъ тѣло, то вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и пространство. *Родъ убо суще Божій, не должни есмы*, говоритъ, *непщевати подобно быти Божество злату или сребру или каменю, художнѣ начертану и смышленію человѣчу.* Но кто-нибудь могъ сказать: мы и не думаемъ этого; для чего же онъ говоритъ это? Онъ обращалъ рѣчь свою ко многимъ; и хорошо сказалъ такъ. Если мы по душѣ не подобны этимъ (вещамъ), то тѣмъ более Богъ. Такимъ образомъ онъ отклоняетъ ихъ отъ этой мысли. И не только Божество не подобно искусственному изображенію, но не подобно и другому какому-либо *смышленію человѣчу*, такъ какъ (все) изобрѣтается или искусствомъ или умомъ. Потому онъ и сказалъ: если Богъ есть то, что изобрѣтается искусствомъ человѣческимъ или умомъ, то и въ камнѣ было бы существо Божіе. Если же мы живемъ Имъ, то какъ не находимъ Его? Вдвойнѣ онъ осуждаетъ ихъ, и за то, что они не нашли Его, и за то, что изобрѣли тѣхъ (боговъ). Умъ самъ по себѣ никогда не бываетъ достовѣрнымъ. Когда онъ тронулъ ихъ душу, показавъ, что они безотвѣтны, то, смотри, что присовокупляетъ: *лѣта убо невѣдѣнія презирая, нынѣ повелѣваетъ человѣкомъ всѣмъ всюду покаятися.* Какъ? Развѣ никто изъ нихъ не будетъ наказанъ? Никто изъ тѣхъ, которые желаютъ покаяться. Объ этихъ онъ говоритъ; не о скончавшихся, а о тѣхъ, которымъ проповѣдуетъ. (Богъ) не требуетъ, говоритъ, отчета отъ васъ. Не сказалъ: Онъ оставилъ безъ вниманія, или попустилъ, но: вы находились въ невѣдѣніи. Презиралъ, т. е. не подвергаетъ наказанію достойныхъ наказанія. Вы находились въ невѣдѣніи; не говоритъ: вы дѣлали зло добровольно, такъ какъ это видно изъ вышесказаннаго. *Всюду покаятися*: этими словами указываетъ на всю вселенную.

273 4. Смотри, какъ онъ отклоняетъ ихъ отъ мысли о частныхъ

(богахъ). *Зане уставилъ есть*, говоритъ, *день, въ оньже хощетъ судити вселеннѣй въ правдѣ*. Смотри: опять указываетъ на вселенную, разумѣя здѣсь людей. *О мужѣ, его же предустави, воскресивъ его отъ мертвыхъ*. Смотри, какъ онъ, упомянувъ о воскресеніи, опять указалъ на страданіе (Христово). А что этотъ судъ праведенъ, видно изъ воскресенія, такъ какъ одно другимъ подтверждается; и что все это онъ сказалъ справедливо, видно изъ того же, что (Христосъ) воскресъ. Такъ и всѣмъ (апостолы) проповѣдывали вѣру (во Христа), удостовѣряя, что Онъ воскресъ; впрочемъ, это извѣстно. Все это сказано аѳинянамъ; но благовременно сказать и намъ, что *всѣмъ всюду* должно *покаятися: зане уставилъ есть день, въ оньже хощетъ судити вселеннѣй*. Смотри, какъ (Павелъ) представляетъ Его и судіею и промыслителемъ міра, человѣколюбивымъ и милостивымъ, всемогущимъ и премудрымъ, и вообще со всѣми свойствами, принадлежащими Творцу. Сказанное онъ привелъ въ доказательство того, что Онъ (Христосъ) воскресъ изъ мертвыхъ. Итакъ, покаемся, потому что намъ должно быть судимыми. Если бы Христосъ не воскресъ, то мы не были бы судимы; если же Онъ воскресъ, то мы непремѣнно будемъ судимы: *на сіе бо*, говоритъ (Писаніе), *Христосъ и умре, да и мертвыми и живыми обладаетъ* (Рим. XIV, 9); и еще: *вси бо предстанемъ судищу Христову* (Рим. XIV, 10), *да пріиметъ кійждо, яже содѣла* (2 Кор. V, 10). Не думайте, что это одни только слова. Здѣсь онъ предлагаетъ ученіе и о воскресеніи всѣхъ; иначе вселенная не можетъ быть судима. Слова: *воскресивъ его отъ мертвыхъ* относятся къ тѣлу (Христову); оно было мертво, оно подвергалось смерти. Эллины отвергаютъ ученіе какъ о твореніи, такъ и о судѣ, утверждая, что это—выдумка дѣтей и людей пьяныхъ. Но мы, зная объ этомъ вѣрно, будемъ дѣлать все на пользу нашу и постараемся примириться со Христомъ. Доколѣ мы будемъ враждовать противъ Него? Доколѣ будемъ питать къ Нему чувство непріязни? Да не будетъ! говорятъ; къ чему ты говоришь это? Не сталъ бы я говорить, если бы вы не дѣлали этого; а теперь какая польза отъ того, что словами не выражаете этого, когда дѣла вопіютъ съ такою ясностію? Какъ же намъ возлюбить Его? Говорилъ я объ этомъ тысячу тысячъ разъ; но скажемъ и теперь. Я нашелъ, кажется, одинъ способъ весьма важный и чудный. Размысливъ о благодѣяніяхъ Божіихъ, касающихся всѣхъ вообще, и столь обильныхъ, что невозможно и исчислить ихъ, и за все это воздавъ Ему благодарность, будемъ всѣ представлять то, что Онъ сдѣлалъ для каждаго изъ насъ, и размышлять о томъ каждый день. Это имѣетъ великую силу. Потому каждый изъ насъ пусть помыслитъ самъ въ себѣ и тщательно припомнитъ, когда онъ, подвергшись опас-

ности, избѣгъ отъ рукъ враговъ, и пусть содержитъ благодѣянія Божіи какъ бы написанными въ книгѣ; напримѣръ: не отправлялся ли онъ когда-нибудь въ путь неблаговременно, и избѣгнулъ опасности; не имѣлъ ли когда-нибудь дѣла съ негодными людьми, и вышелъ побѣдителемъ; не впадалъ ли когда-нибудь въ болѣзнь, и сверхъ всякаго чаянія выздоравливалъ. Это много содѣйствуетъ къ примиренію насъ съ Богомъ. Если Мардохею добрыя дѣла его, когда они были воспомянуты царемъ, столько принесли пользы, что онъ опять достигъ прежняго величія (Есѳ. VI, 1—12), то тѣмъ болѣе (получимъ пользы) мы, если будемъ припоминать и тщательно наблюдать, въ чемъ мы согрѣшили
274 противъ Бога и какія блага Онъ даровалъ намъ; тогда мы и будемъ благодарны и оставимъ все (грѣховное). Но никто не воспоминаетъ ни о чемъ подобномъ, а какъ о грѣхахъ мы говоримъ, что мы грѣшны, не изслѣдуя, въ чемъ именно, такъ и о благодѣяніяхъ Божіихъ говоримъ, что Онъ благодѣтельствуетъ намъ, не изслѣдуя, гдѣ именно, въ чемъ и въ какое время. Отнынѣ же будемъ болѣе внимательны. Если кто можетъ припомнить и давнія (благодѣянія Божіи), пусть тщательно размышляетъ о всемъ, и найдетъ въ этомъ великое сокровище. Это полезно намъ и для того, чтобы не впадать въ отчаяніе. Если мы увидимъ, что Онъ многократно благодѣтельствовалъ намъ, то не станемъ отчаиваться и считать себя отверженными, но будемъ имѣть великій залогъ попеченія Его о насъ, при мысли, что и согрѣшая мы не подвергаемся наказанію, но еще пользуемся Его благодѣяніями.

5. Скажу нѣчто, слышанное мною отъ одного человѣка. Былъ одинъ отрокъ, и случилось ему быть вмѣстѣ съ матерью за городомъ, когда ему еще не было пятнадцати лѣтъ. Въ это время сдѣлалась дурная погода, и они оба заболѣли горячкою, а была осень. Мать поспѣшила отправиться въ городъ, а отрокъ, которому врачи предписали остаться тамъ, чувствуя жаръ отъ горячки, началъ полоскать ротъ, разсуждая и думая, что онъ такимъ образомъ скорѣе уничтожитъ горячку, нежели если не будетъ употреблять ничего. Разсудивъ, какъ отрокъ, онъ по неблаговременному упрямству не переставалъ (дѣлать это). Когда же прибылъ въ городъ, то у него отнялся языкъ, долго онъ не говорилъ и не могъ произносить ничего раздѣльно; впрочемъ читалъ и долгое время ходилъ къ учителямъ, но напрасно и безъ успѣха. Не оставалось никакой надежды; мать была исполнена горести; многое придумывали врачи, многое придумывали и другіе, но никто не помогъ, пока человѣколюбивый Богъ не разрѣшилъ узъ языка его, и тогда онъ выздоровѣлъ и получилъ прежній даръ слова и ясность голоса. Также разсказывала мать его,

что онъ, будучи еще младенцемъ, имѣлъ въ носу болѣзнь, называемую полипомъ. Врачи также отчаялись; мать молилась, чтобы онъ умеръ, и отецъ (тогда онъ былъ еще живъ) желалъ ему того же; состояніе его было совершенно безнадежное. Но вдругъ онъ чихнулъ; при этомъ стремительнымъ теченіемъ воздуха извергъ изъ ноздрей означенное животное, и всѣ страданія прекратились. Когда же прошла эта болѣзнь, то сдѣлалось сильное гноевидное теченіе изъ глазъ и, продолжаясь непрерывно, производило столь густое нагноеніе, что закрывало зрачекъ, какъ бы пеленою, и, къ несчастію, угрожало слѣпотою, чего всѣ и ожидали. Но, по благодати Божіей, вскорѣ онъ избавился и отъ этой болѣзни.

Это я слышалъ; а теперь разскажу вамъ, что самъ знаю. Однажды правители возъимѣли подозрѣніе на нашъ городъ, (тогда я былъ еще юношею) и, окруживъ его извнѣ воинами, искали, не попадутся ли гдѣ чародѣйскія и волшебныя книги. Одинъ, написавшій такую книгу и бросившій ее недоконченною въ рѣку, былъ пойманъ; такъ какъ по требованію онъ не могъ представить ее, то былъ связанъ и водимъ по всему городу, и когда подозрѣнія на него увеличились, то былъ казненъ. Въ то время я, желая пройти въ храмъ мучениковъ, шелъ чрезъ сады подлѣ рѣки съ однимъ человѣкомъ. Онъ увидѣлъ плывшую по поверхности книгу и сначала подумалъ, что это полотно; но когда приблизился, то увидѣлъ, что это—книга, и спустившись взялъ ее. Я еще смѣялся и спорилъ съ нимъ, чтобы находка 275
была общею. Но посмотримъ, сказалъ онъ, что это такое. Развертываетъ часть страницы и видитъ, что это—волшебная книга. Случилось, что въ то же самое время проходилъ воинъ. Тогда тотъ скрылъ ее и пошелъ, цѣпенѣя отъ страха. Кто могъ повѣрить, что мы, вынувъ изъ рѣки, хотѣли истребить ее, тогда какъ и самые неподозрительные люди были задерживаемы? Бросить ее мы не смѣли, чтобы не быть замѣченными; также страшно было раздѣлить ее между собою. Но Богъ устроилъ такъ, что мы и бросили ее и избавились отъ крайней опасности. Много такого я могъ бы разсказать вамъ, если бы захотѣлъ перечислять все. И это разсказалъ я для васъ, чтобы каждый, зная если не такіе, то какіе-нибудь другіе (случаи), постоянно помнилъ объ нихъ. Напримѣръ, не случалось ли, что камень, брошенный и могшій упасть на тебя, не попадалъ въ тебя; содержи это всегда въ памяти. Это много содѣйствуетъ намъ питать любовь къ Богу. Если мы, вспоминая о людяхъ, избавившихъ насъ отъ чего-нибудь, сильно сокрушаемся, когда не можемъ возблагодарить ихъ, то тѣмъ болѣе (должны быть благодарны) къ Богу. Это полезно

и въ другомъ отношеніи. Хотимъ ли мы не унывать въ несча-
276 стіи, будемъ говорить: *аще благая пріяхомъ отъ Господа, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. II, 10)? И Павелъ для того говорилъ о своемъ избавленіи отъ опасностей, чтобы вспомнить (о благодѣтеляхъ). Смотри, какъ Іаковъ содержалъ все въ умѣ своемъ; потому и говорилъ: *ангелъ, иже мя избавляетъ* отъ юности моей (Быт. XLVIII, 16). И не только то будемъ помнить, что (Господь) избавлялъ насъ, но и то, какъ и въ какомъ случаѣ. Вотъ и (Іаковъ) помнилъ самыя частности благодѣяній. *Съ жезломъ бо симъ*, говоритъ, *преидохъ Іорданъ* (Быт. XXXII, 10). Іудеи всегда помнили даже благодѣянія, оказанныя предкамъ ихъ, повторяя бывшее въ Египтѣ; тѣмъ болѣе мы (должны помнить) о своихъ обстоятельствахъ и о случившемся съ нами самими, о томъ, какъ часто мы впадали въ затрудненія и несчастія, и если бы (Богъ) не подавалъ намъ руку помощи, то мы давно бы погибли. Зная это и повторяя каждый день, будемъ всѣ мы постоянно благодарить Бога и всѣ вмѣстѣ возсылать Ему хвалу и непрестанно славить Его, чтобы за благодарность свою получить намъ великое воздаяніе, благодатію и щедротами Единороднаго Его Сына, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXIX.

275 Слышавше же воскресеніе мертвыхъ, овіи убо ругахуся, овіи же рѣша: да слышимъ тя паки о семъ. И тако Павелъ изыде отъ среды ихъ (Дѣян. XVII, 32, 33).

1. Почему Павелъ, успѣвшій такъ убѣдить аѳинянъ, что они говорили: *да слышимъ тя паки о семъ*, и тогда какъ не было опасностей, спѣшилъ оставить Аѳины? Вѣроятно, онъ не ожидалъ здѣсь большой пользы; а съ другой стороны, онъ былъ веденъ Духомъ въ Коринѳъ. *Нѣцыи же мужіе прилѣпившеся ему, вѣроваша: въ нихже и Діонисій Ареопагитскій, и жена именемъ Дамарь, и друзіи съ ними. По сихъ же отлучився Павелъ отъ Аѳинъ, пріиде въ Коринѳъ. И обрѣтъ нѣкоего Іудеанина именемъ Акилу, Понтянина родомъ, новопришедша отъ Италіи, и Прискиллу жену его (зане повелѣлъ бяше Клавдій отлучитися всѣмъ Іудеемъ отъ Рима), пріиде къ нимъ и зане единохудожникомъ быти, пребысть у нихъ, и дѣлаше: бяху бо скинотворцы хитростію* (XVII, 34; XVIII, 1—3). Точно, какъ я сказалъ, онъ былъ веденъ Духомъ въ Коринѳъ, гдѣ долженъ былъ остаться. Аѳиняне, хотя и любили слушать новости, но не были внимательны (къ проповѣди); они

не показывали никакого усердія, а старались только о томъ, чтобы постоянно имѣть какой-нибудь предметъ для разговора; это и было причиною, что они отступили (отъ Павла). Но если у нихъ былъ такой нравъ, то почему они обвиняютъ его, что онъ *чуждыхъ боговъ мнится проповѣдникъ быти* (XVII, 18)? Потому что это (ученіе) для нихъ было весьма непонятно. Впрочемъ онъ убѣдилъ Діонисія Ареопагита и нѣкоторыхъ другихъ. Тѣ, которые заботились о благоустроеніи своей жизни, скоро приняли слово; а прочіе нѣтъ. Павлу казалось достаточнымъ, что онъ посѣялъ по крайней мѣрѣ сѣмена; а тогда протекла уже большая часть его жизни, такъ какъ онъ скончался при Неронѣ. Между тѣмъ воздвигнуто было Клавдіемъ гоненіе на іудеевъ, хотя и издалека, но не напрасно, чтобы хотя такимъ образомъ вразумить 276
ихъ: изъ Рима они были изгнаны, какъ люди вредные.

Потому по устроенію (Божію) случилось то, что (Павелъ) отведенъ былъ туда, какъ узникъ, не затѣмъ, чтобы быть изгнаннымъ оттуда, какъ іудей, но чтобы остаться тамъ и дѣйствовать подъ стражею. *И пребысть*, говоритъ (писатель), *у нихъ*. Такъ, какое нашелъ онъ оправданіе — жить съ ними? Здѣсь особенно требовалось, чтобы онъ не бралъ (содержанія отъ Церкви), какъ онъ самъ говоритъ: *да о немже хвалятся, обрящутся якоже и мы* (2 Кор. XI, 12); потому и устрояется, что онъ живетъ здѣсь. *Стязавшеся же на сонмищахъ по вся субботы, и препираше Іудеи и Еллины. И егда снидоша отъ Македоніи Сила же и Тимоѳей, тужаше духомъ Павелъ, свидѣтельствуя Іудеомъ Христа Іисуса* (ст. 4, 5). Т. е. они оскорбляли его, нападали на него. Такъ они (дѣлали); а что Павелъ? Онъ оставляетъ ихъ, и притомъ съ великою угрозою. Уже не говоритъ: *вамъ бо лѣпо глаголати слово* (Дѣян. XIII, 46), но и съ внѣшнимъ знакомъ обращается къ нимъ: *противящымся же имъ и хулящымъ, отрясъ ризы своя, рече къ нимъ: кровь ваша на главахъ вашихъ: чистъ азъ: отнынѣ во языки иду. И прешедъ оттуду, пріиде въ домъ нѣкоего именемъ Іуста, чтуща Бога, емуже храмина бѣ вскрай сонмища. Криспъ же начальникъ собора вѣрова Господеви со всѣмъ домомъ своимъ: и мнози отъ Коринѳянъ слышавше вѣроваху и крещахуся* (ст. 6 — 8). Смотри, какъ опять, сказавъ: *отнынѣ*, онъ однако не перестаетъ пещись о нихъ; и слѣдовательно сказалъ это для того, чтобы возбудить ихъ. И затѣмъ пошелъ къ Іусту, котораго домъ былъ подлѣ синагоги. Поселился въ сосѣднемъ домѣ, чтобы это самое сосѣдство возбудило въ нихъ ревность, если бы они захотѣли. *Криспъ же*, гово- 277
ритъ (писатель), *начальникъ собора вѣрова Господеви со всѣмъ домомъ своимъ*. И это весьма много могло содѣйствовать къ ихъ обращенію. *Рече же Господь въ видѣніи нощномъ Павлу: не бойся,*

но глаголи, и да не умолкнеши: зане азъ есмь съ тобою, и никтоже приложитъ ти *озлобити тя: зане людіе суть ми мнози во градѣ семъ* (ст. 9, 10). Смотри, какимъ образомъ Онъ убѣждаетъ его и какъ потомъ говоритъ ему то, что особенно ободряло его: *зане людіе суть ми мнози во градѣ семъ*. Какъ же, скажетъ кто-нибудь, они всѣ вмѣстѣ напали на него? Но они ничего не сдѣлали ему, а только привели его къ проконсулу. *Пребысть же лѣто и мѣсяцъ шесть, уча въ нихъ слову Божію. Галліону же Анѳипату сущу во Ахаіи, нападоша единодушно Іудеи на Павла и приведоша его на судилище, глаголюще, яко противу закону сей увѣщаваетъ человѣки чтити Бога* (ст. 11—13). Видишь ли, для чего они всегда представляли свои обвиненія всенародно? Но, смотри, когда они сказали, что *противу закону сей увѣщаваетъ человѣки чтити Бога*, проконсулъ нисколько не обращаетъ на это вниманія, а напротивъ еще защищаетъ Павла. Послушай, какъ онъ отвѣчаетъ: *аще убо неправда была бы кая или дѣло злое,* до города касающееся, *о Іудее, по слову послушалъ быхъ васъ* (ст. 14). Онъ былъ, кажется мнѣ, человѣкъ кроткій; это видно изъ его благоразумнаго отвѣта. *Хотящу же Павлу*, говоритъ (писатель), *отверсти уста, рече Галліонъ ко Іудеемъ: аще убо неправда была бы кая или дѣло злое, о Іудее, по слову послушалъ быхъ васъ. Аще ли же стязанія суть о словеси и о именехъ и о законѣ вашемъ, вѣдите сами: судія бо азъ симъ не хощу быти. И изгна ихъ отъ судилища. Емше же вси Еллины Сосѳена начальника собора́, біяху предъ судилищемъ: и ни едино о сихъ Галліону радѣніе бысть* (ст. 14—17). И отсюда опять видна кротость этого мужа. Когда того били, онъ не почелъ этого для себя оскорбленіемъ: такъ дерзки были іудеи!

2. Но разсмотримъ прочитанное выше. *Слышавше же воскресеніе мертвыхъ, овіи убо ругахуся, овіи же рѣша: да слышимъ тя паки*. Слыша такъ много великаго и высокаго, они не обращали вниманія, но смѣялись; а смѣялись они (надъ ученіемъ) о воскресеніи: *душевенъ бо человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія* (1 Кор. II, 14). *И тако*, говоритъ (писатель), *изыде Павелъ отъ среды ихъ. Тако*. Какъ? Убѣдивши однихъ, осмѣянный другими. *Отлучився же отъ Аѳинъ*, говоритъ, *пріиде въ Коринѳъ. И обрѣтъ нѣкоего Іудеанина именемъ Акилу, Понтянина родомъ, новопришедша отъ Италіи, пребысть у нихъ и дѣлаше.* Смотри, какъ законъ начинаетъ уже терять силу. Будучи іудеемъ, онъ остригся впослѣдствіи въ Кенхреяхъ и отправился съ Павломъ въ Сирію. Будучи понтяниномъ, онъ поспѣшилъ идти не въ Іерусалимъ или ближе къ нему, но дальше. У него и пребываетъ (Павелъ) и пребывать не стыдится; но потому и пребываетъ, что находитъ здѣсь убѣжище удобное, гораздо удобнѣе для него царскихъ чертоговъ. Не смѣй-

ся, слыша это, возлюбленный! Вѣдь, какъ для борца болѣе полезна палестра [1]), нежели мягкое ложе, такъ и для воина—мечъ желѣзный, а не золотой. *И дѣлаше* проповѣдуя. Устыдимся мы, 278
которые и не проповѣдуя живемъ праздно. *Стязашеся же на сонмищахъ*, говоритъ, *по вся субботы, и препираше Іудеи и Еллины. Противящымся же имъ и хулящымъ*, отступилъ: отступилъ, надѣясь такимъ образомъ скорѣе обратить ихъ. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, онъ, оставивъ тотъ домъ, поселился ближе къ синагогѣ? Не для этого ли? Онъ не видѣлъ опасности и тамъ. *Свидѣтельствуя*, говоритъ, имъ. Уже не учитъ, но свидѣтельствуетъ. *Противящымся же имъ*, говоритъ, *и хулящымъ отрясъ ризы, рече: кровь ваша на главѣ вашей.* Дѣлаетъ это для того, чтобы не только словомъ, но и дѣломъ устрашить ихъ; и говоритъ имъ съ большею силою, какъ уже убѣдившій многихъ. *Чистъ*, говоритъ, *азъ. Отнынѣ во языки иду.* Такъ и мы виновны въ крови тѣхъ, которые ввѣрены намъ, если нерадимъ о нихъ. Подобнымъ образомъ, когда онъ говоритъ: *прочее труды да никтоже ми даетъ* (Гал. VI, 17), говоритъ для того, чтобы устрашить, такъ какъ не столько могло устрашить ихъ наказаніе, сколько эта (угроза). *И прешедъ оттуда, пріиде въ домъ Іуста.* Переходитъ, желая внушить имъ, что онъ отошелъ къ язычникамъ. *Криспъ же начальникъ собора*, говоритъ (писатель), *вѣрова Господеви со всѣмъ домомъ своимъ.* Смотри, какъ тогда вѣрные дѣлали это цѣлыми семействами. Затѣмъ вскорѣ и многіе другіе вѣровали и крестились. Начальникомъ синагоги здѣсь называется тотъ самый Криспъ, о которомъ (Павелъ) говоритъ въ посланіи: *ни единаго крестихъ, точію Криспа и Гаія* (1 Кор. 1, 14). А этотъ, мнѣ кажется, называется и Сосѳеномъ, такъ какъ этотъ мужъ былъ столько вѣренъ, что и былъ битъ и всегда находился при Павлѣ. *Рече же*, говоритъ (писатель), *Господь въ видѣніи Павлу: не бойся, но глаголи.* Потому онъ и оставался тамъ долгое время; хотя побуждало его къ этому и множество (вѣрующихъ), но благоволеніе Христово — болѣе. А предстояла большая опасность, когда увѣровали многіе и даже самъ начальникъ синагоги. *Не бойся*, говоритъ. Этого достаточно было, чтобы ободрить его; онъ обличается въ боязни, или лучше, не обличается, но ободряется, чтобы этого съ нимъ не случилось. (Богъ) не попускалъ апостоламъ постоянно терпѣть бѣдствія, чтобы они не изнемогли. Павла же ничто столько не огорчало, какъ невѣрующіе, какъ противившіеся; это было для него тяжелѣе самыхъ опасностей. *И да не умолкнеши*, говоритъ, *зане людіе мнози суть ми во градѣ семъ.* Можетъ быть, поэтому и яв-

[1]) Школа, въ которой упражнялись въ борьбѣ.

ляется ему Христосъ. *Галліону же*, говоритъ (писатель), *Анеипату сущу во Ахаіи, нападоша единодушно Іудеи на Павла.* Смотри, какъ они нападаютъ спустя годъ и шесть мѣсяцевъ, когда уже не имѣли права пользоваться своими законами. Коринѳянъ особенно ободряло то убѣжденіе, что правитель не унизитъ себя, такъ какъ не все равно было, побѣдить ли посредствомъ словопренія, или внушить, что объ этомъ дѣлѣ онъ нисколько не заботится. И посмотри, какъ онъ былъ благоразуменъ. Въ отвѣтѣ своемъ онъ не сказалъ прямо: это не мое дѣло; но что? *Аще убо неправда была бы кая или дѣло злое, о Іудее, по слову послушалъ быхъ васъ: аще ли же стязанія суть о словеси и о именехъ и о законѣ вашемъ, вѣдите сами: судія бо азъ симъ не хощу быти. И изгна ихъ отъ судилища.* Блестящая побѣда! *Емше же Сосѳена начальника собора, біяху предъ судилищемъ: и не едино о сихъ Галліону радѣніе бысть.* О, какой стыдъ они испытали! *И ни едино*
279 *отъ сихъ*, говоритъ, *Галліону радѣніе бысть*, хотя все было сдѣлано для его оскорбленія; а они, какъ бы власть какую имѣя, бьютъ (начальника), постыдно совершаютъ дѣло безумной ярости! Почему же онъ не билъ ихъ съ своей стороны, хотя имѣлъ власть надъ ними? Чтобы они научились любомудрію. Онъ не бьетъ ихъ съ своей стороны, что бы судія узналъ, кто изъ нихъ болѣе кротокъ. Это не мало принесло пользы и присутствующимъ. Кротость однихъ и дерзость другихъ показывали, что для всего этого нуженъ судебный приговоръ; но они все дѣлали безпорядочно. И не сказалъ: не должно,—чтобы они въ другой разъ не стали бить его,—но: не хочу. *Судія бо азъ*, говоритъ, *симъ не хощу быти.* Такъ кротокъ былъ этотъ мужъ! Подобнымъ образомъ и Пилатъ говорилъ о Христѣ: *поимите его вы, и по закону вашему судите* (Іоан. XVIII, 31). Онъ хотѣлъ, чтобы они судили по закону; а они поступали, какъ пьяные и бѣснующіеся. Потому Павелъ прибылъ изъ Аѳинъ (въ Коринѳъ), что здѣсь были *людіе мнози.* Онъ былъ битъ, и ничего не говорилъ.

3. Будемъ и мы подражать ему. Бьющимъ насъ будемъ воздавать кротостію, молчаніемъ, долготерпѣніемъ. Это — раны болѣе тяжкія, ударъ болѣе сильный и дѣйствительный, такъ какъ тяжко пораженіе не тѣла, а души. Мы многимъ наносимъ удары; но если это дѣлается по дружбѣ, то даже нравится; если же ты будешь бить кого-нибудь съ гнѣвомъ, то касаешься его сердца и потому причиняешь ему великое огорченіе, — такъ мы поражаемъ болѣе сердце ихъ. Докажемъ же, по возможности, что кротость поражаетъ болѣе, нежели сопротивленіе. Яснѣйшее доказательство этого было бы изъ дѣлъ и изъ опыта; но, если угодно, объяснимъ это и словомъ, хотя мы уже многократно дѣ-

лали это. При оскорбленіяхъ мы ничѣмъ столько не огорчаемся, какъ мнѣніемъ присутствующихъ; не все равно—получать ли оскорбленіе при всѣхъ, или наединѣ; мы переносимъ легко тѣ оскорбленія, которыя наносятся намъ наединѣ, когда нѣтъ свидѣтелей и никто не знаетъ о томъ. Слѣдовательно, не самое оскорбленіе огорчаетъ насъ, но то, что оно наносится при всѣхъ, такъ что, если бы кто-нибудь при всѣхъ хвалилъ насъ, а наединѣ поносилъ, то мы еще были бы ему благодарны. Значитъ, огорченіе зависитъ не отъ самаго оскорбленія, но отъ мнѣнія присутствующихъ, предъ которыми (мы не хотимъ) казаться достойными презрѣнія. Теперь: что, если мнѣніе ихъ будетъ въ нашу пользу? Не больше ли потерпитъ самъ оскорбитель, если они подадутъ голосъ за насъ? Кого же, скажи мнѣ, осуждаютъ посторонніе свидѣтели: того ли, кто наноситъ оскорбленіе, или того, кто подвергается ему и молчитъ? Гнѣвъ увлекаетъ насъ въ то время, когда наносится оскорбленіе; посмотримъ же теперь, когда мы свободны отъ этой страсти, чтобы намъ не увлекаться и тогда. Кого всѣ мы осуждаемъ? Безъ сомнѣнія того, кто наноситъ оскорбленіе; если онъ ниже насъ, мы говоримъ, что онъ бѣснуется; если равенъ, говоримъ: онъ безумствуетъ; если выше,— и тогда не одобряемъ. Кто, скажи мнѣ, достоинъ одобренія, тотъ ли, кто возмущается, неистовствуетъ, свирѣпствуетъ, какъ дикій звѣрь, возставая противъ имѣющихъ одинаковую съ нимъ природу, или тотъ, кто пребываетъ въ спокойствіи, какъ въ пристани, и сохраняетъ великое любомудріе? Послѣдній не уподобляется ли ангелу, а тотъ похожъ ли и на человѣка? Тотъ и собственнаго зла сдержать не можетъ, а этотъ удерживаетъ и чужое; тотъ и самимъ собою владѣть не можетъ, а этотъ обуздываетъ и другого; тотъ терпитъ кораблекрушеніе, а этотъ плыветъ безопасно на своемъ кораблѣ при попутномъ вѣтрѣ; онъ именно не позволяетъ вѣтру гнѣва устремляться въ паруса и потоплять мысленную ладью его, но легкій и пріятный вѣтеръ — дыханіе 280
незлобія—вѣетъ ему и съ великимъ спокойствіемъ приводитъ его въ пристань любомудрія. Какъ во время крушенія корабля плывущіе на немъ не знаютъ, что они выбрасываютъ въ море, свою ли собственность или ввѣренное имъ достояніе другихъ, но бросаютъ безъ разбора все, въ немъ находящееся, и драгоцѣнное и недрагоцѣнное; когда же буря прекратится, то, размышляя о томъ, что бросили, плачутъ и не радуются тихой погодѣ, по причинѣ потери выброшеннаго,—такъ точно и здѣсь. Когда свирѣпствуетъ гнѣвъ и поднимается эта буря, не думаютъ, что нужно выбросить и чего нѣтъ; когда же гнѣвъ прекратится, тогда, размышляя о томъ, что выбросили, видятъ только вредъ

и не радуются самому спокойствію, вспоминая, какими словами осрамили себя и какой великій ущербъ понесли не въ деньгахъ, но въ отношеніи къ смиренію и кротости. Подлинно, гнѣвъ есть тьма. *Рече*, говоритъ (Писаніе), *безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Пс. XIII, 1). Можно, кажется, и о гнѣвающемся сказать: *рече* гнѣвающійся: *нѣсть Богъ*. Онъ *по множеству гнѣва своего не взыщетъ*, говоритъ (Писаніе—Пс. IX, 25). Если же является помыслъ благочестивый, то всѣ (другіе помыслы) онъ устраняетъ, отгоняетъ и ниспровергаетъ. Если ты не чувствуешь, какъ ты терпишь вредъ болѣе оскорбляемаго, то оскорбляй; если не будетъ никого, кто сталъ бы осуждать тебя, то судъ совѣсти, постигнувъ тебя наединѣ, накажетъ въ тысячу разъ болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты слышишь, что оскорбленный тобою не сказалъ ни одного обиднаго слова, не скорбишь ли ты болѣе его? Какъ, скажи мнѣ, человѣка тихаго, смиреннаго и кроткаго ты осыпалъ тысячію укоризнъ? Такъ говоримъ мы часто, но не видимъ, чтобы тоже было соблюдаемо на дѣлѣ. Какъ ты — человѣкъ — оскорбляешь человѣка? Рабъ—подобнаго себѣ раба? Но что дивиться этому, когда многіе оскорбляютъ самого Бога?

4. Да будетъ это утѣшеніемъ для васъ, которые терпите оскорбленія. Васъ оскорбляютъ? Бываетъ оскорбляемъ и Богъ. Васъ поносятъ? Бываетъ поносимъ и Богъ. Васъ подвергаютъ оплеванію? Тоже (терпѣлъ) и Господь нашъ. Въ этомъ Онъ имѣетъ общее съ нами, а въ противномъ этому—нѣтъ. Онъ никогда несправедливо не оскорблялъ,—да не будетъ,—не поносилъ, не обижалъ. Слѣдовательно мы (оскорбляемые) имѣемъ съ Нимъ общее, а не вы (оскорбляющіе). Переносить оскорбленія свойственно Богу, а оскорблять напрасно—діаволу. Вотъ двѣ противныя стороны. *Бѣса имаши* (Іоан. VIII, 48),—такія слова выслушалъ Христосъ; Его по ланитѣ ударилъ рабъ архіереевъ (Іоан. XVIII, 22). На сторону этихъ людей и становятся оскорбляющіе несправедливо. Дѣйствительно такъ. Если Петръ былъ названъ сатаною за одно только слово (Мѳ. XVI, 23), то тѣмъ болѣе такіе люди могутъ быть названы іудеями, когда творятъ дѣла іудеевъ, а эти (названы) сынами діавола, потому что творили дѣла діавола (Іоан. VIII, 44). Ты оскорбляешь (другого): но, скажи мнѣ, кто ты? Или лучше, потому ты и оскорбляешь, что самъ ты — ничто. Человѣку не свойственно наносить оскорбленія. При столкновеніи говорятъ: ты кто? Напротивъ слѣдовало бы говорить: оскорбляй, вѣдь ты ничто. Теперь, когда мы говоримъ оскорбителю: ты кто?—слышимъ въ отвѣтъ: во всѣхъ отношеніяхъ лучше тебя. Между тѣмъ слѣдовало бы говорить противное. Но какъ мы дурно предлагаемъ вопросъ, то и они дурной даютъ отвѣтъ. Значитъ,

виноваты мы сами. Мы обращаемся къ оскорбителямъ какъ бы къ какимъ великимъ людямъ, когда говоримъ: ты кто, что оскорбляешь? Поэтому они такъ и отвѣчаютъ. А слѣдовало бы говорить напротивъ: ты оскорбляешь?—оскорбляй; вѣдь ты—ничто. Скорѣе къ тѣмъ, которые не наносятъ оскорбленій, слѣдовало бы говорить: ты кто, что не оскорбляешь? Ты выше естества человѣческаго. Въ томъ и благородство, въ томъ и свобода, чтобы никому не говорить ничего унизительнаго, хотя бы иной и былъ достоинъ того. Скажи мнѣ: сколько есть людей, достойныхъ смерти?
И однако судья самъ собою не осуждаетъ ихъ, но допрашиваетъ 281
и притомъ не самъ лично. Если же не принято, чтобы судья самъ говорилъ съ дурнымъ человѣкомъ, но для этого нуженъ какой-нибудь посредникъ, то тѣмъ болѣе мы не должны оскорблять людей равныхъ намъ. Мы не столько получимъ пользы отъ оскорбленія другихъ, сколько отъ убѣжденія, что въ такомъ случаѣ мы унижаемъ самихъ себя. Итакъ, дурныхъ людей не должно оскорблять по этой причинѣ, а добрыхъ—еще по другой: потому, что они не заслуживаютъ того. Есть еще и третья—та, что не должно быть оскорбителемъ. А теперь, посмотри, что происходитъ: человѣкъ оскорбляется и унижается, а съ нимъ вмѣстѣ и оскорбляющій и всѣ наблюдающіе это. Что же? Не привести ли звѣрей къ нимъ, чтобы рѣшить дѣло? Остается это (одно средство). Если люди рады наносить другъ другу оскорбленія, то остается—предоставить звѣрямъ примиреніе. Какъ въ домѣ, когда ссорятся господа, примиренія ихъ остается ожидать отъ слугъ (этого требуетъ самое существо дѣла, хотя, можетъ быть, этого и не бываетъ),—такъ и здѣсь. Ты оскорбляешь? Не удивительно; вѣдь ты—не человѣкъ. Оскорбленіе кажется какимъ-то великимъ дѣломъ и почитается приличнымъ людямъ великимъ; но это скорѣе прилично рабамъ, а свободнымъ приличны добрыя рѣчи. Какъ дѣлать зло свойственно первымъ, такъ терпѣть зло свойственно послѣднимъ. Напримѣръ, служанка, намѣревающаяся украсть, тайно похищаетъ добро господина своего; такъ бываетъ и съ оскорбленіемъ: какъ воръ,—скажемъ,—вошедши осто- 282
рожно, озирается кругомъ, ища похитить что-нибудь, такъ и этотъ высматриваетъ все, чтобы выдать что-нибудь другимъ. Изобразимъ его еще другимъ примѣромъ: какъ тотъ, кто похитилъ изъ дому нечистые сосуды и вынесъ ихъ передъ всѣми, не столько стыдится дѣла похищенія, сколько самого себя, видя, что онъ похитилъ и вынесъ такіе сосуды, такъ и этотъ, высказавъ передъ всѣми сквернословныя рѣчи, срамитъ этими словами не другихъ, а себя, высказавъ ихъ и осквернивъ ими свой языкъ и разумъ. Когда мы ссоримся съ дурными людьми, то бываетъ тоже, что

съ человѣкомъ, который бьетъ другого лежащаго въ грязи; онъ пачкаетъ себя самого, касаясь грязи своими руками. Помня все это,—увѣщеваю васъ,—будемъ избѣгать этого зла, будемъ имѣть благорѣчивый языкъ, чтобы, соблюдая себя чистыми отъ всякой укоризны, мы могли безопасно провести настоящую жизнь и сподобиться благъ, обѣтованныхъ любящимъ Бога, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XL.

281 Павелъ же еще пребывъ дни довольны, цѣловавъ братію, отплы въ Сирію, и съ нимъ Акила и Прискилла, остригъ главу въ Кенхреихъ: обрекся бо бѣ (Дѣян. xvIII, 18).

1. Смотри, какъ законъ потерялъ силу; смотри, какъ они стѣснялись совѣстію. Остриженіе головы по обѣту было іудейскимъ обычаемъ; слѣдовало при этомъ принести и жертву, которая не была (принесена) послѣ того, какъ били Сосѳена. (Павлу) надлежало удалиться, потому онъ и поспѣшаетъ. Не смотря на просьбу *пребыти у нихъ* въ Ефесѣ, не соглашается (ст. 20). Для чего же онъ опять идетъ въ Антіохію? *Возшедъ*, говоритъ (писатель), *и цѣловавъ церковь, сниде во Антіохію* (ст. 22). Онъ питалъ къ этому городу особенную любовь—это человѣческое чуство, потому что здѣсь ученики стали называться христіанами; здѣсь онъ былъ преданъ благодати Божіей; здѣсь онъ успѣшно окончилъ дѣло касательно ученія (объ обрѣзаніи). Самъ отправился въ Сирію, а спутниковъ своихъ оставилъ въ Ефесѣ, вѣроятно, для того, чтобы они здѣсь учили, такъ какъ, находясь при немъ столько времени, они многому научились, — только отъ іудейскаго обычая онъ еще не отклонилъ ихъ. Итакъ вотъ и жена дѣйствуетъ и учитъ подобно мужамъ. Идти въ Азію онъ затруднялся, думаю, по какимъ-нибудь настоятельнымъ нуждамъ. Смотри, какъ онъ, не смотря на просьбу — остаться здѣсь, не согласился, потому что спѣшилъ отправиться (въ Іерусалимъ). Впрочемъ оставилъ ихъ не просто, но съ обѣщаніемъ, а какъ именно, послушай. *Приста же*, говоритъ (писатель), *во Ефесъ, и тѣхъ остави тамо: самъ же вшедъ въ сонмище, стязашеся со Іудеи. Молящымъ же имъ на много время пребыти у нихъ, не изволи: но отречеся имъ, глаголя: подобаетъ ми всяко праздникъ грядущій сотворити во*
282 *Іерусалимъ: паки же возвращуся къ вамъ, Богу хотящу. И отвезеся*

отъ Ефеса. И сошедъ въ Кесарію, возшедъ и цѣловавъ церковь, сниде во Антіохію. И сотворь время нѣкое, изыде, проходя по ряду Галатійскую страну и Фригію, утверждая вся ученики (ст. 19—23). Смотри, опять идетъ въ тѣ мѣста, по которымъ проходилъ прежде. *Іудеанинъ же нѣкто Аполлосъ именемъ, Александрянинъ родомъ, мужъ словесенъ, пріиде во Ефесъ, силенъ сый въ книгахъ* (ст. 24). Вотъ и ученые мужи начинаютъ проповѣдывать, и ученики наконецъ предпринимаютъ путешествія. Видишь ли успѣхъ проповѣди? *Сей бѣ оглашенъ пути Господню, и горя духомъ, глаголаше и учаше извѣстно, яже о Господѣ, вѣдый токмо крещеніе Іоанново. Сей же начатъ дерзати на сонмищахъ. Слышавше же его Акила и Прискилла, пріяша его, и извѣстнѣе тому сказаша путь Господень* (ст. 25, 26). Если онъ зналъ только Іоанново крещеніе, то какъ онъ *горѣлъ духомъ*? Духъ не сообщался при этомъ (крещеніи); и если оставшіеся послѣ него (ученики) имѣли нужду въ крещеніи Христовомъ, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ имѣть въ немъ нужду. Что же сказать на это? Не напрасно писатель помѣстилъ одно вслѣдъ за другимъ. Мнѣ кажется, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ ста двадцати лицъ, которые вмѣстѣ съ апостолами крещены (Духомъ Святымъ, Дѣян, I, 5, 16); если же нѣтъ, то съ нимъ было тоже, что съ Корниліемъ. Онъ не крещается, пока тѣ подробнѣе не изложили ему (ученія Господня). Но мнѣ кажется истиннымъ то, что и ему надлежало креститься, такъ какъ прочіе двѣнадцать [1]) не имѣли точныхъ познаній даже объ Іисусѣ. Вѣроятно, онъ и былъ крещенъ. По крайней мѣрѣ, если и ученики Іоанновы, послѣ своего крещенія, опять крестились, то и этимъ ученикамъ слѣдовало сдѣлать тоже. *Хотящу же ему преити во Ахаію, предпославше братія написаша ученикомъ пріяти
его: иже пришедъ, пособствова много вѣровавшымъ благодатію. Твердо* 283
бо Іудеи обличаше предъ людми, сказуя писанми, Іисуса быти Христа. Бысть же внегда быти Аполлосу въ Коринѳѣ, Павелъ прошедъ вышнія страны, пріиде во Ефесъ: и обрѣтъ нѣкія ученики, рече къ нимъ: аще убо Духъ Святъ пріяли есте вѣровавше? Они же рѣша къ нему: но ниже аще Духъ Святый есть, слышахомъ. Рече же къ нимъ: во что убо креститеся? Они же рекоша: во Іоанново крещеніе. Рече же Павелъ: Іоаннъ убо крести крещеніемъ покаянія, людемъ глаголя, да во грядущаго по немъ вѣруютъ, сирѣчь въ Христа Іисуса. Слышавше же крестишася во имя Господа Іисуса. И возложшу Павлу на ня руцѣ, пріиде Духъ Святый на ня: глаголаху же языки и пророчествоваху. Бяху же всѣхъ мужей яко дванадесять (XVIII, 27,

---

[1]) Вмѣсто οἱ δώδεκα-двѣнадцать, Migne предполагаетъ здѣсь οἱ ἑκατὸν εἴκοσι-сто двадцать.

28; xix, 1—7). Много отличались отъ того (Аполлоса) эти мужи, незнавшіе даже, есть ли Духъ Святый. А его посылаютъ и пишутъ о немъ тѣ, которые подробнѣе изложили ему путь Господень. Впрочемъ онъ и самъ хотѣлъ идти въ Ахаію; но не пошелъ прежде, нежели братія отправили его и дали ему посланіе. *Иже пришедъ*, говоритъ (писатель), *пособствова много вѣровавшымъ: твердо бо обличаше предъ людми, сказуя писанми, Іисуса быти Христа.* Отсюда видно, какъ свѣдущъ былъ Аполлосъ въ Писаніяхъ. Онъ сильно заграждалъ уста іудеямъ, — это и значитъ: *обличаше,*—а вѣрующихъ ободрялъ и укрѣплялъ въ вѣрѣ. *Бысть же*, говоритъ, *внегда Павелъ прошелъ вышнія страны, пріиде во Ефесъ.* Это—страны, лежащія близъ Кесаріи и далѣе. *И обрѣтъ нѣкія ученики, рече къ нимъ: аще убо Духъ Святъ пріяли есте вѣровавше?* Они не вѣровали и во Христа, какъ видно изъ словъ: *да во грядущаго по немъ вѣруютъ.* Не сказалъ: крещеніе Іоанново есть ничто, но назвалъ его несовершеннымъ; и это присовокупилъ не безъ причины, но чтобы научить и убѣдить ихъ креститься во имя Іисуса, что они и дѣлаютъ и получаютъ Духа Святого чрезъ возложеніе рукъ Павловыхъ. *И возложшу*, говоритъ, *Павлу на ня руцѣ, пріиде Духъ Святый на ня.* Такимъ образомъ на кого онъ возлагалъ руки, тѣ получали Духа. Можно было имѣть Духа и не обнаруживать этого, но они обнаруживали это дѣйствіемъ,—тѣмъ, что говорили (иными) языками.

2. Но разсмотримъ выше прочитанное. *Павелъ же отплы въ Сирію*, говоритъ (писатель), *и съ нимъ Прискилла и Акила*, которыхъ, пришедши въ Ефесъ, онъ тамъ и оставилъ. Оставилъ или потому, что не хотѣлъ взять съ собою, или лучше для того, чтобы они были учителями для жителей Ефеса. Впослѣдствіи же времени они жили въ Коринѳѣ; о нихъ онъ превосходно отзывается и привѣтствуетъ ихъ въ посланіи къ Римлянамъ (xvi, 3, 4). Потому мнѣ кажется, что они впослѣдствіи отбыли въ Римъ, такъ какъ любили жить въ этихъ мѣстахъ, изъ которыхъ были изгнаны при Неронѣ. *И сошедъ*, говоритъ, *въ Кесарію и восшедъ*
284 *и цѣловавъ церковь, сниде во Антіохію, и сотворь время нѣкое, изыде, проходя по ряду Галатійскую страну и Фригію.* Мнѣ кажется, что вѣрующіе тамъ собирались (къ нему); онъ не тотчасъ оставляетъ ихъ. И смотри, какъ онъ спѣшитъ къ нимъ. Прочія же страны проходитъ, чтобы своимъ посѣщеніемъ утвердить учениковъ. *Іудеанинъ же нѣкто*, говоритъ (писатель), *Аполлосъ именемъ, пріиде во Ефесъ, силенъ сый въ книгахъ.* Онъ былъ мужъ ревностный; потому и предпринимаетъ путешествіе. *Иже пришедъ*, говоритъ, *во Ахаію, твердо обличаше Іудеи предъ людми.* О немъ говорилъ (Павелъ) въ посланіи: *о Аполлосѣ же братѣ* (1 Кор. xvi, 12). Въ

томъ, что онъ обличалъ *предъ людми*, являлась его смѣлость; въ томъ, что—*твердо*, открывалась сила; а въ томъ, что *сказывалъ* изъ божественныхъ *Писаній*, выражалась опытность, такъ какъ и смѣлость сама по себѣ нисколько не приноситъ пользы, если нѣтъ силы, и сила—безъ смѣлости. Итакъ, не напрасно Павелъ оставилъ Акилу въ Ефесѣ, но, можетъ быть, для Аполлоса Духъ устроилъ это, чтобы онъ явился въ Коринѳъ съ большею силою. Но почему противъ него ничего не дѣлали, а на Павла нападали? Они знали, что этотъ мужъ былъ главою, или—что велико было имя его. *Пріяша же его*, говоритъ (писатель), *Акила и Прискилла, извѣстнѣе тому сказаша путь* Божій. Смотри, какъ все (тогда) совершалось съ вѣрою; не было ни зависти, ни ненависти. Акила учитъ, но большему и самъ научается. Пробывши нѣкоторое время съ (Павломъ), они такъ научились, что стали способными учить и другихъ. *Хотящу же ему*, говоритъ, *преити во Ахаію, написаша ученикомъ пріяти его*. Объясняетъ, для чего они пишутъ посланіе; для того, говоритъ, чтобы приняли его.

Далѣе, откуда видно, что бывшіе въ Ефесѣ (ученики) имѣли крещеніе Іоанново? Изъ того, что на вопросъ: *во что креститеся?* они отвѣчали: *во Іоанново крещеніе*. Можетъ быть, они ходили въ Іерусалимъ и возвратились оттуда крестившись; но и крестившись, не знали Іисуса. Не говоритъ имъ: вѣруете ли во Іисуса, но что?—*аще Духъ Святъ пріяли есте?* Зналъ, что они не имѣли Его, но хочетъ, чтобы они сказали это, чтобы, узнавъ, чего недостаетъ имъ, сами просили о томъ. *И возложшу*, говоритъ, *Павлу руцѣ, пріиде Духъ Святый на ня, и глаголаху языки и пророчествоваху*. Съ самаго крещенія пророчествуютъ. Этого не сообщало крещеніе Іоанново; потому оно и было несовершенно. Оно только приготовляло къ полученію такихъ (благъ), такъ какъ Іоаннъ, крещая, хотѣлъ, чтобы вѣровали въ Грядущаго по немъ. Отсюда открывается великая истина, что крещающіеся (во имя Христово) совершенно очищаются отъ грѣховъ. Если бы не очищались, то эти люди не получили бы Духа и не сподобились бы тотчасъ же даровъ Его. И смотри, даръ былъ двоякій: языки и пророчества. Хорошо онъ назвалъ крещеніе Іоанново крещеніемъ *покаянія*, а не отпущенія, возводя ихъ къ тому убѣжденію, что оно не сообщало послѣдняго, такъ какъ отпущеніе есть дѣло крещенія, послѣ даннаго. Почему же они, получивъ Духа, не учили, тогда какъ Аполлосъ и не получивъ Его (училъ)? Потому, что они не были столько ревностны и столько научены; а онъ былъ и наученъ и весьма ревностенъ. Мнѣ кажется, что этотъ мужъ имѣлъ и великое 285
дерзновеніе. Впрочемъ, хотя онъ и правильно училъ *яже о Іисусѣ*, однакожъ имѣлъ нужду еще въ подробнѣйшемъ наученіи. Та-

кимъ образомъ, хотя онъ и не зналъ всего, но за свое усердіе сподобился Святого Духа, подобно тому какъ бывшіе съ Корниліемъ. Можетъ быть, многіе желаютъ, чтобы и теперь было крещеніе Іоанново. Но въ такомъ случаѣ многіе не стали бы заботиться о добродѣтельной жизни, или можно было бы подумать, что каждый для этого, а не для царствія небеснаго, заботится о добродѣтели. Кромѣ того, было бы много лжепророковъ, не часто являлись бы *искусніи* (1 Кор. xi, 19), не ублажались бы принимающіе вѣру просто. Вѣдь какъ блаженны *не видѣвшіи и вѣровавшіе* (Іоан. xx, 29), такъ и вѣрующіе безъ знаменій. Не въ укоризну ли, скажи мнѣ, Христосъ сказалъ іудеямъ: *аще знаменій не видите, не имате вѣровати* (Іоан. iv, 48)? Итакъ мы ничего не потеряли, если только захотимъ быть внимательными. Главныя блага мы получаемъ въ крещеніи: отпущеніе грѣховъ, освященіе, причастіе Духа, усыновленіе, вѣчную жизнь. Чего же еще хотите? Знаменій? Но они упразднились. Ты имѣешь вѣру, надежду, любовь, которыя *пребываютъ*; ихъ ищи; онѣ больше знаменій. Ничто не можетъ сравниться съ любовію: *больши же сихъ любы*, говоритъ (апостолъ, 1 Кор. xiii, 13). Нынѣ же любовь оскудѣваетъ; осталось только имя ея, а на дѣлѣ ея нѣтъ, но раздѣлились мы между собою.

3. Что дѣлать, чтобы соединиться. Вѣдь легко обличать, но это только половина дѣла: нужно еще показать, какъ устроить общеніе; нужно о томъ позаботиться, какъ намъ соединить раздѣлившіеся члены. Не о томъ только нужно заботиться, чтобы намъ принадлежать къ единой Церкви или (содержать) одинъ и тотъ же догматъ; но не хорошо то, что, имѣя общеніе другъ съ другомъ во всемъ прочемъ, мы не имѣемъ его въ необходимомъ, и (повидимому) находясь въ мирѣ со всѣми, не соблюдаемъ мира между собою. Не на то смотри, что мы не ссоримся между собою каждый день, но на то, что у насъ нѣтъ истинной и искренней любви. Намъ нужны обвязаніе и елей (Лук. x, 34). Вспомнимъ, что любовь есть признакъ учениковъ Христовыхъ (Іоан. xiii, 35), что безъ нея все прочее не значитъ ничего, что она есть дѣло не трудное, если захотимъ (имѣть ее). Да, скажутъ, мы знаемъ это; но какъ достигнуть этого? Чтó нужно, чтобы она была у насъ? Какъ сдѣлать, чтобы мы любили другъ друга? Напередъ устранимъ то, что противно любви; тогда пріобрѣтемъ и ее. Пусть никто не помнитъ зла, не завидуетъ, не радуется о злѣ. Это препятствуетъ любви, а другое способствуетъ ей. Недостаточно— уничтожить препятствія; нужно имѣть и то, что способствуетъ. Дѣйствія, нарушающія любовь, а не созидающія, исчисляетъ Сирахъ, именно: *поношеніе, откровеніе тайны, язва лестная* (Сирах.

XXII, 25). Для тѣхъ (іудеевъ), какъ людей плотскихъ, этого было достаточно; для насъ же нѣтъ; не этому только учимъ васъ, но и другому. Для насъ—безъ любви все безполезно. Пусть будутъ у тебя безчисленныя блага,—какая въ томъ польза? Пусть будетъ богатство, роскошь, но безъ любящихъ тебя, — какая въ томъ польза? Нѣтъ блага прекраснѣе этого даже въ житейскомъ отношеніи, и напротивъ нѣтъ ничего хуже вражды. *Любовь покрываетъ множество грѣховъ* (1 Петр. IV, 8); а вражда напротивъ подозрѣваетъ и то, чего нѣтъ. Недостаточно — только не быть врагомъ; нужно еще питать и любовь. Вспомни, что такъ повелѣлъ Христосъ, и этого довольно. Самая скорбь содѣйствуетъ любви и укрѣпляетъ ее. Но что же, скажутъ, теперь, когда нѣтъ 286
скорби. Объясни, какъ намъ стать друзьями? Но, скажи мнѣ, развѣ у васъ нѣтъ какихъ-нибудь друзей? Какъ вы стали друзьями? Какъ остаетесь ими? По крайней мѣрѣ пусть никто не враждуетъ противъ другого; и это не маловажно; пусть никто не завидуетъ; не завидующій не можетъ быть и клеветникомъ. Всѣ мы живемъ въ одной вселенной, питаемся одними и тѣми же плодами. Этого мало; мы сподобляемся однихъ и тѣхъ же таинствъ, одной и той же духовной пищи. Вотъ побужденія къ любви! Но какъ, скажутъ, намъ сохранить теплоту любви? А что возбуждаетъ любовь плотскую? Тѣлесная красота. Содѣлаемъ же и души наши прекрасными, и будемъ питать любовь другъ къ другу; вѣдь нужно не любить только, но и быть любимыми. Сдѣлаемъ сперва это, т. е. чтобы насъ любили; тогда легко будетъ и то. Какъ же сдѣлать, чтобы насъ любили? Будемъ добрыми, и мы достигнемъ, что всегда будутъ любящіе насъ. Пусть каждый заботится не столько о пріобрѣтеніи имущества, или рабовъ, или домовъ, сколько о томъ, чтобы быть любимымъ, чтобы имѣть доброе имя. *Лучше имя доброе, неже богатство много* (Притч. XXII, 1). То постоянно, а это скоропреходяще; это можно пріобрѣсть, а того нельзя. Кто заслужилъ недоброе имя, тому трудно освободиться отъ него; а бѣдный съ именемъ добрымъ скоро можетъ сдѣлаться богатымъ. Пусть одинъ имѣетъ тысячи талантовъ, а другой сто друзей: послѣдній богаче перваго. Будемъ же дѣлать это не просто, но какъ бы совершая куплю. Какъ же это? *Гортань сладокъ умножитъ други своя, и языкъ доброглаголивъ* (Сирах. VI, 5). Будемъ имѣть уста, исполненныя хвалы, и нравы чистые. Съ такими свойствами нельзя скрыться.

4. Посмотри, какіе узы любви придумали внѣшніе (язычники): кумовство, сосѣдство, родство. Но у насъ есть нѣчто больше всего этого. Это — священнѣйшая трапеза. Между тѣмъ многіе изъ насъ, приступающихъ къ ней, даже не знаемъ другъ друга.

Это происходитъ, скажутъ, отъ многочисленности. Нѣтъ, отъ нашего нерадѣнія. Три тысячи и пять тысячъ вѣрующихъ было (въ началѣ), и всѣ они имѣли *душу едину* (Дѣян. IV, 32); а теперь и не знаютъ другъ друга, и не стыдятся этого, ссылаясь на многочисленность. Кто имѣетъ много любящихъ его, тотъ непреоборимъ ни отъ кого, тотъ сильнѣе всякаго властителя: не столько оруженосцы охраняютъ послѣдняго, сколько перваго—любящіе его. Онъ и славнѣе того: одинъ охраняется своими рабами, а другой людьми равными ему; одного охраняютъ не по своей волѣ и изъ страха, другого добровольно и безъ страха. Чудное бываетъ здѣсь явленіе: единство во множествѣ и множество въ единствѣ. Какъ въ игрѣ на гусляхъ, хотя звуки различны, но симфонія одна, одинъ и музыкантъ играющій на гусляхъ, такъ и здѣсь: гусли, это—любовь; звуки, это—происходящія отъ любви дружескія рѣчи, производящія всѣ вмѣстѣ одну и ту же гармонію и симфонію; музыкантъ, это—сила любви; она издаетъ сладостное пѣніе. Я хотѣлъ бы,—если это возможно,—ввести тебя въ такой городъ, гдѣ была бы одна душа; ты увидѣлъ бы, какое тамъ согласіе, сладостнѣйшее всякихъ гуслей и всякой свирѣли, не издающее ни одного нестройнаго звука. Это согласіе доставляетъ радость ангеламъ и самому Господу ангеловъ, служитъ пріятнымъ предметомъ зрѣлища для всѣхъ силъ небесныхъ, укрощаетъ ярость демоновъ, обуздываетъ порывы страстей. Это согласіе не только укрощаетъ страсти, но не попускаетъ и возставать имъ, и производитъ великое молчаніе.
287 Какъ на зрѣлищѣ всѣ въ молчаніи слушаютъ хоръ играющихъ, и не производятъ ни малѣйшаго шума, такъ и у любящихъ другъ друга, когда любовь поетъ пѣснь свою, всѣ страсти усмиряются и успокоиваются, какъ звѣри обузданные и укрощенные; а гдѣ вражда, тамъ все напротивъ. Но не станемъ говорить теперь о враждѣ; будемъ говорить только о любви. Скажешь ли что-нибудь опрометчиво, никто не осуждаетъ, но всѣ извиняютъ; сдѣлаешь ли что-нибудь, никто не имѣетъ подозрѣнія, но оказываетъ великое снисхожденіе. Всѣ готовы подать падающему руку помощи, всѣ охотно стараются поднять его.

Поистинѣ, любовь есть крѣпкая стѣна, неприступная не только для людей, но и для діавола. Кто окруженъ множествомъ любящихъ его, тотъ не можетъ впасть въ опасность; нѣтъ у него поводовъ къ гнѣву, но всегда онъ чувствуетъ сердечное спокойствіе, радость и веселіе; нѣтъ поводовъ къ зависти; нѣтъ случаевъ къ памятозлобію. Посмотри, какъ легко исполняетъ онъ и духовныя и житейскія дѣла свои. Что можетъ сравниться съ нимъ? Онъ—какъ бы городъ, отвсюду огражденный стѣнами; а

тотъ (не имѣющій любви)—какъ бы городъ, ничѣмъ не огражденный. Быть виновникомъ любви, это—великая мудрость. Уничтожь любовь, и разрушишь все, ниспровергнешь все. Если же подобіе любви имѣетъ такую силу, то какова должна быть сама истинная (любовь)? Итакъ, увѣщеваю васъ, будемъ стараться, чтобъ были любящіе насъ; пусть каждый упражняется въ этомъ искусствѣ. Но вотъ, я, скажутъ, забочусь объ этомъ, а тотъ не заботится. За то и большая награда ожидаетъ тебя. Такъ, скажешь, но это трудно. Отчего, скажи мнѣ? А я говорю и увѣряю, что если только десять человѣкъ изъ васъ соединится и вы приметесь 288
за это дѣло, подобно тому какъ апостолы за дѣло проповѣди, или пророки за дѣло ученія, если такъ и вы будете пріобрѣтать друзей,—то получится великая награда. Устроимъ себѣ изображенія царя; это—признакъ учениковъ. И не дѣлаемъ ли мы болѣе, чѣмъ если бы вложили въ нихъ силу воскрешать мертвыхъ? Діадема и порфира—отличія царя; безъ нихъ, хотя бы на немъ были золотыя одежды, онъ еще не является царемъ. Такъ и ты усвой себѣ этотъ признакъ, и пріобрѣтешь любящихъ и для себя и для другихъ. Никто, будучи любимъ, не станетъ ненавидѣть. Изучимъ же эти краски, какими пишется, изъ какихъ составляется это изображеніе. Будемъ привѣтливы, не станемъ ожидать этого со стороны ближнихъ. Не говори: если я вижу, что другой выжидаетъ, то (сдѣлавъ это) я унижаюсь предъ нимъ; напротивъ, если видишь его въ такомъ состояніи, то самъ предупреди и угаси страсть его. Ты видишь больного; для чего же усиливаешь болѣзнь его? О томъ особенно и больше всего будемъ стараться, чтобы честію *другъ друга больша творити* (Рим. XII, 10). Не думай, что отдавать предпочтеніе другому значитъ унижать самого себя. Предпочитая другого, ты отдаешь честь самому себѣ, дѣлаясь достойнымъ большей чести. Будемъ же всегда уступать первенство другимъ. Не будемъ помнить сдѣланнаго намъ зла, но—только добро. Ничто такъ не пріобрѣтаетъ намъ любви другихъ, какъ языкъ, исполненный благодарности, уста, готовыя на похвалу, душа негорделивая, отсутствіе тщеславія, презрѣніе къ почестямъ. Если будемъ исполнять это, то содѣлаемся неуловимыми для сѣтей діавола, и, тщательно упражняясь въ добродѣтели, сподобимся благъ, уготованныхъ любящимъ Бога, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLI.

287 Вшедъ же въ сонмище, дерзаше, не обинуся три мѣсяцы бесѣдуя и увѣряя яже о царствіи Божіи (Дѣян. xix, 8).

1. Смотри, какъ (Павелъ) вездѣ самъ входитъ въ синагоги и потомъ выходитъ; онъ вездѣ хотѣлъ начинать съ нихъ, какъ я и прежде говорилъ. Язычники съ ревностію и усердіемъ принимали его; и іудеи, когда язычники принимали, приходили въ раскаяніе. Онъ хотѣлъ отдѣлить оттуда учениковъ и начать съ нихъ, такъ чтобы они не собирались вмѣстѣ съ тѣми, и дѣлалъ это не безъ причины. Потому онъ часто бесѣдовалъ съ ними, что убѣждалъ (ихъ). Слыша о дерзновеніи (Павла), не прими это за упорство. Онъ бесѣдовалъ о предметахъ полезныхъ, о царствіи (Божіемъ): кто же не сталъ бы слушать этого? *И егда нѣцыи ожесточахуся и пряхуся, злословяще путь предъ народомъ, отступль отъ нихъ, отлучи ученики, по вся дни стязаяся во училищи властителя нѣкоего. Сіе же бысть два лѣта, яко всѣмъ живущымъ во Асіи слышати слово Господа Іисуса, Жидомъ же и Еллиномъ* (ст. 9, 10). *Путемъ* они справедливо называли проповѣдь; она дѣйствительно была путемъ, ведущимъ въ царствіе небесное. *Во училищи*, говоритъ (писатель), *властителя нѣкоего стязаяся*: и *сіе бысть два лѣта, яко всѣмъ слышати слово, Жидомъ же и Еллиномъ*. Видишь ли, сколько пользы принесла неутомимая ревность? Слу-
288 шали и іудеи и язычники. *Силы же не просты творяше Богъ рукама Павловыма: яко и на недужныя наносити отъ пота тѣла его главотяжы и убрусцы, и исцѣлитися имъ отъ недугъ, и духомъ лукавымъ исходити отъ нихъ* (ст. 11, 12). Не касались только, принося (къ больнымъ), но взявши возлагали на нихъ. Потому, я думаю, не попустилъ ему Христосъ идти въ Азію, что имѣлъ въ виду это время. *Начаша же нѣцыи отъ скитающихся Іудей заклинателей имсновати надъ имущи духи лукавыя имя Господа Іисуса, глаголюще: заклинаемъ вы Іисусомъ, его же Павелъ проповѣдуетъ* (ст. 13). Такъ все они дѣлали по любостяжанію. Смотри: вѣровать не хотѣли, а изгонять бѣсовъ этимъ именемъ захотѣли. Да, такъ велико было имя Павла! *Бяху же нѣцыи сынове Скевы Іудеанина архіерея седмь, иже сіе творяху. Отвѣщавъ же духъ лукавый рече имъ: Іисуса знаю, и Павла свѣмъ, вы же кто есте? И скача на нихъ человѣкъ, въ немже бѣ духъ лукавый, и одолѣвъ имъ, укрѣпися на нихъ, якоже нагимъ и ураненымъ избѣжати отъ храма онаго. Сіе же бысть разумно всѣмъ живущымъ во Ефесѣ Іудеемъ же и Еллиномъ* (ст. 14—17). Они дѣлали это тайно, но потомъ безсиліе

ихъ дѣлается весьма явнымъ. *И нападе страхъ на всѣхъ ихъ, и величашеся имя Господа Іисуса. Мнози же отъ вѣровавшихъ при-* 289
хождаху, исповѣдающе и сказующе дѣла своя (ст. 17, 18). Такъ какъ они имѣли такую силу, что и чрезъ бѣсовъ дѣлали такія дѣла, то и слѣдовало быть этому. *Доволни же отъ сотворшихъ чародѣянія, собравше книги своя, сожигаху предъ всѣми, и сложиша цѣны ихъ и обрѣтоша сребра пять темъ. Сице крѣпко слово Господне растяше и крѣпляшеся* (ст. 19, 20). Видя, что нѣтъ имъ никакой пользы, они сожигають книги, когда и сами бѣсы дѣлають такія дѣла. Такимъ образомъ имя не дѣлаетъ ничего, когда будетъ произносимо безъ вѣры. Прикровенно указывая на это, премудро сказалъ (Христосъ): *вѣруяй въ мя больша сихъ сотворитъ* (Іоан. xiv, 12). Смотри, какъ они пользовались этимъ оружіемъ противъ себя самихъ. И стязашеся, говоритъ (писатель), *во училищи властителя нѣкоего два лѣта*,—тамъ, гдѣ были вѣрные, и весьма вѣрные. Тѣ (заклинатели) не считали Іисуса великимъ, если присоединяли къ имени Его имя Павла, почитая этого за нѣчто великое. Здѣсь достойно удивленія то, почему бѣсъ не содѣйствовавъ обману заклинателей, но обличилъ ихъ и обнаружилъ притворство ихъ. Мнѣ кажется, что онъ весьма озлобился, подобно тому, кто, находясь въ крайней опасности и будучи оскорбляемъ кѣмъ-нибудь изъ людей маловажныхъ и незначительныхъ, пожелалъ бы изливать на него всю свою злобу. Чтобы не показалось, что онъ пренебрегаетъ именемъ Іисуса, онъ сначала исповѣдуетъ Его и потомъ показываетъ свою силу. А что не имя Его было безсильно, но все произошло отъ ихъ обмана (видно изъ того), что съ Павломъ этого не случилось. *И скача*, говоритъ (писатель), *на нихъ человѣкъ*. Можетъ быть, разорвалъ имъ одежды и разбилъ имъ головы. Это выражается словомъ: *скача*, т. е. стремительно бросившись на нихъ, такъ что могъ сдѣлать это. Что значитъ: *отступль отъ нихъ, отлучи ученики*? Отклонилъ ихъ злословіе. Онъ дѣлаетъ это и отдѣляется, потому что не хотѣлъ разжигать ихъ зависть и возбуждать большую распрю. А словомъ: *дерзаше* выражается, что онъ былъ готовъ и на опасности и говорилъ явно, не прикрывая ученія. Отсюда мы научаемся не имѣть общенія съ злословящими, но уклоняться отъ нихъ. Слыша злословіе, онъ самъ не злословилъ, но бесѣдовалъ ежедневно, и еще болѣе привлекалъ къ себѣ тѣмъ, что и слыша злословіе не отступалъ и не отдѣлялся. И смотри: когда кончилось искушеніе отъ внѣшнихъ (людей), началось отъ бѣсовъ.

Видишь ли слѣпоту іудеевъ? Они, увидѣвши, что одежды его чудодѣйствуютъ, ему не внимали. Что можетъ быть больше

этого? А имъ и это послужило къ противному. Если кто изъ эллиновъ не вѣруетъ, то видя, какъ тѣнь производитъ (чудеса), пусть увѣруетъ. Такимъ образомъ чрезъ отдѣленіе отъ нихъ злословящіе и порицающіе ученіе,—оно именно здѣсь названо *путемъ*,—побѣждаются; а онъ отдѣляется такъ, что и учениковъ не оставилъ и тѣхъ не привелъ въ ярость, показывая, что онъ всегда имѣлъ въ виду спасеніе. Онъ и здѣсь не оправдывается предъ ними, потому что язычники вездѣ уже вѣровали. И *стязается* не просто въ какомъ-нибудь мѣстѣ, но тамъ, гдѣ было училище, какъ въ мѣстѣ удобнѣйшемъ для собранія.

290 2. Вотъ, какова сила вѣрующихъ: и у другихъ является способность совершать тоже самое! Какое же ослѣпленіе въ тѣхъ, которые и послѣ явленія такой силы оставались въ невѣріи! Какъ Симонъ домогался благодати Духа для прибытка, такъ и эти дѣлали тоже для того же самаго. Какое ослѣпленіе! А почему Павелъ не запрещаетъ имъ? Потому что это показалось бы дѣломъ зависти; поэтому-то такъ и устрояется. Это было и при Христѣ, но тогда не оказывается препятствія (потому что тогда было начало дѣла). Такъ, Іуда, будучи воромъ, не встрѣчаетъ препятствія, Ананія же и Сапфира были лишены жизни. И многіе изъ іудеевъ, оказывая сопротивленіе, ничего не терпѣли, а Елима былъ ослѣпленъ, потому что не *пріидохъ*, говоритъ (Христосъ), *судити міробви, но да спасется міръ* (Іоан. III, 17). Посмотри на нихъ нечестіе: оставаясь іудеями, они захотѣли воспользоваться именемъ (Іисуса),—потому что дѣлали все изъ тщеславія и корыстолюбія. Смотри, какъ вездѣ люди обращаются не столько помощію полезнаго (внушенія), сколько страхомъ. По случаю смерти Сапфиры страхъ объялъ Церковь и *смѣяша прилѣплятися имъ* (Дѣян. V. 11, 13); здѣсь брали платки и полотенца—и исцѣлялись, и послѣ этого *прихождаху исповѣдующе* грѣхи свои. Изъ того, что бѣсноватый бросился на нихъ, видно, какъ велика сила бѣсовъ въ отношеніи къ невѣрующимъ. Почему же злой духъ не сказалъ, кто это Іисусъ, а высказалъ слова, не принесшія пользы? Онъ боялся, чтобы самому не потерпѣть наказанія, такъ какъ зналъ, что наказать этихъ обманщиковъ ему попущено было силою того же самаго имени. Почему и эти несчастные не сказали: вѣруемъ (въ Него)? Они боялись Павла, хотя имъ было бы гораздо болѣе славы, если бы они сказали это и признали владычество Его. Притомъ у нихъ было въ памяти случившееся въ Филиппахъ (Дѣян. XVI, 18). Замѣть, какъ кратокъ нашъ писатель, какъ онъ только пишетъ исторію, а никого не осуждаетъ. Это дѣлало апостоловъ достойными удивленія. Впрочемъ упоминаетъ, чьи были дѣти (заклинатели), имя ихъ и число, и этимъ

сообщаетъ признакъ достовѣрности написанному. Для чего они *скитались* по селеніямъ? Для прибытка, а не для проповѣди? Но хорошо, что они и послѣ *бѣгали*, проповѣдуя о томъ, что терпѣли. Указывая на это, и (писатель) говоритъ: *и бысть разумно всѣмъ живущымъ во Ефесѣ Іудеямъ же и Еллиномъ*. Не должно ли было это, скажи мнѣ, обратить и самихъ упорствующихъ? Но не обратило. И не удивляйся; злобу ничто не убѣждаетъ. Но посмотримъ, какой великой злобы дѣломъ было дѣло заклинателей. Почему не было того же при Христѣ, это мы разсмотримъ въ другое время, а не теперь; замѣтимъ только, что здѣсь было сдѣлано хорошо и полезно. Мнѣ кажется, что они это дѣлали издѣваясь, потому и наказываются, чтобы послѣ никто ужъ не дерзалъ произносить это имя какъ попало. Это многихъ изъ увѣровавшихъ привело къ исповѣданію, произвело въ нихъ страхъ и было величайшимъ доказательствомъ того, что Богъ знаетъ все. Прежде, чѣмъ они были обличены бѣсами, они обвинили сами себя, боясь чтобы не потерпѣть того же. И справедливо. Если покровительствовавшіе имъ бѣсы стали ихъ обвинителями, а не помощниками, то какая оставалась надежда, кромѣ исповѣданія дѣлами? Смотри, какъ скоро, послѣ такихъ знаменій, является зло. Такова человѣческая природа: она скоро забываетъ благодѣянія.

Не припомните ли, что тоже самое произошло и въ наше 291
время? Скажи мнѣ, въ прошломъ году, не поразилъ ли Богъ землетрясеніемъ весь городъ? И что же? Не всѣ ли приняли крещеніе? Блудники и люди, преданные роскоши и сластолюбію, оставивъ тѣ жилища и мѣста, въ которыхъ проводили время, не исправлялись ли, не дѣлались ли благоговѣйными? А едва прошло три дня, какъ они опять обратились къ свойственному (имъ) пороку. Отчего это происходитъ? Отъ великаго нерадѣнія. И что удивительнаго, если это происходитъ по прошествіи событій, когда бываетъ тоже и тамъ, гдѣ образы (событій) остаются постоянно? Событіе, бывшее въ Содомѣ, скажи мнѣ, не остается ли навсегда? А что? Живущіе близъ него сдѣлались ли оттого лучшими? Нисколько. А что сынъ Ноевъ? Не былъ ли онъ таковъ? Не остался ли онъ злымъ, хотя и видѣлъ своими глазами такое запустѣніе? Не будемъ же удивляться, что при такихъ событіяхъ иные не вѣровали, если часто самое вѣроученіе обращаютъ къ противному—ко злу, если, напримѣръ, и о Сынѣ Божіемъ говорятъ, что Онъ *бѣса имать* (Іоан. VIII, 48). Не видите ли и нынѣ тоже самое, какъ многіе люди, невѣрные и неблагодарные, уподобляются ехиднамъ,—будучи облагодѣтельствованы и призрѣны другими, огорчаютъ потомъ своихъ благодѣтелей? Это сказано

нами для того, чтобы никто не удивлялся, что и при такихъ знаменіяхъ не всѣ обратились.

3. Вотъ и въ наше время были событія съ блаженнымъ Вавилою, событія въ Іерусалимѣ, событія при разрушеніи храмовъ, и однако не всѣ обратились. Къ чему говорить о древнемъ? Я сказалъ уже, что было въ прошломъ году, и никто не обратилъ вниманія, но мало-по-малу опять стали предаваться распутству и грѣхопаденію. Небо постоянно взываетъ, что есть Господь, что все это (разумѣю міръ) есть дѣло нѣкоего Художника, а нѣкоторые говорятъ, что нѣтъ. Случившееся съ Θеодоромъ въ прошломъ году кого не поразило? И однако больше ничего не произошло, но сдѣлавшись на время благоговѣйными, потомъ возвратились къ тому же состоянію, изъ котораго перешли къ благоговѣнію. Тоже было нѣкогда съ евреями. Потому и сказалъ пророкъ: *егда убиваше я, тогда взыскаху его, и обращахуся, и утреневаху къ Богу* (Псал. LXXVII, 34). И вообще что надобно сказать? Какъ многіе, впадая въ болѣзни, обѣщались по выздоровленіи совершенно исправиться, и однако оставались такими же! Въ этомъ особенно и открывается намъ произволеніе и свобода нашей природы,—во внезапной перемѣнѣ. Если бы зло было намъ естественно, то не было бы этой перемѣны; что естественно и необходимо, въ томъ измѣниться мы не можемъ. И однако, скажешь, измѣняемся. Не видимъ ли мы, какъ нѣкоторые, имѣя отъ природы зрѣніе, отъ страха становятся слѣпыми? Это оттого, что нашей природѣ свойственно сокращаться, когда привходитъ другое естественное дѣйствіе; такъ и терять зрѣніе отъ страха намъ естественно, и съ другой стороны также естественно, что при большемъ страхѣ другой (меньшій) исчезаетъ. Что же? Если, скажешь, любомудріе свойственно природѣ, то какъ же страхъ,
292 овладѣвая ею, изгоняетъ его? А что, если я докажу тебѣ, что нѣкоторые и въ это время не бываютъ любомудрыми, а даже среди самаго страха остаются смѣлыми? Это уже неестественно. О древнемъ ли говорить или о новомъ? Сколько было людей, которые и во время страха оставались смѣющимися, издѣвающимися, и не испытывали ничего такого (подобнаго страху)? Такъ фараонъ, скажи мнѣ, не тотчасъ ли (послѣ наказанія) перемѣнялся и возвращался къ прежнему нечестію? Такъ и здѣсь заклинатели, хотя сами знали (о комъ говорятъ), надъ бѣсноватыми говорили просто: *заклинаемъ вы Іисусомъ, егоже Павелъ проповѣдуетъ*. Изъ того, что они говорятъ въ подтвержденіе, видно что они знали. Говорятъ только: *Іисусомъ*, между тѣмъ какъ слѣдовало сказать: Спасителемъ вселенной, воскресшимъ (изъ мертвыхъ). Они не хотѣли исповѣдать славу Его; потому бѣсъ, бросившись на

нихъ, обличилъ ихъ и сказалъ: *Іисуса знаю, и Павла свѣмъ;* какъ бы такъ сказалъ: вы не вѣруете, но говорите это, злоупотребляя именемъ; и потому, говоритъ, храмъ (вашъ) пустъ, оружіе не крѣпко, вы — не проповѣдники, но принадлежите мнѣ. Велика ярость бѣса! Апостолы могли бы сдѣлать съ ними тоже, но не дѣлали; повелѣвая тѣми, которые дѣлали это, они тѣмъ болѣе сами могли бы сдѣлать тоже. Отсюда открывается кротость ихъ, т. е. когда гонимые такъ поступаютъ, а бѣсы, которымъ люди служили, дѣлаютъ противное. *Іисуса*, говоритъ, *знаю*: стыдитесь же вы, которые не знаете (Его). *И Павла свѣмъ.* Хорошо и это сказано; признаетъ его проповѣдникомъ Божіимъ. Потомъ бросается на нихъ и раздираетъ имъ одежды, и этими дѣйствіями какъ бы выражаетъ: не подумайте, что я дѣлаю это изъ презрѣнія къ тѣмъ (апостоламъ). Великъ страхъ бѣсовскій! А почему онъ не разорвалъ одежды ихъ безъ всякихъ словъ? Этимъ онъ выразилъ свою ярость и остановилъ ихъ обманъ. Онъ боялся, какъ я сказалъ, неприступной силы (Христовой), и не преодолѣлъ бы такимъ образомъ, если бы не сказалъ этого. Смотри, какъ вездѣ бѣсы оказываются благоразумнѣе іудеевъ и не смѣютъ ни противорѣчить, ни порицать апостоловъ или Христа. Тамъ они говорятъ: знаемъ Тебя, кто Ты; и: *что пришелъ еси сѣмо прежде времене мучити насъ;* и еще: *вѣмъ тя, кто еси*, Сыне *Божій* (Мѳ. VIII, 29. Марк. 1, 24). А здѣсь: *сіи человѣцы раби Бога вышняго суть* (Дѣян. XVI, 17); и опять: *Іисуса знаю и Павла свѣмъ.* Они весьма боялись и страшились тѣхъ святыхъ. Можетъ быть и изъ васъ иной, слыша это, желаетъ имѣть такую же власть, чтобы бѣсы не могли взирать на него, и называетъ тѣхъ святыхъ блаженными потому, что они имѣли такую силу. Такой пусть послушаетъ, что сказалъ Христосъ: *не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются* (Лук. x, 20), такъ какъ Онъ зналъ, что всѣ люди стали бы особенно радоваться этому изъ тщеславія. Если ты ищешь угоднаго Богу и полезнаго обществу, то къ этому есть другой лучшій путь. Не такъ важно—изгнать бѣса, какъ—освободиться отъ грѣха. Бѣсъ не препятствуетъ достигнуть царствія небеснаго, а еще содѣйствуетъ,—хотя невольно, но содѣйствуетъ, дѣлая одержимаго имъ болѣе любомудрымъ; а грѣхъ удаляетъ (отъ царствія).

4. Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: я не желалъ бы до- 293
стигать такого любомудрія. И я не желаю этого, но желаю другого—того, чтобы дѣлать все изъ любви ко Христу. Если же и то случится,—чего да не будетъ!—и объ этомъ должно молиться. Итакъ, если (бѣсъ) не удаляетъ (отъ царствія небеснаго), а грѣхъ удаляетъ, то избавленіе отъ послѣдняго есть большее благо. По-

тому будемъ стараться освобождать отъ него ближнихъ нашихъ, а прежде ближнихъ—насъ самихъ. Будемъ пещись, чтобы намъ не сдѣлаться одержимыми бѣсомъ, будемъ тщательно смотрѣть за собою. Но лютѣе бѣса грѣхъ, такъ какъ тотъ еще дѣлаетъ людей смиренными. Не видите ли, какъ бѣсноватые, когда они получаютъ облегченіе отъ этой болѣзни, бываютъ печальны и кротки, какая стыдливость выражается въ лицѣ ихъ, какъ они боятся даже смотрѣть вокругъ себя? Посмотри же, какая выходитъ несообразность: тѣ стыдятся своихъ страданій, а мы не стыдимся своихъ дѣлъ; тѣ стыдятся, претерпѣвая зло, а мы не стыдимся, совершая зло; ихъ положеніе достойно не стыда, но состраданія, человѣколюбія, снисхожденія, великаго удивленія и тысячи похвалъ, если только они, противудѣйствуя бѣсу, переносятъ все съ благодарностію; а наше положеніе достойно посмѣянія, стыда, осужденія, наказанія, мученія, крайнихъ бѣдствій и самой геенны, и не заслуживаетъ никакого снисхожденія. Видишь ли, какъ грѣхъ лютѣе бѣса? Тѣ отъ своихъ страданій получаютъ двоякую пользу: во-первыхъ, вразумляются и дѣлаются болѣе любомудрыми; во-вторыхъ, потерпѣвъ здѣсь наказаніе за свои грѣхи, отходятъ къ Господу чистыми. Мы часто говорили объ этомъ и учили, что наказываемые здѣсь, если терпятъ благодушно, могутъ избавиться отъ множества грѣховъ. Отъ грѣховъ же бываетъ двоякое зло: первое—то, что претыкаемся, второе—то, что становимся худшими. Обратите вниманіе на слова мои. Не только то зло мы терпимъ отъ грѣха, что грѣшимъ, но еще и то, что душа пріобрѣтаетъ дурной навыкъ, подобно какъ бываетъ съ тѣломъ. Сказанное будетъ яснѣе на примѣрѣ. Какъ одержимый горячкою не только то терпитъ зло, что находится въ болѣзни, но и то, что послѣ болѣзни становится слабѣе, хотя бы онъ уже и выздоровѣлъ отъ продолжительной болѣзни, такъ и по совершеніи грѣха, хотя бы мы и исцѣлѣли, мы еще имѣемъ нужду въ большей силѣ. Представь человѣка, который нанесъ кому-нибудь обиду и не получилъ наказанія: не потому только онъ достоинъ слезъ, что не потерпѣлъ наказанія за обиду, но и по другой причинѣ. По какой? Потому, что душа его стала безстыднѣе. Отъ каждаго грѣха, какъ скоро онъ сдѣланъ и оконченъ, въ душѣ нашей остается нѣкоторый ядъ. Не слышишь ли, какъ нѣкоторые, исцѣлившись отъ извѣстной болѣзни, говорятъ: „я еще не осмѣливаюсь пить воды?“ Хотя онъ и выздоровѣлъ, но болѣзнь причинила и это зло. Тѣ, тяжко страдая, благодарятъ; а мы и при благосостояніи хулимъ Бога и ропщемъ на Него; и подлинно, ты найдешь дѣлающихъ это больше въ здоровьи и богатствѣ, чѣмъ въ бѣдности и слабости. Бѣсъ стоитъ (предъ ними), какъ

истинный палачъ съ сильными угрозами, или какъ учитель съ поднятою плетью, не дозволяющій никакой отрады. Если же нѣкоторые и при этомъ не дѣлаются любомудрыми, то по крайней мѣрѣ они претерпѣваютъ наказаніе. И это не маловажно. Какъ
отъ безумныхъ, какъ отъ сумасшедшихъ, какъ отъ дѣтей не тре- 294
буютъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ, такъ и отъ нихъ; и нѣтъ человѣка, столь жестокаго, чтобъ наказывать за то, что сдѣлано по невѣдѣнію. Такимъ образомъ мы—согрѣшающіе—оказываемся гораздо хуже бѣснующихся. Но мы не извергаемъ пѣны, не извращаемъ глазъ и рукъ? О, еслибы мы дѣлали это съ тѣломъ и не дѣлали съ душею! Хочешь ли, я покажу тебѣ, какъ душа извергаетъ нечистую пѣну и извращаетъ умственныя очи? Посмотри на гнѣвающихся и неистовствующихъ отъ ярости, не извергаютъ ли они словъ, которыя нечистѣе всякой пѣны? Подлинно они какъ бы источаютъ смрадную слюну. И какъ тѣ не узнаютъ никого изъ присутствующихъ, такъ и эти. При своемъ помраченномъ умѣ и извращенныхъ очахъ они не различаютъ ни друга, ни врага, ни почтеннаго человѣка, ни презрѣннаго, но на всѣхъ смотрятъ (просто). Можешь видѣть, какъ они и трясутся, также какъ тѣ. Но они не падаютъ на землю? За то душа ихъ падаетъ низко и лежитъ въ трепетѣ; если бы она стояла прямо, то съ нею не было бы того, что бываетъ тогда. Подлинно не низкой ли и потерявшей самосознаніе душѣ свойственно то, что дѣлаютъ и говорятъ неистовствующіе отъ ярости? Но есть и другой видъ неистовства, еще худшій. Какой? Тотъ, когда не хотятъ оставить гнѣва, но питаютъ въ себѣ памятозлобіе, какъ какого домашняго палача. Самихъ же ихъ первыхъ мучитъ памятозлобіе еще и здѣсь, не говоря о будущемъ. Подумай, какое терпитъ мученіе человѣкъ, возмущенный душею, каждый день помышляя о томъ, какъ бы отомстить врагу? Прежде всего онъ мучитъ самъ себя и томится, раздражаясь, досадуя на самого себя, разгорячаясь. Точно огонь постоянно горитъ въ тебѣ, и, когда горячка усиливается до такой степени, ты не ослабляешь ея, думаешь, какъ бы причинить какое зло другому; а между тѣмъ терзаешь самого себя, постоянно нося въ себѣ сильный пламень, не давая успокоиться душѣ своей, постоянно свирѣпѣя, и содержа умъ свой въ тревогѣ и смятеніи.

5. Что хуже этого неистовства — всегда мучиться, раздражаться и воспламеняться? А таковы души злопамятныхъ. Они, какъ скоро увидятъ того, кому хотятъ отомстить, тотчасъ же выходятъ изъ себя; услышатъ ли голосъ его, падаютъ и дрожатъ; лежатъ ли на постели, придумываютъ тысячи мученій, какъ бы поразить и растерзать своего врага; а если при этомъ

увидятъ его благоденствующимъ, о, какое для нихъ наказаніе! Прости же другому проступокъ его и избавь себя отъ мученія. Для чего ты непрестанно мучишь себя, чтобы однажды поразить и наказать его? Для чего причиняешь самому себѣ изнурительную болѣзнь? Для чего продолжаешь гнѣвъ свой, когда онъ готовъ прекратиться? Да не продолжится (гнѣвъ вашъ) даже *до вечера*, говоритъ Павелъ (Еф. IV, 26); онъ, какъ бы какая тля и моль, подъѣдаетъ корень нашей души. Для чего удерживать внутри себя этого дикаго звѣря? Лучше положить змѣя или ехидну на сердце, нежели гнѣвъ и памятозлобіе; отъ тѣхъ скоро можно было бы намъ освободиться, а этотъ остается постоянно, вонзая свои зубы, впуская свой ядъ, возбуждая злые помыслы. Я дѣлаю это, скажешь, для того, чтобы тотъ не сталъ смѣяться надо мною, не сталъ презирать меня? Жалкій и безразсудный человѣкъ! Ты не хочешь быть посмѣшищемъ для подобнаго тебѣ раба, а под-
295 вергаешься неблаговоленію своего Владыки? Не хочешь быть въ презрѣніи у равнаго тебѣ раба, а самъ презираешь Владыку? Не можешь снести презрѣнія (отъ человѣка), а не подумаешь, что ты прогнѣвляешь Бога, посмѣваешься надъ Нимъ, пренебрегаешь Имъ, не оказывая Ему повиновенія? А то, что онъ не будетъ смѣяться надъ тобою, это очевидно. Если станешь мстить, то будетъ великій смѣхъ, великое презрѣніе, такъ какъ это—дѣло малодушія; если же простишь, то—великое удивленіе, такъ какъ это—дѣло великодушія. Но тотъ, скажешь, не узнаетъ этого? Пусть узнаетъ Богъ, чтобы ты имѣлъ за то большую награду. *Взаимъ дайте*, говоритъ Онъ, *ничесоже чающе* получить въ возвратъ (Лук. VI, 35). Будемъ благодѣтельствовать тѣмъ, которые не чувствуютъ, что имъ благодѣтельствуютъ, чтобы они, воздавая намъ похвалы или что другое, тѣмъ не уменьшили нашей награды. Если ничего не получимъ отъ людей, то тѣмъ больше получимъ отъ Бога. Что смѣшнѣе, что грубѣе души, непрестанно гнѣвающейся и желающей мщенія? Это—женское и дѣтское желаніе. Какъ та (гнѣвливая жена) гнѣвается и на бездушныя вещи и, пока хотя не топнетъ объ полъ, не оставляетъ своего гнѣва, такъ и эти (злопамятные) желаютъ отомстить своимъ оскорбителямъ и дѣлаются сами достойными смѣха, потому что увлекаться гнѣвомъ свойственно дѣтскому уму, а преодолѣвать его возмужалому. Итакъ, не мы будемъ въ посмѣяніи, когда окажемъ любомудріе, а они (оскорбители). Не покоряться страсти — дѣло людей не презрѣнныхъ; а презрѣннымъ свойственно бояться смѣха другихъ до такой степени, чтобы изъ-за этого рѣшиться—покоряться собственной страсти, оскорблять Бога и мстить за себя. Это, поистинѣ, достойно смѣха. Будемъ же избѣгать этого.

Пусть тотъ говоритъ, что онъ причинилъ намъ тысячу золъ, а самъ ничего не потерпѣлъ (отъ насъ), пусть говоритъ, что если онъ и еще поругается надъ нами, такъ же не потерпитъ ничего. Если бы онъ захотѣлъ хвалить насъ, то не иначе сталъ бы проповѣдывать о нашей добродѣтели, не иныя сталъ бы употреблять слова, какъ именно эти, которыми онъ думаетъ унизить насъ. О, если бы всѣ говорили обо мнѣ, что „это—человѣкъ холодный и жалкій; всѣ оскорбляютъ его, а онъ терпитъ; всѣ нападаютъ на него, а онъ не мститъ за себя“! О, если бы прибавили еще, что „онъ даже и не можетъ сдѣлать этого, хотя бы и хотѣлъ“,— мнѣ похвала была бы отъ Бога, а не отъ людей! Пусть говорятъ что мы не мстимъ по трусости. Это нисколько не вредитъ намъ; Богъ видитъ и уготовляетъ намъ большее сокровище. Если бы мы стали смотрѣть на тѣхъ людей, то лишились бы всего. Будемъ же смотрѣть не на то, что о насъ говорятъ, а на то, что 296
намъ должно дѣлать. Нѣкоторые говорятъ: пусть не смѣется надо мною, пусть не издѣвается. О, безуміе! Никто оскорбившій меня, говоришь ты, не смѣялся надо мною, т. е., я отомстилъ. Но потому ты и достоинъ посмѣянія, что отомстилъ. Откуда явились эти слова—постыдныя и гибельныя, извращающія нашу жизнь и общество? Не отголосокъ ли сопротивленія Богу. Что дѣлаетъ равнымъ Богу, т. е. немстительность, то почитаешь ты смѣшнымъ. Не въ правѣ ли смѣяться надъ нами и мы сами, и эллины, когда такъ говоримъ мы вопреки Богу?

Хочу разсказать нѣчто, бывшее въ древности, касающееся не гнѣва, но имущества. У одного человѣка было поле, въ которомъ было скрыто сокровище, о чемъ господинъ ничего не зналъ. Это поле онъ продалъ. Купившій, раскапывая землю, чтобы разработать и насадить ее, нашелъ скрытое сокровище. Продавшій, узнавъ объ этомъ, пришелъ къ купившему и сталъ насильно требовать себѣ сокровища: я, говоритъ, продалъ поле, а не сокровище. Тотъ отказалъ ему, сказавши, что онъ купилъ поле вмѣстѣ съ сокровищемъ и ничего болѣе знать не хочетъ. Начали тяжбу, одинъ надѣясь получить, а другой стараясь не отдать. Нашедши какого-то человѣка, они обратились къ нему съ этимъ дѣломъ и спросили его: кому должно принадлежать сокровище? Онъ не далъ отвѣта, но сказалъ, что разрѣшитъ тяжбу ихъ: пусть онъ будетъ господиномъ (сокровища). Взявши его себѣ съ ихъ согласія, онъ испыталъ впослѣдствіи много зла отъ этого сокровища и на дѣлѣ убѣдился, что не напрасно они отступились отъ него. Подобнымъ образомъ должно поступать и по отношенію къ гнѣву, — мы должны стараться не мстить, а оскорбившіе—признавать себя виновными. Но, можетъ быть, это кажется смѣшнымъ. Когда слыш-

комъ усиливается это безуміе, то люди благоразумные смѣются, и среди множества неистовствующихъ непричастный ихъ неистовству также кажется неистовствующимъ. Потому, увѣщеваю васъ, будемъ терпѣливы и не станемъ выходить изъ себя, чтобы, очистившись отъ этой гибельной страсти, мы могли сподобиться царствія небеснаго, благодатію и щедротами Единороднаго Сына Его, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLII.

295 И якоже скончашася сія, положи Павелъ въ Дусѣ, прошедъ Македонію и Ахаію, ити во Іерусалимъ, рекъ, яко бывшу ми тамо подобаетъ ми и Римъ видѣти. Пославъ же въ Македонію два отъ служащихъ ему, Тимоѳея и Ераста, самъ же пребысть время во Асіи. Бысть же во время оно молва не мала о пути (Дѣян. xix, 21—23).

1. Пробывши довольно времени въ городѣ (Ефесѣ), (Павелъ) опять хочетъ идти въ другое мѣсто. Потому посылаетъ Тимоѳея и Ераста въ Македонію, а самъ остается въ Ефесѣ. Какъ же онъ, прежде вознамѣрившись отправиться въ Сирію (Дѣян. xviii, 18), опять возвращается въ Македонію? Это—съ цѣлью показать, что онъ дѣлалъ все не собственною силою. Вмѣстѣ съ тѣмъ предсказываетъ
296 и будущее: *подобаетъ ми*, говоритъ, *и Римъ видѣти*. Это сказалъ онъ, можетъ быть, желая утѣшить (учениковъ) извѣстіемъ, что онъ не останется (въ Іерусалимѣ), но опять придетъ къ нимъ, и такимъ предсказаніемъ ободрить души ихъ. Отсюда я заключаю, что онъ въ Ефесѣ написалъ посланіе къ коринѳянамъ, въ которомъ говоритъ: *не хощемъ васъ не вѣдѣти о скорби нашей, бывшей намъ во Асіи* (2 Кор. 1, 8). Онъ обѣщалъ прибыть въ Коринѳъ, и потому извиняется въ своемъ замедленіи и указываетъ на искушеніе, разумѣя поступокъ Димитрія. На этотъ же поступокъ указываетъ и (писатель) въ словахъ: *бысть молва не мала о пути*. Опять опасность, опять смятеніе. Видишь ли превосходство (Павла)? Совершились двойныя знаменія, а они противорѣчили. Такъ чрезъ все сплетаются событія. *Димитрій бо нѣкто именемъ, среброковачъ, творяй храмы сребряны Артемидѣ, подаяше хитрецемъ*
297 *стяжаніе не мало. Ихже собравъ, и ины сицевыхъ вещей дѣлатели, рече: мужіе, вѣсте, яко отъ сего дѣланія доволство житію нашему есть, и видите и слышите, яко не токмо Ефесъ, но мало не всю Асію Павелъ сей препрѣвъ обрати многъ народъ, глаголя, яко не суть*

бози, иже руками человѣческими бываютъ. Не токмо же сія бѣду пріемлетъ наша часть, еже бы во обличеніе пріити, но дабы и великія богини Артемиды храмъ ни во чтоже не вмѣнился, имать же разоритися и величество ея, юже вся Асіа и вселенная почитаетъ (ст. 24—27). *Творяй*, говоритъ, *храмы сребряны Артемидѣ*. Неужели у нихъ были серебряные храмы? Вѣроятно, это были небольшія киворіи (подобія храма). Въ Ефесѣ Артемида была въ большой чести, такъ что когда храмъ ея былъ сожженъ, то (жители) до того огорчились, что запретили даже произносить имя виновника этого пожара. Смотри, какъ идолослуженіе вездѣ поддерживается корыстію. И тѣ изъ корысти (возставали на Павла, Дѣян. XVI, 16), и этотъ изъ корысти; не потому, что ихъ богопочтенію угрожала опасность, но потому, что они лишались возможности прибытка. Посмотри и на злобу этого человѣка: онъ былъ богатъ, и для него не было бы отъ того большого вреда; болѣе могли потерять прочіе, которые были бѣдны и содержались дневными трудами, и однако они не говорятъ ничего, а только—онъ. Сообщниковъ своихъ по ремеслу онъ дѣлаетъ сообщниками возмущенія. Преувеличиваетъ опасность: *сія бѣду*, говоритъ, *пріемлетъ наша часть, еже бы во обличеніе пріити*. Это значитъ почти тоже, что: намъ, при нашемъ ремеслѣ, угрожаетъ опасность умереть съ голоду. Самыя слова его могли бы обратить ихъ къ благочестію, но они, какъ люди низкіе и невѣжественные, тотчасъ возмущаются, не думая, что если этотъ человѣкъ (Павелъ) столь силенъ, что всѣхъ обращаетъ и самому почитанію боговъ угрожаетъ опасностью, то какъ великъ долженъ быть Богъ его. Онъ можетъ даровать намъ гораздо болѣе того, за что мы опасаемся. Къ этому онъ могъ предрасположить души ихъ словами: *яко не суть бози, иже руками человѣческими бываютъ*. Замѣть, чѣмъ огорчаются эллины: тѣмъ, что было сказано: *яко иже* отъ человѣкъ *бываютъ, не суть бози*. Онъ постоянно склоняетъ рѣчь къ своему ремеслу. Потомъ, чтобы еще болѣе раздражить ихъ, говоритъ; *не токмо сія бѣду пріемлетъ наша часть*,—т. е., не говоря уже о прочемъ,—*и великія богини Артемиды храмъ имать разоритися*. А чтобы показать, будто онъ говоритъ это не изъ корысти, смотри, что прибавляетъ: *юже вселенная почитаетъ*. Видишь ли, какъ онъ свидѣтельствуетъ о превосходствѣ силы Павла, какъ слабы и ничтожны всѣ прочіе, если человѣкъ гонимый и занимавшійся скинотворствомъ могъ сдѣлать такъ много? Такъ, сами враги свидѣтельствовали въ пользу апостоловъ. Тамъ они говорили: *се исполнисте Іерусалимъ ученіемъ вашимъ* (Дѣян. V, 28); здѣсь: *имать разоритися величество Артемиды*. Прежде говорили: *иже развратиша вселенную, сіи и здѣ пріидоша* (Дѣян. XVII, 6); а теперь: *сія бѣду пріемлетъ*

наша часть, еже бы во обличеніе пріити. Такъ и іудеи говорили о Христѣ: *видите, яко міръ по немъ идетъ* (Іоан. XII, 19), и *пріидутъ Римляне и возмутъ* градъ *нашъ* (Іоан. XI, 48). *Слышавше же, исполнились ярости.* Когда произошла ярость? Когда услышали объ Артемидѣ и о прибыткѣ. Таково свойство простого народа: онъ увлекается и раздражается случившимся. Потому (съ нимъ)
298 надобно поступать во всемъ осмотрительно. Замѣть, какъ они были легкомысленны, такъ что готовы склоняться на все. *Слышавше же и бывше исполнени ярости*, говоритъ, *вопіяху глаголюще: велика Артемида ефесская. И исполнися градъ весь мятежа: устремишася же единодушно на позорище. Восхищше Гаіа и Аристарха Македоняны, сопутники Павловы, привсдоша ихъ* (ст. 28, 29).

2. Опять нападаютъ безъ причины, подобно какъ іудеи на Іасона (Дѣян. XVII, 6), и готовы на все: такъ мало они думали о благородствѣ и чести! *Павлу же хотящу внити въ народъ, не оставляху его ученицы. Нѣцыи же отъ асійскихъ началникъ, суще ему друзи, пославше къ нему, моляху не вдати себе въ позоръ* (ст. 30, 21). Просили потому, что тамъ было собраніе людей безпорядочныхъ, готовыхъ рѣшиться на все по безумному увлеченію. И Павелъ повинуется: онъ не былъ ни тщеславенъ, ни честолюбивъ. *Друзіи же убо ино нѣчто вопіяху: бѣ бо собраніе смущено* (ст. 32). Такова толпа: устремляется на все безъ разсужденія, подобно огню, устремляющемуся на дрова. *И множайшіи отъ нихъ не вѣдяху, чесо ради собрашася. Отъ народа же избраша Александра изведшымъ его Іудеемъ* (ст. 33). Іудеи вмѣшались въ дѣло по смотрѣнію (Божію), чтобы послѣ они не могли ничего сказать противъ этого. Вызывается (Александръ) и говоритъ, а что— послушай. *Александръ же помаавъ рукою, хотяше отвѣщати народу. Разумѣвше же, яко Іудеанинъ есть, гласъ бысть единъ отъ всѣхъ, яко на два часа вопіющихъ: велика Артемида ефесская* (ст. 34). Подлинно, дѣтскій у нихъ умъ! Какъ бы опасаясь, чтобы не истощилось ихъ благочестіе, они кричатъ непрестанно. Два года пробылъ тамъ (Павелъ), и, смотри, сколько еще было эллиновъ. *Утишивъ же книжникъ народъ, рече: мужіе ефесстіи, кто бо есть человѣкъ, иже не вѣсть, яко ефесскій градъ служитель есть великія богини Артемиды и Діопета* (ст. 35)? Такимъ предисловіемъ онъ утишилъ ихъ ярость. *И Діопета.* Говоритъ это, какъ будто дѣло не было ясно само по себѣ. Діопетомъ (Διοπετὲς) назывался другой храмъ, или Діопетомъ они называли изображеніе Артемиды, какъ будто эта глина ниспала отъ Юпитера, а не сдѣлана людьми, или такъ называлось у нихъ другое какое-нибудь украшеніе. *Безъ всякаго убо прекословія симъ сице сущымъ, потребно есть вамъ безмолвнымъ быти. и ничтоже безчинно тво-*

рити. Приведосте бо мужей сихъ, ни храмъ окрадшихъ, ниже богиню вашу хулящихъ (ст. 36, 37). Слѣдовательно все (сказанное противъ апостоловъ) ложно; онъ говоритъ это къ народу, чтобы успокоить его. *Аще убо Димитрій, и иже съ нимъ художницы, имутъ къ кому слово, суды суть и анѳипати суть: да поемлютъ другъ на друга. Аще ли же что о иныхъ ищете, въ законномъ собраніи разрѣшится. Ибо бѣдствуемъ порицаеми быти о крамолѣ днешней, ни единѣй винѣ сущей, о ней же возможемъ воздати слово стремленія сего. И сія рекъ, распусти собравшійся народъ* (ст. 38—40). Говоритъ о законномъ собраніи; по закону ихъ, въ каждый мѣсяцъ происходили три собранія, а это было незаконное. Потомъ устрашаетъ ихъ, говоря: *бѣдствуемъ порицаеми быти о крамолѣ.* Но обратимся къ вышесказанному. *И якоже,* говоритъ (писатель), *скончашася сія, положи Павелъ въ Дусѣ, прошедъ Македонію и Ахаію, ити во Іерусалимъ.* Дѣлаетъ это не по человѣческому усмотрѣнію, но *въ Дусѣ,* 293
по внушенію котораго и рѣшается идти. Это означаетъ слово: *положи;* оно имѣетъ именно такой смыслъ. А почему онъ посылаетъ Тимоѳея и Ераста, объ этомъ не говорится; но мнѣ кажется, что и объ этомъ надобно сказать: *въ Дусѣ. Тѣмже уже не терпяще* (говоритъ Павелъ), *благоволихомъ остатися во Аѳинѣхъ едини* (Солун. ш, 1). И, смотри, посылаетъ двоихъ изъ служащихъ ему, чтобы они возвѣстили о его прибытіи и сдѣлали (тѣхъ) болѣе готовыми. А самъ долѣе всѣхъ остается въ Азіи; и справедливо,—потому что тамъ было многочисленное общество философовъ. Пришедши туда, онъ опять бесѣдовалъ съ ними, потому что тамъ было великое суевѣріе. *Димитрій бо нѣкто именемъ, среброковачъ, собравъ и ины сицевыхъ вещей дѣлатели, рече: мужіе, вѣсте, и видите и слышите,*—такъ это было общеизвѣстно!—*яко Павелъ сей препрѣвъ обрати многъ народъ.* Не насиліемъ (онъ дѣйствовалъ), если *препрѣвъ.* Такъ и должно убѣждать городъ. Потомъ говоритъ о томъ, что касается ихъ: *яко не суть бози, иже руками бываютъ.* Что это значитъ? Онъ уничтожаетъ, говоритъ, наше ремесло. А чтобы они не подумали и не сказали, что одинъ человѣкъ дѣлаетъ такія дѣла, и что если онъ имѣетъ такую силу, то должно повиноваться ему, прибавляетъ: *юже вся Асіа и вселенная почитаетъ.* Они думали, что крикъ ихъ можетъ воспрепятствовать Духу Божію: настоящія дѣти были эллины! *Отъ сего дѣланія,* говоритъ, *довольство житію нашему есть.* Если же отъ этого занятія зависитъ ваше благосостояніе, то какъ могъ убѣдить человѣкъ незнатный? Какъ онъ могъ преодолѣть такой обычай? Какими дѣлами, или какими словами? Поистинѣ это—дѣло не Павла, не человѣка. И достаточно было сказать, *яко не суть бози.* Если же такъ легко было

ниспровергнуть это нечестіе, то давно слѣдовало отказаться отъ него; а если бы оно было сильно, то невозможно было бы такъ скоро ниспровергнуть его. *Не токмо же*, говоритъ, *сія бѣду пріемлетъ наша часть*. Прибавляетъ это, какъ бы намѣреваясь сказать нѣчто болѣе важное. *Слышавше же и бывше исполнени ярости, вопіяху: велика Артемида ефесская*. А у нихъ въ каждомъ городѣ были свои боги. Они были въ такомъ состояніи, какъ будто крикомъ своимъ хотѣли возстановить ея почитаніе и уничтожить все, сдѣланное (Павломъ).

3. Такова безпорядочная толпа! *Павлу же*, говоритъ (писатель), *хотящу внити въ народъ, не оставляху его ученицы*. Павелъ хотѣлъ идти и говорить рѣчь; онъ и самыми смятеніями пользовался, какъ случаями къ наученію; но ученики не допустили его. Смотри, какое они вездѣ имѣли о немъ попеченіе. И прежде они удаляли его, чтобы ему не было нанесено смертельнаго удара (Дѣян. xvii, 15), и теперь удержали, хотя и слышали, что ему еще должно видѣть Римъ. Предусмотрительно онъ предсказалъ имъ объ этомъ, чтобы они не смущались такими событіями. Но они не хотѣли, чтобы онъ потерпѣлъ что-нибудь. *Нѣцыи же*, говоритъ (писатель), *отъ асійскихъ началникъ моляху его не вдати себе въ позоръ*. Зная его ревность, они умоляли: такъ любили его всѣ вѣрные! Для чего, скажешь, Александръ хотѣлъ говорить рѣчь? Развѣ и онъ былъ обвиняемъ? Для того, чтобы найти случай все разсѣять и угасить ярость народа. Видишь ли, какъ велико было неистовство? Хорошо и вразумительно говоритъ книжникъ: *что есть человѣкъ, иже не вѣсть* Ефесскій градъ? Говоритъ о томъ, за что они опасались; какъ бы такъ говоритъ: развѣ вы не почитаете этой богини? Не сказалъ: кто
300 не знаетъ Артемиды?—но: *градъ нашъ*, желая угодить имъ. *Безъ всякаго убо прекословія симъ сице сущымъ, потребно есть вамъ безмолвнымъ быти*. Здѣсь уже укоряетъ ихъ и какъ бы такъ говоритъ: чего вы ищете, какъ будто это неизвѣстно? Очевидно, что оскорбленіе касается богини. Благочестіе они желали сдѣлать предлогомъ для своей выгоды. Потому онъ незамѣтнымъ образомъ укоряетъ ихъ и показываетъ, что они собрались безразсудно. *И ничто же*, говоритъ, *безчинно творити*. Этими словами выражаетъ, что они поступили необдуманно. *Аще убо Димитрій, и иже съ нимъ, имутъ къ кому слово, анѳипати суть*. И здѣсь укоряетъ ихъ и показываетъ, что изъ-за частныхъ несогласій не слѣдовало дѣлать общаго собранія. *Ибо бѣдствуемъ*, говоритъ, *порицаеми быти*. Этимъ приводитъ ихъ въ великое недоумѣніе. *Ни единѣй*, говоритъ, *винѣ сущей, о нейже возможемъ воздати слово стремленія сего*. Смотри, какъ благоразумно, какъ мудро говорятъ

невѣрные. Такимъ образомъ онъ укротилъ ярость ихъ; какъ легко она возбуждается, такъ легко и укрощается. *И сія рекъ, распусти собравшійся народъ*, говоритъ (писатель). Видишь ли, какъ Богъ попускаетъ искушенія, чтобы ими возбудить и пробудить учениковъ своихъ и сдѣлать ихъ болѣе твердыми? Итакъ, не будемъ упадать духомъ во время искушеній; Онъ самъ подастъ и облегченіе, чтобы мы могли ихъ перенесть.

Ничто такъ не содѣйствуетъ любви и общенію, какъ скорбь; ничто такъ не соединяетъ и не связываетъ души вѣрующихъ; ничто столько не способствуетъ намъ—учителямъ, чтобы слова наши выслушивались со вниманіемъ. Слушатель благоденствующій бываетъ безпеченъ и нерадивъ и считаетъ за безпокойство для себя слушать поучающаго; а удрученный скорбію и страданіемъ съ великимъ усердіемъ предается слушанію. У кого душа отягчена скорбію, тотъ вездѣ ищетъ себѣ утѣшенія отъ скорби, а слово доставляетъ не малое утѣшеніе. А что же, скажешь, іудеи? Почему они, претерпѣвая бѣдствія, малодушествовали и не слушали? Потому, что они были іудеи, всегда слабые и жалкіе; притомъ ихъ скорбь была очень велика, а мы говоримъ объ умѣренной. Смотри, они надѣялись освободиться отъ угнетавшихъ ихъ бѣдствій и впадали въ бѣдствія еще болѣе тяжкія и безчисленныя; а это не мало поражаетъ душу. Скорби удерживаютъ насъ отъ пристрастія къ настоящему міру; мы благодушно ожидаемъ смерти и не бываемъ привязаны къ благамъ тѣлеснымъ; а въ томъ и состоитъ важнѣйшая часть любомудрія, чтобы не быть привязаннымъ и пристрастнымъ къ настоящей жизни. Душа, удрученная скорбію, не заботится о многомъ; она желаетъ только спокойствія и тишины; она хотѣла бы освободиться отъ настоящихъ (бѣдствій), и болѣе ничего. Какъ тѣло утомленное и изнуренное не способно ни предаваться наслажденіямъ, ни пресыщаться, но имѣетъ нужду въ отдохновеніи и спокойствіи, такъ и душа, удрученная множествомъ бѣдствій, ищетъ отдохновенія и спокойствія. Душа, чуждая скорби, волнуется, мятется, надмевается; напротивъ душа, чуждая удовольствій и ничѣмъ не разслабляемая, вся сосредоточивается въ самой себѣ и не надмевается; эта бываетъ мужественною, а та дѣтски-слабою, эта—основательною, а та—легкомысленною. Какъ что-нибудь легкое, упавши въ воду, колеблется волнами, такъ и душа, предавшаяся великой радости. Отъ множества удовольствій у насъ бываетъ и множество грѣховъ, что можетъ видѣть всякій. Представимъ, если угодно, два дома, одинъ наполненный отправляющими брачное пиршество, и другой—сѣтующими. Войдемъ мысленно въ тотъ и другой и посмотримъ, который изъ нихъ лучше. Домъ сѣтованія

391 окажется исполненнымъ любомудрія, а домъ брака—безчинія; смотри, здѣсь въ самомъ дѣлѣ: нескромныя рѣчи, безпорядочный смѣхъ, еще болѣе безпорядочныя движенія, одежда и походка, исполненныя безстыдства, дѣйствія, отличающіяся безуміемъ и непристойностію; вообще здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ смѣшного и достойнаго осмѣянія. Говорю не о бракѣ,—да не будетъ!—но о томъ, что бываетъ на бракѣ. Здѣсь низвращается природа человѣческая; присутствующіе обращаются изъ людей въ безсловесныхъ животныхъ; одни ржутъ, подобно конямъ, другіе бьютъ ногами, подобно осламъ: все въ безпорядкѣ, все въ смятеніи; нѣтъ ничего благопристойнаго, ничего благороднаго; здѣсь великое торжество для діавола,—кимвалы, флейты, пѣсни, исполненныя прелюбодѣянія и разврата. Не такъ бываетъ въ жилищѣ сѣтованія,—все тамъ бываетъ благопристойно; тамъ глубокое молчаніе, совершенная тишина, великое сокрушеніе; нѣтъ ничего непристойнаго, ничего безчиннаго. Если же кто станетъ говорить, то всѣ слова его звучатъ, какъ исполненныя любомудрія; и, что достойно удивленія, въ такомъ случаѣ бываютъ любомудрыми не только мужи, но и слуги и жены. Таково свойство скорби. Стараются утѣшить сѣтующаго, высказываютъ множество мыслей, исполненныхъ любомудрія. Тотчасъ начинаются молитвы, чтобы скорбь не выходила изъ предѣловъ; съ готовностью утѣшаютъ страждущихъ; исчисляютъ множество примѣровъ подобныхъ же сѣтующихъ. Вѣдь, что такое человѣкъ? Изслѣдуютъ нашу природу.

4. Что такое человѣкъ? При этомъ раскрываютъ его жизнь и ничтожество, вспоминаютъ о будущемъ, о судѣ. Каждый отходитъ домой—съ брака прискорбнымъ, потому что самъ онъ бываетъ въ растроенномъ состояніи, а съ сѣтованія—радостнымъ, потому что видитъ себя свободнымъ отъ подобнаго бѣдствія и возвращается съ душею, успокоившеюся отъ всякаго неумѣреннаго пожеланія. Но что? Хочешь ли, сравнимъ между собою темницы и зрѣлища, (эти мѣста) одно—сѣтованія, другое—удовольствія? Посмотримъ, что происходитъ въ каждомъ изъ нихъ. Тамъ (въ темницѣ) великое любомудріе, потому что гдѣ скорбь, тамъ непремѣнно и любомудріе. Тамъ человѣкъ, прежде богатый и надменный, не чуждается бесѣдовать со всякимъ, кто къ нему обращается; страхъ и скорбь, какъ бы какой сильнѣйшій огонь, проникая его душу, смягчаетъ ея грубость. Тамъ онъ дѣлается кроткимъ и смиреннымъ; тамъ онъ постигаетъ превратность жизни и терпѣливо переноситъ все. На зрѣлищѣ же все напротивъ: здѣсь смѣхъ, безстыдство, бѣсовское веселіе, безчиніе, потеря времени, безполезное употребленіе цѣлыхъ дней, возбужденіе нечистыхъ пожеланій, упражненіе порочныхъ похотей, школа

прелюбодѣянія, училище разврата, поощреніе безнравственности, побужденія къ смѣхотворству, примѣры непристойности. Не такова темница; тамъ смиреніе, вразумленіе, упражненіе въ любомудріи, презрѣніе житейскихъ благъ. Все (земное) попрано и презрѣно, и страхъ бодрствуетъ надъ человѣкомъ, какъ пѣстунъ надъ дитятей, направляя его ко всему должному. Но, если хочешь, посмотримъ на тѣ же мѣста съ другой стороны. Я желалъ бы, чтобы ты встрѣтился съ человѣкомъ, который идетъ со зрѣлища, и съ другимъ, который выходитъ изъ темницы: ты увидѣлъ бы, какъ душа перваго возмущена, не спокойна, поистинѣ точно связана, и какъ душа послѣдняго спокойна, свободна, возвышенна. Тотъ идетъ со зрѣлища ослѣпленный видомъ тамошнихъ женщинъ, несетъ на себѣ оковы, которыя тяжелѣе всякихъ желѣзныхъ, оковы тѣхъ мѣстъ, словъ, дѣйствій. А выходящій изъ темницы, будучи свободенъ отъ всего этого, не чувствуетъ и ничего прискорбнаго, сравнивая свое положеніе съ положеніемъ другихъ. Онъ будетъ считать за счастіе, что свободенъ отъ узъ, пренебрежетъ человѣческими дѣлами, видя, какъ многіе богатые впадаютъ въ несчастія и, будучи прежде въ великой 302
чести и силѣ, содержатся тамъ въ заключеніи; если онъ испытываетъ какую-либо несправедливость, то онъ перенесетъ это терпѣливо, потому что тамъ много примѣровъ и этого; будетъ вспоминать о будущемъ судѣ и содрогаться, видя настоящія мѣста (заключенія). И какъ заключенный въ здѣшней темницѣ становится кроткимъ ко всѣмъ, такъ и тѣ, еще прежде суда, еще прежде будущаго дня, станутъ кроткими и къ женѣ и къ дѣтямъ, и къ слугамъ. Но не такъ (возвращающійся) со зрѣлища: онъ съ неудовольствіемъ будетъ смотрѣть на жену, будетъ жестоко обращаться съ слугами, гнѣваться на дѣтей, будетъ свирѣпымъ ко всѣмъ. Много зла причиняютъ городамъ зрѣлища, зла великаго, мы даже и не знаемъ, насколько великаго. Если вы не утомились, посмотримъ еще на мѣста смѣха, разумѣю пиршества, гдѣ—тунеядцы, льстецы и великое невоздержаніе, и на другія мѣста, гдѣ — хромые и слѣпые. Тамъ пьянство, объяденіе, развратъ; здѣсь все напротивъ. Посмотри и на наше тѣло: когда оно тучно и изнѣжено, то скоро впадаетъ въ болѣзнь; а когда истощено, то не такъ (скоро заболѣваетъ). Но чтобы сдѣлать для васъ яснѣе слова мои, представимъ тѣло многокровное, тучное и переполненное; оно даже и отъ легкой пищи можетъ впасть въ горячку, если будетъ оставаться въ бездѣйствіи. Представимъ другое, которое издавна подвергалось голоду и изнеможенію; болѣзнь не скоро можетъ его постигнуть и преодолѣть. Въ насъ часто и здоровая кровь порождаетъ болѣзни, если ея

слишкомъ много; а если ея будетъ не много, то, хотя бы она была не въ здоровомъ состояніи, легко можетъ быть излѣчена. Такъ и съ душею: если она предана роскоши и удовольствіямъ, то легко склоняется на грѣхъ; она близка и къ гордости, и невоздержанію, и тщеславію, и зависти, и коварству, и клеветѣ. Не такова душа, живущая въ скорби и воздержаніи,—она далека отъ всего этого. Вотъ и нашъ городъ великъ. Откуда же происходитъ зло? Не отъ богатыхъ ли? Не отъ радующихся ли? Кто влечетъ (другихъ) въ судилища? Кто расхищаетъ имущество? Тѣ ли, которые живутъ въ бѣдности и угнетеніи, или тѣ, которые надмеваются и радуются? Отъ души, угнетенной скорбію, не можетъ произойти какое-либо зло. Павелъ знаетъ пользу отъ нея, потому говоритъ: *скорбь терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе: упованіе же не посрамитъ* (Рим. v, 3 — 5). Не будемъ же падать духомъ во время скорбей, но за все благодарить (Бога), чтобы получить великую пользу, чтобы заслужить благоволеніе отъ Бога, Который попускаетъ скорби. Великое благо—скорбь; это мы можемъ видѣть и на дѣтяхъ своихъ; ничему полезному они не могутъ научиться безъ скорби. Но мы еще болѣе, нежели они, имѣемъ нужду въ скорби. Если они цвѣтутъ тогда, когда ихъ страсти бываютъ укрощаемы, то тѣмъ болѣе (это нужно) намъ, которые подвержены столь многимъ и столь великимъ (страстямъ). Мы болѣе, нежели они, имѣемъ нужду въ пѣстунахъ, такъ какъ проступки дѣтей не могутъ быть велики, а наши бываютъ весьма велики. Нашъ пѣстунъ — скорбь. Итакъ, не навлекая ея сами на себя, когда она постигаетъ насъ, будемъ переносить ее благодушно, какъ виновницу множества благъ, чтобы намъ сподобиться благоволенія Божія и благъ, уготованныхъ любящимъ Его, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLIII.

303 **По утишеніи же молвы, призвавъ Павелъ ученики, утѣшивъ и цѣловавъ ихъ, изыде ити въ Македонію (Дѣян. xx, 1).**

1. Нужно было великое утѣшеніе послѣ такого возмущенія. Это и дѣлаетъ (Павелъ). Чтобы утѣшить учениковъ, онъ отправляется въ Македонію и потомъ въ Элладу. А какъ много онъ утѣшалъ ихъ, послушай. *Прошедъ же страны оны, и утѣшивъ ихъ словомъ многимъ, пріиде во Елладу. Поживъ же мѣсяцы три, бывшу нань на-*

вѣту отъ Іудей, хотящу отвестися въ Сирію, бысть хотѣніе возвратитися сквозѣ Македонію. Послѣдова же ему даже до Асіи Сопатръ *Берянинъ: Солуняне же, Аристархъ и Секундъ, и Гай Дервянинъ и Тимоѳей: Асіане же, Тихикъ и Трофимъ. Сіи предшедше жедаху насъ въ Троадѣ* (ст. 2—5). Опять терпитъ гоненіе отъ іудеевъ и возвращается въ Македонію. Но что это, (писатель) какъ будто называетъ Тимоѳея ѳессалоникійцемъ? Онъ не говоритъ этого. Они, говоритъ, *предшедше*, прежде него прибыли въ Троаду. *Мы же, отвезохомся по днехъ опрѣсночныхъ отъ Филиппъ, и пріидохомъ къ нимъ въ Троаду во днехъ пяти, идѣже пребыхомъ дней седмь* (ст. 6). Мнѣ кажется, что онъ старался проводить праздники въ большихъ городахъ. Отплываетъ изъ Филиппъ, гдѣ случилось событіе въ темницѣ (Дѣян. XVI, 16—32). Теперь уже въ третій разъ онъ былъ въ Македоніи; филиппійцы заслужили особенное его вниманіе; потому онъ и останавливается тамъ. *Во едину же отъ субботъ, собравшымся ученикомъ преломити хлѣбъ, Павелъ бесѣдоваше къ нимъ, хотя изыти; простре же слово до полунощи.* Посмотри, какъ они все почитали маловажнѣе проповѣди. Тогда была пятидесятница и день недѣльный, а онъ продолжаетъ поученіе до полуночи; онъ до того заботился о спасеніи учениковъ, что не умолкалъ и ночью, но тогда въ особенности и бесѣдовалъ, когда было спокойно. И смотри, какъ долго онъ бесѣдуетъ и притомъ послѣ времени вечерней трапезы. Но діаволъ возмутилъ, хотя и безуспѣшно, это празднество, погрузивъ въ сонъ одного слушателя и свергнувъ его внизъ. А какъ это случилось, (писатель) повѣствуетъ далѣе. *Бяху же свѣщы многи въ горницѣ, идѣ же бѣхомъ собрани. Сѣдя же нѣкто юноша, именемъ Евтихъ, во окнѣ, отягченъ сномъ глубокимъ, глаголющу Павлу о множе, преклонся отъ сна, паде отъ трекровника долу, и взяша его мертва. Сошедъ же Павелъ нападе нань, и объемъ его, рече: не молвите: ибо душа его въ немъ есть. Возшедъ же и преломь хлѣбъ и вкушъ, доволно бесѣдовавъ даже до зари, и тако изыде. Приведоша же отрока жива, и утѣшишася не мало* (ст. 8—12). Смотри, каково представленное здѣсь зрѣлище: ученики, говоритъ, были *собрани;* и каково знаменіе: *сѣдя*, говоритъ, *на окнѣ* и притомъ въ самую глубокую ночь. Такова (у нихъ) была ревность къ слушанію. Устыдимся же мы, которые не дѣлаемъ этого и днемъ. Но тогда, скажешь, бесѣдовалъ Павелъ. Что ты говоришь? И нынѣ бесѣдуетъ Павелъ, или лучше, и тогда, и теперь не Павелъ, а самъ Христосъ,—и никто не слушаетъ. Не на окнѣ (мы сидимъ) те- 304
перь, ни голодъ, ни сонъ, ни тѣснота и ничто подобное не безпокоитъ насъ, и не смотря на то, не слушаемъ. Достойно удивленія, какъ онъ будучи юношею былъ не лѣнивъ, чувствуя наклон-

ность ко сну не ушелъ, и видя опасность упасть не устрашился. А что онъ уснувши упалъ, не удивляйся этому; онъ уснулъ не по лѣности, а по естественной необходимости. Замѣть, какъ пламенно они были усердны: они собирались въ третьемъ этажѣ, такъ какъ церкви еще не было. *Не молвите*, говоритъ, *ибо душа его въ немъ есть.* Не сказалъ: онъ воскреснетъ, я воскрешу его,— но что? *Не молвите.* Видишь, какъ онъ былъ не тщеславенъ, какъ готовъ доставить утѣшеніе. *Возшедъ же*, говоритъ, *и преломь хлѣбъ и вкушъ.* Это прервало бесѣду, но не повредило. Видишь ли, какъ не роскошенъ ихъ ужинъ? *И вкушъ*, говоритъ, *доволно же бесѣдовавъ даже до зари, и тако изыде.* Видишь ли, какъ они бодрствовали во всю ночь? Трапезы ихъ были таковы, что и послѣ нихъ они оставались слушателями бодрыми и готовыми къ слушанію. А мы чѣмъ отличаемся отъ псовъ? Видите ли, какое различіе (между нами и ими)? *Приведоша же отрока жива, и утѣшишася не мало.* Были весьма утѣшены какъ тѣмъ, что получили живымъ отрока, такъ и тѣмъ, что было знаменіе. *Мы же пришедше въ корабль отвезохомся въ Ассонъ, оттуда хотяще поятти Павла: тако бо намъ бѣ повелѣлъ, хотя самъ пѣшъ ити. И якоже снидеся съ нами во Ассонѣ, вземше его пріидохомъ въ Митилинъ* (ст. 13, 14). Павелъ часто разлучался съ учениками. Такъ и теперь самъ идетъ сухимъ путемъ, а они отправляются на кораблѣ; легчайшее предоставляетъ имъ, а труднѣйшее избираетъ для себя; идетъ пѣшкомъ, какъ для того, чтобы многое устроить (на пути), такъ и для того, чтобы они не отстали отъ него. *И оттуда отвезшеся, во утріе пристахомъ противу Хію: въ другій же отвезохомся въ Самонъ: и пребывше въ Трогилліи, въ грядущій же день пріидохомъ въ Милитъ* (ст. 15). Смотри, какъ они поспѣшно отправляются за Павломъ, не останавливаются, но проходятъ мимо островов. *Суди бо Павелъ мимо ити Ефесъ, яко да не будетъ ему закоснѣти во Асіи: тщашебося, аще возможно будетъ, въ день пятдесятный быти во Іерусалимѣ* (ст. 16).

2. Для чего такая поспѣшность? Не для праздника, но для народа; онъ и тѣмъ хотѣлъ обратить іудеевъ, что уважалъ ихъ праздники; и враговъ хотѣлъ привлечь, а вмѣстѣ съ тѣмъ не оставлялъ и возвѣщать слово. Потому, посмотри, какая произошла польза, когда собрались всѣ. Чтобы въ то же время не оставить неустроенными дѣлъ въ Ефесѣ, онъ распорядился инымъ образомъ. Но обратимся къ вышесказанному. *И цѣловавъ ученики*, говоритъ (писатель), *изыде ити въ Македонію, и утѣшивъ ихъ словомъ многимъ, пріиде во Елладу.* И здѣсь опять преподалъ назиданіе, доставивъ великое утѣшеніе. Смотри, какъ онъ вездѣ дѣйствуетъ словомъ. а не знаменіями. *Хотящу*, говоритъ, *отвезтися*

въ Сирію. Часто (писатель) представляетъ намъ его отправляющимся въ Сирію. Причиною были тамошняя церковь и Іерусалимъ: такъ сильно онъ желалъ устроить все и тамъ. Троада была небольшой городъ; почему же они проводятъ въ немъ семь дней? Вѣроятно, онъ былъ великъ по числу вѣрующихъ. Пробывши 305
семь дней, ночь на слѣдующій день (Павелъ) посвятилъ на поученіе: такъ тяжело было разлучиться ему съ ними и имъ съ нимъ! *Собравшымся же*, говоритъ, намъ *преломити хлѣбъ*. Въ то время, когда нужно было принимать пищу, (а было еще не поздно), онъ началъ говорить и долго продолжалъ поученіе. Такимъ образомъ, хотя они собрались собственно не для поученія, а для преломленія хлѣба, но онъ началъ рѣчь и продолжалъ ее. Смотри, какъ всѣ участвовали въ трапезѣ Павловой. Мнѣ кажется, что онъ, и сидя за столомъ, занимался бесѣдою, научая насъ почитать все прочее маловажнымъ. Представьте этотъ домъ, гдѣ были свѣчи и множество народа, а Павелъ посреди всѣхъ говорилъ рѣчь, гдѣ многіе заняли самыя окна, чтобы слышать эту трубу и видѣть это благолѣпное лице. Каковы должны быть поучаемые, и какое они получали удовольствіе? Но почему онъ бесѣдовалъ ночью? Потому, что ему предстояло отправиться и уже болѣе не видѣть ихъ. Впрочемъ онъ не говорилъ этого имъ, какъ болѣе слабымъ, а другимъ сказалъ. Притомъ совершившееся знаменіе сдѣлало для нихъ этотъ вечеръ навсегда памятнымъ. Велико было удовольствіе слушателей, если и будучи прервано оно потомъ опять продолжалось, такъ что этотъ случай послужилъ къ чести учителя. Съ другой стороны отрокъ, умершій изъ желанія слушать Павла, долженъ былъ послужить упрекомъ для всѣхъ нерадивыхъ. Для чего, скажешь, (писатель) излагаетъ подробно. куда они прибыли и откуда отправились, гдѣ (Павелъ) останавливался и какія мѣста проходилъ мимо? Чтобы показать, что онъ шелъ довольно медленно и проходилъ (нѣкоторыя мѣста) по человѣческому соображенію. *Суди бо Павелъ мимо ити Ефесъ, яко да не будетъ ему закоснѣти во Асіи.* И хорошо: прибывши туда, онъ не могъ бы не замедлить, потому что не захотѣлъ бы огорчить (учениковъ), которые стали бы просить его остаться. Или по этой причинѣ, или потому, что спѣшилъ: *тщашебося*, говоритъ (писатель), *аще возможно будетъ, въ день пятдесятный быти во Іерусалимѣ*; слѣдовательно и поэтому онъ не могъ оставаться (въ Ефесѣ). Смотри, какъ и онъ руководится человѣческими соображеніями, и желаетъ, и спѣшитъ, и часто не получаетъ желаемаго. Это для того, чтобы мы не подумали, будто онъ былъ выше человѣческой природы. Святые и великіе мужи имѣли одну и ту же съ нами природу, но не одинаковое произволеніе;

потому они и сподоблялись великой благодати. Смотри, какъ многое они дѣлали и сами собою. Потому онъ и говорилъ: *да не дамы претыканіе хотящимъ,* и еще: *да служеніе безпорочно будетъ* (2 Кор. VI, 3). Вотъ и безпорочная жизнь, и великое снисхожденіе. Это и называется благоустроеніемъ (себя), чтобы стоять на высшей степени высокой добродѣтели и смиренномудраго снисхожденія. Послушай, какъ тотъ, кто стоялъ выше заповѣдей Христовыхъ, былъ и смиреннѣе всѣхъ. *Всѣмъ быхъ вся,* говоритъ онъ, *да всѣхъ пріобрящу* (1 Кор. IX, 22). Онъ самъ подвергалъ себя опасностямъ, какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *въ терпѣніи мнозѣ, въ скорбехъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ* (2 Кор. VI, 4, 5). Велика была любовь его ко Христу. Если бы ея не было, то все было бы напрасно—и распорядительность, и безпорочная жизнь, и преодолѣніе опасностей. *Кто изнемогаетъ,* говоритъ онъ, *и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)?

306 3. Будемъ и мы, увѣщеваю васъ, подражать этимъ словамъ и подвергать себя опасностямъ за нашихъ братій. Предстоитъ ли огонь, или мечъ,—бросься на нихъ, возлюбленный, чтобы спасти твоего сочлена; бросься, не бойся. Ты ученикъ Христа, положившаго душу Свою за братій,—соученикъ Павла, восхотѣвшаго потерпѣть тысячу бѣдствій за своихъ враговъ и гонителей; исполнись ревности, подражай Моисею. Онъ увидѣлъ обижаемаго и отомстилъ, презрѣлъ царскую роскошь, для угнетенныхъ сдѣлался бѣглецомъ и скитальцемъ, лишился родныхъ и своего дома, провелъ столько времени въ чужой странѣ, и не упрекалъ себя, не говорилъ: что это?—я пренебрегъ царство, такую честь и славу; рѣшился отомстить за угнетаемыхъ, а Богъ не призрѣлъ на это и не только не возвратилъ меня къ прежней чести, но сорокъ лѣтъ я проживаю въ странѣ чуждой. И было бы правильно,—потому что не получилъ награды. Но ничего такого онъ не сказалъ и не подумалъ. Такъ и ты, когда, дѣлая добро, потерпишь какое-нибудь зло, хотя бы на долгое время, не соблазняйся и не смущайся; тебѣ непремѣнно воздастъ Богъ. Чѣмъ долѣе медлитъ это воздаяніе, тѣмъ большее будетъ приращеніе. Итакъ будемъ имѣть душу сострадательную, будемъ имѣть сердце способное сочувствовать страждущимъ; не будемъ жестокими и безчеловѣчными. Хотя бы ты не могъ оказать никакой помощи,—плачь, скорби, сѣтуй о случившемся,—и это не останется безполезнымъ для тебя. Если мы должны сострадать тѣмъ, которые праведно наказываются Богомъ, то тѣмъ болѣе тѣмъ, которые несправедливо терпятъ отъ людей. Не изыдоша, говоритъ (пророкъ), во Энанъ *плакатися дому сущаго близъ ея:* пріимутъ скорбь за еже

сградиша *на посмѣяніе* (Мих. 1, 10, 11) [1]). Іезекіиль упрекаетъ въ томъ, что они не были сострадательны. Что говоришь ты, пророкъ? Богъ наказываетъ, а я долженъ сострадать наказываемымъ? Да; этого желаетъ наказывающій; Онъ и самъ не радуется, когда наказываетъ, но также весьма скорбитъ. Если же и самъ наказывающій не радуется, то не радуйся и ты. Но, скажешь, когда наказываются справедливо, то конечно не должно скорбѣть? Должно скорбѣть о томъ, что они сдѣлались достойными наказанія. Скажи мнѣ: когда ты видишь, какъ сыну твоему дѣлаютъ прижиганіе или отсѣченіе, неужели ты не скорбишь? Конечно скорбишь и не говоришь самъ себѣ: что это?—отсѣченіе послужитъ къ излѣченію, прижиганіе къ выздоровленію; но, услышавъ его рыданія отъ нестерпимой боли, ты скорбишь, и надежда на выздоровленіе не можетъ преодолѣть естественнаго состраданія. Такъ и здѣсь, хотя бы наказывались для исправленія, мы должны оказывать имъ братское расположеніе и отеческую любовь. Наказанія Божіи—это какъ бы отсѣченія и прижиганія; но потому мы и должны плакать, что они заболѣли, что имѣютъ нужду въ такомъ врачеваніи. Когда кто страдаетъ для вѣнцовъ, тогда не скорби, какъ напр. Павелъ или Петръ; но когда кто терпитъ достойное наказаніе, тогда плачь, тогда скорби. Такъ поступали и пророки. Потому одинъ изъ нихъ и сказалъ: *о, лютѣ мнѣ, Господи, еда потребляеши ты останки Израилевы* (Іезек. IX, 8)! Мы часто видимъ наказываемыхъ убійцъ и другихъ преступниковъ, и сожалѣемъ и скорбимъ. Не будемъ разсудительны чрезъ мѣру; но будемъ милостивы, чтобы и намъ быть помилованными. Ничто не можетъ сравниться съ этимъ благомъ, ничто такъ не выражаетъ нашихъ человѣческихъ свойствъ, какъ милосердіе, какъ 307
человѣколюбіе. Потому и законы предоставляютъ всякое (наказаніе) палачамъ, обязывая судію только произнести приговоръ къ наказанію, а самое исполненіе возлагая на нихъ. Такъ, хотя бы наказаніе было справедливо, наказывать не свойственно душѣ любомудрой, но для этого требуется кто-нибудь другой. Потому и Богъ наказываетъ не самъ, но чрезъ ангеловъ. Слѣдовательно ангелы—палачи? Да не будетъ!—я не говорю этого; но они—силы, служащія и для исполненія наказанія. Когда былъ разрушаемъ Содомъ, все совершено чрезъ ангеловъ; когда Египетъ,—чрезъ нихъ же. *Посланіе*, говоритъ (псалмопѣвецъ), *ангелы лютыми* (Пс. LXXVII, 49). Но когда нужно было спасти, тогда дѣйствуетъ Онъ самъ; такъ Онъ послалъ Сына Своего для спасенія рода. И

---

[1]) Чтеніе этого мѣста у св. І. Златоуста весьма значительно отличается отъ чтенія въ церковно-славянскомъ.

опять: *тогда*, говоритъ, скажу ангеламъ: соберите *творящихъ беззаконіе, и* ввергните *въ пещь* (ср. Мѳ. xiii, 41, 42). А касательно праведниковъ не такъ, но: *иже васъ пріемлетъ, мене пріемлетъ* (Мѳ. x, 40). И еще: *связавше ему*, говоритъ, *руцѣ и нозѣ, ввергзите во тму кромѣшнюю* (Мѳ. xxii, 13). Смотри, здѣсь дѣйствуютъ слуги.
308 А когда нужно наградить, самъ награждаетъ, самъ говоритъ: *пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Мѳ. xxv, 34). Когда нужно было бесѣдовать съ Авраамомъ, то приходитъ самъ; а когда—идти въ Содомъ, то посылаетъ служителей, подобно тому, какъ судія поставляетъ исполнителей казни. И еще: *добрѣ*, говоритъ, *рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю.* Этого восхваляетъ самъ, а раба лукаваго не самъ, но слуги связываютъ (Мѳ. xxv, 21—30). Зная это, не будемъ радоваться о тѣхъ, кого постигаютъ наказанія; но будемъ жалѣть ихъ, будемъ скорбѣть, будемъ плакать о нихъ, чтобы и за это получить намъ воздаяніе Нынѣ многіе радуются даже о тѣхъ, которые терпятъ зло несправедливо. Но мы не будемъ такъ поступать; напротивъ будемъ оказывать имъ всякое состраданіе, чтобы и намъ сподобиться человѣколюбія Божія, благодатію и человѣколюбіемъ Единороднаго Его, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLIV.

307 Отъ Милита же пославъ во Ефесъ, призва пресвитеры церковныя. И якоже пріидоша къ нему, рече къ нимъ: вы вѣсте, яко отъ перваго дне, отнелиже пріидохъ во Асію, како съ вами все время быхъ, работая Господеви съ вами со всякимъ смиренномудріемъ, и многими слезами и напастьми, прилучившимися мнѣ отъ Іудейскихъ навѣтъ, яко ни въ чесомъ отъ полезныхъ обинухся, еже сказати вамъ и научити васъ предъ людми и по домомъ, засвидѣтельствуя Іудеемъ же и Еллиномъ еже къ Богу покаяніе, и вѣру, яже въ Господа нашего Іисуса Христа (Дѣян. xx, 11—27).

1. Смотри, какъ (Павелъ) спѣшитъ отправиться и вмѣстѣ не оставляетъ ничего безъ вниманія, но благоустрояетъ все. Онъ призвалъ къ себѣ предстоятелей (Церкви) и излагаетъ предъ ними вышесказанное. Достойно удивленія, какъ онъ, будучи поставленъ въ необходимость сказать о себѣ что-либо великое, старается сохранить смиреніе. Подобно этому Самуилъ, намѣрс-

ваясь передать власть Саулу, говорилъ предъ іудеями: *еда что
взяхъ отъ васъ? Свидѣтели вы и Богъ* (1 Цар. XII, 5); и Давидъ,
когда ему не довѣряли, говорилъ: на пастбищѣ я пасъ овецъ
отца своего и *егда прихождаше медвѣдица*, руками своими *пора-
жахъ ю* (1 Цар. XVII, 35); и самъ Павелъ въ посланіи къ Корин-
ѳянамъ говоритъ: *быхъ несмысленъ: вы мя понудисте* (2 Кор.
XII, 11). Также поступаетъ и Богъ; не безъ причины говоритъ о
самомъ Себѣ, но когда не вѣруютъ Ему, тогда и исчисляетъ
свои благодѣянія (Іезек. XVI, 6). Смотри, что и здѣсь дѣлаетъ
(Павелъ): во-первыхъ, онъ ссылается на ихъ свидѣтельство, чтобы
ты не подумалъ, что онъ хвалитъ самъ себя, называетъ слуша-
телей свидѣтелями сказаннаго, въ удостовѣреніе того, что онъ
не лжетъ предъ ними. Вотъ доблесть учителя,—когда онъ можетъ
представить учениковъ свидѣтелями добрыхъ дѣлъ своихъ! И
то удивительно, что онъ провелъ въ такихъ дѣлахъ не одинъ
день и не два, но много лѣтъ. *Вы вѣсте*, говоритъ, *како съ вами
все время быхъ*. Хочетъ убѣдить ихъ, чтобы они мужественно пе-
реносили все, и разлученіе съ нимъ и предстоящія опасности,
подобно какъ было при Моисеѣ и Іисусѣ (Навинѣ). И смотри,
что онъ далѣе прибавляетъ. *Како съ вами все время быхъ, работая* 308
Господеви, со всякимъ смиренномудріемъ. Смотри, что особенно
свойственно начальствующимъ, именно: ненавидѣть гордость; это
особенно нужно начальствующимъ, потому что самыя обстоятель-
ства располагаютъ предаваться гордости. Это есть основаніе до-
браго, какъ и Христосъ говоритъ: *блажени нищіи духомъ* (Мѳ.
V, 3). Сказалъ не просто: *со смиренномудріемъ*, но: *со всякимъ*.
Вѣдь есть много видовъ смиренномудрія; смиренномудріе можно
видѣть въ словѣ и въ дѣлѣ, въ отношеніи къ начальникамъ и
въ отношеніи къ подчиненнымъ. Хотите ли, я представлю вамъ
образцы смиренномудрія? Иные бываютъ смиренны со смирен-
ными и надменны съ надменными; это—не смиренномудріе. Дру-
гіе бываютъ не таковы, но относительно каждаго лица въ разное
время наблюдаютъ и смиреніе и важность; это преимущественно
и есть смиренномудріе. Желая научить ихъ этому, онъ напередъ
полагаетъ основаніе для устраненія подозрѣнія, чтобы не поду-
мали, что онъ гордится. Если, говоритъ, я жилъ *со всякимъ сми-
ренномудріемъ*, то не по гордости говорю то, что говорю. Вмѣстѣ
съ тѣмъ (выражаетъ) кротость свою: *съ вами*, говоритъ, *быхъ, ра-
ботая Господеви*, представляя ихъ сообщниками своими въ этомъ
добромъ дѣлѣ. Такъ, общеніе всегда есть благо. Представляетъ
добрыя дѣла свои общими и не приписываетъ себѣ никакого
преимущества. Неужели же, скажешь, онъ могъ гордиться предъ
Богомъ? Есть много людей, которые гордятся и предъ Нимъ; но

онъ не гордился даже и предъ учениками своими. Вотъ достоинство учителя: назидать учениковъ собственными добродѣлями! Далѣе говоритъ о своемъ мужествѣ, но также смиренно: *со многими слезами и напастьми, прилучившимися мнѣ отъ Іудейскихъ навѣтъ*. Видишь ли, какъ онъ скорбитъ о случившемся? Здѣсь онъ повидимому выражаетъ свое состраданіе; онъ страдалъ за погибающихъ, за самихъ виновниковъ (напастей), а о случившемся съ нимъ самимъ радовался; онъ былъ изъ лика тѣхъ, которые радовались, *яко за имя Господа Іисуса сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. v. 41). И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *нынѣ радуюся во страданіихъ моихъ о васъ* (Кол. 1, 24); и еще: *еже бо нынѣ легкое печали нашея, по преумноженію въ преспѣяніе*
309 *тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ* (2 Кор. IV, 17). Это говорилъ по смиренію; а здѣсь показываетъ свое мужество, и не столько мужество, сколько терпѣніе, и какъ бы такъ говоритъ: я тяжко страдалъ, но съ вами, и, что особенно тяжело, отъ іудеевъ. Замѣть, какія здѣсь онъ означаетъ свойства учительства: любовь и мужество. *Яко ни въ чесомъ*, говоритъ, *обинухся*. Этимъ выражаетъ, какъ онъ былъ чуждъ зависти и лѣности. *Отъ полезныхъ*. Хорошо и это сказано, иному вѣдь и не слѣдовало учиться. Какъ скрывать что-нибудь есть признакъ зависти, такъ и говорить все есть знакъ безумія. Потому и присовокупилъ: *отъ полезныхъ*, и изъяснилъ, что онъ не говорилъ только, но и *научалъ*,—я, говоритъ, дѣлалъ это не небрежно. А что здѣсь именно такой смыслъ, послушай далѣе; далѣе онъ говоритъ: *предъ людми и по домомъ*, и этимъ выражаетъ свое продолжительное стараніе, великое усердіе и неутомимость. *Засвидѣтельствуя Іудеемъ же и Еллиномъ*. Не вамъ только, говоритъ, но и эллинамъ. Здѣсь (показываетъ) свое дерзновеніе и то, что мы должны говорить, хотя бы и не видѣли никакой пользы; это и значитъ свидѣтельствовать, если мы говоримъ предъ людьми, не внимающими намъ; слово: *свидѣтельствовать* по большой части имѣетъ такой смыслъ. *Засвидѣтельствую*, говоритъ Моисей, *небесемъ и землею* (Втор. IV, 26). Такъ и здѣсь: *засвидѣтельствуя*, говоритъ, *Іудеемъ же и Еллиномъ еже къ Богу покаяніе*.

2. Что ты свидѣтельствовалъ? Чтобы имѣли попеченіе о жизни, чтобы покаялись и пришли къ Богу. И іудеи не знали Его, потому что не знали Сына и не имѣли (добрыхъ) дѣлъ и вѣры въ Господа Іисуса. Для чего же ты говоришь это? Для чего напоминаешь объ этомъ? Не случилось ли чего-нибудь? Не находишь ли нужнымъ—въ чемъ-нибудь упрекнуть ихъ? Тронувъ напередъ умъ ихъ, онъ потомъ продолжаетъ: *и нынѣ се азъ связанъ Духомъ гряду во Іерусалимъ, яже въ немъ хотящая приклю-*

чтится мнѣ не вѣдый: точію яко Духъ Святый по вся грады свидѣтельствуетъ, глаголя, яко узы мене и скорби ждутъ. Но ни едино же попеченіе творю, ниже имамъ душу мою честну себѣ, развѣ еже скончати теченіе мое съ радостію, и службу юже пріяхъ отъ Господа Іисуса, засвидѣтельствовати евангеліе благодати Божія (ст. 22—24). Для чего онъ говоритъ это? Для того, чтобы научить ихъ быть готовыми на опасности, и явныя и тайныя, и во всемъ повиноваться Духу. Также изъясняетъ, что его ожидаетъ нѣчто великое. *Точію*, говоритъ, *яко Духъ Святый по вся грады свидѣтельствуетъ, глаголя*. Чтобы показать, что онъ отправляется добровольно, и чтобы ты не думалъ объ узахъ или необходимости, говоритъ: *по грады*. Потомъ присовокупляетъ: *ниже имамъ душу мою честну себѣ, развѣ еже скончати теченіе мое съ радостію, и службу юже пріяхъ отъ Господа Іисуса*. Видишь ли, что это слова не плачущаго, но смиренно разсуждающаго, поучающаго другихъ и состраждущаго случившемуся? Не сказалъ: мы скорбимъ, а нужно терпѣть, но: я и не думаю о томъ. Этими словами опять онъ не превозноситъ себя самого, а научаетъ ихъ, какъ прежде смиренномудрію, такъ теперь мужеству, дерзновенію, и какъ бы такъ говоритъ: я не предпочитаю первое послѣднему, но болѣе всего думаю о томъ, чтобы *скончати теченіе, засвидѣтельствовати*. Не сказалъ: проповѣдать или научить, но: *засвидѣтельствовати евангеліе благодати Божія*. Далѣе намѣревается сказать нѣчто бо- 310
лѣе поразительное, именно: *яко чистъ азъ отъ крове всѣхъ;* потому предуготовляетъ ихъ и показываетъ, что болѣе ничего не остается. Намѣреваясь возложить на нихъ все бремя и всю ношу, онъ напередъ трогаетъ ихъ душу словами: *и нынѣ се азъ вѣмъ, яко ктому не узрите лица моего* (ст. 25), и потомъ произноситъ: *чистъ азъ отъ крове всѣхъ* (ст. 26). Сугубая скорбь оттого, что *лица его* они уже не увидятъ, и оттого, что они *вси* (не увидятъ): *яко ктому*, говоритъ, *не узрите лица моего вы вси, въ нихже проидохъ проповѣдуя царствіе*. Потому я не напрасно свидѣтельствую предъ вами, какъ уже навсегда отсутствующій. *Яко чистъ азъ отъ крове всѣхъ. Не обинухся бо сказати вамъ всю волю Божію* (ст. 27). Видишь ли, какъ онъ устрашаетъ и поражаетъ удрученныя скорбію души ихъ? И хорошо, потому что это было необходимо. *Не обинухся бо*, говоритъ, *сказати вамъ всю волю Божію*. Слѣдовательно не возвѣщающій виновенъ въ крови, т. е. въ убійствѣ. Ничего не можетъ быть ужаснѣе этого. Онъ показываетъ, что и они, если не дѣлаютъ этого, то виновны въ крови. Повидимому онъ защищаетъ себя, но вмѣстѣ и устрашаетъ ихъ. *Внимайте убо себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави епископы пасти Церковь Бога, юже стяжа кровію своею* (ст. 28). Ви-

лишь ли, что Онъ даетъ двѣ заповѣди? Безполезно какъ исправлять только другихъ,—боюсь, говоритъ онъ же, *да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимь буду* (1 Кор. ix, 27),—такъ и заботиться только о самомъ себѣ. Послѣднее свойственно самолюбцу, который ищетъ только полезнаго для него самого и подобенъ человѣку, закопавшему талантъ въ землю. Говоритъ объ этомъ (Павелъ) не потому, будто наше спасеніе важнѣе (спасенія) стада, но потому что, когда мы *внимаемъ себѣ*, тогда получаетъ пользу и стадо. *Въ немже васъ Духъ Святый постави епископы пасти Церковь Бога.* Смотри, сколько побужденій. Вы, говоритъ, получили рукоположеніе отъ Духа; это означаетъ слово: *постави*. Вотъ первое побужденіе. Потомъ: *пасти Церковь Бога*: вотъ второе. А третье заключается въ томъ, что̀ говоритъ далѣе: *юже стяжа кровію своею.* Много убѣжденія въ словахъ, которыя показываютъ драгоцѣнность предмета, и не малой мы подвергаемся опасности, если Господь для Церкви не пощадилъ собственной крови, а мы не имѣемъ никакого попеченія о спасеніи братій. Онъ пролилъ кровь Свою, чтобы примирить враговъ; а ты не можешь поддерживать любовь даже съ друзьями? *Азъ бо вѣмъ сіе, яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящіи стада* (ст. 29). Представляетъ имъ новое побужденіе, указывая на будущее, подобно какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти* (Еф. vi, 12). *Яко внидутъ*, говоритъ, *по отшествіи моемъ волцы тяжцы въ васъ.* Двоякое бѣдствіе: и его не будетъ, и другіе станутъ нападать. Для чего же ты отходишь, если предвидишь это? Духъ, говоритъ, влечетъ меня.

8. Смотри, не просто сказалъ: *волцы*, но прибавилъ: *тяжцы*, желая выразить ихъ силу и свирѣпость; а что всего тяжелѣе, эти волки, говоритъ, *отъ васъ самѣхъ востанутъ*: это особенно тяжко, когда бываетъ междоусобная брань. Хорошо сказалъ: *внимайте*, показавъ этимъ, что предметъ заслуживаетъ особеннаго
311 вниманія, — это именно Церковь, — что угрожаетъ великая опасность,—такъ какъ (Господь) искупилъ ее кровію,—и что брань будетъ великая и сугубая. Это онъ выразилъ словами: *и отъ васъ самѣхъ востанутъ мужіе глаголющіи развращенная, еже отторгати ученики въ слѣдъ себѣ* (ст. 30). Далѣе, послѣ того, какъ устрашилъ ихъ словами: *волцы тяжцы* и: *отъ васъ самѣхъ востанутъ глаголющіи развращенная,* какъ бы отвѣчая на чей-нибудь вопросъ: что же будетъ, кто станетъ охранять насъ?—говоритъ: *сего ради бдите, поминающе, яко три лѣта нощь и день не престаяхъ уча со слезами единаго когождо* (ст. 31). Смотри, какъ чрезвычайны были дѣла его: *со слезами, нощь и день, единаго когождо.* Онъ не тогда только оказывалъ попеченіе, когда видѣлъ многихъ, но не остав-

лялъ дѣлать все это и для одной души. Такимъ образомъ онъ и соединилъ ихъ. А самыя слова означаютъ слѣдующее: довольно сдѣлано съ моей стороны; я три года оставался (съ здѣшними вѣрующими), довольно они утверждены, довольно укоренены. *Со слезами,* говоритъ. Видишь ли, что для этого (онъ проливалъ) слезы? Такъ будемъ поступать и мы. Если нечестивый не скорбитъ, скорби ты: тогда, можетъ быть, станетъ скорбѣть и онъ. Подобно какъ больной, когда видитъ врача принимающимъ пищу, чувствуетъ и самъ расположеніе къ тому же, такъ будетъ и здѣсь: если онъ увидитъ тебя плачущимъ, то смягчится, сдѣлается человѣкомъ добрымъ и кроткимъ. *Не вѣдый,* говоритъ, *хотящая приключитися мнѣ.* Что? Не потому ли ты и отходишь? Нѣтъ; напротивъ, я очень знаю, *яко узы мене и скорби ждутъ.* Я знаю, что меня ожидаютъ искушенія, но какія, не знаю; а это еще тяжелѣе. Впрочемъ не подумайте, что я, говоря это, сокрушаюсь: я не *имамъ душу мою честну себѣ.* Говоритъ это для того, чтобы ободрить ихъ умъ и научить не только не убѣгать (отъ опасностей), но и мужественно переносить ихъ. Потому и называетъ дѣло свое *теченіемъ* и *службою,* теченіемъ означая блескъ его, а службою—обязанность. Я служитель, говоритъ, и ничего болѣе. Утѣшивъ ихъ, чтобы они не скорбѣли о страданіяхъ его, сказавъ, что онъ переноситъ ихъ *съ радостію,* и показавъ (происходящіе отъ того) плоды, онъ потомъ и высказываетъ мысль прискорбную. Дѣлаетъ это для того, чтобы не слишкомъ отягчить умъ ихъ. Какая же это мысль? Слѣдующая: *и отъ васъ самѣхъ востанутъ мужіе глаголющіи развращеная.* Какъ, скажетъ кто-нибудь,—ты думаешь о себѣ такъ много, что если отойдешь, то и мы лишимся жизни? Нѣтъ, говоритъ, не то я говорю, чтобы мое отсутствіе имѣло такія послѣдствія,—но что? *Яко въ васъ востанутъ* нѣкоторые. Не сказалъ: по причинѣ отшествія моего, но: *по отшествіи моемъ,* т. е. послѣ отправленія, какъ это уже и случалось; если же случалось доселѣ, то тѣмъ болѣе случится послѣ. Далѣе (показывается) цѣль: *еже отторгати ученики въ слѣдъ себѣ.* Такъ, ереси бываютъ не для чего иного, какъ для этого. Вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшеніе: *юже стяжа,* говоритъ, *кровію своею.* Если Онъ пріобрѣлъ ее кровію своею, то, конечно, защититъ ее. *Нощь и день,* говоритъ, *не престаяхъ уча со слезами.* Это справедливо можно было бы сказать и намъ. Слова его повидимому относятся собственно къ учителямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они относятся и къ ученикамъ. Для чего я говорю, увѣщеваю, плачу день и ночь, если ученикъ не слушаетъ? Потому, чтобы кто не подумалъ въ свое оправданіе, что достаточно только быть ученикомъ, хотя и безъ послушанія, (Павелъ) сказавши: *свидѣ-*

тельствую, присовокупилъ: *не обинухся бо сказати вамъ.* Дѣло
312 учителя—только возвѣщать, проповѣдывать, научать, не умолкать, увѣщевать день и ночь; если же при всемъ этомъ не будетъ никакого успѣха, то сами знаете, что слѣдуетъ. Тогда будетъ другое оправданіе: *яко чистъ азъ отъ крове всѣхъ.* Не думайте, что это сказано только въ отношеніи къ намъ; эти слова относятся и къ вамъ, чтобы вы были внимательны къ тому, что говорится, чтобы не уклонялись отъ слушанія.

Что мнѣ дѣлать? Вотъ я каждый день, сколько есть у меня силы, взываю: отстаньте отъ зрѣлищъ,—а многіе смѣются надъ нами; отстаньте отъ клятвы, отъ любостяжанія, и множество мы предлагаемъ увѣщаній,—и никто не слушаетъ. Но я не бесѣдую ночью? Желалъ бы я дѣлать это и ночью и при вашихъ трапезахъ, если бы было возможно раздѣлиться мнѣ на тысячи частей, придти къ вамъ и бесѣдовать; но если и теперь, когда мы призываемъ васъ однажды въ недѣлю, вы лѣнитесь, и одни вовсе не приходите, а другіе пришедши отходите, не получивъ никакой пользы, то чего вы не сдѣлали бы, если бы мы совершали это постоянно? Что же намъ дѣлать? Многіе, я знаю, даже поносятъ насъ за то, что мы всегда говоримъ объ одномъ и томъ же: такъ мы надоѣли имъ! Но виною этому не мы [1]), а сами слушатели. Кто исправился, тотъ радуется, слыша одно и тоже,—потому что слышитъ какъ бы похвалы себѣ; а кто не хочетъ исправиться, тотъ тяготится и, услышавъ о чемъ-нибудь только дважды, воображаетъ, что слышитъ это много разъ. *Чистъ азъ,* говоритъ, *отъ крове всѣхъ.*

4. Это сказать прилично было Павлу; а мы не смѣемъ сказать этого, сознавая за собою многое. Ему, который постоянно бодрствовалъ и дѣйствовалъ, который терпѣлъ все для спасенія поучаемыхъ, прилично было сказать это; а мы скажемъ слова Моисея: разгнѣвался *Господь* на меня *васъ ради,* потому что вы вводите и насъ въ грѣхи многіе (Втор. ш, 26). Когда мы съ прискорбіемъ видимъ, что вы не дѣлаете успѣховъ, то не ослабѣваемъ ли и мы въ своихъ силахъ? Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, есть ли какой-нибудь успѣхъ? Вотъ и мы, по благодати Божіей, провели уже три года, не поучая *нощь и день,* но часто дѣлая это въ теченіе трехъ и даже семи дней. А что сдѣлано? Мы увѣщеваемъ, обличаемъ, плачемъ, скорбимъ, если не явно, то въ сердцѣ. Тѣ (явныя) слезы гораздо легче этихъ; тѣ приносятъ сѣтующимъ нѣкоторое утѣшеніе, а эти усиливаютъ (скорбь) и стѣ-

---

[1]) Въ греческомъ подлинникѣ стоитъ ὑμεῖς-вы, хотя контекстъ рѣчи располагаетъ здѣсь читать ἡμεῖς-мы.

сияютъ сердце. Такъ, когда кто-нибудь страдаетъ и не можетъ обнаружить своей скорби, чтобы не показаться тщеславнымъ, то онъ страдаетъ гораздо больше, нежели когда бы обнаружилъ ее. Если бы никто не сталъ подозрѣвать меня въ излишнемъ честолюбіи, то вы увидѣли бы меня каждый день источающимъ потоки слезъ; ихъ знаетъ моя хижина и мое уединеніе. Повѣрьте мнѣ, я забываю о собственномъ спасеніи, заботясь о вашемъ, и не имѣю времени оплакивать свои грѣхи. Такъ вы для меня— все. Когда вижу, что вы преуспѣваете въ добродѣтеляхъ, то не чувствую собственныхъ бѣдъ отъ радости; а когда вижу, что вы не преуспѣваете, то отъ скорби опять занимаюсь своимъ: такъ я радуюсь вашему благу, хотя бы самъ терпѣлъ множество бѣдъ, и скорблю о вашихъ недостаткахъ, хотя бы самъ имѣлъ множежество совершенствъ. Какая надежда учителю, если его паства предана порокамъ? Какая жизнь? Какое утѣшеніе? Съ какимъ дерзновеніемъ онъ предстанетъ предъ Богомъ? Что скажетъ? Положимъ, что онъ не заслуживаетъ осужденія и не подлежитъ наказанію, но *чистъ отъ крове всѣхъ*,—и тогда онъ будетъ терпѣть неисцѣльную скорбь; вѣдь и отцы, даже когда не подвергаются осужденію за своихъ дѣтей, и тогда скорбятъ и страдаютъ.

Неужели, скажете, имъ (учителямъ) не приноситъ пользы и 313
не помогаетъ то, что они *бдятъ о душахъ нашихъ*? Но они *бдятъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). Нѣкоторымъ это кажется страшнымъ; но мнѣ до того нѣтъ никакой заботы послѣ вашей погибели. Дамъ ли я отчетъ или не дамъ, мнѣ нѣтъ никакой пользы. Дай Богъ, чтобы вы спаслись, хотя бы мнѣ пришлось дать отвѣтъ за васъ, чтобы вы спаслись, хотя бы я былъ осужденъ, какъ не исполнившій своихъ обязанностей. Я не о томъ забочусь, чтобы вы спаслись чрезъ меня, но чтобы только спаслись чрезъ кого бы то ни было. Знаете ли муки духовнаго рожденія, какъ испытывающій это рожденіе желалъ бы лучше расторгнуться на тысячу частей, нежели видѣть хотя одного изъ рожденныхъ погибающимъ и развращеннымъ? Чѣмъ же мы будемъ вразумлять васъ? Не инымъ чѣмъ-нибудь, но тѣмъ, что будемъ излагать все, что касается васъ. И мы можемъ сказать, что мы не опустили ничего съ нашей стороны, и однако мы скорбимъ; а что скорбимъ, видно изъ того, что употребляемъ столько мѣръ и столько усилій. Хотя я могъ бы сказать и вамъ: какая мнѣ забота?—я сдѣлалъ свое дѣло: *азъ чистъ есмь отъ крове*, но это недостаточно для утѣшенія. Если бы можно было исторгнуть и показать мое сердце, то вы увидѣли бы, какъ не тѣсно помѣщаетесь въ немъ всѣ вы—и жены, и дѣти, и мужи. Такова сила любви: она дѣлаетъ душу пространнѣе неба. *Вмѣстите ны*, го-

ворилъ Павелъ, *ни единаго обидѣхомъ, не тѣсно вмѣщаетеся въ*
314 *насъ* (2 Кор. VI, 12; VII, 2). Тоже скажемъ теперь и мы: *вмѣстите ны.* Весь Коринѳъ онъ вмѣщалъ въ своемъ сердцѣ и говорилъ: *распространитеся и вы: не тѣсно вмѣщаетеся* (2 Кор. VI, 12, 13). Но я не скажу этого, такъ какъ хорошо знаю, что и вы любите насъ и вмѣщаете (въ своемъ сердцѣ). Но что пользы отъ моей любви и отъ вашей, если по отношенію къ Богу мы не оказываемъ успѣховъ? Она послужитъ только къ большему огорченію, подастъ поводъ къ тягчайшей скорби. Отнюдь не думаю упрекать васъ; напротивъ *свидѣтельствую вамъ, яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертѣвше дали бысте ми* (Гал. IV, 15); и мы съ своей стороны не только евангеліе, но и душу свою отдали бы вамъ. Вы любите насъ и мы любимъ васъ; но не въ этомъ дѣло. Возлюбимъ прежде всего Христа; *первая заповѣдь: возлюбиши Господа Бога твоего; вторая же подобна ей: и ближняго своего, яко самъ себе* (Мѳ. XXII, 37—39; Мрк. XII, 30). Второе есть у насъ; перваго недостаетъ у насъ; первое крайне нужно и мнѣ и вамъ. Мы исполняемъ и первую (заповѣдь), но не такъ, какъ должно. Будемъ же любить Его; вы знаете, какая награда ожидаетъ любящихъ Христа; возлюбимъ Его со всею горячностію души, чтобы, заслуживъ благоволеніе Его, мы могли избѣгнуть напастей настоящей жизни и сподобиться благъ, обѣтованныхъ любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ Единороднаго Сына Его, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLV.

313 **И нынѣ предаю васъ, братіе, Богови и слову благодати его, могущему наздати и дати вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ (Дѣян. XX, 32).**

1. Какъ въ посланіяхъ, такъ же поступаетъ (Павелъ) и въ бесѣдахъ: оканчиваетъ увѣщаніе молитвою. Онъ привелъ слушателей въ великій страхъ словами: *яко внидутъ волцы тяжцы въ васъ* (Дѣян. XX, 29); потому, чтобы не поразить и не погубить ума ихъ, предлагаетъ утѣшеніе. *И нынѣ*, говоритъ. Этимъ словомъ выражаетъ мысль: такъ же, какъ и всегда. *Предаю васъ, братіе, Богови и слову благодати его*, т. е. благодати Его. Хорошо сказалъ; онъ зналъ, что спасаетъ благодать. Онъ часто напоминаетъ имъ о благодати, желая сдѣлать ихъ болѣе усердными, какъ (слѣдуетъ) людямъ одолженнымъ, и внушая дерзновеніе. *Могущему наздати* васъ. Не сказалъ: создать, но: *наздати*, выра-

жая, что они уже созданы. Потомъ напоминаетъ о надеждѣ въ будущемъ и говоритъ: *и дати вамъ наслѣдіе во освященныхъ всѣхъ.* Затѣмъ опять (предлагаетъ) увѣщаніе. *Сребра*, говоритъ, *или злата, или ризъ ни единаго возжелахъ* (ст. 33). Исторгаетъ корень золъ—сребролюбіе. *Сребра*, говоритъ, *или злата.* Не сказалъ: я не бралъ, но: *ни возжелахъ.* Это еще не важно, но слѣдующее весьма важно. *Сами вѣсте, яко требованію моему и сущымъ со мною послужисте руцѣ сіи. Вся сказахъ вамъ, яко тако труждающымся подобаетъ заступати немощныя* (ст. 34, 35). Смотри, какъ онъ самъ занимался работою, и не легко, а *труждаяся. Требованію моему и сущымъ со мною послужисте руцѣ сіи.* Это (говоритъ) для назиданія; и смотри, съ какимъ достоинствомъ. Не сказалъ: надобно быть выше денегъ,—но что? *Заступати немощныя.* Не 314
всѣхъ вообще, но немощныхъ. *Поминати же слово Господа, яко самъ рече: блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати* (ст. 35). Чтобы кто не подумалъ, что это сказано тѣмъ (апостоламъ), и (чтобы показать), что онъ подаетъ имъ примѣръ, подобно какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *имате образъ насъ* (Фил. III, 17), присовокупляетъ изреченіе Христово: *блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати.* Самою молитвою онъ назидалъ ихъ; а потомъ показываетъ тоже примѣромъ. *И сія рекъ, преклонь колѣна своя, со всѣми ими помолися* (ст. 36). Помолился не просто, но съ великимъ умиленіемъ. Великое утѣшеніе! И словами: *предаю васъ Богови* онъ также утѣшалъ ихъ. *Многъ же бысть плачь всѣмъ: и нападше на выю Павлову, облобызаху его, скорбяще наипаче о словеси, еже рече, яко ктому не имутъ лица его узрѣти. Провождаху же его въ корабль* (ст. 37, 38). Онъ сказалъ, что *внидутъ волцы тяжцы*, сказалъ, что *азъ чистъ отъ крове всѣхъ;* то и другое было страшно и достаточно для того, чтобы предаться скорби; но всего болѣе причинило имъ скорбь извѣстіе, что они уже болѣе не увидятъ его; это имъ тяжело было преодолѣть. *Провождаху же его*, говоритъ (писатель), *въ корабль*; такъ они любили его, такъ были расположены къ нему! *И якоже бысть отвестися намъ, отторгшимся отъ нихъ, прямо шедше пріидохомъ въ Конъ, въ другій же день въ Родосъ, а оттуду въ Патару. И обрѣтше корабль преходящъ въ Финикію, возшедше отвезохомся. Возникшій же намъ Кипръ оставльше ошуюю, плыхомъ въ Сирію, и пристахомъ въ Тирѣ* (XXI, 1—3). Смотри: онъ прибылъ въ Ликію и, отправившись въ Финикію и миновавши Кипръ, присталъ въ Тирѣ, *тамо бо бяше кораблю изложити бремя.* Это было причиною отбытія въ Тиръ. *И обрѣтше* 315
ученики, пребыхомъ ту дній седмь: иже Павлови глаголаху Духомъ же не восходити во Іерусалимъ (ст. 4). Смотри, и эти предсказываютъ ему скорби. По устроенію (Божію) они тоже гово-

рять, чтобы кто не подумалъ, что Павелъ говорилъ объ этомъ просто изъ тщеславія. Здѣсь опять помолившись, они разлучаются другъ отъ друга. *Егда же бысть намъ скончати дни, изшедше идохомъ, провождающымъ насъ всѣмъ съ женами и дѣтми даже до внѣ града: и преклонше колѣна при брезѣ, помолихомся. И цѣловавше другъ друга внидохомъ въ корабль: они же возвратишася во свояси. Мы же плаваніе начеише отъ Тира пристахомъ во Птолемаидѣ, и цѣловавше братію пребыхомъ день единъ у нихъ. Во утріе же изшедше, пріидохомъ въ Кесарію: и вшедше въ домъ Филиппа благовѣстника, суща отъ седми, пребыхомъ у него* (ст. 5—8). Прибывши, говоритъ, въ Кесарію, остались у Филиппа, одного изъ семи (діаконовъ). Сему же *бяху дщери четыре прорицающыя* (ст. 9). Впрочемъ не онѣ предсказываютъ Павлу, хотя онѣ и пророчествовали, но Агавъ; а какимъ образомъ, послушай. *Пребывающымъ же намъ тамо дни многи, вниде нѣкто отъ Іудей пророкъ, именемъ Агавъ: и пришедъ къ намъ, и веземъ поясъ Павловъ, связавъ же свои руцѣ и нозѣ, рече: тако глоголетъ Духъ Святый: мужа, егоже есть поясъ сей, тако свяжутъ его во Іерусалимѣ Іудеи, и предадятъ въ руцѣ языковъ* (ст. 10, 11). Онъ нѣкогда предсказалъ голодъ; онъ же и теперь говоритъ: *мужа, егоже есть поясъ сей, тако свяжутъ*. Пророки изображали будущее видимыми знаками, когда предсказывали о плѣненіи, напр. Іезекіиль; тоже сдѣлалъ и онъ. То тяжко, что *предадятъ въ руцѣ языковъ. И якоже слышахомъ сія, моляхомъ, мы же и намѣстніи, не восходити ему во Іерусалимъ* (ст. 12). Многіе просили, чтобы онъ не ходилъ, но онъ не послушалъ ихъ. *Отвѣщавъ же Павелъ и рече: что творите, плачуще и сокрушающе ми сердце? Азъ бо не точію связанъ быти, но умрети во Іерусалимѣ готовъ есмь за имя Господа Іисуса. Не повинующуся же ему, умолчахомъ, рекше: воля Господня да будетъ* (ст. 13, 14).

2. Видишь ли? Это предсказывается для того, чтобы ты, услышавъ слова: *связанъ Духомъ иду*, не подумалъ, будто онъ идетъ по необходимости или подвергся (страданіямъ), самъ о томъ не зная? Тѣ плакали, а онъ утѣшалъ, скорбя объ ихъ же слезахъ. *Что творите*, говоритъ, *плачуще и сокрушающе ми сердце?* Никто (не былъ) любвеобильнѣе Павла; онъ огорчался, видя ихъ плачущими, а о собственныхъ страданіяхъ не скорбѣлъ. Вы, говоритъ, обижаете меня, дѣлая это; я развѣ скорблю? Тогда уже они перестали, когда онъ сказалъ: *что творите, сокрушающе ми сердце?* О васъ, говоритъ, я плачу, а не о своихъ страданіяхъ; а что касается до нихъ, то я готовъ умереть. Но обратимся къ вышесказанному. *Сребра или злата или ризъ*, говоритъ, *ни единаго возжелахъ. Сами вѣсте, яко требованію моему и сущимъ со мною послужистѣ руцѣ сіи*. Слѣдовательно не въ Коринѳѣ толь-

ко дѣлали это люди, развращавшіе учениковъ, но и въ Азіи. Впрочемъ въ посланіи къ Ефесеямъ онъ нигдѣ не упрекаетъ ихъ въ этомъ. Почему? Потому что онъ не терпѣлъ нужды. И въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *похваленіе сіе не заградится о* 316
мнѣ въ странахъ Ахайстѣхъ (2 Кор. I, 10). Не сказалъ: вы не давали мнѣ, но: *сребра или злата или ризъ ни возжелахъ*, чтобы не показалось, будто отъ нихъ зависѣло не давать. И не сказалъ, что онъ не пожелалъ чего-нибудь изъ вещей необходимыхъ, чтобы опять это не показалось упрекомъ для нихъ, но выражаетъ то, что онъ по справедливости могъ не брать (отъ нихъ), если еще самъ содержалъ другихъ. Смотри, какъ ревностно трудился этотъ человѣкъ, бесѣдуя *нощь и день, со слезами, уча единаго когождо. Вся*, говоритъ, *сказахъ вамъ, яко тако труждающымся подобаетъ заступати немощныя.* Этими словами опять привелъ ихъ въ страхъ; а сказаное значитъ слѣдующее: вы не можете ссылаться на невѣдѣніе; я показалъ вамъ на дѣлѣ, какъ надобно трудиться и дѣйствовать. Не сказалъ, что брать—худое дѣло, но что лучше не брать: *поминати же*, говоритъ, *слово Господа, яко самъ рече: блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати.* Гдѣ же (Господь) сказалъ это? Можетъ быть, апостолы предали это безъ письмени, или можно было вывести это чрезъ умозаключеніе, такъ какъ Онъ внушалъ мужество въ опасностяхъ, снисхожденіе къ подчиненнымъ, дерзновеніе въ ученіи, смиренномудріе, нестяжательность. Впрочемъ это выше и нестяжательности. Если сказано: *продаждь имѣніе твое, аще хощеши совершенъ быти* (Мѳ. XIX, 21), то не брать ничего и еще питать другихъ—равно ли этому? Такимъ образомъ первая степень, это—отвергать свое, вторая — самому удовлетворять себѣ, третья—давать и другимъ, четвертая—не брать проповѣдуя и имѣя власть брать; послѣднее гораздо выше нестяжательности. Хорошо сказалъ: *тако труждающымся подобаетъ заступати немощныя.* Давать изъ пріобрѣтеннаго собственными трудами, это—дѣло состраданія къ немощнымъ; а давать изъ пріобрѣтеннаго чужими трудами—дѣло не только не доброе, но и неодобрительное. *И нападше на выю его*, говоритъ (писатель), плакали. Этимъ выражается расположеніе ихъ къ нему. Поверглись на выю, обнявшись послѣднимъ объятіемъ, какъ вполнѣ восчувствовавшіе послѣ рѣчи его любовь и дружбу. Если мы при простомъ разлученіи между собою скорбимъ, хотя и знаемъ, что увидимся другъ съ другомъ, то какъ они могли тогда разставаться съ Павломъ безъ горести? Я думаю, что и Павелъ плакалъ. *Отторгшимся*, говоритъ (писатель). Этими словами выражаетъ особенное усиліе. *Отторгшимся отъ нихъ*; и не напрасно,—иначе имъ не выйти бы въ море. Что значитъ: *прямо шедше*

пріидохомъ въ Конъ? Значитъ: никуда не заѣзжали и не останавливались въ другихъ мѣстахъ. *Въ другій же день*, говоритъ, *въ Родосъ*. Смотри, какъ онъ спѣшилъ. *И обрѣтше корабль преходящъ въ Финикію.* Можетъ быть, онъ стоялъ тамъ; они сѣли на него, потому что не нашли другого, который бы отправлялся въ Кесарію. *Возникшій же намъ Кипръ оставльше ошуюю.* Это сказано не безъ причины, но чтобы показать, что они не хотѣли и приближаться къ нему, а плыли прямо въ Сирію: такъ они спѣшили! *И пристахомъ*, говоритъ, *въ Тиръ: и обрѣтше ученики, пребыхомъ ту.* Когда уже приблизились къ Іерусалиму, то не спѣшатъ, а остаются у братій *дній седмь.* Исчислимъ всѣ дни. Послѣ дней опрѣсночныхъ они прибыли въ Троаду въ пять дней; потомъ
317 пробыли тамъ семь, всего двѣнадцать; потомъ до Асса, Митилины, Хіоса, Трогиллін, Самоса и Милета, всего восемнадцать дней; затѣмъ до Коса, Родоса и Патары — двадцать одинъ; оттуда въ пять дней до Тира—двадцать шесть; тамъ пробыли семь,—тридцать три; потомъ въ Птолемаидѣ одинъ,—тридцать четыре: затѣмъ въ Кесаріи остается больше прочихъ дней; и оттуда наконецъ ведетъ ихъ пророкъ. Такимъ образомъ исполняется пятьдесятница, которую (Павелъ) тамъ и проводитъ. Смотри, когда Духъ не воспрещалъ ему, тогда онъ слушался (другихъ). Такъ говорили ему: не вдавайся *въ позоръ*, онъ и не вдался (Дѣян. XIX, 31), часто выводили его, и онъ повиновался; опять — бѣжалъ чрезъ окно (Дѣян. IX, 25). А теперь, такъ сказать, цѣлыя тысячи просятъ его и въ Тирѣ и въ Кесаріи, плачутъ, предсказываютъ множество бѣдствій, и не смотря на то онъ не соглашается; и притомъ предсказывали не просто, а по внушенію Духа. Если же это повелѣвалъ Духъ, то почему воспротивились? Потому что не знали, что благоугодно было Духу; а съ другой стороны потому, что сами не получили внушенія отъ Духа. Вѣдь тѣ не просто предсказывали Павлу бѣдствія, но говорили, что не слѣдуетъ ходить, щадя его. *Егда же бысть*, говоритъ (писатель), *скончати дни*, т. е. по исполненіи ихъ,—говоритъ объ опредѣленномъ числѣ дней,—*провождающимъ насъ всѣмъ съ женами и дѣтми.*

8. Смотри, каково было утѣшеніе: опять молятся, и такимъ образомъ разстаются. Въ Птолемаидѣ они остаются одинъ день, а въ Кесаріи—нѣсколько. Когда (Павелъ) услышалъ, что его ожидаетъ множество бѣдствій, тогда и отправляется поспѣшно, не самъ себя ввергая въ опасности, но почитая это повелѣніемъ Духа. *По днехъ же сихъ*, говоритъ (писатель), *уготовльшеся, взыдохомъ во Іерусалимъ* (ст. 15), т. е., взявъ необходимое для пути. *Пріидоша же съ нами и нѣцыи ученицы отъ Кесаріи, ведуще съ собою, у него же бы обитати намъ, Мнасона нѣкоего, Кипрянина, древ-*

няго ученика. Бывшимъ же намъ во Іерусалимѣ, любезно пріяша насъ братія (ст. 16, 17). Смотри: Агавъ не сказалъ, что свяжутъ Павла, чтобы не показалось, будто онъ говоритъ по соглашенію (съ врагами), но: *мужа, егоже есть поясъ сей.* Слѣдовательно, у него былъ поясъ. Не могши уговорить его, они плакали, а потомъ успокоились. Видишь ли ихъ любомудріе? Видишь ли горячность любви? *Умолчахомъ*, говоритъ, *рекше: воля Господня да будетъ. Ведуще*, говоритъ, *у него же бы обитати намъ.* Слѣдовательно не въ церкви. Въ то время, когда приходили для (разсужденія) о догматахъ, они приняты были церковію (Дѣян. xv, 4); а теперь (жили) у одного стараго ученика. Здѣсь (писатель) говоритъ о продолжительномъ времени проповѣданія; потому, мнѣ кажется, онъ въ Дѣяніяхъ сокращаетъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, повѣствуя только болѣе нужное. Что значитъ: *воля Господня да будетъ?* Господь, говоритъ, самъ сотворитъ благоугодное Ему. Они успокоиваются и не принуждаютъ, можетъ быть, зная, что была на то воля Божія, и заключая объ этомъ изъ поспѣшности Павла; иначе Павелъ не спѣшилъ бы, не попустилъ бы и Богъ, всегда избавлявшій его отъ опасностей. Такъ они не хотѣли быть въ тягость церкви, когда другой могъ принять ихъ, и такъ они не домогались почестей! *Любезно*, говоритъ, *пріяша насъ братія.* У іудеевъ было тогда мирное время, и не было войны, какъ прежде. *Ведуще насъ*, говоритъ, *у него же бы обитати намъ.* Этотъ (ученикъ) оказалъ гостепріимство Павлу.

Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ скажетъ: если бы и ко 318
мнѣ кто-нибудь привелъ Павла, то и я съ охотою и великимъ усердіемъ сдѣлалъ бы тоже. Но вотъ, ты можешь оказать гостепріимство Владыкѣ Павла, и не хочешь. *Иже аще пріиметъ единаго малыхъ сихъ*, говоритъ (Господь), *мене пріемлетъ* (Мѳ. xviii, 5, 6). Чѣмъ менѣе братъ, тѣмъ болѣе въ лицѣ его приходитъ Христосъ. Принимающій великаго человѣка часто дѣлаетъ это изъ тщеславія, а принимающій малаго—чисто для Христа. Можешь ты принять и Отца Христова, и не хочешь. *Страненъ бѣхъ*, говоритъ Онъ, *и введосте мене* (Мѳ. xxv, 35), и еще: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе* (ст. 40). Если онъ—вѣрный и братъ, то, хотя онъ не Павелъ, хотя бы былъ самый малый, въ лицѣ его приходитъ Христосъ. Отвори домъ свой, прими его. *Пріемляй пророка*, сказано, *мзду пророчу пріиметъ* (Мѳ. x, 41). Слѣдовательно и принимающій Христа получитъ награду, какъ принимающій Христа. Не сомнѣвайся въ истинѣ словъ Его, но вѣруй; Онъ самъ сказалъ, что въ лицѣ ихъ приходитъ Онъ; и, чтобы ты не сомнѣвался въ этомъ, Онъ опредѣлилъ наказанія для непринимающихъ и почести для принимающихъ, чего не

сдѣлалъ бы, если бы Онъ не былъ самъ и почитаемый и оскорбляемый. Ты принялъ Меня, говоритъ Онъ, въ жилище свое, Я приму тебя въ царствіе Отца Моего; ты избавилъ Меня отъ голода, Я избавлю тебя отъ грѣховъ; ты воззрѣлъ на Меня связаннаго, Я покажу тебя разрѣшеннымъ; ты призрѣлъ Меня странника, Я сдѣлаю тебя гражданиномъ неба; ты подалъ Мнѣ хлѣба, Я дамъ тебѣ царствіе всецѣло, въ наслѣдіе и обладаніе твое. *Пріидите*, говоритъ Онъ, *наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Мѳ. xxv, 34). Не сказалъ: примите, но; *наслѣдуйте*, что означаетъ полное обладаніе, какъ, напр., когда мы говоримъ: я наслѣдовалъ то-то. Ты сдѣлалъ для Меня тайно, Я возвѣщу явно; сдѣланное тобою Я считаю милостію, а Мое—долгомъ. Ты началъ, говоритъ, а Я дѣлаю послѣ тебя и вслѣдъ за тобою; не стыжусь исповѣдать оказанныя Мнѣ благодѣянія и то, отъ чего ты избавилъ Меня, голодъ, наготу, странничество. Ты воззрѣлъ на Меня связаннаго, и самъ не увидишь огня геенскаго; ты призрѣлъ Меня болящаго, и самъ не испытаешь ни мытарствъ, ни наказаній. О, поистинѣ благословенны руки, совершающія такія благодѣянія, удостоившіяся послужить Христу! Легко пройдутъ чрезъ огонь ноги, ходившія въ темницы для Христа; не испытаютъ тяжести узъ руки, касавшіяся Его связаннаго. Ты одѣлъ (Его) въ одежду, и облечешься въ одежду спасенія; ты былъ съ Нимъ въ темницѣ, и будешь съ Нимъ въ царствіи. Онъ исповѣдуетъ это не стыдясь, но признавая, что ты призрѣлъ Его. Патріархъ (Авраамъ) не зналъ, что принимаетъ ангеловъ, и принялъ ихъ. Устыдимся, увѣщеваю васъ. Онъ сидѣлъ во время полудня, будучи въ странѣ чужой, не имѣя у себя и пяди земли, будучи странникомъ, и не смотря на то, странникъ принялъ странниковъ. Онъ былъ гражданиномъ неба; потому онъ и на землѣ сталъ не странникомъ. А мы, не принимая странниковъ, дѣлаемся сами странниками болѣе, чѣмъ этотъ странникъ. Онъ не имѣлъ дома, шатеръ служилъ ему жилищемъ; но, смотри, какъ былъ щедръ: онъ закололъ тельца и приготовилъ печенья; послушай, какъ былъ усерденъ: онъ сдѣлалъ это самъ и вмѣстѣ съ женою; посмотри и на смиреніе его: онъ кланялся и умолялъ (посѣтить его, Быт. гл. xviii).

319 4. Все это надобно имѣть принимающему странниковъ: усердіе, радушіе, щедрость. Душа странника совѣстится и стыдится; если не окажутъ ему крайняго радушія, то онъ уходитъ какъ бы отверженный, и такой пріемъ бываетъ гораздо хуже, нежели прямой отказъ. Поэтому (Авраамъ) кланяется. привѣтствуетъ словомъ, предлагаетъ сѣдалище. Кто могъ бы усомниться (въ его радушіи), видя, какъ онъ дѣлалъ это? Но мы, скажете, не на землѣ

чужой? Если захотимъ, то можемъ подражать ему (и здѣсь). Сколько изъ нашихъ братій бываетъ странниковъ? Есть у насъ общее церковное жилище, которое мы называемъ страннопріимницею; покажите усердіе и вы, сядьте при дверяхъ, принимайте приходящихъ; если вы не хотите (дѣлать этого) въ вашихъ домахъ, то помогайте нуждамъ ихъ инымъ образомъ. Но, скажете, развѣ Церковь не имѣетъ средствъ? Имѣетъ, но что вамъ до этого? Когда они питаются отъ общихъ церковныхъ имуществъ, вамъ это развѣ можетъ принести пользу? Когда кто-нибудь другой молится, ты развѣ не долженъ молиться? Отчего ты не говоришь: священники молятся,—для чего же молиться мнѣ? Но я, скажешь, подаю тому, кто не можетъ идти туда. Подавай хотя этому; о томъ мы и заботимся, чтобы только ты подавалъ. Послушай, что говоритъ Павелъ: *да сущихъ истинныхъ вдовицъ удоволитъ, и да не тяготится Церковь* (1 Тим. v, 16). Дѣлай это, какъ хочешь, только дѣлай. А я не скажу: *да не тяготится Церковь*, но: *да не тяготишься ты*, потому что своими разсужденіями ты ничего не сдѣлаешь, все предоставляя ей. Потому и учреждено Церковію общее жилище (для странниковъ), чтобы ты не говорилъ этого. Но, скажешь, Церковь имѣетъ средства, имѣетъ деньги и доходы. Скажи мнѣ: развѣ она не имѣетъ и издержекъ? Развѣ она не имѣетъ ежедневныхъ расходовъ? Точно такъ, скажешь. Почему же ты не помогаешь ея скудости? Стыжусь говорить это; впрочемъ отнюдь и не принуждаю. Если кто думаетъ, что это говорится для прибытка, то пусть устроитъ страннопріимницу у себя въ домѣ; пусть поставитъ тамъ постель, трапезу и свѣчу. Не странно ли: когда приходятъ воины, то вы имѣете для нихъ особыя помѣщенія, оказываете великое усердіе, доставляете имъ все, потому что они защищаютъ васъ на войнѣ чувственной; а для странниковъ не имѣете мѣста, гдѣ бы они остановились? Превзойди Церковь. Хочешь ли пристыдить насъ? Сдѣлай это; превзойди щедростію; устрой жилище, куда бы приходилъ Христосъ; скажи: это—келлія Христова, этотъ домъ назначенъ для Него. Хотя бы это жилище было и не богато, Онъ не гнушается. Христосъ ходитъ въ видѣ обнаженнаго и странника, имѣя нужду только въ покровѣ; доставь Ему хотя это; не будь жестокъ и безчеловѣченъ; ты такъ пламененъ въ дѣлахъ житейскихъ, не будь же холоденъ въ дѣлахъ духовныхъ. Поручи это вѣрнѣйшему слугѣ, и пусть онъ приводитъ убогихъ, бѣдныхъ и безкровныхъ. Говорю это, чтобы пристыдить васъ. Слѣдовало бы принимать ихъ въ верхней части дома; но, если не хочешь этого, то хотя внизу примите Христа, хотя тамъ, гдѣ помѣщаются мулы, гдѣ слуги. Можетъ быть, вы содрогаетесь, слыша это? Но какъ

быть, если вы и этого не дѣлаете? Я увѣщеваю, я говорю: поза-
320 ботьтесь объ этомъ. И опять вы не хотите? Сдѣлайте же иначе. Есть много бѣдныхъ мужей и женъ; поставьте правиломъ, чтобы всегда хотя кто-нибудь изъ нихъ былъ у васъ; пусть хотя стражемъ дома будетъ бѣдный; пусть онъ будетъ для васъ стѣною и оградою, щитомъ и копьемъ. Гдѣ милостыня, туда не смѣетъ войти діаволъ и никакое другое зло. Не будемъ же оставлять безъ вниманія это благо. Теперь для колесницы назначено мѣсто, и для носилокъ — другое, а для странника-Христа — ни одного. Авраамъ, гдѣ жилъ самъ, тамъ же и принималъ странниковъ; и жена его стояла въ видѣ служанки, тогда какъ они сидѣли подобно господамъ. Онъ не зналъ, что принималъ Христа, не зналъ, что принималъ ангеловъ; если бы зналъ, то отдалъ бы имъ все. А мы знаемъ, что принимаемъ Христа, и не смотря на то не оказываемъ такого же усердія, какое онъ, думая, что принимаетъ людей. Но, скажешь, изъ нихъ есть много обманщиковъ и неблагодарныхъ. Тѣмъ большая будетъ тебѣ награда, если примешь ихъ во имя Христово. Если ты увѣренъ, что они обманщики, то не принимай въ свой домъ; если же не увѣренъ, то для чего осуждаешь безъ разбора? Потому, скажешь, я и отсылаю ихъ въ страннопріимницу. Но какое мы имѣемъ оправданіе, если и тѣхъ, кого не знаемъ, мы не принимаемъ, но запираемъ двери для всѣхъ? Пусть будетъ домъ нашъ Христовымъ пристанищемъ для всѣхъ; будемъ просить у нихъ награды, не серебра, но того, чтобы они сдѣлали домъ нашъ пристанищемъ Христовымъ; будемъ ходить повсюду, привлекать къ себѣ, гоняться, какъ за добычею; здѣсь мы скорѣе сами получаемъ, нежели оказываемъ благодѣянія. Не повелѣваю заколоть тельца; дай хлѣбъ алчущему, одежду обнаженному, покровъ страннику. А чтобы ты въ оправданіе свое не говорилъ, что есть общее жилище церковное, то (скажу): внеси туда, и чрезъ это ты какъ бы примешь (бѣдныхъ) самъ; вѣдь и онъ (Авраамъ) получилъ награду и за то, что было сдѣлано его слугами (Быт. xiv, 14). Такъ были научены и слуги его; они бѣгали, и не роптали, какъ наши, потому что онъ сдѣлалъ ихъ благочестивыми. Онъ водилъ ихъ на войну, и они не роптали: такъ они были любомудры! Обо всѣхъ онъ заботился такъ же, какъ о самомъ себѣ, и какъ бы говорилъ, подобно Іову: *отъ тогожде чрева сотворени есмы* (Іов. xxxiii, 6).

Итакъ, и мы будемъ пещись о своемъ спасеніи, и о слугахъ своихъ будемъ имѣть великое попеченіе, чтобы и они были добрыми и усердными; пусть и слуга нашъ будетъ наученъ, что нужно дѣлать для Бога. Если мы такимъ образомъ устроимъ ихъ, тогда не будетъ для насъ трудна добродѣтель. Какъ на вой-

нѣ, если воины благоустроены, то военачальникъ удобно ведетъ борьбу, а если этого нѣтъ, то бываетъ напротивъ; и какъ на кораблѣ, когда всѣ служащіе дѣйствуютъ согласно, то кормчій легко управляетъ кормиломъ,—такъ и здѣсь, если слуги твои научены добру, то и ты не скоро будешь раздражаться, не будешь огорчаться, гнѣваться и осуждать. Иногда и самъ устыдишься слугъ, если они будутъ достойны, иногда они и помогутъ тебѣ и похвалятъ добрыя дѣла твои. Такимъ образомъ всѣми ими будетъ совершаться все благоугодное Богу, весь домъ исполнится благословенія, и, совершая благоугодное Богу, мы сами получимъ великую помощь свыше, которой да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминъ.

БЕСѢДА XLVI.

На утріе же вниде Павелъ съ нами ко Іакову, вси же 321
пріидоша старцы. И цѣловавъ ихъ, сказаше по единому коеждо, еже сотвори Богъ во языцѣхъ служеніемъ его (Дѣян. xxi, 18, 19).

1. Этотъ (Іаковъ) былъ братъ Господень и епископъ іерусалимскій, мужъ великій и дивный. Къ нему-то приходитъ Павелъ, подобно какъ и прежде онъ былъ посланъ къ нему же; а какимъ образомъ, послушай. *На утріе же*, говоритъ (писатель), *вниде съ нами Павелъ ко Іакову.* Смотри, какъ онъ чуждъ гордости. *Вси же пріидоша старцы: и цѣловавъ ихъ, сказаше по единому коеждо, еже сотвори Богъ во языцѣхъ служеніемъ его.* Опять разсказываетъ имъ случившееся у язычниковъ, не изъ тщеславія, — да не будетъ!—но чтобы показать Божіе человѣколюбіе и исполнить ихъ великой радости. *Они же*, смотри, *слышавше, славляху Бога;* не стали превозносить Павла и удивляться ему, но прославили Бога, потому что разсказывая онъ все приписывалъ (Богу). *Они же слышавше, славляху Бога, и рекоша ему: видиши ли, брате, колико темъ есть Іудей вѣровавшихъ: и вси ревнители закону суть. Увѣстишася же о тебѣ, яко отступленію учиши отъ Моѵсеа живущія во языцѣхъ вся Іудеи, глаголя не обрѣзовати имъ чадъ, ниже во обычаехъ ходити* (ст. 20, 21). Смотри, какъ скромно и они говорятъ. Не (Іаковъ) говоритъ, какъ епископъ, со властію; но самого (Павла) они дѣлаютъ участникомъ совѣщанія, и тотчасъ же, съ самаго начала, какъ бы извиняются тѣмъ, что имъ не хотѣлось бы (видѣть его обвиняемымъ). Видишь ли необходимость

этого дѣла. *Видиши ли*, говорятъ, *колико темъ есть Іудей вѣровавшихъ?* Не говорятъ: сколько тысячъ мы обратили, но: *есть. И вси*, говорятъ, *ревнители закону суть.* Двѣ причины: множество (увѣровавшихъ изъ іудеевъ) и образъ ихъ мыслей. Если бы ихъ было немного, то и тогда не слѣдовало бы пренебрегать ими; если же ихъ много,—хотя и не всѣ держались закона,—то это—дѣло важное. Далѣе и третья причина. *И вси увѣстишася*, говорятъ, *о тебѣ, яко отступленію учиши отъ Моисеа живущія во языцѣхъ вся Іудеи, глаголя не обрѣзовати имъ чадъ, ниже во обычаехъ ходити.* Не сказали: они слышали, но: *увѣстишася*, т. е. убѣждены и повѣрили, *яко отступленію учиши отъ Моисеа, глаголя не обрѣзовати имъ чадъ, ниже во обычаехъ ходити.* Сказавъ это, продолжаютъ: *что убо есть? Всяко подобаетъ народу снитися: услышатъ бо, яко пришелъ еси. Сіе убо сотвори, еже ти глаголемъ* (ст. 22, 23). Говорятъ это, какъ совѣтующіе, а не какъ приказывающіе. *Суть у насъ мужіе четыри обѣщавше себе Богу. Сія поимъ, очистися съ ними и иждиви на нихъ, да острижутъ си главы: и разумѣютъ вси яко возвѣщенная имъ о тебѣ ничтоже суть, но пребываеши и самъ законъ храня* (ст. 24). Совѣтуютъ ему оправдаться не словами, а дѣломъ: *да острижутъ си*, говорятъ, *и разумѣютъ вси, яко возвѣщенная имъ о тебѣ ничтоже суть.* Не сказали: ты учишь, но: *возвѣщенная имъ о тебѣ*, опять выражая, что они убѣж-
322 дены въ томъ; *и яко самъ пребываеши*, т. е. что сверхъ того ты и самъ хранишь (законъ). Не то только нужно было знать, учитъ ли онъ другихъ, но и то, соблюдаетъ ли самъ. А что, скажешь, если язычники узнаютъ объ этомъ,—не соблазнятся ли они? Какъ (они могутъ соблазнится), когда мы — іудейскіе учители—отправили къ нимъ посланіе? *А о вѣровавшихъ языцѣхъ мы послахомъ, судивше ничтоже таковое соблюдати имъ, токмо хранити себе отъ идоложертвенныхъ и крове и удавленины и блуда* (ст. 25). Этого достаточно для опроверженія. Слова ихъ означаютъ слѣдующее: какъ мы заповѣдали имъ это, хотя проповѣдуемъ іудеямъ, такъ и ты, хотя проповѣдуешь язычникамъ, поступай здѣсь согласно съ нами. Павелъ же, смотри, не сказалъ: я могу представить Тимоѳея, котораго я обрѣзалъ, могу убѣдить словомъ; но послушался ихъ и сдѣлалъ все,—потому что такъ нужно было. Не то было бы, если бы онъ сталъ оправдывать себя, или сдѣлалъ это такъ, чтобы никто не зналъ о томъ. Къ устраненію подозрѣнія могло служить и то, что онъ принялъ на себя издержки. *Тогда Павелъ поемь мужи оны, наутріе съ ними очищся вниде во святилище, возвѣщая исполненіе дней очищенія, дондеже принесено бысть за единаго коегождо ихъ приношеніе* (ст. 26). *Возвѣщая*, т. е. объявивъ; такъ онъ самъ сдѣлалъ это извѣстнымъ. *И якоже хотяху седмь дней скончатися* (ст. 27).

2. Смотри, какъ много времени онъ посвящаетъ на это! *Иже отъ Асіи Іудеи видѣвше его во святилищи, навадиша весь народъ, и возложиша нань руцѣ, вопіюще: мужіе Исраилстіи, помозите: сей есть человѣкъ, иже на люди и законъ и на мѣсто сіе всѣхъ всюду учитъ: еще же и Еллины введе въ церковь, и оскверни святое мѣсто сіе* (ст. 27, 28). Замѣть, какъ они всегда склонны къ мятежу: безъ стыда кричатъ среди (храма)! *Бяху бо видѣли Трофима Ефесянина во градѣ съ нимъ, егоже мняху, яко въ церковь ввелъ есть Павелъ. Подвижеся же градъ весь и бысть стеченіе людемъ: и емше Павла влечаху его вонъ изъ церкве, и абіе затворишася двери* (ст. 29, 30). *Мужіе*, говорятъ, *Исраилстіи, помозите: сей есть человѣкъ, иже на люди и законъ и на мѣсто сіе.* Что особенно смущало ихъ, именно храмъ и законъ, на то и указываютъ. Между тѣмъ Павелъ, претерпѣвая все это, не упрекалъ апостоловъ, что они были виновниками случившагося съ нимъ: такъ былъ онъ великодушенъ! *И влечаху его*, говоритъ (писатель), *вонъ изъ церкве и затворишася двери.* Они намѣревались убить его, и потому извлекли вонъ, чтобы сдѣлать это съ большею свободою. *Ищущимъ же имъ убити его, взыде вѣсть къ тысящнику спиры, яко весь возмутися Іерусалимъ. Онъ же абіе поимъ воины и сотники, притече на ня: они же видѣвше тысящника и воины, престаша бити Павла. Приступль же тысящникъ, ятъ его и повелѣ связати его вериги желѣзными двѣма: и вопрошаше, кто убо есть, и что есть сотворилъ. Друзіи же ино нѣчто вопіяху въ народѣ* (ст. 31—33). Для чего онъ, намѣреваясь допросить Павла, приказалъ связать его двумя цѣпями? Для того, 323
чтобы укротить ярость народа. *Немогій же разумѣти извѣстное молвы ради, повелѣ отвести его въ полкъ. Егда же бысть на степенехъ, прилучися воздвижену быти ему отъ воинъ нужды ради народа. Послѣдоваше бо множество людей зовущихъ: возми его* (ст. 34—36). Что значитъ: *возми его?* У іудеевъ былъ обычай—говорить это противъ тѣхъ, кого они обвиняли; такъ и о Христѣ они говорили: *возми его*, т. е. истреби Его изъ среды живыхъ. А иные думаютъ, что выраженіе: *возми его* значитъ то же, что у насъ по римскому обычаю: посади его подъ арестъ (in signa). *Хотя же внити въ полкъ Павелъ глагола тысящнику: аще лѣть ми есть глаголати что тебѣ* (ст. 37)? Когда несли его по ступенямъ, онъ проситъ дозволенія сказать нѣчто тысяченачальнику, и смотри, какъ кротко: *аще лѣть ми есть*, говоритъ, *глаголати что тебѣ? Онъ же рече: гречески умѣеши ли? Не ты ли еси Египтянинъ, прежде сихъ дней превѣщавый, и изведый въ пустыню четыре тысящи мужей сикарей* (ст. 38)? Этотъ египтянинъ былъ нововводитель и мятежникъ. Павелъ оправдываетъ себя и отвѣтомъ своимъ отстраняетъ это подозрѣніе. Но обратимся къ вышесказанному.

Суть у насъ, говорятъ (пресвитеры), *мужіе четыре обѣщавше себе Богу: сія поимъ, очистися съ ними.* Павелъ не противится этому, но повинуется. Отсюда ясно, что не непремѣнно слѣдовало сдѣлать это (потому они и убѣждаютъ его),—а что это было дѣломъ предусмотрительности и снисхожденія. Это не было препятствіемъ проповѣди, потому что они же дали заповѣдь (касательно язычниковъ). Потому и самъ (Павелъ), устрояя таковое дѣло, впослѣдствіи укоряетъ Петра, и дѣлаетъ это не безъ причины, такъ какъ, что сдѣлалъ онъ здѣсь, то Петръ тамъ, таясь и держась своего мнѣнія (Гал. II, 11—14). Не сказали, что не нужно учить (іудеевъ) подобно язычникамъ, или что можно имъ и не проповѣдывать, но что должно сдѣлать нѣчто большее, чтобы они удостовѣрились, что ты соблюдаешь законъ. Это—дѣло снисхожденія, не бойся. И смотри, не прежде убѣдили его, какъ изъяснивъ напередъ, что (этого требуетъ) предусмотрительность и польза. Въ Іерусалимѣ, говорятъ, сдѣлать это позволительно. Сдѣлай же это здѣсь, чтобы тебѣ можно было дѣлать то и внѣ (Іерусалима). *Тогда*, говоритъ (писатель), *поемъ Павелъ мужи на утріе*; не медлитъ, но показывая свое послушаніе на дѣлѣ, тотчасъ беретъ тѣхъ, съ которыми намѣревался совершить очищеніе: такъ пламенно онъ раздѣлялъ эту предусмотрительность! Но какъ, скажутъ, азійскіе іудеи увидѣли его во храмѣ? Имъ позволялось быть тамъ въ нѣкоторые дни. Смотри, какъ все это сдѣлалось по смотрѣнію (Божію). Когда (одни) іудеи убѣдились, тогда нападаютъ (другіе); а иначе и тѣ напали бы на него. *Помозите*, говорятъ, *мужіе Исраилстіи*; какъ будто въ ихъ рукахъ кто-нибудь такой, кого трудно уловить и удержать,—кричатъ: *помозите. Сей есть всѣхъ всюду учай*; не здѣсь только, говорятъ, но *всюду*. Усиливаютъ обвиненіе изъ соприкосновенныхъ обстоятельствъ: *еще же*, говорятъ, *осквернн церковь, введе Еллины*. При Христѣ и они приходили туда для поклоненія (Іоан. XII, 20); но здѣсь говорится, что они пришли не для поклоненія. *И емше Павла*, говоритъ (писатель), *влечаху его вонъ*. Смотри, какъ они извлекаютъ его вонъ изъ храма; они не думали о законахъ или судилищахъ, и потому сами стали бить его: такъ они во всемъ являются дерзкими и безстыдными!
324 Въ это время (Павелъ) не оправдывался, а послѣ; и хорошо,—потому что тогда они не послушали бы. Для чего они кричали: *возми его*? Опасались, чтобы онъ не убѣжалъ. Между тѣмъ, смотри, съ какимъ смиреніемъ Павелъ говоритъ тысяченачальнику. Что же онъ говоритъ? *Аще лѣть ми есть глаголати что тебѣ?* Такъ онъ былъ кротокъ, такъ смиренно велъ себя вездѣ. *Не ты ли*, спрашиваетъ (тысяченачальникъ), *еси Египтянинъ?*

3. Посмотри на злоухищреніе діавола. Этотъ египтянинъ

былъ обманщикъ и обольститель; (діаволъ) и надѣялся, прикрываясь имъ, представить Христа и апостоловъ участниками въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ. Но нисколько не успѣлъ въ этомъ; напротивъ, истина стала еще свѣтлѣе и возсіяла блистательнѣе, не потерпѣвъ ничего отъ козней діавола. Если бы не было обманщиковъ, и (апостолы) одержали бы побѣду, тогда иной, можетъ быть, сталъ бы подозрѣвать. Но если и тѣ являлись, а эти одержали побѣду, то нельзя не удивляться. Для того и попускается являться тѣмъ, чтобы болѣе прославились эти, какъ и самъ (Павелъ) говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *да искусніи явлени бываютъ* (1 Кор. xi, 19). Подобнымъ образомъ и Гамаліилъ говорилъ: *предъ сими денми воста Ѳевда* (Дѣян. v, 36). Касательно *сикарей* одни говорятъ, что это былъ родъ разбойниковъ, получившихъ такое названіе отъ того, что они носили мечи, называемые у римлянъ сиками (sica). Другіе (говорятъ, что они принадлежали) къ одной изъ еврейскихъ сектъ.

У (евреевъ) три главныя секты: фарисеи, саддукеи и ессеи, которые называются праведными за чистоту жизни (ὅσιοι,—отсюда имя ессеевъ),—и сикаріями, потому что они были ревнители (ζηλωταί). Итакъ, не будемъ скорбѣть о томъ, что бываютъ ереси; бывали и лжехристы и злоумышляли противъ Христа, и прежде этого и послѣ, желая затмить (Его). Но истина не затмевается и сіяетъ вездѣ. Тоже было и при пророкахъ: являлись лжепророки, но (пророки) отъ сравненія съ ними дѣлались болѣе свѣтлыми. Такъ болѣзнь уясняетъ здоровье, тьма—свѣтъ, буря—тишину. Эллины не могутъ сказать, что (апостолы) были обманщики и обольстители, потому что такіе люди бывали обличаемы. Тоже было и при Моисеѣ: Богъ попустилъ (дѣйствовать) волхвамъ, чтобы Моисей не былъ принятъ также за волхва; по Его попущенію они показали всѣмъ, до чего можетъ простираться искусство волхвованія, а далѣе обольщать не могли, но сами признали себя побѣжденными. Обольстители не причиняютъ намъ никакого вреда, но еще дѣлаютъ болѣе совершенными тѣхъ, кто захочетъ быть внимательнымъ. Но, скажете, развѣ они не раздѣляютъ съ нами славы? Не у насъ, а у людей неразсудительныхъ. Не будемъ слишкомъ заботиться о славѣ отъ людей и пещись о ней больше надлежащаго. Мы живемъ для Бога, а не для людей; наше гражданство на небѣ, а не на землѣ; тамъ уготованы награды и воздаянія за наши труды, оттуда ожидаемъ почестей, оттуда—вѣнцевъ. О людяхъ же мы должны заботиться столько, чтобы только не ввести ихъ въ искушеніе и не подать имъ повода (къ осужденію). Если же тогда, какъ мы не подаемъ повода, они станутъ безъ причины и напрасно осуждать насъ,

то мы должны смѣяться, а не плакать. Ты старайся дѣлать добро предъ Богомъ и людьми; если же, при твоемъ стараніи дѣлать добро, другой будетъ издѣваться надъ тобою, нисколько о томъ не заботься. Примѣры тому есть въ Писаніяхъ. *Нынѣ бо*, говоритъ (Павелъ), *человѣки препираю или Бога* (Гал. 1, 10); и еще: *человѣки увѣщаваемъ, Богови же явлени есмы* (2 Кор. v, 11). И Христосъ о соблазняющихся сказалъ такъ: *оставите ихъ: вожди суть слѣпи слѣпцемъ* (Мѳ. xv, 14); и еще: *горе вамъ, егда добрѣ рекутъ*
325 *вамъ вси человѣцы* (Лук. vi, 26); и еще: тако да просвѣтятся дѣла ваши, яко да видятъ человѣцы, *и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мѳ. v, 16). Если въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *иже аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Мѳ. xviii, 6), то не удивляйся этому; здѣсь нѣтъ противорѣчія, но напротивъ, то и другое совершенно согласно между собою. Если (соблазнъ) зависитъ отъ насъ, то горе намъ; если же не отъ насъ, то ничего. И еще (говорится): горе вамъ: *имя бо Божіе вами хулится* (Рим. ii, 24). Что же будетъ, скажешь, если я исполняю должное, а другой произноситъ хулу? Тебѣ ничего, а ему (горе), потому что хула произнесена имъ. Но какъ можно, дѣлая должное, подавать другимъ поводъ (къ осужденію)? Я представлю вамъ на это примѣры,—но откуда хотите, изъ настоящаго или изъ прошедшаго? Въ доказательство того, что мы не должны бояться молвы, хотите ли, я укажу на то самое, что мы изслѣдуемъ теперь? Павелъ поступалъ по-іудейски въ Іерусалимѣ, а въ Антіохіи—нѣтъ; онъ поступалъ по-іудейски, а другіе соблазнялись, но соблазнялись несправедливо. Говорятъ, что онъ привѣтствовалъ виночерпія и наложницу Нерона. Чего, думаете, не говорили о немъ по этому поводу? Но несправедливо. Если бы онъ склонялъ ихъ къ порокамъ или къ дурнымъ дѣламъ, то можно было бы (осуждать); а если къ праведной жизни, то за что? Разскажу нѣчто, случившееся съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ. Однажды, когда постигъ насъ гнѣвъ Божій, и когда тотъ былъ еще весьма молодъ, и только въ санѣ діакона, во время отсутствія епископа и по безпечности пресвитеровъ, случилось, что многія тысячи вдругъ въ одну ночь принимали крещеніе и были крещаемы всѣ безъ разбора и ничему не научившись; онъ вздумалъ брать этихъ людей къ себѣ человѣкъ по сту и по двѣсти и бесѣдовалъ съ ними не о чемъ другомъ, а только о таинствахъ, что невозможно приступать къ нимъ непосвященнымъ. Когда онъ дѣлалъ это, многіе думали, что чрезъ это онъ домогается власти. Но онъ не заботился объ ихъ мнѣніи; впрочемъ болѣе не продолжалъ дѣлать это, а тотчасъ

пересталь. Что же? Онъ ли былъ виною соблазна? Не думаю. Если бы онъ дѣлалъ это безъ всякой причины, и притомъ сталъ бы продолжать, то я справедливо приписалъ бы ему такую вину. Когда изъ-за того, что другой соблазняется, можетъ остановиться дѣло благоугодное Богу, тогда не должно обращать на него вниманія; напротивъ, когда чрезъ него мы не поставляемся въ необходимость оскорбить Бога, тогда слѣдуетъ позаботиться. Скажи 326
мнѣ: когда мы бесѣдуемъ и обличаемъ предающихся пьянству, а кто-нибудь соблазнился этимъ, неужели я долженъ перестать говорить? Послушай, что говоритъ Христосъ: *еда и вы хощете ити* (Іоан. vi, 67)? Такимъ образомъ не слѣдуетъ ни пренебрегать, ни слишкомъ заботиться о слабости другихъ. Не видимъ ли мы, какъ поступаютъ врачи? Когда можно, они угождаютъ больнымъ; а когда это угожденіе можетъ принести вредъ, то уже не дѣлаютъ послабленія. Во всемъ хорошо соблюдать мѣру.

Многіе соблазнялись по случаю оглашенія одной благообразной отроковицы, которая и осталась дѣвою, клеветали на нее, поносили и оглашающихъ. Что же? Неужели изъ-за этого имъ слѣдовало прекратить (оглашеніе)? Нѣтъ, потому что они совершали дѣло отнюдь не противное, но весьма благоугодное Богу. Потому, когда нѣкоторые соблазняются, то мы должны смотрѣть только на то, справедливо ли это и не послужитъ ли къ нашему вреду. *Аще брашно соблазняетъ брата моего*, говоритъ (Павелъ), *не имамъ ясти мяса во вѣки* (1 Кор. viii, 13). И справедливо, когда воздержаніе отъ яденія нисколько не вредитъ; если же соблазняются и тѣмъ, что я отказываюсь, то уже не слѣдуетъ обращать на него вниманія. Кого же, скажешь, можетъ соблазнять это? Многихъ, какъ я знаю. Итакъ, воздержаніе имѣетъ мѣсто тогда, когда оно бываетъ безразлично; если мы станемъ смотрѣть только на одно это (мнѣніе другихъ), то должны будемъ удерживаться отъ многаго; и напротивъ, если не станемъ обращать на нихъ вниманія, то погубимъ многихъ. Такъ и Павелъ обращалъ вниманіе на соблазнъ другихъ; а какимъ образомъ, послушай: *да не кто насъ поречетъ во обиліи семъ служимѣмъ нами* (2 Кор. viii, 20): отклонить дурное мнѣніе другихъ не было вредно. Но когда мы поставляемся въ необходимость допустить великое зло изъ-за того, что другой соблазняется, то мы не должны обращать на него вниманія. Онъ самъ, а не мы виновны, потому что угодить ему невозможно безъ вреда. Многіе соблазнялись тѣмъ, что нѣкоторые вѣрные были погребаемы въ храмахъ, (утверждая), что погребать (здѣсь) не должно; но несправедливо, потому что отъ этого нѣтъ никакого вреда. Соблазнялись (іудеи), что Петръ ѣлъ съ язычниками; онъ и угождалъ имъ, а тотъ (Павелъ)—нѣтъ (Гал.

II, 12). Во всемъ слѣдуетъ намъ, соблюдая заповѣди Божіи, всячески стараться, чтобы не подать повода къ соблазну, чтобы и самимъ намъ не оказаться виновными и сподобиться человѣколюбія Божія, благодатію и человѣколюбіемъ Единороднаго Его, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVII.

325 **Рече же Павелъ: азъ человѣкъ есмь Іудеанинъ, Тарсянинъ Киликійскій, славнаго города житель. Молю же тя, повели ми глаголати къ людемъ. Повелѣвшу же ему, Павелъ стоя на степенехъ помаавъ рукою къ людемъ: многу же безмолвію бывшу, возгласи еврейскимъ языкомъ, глаголя (Дѣян. XXI, 39, 40).**

1. Смотри, какъ (Павелъ), когда обращаетъ рѣчь къ внѣшнимъ (язычникамъ), не отказывается пользоваться и ихъ законами. Здѣсь онъ указываетъ на свой городъ. Подобнымъ образомъ и прежде онъ говорилъ: *бивше насъ предъ людми, неосужденыхъ, человѣковъ Римлянъ сущихъ, всадиша въ темницу* (Дѣян. XVI, 37). На вопросъ: *не ты ли еси Египтянинъ?* онъ отвѣчаетъ: *азъ человѣкъ есмь Іудеанинъ*. Этими словами онъ тотчасъ отстранилъ такое подозрѣніе. Чтобы не подумали, что онъ только родомъ
326 іудей, онъ указываетъ (этимъ словомъ) и на свое вѣроисповѣданіе, хотя въ другомъ мѣстѣ называетъ себя *законникомъ Христу* (1 Кор. IX, 21). Что же это значитъ? Неужели Павелъ говоритъ ложь? Нѣтъ. Что же? Не отвергается ли (Христа)? Да не будетъ! Онъ былъ и іудей и христіанинъ, соблюдая все, что должно было. И вѣруя во Христа, онъ болѣе всѣхъ повиновался закону; потому и въ бесѣдѣ съ Петромъ говоритъ: *мы естествомъ Іудеи* (Гал. II, 15). *Молю же тя, повели ми глаголати къ людемъ.* Это—доказательство истины словъ его, что онъ всѣхъ приводитъ въ свидѣтели. Смотри, съ какою опять кротостію онъ бесѣдуетъ. И это также величайшее доказательство его невинности, что онъ такъ готовъ оправдывать себя и рѣшается противостать словомъ толпѣ іудеевъ.

327 Посмотри на благоразуміе этого мужа; посмотри на домостроительство (Божіе): если бы тысяченачальникъ не пришелъ, если бы не связалъ Павла, то онъ не могъ бы говорить въ свое оправданіе, не водворилъ бы такого безмолвія. *Повелѣвше же ему, Павелъ стоя на степенехъ.* Весьма благопріятствовало ему и мѣсто, такъ какъ онъ говорилъ съ высоты, и то, что онъ былъ связанъ. Что можетъ сравниться съ этимъ зрѣлищемъ, когда Павелъ го-

ворилъ, связанный двумя цѣпями? Какъ онъ не смутился, какъ не смѣшался, видя столько возставшаго противъ него народа и предстоявшаго начальника? Но онъ напередъ далъ утихнуть ихъ ярости, а потомъ началъ говорить; и смотри, какъ мудро. Какъ онъ сдѣлалъ въ посланіи къ Евреямъ, такъ и здѣсь. Прежде всего располагаетъ ихъ къ себѣ роднымъ ихъ языкомъ, потомъ своею кротостію. На это и указываетъ (писатель), присовокупляя: *многу же безмолвію бывшу, возгласи Еврейскимъ языкомъ, глаголя: мужіе братіе и отцы, услышите мой къ вамъ нынѣ отвѣтъ* (Дѣян. XXII, 1). Смотри, какъ слова его чужды лести и исполнены кротости. Не сказалъ: господа, или владыки, но: *братіе*, что въ особенности могло нравиться имъ; какъ бы такъ сказалъ: я не чужой вамъ и не противъ васъ. *Мужіе братіе*, говоритъ, *и отцы*; послѣднимъ словомъ (выражаетъ) почтеніе, а первымъ—близость. *Услышите мой къ вамъ нынѣ отвѣтъ*. Не сказалъ: поученіе, или рѣчь, но: *отвѣтъ*; представляетъ себя въ видѣ подсудимаго. *Слышавше же, яко Еврейскимъ языкомъ возгласи къ нимъ, паче приложиша безмолвіе* (ст. 2). Видишь ли, какое дѣйствіе произвелъ на нихъ родной языкъ? Они питали уваженіе къ этому языку. Смотри, какъ онъ предрасполагаетъ ихъ къ слушанію слѣдующимъ предисловіемъ: *азъ убо есмь мужъ Іудеанинъ, родивсяя въ Тарсѣ Киликійстѣмъ, воспитанъ же во градѣ семъ при ногу Гамаліилову, наказанъ извѣстно отеческому закону, ревнитель сый Божій, якоже вси вы есте днесь* (ст. 3). *Азъ убо есмь*, говоритъ, *мужъ Іудеанинъ*; слышать это было имъ всего пріятнѣе. *Родивсяя въ Тарсѣ Киликійстѣмъ*. А чтобы не почли его иноплеменникомъ, прибавляетъ, какой онъ былъ вѣры: *воспитанъ же въ градѣ семъ*. Онъ показываетъ свое великое усердіе къ вѣрѣ, если, оставивъ такое и такъ далеко отстоящее отечество, рѣшился воспитываться здѣсь для (изученія) закона. Смотри, какъ онъ издавна былъ преданъ закону. Говоритъ это не для оправданія только себя предъ ними, но чтобы показать, что онъ не по человѣческому разсужденію обратился къ проповѣди, но силою Божіею, такъ какъ, будучи подобнымъ образомъ наставленъ (въ законѣ), онъ самъ не могъ бы вдругъ перемѣниться. Если бы онъ былъ одинъ изъ обыкновенныхъ людей, то можно было бы такъ думать; но если онъ принадлежитъ къ числу людей, наиболѣе преданныхъ закону, то невозможно допустить, что онъ перемѣнился просто, безъ какой-нибудь сильной побудительной причины. Но, можетъ быть, иной сказалъ бы: это не важно, что ты воспитывался здѣсь; развѣ ты не могъ быть здѣсь по дѣламъ торговымъ, или по какой-либо другой причинѣ? Потому, чтобы не подумали этого, онъ и присовокупляетъ: *при ногу Гамаліилову*. Не просто сказалъ: у Гамаліила, но: *при ногу*, выра-

жая свое постоянство, стараніе, усердіе къ слушанію и великое
уваженіе къ этому мужу. *Наказанъ извѣстно отеческому закону*;
не просто закону, но присовокупляетъ: *отеческому*, выражая, что
онъ издавна былъ таковъ и не поверхностно зналъ законъ. Это,
повидимому, сказано въ ихъ пользу, но было противъ нихъ, если
328 онъ, зная законъ, оставилъ его. Потомъ, чтобы еще кто-нибудь
не возразилъ: какая польза, что ты въ точности знаешь законъ,
если не защищаешь и не уважаешь его?—говоритъ: *ревнитель сый*,
т. е. не просто зналъ, но и весьма ревновалъ по немъ. Сказавъ многое о себѣ, онъ потомъ обобщаетъ свою рѣчь, присовокупляя: *якоже вси вы есте днесь.* Этимъ показываетъ, что они дѣйствовали не по человѣческому разсужденію, но по божественной ревности. Говоритъ это для того, чтобы пріобрѣсти ихъ расположеніе, предуготовить ихъ умъ и удержать на томъ, въ чемъ не было еще никакого вреда. Затѣмъ приводитъ и доказательства: *иже*, говоритъ, *сей путь гонихъ даже до смерти, вяжа и предая въ темницу мужи же и жены: якоже и архіерей свидѣтельствуетъ ми и вси старцы* (ст. 4, 5). Чтобы кто не спросилъ: откуда это извѣстно?—приводитъ въ свидѣтели самого первосвященника и старѣйшинъ. Смягчаетъ свою рѣчь: *ревнитель сый, якоже и вы*, т. е. равный вамъ; но дѣлами своими показываетъ, что онъ былъ выше ихъ. Я, говоритъ, не ожидалъ, пока (можно) взять, но самъ побуждалъ священниковъ и предпринималъ путешествія, нападалъ не на мужей только какъ вы, но и на женъ, всѣхъ связывая и ввергая въ темницы. Такое свидѣтельство несомнѣнно, а что касается іудеевъ, то они безотвѣтны. Смотри, сколько свидѣтелей онъ приводитъ: старѣйшинъ и первосвященника, которые находились въ городѣ.

2. Посмотри на его оправданіе: въ немъ нѣтъ страха, но болѣе назиданія и поученія. Если бы слушатели не уподоблялись камнямъ, то вняли бы словамъ его. Сказанному доселѣ они сами были свидѣтелями, а послѣдующему—нѣтъ. *Отъ нихъ же и посланіе пріемь къ живущимъ въ Дамасцѣ братіямъ, идяхъ привести сущія тамо связаны во Іерусалимъ, да мучатся. Бысть же ми идущу и приближающуся къ Дамаску въ полудне, внезапу съ небесе облиста свѣтъ многъ окрестъ мене. Падохъ же на землю и слышахъ гласъ, глаголющъ ми: Савле, Савле, что мя гониши? Азъ же отвѣщахъ: кто еси Господи? Рече же ко мнѣ: азъ есмь Іисусъ Назорей, егоже ты гониши* (ст. 5—8). И это должно быть достовѣрно послѣ предшествовавшаго; иначе онъ не перемѣнился бы. Но, скажутъ, не хвалится ли онъ? Отнюдь нѣтъ. И для чего, скажи мнѣ, онъ вдругъ оставилъ такую ревность? Не для чести ли? Но онъ потерпѣлъ противное. Не для покоя ли? Не было и этого. Не для другого ли чего-нибудь? Но ничего и придумать невозможно.

Предоставивъ имъ дѣлать свои заключенія, онъ повѣствуетъ о событіяхъ: *приближающуся ми*, говоритъ, *къ Дамаску въ полудне, внезапу съ небесе облиста свѣтъ многъ окрестъ мене. Падохъ же на землю.* Замѣть, какое было обиліе свѣта. А что я не хвалюсь, свидѣтелями тому присутствовавшіе со мною, ведшіе меня за руку, видѣвшіе этотъ свѣтъ. *Со мною же сущіи свѣтъ убо видѣша, и пристрашни быша, гласа же не слышаша, глаголющаго ко мнѣ* (ст. 9). Не изумляйся, что здѣсь (писатель) говоритъ такъ, а въ другомъ мѣстѣ иначе, именно: *стояху, гласъ убо слышаще, но никогоже видяще* (Дѣян. IX, 7). Здѣсь нѣтъ противорѣчія. Два было голоса: Павловъ и Господень; тамъ онъ говоритъ о голосѣ Павловомъ, а здѣсь присовокупляетъ: *гласа не слышаша, глаголющаго ми.* Такимъ образомъ слова: *никогоже видяще* означаютъ не то, чтобы они не видѣли, но что они не слышали (голоса Господня); онъ не сказалъ, что они не видѣли свѣта, но: *стояху никогоже видяще*, т. е. говорящаго. И это случилось не безъ причины; ему 329
(одному) надлежало удостоиться этого голоса; если бы слышали и они, то чудо не было бы такъ велико. Такъ какъ люди грубые убѣждаются болѣе видѣніемъ, то они видѣли только свѣтъ, котораго впрочемъ достаточно было для ихъ убѣжденія; потому они и *пристрашни быша.* Притомъ этотъ свѣтъ подѣйствовалъ на нихъ не такъ, какъ на него; его онъ ослѣпилъ, побуждая случившимся съ нимъ и ихъ прозрѣть, если бы они захотѣли. По смотрѣнію (Божію), кажется мнѣ, произошло то, что они не увѣровали, — для того, чтобы они были достовѣрными свидѣтелями. *Рече же*, говоритъ, *ко мнѣ: азъ есмь Іисусъ Назорей, егоже ты гониши.* Прекрасно присовокупляетъ и названіе города, чтобы они узнали. Такъ и апостолы говорили: *Іисуса, иже отъ Назарета* (Іоан. 1, 45). Смотри, и самъ (Господь) свидѣтельствуетъ, что Онъ былъ гонимъ (Павломъ). *Со мною же сущіи свѣтъ убо видѣша, и пристрашни быша: гласа же не слышаша, глаголющаго ко мнѣ. Рекохъ же: что сотворю, Господи? Господь же рече ко мнѣ: воставъ иди въ Дамаскъ, и тамо речется ти о всѣхъ, яже вчинено ти есть творити. И якоже не видѣхъ отъ славы свѣта онаго, за руку ведомь отъ сущихъ со мною, внидохъ въ Дамаскъ. Ананіа же нѣкій, мужъ благоговѣинъ по закону, свидѣтельствованъ отъ всѣхъ живущихъ въ Дамасцѣ Іудей, пришедъ ко мнѣ, и ставъ рече ми: Савле брате, прозри. И азъ въ той часъ воззрѣхъ нань* (ст. 10—13). *Иди*, говоритъ, въ городъ, *и тамо речется ти о всѣхъ, яже вчинено ти есть творити.* Вотъ и еще свидѣтель. И смотри, какъ достовѣрнымъ представляетъ его: *Ананіа же нѣкій*, говоритъ, *мужъ благоговѣинъ по закону, свидѣтельствованъ отъ всѣхъ Іудей, пришедъ ко мнѣ, и ставъ рече ми: прозри.* Такъ ничего не сказано

напрасно. *И азъ въ той часъ воззрѣхъ.* Затѣмъ (слѣдуетъ) свидѣтельство отъ дѣлъ. Смотри, какъ приводятся во свидѣтельство и лица и дѣла, лица близкія и посторонія. Лица эти — священники, старѣйшины, спутники; дѣла,—что онъ совершилъ, что потерпѣлъ; и дѣла свидѣтельствуютъ о дѣлахъ, не только лица. Кромѣ того Ананія, человѣкъ посторонній; затѣмъ событіе—прозрѣніе; потомъ великое пророчество. *Онъ же*, говоритъ, *рече ми: Богъ отецъ нашихъ предъизбра тя разумѣти хотѣніе его, и видѣти праведника* (ст. 14). Хорошо сказалъ: *отецъ*; этимъ выразилъ, что они не іудеи, но чужды закону, и дѣйствуютъ по зависти, а не по ревности. *Разумѣти*, говоритъ, *хотѣніе его, и видѣти праведника.* Слѣдовательно такова была воля Его. Смотри, какъ въ самомъ повѣствованіи заключается назиданіе. *И слышати гласъ изъ устъ его: яко будеши ему свидѣтель у всѣхъ человѣковъ о сихъ, яже видѣлъ еси и слышалъ* (ст. 15). *И видѣти*, говоритъ, *праведника*; какъ бы такъ говоритъ: если Онъ праведникъ, то они виновны. *И слышати гласъ изъ устъ его.* Смотри, какъ высокимъ представляетъ это событіе: *яко будеши*, говоритъ, *ему свидѣтель.* Потому не измѣняй своему зрѣнію и слуху, тому, *яже видѣлъ еси и слышалъ.* Увѣряетъ его обоими чувствами. *И нынѣ что медлиши? Воставъ крстися и омый грѣхи твоя, призвавъ имя* Его (ст. 16).

3. Здѣсь онъ выразилъ нѣчто великое. Не сказалъ: крестись во имя Его, но: *призвавъ имя* Христово. Этимъ показалъ, что
330 Христосъ есть Богъ, такъ какъ *призывать* никого другого не слѣдуетъ, кромѣ Бога. Не былъ принуждаемъ къ тому (Павелъ), какъ онъ самъ говоритъ въ слѣдующихъ словахъ: *Господь же рече ко мнѣ: иди въ Дамаскъ и тамо речется ти о всѣхъ, яже вчинено ти есть творити.* Не оставляетъ ничего не засвидѣтельствованнымъ; но приводитъ во свидѣтели цѣлый городъ, который видѣлъ, какъ вели его за руку. Смотри, какъ исполнилось пророчество, которое онъ слышалъ, что онъ будетъ свидѣтелемъ Господнимъ. Подлинно онъ явился свидѣтелемъ и свидѣтелемъ такимъ, какимъ должно, и на дѣлахъ и на словахъ. Такими свидѣтелями слѣдуетъ быть и намъ, и не измѣнять тому, во что мы вѣруемъ; разумѣю не только догматы, но и жизнь. Смотри, онъ свидѣтельствовалъ передъ всѣми людьми о томъ, что видѣлъ и что слышалъ, и ничто не удержало его. И мы слышали, что будетъ воскресеніе и уготованы (у Бога) безчисленныя блага; это мы и должны свидѣтельствовать передъ всѣми людьми. Но, скажете, мы свидѣтьствуемъ и вѣруемъ. Какъ? Почему же дѣлаемъ противное? Скажи мнѣ: если бы кто называлъ себя христіаниномъ, но отрекшись мудрствовалъ по-іудейски, то свидѣтельство его развѣ было бы достаточно? Нѣтъ, потому что стали бы искать

свидѣтельства отъ дѣлъ. Такъ и мы, когда говоримъ, что есть воскресеніе и безчисленныя блага, а сами пренебрегаемъ ими и предпочитаемъ блага здѣшнія, то кто повѣритъ намъ? Всѣ обращаютъ вниманіе не на то, что мы говоримъ, а на то, что дѣлаемъ. *Будеши*, говоритъ (Ананія), *свидѣтель у всѣхъ человѣковъ*, не предъ своими только, но и предъ невѣрными, такъ какъ дѣло свидѣтелей убѣждать не (только) знающихъ, но и незнающихъ. Будемъ же свидѣтелями достовѣрными. А какимъ образомъ мы можемъ сдѣлаться достовѣрными? Жизнію. На Павла нападали іудеи; на насъ нападаютъ страсти, побуждающія отречься отъ свидѣтельства. Не будемъ покоряться имъ; мы — свидѣтели, посланные Богомъ. О Богѣ нѣкоторые люди думаютъ, что Онъ не есть Богъ; Богъ послалъ насъ свидѣтельствовать о Немъ. Будемъ же свидѣтельствовать и убѣждать думающихъ такъ; если не станемъ свидѣтельствовать, то сами будемъ виновными въ ихъ заблужденіи. Если же на судилищѣ, гдѣ изслѣдуются дѣла житейскія, не принимается свидѣтель, исполненный многочисленныхъ злодѣяній, то тѣмъ болѣе здѣсь, гдѣ идетъ дѣло о предметахъ настолько высокихъ. Мы говоримъ, что мы слышали Христа и вѣруемъ Его обѣтованіямъ; а они скажутъ: покажите это дѣлами; жизнь ваша, напротивъ, свидѣтельствуетъ, что вы не вѣруете.

Желаете ли, мы разсмотримъ тѣхъ, которые заботятся о прибыткахъ, похищаютъ (чужое), предаются корыстолюбію, плачутъ, сокрушаются, занимаются всякими дѣлами, постройкой домовъ, какъ будто бы они и не умрутъ? Если же вы не вѣруете тому, что вы умрете, дѣлу столь извѣстному и очевидному, то какъ повѣримъ вашему свидѣтельству? Есть, дѣйствительно есть много людей, которые ведутъ себя, какъ будто имъ не должно умереть; въ глубокой старости начинаютъ заниматься постройками и земледѣліемъ; когда же имъ подумать о смерти? Не малое наказаніе постигнетъ насъ, которые призваны для свидѣтельства, но не можемъ свидѣтельствовать о томъ, что мы видѣли. И мы видѣли ангеловъ, и притомъ яснѣе, чѣмъ видѣвшіе ихъ (тѣлесными очами). Будемъ свидѣтельствовать о Христѣ, вѣдь свидѣтели не они только (апостолы), но и мы. Они называются свидѣтелями потому, что, будучи принуждаемы отречься, претерпѣли все для исповѣданія истины; такъ и мы, когда страсти побуждаютъ насъ отречься, не будемъ покорятся имъ. Золото говоритъ: скажи, что Христосъ не есть Христосъ; но ты не слушай его, какъ (долженъ слушать Бога), но презирай его велѣнія. Пороч- 331
ныя пожеланія говорятъ тоже, но ты не внимай имъ и мужественно противостань, чтобы и объ насъ не сказали: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся его* (Тит. 1, 16). Это уже не свой-

ственно свидѣтелямъ, а противное тому. Не удивительно, если отрекаются другіе; если же мы, которые избраны свидѣтельствовать, станемъ отрекаться, это тяжко и невыносимо. Это скорѣе всего можетъ погубить насъ. *Во свидѣтельство прилучится вамъ*, говоритъ (Христосъ,—Лук. XXI, 13), но тогда, когда мы не отступимъ, когда мы будемъ стоять твердо. Если бы всѣ мы стали свидѣтельствовать о Христѣ, то скоро вразумили бы множество эллиновъ.

4. Великое дѣло—жизнь, возлюбленные; какъ бы кто ни былъ грубъ, хотя бы не хотѣлъ явно согласиться съ ученіемъ, но и онъ склонится на вашу сторону, похвалитъ и подивится. А какимъ образомъ, скажете, достигнуть превосходной жизни? Не иначе, какъ силою Божіею. Что же, когда и эллины бываютъ такими? Если и бываютъ такими, то одни по природѣ, другіе изъ тщеславія. Хотите ли знать, какъ важна жизнь, и какую она заключаетъ въ себѣ силу убѣжденія? Многіе изъ еретиковъ, хотя содержали самое развращенное ученіе, имѣли такую силу, что многіе люди изъ благоговѣнія къ ихъ жизни даже и не изслѣдовали ихъ ученія; а другіе, и осуждая ихъ ученіе, уважали ихъ за жизнь; это не хорошо, но такъ было. То и ослабляетъ важность нашей вѣры, то и низвращаетъ все, что никто нисколько не думаетъ о жизни; это унижаетъ вѣру. Мы говоримъ, что Христосъ есть Богъ, предлагаемъ множество и другихъ догматовъ, между прочимъ говоримъ и то, что Онъ заповѣдалъ всѣмъ жить праведно; но на самомъ дѣлѣ это у немногихъ. Порочная жизнь унижаетъ догматы о воскресеніи, о безсмертіи души, о судѣ, и принимаетъ много противнаго, судьбу, необходимость, невѣріе въ Промыслъ. Душа, погрязшая въ многочисленныхъ порокахъ, старается изобрѣтать для себя подобнаго рода утѣшенія, чтобы не скорбѣть при мысли, что есть судъ и что насъ ожидаетъ воздаяніе за добро и зло.

Такая жизнь производитъ безчисленное множество золъ, дѣлаетъ людей звѣрями и даже безсмысленнѣе звѣрей; что есть въ каждой породѣ звѣрей порознь, то она часто соединяетъ въ од-
332 номъ человѣкѣ и низвращаетъ все. Для того діаволъ ввелъ судьбу, для того внушилъ, что міръ существуетъ безъ Промысла, для того предположилъ, что существа бываютъ добры или злы по природѣ и что есть зло безначальное и вещественное, для того онъ дѣлаетъ все, чтобы развратить нашу жизнь. Кто таковъ именно по жизни, тотъ не можетъ ни отказаться отъ развращеннаго ученія, ни пребывать въ здравой вѣрѣ, но принимаетъ все это по большой необходимости. Я не думаю, чтобы можно было изъ живущихъ порочно найти хотя одного человѣка, который бы не держался какой-либо изъ многочисленныхъ сатанинскихъ мыслей,

что есть судьба, что все происходитъ случайно и устроятся безъ порядка и разсужденія. Потому, увѣщеваю васъ, будемъ пещись о добродѣтельной жизни, чтобы не принять дурного ученія. Каинъ въ наказаніе долженъ былъ стенать и трястись (Быт. IV, 12). Таковы всѣ люди порочные, сознающіе за собою множество золъ: они часто пробуждаются отъ сна, съ безпокойными мыслями, съ смущенными глазами; все возбуждаетъ въ нихъ подозрѣніе, все приводитъ ихъ въ ужасъ, душа ихъ исполнена тяжкаго предчувствія и боязни, смущается и изнываетъ отъ страха и ужаса. Ничего не можетъ быть безсильнѣе, ничего безумнѣе такой души; какъ бѣснующіеся неспособны владѣть собою, такъ и она собою не владѣетъ. Какъ она можетъ придти въ сознаніе, подвергшись такому омраченію? Между тѣмъ, если бы она любила тишину и спокойствіе, то могла бы познать свое благородство. Но когда ее возмущаетъ и устрашаетъ все, и сновидѣнія и слова, и дѣйствительныя явленія и подозрѣнія, то какъ она можетъ придти въ самосознаніе, находясь въ такомъ неспокойномъ и растроенномъ состояніи? Отвергнемъ же этотъ страхъ, расторгнемъ эти узы. Если бы и не было (въ будущемъ) никакого наказанія, то не хуже ли это всякаго наказанія—постоянно находиться въ страхѣ, никогда не имѣть дерзновенія, никогда не чувствовать отрады? Помня все это, будемъ вѣрно сохранять спокойствіе и пещись о добродѣтели, чтобы, имѣя здравое ученіе и правый образъ жизни, намъ неуклонно провести настоящую жизнь и сподобиться благъ, обѣтованныхъ любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ Единороднаго Его, съ Которымъ Отцу со Святымъ Его Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XLVIII.

Бысть же возвратившумися во Іерусалимъ и молящумися въ церкви, быти во изступленіи, и видѣти его глаголюща ми: потщися и изыди скоро изъ Іерусалима, зане не пріимутъ свидѣтельства твоего, еже о мнѣ. И азъ рѣхъ: Господи, сами вѣдятъ, яко азъ бѣхъ всаждая въ темницу и бія по сонмищахъ вѣрующія въ тя. И егда изливашеся кровь Стефана, свидѣтеля твоего, и самъ бѣхъ стоя и соизволяя убіенію его, и стрегій ризъ убивающихъ его (Дѣян. XXII, 17—20). 331

1. Смотри, какъ (Павелъ) самъ себя подвергаетъ опасностямъ: *бысть же*, говоритъ, *возвратившумися во Іерусалимъ*, т. е.

послѣ того видѣнія я опять прибылъ въ Іерусалимъ. *И молящумися въ церкви, быти во изступленіи, и видѣти его глаголюща ми:*
332 *потщися и изыди скоро, зане не пріимутъ свидѣтельства твоего, еже о мнѣ.* Смотри, и это не осталось безъ свидѣтельства, которое заключается въ самомъ событіи. Сказалъ (Господь): *не пріимутъ свидѣтельства твоего,* и дѣйствительно не приняли. По всѣмъ соображеніямъ надобно было ожидать, что они примутъ: *азъ бѣхъ,* говоритъ, *всаждая въ темницу и біяй*; поэтому самому имъ слѣдовало принять; и однакожъ они не приняли. Потому и было открыто ему *во изступленіи,* что они не примутъ (свидѣтельства). Здѣсь онъ изъясняетъ два предмета: то, что они безотвѣтны, такъ какъ преслѣдовали его несправедливо и неразумно; и то, что Христосъ есть Богъ, такъ какъ Онъ предсказываетъ неожиданное, не взирая на прошедшее, но предвидя будущее. Какъ же (Господь) говорилъ, что (Павелъ) пронесетъ *имя его предъ языки*
333 *и царми и сынми Израилевыми* (Дѣян. IX, 15)? *Пронесетъ,* сказалъ Онъ, а не убѣдитъ непремѣнно; въ другихъ мѣстахъ іудеи убѣждались, а здѣсь нѣтъ. Гдѣ преимущественно должны были бы убѣждаться, зная прежнюю его ревность, тамъ и не убѣждались. *И егда изливашеся кровь Стефана, свидѣтеля твоего, и самъ бѣхъ стоя и соизволяя убіенію его.* Смотри, чѣмъ онъ оканчиваетъ рѣчь свою: самымъ сильнымъ доводомъ; говоритъ, что самъ онъ былъ гонителемъ (христіанъ), и не только гналъ, но тысячью рукъ убивалъ Стефана. Здѣсь онъ напомнилъ имъ о самомъ безчеловѣчномъ убійствѣ. Тогда они уже не вытерпѣли, послѣ такого обличенія ихъ и исполненія пророчества. Велика ревность, сильно обличеніе, дерзновенна рѣчь свидѣтелей Христовой истины! Іудеи уже не могли дослушать всей рѣчи, но, воспламенившись гнѣвомъ, громко закричали. *И рече ко мнѣ: иди, яко азъ во языки далече послю тя. Послушаху же его даже до сего словеси: и воздвигоша гласъ свой, глаголюще: возми отъ земли таковаго, не подобаетъ бо ему жити. Вопіющимъ же имъ, и мещущимъ ризы, и прахъ возметающимъ на воздухъ, повелѣ тысящникъ отвести его въ полкъ, рекъ ранами истязати его, да разумѣетъ, за кую вину тако вопіяху нань* (ст. 21—24). Тысяченачальнику слѣдовало узнать, въ чемъ дѣло, и притомъ отъ нихъ самихъ; а онъ, не сдѣлавъ ничего такого, приказываетъ бить его. *Повелѣ тысящникъ отвести его въ полкъ, рекъ ранами истязати его да разумѣетъ, за кую вину тако вопіяху нань.* Ему слѣдовало спросить самихъ кричавшихъ, что изъ сказаннаго (Павломъ) они находили преступнымъ; а онъ просто пользуется своею властію и дѣйствуетъ въ угодность имъ; не о томъ онъ заботился, чтобы поступить справедливо, но о томъ, какъ бы утолить гнѣвъ ихъ, совершенно несправедливый. *И якоже протя-*

гоша его вервми, рече къ стоящему сотнику: человѣка Римлянина и не осуждена лѣть ли есть вамъ бити (ст. 25)? Не ложь сказалъ Павелъ, назвавъ себя римляниномъ, — да не будетъ, — онъ дѣйствительно былъ римлянинъ. Потому тысяченачальникъ и устрашился, услышавъ это. Чего же, скажутъ, онъ устрашился? *Лѣть ли есть вамъ*: изъ-за другого онъ боялся, чтобы самого не схватили и не подвергли еще большему наказанію. И, смотри, не просто говоритъ, но: *лѣть ли есть вамъ*? Двѣ вины: (наказываютъ) безъ суда и притомъ римлянина. Удостоившіеся называться этимъ именемъ пользовались тогда великими преимуществами; и не всѣ удостоивались его. Со временъ Адріана, говорятъ, всѣ (римскіе подданные) стали называться римлянами; а прежде было не такъ. Онъ назвалъ себя римляниномъ для того, чтобы избѣжать бичеванія, такъ какъ если бы его бичевали, то онъ подвергся бы презрѣнію; а сказавши это, онъ привелъ ихъ въ великій страхъ. Если бы бичевали его, то дѣло приняло бы другой оборотъ и даже убили бы его; а теперь вышло не такъ. Смотри, какъ Богъ попускаетъ совершаться многому и человѣческими средствами, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ. Тысяченачальникъ своимъ отвѣтомъ: *азъ многою цѣною нареченіе жительства сего стяжахъ* показываетъ, что онъ подозрѣвалъ, не есть ли это одинъ предлогъ со стороны Павла, называющаго себя римляниномъ; можетъ быть, онъ заключалъ такъ по наружной простотѣ Павла. *Слышавъ же сотникъ, приступи къ тысящнику, сказа, глаголя: виждь, что хощеши сотворити: человѣкъ бо сей Римлянинъ есть. Приступль же тысящникъ,* 334
рече ему: глаголи ми, Римлянинъ ли еси ты? Онъ же рече: ей. Отвѣща же тысящникъ: азъ многою цѣною нареченіе жительства сего стяжахъ. Павелъ же рече: азъ же и родихся въ немъ. Абіе убо отступиша отъ него хотящіи его истязати, и тысящникъ же убояся, разумѣвъ, яко Римлянинъ есть и яко бѣ его связалъ (ст. 26—29). *Азъ же и родихся*, говоритъ Павелъ; слѣдовательно, и отецъ его былъ римлянинъ. Что же произошло отъ этого? Снявъ съ него оковы, тысяченачальникъ отвелъ его къ іудеямъ. Итакъ, не ложь сказалъ онъ, назвавъ себя римляниномъ; онъ и пользу получилъ отъ этого, освободился отъ узъ; а какимъ образомъ, послушай. *Наутріе же хотя разумѣти истину, чесо ради оклеветается отъ Іудей, разрѣши его отъ узъ, и повелѣ пріити архіереемъ и всему собору ихъ; и сведъ Павла постави его предъ ними. Воззрѣвъ же Павелъ на сонмъ, рече* (ст. 30). Уже не предъ тысяченачальникомъ только, но предъ собраніемъ и всѣмъ народомъ говоритъ рѣчь. Что же онъ говоритъ? *Мужіе братіе, азъ всею совѣстію благою жительствовахъ предъ Богомъ даже до сего дне* (Дѣян. XXIII, 1); т. е. я не сознаю за собою ничего, чѣмъ бы оскорбилъ васъ, или сдѣ-

лалъ бы что-нибудь, достойное этихъ узъ. Что же первосвященникъ? Ему слѣдовало пожалѣть, что въ угодность имъ (Павелъ) былъ несправедливо заключенъ въ оковы; а онъ еще болѣе ожесточается и приказываетъ бить его, какъ видно изъ слѣдующаго: *архіерей же Ананіа повелѣ предстоящимъ ему бити его уста* (ст. 2). Хорошъ поступокъ, кроткій архіерей! *Тогда Павелъ рече къ нему: бити тя иматъ Богъ, стѣно повапленая: и ты сѣдиши, судя ми по закону, преступая же законъ велиши, да біютъ мя. Предстоящіи же рѣша: архіерею ли Божію досаждаеши? Рече же Павелъ: не вѣдахъ, братіе, яко архіерей есть: писано бо есть: князю людей твоихъ да не речеши зла* (ст. 3—5).

2. Нѣкоторые говорятъ, что онъ зная сказалъ такую укоризну; но мнѣ кажется, онъ вовсе не зналъ, что это—первосвященникъ; иначе почтилъ бы его. Потому онъ и оправдывается, какъ виновный, и говоритъ: *князю людей твоихъ да не речеши зла.* Что же?—скажутъ. Если бы это былъ даже не начальникъ, то развѣ можно было просто оскорблять другого? Нѣтъ, напротивъ, терпѣть, когда наносятъ оскорбленіе. Достойно вниманія, почему тотъ, кто въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *укоряеми благословляемъ, гоними терпимъ* (1 Кор. IV, 12), здѣсь поступаетъ напротивъ, и не только укоряетъ, но и угрожаетъ. Нѣтъ, ни того ни другого онъ не сдѣлалъ. Кто тщательно разсмотритъ, тотъ увидитъ, что это болѣе слова дерзновенія, нежели гнѣва. Съ другой стороны онъ не хотѣлъ подвергнуться презрѣнію тысяченачальника. Если этотъ не осмѣлился бичевать его и хотѣлъ предать іудеямъ, то, когда слуги стали бить его, тогда онъ явилъ еще большее дерзновеніе; обратился не къ слугѣ, но къ самому повелѣвшему. Сказавъ: *стѣно повапленая, и ты сѣдиши судя ми по закону,* онъ какъ бы такъ сказалъ: ты виновенъ и достоинъ тысячи ранъ. Смотри, какъ народъ былъ пораженъ его дерзновеніемъ. Имъ слѣдовало бы прекратить все; а они еще болѣе неистовствуютъ. Онъ приводитъ слова закона, желая показать, что не изъ страха и не потому, что онъ не былъ достоинъ такого повелѣнія, онъ выра-
335 зился такъ, но повинуясь и въ этомъ случаѣ закону. Я совершенно убѣжденъ, что онъ не зналъ, что это—первосвященникъ; онъ возвратился сюда послѣ долгаго отсутствія, не часто обращался съ іудеями и видѣлъ его среди множества другихъ; между многими другими разными людьми первосвященникъ могъ быть не замѣченъ. И самымъ отвѣтомъ своимъ, мнѣ кажется, онъ показываетъ, что онъ повинуется закону и потому оправдывается. Но обратимся къ вышесказанному. *Бысть же молящумися въ церкви,* говоритъ (Павелъ), *быти во изступленіи.* Чтобы показать, что это не былъ призракъ воображенія, прибавляетъ: *молящумися. По-*

тщися и изыди скоро изъ Іерусалима, говоритъ (Господь), *зане не пріимутъ свидѣтельства твоего*. Отсюда видно, что онъ удалился не изъ страха по причинѣ опасностей, но потому, что не приняли свидѣтельства его. Для чего же онъ сказалъ: *сами вѣдятъ, яко бѣхъ всаждая въ темницу?* Этимъ онъ не противорѣчилъ Христу,—да не будетъ,—но хотѣлъ получить наставленіе въ столь чудномъ дѣлѣ. *Иди*, говоритъ (Господь), *яко азъ во языки далече послю тя*. Смотри: Христосъ не далъ ему наставленія, что долженъ онъ дѣлать, но только повелѣлъ идти, и онъ повинуется: такъ онъ былъ послушливъ! *И воздвигоша гласъ свой*, говоритъ (писатель), *глаголюще: возми таковаго, не подобаетъ бо ему жити*. О, дерзость! Скорѣе вамъ не должно жить, а не ему, который во всемъ повинуется Богу. О, нечестивцы и человѣкоубійцы! *И мещущимъ ризы*, говоритъ, *и прахъ возметающимъ на воздухъ*: дѣлаютъ это для того, чтобы произвести большее смятеніе, или для того, чтобы устрашить начальника. И смотри: они не указываютъ вины его, потому что ничего сказать не могли, но думаютъ подѣйствовать крикомъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы спросить обвинителей. *И тысящникъ убояся*, говоритъ, *разумѣвъ, яко Римлянинъ есть*. Слѣдовательно, не ложь сказалъ Павелъ, назвавъ себя римляниномъ. *Разрѣши его отъ узъ*, говоритъ, *и сведъ постави предъ соборомъ*. Это слѣдовало сдѣлать въ самомъ началѣ, не связывать и не приказывать бичевать, но оставить его, какъ не сдѣлавшаго ничего такого, за что бы связывать. *И разрѣши его и сведъ постави предъ ними*. Это привело іудеевъ въ великое недоумѣніе. *Воззрѣвъ же Павелъ на сонмъ*, говоритъ, *рече: мужіе братіе*. Здѣсь выражается его дерзновеніе и неустрашимость. Но, смотри, какова ихъ злоба. *Архіерей же Ананіа*, продолжаетъ (писатель), *повелѣ предстоящимъ ему бити его уста*. За что бьешь его? Что оскорбительнаго сказалъ онъ? О, безстыдство, о, дерзость! *Тогда*, говоритъ, *Павелъ рече къ нему: бити тя имать Богъ, стѣно повапленая*. Вотъ дерзновеніе: обличаетъ его въ лицемѣріи и беззаконіи; послѣ того онъ и смиряется. Въ недоумѣніи первосвященникъ не осмѣливается ничего сказать, но бывшіе при немъ не вынесли дерзновенія (Павла), видѣли его готовымъ идти на смерть, и не вынесли. *Не вѣдахъ*, говоритъ, *яко архіерей есть*. Слѣдовательно, укоризна произошла отъ невѣдѣнія. Если бы это было не такъ, то тысяченачальникъ, взявъ его, удалился бы, не промолчалъ бы, или предалъ бы его имъ.

3. Отсюда видно, что онъ добровольно терпитъ все, что терпитъ; и оправдывается предъ ними изъ повиновенія закону, а 336
не изъ желанія показать имъ свои достоинства; потому онъ сильно и укорилъ ихъ. Такимъ образомъ онъ оправдывается для закона,

а не для народа; и справедливо,—вѣдь бить человѣка, не сдѣлавшаго никакого оскорбленія и притомъ невиннаго, беззаконно. Сказанное имъ не есть оскорбленіе; иначе иной назвалъ бы оскорбленіемъ и слова Христа, когда Онъ говоритъ: *горе вамъ книжницы и фарисее лицемѣри, яко подобитеся гробомъ повапленымъ* (Мѳ. XXIII, 27). Да, скажете, если бы онъ сказалъ это прежде, нежели потерпѣлъ битье, то слова его были бы не отъ гнѣва, но отъ дерзновенія. Но я показалъ причину: онъ не хотѣлъ подвергнуться презрѣнію. Такъ и Христосъ нерѣдко укорялъ іудеевъ, когда былъ оскорбляемъ, напримѣръ, когда говорилъ: *не мните, яко азъ на вы реку* (Іоан. V, 45). Но это не оскорбленіе,—да не будетъ. Смотри, съ какою кротостію (Павелъ) обращается къ нимъ: *не вѣдахъ*, говоритъ, *яко архіерей есть Божій*. Сказавъ это, онъ не остановился, но, желая показать, что говоритъ безъ насмѣшки, присовокупляетъ: *князю людей твоихъ да не речеши зла* (ср. Исх. XXII, 28). Видишь ли, какъ онъ еще признаетъ его начальникомъ?

Будемъ и мы учиться его кротости, чтобы въ томъ и другомъ намъ быть совершенными. Великое нужно стараніе, чтобы знать, въ чемъ состоитъ первая и въ чемъ послѣднее; стараніе необходимо потому, что съ этими добродѣтелями смѣшиваются пороки, съ дерзновеніемъ—дерзость, съ кротостію—малодушіе. Каждому должно смотрѣть, чтобы, предаваясь пороку, не приписывать себѣ добродѣтели, подобно тому, какъ если бы кто, имѣя общеніе съ служанкою, по невѣдѣнію воображалъ бы, что онъ имѣетъ общеніе съ госпожею. Итакъ, что такое кротость и что малодушіе? Когда мы, видя другихъ оскорбляемыми, не защищаемъ ихъ, а молчимъ, это—малодушіе; когда же, сами получая оскорбленія, терпимъ, это—кротость. Что такое дерзновеніе? Опять тоже самое, т. е. когда мы ратоборствуемъ за другихъ. А что дерзость? Когда мы стараемся мстить за самихъ себя. Такимъ образомъ великодушіе и дерзновеніе на одной сторонѣ, а дерзость и малодушіе на другой. Кто не щадитъ себя, тотъ едва ли будетъ сожалѣть о другихъ; и кто не мститъ за себя, тотъ едва ли оставитъ безъ защиты другихъ. Когда нашъ нравъ свободенъ отъ страсти, то онъ способенъ и къ добродѣтели. Какъ тѣло, освободившись отъ горячки, укрѣпляется въ силахъ, такъ и душа, если не предана страстямъ, дѣлается сильною. Кротость есть признакъ великой силы; чтобы быть кроткимъ, для этого нужно имѣть благородную, мужественную и весьма высокую душу. Неужели ты думаешь, что мало нужно (силы душевной), чтобы получать оскорбленія и не возмущаться? Не погрѣшитъ тотъ, кто назоветъ такое расположеніе къ ближнимъ даже мужествомъ; кто былъ столько силенъ, что преодолѣлъ эту страсть, тотъ, конечно, бу-

детъ въ состояніи преодолѣть и другую; т. е. здѣсь двѣ страсти: страхъ и гнѣвъ; если ты побѣдишь гнѣвъ, то, безъ сомнѣнія, (преодолѣешь) и страхъ; гнѣвъ же ты побѣдишь, если будешь кротокъ, а если преодолѣешь страхъ, то окажешь мужество. Наоборотъ, если не побѣдишь гнѣва, то окажешься дерзкимъ; а не побѣдивъ его, не будешь въ состояніи преодолѣть и страхъ, и, слѣдовательно, окажешься малодушнымъ, и будетъ съ тобою тоже, что, напримѣръ, съ тѣломъ, которое такъ безсильно и разслаблено, что не можетъ вынести никакого труда: оно скоро изнуряется и отъ холода и отъ жара; таково свойство тѣла разслабленнаго, а крѣпкое выдерживаетъ все. Еще, съ великодушіемъ, которое есть добродѣтель, смѣшивается расточительность; также бережливость есть добродѣтель, но съ нею смѣшиваются корыстолюбіе и скупость. Сравнимъ ихъ между собою.

Расточительный не есть человѣкъ великодушный. Почему? 337
Потому что, кто преданъ тысячѣ страстей, тотъ можетъ ли быть великъ душею? Онъ таковъ не оттого, что презираетъ деньги, но оттого, что покоряется другимъ страстямъ, подобно какъ человѣкъ, принужденный разбойниками повиноваться имъ, не можетъ быть свободнымъ. Не отъ презрѣнія къ деньгамъ происходитъ расточительность, но отъ неумѣнья распоряжаться ими; если бы можно было и удержать ихъ и предаваться удовольствіямъ, то онъ конечно пожелалъ бы этого. Кто употребляетъ деньги, на что слѣдуетъ, тотъ великодушенъ; поистинѣ та душа велика, которая и не раболѣпствуетъ страсти и почитаетъ деньги за ничто. Также бережливость есть добродѣтель; весьма бережливымъ былъ бы тотъ, кто употреблялъ бы деньги, на что слѣдуетъ, а не просто безъ разбора. Скупость же—не то же самое. Тотъ (бережливый) издерживаетъ все на нужное, а этотъ (скупой) и при самой настоятельной нуждѣ не касается своего имущества. Бережливый—братъ великодушнаго. Такимъ образомъ поставимъ вмѣстѣ великодушнаго съ бережливымъ, а расточительнаго со скупымъ; послѣдніе оба страдаютъ малодушіемъ, а первые оба отличаются великодушіемъ. Подлинно, великодушнымъ мы должны назвать не того, кто тратитъ деньги безразсудно, но кто употребляетъ ихъ на нужное; равно какъ скупымъ и сребролюбивымъ—не бережливаго, но того, кто не употребляетъ денегъ и на нужное. Сколько имущества расточалъ богачъ, облачавшійся въ порфиру и виссонъ? Но онъ не былъ великодушенъ, потому что душа его была одержима жестокостію и тысячами вожделѣній; а такая душа можетъ ли быть великою? Великодушенъ былъ Авраамъ, который употреблялъ свое имущество на принятіе странниковъ, закалалъ тельцовъ и, когда нужно было, не щадилъ не только

имущества, но и самой души своей. Итакъ, если мы видимъ, что кто-нибудь приготовляетъ роскошную трапезу, насыщаетъ блудницъ и тунеядцевъ, то не будемъ называть его великодушнымъ, но весьма малодушнымъ. Смотри, въ самомъ дѣлѣ, скольким сам онъ служитъ и раболѣпствуетъ страстямъ,—чревоугодію, безмѣрному сластолюбію, самоуслажденію; а кто одержимъ столь многими страстями и не можетъ освободиться ни отъ одной
338 изъ нихъ, того можно ли назвать великодушнымъ? Слѣдовательно, тогда въ особенности и надобно назвать его малодушнымъ, когда онъ много тратитъ; чѣмъ больше онъ тратитъ, тѣмъ больше показываетъ владычество надъ нимъ страстей; если бы онѣ не столько имѣли надъ нимъ силы, то онъ не столько бы и тратилъ.

Напротивъ, если мы видимъ, что кто-нибудь никому изъ подобныхъ людей ничего не удѣляетъ, но питаетъ бѣдныхъ и помогаетъ нуждающимся, и самъ довольствуется трапезою не роскошною, того мы должны назвать весьма великодушнымъ; поистинѣ великой душѣ свойственно не думать о собственномъ удовольствіи, а заботиться о (спокойствіи) другихъ. Скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ кого-нибудь, кто бы, презирая всѣхъ тирановъ и вмѣняя ни во что ихъ повелѣнія, облегчалъ страданія притѣсняемыхъ ими, не призналъ ли бы ты это дѣломъ великимъ? Такъ точно мы должны разсуждать и здѣсь. Страсти—это тираны. Если мы будемъ презирать ихъ, то сдѣлаемся великими; если будемъ освобождать отъ нихъ и другихъ, то—еще болѣе великими. Это и справедливо. Кто дѣлаетъ добро не себѣ только, но и другимъ, тотъ выше не дѣлающихъ ни того, ни другого. Если бы кто, изъ угожденія тирану, одного изъ подчиненныхъ его сталъ бить, другого притѣснять, третьяго оскорблять,—неужели мы назовемъ это великодушіемъ? Отнюдь нѣтъ, и тѣмъ менѣе, чѣмъ онъ былъ бы важнѣе. Такъ точно и здѣсь. У насъ есть душа благородная и свободная; расточительный предаетъ ее на битье страстямъ; назовемъ ли же великодушнымъ того, кто терзаетъ самого себя? Отнюдь нѣтъ. Итакъ, будемъ помнить, что такое великодушіе и расточительность, что бережливость и скупость, что кротость и малодушіе, что дерзновеніе и дерзость, чтобы, различая ихъ другъ отъ друга, мы могли благоугождая Господу провести настоящую жизнь и сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Единороднаго Его, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

———

БЕСѢДА XLIX.

Разумѣвъ же Павелъ, яко едина часть есть Саддукей, 337
другая же Фарисей, воззва въ сонмищи: мужіе братіе, азъ Фарисей есмь, сынъ Фарисеовъ: о упованіи и о воскресеніи мертвыхъ азъ судъ пріемлю. Се же ему рекшу, бысть распря между Саддукеи и Фарисеи, и раздѣлися народъ. Саддукеи бо глаголютъ не быти воскресенія, ни ангела, ни духа: Фарисеи же исповѣдуютъ обоя (Дѣян. XXIII, 6—8).

1. Опять (Павелъ) говоритъ по-человѣчески; онъ не всегда руководится благодатію, но позволяетъ себѣ привносить нѣчто и отъ себя. Это онъ и дѣлаетъ какъ теперь, такъ и послѣ, и въ оправданіи своемъ намѣревается раздѣлить злобно соединившуюся противъ него толпу. Не ложь говоритъ онъ и здѣсь, называя себя фарисеемъ; по предкамъ своимъ онъ дѣйствительно былъ фарисей. Потому такъ и оправдывается: *азъ Фарисей есмь, сынъ Фарисеовъ: о упованіи и о воскресеніи мертвыхъ азъ судъ пріемлю.* Они не хотѣли сказать, за что судятъ его; потому онъ находитъ нужнымъ самъ объяснить это. *Фарисеи же*, говоритъ (писатель), 338
исповѣдуютъ обоя. Здѣсь три предмета; почему же онъ говоритъ: *обоя*? Или потому, что духъ и ангелъ—одно, или потому, что это выраженіе употребляется не только о двухъ, но и о трехъ. Слѣдовательно оно сказано по употребленію, а не по собственному значенію. Смотри: когда онъ сталъ между ними, тогда они принимаютъ его сторону. *Бысть же*, говоритъ (писатель), *кличь веlикъ. И воставше книжницы части фарисейскія пряхуся между собою, глаголюще: ни едино зло обрѣтаемъ въ человѣцѣ семъ. Аще же духъ глагола ему или ангелъ, не противимся Богу* (ст. 9). А почему они не защищали его прежде? Потому что онъ не принадлежалъ къ нимъ, и до этого оправданія еще не было извѣстно, что онъ прежде былъ фарисей. Видишь ли, какъ открывается истина, когда умолкаютъ страсти? Слова же ихъ означаютъ слѣдующее: что за вина, если это сказалъ ему ангелъ или духъ, и по его внушенію онъ учитъ такъ о воскресеніи? Потому оставимъ его, чтобы, возставая противъ него, намъ не сдѣлаться противниками Богу. Смотри, какъ благоразумно они защищаютъ Павла, хотя онъ не подалъ имъ никакого къ тому повода. *Многе же бывшей распрѣ, бояся тысящникъ, да не растерзанъ будетъ Павелъ отъ нихъ, повелѣ* 339
воиномъ сniти и восхитити его отъ среды ихъ, и вести его въ полкъ (ст. 10). Тысяченачальникъ боится, чтобы не растерзали Павла, когда онъ сказалъ, что онъ римлянинъ: слѣдовательно это было

не безопасно. Видишь ли, что онъ справедливо назвалъ себя римляниномъ? Иначе (тысяченачальникъ) и теперь не пришелъ бы въ страхъ. Но воины уводятъ его. Видя, что все безуспѣшно, эти злодѣи начинаютъ дѣйствовать сами, какъ они хотѣли и прежде, но встрѣтили препятствія. Такъ злоба никогда не успокоивается, не смотря ни на какія препятствія. Между тѣмъ сколько здѣсь обстоятельствъ располагало ихъ и утолить гнѣвъ свой и образумиться! Тѣмъ не менѣе они упорствуютъ. Даже достаточно было для вразумленія ихъ и того, что человѣкъ, котораго они хотѣли растерзать, отнимается у нихъ и избѣгаетъ такихъ опасностей. *Въ наставшую же нощь представъ ему Господь, рече: дерзай: яко же бо свидѣтельствовалъ еси, яже о мнѣ, во Іерусалимѣ, сице ти подобаетъ и въ Римѣ свидѣтельствовати. Бывшу же дню, сотворше нѣцыи отъ Іудей совѣтъ, закляша себе, глаголюще не ясти, ни пити, дондеже убіютъ Павла. Бяху же множае четыредесятихъ сію клятву сотворшіи* (ст. 11—13). *Закляша себе,* говоритъ. Видишь ли, какъ они мстительны и упорны въ злобѣ? Что значитъ: *закляша себе?* Иначе сказать: они оставятъ вѣру въ Бога, если не исполнятъ своего намѣренія въ отношеніи къ Павлу. Слѣдовательно они остались заклятыми навсегда, потому что не убили Павла. Сошлись вмѣстѣ сорокъ человѣкъ; такой былъ это народъ, что когда надлежало согласиться на добро, то не сходилось и двухъ человѣкъ, а когда на зло, то сошлась цѣлая толпа. Они дѣлаютъ своими сообщниками и начальниковъ, на что указывая (писатель) продолжаетъ: *иже приступльше ко архіереемъ и старцемъ рѣша: клятвою проклясомъ себе, ничто же вкусити, дондеже убіемъ Павла. Нынѣ убо вы скажите тысящнику съ соборомъ, яко да утрѣ сведетъ его къ вамъ, аки бы хотяще разумѣти извѣстнѣе, яже о немъ: мы же прежде даже не приближитися ему, готовы есмы убити его. Слышавъ же сынъ сестры Павловы ковъ, пришедъ и вшедъ въ полкъ, сказа Павлу. Призвавъ же Павелъ единаго отъ сотникъ, рече: юношу сего отведи къ тысящнику: имать бо нѣчто сказати ему. Онъ же убо поимъ его приведе къ тысящнику* (ст. 14—18). Опять онъ спасается человѣческимъ содѣйствіемъ. Посмотри: Павелъ не открываетъ этого никому, даже и сотнику, чтобы это не сдѣлалось извѣстнымъ. Сотникъ пошелъ и донесъ тысяченачальнику такъ: *узникъ Павелъ, призвавъ мя, умоли сего юношу привести къ тебѣ, имуща нѣчто глаголати тебѣ. Поимъ же его за руку тысящникъ, и отшедъ наединѣ вопрошаше его: что есть, еже имаши возвѣстити ми? Рече же: яко Іудеи совѣщаша умолити тя, яко заутрѣ сведеши Павла къ нимъ въ соборъ, аки бы хотящимъ извѣстнѣе истязати, яже о немъ. Ты убо не послушай ихъ: ловятъ бо его*
340 *отъ нихъ мужіе множае четыредесяти, иже закляша себе ни ясти*

ни пити, дондеже убіютъ Павла: и нынѣ готовы суть, чающе обѣщанія, еже отъ тебе. Тысящникъ убо отпусти юношу, завѣщавъ ни единому же повѣдати, яко сія явилъ еси мнѣ (ст. 19—22).

2. Хорошо (сдѣлалъ) тысячникъ, приказавъ скрыть это, чтобы не сдѣлалось извѣстнымъ. Потомъ даетъ повелѣніе сотникамъ, когда слѣдовало, и посылаетъ (Павла) въ Кесарію, чтобы онъ и тамъ говорилъ при большемъ числѣ зрителей и среди торжественнѣйшаго собранія слушателей. Послѣ этого іудеи не могутъ сказать: если бы мы видѣли Павла, или слышали его ученіе, то увѣровали бы. И этого оправданія они лишаются. И *представъ*, говоритъ (писатель), *Господь рече ему: дерзай: якоже бо свидѣтельствовалъ еси, яже о мнѣ, во Іерусалимѣ, сице ти подобаетъ и въ Римѣ свидѣтельствовати.* Смотри, и послѣ этого явленія Господь попускаетъ ему спастись опять по-человѣчески. Достойно удивленія, какъ Павелъ не смутился и не сказалъ: что же это значитъ? Не обманутъ ли я Христомъ? Нѣтъ, онъ не думалъ и не чувствовалъ ничего такого, а только вѣровалъ. Впрочемъ, вѣруя, онъ не дремалъ, не приминулъ сдѣлать то, что можно было при помощи человѣческой мудрости. Смотри, какъ тѣ связали себя заклятіемъ, какъ бы какою необходимостію. Вотъ и постъ—отецъ мужеубійства! Какъ Иродъ связалъ себя клятвою, какъ бы какою необходимостію, такъ и они. Таково коварство діавола: подъ видомъ набожности онъ разставляетъ сѣти. Нужно было придти, обвинять, собирать судилище: это дѣло не священниковъ, а разбойниковъ, не начальниковъ, а злодѣевъ. И смотри, какая крайняя злоба: не довольствуются тѣмъ, что склоняютъ ко злу другъ друга, но рѣшаются вмѣстѣ съ собою склонить къ тому же и правителя. Потому (Господь) и устроилъ, что онъ узналъ объ ихъ умыслѣ. А они не только тѣмъ, что ничего не могли сказать (противъ Павла), но и тѣмъ, что сдѣлали умыселъ тайно, обличили сами себя и показали, что они—ничто. Послѣ отправленія (Павла) первосвященники, вѣроятно, приходили съ просьбою (къ тысяченачальнику) и возвратились со стыдомъ безъ успѣха. А тысяченачальникъ поступилъ справедливо; онъ не рѣшился ни отпустить (Павла), ни согласиться (съ ними). Но какъ онъ, скажешь, повѣрилъ, что сказанное юношею было справедливо? Онъ изъ прежняго заключалъ, что они могутъ сдѣлать это. И смотри, какое коварство: сами первосвященники были какъ бы поставлены въ необходимость. Не удивляйся: вѣдь если тѣ рѣшались на такое дѣло и принимали на себя всю опасность, то эти еще болѣе могли сдѣлать тоже. Видишь ли, какъ (Павелъ) оказывается невиннымъ предъ судомъ внѣшнихъ (язычниковъ), подобно какъ Христосъ предъ судомъ Пилата? Смотри, какъ зло-

ба вредитъ сама себѣ: они предали Павла, чтобы осудить и убить его; а выходитъ противное; онъ спасается и оказывается невиннымъ; если бы было не такъ, то растерзали бы его; если бы было не такъ, то погубили бы, осудили бы его. Но тысяченачальникъ не только избавляетъ его отъ этого умысла, но и способствуетъ ему безопасно отправиться въ сопровожденіи такого отряда,—а какимъ образомъ, послушай. *И призвавъ*, продолжаетъ (писатель), *два нѣкія отъ сотникъ, рече: уготовите ми воиновъ вооруженныхъ двѣсти, яко да идутъ до Кесаріи, конникъ семдесятъ, и стрѣлецъ*
341 *двѣсти, отъ третіяго часа нощи: и скоты привести, да всадивше Павла проводятъ до Филикса игемона. Написа же и посланіе, имущее образъ сей: Клавдій Лисіа державному игемону Филиксу радоватися. Мужа сего ята отъ Іудей, и имуща убіена быти отъ нихъ, приступль съ воины отъяхъ его, увѣдѣвъ, яко Римлянинъ есть. Хотя же разумѣти вину, еяже ради поимаху нань, сведохъ его въ сонмище ихъ: егоже обрѣтохомъ оглаголуема о взысканіи закона ихъ, ни едино же достойно смерти или узамъ согрѣшеніе имуща. Сказану бывшу же ми кову хотящу быти отъ Іудей на мужа сего, абіе послахъ его къ тебѣ, завѣщавъ и клеветникомъ его глаголати предъ тобою, яже нань. Здравъ буди* (ст. 23—30). Вотъ и письмо, заключающее въ себѣ оправданіе Павла, *ни едино же*, говоритъ, *обрѣтохъ достойно смерти согрѣшеніе имуща*, — служащее къ осужденію болѣе ихъ, нежели его: такъ они домогались убить его! И прежде, говоритъ, *мужа сего имуща убіена быти отъ Іудей отъяхъ*: потомъ *сведохъ его къ нимъ*; но и тогда они не могли ни въ чемъ обвинить его, и хотя послѣ перваго покушенія имъ слѣдовало успокоиться и устыдиться, но они опять замышляютъ убить его: такъ ясно эти слова говорятъ опять въ его пользу! А для чего онъ посылаетъ туда обвинителей? Для того, чтобы и въ томъ судилищѣ, гдѣ дѣло имѣло разсматриваться обстоятельнѣе, онъ оказался невиннымъ. Но обратимся къ вышесказанному. *Азъ Фарисей есмь*. Это сказалъ (Павелъ) для того, чтобы расположить ихъ къ себѣ; а чтобы не показаться льстецомъ, присовокупляетъ: *о упованіи и о воскресеніи мертвыхъ азъ судъ пріемлю;* защищаетъ себя отъ ихъ обвиненія и клеветы. Саддукеи утверждаютъ, что нѣтъ ни ангела, ни духа; они не признаютъ ничего безтѣлеснаго, можетъ быть даже и Бога, по своей грубости; потому они не хотятъ вѣрить и воскресенію. *И воставше*, говоритъ (писатель), *книжницы части фарисейскія, пряхуся между собою, глаголюще: ни едино зло обрѣтаемъ въ человѣцѣ семъ*.

3. Смотри: тысяченачальникъ слышитъ, что фарисеи признаютъ его невиннымъ, и принимаетъ его сторону, уводитъ его съ великимъ дерзновеніемъ. Сказанное Павлу также исполнено

любомудрія. *Въ наставшую же нощь представъ ему Господь рече: дерзай Павле: якоже бо свидѣтельствовалъ еси, яже о мнѣ, во Іерусалимѣ, сице ти подобаетъ и въ Римѣ свидѣтельствовати.* Смотри, какое утѣшеніе. Сперва (Господь) восхваляетъ его, потомъ внушаетъ, чтобы онъ не боялся отправленія въ Римъ, которое еще не было извѣстно, и какъ бы такъ говоритъ: ты не только отправишься туда, но и покажешь великое дерзновеніе. Этимъ выражается не то, что онъ будетъ спасенъ, но что онъ будетъ свидѣтельствовать съ великою славою въ великомъ городѣ. А почему (Господь) явился ему не прежде, какъ когда онъ подвергся опасности? Потому, что Богъ всегда утѣшаетъ въ скорбяхъ (когда Онъ бываетъ болѣе вожделѣннымъ) и научаетъ насъ среди опасностей. Иначе сказать: когда онъ былъ свободенъ отъ узъ, тогда оставался спокойнымъ, а теперь его ожидали бѣдствія. *Клятвою прокляхомъ себе,* говорятъ, *ни ясти ни пити.* Какое неистовство! Сами себя безразсудно подвергаютъ проклятію. *Да сведетъ,* говорятъ, *его къ вамъ аки бы хотяще разумѣти извѣстнѣе, яже о немъ.* Что ты говоришь? Не въ другой ли уже разъ онъ говорилъ предъ 342
вами? Не назвалъ ли себя фарисеемъ? Чего же еще болѣе? Такъ они не боялись ничего, ни судилищъ, ни законовъ; такъ они были дерзки на все: и внушаютъ (коварную) мысль и обѣщаютъ дѣйствовать. *Слышавъ же сынъ сестры Павловы ковъ.* Промыслъ Божій устроилъ, что они не знали, что тотъ подслушаетъ.

Что же Павелъ? Онъ не смутился, но уразумѣлъ, что это—дѣло Божіе, и все возложивъ на Него, чрезъ это самое получилъ спасеніе. Смотри, какъ Богъ устроилъ все ко благу. Юноша объявилъ объ умыслѣ, ему повѣрили, и такимъ образомъ Павелъ спасся. Но, скажешь, если онъ былъ признанъ невиннымъ, то для чего были посланы туда обвинители? Для того, чтобы дѣло было изслѣдовано точнѣе, и чтобы этотъ мужъ явился тѣмъ болѣе чистымъ. Божіе домостроительство таково, что чѣмъ намъ вредятъ, то самое служитъ къ нашей пользѣ. Такъ Іосифъ былъ оклеветанъ госпожею; она думала что вредитъ ему, но своею клеветою доставила ему безопасность; темница была гораздо покойнѣе дома, гдѣ воспитывался этотъ звѣрь. Находясь тамъ, онъ, хотя и служилъ, но былъ въ непрестанномъ страхѣ, какъ бы не напала на него госпожа, и этотъ страхъ безпокоилъ его болѣе темницы. Напротивъ, подвергшись обвиненію, онъ сталъ жить безбоязненно и спокойно, избавившись отъ этого звѣря, отъ безстыдства и клеветы. Ему лучше было находиться вмѣстѣ съ несчастными людьми, нежели съ неистовою госпожею. Здѣсь онъ находилъ себѣ утѣшеніе въ томъ, что посаженъ сюда за цѣломудріе; а тамъ боялся, какъ бы не принять язвы на душу. Для

юноши нѣтъ ничего тяжелѣе, мучительнѣе и несноснѣе любящей женщины, когда онъ ея не хочетъ: это хуже всякихъ узъ. Такимъ образомъ, онъ не вверженъ былъ въ темницу, но освободился изъ темницы; она вооружила противъ него господина, но сохранила его въ мирѣ съ Богомъ, приблизила его къ дѣйствительному, истинному Владыкѣ; лишила власти въ своемъ домѣ, но усвоила Господу. Также и братья продали его, но тѣмъ избавили его отъ домашнихъ враговъ, отъ великой злобы и зависти, отъ ежедневныхъ клеветъ, удалили отъ ненавидѣвшихъ его. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть хуже, какъ быть принуждену жить вмѣстѣ съ завистливыми братьями, находиться въ подозрѣніи, подвергаться клеветамъ? Итакъ, одно дѣлали и та и эти, а другое и великое устроялъ (Богъ) для праведника. Когда онъ былъ въ чести, тогда находился въ опасности; а когда испытывалъ безчестіе, тогда былъ въ безопасности. Евнухи не вспомнили о немъ,—и хорошо: освобожденіе его устроилось славнѣе, такъ что надобно было приписать все не человѣческой милости, а Божію домостроительству; онъ былъ освобожденъ благовременно, когда была нужда, такъ что фараонъ извелъ его изъ темницы, не какъ благодѣтель, а какъ получающій благодѣяніе. Надлежало не рабу получить даръ, а царю испытать нужду; надлежало открыться его мудрости. Потому забываетъ его евнухъ, чтобы не забылъ Египетъ, чтобы не остался въ невѣдѣніи о немъ царь. Если бы онъ изведенъ былъ прежде, то можетъ быть захотѣлъ бы возвратиться въ свою землю; потому онъ и удерживается тысячію необходимостей, во-первыхъ—властію, во-вторыхъ—темницею, въ-третьихъ — (распоряженіями) въ царствѣ, чтобы все это такъ устроилось. Какъ благороднаго коня, стремящагося ускакать къ своимъ, Богъ удерживалъ его тамъ для славныхъ цѣлей. А что онъ желалъ увидѣть отца и облегчить скорбь его, видно изъ того, что онъ призвалъ его туда.

343 4. Хотите ли, мы разсмотримъ и другіе случаи коварства, какъ они служатъ къ нашей пользѣ, не только тѣмъ, что уготовляютъ намъ награду, но и тѣмъ, что въ то же самое время устрояютъ наше благосостояніе? Строилъ ковы отцу (Іосифа) дядя его и изгналъ его изъ отечества. Что же? Самъ поставилъ его вдали отъ опасности, потому что (Іаковъ) нашелъ тамъ безопасность; подалъ ему поводъ сдѣлаться болѣе любомудреннымъ и увидѣть сонъ. Но онъ былъ рабомъ въ чужой странѣ? Однакожъ онъ нашелъ своихъ, взялъ невѣсту и явился тестю достойнымъ зятемъ. Но (тесть) обманулъ его? Однакожъ и это обратилось во благо: онъ сдѣлался отцемъ многихъ дѣтей. Но (тесть) имѣлъ противъ него злой умыселъ? Однакожъ и изъ этого вышло добро: онъ

возвратился въ свою землю; если бы онъ благоденствовалъ, то не пожелалъ бы идти въ свое отечество. Но его лишили награды? Онъ получилъ награду большую. Такъ всегда, противъ кого больше злоумышляли, тѣ большихъ удостоивались благъ. Если бы Іаковъ не взялъ за себя старшей сестры, то не сдѣлался бы отцемъ столь многихъ дѣтей, но провелъ бы много времени въ безчадіи и плакалъ бы, какъ (другая) жена его. Она справедливо плакала, пока не сдѣлалась матерью; а онъ имѣлъ утѣшеніе; потому и укорялъ ее. Опять, если бы не лишили его награды, онъ не пожелалъ бы видѣть своего отечества, не открылось бы любомудріе этого мужа, не прилѣпились бы къ нему такъ (жены его). Смотри, что онѣ говорятъ: *снѣде снѣдію насъ и сребро наше* (Быт. XXXI, 15): такъ это усилило любовь ихъ! Онѣ сдѣлались ему вмѣсто женъ рабынями и любили его, чтó выше всякаго сокровища, такъ какъ нѣтъ, поистинѣ нѣтъ ничего драгоцѣннѣе, какъ быть столь любимымъ женою и любить. *Мужъ и жена между собою согласни*, говоритъ Премудрый, поставляя это въ числѣ блаженствъ (Сир. XXV, 2); въ этомъ все богатство, все счастіе жизни, а безъ этого все прочее безполезно, все неустроенно и исполнено непріятностей и огорченій. Потому будемъ и мы искать этого прежде всего. Кто ищетъ денегъ, тотъ не ищетъ этого. Будемъ искать того, что можетъ быть твердо.

Не будемъ искать брачнаго союза съ богатыми, чтобы множество богатства не породило въ женѣ высокомѣрія, чтобы высокомѣріе не было причиною развращенія. Не видишь ли, что сотворилъ Богъ, какъ Онъ подчинилъ (жену мужу)? Почему же ты невнимателенъ? Для чего безчувственъ? Что даровалъ Онъ тебѣ по природѣ, въ томъ не нарушай самъ (Его) содѣйствія. Надобно искать не богатой жены, а того, чтобы имѣть въ ней сообщницу жизни для рожденія дѣтей. Не для того Богъ даровалъ человѣку жену, чтобы она принесла деньги, но чтобы была ему помощницею. Жена, приносящая деньги, бываетъ коварна, (становится госпожею, вмѣсто жены, или лучше, звѣремъ, а не женою), предаваясь высокомѣрію изъ-за своего богатства. Нѣтъ ничего презрѣннѣе мужа, желающаго обогатиться такимъ образомъ; если вообще обогащеніе исполнено искушеній, то что будетъ обогащеніе такимъ способомъ? Не смотри на то, что иной получилъ необыкновенно много, случайно и неожиданно; и въ другихъ дѣлахъ нужно обращать вниманіе не на то, чѣмъ иные владѣютъ и какъ неожиданно получаютъ, но благоразумно вникать, не сопровождается ли это дѣло безчисленными непріятностями. И не самъ одинъ ты чрезъ это подвергнешься безславію, но навлечешь стыдъ и на дѣтей, которыхъ оставишь въ бѣдно-

сти, если случится тебѣ умереть прежде, и женѣ подашь множество поводовъ—выйти за мужъ за другого. Не видишь ли, какъ для многихъ женъ предлогомъ ко второму браку служило то, что онѣ обращали на себя вниманіе, искали распорядителей для своего имущества? Не будемъ же допускать столько зла ради денегъ, но, оставивъ все, будемъ искать (въ женѣ) доброй души, чтобы найти въ ней и любовь. Въ этомъ великое богатство, въ этомъ высокое сокровище, въ этомъ безчисленное множество благъ, которыхъ да насладимся всѣ мы, живя какъ должно и согласно съ законами божественными, чтобы намъ сподобиться и благъ будущихъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА L.

343 Воини же убо, по повелѣнному имъ, вземше Павла, ведоша обнощь въ Антипатриду. Воутріе же оставльше конники ити съ нимъ, возвратишася въ полкъ. Они же пришедше въ Кесарію, и вдавше посланіе игемону, представиша ему и Павла (Дѣян. xxiii, 31—33).

1. Какъ бы какого царя, (Павла) сопровождали оруженосцы въ такомъ множествѣ, и притомъ ночью, опасаясь нападенія буйнаго народа. Выведши его за городъ, они оставили его. Тысяченачальникъ не отправилъ бы его подъ такою сильною стражею, если бы самъ не признавалъ его невиннымъ и не видѣлъ рѣшимости (іудеевъ) на убійство. *Прочетъ же, и вопрошъ, отъ коея страны есть, и увѣдѣвъ, яко отъ Киликіи, рече: услышу о тебѣ, егда и клеветницы твои пріидутъ: и повелѣ въ преторѣ Иродовѣ стрещи его* (ст. 34, 35). Лисій уже написалъ въ его защиту; но, не смотря на то, іудеи снова нападаютъ, стараются склонить слушателя на свою сторону, (Павелъ) снова ввергается въ оковы; а какимъ образомъ, послушай: *по пятихъ же днехъ*, продолжаетъ (писатель), *сниде архіерей Ананіа со старцы и съ риторомъ нѣкіемъ Тертилломъ, иже сказаша игемону о Павлѣ* (xxiv, 1). Смотри, какъ они не отстаютъ, но, не смотря на безчисленныя препятствія, приходятъ,
344 чтобы посрамиться и здѣсь. *Призвану же бывшу ему, начатъ клеветати Тертиллъ, глаголя: многъ миръ улучающе тобою, и исправленія бываемая языку сему твоимъ промышленіемъ, всякимъ же образомъ и вездѣ пріемлемъ, державный Филиксе, со всякимъ благодареніемъ. Но да не множае стужаю тебѣ, молю тя послушати насъ вкратцѣ твоею кротостію* (ст. 2—4). Если вы сами намѣрены дѣй-

ствовать, то для чего вамъ риторъ? Смотри, какъ онъ въ самомъ началѣ представляетъ (Павла) нововводителемъ и возмутителемъ, а похвалами склоняетъ судію на свою сторону. Потомъ, какъ бы имѣя говорить многое и какъ бы умалчивая о прочемъ, говоритъ: *да не множае стужаю тебѣ.* Смотри, какъ онъ склоняетъ судію къ наказанію (Павла), какъ будто нужно было обуздать развратителя цѣлой вселенной, и какъ будто они совѣщаются о дѣлѣ великомъ. *Обрѣтохомъ бо мужа сего губителя, и движуща противленіе всѣмъ Іудеемъ живущимъ по вселеннѣй, и предстателя суща назорейстѣй ереси: иже и церковь покусися осквернити, егоже и яхомъ, и по закону нашему хотѣхомъ судити ему. Пришедъ же Лисіа тысящникъ, многою силою отъ рукъ нашихъ исхити его, повелѣвъ поемлющимъ нань ити къ тебѣ: отъ него же возможеши самъ разсудивъ о всѣхъ сихъ познати, о нихъ же мы поемлемъ нань* (ст. 5—8). *Движуща*, говоритъ, *противленіе Іудеемъ живущимъ по вселеннѣй.* Обвиняютъ его какъ язву и общаго врага народа, и какъ начальника (ереси) назореевъ (названіе назореевъ считалось поноснымъ); потому они и прибавили это, поставляя и это ему въ укоризну, такъ какъ Назаретъ былъ маловажный (городъ). *Обрѣтохомъ*, говорятъ. Смотри, какъ коварно представляютъ его бѣглецомъ, и какъ будто лишь только взяли его, между тѣмъ какъ онъ провелъ въ храмѣ семь дней. *Егоже и яхомъ, и по закону нашему хотѣхомъ судити ему.* Смотри, какъ оскорбляютъ и законъ, какъ будто онъ предписывалъ бить, умерщвлять и строить ковы. Затѣмъ обвиняютъ и Лисія. *Пришедъ же Лисіа тысящникъ многою силою отъ рукъ нашихъ исхити его.* Ему не слѣдовало, говорятъ, дѣлать это; но онъ сдѣлалъ. *Отъ него же возможеши самъ разсудивъ о всѣхъ сихъ познати, о нихъ же мы поемлемъ нань. Сложившася же и Іудеи, глаголюще симъ тако быти* (ст. 9). Что же Павелъ? Молчитъ ли при этомъ? Нѣтъ, онъ опять смѣло отвѣчаетъ, и притомъ по желанію игемона. *Отвѣщавъ же Павелъ*, продолжаетъ (писатель), *поманувшу ему игемону глаголати: отъ многихъ лѣтъ суща тя судію праведна языку сему свѣдый, благодушнѣе, яже о мнѣ, отвѣщаю. Могущу ти разумѣти, яко не множае ми есть дней дванадесятихъ, отнелѣже взыдохъ поклонитися во Іерусалимъ. И ни въ церкви обрѣтоша мя къ кому глаголюща или развратъ творяща народу, ни въ сонмищахъ, ни во градѣ. Ниже довести могутъ, елика тебѣ нынѣ на мя глаголютъ* (ст. 10—13). Свидѣтельствовать предъ судіею правду—это не слова лести; таковы, напротивъ, слова: *многъ миръ улучающе тобою.* Для чего же вы востаете несправедливо? Смотри: они домогались несправедливаго, а онъ искалъ правды: потому и сказалъ: *благодушнѣе, яже о мнѣ, отвѣщаю.* Заимствуетъ доказательство и отъ времени: *отъ многихъ лѣтъ*, говоритъ, *суща*

тя свѣдѣхъ. А какую силу имѣло это доказательство? Великую: этимъ онъ показываетъ, что судія самъ знаетъ, что онъ не сдѣлалъ ничего такого, въ чемъ обвиняютъ его. Если бы онъ производилъ когда-нибудь возмущеніе, то судія зналъ бы и это отъ него не укрылось бы. Обвинитель, не въ состояніи будучи указать ни на что (изъ дѣйствій Павла) во Іерусалимѣ, смотри, что говоритъ: *всѣмъ Іудеемъ живущимъ по вселеннѣй*; прилагаетъ ложь ко лжи. Потому Павелъ, въ опроверженіе этого, говоритъ: *взыдохъ поклонитися*, и какъ бы такъ оправдываетъ себя: я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы производить возмущеніе. На этомъ справедливомъ положеніи, которое было такъ сильно, онъ останавливается, прибавляя: *ни въ церкви обрѣтоша мя къ кому глаголюща, ни во градѣ, ни въ сонмищи*, что и было справедливо. Тотъ называетъ (Павла) *предстателемъ*, какъ бы на сраженіи или въ мятежѣ; а онъ, смотри, какъ кротко отвѣчаетъ: *исповѣдую же тебѣ сіе, яко въ пути, его же сіи глаголютъ ересь, тако служу отеческому Богу, вѣруя всѣмъ сущимъ въ законѣ и пророцѣхъ писанымъ. Упо-*
346 *ваніе имый на Бога, его же и сами сіи чаютъ, яко воскресеніе хощетъ быти праведникомъ же и грѣшникомъ* (ст. 14, 15).

2. Смотри: тѣ представляли его противникомъ (закону), а онъ въ своемъ оправданіи показываетъ себя преданнымъ закону, и подтверждая сказанное присовокупляетъ: *о семъ же и азъ подвизаюся, непорочну совѣсть имѣти всегда предъ Богомъ же и человѣки. По лѣтѣхъ же многихъ пріидохъ сотворити милостыни во языкъ мой и приношенія. Въ нихъ же обрѣтоша мя очищенна въ церкви, ни съ народомъ, ниже съ молвою* (ст. 16—18). Для чего ты возвратился? Для чего пришелъ? Помолиться, говоритъ, *сотворити милостыню*. Это дѣло не возмутителя. Потомъ указываетъ на ихъ личность, и не обращая на нее вниманія, говоритъ: *въ нихъ же обрѣтоша мя нѣцыи отъ Асіи Іудеи, имже подобаше предъ тя пріити и глаголати, аще имутъ что на мя. Или сами тіи да глаголютъ, аще кую обрѣтоша во мнѣ неправду, ставшу ми въ сонмищи. Развѣ единаго сего гласа, имже возопихъ стоя въ нихъ: яко о воскресеніи мертвыхъ азъ судъ пріемлю днесь отъ васъ* (ст. 19—21). Тѣмъ особенно и сильно оправданіе, чтобы не убѣгать отъ обвинителей, но быть готову отвѣчать всѣмъ. *О воскресеніи мертвыхъ*, говоритъ, *азъ судъ пріемлю днесь*. Не сказалъ ничего такого, о чемъ могъ бы сказать по справедливости, т. е. что они клеветали, задержали его, строили ему ковы (все это говорится о нихъ [писателемъ], а самъ Павелъ, не смотря и на опасность, не говоритъ); но умалчиваетъ, и только оправдывается, хотя могъ бы сказать многое. А что онъ пришелъ съ столь большимъ отрядомъ, это сдѣлало его извѣстнымъ и въ Кесаріи. *Въ нихъ же*, говоритъ, *обрѣтоша*

мя очищенна въ церкви. Какъ же онъ осквернилъ ее? Невозможно было одному и тому же очищаться и молиться, и въ то же время придти и осквернить. И то служитъ доказательствомъ его справедливости, что онъ не многословенъ; это нравится и судіи; мнѣ кажется, что для него онъ и сокращаетъ свои оправданія. Но обратимся къ вышесказанному. Напередъ долго говорилъ Тертуллъ; замѣтивъ, что онъ сокращаетъ рѣчь, онъ не сказалъ: послушай, какъ было дѣло, но: *да не множае стужаю тебе, молю тя послушати насъ твоею кротостію.* Употребляетъ такое выраженіе, вѣроятно, изъ лести; впрочемъ, дѣйствительно, это знакъ скромности, когда кто, имѣя сказать многое, но не желая безпокоить (другого), говоритъ немного. *Обрѣтохомъ бо мужа сего губителя, иже покусися*, говоритъ, *и церковь осквернити.* Слѣдовательно не осквернилъ. Но не сдѣлалъ ли онъ этого въ другомъ мѣстѣ? Нѣтъ; иначе (обвинитель) сказалъ бы; между тѣмъ онъ говоритъ только: *покусися*, а какимъ образомъ, не прибавляетъ. Такъ онъ преувеличиваетъ все, что относилось къ Павлу; а что касалось ихъ, смотри, какъ уменьшаетъ. *Его же и яхомъ*, говоритъ, *и по закону нашему хотѣхомъ судити ему. Пришедъ же Лисіа тысящникъ, многою силою отъ рукъ нашихъ исхити его.* Этимъ выражаетъ, что имъ прискорбно было идти въ чужое судилище и что они не безпокоили бы его, если бы тысяченачальникъ не принудилъ ихъ къ тому и не отнялъ у нихъ этого мужа, что не слѣдовало ему дѣлать; обида была нанесена, говоритъ, намъ; потому и судъ надъ нимъ долженъ былъ производиться у насъ. А что это такъ, видно изъ слѣдующаго: *многою*, говоритъ, *силою*, т. е. насиліемъ. *Отъ него возможеши познати.* Не смѣетъ прямо обвинить, потому что (Феликсъ) былъ человѣкъ снисходительный; но и не безъ цѣли дѣлаетъ такой переходъ. Желая опять показать, что онъ не лжетъ, предоставляетъ обвинять себя самому Павлу. 347
Отъ него же, говоритъ, *возможеши самъ разсудивъ о всѣхъ сихъ познати.* Затѣмъ выступаютъ и свидѣтели сказаннаго. *Сложишася же и Іудеи, глаголюще симъ тако быти.* Обвинители сами и свидѣтельствуютъ и обвиняютъ. Но Павелъ отвѣчаетъ: *отъ многихъ лѣтъ суща тя судію праведна свѣдый.* Слѣдовательно, онъ не иностранецъ, не чужой, не нововводитель, если уже много лѣтъ знаетъ судію. Не напрасно прибавляетъ: *праведна*, но чтобы тотъ не смотрѣлъ ни на первосвященника, ни на народъ, ни на обвинителя. Смотри, какъ онъ воздерживается отъ укоризны, хотя она и нужна была. *Вѣруя*, говоритъ, *всѣмъ сущимъ въ законѣ.* Этимъ выражаетъ, что ни одинъ человѣкъ, вѣрующій въ будущее воскресеніе, которое и они сами принимаютъ, никогда не можетъ сдѣлать того (въ чемъ обвиняютъ его). Не сказалъ, что они вѣ-

руютъ въ писанія пророковъ (потому что они не вѣровали), но что онъ вѣруетъ всему, а не они. Какъ же такъ? Долго было бы теперь говорить объ этомъ. Столько высказалъ Павелъ, и не упомянулъ о Христѣ. Но словомъ: *вѣруя* онъ указываетъ и на Христа, а останавливается болѣе на ученіи о воскресеніи, которое также и ими было принимаемо и отклоняло отъ него подозрѣнія во всякомъ возмущеніи. Затѣмъ слѣдуетъ причина его прибытія. *Пріидохъ*, говоритъ, *сотворити милостыни во языкъ мой и приношенія*, и притомъ, *по лѣтѣхъ многихъ*. Какъ же онъ могъ возмущать тѣхъ, кому желая доставить милостыню совершилъ столь далекій путь? *Ни съ народомъ*, говоритъ, *ниже съ молвою*. Вездѣ опровергаетъ мысль о возмущеніи. Хорошо ссылается и на обвинителей изъ Азіи, говоря: *имъ же подобаше предъ тя пріити и глаголати, аще имутъ что на мя*. Такъ онъ былъ увѣренъ въ своей чистотѣ отъ возводимыхъ на него обвиненій, что самъ вызываетъ обвинителей. Не отвергаетъ обвинителей не только азійскихъ, но и іерусалимскихъ; вызываетъ и этихъ, прибавляя: *или сами тіи да глаголютъ*. Съ самаго начала они возстали на него за то, что онъ проповѣдывалъ воскресеніе. Потому хорошо онъ указываетъ на это; доказавъ это, онъ легко могъ перейти къ ученію и о Христѣ, о томъ, что Онъ воскресъ. *Аще кую*, говоритъ, *обрѣтоша во мнѣ неправду, ставшу ми въ сонмищи*. *Въ сонмищи*, говоритъ, выражая, что они ничего не нашли въ немъ, допрашивая его не наединѣ, но въ большомъ собраніи, и при тщательномъ изслѣдованіи.

3. А что это справедливо, свидѣтелями тому служатъ сами обвинители. Потому онъ и говоритъ: *о семъ же и азъ подвизаюся, непорочну совѣсть имѣти всегда предъ Богомъ же и человѣки*. Совершенная добродѣтель бываетъ тогда, когда мы и людямъ не подаемъ повода (ко грѣху) и предъ Богомъ стараемся быть безукоризненными. *Имже возопихъ*, говоритъ, *на сонмищи*. Словомъ: *возопихъ* показываетъ ихъ насиліе, и какъ бы такъ говоритъ: они не могутъ сказать: ты дѣлалъ это подъ предлогомъ милостыни,— потому что я дѣлалъ это *ни съ народомъ, ниже съ молвою;* притомъ и при изслѣдованіи дѣла ничего болѣе не найдено. Видишь ли кротость его въ опасностяхъ? Видишь ли языкъ благоглаголивый? Онъ старается оправданіемъ своимъ только защитить себя, а не обвинять ихъ, если не вынужденъ къ тому необходимостію, подобно какъ и Христосъ говорилъ: *азъ бѣса не имамъ, но чту Отца моего, и вы не чтете мене* (Іоан. VIII, 49). Будемъ
348 подражать ему и мы, такъ какъ и онъ подражалъ Христу. Если онъ не говорилъ ничего оскорбительнаго тѣмъ, которые хотѣли погубить и умертвить его, то какого прощенія достойны будемъ

мы, которые во враждѣ и ссорахъ бываемъ подобны дикимъ звѣрямъ, называемъ враговъ нашихъ злодѣями, проклятыми? Простительно ли даже, что мы имѣемъ враговъ? Развѣ ты не знаешь, что воздающій честь (другому) воздаетъ честь самому себѣ? А мы безчестимъ самихъ себя. Ты обвиняешь другого, что онъ оскорбилъ тебя; но для чего самъ подпадаешь обвиненію? Для чего самъ наносишь себѣ рану? Будь безстрастенъ, будь неуязвимъ,— желая уязвить другого, не причиняй зла самому себѣ. Не довольно намъ другихъ душевныхъ тревогъ, возбуждающихся безъ всякой причины, какъ-то: неумѣстныхъ пожеланій, огорченій, сѣтованій и тому подобнаго; надобно еще умножить ихъ новыми.

Но какъ можно, скажешь, терпѣть, когда меня оскорбляютъ? А какъ невозможно, скажи мнѣ? Развѣ слова наносятъ намъ раны? Или (дѣлаютъ) шрамы на тѣлѣ? Какой же намъ отъ нихъ вредъ? Нѣтъ, если захотимъ, мы можемъ терпѣть. Положимъ себѣ закономъ не оскорбляться, и перенесемъ. Скажемъ самимъ себѣ: это происходитъ не отъ вражды, а отъ слабости; и точно это происходитъ отъ слабости: когда нѣтъ мысли о враждѣ или злонамѣренности, тогда оскорбляемый, хотя бы потерпѣлъ тысячи оскорбленій, имѣетъ желаніе удержаться. Если мы будемъ представлять только это, т. е. что это происходитъ отъ слабости, то перенесемъ все, оскорбителю простимъ и сами постараемся не предаваться тому же. Послѣ этого я спрошу всѣхъ васъ присутствующихъ: можете ли вы, если захотите, быть такъ любомудрыми, чтобы терпѣть оскорбленія? Думаю, что скажете: да. Такъ, оскорбляющій наноситъ тебѣ оскорбленія невольно и не по своему желанію, но по принужденію страсти; удержись же. Не видишь ли бѣснующихся? Какъ онъ (бѣснующійся) подвергается этому не столько отъ вражды, сколько отъ слабости, такъ и въ насъ огорченіе происходитъ не столько отъ свойства оскорбленій, сколько отъ насъ самимъ. Почему въ самомъ дѣлѣ мы переносимъ тѣ же самыя оскорбленія отъ бѣснующихся? Мы переносимъ также, когда оскорбляющіе или наши друзья, или высшіе. Не безразсудно ли въ этихъ трехъ случаяхъ, т. е. отъ друзей, отъ бѣснующихся и отъ высшихъ переносить оскорбленія, а отъ равныхъ и низшихъ не переносить? Я многократно говорилъ, что это лишь мгновенный порывъ: воздержимся немного, и пройдетъ все. Чѣмъ болѣе кто оскорбляетъ, тѣмъ болѣе онъ слабъ. Знаешь ли, когда надобно оскорбляться? Когда оскорбляемый нами молчитъ; тогда онъ силенъ, а мы слабы. Если же бываетъ напротивъ, то нужно даже радоваться; тогда ты достоинъ вѣнца, достоинъ провозглашенія. Не выходя на мѣсто борьбы, не подвергаясь непріятнымъ дѣйствіямъ солнца, жара и пыли, не сходясь и не схва-

тываясь съ противникомъ, но только пожелавъ, сидя или стоя, ты можешь получить великій вѣнецъ, и не просто великій, но гораздо большій, чѣмъ тѣ (борцы): не все вѣдь равно—низвергнуть противоборствующаго врага, или притупить стрѣлы гнѣва. Ты побѣдилъ не схватываясь съ противникомъ, низложилъ возбуждавшуюся въ тебѣ страсть, умертвивъ свирѣпаго звѣря, обуздалъ неистовый порывъ, какъ доблестный пастырь, тогда какъ предстояла тебѣ внутренняя брань, домашняя война. Какъ враги, обложившіе городъ и осаждающіе его извнѣ, когда возбуждаютъ въ немъ междоусобную брань, тогда и одерживаютъ побѣду, такъ и оскорбляющій, если не возбудитъ въ насъ самихъ страсти, не въ состояніи будетъ преодолѣть насъ; если мы сами не воспла-
349 менимся, то онъ не будетъ имѣть никакой силы. Пусть же искра гнѣва хранится въ насъ и воспламеняется лишь благовременно, не противъ насъ самихъ, не для того, чтобы причинить намъ множество золъ. Не видите ли, какъ въ домахъ огонь содержится въ опредѣленномъ мѣстѣ, а не разбрасывается всюду, ни на сѣно, ни на одежды, и куда случится, чтобы онъ не воспламенился отъ дуновенія вѣтра. Когда или служанка зажигаетъ свѣтильникъ, или поваръ разводитъ огонь, то строго имъ внушается, чтобы дѣлали это не на вѣтру, не близъ деревянныхъ вещей и не въ темнотѣ; а когда наступаетъ ночь, то мы тушимъ огонь, опасаясь, чтобы во время нашего сна, когда некому смотрѣть за нимъ, онъ какъ-нибудь не разгорѣлся и не сжегъ всѣхъ. Точно также будемъ поступать и съ гнѣвомъ: пусть онъ не сопровождаетъ всѣ наши помыслы, но хранится въ глубинѣ души, чтобы не возбуждалъ его вѣтеръ отъ словъ противника, но чтобы это возбужденіе онъ получалъ отъ насъ, а мы умѣли бы возбуждать его умѣренно и безопасно. Когда онъ возбуждается извнѣ, то не знаетъ мѣры и можетъ пожечь все; онъ часто можетъ возбуждаться и во время нашего сна и пожечь все. Будемъ же воспламенять его въ насъ только для того, чтобы онъ свѣтилъ,—вѣдь гнѣвъ издаетъ свѣтъ, если онъ возбуждается, когда слѣдуетъ,—будемъ употреблять этотъ свѣтильникъ противъ тѣхъ, которые обижаютъ другихъ, и противъ діавола. Пусть не вездѣ полагается и не вездѣ разбрасывается эта искра, но хранится у насъ подъ пепломъ; будемъ содержать ее въ помыслахъ смиренныхъ. Не всегда она бываетъ намъ нужна,—только тогда, когда надобно что-нибудь исправить и умягчить, когда надобно преодолѣть упорство, или вразумить чью-либо душу.

4. Сколько зла происходитъ отъ раздраженія и гнѣва! И, что особенно тяжело,—когда мы находимся во враждѣ, то не хотимъ сами положить начало примиренію, но ожидаемъ другихъ;

каждый стыдится придти къ другому и примириться. Смотри, разойтись и раздѣлиться не стыдится, напротивъ, самъ полагаетъ начало этому злу; а придти и соединить раздѣлившееся стыдится, подобно тому, какъ если бы кто отрѣзать членъ не усумнился, а сростить его стыдился. Что скажешь на это, человѣкъ? Не самъ ли ты нанесъ великую обиду и былъ причиною вражды? Справедливость требуетъ, чтобы самъ же ты первый пришелъ и примирился, какъ бывшій причиною вражды. Но если (другой) обидѣлъ, и тотъ былъ причиною вражды? И въ этомъ случаѣ слѣдуетъ (начать примиреніе) тебѣ, чтобы тебѣ больше удивлялись, чтобы тебѣ имѣть первенство какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ: какъ не ты былъ причиною вражды, такъ не тебѣ быть и причиною ея продолженія; можетъ быть и тотъ, сознавъ вину свою, устыдится и вразумится. Но онъ высокомѣренъ? Тѣмъ болѣе ты не медли придти къ нему; онъ страдаетъ двумя болѣзнями: гордостію и гнѣвомъ. Самъ ты высказалъ причину, почему ты первый долженъ придти къ нему: ты здоровъ, ты можешь видѣть, а онъ во тьмѣ; таковы, именно,—гнѣвъ и гордость. Ты свободенъ отъ нихъ и здоровъ; приди же къ нему, какъ врачъ къ больному. Говоритъ ли кто-нибудь изъ врачей: такой-то боленъ, поэтому я не пойду къ нему? Напротивъ, тогда врачи и идутъ къ больному, когда видятъ, что онъ самъ не можетъ къ нимъ придти; о тѣхъ, которые могутъ (придти сами), они менѣе забо- 350
тятся, какъ о больныхъ неопасно, о лежащихъ же напротивъ. А не тяжелѣе ли всякой болѣзни гордость и гнѣвъ? Не подобны ли этотъ сильной горячкѣ, а та—развившейся опухоли? Представь, каково страдать горячкою и опухолью. Иди же, угаси его огонь; ты можешь сдѣлать это при помощи Божіей; останови его опухоль, какъ бы примочкою. Но что, скажешь, если оттого самаго онъ еще болѣе возгордится? Тебѣ нѣтъ до этого нужды; ты сдѣлаешь свое дѣло, а онъ пусть отвѣчаетъ самъ за себя; только бы насъ не упрекала совѣсть, что это произошло отъ опущенія съ нашей стороны чего-нибудь должнаго. *Ухлѣби*, говоритъ (писаніе), *врага твоего: сіе бо творя угліе огненно собираеши на главу его* (Рим. xii, 20). Впрочемъ, и при этомъ оно повелѣваетъ идти, примириться и благотворить врагу, не съ тѣмъ, чтобы собрать на него горящіе уголья, но чтобы онъ, зная это, исправился, чтобы трепеталъ и боялся этихъ благодѣяній больше, чѣмъ вражды, и этихъ знаковъ любви больше, чѣмъ обидъ. Для враждующаго не столько опасенъ врагъ, причиняющій ему зло, сколько благодѣтель, дѣлающій ему добро, потому что злопамятный вредитъ хотя немного и себѣ и ему, а благодѣющій собираетъ уголья огненные на главу его. Поэтому, скажешь, и не должно дѣлать ему

добра, чтобы не собрать на него угольевъ? Но развѣ ты хочешь собрать ихъ на собственную голову? Это и происходитъ отъ памятозлобія. А что если я еще болѣе усилю (вражду)? Нѣтъ; въ этомъ виновенъ будешь не ты, а онъ, если онъ подобенъ звѣрю; если и тогда, какъ ты благодѣтельствуешь, оказываешь ему честь и желаніе примириться, онъ упорно будетъ продолжать вражду, то онъ самъ на себя собираетъ огонь, самъ сожигаетъ свою голову; а ты нисколько не виновенъ. Не представляй себя человѣколюбивѣе Бога; иначе испытаешь множество золъ; или лучше, хотя бы ты и захотѣлъ, ты не можешь (достигнуть этого) нисколько. Какъ же? *Якоже отстоитъ небо отъ земли*, говоритъ (Господь), *тако отстоятъ помышленія ваша отъ мысли моея* (Ис. LV, 9); и еще: *аще вы лукави суще умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, колми паче Отецъ вашъ небесный дастъ вамъ* (Мѳ. VII, 11). Нѣтъ, это отговорка и предлогъ. Не будемъ же перетолковывать заповѣдей Божіихъ. А какъ, скажешь, мы перетолковываемъ ихъ? Онъ сказалъ: *сіе творя, угліе огненно собираеши на главу его*; а ты говоришь: боюсь за врага, который жестоко оскорбилъ меня. Не такъ ли говоришь ты? Но для чего ты пріобрѣлъ себѣ врага? Почему ты за оскорбителя боишься, а за себя не боишься? О, если бы ты заботился о самомъ себѣ! Не дѣлай (добра врагу) съ этою цѣлію; или лучше, дѣлай хотя съ этою цѣлію. Но ты не дѣлаешь. Скажу тебѣ не то только, что соберешь на него горящіе уголья, но и нѣчто другое большее,—только дѣлай. Павелъ говоритъ все это только для того, чтобы побудить тебя прекратить вражду хотя надеждою на наказаніе (врага). Мы такъ жестоки, что не иначе хотѣли бы примириться съ врагомъ, какъ въ надеждѣ (навлечь на него) какое-нибудь наказаніе; потому онъ и даетъ намъ, какъ бы какому звѣрю, эту приманку. Но апостоламъ (Господь) не сказалъ этого, а что? *Да будете* подобны *Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ* (Мѳ. V, 45). Съ другой стороны и невозможно, чтобы благодѣтельствующій и получающій благодѣянія остались врагами: потому
351 (апостолъ) и далъ такую заповѣдь. Для чего ты, любомудрствуя на словахъ, не соблюдаешь должнаго на дѣлѣ? Хорошо, положимъ, что ты не насыщаешь (врага) для того, чтобы не собрать на него горящихъ угольевъ; слѣдовательно, ты щадишь его?—любишь его?—благодѣтельствуешь съ этою цѣлію? Богъ знаетъ, точно ли съ этою цѣлію, какъ говоришь ты; можетъ быть ты хитришь предъ нами и играешь словами. Ты заботишься о врагѣ? Боишься, чтобы онъ не подвергся наказанію? Слѣдовательно, ты погасилъ свой гнѣвъ; кто питаетъ такую любовь, что презираетъ собственную пользу для блага другого, тотъ не имѣетъ вражды. Такъ могъ бы ты сказать. Но доколѣ мы будемъ шутить въ пред-

метахъ нешуточныхъ и непростительныхъ? Потому увѣщеваю 352
братство наше, возлюбленные Господомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, прошу и умоляю васъ, оставивъ эти предлоги, не будемъ невнимательными къ законамъ Божіимъ (и непослушными Его заповѣдямъ), чтобы мы могли благоугодно Господу провести настоящую жизнь и получить обѣтованныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LI.

**Отрече же имъ Филиксъ, извѣстнѣе увѣдѣвъ, яже о 351
пути семъ, глаголя: егда Лисіа тысящникъ пріидетъ, разсужду, яже о васъ. Повелѣ же сотнику стрещи Павла и имѣти ослабу, и ни единому же возбраняти отъ своихъ ему служити или приходити къ нему (Дѣян. xxiv, 22, 23).**

1. Смотри, какое искушеніе постигаетъ (Павла). во-первыхъ, отъ многихъ, а во-вторыхъ, въ теченіе долгаго времени. Нельзя сказать, чтобы судъ производился скоро. Послѣ того, какъ риторъ упомянулъ о Лисіѣ, сказавъ, что онъ силою взялъ (Павла), благовременно приведены (писателемъ) слова Феликса, о которомъ говорится: *отрече же имъ Филиксъ, извѣстнѣе увѣдѣвъ, яже о пути семъ*, т. е. нарочито отложилъ дѣло, не имѣя нужды въ изслѣдованіи, а только желая удалить іудеевъ. Отпустить (Павла) онъ не хотѣлъ изъ угожденія имъ, а наказать его было невозможно, потому что было бы безсовѣстно. Потому онъ и отложилъ дѣло, сказавъ: *егда Лисіа тысящникъ пріидетъ, разсужду, яже о васъ. Повелѣ же сотнику стрещи Павла и имѣти ослабу, и ни единому же возбраняти отъ своихъ ему служити или приходити къ нему. Имѣти ослабу*, говоритъ. Такъ и онъ находилъ его невиннымъ. Почему же, находя его невиннымъ, задерживаетъ? Желая угодить (іудеямъ), а также надѣясь взять деньги. Для того онъ и призываетъ къ себѣ Павла. А что именно для этого онъ призывалъ его, видно изъ дальнѣйшихъ словъ писателя, который говоритъ: *по днехъ же нѣкіихъ пришедъ Филиксъ со Друсилліею женою своею, сущею Іудеанынею, призва Павла, да слышитъ отъ него вѣру, яже во Христа Іисуса. Глаголющу же ему о правдѣ и о воздержаніи и о судѣ хотящемъ быти, пристрашенъ бывъ Филиксъ отвѣща: нынѣ убо иди: время же получивъ призову тя. Вкупѣ же и надѣяся, яко мзда дастся ему отъ Павла, яко да отпуститъ его.*

Тѣмъ же и часто призывая его бесѣдоваше съ нимъ (ст. 24—26). Смотри, какъ писатель держится истины. Феликсъ часто призывалъ его не потому, что удивлялся ему, или одобрялъ рѣчи его, или хотѣлъ увѣровать, но почему? *Надѣяся*, говоритъ, *яко мзда дастся ему*. Смотри, какъ онъ не скрываетъ здѣсь намѣренія судіи; а этотъ, если бы признавалъ (Павла) виновнымъ, не поступалъ бы такъ, не захотѣлъ бы слушать человѣка виновнаго и преступнаго. Между тѣмъ Павелъ, хотя говорилъ съ начальникомъ, но не сказалъ ничего такого, чѣмъ бы можно было преклонить его душу, но говорилъ то, что устрашило и потрясло его умъ; бесѣдовалъ съ нимъ, говоритъ, *о правдѣ и о воздержаніи*
352 *и о судѣ хотящемъ быти, и Филиксъ пристрашенъ бывъ*. Такова сила словъ Павловыхъ, что приводитъ правителя въ страхъ. Затѣмъ онъ получаетъ себѣ преемника, а Павла оставляетъ въ узахъ, хотя и не слѣдовало, а надлежало окончить дѣло; но онъ оставляетъ его такъ изъ угожденія (іудеямъ). А эти были такъ настойчивы, что снова стали нападать, какъ не нападали ни на кого другого изъ апостоловъ, но, напавъ на нихъ, потомъ отступали. Такъ (Богомъ) устроено было, чтобы Павелъ, имѣя дѣло съ такими звѣрями, удалился изъ Іерусалима, куда, впрочемъ, они опять просятъ привести его на судъ. Но и здѣсь Богъ устроилъ такъ, что не дозволилъ этого правителю. Онъ, какъ недавно принявшій власть, могъ бы рѣшиться угодить іудеямъ; но Богъ не попустилъ. Прибывъ (въ Кесарію), іудеи стали безстыдно взводить на него еще большія обвиненія и, такъ какъ не могли обвинить его въ дѣлахъ противъ закона, то опять прибѣгаютъ къ своему обычному средству, указываютъ на кесаря, какъ они дѣлали и въ отношеніи ко Христу. Это видно изъ того, что Павелъ оправдывается въ взводимыхъ на него преступленіяхъ противъ кесаря, какъ изъясняетъ (писатель), продолжая: *двѣма же лѣтома скончавшемася, пріятъ измѣненіе Филиксъ Поркіа Фиста: хотя же угодное сотворити Іудеемъ, Филиксъ остави Павла связана. Фистъ же убо пріимъ власть, по трехъ днехъ взыде во Іерусалимъ отъ Кесаріи. Сказаша же ему архіереи и первіи отъ Іудей на Павла, и моляху его, просяще благодати нань, яко да послетъ его во Іерусалимъ: ковъ творяще, яко да убіютъ его на пути. Фистъ же повелѣ Павла стрещи въ Кесаріи, самъ тамо хотя вскорѣ изыти. Иже убо сильніи въ васъ, рече, со мною шедше, аще есть кая неправда въ мужѣ семъ, да глаголютъ нань. Пребывъ же у нихъ множае десяти дней, сниде въ Кесарію: наутріе сѣдъ на судищи, повелѣ Павла привести. Приведену же бывшу ему, окрестъ сташа, иже отъ Іерусалима сшедшіи Іудеи, многи и тяжки вины приносяще на Павла, ихже не можаху изъявити: отвѣщавающу ему, яко ни на законъ Іудейскій,*

ни на церковь, ни на кесаря что согрѣшихъ. Фистъ же хотя угодное іудеемъ сотворити, отвѣщавъ Павлови рече: хощеши ли во Іерусалимъ восшедъ, тамо о сихъ судъ пріяти отъ мене (ст. 27; XXV, 1—9)? Смотри, какъ и онъ угождаетъ іудеямъ, всему народу и городу. Потому (Павелъ) и его приводитъ въ страхъ, употребляя 353
человѣческое средство; а какое, послушай. *Рече же Павелъ: на судищи Кесаревѣ стоя есмь, идѣже ми достоитъ судъ пріяти. Іудей ничимже обидѣхъ, якоже и ты добрѣ вѣси. Аще бо неправдую, или достойно смерти сотворихъ что, не отмещуся умрети: аще ли же ничтоже есть во мнѣ, еже сіи на мя клевещутъ, никто же мя можетъ тѣмъ выдати: Кесаря нарицаю* (ст. 10, 11). Но, можетъ быть, кто скажетъ при этомъ: ему сказано было: *подобаетъ ти и въ Римѣ свидѣтельствовати, яже о мнѣ* (Дѣян. XXIII, 11); почему же онъ такъ поступаетъ теперь, какъ бы не вѣруя (этимъ словамъ)? Нѣтъ, напротивъ, онъ крѣпко вѣровалъ. Скорѣе значило бы искушать (Бога), если бы онъ, полагаясь на это предсказаніе, сталъ самъ подвергать себя безчисленнымъ опасностямъ и говорить: посмотримъ, можетъ ли Богъ избавить меня отъ нихъ? Но Павелъ не дѣлаетъ этого, а, всецѣло ввѣряя себя Богу, принимаетъ всѣ мѣры и съ своей стороны. Притомъ такимъ оправданіемъ онъ нѣкоторымъ образомъ касается и правителя, и только такъ говоритъ: если я сдѣлалъ неправду, то справедливо; а если я правъ, то почему ты выдаешь меня? *Никтоже*, говоритъ, *мя можетъ выдати.* Не только (правителя) привелъ въ страхъ, такъ что онъ, если бы и хотѣлъ, не могъ выдать, но такимъ оборотомъ дѣла защитилъ себя и отъ іудеевъ. *Тогда Фистъ состязався съ совѣтники, отвѣща: Кесаря ли нареклъ еси, къ Кесарю пойдеши* (ст. 12).

2. Смотри, (о Павлѣ) сообщается Агриппѣ, чтобы и другіе послушали его, и царь, и войско, и Вереника. Потомъ опять (слѣдуетъ) оправданіе. *Днемъ же минувшимъ нѣкимъ, Агриппа царь и Верникіа снидоста въ Кесарію цѣловати Фиста. И якоже многи дни пребыста ту, Фистъ сказа царю, яже о Павлѣ, глаголя: мужъ нѣкій есть оставленъ отъ Филикса узникъ. О немъ же, бывшу ми во Іерусалимѣ, явиша архіереи и старцы Іудейстіи, просяще нань суда. Къ нимъ же отвѣщахъ, яко нѣсть обычай Римляномъ выдати человѣка коего на погибель, прежде даже оклеветаемый не иматъ предъ лицемъ клевещущихъ его, и мѣсто отвѣта пріиметъ о своемъ согрѣшеніи. Сшедшимся же имъ здѣ, закоснѣніе ниедино сотворь, наутріе сѣдъ на судищи, повелѣхъ привести мужа. Окрестъ же его ставше клеветницы, ни едину вину, яже азъ непщевахъ, нанесоша: стязанія же нѣкая о своей различнѣй вѣрѣ имяху къ нему, и о нѣкоемъ Іисусѣ умершемъ, его же глаголаше Павелъ жива быти. Недоумѣяся же азъ о взысканіи сихъ, глаголахъ, аще хощетъ ити*

во Іерусалимъ, и тамо судъ пріяти о сихъ. Павлу же нарекшу блюдену быти ему до разсужденія Августа, повелѣхъ блюсти его, дондеже послю его къ Кесарю. Агриппа же къ Фисту рече: хотѣлъ быхъ и самъ человѣка сего слышати. Онъ же рече: утрѣ услышиши его (ст. 13—22). Смотри, какъ опять іудеи осуждаются не Павломъ, а правителемъ. *Явиша*, говоритъ, *архіереи и старцы Іудейстіи, просяще нань суда. Къ нимъ же отвѣщахъ.* Смотри, что отвѣчаетъ онъ къ ихъ посрамленію: *нѣсть обычай Римляномъ выдати человѣка коего на погибель*, т. е. прежде, нежели дано будетъ ему говорить въ свою защиту, невозможно просто выдать его. А посту-
354 пивъ по этому обычаю, онъ не нашелъ въ немъ вины; потому и пришелъ въ недоумѣніе, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: *недоумѣяся же азъ о взысканіи семъ.* Такъ сказалъ онъ, желая прикрыть собственный грѣхъ. Онъ прикрываетъ себя, но Агриппа желаетъ видѣть самого (Павла). Смотри, какъ правители всегда уклонялись отъ вражды іудеевъ, часто бывали вынуждены поступать вопреки справедливости, и искали предлоговъ къ промедленію; такъ Фестъ отложилъ дѣло не по невѣдѣнію, а сознательно. Агриппа же не только не уклоняется, но и самъ желаетъ выслушать. Достойно удивленія, откуда родилось у него желаніе видѣть человѣка, хотя и несправедливо, однакожъ обвиняемаго? Такъ, и это было по устроенію (Божію). Потому и жена его слушаетъ вмѣстѣ съ нимъ и не отказывается отъ слушанія; и притомъ слушаетъ не просто, но и съ великою честію. Такъ сильно было ихъ желаніе; если бы онъ не желалъ, то и не сталъ бы слушать; не допустилъ бы и жену принять участіе въ слушаніи, если бы не высоко думалъ о Павлѣ; и она, мнѣ кажется, сама желала этого. Павелъ же, смотри, тотчасъ начинаетъ говорить не только о вѣрѣ и отпущеніи грѣховъ, но и о томъ, что надобно дѣлать. Но обратимся къ вышесказанному. *Нынѣ убо иди*, говоритъ (Феликсъ), *время же получивъ призову тя.* Смотри, какое ослѣпленіе. Слушая столь великое (ученіе), онъ надѣялся взять съ него деньги; и не только это тяжело, но и то, что послѣ бесѣды съ Павломъ не отпустилъ его, но, видя конецъ своего правленія, оставилъ его узникомъ, чтобы угодить іудеямъ; слѣдовательно любилъ не только деньги, но и славу. Какъ, преступный, ты ищешь денегъ отъ человѣка, проповѣдующаго противное? А что онъ не получилъ ихъ, видно изъ того, что оставилъ Павла связаннымъ; получивъ ихъ, разрѣшилъ бы его. Тотъ говорилъ о воздержаніи; а онъ отъ человѣка, разсуждавшаго объ этомъ, ожидалъ получить деньги. Требовать ихъ не осмѣлился,—таковъ-то бываетъ порокъ: онъ боязливъ и во всемъ подозрителенъ,—но ожидалъ. Не безъ причины онъ угождалъ (іудеямъ), какъ

управлявшій ими столь долгое время. Когда же вступилъ въ управленіе Фестъ, *сказаша ему*, говоритъ (писатель), *архіерей и первіи отъ Іудей на Павла*. Тотчасъ и въ самомъ началѣ приступили къ нему священники; они не полѣнились бы отправиться и въ Кесарію, если бы онъ не успѣлъ взойти (въ Іерусалимъ), гдѣ они, какъ только онъ прибылъ, и являются. *Пребывъ же у нихъ десять дней, снидe въ Кесарію*. Можетъ быть, я думаю, онъ проживалъ у тѣхъ, которые хотѣли развратить его; а Павелъ находился въ темницѣ. *И моляху его*, говоритъ, *яко да послетъ его во Іерусалимъ*. Просили, какъ милости; а для чего, если Павлу надлежало по справедливости умереть? Но злоумышленіе ихъ и для него было такъ очевидно, что онъ сказалъ: *сущіи съ нами мужіе, видите сего, о немъ же все множество Іудей стужаху ми*. Словомъ: *стужаху ми* выражаетъ, что они просили у него этой милости и хотѣли, чтобы онъ произнесъ о немъ приговоръ, боясь слова Павлова. Чего же вы боитесь? Чего опасаетесь? Ясно сказано,— чтобы стрещи его; слѣдовательно можетъ ли онъ убѣжать? *Иже убо силніи въ васъ*, говоритъ, *да глаголютъ нань*. Затѣмъ обвинители опять въ Кесаріи, и Павелъ опять выводится. *Наутріе*, говоритъ (писатель), *сѣдъ на судищи*.

3. Смотри: возвратившись, тотчасъ же *сѣлъ на судищи*: такъ нетерпѣливо они побуждали его, такъ спѣшили! А онъ, пока еще не зналъ іудеевъ и не испыталъ отъ нихъ почестей, 355
то отвѣчалъ справедливо; а когда побывалъ во Іерусалимѣ, то также сталъ угождать имъ, и не просто угождаетъ, а дѣлаетъ это съ обманомъ,—а какъ, послушай: *хощеши ли*, говоритъ, *во Іерусалимъ возшедъ, тамо о сихъ судъ пріяти отъ мене?* Какъ бы такъ говоритъ: я не выдаю тебя имъ, но самъ буду судіею. Говоря это, онъ дѣлаетъ господиномъ дѣла (Павла), чтобы такою честію склонить его, такъ какъ, если бы онъ произнесъ приказаніе, то было бы безстыдно отвести туда человѣка, который здѣсь ни въ чемъ не обличенъ.

Павелъ не сказалъ: не хочу, — чтобы не раздражить судіи; но смѣло говоритъ: *на судищи Кесаревѣ стоя есмь, идѣже ми достоитъ судъ пріяти*. Великое дерзновеніе! И смотри, какъ онъ поражаетъ ихъ умозаключеніемъ; какъ бы такъ говоритъ въ свое оправданіе: они уже однажды изгнали меня и думаютъ судить меня за то, будто я совершилъ преступленіе противъ кесаря; потому я хочу быть судимымъ отъ того, кто мною оскорбленъ. Сказавъ это, прибавляетъ: *Іудей ничимже обидѣхъ, якоже и ты добрѣ вѣси*. Коснулся и его, угождавшаго іудеямъ; коснувшись же этого, опять смягчаетъ рѣчь, присовокупляя: *аще бо неправдую, или достойно смерти сотворихъ что, не отмещуся умрети*. Я про-

изношу, говоритъ, приговоръ противъ самого себя. Это—слова не самоубійства, но великаго дерзновенія; вѣдь и правда должна быть соединена съ дерзновеніемъ, чтобы дѣйствовать сильнѣе. *Аще ли ничто же есть во мнѣ, еже сіи на мя клевещутъ, никтоже мя можетъ выдати.* Если бы и захотѣлъ, говоритъ, не можетъ. Не сказалъ: я не повиненъ смерти или достоинъ освобожденія, но—готовъ судиться предъ кесаремъ; при этомъ онъ вспомнилъ сновидѣніе, и говорилъ тѣмъ съ большимъ дерзновеніемъ. Не сказалъ: ты, но: *никтоже,* присовокупивъ: *Кесаря нарицаю,* чтобы не оскорбить его. *Тогда Фистъ, состязався съ совѣтники, отвѣща: Кесаря ли нареклъ еси, къ Кесарю пойдеши.* Видишь ли, какъ онъ угождаетъ (іудеямъ)? Сноситься съ обвинителями,—это угожденіе, это признакъ мнѣнія развращеннаго и извращающаго порядокъ (дѣла). Смотри, какъ судъ (надъ Павломъ) опять откладывается, и какъ коварство подаетъ поводъ къ проповѣди. Такъ устрояется (Промысломъ), что онъ прибылъ въ Іерусалимъ удобно и съ охранною стражею, безъ злоумышленья отъ кого-либо. И подлинно, не все равно—прибыть просто, или прибыть по такому дѣлу. Это и заставило іудеевъ собраться сюда. И въ Іерусалимѣ онъ былъ долгое время, чтобы ты видѣлъ, что и въ теченіе долгаго времени злой умыселъ не могъ ничего сдѣлать ему, когда не попускалъ Богъ. *Агриппа же* сей *царь и Верникія снидоста въ Кесарію.* Этотъ Агриппа, онъ же и Иродъ, мнѣ кажется, былъ иной и именно четвертый послѣ того, который былъ при Іаковѣ (Дѣян. xii, 1, 2). Смотри, какъ сами враги невольно способствуютъ дѣлу. Чтобы слушателей было больше, самъ Агриппа пожелалъ слушать (Павла), и слушаетъ не просто, но съ пышностію. Смотри, каково оправданіе (Павла), высказанное правителемъ: *самому же сему нарекшу Севаста, судихъ послати его: о немже извѣстное что писати господину не имамъ.* Такъ пишетъ Фестъ, и обнаруживается жестокость іудеевъ; а правителя, когда онъ говоритъ
356 это, подозрѣвать нельзя. Онъ говоритъ такъ, что и отъ него іудеи подвергаются осужденію. А когда всѣ осудили ихъ, тогда наказываетъ и Богъ. Смотри: ихъ осудилъ Лисій, осудилъ Феликсъ, осудилъ Фестъ, хотя и угождали имъ, осудилъ Агриппа, и даже что? Осудили ихъ и фарисеи. А какъ онъ осудилъ, послушай изъ его словъ: *ни едину вину, яже азъ непщевахъ, нанесоша.* Они и взносили, но не обличили; клевета и дерзость взносили на него подозрѣнія, а изслѣдованіе ничего не показало. *И о нѣкоемъ,* говоритъ, *Іисусѣ умершемъ.* Справедливо сказалъ: *о нѣкоемъ,* какъ человѣкъ, хотя и бывшій правителемъ, но не заботившійся объ этомъ. По той же причинѣ онъ сказалъ: *недоумѣяся азъ о взысканіи сихъ;* разсмотрѣніе такихъ дѣлъ дѣйстви-

тельно превышало разумъ такого судіи. Если же ты недоумѣваешь, то для чего влечешь его въ Іерусалимъ? Потому и Павелъ, не желая судиться у него, требуетъ суда у кесаря и говоритъ: *на судищи Кесаревѣ стоя есмь, идѣже ми достоитъ судъ пріяти.* Въ этомъ именно обвиняли его. Слышишь ли, какъ переносится дѣло? Слышишь ли о зломъ умыслѣ іудеевъ? Слышишь ли о возмущеніи?

4. Все это возбудило въ Агриппѣ желаніе слышать (Павла). Фестъ доставляетъ ему это удовольствіе, и Павелъ является еще болѣе славнымъ. Все это, какъ я сказалъ, произвели козни (іудеевъ). Если бы ихъ не было, то никто изъ правителей не захотѣлъ бы слушать его и никто не слушалъ бы съ такимъ безмолвіемъ и вниманіемъ. Онъ, повидимому, вразумляетъ и защищается, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдуетъ съ великимъ достоинствомъ. Не будемъ же считать козни чѣмъ-нибудь бѣдственнымъ. Если мы не будемъ дѣйствовать сами противъ себя, то никто не въ состояніи уловить насъ въ свои козни; или лучше, строятъ козни противъ насъ могутъ, но не могутъ причинить намъ вреда; напротивъ, даже принесутъ намъ величайшую пользу, такъ какъ мы сами бываемъ виновниками, что терпимъ зло или не терпимъ. Да, я свидѣтельствую открыто и громче трубы возвѣщаю, и, если бы можно было, не отказался бы взойти на какое-нибудь возвышенное мѣсто и провозгласить, что христіанину никто изъ людей живущихъ на землѣ не можетъ вредить. Что́ я говорю: изъ людей? Не можетъ и демонъ, мучитель, діаволъ, если (христіанинъ) самъ не причинитъ зла самому себѣ; и кто бы ни захотѣлъ причинить намъ зло, напрасно будетъ стараться. Какъ ангелу, находящемуся на землѣ, никакой человѣкъ вредить не можетъ, такъ и человѣкъ (такому) человѣку. И самъ онъ не можетъ вредить другому, пока онъ добръ. Что же можетъ сравниться съ такимъ человѣкомъ, который не можетъ ни терпѣть вреда, ни самъ вредить другому? Послѣднее, т. е. чтобы не желать причинять вреда другому, не меньше перваго. Это—какъ бы ангелъ и подобенъ Богу, потому что таковъ и Богъ. Но Онъ таковъ по природѣ, а тотъ—по произволенію. Итакъ, (христіанинъ) не можетъ ни терпѣть вреда, ни вредить другому. Впрочемъ, слова: *не можетъ* не принимай за безсиліе (потому что безсиліе означаетъ противное этому),—я разумѣю здѣсь нерасположеніе. Онъ, по природѣ своей, бываетъ нерасположенъ ни терпѣть вреда, ни дѣлать зло другому; и послѣднее есть также вредъ. Мы вредимъ себѣ и тогда, когда дѣлаемъ зло другому, и большая часть грѣховъ нашихъ происходитъ именно отъ того, что мы не желаемъ добра самимъ себѣ. Такимъ образомъ христіанинъ и потому не

можетъ терпѣть вредъ, что не можетъ вредить другому. А какимъ образомъ, причиняя вредъ другимъ, мы вредимъ самимъ себѣ,—объяснимъ это частными примѣрами. Пусть кто-нибудь обижаетъ другого, оскорбляетъ, лихоимствуетъ. Кому онъ причинилъ вредъ?
357 Не прежде ли всего—самому себѣ? Совершенно такъ; обиженный понесъ ущербъ въ деньгахъ, а обидѣвшій—въ душѣ, такъ какъ его душа подвергается погибели и наказанію. Опять пусть кто-нибудь ненавидитъ. Кому онъ сдѣлалъ зло? Не самому ли себѣ? Таково, именно, свойство причиняемаго зла, что оно прежде тяжко вредитъ тому, кто сдѣлалъ его, а другому мало, или лучше—ни мало не вредитъ, а приноситъ пользу. Но я сказалъ нѣчто невѣроятное? Положимъ, напримѣръ (а въ этомъ преимущественно и все заключается), что какой-нибудь бѣднякъ имѣетъ мало денегъ и едва достаетъ себѣ необходимую пищу; а другой богатъ, живетъ въ изобиліи и имѣетъ великую силу; пусть послѣдній возьметъ имущество бѣднаго, лишитъ его одежды и оставитъ въ голодѣ, а самъ на счетъ неправедно отнятаго будетъ роскошествовать. Онъ не только не причинилъ вреда бѣдному, но и принесъ пользу; а себѣ не только не принесъ пользы, но и повредилъ. Какъ? Во-первыхъ, онъ мучится за свое зло и ежедневно угрызается совѣстію и бываетъ осуждаемъ всѣми, а затѣмъ на судѣ будущемъ. Такъ, скажешь, отсюда видно, что этотъ терпитъ вредъ; но скажи, какъ тотъ получаетъ пользу? Онъ терпитъ зло и переноситъ его великодушно; а это есть великое пріобрѣтеніе; терпѣніе зла заслуживаетъ отпущенія грѣховъ, есть подвигъ любомудрія, есть училище добродѣтели. Посмотримъ же: кто изъ нихъ во злѣ—тотъ или этотъ? Тотъ, если онъ любомудръ, переноситъ великодушно; а этотъ ежедневно мучится страхомъ и подозрѣніемъ. Кто же получаетъ вредъ—тотъ или этотъ? Это басни, скажешь ты; у кого нечего ѣсть, кто принужденъ скорбѣть и бороться съ бѣдствіями, или идетъ просить милостыни и не получаетъ, тотъ не страдаетъ ли душею и тѣломъ? Нѣтъ; ты говоришь басни, а я говорю дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, развѣ изъ богатыхъ никто не скорбитъ? Что же? Бѣдность ли служитъ причиною этого? Но онъ не терпитъ голода? Что жъ изъ этого? Тѣмъ хуже, что съ нимъ случается это при богатствѣ. Богатство не дѣлаетъ великодушнымъ, и бѣдность—малодушнымъ; иначе никто изъ живущихъ богато не испытывалъ бы въ жизни скорбей, и никто изъ бѣдныхъ не проклиналъ бы своей бѣдности. А что сказанное вами — дѣйствительно басни, объясню слѣдующимъ образомъ. Скажи мнѣ: Павелъ въ бѣдности ли жилъ или въ богатствѣ? Терпѣлъ голодъ, или нѣтъ? Самъ онъ говоритъ: *во алчбѣ и жажди* (2 Кор. xi, 27). Пророки терпѣли голодъ, или нѣтъ? И они тер-

пѣли бѣдствія. Но, скажешь, ты опять представляешь мнѣ Павла, опять пророковъ, десять или двадцать человѣкъ. Но кого же ты хочешь? Представь мнѣ, говоришь, кого-нибудь изъ народа, кто бы мужественно переносилъ (бѣдствія). Но такіе люди всегда рѣдки, отличныхъ немного. Если же хочешь, изслѣдуемъ дѣло само по себѣ. Посмотримъ, чьи заботы больше и мучительнѣе, и чьи легче? Не правда ли, что одинъ заботится только о необходимой пищѣ, а другой при множествѣ дѣлъ забываетъ (и о пищѣ)? Богатый не боится голода, но боится за многое другое, часто за самое свое спасеніе. Бѣдный не можетъ не заботиться о пищѣ, но не имѣетъ другихъ заботъ, наслаждается безопасностію, спокойствіемъ, безстрашіемъ.

5. Съ другой стороны, если оскорблять другихъ не есть зло, а добро, то почему мы стыдимся? Почему скрываемся? Почему, будучи поносимы за это, негодуемъ и огорчаемся? Если быть оскорбляему не есть добро, то почему мы дѣлаемъ это извѣстнымъ, хвалимся и оправдываемъ себя? Хочешь ли видѣть, чѣмъ послѣднее лучше перваго? Посмотри на людей въ томъ и въ другомъ состояніи. Для чего законы? Для чего судилища? Для чего 358 наказанія? Не для первыхъ ли, какъ бы больныхъ и страждущихъ? Но, скажешь, это—великое удовольствіе. Не будемъ говорить о будущемъ, посмотримъ на настоящее. Что хуже человѣка, находящагося въ такомъ подозрѣніи? Что безнадежнѣе, что жалче его? Не въ постоянномъ ли онъ волненіи? Хотя бы онъ сдѣлалъ что-нибудь и справедливое, ему не вѣрятъ; всѣ осуждаютъ его за его притѣсненія; всѣ живущіе съ нимъ—его обвинители; онъ не можетъ наслаждаться дружбою; никто не рѣшится быть другомъ человѣка, о которомъ идетъ такая молва,—чтобы и на себя не навлечь такого же мнѣнія. Отъ человѣка несправедливаго всѣ удаляются, какъ отъ звѣря, какъ отъ губителя, врага, человѣкоубійцы, возстающаго противъ природы. Если онъ подвергается суду, то не нуженъ противъ него обвинитель; вмѣсто всякаго обвинителя обвиняетъ его молва. Но не такъ бываетъ съ человѣкомъ, претерпѣвающимъ оскорбленія; напротивъ, всѣ покровительствуютъ ему, сожалѣютъ о немъ, подаютъ ему руку помощи; онъ находится въ безопасности. Если оскорблять—дѣло доброе и безопасное, то пусть признается кто-нибудь, что онъ—оскорбитель. Если же не осмѣливается на это, то почему продолжаетъ (причинять оскорбленія), какъ нѣчто доброе? Посмотримъ, сколько зла происходитъ и въ насъ самихъ, когда бываетъ въ насъ нѣчто подобное. Если что-нибудь изъ находящагося въ насъ преступитъ свою мѣру на счетъ другого, если, напр., печень, не довольствуясь своимъ мѣстомъ, захочетъ занять и чужое вмѣстѣ съ своимъ, то.

скажи мнѣ, не болѣзнь ли это? Опять, если влага, образующая находящіеся въ насъ соки, наполнитъ все тѣло, то не болѣзнь ли это водяная? Вмѣстѣ съ этимъ желчь должна распространиться, и кровь разлиться повсюду. И въ душѣ гнѣвъ, пожеланіе и другое тому подобное, превышая мѣру, не причиняютъ ли вреда самому (человѣку)? Такъ и пища, если будетъ принята въ большемъ количествѣ, нежели какое можетъ перевариться, то подвергаетъ тѣло болѣзнямъ. Да и откуда подагры? Откуда параличи и дрожаніе тѣла? Не отъ неумѣренности ли въ пищѣ? Также, если бы глазъ захотѣлъ принять болѣе надлежащаго, т. е. если бы захотѣлъ видѣть болѣе, нежели сколько ему назначено, или принять свѣта болѣе надлежащаго, то этотъ избытокъ скорѣе повредилъ бы ему, нежели принесъ пользу. Если же, тогда какъ свѣтъ есть добро, глазъ, желая видѣть больше и яснѣе, находитъ погибель, то подумай, что бываетъ со зломъ. Если слухъ восприметъ громкій звукъ, то умъ бываетъ пораженъ; если умъ станетъ мыслить о предметѣ, превышающемъ его силы, то изумляется, а если будетъ усиливаться больше надлежащаго, то совершенно теряется. Любостяжаніе въ томъ и состоитъ, чтобы желать имѣть больше надлежащаго. Такъ бываетъ и съ имуществомъ: когда мы хотимъ собрать его больше и больше, то, сами не замѣчая, питаемъ въ себѣ дикаго звѣря; имѣя многое, нуждаемся во многомъ, навлекаемъ на себя безчисленныя заботы и представляемъ діаволу множество поводовъ. Потому надъ богатыми діаволу нѣтъ нужды много трудиться; богатство дѣлаетъ ихъ совершенно готовыми къ паденію. Не такъ бываетъ съ людьми, живущими въ бѣдности,—совершенно напротивъ. Такъ (эти) вещи сами по себѣ пагубны. Потому увѣщеваю васъ воздерживаться отъ такихъ пожеланій, чтобы избѣжать сѣтей лукаваго и, возлюбивъ добродѣтель, сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LII.

357 Наутріе же пришедшу Агриппѣ и Верникіи со многою гордостію, и вшедшимъ въ судебную палату, съ тысящники и съ нарочитыми мужи града, и повелѣвшу Фисту, приведенъ бысть Павелъ (Дѣян. XXV, 23).

358 1. Смотри, какое общество собирается слушать Павла: *съ нарочитыми*, говоритъ (писатель), *мужи града*. Правитель и царь при-

ходятъ со всѣми оруженосцами, а съ ними приходятъ и тысяченачальники и первые люди города, которыхъ онъ и называетъ *нарочитыми*. Потомъ приводится и Павелъ, и смотри, какъ Фестъ 359
говоритъ о немъ: не только представляетъ его невиннымъ, но и защищаетъ. Что же говоритъ онъ? *Агриппо царю, и вси сущіи съ нами мужіе, видите сего, о немже все множество Іудей стяжаху ми во Іерусалимѣ же и здѣ, вопіюще, яко не подобаетъ жити ему ктому. Азъ же разумѣвъ ничтоже достойно смерти сотворша его, и самому же сему нарекшу Севаста, судихъ послати его. О немже извѣстное что писати господину не имамъ: тѣмже и приведохъ его предъ васъ, наипаче же предъ тя, Агриппо царю, яко да разсужденію бывшу имамъ что писати. Безсловесно бо мнится ми, посылающу юзника, а вины яже нанъ, не сказати* (ст. 24—27). Смотри, какъ тѣхъ (іудеевъ) онъ обвиняетъ, а его оправдываетъ. Какое обиліе оправданій! Послѣ многократнаго изслѣдованія правитель не находитъ, въ чемъ обвинить его, а тѣ говорили, что онъ достоинъ смерти. Потому онъ сказалъ: *азъ же*, говоритъ, *разумѣвъ ничтоже достойно смерти сотворша его;* и прибавляетъ: *о немже извѣстное что писати господину не имамъ*. И это служитъ доказательствомъ невинности Павла, что судія не имѣетъ ничего сказать о немъ. *Тѣмже*, говоритъ, *и приведохъ его предъ васъ. Безсловесно бо мнится ми, посылающу юзника, а вины, яже нанъ, не сказати.* Смотри, въ какое великое затрудненіе ставили іудеи своихъ правителей. Что́ же Агриппа? Желая узнать что-нибудь о дѣлѣ, онъ *къ Павлу рече*: *повелѣвается ти о себѣ самому глаголати* (XXVI, 1). Царь повелѣваетъ ему говорить, сильно желая послушать его. Затѣмъ Павелъ съ дерзновеніемъ начинаетъ говорить и называетъ себя счастливымъ, не изъ лести, но потому, что говоритъ предъ человѣкомъ, которому все извѣстно; а что именно поэтому, послушай, что онъ говоритъ далѣе. *Тогда Павелъ простеръ руку отвѣщаваше: о всѣхъ, о нихже оклеветаемь есмь отъ Іудей, царю Агриппо, непщую себе блаженна быти, яко предъ тобою отвѣщати днесь имамъ: паче же вѣдуща тя суща свѣдый всѣхъ Іудейскихъ обычаевъ и взысканій: тѣмже молюся ти, долготерпѣливно послушати мене* (ст. 1—3). Если бы онъ сознавалъ что-нибудь за собою, то, конечно, пришелъ бы въ страхъ, выходя на судъ предъ человѣка, которому извѣстно все; но совѣсть его чиста, — потому онъ и не отрекается явиться предъ судію, хорошо знающаго дѣло, а еще радуется и считаетъ себя счастливымъ. Потомъ говоритъ: *молюся ти, долготерпѣливно послушати мене.* Такъ какъ онъ намѣревался сказать рѣчь продолжительную и говорить о себѣ, то предварительно высказываетъ эту просьбу и затѣмъ говоритъ: *житіе убо мое же отъ юности, исперва бывшее во языцѣ моемъ во*

Іерусалимѣ, вѣдятъ вси Іудеи: вѣдяще мя испервa, аще хотятъ свидѣтельствовати, яко по извѣстнѣй ереси нашея вѣры жихъ фарисей (ст. 4, 5), т. е. какъ я могъ сдѣлаться возмутителемъ, будучи еще такъ молодъ и пользуясь свидѣтельствомъ отъ всѣхъ? Далѣе подтверждаетъ слова свои, указывая на свою секту: *по извѣстнѣй ереси нашея вѣры жихъ.* И, такъ какъ опять иной могъ бы сказать: хотя секта достойна уваженія, но ты не хорошъ,—смотри, какъ онъ предупреждаетъ такое возраженіе: призываетъ во
360 свидѣтели всѣхъ іудеевъ, знающихъ его жизнь и обращеніе. *Вѣдятъ*, говоритъ, *вси Іудеи: вѣдуще мя испервa, аще хотятъ свидѣтельствовати. И нынѣ о упованіи обѣтованія, бывшаго отъ Бога ко отцемъ нашимъ, стою судимъ: въ неже обанадесяте колѣна наша безпрестани день и нощь служаще надѣются доити: о немже упованіи оклеветаемь есмь, царю Агриппо, отъ Іудей. Что? Не вѣрно ли судится вами, яко Богъ мертвыя возставляетъ* (ст. 6—8)? Онъ предлагаетъ два доказательства воскресенія: одно отъ пророковъ, хотя не приводитъ пророчества, а мнѣніе объ этомъ іудеевъ; другое, и сильнѣйшее, отъ дѣлъ. Какое же это? То, что съ нимъ бесѣдовалъ Христосъ, воскресшій изъ мертвыхъ. Послѣднее изъ доказательствъ подтверждаетъ, разсказывая подробно о своемъ прежнемъ заблужденіи; объ іудеяхъ же отзывается съ похвалою: *день и нощь служаще надѣются доити.* Слѣдовательно, (говоритъ), если бы я былъ и небезукоризненной жизни, то меня не слѣдовало бы судить за это, царь Агриппа. Затѣмъ и еще доказательство: *что? Не вѣрно ли судится вами, яко Богъ мертвыя возставляетъ?* Если бы (у іудеевъ) не было такого мнѣнія, если бы они не были воспитаны въ этихъ ученіяхъ и только теперь они были вводимы, то иной могъ бы не принять этого ученія. Далѣе говоритъ, какъ онъ гналъ (христіанъ),—и это служитъ къ подтвержденію сказаннаго,—приводя во свидѣтели первосвященниковъ и чужіе города, и какъ онъ слышалъ слова: *жестоко ти есть противу рожна прати* (ст. 14). Потомъ показываетъ человѣколюбіе Божіе, какъ (Господь) явился ему, будучи гонимъ отъ него; и не меня только, говоритъ, облагодѣтельствовалъ, но послалъ меня учить и другихъ.

2. Указываетъ и на пророчество, которое онъ слышалъ: *на се бо явихся ти, изимая тя отъ людей и отъ языкъ, къ нимже азъ тя послю* (ст. 16, 17). Указывая на все это, онъ сказалъ: *азъ убо мнѣхъ, яко подобаетъ ми многа сопротивна противу имене Іисуса Назорея сотворити. Еже и сотворихъ во Іерусалимѣ, и многи отъ святыхъ азъ въ темницахъ затворяхъ, власть отъ архіерей пріемь: убиваемымъ же имъ прилагахъ совѣтъ: и на всѣхъ сонмищахъ множицею мучя ихъ, принуждахъ хулити: презлиха же враждуя на*

нихъ, гоняхъ даже и до внѣшнихъ градовъ. Въ нихже идый въ Дамаскъ со властію и повелѣніемъ, еже отъ архіерей, въ полудни, на пути видѣхъ, царю, съ небесе паче сіянія солнечнаго осіявшій мя свѣтъ и со мною идущихъ. Всѣмъ же падшимъ намъ на землю, слышахъ гласъ глаголющъ ко мнѣ и вѣщающъ Еврейскимъ языкомъ: Савле, Савле, что мя гониши? Жестоко ти есть противу рожна прати. Азъ же рѣхъ: кто еси, Господи? Онъ же рече: Азъ есмь Іисусъ, его же ты гониши. Но востани, и стани на ногу твоею: на се бо явихся ти, сотворити тя слугу и свидѣтеля, яже видѣлъ еси и яже явлю тебѣ: изимая тя отъ людей и отъ языкъ, къ нимже Азъ тя послю, отверсти очи ихъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ и отъ области сатанины къ Богу, еже пріяти имъ оставленіе грѣховъ, и достояніе во святыхъ, вѣрою, яже въ мя (ст. 9—18). Смотри, какъ кротко онъ бесѣдуетъ; Богъ, говоритъ, сказалъ мнѣ: *явихся ти, сотворити тя слугу и свидѣтеля, яже видѣлъ еси, и яже явлю тебѣ:* 361
изимая тя отъ людей и языкъ, къ нимже Азъ тя послю, отверсти очи ихъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ и отъ области сатанины къ Богу, еже пріяти имъ оставленіе грѣховъ. Какъ бы такъ говоритъ: этимъ я убѣдился, этимъ явленіемъ. Онъ обратилъ меня и убѣдилъ такъ, что я не могъ противиться. *Тѣмже, царю Агриппо, не быхъ противенъ небесному видѣнію: но сущимъ въ Дамасцѣ прежде и во Іерусалимѣ и во всякой странѣ іудейстѣй и языкомъ проповѣдую покаятися и обратитися къ Богу, достойна покаянію дѣла творяще* (ст. 19, 20). Если же я и другихъ учу добродѣтельной жизни, то какъ, говоритъ, самъ могу быть виновникомъ возмущенія и смятенія? *Сихъ ради мя Іудеи емше во святилищи, хотяху растерзати. Помощь убо улучивъ, яже отъ Бога, даже до дне сего стою, свидѣтельствуя малу же и велику, ничтоже вѣщая, развѣ яже пророцы рекоша хотящая быти, и Моисей: яко Христосъ имѣяше пострадати, яко первый отъ воскресенія мертвыхъ свѣтъ хотяше проповѣдати людемъ и языкомъ* (ст. 21—23). Смотри, какъ рѣчь его чужда лести и какъ онъ все приписываетъ Богу; потомъ, сколько дерзновенія: *даже до дне сего стою*, и твердости: *свидѣтельствуюсь* пророками, *яко Христосъ имѣяше пострадати, яко первый отъ воскресенія мертвыхъ свѣтъ хотяше проповѣдати.* Какъ бы такъ сказалъ: *Христосъ первый воставъ отъ мертвыхъ ктому уже не умираетъ* (Рим. VI, 9), какъ видно изъ того, что онъ всѣмъ проповѣдуетъ это и что они сами съ готовностію внимаютъ. Потомъ Фестъ, видя, съ какимъ дерзновеніемъ онъ говоритъ царю, а не обращается къ нему, какъ бы потерпѣвъ какую-нибудь обиду, сказалъ: *бѣснуешися ли, Павле?* Что онъ обидѣвшись сказалъ это, послушай слѣдующее: *сія же ему отвѣщавающу, Фистъ веліимъ гласомъ рече: бѣснуешися ли, Павле? Многія тя книги въ неистов-*

ство прелагают (ст. 24). Что же Павелъ? Онъ кротко отвѣчаетъ: *не бѣснуюся, державный Фисте, но истины и цѣломудрія глаголы вѣщаю* (ст. 25). Потомъ объясняетъ причину, почему онъ обращалъ свою рѣчь къ царю. *Вѣсть бо о сихъ царь, къ нему же и съ дерзновеніемъ глаголю: утаитися бо ему отъ сихъ не вѣрую ничесому же: нѣсть бо во углѣ сотворено сіе. Вѣруеши ли, царю Агриппо, пророкомъ? Вѣмъ яко вѣруеши* (ст. 26, 27). Этими словами онъ какъ бы укоряетъ (іудеевъ) и говоритъ имъ: знаю, что онъ все знаетъ хорошо, между тѣмъ какъ вамъ первымъ слѣдовало бы знать это,—что и выражаетъ замѣчаніе: *нѣсть бо во углѣ сотворено сіе,*—но вы не хотѣли. *Вѣруеши ли, царю Агриппо, пророкомъ? Вѣмъ, яко вѣруеши. Агриппа же къ Павлу рече: вмалѣ мя препираеши Христіанина быти. Павелъ же рече: молилъ убо быхъ Бога, и вмалѣ и во многѣ, не токмо тебе, но и всѣхъ слышащихъ мя днесь, быти имъ тацѣмъ, яковъ и азъ есмь, кромѣ узъ сихъ* (ст. 28, 29). Смотри, какъ онъ молится: *молилъ убо быхъ,* говоритъ, *Бога* не *вмалѣ,* т. е. чтобы не было этого *вмалѣ*; не просто молится, но усильно: *тацѣмъ,* говоритъ, *быти всѣмъ,* не тебѣ только, но и всѣмъ, *яковъ и азъ есмь.* Потомъ прибавляетъ: *кромѣ узъ сихъ*; сказалъ такъ не потому, что онъ тяготился узами или стыдился ихъ (напротивъ, онъ вмѣнялъ ихъ себѣ въ славу не менѣе, чѣмъ что-либо другое), но примѣнительно къ ихъ понятію; по-
362 этому онъ прибавилъ: *кромѣ узъ сихъ.* Но обратимся къ вышепрочитанному. *Наутріе же,* говоритъ (писатель), *вшедшимъ въ судебную палату, и повелѣвшу Фисту, приведенъ бысть Павелъ.* Іудеи отступили отъ него, когда онъ перенесъ дѣло (на судъ кесаря), и тогда представляется ему блистательное зрѣлище: царь съ великою пышностію и множество іудеевъ присутствовали здѣсь, присутствовали и тѣ и другіе. *Множество Іудей,* говорилъ (Фестъ), *стужаху ми во Іерусалимѣ же и здѣ, вопіюще, яко не подобаетъ жити ему ктому.*

3. Посмотри на ихъ неистовство: они кричали, что ему должно умереть. Отсюда видно, что Павелъ справедливо перенесъ дѣло къ кесарю. Если и тогда, какъ нельзя было сказать противъ него ничего предосудительнаго, іудеи неистовствовали, то слѣдовало обратиться къ нему. *Яко да разсужденію отъ васъ бывшу имамъ что писати,* говоритъ (Фестъ). Видишь ли, какъ много разъ дѣло подвергается изслѣдованію? Іудеи были виновниками этого оправданія, которое должно было сдѣлаться извѣстнымъ и находящимся въ Римѣ. *О всѣхъ о нихже оклеветаемь есмь, царю Агриппо, непщую себе,* говоритъ (Павелъ), *блаженна быти, яко предъ тобою отвѣщати днесь имамъ.* Смотри, какъ они дѣлаются невольными проповѣдниками и собственной злобы и Павловой добродѣ-

тели, и притомъ предъ самимъ царемъ. Теперь Павелъ отправлялся (въ Римъ) славнѣе, нежели если бы былъ свободенъ отъ узъ. Послѣ того, какъ столько судей признали его невиннымъ, онъ отправлялся уже не какъ обманщикъ и кудесникъ. Такимъ образомъ раскрывъ все, гдѣ онъ родился и какъ воспитанъ, онъ отправляется въ Римъ не просто, но уже чистымъ отъ всякаго подозрѣнія. Не говорилъ онъ: что это?—я уже перенесъ дѣло къ кесарю, и меня столько разъ судятъ; доколѣ это будетъ? Но что? Онъ опять былъ готовъ дать отвѣтъ и предъ тѣмъ, кто наилучшимъ образомъ зналъ дѣла іудеевъ. Онъ защищается теперь съ большимъ дерзновеніемъ, такъ какъ судьи его не были властны надъ нимъ; впрочемъ, хотя они не были властны надъ нимъ и прежнее рѣшеніе: *къ Кесарю пойдеши* оставалось въ своей силѣ, но онъ даетъ отвѣтъ и подробное объясненіе на все, а не такъ, чтобы на одно отвѣчалъ, на другое же нѣтъ. А въ отвѣтѣ своемъ онъ какъ бы такъ говоритъ: меня обвиняютъ въ возмущеніи, обвиняютъ въ ереси и въ томъ, будто я осквернилъ храмъ; я могу оправдаться во всемъ; мою жизнь отъ юности знаютъ всѣ іудеи: не въ моихъ нравахъ — производить возмущенія; свидѣтели этому—сами обвинители. Что прежде говорилъ онъ: *ревнитель сый отеческихъ моихъ преданій* (Дѣян. XXII, 5, Гал. 1, 14), на тоже указываетъ и здѣсь словами: *еже отъ юности житіе мое.* Когда присутствовалъ весь народъ, тогда онъ и призываетъ ихъ въ свидѣтели. Такъ онъ поступаетъ не только на судѣ у Лисія, но и у Феста, и здѣсь, гдѣ находилось еще болѣе народа; только тамъ не было надобности въ продолжительномъ оправданіи, потому что посланіе Лисія освобождало его отъ этого. *Вѣдятъ*, говоритъ, *вси Іудеи, вѣдяще мя испервa.* Не говоритъ, какова его жизнь, но предоставляетъ это ихъ совѣсти, и только указываетъ на секту, выражая, что онъ не избралъ бы ея, если бы былъ преданъ порокамъ и нечестію. Итакъ *о ереси нашей*, говоритъ, *стою судимь.* Она уважается и у нихъ, по ней они молятся и просятъ Бога, чтобы надежды на нее исполнились; эту надежду и я возвѣщаю и за нее меня обвиняютъ. Не безумно ли всячески стараться, чтобы она исполнилась, и гнать того, кто въ нее вѣруетъ? Я и самъ, говоритъ, *мнѣхъ, яко подобаетъ ми многа сопротивна противу имене Іисуса Назорея сотворити*, т. е., думалъ поступать такъ потому, что былъ не изъ числа учениковъ Христовыхъ, но изъ враговъ Его. Тѣмъ достовѣрнѣе этотъ свидѣтель, который употреблялъ тысячи средствъ противъ вѣрующихъ, внушалъ злословить ихъ, вооружалъ (противъ нихъ) все,—и города и начальниковъ,—и самъ дѣлая это, такъ внезапно перемѣнился. Потомъ 363
опять свидѣтели - спутники его. Далѣе онъ показываетъ себя

справедливо увѣровавшимъ, что доказывается и явленіемъ свѣта, и пророками, и событіями, и тѣмъ, что теперь происходитъ. *Въ полудни*, говоритъ, *на пути видѣхъ осіявшій мя свѣтъ и со мною идущихъ*. Видишь, какъ онъ убѣждаетъ ихъ и пророками и самыми событіями. Не желая показаться нововводителемъ, и между тѣмъ имѣя сказать нѣчто великое, онъ опять обращается къ пророкамъ и приводитъ ихъ предсказанія. Хотя событія были достовѣрнѣе, какъ нынѣ происходившія, но такъ какъ онъ одинъ видѣлъ ихъ, то опять ссылается на пророковъ. И смотри: онъ не одинаково говоритъ въ собраніи (іудеевъ) и въ судилищѣ; тамъ онъ говорилъ: *вы убили* (Христа, Дѣян. xiii, 28); а здѣсь ничего такого не говоритъ, чтобы еще болѣе не воспламенить гнѣва ихъ, но указываетъ на тоже самое словами: *яко Христосъ имѣяше пострадати;* такъ онъ не касается вины ихъ! То, что я возвѣщаю, говоритъ, т. е., что Христосъ первый возсталъ изъ мертвыхъ, подтверждаю пророками: и пророки возвѣщаютъ это. Потому примите это ученіе, какъ согласное съ пророческимъ. Сказавъ о видѣніи, онъ далѣе безбоязненно говоритъ и о дѣлахъ, О какихъ? *Отверсти*, говоритъ, *очи ихъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ, и отъ области сатанины къ Богу. На се бо явихся ти*, т. е. не для того, чтобы наказать тебя, но чтобы сдѣлать апостоломъ.

Смотри, онъ указываетъ на то зло, которое обдержитъ невѣрующихъ: на сатану и мракъ, и на блага вѣрующихъ, которыя суть: свѣтъ, Богъ, наслѣдіе святыхъ. Увѣщеваетъ не просто покаяться, но и показать жизнь достойную удивленія. И, смотри, вездѣ въ рѣчи онъ упоминаетъ о язычникахъ, потому что между присутствующими были язычники. *Свидѣтельствуя*, говоритъ, *малу же и велику*, т. е. и знатному и незнатному. Это онъ сказалъ въ отношеніи къ воинамъ. Здѣсь оставивъ оправданіе, онъ принимаетъ на себя дѣло учителя. Потому Фестъ и сказалъ ему: *бѣснуешися*. Но, чтобы показать, что не онъ самъ учитъ, указываетъ на пророковъ, на Моисея: *яко Христосъ*, говоритъ, *имѣяше пострадати, яко первый отъ воскресенія мертвыхъ свѣтъ хотяше проповѣдати людемъ и языкомъ*. На это *Фистъ веліимъ гласомъ рече*. Такъ, это былъ голосъ негодованія и гнѣва.

4. Что же Павелъ? *Нѣсть бо*, говоритъ, *во углѣ сотворено сіе*. Здѣсь онъ говоритъ о крестѣ, о воскресеніи, говоритъ, что это ученіе извѣстно по всей вселенной. *Вѣруеши ли, царю Агриппо*,— не сказалъ: воскресенію, но: *пророкомъ*? И предупреждая его, продолжаетъ: *вѣмъ, яко вѣруеши*. Агриппа же отвѣчаетъ ему: *вмалѣ мя препираеши Христіанина быти*. По недоразумѣнію, слово: *скоро* (ἐνὀλίγῳ) Павелъ принялъ за слово: *не много не* (ἐξὀλίγου); потому

отвѣчаетъ и на это; такъ онъ былъ прямодушенъ! Онъ не сказалъ: я не хочу этого, но: *молилъ быхъ не токмо тебѣ, но и всѣхъ слышащихъ*,—такъ слова его чужды лести!—*молилъ быхъ днесь быти всѣмъ тацѣмъ, яковъ и азъ есмь, кромѣ узъ сихъ*. Смотри: тотъ, кто хвалился узами и выставлялъ ихъ, какъ золотую цѣпь, теперь молится, чтобы не было ихъ. Но не удивляйся этому: слушатели были еще весьма слабы, и рѣчь его была примѣнительна къ нимъ. А что онъ цѣнилъ узы высоко, послушай, какъ онъ 364
вездѣ въ посланіяхъ ставитъ ихъ выше всего прочаго. Такъ онъ говоритъ: *Павелъ юзникъ Іисусъ Христовъ* (Еф. III, 1); и еще: *сего ради веригами обложенъ есмь, но слово Божіе не вяжется* (Дѣян. XXVIII, 20; 2 Тим. II, 9); и еще: *даже до узъ, яко злодѣй* (2 Тим. II, 9). Смотри: не только *до узъ*, говоритъ, но и прибавляетъ: *яко злодѣй*, возвышая этимъ славу узъ. Сугубое страданіе, и оттого, что былъ связанъ, и оттого, что—какъ злодѣй! Если бы онъ былъ связанъ за доброе дѣло, то это доставляло бы нѣкоторое утѣшеніе; а теперь связанъ, какъ злодѣй и какъ уличенный въ тяжкихъ преступленіяхъ; но не смотря на то, онъ нисколько не заботился объ этомъ. Такова душа, окрыленная небесною любовію! Если питающіе въ себѣ постыдную любовь не считаютъ ничего важнымъ и цѣннымъ, но у нихъ признается славнымъ и цѣннымъ только то, что служитъ къ удовлетворенію ихъ страсти, и предметъ ихъ любви составляетъ для нихъ все, то тѣмъ болѣе объятые этою любовію ничего не считаютъ цѣннѣе. Не удивительно, если мы не понимаемъ этихъ словъ: мы такъ еще неопытны въ любомудріи! Подлинно, кто объятъ огнемъ Христовымъ, тотъ дѣлается такимъ, какимъ былъ бы человѣкъ, если бы онъ жилъ одинъ только на землѣ: такъ мало онъ заботится о славѣ и безславіи! Какъ человѣкъ, живущій одинъ только на землѣ, не заботился бы ни о чемъ, такъ и онъ не заботится ни о чемъ. Искушенія, наказанія, узы онъ презираетъ такъ, какъ бы претерпѣвалъ ихъ въ чужомъ тѣлѣ, или какъ бы имѣлъ тѣло адамантовое; а удовольствіямъ жизни посмѣвается и бываетъ такъ къ нимъ нечувствителенъ, какъ мы къ тѣламъ мертвыхъ, или сами будучи мертвыми. Онъ такъ далекъ отъ того, чтобы предаться какой-нибудь страсти, какъ очищенное огнемъ золото бываетъ непричастно грязи; какъ мухи отлетаютъ отъ огня, чтобы не попасть въ него, такъ и къ нему страсти не смѣютъ даже и приблизиться. Хотѣлъ бы я привести на это примѣры изъ среды насъ самихъ; но такъ какъ мы не въ состояніи представить ихъ, то необходимо обратиться къ тому же Павлу. Смотри, каковъ онъ былъ въ отношеніи ко всему міру. *Мнѣ міръ распяся*, говоритъ онъ, *и азъ міру* (Гал. VI, 14), т. е. я мертвъ для міра, и

онъ мертвъ для меня. И еще: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (II, 20). Это могъ сказать одинъ только Павелъ; а мы, которые отстоимъ отъ него, какъ земля отъ неба, должны сокрыться, не смѣемъ и открыть устъ своихъ. Послушай, какъ онъ говоритъ, что онъ жилъ какъ бы въ пустынѣ и такъ смотрѣлъ на все настоящее: *не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ* (2 Кор. IV, 18). Что ты говоришь? Не бываетъ ли на дѣлѣ противное тому, что ты говоришь? Вѣдь мы не видимъ невидимаго, а видимое видимъ. Но у тебя были очи, даруемыя Христомъ. Какъ наши видятъ только видимое, а невидимаго не видятъ, такъ тѣ напротивъ. Кто видитъ невидимое, тотъ не смотритъ на видимое; а кто смотритъ на видимое, тотъ не видитъ невидимаго. Не бываетъ ли нѣчто подобное и у насъ? Такъ, когда мы, сосредоточивъ умъ, размышляемъ о чемъ-нибудь невидимомъ, тогда глаза наши бываютъ выше внѣшнихъ впечатлѣній. Будемъ же презирать славу; пожелаемъ лучше, чтобы надъ нами смѣялись, нежели хвалили насъ. Тотъ, надъ кѣмъ смѣются, не терпитъ никакого зла; а кого хвалятъ, тотъ терпитъ великій вредъ. Не будемъ высоко думать о тѣхъ, которые наводятъ на людей страхъ, но будемъ поступать въ данномъ случаѣ, какъ съ дѣтьми. Когда мы видимъ, что кто-нибудь стращаетъ дѣтей, мы нисколько не удивляемся ему. Онъ устрашаетъ
365 только дѣтей, а никакого мужа устрашить не можетъ. И какъ устрашающіе дѣтей дѣлаютъ это, или поднимая вверхъ брови, или какъ-нибудь иначе извращая лице, а сохраняя взглядъ обыкновенный и кроткій, не могли бы сдѣлать этого,—такъ и тѣ совершаютъ свое дѣйствіе, извращая мысленную часть души своей. Человѣка кроткаго и добраго душею не страшится никто; напротивъ, всѣ мы уважаемъ его, почитаемъ и любимъ. А кто наводитъ на другихъ страхъ, тотъ не видите ли, какъ бываетъ ненавистенъ и отвратителенъ для всѣхъ насъ? Не отвращаемся ли мы всего, что только можетъ устрашать насъ, будутъ ли это звѣри, звуки, взгляды, мѣста, воздухъ или тьма?

5. Не будемъ же превозноситься, если люди боятся насъ. Во-первыхъ, ни одинъ мужъ бояться насъ не будетъ; а во-вторыхъ, не великое дѣло, если и боятся насъ. Великое благо—добродѣтель; и смотри, насколько великое. Обстоятельства, среди которыхъ она пріобрѣтается, мы почитаемъ бѣдствіями, а ей самой удивляемся и ублажаемъ ее. И кто не будетъ ублажать человѣка любомудраго, хотя бѣдность и тому подобное почитаются бѣдствіями? Если же (добродѣтель) сіяетъ среди того, что почитается бѣдствіемъ, то смотри на ея превосходство. Человѣкъ, ты превозносишься властію? Но какая власть, скажи мнѣ, дана тебѣ?

Отъ людей ты получилъ власть; доставь же себѣ власть внутренно, въ самомъ себѣ. Начальникъ не тотъ, кто такъ называется, а кто таковъ на самомъ дѣлѣ. Какъ врачемъ или риторомъ не можетъ сдѣлать и царь, такъ и начальникомъ, потому что не грамата и не названіе дѣлаютъ человѣка начальникомъ. Пусть, если угодно, кто-нибудь построитъ лѣчебницу, соберетъ учениковъ, пріобрѣтетъ и инструменты и лѣкарства, и будетъ посѣщать больныхъ: достаточно ли этого, чтобъ быть врачемъ? Нѣтъ; нужно еще искусство, а безъ него все это не только не приноситъ никакой пользы, но приноситъ даже вредъ. Кто самъ не врачъ, тому лучше и не имѣть у себя лѣкарствъ, такъ какъ кто не имѣетъ ихъ, тотъ не можетъ ни излѣчить, ни повредить; а кто имѣетъ, но не умѣетъ пользоваться ими, тотъ можетъ повредить. Лѣченіе зависитъ не только отъ свойства лѣкарстъ, но и отъ искусства, предписывающаго ихъ: когда нѣтъ его, тогда все извращено. Такъ и начальникъ; положимъ, что онъ имѣетъ инструменты, т. е. голосъ, гнѣвъ, палачей, ссылки, почести, подарки, похвалы, имѣетъ лѣкарства—законы, имѣетъ больныхъ—людей (слугъ), имѣетъ мастерскую—судилище, имѣетъ учениковъ—воиновъ; но если онъ не знаетъ науки врачеванія, то все это не принесетъ никакой пользы. Судья есть врачъ душъ, а не тѣлъ; если же врачеваніе тѣла требуетъ такого попеченія, то тѣмъ болѣе врачеваніе души, потому что душа важнѣе тѣла. Такимъ образомъ, носить имя начальника еще не значитъ быть начальникомъ. Нѣкоторые называются великими именами, какъ-то: Павломъ, Петромъ, Іаковомъ, Іоанномъ; но отъ этихъ именъ они не дѣлаются тѣмъ, чѣмъ называются; напримѣръ, я самъ: я ношу одно имя съ тѣмъ блаженнымъ (апостоломъ), но я не тоже, что онъ; я не Іоаннъ, а только называюсь такъ. Такъ и тѣ—не начальники, а только называются такъ. Бываютъ начальники и безъ этого названія, подобно какъ врачъ, хотя бы и не прилагалъ къ дѣлу своего искусства, а имѣлъ его въ душѣ, есть врачъ. Начальники—тѣ, которые умѣютъ управлять сами собою. Къ душѣ имѣютъ отношеніе слѣдующіе три предмета: домъ, городъ и вселенная; во всемъ есть постепенность. Кто хочетъ быть начальникомъ дома и хорошо 366
управлять имъ, тотъ прежде всего долженъ устроить свою собственную душу, потому что она—ближайшій его домъ. Если же онъ не въ состояніи управлять самимъ собою, тамъ, гдѣ одна душа, гдѣ самъ онъ господинъ, гдѣ онъ всегда самъ у себя, то какъ онъ будетъ управлять другими? Кто могъ устроить свою душу и одно въ ней сдѣлать господствующимъ, а другое подчиненнымъ, тотъ будетъ въ состояніи управлять и домомъ; кто домомъ, тотъ и городомъ, а кто городомъ, тотъ и вселенной. Если

же кто не въ состояніи управлять своею душою, то какъ онъ можетъ править вселенной? Все это сказано мною для того, чтобы мы не превозносились властію, чтобы знали, что такое власть. Иначе это не власть, а посмѣшище, рабство, и тысячами другихъ подобныхъ наименованій можно бы назвать это. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, что свойственно начальнику? Не приносить ли пользу и благодѣтельствовать подчиненнымъ? Что же, если этого не будетъ? Какъ можетъ принесть другимъ пользу тотъ, кто не сдѣлалъ добра самому себѣ? У кого въ душѣ господствуютъ безчисленныя страсти, тотъ какъ обуздаетъ ихъ въ другихъ? Точно также и наслажденіе не въ томъ состоитъ (въ чемъ обыкновенно полагаютъ), но въ другомъ. Какъ начальникомъ оказывается не тотъ (кто такъ называется), а другой, такъ и наслаждающійся— не тотъ, кто предается наслажденіямъ, а нѣкто другой. Думаютъ, будто наслажденіе состоитъ въ томъ, чтобы предаваться удовольствіямъ и угождать чреву; но не въ этомъ оно состоитъ, а напротивъ, въ томъ, чтобы имѣть удивительную душу и быть довольнымъ. Пусть кто-нибудь ѣстъ, пьетъ, роскошествуетъ, а потомъ испытываетъ уныніе и скорбь: можно ли сказать, что онъ наслаждается? Слѣдовательно, наслажденіе состоитъ не въ томъ, чтобы ѣсть и пить, но въ томъ, чтобы чувствовать довольство. Пусть другой кто-нибудь не имѣетъ ничего, кромѣ сухого хлѣба, но питается имъ съ радостію: не удовольствіе ли это, и, слѣдовательно, не наслажденіе ли? Посмотримъ же, кому оно доступно— богатымъ, или небогатымъ? Ни тѣмъ прямо, ни другимъ; но тѣмъ, которые такъ устроятъ свою душу, чтобы не имѣть поводовъ къ недовольству. Какая же это жизнь, можетъ быть, спроситъ ктонибудь? Вижу, какъ всѣ вы обратили вниманіе и желаете услышать, что это за жизнь, свободная отъ неудовольствій? Пусть же прежде всего каждый изъ васъ убѣдится, что въ томъ состоитъ удовольствіе, въ томъ наслажденіе, когда недовольство не возмущаетъ меня, когда оно не требуетъ отъ меня ни мясъ, ни вина, ни изысканныхъ яствъ, ни шелковыхъ одеждъ, ни роскошнаго стола. Но если я покажу таковую жизнь, чуждую всего этого, то возлюби это удовольствіе, такую жизнь. Подлинно, множество скорбей происходитъ у насъ оттого, что мы не разсуждаемъ объ этомъ, какъ должно. Кто же болѣе имѣетъ скорбей—тотъ ли, кто не заботится ни о чемъ подобномъ, или кто заботится? Кто боится случайныхъ перемѣнъ, или кто не боится? Кто въ опасности отъ зависти, ненависти, клеветы, вражды, недоброжелательства, или кто свободенъ отъ всего этого? Кто нуждается во многомъ, или кто не нуждается ни въ чемъ? Кто раболѣпствуетъ тысячамъ, или кто—никому? Кто подчиняется тысячамъ, или кто незави-

симъ? Кто боится одного господина, или кто—безчисленнаго ихъ множества? Итакъ, вотъ въ чемъ состоитъ высшее удовольствіе. Будемъ же стремиться къ этому и не будемъ пристрастны къ благамъ настоящимъ; будемъ презирать все суетное величіе настоящей жизни и во всемъ соблюдать умѣренность, чтобы намъ безпечально провести эту жизнь и сподобиться обѣтованныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LIII.

И воста царь и игемонъ, и Верникія, и сидящіи съ 367
ними. И отшедше бесѣдоваху другъ ко другу глаголюще, яко ничто же смерти достойно или узъ творитъ человѣкъ сей, Агриппа же Фисту рече: отпущенъ быти можаше человѣкъ сей, аще не бы Кесаря нарицалъ (Дѣян. xxvi, 30—32).

1. Смотри, какой приговоръ опять произносятъ. И послѣ того, какъ было сказано: *бѣснуешися*, признаютъ его свободнымъ не только отъ смерти, но и отъ узъ, и совершенно отпустили бы его, если бы онъ не потребовалъ суда у кесаря. Но это случилось по смотрѣнію (Божію), и не только это, но и то, что онъ отправился въ узахъ. Потому онъ и сказалъ: *даже до узъ, яко злодѣй* (2 Тим. ii, 9). Если Господь его *со беззаконными вмѣнися* (Марк. xv, 28), то тѣмъ болѣе могъ онъ; и какъ Господь не сдѣлался оттого причастнымъ ихъ безчестію, такъ и онъ: то и кажется удивительнымъ, что, пріобщившись имъ, не потерпѣлъ отъ нихъ никакого вреда. *И якоже суждено бысть отплыти намъ во Италію, предаху Павла же и иныя нѣкія юзники сотнику, именемъ Іулію, спиры Севастійскія. Вшедше же въ корабль Адрамитскій, восхотѣвше плыти во Асійская мѣста, отвезохомся, сущу съ нами Аристарху Македонянину отъ Солуня. Въ другій же пристахомъ въ Сидонѣ* (xxvii, 1—3). Смотри, до какого мѣста Аристархъ сопровождаетъ Павла. Ко благу и къ пользѣ случился здѣсь Аристархъ; онъ могъ разсказать обо всемъ въ Македоніи. *Человѣколюбіе же Іулій Павлови дѣя, повелѣ къ другомъ шедшу прилѣжаніе улучити. И оттуду отвезшеся приплыхомъ въ Кипръ, зане вѣтри бяху противни* (ст. 3, 4). *Повелѣ*, говоритъ, *Іулій, человѣколюбіе Павлови дѣя.* Хорошо онъ поступаетъ, дозволяя (Павлу) сходить къ знакомымъ и получить пособіе; вѣроятно, (Павелъ) нуждался

въ этомъ послѣ многихъ бѣдствій отъ узъ, отъ страха, отъ безпрестанной перемѣны мѣстъ. Смотри, какъ (писатель) не скрываетъ и того, что онъ желалъ получить пособіе. Затѣмъ опять искушенія, опять противные вѣтры. Смотри, такъ всегда бываетъ въ жизни святыхъ: избавились изъ судилища, и подвергаются кораблекрушенію и бурѣ. Указывая на это, (писатель) продолжаетъ: *пучину же, яже противъ Киликіи и Памфиліи, преплывше, пріидохомъ въ Миры Ликійскія. И тамо обрѣтъ сотникъ корабль Александрійскій пловущь во Италію, всади ны въ онь* (ст. 5, 6). *Обрѣтъ*, говоритъ, *корабль Александрійскій.* Хорошо это случилось, такъ что одни могли увѣдомить о Павлѣ въ Азіи, а другіе въ Ликіи. Смотри, какъ Богъ не творитъ здѣсь ничего особеннаго и ничего не измѣняетъ, попускаетъ плыть при вѣтрахъ противныхъ, но и чрезъ это совершаетъ чудо. А чтобы они плыли безопасно, Онъ не попустилъ имъ выйти въ море, но они постоянно держались береговъ. *Во многи же дни косно плавающе, и едва бывше противъ Книда, не оставляющу насъ вѣтру, приплыхомъ подъ Критъ, при Салмонѣ: едва же избирающе край, пріидохомъ на мѣсто нѣкое нарицаемое доброе пристанище, емуже близъ бѣ градъ Ласей. Многу же времени минувшу, и сущу уже не безбѣдну плаванію, занеже и постъ уже бѣ прешелъ, совѣтоваше Павелъ, глаголя имъ:*
368 *мужіе, вижду, яко съ досажденіемъ и многою тщетою, не токмо бремене и корабля, но и душъ нашихъ хощетъ быти плаваніе. Сотникъ же кормчіа и навклира послушаше паче, нежели Павломъ глаголемыхъ* (ст. 7—11). О постѣ говорится здѣсь, я думаю, іудейскомъ. Вѣдь они отплыли спустя долгое время послѣ пятдесятницы, и потому къ Криту могли прибыть около самой зимы. Не маловажное чудо, что ради Павла были спасены и прочіе. *Мужіе*, говоритъ, *вижду, яко съ досажденіемъ и многою тщетою, не токмо бремене и корабля, но и душъ нашихъ хощетъ быти плаваніе.* Такимъ образомъ Павелъ приказывалъ имъ остановиться и предсказывалъ будущее; но они, спѣша и видя неудобство мѣстности, хотѣли перезимовать въ Финикіи.

2. И смотри домостроительство: сначала они пустили корабль и отплыли; потомъ, когда поднялся вѣтеръ, предались его теченію и едва спаслись. *Не добру же пристанищу сущу ко озимѣнію, мнози совѣтъ даяху отвестися оттуда, аще како возмогутъ, достигше Финикіи, озимѣти въ пристанищи Критстѣмъ, зрящемъ къ Ливу и къ Хору. Дхнувшу же югу, мнѣвше волю свою улучити, воздвигше вѣтрила, плыху вскрай Крита. Не по мнозѣ же возвѣя противенъ ему вѣтръ буренъ, нарицаемый Евроклидонъ. Восхищену же бывшу кораблю, и не могущу сопротивитися вѣтру, вдавшеся носими бѣхомъ. Островъ же нѣкій мимотекше, нарицающся Клавдій,*

сдва возмогохомъ удержати ладію: юже востягше, всякимъ образомъ помогаху, подтверждающе корабль: боящеся же, да не въ сгрть впадутъ, низпустивше парусъ, сице носими бѣху. Велми же обуреваемымъ намъ, наутріе изметаніе творяху. И въ третій день своими руками ядрило корабленое извергохомъ. Ни солнцу же, ни звѣздамъ явльшимся на многи дни, и зимѣ не малѣ надлежащей, прочее отъимашеся надежда вся, еже спастися намъ. Многу же неяденію сущу, тогда ставъ Павелъ посредѣ ихъ, рече (ст. 12—21). Смотри, послѣ такой бури, онъ бесѣдуетъ съ ними не для того, чтобы упрекнуть ихъ, но желая, чтобы они хотя на будущее время вѣрили ему. Потому случившееся онъ приводитъ во свидѣтельство истины того, что намѣревается сказать. Предсказываетъ два обстоятельства: то, что они должны будутъ выйти на островъ, и то, что корабль погибнетъ, а плывущіе на немъ спасутся (это было не предположеніе, а пророчество), и что ему надлежало предстать предъ кесаремъ. Слова: *дарова тебѣ Богъ вся* сказалъ онъ не изъ тщеславія, но желая обратить плывшихъ, сказалъ не для того, чтобы они благодарили его, но чтобы вѣрили словамъ его. *Дарова тебѣ Богъ* было сказано Павлу; этимъ выражается какъ бы слѣдующее: они достойны смерти, потому что ослушались; но только по твоей милости происходитъ это. *Многу же неяденію сущу*, говоритъ (писатель), *тогда ставъ Павелъ посредѣ ихъ, рече: подобаше убо, о мужіе, послушавше мене отвестися отъ Крита, и избыти досажденія сего и тщеты. И се нынѣ молю вы благодушствовати: погибель бо ни единой души отъ васъ будетъ, развѣ корабля.* 369
Предста бо ми въ сію нощь ангелъ Бога, егоже азъ есмь, ему же и служу, глаголя: не бойся, Павле, Кесарю ти подобаетъ предстати: и се дарова тебѣ Богъ вся плавающія съ тобою. Тѣмже дерзайте, мужіе: вѣрую бо Богови, яко тако будетъ, имже образомъ речено ми бысть. Во островъ же нѣкій подобаетъ намъ пристати. И егда четвертаянадесять нощь бысть, носимымъ намъ во Адріатской пучинѣ въ полунощи, непщеваху корабленицы, яко приближаются къ нѣкоей странѣ. И измѣривше глубину обрѣтоша саженей двадесять: мало же прешедше, и паки измѣривше, обрѣтоша саженей пятьнадесять. Боящеся же, да не како въ прудная мѣста впадемъ, *отъ носа корабля вергше котвы четыри,* моляхуся, *да день будетъ. Корабленикомъ же ищущимъ бѣжати изъ корабля, и низвѣсившимъ ладію въ море, извѣтомъ аки отъ носа хотящимъ котвы простерти, рече Павелъ сотнику и воинамъ: аще не сіи пребудутъ въ корабли, вы спастися не можете. Тогда воини отрѣзаша ужя ладіи, и оставиша ю отпасти* (ст. 21—32). Здѣсь (писатель) показываетъ, что корабельщики хотѣли бѣжать, не вѣря сказанному; но сотникъ съ воинами вѣрилъ; потому Павелъ и

говоритъ ему: если они убѣгутъ, то *вы спастися не можете*,—говоритъ для того, чтобы удержать ихъ, чтобы предсказаніе не осталось тщетнымъ. Смотри, какъ Павелъ научаетъ ихъ любомудрію, какъ бы въ Церкви, и спасаетъ среди самыхъ опасностей. По смотрѣнію (Божію) они сначала не вѣрили Павлу, чтобы самыя событія научили ихъ вѣрить, — что и случилось. Затѣмъ онъ убѣждаетъ ихъ принять пищу, и они соглашаются; самъ принимаетъ первый, внушая не только словомъ, но и дѣломъ, что буря нисколько не повредила имъ, но еще принесла пользу душамъ ихъ. *Егда же хотяше день быти, моляше Павелъ всѣхъ, да пріимутъ пищу, глаголя: четыренадесятый днесь день ждуще, не ядше пребываете, ничтоже вкусивше. Тѣмже молю васъ пріяти пищу: се бо къ вашему спасенію есть: ни единому бо отъ васъ власъ главы отпадетъ. Рекъ же сія, и пріемъ хлѣбъ, благодаря Бога предъ всѣми, и преломь начатъ ясти. Благонадежни же бывше вси, и тіи пріяша пищу.* Бѣхомъ *въ корабли всѣхъ душъ двѣстѣ семьдесятъ и шесть. Насыщшеся же брашна, облегчиша корабль, изметающе пшеницу въ море. Егда же день бысть, земли не познаваху: нѣдро же нѣкое усмотрѣша имущее песокъ, въ неже, аще мощно есть, совѣщаша извлещи корабль. И котвы собравше везяхуся по морю, купно ослабивше ужя кормиломъ: и воздвигше малое вѣтрило къ дышущему вѣтрецу, везохомся на край. Впадше же въ мѣсто исопное, увязиша корабль: и носъ убо увязшій пребысть недвижимь, кормило же разбивашеся отъ нужды волнъ* (ст. 33—41).

3. Опять діаволъ покушается воспрепятствовать исполненію
370 пророчества: воины хотѣли убить нѣкоторыхъ, но сотникъ удержалъ ихъ, чтобы спасти Павла: такъ онъ былъ уже привязанъ къ нему! *Воиномъ же совѣтъ бысть, да узники убіютъ, да не кто поплывъ избѣгнетъ. Сотникъ же хотя соблюсти Павла, возбрани совѣту ихъ, повелѣ же могущимъ плавати, да искочивше первѣе изыдутъ на край: а прочіи, ови убо на дщицахъ, ови же на нѣчемъ отъ корабля: и тако бысть всѣмъ спастися на землю* (ст. 42—44). *Спасени же бывше, тогда разумѣша, яко островъ Мелитъ нарицается* (XXVIII, 1). Видишь ли, какое благо произошло отъ бури? Слѣдовательно буря была не вслѣдствіе оставленія (Божія). Но какъ, скажутъ, они переносили ее безъ пищи, ничего не вкушая? Страхъ овладѣлъ ими и не давалъ имъ чувствовать потребности въ пищѣ, такъ какъ они находились въ крайней опасности. Случившееся произошло отъ времени года; но здѣсь тѣмъ большее чудо, что въ такое время спаслись отъ грозившей опасности какъ самъ (Павелъ), такъ чрезъ него и прочіе. *И воздвигше малое вѣтрило къ дышущему вѣтрецу, везохомся на край.* Это сказалъ (писатель), желая показать силу бури, которую они испытали, пото-

му что часто дѣлается не такъ. Они спустили вѣтрило, то есть, паруса (это дѣлаютъ тогда, когда бываетъ сильный вѣтеръ) для того, чтобы уменьшить напоръ вѣтра. Они потерпѣли бурю въ Адріатическомъ морѣ, гдѣ спастись трудно. *Бѣхомъ же въ корабли всѣхъ душъ двѣстѣ седмьдесятъ и шесть.* Откуда было извѣстно, что плыло столько человѣкъ? Вѣроятно, ихъ разспрашивали, зачѣмъ кто плыветъ, и узнали все. Они не ѣли ничего, потому что имъ было не до пищи среди столь великой опасности. И смотри, какъ для Павла не были безплодны ни медленность, ни бѣдствія плаванія: онъ сдѣлалъ это время временемъ ученія; а не маловажное дѣло, если всѣ эти (люди) увѣровали. Но обратимся къ вышесказанному. *Многу же времени минувшу, и сущу уже не безбѣдну плаванію, совѣтоваше Павелъ, глаголя имъ: мужіе, вижду, яко съ досажденіемъ и многою тщетою хощетъ быти плаваніе.* Смотри, какъ онъ чуждъ гордости. Чтобы не замѣтно было, что онъ пророчествуетъ, а какъ бы говоритъ по предположенію, сказалъ: *вижду*; они не повѣрили бы (пророчеству), если бы онъ прямо высказалъ его. И прежде, нежели сталъ пророчествовать, говоритъ: *Богъ, емуже служу,*—чтобы приготовить ихъ. Неужели же душамъ надлежало погибнуть? Погибли бы, если бы не спасъ Богъ. По естественному порядку вещей они могли погибнуть, но Богъ не попустилъ этого. *Сотникъ же,* говоритъ (писатель), *кормчіа послушаше паче, нежели Павломъ глаголемыхъ.* Чтобы очевидно было, что (Павелъ) говорилъ не по предположенію, кормчій, опытный въ дѣлѣ, говоритъ противное; слѣдовательно слова (Павловы) были сказаны не по предположенію. *Не добру же пристанищу сущу.* Смотри, и мѣстность показываетъ, что онъ говорилъ не по предположенію: она была неудобна; скорѣе тѣ говорили по предположенію, которые совѣтовали плыть далѣе; но никакой пользы оттого не произошло; напротивъ, они подверглись бурѣ и выбросили грузъ корабля. На это и указываетъ (писатель), прибавляя: *велми же обуреваемымъ намъ, своими руками ядрило корабельное извергохомъ.* Все это попускается для того, чтобы послѣ они не оставались въ невѣріи: поднимается сильная буря, дѣлается
великая темнота, а для спасенія отъ погибели выбрасывается 371
и пшеница и все; это именно означаютъ слова: *ядрило кораблевое извергохомъ. Многу же недѣянію сущу, Павелъ рече: подобаше убо, послушавше мене, избыти тщеты.* Видишь ли, какъ много содѣйствовали внушенію его и буря и темнота? И смотри, какъ послушенъ дѣлается сотникъ: онъ отсѣкаетъ лодку и бросаетъ ее. А что корабельщики еще не вѣрили, но повѣрили только послѣ, не удивляйся этому; они—народъ грубый и нескорый на послушаніе.

Замѣть, какъ и здѣсь мудро дѣйствуетъ Павелъ; онъ не укоряетъ ихъ и не раздражается, но говоритъ кротко: *тако подобаше*. Онъ зналъ, что кто укоряетъ во время самаго бѣдствія, того не скоро послушаютъ, а когда большая часть бѣдствія пройдетъ, тогда скорѣе послушаютъ. Потому онъ начинаетъ опять говорить, когда изчезла всякая надежда на спасеніе; тогда онъ и предсказываетъ доброе. *И егда*, говоритъ (писатель), *четвертаянадесять нощь бысть, боящеся*, моляхуся, *да день будетъ*. Чтобы кто не сказалъ, что ничего такого не было, онъ прибавилъ эти слова, показывая, что все это было. И страхъ ихъ доказываетъ, что это было: молились, говоритъ, *да день будетъ, боящеся*. И мѣсто было опасное: это случилось въ Адріатическомъ морѣ; и продолжительный былъ голодъ: *четыренадесятый днесь день ждуще, не ядше пребываете*. Изъ всего видно, что они были при смерти. Потому онъ и продолжаетъ: *молю пріяти пищу, се бо къ вашему спасенію есть*, т. е. чтобы вамъ не умереть съ голода, примите пищу. *И пріемъ хлѣбъ*, говоритъ (писатель), *благодари Бога*.

4. Смотри, какъ благодарность, воданная имъ (Богу) за случившееся, не только укрѣпила ихъ, но и ободрила. *Бѣхомъ же*, говоритъ, *въ корабли всѣхъ душъ двѣстѣ седмьдесятъ и шесть*. О нихъ и сказалъ Павелъ: *погибель ни единой души отъ васъ будетъ*. Нужно было имѣть совершенную увѣренность, чтобы сказать, что они спасутся. *Насыщшеся же брашна, облегчиша корабль, изметающе пшеницу*. Видишь ли: ихъ убѣждали только принять пищу, а они во всемъ такъ положились на Павла, что выбросили и пшеницу? Впрочемъ принимаютъ и человѣческія мѣры (къ спасенію), и Павелъ не препятствуетъ тому. *Егдаже*, говоритъ (писатель), *день бысть, ослабиша ужя*. Корабль разрушается днемъ, чтобы они не умерли отъ страха, чтобы и ты видѣлъ исполненіе пророчества. *Воиномъ же совѣтъ бысть, да узники убіютъ*. Видишь ли, какъ и за это они обязаны благодарностію Павлу. Для него сотникъ не позволилъ имъ умертвить узниковъ. Мнѣ кажется, что здѣсь были отъявленные злодѣи, если (воины) намѣревались умертвить ихъ; но такъ какъ они были удержаны отъ исполненія намѣренія, то этого и не случилось, но одни изъ нихъ поплыли, другіе понеслись на доскахъ, и такимъ образомъ всѣ спаслись и пророчество исполнилось, хотя и не чрезвычайное по времени, потому что Павелъ предсказалъ это не за нѣсколько лѣтъ прежде, но при самомъ естественномъ ходѣ вещей. Когда уже не оставалось никакой надежды, тогда, получивъ спасеніе, они и узнали, кто былъ Павелъ. Но, скажетъ кто-нибудь, почему не былъ спасенъ и корабль? Чтобы они знали, какой избѣжали опасности, и какъ все это было дѣломъ не человѣческой по-

мощи, но десницы Божіей, спасающей и безъ корабля. Такъ праведники, хотя бы подвергались бурѣ, хотя бы находились среди моря или пучины, не терпятъ никакого бѣдствія, но спасаютъ вмѣстѣ съ собою и другихъ. Если съ корабля, бывшаго въ опасности и потерпѣвшаго крушеніе, узники спаслись чрезъ Павла, то представь, что значитъ имѣть святого мужа въ своемъ домѣ. Много бурь постигаетъ и насъ, и притомъ гораздо болѣе жесто- 372
кихъ, нежели тѣ (на морѣ); но и насъ Богъ можетъ спасти, если только мы будемъ слушаться святыхъ, какъ тѣ (спутники Павла), если будемъ дѣлать то, что они повелѣваютъ. И тѣ спаслись не просто, но когда привнесли свою вѣру. Святой, хотя бы былъ узникомъ, совершаетъ болѣе, чѣмъ не узники. И смотри, что здѣсь случилось: несвязанный сотникъ имѣлъ нужду въ связанномъ (Павлѣ); искусный кормчій получилъ помощь отъ некормчаго, или лучше—отъ истиннаго кормчаго. Вѣдь и Павелъ управлялъ не такою ладіею, но церковію вселенной, будучи наученъ отъ самого Владыки моря не искусству человѣческому, но мудрости духовной. Съ этимъ кораблемъ случается также много крушеній, много треволненій, духовъ лукавства, *внѣуду брани, внутрьуду боязни* (2 Кор. VII, 5). Потому онъ поистинѣ былъ кормчій. Посмотри и на всю нашу жизнь: не такова ли она? То мы пользуемся милостію Божіею, то испытываемъ бурю, то по собственному неразумію, то по нерадѣнію подвергаемся безчисленнымъ бѣдствіямъ, особенно же потому, что не слушаемъ Павла, спѣшимъ идти туда, куда онъ не повелѣваетъ. Такъ, онъ и теперь плыветъ вмѣстѣ съ нами, только не въ узахъ, какъ тогда; и теперь внушаетъ и говоритъ плывущимъ по этому морю: *внимайте себѣ: яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы въ васъ* (Дѣян. XX, 28, 29); и еще: *въ послѣднія дни настанутъ времена люта: будутъ бо человѣцы самолюбцы, сребролюбцы, величавы* (2 Тим. III, 1, 2). Это опаснѣе всѣхъ бурь.

5. Будемъ же пребывать тамъ, гдѣ онъ повелѣваетъ, въ вѣрѣ, этой безопасной пристани; будемъ слушать болѣе его, нежели нашего кормчаго, т. е. разума; будемъ дѣлать не то, что внушаетъ этотъ кормчій, но что предлагаетъ Павелъ, прошедшій тысячи бурь. Не будемъ ожидать назиданія отъ опыта, но раньше опыта избѣгать и огорченій и вреда. Послушай, что говоритъ онъ: *хотящіи богатитися впадаютъ въ напасти* (1 Тим. VI, 9). Будемъ вѣрить ему: вѣдь видите, что потерпѣли невѣрившіе ему. Еще въ другомъ мѣстѣ онъ внушаетъ, какія бываютъ кораблекрушенія: *нѣцыи,* говоритъ, *отъ вѣры отпадоша* (1 Тим. I, 19): *ты же пребывай, въ нихже наученъ еси и яже ввѣрена суть тебѣ* (2 Тим. III, 14). Будемъ слушаться Павла; слушаясь его, мы, хотя

бы подверглись бурѣ, непремѣнно избавимся отъ опасности хотя бы четырнадцать дней оставались безъ пищи, хотя бы потеряли надежду спасенія, хотя бы окружены были совершеннымъ мракомъ, избавимся отъ опасностей. Представимъ, что вся вселенная—это корабль; въ немъ есть преступники, сдѣлавшіе множество золъ, есть и начальники и стражи, есть праведники, какъ Павелъ, и узники, связанные грѣхами. Если будемъ слушаться Павла, то и въ узахъ не погибнемъ, но избавимся отъ нихъ: Богъ ввѣритъ ему и насъ. Развѣ, ты думаешь, не тяжкіе узы—грѣхи и страсти? Ими связываются не только руки, но весь человѣкъ. Скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ, когда кто-нибудь, собравши множество имущества, не издерживаетъ и не употребляетъ его на дѣло, но хранитъ у себя, не связанъ ли онъ хуже всякаго узника нерасторжимыми узами корыстолюбія? Также, кто предаетъ себя судьбѣ, не связанъ ли и онъ узами другого рода? Также, когда вѣрятъ въ примѣты, или волшебные значки, когда предаются неразумной похоти и сладострастію, —развѣ это не хуже всякихъ узъ? Кто же расторгнетъ эти наши узы? Необходима помощь Божія, чтобы расторгнуть ихъ. И одно что-нибудь изъ этого можетъ подвергнуть насъ опасности; а когда и узы и
373 буря вмѣстѣ, то представь, сколько здѣсь опасностей. Подлинно, что не можетъ погубить насъ? Голодъ, буря, злоба спутниковъ, неблагопріятность времени? Но противъ всего этого устоялъ славный Павелъ. Такъ и мы будемъ имѣть общеніе со святыми, и не потерпимъ бури, или лучше, когда и случится буря, у насъ будетъ ведро, тишина и безопасность. Та вдова была въ дружбѣ со святымъ, и сынъ ея разрѣшенъ отъ смерти, и она опять получила сына своего живымъ (4 Цар., IV). Гдѣ ступаютъ ноги святыхъ, тамъ не будетъ ничего прискорбнаго; а если это и случится, то для испытанія и къ большей славѣ Божіей. Пусть учащаютъ попирать помостъ дома твоего ноги ихъ, и діаволъ не войдетъ въ него. Это вѣрно. Какъ тамъ, гдѣ благовоніе, зловоніе не имѣетъ мѣста, такъ и тамъ, гдѣ мνро святости, демонъ существовать не можетъ; тамъ веселіе присутствующихъ, удовольствіе и наслажденіе душевное. Гдѣ терніе, тамъ дикіе звѣри; а гдѣ страннопріимство, тамъ нѣтъ терній: оказанное милосердіе острѣе всякаго серпа, сильнѣе всякаго огня уничтожаетъ терніе. Не бойся; діаволъ страшится слѣдовъ святыхъ, какъ лисицы—
374 львовъ. *Праведный*, говоритъ (Премудрый), *яко левъ уповая* (Притч. XXVIII, 1). Введемъ этихъ львовъ въ домъ свой и всѣ звѣри обратятся въ бѣгство, хотя они не будутъ взывать громко, но говорить просто. Не такъ рычаніе льва обращаетъ въ бѣгство дикихъ звѣрей, какъ молитва праведника прогоняетъ демоновъ:

лишь только произнесъ онъ слово, они уже исчезали. Гдѣ же скажешь, эти мужи? Вездѣ, если будемъ вѣрить, если будемъ искать, если будемъ домогаться. Гдѣ ты искалъ ихъ, скажи мнѣ? Когда ты занимался этимъ дѣломъ? Когда заботился объ этомъ? Если же не ищешь, то не удивляйся, что и не находишь,—потому что *ищай обрѣтаетъ* (Мѳ. VII, 8), а не тотъ, кто не ищетъ. Послушай о живущихъ въ пустыняхъ; снеси туда золота и серебра; они по всей вселенной. Если ты не принимаешь святого въ своемъ домѣ, поди самъ къ нему, побудь вмѣстѣ съ нимъ, посѣти его жилище, чтобы найти его и получить отъ него благословеніе. Великое дѣло благословеніе святыхъ! Постараемся же получить его, чтобы, при помощи молитвъ ихъ, намъ сподобиться милости отъ укрѣпляющаго ихъ Бога, благодатію и человѣколюбіемъ Единороднаго Сына Его, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LIV.

Варвари же творяху не малое милосердіе намъ: возгнѣщше бо огнь, пріяша всѣхъ насъ, за настоящій дождь, и зиму. Сгромаждшу же Павлу рождія множество, и возложившу на огнь, ехидна отъ теплоты изшедши, сѣкну въ руку его (Дѣян. XXVIII, 2, 3). 373

1. Объясняется, какое человѣколюбіе оказали иноплеменники. *Возгнѣщше бо огнь*, говоритъ (писатель), *пріяша всѣхъ насъ*. Такъ какъ не было никакого другого средства къ спасенію, потому что холодъ угрожалъ имъ смертію, то они разлагаютъ огонь. Потомъ Павелъ, набравъ хворосту, положилъ его въ огонь, какъ говоритъ (писатель) далѣе: *сгромаждшу же Павлу рождія множество*. Смотри, какъ онъ трудится, и чудеса творитъ вездѣ не просто, но по необходимости: во время бури онъ пророчествовалъ, когда представилась причина, а не просто; и здѣсь опять, собирая хворостъ и бросая его. Видишь, какъ онъ дѣлаетъ все не изъ тщеславія и не напрасно, а для того, чтобы они спаслись, нѣсколько согрѣвшись. При этомъ эхидна, вышедши отъ жару, повисла на рукѣ его; а что она повисла, видно изъ слѣдующаго: *и егда видѣша варвари висящу змію отъ руки его, глаголаху другъ ко другу: всяко убійца есть человѣкъ сей, егоже спасена отъ моря судъ Божій жити не остави* (ст. 4). Не напрасно попустилъ (Богъ) варварамъ видѣть и говорить это, но для того, чтобы они не отвергли чуда, когда оно совершится. Смотри, какое выражаютъ иноплеменники

естественное сужденіе, какъ почтительно говорятъ между собою и не осуждаютъ безъ всякаго основанія. Они видятъ это теперь, чтобы больше удивлялись послѣ. *Той же убо отрясъ змію во огнь, ничтоже зло пострада. Они же чаяху его имуща возгорѣтися, или пасти внезапу мертва: на многъ же чающимъ, и ничтоже зло въ немъ бывшее видящимъ, претворшеся, глаголаху Бога того быти* (ст. 5, 6). Тѣ самые, которые думали, что онъ *возгорится*, т. е. погибнетъ отъ воспаленія, видя, что съ нимъ не произошло ничего
374 худого, говорятъ, что онъ Богъ. Опять воздаютъ ему излишнюю честь, подобно какъ жители Ликаоніи. *Окрестъ же мѣста онаго бяху села перваго во островѣ, именемъ Попліа, иже пріимъ насъ, три дни любезнѣ учреди* (ст. 7). Вотъ и еще страннопріимецъ, Публій, человѣкъ богатый и весьма радушный. Онъ не видѣлъ ничего, но единственно изъ состраданія къ ихъ несчастію, принялъ ихъ и оказалъ имъ услугу. *Бысть же отцу Попліеву огнемъ и кровнымъ трудомъ одержиму лежати: къ нему же Павелъ вшедъ, и помолився, и возложь руцѣ свои нань, исцѣли его* (ст. 8). Онъ достоинъ былъ благодѣянія; потому Павелъ и исцѣляетъ его, воздавая тѣмъ ему за оказанный имъ пріемъ. *Сему же бывшу, и прочіи, имущіи недуги во островѣ томъ, прихождаху и исцѣлѣваху ся. Иже и многими честми почтоша насъ, и отвозящимся намъ, яже на потребу, вложиша* (ст. 9, 10), т. е. дали необходимое для дороги и намъ и прочимъ. Смотри, какъ они и послѣ избавленія отъ бури не остались беззащитными, но нашли радушный пріемъ изъ-за Павла; три мѣсяца всѣ они получали тамъ содержаніе. А что они пробыли тамъ столько времени, послушай, какъ онъ объясняетъ это далѣе: *по трехъ же мѣсяцѣхъ отвезохомся въ корабли Александрійстѣмъ, подписаномъ Діоскуры, презимѣвшемъ во островѣ. И доплывше въ Сиракусы, пребыхомъ дни три. Оттуду же отплывше, пріидохомъ въ Ригію, и по единомъ дни вовѣявшу югу, во вторый день пріидохомъ въ Потіолы. Идѣже обрѣтше братію, умолени быхомъ отъ нихъ пребыти дней седмь, и тако въ Римъ идохомъ. И отъ тамо братія слышавше, яже отъ насъ, изыдоша въ срѣтеніе наше даже до Аппіева торга и тріехъ корчемницъ: ихже видѣвъ Павелъ, и благодаривъ Бога, пріятъ дерзновеніе* (ст. 11—15). Смотри, какъ все это дѣлается для Павла, и потому какое довѣріе къ нему имѣли узники, воины, сотникъ. И подлинно, хотя бы они были каменными, и тогда, слушая совѣты и предсказанія, видя его чудотворенія и получая чрезъ него содержаніе, они должны были имѣть о немъ высокое понятіе. Замѣть, какъ и онъ безъ прекословія принимаетъ правильныя сужденія и благоразумныя мнѣнія, когда они искренни
375 и не происходятъ отъ какой-нибудь страсти. Такимъ образомъ проповѣдь достигла уже Сициліи, достигла и Путеолъ, гдѣ они

нашли нѣсколько братьевъ и останавливались у нихъ. Потомъ другіе братья, услышавъ о нихъ, выходятъ къ нимъ на встрѣчу; таково было усердіе братій, что и узы Павловы не смутили ихъ, но они пошли къ нему на встрѣчу. Смотри, какъ и онъ испыталъ при этомъ нѣкоторое человѣческое чувство: *видѣвъ* братію, *пріятъ дерзновеніе*. Тотъ, кто совершилъ столько чудесъ, при видѣ братій ободрился. Отсюда мы видимъ, что онъ по-человѣчески получалъ и утѣшенія и огорченія. *Егда же пріидохомъ въ Римъ*, дозволено бысть *Павлу пребывати о себѣ, съ соблюдающимъ его воиномъ* (ст. 16). Видишь ли: ему позволено было жить особо? И это не маловажное доказательство того, какъ много удивлялись ему; его не ставили въ числѣ прочихъ. *Бысть же по днехъ трехъ, созва Павелъ сущія отъ Іудеевъ первыя* (ст. 17). Чрезъ три дня онъ созвалъ знатнѣйшихъ изъ іудеевъ, чтобы они не были предубѣждены противъ него по слухамъ. Что же общаго было у него съ ними, тогда какъ не они готовились обвинять его? Но онъ не заботился объ этомъ, а желалъ только научить ихъ и не оставить въ невѣдѣніи о томъ, что имъ сказано.

2. Такъ, іудеи, видѣвшіе столько чудесъ, гнали, преслѣдовали, а иноплеменники, не видѣвшіе ничего такого, изъ одного состраданія къ несчастію оказали человѣколюбіе. *Всяко убійца есть*, говорятъ они, *человѣкъ сей*. Не прямо утверждаютъ, но говорятъ: *всяко*, т. е. сколько можно видѣть; *и судъ*, говорятъ, *Божій жити не остави его*. Слѣдовательно, они имѣли понятіе о Промыслѣ, и варвары оказались гораздо любомудрѣе философовъ. Эти не допускаютъ, чтобы все подъ луною было управляемо Промысломъ, а тѣ думаютъ, что Богъ присутствуетъ вездѣ, и что, хотя бы кто-нибудь (изъ виновныхъ) избѣгъ многаго, онъ не избѣгнетъ совершенно наказанія. И смотри, они не нападаютъ на него рѣшительно, но оказываютъ состраданіе къ несчастію, и не провозглашаютъ въ слухъ всѣхъ, а говорятъ *другъ ко другу*; узы внушали имъ подозрѣніе, потому что тѣ были узники. Да устыдятся тѣ, которые говорятъ: не благодѣтельствуй находящимся въ темницахъ! Устыдимся этихъ иноплеменниковъ; они не знали, кто таковы были узники, а только, сострадая несчастію, помнили, что они люди, и потому оказали имъ человѣколюбіе. *На мнозѣ же чающимъ имъ*, говоритъ (писатель), т. е. они долго ждали, что онъ умретъ. А онъ стряхнулъ животное въ огонь и показалъ ничѣмъ невредимую руку. Увидѣвъ это, они удивились и изумились. Чудо совершилось не тотчасъ, но нѣкоторое время они ждали, чтобы оно не было принято за призракъ; слѣдовательно это не былъ обманъ или призракъ. *Окрестъ же мѣста онаго бяху села перваго во островѣ, именемъ Попліа, иже пріимъ*

насъ, любезнѣ учреди. Хорошо это сказано, потому что угостить двѣсти семьдесятъ душъ—знакъ великой любви. Смотри, какая польза отъ страннопріимства: не по какой-нибудь необходимости и не противъ воли, но почитая (страннопріимство) драгоцѣннымъ благомъ, онъ угощалъ ихъ *три дни*; потому справедливо и получаетъ воздаяніе, и притомъ гораздо большее, нежели сколько далъ: (Павелъ) исцѣляетъ отца его, тяжко страдавшаго болью въ животѣ, и не только ему, но и многимъ другимъ больнымъ доставляетъ исцѣленіе; а они, въ благодарность за это, воздаютъ ему почести и приносятъ дары. Это выражаетъ (писатель) въ слѣдующихъ словахъ: *иже и многими честми почтоша насъ, и отвозящимъ*
376 *ся намъ, яже на потребу, вложиша.* Не награду онъ взялъ,—да не будетъ,—но здѣсь исполнилось написанное: *достоинъ есть дѣлатель мзды своея* (Мѳ. x, 10). Очевидно, что тѣ, которые такъ приняли ихъ, приняли и проповѣдь; онъ не сталъ бы бесѣдовать съ ними три мѣсяца, если бы они дѣйствительно не увѣровали и не явили плодовъ (вѣры); это служитъ яснымъ доказательствомъ, что здѣсь было много вѣровавшихъ. *И отвезохомся въ корабли Александрійстѣмъ, подписаномъ Діоскуры, презимѣвшемъ во островѣ.* Это, вѣроятно, было написано на немъ; такъ они были преданы идолопоклонству! Смотри, какъ плывущіе то останавливаются, то опять спѣшатъ. *Павлу же* дозволено бысть *пребывати о себѣ.* Павелъ пользовался уже такимъ уваженіемъ, что ему позволено было жить особо; и не удивительно: если и прежде принимали его благосклонно, то тѣмъ болѣе теперь. *И возвѣявшу югу, во вторый день пріидохомъ въ Потіолы. Идѣже обрѣтше братію, умолени быхомъ отъ нихъ пребыти дней седмь: и тако въ Римъ идохомъ. И отъ тамо братія слышавше, яже о насъ, изыдоша въ срѣтеніе наше даже до Аппіева торга и тріехъ корчемницъ.* Они вышли по какому-нибудь опасенію, но самыя обстоятельства достаточно успокоиваютъ ихъ. Смотри, какъ спутники Павла во время столь продолжительнаго плаванія не приставали ни къ какому городу, но только къ острову, гдѣ и провели цѣлую зиму; это для того, какъ я сказалъ, чтобы они обратились къ вѣрѣ. Дозволено бысть *пребывати о себѣ съ соблюдающимъ его воиномъ.* Конечно для того, чтобы невозможно было строить противъ него какія-нибудь козни; тамъ уже нельзя было производить возмущенія. Потому воинъ не столько стерегъ его, сколько смотрѣлъ, чтобы не причинили ему чего-нибудь непріятнаго; въ такомъ городѣ, гдѣ былъ царь, и когда дѣло перенесено было на судъ его, не слѣдовало быть безпорядку. Такъ всегда то, что повидимому противъ насъ, служитъ къ нашему благу. Воинъ былъ стражемъ Павла. *И созва сущія отъ Іудеевъ первыя, и глаголаше къ нимъ;* они же не соглашаются съ нимъ и,

услышавъ отъ него укоризну, удаляются, не смѣя сказать ничего, такъ какъ здѣсь уже не позволялось имъ сдѣлать что-нибудь противъ него. Удивительно, какъ все—не только то, что повидимому служитъ къ нашей безопасности, но и противное тому—обращается намъ во благо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, выслушай слѣдующее. Фараонъ повелѣлъ бросать младенцевъ въ рѣку (Исх. I, 22). Если бы младенцы не были бросаемы, если бы не было такого повелѣнія фараонова, то Моисей не былъ бы сохраненъ и воспитанъ въ царскихъ чертогахъ. Когда онъ былъ скрываемъ, то не былъ въ чести; а когда былъ положенъ (въ рѣку), тогда сталъ въ чести. Это сдѣлалъ Богъ, чтобы явить Свое могущество и мудрость. Іудеянинъ съ угрозою говорилъ Моисею: *еда убити мя ты хощеши* (Исх. II, 14); но и это принесло ему пользу, случилось по устроенію (Божію) для того, чтобы онъ удостоился видѣнія въ пустынѣ, чтобы исполнилось надлежащее время, чтобы онъ любомудрствовалъ въ уединеніи и жилъ въ безопасности. И при всѣхъ огорченіяхъ, причиненныхъ ему іудеями, было тоже: онъ дѣлался еще славнѣе, подобно какъ было и съ Аарономъ. На него возстали, но чрезъ это сдѣлали его болѣе славнымъ. Послѣ того онъ украшается священническою одеждою, на него возлагается кидаръ и прочія принадлежности одѣянія, такъ что посвященіе его становится несомнѣннымъ, и послѣ того онъ дѣлается предметомъ удивленія по своей мѣдной лицицѣ. Впрочемъ вы знаете эту исторію; потому я болѣе и не распространяюсь. Если хотите, обратимся еще выше. Каинъ убилъ брата, 377
но тѣмъ самымъ принесъ ему болѣе пользы. Послушай, что говоритъ Богъ: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ* (Быт. IV, 10); и въ другомъ мѣстѣ говорится: *крови, лучше глаголющей, нежели Авелева* (Евр. XII, 24). Онъ избавилъ его отъ будущей неизвѣстности, доставилъ ему большую награду, и всѣ мы узнали, какую любовь имѣлъ къ нему Богъ. Что онъ потерялъ, будучи преждевременно преданъ смерти? Ничего. А что, скажи мнѣ, пріобрѣтаютъ тѣ, которые умираютъ позже? Ничего. Не въ томъ состоитъ благоденствіе, чтобы жить много лѣтъ или мало, а въ томъ, чтобы пользоваться жизнію, какъ должно. Три отрока вержены были въ печь, но чрезъ это сдѣлались болѣе славными; Даніилъ былъ вверженъ въ ровъ, но чрезъ это сдѣлался болѣе знаменитымъ.

3. Видишь ли, какъ искушенія всегда служатъ къ великому благу и здѣсь, а не только тамъ? Въ несчастіи бываетъ подобное тому, какъ если бы кто-нибудь сталъ тростію сражаться съ огнемъ; повидимому онъ поражаетъ огонь, но дѣлаетъ его еще свѣтлѣе и изнуряетъ самого себя. Такъ и несчастіе бываетъ

для добродѣтели причиною и поводомъ къ ея прославленію. Когда при несправедливости (другихъ) мы ввѣряемся управленію Божію, какъ слѣдуетъ, тогда наши достоинства сіяютъ яснѣе. Также, когда дѣйствуетъ діаволъ, то подвергающіеся его дѣйствію становятся свѣтлѣе. Почему же, скажешь, съ Адамомъ не случилось этого, а напротивъ, онъ подвергся униженію? Ему-то въ особенности Богъ и устроялъ все на пользу; если же онъ пострадалъ, то самъ причинилъ зло самому себѣ; и все, что причиняется намъ другими, служитъ къ великому нашему благу, а что происходитъ отъ насъ самихъ, то не таково. Когда намъ причиняютъ зло другіе, то мы скорбимъ, а когда сами себѣ, то нѣтъ; потому Богъ и внушаетъ намъ, что претерпѣвающій несправедливость отъ другого получаетъ пользу, а претерпѣвающій отъ самого себя получаетъ вредъ, и конечно для того, чтобъ мы первое мужественно переносили, а послѣдняго избѣгали. Но съ Адамомъ, скажешь, было совершенно не такъ. Для чего же онъ послушался жены? Почему не отвергъ совѣта противнаго (заповѣди Божіей)? Ты (Адамъ) самъ былъ виновенъ; потому что, если бы виною этого былъ діаволъ, то всѣ искушаемые непремѣнно погибали бы: если же они не погибаютъ, то виною (погибели) бываемъ мы сами. Но въ такомъ случаѣ, скажешь, или всѣ искушаемые не должны уклоняться съ праваго пути, или, если виною бываемъ мы сами, должно было погибать и безъ діавола? Такъ и бываетъ; многіе погибаютъ и безъ діавола; не все дѣлаетъ онъ, а многое бываетъ и отъ одного нашего неразумія; и въ томъ, чему онъ бываетъ виною, мы подаемъ ему поводъ. Скажи мнѣ, когда діаволъ овладѣлъ Іудою? Когда, скажешь, вошелъ въ него сатана. Но вотъ, что причиною: *яко тать бѣ и влагаемая ношаше* (Іоан. XII, 6). Онъ самъ открылъ ему широкій входъ. Слѣдовательно, не діаволъ полагаетъ начало, а мы сами призываемъ и принимаемъ его. Но, скажешь, если бы не онъ, то зло не было бы такъ велико? Тогда неминуемо постигало бы насъ и наказаніе; а теперь, возлюбленный, наказанія наши легче; если же все злое происходило бы отъ насъ самихъ, то насъ постигало бы наказаніе невыносимое. Скажи мнѣ, если бы такъ, какъ согрѣшилъ Адамъ, онъ согрѣшилъ безъ посторонняго совѣта, то кто избавилъ бы его отъ бѣдъ? Но, скажешь, онъ не согрѣшилъ бы. Почему ты говоришь это? Нѣтъ, кто былъ такъ слабъ, неостороженъ и удобопреклоненъ, что принялъ такой совѣтъ, тотъ легко могъ поступить также и безъ этого. Какой діаволъ побуждалъ братьевъ Іосифа къ ненависти? Итакъ, возлюбленные, если мы сами будемъ бодрствовать, то діаволъ содѣлается виновникомъ нашей славы. Какой вредъ, напримѣръ, причинили всѣ козни его Іову?

Не говори объ этомъ, скажешь ты; человѣку слабому онъ причиняетъ вредъ. Но слабый падаетъ и безъ діавола. А при его содѣйствіи, скажешь, онъ падаетъ тяжелѣе? Но легче и наказывается, если онъ грѣшитъ при содѣйствіи діавола; не для всѣхъ вѣдь грѣховъ одинаковы наказанія. Не будемъ же обманывать себя; діаволъ не причиняетъ намъ зла, если мы сами бодрствуемъ; чаще онъ пробуждаетъ насъ, возбуждаетъ насъ. Скажи мнѣ (обратимъ вниманіе пока на это): если бы не было дикихъ звѣрей и непостоянства вѣтровъ, ни болѣзней, ни печалей, ни скорбей и ничего подобнаго, то чѣмъ сдѣлался бы человѣкъ? Мнѣ кажется, не подвергаясь ничему такому, онъ уподобился бы болѣе свиньѣ, чѣмъ человѣку, сталъ бы предаваться объяденію и пьянству. А теперь заботы и безпокойства—для него упражненіе и училище любомудрія, средства добраго воспитанія. Еще: представь, что кто-нибудь воспитывается въ царскихъ чертогахъ, не зная ни скорбей, ни заботъ, ни безпокойствъ, не имѣя случаевъ ни къ гнѣву, ни къ недовольству; пусть дѣлается и исполняется все, чего бы онъ ни пожелалъ, и пусть всѣ готовы служить ему: не можетъ ли такой человѣкъ сдѣлаться неразумнѣе всякаго животнаго?

А теперь несчастія и огорченія—какъ бы оселокъ, изощряющій насъ. Потому-то бѣдные по большей части бываютъ умнѣе богатыхъ, подобно какъ обуреваемые и поражаемые сильными волнами. Тѣло, остающееся въ праздности и бездѣйствіи, бываетъ болѣзненно и безобразно, а движущееся, трудящееся и переносящее тяжести бываетъ благообразнѣе и здоровѣе; тоже бываетъ и съ душею. Желѣзо, когда лежитъ, ржавѣетъ, а когда находится въ дѣлѣ, то бываетъ блестящимъ; такъ и душа,—когда она дѣйствуетъ; а къ дѣйствію возбуждаютъ ее несчастія. И способности погибаютъ, если душа остается безъ дѣйствія; а дѣйствуетъ она тогда, когда не все готово къ ея услугамъ, потому что она возбуждается къ дѣйствію противнымъ ей. Если бы не было противнаго, то не было бы и дѣятельности; напримѣръ, если бы все было отдѣлано прекрасно, то искусство не имѣло бы надъ чѣмъ трудиться; такъ и (душа, если бы все шло по нашему желанію, не находила бы дѣятельности), если бы все намъ удавалось, была бы безчувственна. Не видишь ли, какъ мы приказываемъ кормилицамъ не всегда носить дѣтей на рукахъ, чтобы это не обратилось имъ въ привычку и они не сдѣлались слабыми? Потому-то дѣти, воспитывающіяся на глазахъ родителей, бываютъ слабѣе, такъ какъ неблаговременная и неумѣренная нѣжность вредитъ ихъ здоровью. И умѣренная скорбь—благо, и заботы—благо, и бѣдность—благо; крѣпкими дѣлаютъ насъ и

добро и зло; но то и другое обращается намъ во вредъ, когда бываетъ не въ мѣру; первое разслабляетъ, а послѣднее поражаетъ. Не видишь ли, что тоже внушалъ и Христосъ ученикамъ Своимъ (Іоан. xvi, 33)? Если же они имѣли въ этомъ нужду, то
379 тѣмъ болѣе мы. Если же мы имѣемъ въ этомъ нужду, то не будемъ роптать, но радоваться въ скорбяхъ. Все это — лѣкарства, соотвѣтствующія нашимъ ранамъ, одни горькія, другія сладкія; но тѣ и другія сами по себѣ, отдѣльно, были бы безполезны. Будемъ же за все это благодарить Бога; Онъ попускаетъ это не напрасно, но для блага нашихъ душъ. Въ чувствѣ признательности будемъ благодарить и прославлять Его, будемъ муже-
380 ственно бороться (съ бѣдствіями), помня, что онѣ временны и обращая мысли свои къ будущему, чтобы мы могли легко переносить и настоящее, и удостоиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Единороднаго Его, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА LV.

379 Бысть же по днѣхъ трехъ созва Павелъ сущія отъ Іудеевъ первыя: сшедшимся же имъ, глаголаше къ нимъ: мужіе братіе, азъ ничтоже противно сотворивъ людемъ или обычаемъ отеческимъ, узникъ отъ Іерусалимлянъ преданъ быхъ въ руцѣ Римляномъ. Иже разсудивше, яже о мнѣ, хотяху пустити, зане ни едина вина смертная бысть во мнѣ. Сопротивъ же глаголющимъ Іудеемъ, нужда ми бысть нарещи Кесаря, не яко языкъ мой имѣя въ чесомъ оклеветати. Сея ради убо вины умолихъ васъ, да вижду и бесѣдую: надежды бо ради Израилевы веригами сими обложенъ есмь (Дѣян. xxviii, 17—20).

1. Хорошо и прилично поступаетъ, приглашая знатнѣйшихъ изъ іудеевъ для бесѣды. Онъ хотѣлъ оправдать и себя и другихъ: себя—чтобы они не обвиняли его, что́ могло повредить имъ самимъ, а тѣхъ—чтобы кто не подумалъ, что все (случившееся) было ихъ дѣломъ. Конечно, распространилась молва, что онъ преданъ іудеями; а это могло тронуть ихъ. Потому онъ немедленно обращаетъ на это вниманіе и кротко говоритъ въ свое оправданіе. И смотри, какими словами онъ выражетъ свое оправданіе: *мужіе братіе, азъ ничтоже противное сотворивъ людемъ или обычаемъ отеческимъ, узникъ отъ Іерусалимлянъ преданъ быхъ въ руцѣ Римляномъ*. Послѣ этого, такъ какъ нѣкоторые изъ слу-

шателей, вѣроятно, сказали бы: чѣмъ доказать, что ты преданъ безъ вины? — онъ присовокупляетъ: *иже разсудивше, яже о мнѣ хотяху пустити*, и какъ бы такъ говоритъ: свидѣтели тому римскіе начальники, которые судили и хотѣли освободить меня. Почему же не освободили? *Сопротивъ глаголющымъ Іудеемъ*, говоритъ. Видишь ли, какъ онъ смягчаетъ ихъ вины? Если бы онъ хотѣлъ преувеличить, то могъ бы сказать гораздо сильнѣе. Затѣмъ присовокупляетъ: *нужда ми бысть нарещи Кесаря;* все это заслуживаетъ одобренія. Потомъ, чтобы кто-нибудь не сказалъ: что же? не для обвиненія ли ихъ ты сдѣлалъ это? — онъ отклоняетъ такое предположеніе, прибавляя: *не яко языкъ мой имѣя въ чесомъ оклеветати*, т. е. я потребовалъ суда у кесаря не для того, чтобы обвинять васъ, но чтобы избѣжать опасности. Для васъ я *веригами сими обложенъ есмь*. Я такъ далекъ, говоритъ, отъ вражды къ вамъ, что даже обложенъ (для васъ) цѣпями. Что же они? Они были такъ увлечены его рѣчью, что стали оправдывать не только себя, но и единоплеменниковъ своихъ, какъ показываетъ (писатель), продолжая: *они же къ нему рѣша: мы ниже писанія о тебѣ пріяхомъ отъ Іудей, ниже пришедъ кто отъ братій возвѣсти или глагола что о тебѣ зло. Молимся же, да слышимъ отъ тебе, яже мудрствуеши: о ереси бо сей вѣдомо есть намъ, яко всюду сопротивъ глаголемо есть* (ст. 21, 22). Какъ бы такъ говорятъ: ни чрезъ пись- 380
мо, ни чрезъ людей не сообщили намъ о тебѣ ничего худого; впрочемъ мы желали бы послушать тебя. А вмѣстѣ съ тѣмъ уже напередъ высказываютъ свое мнѣніе, прибавляя: *о ереси бо сей вѣдомо есть намъ, яко всюду сопротивъ глаголемо есть*. Не сказали: мы противорѣчимъ, но: *сопротивъ глаголемо есть*, — чтобы отклонить отъ себя осужденіе. *Уставивше же ему день, пріидоша къ нему въ страннопріемницу множайшіи: имже сказаше свидѣтельствуя царствіе Божіе, и увѣряя ихъ, яже о Іисусѣ, отъ закона Моисеова и пророкъ, отъ утра даже до вечера. И ови убо вѣроваху глаголемымъ, ови же не вѣроваху* (ст. 23, 24). Видѣлъ ли ты, какъ онъ не тотчасъ отвѣчаетъ имъ, но назначаетъ день, въ который имъ придти и слушать; и когда они пришли, говоритъ изъ закона Моисеева и пророковъ. *И ови убо вѣроваху, ови же не вѣроваху. Несогласни же суще другъ ко другу, отхождаху, рекшу Павлу глаголъ единъ: добрѣ Духъ Святый глагола Исаіемъ пророкомъ ко отцемъ нашымъ, глаголя: иди къ людемъ симъ и рцы: слухомъ услышите, и не имате разумѣти, и видяще узрите, и не имате видѣти. Одебелѣ бо сердце людей сихъ: и ушима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша: да не како увидятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ и обратятся, и исцѣлю ихъ* (ст. 25—27). Когда они уходили, несогласившись между собою, тогда онъ приводитъ

слова Исаіи, не для того, чтобы укорить этихъ (не вѣровавшихъ), но чтобы утвердить (увѣровавшихъ). Какія слова? *Слухомъ услышите, и не имате разумѣти.* Видишь ли, какъ онъ показываетъ, что они не достойны прощенія, если, имѣя и пророка, издревле предвозвѣстившаго это, не обратились? А словомъ: *добрѣ* выражаетъ, что они справедливо и отвергнуты; язычникамъ же дано познаніе этой тайны. Потому нисколько не удивительно, что они противорѣчили; это предсказано издревле. Потомъ снова возбуждаетъ въ нихъ соревнованіе, указывая на язычниковъ слѣдующими словами: *вѣдомо убо да будетъ вамъ, яко языкомъ послася сіе спасеніе Божіе, сіи и услышатъ. И сія тому рекшу, отъидоша Іудеи,* паки *имуще между собою состязаніе. Пребысть же Павелъ два лѣта исполнь своею мздою, и пріимаше вся приходящія къ нему, проповѣдуя царствіе Божіе, и уча яже о Іисусѣ Христѣ, со всякимъ дерзновеніемъ, невозбранно. Аминь* (ст. 28—31). Здѣсь (писатель) показываетъ, какъ Павелъ былъ наконецъ свободенъ; въ Римѣ онъ проповѣдуетъ невозбранно, между тѣмъ какъ въ Іудеи встрѣчалъ препятствія, и оставался тамъ учитъ въ продолженіе двухъ лѣтъ.

2. Но обратимся къ вышесказаному. *Сея ради убо вины,* говоритъ (Павелъ), *умолихъ васъ, да вижду,* т. е. для того я хотѣлъ
381 этого, чтобы никто не могъ обвинять меня и по собственному соображенію говорить, будто я, избѣгши рукъ іудеевъ, прибылъ сюда для ихъ обвиненія; я прибылъ не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать зло другимъ, но чтобы самому избавиться отъ зла. *Они же къ нему рѣша: молимся, да слышимъ отъ тебе, яже мудрствуеши.* Смотри, какъ и они выражаются кротко: *молимся,* говорятъ; а вмѣстѣ хотятъ оправдывать и тѣхъ; потому и пришли въ назначенный день. Это доказываетъ, что они считали себя не совсѣмъ правыми и чувствовали робость; если бы они не чувствовали робости, то сошлись бы и тотчасъ напали бы на него; а теперь, не смѣя сдѣлать этого, они приходили не вдругъ; также и частый приходъ ихъ доказываетъ, что они чувствовали робость. *И ови убо,* говоритъ (писатель), *вѣроваху глаголемымъ, ови же не вѣроваху. Несогласни же суще, отхождаху,* т. е. уходили тѣ, которые не вѣровали. Смотри: теперь они не замышляютъ противъ него козней, подобно какъ въ Іудеи, гдѣ они какъ бы господствовали. Для чего же (Богъ) устроилъ, чтобы онъ удалился туда, и сказалъ ему: *потщися и изыди изъ Іерусалима* (Дѣян. XXII, 18)? Для того, чтобы обнаружилась и злоба (іудеевъ), и истина пророчества Христова о томъ, что они не примутъ свидѣтельства, и чтобы всѣ увидѣли, какъ онъ былъ готовъ страдать, равно и для того, чтобы и находившіеся въ Іудеи получили отъ того утѣшеніе;

вѣдь и тамъ онъ претерпѣлъ много бѣдствій. Если онъ претерпѣлъ это, когда возвѣщалъ ученіе іудейское, то чего они не сдѣлали бы, если бы онъ проповѣдывалъ славу Христову? Если тогда, когда принималъ очищеніе, былъ для нихъ несносенъ, то какъ они потерпѣли бы его, если бы онъ предлагалъ проповѣдь? Въ чемъ вы обвиняете его? Что вы слышали отъ него? Ничего такого онъ не сказалъ: только явился, и всѣ возстали на него. Потому справедливо спасеніе передано язычникамъ, справедливо онъ посланъ далеко, чтобы тамъ говорить язычникамъ. Но, смотри, и здѣсь онъ напередъ призываетъ іудеевъ, и объяснивъ имъ дѣло, потомъ уже обращается къ язычникамъ. Выраженіе: *Духъ глагола* нисколько не удивительно; (иногда) и ангелу приписывается то, что сказалъ Господь. *Добрѣ глагола*, говоритъ, *Святый Духъ*; здѣсь такъ, а въ другомъ мѣстѣ иначе. Иногда и о словахъ ангела не говорятъ: хорошо сказалъ ангелъ, но: хорошо сказалъ Господь. *Добрѣ Духъ глагола*: какъ бы такъ говоритъ: не мнѣ вы не вѣруете, но Духу; Богъ издревле предвидѣлъ это. *Иже разсудивше*, говоритъ, *яже о мнѣ, хотяху пустити;* т. е. не нашедши во мнѣ ничего достойнаго осужденія, хотѣли освободить меня; тогда какъ іудеямъ слѣдовало отпустить меня, они предали меня въ руки римлянъ, и такова была дерзость ихъ, что даже и эти, хотя не могли ни въ чемъ обвинить меня, оставили меня связаннымъ. *Нужда ми бысть*, говоритъ, *нарещи Кесаря, не яко языкъ мой имѣя въ чесомъ оклеветати*, т. е. я сдѣлалъ это не для того, чтобы другимъ причинить зло, но чтобы себя избавить отъ зла, и не по своей волѣ, но будучи вынужденъ. Смотри, какой любви исполнены слова его: не считаетъ себя чужимъ, но близкимъ къ нимъ, говоря: *языкъ мой*; опять внушаетъ ученіе (любви). Не сказалъ: не клевещу, но: *не имѣя въ чесомъ оклеветати*, хотя потерпѣлъ отъ нихъ столько худого. Не напоминаетъ имъ ни о чемъ подобномъ, чтобы не сдѣлать словъ своихъ тягостными для нихъ; впрочемъ и не льститъ имъ, и потому не (прямо) говоритъ, но только намекомъ и мимоходомъ, такъ какъ главнымъ образомъ онъ хотѣлъ выразить то, что іудеи предали его римлянамъ, какъ узника. Имъ слѣдовало осудить тѣхъ (іудеевъ), слѣдовало обвинить; а они оправдываютъ ихъ, но оправданіемъ своимъ обвиняютъ самихъ себя. *Вѣдомо есть намъ*, говоритъ, *яко всюду сопротивъ глаголемо есть*. Правда, бываетъ и 382
это, но также и принимаете вѣру повсюду. *Имже сказаше*, говоритъ (писатель), *отъ закона и пророкъ*. Смотри, какъ онъ опять заграждаетъ имъ уста не знаменіями, но словами изъ закона и пророковъ, какъ онъ дѣлалъ вездѣ; хотя онъ могъ сотворить знаменія, но и тогда они не повѣрили бы; а и то великое зна-

меніе—говорить изъ закона и пророковъ. Затѣмъ, чтобы не показалось страннымъ, что они остались невѣрующими, онъ присовокупляетъ и пророчество: *слухомъ услышите*, говоритъ, *и не имате разумѣти*,—еще болѣе теперь, нежели тогда,—*и узрити, и не имате видѣти*,—еще болѣе теперь, нежели тогда. Это сказано къ невѣровавшимъ, и не укорять онъ хотѣлъ, а предотвратить соблазнъ. *Вѣдомо убо да будетъ вамъ*, говоритъ, *яко языкомъ послася спасеніе Божіе, сіи и услышатъ*. Для чего же ты говоришь намъ? Развѣ ты не зналъ этого? Зналъ; но я говорю въ свое оправданіе, чтобы убѣдились и никто не имѣлъ предлога (къ обвиненію меня). *Пребысть же Павелъ*, говоритъ (писатель), *два лѣта исполнь, уча со всякимъ дерзновеніемъ, невозбранно*. Прекрасно онъ прибавилъ это, потому что можно учить съ дерзновеніемъ, но и съ препятствіями; а Павлову дерзновенію ничто не препятствовало; онъ говорилъ невозбранно. *Пребысть же*, говоритъ, *Павелъ два лѣта исполнь своею мздою*: такъ онъ былъ умѣренъ, или лучше, такъ во всемъ подражалъ своему Учителю, что имѣлъ и жилище не на чужой счетъ, но на счетъ того, что самъ выработывалъ; это именно означаютъ слова: *своею мздою*. А что Господь не имѣлъ и жилища, послушай, какъ Онъ самъ въ отвѣтъ сказавшему необдуманно: *иду по тебѣ, аможе аще идеши*, говоритъ: *лиси язвины имутъ, и птицы небесныя гнѣзда, Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити* (Мѳ. VIII, 19, 20). Такъ собственнымъ примѣромъ Онъ училъ не искать ничего и не слишкомъ прилѣпляться къ предметамъ житейскимъ. *И пріимаше*, говоритъ, *приходящія къ нему, проповѣдуя царствіе Божіе*. Смотри: онъ не говорилъ ничего о настоящемъ, но все о царствіи Божіемъ. Видишь ли благоустроеніе Божіе? Этимъ писатель оканчиваетъ свое повѣствованіе и оставляетъ жаждущаго слушателя, чтобы остальное онъ дополнилъ собственнымъ умозаключеніемъ. Такъ дѣлаютъ и внѣшніе (языческіе) писатели, потому что знаніе всего можетъ располагать къ лѣности и небрежности. Такъ и онъ дѣлаетъ, не говоритъ о послѣдующемъ, считая это излишнимъ для тѣхъ, которые внимательно читаютъ написанное и изъ сказаннаго научаются дополнять остальное. Конечно, каково было прежнее, таково же было и послѣдующее. Впрочемъ, послушай, что самъ (Павелъ) говоритъ о послѣдующемъ въ посланіи къ Римлянамъ: *яко аще пойду во Испанію, пріиду къ вамъ* (XV, 24).

3. Видишь ли, какъ все предвидѣла эта святая и божественная глава, этотъ мужъ, высшій небесъ, имѣющій душу способную обнимать все, первоверховный Павелъ? Одного имени его знающимъ достаточно для того, чтобы возбудить душу къ бодрствованію, чтобы прогнать всякій сонъ. Римъ принялъ его свя-

заннаго, прибывшаго по морю, спасшагося отъ кораблекрушенія, и—избавился отъ треволненій заблужденія. Какъ бы какой царь, бывшій въ морскомъ сраженіи и побѣдившій, онъ вошелъ въ царственный городъ. Объ этомъ онъ говоритъ въ посланіи: *пріиду и упокоюся съ вами въ исполненіи благословенія благовѣстія* (Рим. XV, 29, 32); и опять: *гряду во Іерусалимъ служай* (Рим. XV, 25); это тоже, что говорилъ прежде: *пріидохъ сотворити милостыни во языкъ мой* (Дѣян. XXIV, 17). Онъ былъ уже близокъ къ вѣнцу; Римъ видѣлъ его связаннымъ, и (потомъ) увидѣлъ увѣнчаннымъ 383
и прославленнымъ. То онъ говорилъ: *упокоюся съ вами*; то: *гряду во Іерусалимъ служай*. Послѣднее было началомъ новаго теченія; неутомимый, онъ прилагалъ трофеи къ трофеямъ. Коринѳъ имѣлъ его у себя два года, Азія—три, этотъ (Римъ)—теперь два, а потомъ онъ пришелъ туда во второй разъ, когда и скончался. *Въ первый мой отвѣтъ*, говоритъ онъ, *никтоже бысть со мною* (2 Тим. IV, 16). Такимъ образомъ теперь онъ не подвергся смерти, а потомъ, когда наполнилъ проповѣдію всю вселенную, разрѣшился отъ жизни. Ты хотѣлъ бы знать послѣдующее? Оно таково же, каково и предъидущее: узы, страданія, борьба, темничное заключеніе, козни, клеветы, ежедневная смерть. Ты видѣлъ малую часть (дѣлъ) его? Представь такою же и остальную. Какъ небо, въ какой бы мѣрѣ ты ни видѣлъ его, все точно таково же, увидѣвъ одну часть неба, куда бы ты ни пошелъ, увидишь его такимъ же вездѣ; или какъ по лучамъ солнца, хотя бы ты видѣлъ ихъ отчасти, можешь заключать о томъ, каково солнце,—такъ и въ отношеніи къ Павлу. Ты видѣлъ дѣла его отчасти; всѣ они таковы же, исполнены бѣдствій. Этотъ мужъ—небо, вмѣщавшее въ себѣ Солнце правды, а не это солнце; потому и самъ онъ выше неба. Развѣ этого мало? Не думаю. Когда ты называешь апостола, всѣ тотчасъ разумѣютъ его, подобно какъ при имени Крестителя тотчасъ (разумѣютъ) Іоанна. Чему можно уподобить слова его: морю или даже океану? Ничто не можетъ сравняться съ ними. Потоки ихъ гораздо обильнѣе, чище и глубже моря, такъ что не погрѣшилъ бы, кто назвалъ бы сердце Павлово и моремъ и небомъ, небомъ по чистотѣ, моремъ по глубинѣ. Это—море, не изъ города въ городъ переселяющее плывущихъ по нему, но отъ земли на небо. Кто плыветъ по этому морю, тотъ будетъ плыть при попутномъ вѣтрѣ. На этомъ морѣ не вѣтры, но вмѣсто вѣтровъ Святый Духъ Божій сопровождаетъ плывущія души. Здѣсь нѣтъ волнъ, нѣтъ подводныхъ камней, нѣтъ звѣрей, здѣсь все тихо. Это—море, спокойнѣйшее и безопаснѣйшее всякой пристани, не имѣющее ничего горькаго, но заключающее въ себѣ источникъ чистый и источающій сладчайшіе потоки, про-

зрачнѣйшій и свѣтлѣйшій солнца; море, содержащее въ себѣ не драгоцѣнные камни и не пурпуръ, но сокровища гораздо лучшія.
384 Кто хочетъ погрузиться въ это море, тому не нужны ни орудія плаванія, ни елей, но любомудріе, и тотъ найдетъ въ немъ всѣ блага царствія небеснаго; тотъ можетъ сдѣлаться царемъ, пріобрѣсть весь міръ и быть въ величайшей чести. Кто плыветъ по этому морю, тотъ никогда не подвергнется кораблекрушенію, но будетъ хорошо распознавать все. Но какъ неопытные утопаютъ въ обыкновенномъ морѣ, такъ и здѣсь,—что и случается съ еретиками, покушающимися на то, что выше силъ ихъ. Потому нужно знать эту глубину, или не дерзать (погружаться въ нее). Если мы хотимъ плыть по этому морю, то должны быть крѣпко препоясаны. *Не могохъ*, говоритъ онъ, *вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ* (1 Кор. III, 1). Никто, неспособный къ терпѣнію, пусть не плыветъ по этой глубинѣ. Приготовимъ себѣ корабли, т. е. усердіе, ревность, молитвы, чтобы безопасно пройти эту глубину; вѣдь эта вода есть вода живая. Какъ имѣющій у себя закаленную сталь, такъ и знающій Павла бываетъ силенъ; какъ владѣющій острымъ мечемъ, такъ и этотъ бываетъ неприступенъ. Но чтобы уразумѣть Павла, для этого нужна чистая жизнь; потому онъ и говорилъ: *бысте требующе млека, понеже немощни бысте слухи* (Евр. V, 11, 12). Бываетъ, подлинно бываетъ и немощь слуха. Какъ желудокъ не можетъ принимать здоровой и твердой пищи, когда онъ слабъ, такъ и душа надменная и раздражительная, дѣлаясь безсильною и разслабленною, не можетъ принимать духовнаго слова. Послушай, что говорили ученики: *жестоко есть слово сіе: кто можетъ его послушати* (Іоан. VI, 60)? А когда она здорова и крѣпка, тогда все для ней легко, все удобно; дѣлаясь возвышенною и легкою, она болѣе и болѣе устремляется горѣ и достигаетъ высоты. Зная это, будемъ сохранять душу свою здоровою, будемъ соревновать Павлу, будемъ подражать этой доблестной и адамантовой душѣ, чтобы, шествуя по слѣдамъ его жизни, мы могли проплыть море настоящей жизни, достигнуть безмятежной пристани и сподобиться благъ, обѣтованныхъ живущимъ достойно Христа, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Оглавленіе первой книги IX тома.

Бесѣды на Дѣянія Апостольскія.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ВЪ ДВУХЪ КНИГАХЪ.

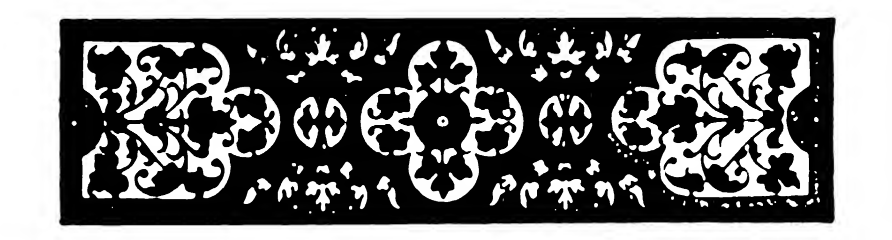
КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1903.

От Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 25 марта 1903 г.

Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

БЕСѢДЫ НА ПОСЛАНІЕ КЪ РИМЛЯНАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1. Постоянно слушая чтеніе посланій блаженнаго Павла, каждую недѣлю дважды, а часто три и четыре раза, когда мы совершаемъ памяти святыхъ мучениковъ,—я радуюсь, наслаждаюсь духовною трубою, восхищаюсь и воспламеняюсь желаніемъ, узнавая любезный мнѣ голосъ, и мнѣ почти кажется, будто онъ явился и присутствуетъ предо мною, и я вижу, какъ онъ бесѣдуетъ. Но, съ другой стороны, я скорблю и сокрушаюсь тѣмъ, что не всѣ знаютъ этого мужа такъ, какъ должно знать, а нѣкоторые находятся въ такомъ невѣдѣніи, что не знаютъ ясно и числа его посланій. И это бываетъ не отъ недостатка ученія, а отъ того, что не хотятъ постоянно бесѣдовать съ этимъ блаженнымъ. И мы то, что знаемъ (если, дѣйствительно, что-нибудь знаемъ), уразумѣли не при помощи природной способности и остроты ума, но вслѣдствіе того, что постоянно были близъ этого мужа и ревностно прилежали ему. Любящіе знаютъ дѣла любимыхъ больше всѣхъ остальныхъ, такъ какъ поистинѣ заботятся о нихъ. И блаженный Павелъ, показывая это, говорилъ къ Филиппійцамъ: *яко есть праведно мнѣ сіе мудрствовати о всѣхъ васъ, за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ, во узахъ моихъ и во отвѣтѣ и извѣщеніи благовѣстія* (Филип. I, 7). Такимъ образомъ и вы, если желаете съ усердіемъ внимать чтенію, не будете нуждаться ни въ чемъ другомъ, потому что неложно слово Христа, Который сказалъ: *ищите и обрящете,* 391

толцыте и отверзется вамъ (Мѳ. VII, 7). Но такъ какъ у насъ большая часть собравшихся здѣсь приняли на себя заботу о воспитаніи дѣтей и о женѣ и попеченіе о домѣ и, вслѣдствіе этого, не могутъ согласиться на то, чтобы всецѣло предать себя этому труду, то, по крайней мѣрѣ, постарайтесь принять собранное другими и удѣлите слушанію того, о чемъ здѣсь говорится, такое же большое вниманіе, какъ и собиранію имѣній. Правда, хотя и стыдно требовать отъ васъ одного только этого, но будетъ пріятно, если вы и въ этомъ не откажете.

Вѣдь отсюда, отъ незнанія Писанія, произошли безчисленныя бѣдствія: отсюда произросла великая зараза ересей, отсюда— нерадивыя житія, безполезные труды. Подобно тому какъ лишенные этого свѣта не могутъ прямо идти, такъ и не взирающіе на лучъ божественнаго Писанія вынуждаются много и часто грѣ-
392 шить, такъ какъ поистинѣ ходятъ въ самой глубокой тьмѣ. Чтобы этого не было, откроемъ глаза предъ сіяніемъ апостольскихъ глаголовъ; вѣдь языкъ апостола Павла возсіялъ ярче солнца, онъ словомъ ученія превзошелъ всѣхъ прочихъ и получилъ обильную благодать Духа, такъ какъ больше другихъ потрудился. И я утверждаю это не на основаніи только посланій, но и дѣяній. Если гдѣ-нибудь былъ удобный случай для проповѣди, всюду предоставляли ему; потому даже невѣрующіе назвали этого апостола Гермесомъ—за совершенство въ словѣ. Намѣревающимся приступить къ посланію этому необходимо сказать и о времени, въ которое оно было написано. Вопреки мнѣнію многихъ, оно не первое изъ всѣхъ остальныхъ посланій, но, будучи составлено ранѣе тѣхъ, которыя написаны изъ Рима, оно позднѣе другихъ, хотя и не всѣхъ. Такъ, оба посланія къ Коринѳянамъ были отправлены раньше этого. И это видно изъ того, что онъ написалъ въ концѣ посланія, говоря слѣдующее: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ служай святымъ. Благоволиша бо Македоніа и Ахаіа общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ живущимъ во Іерусалимѣ* (Рим. XV, 25—26). А въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ, говоря о собравшихся нести въ Іерусалимъ подаяніе, писалъ: *аще же достойно будетъ и мнѣ ити, со мною пойдутъ* (1 Кор., XVI, 4). Отсюда видно, что когда Павелъ писалъ къ Коринѳянамъ, его путешествіе было еще сомнительно, а когда писалъ къ Римлянамъ, то оно было уже рѣшено. Согласившись же съ этимъ, мы должны заключить, что посланіе къ Римлянамъ писано послѣ посланія къ Коринѳянамъ. А по моему мнѣнію, и посланіе къ Ѳессалоникійцамъ было написано раньше посланія къ Коринѳянамъ. Написавши предварительно свое посланіе къ первымъ, онъ такъ говорилъ о милостынѣ: *о братолюбіи же не требуете, да пишется къ вамъ: сами бо*

вы Богомъ учени есте, еже любити другъ друга, ибо творите то ко всей братіи (1 Сол. IV, 9, 10). А потомъ уже онъ писалъ къ Коринѳянамъ, какъ видно изъ словъ: *вѣмъ бо азъ усердіе ваше, имже о васъ хвалюся Македоняномъ, яко Ахаіа приготовися отъ мимошедшаго лѣта: и яже отъ васъ ревность раздражи множайшихъ* (2 Кор. IX, 2). Отсюда ясно, что Ѳессалоникійцамъ говорено было о томъ прежде. Но хотя посланіе къ Римлянамъ позднѣе этихъ, однако оно написано раньше тѣхъ, которые отправлены изъ Рима. Онъ еще не прибылъ въ городъ Римъ, когда написалъ это посланіе, какъ открывается изъ словъ: *желаю бо видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное* (Рим. I, 11). Къ Филиппій- 393
цамъ же Павелъ писалъ изъ Рима, почему и говоритъ: *цѣлуютъ вы святіи вси, паче же иже отъ Кесарева дому* (Филип. IV, 22). И къ Евреямъ писано оттуда же, почему и сказано, что ихъ привѣтствуютъ всѣ отъ Италіи (Евр. XIII, 24). Также и посланіе къ Тимоѳею Павелъ писалъ изъ Рима, находясь въ узахъ. Даже мнѣ кажется, что оно есть послѣднее изъ всѣхъ его посланій, какъ видно изъ сказаннаго въ концѣ: *азъ бо уже жрень бываю, и время моего отшествія наста* (2 Тим. IV, 6). Всякому же извѣстно, что Павелъ кончилъ жизнь въ Римѣ. И посланіе къ Филимону есть также одно изъ послѣднихъ, такъ какъ Павелъ написалъ его въ глубокой старости, о чемъ самъ говоритъ: *якоже Павелъ старецъ, нынѣ же и узникъ Іисуса Христа* (Фил. 9). Но, конечно, оно написано прежде посланія къ Колоссянамъ, что опять видно изъ сказаннаго въ концѣ посланія, такъ какъ Павелъ въ посланіи къ Колоссянамъ пишетъ: *вся скажетъ вамъ Тѵхикъ, его же послахъ съ Онисимомъ вѣрнымъ и возлюбленнымъ братомъ* (Кол. IV, 7—9). Онисимъ же этотъ былъ тотъ самый, о которомъ Павелъ написалъ посланіе къ Филимону, а не другой, соименный ему, что доказывается именемъ Архипа, на котораго Павелъ въ посланіи къ Филимону возложилъ трудъ ходатайствовать съ нимъ за Онисима, и котораго въ посланіи къ Колоссянамъ онъ поощряетъ такими словами: *рцыте Архиппу: блюди служеніе, еже пріялъ еси, да довершиши е* (Колосс. IV, 17). Мнѣ еще кажется, что посланіе къ Галатамъ написано прежде посланія къ Римлянамъ. Если же посланія Павла имѣютъ въ книгахъ порядокъ другой, то это нисколько неудивительно, такъ какъ и двѣнадцать пророковъ расположены послѣдовательно, въ извѣстномъ порядкѣ книгъ, хотя по времени они и не слѣдуютъ одинъ за другимъ, но раздѣлены между собою большимъ промежуткомъ времени. Такъ Аггей, Захарія и другіе пророчествовали послѣ Іезекіиля и Даніила, а многіе послѣ Іоны, Софоніи и всѣхъ прочихъ; однакоже въ книгахъ они соединены вмѣстѣ съ тѣми, отъ которыхъ такъ удалены временемъ.

2. Никто пусть не считаетъ этотъ трудъ излишнимъ и не признаетъ такое изслѣдованіе дѣломъ пустого любопытства, потому что время посланій не мало содѣйствуетъ намъ къ объясненію ихъ. Такъ, я замѣчаю, что Павелъ къ Римлянамъ и Колоссянамъ пишетъ объ одномъ и томъ же, но неодинаково. Къ Римлянамъ онъ пишетъ съ большимъ снисхожденімъ, когда говоритъ: *изнемогающаго же въ вѣрѣ пріемлите, не въ сомнѣніе помышленій. Овъ бо вѣруетъ ясти вся, а изнемогаяй зелія ястъ* (Рим. XIV, 1, 2). А къ Колоссянамъ о томъ же апостолъ выражается иначе и съ большею свободою, именно говоритъ: *аще убо умросте со Христомъ отъ стихій міра, почто аки живуще въ мірѣ стязаетеся? Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи: яже суть вся во истлѣніе употребленіемъ, не въ чести коей, къ сытости плоти* (Колос. II, 20—23). Причину такой разности я нахожу не въ чемъ другомъ, какъ въ обстоятельствахъ времени. Въ началѣ слѣдовало быть снисходительнымъ, а послѣ это стало уже не нужно. Можно найти, что Павелъ и во многихъ другихъ случаяхъ дѣлалъ тоже. Такъ обыкновенно поступаютъ врачъ и учитель. Врачъ неодинаково будетъ обходиться съ тѣми, которые только что заболѣли, и съ тѣми, которые уже выздоравливаютъ; равно и учитель иначе будетъ обращаться съ дѣтьми, начинающими учиться, и иначе съ требующими совершеннѣйшихъ уроковъ. Итакъ, Павелъ писалъ посланія другимъ, побуждаемый какою-нибудь причиной и цѣлью (на это онъ и указываетъ, говоря Коринѳянамъ: *а о нихже писасте ми* (1 Кор. VII, 1), и Галатамъ изъясняетъ то же самое, какъ въ предисловіи, такъ и во всемъ посланіи). Для чего же и по какой причинѣ онъ писалъ къ Римлянамъ? Вѣдь онъ ясно свидѣтельствуетъ о нихъ, что они полны благости, исполнены всякаго разумѣнія и могутъ иныхъ научить (Рим. XV, 14). Итакъ для чего же онъ писалъ къ нимъ посланіе? *За благодать*, говоритъ онъ, *данную ми отъ Бога, во еже быти ми служителю Іисусъ Христову* (Рим. XV, 15, 16). Потому и въ началѣ посланія онъ сказалъ: долженъ *есмь, еже по моему усердію, и вамъ сущимъ въ Римѣ благовѣстити* (Рим. I, 14, 15). А то, что Римляне могутъ и другихъ научить, это и другое подобное сказано больше въ похвалу и поощреніе, такъ какъ и они имѣли нужду въ исправленіи посредствомъ посланія. И такъ какъ Павелъ самъ еще не былъ въ Римѣ, то онъ двумя способами исправляетъ мужей — и полезнымъ писаніемъ, и ожиданіемъ его прибытія. Такова была святая душа Павла; она обнимала всю вселенную и всѣхъ заключала въ себѣ, считая родство по Богѣ самымъ высшимъ. Павелъ всѣхъ любилъ такъ, какъ будто самъ родилъ ихъ, а лучше сказать, обнаруживалъ любовь больше всякаго отца. Такова-то бла-

годать Духа: она побѣждаетъ тѣлесныя болѣзни и создаетъ самую горячую любовь. Особенно же это можно видѣть на душѣ Павла, который, какъ бы получивши крылья, подъ воздѣйствіемъ любви неутомимо всѣхъ обходилъ, нигдѣ не медлилъ и не останавливался. Онъ зналъ, что Христосъ, сказавъ Петру: *любиши ли Мя? Паси овцы Моя* (Іоан. XXI, 65), указалъ этимъ на высочайшую степень любви, и потому самъ въ избыткѣ обнаружилъ ее въ себѣ. Итакъ мы, соревнуя Павлу, будемъ назидать, если не весь міръ, не цѣлые города и народы, то, покрайней мѣрѣ, каждый—собственный свой домъ, свою жену, своихъ дѣтей, друзей, сосѣдей. И никто пусть не говоритъ мнѣ: я неискусенъ и несвѣдущъ. Нѣтъ никого болѣе неученаго, чѣмъ Петръ, и болѣе неискуснаго, чѣмъ Павелъ. Онъ и самъ признается въ этомъ и, не стыдясь, говоритъ: *аще бо и невѣжда словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. XI, 6). Однако невѣжда Павелъ и неученый Петръ побѣдили тысячи философовъ, заставили молчать безчисленныхъ ораторовъ, совершивши все это собственнымъ усердіемъ и благодатію Божіею. Какое же оправданіе найдемъ для себя мы, когда оказываемся не въ состояніи научить и двадцать человѣкъ и быть полезными для живущихъ вмѣстѣ съ нами? Это пустой предлогъ и пустая отговорка. Не малоученость, не малообразованность, но лѣность и сонъ препятствуютъ намъ учить. Потому, отрясши этотъ сонъ, со всѣмъ прилежаніемъ позаботимся о собственныхъ членахъ, чтобы, наставляя ближнихъ своихъ страху Божію, мы и здѣсь насладились полнымъ спокойствіемъ, и тамъ сдѣлались участниками безчисленныхъ благъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА I.

395 **Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ, званъ апостолъ, избранъ въ благовѣстіе Божіе, еже прежде обѣща пророки своими въ писаніяхъ святыхъ (I, 1, 2).**

1. Моисей написавшій пять книгъ, нигдѣ не поставилъ своего имени, а равно и тѣ, которые послѣ него описывали послѣдующія событія, даже Матѳей, Іоаннъ, Маркъ, Лука; но блаженный Павелъ всюду въ своихъ посланіяхъ ставитъ свое имя. Почему это? Потому что тѣ писали для находившихся возлѣ нихъ и, присутствуя лично, не имѣли нужды говорить о себѣ самихъ; а Павелъ посылалъ писанія издали и въ видѣ письма, почему для него и необходима была прибавка имени. Если же въ посланіи къ Евреямъ онъ не дѣлаетъ этого, то по своему благоразумію. Такъ какъ евреи его ненавидѣли, то, чтобы они, услышавъ въ началѣ посланія его имя, не отказались слушать далѣе, онъ, скрывши свое имя, этимъ мудро достигъ ихъ вниманія. Если же пророки и Соломонъ надписывали имена свои, то предоставляю вамъ самимъ изслѣдовать, почему одни это дѣлали, а другіе не дѣлали: вѣдь не всему нужно мнѣ учить васъ, а надобно и вамъ самимъ трудиться и изслѣдывать, чтобы не сдѣлаться еще лѣнивѣе. *Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ.* Для чего Богъ перемѣнилъ ему имя и бывшаго Савла назвалъ Павломъ? Для того, чтобы ему и въ этомъ отношеніи не быть меньше апостоловъ, но какое преимущество имѣлъ верховный изъ учениковъ, такое же пріобрѣлъ и Павелъ, и получилъ основаніе для большаго съ ними союза. Не безъ намѣренія же называетъ онъ себя рабомъ Христовымъ. Рабство имѣетъ многіе виды. Есть рабство по сотворенію, о которомъ сказано: *яко всяческая работна Тебѣ* (Псал. CXVIII, 91), и еще: *рабъ мой Навуходоносоръ* (Iерем. XXV, 9),—потому что всякая тварь

порабощена своему Творцу. Другой видъ—рабство отъ вѣры, о которомъ говорится: *благодареніе убо Богу, яко бѣсте раби грѣху, послушасте же отъ сердца, въ оньже и предастеся образъ ученія, и свобождшеся отъ грѣха, поработистеся правдѣ* (Рим. VI, 17, 18). Наконецъ, есть рабство по образу жизни, о которомъ сказано: *Моисей рабъ мой скончася* (Іис. Нав. I, 2); хотя и всѣ іудеи были слугами, но Моисей преимущественно сіялъ жизнью. А такъ какъ Павелъ былъ рабомъ во всѣхъ видахъ рабства, то вмѣсто самаго почетнаго титула употребляетъ наименованіе: *рабъ Іисусъ Христовъ*. А имена домостроительства онъ прилагаетъ, восходя снизу вверхъ. Имя Іисусъ принесено ангеломъ, сшедшимъ съ небесъ, когда Сынъ Божій родился отъ Дѣвы, а имя Христосъ происходитъ отъ помазанія и принадлежитъ Ему также по плоти. И какимъ, спросишь, елеемъ Онъ былъ помазанъ? Онъ помазанъ не елеемъ, но Духомъ. А писаніе и таковыхъ обыкновенно называетъ христами. Преимущественное въ помазаніи есть Духъ, потому и елей пріемлется. Гдѣ же писаніе называетъ христами непомазанныхъ елеемъ? Тамъ, гдѣ говоритъ: *не прикасайтеся помазаннымъ моимъ, и во пророцѣхъ моихъ не лукавнуйте* (Псал. CIV, 15). Вѣдь тогда елей не приготовлялся для помазанія. *Званъ Апостолъ*. Павелъ вездѣ называетъ себя званнымъ, свидѣтельствуя этимъ о своей признательности, потому что не самъ искалъ и нашелъ, но, будучи призванъ, явился и повиновался. И вѣрующихъ онъ также называетъ званными святыми, хотя они призваны только для того, чтобы увѣровать; Павлу же вручено еще 396
другое—апостольство, служеніе, заключающее въ себѣ безчисленныя блага, совмѣщающее и превосходящее всѣ дарованія. И что еще можно сказать больше того, что Христосъ, оставляя землю, поручилъ апостоламъ все то, что самъ совершалъ на землѣ? И Павелъ, восхваляя это достоинство апостоловъ, восклицаетъ: *по Христѣ посольствуемъ, яко Богу молящу нами* (2 Кор. V, 20), то есть—вмѣсто Христа: *Избранъ въ благовѣстіе Божіе*. Какъ въ домѣ каждый избранъ для особаго дѣла, такъ и въ церкви бываютъ различныя раздѣленія служенія. Но мнѣ кажется, что Павелъ указываетъ здѣсь не только на жребій своего служенія, но и на то, что онъ издревле и свыше былъ назначенъ для него. Такъ и Іеремія говоритъ, что Богъ сказалъ о немъ: *прежде неже изыти тебѣ изъ ложеснъ, освятихъ тя, пророка во языки поставихъ тя* (Іерем. I, 5). Такъ какъ Павелъ писалъ городу тщеславному и напыщенному, то онъ во всемъ и показываетъ Божіе рукоположеніе и говоритъ, что самъ Богъ призвалъ, самъ Богъ избралъ его. Онъ дѣлаетъ это для того, чтобы посланіе его признали достовѣрнымъ и приняли. *Въ благовѣстіе Божіе*. Итакъ, не одинъ Матѳей или Маркъ

есть евангелистъ, равно какъ не одинъ Павелъ есть апостолъ, но также и первые, хотя Павелъ попреимуществу называется апостоломъ, а тѣ евангелистами. Самое же благовѣстіе онъ называетъ въ зависимости не отъ настоящихъ только благъ, но и отъ будущихъ. Какъ же Павелъ говоритъ, что онъ благовѣствуетъ о Богѣ? *Избранъ*, говоритъ, *въ благовѣстіе Божіе*. Правда, Отецъ былъ извѣстенъ и прежде евангелій, но, если и былъ извѣстенъ, то однимъ только іудеямъ, и притомъ не всѣмъ, какъ надлежало. Тогда не знали Бога, какъ Отца, и многое представляли недостойно Его. Потому Христосъ и сказалъ, что пріидутъ *истинніи поклонницы*, и что *Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему* (Іоан. IV, 25). Впослѣдствіи же и самъ Отецъ вмѣстѣ съ Сыномъ открылся всей вселенной; предвозвѣщая объ этомъ Христосъ сказалъ: *да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога и Его же послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. XVII, 3). Благовѣстіемъ же Божіимъ апостолъ называетъ (свою проповѣдь) для того, чтобы въ самомъ началѣ возбудить вниманіе слушателя. Онъ пришелъ не съ печальною какою-либо вѣстію, какъ приходили пророки—съ обличеніями, укоризнами, угрозами, но съ добрыми вѣстями, съ благовѣстіемъ Божіимъ о безчисленныхъ сокровищахъ постоянныхъ и непреложныхъ благъ, которыя *прежде обѣща пророки своими въ Писаніяхъ святыхъ*. Сказано вѣдь: *Господь дастъ глаголъ благовѣствующимъ силою многою* (Псал, LXVII, 12); и еще: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ* (Ис. LII, 7)!

2. Видишь ли, какъ опредѣленно выражены въ ветхомъ завѣтѣ названіе и способъ евангелія? Оно, говоритъ, возвѣщается не только словами, но и дѣлами; затѣмъ благовѣстіе не есть что-либо человѣческое, но божественное, неизреченное, превышающее всякое естество. А такъ какъ называли его нововведеніемъ, то Павелъ доказываетъ, что благовѣстіе древнѣе эллиновъ (язычества) и прежде было описано у пророковъ. Если же Богъ сообщилъ его не изначала, то по винѣ не хотѣвшихъ принять; кто же хотѣлъ, тотъ слышалъ. *Авраамъ отецъ вашъ*, сказано, *радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой; и видѣ и возрадовася* (Іоан. VIII, 56). Итакъ, въ какомъ смыслѣ говоритъ, что *мнози пророцы и праведницы вожделѣша видѣти, яже видите, и не видѣша* (Мѳ. XIII, 17)? Въ такомъ, что вы видите и слышите самую плоть и самыя знаменія, совершающіяся предъ глазами. Но ты обрати вниманіе, за
397 сколько времени раньше объ этомъ было предвозвѣщено. Всякій разъ, какъ Богу угодно предуготовить что-нибудь великое, Онъ предсказываетъ объ этомъ за много времени, чтобы настроить слухъ къ принятію этого при исполненіи. *Въ писаніяхъ святыхъ*. Пророки не только говорили, но и писали то, о чемъ говорили.

Даже не только писали, но изображали дѣйствіями, напримѣръ, Авраамъ велъ Исаака (на жертвоприношеніе), Моисей возносилъ змія, воздѣвалъ руки во время сраженія съ Амаликомъ и закалалъ пасхальнаго агнца. *О Сынѣ своемъ, бывшемъ отъ сѣмене Давидова по плоти* (ст. 3). Что ты дѣлаешь, Павелъ? Вознесши наши души и поднявъ ихъ на высоту, показавъ великое и неизреченное, сказавъ о евангеліи и евангеліи Божіемъ, представивъ сонмъ пророковъ и показавъ, что они предрекли будущее за много лѣтъ раньше, для чего ты опять низводишь насъ къ Давиду? Скажи мнѣ,—о какомъ человѣкѣ ты говоришь, именуя его отцемъ Іессеева сына? Сообразно ли это съ сказаннымъ прежде? Весьма сообразно, говоритъ Павелъ,—потому что у насъ рѣчь не о простомъ человѣкѣ. Вслѣдствіе этого я и прибавилъ—*по плоти*, давая понять, что Ему же принадлежитъ и другое рожденіе—по Духу. Но для чего онъ началъ съ рожденія по плоти, а не съ высшаго—съ рожденія по Духу? Для того, что такъ начинаютъ Матѳей, Лука и Маркъ. Къ тому же, намѣревающемуся возводить къ небу необходимо вести снизу вверхъ. Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Сына Божія видѣли на землѣ человѣкомъ, а потомъ признали Его Богомъ. А какой способъ ученія употребилъ самъ Онъ, такой же путь, ведущій къ Нему, пролагаетъ и ученикъ Его. Сначала говоритъ о рожденіи по плоти не потому, что оно было первое, но съ тою цѣлью, чтобы отъ него возвести слушателя къ другому рожденію—по Духу. *Нареченнѣмъ Сынѣ Божіи въ силѣ по Духу святыни, изъ воскресенія отъ мертвыхъ Іисуса Христа* (ст. 4). Сказанное не совсѣмъ ясно, вслѣдствіе буквальной связи выраженій; поэтому необходимо раздѣлить рѣчь. Итакъ, что же означаютъ эти слова? Мы проповѣдуемъ, говоритъ Павелъ, происшедшаго отъ Давида. Но это ясно. Чѣмъ же доказывается, что воплотившійся есть Сынъ Божій? Во-первыхъ—пророками, почему Павелъ и сказалъ: *еже прежде обѣща пророки своими въ Писаніяхъ святыхъ*. Этотъ способъ доказательства имѣетъ не малую силу. Во-вторыхъ—самымъ образомъ рожденія, который выраженъ у апостола словами: *отъ сѣмене Давидова по плоти*, такъ какъ это рожденіе нарушило порядокъ природы. Въ-третьихъ—чудесами, которыя совершилъ Христосъ, доказавъ тѣмъ необыкновенную силу, что и выражено словомъ—*въ силѣ*. Въ-четвертыхъ—Духомъ, Котораго даровалъ вѣрующимъ въ Него и чрезъ Котораго всѣхъ содѣлалъ святыми, почему и сказано: *по Духу святыни*, такъ какъ одному Богу свойственно раздавать таковые дары. Въ-пятыхъ—воскресеніемъ Господа, потому что Онъ первый и одинъ только воскресилъ самъ Себя; и это Онъ самъ называлъ знаменіемъ, преимущественно предъ всѣми другими до-

статочнымъ для того, чтобы заградить уста даже безстыднымъ. Онъ сказалъ: *разорите церковь сію, и треми деньми воздвигну ю* (Іоан. II, 19). И еще: *егда вознесете Мя* отъ земли, *тогда уразумѣете, яко Азъ есмь* (Іоан. VIII, 28). И опять: *родъ сей знаменія ищетъ, и знаменія не дастся ему, токмо знаменіе Іоны* (Мѳ. XII, 39). Итакъ, что значитъ—*нареченный?* Указанный, открывшійся, признанный, исповѣданный по сужденію и рѣшенію всѣхъ, вслѣдствіе предсказанія пророковъ, вслѣдствіе чудеснаго рожденія по плоти, при
398 посредствѣ силы, явленной въ чудесахъ, чрезъ Духа, Которымъ даровалъ освященіе, чрезъ воскресеніе, которымъ разрушилъ державу смерти. *Имъ же пріяхомъ благодать и апостольство въ послушаніе вѣры* (ст. 5). Замѣть признательность раба: онъ ничего не хочетъ приписать себѣ самому, но все приписываетъ Господу. И, конечно, это даровалъ Духъ. Потому Господь и сказалъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. XVI, 12, 13). И въ другомъ мѣстѣ Духъ повелѣваетъ: *отдѣлите Ми* Павла *и Варнаву* (Дѣян. XIII, 2). Также апостолъ въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ, что *овому Духомъ дается слово премудрости, иному слово разума*, и что *той же Духъ* все раздѣляетъ, *якоже хощетъ* (1 Кор. XII, 8, 11). И проповѣдуя жителямъ Милета, онъ говорилъ: *въ немъ же постави васъ Духъ Святый* пастыри и *епископы* (Дѣян. XX, 28). Видишь ли, что (апостолъ) принадлежащее Духу усвояетъ Сыну и принадлежащее Сыну усвояетъ Духу? *Благодать и апостольство*, то есть, не по заслугамъ своимъ мы стали апостолами, такъ какъ не достигли этого достоинства многими трудами и усиліями, но получили благодать, и отъ этого дара свыше совершилось преуспѣяніе. *Въ послушаніе вѣры.*

3. Слѣдовательно, успѣхъ проповѣди зависѣлъ не отъ апостоловъ, но отъ благодати, имъ предшествующей. Ихъ дѣло было—обходить и проповѣдывать, но убѣжденіе производилъ Богъ, дѣйствующій въ нихъ, какъ Лука и сказалъ, что *отверзе сердце ихъ* (Дѣян. XVI, 14); и опять: *имже дано бѣ слышати слово Божіе. Въ послушаніе.* Не сказалъ—для изслѣдованія и доказательства, но—въ послушаніе. Мы посланы, говоритъ онъ, не умозаключенія составлять, но передать то, что намъ ввѣрено. Когда Господь возвѣститъ что-нибудь, слушатели не должны перетолковывать слова Его и съ любопытствомъ изслѣдывать, но обязаны только принять ихъ. И апостолы посланы были для того, чтобы передать то, что слышали, ничего не прибавляя отъ себя, чтобы и мы, наконецъ, увѣровали. Чему же увѣровали? *О имени Его.* Мы не должны изслѣдывать сущность Его, но вѣровать во имя Его, такъ какъ оно творило и чудеса. *Во имя Іисуса Христа*, говоритъ Петръ,

востани и ходи (Дѣян. III, 6). Оно и само требуетъ вѣры, и ничего изъ этого нельзя постигнуть разумомъ. *Во всѣхъ языцѣхъ, въ нихъ же есте и вы, звани Іисусу Христу* (ст. 6). Что это? Развѣ Павелъ проповѣдывалъ всѣмъ народамъ? Изъ посланія къ Римлянамъ видно, что онъ обошелъ (страны) отъ Іерусалима до Иллирика и оттуда опять доходилъ до послѣднихъ предѣловъ земли. Но если бы даже онъ былъ и не у всѣхъ народовъ, сказанное имъ нимало не ложно, потому что онъ говоритъ не объ одномъ себѣ, но и о двѣнадцати апостолахъ и о всѣхъ, благовѣствовавшихъ слово послѣ нихъ. Впрочемъ, нельзя признавать этихъ словъ спорными и въ отношеніи самого Павла, если имѣть въ виду его усердіе и то, что онъ послѣ кончины своей не перестаетъ проповѣдывать въ цѣлой вселенной. Замѣть также, какъ Павелъ превозноситъ даръ (апостольства) и показываетъ его величіе и превосходство предъ прежнимъ (ветхозавѣтнымъ). Если древнее (обѣтованія ветхозавѣтныя) простиралось на одинъ народъ, то это (апостольство) привлекло сушу и море. Не оставь безъ вниманія и того, сколько душа Павла далека отъ всякой лести. Обращая рѣчь къ Римлянамъ, которые пребывали какъ бы 399
на нѣкоторой вершинѣ всей вселенной, онъ не отдаетъ имъ никакого преимущества предъ прочими народами и, хотя они тогда владычествовали и господствовали, Павелъ не говоритъ, что они имѣютъ какое-нибудь преимущество и въ духовномъ отношеніи. Но какъ мы проповѣдуемъ всѣмъ народамъ, пишетъ онъ, такъ проповѣдуемъ и вамъ, причемъ ставитъ ихъ на ряду съ скиѳами и ѳракійцами; а если бы онъ не это хотѣлъ сказать, то было бы излишне прибавлять: *въ нихъ же есте и вы*. Дѣлаетъ же онъ это съ тою цѣлью, чтобы низложить ихъ высокомѣріе, смирить кичливость ума и научить равночестно относиться къ другимъ. Для этого и присовокупилъ слова: *въ нихъ же есте и вы звани Іисусу Христу*, то есть, съ которыми находитесь и вы. Не сказалъ, что Христосъ другихъ призвалъ съ вами, но говоритъ, что васъ Онъ призвалъ съ другими. Если во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни раба, ни свободнаго, а тѣмъ болѣе—ни царя, ни простолюдина, то и вы также призваны, а не сами собою пришли. *Всѣмъ сущимъ въ Римѣ возлюбленнымъ Богу, званнымъ святымъ, благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа* (ст. 7). Смотри, какъ часто Павелъ употребляетъ слово—*званный*, говоря: *званъ апостолъ, въ нихъ же есте и вы звани, всѣмъ сущимъ въ Римѣ званнымъ*. Это онъ дѣлаетъ не для многословія, но желая опять напомнить римлянамъ о благодѣяніи Божіемъ. Такъ какъ среди вѣрующихъ находились, вѣроятно, и префекты, и консулы, и бѣдные, и простолюдины, то, отлагая неравенство чиновъ, онъ всѣмъ посылаетъ

одно привѣтствіе. Если же и рабамъ, и свободнымъ принадлежитъ всецѣлое общеніе во всемъ самомъ необходимомъ и духовномъ, какъ-то: любовь Божія, званіе, благовѣстіе, усыновленіе, благодать, миръ, освященіе и все прочее, то не крайнее ли будетъ безуміе различать по земнымъ дѣяніямъ тѣхъ, которыхъ Богъ соединилъ и сдѣлалъ равночестными въ важнѣйшемъ? Потому, конечно, апостолъ въ самомъ началѣ отвергаетъ этотъ лютый недугъ и направляетъ римлянъ къ смиренномудрію, которое есть матерь всѣхъ благъ. Смиренномудріе и рабовъ дѣлало лучшими, научая ихъ, что рабство не причинитъ имъ вреда, если они имѣютъ истинную свободу, и господъ обращало къ умѣренности, вразумляя ихъ, что нѣтъ никакой пользы въ свободѣ, если не бываетъ совершенства въ дѣлахъ вѣры. А чтобы тебѣ понять, что Павелъ дѣлалъ это не съ намѣреніемъ все слить и смѣшать, а, напротивъ, онъ зналъ лучшій способъ различать,— обрати вниманіе на то, что онъ не просто написалъ: всѣмъ сущимъ въ Римѣ, но съ ограниченіемъ: *возлюбленнымъ Богу*. Это— самое лучшее различеніе, которое ясно и показываетъ, откуда происходитъ освященіе.

4. Итакъ, откуда именно освященіе? Отъ любви. Сказавъ — *возлюбленнымъ*, тотчасъ присовокупилъ: *званнымъ святымъ*, показывая, что источникомъ всѣхъ благъ для насъ служитъ любовь; а святыми онъ называетъ всѣхъ вѣрующихъ. *Благодать вамъ и миръ*. О, привѣтствіе, приносящее безчисленныя блага! Его именно и Христосъ заповѣдалъ апостоламъ произносить, при входѣ въ домъ, какъ первое слово. Поэтому и Павелъ всегда начинаетъ тѣмъ же, т. е. словами: *благодать и миръ*. Не малую вражду прекратилъ Христосъ, но тяжелую, многоразличную и продолжительную, и притомъ уничтоживъ ее не нашими трудами, но Своею
400 благодатію. И какъ любовь даровала благодать, а благодать даровала миръ, то апостолъ, расположивъ ихъ въ своемъ привѣтствіи въ такомъ именно порядкѣ, молитъ о непрерывномъ и ненарушимомъ пребываніи (любви, благодати и мира), чтобы опять не возгорѣлась другая брань, и проситъ Подателя сохранить ихъ непреложными, говоря такъ: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа*. Вотъ здѣсь предлогъ *отъ* (ἀπὸ) относится къ Отцу и Сыну, а это равно выраженію—*изъ Него* (ἐξ οὗ). Апостолъ не сказалъ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца чрезъ (διὰ) Господа нашего Іисуса Христа, но говоритъ: *отъ* (ἀπὸ) *Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа*. О, какую силу имѣетъ любовь Божія! Враги и отверженные стали вдругъ святыми и сынами. Апостолъ, назвавъ Бога Отцемъ, явилъ ихъ сынами, а когда наименовалъ сынами, открылъ все сокровище благъ.

Итакъ, не престанемъ являть жизнь достойную дара, соблюдая миръ и святость. Другія почести временны, прекращаются съ настоящею жизнію и продаются за деньги, почему о нихъ можно сказать, что это не почести, но только наименованія почестей, получающія свое значеніе отъ пышныхъ одеждъ и отъ лести окружающей свиты. А даръ освященія и усыновленія, какъ данный отъ Бога, не уничтожается вмѣстѣ со смертію, но и здѣсь дѣлаетъ насъ знаменитыми, и сопровождаетъ въ жизнь будущую. Соблюдающій усыновленіе и тщательно хранящій даръ святыни гораздо славнѣе и блаженнѣе увѣнчаннаго діадемою и носящаго порфиру; даже въ настоящей жизни онъ наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ, насыщается благими надеждами, не имѣетъ никакой причины для страха и безпокойства и пользуется непрерывною радостью. Вѣдь обыкновенно веселіе и радость доставляетъ не величіе власти, не обиліе денегъ, не полнота могущества, не крѣпость тѣла, не роскошь трапезы, не пышность одеждъ и не какое-либо другое изъ человѣческихъ преимуществъ, но только духовное совершенство и добрая совѣсть. Итакъ, кто имѣетъ чистую совѣсть, хотя бы былъ одѣтъ въ рубище и боролся съ голодомъ, бываетъ благодушнѣе живущихъ роскошно; равно какъ сознающій за собою худое, хотя бы владѣлъ всѣми богатствами, бываетъ несчастнѣе всѣхъ. Потому и Павелъ, хотя жилъ во всегдашнемъ голодѣ и наготѣ, хотя каждый день подвергался ударамъ, но радовался и веселился болѣе современныхъ царей. А Ахаавъ, хотя и царствовалъ и наслаждался разнообразными предметами роскоши, когда совершилъ свой грѣхъ, стеналъ и скорбѣлъ, а лице его опадало какъ до грѣха, такъ и послѣ грѣха. Итакъ, если мы желаемъ наслаждаться радостью, то больше всего иного будемъ избѣгать порока и станемъ слѣдовать добродѣтели, потому что иначе невозможно достигнуть радости, хотя бы мы взошли даже и на царскій престолъ. Потому и Павелъ сказалъ: *плодъ же духовный есть любовь, радость, миръ* (Гал. v, 22). Возрастимъ же этотъ плодъ въ самихъ себѣ, чтобы намъ и здѣсь насладиться радостію, и достигнуть будущаго царства, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

401 **Первое убо благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ о всѣхъ васъ, яко вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ (і, 8).**

1. Начало приличное блаженной душѣ и достаточное для того, чтобы научить всѣхъ посвящать Богу начатки добрыхъ дѣлъ и словъ и благодарить Его не только за свои успѣхи въ добрѣ, но и за успѣхи другихъ, потому что это дѣлаетъ душу чистою отъ зависти и недоброжелательства и привлекаетъ на благодарныхъ большее благоволеніе Божіе. Потому Павелъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, благословивый насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ* (Ефес. і, 3).

Благодарить же должны не только богатые, но и бѣдные, не здоровые только, но и больные, не одни благоденствующіе, но и терпящіе напасти. Нѣтъ ничего удивительнаго въ благодареніи тогда, когда дѣла наши направляются попутнымъ вѣтромъ; но когда бываетъ сильная буря, корабль опрокидывается и находится въ опасности, тогда благодарность служитъ большимъ доказательствомъ терпѣнія и признательности. За такую благодарность и Іовъ былъ увѣнчанъ, заградилъ безстыдныя уста діавола и ясно доказалъ, что во дни благополучія былъ благодарнымъ не изъ выгодъ, но вслѣдствіе сильной любви своей къ Богу. Смотри также, за что благодаритъ Павелъ,—не за земное и погибающее, какъ-то: власть, могущество и славу (вѣдь это и не стоитъ ни одного слова), но за блага истинныя, вѣру и дерзновеніе. И съ какимъ расположеніемъ онъ благодаритъ! Не сказалъ: *Бога*, но: *Бога моего*. Это дѣлаютъ и пророки, присвояя себѣ общее всѣмъ. И что удивительнаго, если (такъ поступаютъ) пророки? Самъ Богъ всегда явно дѣлаетъ это въ отношеніи рабовъ Своихъ, называя Себя въ частности Богомъ Авраама, Исаака и Іакова. *Яко вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ*. Итакъ, что же? Неужели вся земля слышала о вѣрѣ римлянъ? По словамъ Павла, вся; и въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Вѣдь Римъ былъ городомъ немаловажнымъ и, будучи расположенъ какъ бы на нѣкоторой вершинѣ, былъ извѣстенъ всѣмъ. Ты же обрати вниманіе на силу проповѣди, какъ она въ короткое время при посредствѣ мытарей и рыбаковъ покорила себѣ самую славу городовъ и какъ мужи сиріяне сдѣлались учителями и наставниками римлянъ. Итакъ, Павелъ свидѣтельствуетъ имъ о двоякомъ успѣхѣ (проповѣди),—о томъ, что римляне увѣровали, и увѣровали съ такимъ дерзновеніемъ, что слава о нихъ распространилась по

всей землѣ. Онъ говоритъ: *вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ.* Вѣра, а не словопренія, не состязанія, не доказательства, хотя въ Римѣ и было много препятствій ученію. Римляне, недавно получивъ власть надъ вселенною, много думали о себѣ, жили богато и роскошно, а проповѣдь принесли къ нимъ рыбари-іудеи и отъ іудеевъ, народа ненавидимаго и для всѣхъ презрѣннаго, и повелѣвали покланяться Распятому, воспитанному въ Іудеѣ; эти учители вмѣстѣ съ ученіемъ внушали и строгую жизнь такимъ людямъ, которые заботились объ удовольствіяхъ и стремились только къ настоящему. Притомъ, проповѣдники были люди бѣдные, простые, низкаго происхожденія и изъ незнатныхъ. Но ничто изъ этого не воспрепятствовало распространенію слова: сила Распятаго была такова, что слово распространялось всюду, *возвѣщается,* какъ говоритъ Павелъ, *во всемъ мірѣ.* Онъ не сказалъ—объявляется, но—*возвѣщается,* то есть, для всѣхъ они (апостолы) служили предметомъ разговора. Свидѣтельствуя объ этомъ 402
и ѳессалоникійцамъ, апостолъ присовокупляетъ и другое: сказавъ: *отъ васъ промчеся слово Божіе,* прибавилъ: *яко не требовати намъ глаголати что* (1 Сол. I, 8). Тамъ ученики стояли на степени учителей, смѣло всѣхъ наставляли и привлекали къ себѣ. Проповѣдь нигдѣ не останавливалась, но быстрѣе огня обтекала всю вселенную. Здѣсь же только сказано, что *возвѣщается.* И хорошо апостолъ сказалъ: *возвѣщается,* показывая, что ничего не должно ни прибавлять къ сказанному, ни убавлять, такъ какъ дѣло вѣстника передать только то, что ему было сказано. Потому и священникъ называется вѣстникомъ (ангеломъ), такъ какъ возвѣщаетъ не свои слова, но пославшаго. Конечно, и Петръ проповѣдывалъ тамъ (въ Римѣ), но Павелъ труды его считаетъ за одно съ своими. Такъ много, какъ я сказалъ выше, былъ онъ свободенъ отъ всякой зависти. *Свидѣтель бо ми есть Богъ, Ему же служу духомъ моимъ во благовѣствованіе Сына Его* (ст. 9).

2. Конечно, это—изреченіе апостольскаго духа и сердца, выраженіе отеческой попечительности. Но что именно значатъ эти слова и для чего Павелъ призываетъ во свидѣтели Бога? У него рѣчь была о привязанности, а такъ какъ онъ еще не видѣлъ римлянъ, то и призываетъ во свидѣтели не кого-либо изъ людей, но Испытующаго сердца. Сказавъ: *люблю васъ,* онъ представилъ въ доказательство то, что всегда молится и желаетъ придти къ нимъ, но такъ какъ и это для нихъ не было ясно, онъ прибѣгаетъ къ достовѣрному свидѣтельству. Можетъ ли кто-нибудь изъ насъ похвалиться, что, молясь дома, вспоминаетъ о всѣхъ членахъ Церкви? Не думаю. Но Павелъ не за одинъ городъ, а за цѣлую вселенную приносилъ молитвы Богу и притомъ не разъ,

два или три, а непрестанно. А непрестанно носить кого-нибудь въ памяти невозможно, не имѣя великой любви. Пойми отсюда, какой привязанности и любви свойственно имѣть въ молитвахъ и имѣть непрестанно. А когда Павелъ говоритъ: *Ему же служу духомъ моимъ во благовѣствованіе Сына Его*, этимъ онъ показываетъ намъ вмѣстѣ и благодать Божію, и свое смиренномудріе,—благодать Божію въ томъ, что ему поручено такое дѣло, а свое смиренномудріе въ томъ, что онъ приписываетъ все не своему прилежанію, но помощи Духа. Упоминаніе же о благовѣствованіи указываетъ на одинъ изъ видовъ служенія. Вѣдь существуетъ много различныхъ способовъ служенія вообще, а равно и служенія Богу. Какъ при (земныхъ) царяхъ всѣ подчинены одному государю, хотя не всѣ одинаково служатъ, но служба одного состоитъ въ начальствѣ надъ войскомъ, другого въ управленіи городами, а иного въ храненіи денегъ въ казнѣ, такъ и въ дѣлахъ духовныхъ—одинъ служитъ и работаетъ Богу тѣмъ, что вѣруетъ и хорошо устрояетъ свою жизнь, другой тѣмъ, что принялъ на себя попеченіе о странникахъ, а иной тѣмъ, что взялъ на себя ходатайство за нуждающихся. Подобнымъ образомъ, и у самихъ апостоловъ Стефанъ и окружавшіе его служили Богу предстательствомъ за вдовицъ, а иные служили ученіемъ слова, каковъ
403 былъ и Павелъ, служившій Богу проповѣдію евангелія. Таковъ былъ родъ его служенія и на это онъ былъ поставленъ. Потому онъ не только призываетъ во свидѣтели Бога, но и говоритъ о томъ, что ему было ввѣрено, показывая, что если бы онъ не получилъ столь великаго уполномочія, то ложно не призвалъ бы во свидѣтели Довѣрившаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ желаетъ показать и то, что любовь его къ римлянамъ и попеченіе о нихъ необходимы. Чтобы не сказали: „ты кто и откуда и почему говоришь, что заботишься о такомъ обширномъ и царственнѣйшемъ городѣ"?—апостолъ и доказываетъ, что для него эта забота необходима, потому что на него возложенъ такой родъ служенія—проповѣдывать евангеліе. А тотъ, кому поручено такое дѣло, имѣетъ необходимость всегда содержать въ мысляхъ намѣревающихся принять слово. Кромѣ того, словами: *духомъ моимъ* апостолъ указываетъ и на другое, именно на то, что служеніе его Богу гораздо выше эллинскаго (языческаго) и іудейскаго. Служеніе эллинское есть ложное и плотское, а іудейское, хотя и истинное, но также плотское; служеніе же Церкви противоположно, и несравненно выше іудейскаго, потому что наше служеніе Богу совершается не при посредствѣ овецъ, тельцевъ, дыма и курсенія, но чрезъ душу духовную, что именно и изобразилъ Христосъ, сказавъ: *духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и*

истиною достоитъ кланятися (Іоан. IV, 24). *Во благовѣствованіи Сына Его.* Сказавши выше, что благовѣстіе принадлежитъ Отцу, апостолъ приписываетъ его здѣсь и Сыну: такъ безразлично говорится объ Отцѣ и Сынѣ. По блаженному евангельскому изреченію апостолъ зналъ, что то, что свойственно Отцу, принадлежитъ Сыну, а свойственное Сыну принадлежитъ и Отцу. *Моя вся,* говоритъ (Христосъ), *Твоя суть, и Твоя Моя* (Іоан. XVII, 10). *Яко безпрестанно память о васъ творю въ молитвахъ моихъ* (ст. 9). Такова истинная любовь. И мнѣ кажется, что апостолъ говоритъ все объ одномъ, хотя и употребляетъ здѣсь четыре выраженія, именно: воспоминаетъ, воспоминаетъ непрестанно, воспоминаетъ въ молитвахъ, воспоминаетъ въ молитвахъ о важныхъ дѣлахъ. *Моляся, аще убо когда поспѣшенъ буду волею Божіею пріити къ вамъ, желаю бо видѣти васъ* (ст. 10). Замѣчаешь ли ты, что апостолъ горитъ сильнымъ желаніемъ увидѣть римлянъ и не рѣшается на это противъ воли Божіей, но желаніе свое умѣряетъ страхомъ Божіимъ? Онъ любилъ ихъ и стремился къ нимъ, но однакоже и въ то время, когда любилъ, не захотѣлъ увидѣться съ ними противъ воли Божіей. Такова истинная любовь, а не та, которая у насъ, нарушающихъ и тотъ и другой законъ любви. Мы или никого не любимъ, или если любимъ, то противъ воли Божіей, дѣлая то и другое вопреки божественному закону. Тяжело слышать это, но еще тяжелѣе совершать.

3. Когда же, спросишь, мы любимъ противъ воли Божіей? Всякій разъ, какъ не обращаемъ вниманія на Христа, томимаго голодомъ, а дѣтямъ, друзьямъ, роднымъ даемъ болѣе, чѣмъ сколько имъ нужно. Но нужно ли и продолжать слово? Каждый изъ насъ, если испытаетъ совѣсть свою, найдетъ, что это бываетъ у него во многихъ случаяхъ. Не таковъ былъ блаженный Павелъ, который умѣлъ любить, и любить, какъ должно и какъ приличествовало, и который, превосходя всѣхъ въ любви, не переступалъ ея границъ. Итакъ, смотри, какъ обильно онъ былъ преисполненъ тѣмъ и другимъ—и страхомъ Божіимъ, и любовію къ римлянамъ. Его сильная любовь выражалась въ томъ, что онъ непрестанно молился, молился даже и тогда, когда не получалъ просимаго; а постоянное благочестіе проявлялось въ томъ, что онъ, имѣя любовь, не переставалъ быть покорнымъ мановенію Божію. Нѣкогда Павелъ трижды просилъ Господа и не только не получилъ 404
просимаго, но, и не получивъ, счелъ за великую милость то, что не былъ услышанъ: такъ онъ во всемъ взиралъ на Бога. Теперь же хотя и получилъ (просимое), но не въ то время, когда просилъ, а послѣ, и нисколько этимъ не огорчился. Говорю же я это для того, чтобы и намъ не скорбѣть, когда мы не бываемъ

услышаны, или же бываемъ услышаны позже. Вѣдь мы не лучше Павла, который то и другое признаетъ за милость, и—совершенно справедливо. Однажды отдавъ себя всеуправляющей рукѣ, онъ подчинялся ей съ такой покорностью, какъ глина горшечнику, и слѣдовалъ туда, куда велъ Богъ. Апостолъ, сказавши, что онъ молился о томъ, чтобы увидѣться съ римлянами, упоминаетъ далѣе и о причинѣ своего желанія. Что же это за причина? *Да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное, ко утвержденію вашему* (ст. 11). Значитъ, онъ предпринималъ путешествіе не просто, не такъ, какъ многіе нынѣ совершаютъ путешествіе безъ цѣли и нужды, но его побуждали дѣла необходимыя и важныя, хотя онъ и не хочетъ сказать объ этомъ ясно, а только намекаетъ. Онъ не сказалъ: иду научить васъ, наставить въ вѣрѣ, восполнить недостающее; но говоритъ: *да нѣкое подамъ*, давая тѣмъ знать, что не свое имъ подаетъ, а передаетъ то, что самъ получилъ. И при этомъ выражается опять смиренно—*да нѣкое*. Подамъ нѣчто малое, говоритъ онъ, и соразмѣрное съ своими силами. Въ чемъ же состоитъ то малое, что онъ намѣренъ передать теперь? Это есть, говоритъ апостолъ, нѣчто служащее *ко утвержденію вашему*.

Значитъ, отъ благодати зависитъ и то, чтобы стоять твердо, а не колебаться. А когда услышишь о благодати, не подумай, что будетъ отвергнута награда за произволеніе. Упоминая о благодати, апостолъ не трудъ выбора унижаетъ, а отсѣкаетъ кичливость высокомѣрія. Итакъ, не ослабѣвай (духомъ) оттого, что Павелъ назвалъ это *дарованіемъ* благодати. Вслѣдствіе великой признательности къ Богу, онъ обыкновенно и добрыя дѣла называлъ дарованіемъ благодати, потому что и для нихъ нужна намъ большая помощь свыше. Сказавъ же — *ко утвержденію вашему*, онъ скрытнымъ образомъ показалъ, что римляне нуждаются въ большемъ исправленіи. То, что онъ хочетъ сказать имъ, состоитъ въ слѣдующемъ: съ давняго времени я желалъ и просилъ (Бога) увидѣть васъ не для чего-либо другого, но для того, чтобы укрѣпить васъ, утвердить и прочно водрузить въ страхѣ Божіемъ, чтобы вы никогда не колебались. Но онъ не сказалъ именно такъ, потому что могъ бы огорчить римлянъ, а на то же самое намекаетъ въ другихъ словахъ и слегка, выражая это въ словахъ: *ко утвержденію вашему*. Затѣмъ, такъ какъ и это было сказано очень сильно, то смотри, какъ апостолъ смягчаетъ слова свои поясненіемъ. Римляне могли сказать: „такъ что же? Неужели мы колеблемся, кружимся и имѣемъ нужду въ твоемъ словѣ, чтобы стать твердо“? Апостолъ заранѣе устраняетъ это возраженіе, говоря такъ: *сіе же есть соутѣшитися въ васъ вѣрою общею, вашею же и моею* (ст. 12). Онъ какъ бы говорилъ этимъ слѣдующее: не

подозрѣвайте, что я сказалъ это для обвиненія васъ: не съ такимъ намѣреніемъ сказаны слова мои. А что же хотѣлъ я выразить? Вы, будучи окружены со всѣхъ сторонъ гонителями, потерпѣли много притѣсненій; потому я пожелалъ увидѣть васъ, чтобы утѣшить, или, лучше сказать, не только утѣшить васъ, но и самому получить утѣшеніе.

4. Замѣть мудрость учителя. Онъ сказалъ: *ко утвержденію вашему*, но, зная, что такое выраженіе для учениковъ тяжело и сильно, присовокупляетъ—къ утѣшенію вашему. Но и это опять тяжело, хотя не столько, конечно, какъ первое, однакоже все еще тяжело. Потому онъ опять умѣряетъ силу словъ своихъ, 405
всячески смягчая рѣчь и дѣлая ее пріятной. Онъ не просто сказалъ: утѣшиться, а: *соутѣшитися*; но и этимъ не удовольствовался, а употребляетъ другое и болѣе пріятное выраженіе, сказавъ: *вѣрою общею, вашею же и моею*. Какое смиренномудріе! Онъ ясно выразилъ, что самъ имѣетъ въ нихъ нужду, а не они только въ немъ, и учениковъ возвелъ на степень учителей, не пожелавъ оставить себѣ никакого преимущества, но показавъ полную съ ними равночестность. Въ этомъ, говоритъ онъ, заключается общая наша польза: и я имѣю нужду въ вашемъ утѣшеніи, и вы въ моемъ. А какъ же это бываетъ? *Общею вѣрою, вашею же и моею*. Какъ въ томъ случаѣ, если кто-нибудь соединяетъ много свѣтильниковъ, возжигаетъ яркое пламя, такъ обыкновенно бываетъ и съ вѣрующими. Всякій разъ, какъ мы раздѣлены между собою, тогда, конечно, бываемъ слабѣе духомъ. А когда, увидѣвъ другъ друга, взаимно себя поддерживаемъ, тогда получаемъ большое утѣшеніе. Не суди объ этомъ по настоящему времени, когда, по благодати Божіей, и въ селѣ, и въ городѣ, и въ самой пустынѣ существуютъ многочисленные сонмы вѣрныхъ, а всякое нечестіе изгнано; но помысли о томъ времени, когда было пріятно и учителю увидѣть учениковъ и братіямъ встрѣтиться съ братіями, пришедшими изъ другого города. Чтобы сдѣлать сказанное болѣе яснымъ, приведу примѣръ. Если бы какъ-нибудь случилось (чего да не будетъ), что мы, будучи уведены въ землю персовъ, или скиѳовъ, или другихъ варваровъ, были разсѣяны въ тамошнихъ городахъ по двое и по трое, а потомъ вдругъ увидѣли бы кого-нибудь прибывшаго отсюда, то представь себѣ, какое великое утѣшеніе мы получили бы. Развѣ вы не видѣли, какъ заключенные въ темницахъ, увидѣвшись съ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ, вскакиваютъ и прыгаютъ отъ радости? И не дивись, если тогдашнія времена сравню съ плѣномъ или темницею. Тогда христіане терпѣли гораздо большія бѣдствія: разсѣянные и гонимые они жили въ голодѣ и среди войнъ, трепетали ежеднев-

ной смерти, не смѣли положиться на друзей, домашнихъ, родныхъ, въ цѣломъ мірѣ были какъ странниками, а лучше сказать, больше переносили трудностей, чѣмъ живущіе на чужой сторонѣ. Потому-то апостолъ говоритъ: *ко утвержденію вашему, и соутѣшитися общею вѣрою.* Но онъ говоритъ это не въ томъ смыслѣ, будто самъ нуждался въ ихъ содѣйствіи,—нѣтъ. Въ чемъ могъ нуждаться тотъ, кто былъ столпомъ церкви, крѣпче желѣза и камня, духовнымъ адамантомъ, у котораго было достаточно силъ для проповѣди въ многочисленныхъ городахъ? Но, чтобы не выразиться рѣзко и не причинить сильной укоризны, онъ и прибавилъ, что и самъ имѣетъ нужду въ утѣшеніи римлянъ. Если же кто-нибудь скажетъ, что здѣсь видны утѣшеніе и радость апостола, вслѣдствіе приращенія въ римлянахъ вѣры, и что въ этомъ Павелъ имѣлъ нужду; тотъ не погрѣшитъ въ такомъ изъясненіи словъ его. Итакъ, если ты (могли сказать апостолу) желаешь, молишься, надѣешься насладиться утѣшеніемъ и преподать его, то что препятствуетъ тебѣ придти? Разрѣшая такое сомнѣніе, Павелъ присовокупилъ: *не хощу же не вѣдѣти вамъ братіе, яко множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ доселѣ* (ст. 13). Обрати вниманіе на степень рабскаго послушанія и на примѣръ великой признательности. Апостолъ говоритъ только, что у него были препятствія, но какія именно—объ этомъ не говоритъ. Вѣдь
406 онъ не изслѣдуетъ повелѣній Владыки, а только повинуется имъ, хотя другимъ и естественно было недоумѣвать, почему Богъ столь знаменитому и обширному городу, на который обращены были взоры цѣлой вселенной, препятствовалъ такъ долго пользоваться столь великимъ, какъ Павелъ, учителемъ. Кто овладѣлъ главнымъ городомъ, тотъ легко нападаетъ и на подданныхъ, а кто миновалъ столицу и покоряетъ сперва подданныхъ, тотъ оставляетъ безъ вниманія самое главное. Впрочемъ, апостолъ не разсуждаетъ ни о чемъ подобномъ, а предается непостижимому Промыслу, обнаруживая въ этомъ благонастроенность души своей и научая всѣхъ насъ никогда не испытывать Бога о причинахъ дѣлъ, хотя бы и казалось, что событія смущаютъ многихъ. Господину свойственно только повелѣвать, а рабамъ повиноваться. Поэтому Павелъ и говоритъ, что у него были препятствія, но какія именно—не упоминаетъ. Я самъ не знаю, говоритъ онъ. Не спрашивай же и ты о намѣреніи и волѣ Божіей. *Егда речетъ зданіе создавшему е, почто мя сотворилъ еси тако* (Римл. IX, 20)? И скажи мнѣ: для чего ты стараешься узнать? Развѣ ты не знаешь, что Богъ о всемъ печется, что Онъ премудръ и ничего не дѣлаетъ безъ цѣли и напрасно, что Онъ любитъ тебя больше родителей и несравненно превосходитъ отца любовію и мать за-

ботливостію? Итакъ, не спрашивай больше, не простирайся далѣе, и—этого достаточно для твоего успокоенія, тѣмъ болѣе, что положеніе римлянъ и тогда было устроено премудро. Если же ты не знаешь, какимъ именно способомъ, то не безпокойся: вѣдь это наиболѣе и свойственно вѣрѣ—признавать разумъ Промысла, не зная способовъ домостроительства Божія.

5. Итакъ, Павелъ достигъ того, о чемъ заботился. Чего же именно? Онъ доказалъ, что не по нерадѣнію о римлянахъ онъ не приходилъ къ нимъ, но потому, что у него были препятствія, хотя онъ и сильно желалъ придти. Отклонивъ же отъ себя нареканіе въ безпечности и убѣдивъ, что не менѣе ихъ желалъ увидѣть, онъ приводитъ и другія доказательства любви своей. При всѣхъ препятствіяхъ, говоритъ онъ, я не переставалъ домогаться, и хотя, при всѣхъ стремленіяхъ, постоянно встрѣчалъ препятствія, я однакоже никогда не оставлялъ своего намѣренія, а въ тоже время не противился волѣ Божіей и сохранялъ любовь. Тѣмъ, что былъ расположенъ придти и не отказывался (отъ своего намѣренія), апостолъ доказалъ усердіе къ римлянамъ, а тѣмъ, что былъ задерживаемъ и не противился, онъ обнаружилъ всецѣлую любовь свою къ Богу. *Да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ* (ст. 13). Хотя выше апостолъ и сказалъ о причинѣ своего желанія и представилъ ее подобающимъ для себя образомъ, однакоже и здѣсь причину эту приводитъ вновь, вполнѣ устраняя подозрѣніе римлянъ. Такъ какъ Римъ былъ знаменитый городъ, единственный повсюду—на сушѣ и на морѣ, то одно только желаніе обозрѣть его было для многихъ поводомъ къ путешествію; чтобы и о Павлѣ не подумали чего-либо подобнаго и не стали подозрѣвать, будто онъ хочетъ побывать тамъ единственно въ намѣреніи похвалиться своимъ общеніемъ съ римлянами, онъ неоднократно и указываетъ причину своего желанія. И хотя выше сказалъ: я весьма желалъ видѣть васъ, чтобы подать вамъ нѣкоторый духовный даръ, здѣсь онъ говоритъ еще яснѣе: *да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочіихъ языцѣхъ.* Властителей апостолъ поставилъ наравнѣ съ подвластными и, не смотря на тысячи трофеевъ, на побѣды и знаменитость государственныхъ сановниковъ, помѣстилъ ихъ на ряду съ варварами. И весьма справедливо. Гдѣ благородство вѣры, тамъ нѣтъ ни варвара, ни эллина, ни чужеземца, ни гражданина, но всѣ стоятъ на одной степени чести.

Замѣть же и въ этомъ скромность Павла. Онъ не сказалъ: 407
приду научить, наставить въ вѣрѣ, но—что? *Да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ*. Не просто—*плодъ*, но—*нѣкій плодъ*. Опять ограничиваетъ все относящееся къ себѣ, какъ и выше говоритъ: *да нѣкое подамъ*.

Потомъ апостолъ, какъ и прежде, ограничиваетъ и ихъ, присовокупляя: *якоже и въ прочіихъ языцѣхъ*. Въ виду того, что вы богаты и имѣете у себя больше другихъ, не подумайте, что въ отношеніи остальныхъ я показываю меньше старанія; вѣдь мы ищемъ не богатыхъ, а вѣрующихъ. Гдѣ нынѣ греческіе мудрецы, которые, нося длинныя бороды и закутавшись въ плащи, были проникнуты чрезмѣрною гордостію? И Грецію и всю варварскую страну покорилъ скинотворецъ. Поставляемый среди языческихъ мудрецовъ въ образецъ и превозносимый Платонъ три раза приходилъ въ Сицилію съ своими пышными словами и блистательною славою и не только не преодолѣлъ и одного тирана, но такъ несчастно окончилъ свое дѣло, что потерялъ даже и самую свободу. А этотъ скинотворецъ обошелъ не одну Сицилію или Италію, а цѣлую вселенную, и во время проповѣди не оставлялъ ремесла, но и тогда сшивалъ кожи и управлялъ мастерскою. И это нисколько не соблазняло знаменитыхъ римлянъ,—какъ и вполнѣ естественно. Учителей обыкновенно дѣлаютъ презрѣнными не ремесла и занятія, но ложь и вымышленныя ученія. Потому, конечно, ихъ впослѣдствіи осмѣивали и аѳиняне; а Павла со вниманіемъ слушали и варвары, и невѣжественные, и необразованные. Вѣдь проповѣдь предлагается для всѣхъ вообще; она не знаетъ ни различія въ достоинствѣ, ни преимущества народа и ничего тому подобнаго. Она требуетъ одной вѣры, а не разсудочныхъ доказательствъ. Потому она особенно и достойна удивленія, что не только полезна и спасительна, но и удобна, весьма легка и для всѣхъ доступна. Въ этомъ преимущественно и заключается дѣйствіе Промысла Божія, что Богъ предлагаетъ дары Свои всѣмъ безъ различія. Какъ Онъ распорядился солнцемъ, луною, сушею, моремъ и тому подобнымъ, не удѣливъ большей ихъ доли богатымъ и мудрымъ, а меньшей бѣднымъ, но предоставивъ всѣмъ пользоваться въ равной мѣрѣ,—такъ Онъ устроилъ и съ проповѣдію, и даже гораздо въ большей степени, насколько проповѣдь необходимѣе всего указаннаго выше. Потому и Павелъ неоднократно повторяетъ: *всѣмъ народамъ*. Потомъ апостолъ, показывая римлянамъ, что онъ никакой милости имъ не дѣлаетъ, но исполняетъ повелѣніе Господа, и научая ихъ воздать благодареніе Богу всяческихъ, говоритъ: *Еллиномъ же и варваромъ, мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь* (ст. 14). Онъ писалъ объ этомъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ. А говоритъ онъ это, приписывая все Богу. *Тако есть, еже по моему усердію и вамъ сущимъ въ Римѣ благовѣстити* (ст. 15).

6. О, благородная душа! Принявши на себя дѣло, исполненное столь многихъ опасностей,—морское путешествіе, искушенія,

навѣты, нападенія (а намѣревающемуся проповѣдывать въ такомъ городѣ, гдѣ владычествовало нечестіе, естественно было потерпѣть бури искушеній; дѣйствительно, апостолъ и жизнь окончилъ въ этомъ городѣ, гдѣ былъ обезглавленъ тогдашнимъ властителемъ),—Павелъ, однако, ожидая перенести столь много бѣдствій, не сдѣлался вслѣдствіе этого болѣе нерѣшительнымъ, но спѣшилъ, скорбѣлъ и былъ исполненъ усердія. Потому и говоритъ: *тако есть, еже по моему усердію и вамъ сущимъ въ Римѣ благовѣстити. Не стыжуся бо благовѣствованіемъ* (ст. 16). Что ты говоришь, Павелъ? Тогда какъ надлежало бы сказать: хвалюсь, 408
величаюсь, превозношусь, ты не говоришь этого, но нѣчто меньшее, именно, что ты не стыдишься, какъ мы обыкновенно отзываемся о чемъ-нибудь не очень важномъ. Итакъ, что значатъ эти слова? Почему апостолъ такъ выражается, хотя благовѣствованіемъ дорожилъ больше, чѣмъ небомъ? Такъ, въ посланіи къ Галатамъ онъ говорилъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. VI, 14). Почему же здѣсь не говоритъ: хвалюсь, но сказалъ: *не стыжуся?* Римляне были слишкомъ преданы мірскимъ занятіямъ вслѣдствіе своего богатства, власти, побѣдъ и ради собственныхъ царей, которыхъ они считали равными богамъ, даже такъ и называли ихъ, и поэтому угождали имъ храмами, жертвенниками и жертвами. Такъ какъ они были весьма надменны, а Павелъ долженъ былъ проповѣдывать Іисуса, называемаго сыномъ плотника, воспитавшагося въ Іудеѣ, въ домѣ незнатной женщины, не имѣвшаго при Себѣ оруженосцевъ, не окруженнаго богатствомъ, но умершаго вмѣстѣ съ злодѣями, какъ преступникъ, и претерпѣвшаго много и другого безславнаго, то римлянамъ, которые еще не знали неизреченныхъ и великихъ тайнъ, естественно было всего этого стыдиться. Потому апостолъ и говоритъ: *не стыжуся*, научая и ихъ пока не стыдиться, такъ какъ зналъ, что какъ только они усовершенствуются въ этомъ, скоро пойдутъ дальше и будутъ хвалиться. Потому и ты, услышавши вопросъ: „поклоняешься ли ты Распятому?"—не стыдись, не потупляй очей, но хвались и величайся и со смѣлымъ взоромъ, съ открытымъ челомъ подтверди свое исповѣданіе. И если опять спросятъ: „неужели ты поклоняешься Распятому?"—опять отвѣчай: да, и не прелюбодѣю, не отцеубійцѣ, не дѣтоубійцѣ (а таковы у язычниковъ всѣ боги), но крестомъ побѣдившему демоновъ и уничтожившему тысячи ихъ чародѣйствъ. Крестъ для насъ есть дѣло неизреченнаго человѣколюбія, символъ великаго попеченія. Затѣмъ, такъ какъ они (языческіе философы), будучи проникнуты внѣшнею мудростію, сильно этимъ гордятся и хвалятся своимъ витійствомъ, то я, говоритъ о

себѣ Павелъ, навсегда отказавшись отъ разсудочныхъ доказательствъ, иду проповѣдывать крестъ и не стыжусь этого. *Сила бо Божія есть во спасеніе* (ст. 16). А такъ какъ эта сила Божія бываетъ и въ наказаніе (вѣдь, когда Богъ наказалъ египтянъ, то сказалъ: сія есть сила моя великая), и въ погибель [какъ и сказано: *убойтеся могущаго и душу и тѣло погубити въ геенню* (Мѳ. x, 28)], то апостолъ, вслѣдствіе этого, и говоритъ: иду къ вамъ не съ такою силою, несу не казни и мщеніе, но то, что служитъ ко спасенію. Какъ же такъ? Развѣ евангеліе не возвѣщало и о наказаніи—о гееннѣ, о тьмѣ внѣшней, о червѣ ядовитомъ? Вѣдь мы узнали объ этомъ не изъ какого-либо другого источника, но изъ евангелія. Какъ же апостолъ говоритъ о немъ: *сила Божія во спасеніе?* Но выслушай и слѣдующее: *всякому вѣрующему, Іудееви же прежде и Еллину* (ст. 16). Не просто всѣмъ, но принимающимъ. Хотя бы ты былъ эллинъ и прошелъ всю порочность, хотя бы ты былъ скиѳъ или варваръ, даже настоящій звѣрь, хотя бы ты былъ исполненъ всякаго неразумія, обремененъ тяжестью безчисленныхъ грѣховъ, но одновременно съ тѣмъ, какъ принялъ слово крестное и крестился, ты загладилъ все это. Почему же апостолъ говоритъ здѣсь: *Іудееви же прежде и Еллину?* Что означаетъ это различіе? Вѣдь онъ самъ много разъ говорилъ, что ни обрѣзаніе
409 есть что, ни необрѣзаніе: какъ же теперь раздѣляетъ, ставя іудея выше эллина? Что это значитъ? Конечно, не то, что первый больше получаетъ благодати потому только, что онъ первый, такъ какъ тотъ же самый даръ дается и іудею и язычнику; но слово *прежде* употреблено только для обозначенія порядка. Іудей не имѣетъ преимущества получить оправданіе въ большей степени, а только удостоенъ получить его прежде. Такъ и просвѣщаемые (вы, посвященные въ таинства, знаете, о чемъ я говорю) всѣ приступаютъ ко крещенію, но не всѣ въ одно время, а одинъ бываетъ первымъ, другой вторымъ; но, конечно, первый получаетъ не больше второго, а второй не больше слѣдующаго за нимъ, но всѣмъ подается одно и то же. Итакъ, словомъ *прежде* здѣсь выражается первенство въ порядкѣ рѣчи, а не какое-либо преимущество въ благодати. Далѣе апостолъ, сказавъ: *во спасеніе,* опять возвеличиваетъ даръ, показывая, что онъ не ограничивается настоящимъ, но простирается и въ будущее. Это онъ выразилъ словами: *правда бо Божія въ немъ является отъ вѣры въ вѣру, якоже есть писано: праведный же отъ вѣры живъ будетъ* (ст. 17). Итакъ, сдѣлавшійся праведнымъ *будетъ живъ* не въ настоящей только жизни, но и въ будущей. Но не это только здѣсь подразумѣваетъ апостолъ, а и другое вмѣстѣ съ этимъ, именно—блескъ и славу таковой жизни (праведника). Такъ какъ возможно спастись и со

стыдомъ для себя (какъ, напримѣръ, спасаются многіе изъ освобождаемыхъ отъ наказанія по царской милости), то, чтобы ты, услышавъ о спасеніи, не сталъ предполагать того же, апостолъ и прибавилъ—*о правдѣ*, и правдѣ не твоей, но Божіей, намекая при этомъ на ея обиліе и доступность. Не трудами и пóтомъ ты заслуживаешь ее, а получаешь даромъ свыше, принося съ своей стороны только одно—вѣру. Потомъ, такъ какъ казалось невѣроятнымъ ученіе о томъ, что прелюбодѣй, сластолюбецъ, гробокопатель и чародѣй вдругъ не только освобождаются отъ наказанія, но становятся праведными и оправдываются правдою свыше, то апостолъ подтверждаетъ эту мысль ветхимъ завѣтомъ. И прежде всего въ краткомъ изреченіи онъ открываетъ безпредѣльное море событій для способнаго обнять его взоромъ. Сказавши: *отъ вѣры въ вѣру*, апостолъ обратилъ вниманіе слушателя на ветхозавѣтное домостроительство Божіе, которое онъ съ великою мудростію изображаетъ въ посланіи къ Евреямъ, и показываетъ, что тогда такимъ же образомъ оправдывались и праведники и грѣшники, вслѣдствіе чего и упомянулъ какъ о Раави, такъ и объ Авраамѣ. А здѣсь, только намекнувъ на то же самое (такъ какъ спѣшилъ перейти скорѣе къ другому разсужденію), апостолъ опять подтверждаетъ свою мысль пророками и выводитъ на средину Аввакума, который взываетъ и говоритъ, что желающему жить не иначе возможно быть живымъ, какъ чрезъ вѣру. Бесѣдуя о будущей жизни, онъ говоритъ: *праведникъ отъ вѣры живъ будетъ* (Авв. II, 4). Такъ какъ то, что даруетъ Богъ, превосходитъ всякую мысль, то вѣра по справедливости для насъ необходима. *Презорливый же и обидливый мужъ и величавый ничесоже скончаетъ* (Авв. II, 5). Пусть еретики услышатъ этотъ духовный голосъ. Они должны понять, что природа разсудочныхъ доводовъ подобна лабиринту и грифамъ, нигдѣ не имѣетъ никакого конца, не позволяетъ мысли утвердиться на основаніи и ведетъ начало отъ кичливости. Вѣдь тѣ, которые стыдятся допустить вѣру и показать, 410
что они не знаютъ небеснаго, ввергаютъ себя въ прахъ безчисленныхъ помысловъ. Но, жалкій и бѣдный человѣкъ, достойный непрестанныхъ слезъ, вѣдь если кто-нибудь спроситъ тебя: „какъ произошло небо или земля“? даже—что уже говорить о небѣ и землѣ—если спросятъ только тебя: „какъ самъ ты родился, какъ воспитанъ и выросъ“?—ты, конечно, не стыдишься своего незнанія; а когда бываетъ рѣчь о Единородномъ, то ты, считая недостойнымъ себя не знать всего, неужели вслѣдствіе стыда ввергнешь себя въ бездну погибели? Но вѣдь любовь къ спору и безвременное любопытство есть дѣло недостойное. И зачѣмъ мнѣ говорить о догматахъ? Отъ самой поврежденности настоящей

жизни мы освободились не иначе, какъ чрезъ вѣру. Вѣрою просіяли всѣ доселѣ жившіе, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ; вѣрою спаслась блудница, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ. Вѣдь сказано: *вѣрою Раавъ блудница не погибе съ сопротивльшимися, пріимши соглядателей* (Евр. xi, 31). Она не стала разсуждать: какъ эти плѣнники, бѣглецы и изгнанники, ведущіе кочевую жизнь, могутъ овладѣть нашимъ городомъ, который защищенъ стѣнами и богинями? Если бы она стала такъ размышлять, то погубила бы и себя и ихъ, какъ дѣйствительно и погибли предшественники спасенныхъ Раавью. Тѣ, увидѣвъ людей великорослыхъ и сильныхъ, стали изыскивать средства, какъ побѣдить ихъ, и всѣ погибли безъ войны и сраженія. Видишь ли, какова бездна невѣрія и какова стѣна вѣры? Невѣріе довело до погибели безчисленное множество людей, а вѣра не только спасла жену блудницу, но и сдѣлала ее покровительницею столь великаго народа.

Итакъ, зная это и другое большее, никогда не будемъ испытывать Бога относительно причины событій, но безъ изслѣдованія и излишней пытливости станемъ принимать все, что бы Онъ ни повелѣлъ, хотя бы Его повелѣніе и казалось несообразнымъ съ точки зрѣнія человѣческихъ размышленій. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, что можетъ представляться болѣе несообразнымъ, какъ то, чтобы самъ отецъ умертвилъ единственнаго и возлюбленнаго своего сына? Однакожъ праведникъ, получивъ такое приказаніе, не сталъ разсуждать объ этомъ, а принялъ повелѣніе только по достоинству приказавшаго и повиновался. Но другой, получивъ отъ Бога повелѣніе бить пророка и считая его несообразнымъ, задумался надъ этимъ дѣломъ, а не просто послушался, и за это былъ наказанъ смертію, а бившій угодилъ Богу (3 Цар. xx, 35). И Саулъ, противъ воли Божіей спасшій жизнь людямъ, былъ низложенъ съ престола и подвергся жестокому наказанію. Можно найти и многіе другіе примѣры, которые всѣ научаютъ насъ никогда не извѣдывать причины повелѣній Божіихъ, а только не противиться и повиноваться имъ. Если же опасно любопытствовать относительно того, что Богъ повелѣлъ, и если испытующихъ ожидаетъ крайнее наказаніе, то какое оправданіе нѣкогда будутъ имѣть тѣ, которые судятъ о предметахъ болѣе непостижимыхъ и страшныхъ, напримѣръ: какимъ образомъ Отецъ родилъ Сына? Какова Его сущность? Итакъ, зная это, со всѣмъ благоволеніемъ примемъ матерь всѣхъ благъ—вѣру, чтобы намъ, какъ плывущимъ въ спокойной гавани, соблюсти правильное ученіе и, направляя жизнь свою со всею безопасностію, достигнуть и благъ вѣчныхъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего

Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

Открывается бо гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ (I, 18). 411

1 Замѣть благоразуміе Павла, какъ онъ, начавши съ болѣе пріятнаго, обращаетъ рѣчь къ болѣе страшному. Сказавши, что Евангеліе есть причина спасенія и жизни, сила Божія, что оно способно совершить спасеніе и оправданіе, онъ говоритъ теперь то, что можетъ устрашить даже невнимательныхъ. Обыкновенно большая часть людей привлекается къ добродѣтели не столько обѣщаніемъ благъ, сколько страхомъ скорбей; но апостолъ склоняетъ римлянъ и тѣмъ, и другимъ. Такъ и Богъ не только обѣщаетъ царство, но и угрожаетъ геенною; и пророки такимъ же образомъ проповѣдывали іудеямъ, всегда присоединяя къ благамъ и наказанія. По той же причинѣ и Павелъ разнообразитъ рѣчь, и не безъ основанія, но сперва предлагаетъ пріятное, а потомъ печальное, показывая, что первое есть дѣло предваряющей воли Божіей, а послѣднее зависитъ отъ порочной жизни нерадивыхъ. Такъ и пророкъ прежде упоминаетъ о благахъ, говоря: *аще хощете и послушаете мене, благая земли снѣсте; аще же не хощете, ниже послушаете мене, мечъ вы поястъ* (Ис. I, 19—20). Въ такомъ же порядкѣ и Павелъ располагаетъ здѣсь свою рѣчь. Смотри, говоритъ онъ, Христосъ пришелъ и принесъ прощеніе, оправданіе и жизнь, но даруетъ это не просто, а при посредствѣ креста. Но самое важное и удивительное здѣсь не то, что Онъ только даровалъ намъ это, но то, что Онъ такъ много пострадалъ. Потому, если вы надменно поступите съ дарами, то подвергнетесь бѣдствіямъ. И замѣть, какъ апостолъ возвышаетъ рѣчь: *открывается бо*, говоритъ онъ, *гнѣвъ Божій съ небесе*. Откуда это видно? Если такой вопросъ предложитъ вѣрующій, то мы представимъ ему изреченіе Христа; а если бы спросилъ невѣрный и эллинъ, то самъ Павелъ заграждаетъ ему уста тѣмъ, что̀ говоритъ впослѣдствіи о судѣ Божіемъ, приводя непререкаемое доказательство изъ событій, совершившихся съ язычниками. И что всего удивительнѣе, — апостолъ доказываетъ, что противящіеся истинѣ сами подтверждаютъ ученіе истины тѣмъ, что дѣлаютъ и говорятъ каждый день. Но объ этомъ скажемъ послѣ, а теперь займемся настоящимъ предметомъ. *Откры-*

вается бо гнѣвъ Божій съ небесе. Конечно, и въ настоящей жизни часто это бываетъ, напримѣръ (гнѣвъ Божій открывается) въ голодѣ, язвахъ и войнахъ, когда наказывается или каждый въ отдѣльности, или всѣ вмѣстѣ. Что же тогда произойдетъ чрезвычайнаго? То, что наказаніе будетъ большее, общее и другого рода; вѣдь то, что бываетъ нынѣ, служитъ къ исправленію, а то, что случится тогда, будетъ наказаніемъ. Указывая именно на это, Павелъ и сказалъ, что нынѣ *наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. xi, 32). Нынѣ многимъ кажется, что многое совершается не вслѣдствіе гнѣва свыше, но по причинѣ человѣческой непріязни; но тогда, когда Судія, сидя на страшномъ престолѣ, повелитъ однихъ ввергнуть въ пещь, другихъ — въ тьму внѣшнюю, а иныхъ осудитъ на другія неизбѣжныя и нестерпимыя муки, тогда будетъ ясно, что наказаніе отъ Бога. И ради чего апостолъ не сказалъ такъ ясно, что, напримѣръ, Сынъ Божій придетъ съ тьмами ангеловъ и потребуетъ отчета у каждаго, но говоритъ: *открывается гнѣвъ Божій?* Слушатели были еще изъ новообращенныхъ, потому апостолъ сначала привлекаетъ ихъ тѣмъ, что они и сами признавали. Притомъ, мнѣ кажется, что это было обращено къ язычникамъ; вслѣдствіе этого апостолъ на-
412 чинаетъ съ общихъ понятій, а послѣ ведетъ рѣчь и о судѣ Христовомъ. *На всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ.* Здѣсь апостолъ показываетъ, что пути нечестія многочисленны, а путь истины одинъ, такъ какъ заблужденіе есть нѣчто разнообразное, многовидное и смѣшанное, а истина одна. Сказавъ объ ученіи, апостолъ говоритъ и о жизни, упомянувъ о неправдѣ людей. И неправда бываетъ разная: одна касается имущества, когда кто-нибудь обижаетъ въ этомъ своего ближняго, другая — женъ, когда кто-нибудь, оставивъ свою жену, расторгаетъ бракъ другого. Павелъ называетъ это лихоимствомъ, говоря: *еже не преступати и лихоимствовати въ вещи брата своего* (1 Сол. iv, 6). Иные опять, вмѣсто жены и имѣнія, похищаютъ честь ближняго; и это также неправда, *ибо лучше имя доброе, неже богатство много* (Притч. Сол. xxii, 1). Хотя нѣкоторые утверждаютъ, что у Павла это сказано объ ученіи, но однако нѣтъ препятствія относить его слова и къ тому, и другому (т. е. и къ ученію, и къ жизни). А что значитъ—*содержащихъ истину въ неправдѣ*, узнай изъ послѣдующаго. *Зане, еже возможно разумѣти о Бозѣ, явѣ есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ* (ст. 19). Но язычники эту славу приписали деревьямъ и камнямъ.

2. Подобно какъ тотъ, кому была ввѣрена царская казна и приказано истратить ее для славы царя, а онъ издерживаетъ ее на злодѣевъ, блудницъ и чародѣевъ, пышно содержа ихъ на царскія

деньги, наказывается, какъ весьма тяжно оскорбившій царя,— такъ и язычники, получивши вѣдѣніе о Богѣ и славѣ Его, а потомъ приписавши его идоламъ, *содержали истину въ неправдѣ* и, по собственной винѣ, оскорбили знаніе, воспользовавшись имъ не такъ, какъ слѣдовало. Теперь ясны ли для васъ слова апостола, или нужно еще пояснить ихъ? Можетъ быть, необходимо опять повторить. Такъ, что же значитъ сказанное апостоломъ? Богъ вѣдѣніе о Себѣ вложилъ людямъ съ самаго начала; но язычники, приложивъ свое знаніе о Богѣ къ деревьямъ и камнямъ, оскорбили истину, по собственной винѣ, такъ какъ сама истина пребываетъ неизмѣнною и имѣетъ славу непоколебимую. А изъ чего видно, Павелъ, что Богъ и язычникамъ далъ это знаніе? Изъ того, отвѣчаетъ апостолъ, что *еже возможно разумѣти о Бозѣ, явѣ есть въ нихъ.* Но это—изъясненіе, а не доказательство. Ты же докажи мнѣ и убѣди, что знаніе о Богѣ открыто было язычникамъ, но они самовольно уклонились отъ него. Какъ же оно было имъ открыто? Развѣ имъ голосъ раздался съ неба? Нѣтъ, но Богъ сдѣлалъ то, что больше голоса могло привлечь ихъ вниманіе, имено—Онъ поставилъ предъ ними свое твореніе, которое, при посредствѣ одного созерцанія красоты всего видимаго, научало и мудреца, и необразованнаго, и скиѳа, и варвара возноситься мыслію къ Богу. Потому апостолъ говоритъ: *невидимая бо Его отъ созданія міра твореніи помышляема видима суть* (ст. 20). Тоже подтверждаетъ и пророкъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. XVIII, 1). Что скажутъ язычники въ день суда? Мы не знали Тебя? Но развѣ вы не слышали голоса неба, воспринимаемаго взоромъ, и стройной во всемъ гармоніи, звучащей громогласнѣе трубы? Развѣ вы не замѣтили законовъ дня и ночи, всегда остающихся неизмѣнными, твердаго и непоколибимаго порядка зимы, весны и остальныхъ временъ года, величія моря во время великой бури и среди волненій? Неужели вы не замѣтили, 413
что все пребываетъ въ порядкѣ и своею красотою и величіемъ возвѣщаетъ Творца? Это самое и даже больше этого Павелъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *невидимая бо Его отъ созданія міра твореніи помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество, во еже быти имъ безотвѣтнымъ* (ст. 20). Конечно, не для этого Богъ сотворилъ міръ, хотя это и случилось. Онъ предложилъ людямъ этотъ урокъ не для того, чтобы лишить ихъ оправданія, но для того, чтобы они познали Его; оказавшись же неблагодарными, люди сами лишили себя всякой защиты. Затѣмъ, показывая, какимъ образомъ язычники оказались лишенными оправданія, апостолъ говоритъ: *занеже разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша* (ст. 21). Весьма велико и одно

это прегрѣшеніе, но вторая ихъ вина состояла въ томъ, что они поклонялись идоламъ, что осуждалъ еще Іеремія, говоря: *два зла сотвориша людіе сіи: мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя* (Iерем. II, 13). Далѣе доказательствомъ того, что язычники знали Бога и не воспользовались этимъ знаніемъ, какъ должно, апостолъ выставляетъ то, что они признавали многихъ боговъ, почему и прибавилъ: *занеже разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша*. Онъ указываетъ и причину, вслѣдствіе которой они впали въ такое безуміе. Какая же это причина? Та, что они во всемъ положились на свои помышленія. Впрочемъ, апостолъ не такъ сказалъ, а гораздо выразительнѣе. *Осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце* (ст. 21). Подобно тому, какъ если кто-нибудь въ безлунную ночь рѣшается идти неизвѣстною дорогою, или плыть по морю, тотъ не только не достигаетъ цѣли, но скоро погибаетъ, такъ и язычники, рѣшившись идти путемъ ведущимъ къ небу, лишили самихъ себя свѣта, а затѣмъ, предавшись, взамѣнъ свѣта, тьмѣ умствованій, стали искать безтѣлеснаго въ тѣлахъ и неописуемаго въ образахъ, и такимъ образомъ подверглись ужаснѣйшему крушенію. Кромѣ указанной причины ихъ заблужденія, Павелъ приводитъ и другую: *глаголющеся быти мудри объюродѣша* (ст. 22). Много о себѣ думая и не пожелавши идти путемъ, какой предписанъ имъ Богомъ, они погрязли въ помыслахъ неразумія. Затѣмъ, указывая и изображая гибель язычниковъ, насколько она была ужасна и лишена всякаго оправданія, апостолъ говоритъ: *и измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ* (ст. 23).

3. Первая вина язычниковъ въ томъ, что они не нашли Бога; вторая—въ томъ, что не нашли, имѣя къ тому большія и очевидныя основанія; третья—въ томъ, что называли себя мудрыми; четвертая—въ томъ, что не только не нашли, но и почитаніе, принадлежащее Богу, воздали демонамъ, камнямъ и деревьямъ. Въ посланіи къ Коринѳянамъ Павелъ также обличаетъ высокомѣріе язычниковъ, но иначе чѣмъ здѣсь. Тамъ онъ поражаетъ ихъ крестомъ, говоря: *зане буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть* (1 Кор. I, 25); а здѣсь онъ безъ всякаго сравненія осмѣиваетъ языческую мудрость, доказывая, что она сама по себѣ есть глупость и одно обнаруженіе высокомѣрія. А чтобы ты зналъ, что язычники имѣли знаніе о Богѣ, но сами погубили его, Па-
414 велъ сказалъ: *измѣниша*, такъ какъ измѣняющій что-нибудь измѣняетъ съ тою цѣлью, чтобы имѣть нѣчто другое. Язычники хотѣли найти нѣчто большее, но такъ какъ были любителями нововведеній, то и не удержались въ данныхъ предѣлахъ, а потому

лишились и прежняго. Въ этомъ и состояла вся эллинская мудрость. Потому они и возставали другъ противъ друга, Аристотель возставалъ на Платона, стоики вооружались на Аристотеля и вообще одинъ былъ противникомъ другого, такъ что не удивляться имъ нужно за ихъ мудрость, а отвращаться и ненавидѣть, потому что вслѣдствіе этого самаго они и сдѣлались неразумными. Если бы они не предались размышленіямъ, доказательствамъ и софизмамъ, то не потерпѣли бы того, что потерпѣли. Далѣе, продолжая обвиненіе, апостолъ осмѣиваетъ и все идолослуженіе язычниковъ. Если вообще измѣненіе славы Божіей смѣшно, то измѣненіе въ такой большой степени—внѣ всякаго оправданія. Размысли же, кому измѣнили язычники и чему воздали славу. О Богѣ надлежало думать, что Онъ Господь всего, что Онъ сотворилъ несущее, что Онъ обо всемъ промышляетъ и печется. Въ этомъ состоитъ слава Божія. Къ кому же приложили ее язычники? Не къ людямъ, но къ *подобію образа тлѣнна человѣка*. Даже на этомъ не остановились, но снизошли до животныхъ, а лучше сказать, до изображеній ихъ. И ты замѣть мудрость Павла, какъ онъ представилъ двѣ крайности: Бога, Который выше всего, и пресмыкающихся, которые ниже всего, или, лучше сказать, не пресмыкающихся, но подобія ихъ, чтобы ясно показать несомнѣнное безуміе язычниковъ. Познаніе, какое надлежало имѣть о Существѣ, несравненно все превосходящемъ, они приложили къ тому, что безъ сравненія ниже всего. Но, скажетъ кто-нибудь, имѣетъ ли это отношеніе къ философамъ? Да, къ нимъ преимущественно и относится все сказанное. Они имѣютъ учителями египтянъ, которые изобрѣли это. Гордится этимъ и Платонъ, который представлялся болѣе почтеннымъ, чѣмъ другіе; и учитель его былъ приверженъ къ тѣмъ же идоламъ, такъ какъ онъ, именно, приказалъ принести пѣтуха въ жертву Эскулапу. Въ язычествѣ можно было видѣть изображенія животныхъ и пресмыкающихся, а также Аполлона и Діониса, почитаемыхъ вмѣстѣ съ пресмыкающимися. А нѣкоторые философы даже возвели на небо тельцовъ, скорпіоновъ, драконовъ и всякую другую суету, такъ какъ діаволъ всѣми мѣрами старался низвести людей до подобія пресмыкающихся и самымъ неразумнымъ изъ всѣхъ тварямъ подчинить тѣхъ, которыхъ Богъ хотѣлъ возвести превыше неба. Не отсюда только, но и изъ другого можно видѣть, что глава философовъ (Платонъ) виновенъ въ указанномъ выше. Когда онъ сличаетъ поэтовъ и говоритъ, что имъ нужно вѣрить въ ихъ ученіи о Богѣ, такъ какъ они имѣютъ точное знаніе, то въ доказательство онъ представляетъ не болѣе, какъ собраніе басенъ, и утверждаетъ, что смѣшные эти вымыслы

нужно признавать истинными. *Тѣмже и предаде ихъ Богъ въ похотехъ сердецъ ихъ въ нечистоту, во еже скверпитися тѣлесемъ ихъ въ себѣ самѣхъ* (ст. 24). Здѣсь апостолъ показываетъ, что нечестіе было причиною нарушенія законовъ. А слово—*предаде* здѣсь означаетъ—попустилъ. Подобно тому какъ предводитель войска, оставивъ его и удалившись во время жаркаго боя, предаетъ воиновъ врагамъ, не чрезъ содѣйствіе свое, но тѣмъ, что лишаетъ своей помощи, такъ и Богъ, исполнивъ со Своей стороны все,
415 оставилъ тѣхъ, которые не хотѣли принять Его повелѣній и первые отъ Него удалились. И разсуди: Богъ предложилъ людямъ, вмѣсто ученія, міръ, далъ имъ разумъ и разсудокъ, способный понимать то, что должно. Но они ничѣмъ изъ этого не воспользовались для своего спасенія и даже извратили то, что получили. Итакъ, что же надлежало дѣлать? Неужели привлекать ихъ силою и по неволѣ? Но это не значитъ дѣлать ихъ добродѣтельными. Оставалось предоставить ихъ самимъ себѣ, что Богъ и сдѣлалъ, чтобы люди, посредствомъ личнаго опыта узнавши все то, къ чему они такъ сильно стремились, сами наконецъ бѣжали отъ позора. Вѣдь если какой-либо царскій сынъ, къ безчестію отца, пожелаетъ быть съ ворами, убійцами и грабителями гробницъ и общество такихъ людей предпочтетъ отцовскому дому, то отецъ, конечно, оставитъ его, чтобы собственнымъ опытомъ онъ могъ убѣдиться въ безмѣрномъ своемъ неразуміи.

4. Но почему апостолъ не упомянулъ ни объ одномъ иномъ грѣхѣ, напримѣръ, объ убійствѣ, любостяжаніи и другихъ подобныхъ, но упоминаетъ только о невоздержаніи? Мнѣ кажется, что онъ имѣетъ въ виду современныхъ ему слушателей и тѣхъ, которые должны были получить его посланіе. *Въ нечистоту, во еже скверпитися тѣлесемъ ихъ въ себѣ самѣхъ.* Замѣть, какое выразительное изреченіе. Язычники, говоритъ Павелъ, не имѣли нужды въ другихъ оскорбителяхъ, но сами себѣ дѣлали то, что имъ могли бы причинять враги. Потомъ, возвращаясь опять къ причинѣ, апостолъ говоритъ: *иже премѣниша истину Божію во лжу, и почтоша и послужиша твари паче Творца* (ст. 25). Что особенно было смѣшно въ язычествѣ, то апостолъ перечисляетъ по видамъ, а что представляется достойнѣе прочаго, о томъ онъ говоритъ вообще, но посредствомъ того и другого доказываетъ, что язычество есть служеніе твари. И замѣть, какъ онъ выразилъ свою мысль. Не сказалъ просто: *послужиша твари*, но прибавилъ: *паче Творца*; такою прибавкою онъ увеличиваетъ вину язычниковъ и лишаетъ ихъ всякаго извиненія. *Иже есть благословенъ во вѣки, аминь* (ст. 25). Но это нисколько не повредило славѣ Божіей, говоритъ Павелъ, потому что Богъ благословенъ во вѣки.

Здѣсь апостолъ показываетъ, что Богъ оставилъ язычниковъ не потому, что мстилъ за Себя, такъ какъ Онъ ничего отъ этого не потерпѣлъ. Если язычники и оскорбляли Его, то Онъ не оскорблялся, слава Его не умалилась, но Онъ всегда пребываетъ благословенъ. Если и любомудрый человѣкъ часто можетъ совсѣмъ не чувствовать оскорбленія, то тѣмъ болѣе Богъ, Существо безсмертное и неизмѣняемое, слава непреходящая и неподвижная. Вѣдь и люди уподобляются Богу въ этомъ отношеніи тогда, когда они нисколько не чувствуютъ обиды отъ тѣхъ, которые желаютъ вредить имъ, когда они не оскорбляются наносимыми имъ обидами, не чувствуютъ ударовъ, когда ихъ бьютъ, и насмѣшекъ, когда другіе смѣются надъ ними. Но возможно ли это? — спроситъ кто-нибудь. Возможно, даже весьма возможно всякій разъ, какъ ты не скорбишь по поводу случившагося. И какъ возможно, спросятъ, не скорбѣть? А я спрашиваю: какъ можно скорбѣть? Скажи мнѣ: если бы тебя оскорбило собственное твое дитя, то неужели ты эту обиду счелъ бы за дѣйствительную обиду? Неужели ты сталъ бы скорбѣть? Нѣтъ. А если бы ты сталъ обижаться, то не смѣшенъ ли ты тогда будешь? Будемъ и мы такимъ же образомъ относиться къ ближнему, и тогда не потер- 416
пимъ ничего непріятнаго (вѣдь обижающіе другого неразумнѣе дѣтей); не будемъ требовать, чтобы насъ не обижали, но, будучи обижены, перенесемъ обиду великодушно, такъ какъ въ этомъ и состоитъ истинная честь. Почему же такъ? А потому, что въ этомъ ты господинъ, а въ томъ—другой. Развѣ ты видѣлъ, чтобы пораженный адамантъ самъ ударилъ? Такова, отвѣтишь ты, его природа. Но вѣдь и тебѣ, по доброй твоей волѣ, возможно сдѣлаться таковымъ, каковъ онъ по природѣ. Что же? Развѣ ты не знаешь, что отроки не опалились въ пещи, а Даніилъ во рвѣ не потерпѣлъ никакого зла? И нынѣ это можетъ случиться. И насъ окружаютъ львы, гнѣвъ и похоть, имѣющіе опасные зубы и растерзывающіе всякаго подвергшагося (ихъ нападенію). Будь же такимъ, какъ Даніилъ, и не позволяй этимъ страстямъ впиваться зубами тебѣ въ душу. Но, скажешь, Даніилу во всемъ помогала благодать. Правда, но помогала потому, что ей предшествовала собственная его воля. Такимъ образомъ, если и мы пожелаемъ сдѣлаться подобными ему, то благодать и нынѣ готова помогать. Какъ ни голодны звѣри, они не прикоснутся къ твоему ребру. Если они устыдились тогда, когда увидѣли тѣло раба, то неужели не усмирятся теперь, когда увидятъ члены Христовы (а таковы мы—вѣрующіе)? Если же не усмиряются, то, конечно, по винѣ вверженныхъ. Дѣйствительно, многіе доставляютъ этимъ львамъ обильную пищу тѣмъ, что содержатъ блудницъ, нару-

шаютъ браки, мстятъ врагамъ,—поэтому и растерзываются прежде, чѣмъ достигнутъ дна (рва). Но не то случилось съ Даніиломъ, не то будетъ и съ нами, если мы пожелаемъ, а совершится нѣчто больше того, что было прежде съ Даніиломъ.

Тогда львы не сдѣлали вреда, а намъ, если мы будемъ бодрствовать, обижающіе принесутъ и пользу. Такъ, Павелъ сдѣлался знаменитымъ отъ оскорбителей и злоумышленниковъ, а Іовъ—вслѣдствіе многихъ болѣзней и ранъ, Іеремія—изъ-за грязнаго рва, Ной—вслѣдствіе потопа, Авель—вслѣдствіе злоумышленія, Моисей—по винѣ жаждавшихъ крови іудеевъ; такъ и Елисей, такъ и каждый изъ великихъ тѣхъ мужей — всѣ они получили блестящіе вѣнцы не за безмятежную и роскошную жизнь, но за скорби и искушенія. Потому и Христосъ, вѣдая объ этомъ способѣ прославленія, говорилъ ученикамъ: *въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. XVI, 33). Такъ что же, спросятъ: развѣ не многіе также пали подъ тяжестію золъ? Пали, но не отъ свойства искушеній, а отъ собственнаго нерадѣнія. Но Тотъ, Кто творитъ *со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи понести* (1 Кор. X, 13), самъ да поможетъ всѣмъ намъ и да простретъ руку, чтобы мы, торжественно прославленные, достигли вѣчныхъ вѣнцовъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

415—416 Сего ради предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія: и жены бо ихъ измѣниша естественную подобу въ презъестественную. Такожде и мужи, оставльше естественную подобу женска пола, разжегошася похотію своею другъ на друга (I, 26, 27).

1. Итакъ, всѣ страсти безчестны, но особенно безчестна бе-
417 зумная любовь къ мужчинамъ, потому что душа страдаетъ и унижается въ этихъ грѣхахъ болѣе, чѣмъ тѣло въ болѣзняхъ. Смотри же, какъ апостолъ и здѣсь лишаетъ язычниковъ прощенія, сказавши о женщинахъ подобно тому, какъ и объ ученіи: *измѣниша естественную подобу*. Никто не можетъ сказать, говоритъ онъ, что онѣ дошли до этого, будучи лишены обыкновеннаго способа соитія, и что предались столь необычайному неистовству потому, что не могли удовлетворить своей похоти, такъ какъ измѣнять возможно только то, что имѣютъ, какъ апостолъ и сказалъ въ рѣчи объ ученіи: *премѣниша истину Божію во лжу*. Тоже самое

опять, но нѣсколько иначе, апостолъ сказалъ и о мужчинахъ: *оставльше естественную подобу женска пола*. И у женщинъ, и у мужчинъ онъ равно отнимаетъ возможность извиненія, обвиняя ихъ не только въ томъ, что они имѣли наслажденіе и, оставивъ то, что имѣли, обратились къ иному, но и въ томъ, что, презрѣвъ способъ естественный, прибѣгли къ противоестественному. Но противоестественное и болѣе неудобно, и болѣе непріятно, такъ что не можетъ быть и названо удовольствіемъ. Вѣдь истинное удовольствіе сообразно съ природою, а когда Богъ оставляетъ, тогда все приходитъ въ безпорядокъ. Вслѣдствіе этого у язычниковъ не только ученіе было сатанинское, но и жизнь діавольская. И когда апостолъ бесѣдовалъ объ ученіи, то онъ указалъ на міръ и человѣческій разумъ, сказавши, что люди силою разумѣнія, даннаго отъ Бога, и при посредствѣ всего видимаго могли возвыситься до Творца, но не захотѣли этого и остались безъ оправданія. А здѣсь, вмѣсто міра, онъ указалъ на удовольствіе, сообразное съ природою, которымъ они могли наслаждаться съ большею свободою и съ большею пріятностью, освободившись отъ стыда. Но язычники не захотѣли этого и, оскорбивши самое естество, оказались внѣ всякаго извиненія. Безчестнѣе же всего то, что и женщины стремятся къ такимъ смѣшеніямъ, которыхъ имъ слѣдовало бы стыдиться болѣе мужчинъ. И здѣсь достойно удивленія благоразуміе Павла, какъ онъ, нападая на два противоположныя дѣла, со всею точностію достигъ своей цѣли. Вѣдь онъ хотѣлъ и выразиться благопристойно, и уязвить слушателя, но то и другое было невозможно: одно препятствовало другому. Выразившись благопристойно, нельзя было тронуть слушателя; а чтобы сильнѣе поразить его, необходимо было представить дѣло яснѣе во всей его наготѣ. Но разумная и святая душа Павла съ точностью преодолѣла то и другое, усиливъ обвиненіе наименованіемъ естества и воспользовавшись этимъ словомъ какъ бы нѣкоторымъ покровомъ для благопристойности рѣчи.

Итакъ, коснувшись сперва женщинъ, апостолъ обращаетъ потомъ рѣчь къ мужчинамъ: *такожде и мужи, оставльше естественную подобу женска пола*. Является доказательствомъ крайней порчи то, когда развращены тотъ и другой полъ, когда мужчина, поставленный быть наставникомъ жены, и женщина, которой повелѣно быть помощницею мужа, поступаютъ другъ съ другомъ, какъ враги. Замѣть же, какія сильныя выраженія употребляетъ апостолъ. Не сказалъ, что они питали взаимную любовь и вожделѣніе, но—*разжегошася похотію своею другъ на друга*. Замѣчаешь ли, что все произошло отъ преизбытка вожделѣнія, которое не

въ силахъ оказалось остаться въ собственныхъ своихъ предѣлахъ? Все, преступающее законы, установленные Богомъ, питаетъ вожделѣніе къ необычному и незаконному. Подобно тому, какъ многіе, потерявши позывъ къ обыкновенной пищѣ, нерѣдко ѣдятъ
418 землю и мелкіе камни, а другіе, томясь сильною жаждою, часто пьютъ и грязную воду,—такъ и язычники вскипѣли этою противозаконною любовію. И если ты спросишь: откуда такая напряженность страсти?—отвѣчаю: оттого, что они были оставлены Богомъ. А отчего произошло это Божіе оставленіе? Отъ беззаконія оставившихъ Бога. *Мужи на мужѣхъ студъ содѣвающе* (ст. 27).

2. Ты, услышавши (говоритъ апостолъ) о томъ, что они (язычники) разжигались, не подумай, что у нихъ была одна только болѣзнь вожделѣнія: все зависитъ преимущественно отъ безпечности, которая и разжигала страсти. Потому онъ не сказалъ—соблазнившись, или—впавши (Гал. VI, 1), какъ выразился въ другомъ мѣстѣ, а какъ выразился? *Содѣвающе*. Они считали грѣхъ занятіемъ не простымъ, но такимъ, которое совершали съ ревностію. Не сказалъ также—вожделѣніе, но—*студъ* по преимуществу, потому что они посрамили естество и попрали законы. Смотри, какое большое замѣшательство произошло съ той и другой стороны. Не только голова стала внизу, но и ноги вверху; люди сдѣлались врагами себѣ самимъ и другъ другу, такъ какъ открыли какую-то жестокую брань, которая беззаконнѣе всякаго междуусобія,—брань многоразличную и разнообразную. Они раздѣлили ее на четыре вида, всѣ суетные и преступные, такъ что эта борьба у нихъ была не двойная и тройная, но въ четырехъ видахъ. Разсуди самъ. Двоимъ, разумѣю жену и мужа, надлежало составлять одно, какъ сказано: *будета два въ плоть едину* (Быт. II, 24). А это вызывалось желаніемъ общенія, которое и соединяло оба пола другъ съ другомъ. Діаволъ, истребивъ эту взаимную склонность и давши ей иное направленіе, такимъ образомъ раздѣлилъ между собою полы и, вопреки закону Божію, изъ одного цѣлаго сдѣлалъ двѣ части. Вѣдь Богъ сказалъ: *будета два въ плоть едину*; но діаволъ единую плоть раздѣлилъ на двѣ. Вотъ первая брань. Опять, каждая изъ этихъ двухъ частей стала враждовать какъ сама съ собою, такъ и другъ противъ друга, потому что женщины стали наносить поруганіе не только мужчинамъ, но и женщинамъ, а мужчины возставали другъ на друга и противъ женскаго пола, какъ обыкновенно и бываетъ въ какой-нибудь ночной битвѣ. Видишь ли вторую и третью брань, четвертую и пятую? Но есть еще и иная: кромѣ сказаннаго, они возстали и на самую природу. Такъ какъ діаволъ видѣлъ, что самое вожделѣніе больше всего соединяетъ полы, то и постарался

разорвать этотъ союзъ, чтобы уничтожить человѣческій родъ не только противозаконнымъ расточеніемъ сѣмени, но и взаимною борьбою и возстаніями. *И возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ воспріемлюще* (ст. 27). Смотри, какъ апостолъ опять переходитъ къ источнику зла—нечестивому ученію, и говоритъ, что *студъ* былъ воздаяніемъ за это беззаконіе. И такъ какъ, говоря о гееннѣ и наказаніи, апостолъ для людей нечестивыхъ, избравшихъ такую жизнь, показался бы не заслуживающимъ довѣрія и даже смѣшнымъ, то онъ разъясняетъ, что въ самомъ этомъ удовольствіи заключается наказаніе. И не удивляйся тому, что они не чувствуютъ этого, но испытываютъ наслажденіе: вѣдь и безумные и одержимые болѣзнью умопомѣшательства, много мучая самихъ себя и находясь въ жалкомъ положеніи, однако смѣются и радуются своимъ дѣламъ, по поводу которыхъ другіе о нихъ плачутъ. Но мы не говоримъ, что вслѣдствіе этого они освобождены отъ наказанія, напротивъ, потому самому они и находятся въ ужаснѣйшемъ мученіи, что сами не сознаютъ своего положенія. Не больнымъ нужно судить о положеніи дѣлъ, а здоровымъ. Извѣстно, что въ древности такое дѣло считалось даже 419
законнымъ, а одинъ языческій законодатель запретилъ рабамъ натирать себя масломъ до суха и мужеложствовать, предоставивъ только свободнымъ такое преимущество, а лучше сказать—такое студодѣяніе. И, вообще, язычники не считали это дѣло безстыднымъ, но, какъ нѣчто почетное и болѣе высокое, чѣмъ состояніе рабовъ, предоставляли его лишь свободнымъ. Такъ думалъ мудрѣйшій народъ аѳинскій и великій изъ аѳинянъ Солонъ. Можно найти много и другихъ философскихъ сочиненій, зараженныхъ тою же болѣзнію. Однако же, вслѣдствіе этого, мы не назовемъ такого дѣла законнымъ, а, напротивъ,—признаемъ жалкими и достойными многихъ слезъ тѣхъ людей, которые приняли этотъ законъ. Что дѣлаютъ блудницы, тоже, а лучше сказать—болѣе безобразное совершаютъ и мужеложники. Смѣшеніе съ блудницами хотя беззаконно, но естественно, а мужеложство и противозаконно, и противоестественно. Если бы не было геенны и не угрожало наказаніе, то это было бы хуже всякаго наказанія. Если же они наслаждаются, то это говоритъ лишь объ усиленіи наказанія. Если бы я увидѣлъ, что бѣжитъ нагой человѣкъ, вымаравшій все свое тѣло грязью, и не только не стыдится, но и хвалится этимъ, то я не сталъ бы радоваться вмѣстѣ съ нимъ, но больше его рыдалъ бы о немъ, потому что онъ не чувствуетъ стыда своего. Но, чтобы яснѣе представить вамъ поруганіе, выслушайте отъ меня и другой примѣръ. Если бы кто-нибудь уличилъ дѣвицу въ томъ, что она въ своей опочивальнѣ имѣла

смѣшеніе съ неразумными животными, а она и послѣ того стала бы услаждаться такимъ смѣшеніемъ, то недостойна ли была бы она слезъ, преимущественно вслѣдствіе того, что не могла избавиться отъ этой болѣзни по той причинѣ, что не сознавала порока? Конечно, это всякому ясно. А если то беззаконіе тяжко, то и это (мужеложство)—не менѣе того, такъ какъ терпѣть поруганіе отъ своихъ прискорбнѣе, чѣмъ отъ чужихъ. Я утверждаю, что эти (мужеложники) хуже убійцъ, такъ какъ лучше умереть, чѣмъ жить послѣ такого поруганія. Убійца отторгаетъ душу отъ тѣла, а этотъ губитъ и душу вмѣстѣ съ тѣломъ. Какой ни назови грѣхъ, ни одинъ не будетъ равенъ этому беззаконію. И впадающіе въ него, если бы сознавали совершаемое, приняли бы безчисленныя смерти, чтобы только не подвергаться этому грѣху.

8 Ничего, ничего нѣтъ неразумнѣе и тяжелѣе такого поруганія. Если Павелъ, разсуждая о блудѣ, сказалъ: *всякъ грѣхъ, его же аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть: а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. VI, 18), то что сказать объ этомъ безуміи, которое настолько хуже блуда, что нельзя и выразить? Не говорю, что ты только сдѣлался женщиною, но болѣе: ты погубилъ свое существованіе, какъ мужчины, ты ни въ женское естество не измѣнился, ни того, какое имѣлъ, не сохранилъ, а сдѣлался общимъ предателемъ того и другого естества и достоинъ изгнанія и отъ мужчинъ и отъ женщинъ и побіенія камнями, такъ какъ ты оскорбилъ тотъ и другой полъ. Чтобы тебѣ понять, насколько великъ этотъ грѣхъ, (представь слѣдующее): если бы кто-нибудь, пришедши къ тебѣ, объявилъ, что онъ сдѣлаетъ тебя изъ человѣка собакою, то ты не убѣжалъ ли бы отъ него, какъ отъ человѣка самаго вреднаго? Но вотъ ты сдѣлалъ самого себя изъ человѣка не собакою, а животнымъ болѣе презрѣннымъ, чѣмъ собака: она еще годна къ чему-нибудь, а предавшійся распутству ни къ чему негоденъ. И скажи мнѣ, если бы кто-нибудь угрожалъ сдѣлать такъ, чтобы мужчины носили и рождали дѣтей, то развѣ мы не исполнились бы гнѣва? Но вотъ теперь предающіеся такому неистовству поступаютъ сами съ собою гораздо хуже, такъ какъ не одно и тоже, во-первыхъ, измѣниться въ женскую природу и, во-вторыхъ, оставаясь мужчиною, сдѣлаться
420 женщиною, а лучше сказать—ни тѣмъ, ни другимъ. Если же ты желаешь узнать чрезмѣрность зла и въ другомъ отношеніи, то спроси, почему законодатели наказываютъ тѣхъ, которые дѣлаютъ другихъ скопцами, и узнаешь, что ни за что иное, какъ именно за изувѣченіе природы, хотя они и не наносятъ человѣку такого поруганія (какое наносится мужеложествомъ), потому что оскопленные и послѣ оскопленія во многихъ случаяхъ бываютъ по-

лезны. Между тѣмъ нѣтъ ничего непотребнѣе мужчины, сдѣлавшагося блудницей, потому что не только душа, но и тѣло допустившаго такое поруганіе становится ничтожнымъ и достойнымъ изгнанія отовсюду. Какія же геенны достаточны для такихъ! А если ты, слыша о гееннѣ, смѣешься и не вѣришь, то вспомни объ огнѣ содомскомъ. Вѣдь мы видимъ, даже въ настоящей жизни видимъ подобіе геенны. Такъ какъ многіе готовы были совсѣмъ не вѣрить явившимся по воскресеніи и возвѣстившимъ, что и теперь существуетъ огонь неугасимый, то Богъ и вразумилъ ихъ событіями настоящей жизни. Таково было сожженіе Содома и истребленіе его огнемъ, о чемъ знаютъ бывшіе тамъ и собственными глазами видѣвшіе слѣды божественнаго наказанія и небесныхъ молній. Пойми же, какъ великъ былъ грѣхъ, побудившій геенну явиться преждевременно. Съ другой стороны, такъ какъ многіе презирали рѣчи (о гееннѣ), то Богъ на дѣлѣ показалъ имъ подобіе ея въ нѣкоторомъ новомъ видѣ. Дождь тотъ былъ необыкновенный, какъ и смѣшеніе содомлянъ было противоестественно; онъ затопилъ землю, какъ и похоть наводнила ихъ души. Этотъ дождь былъ по своему дѣйствію противоположенъ дождю обыкновенному: онъ не только не возбудилъ утробу земли къ произрастанію плодовъ, но и сдѣлалъ ее неспособною къ принятію сѣмянъ. Таково было и смѣшеніе мужчинъ земли содомской, которое дѣлало ихъ тѣла болѣе безплодными. Что гнуснѣе, что отвратительнѣе того мужчины, который сталъ блудницею? Какое неистовство, какое безуміе! Откуда вторглась эта похоть, оскорбляющая человѣческую природу, на подобіе враговъ, а лучше сказать, настолько ужаснѣе враговъ, насколько душа превосходнѣе тѣла? О, вы безсмысленнѣйшіе и безсловесныхъ, безстыднѣйшіе и собакъ! И у тѣхъ никогда не бываетъ такого смѣшенія, такъ какъ природа знаетъ свои границы, а вы, срамя свой родъ, сдѣлали его безчестнѣе существъ неразумныхъ. Итакъ, откуда произошло это зло? Отъ роскошной жизни, отъ незнанія Бога: всякій разъ, какъ люди отвергаютъ страхъ Божій, тогда оставляетъ ихъ и всякое добро.

4. Итакъ, чтобы этого не было, будемъ имѣть предъ глазами истинный страхъ Божій. Ничто, ничто такъ не губитъ человѣка, какъ если сняться съ этого якоря, а равно ничто такъ не спасаетъ, какъ если всегда держаться на немъ. Если мы, имѣя предъ глазами человѣка, съ меньшею рѣшительностію приступаемъ ко грѣхамъ, а часто не дѣлаемъ ничего неумѣстнаго, стыдясь болѣе почтенныхъ слугъ, то разсуди, какою безопасностью мы будемъ пользоваться тогда, когда будемъ имѣть предъ глазами Бога. Вѣдь при такомъ нашемъ настроеніи, нигдѣ на нападетъ

на насъ дьяволъ, потому что трудъ его былъ бы безполезенъ. Когда же дьяволъ замѣтитъ, что мы блуждаемъ внѣ и бродимъ безъ узды, то онъ, воспользовавшись нашимъ починомъ, наконецъ получитъ возможность и совсѣмъ разлучить насъ отъ стада. И что переносятъ нерадивые изъ рабовъ, которые, оставивъ необходимыя дѣла, изъ-за которыхъ были посланы господами на рынокъ, безъ надобности и напрасно останавливаются съ проходящими и тратятъ здѣсь свободное время, тому же подвергнемся
421 и мы, когда отступимъ отъ заповѣдей Божіихъ. Вотъ стоимъ и мы, удивляясь богатству, красотѣ тѣла и остальному, что до насъ не касается, какъ и тѣ рабы смотрятъ на представленія фокусниковъ, а потомъ, пришедши поздно, терпятъ дома жестокіе побои. А многіе, слѣдуя за другими, совершающими подобныя непотребства, оставили даже путь, лежащій предъ ними. Но не будемъ такъ дѣлать, потому что мы посланы совершить многое изъ необходимаго; если же мы, пренебрегши этимъ, остановимся и будемъ съ удивленіемъ смотрѣть на безполезные предметы, то, понапрасну и тщетно истративъ все свое время, и мы подвергнемся жестокому наказанію. Если же ты желаешь заняться, то есть у тебя то, на что ты долженъ съ изумленіемъ смотрѣть, чѣмъ можешь любоваться все свое время, что не смѣха достойно, но удивленія и многихъ похвалъ, а между тѣмъ, если станешь изумляться смѣшному, ты и самъ сдѣлаешься таковымъ и даже хуже смѣхотворца. Бѣги же скорѣе прочь, чтобы тебѣ не подвергнуться этому.

И скажи мнѣ, почему ты стоишь, съ изумленіемъ смотря на богатство и готовый летѣть къ нему? Что ты видишь въ немъ удивительнаго и достойнаго остановить на себѣ взоры твои? Кони ли, украшенные золотомъ, и слуги-варвары, или евнухи, дорогія одежды, а въ нихъ сладострастная душа, поднятыя вверхъ брови, бѣготня и волненіе? Но неужели все это достойно удивленія? Чѣмъ эти люди отличаются отъ нищихъ, которые пляшутъ на рынкѣ и играютъ на свирѣли? Они, одержимые сильнымъ го-
422 лодомъ добродѣтели, пляшутъ свою пляску, которая смѣшнѣе пляски нищихъ, когда бѣгаютъ и кружатся то по роскошнымъ обѣдамъ, то по домамъ непотребныхъ женщинъ, то въ толпѣ льстецовъ и тунеядцевъ. Хотя они и въ золото одѣты, но особенно жалки потому, что заботятся больше всего о томъ, что не имѣетъ для нихъ никакого значенія. Не смотри на одежды, но раскрой ихъ душу и вглядись, не полна ли она безчисленныхъ ранъ, не одѣта ли въ рубище, не одинока ли она и не беззащитна ли? Какая польза въ этомъ безумномъ пристрастіи къ внѣшнему? Гораздо лучше быть бѣднымъ, но жить добродѣтельно,

чѣмъ быть царемъ, но порочнымъ. Бѣдный самъ по себѣ наслаждается всякимъ душевнымъ удовольствіемъ и, вслѣдствіе внутренняго богатства, не чувствуетъ наружной бѣдности. А царь, наслаждаясь тѣмъ, что ему вовсе неприлично, наказывается въ томъ, что въ особенности ему должно быть свойственно, и мучится въ душѣ помыслами и совѣстью, преслѣдующими его и среди удовольствій. Зная это, отвергнемъ золотыя одежды и усвоимъ себѣ добродѣтель и удовольствіе, происходящее отъ добродѣтели. Такимъ образомъ и здѣсь, и тамъ мы насладимся многою радостью и достигнемъ обѣтованныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нешего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

Якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, предаде 421
ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная (і, 28).

1. Чтобы не показалось, что апостолъ, ведя длинную рѣчь о мужеложствѣ, намекаетъ на римлянъ, онъ перешелъ, наконецъ, къ грѣхамъ другого рода и во всей рѣчи своей касается другихъ лицъ. И какъ всегда, бесѣдуя съ вѣрующими о грѣхахъ и желая доказать, что ихъ должно избѣгать, апостолъ приводитъ въ примѣръ язычниковъ, говоря: *не въ страсти похотнѣй, якоже и языцы невѣдущіи Бога*, и далѣе: *не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. іv, 5, 13), такъ и здѣсь онъ указываетъ на грѣхи язычниковъ и лишаетъ послѣднихъ всякаго оправданія,—говоря, что дерзновенія ихъ зависятъ не отъ невѣдѣнія, но отъ склонности. Потому не сказалъ: такъ какъ не уразумѣли, но говоритъ: *якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ*, показывая, что грѣхи ихъ происходили преимущественно отъ развращеннаго разсудка и любви къ словопреніямъ, а не случайнаго воспріятія,—были грѣхами не плоти, какъ утверждаютъ нѣкоторые еретики, но ума и порочнаго желанія, и что источникъ всѣхъ золъ заключается именно здѣсь. Такъ какъ умъ ихъ сдѣлался превратнымъ, то все, наконецъ, пришло въ безпорядокъ и смятеніе, когда руководитель оказался поврежденнымъ. *Исполненныхъ всякія неправды, лукавства, лихоиманія, злобы* (ст. 29). Замѣть, какъ рѣчь постепенно усиливается; апостолъ называетъ ихъ *исполненными*, и притомъ *всякія неправды*. Назвавши вообще порокъ, онъ потомъ переходитъ къ видамъ его и къ подверженнымъ этимъ грѣхамъ, которыхъ онъ съ выразительностью и называетъ *исполненными*

зависти, *убійства*, потому что убійство происходитъ отъ зависти,
какъ это и показано на примѣрахъ Авеля и Іосифа. Потомъ, ска-
422 завъ: *рвенія*, *льсти*, *злонравія*, *шепотники*, *клеветники*, *богомерзски*,
досадители (ст. 29, 30) и поставивъ въ числѣ преступленій и тѣ,
которыя для многихъ кажутся безразличными, апостолъ опять
усиливаетъ обвиненіе, восходя къ твердынѣ золъ и присовокуп-
ляя: *горды*. Согрѣшить и много думать о себѣ — хуже самаго
грѣха; потому апостолъ и коринеянъ обвиняетъ въ томъ же са-
момъ, говоря: и *вы разгордѣстеся* (1 Кор. v, 2). Если тотъ, кто
гордится добрымъ дѣломъ, обыкновенно этимъ все губитъ, то ка-
кого наказанія достоинъ тотъ, кто дѣлаетъ это по поводу грѣ-
ховъ? Такой человѣкъ, наконецъ, неспособенъ будетъ и раскаяться.
Далѣе апостолъ говоритъ: *обрѣтатели злыхъ*, показывая, что они
не довольствовались сдѣланнымъ уже зломъ, но изобрѣтали и
другое, что опять было свойственно людямъ, поступавшимъ на-
мѣренно и по собственному расположенію, а не по увлеченію и
подражанію. Сказавши о порокѣ въ частности и доказавъ, что
язычники опять возстали и противъ самой природы (*родителемъ*,
говоритъ апостолъ, *непокоривы*), онъ восходитъ, наконецъ, къ корню
столь великой порчи, называя ихъ *нелюбовными*, *непримиримыми*
(ст. 31). И Христосъ указываетъ эту же причину порочно-
сти, когда говоритъ: *за умноженіе беззаконія*, *изсякнетъ любы*
(Мѳ. xxiv, 12). Объ этомъ говоритъ здѣсь и Павелъ: *непримири-
тельны*, *нелюбовны*, *неклятвохранительны*, *немилостивы*,—пока-
зывая, что они погубили самый даръ природы. Мы имѣемъ нѣ-
которое естественное расположеніе другъ къ другу, которое свой-
ственно даже животнымъ, какъ и сказано: *всяко животно любитъ
подобное себѣ*, *и всякъ человѣкъ искренняго своего* (Іис. Сирах. xiii, 19).
Но язычники сдѣлались свирѣпѣе звѣрей. Такимъ образомъ Па-
велъ изобразилъ намъ здѣсь болѣзнь, распространившуюся во
вселенной отъ порочныхъ ученій, и ясно доказалъ, что та и дру-
гая немощь происходитъ отъ собственнаго нерадѣнія больныхъ.
423 Наконецъ апостолъ, какъ сдѣлалъ и относительно ученія, пока-
зываетъ, что язычники и здѣсь (въ жизни) лишены извиненія,
потому и говоритъ: *нѣцыи же и оправданіе Божіе разумѣвше, яко
таковая творящіи достойни смерти суть, не точію сами творятъ,
но и соизволяютъ творящимъ* (ст. 32). Предположивъ два возраже-
нія, онъ предварительно разрѣшилъ здѣсь ихъ оба. Можетъ быть,
ты скажешь, говоритъ онъ, что ты не зналъ, какъ должно тебѣ
поступать. Хорошо; если и не зналъ, то виновенъ ты, оставившій
Бога, дающаго тебѣ знаніе. Но теперь мы, на основаніи многаго,
доказали, что ты зналъ и грѣшилъ добровольно. Но ты, скажешь,
увлекался страстію? Зачѣмъ же содѣйствуешь другимъ и хва-

лишь? *Не точію сами творятъ*, говоритъ апостолъ, *но и соизволяютъ творящимъ*. Такимъ образомъ, чтобы обличить язычника, апостолъ прежде всего ставитъ на видъ самый тяжкій и неизвинительный грѣхъ, потому что одобряющій грѣхъ гораздо хуже самого согрѣшившаго. Итакъ, сказавши объ этомъ предварительно, апостолъ въ слѣдующихъ словахъ опять еще сильнѣе уличаетъ язычника, говоря такъ: *сего ради безотвѣтенъ еси, о человѣче, всякъ судяй: имъ же бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши* (II, 1). Это онъ сказалъ, обращаясь къ правителямъ, такъ какъ тотъ городъ (Римъ) имѣлъ тогда у себя въ рукахъ власть надъ всею вселенною. Итакъ, апостолъ прежде всего говоритъ: всякій, кто бы ты ни былъ, самъ лишаешь себя оправданія, такъ какъ когда ты осуждаешь прелюбодѣя, а самъ прелюбодѣйствуешь, то хотя бы никто изъ людей и не осуждалъ тебя, но ты въ приговорѣ о виновномъ выносишь опредѣленіе и о себѣ самомъ. *Вѣмы бо, яко судъ Божій есть поистиннѣ на творящихъ таковая* (ст. 2). Чтобы кто-нибудь не сказалъ о себѣ, что онъ доселѣ избѣгалъ суда, апостолъ, устрашая его, говоритъ, что у Бога не такъ, какъ здѣсь. Здѣсь одинъ наказывается, а другой, дѣлающій то же самое, избѣгаетъ наказанія. Но тамъ—иначе. Такимъ образомъ, апостолъ говоритъ, что судья знаетъ правду, но откуда знаетъ—не прибавилъ, потому что было излишне. Вѣдь въ разсужденіи нечестія онъ указалъ то и другое—и то, что человѣкъ поступалъ нечестиво, зная о Богѣ, и то, что онъ зналъ о Немъ изъ разсмотрѣнія творенія. Такъ какъ тамъ не всѣмъ было ясно, то онъ сказалъ о причинѣ, здѣсь же, когда стало всѣмъ извѣстно, онъ проходитъ мимо. Когда же говоритъ—*всякъ судяй*, обращаетъ рѣчь не къ однимъ начальникамъ, но также къ людямъ частнымъ и подчиненнымъ.

2. Всѣ люди, хотя бы не имѣли ни (судейскаго) престола, ни палачей, ни палки, однако судятъ согрѣшающихъ, дѣлая это въ разговорахъ и общихъ бесѣдахъ, а также судятъ и судомъ своей совѣсти. Такъ, никто не осмѣлился бы сказать, что прелюбодѣй не заслуживаетъ наказанія. Но осуждаютъ, говоритъ апостолъ, другихъ, а не самихъ себя. Поэтому онъ сильно возстаетъ на таковыхъ, говоря: *помышляеши ли же сіе, о человѣче, судяй таковая творящимъ и творя самъ такожде, яко ты избѣжиши ли суда Божія* (ст. 3)? Такъ какъ апостолъ, и на основаніи ученія и на основаніи дѣлъ, доказалъ великій грѣхъ вселенной, состоящій въ томъ, что, хотя люди и были мудры и имѣли руководителемъ міръ, однако не только оставили Бога, но избрали, вмѣсто Него, подобія гадовъ, обезчестили добродѣтель, по влеченію естества предались пороку и даже возстали на самое естество, то, нако-

нецъ, переходитъ къ доказательству того, что всѣ дѣлающіе такъ будутъ наказаны. Впрочемъ, говоря о самыхъ дѣлахъ, онъ уже упоминалъ и о наказаніи, сказавши: *возмездіе еже подобаше прелести ихъ въ себѣ воспріемлюще* (Рим. I, 27). Но такъ какъ они не чувствуютъ этого возмездія, то апостолъ возвѣщаетъ о другомъ, котораго они особенно боялись. Впрочемъ, онъ уже от-
424 крылъ и это наказаніе. Когда говоритъ: *судъ Божій есть поистинѣ* (II, 2), говоритъ ни о чемъ-либо другомъ, но именно объ этомъ наказаніи. Кромѣ того, онъ опять подтверждаетъ свою рѣчь другими болѣе сильными доводами, говоря такъ: *помышляеши ли же сіе, о человѣче, судяй таковая творящимъ и творя самъ такожде, яко ты избѣжиши ли суда Божія?* И своего суда ты не избѣжалъ,—неужели же избѣжишь суда Божія? И кто можетъ это сказать? Конечно, ты осудилъ самого себя. Но если такъ велика строгость этого судилища и ты не могъ пощадить самого себя, то какимъ образомъ Богъ, безгрѣшный и безгранично праведный, тѣмъ болѣе не сдѣлаетъ этого? Или ты себя самого осудилъ, а Богъ одобритъ и похвалитъ? И какой это могло бы имѣть смыслъ? Конечно, ты самъ достоинъ большаго наказанія, чѣмъ тотъ, котораго ты осудилъ. Не одно вѣдь и тоже—просто согрѣшить и, наказавши другого согрѣшившаго, самому впасть въ тотъ же самый грѣхъ. Ты видишь, какъ апостолъ увеличилъ вину? Если ты, говоритъ онъ, наказываешь меньшаго грѣшника, между тѣмъ какъ самъ не перестаешь осквернять себя грѣхами, то какъ Богъ, никогда непричастный грѣху, гораздо больше не осудитъ и не обвинитъ тебя, уже осужденнаго собственными твоими помыслами? А если ты говоришь, что самъ признаешь себя достойнымъ наказанія, но вслѣдствіе долготерпѣнія (Божія) пренебрегалъ исправленіемъ и, такъ какъ не подвергся наказанію вслѣдъ за преступленіемъ, имѣлъ даже надежду на милость Божію, то знай, что вслѣдствіе этого самаго тебѣ нужно наиболѣе бояться и трепетать. Господь медлитъ наказаніемъ не для того, чтобы совсѣмъ не подвергать наказанію, но для того, чтобы, если ты останешься неисправимымъ, наказать съ большею строгостію, чего никогда пусть не случится съ тобою. Потому апостолъ присовокупляетъ, говоря: *или о богатствѣ благости и кротости и долготерпѣніи нерадиши, не вѣдый, яко благость Божія на покаяніе тя ведетъ* (ст. 4)? Восхваливъ долготерпѣніе Божіе и показавъ величайшую его пользу для внимательныхъ (а она—въ томъ, чтобы привлекать грѣшниковъ къ покаянію), апостолъ усиливаетъ страхъ. Для воспользовавшихся, какъ должно, оно служитъ основаніемъ спасенія, а для презрѣвшихъ — поводомъ къ большему наказанію. А что касается распространеннаго мнѣнія,

что Богъ, будучи благъ и долготерпѣливъ, не ищетъ наказанія, то, когда ты, внушаетъ апостолъ, говоришь это, то говоришь не о чемъ иномъ, какъ о привлеченіи на себя наказанія. Вѣдь Богъ являетъ Свою величайшую милость для того, чтобы ты освободился отъ грѣховъ, а не для того, чтобы ты прибавилъ новые, а какъ скоро этого не дѣлаешь, то наказаніе будетъ ужаснѣе. Такъ какъ Богъ долготерпѣливъ, то поэтому тебѣ особенно и не должно грѣшить и Его благодѣянія обращать въ поводъ къ неблагодарности; вѣдь хотя Онъ и долготерпѣливъ, но всетаки и наказываетъ. Откуда это видно? Изъ слѣдующихъ словъ апостола. А именно, если нечестіе велико и нечестивые остались безъ наказанія, то всецѣло необходимо ихъ подвергнуть ему. Если и люди не оставляютъ этого безъ вниманія, то какъ оставитъ Богъ? Такимъ образомъ апостолъ отсюда повелъ рѣчь о судѣ. Доказавъ, что многіе, если не раскаются, оказываются виновными, а потомъ—что здѣсь они не подвергаются наказанію, онъ заключаетъ отсюда, что судъ долженъ быть и приэтомъ—строжайшій. Поэтому говоритъ: *по жестокости же твоей и непокаянному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ* (ст. 5). Когда человѣка не смягчаетъ благость и не преклоняетъ страхъ, то что можетъ быть грубѣе его? Апостолъ уже показалъ Божіе человѣколюбіе, а теперь говоритъ о наказаніи, именно о томъ, что оно, для не обратившагося и
при такихъ условіяхъ, будетъ невыносимо. И смотри, какія точ- 425
ныя онъ употребляетъ выраженія, когда говоритъ: *собираеши себѣ гнѣвъ*,—представляя его вообще чѣмъ-то сберегаемымъ и показывая, что виновникомъ гнѣва служитъ не судія, а самъ подсудимый. Самъ ты, говоритъ онъ, *собираеши себѣ*, а не Богъ тебѣ. Онъ сдѣлалъ все, что было нужно, далъ тебѣ способность распознавать доброе и недоброе, явилъ долготерпѣніе, призвалъ къ покаянію, угрожалъ страшнымъ днемъ, всѣмъ привлекая тебя къ покаянію. Если же ты остаешься непреклоннымъ, то *собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* (ст. 5). Чтобы ты, услышавъ о гнѣвѣ, не призналъ его дѣйствіемъ страсти, апостолъ прибавилъ: *праведнаго суда Божія*. И прекрасно сказалъ—*откровенія*, потому что тогда это открывается, когда каждый принимаетъ по достоинству. Здѣсь многіе часто вредятъ и злоумышляютъ вопреки справедливости, а тамъ не такъ. *Иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его: овымъ убо по терпѣнію дѣла благаго* (ст. 6).

3. Въ бесѣдѣ о судѣ и будущемъ наказаніи апостолъ былъ грознымъ и строгимъ, а здѣсь онъ не тотчасъ изобразилъ ожидаемое мученіе, но обратилъ рѣчь къ болѣе пріятному—къ воздаянію добрыхъ, говоря такъ: *овымъ убо по терпѣнію дѣла бла-*

гаго, славы и чести и нетлѣнія ищущимъ, животъ вѣчный (ст. 7). Здѣсь онъ ободряетъ и тѣхъ, которые пали въ искушеніяхъ, и показываетъ, что не должно полагаться только на вѣру, потому что тотъ (будущій) судъ будетъ оцѣнивать и дѣла. Замѣть, что, говоря о будущемъ, апостолъ не можетъ ясно изобразить всѣхъ благъ, но говоритъ о славѣ и чести. Такъ какъ эти блага превосходятъ все человѣческое и апостолъ не можетъ указать здѣсь (на землѣ) подобія ихъ, то онъ, насколько доступно, изображаетъ ихъ при помощи того, что у насъ считается лучшимъ, сравнивая ихъ со славою, честію, жизнію, которыя для всѣхъ людей являются предметомъ особаго попеченія. Но однако небесныя блага не таковы, а, какъ нетлѣнныя и безсмертныя, несравненно выше этого.

Видишь ли, какъ апостолъ, упомянувъ о нетлѣніи, отверзъ намъ двери къ познанію воскресенія тѣлъ? Вѣдь нетлѣніе принадлежитъ тѣлу, подверженному тлѣнію. Потомъ, такъ какъ этого было недостаточно, онъ присовокупилъ славу и честь. Всѣ вѣдь возстанемъ нетлѣнными, но не всѣ въ славу, а одни для наказанія, другіе же для славы. *А иже по рвенію* (ст. 8), говоритъ далѣе. Опять онъ лишаетъ извиненія тѣхъ, которые жили въ порокѣ, и доказываетъ, что они впали въ грѣхъ по упорству и безпечности. *Противляются убо истинѣ, повинуются же неправдѣ.* Вотъ и другое опять обвиненіе. Какую защиту можетъ имѣть тотъ, кто избѣгаетъ свѣта и избираетъ тьму? И притомъ апостолъ не сказалъ: принуждаются и подвергаются насилію, но: *повинуются неправдѣ*,—чтобы ты понялъ, что ихъ паденіе—отъ свободной воли, а преступленіе—не отъ необходимости. *Скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое* (ст. 9). То есть: хотя бы кто-нибудь былъ богатъ, хотя бы былъ консуломъ или даже царемъ—слово суда никого не устыдится, и достоинства здѣсь не имѣютъ никакого мѣста. Итакъ, показавши чрезмѣрность болѣзни, представивъ ея причину—безпечность больныхъ, конецъ—
426 ожидающую ихъ погибель и легкость исправленія, апостолъ опять и въ наказаніи увеличиваетъ тяжесть для іудея, говоря: *Іудеа же прежде и Еллина* (ст. 9). Кто пользовался большимъ наставленіемъ, тотъ, нарушивъ законъ, долженъ подвергнуться и большему наказанію. Такимъ образомъ, насколько мы разсудительнѣе и могущественнѣе, настолько большему наказанію подвергаемся за грѣхи. Если ты богатъ, то отъ тебя потребуется больше пожертвованій, чѣмъ отъ бѣднаго; если ты болѣе уменъ, то потребуется и больше послушанія; а если облеченъ властію, то нужны выдающіяся добрыя дѣла; и во всемъ прочемъ ты долженъ поступать по мѣрѣ своихъ силъ и возможности. *Слава же*

и честь и миръ всякому дѣлающему благое, Іудееви же прежде и Еллину (ст. 10). О какомъ іудеѣ здѣсь говоритъ апостолъ и о какихъ эллинахъ бесѣдуетъ? О жившихъ до пришествія Христова. Не дошла еще рѣчь до временъ благодати, но апостолъ пока останавливается на временахъ болѣе раннихъ, приготовляя издали и постепенно уничтожая различіе между іудеемъ и эллиномъ, чтобы, когда сдѣлаетъ это въ разсужденіи благодати, не показалось бы чѣмъ-то новымъ и затруднительнымъ для пониманія. Вѣдь если не было никакого различія въ болѣе раннія времена, когда не возсіяла еще благодать Христова, когда дѣянія іудеевъ для всѣхъ были почтенны и блестящи, то что могли бы объ этомъ сказать тогда, когда явилась столь великая благодать? Вслѣдствіе этого, конечно, апостолъ и раскрываетъ такое ученіе съ большимъ тщаніемъ. Слушатель, узнавъ, что оно господствовало въ древнія времена, тѣмъ скорѣе приметъ его теперь—по принятіи вѣры. А подъ эллинами апостолъ разумѣетъ здѣсь не идолопоклонниковъ, но людей богобоязненныхъ, повинующихся естественному закону, которые, за исключеніемъ соблюденія іудейскихъ обрядовъ, исполняли все относящееся до благочестія. Таковы были Мелхиседекъ и бывшіе съ нимъ, Іовъ, ниневитяне, Корнилій. Итакъ, апостолъ заранѣе подкапываетъ преграду между обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ, еще издали уничтожаетъ это различіе, чтобы совершить это безъ всякаго подозрѣнія со стороны и приступить къ дѣлу на другомъ основаніи, какъ и свойственно всегда апостольской мудрости. Если бы онъ сталъ доказывать это прямо о временахъ благодати, то, кажется, рѣчь его вызвала бы большое подозрѣніе; но когда, разсуждая о господствующихъ въ мірѣ нечестіи и развращеніи, онъ, по связи рѣчи, доходитъ и до этого предмета, то дѣлаетъ свое ученіе совершенно свободнымъ отъ подозрѣнія.

4. А что таково было намѣреніе Павла и по этой именно причинѣ онъ такъ расположилъ свою рѣчь, видно изъ слѣдующаго: Если бы онъ не старался подготовить это, то ему достаточно было бы сказать: *по жестокости твоей и непокаянному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва* (II, 5) и—прекратить эту рѣчь, потому что она уже окончена. Но такъ какъ задача его была не въ томъ, чтобы сказать только о будущемъ судѣ, но и доказать, что іудей не имѣетъ никакого преимущества предъ такимъ эллиномъ и не долженъ много думать о себѣ, то онъ идетъ далѣе и воспользовался указаннымъ планомъ. Итакъ, смотри же: апостолъ привелъ слушателя въ страхъ, возвѣстивъ ему о страшномъ днѣ, сказалъ, насколько дурна порочная жизнь, доказалъ, что никто не грѣшитъ по невѣдѣнію и не свободенъ отъ нака-

занія, значитъ, если еще не подвергся *наказанію*, то несомнѣнно подвергнется; послѣ этого, наконецъ, онъ желаетъ раскрыть, что ученіе закона не было чѣмъ-то совершенно необходимымъ, такъ какъ и наказаніе и награда бываютъ за дѣла, а не за обрѣзаніе и необрѣзаніе. Итакъ, когда апостолъ сказалъ, что эллинъ несомнѣнно будетъ наказанъ, и изъ этого положенія, какъ неоспори-
427 маго, вывелъ заключеніе, что онъ будетъ и награжденъ, то этимъ уже показалъ, что законъ и обрѣзаніе излишни. Здѣсь онъ борется преимущественно съ іудеями. Такъ какъ они любили спорить и, во-первыхъ, вслѣдствіе гордости признавали для себя низкимъ считаться наравнѣ съ язычниками, а во-вторыхъ, смѣялись надъ ученіемъ о томъ, что вѣра покрываетъ всѣ грѣхи, то апостолъ сперва обвинилъ язычниковъ, о которыхъ завелъ рѣчь, чтобы безъ всякаго подозрѣнія и смѣлѣе напасть на іудеевъ; потомъ, перешедши къ разсужденію о наказаніи, доказываетъ, что іудей не только не получаетъ никакой пользы отъ закона, но даже обременяется имъ; все это онъ и подготовилъ выше. Если язычникъ неизвинителенъ въ томъ отношеніи, что не сдѣлался лучшимъ при руководствѣ природы и разума, то гораздо болѣе неизвинителенъ іудей, который вмѣстѣ съ этимъ руководствомъ получилъ ученіе и отъ закона. Такимъ образомъ апостолъ, убѣдивъ іудея легко согласиться съ этою мыслію въ отношеніи къ грѣхамъ другихъ, поневолѣ заставляетъ его, наконецъ, сдѣлать тоже самое и по поводу своихъ грѣховъ. А чтобы рѣчь его была хорошо принята, онъ начинаетъ ее съ болѣе пріятнаго, говоря такъ: *слава же и честь и миръ всякому дѣлающему благое, Іудееви же прежде и Еллину*. Здѣсь, какія бы блага кто ни имѣлъ, пользуется ими среди многихъ безпокойствъ,—будетъ ли это богачъ, владѣлецъ или царь; онъ часто бываетъ въ раздорѣ, если не съ другими, то съ самимъ собою, и имѣетъ въ своихъ помыслахъ жестокую брань. Но тамъ (въ пользованіи небесными благами) не бываетъ ничего подобнаго, напротивъ—все тихо, свободно отъ смятенія, соединено съ истиннымъ миромъ. Итакъ, апостолъ, научивъ при помощи сказаннаго выше, что и не имѣющіе закона будутъ наслаждаться тѣми же благами, представляетъ и основаніе, говоря такъ: *нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога* (ст. 11). Когда онъ говорилъ, что за грѣхи наказываются и іудей и язычникъ, то это не имѣло нужды въ доказательствахъ. Но когда желаетъ показать, что и язычникъ удостоивается чести, то это уже требуетъ основанія. Казалось вѣдь удивительнымъ и страннымъ, чтобы тотъ, кто не слышалъ закона и пророковъ, удостоивался награды за добрыя дѣла. Потому, какъ замѣтилъ я выше, онъ, говоря о временахъ, бывшихъ прежде благодати,

пріучалъ къ этому ихъ слухъ, чтобы легче было привести ихъ къ признанію этого тогда, когда рѣчь будетъ о временахъ вѣры. И здѣсь онъ остается совершенно внѣ всякаго подозрѣнія, такъ какъ излагаетъ то, что не прямо относилось къ его цѣли. Потому, сказавъ: *слава, честь и миръ всякому дѣлающему благое, Iудееви же прежде и Еллину*, прибавилъ: *нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога.* Вотъ съ какимъ успѣхомъ апостолъ одержалъ побѣду. Доведя рѣчь до нелѣпости, онъ заключаетъ, что Богу не свойственно поступать иначе, потому что это было бы лицепріятіемъ, а въ Богѣ нѣтъ лицепріятія. И не сказалъ: „если бы этого не было, то Богъ былъ бы лицепріятенъ“, но выразился величественнѣе: *нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога,* то есть, Богъ испытуетъ не качества лицъ, но различіе дѣлъ. А сказавъ это, онъ раскрылъ, что различіе между іудеемъ и язычникомъ состоитъ не въ дѣлахъ, а только въ лицахъ. Послѣ этого слѣдовало бы сказать: тѣмъ не менѣе, такъ какъ одинъ—іудей, а другой—эллинъ, то, вслѣдствіе этого, одинъ принимаетъ честь, а другой—поруганіе, но то и другое воздается по дѣламъ. Однако апостолъ не сказалъ такъ, потому что могъ бы возбудить гнѣвъ іудея. Онъ предлагаетъ нѣчто иное, большее, повергая еще ниже мудрствованіе іудеевъ и ослабляя его до такой степени, чтобы они могли принять и его ученіе. Что же это такое? То, что слѣдуетъ далѣе. *Елицы бо беззаконно погрѣшиша*, говоритъ онъ, *беззаконно и погибнутъ, и елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ* 428
(ст. 12). Здѣсь, какъ я замѣтилъ выше, апостолъ доказываетъ не только равночестность іудея и язычника, но и то, что іудей болѣе обремененъ, вслѣдствіе дарованія ему закона. Язычникъ осуждается безъ закона, но это—*беззаконно* указываетъ здѣсь не на большую строгость, а на большую снисходительность, то есть, что язычникъ не имѣетъ обвинителемъ закона; *беззаконно*, то есть—внѣ осужденія по закону; это, говоритъ апостолъ, означаетъ то, что язычникъ судится по одному только естественному разуму. А іудей судится по закону, то есть, вмѣстѣ съ природой его обличаетъ и законъ, такъ какъ чѣмъ большимъ попеченіемъ онъ пользовался, тѣмъ большему наказанію подвергнется.

5. Видишь ли, какъ апостолъ представилъ іудеямъ большую необходимость прибѣгать къ благодати? Такъ какъ они говорили, что не имѣютъ нужды въ благодати, какъ оправдываемые однимъ только закономъ, то апостолъ доказываетъ, что они больше эллиновъ нуждаются въ ней, если только должны подвергнуться и большему наказанію. Послѣ этого опять приводитъ другое доказательство въ подтвержденіе сказаннаго. *Не слышателіе бо закона праведни предъ Богомъ* (ст. 13). Справедливо прибавилъ: *предъ*

Богомъ. Вѣдь предъ людьми только можно казаться честнымъ и много хвалиться, но предъ Богомъ совершенно наоборотъ: одни *творцы закона оправдятся.* Видишь, какою способностью владѣетъ апостолъ, чтобы обратить рѣчь къ противоположному? Если ты думаешь спастись посредствомъ закона, говоритъ онъ, то язычникъ, явившись исполнителемъ написаннаго (въ законѣ), восхититъ у тебя первенство. И какъ возможно, спросишь, сдѣлаться исполнителемъ, не будучи слушателемъ? Возможно, отвѣчаетъ апостолъ, даже не только это, но и гораздо большее. Не только возможно быть исполнителемъ помимо слушанія, но и не быть таковымъ послѣ слушанія, что яснѣе и съ большею силою апостолъ выразилъ ниже, говоря: *научая убо инаго, себе ли не учиши* (Рим. II, 21)? А здѣсь онъ пока доказываетъ первое. *Егда бо языцы,* говоритъ (апостолъ), *не имуще закона, естествомъ законная творятъ, сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ* (ст. 14). Не отвергаю закона, говоритъ онъ, но и при этомъ оправдываю язычниковъ. Видишь ли, какъ онъ, подрывая славу іудейства, не подаетъ ни малѣйшаго повода говорить о себѣ, что онъ унижаетъ законъ, а напротивъ какъ бы хвалитъ его и выставляетъ великимъ и такимъ образомъ все хорошо устрояетъ? Говоря же — *естествомъ,* разумѣетъ естественный разумъ. И онъ показываетъ здѣсь, что другіе (язычники) были лучше іудеевъ, и самое главное—лучше потому, что не получили закона и не имѣютъ того, въ чемъ іудеи, по ихъ мнѣнію, имѣли надъ ними преимущество. Язычники, говоритъ (апостолъ), потому и удивительны, что не имѣли нужды въ законѣ, но обнаруживали все, свойственное закону, начертавши въ умахъ своихъ не письмена, а дѣла. Вотъ что именно онъ говоритъ. *Иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ, въ день, егда судитъ Богъ тайная человѣкомъ, по благовѣстію моему, Іисусомъ Христомъ* (ст. 15, 16). Видишь ли, какъ (апостолъ) опять указалъ на тотъ день и представилъ его близость, потрясая ихъ мысль и показывая, что большей чести достойны тѣ, которые, живя внѣ закона, старались исполнить законное? Умѣстно теперь сказать о томъ, что особенно достойно удивленія въ разсужденіи апостола. До-
429 казавъ уже предварительно, что эллинъ выше іудея, онъ не приводитъ этого въ заключеніи своихъ сужденій, чтобы не ожесточить іудея. А чтобы представить яснѣе сказанное мною, приведу собственныя слова апостола. Такъ какъ онъ сказалъ: *не слышателіе закона, но творцы закона оправдятся,* то ему слѣдовало бы и сказать: *егда бо языцы не имуще закона естествомъ законная творятъ,* то они гораздо лучше научаемыхъ отъ закона. Но (апо-

столъ) не говоритъ этого, а останавливается на похвалѣ язычникамъ и пока не продолжаетъ далѣе сравненія, чтобы іудей принялъ хотя бы и то, что уже сказано. Потому Павелъ не сказалъ такъ, но какъ же? *Егда бо языцы не имуще закона, естествомъ законная творятъ, сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ. Иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти,* потому что взамѣнъ закона достачно совѣсти и разума. Этимъ (апостолъ) опять доказалъ, что Богъ сотворилъ человѣка съ достаточными силами избирать добродѣтель и избѣгать зла. И не удивляйся тому, что одно и то же онъ раскрываетъ разъ, два и болѣе. Для него весьма было необходимо доказать эту важную истину, такъ какъ находились люди, которые говорили: „почему Христосъ пришелъ нынѣ, и гдѣ въ прежнее время проявлялись дѣйствія Божія промысла?“ Апостолъ, мимоходомъ отражая ихъ, доказываетъ, что и въ древнія времена, даже до закона, родъ человѣческій находился подъ тѣмъ же промысломъ. *Разумное Божіе явѣ есть въ нихъ* (Рим. I, 19) и люди знали, что добро и что худо, поэтому судили и другихъ, за что (апостолъ) укорялъ ихъ, говоря: *имже судомъ судиши друга, себе осуждаеши* (Рим. II, 1). Іудеямъ же даны были не только разумъ и совѣсть, но еще и законъ. Для чего же (апостолъ) присовокупилъ: *осуждающимъ или отвѣщающимъ?* Вѣдь если имѣютъ писанный законъ и проявляютъ свои дѣла, то что, наконецъ, можетъ осудить разумъ? Но слово—*осуждающимъ* (апостолъ) относитъ не только къ язычникамъ, а и ко всему роду человѣческому. Въ день суда предстанутъ собственныя наши мысли, то осуждающія, то оправдывающія, и человѣку на томъ судилищѣ не нужно будетъ другого обвинителя. Далѣе (апостолъ), усиливая страхъ, не сказалъ: человѣческіе грѣхи, но: *тайная человѣкомъ.* Такъ какъ онъ выше сказалъ: *помышляеши ли судяй таковая творящимъ и творя самъ таяжде, яко ты избѣжиши ли суда Божія* (II, 31)?—то, чтобы ты не допустилъ, что приговоръ Божій таковъ же, какой и ты самъ произносишь, но понялъ, что опредѣленіе Божіе гораздо строже твоего, (апостолъ) и замѣтилъ: *тайная человѣкомъ*, а потомъ присовокупилъ: *по благовѣстію моему, Іисусомъ Христомъ.* Вѣдь люди бываютъ судьями однихъ только явныхъ дѣлъ. Хотя выше (апостолъ) говорилъ объ одномъ Отцѣ, но, когда уже поразилъ слушателей страхомъ, началъ рѣчь и о Христѣ, однакоже не просто, но и здѣсь сперва упомянулъ объ Отцѣ, а потомъ наименовалъ Христа. Этимъ онъ возвышаетъ достоинство своей проповѣди, и говоритъ, что проповѣдь эта возвѣщаетъ то же самое, что раньше открыла природа.

6. Видишь ли, какъ (апостолъ), мудро ведя своихъ слушате-

лей, приблизилъ ихъ къ евангелію и Христу и какъ доказалъ,
430 что наши дѣла не останавливаются здѣсь, но простираются далѣе? Что онъ раскрылъ выше, сказавши: *собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва*, тоже подтверждаетъ теперь и здѣсь: *судитъ Богъ тайная человѣкомъ*. Итакъ, каждый, обратясь къ своей совѣсти и размышляя о грѣхахъ своихъ, пусть потребуетъ строгаго отчета отъ себя самого, чтобы тогда не быть намъ осужденнымъ вмѣстѣ съ міромъ. Судъ тотъ страшенъ, престолъ Судіи грозенъ, требованія отчета исполнены ужаса, рѣка огненная пространна. *Братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ* (XLVIII, 8)? Вспомни то, о чемъ говорится въ евангеліи, вспомни ангеловъ, повсюду летающихъ, чертогъ заключенный, свѣтильники неугасимые, воинства небесныя, влекущія къ пещи. Помысли и о томъ, что если бы теперь предъ одною только церковью былъ обнаруженъ тайный проступокъ кого-либо изъ насъ, то онъ пожелалъ бы лучше погибнуть и дать себя поглотить землѣ, чѣмъ имѣть столькихъ свидѣтелей своего преступленія. Что же мы будемъ испытывать тогда, когда предъ цѣлою вселенною будетъ все выставлено на этомъ блистательномъ и открытомъ позорищѣ и когда знакомые и незнакомые будутъ созерцать всѣ наши дѣла? Но, увы мнѣ, чѣмъ я вынуждаюсь устрашать васъ? Не людскимъ ли мнѣніемъ, тогда какъ слѣдовало бы сдѣлать это силою страха Божія и собственнаго сознанія? Скажи мнѣ, что съ нами будетъ тогда, когда насъ связанныхъ, со скрежещущими зубами, поведутъ во тьму кромѣшную? А лучше сказать, что мы будемъ дѣлать, когда (что всего страшнѣе) предстанемъ предъ Богомъ? Если кто имѣетъ чувство и разумъ, тотъ уже подвергся гееннѣ, какъ только оказался внѣ лицезрѣнія Божія. Но такъ какъ и это насъ не огорчаетъ, то Богъ и угрожаетъ огнемъ. Но вѣдь слѣдовало бы не тогда скорбѣть, когда насъ наказываютъ, а тогда, когда грѣшимъ. Послушай, какъ Павелъ плачетъ и сокрушается изъ-за грѣховъ, за которые онъ не имѣлъ подвергнуться наказанію: *нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ*, говоритъ онъ, *зане гонихъ церковь Божію* (1 Кор. XV, 9). Послушай, какъ и Давидъ, хотя и былъ освобожденъ отъ наказанія, но поелику признавалъ себя оскорбившимъ Бога, призываетъ на себя мщеніе и говоритъ: *да будетъ рука Твоя на мнѣ, и на дому отца моего* (2 Цар. XXIV, 17). Оскорбить же Бога—тяжелѣе, чѣмъ быть наказаннымъ. А мы находимся въ столь жалкомъ расположеніи духа, что если бы не было страха геенны, то, можетъ быть, и не пожелали бы сдѣлать что-нибудь доброе. Потому мы и достойны геенны, если не за что-либо иное, то именно за то, что страшимся геенны больше, нежели Христа. Не таковъ былъ блаженный Павелъ, но совершенно противопо-

ложнаго настроенія. Но такъ какъ мы — иные въ сравненіи съ нимъ, потому и осуждаемся въ геенну. Если-бы мы любили Христа, какъ и должно любить, то знали бы, что оскорбить любимаго тяжелѣе геенны. Но мы не любимъ, потому и не понимаемъ громадности этого наказанія. И это именно есть то, о чемъ я преимущественно сокрушаюсь и плачу. И чего не дѣлалъ Богъ, чтобы быть любимымъ нами? Чего Онъ не предпринималъ и что оставилъ безъ примѣненія? Мы оскорбили Бога, Который ничѣмъ насъ не обидѣлъ, а напротивъ облагодѣтельствовалъ безчисленными и неизреченными благами; мы отвратились отъ Него, когда Онъ призывалъ насъ и всѣми мѣрами привлекалъ къ Себѣ,—и однако Онъ не наказалъ насъ, но самъ поспѣшилъ къ намъ, остановилъ бѣгущихъ, а мы устремились отъ Него и предались діаволу. Но Богъ и въ этомъ случаѣ не оставилъ насъ, а посылалъ къ намъ опять тысячи призывающихъ—пророковъ, ангеловъ, патріарховъ; мы же не только не приняли посольства, а еще оскорбили пришедшихъ. И послѣ всего того Богъ не возгнушался нами, но, какъ ревностные изъ презираемыхъ почитателей, всюду ходилъ и говорилъ—небу, землѣ, Іереміи, Михею, не съ тѣмъ, чтобы насъ обвинить, но чтобы оправдать собственныя дѣянія.
Вмѣстѣ съ пророками Онъ и самъ приходилъ къ удалившимся 431
отъ Него, готовъ былъ дать имъ отчетъ, просилъ, чтобы мы вступили съ Нимъ въ разговоръ, и такъ какъ мы были ко всему глухи, Онъ привлекалъ къ бесѣдѣ съ Собою. *Людіе мои*, говорилъ Онъ, *что сотворихъ вамъ, или чимъ стужихъ вамъ? Отвѣщайте Ми* (Мих. VI, 3). Послѣ всего этого мы умертвили пророковъ, побили ихъ камнями и совершили тысячи другихъ злодѣяній. Что же было взамѣнъ этого? Богъ послалъ — не пророковъ, не ангеловъ, не патріарховъ, но самого Сына. Умерщвленъ былъ и Сынъ, пришедшій на землю; но это не потушило любви, а еще сильнѣе воспламенило ее, и Господь, и послѣ убіенія Сына Его, не престаетъ просить, молить и дѣлать все, чтобы привлечь насъ къ Себѣ. И Павелъ восклицаетъ: *по Христѣ убо посольствуемъ, яко Богу молящу нами: примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. V, 20).

7. Но ничто изъ этого не измѣнило насъ, а Господь не оставилъ насъ въ такомъ положеніи, но продолжаетъ то угрожать геенною, то обѣщать царство, чтобы хотя этимъ привлечь насъ; мы же еще пребываемъ въ своей безчувственности. Что можетъ быть хуже такого звѣрства? Если бы это совершилъ человѣкъ, то не сдѣлались бы мы его рабами навсегда? А отъ благодѣтельствующаго намъ Бога мы отвращаемся. О, безпечность, о, неблагодарность! Мы, которые всегда живемъ во грѣхахъ и порокахъ, если когда-нибудь сдѣлаемъ какое-либо и малое добро, то, по

примѣру безразсудныхъ рабовъ, съ большою мелочностью высчитываемъ и со строгой точностью опредѣляемъ вознагражденіе, если только дѣло заслуживаетъ какой-нибудь платы. Но ты получишь большую награду, если станешь работать не въ надеждѣ на награду. Вѣдь говорить объ этомъ и точно высчитывать—это занятія, свойственныя больше наемнику, нежели благоразумному слугѣ. Должно все дѣлать для Христа, а не для награды. Потому Онъ и угрожалъ геенною, и обѣщалъ царство, чтобы мы возлюбили Его. Итакъ, возлюбимъ Христа, сколько и должно любить: въ этомъ великая награда, въ этомъ царство и радость, наслажденіе и слава и честь, въ этомъ свѣтъ, неисчислимое блаженство, котораго не можетъ ни слово выразить, ни умъ постигнуть. Впрочемъ, я и не знаю, какъ я перешелъ на такія рѣчи, совѣтуя людямъ, которые не презираютъ ради Христа настоящаго господства и славы, пренебречь царствомъ, хотя великіе и знаменитые тѣ мужи достигли и этой мѣры любви. Послушай, какъ Петръ пламенѣетъ любовію ко Христу, предпочитая Его и душѣ, и жизни, и всему; даже когда отрекся отъ Него, то не изъ страха наказанія плакалъ, но потому, что отвергся Возлюбленнаго, что было для него мучительнѣе всякаго наказанія. И все это онъ обнаружилъ прежде полученія благодати Духа и часто обращался
432 ко Христу, говоря: *камо идеши* (Іоан. XIII, 36)? И прежде этого: *къ кому идемъ* (Іоан. VI, 68)? И опять: *иду по Тебѣ, аможе аще идеши* (Мѳ. VIII, 19). Христосъ составлялъ для апостоловъ все и они ни неба, ни царства небеснаго не предпочитали Возлюбленному. „Ты для меня все это", говоритъ Петръ. И почему ты удивляешься, если Петръ былъ такъ приверженъ ко Христу? Послушай, что говоритъ пророкъ: *что бо ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли* (Псал. LXXII, 25)? Слова эти значатъ слѣдующее: изъ всего горняго и дольняго ничего иного не желаю, какъ только Тебя одного. Вотъ это—любовь, вотъ это—привязанность. Если и мы такъ станемъ любить, то не только настоящее, но и будущее почтемъ за ничто въ сравненіи съ этою любовью нашей и, наслаждаясь любовью къ Нему, пріобрѣтемъ чрезъ это царство. Но какъ это будетъ возможно? спросишь ты. Если мы представимъ себѣ, сколько разъ мы оскорбляли Бога послѣ безчисленныхъ благъ, отъ Него полученныхъ, и Онъ не преставалъ призывать насъ,—сколько разъ мы удалялись отъ Него, и Онъ не презиралъ насъ, но самъ приходитъ къ намъ, призываетъ насъ и привлекаетъ къ Себѣ,—если мы размыслимъ о всемъ этомъ и подобномъ, то получимъ возможность возжечь въ себѣ такую любовь. Если бы тотъ, кто такъ любилъ, былъ незначительный человѣкъ, а тотъ, кого такъ сильно любятъ, былъ царь, то неужели

бы онъ не тронулся величіемъ любви? Даже весьма былъ бы тронутъ. Но когда бываетъ наоборотъ и съ одной стороны—неизреченная красота, слава и богатство любящаго насъ, а съ другой—совершенное наше ничтожество, то какъ же не достойны безчисленнаго наказанія мы, ничтожные и презрѣнные, любимые чрезмѣрною любовію Существа великаго и чуднаго, но высокомѣрно отвергающіе Его любовь? Вѣдь Богъ не имѣетъ въ насъ никакой нужды и однако не перестаетъ любить насъ, а мы крайне нуждаемся въ Немъ, однако любви Его не принимаемъ, предпочитая Ему деньги, человѣческую дружбу, тѣлесный покой, власть и славу, тогда какъ Онъ ничего намъ не предпочитаетъ. Онъ одного имѣлъ Сына единороднаго и возлюбленнаго и Его не пощадилъ ради насъ; а мы многое предпочитаемъ Ему. Итакъ, развѣ не по справедливости намъ угрожаютъ геенна и наказаніе, хотя бы они были вдвое, втрое, даже въ тысячу разъ ужаснѣе? Что мы можемъ сказать въ отвѣтъ, когда повелѣнія сатаны предпочитаемъ законамъ Христа и нерадимъ о своемъ спасеніи, предпочитая дѣла лукавства Тому, Кто все за насъ претерпѣлъ? И какого извиненія заслуживаетъ все это? Какого оправданія? Никакого. Станемъ же наконецъ твердо, не увлекаясь по стремнинамъ, образумимся и, размысливъ обо всемъ этомъ, воздадимъ Богу славу посредствомъ дѣлъ, потому что однихъ словъ не достаточно,—чтобы и намъ насладиться славою отъ Него, достигнуть коей да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

Се ты іудей именуешися, и почиваеши на законѣ, и 431—432
хвалишися о Бозѣ, и разумѣеши волю, и разсуждаеши
лучшая, научаемь отъ закона (II, 17, 18).

1. Сказавши, что для спасенія язычника, если онъ бываетъ исполнителемъ закона, ничего болѣе не нужно, и окончивъ удивительное свое сравненіе, апостолъ указываетъ, наконецъ, преимущества іудеевъ, которыми они гордились предъ язычниками. Прежде всего, самое имя іудея, какъ нынѣ имя христіанина, было очень почтенно, такъ какъ и тогда различіе людей зависѣло отъ имени, почему апостолъ и начинаетъ рѣчь съ этого. И замѣть, какъ онъ уничтожаетъ это (преимущество); онъ не сказалъ: ты іудей, но говоритъ: *именуешися и хвалишися о Бозѣ*, то есть, ты

возлюбленъ Богомъ и предпочтенъ прочимъ людямъ. А мнѣ думается, что онъ здѣсь слегка осмѣиваетъ высокомѣріе и безумное честолюбіе іудеевъ, потому что они этимъ даромъ Божіимъ
433 воспользовались не для собственнаго своего спасенія, но для того, чтобы заводить распри и презирать остальныхъ людей. *И разумѣеши волю, и разсуждаеши лучшая.* Конечно, и то былъ недостатокъ, если не подтверждалось дѣлами, но однако іудеямъ казалось, что въ этомъ состоитъ преимущество, почему апостолъ съ ясностью на это и указываетъ. Но онъ не сказалъ—исполняешь, а: *разумѣеши и разсуждаеши*, самъ же не слѣдуешь и не исполняешь этого. *Уповая же себе вожда быти слѣпымъ* (ст. 19). Опять и здѣсь не сказалъ: ты путеводитель слѣпыхъ, но говоритъ: *уповая*, ты этимъ хвалишься, потому что высокомѣріе іудеевъ дѣйствительно было велико. Потому апостолъ выражается почти тѣми же словами, какія употребляли, величаясь, и іудеи. Смотри, напримѣръ, что говорятъ они о себѣ въ евангеліи: *во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли ны учиши* (Іоан. IX, 34)? Они много гордились предъ всѣми. Павелъ настойчиво и изобличалъ это, однихъ восхваляя, а другихъ унижая, чтобы такимъ образомъ сильнѣе укорить ихъ и увеличить обвиненіе. Потому онъ и продолжаетъ, усиливая ту же мысль и подкрѣпляя ее различными выраженіями: *уповая же себе вожда быти слѣпымъ, свѣта сущимъ во тмѣ, наказателя безумнымъ, учителя младенцемъ, имуща образъ разума и истины въ законѣ* (ст. 19, 20). Опять не сказалъ: въ совѣсти, въ дѣлахъ и въ оправданіяхъ, но: *въ законѣ.* Какъ поступилъ апостолъ, обличая язычниковъ, такъ поступаетъ и здѣсь. Какъ тамъ сказалъ: *имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши*, такъ и здѣсь говоритъ: *научая убо иного, себе ли не учиши* (ст. 21)? Впрочемъ, тамъ онъ употребляетъ выраженіе болѣе рѣзкое, а здѣсь болѣе легкое. Не сказалъ: ты достоинъ большого наказанія за то, что, тогда какъ тебѣ такъ много было вручено, ты ничѣмъ не воспользовался, какъ должно; но, излагая свою мысль въ видѣ вопроса, обращается и говоритъ: *научая убо иного, себе ли не учиши?* Обрати вниманіе на мудрость Павла и въ другомъ отношеніи. Онъ перечисляетъ такія преимущества іудеевъ, которыя зависѣли не отъ ихъ усердія, но составляютъ даръ свыше, и доказываетъ, что эти преимущества, по нерадѣнію іудеевъ, не только для нихъ излишни, но и приносятъ увеличеніе наказанія. Называться іудеемъ, получить законъ и все прочее, что перечислилъ теперь апостолъ, не составляетъ ихъ заслуги, но есть даръ благодати свыше. И хотя въ началѣ онъ говорилъ, что одно слышаніе закона, если не присоединится исполненіе, не приноситъ никакой пользы, *ибо не слышателіе закона*, говоритъ, *праведни*

предъ Богомъ, но теперь онъ доказываетъ нѣчто гораздо большее, а именно, что не только слышаніе, но и то, что важнѣе—самое обученіе закону не поможетъ учащему, если онъ не исполняетъ того, чему учитъ, и не только не поможетъ, но еще навлечетъ большее наказаніе. И какъ искусно употребляетъ апостолъ выраженія. Вѣдь онъ не сказалъ: ты получилъ законъ, но: *почиваеши на законѣ*. Іудей не трудился, ходя повсюду и спрашивая, что ему должно дѣлать, но онъ съ удобствомъ владѣлъ закономъ, указывающимъ путь, который велъ къ добродѣтели. Если язычники и имѣли природный разумъ, въ которомъ и заключалось ихъ преимущество, такъ какъ они все исполняли безъ слушанія закона, то тамъ (у іудевъ) было больше удобства. А если ты говоришь: „я не только слушаю, но и учу", то это служитъ лишь къ увеличенію наказанія. И такъ какъ іудеи этимъ много превозносились, то апостолъ и доказываетъ, что они преимущественно вслѣдствіе этого и достойны осмѣянія. Когда же говоритъ: *вожда слѣпымъ, наказателя безумнымъ, учителя младенцемъ*, 434
то изображаетъ надменность іудеевъ, потому что они весьма худо обходились съ обращенными изъ язычества и называли ихъ подобными наименованіями.

2. Потому апостолъ пространно и указываетъ то, что іудеи сами ставили себѣ въ похвалу, зная, что все сказанное служитъ къ большему ихъ обвиненію. *Имуща образъ разума и истины въ законѣ*. Это подобно тому, какъ кто-нибудь, имѣя у себя царское изображеніе, не можетъ по нему ничего написать, а тѣ, у которыхъ нѣтъ его, и безъ образца вѣрно ему подражаютъ. Итакъ, сказавъ о преимуществахъ, которыя іудеи получили отъ Бога, (апостолъ) говоритъ объ ихъ недостаткахъ, въ которыхъ обвиняли ихъ и пророки, и изображаетъ ихъ такъ: *научая убо инаго, себе ли не учиши? Проповѣдая не красти, крадеши: глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши: гнушаяся идолъ, святая крадеши* (ст. 21, 22). Хотя вамъ (іудеямъ) и было строго запрещено касаться имуществъ, принадлежащихъ идольскимъ капищамъ, какъ скверны, но страсть сребролюбія заставляла васъ, говоритъ (апостолъ), нарушать и этотъ законъ. Послѣ того (апостолъ) излагаетъ наиболѣе тяжкую вину іудеевъ, говоря: *иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши* (ст. 23). Онъ представилъ двѣ вины, а правильнѣе—три. Іудеи безчестятъ, безчестятъ тѣмъ, что назначено къ ихъ чести, безчестятъ Того, Кто даровалъ имъ честь, а это и есть верхъ крайней неблагодарности. Но чтобы не подумали, что (апостолъ) обвиняетъ іудеевъ самъ отъ себя, онъ выставилъ ихъ обвинителемъ пророка, теперь Исаію, который въ немногихъ словахъ и вообще изобличаетъ ихъ въ главномъ по-

рокѣ, а послѣ и Давида, который и раскрылъ ихъ вины подробно и съ большей доказательностью. Не я укоряю васъ въ этомъ, говоритъ (Павелъ), а послушайте, что сказалъ Исаія: *имя бо Божіе вами хулится во языцѣхъ* (Рим. II, 24; срав. Ис. LII, 5). Вотъ и еще два обвиненія. Они, говоритъ, не только сами оскорбляютъ Бога, но и другихъ приводятъ къ тому. Итакъ, какая польза отъ обученія, какъ скоро вы не учите самихъ себя? Но объ этомъ (апостолъ) сказалъ уже выше, а здѣсь онъ обратился къ противоположному. Вы не только сами себя, но и другихъ не учите тому, что должно дѣлать; и, что всего хуже, вы не только не учите жить по закону, но учите противоположному, учите хулить Бога, что противно закону.

Но важно обрѣзаніе, говоритъ (іудей). Согласенъ и я, но важно тогда, когда сопровождается внутреннимъ обрѣзаніемъ. И обрати вниманіе на благоразуміе (апостола), какъ благовременно онъ завелъ рѣчь объ обрѣзаніи. Онъ не сталъ говорить о немъ сначала, потому что оно было въ великомъ уваженіи. Но когда доказалъ, что іудеи оскорбили Бога въ важнѣйшемъ и виновны въ богохульствѣ, когда слушатель готовъ былъ самъ обвинить ихъ и лишить первенства, тогда начинаетъ рѣчь объ обрѣзаніи, надѣясь, что уже никто его не осудитъ, и говоритъ: *обрѣзаніе бо пользуетъ, аще законъ твориши* (ст. 25). Конечно, обрѣзаніе можно было отвергнуть и другимъ способомъ, напримѣръ, спросивъ: что такое обрѣзаніе? Не есть ли это заслуга обрѣзывающагося? Не составляетъ ли оно доказательства его доброй воли? Но вѣдь оно совершается въ незрѣломъ возрастѣ, затѣмъ многіе, жившіе въ пустынѣ, оставались необрѣзанными, а также и изъ многихъ другихъ примѣровъ можно видѣть, что обрѣзаніе не весьма было необходимо. Но однако (апостолъ) не этими доводами отвергаетъ обрѣзаніе, а примѣромъ Авраама, чѣмъ преимущественно и слѣдовало. Вѣдь въ этомъ и было торжество побѣды, чтобы мало-
435 значительность обрѣзанія доказать тѣмъ самымъ, за что оно было уважаемо іудеями. Хотя (Павелъ) могъ сказать, что и пророки называютъ іудеевъ необрѣзанными, но это было недостаткомъ не самаго обрѣзанія, но злоупотреблявшихъ имъ. А требовалось доказать, что обрѣзаніе не имѣетъ никакой силы и при добродѣтельной жизни. Это наконецъ и раскрываетъ (апостолъ). И здѣсь онъ не приводитъ еще въ примѣръ патріарха, но, сперва опровергнувъ обрѣзаніе другими доводами, оставляетъ его (патріарха) для послѣдующаго, когда онъ ведетъ рѣчь о вѣрѣ, говоря: *како убо вмѣнися* вѣра Аврааму? *Во обрѣзаніи ли сущу, или въ необрѣзаніи* (Рим. IV, 10)? (Апостолъ) пока противополагаетъ обрѣзаніе языческому необрѣзанію и не желаетъ сказать ничего другого, чтобы

не слишкомъ было обидно (іудею); а когда разсматриваетъ обрѣзаніе въ отношеніи къ вѣрѣ, тогда и сильнѣе нападаетъ на него. Конечно, пока предлагается противоположеніе обрѣзанія необрѣзанію, (апостолъ) выражается легко и говоритъ: *обрѣзаніе бо пользуетъ, аще законъ твориши, аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть.* Здѣсь (апостолъ) говоритъ о двухъ обрѣзаніяхъ и двухъ необрѣзаніяхъ, равно какъ допускаетъ и два закона. Есть законъ естественный и есть законъ писаный; но есть и средній между обоими—законъ отъ дѣлъ. Смотри же, какъ (апостолъ) показываетъ и раскрываетъ всѣ эти три закона. Онъ говоритъ: *егда бо языцы не имуще закона*—какого закона, скажи мнѣ? — закона писаннаго—*естествомъ законное творятъ*—по какому закону?—по закону, обнаруживающемуся въ дѣлахъ—*сіи закона не имуще*—какого?—писаннаго—*сами себѣ суть законъ* —какъ это?—пользуясь закономъ естественнымъ — *иже являютъ дѣло законное* — какого закона? — закона дѣлъ. Одинъ законъ, именно тотъ, который въ письменахъ, есть внѣшній, другой, который данъ природой, есть внутренній, а третій открывается въ дѣлахъ. Первый сообщаютъ письмена, второй—природа, а третій—дѣла. Этотъ именно третій законъ и нуженъ, для него даны и первые два—естественный и письменный; если его не существуетъ, то нѣтъ никакой пользы и въ тѣхъ, даже отъ нихъ бываетъ и величайшій вредъ. Это именно доказываетъ (апостолъ), когда говоритъ о законѣ естественномъ: *имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши,* и о законѣ писанномъ: *проповѣдая не красти, крадеши.* Равнымъ образомъ, и необрѣзаній два, одно естественное, а другое нравственное. И обрѣзаніе одно совершается надъ плотію, а другое зависитъ отъ воли. Напримѣръ, я говорю, что нѣкто обрѣзанъ въ восьмой день; это — обрѣзаніе плотское; а когда говорю, что кто-нибудь исполнилъ все узаконенное, то это есть обрѣзаніе сердца, котораго преимущественно и требуетъ Павелъ, или вѣрнѣе сказать, самый законъ.

3. Итакъ, ты видишь, какъ (апостолъ), допустивъ обрѣзаніе на словахъ, уничтожаетъ на дѣлѣ. Онъ не сказалъ, что обрѣзаніе излишне, безполезно, непригодно, но что же именно говоритъ? *Обрѣзаніе бо пользуетъ, аще законъ твориши.* Онъ пока принялъ обрѣзаніе, говоря: согласенъ, не спорю, что обрѣзаніе есть дѣло хорошее, но когда? Когда ты соблюдаешь и законъ. *Аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое не обрѣзаніе бысть.* И здѣсь не сказалъ: оно уже не приноситъ пользы,—чтобы не подумали, что онъ уничтожаетъ обрѣзаніе; но, сперва освободивъ іудея отъ обрѣзанія, потомъ уже поражаетъ его, такъ что теперь укоризна падаетъ не на обрѣзаніе, а на того, кто утратилъ его по нерадѣнію.

Какъ тѣхъ, которые находятся въ чинахъ, а потомъ уличены въ важнѣйшихъ преступленіяхъ, судьи сперва лишаютъ отличія чиновъ, а потомъ уже наказываютъ, такъ и Павелъ поступилъ (съ іудеемъ). Сказавъ: *аще же закона преступникъ еси,* прибавилъ: *обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть,* и доказавъ, что онъ необрѣзанный, безбоязненно, наконецъ, изрекаетъ надъ нимъ приговоръ.
436 *Аще убо необрѣзаніе оправданіе закона сохранитъ, не необрѣзаніе ли его во обрѣзаніе вмѣнится* (ст. 20)? Смотри, что дѣлаетъ (апостолъ): онъ не говоритъ, что необрѣзаніе превосходитъ обрѣзаніе, — это было бы очень прискорбно для тогдашнихъ его слушателей, — но говоритъ, что необрѣзаніе сдѣлалось обрѣзаніемъ. Потомъ разсматриваетъ, что такое обрѣзаніе и что такое необрѣзаніе, и говоритъ, что обрѣзаніе есть дѣло доброе, а необрѣзаніе — дѣло худое. Затѣмъ необрѣзаннаго, имѣющаго добрыя дѣла, включивъ въ понятіе обрѣзанія, а обрѣзаннаго, пребывающаго въ порочной жизни, исключивъ изъ обрѣзанія, онъ такимъ образомъ отдаетъ преимущество необрѣзанному. И не говоритъ уже о человѣкѣ необрѣзанномъ, но переходитъ къ самому дѣйствію—необрѣзанію, говоря такъ: *не необрѣзаніе ли его во обрѣзаніе вмѣнится?* Опять и здѣсь не сказалъ: признается, но: *вмѣнится во обрѣзаніе,* что гораздо выразительнѣе; равно и выше не сказалъ: *обрѣзаніе твое* считается въ необрѣзаніе, но: *бысть необрѣзаніе. И осудитъ еще отъ естества необрѣзаніе* (ст. 27). Видишь ли, что апостолъ имѣлъ въ виду два необрѣзанія, одно естественное, а другое добровольное? Здѣсь, конечно, онъ говоритъ о естественномъ, но не останавливается на этомъ, а продолжаетъ: *законъ совершающее тебе, иже писаніемъ и обрѣзаніемъ еси преступникъ закона* (ст. 27). Замѣть весьма тонкое разумѣніе апостола. Онъ не сказалъ, что необрѣзаніемъ естественнымъ осуждается обрѣзаніе, но тамъ, гдѣ было преимущество обрѣзанія, онъ говоритъ и о необрѣзаніи, а гдѣ была недостаточность его, онъ показываетъ, что не самое обрѣзаніе побѣждается, а іудей, имѣющій обрѣзаніе, избѣгая оскорбить слушателя словомъ. Не сказалъ также: осудитъ тебя, имѣющаго законъ и обрѣзаніе, но выражается еще снисходительнѣе: *тебе, иже писаніемъ и обрѣзаніемъ еси преступникъ закона,* то есть, естественное необрѣзаніе защищаетъ обрѣзаніе, потому что оно поругано, и помогаетъ закону, потому что онъ нарушенъ. Вотъ какой замѣчательный онъ ставитъ трофей,—такъ какъ побѣда тогда должна быть болѣе блестящей, когда іудей осуждается не іудеемъ, а необрѣзаннымъ, какъ нѣкогда и сказалъ Христосъ: *мужіе Неневитстіи возстанутъ, и осудятъ* (Мѳ. XII, 41) родъ сей. Итакъ, (апостолъ) унижаетъ не законъ (напротивъ, онъ весьма уважаетъ его),

но нарушителя закона. Потомъ, когда (апостолъ) яснымъ образомъ раскрылъ это, онъ смѣло, наконецъ, опредѣляетъ, что такое іудей, и показываетъ, что онъ не отвергаетъ ни іудея, ни обрѣзанія, а отвергаетъ того, кто не іудей, и не обрѣзанный. И кажется, что онъ съ одной стороны защищаетъ обрѣзаніе, а съ другой опровергаетъ пониманіе его, основывая свой приговоръ на опытѣ. Онъ доказываетъ, что не только нѣтъ ничего общаго между іудеемъ и необрѣзаннымъ, но даже необрѣзанный, если онъ внимателенъ къ себѣ самому, выше іудея, и онъ именно и есть истинный іудей. Потому говоритъ: *не бо иже явѣ іудей есть, ни еже явѣ, во плоти, обрѣзаніе* (ст. 28). Здѣсь онъ поражаетъ іудеевъ, какъ дѣлающихъ все на показъ. *Но иже въ тайнѣ іудей, и обрѣзаніе сердца духомъ, не писаніемъ* (ст. 29).

4. Сказавъ это, (апостолъ) отвергъ все плотское. И обрѣзаніе наружное, и субботы, и жертвы, и очищенія—все это онъ разумѣлъ подъ однимъ выраженіемъ, сказавъ: *не бо иже явѣ іудей есть.* Но такъ какъ у нихъ (іудеевъ) преимущественная рѣчь была объ обрѣзаніи, которому уступала и суббота, то (апостолъ), естественно, о немъ больше и распространяется. Сказавъ же: *обрѣзаніе сердца духомъ*, (апостолъ) этимъ пролагаетъ путь жизни церковной и вводитъ вѣру, такъ какъ вѣрованіе сердцемъ и духомъ имѣетъ похвалу отъ Бога. И для чего (апостолъ) не сказалъ, что добродѣтельный эллинъ не меньше добродѣтельнаго іудея, но говоритъ, 437
что добродѣтельный эллинъ лучше преступающаго законъ іудея? Для того, чтобы сдѣлать побѣду несомнѣнною. Какъ скоро признано (сказанное апостоломъ), то обрѣзаніе плоти по необходимости отвергается и становится ясно, что повсюду нужна жизнь. Когда эллинъ спасается безъ этого (безъ обрядовъ), а іудей и при обрядахъ наказывается, то іудейство становится упраздненнымъ. А подъ эллиномъ (апостолъ) разумѣетъ не идолопоклонника, но человѣка благочестиваго и добродѣтельнаго, освобожденнаго отъ законныхъ обрядовъ. *Что убо лишшее іудею* (III, 1)? Такъ какъ (апостолъ) все отринулъ—слышаніе, ученіе, имя іудея, обрѣзаніе и все остальное, сказавъ, что не тотъ іудей, кто таковъ по наружности, но тотъ іудей, кто внутренно таковъ (II, 28), то предвидитъ естественно возникающее возраженіе и опровергаетъ его. Какое же это возраженіе? Если, скажутъ, въ этомъ нѣтъ никакой пользы, то для чего и былъ призванъ народъ и было дано обрѣзаніе? Что же дѣлаетъ (апостолъ) и какъ онъ разрѣшаетъ возраженіе? Такъ же, какъ онъ рѣшилъ и предыдущія. Какъ выше онъ ничего не ставилъ въ похвалу іудеямъ, но во всемъ видѣлъ Божіи благодѣянія, а не ихъ заслуги, потому что именоваться іудеемъ, разумѣть волю, разсуждать о лучшемъ—все это дано

имъ не по заслугамъ, а по Божіей благодати,—въ чемъ укорялъ іудеевъ и пророкъ, говоря: *не сотвори тако всякому языку, и судьбы своя не яви имъ* (Псал. CXLVII, 9), а также и Моисей, говоря: спросите, было ли по слову сему, развѣ *слыша* народъ *гласъ* Бога *жива изъ среды огня*, и остался живъ (Втор. V, 26),—такъ же поступаетъ (апостолъ) и здѣсь. Какъ тогда, когда шла рѣчь объ обрѣзаніи, онъ не сказалъ, что обрѣзаніе не приноситъ никакой пользы безъ жизни, но, раскрывая тоже самое и лишь выражаясь менѣе рѣзко, говоритъ, что обрѣзаніе приноситъ пользу вмѣстѣ съ дѣлами, и опять: *аще же преступникъ Закона еси*, не прибавилъ: обрѣзаніе не приноситъ тебѣ никакой пользы, но выражается такъ: *обрѣзаніе твое не обрѣзаніе бысть*, и далѣе опять говоритъ, что необрѣзаніемъ осуждается не самое обрѣзаніе, но преступникъ закона,—щадя, съ одной стороны, законъ, а съ другой—нападая на людей,—такъ онъ поступаетъ и здѣсь. Возразивъ самому себѣ, и сказавши: *что убо лишшее іудею?*—онъ далъ на это отвѣтъ не отрицательный, а утвердительный, сказаннымъ же впослѣдствіи онъ опровергъ это и доказалъ, что іудеи за такое преимущество подвергаются наказанію. Какимъ же образомъ? Объясню это, представивъ самое возраженіе. *Что убо лишшее іудею, или кая польза обрѣзанія? Много, по всякому образу. Первѣе, яко вѣврена быша словеса Божія* (III, 1, 2). Замѣчаешь ли, что, какъ сказалъ я выше, (апостолъ) исчисляетъ не заслуги (іудеевъ), но благодѣянія Божіи? Что же значатъ слова: *вѣврена быша?* То, что имъ былъ врученъ законъ, такъ какъ Богъ считалъ ихъ настолько достойными, что ввѣрилъ имъ предсказанія, возвѣщенныя свыше. И я знаю, что нѣкоторые относятъ выраженіе—*вѣврена быша* не къ іудеямъ, а къ слову (Божію), то есть—законъ сдѣланъ предметомъ вѣры; но послѣдующее не позволяетъ такъ думать. Во-первыхъ, (апостолъ) говоритъ это, обвиняя іудеевъ и показывая, что они хотя получили многія благодѣянія свыше, но явили великую неблагодарность. Потомъ это видно и изъ послѣдующаго. (Апостолъ) прибавилъ: *что бо, аще не вѣроваша нѣцыи* (ст. 3)? А если не увѣровали, то какъ же нѣкоторые говорятъ, что слово (Божіе) сдѣлалось предметомъ вѣры? Итакъ, что же говоритъ (апостолъ)? То, что Богъ ввѣрилъ имъ (слово Свое), а не то, что они увѣровали слову. Иначе, какой же смыслъ имѣетъ послѣдующее? Вѣдь (апостолъ) прибавилъ: *что бо, аще не вѣроваша нѣцыи?* Тоже самое видно и изъ того, что (апостолъ сказалъ) послѣ этого, а именно
438 онъ говоритъ: *еда невѣрствіе ихъ вѣру Божію упразднитъ? Да не будетъ* (ст. 4). Итакъ, то, что имъ было ввѣрено, (апостолъ) провозглашаетъ даромъ Божіимъ. Ты же обрати вниманіе на благоразуміе (Павла) и въ этомъ случаѣ. Обвиненіе ихъ онъ опять пред-

ставляетъ не отъ самого себя, но какъ бы въ видѣ возраженія, и говоритъ какъ бы слѣдующимъ образомъ: но можетъ быть ты спросишь, какая польза отъ этого обрѣзанія? Сами іудеи не сдѣлали изъ него должнаго употребленія; имъ ввѣренъ былъ законъ, а они не увѣровали. И сначала (апостолъ) не нападаетъ на нихъ сильно, но какъ только начинаетъ оправдывать Бога отъ упрековъ, то обращаетъ на нихъ все свое обвиненіе. И почему, говоритъ онъ, ты обвиняешь Бога въ томъ, что они не увѣровали? И какое это имѣетъ отношеніе къ Богу? Неужели неблагодарность облагодѣтельствованныхъ Богомъ уничтожаетъ Его благодѣяніе? Или—обращаетъ ли она честь въ нечесть? Это, именно, означаютъ слова: *еда невѣрствіе ихъ вѣру Божію упразднитъ? Да не будетъ*. Это подобно тому, какъ если бы кто-нибудь сказалъ: я оказалъ честь такому-то человѣку, если же онъ не принялъ чести, то въ этомъ не моя вина и это не оскорбляетъ моего человѣколюбія, а показываетъ лишь его безчувственность. Но Павелъ говоритъ не только это, а нѣчто гораздо большее, именно, что невѣріе іудеевъ не только не можетъ быть поставлено въ вину Богу, но, напротивъ, доказываетъ наибольшую славу Его и человѣколюбіе, когда Онъ явно оказываетъ честь и тому, кто готовъ Его обезчестить.

5. Видишь ли, какъ (апостолъ) обвинилъ іудеевъ тѣмъ самымъ, чѣмъ они хвалились? Хотя Богъ оказалъ имъ столько чести, что, даже предвидя будущее, не лишилъ ихъ Своего благоволенія, однако они оскорбили Почтившаго ихъ именно тѣмъ, чѣмъ были почтены. Потомъ, такъ какъ (апостолъ) сказалъ: что же, если *нѣкоторые* и невѣрны были?—а между тѣмъ оказались невѣрными всѣ, то, чтобы, сказаннымъ не согласно съ дѣйствительностію, опять не показаться строгимъ обвинителемъ іудеевъ, какъ бы ихъ врагомъ, онъ то, что оказалось въ дѣйствительности, излагаетъ въ видѣ общаго сужденія и заключенія, говоря такъ: *да будетъ же Богъ истиненъ, всякъ же человѣкъ ложъ* (ст. 4). Это означаетъ слѣдующее: я не утверждаю, говоритъ (апостолъ), что только нѣкоторые были невѣрны, но, если угодно, признавай, что всѣ были невѣрны (этотъ почти совершившійся фактъ допуская условно, чтобы не огорчить іудеевъ и не навлечь на себя ихъ подозрѣніе). Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ Богъ еще болѣе оправдывается. Что значитъ: *оправдывается*? Если разсудить и изслѣдовать то, что Богъ совершилъ для іудеевъ и что было отъ нихъ въ отношеніи къ Богу, то побѣда будетъ на сторонѣ Божіей и всѣ оправданія принадлежатъ Богу. И ясно доказавъ это сказаннымъ выше, (апостолъ) приводитъ потомъ и слова пророка, который подтверждаетъ его слова и говоритъ: *яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ, и побѣдиши внегда судити Ти* (Псал. L, 6).

Богъ все сдѣлалъ съ Своей стороны, но іудеи не стали отъ того лучшими. Потомъ (апостолъ) представляетъ другое возникающее отсюда возраженіе и говоритъ: *аще ли неправда наша Божію правду составляетъ, что речемъ? Еда ли неправеденъ Богъ наносяй гнѣвъ? По человѣку глаголю. Да не будетъ* (ст. 5, 6). (Апостолъ) одну неправильность устраняетъ другою. Но такъ какъ это не ясно, то необходимо сказать яснѣе. Итакъ, о чемъ говоритъ (апостолъ)? Богъ почтилъ іудеевъ, а они оскорбили Его. Но это составляетъ побѣду Его, доказываетъ великое Его человѣколюбіе, такъ какъ Онъ почтилъ и людей столь неблагодарныхъ. А такъ какъ, говоритъ (іудей), Богъ побѣдилъ и правда Его просіяла въ полномъ блескѣ вслѣдствіе того, что мы оскорбили Его и поступили несправедливо, то за что же, говоритъ, подвергаюсь наказанію я, сдѣлавшійся виновникомъ Его побѣды именно потому, что оскор-
439 билъ Его? Какъ же (апостолъ) рѣшаетъ это? Другимъ неправильнымъ сужденіемъ, какъ сказалъ я. Если ты, говоритъ онъ, сдѣлался виновникомъ побѣды Божіей и послѣ того подвергаешься наказанію, то это несправедливо, а если Богъ не несправедливъ, однакоже тебя наказываетъ, то ты еще не сдѣлался для Него виновникомъ побѣды. И обрати вниманіе на благоговѣніе апостола. Сказавши: *еда неправеденъ Богъ наносяй гнѣвъ?*—прибавилъ: *по человѣку глаголю.* Такъ сказалъ бы всякій, говоритъ (апостолъ), разсуждая по человѣческому разуму; но вѣдь праведный судъ Божій несравненно превосходитъ то, что представляется справедливымъ для насъ, и имѣетъ нѣкоторыя другія непостижимыя для насъ основанія. Затѣмъ, такъ какъ это было не совершенно ясно, то онъ говоритъ тоже самое въ другой разъ: *аще бо истина Божія въ моей лжи избыточествова въ славу Его, что еще и азъ яко грѣшникъ осуждаюся* (ст. 7)? Вѣдь если Богъ, говоритъ, явился человѣколюбивъ, справедливъ и благъ вслѣдствіе того, что ты преслушался Его, то ты не только не долженъ подвергаться наказанію, но и еще получить награду. А если это такъ, то получится другая нелѣпость, повторяемая многими, именно, будто изъ зла происходитъ добро и причиною добра служитъ зло. Необходимо допустить одно изъ двухъ—или Богъ, когда наказываетъ, является несправедливымъ, или же Онъ получаетъ отъ нашихъ злыхъ дѣлъ побѣду, когда не наказываетъ. Но то и другое до крайности нелѣпо. Апостолъ, доказывая это, призналъ родоначальниками такихъ ученій эллиновъ, считая достаточнымъ для опроверженія сказаннаго качество тѣхъ лицъ, которые говорятъ это. Тогдашніе язычники, осмѣивая насъ (христіанъ), именно говорили: будемъ дѣлать зло, чтобы произошло добро. Потому (апостолъ) ясно и изложилъ это, говоря такъ: *и не якоже хулимся, и якоже*

глаголютъ нѣцыи насъ глаголати, яко сотворимъ злая, да пріидутъ благая: ихже судъ праведенъ есть (ст. 8). Такъ какъ Павелъ училъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. v, 20), то язычники, осмѣивая его и давая превратный смыслъ словамъ его, говорили, что должно предаваться порокамъ, чтобы насладиться благами. Но Павелъ, конечно, не такъ училъ,—потому, исправляя это, говоритъ: *что убо? Пребудемъ ли во грѣсѣ, да благодать преумножится? Да не будетъ* (Рим. vi, 1). Вѣдь я, говоритъ (апостолъ), сказалъ о минувшихъ временахъ, а не затѣмъ, чтобы мы сдѣлали это своимъ правиломъ. Отклоняя заблуждающихся отъ такого пониманія его словъ, (апостолъ) сказалъ, что это, наконецъ, и невозможно. Какъ мы, говоритъ онъ, умершіе для грѣха, будемъ еще жить во грѣхѣ (Рим. vi, 2)?

6. Итакъ, (апостолъ) легко обличилъ эллиновъ, потому что жизнь ихъ была очень развращенна, а жизнь іудеевъ хотя и представлялась въ полномъ пренебреженіи, но у нихъ были большія основанія для своего оправданія—законъ и обрѣзаніе, а также то, что съ ними бесѣдовалъ Богъ и они были учителями всѣхъ людей. Поэтому (апостолъ) лишилъ ихъ такой защиты и даже доказалъ, что они изъ-за этого именно и подвергаются наказанію,—чѣмъ и заключилъ здѣсь свою рѣчь. Если же дѣлающіе это, говоритъ онъ, не наказываются, то необходимо допустить богохульное положеніе: *сотворимъ злая, да пріидутъ благая.* А если и это нечестиво и если говорящіе такъ подвергнутся наказанію (что Павелъ и объявилъ, сказавъ: *ихъ судъ праведенъ есть*), то вполнѣ ясно, что грѣшники наказываются; притомъ, если достойны наказанія говорящіе такъ, то тѣмъ болѣе — дѣлающіе, а если достойны наказанія, то достойны, какъ согрѣшившіе. Вѣдь наказываетъ не человѣкъ, — чтобы кто-нибудь могъ заподозрить его приговоръ,—но Богъ, все дѣлающій справедливо. Если же они наказываются справедливо, то несправедливо говорили то, что говорили осмѣивающіе насъ, такъ какъ Богъ все сдѣлалъ и дѣлаетъ для того, чтобы жизнь наша во всемъ сіяла и всюду усо- 440
вершалась. Итакъ, не будемъ предаваться безпечности; тогда въ состояніи будемъ и язычниковъ отвратить отъ заблужденія. Если мы станемъ любомудрствовать на словахъ, а на дѣлѣ будемъ вести себя непристойно, то какими глазами будемъ смотрѣть на нихъ? Какими устами станемъ разсуждать о догматахъ? Тогда язычникъ всякому изъ насъ скажетъ: „ты, не исполнившій малаго, какъ можешь быть достоинъ учить другихъ большему? Еще самъ не научившійся тому, что корыстолюбіе есть зло, какъ ты можешь любомудрствовать о небесныхъ предметахъ? Вѣдь знаешь, что это худо? Тѣмъ больше вина твоя, что ты и зная грѣшишь“. Но

зачѣмъ мнѣ говорить объ язычникѣ? Наши законы, когда жизнь наша порочна, даже не позволяютъ намъ и пользоваться такою свободою. Сказано: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя* (Псал. XLIX, 16)? Когда іудеи отведены были въ плѣнъ и персы усиленно просили ихъ, чтобы они пѣли имъ священныя свои пѣсни, они отвѣтили: *како воспоемъ пѣснь Господню въ земли чуждей* (Псал. CXXXVI, 3)? Если же непозволительно было пѣть слово Божіе въ варварской землѣ, то гораздо болѣе непозволительно это варварской душѣ, такъ какъ жестокая душа есть варварская. Если тѣмъ, которые находились въ плѣну и сдѣлались на чужой землѣ рабами людей, законъ повелѣваетъ молчать, то гораздо болѣе справедливо сомкнуть свои уста рабамъ грѣха и живущимъ чужою жизнью. И хотя іудеи имѣли тогда органы, какъ сказано: *на вербіяхъ посреди его обѣсихомъ органы наша* (Псал. CXXXVI, 2), но и при всемъ этомъ нельзя было пѣть. Такъ и намъ, хотя мы имѣемъ уста и языкъ, эти органы слова, непозволительно пользоваться свободою рѣчи, пока мы раболѣпствуемъ грѣху, наиболѣе жестокому изъ всѣхъ варваровъ.

И скажи мнѣ, что ты станешь говорить язычнику, какъ скоро самъ хищничаешь и лихоимствуешь? Отступи, скажешь, отъ идолослуженія, познай Бога, не стремись къ серебру и золоту. Но развѣ онъ не засмѣется и не скажетъ въ отвѣтъ: сперва научи этому самого себя. Вѣдь не одно и то же—идолопоклонствовать, будучи язычникомъ, и совершать тотъ же самый грѣхъ, будучи христіаниномъ. И какъ мы будемъ въ состояніи другихъ отклонить отъ идолопоклонства, когда и сами не удалились отъ него? Вѣдь мы къ себѣ ближе, чѣмъ къ ближнему. Когда не можемъ убѣдить самихъ себя, какъ мы убѣдимъ другихъ? Кто не правитъ хорошо собственнымъ домомъ, тотъ не порадѣетъ и о церкви. Какъ же можетъ исправить другихъ тотъ, кто не умѣетъ управлять своею душою? Не говори мнѣ, что ты не кланяешься золотому идолу, но докажи мнѣ, что ты не дѣлаешь того, что повелѣваетъ золото. Вѣдь бываютъ различные виды идолопоклонства: одинъ почитаетъ своимъ господиномъ маммону, другой признаетъ богомъ чрево, а третій—грубѣйшую страсть. Но, ты (говоришь) не приносишь имъ въ жертву воловъ, какъ язычники? Правда; за то ты,—что гораздо хуже,—закалаешь имъ въ жертву свою душу. Ты не преклоняешь предъ ними колѣна и не кланяешься? Но ты съ очень большою покорностью исполняешь все то, что прикажутъ тебѣ и чрево, и золото, и господствующая страсть. И эллины потому именно и гнусны, что обоготворили страсти, назвавъ вожделѣніе—Афродитою, ярость—Аресомъ, пьянство—Діонисомъ. Если ты не дѣлаешь изваянія идоловъ, какъ язычники,

за то съ большимъ усердіемъ подчиняешься тѣмъ же страстямъ, дѣлая члены Христовы членами блудницы, оскверняя себя и 441
прочими беззаконіями. Потому прошу васъ избѣгать идолопоклонства (такъ Павелъ называетъ любостяжаніе), понявши всю важность этого порока,—избѣгать любостяжанія не только въ деньгахъ, но и во всякой порочной склонности, въ платьѣ, въ трапезѣ и во всемъ прочемъ. Вѣдь мы за неповиновеніе законамъ Господнимъ подвергнемся гораздо болѣе жестокому наказанію, какъ и сказано: *рабъ, вѣдѣвый волю господина своего, и не сотворивъ, біенъ* 442
будетъ много (Лук. xii, 47). Итакъ, чтобы намъ избѣгнуть этого наказанія и сдѣлаться полезными для другихъ и для самихъ себя, станемъ стремиться къ добродѣтели, удаливъ изъ души всякій порокъ. Такимъ образомъ мы достигнемъ и будущихъ благъ, получить которыя да будетъ дано всѣмъ намъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

Что убо, преимѣемъ ли? Никакоже: прежде бо обви- 441
ненни есмы, Іудеи же и Еллины, вси подъ грѣхомъ быти. Якоже есть писано: нѣсть праведенъ никтоже, нѣсть разумѣваяй, нѣсть взыскаяй Бога. Вси уклонишася, вкупѣ непотребни быша, нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единаго. Гробъ отверстъ гортань ихъ, языки своими льщаху, ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ. Ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги ихъ проліяти кровь, сокрушеніе и озлобленіе на путехъ ихъ, и пути мирнаго не познаша. Нѣсть страха Божія предъ очима ихъ (iii, 9—19).

1. Апостолъ обвинилъ эллиновъ, обвинилъ іудеевъ, слѣдовало, наконецъ, говорить объ оправданіи, которое совершается чрезъ вѣру. Вѣдь если не помогъ законъ естественный, не сдѣлалъ что-нибудь больше и законъ писанный, но оба даже послужили бременемъ для людей, не воспользовавшихся ими, какъ должно, и показали, что они сдѣлались достойными большаго наказанія, то, наконецъ, необходимо было спасеніе при помощи благодати. Итакъ, скажи намъ объ этомъ, Павелъ, и открой. Но (апостолъ) еще не рѣшается, опасаясь безстыдства іудеевъ; онъ опять ведетъ рѣчь объ ихъ обвиненіи и сперва представляетъ обвинителемъ Давида, который пространно изображаетъ то, что

Исаія выразилъ кратко,—налагая на нихъ (іудеевъ) крѣпкую узду, чтобы они не убѣжали, и чтобы всякій изъ поучаемыхъ о вѣрѣ слушателей, будучи достаточно убѣжденъ обвиненіями пророковъ, не уклонился. Пророкъ же указываетъ три большіе недостатка, говоря, что они всѣ безъ исключенія дѣлали зло, не примѣшивали ко злу добра, но предавались только одному пороку, и, наконецъ, дѣлали зло со всею настойчивостью. Но чтобы (іудеи) не могли возразить: „такъ что же? вѣдь это не о насъ сказано",—(апостолъ) и прибавилъ: *вѣмы же, яко елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законѣ глаголетъ* (ст. 19). Послѣ Исаіи, который несомнѣнно говорилъ о нихъ, (апостолъ) привелъ слова Давида, для того, чтобы показать, что они имѣютъ связь со сказаннымъ у Исаіи. Какая была, говоритъ (апостолъ), необходимость пророку, посланному для вашего исправленія, обличать другихъ? Вѣдь законъ данъ не другимъ, но вамъ. А почему (апостолъ) не сказалъ: вѣмы, яко елика пророкъ глаголетъ, но: *елика законъ глаголетъ?* Потому, что Павелъ весь ветхій завѣтъ обыкновенно называетъ закономъ. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *закона ли не слушаете, яко Авраамъ два сына имѣ* (Гал. IV, 21, 22); а здѣсь онъ назвалъ закономъ псалмы, сказавъ: *вѣмы, яко елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законѣ глаголетъ.* Потомъ (апостолъ) доказываетъ, что это сказано не просто для обвиненія, но потому, что законъ пролагалъ также путь вѣрѣ. Согласіе ветхаго завѣта съ новымъ
442 таково, что обвиненія и обличенія совершались всецѣло съ тою цѣлью, чтобы предъ слушателями отверзалась свѣтлая дверь вѣры. Такъ какъ іудеевъ погубило преимущественно то, что они высоко о себѣ думали, о чемъ (апостолъ) потомъ и замѣтилъ, говоря: *не разумѣюще бо Божія правды и свою правду имуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася* (Рим. X, 3), то законъ и пророки прежде всего и укрощали ихъ высокомѣріе и низлагали надменность, чтобы, пришедши въ сознаніе собственныхъ грѣховъ, отложивши всякую гордость и увидѣвши себя въ крайней опасности, они съ великимъ усердіемъ притекли къ Подающему имъ прощеніе грѣховъ и приняли благодать чрезъ вѣру. Намекая на это и здѣсь, Павелъ говоритъ: *вѣмы, яко елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законѣ глаголетъ, да всяка уста заградятся и повиненъ будетъ весь міръ Богови* (ст. 19). Здѣсь онъ показываетъ, что іудеи, не смѣя хвалиться дѣлами, бываютъ хвастливы и безстыдны только на словахъ. Потому главнымъ образомъ онъ употребилъ выраженіе: *да всяка уста заградятся,* указывая на ихъ безстыдное и неудержимое хвастовство и на ихъ буквально требующій загражденія языкъ: вѣдь какъ неудержимъ потокъ, такъ стремился и онъ; но пророкъ заградилъ его. Когда же Павелъ говоритъ: *да всяка уста*

заградятся, онъ не то говоритъ, будто они для того грѣшили, чтобы заградились уста ихъ, но (говоритъ) обличались они потому, что, грѣша въ одномъ и томъ же, не сознавали этого. *И повиненъ будетъ весь міръ Богови*. Не сказалъ—іудеи, но—весь родъ человѣческій. Именно словами: *да всяка уста заградятся* апостолъ намекаетъ на іудеевъ, хотя и не сказалъ этого ясно, чтобы рѣчь не была для нихъ рѣзкою, а словами: *повиненъ будетъ весь міръ Богови* сказано вмѣстѣ и объ іудеяхъ, и объ эллинахъ. Но и этого не мало для смиренія гордыни іудеевъ, какъ скоро и здѣсь они не имѣютъ никакого преимущества предъ язычниками, но, по слову спасенія, преданы наравнѣ съ ними. Такъ, повиннымъ въ собственномъ смыслѣ можетъ называться тотъ, кто не въ силахъ оказывается защитить себя самъ, а имѣетъ нужду въ помощи другого, каково и было наше положеніе, когда мы погубили дарованныя намъ средства ко спасенію. *Закономъ бо познаніе грѣха* (ст. 20). Апостолъ опять напалъ на законъ, но уже съ пощадою, такъ какъ сказанное служитъ обвиненіемъ не закона, но нерадѣнія іудеевъ; при всемъ томъ, намѣреваясь говорить о вѣрѣ, онъ постарался и здѣсь доказать, что законъ весьма немощенъ. Если, говоритъ онъ, ты хвалишься закономъ, то самъ себя больше по- 442
срамляешь, потому что онъ обличаетъ твои грѣхи. Но (апостолъ) не сказалъ такъ рѣзко, а снисходительнѣе: *закономъ бо познаніе грѣха*. Значитъ, и наказаніе больше, но только для іудеевъ. Вѣдь законъ совершилъ то, что грѣхъ сдѣлался для тебя извѣстенъ, а отъ тебя зависѣло избѣгать его (грѣха); ты же, не уклонившись, навлекъ на себя большее наказаніе, и такимъ образомъ вразумленіе закона сдѣлалось для тебя поводомъ къ большему мученію.

2. Итакъ, когда (апостолъ) усилилъ страхъ, тогда, наконецъ, начинаетъ рѣчь о дарахъ благодати, возбудивъ въ слушателяхъ сильное желаніе получить отпущеніе грѣховъ, и говоритъ: *нынѣ же кромѣ закона правда Божія явися* (ст. 21). Здѣсь (апостолъ) изрекъ нѣчто великое и нуждающееся во многомъ разъясненіи. Если жившіе въ законѣ не только не избѣгли наказанія, но даже навлекли на себя большее, то какъ возможно безъ закона не только избѣгнуть наказанія, но и оправдаться? Апостолъ и говоритъ здѣсь о двухъ весьма важныхъ предметахъ: объ оправданіи и о достиженіи этихъ благъ независимо отъ закона. Потому сказалъ не просто—правда, но—*правда Божія*, достоинствомъ лица доказывая величіе дара и силу обѣщанія, такъ какъ Богу все возможно. И не сказалъ—дана правда, но—*явися*, устраняя обвиненіе въ нововведеніи; являться можетъ только то, что существовало прежде, но было сокрыто. И не только этимъ, но и слѣдующими словами (апостолъ) доказываетъ, что явившееся

не есть что-либо новое. Сказавъ—*явися*, присовокупилъ: *свидѣтельствуема отъ закона и пророкъ*. Не приходи въ смущеніе оттого, что правда Божія дарована только нынѣ, говоритъ (апостолъ), и не смущайся этимъ, какъ дѣломъ новымъ и необычайнымъ: объ этомъ издревле говорили и законъ и пророки. Частію доказалъ это (апостолъ) выше, а частію докажетъ впослѣдствіи,—выше, когда привелъ слова Аввакума: *праведный отъ вѣры живъ будетъ* (Рим. I, 17; Аввак. II, 4), а впослѣдствіи, когда укажетъ на Авраама, Давида, которые говорили намъ объ этомъ. У іудеевъ было большое уваженіе къ этимъ лицамъ, изъ которыхъ одинъ былъ патріархъ и пророкъ, а другой царь и пророкъ, и обѣтованія относительно этого были даны имъ обоимъ. Потому и Матѳей, начиная евангеліе, прежде всего упоминаетъ объ Авраамѣ и Давидѣ, а потомъ уже по порядку перечисляетъ праотцевъ. Сказавши: *книга родства Іисуса Христа*, онъ не послѣ Авраама, Исаака и Іакова, но вмѣстѣ съ Авраамомъ упомянулъ о Давидѣ. И что удивительно—Давида поставилъ прежде Авраама, говоря такъ: *сына Давидова, сына Авраамля* (Мѳ. I, 1), а потомъ уже началъ перечислять Исаака, Іакова и всѣхъ слѣдующихъ. Потому и апостолъ часто упоминаетъ здѣсь объ Авраамѣ и Давидѣ и говоритъ: *правда Божія свидѣтельствуема отъ закона и пророкъ*. Чтобы кто-нибудь не сказалъ: „какъ мы спасаемся, коль скоро нисколько не содѣйствуемъ этому сами?"—(апостолъ) и показываетъ, что и мы не мало вносимъ въ это дѣло,—я разумѣю вѣру. Потому, сказавъ: *правда Божія*, присовокупилъ: *вѣрою во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ* (ст. 22). Здѣсь опять іудей можетъ придти въ смущеніе, не имѣя никакого преимущества предъ прочими людьми и поставляемый вмѣстѣ со всею вселенной. Чтобы онъ не испыталъ этого, (апостолъ) поражаетъ его стра-
444 хомъ, прибавивъ: *нѣсть бо разнствія. Вси бо согрѣшиша* (ст. 23). Не говори мнѣ, что такой-то эллинъ, этотъ скиѳъ, а тотъ ѳракіянинъ: всѣ находятся въ одномъ и томъ же положеніи. Хотя ты получилъ законъ, но научился изъ закона только тому одному, какъ узнавать грѣхъ, а не какъ избѣгать его. Потомъ, чтобы (іудеи) не сказали: „хотя мы и грѣшимъ, но не такъ, какъ язычники",—(апостолъ) присовокупилъ: *и лишени суть славы Божія* (ст. 23). Такимъ образомъ, хотя ты грѣшилъ и неодинаково съ остальными, однако и ты лишаешься славы: вѣдь ты изъ числа оскорбившихъ Бога, а оскорбитель принадлежитъ не къ прославляемымъ, но къ посрамленнымъ. Но ты не страшись; я сказалъ это не для того, чтобы ввергнуть тебя въ отчаяніе, а для того, чтобы показать тебѣ человѣколюбіе Владыки. Потому (апостолъ) и присовокупилъ: *оправдаеми туне благодатію Его, избавленіемъ,*

еже о Христѣ Іисусѣ, Егоже предположи Богъ очищеніе вѣрою въ крови Его, въ явленіе правды Своея (ст. 24, 25). Смотри, сколько доводовъ приводитъ (апостолъ) въ подтвержденіе сказаннаго. Во-первыхъ, доказываетъ достоинствомъ лица: совершаетъ это не человѣкъ слабый силами, но Богъ, для Котораго все возможно, такъ какъ сказано, что *правда есть Божія*. Во-вторыхъ, доказываетъ закономъ и пророками: и не устрашайся, когда ты и услышишь слова: *кромѣ закона*, такъ какъ это имѣетъ значеніе по отношенію къ самому закону. Въ-третьихъ, доказываетъ ветхозавѣтными жертвами, почему сказалъ: *въ крови Его*, напоминая іудеямъ объ овцахъ и тельцахъ. Если, говоритъ (апостолъ), закланія безсловесныхъ избавляли отъ грѣха, то тѣмъ болѣе—кровь Іисуса Христа. И сказалъ не просто—куплею, но—*искупленіемъ*, чтобы намъ больше не возвращаться въ то же самое рабство. Вслѣдствіе этого же онъ называетъ Іисуса Христа *очищеніемъ*, показывая, что если столь великую силу имѣлъ образъ, то гораздо большее дѣйствіе окажетъ самая истина. И опять, показывая, что это не есть что-либо недавнее и новое, апостолъ говоритъ: *предположи*. Сказавъ же: *предположи Богъ* и признавши это дѣломъ Отца, онъ показываетъ, что тоже самое принадлежитъ и Сыну. Отецъ предположилъ, а Христосъ совершилъ все дѣло Своею кровію. *Въ явленіе правды Своея*. Что значитъ — *явленіе правды*? Какъ явленіе богатства состоитъ въ томъ, чтобы не только самому быть богатымъ, но и другихъ дѣлать богатыми, явленіе жизни—въ томъ, чтобы не только самому быть живымъ, но и мертвыхъ оживлять, и явленіе силы—въ томъ, чтобы не только самому быть сильнымъ, но и укрѣплять слабыхъ, такъ и явленіе правды состоитъ въ томъ, чтобы не только самому быть праведнымъ, но и другихъ, истлѣвшихъ въ грѣхахъ, мгновенно дѣлать праведными. Изъясняя это, (апостолъ) и самъ раскрылъ, что значитъ явленіе, сказавши: *быти ему праведну и оправдающу сущаго отъ вѣры Іисусовы* (ст. 26).

3. Итакъ, не сомнѣвайся: ты оправдываешься не дѣлами, но вѣрою. Не избѣгай же правды Божіей, такъ какъ она представляетъ двойное благо, — и легко пріобрѣтается, и предложена всѣмъ. Не стыдись и не краснѣй. Если самъ Богъ явно совершаетъ это дѣло, даже, какъ могъ бы сказать кто-нибудь, хвалится имъ и превозносится, то какъ ты можешь скрываться и прятаться отъ того, чѣмъ прославляется твой Владыка? Итакъ, ободривъ слушателя словами, что совершающееся есть явленіе правды Божіей, онъ колеблющагося и не рѣшающагося придти опять побуждаетъ страхомъ, говоря такъ: *за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ* (ст. 25). Ты видишь, какъ онъ часто напоми-

445 наетъ іудеямъ о грѣхахъ? Выше онъ сказалъ: *закономъ бо познаніе грѣха*; потомъ: *вси бо согрѣшиша*; а здѣсь выражается еще сильнѣе. Онъ не сказалъ: по причинѣ грѣховъ, но: *за отпущеніе*, т. е. вслѣдствіе омертвѣнія отъ грѣховъ. Вѣдь больше уже не было надежды на выздоровленіе, но какъ разслабленное тѣло нуждалось въ помощи свыше, такъ и омертвѣвшая душа. И—что всего поразительнѣе—(апостолъ) болѣе сильнымъ обвиненіемъ людей считаетъ то, что онъ указываетъ въ качествѣ причины разслабленія. Что же такое? То, что разслабленіе случилось во время долготерпѣнія Божія. Вы не можете сказать, говоритъ онъ, что не пользовались многимъ долготерпѣніемъ и благостію. Слова—*въ нынѣшнее время* означаютъ, что Богъ оказалъ великое долготерпѣніе и человѣколюбіе. Когда мы дошли до отчаянія, говоритъ (апостолъ), и было время суда, когда зло возрасло и грѣхи умножились, тогда Богъ явилъ силу Свою, чтобы уразумѣть тебѣ, какъ велико у Него богатство правды. Если бы это совершилось въ началѣ, то не показалось бы настолько удивительнымъ и необычайнымъ, какъ теперь, когда испытаны уже всѣ способы врачеванія. *Гдѣ убо похвала? Отгнася*, говоритъ. *Которымъ закономъ? Дѣлы ли? Ни, но закономъ вѣры* (ст. 27). Великаго труда стоило Павлу доказать, что вѣра получила такую силу, о какой законъ не могъ никогда и воображать. Такъ какъ онъ уже сказалъ, что Богъ оправдываетъ человѣка вѣрою, то теперь опять обращается къ закону и не говоритъ: гдѣ заслуги іудеевъ, гдѣ праведныя дѣла? но: *гдѣ похвала?*—вездѣ показывая, что іудеи только хвалились, будто имѣютъ какое-то преимущество предъ остальными, но ничего не доказали на дѣлѣ. И, спросивъ: *гдѣ убо похвала?*—не сказалъ: исчезла и погибла, но: *отгнася*, чѣмъ больше указывается на неблаговременность, такъ какъ хвалиться было уже не время. Подобно тому какъ, когда наступилъ судъ, желающіе раскаяться не имѣютъ уже удобнаго времени, такъ и тогда, когда приговоръ, наконецъ, былъ произнесенъ, всѣ готовы были погибнуть, явился Тотъ, Кто благодатію уничтожаетъ все зло,—іудеи не имѣли уже времени защитить себя оправданіемъ отъ закона. Если имъ и нужно было утверждаться на этомъ, то прежде пришествія Христова. А когда пришелъ спасающій чрезъ вѣру, время подвиговъ было уже отнято, и такъ какъ всѣ прежнія средства оказались недѣйствительными, Христосъ спасаетъ благодатію. Потому и пришелъ Онъ нынѣ, чтобы не сказали (если бы онъ явился въ началѣ), что возможно было спастись и при помощи закона, собственными трудами и заслугами. Итакъ, устраняя такое ихъ безстыдство, Христосъ промедлилъ долгое время, чтобы спасти Своею благодатію тогда, когда посредствомъ всего ясно было до-

казано, что людямъ недостаточно собственныхъ силъ. Потому (апостолъ), говоря и выше: *въ показаніе правды*, присовокупилъ: *въ нынѣшнее время*. А если бы нѣкоторые и стали противорѣчить, то они поступили бы подобно тому человѣку, который, совершивъ тяжкія преступленія и оказавшись не въ состояніи оправдаться на судѣ, былъ бы осужденъ и долженъ былъ подвергнуться наказанію, но потомъ царской милостью былъ бы освобожденъ, а послѣ освобожденія имѣлъ бы безстыдство хвалиться и утверждать, что онъ не совершилъ никакого проступка. Это надлежало доказать прежде явленія дара, а когда онъ явился, хвалиться уже было не время. Это именно и случилось съ іудеями. Они уже были проданы изъ своего отечества, почему и пришелъ (Христосъ) и Своимъ пришествіемъ лишилъ ихъ похвалы. Вѣдь тотъ, кто говоритъ о себѣ, что онъ—учитель младенцевъ, кто хвалится закономъ, называетъ себя наставникомъ неразумныхъ, а между тѣмъ, подобно имъ, имѣетъ нужду въ Учителѣ и Спасителѣ, тотъ не имѣетъ основанія хвалиться. Если и прежде 446 этого обрѣзаніе было необрѣзаніемъ, то тѣмъ болѣе нынѣ, такъ какъ оно уничтожено и для прошедшаго, и для настоящаго времени. Сказавъ же—*отгнася*, (апостолъ) и показываетъ, какъ это случилось. Итакъ, какъ уничтожено?—спрашиваетъ (апостолъ). *Которымъ закономъ? Дѣлы ли? Ни, но закономъ вѣры.*

4. Вотъ и вѣру (Павелъ) назвалъ закономъ, охотно пользуясь для того прежними наименованіями, чтобы сгладить кажущееся нововведеніе. Въ чемъ же состоитъ законъ вѣры? Въ спасеніи по благодати. Здѣсь (апостолъ) доказываетъ могущество Бога, потому что Онъ не только спасъ, но и оправдалъ и привелъ въ похвалу, не имѣя для того нужды въ нашихъ дѣлахъ, а требуя одной вѣры. И онъ говоритъ это, пріучая увѣровавшаго іудея къ скромности, а неувѣровавшаго смиряя, чтобы и его потомъ привлечь. Тотъ, кто получилъ спасеніе, если станетъ много о себѣ думать, то, вникнувъ въ законъ, узнаетъ, что законъ самъ заградилъ ему уста, самъ обвинилъ его, самъ отказалъ ему въ спасеніи и лишилъ похвалы; а неувѣровавшій, въ свою очередь, наученный тѣмъ же самымъ смиренію, можетъ быть приведенъ къ вѣрѣ. Видишь ли, каково богатство вѣры, какъ она удалила насъ отъ всего прежняго, не дозволивъ даже хвалиться этимъ? *Мыслимъ убо вѣрою оправдатися человѣку, безъ дѣлъ закона.* Когда (апостолъ) доказалъ, что оправдывающіеся вѣрою стоятъ выше іудеевъ, тогда, наконецъ, онъ съ большою свободою разсуждаетъ и о вѣрѣ и опять устраняетъ то, что повидимому могло смущать. Іудеевъ смущали двѣ слѣдующія мысли: первая—возможно ли спастись безъ дѣлъ тѣмъ, которые не спаслись дѣлами, а вторая—спра-

ведливо ли необрѣзаннымъ пользоваться равными правами съ тѣми, которые столько времени воспитывались въ законѣ; послѣдняя мысль безпокоила ихъ гораздо больше первой. Вслѣдствіе этого (апостолъ), раскрывъ первую, переходитъ къ этой последней, которая настолько смущала іудеевъ, что они и послѣ принятія вѣры обвиняли по этому поводу Петра, изъ-за Корнилія и его дѣла. Что же говоритъ (Павелъ)? *Мыслимъ убо вѣрою оправдатися человѣку, безъ дѣлъ закона.* Онъ не сказалъ — іудею, или — находящемуся подъ закономъ, но, выразившись общѣе и открывши дверь спасенія всей вселенной, употребилъ родовое имя и говоритъ—*человѣку.* Потомъ, исходя изъ этого слова, (апостолъ) разрѣшаетъ не указанное здѣсь возраженіе. Такъ какъ естественно было, что іудеи, услышавъ о томъ, что вѣра оправдываетъ всякаго человѣка, будутъ недовольны и соблазнятся, то (Павелъ) и прибавилъ: *или Іудеевъ Богъ токмо* (ст. 29)? Здѣсь онъ какъ бы говоритъ слѣдующее: почему тебѣ кажется нелѣпымъ, что всякій человѣкъ спасается? Неужели Богъ есть частный Богъ? Этимъ онъ показываетъ, что желающіе унижать язычниковъ больше оскорбляютъ славу Божію, если не допускаютъ, что Онъ есть Богъ всѣхъ. Если же Онъ есть Богъ всѣхъ, то о всѣхъ и промышляетъ; а если о всѣхъ промышляетъ, то всѣхъ равно спасаетъ чрезъ вѣру. Потому (апостолъ) говоритъ: *или Іудеевъ Богъ токмо, а не языковъ? Ей, и языковъ* (ст. 29). Богъ есть не частный Богъ, какъ это допускается въ эллинскихъ миѳахъ, но для всѣхъ общій и единый. Потому и присовокупляетъ: *понеже единъ Богъ* (ст. 30), то есть, Онъ одинъ Владыка и тѣхъ, и этихъ (іудеевъ и язычниковъ).

447 Если укажешь мнѣ на ветхій завѣтъ, то и тамъ промыслъ Божій простирался на всѣхъ, хотя и не одинаково. Тебѣ данъ законъ писанный, а имъ законъ естественный, но они нисколько не имѣли меньше, а если желали, то могли и превзойти тебя. Намекая на это самое, (апостолъ) присовокупилъ: *иже оправдитъ обрѣзаніе отъ вѣры, и необрѣзаніе вѣрою* (ст. 30), напомнивъ іудеямъ сказанное выше о необрѣзаніи и обрѣзаніи, гдѣ онъ доказалъ, что между ними нѣтъ никакого различія. А если тогда (въ ветхомъ завѣтѣ) не было никакого различія, то тѣмъ болѣе нынѣ; раскрывая теперь это яснѣе, (апостолъ) показалъ, что то и другое одинаково нуждается въ вѣрѣ. *Законъ ли убо разоряемъ вѣрою?* говоритъ. *Да не будетъ: но законъ утверждаемъ* (ст. 31). Ты замѣтилъ разнообразную и неизреченную мудрость (апостола)? Самымъ словомъ—*утверждаемъ* онъ показалъ, что законъ уже не стоитъ, но разоренъ. Обрати вниманіе и на превосходство силы Павла, а также на то, съ какимъ богатствомъ доказательствъ онъ раскры-

ваетъ то, что желаетъ. Такъ, здѣсь онъ доказываетъ, что вѣра не только не вредитъ закону, но и помогаетъ ему, равно какъ и законъ пролагаетъ путь вѣрѣ. Какъ законъ, предваряя вѣру, о ней свидѣтельствовалъ,—о чемъ (апостолъ) и говоритъ: *свидѣтельствуема отъ закона и пророкъ*,—такъ и вѣра возстановила изнемогающій законъ. Какъ же возстановила?—спросишь. Но какое было дѣло закона и для чего онъ заставлялъ все совершать? Для того, чтобы сдѣлать человѣка праведнымъ. Но онъ оказался безсиленъ въ этомъ: *вси бо*, говоритъ, *согрѣшиша*; а вѣра, явившись, успѣла въ этомъ, такъ какъ, всякій, кто увѣровалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и оправдался. Итакъ, вѣра утвердила волю закона и привела къ концу то, для чего онъ все дѣлалъ. Значитъ, она не упразднила, а усовершила законъ. Такимъ образомъ (апостолъ) доказалъ здѣсь три положенія: возможно оправдаться безъ закона, законъ оказался въ этомъ безсиленъ и вѣра не противоборствуетъ закону. Такъ какъ іудеевъ всего болѣе смущало то, что вѣра представлялась противоборствующею закону, то (апостолъ) болѣе того, чѣмъ сколько желалъ іудей, доказываетъ, что она не только не противоборствуетъ, но еще способствуетъ и содѣйствуетъ закону, а это особенно и желали услышать (іудеи).

5. Но такъ какъ послѣ той благодати, которой мы оправдались, является нужда и въ дѣлахъ, то покажемъ прилежаніе, достойное дара. А покажемъ мы это тогда, когда со всѣмъ тщаніемъ будемъ хранить любовь—матерь всѣхъ благъ. Любовь же заключается не въ пустыхъ словахъ и не въ простыхъ привѣтствіяхъ, но въ явленіи и совершеніи дѣлъ, напримѣръ, въ томъ, чтобы избавлять отъ бѣдности, помогать больнымъ, освобождать отъ опасностей, покровительствовать находящимся въ затрудненіяхъ, плакать съ плачущими и радоваться съ радующимися. Вѣдь и послѣднее служитъ признакомъ любви; хотя и представляется маловажнымъ радоваться съ радующимися, однакоже это очень великое дѣло и требуетъ ума философскаго. Можно найти много людей, которые совершаютъ очень трудное, но въ этомъ оказываются слабыми. Многіе плачутъ съ плачущими, но не радуются съ радующимися, а напротивъ, когда другіе радуются, они плачутъ изъ недоброжелательства и зависти. Потому не малая заслуга—радоваться тогда, когда братъ радуется, напротивъ—важнѣе какъ той, чтобы плакать съ плачущими, такъ и той, чтобы помогать въ бѣдахъ. Многіе подвергаются опасности вмѣстѣ съ находящимися въ опасностяхъ, но, когда другіе успѣваютъ въ дѣлахъ, они терзаются. Такова сила зависти. Хотя тамъ нужны труды и потъ, а здѣсь одно доброе желаніе и расположеніе, однако многіе, перенесши болѣе тяжелое, не совершили болѣе легкаго,

но томятся и сами себя губятъ, когда увидятъ, что другіе пре-
448 успѣваютъ и что всей церкви оказана услуга или словомъ, или иным чѣмъ-либо. Что можетъ быть хуже такого человѣка? Онъ противится уже не брату, но волѣ Божіей. Помысливъ объ этомъ, уничтожь недугъ свой и по крайней мѣрѣ избавь самого себя отъ множества золъ, если не желаешь избавить и ближняго. Для чего ты ведешь борьбу съ своими мыслями? Зачѣмъ наполняешь душу смятеніемъ, воздвигаешь бурю, все ниспровергаешь? Находясь въ такомъ состояніи, какъ ты можешь просить себѣ отпущенія грѣховъ? Если Богъ не отпускаетъ грѣховъ тѣмъ, которые не прощаютъ сдѣланныхъ противъ нихъ грѣховъ, то какое прощеніе Онъ дастъ тѣмъ, которые мыслятъ зло на людей, нисколько ихъ не обидѣвшихъ? Это—доказательство крайней злобы; таковые вмѣстѣ съ діаволомъ враждуютъ на церковь, а можетъ быть они и гораздо хуже самого діавола. Вѣдь отъ діавола можно остеречься, а такіе люди, нося личину дружбы, тайно возжигаютъ огонь, сами же себя ввергая въ печь первыми и страдая болѣзнью, которая не только не можетъ вызвать сожалѣнія, но и возбуждаетъ сильный смѣхъ. Скажи мнѣ: почему ты блѣднѣешь, трепещешь и сдѣлался крайне робокъ? Какое случилось несчастіе? Не то ли, что братъ твой богатъ, знаменитъ и пользуется почетомъ? Значитъ, тебѣ нужно бы украсить себя вѣнкомъ, радоваться и прославлять Бога, что твой сочленъ сталъ знатенъ и славенъ, а ты скорбишь о томъ, что Богъ прославляется. Видишь ли, куда направляется вражда? Ты скажешь: не Богъ прославляется, а прославляется братъ. Но чрезъ него слава восходитъ къ Богу, а слѣдовательно — и вражда твоя. Но не то печалитъ меня, говоришь ты, а я желалъ бы, чтобы Богъ прославлялся чрезъ меня. Такъ радуйся успѣхамъ брата и вотъ — Богъ прославляется и чрезъ тебя, и всѣ скажутъ: благословенъ Богъ, имѣющій таковыхъ рабовъ, свободныхъ отъ всякой зависти, взаимно радующихся счастію другъ друга. И что мнѣ сказать о братѣ? Если онъ и былъ твоимъ недругомъ и врагомъ, а Богъ чрезъ него прославился, то потому самому онъ долженъ сдѣлаться твоимъ другомъ. А ты друга дѣлаешь врагомъ, когда онъ получаетъ почести и прославляетъ Бога. Если бы кто-нибудь излѣчилъ твое страждущее тѣло, то хотя бы онъ былъ и врагъ твой, не сталъ ли бы ты считать его между первыми своими друзьями? А украшающаго тѣло Христово, то есть, церковь, и своего друга ты считаешь врагомъ? И какъ ты можешь инымъ способомъ доказать свою вражду ко Христу? Потому, хотя бы кто и творилъ чудеса, хотя бы соблюдалъ дѣвство и постъ и спалъ на землѣ, хотя бы сравнялся и съ ангелами въ добродѣтели, но если имѣетъ

этотъ недостатокъ,—будетъ нечестивѣе всѣхъ и беззаконнѣе даже прелюбодѣя, блудника, разбойника и гробокопателя.

6. И чтобы кто-нибудь не обвинилъ меня въ преувеличеніи рѣчи, я охотно спрошу васъ о слѣдующемъ: если бы кто-нибудь, взявши огонь и заступъ, сталъ разорять и сожигать этотъ домъ (Божій) и разрушать вотъ этотъ жертвенникъ, то каждый изъ присутствующихъ развѣ не сталъ бы бросать въ него камнями, какъ въ человѣка нечестиваго и беззаконнаго? Такъ что же? А если кто приноситъ пламя болѣе губительное, чѣмъ этотъ огонь,— я говорю о зависти, которая разоряетъ не каменныя зданія и разрушаетъ не золотой престолъ, но ниспровергаетъ и губитъ то, что гораздо цѣннѣе и стѣнъ и престола, зданіе учителей,—то можетъ ли онъ заслуживать какого-либо снисхожденія? Пусть никто не говоритъ мнѣ, что покушающійся на преступленіе часто не имѣетъ силъ исполнить его: дѣла оцѣниваются по расположенію; такъ, Саулъ умертвилъ уже Давида, хотя и не осуще- 449
ствилъ этого на дѣлѣ. Скажи мнѣ, неужели ты не понимаешь, что, враждуя съ пастыремъ, ты злоумышляешь и на овецъ Христа, на тѣхъ овецъ, за которыхъ Христосъ пролилъ кровь Свою, и намъ повелѣлъ все дѣлать и терпѣть? Неужели ты не приводишь себѣ на память, что твой Владыка искалъ твоей славы, а не Своей, ты же ищешь не Его славы, а своей? Конечно, если бы ты искалъ Его славы, то ты достигъ бы и своей, а ища своей прежде Его, никогда не достигнешь и этой. Итакъ, какое же будетъ врачество отъ этого? Будемъ молиться всѣ вмѣстѣ и вознесемъ одинъ гласъ за нихъ, какъ за одержимыхъ бѣсомъ. Вѣдь они находятся въ положеніи даже болѣе жалкомъ, потому что безуміе ихъ произвольно, и болѣзнь эта имѣетъ нужду въ молитвѣ, притомъ въ молитвѣ многой. Если не любящій брата, хотя бы расточилъ имѣніе и просіялъ въ мученичествѣ, ни въ чемъ не достигнетъ успѣха, то пойми, какого наказанія можетъ заслуживать тотъ, кто враждуетъ на человѣка, ничѣмъ его не обидѣвшаго? Такой хуже и язычника. Если любовь къ любящимъ насъ не даетъ намъ никакого преимущества предъ ними (язычниками), то, скажи мнѣ, гдѣ займетъ мѣсто завидующій любящимъ?

Завидовать хуже, чѣмъ ссориться. Ссорящійся, какъ скоро будетъ устранена причина ссоры, обыкновенно прекращаетъ вражду; но завистникъ никогда не можетъ сдѣлаться другомъ. Первый ведетъ борьбу открытую, а второй—тайную; тотъ иногда можетъ представить благовидный предлогъ къ ссорѣ, а этотъ не можетъ ни на что указать, кромѣ своего безумія и сатанинскаго настроенія. Итакъ, чему можно уподобить таковую душу? Какой ехиднѣ? Какому аспиду? Какому червю? Какому ядовитому на-

сѣкомому? Вѣдь нѣтъ ничего нечестивѣе и злѣе такой души. Это, именно это (зависть) ниспровергло церкви, породило ереси, вооружило братскую руку, побудило обагрить десницу въ крови праведника, попрало законы природы, отверзло двери смерти, привело въ исполненіе древнее проклятіе, заставило того несчастнаго (Каина) забыть муки рожденія, своихъ родителей и всѣхъ другихъ, привело его въ такое неистовство и ввергло въ такое бѣшенство, что когда Богъ призывалъ его и говорилъ: *къ тебѣ обращеніе его и ты тѣмъ обладаеши* (Быт. IV, 7), то онъ не тронулся и этимъ. Хотя бы Богъ и простилъ ему вину и подчинилъ брата, однако эта рана настолько неизлѣчима, что, если бы были приложены и безчисленныя лѣкарства, она все-таки будетъ обильно источать свой гной. Почему же ты скорбишь, несчастнѣйшій изъ всѣхъ? Неужели потому, что честь воздана Богу? Но это—сатанинское настроеніе. Или потому, что братъ превзошелъ тебя славою? Но тебѣ возможно опять опередить его. Такимъ образомъ, если желаешь побѣдить, то не убивай и не истребляй, но оставь жить, чтобы у тебя сохранился поводъ къ состязаніямъ, и побѣди живого: тогда и у тебя будетъ свѣтлый вѣнецъ; а если ты убьешь, то на самого себя произнесешь приговоръ, который постыднѣе пораженія. Но ничего этого не признаетъ зависть. Ради чего же ты стремишься къ славѣ въ такой пустынѣ? Вотъ и они (Каинъ съ Авелемъ) тогда одни только населяли землю, однако это не удержало Каина и онъ, все исторгнувъ изъ души своей, сталъ рядомъ съ діаволомъ и ополчился: именно діаволъ былъ тогда вождемъ Каина. Такъ какъ ему недостаточно было того, что человѣкъ сдѣлался смертнымъ, то онъ самымъ родомъ смерти постарался увеличить несчастіе и внушилъ Каину сдѣлаться братоубійцею; онъ, никогда не насыщающійся нашими бѣдствіями, спѣшилъ, нетерпѣливо желалъ видѣть исполненіе
450 своего дѣла. Подобно тому, какъ если кто-нибудь, имѣя врага своего въ узахъ и увидѣвъ, что надъ нимъ произнесенъ уже приговоръ, спѣшитъ, прежде чѣмъ онъ вышелъ изъ города, увидѣть его умерщвленнымъ и внутри города и не можетъ пережидать надлежащаго времени, такъ спѣшилъ тогда и діаволъ. Хотя онъ и услышалъ, что человѣкъ долженъ возвратиться въ землю, но онъ весьма сильно желалъ увидѣть нѣчто большее, — чтобы сынъ умеръ прежде отца, братъ убилъ брата и смерть была преждевременная и насильственная.

7. Видишь ли, къ чему послужила зависть, какъ она исполнила ненасытное желаніе діавола и предложила ему такую снѣдь, какую только онъ желалъ увидѣть. Итакъ, будемъ избѣгать этого недуга. Вѣдь тѣмъ, которые не освободились отъ этой болѣзни,

невозможно совсѣмъ избѣжать того огня, уготованнаго діаволу. А освобождаться отъ болѣзни мы станемъ тогда, когда помыслимъ, какъ возлюбилъ насъ Христосъ и какъ повелѣлъ намъ любить другъ друга. Какъ же Онъ возлюбилъ насъ? Онъ далъ и честную кровь Свою за насъ, бывшихъ Его врагами и причинившихъ Ему величайшія оскорбленія. И ты дѣлай это по отношенію къ брату своему, какъ Онъ и говоритъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже Азъ возлюбихъ вы* (Іоан. xiii, 34). Лучше же сказать, Христосъ не ограничился этой мѣрою, такъ какъ сдѣлалъ это за враговъ. Но ты—неужели не хочешь отдать крови своей за брата? Зачѣмъ же ты, безъ мѣры нарушая заповѣдь, даже проливаешь его кровь? Затѣмъ, Христосъ совершилъ то, къ чему Онъ не былъ обязанъ, а если это сдѣлаешь ты, то лишь исполнишь долгъ свой. И тотъ, который, получивши десять тысячъ талантовъ, сталъ требовать сто динаріевъ, былъ наказанъ не за одно только то, что требовалъ, но и за то, что не сдѣлался лучшимъ подъ вліяніемъ благодѣянія, не послѣдовалъ примѣру царя и не простилъ долга (Мѳ. xviii, 23—35). Рабъ, если бы простилъ долгъ, исполнилъ бы только свою обязанность. И мы во всемъ, что ни дѣлаемъ, исполняемъ только свою обязанность. Потому и Христосъ сказалъ: *егда вся сотворите, глаголите, яко раби неключими есмы: еже бо должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. xvii, 10). Итакъ, если мы обнаруживаемъ любовь, если отдаемъ имѣніе нуждающимся, то исполняемъ нашу обязанность не потому только, что самъ Богъ показалъ намъ примѣръ благодѣяній, но и потому, что, когда даемъ, удѣляемъ изъ принадлежащаго Богу. Почему же ты лишаешь самого себя того, надъ чѣмъ Богъ хочетъ поставить тебя господиномъ? Вѣдь Онъ велѣлъ тебѣ давать другому, чтобы и самъ ты владѣлъ тѣмъ же. Пока ты одинъ владѣешь, то и самъ не имѣешь, а когда даешь другому, тогда получаешь и самъ. И что можетъ сравняться съ такою любовью? Христосъ пролилъ кровь за враговъ, а мы и имѣнія не отдаемъ за благодѣтеля; Онъ пролилъ собственную Свою кровь, а мы жалѣемъ имѣнія, которое не наше; Онъ совершилъ это прежде насъ, а мы не дѣлаемъ и послѣ Него; Онъ сдѣлалъ это для нашего спасенія, а мы не хотимъ и для собственной своей пользы; Ему нѣтъ никакого прибытка отъ нашего человѣколюбія, но вся выгода возвращается къ намъ. Для того мы получили повелѣніе раздавать имѣніе, чтобы не лишиться и самимъ. Подобно тому какъ кто даетъ деньги малому ребенку и приказываетъ ему держать крѣпко, или отдаетъ ихъ на сбереженіе слугѣ, чтобы нельзя было желающему похитить, такъ дѣлаетъ и Богъ. Отдай нуждающемуся, говоритъ Онъ, чтобы кто-

нибудь не похитилъ ихъ у тебя, напримѣръ: клеветникъ, воръ, діаволъ, а послѣ всѣхъ смерть. Пока ты самъ владѣешь ими, то не въ безопасномъ мѣстѣ хранишь, а если передашь ихъ черезъ бѣдныхъ Мнѣ, то я все сберегу тебѣ въ цѣлости и въ надлежа-
451 щее время возвращу съ большою прибылью. Я беру ихъ не затѣмъ, чтобы отнять для Себя, но для того, чтобы пріумножить, сберечь въ совершенной цѣлости и сохранить ихъ для тебя къ тому времени, когда никто не дастъ въ займы, никто не сжалится. Итакъ, что можетъ быть жестокосерднѣе насъ, не соглашающихся и послѣ такихъ обѣщаній дать въ займы Богу? Конечно, вслѣдствіе этого мы и отходимъ къ Нему скудными, нагими и нищими, не имѣя при себѣ ввѣреннаго намъ, потому что со своей стороны не передаемъ этого на сохраненіе Тому, Кто сберегаетъ всѣхъ тщательнѣе. Потому мы и подвергнемся крайнему наказанію. Во время нашего обвиненія, что мы въ состояніи будемъ сказать о своей погибели? Какое представимъ оправданіе? Какую защиту? Въ самомъ дѣлѣ, почему ты не далъ? Не вѣришь, что получишь обратно? И какъ можно сказать это? Давшій тому, кто не далъ, не тѣмъ ли вѣрнѣе отдастъ послѣ полученія? Но видъ ихъ (имуществъ) веселитъ тебя? Вслѣдствіе этого и давай усерднѣе, чтобы еще больше увеселяться тамъ, когда никто не отниметъ ихъ у тебя, тогда какъ, владѣя этимъ теперь, ты подвергнешься безчисленнымъ бѣдствіямъ. Діаволъ, подобно псу, бросается на богатыхъ, какъ бы желая вырвать кусокъ хлѣба или пирога изъ рукъ у ребенка. Итакъ, отдадимъ это Отцу. Діаволъ, какъ скоро увидитъ это, непремѣнно убѣжитъ прочь, а по уходѣ его, Отецъ въ сохранности отдастъ тебѣ все это тогда, когда діаволу нельзя уже будетъ безпокоить тебя, именно въ будущемъ вѣкѣ. Богатые въ настоящей жизни ничѣмъ не отличаются отъ малыхъ дѣтей, которыхъ безпокоятъ щенята, такъ какъ всѣ лаютъ вокругъ нихъ, теребятъ ихъ и тащатъ—не только люди, но и низкія страсти, чревоугодіе, пьянство, лесть и всякаго рода распутство. Когда нужно дать въ займы деньги, то мы обыкновенно отыскиваемъ тѣхъ, кто даетъ больше (прибыли), высматриваемъ людей честныхъ. А въ этомъ случаѣ мы поступаемъ напротивъ: оставляемъ справедливаго Бога, подающаго не сторицею, но въ сто кратъ больше, тогда какъ тѣхъ, которые не отдадутъ намъ и самаго капитала, мы ищемъ.

8. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, заплатитъ намъ чрево, пожирающее большую часть (нашего имущества)? Нечистотою и тлѣніемъ. Чѣмъ заплатитъ тщеславіе? Завистью и клеветою. Чѣмъ заплатитъ скупость? Заботами и попеченіями. Чѣмъ заплатитъ рас-

путство? Геенною и ядовитымъ червемъ. Вотъ должники богачей, такую именно прибыль они получаютъ съ капитала—зло въ настоящей жизни и бѣдствіе въ будущей. Итакъ, скажи мнѣ, неужели мы будемъ давать въ займы имъ, подъ условіемъ столь великаго наказанія, а не ввѣримъ богатство Христу, Который обѣщаетъ намъ небо, безсмертную жизнь и неизреченныя блага? И какое мы будемъ имѣть оправданіе? Почему же ты не даешь Тому, Кто несомнѣнно возвратитъ и возвратитъ съ избыткомъ? Можетъ быть, потому, что Онъ возвратитъ спустя продолжительное время? Но Богъ возвращаетъ и въ настоящей жизни, такъ какъ неложенъ сказавшій: *ищите царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. VI, 33). Замѣчаешь ли ты необыкновенную щедрость? То, говоритъ Онъ, сохранено для тебя и не умаляется, а настоящія блага даю въ видѣ прибавки и прибыли. Кромѣ того, полученіе чрезъ продолжительное время увеличиваетъ твое богатство, потому что прибыль становится больше. Мы видимъ, что и ростовщики такъ поступаютъ съ берущими въ займы, охотнѣе снабжая тѣхъ, которые берутъ на долгое время. Тотъ, кто возвратилъ весь долгъ вскорѣ, пресѣкъ и увеличеніе роста; а тотъ, кто держалъ у себя болѣе продолжительное время, доставилъ и больше прибыли. Потомъ, съ людьми мы не затрудняемся отсроч- 452
кою, но даже сами придумываемъ средства продлить ее, а по отношенію къ Богу неужели мы будемъ настолько малодушны, что вслѣдствіе этого станемъ колебаться и отказывать, хотя, какъ я сказалъ, Богъ и здѣсь отдаетъ, и тамъ, по указанной причинѣ, хранитъ все, уготовляя нѣчто иное, большее. Вѣдь великость даваемаго и красота того дара превышаютъ малоцѣнность настоящей жизни и, находясь въ тлѣнномъ и смертномъ тѣлѣ, невозможно принять тѣ неувядаемые вѣнцы и нельзя въ настоящей мятежной жизни, исполненной безпокойствъ и подверженной многимъ перемѣнамъ, принять тотъ непреложный и безмятежный жребій. Если бы кто-нибудь, занявши у тебя золото, обѣщался возвратить тебѣ долгъ тогда, когда ты живешь въ чужой землѣ, не имѣешь рабовъ и не можешь даже привезти деньги домой, то ты, конечно, весьма много сталъ бы просить его, чтобы онъ лучше отдалъ ихъ тебѣ дома, а не на чужой сторонѣ. А духовныя и неизреченныя блага неужели ты желаешь получить здѣсь? Какое это безуміе! Если возьмешь здѣсь, то, безъ сомнѣнія, получишь тлѣнное, а если подождешь будущаго времени, то Господь отдастъ тебѣ нетлѣнное и безсмертное. Если возьмешь здѣсь, то получишь свинецъ, а если — тамъ, то—чистое золото. Кромѣ того, Богъ не лишилъ тебя и настоящихъ благъ, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщаніемъ далъ и другое, говоря такъ:

всякій возлюбившій тѣ дѣла получитъ во сто кратъ въ этомъ вѣкѣ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную (Мѳ. XIX, 29).

Если же мы получаемъ во сто кратъ, то виноваты мы сами, не давая въ займы тому, кто можетъ столько заплатить, такъ какъ всѣ давшіе, хотя бы дали и немного, получили именно столько (во сто кратъ). Скажи мнѣ: что великое далъ Петръ? Не изорванную ли сѣть, не трость ли только и уду? Однакоже Богъ отверзъ ему домы вселенной, распростеръ предъ нимъ сушу и море, всѣ призывали его къ себѣ и, продавая свои имущества, приносили цѣну ихъ къ ногамъ его, не отдавая даже въ руки (потому что не смѣли): столько были для него щедры и такую оказывали ему честь. Но скажешь: онъ былъ Петръ. Такъ чтоже? Вѣдь не одному только Петру обѣщалъ это Христосъ, не сказалъ ему: Петръ, ты одинъ получишь во сто кратъ, но (сказано): *всякъ иже оставитъ домъ и братьевъ, сторицею пріиметъ* (Мѳ. XIX, 29). Богъ не знаетъ различія лицъ, но—достоинства дѣлъ. Но меня, говоришь ты, окружаетъ куча дѣтей и я желаю оставить ихъ богатыми. И конечно, — зачѣмъ ты станешь дѣлать ихъ бѣдняками? Но если ты все оставишь имъ, то опять все свое имущество ввѣришь ненадежной охранѣ, а если сдѣлаешь ихъ сонаслѣдникомъ и попечителемъ Бога, то оставишь имъ и безчисленныя сокровища. Подобно тому какъ, когда мы сами себя защищаемъ, Богъ за насъ не вступается, а когда ввѣряемъ себя Ему, получаемъ отъ Него больше, чѣмъ ожидаемъ, тоже бываетъ и въ отношеніи нашего имущества: если мы сами заботимся о немъ, Богъ удаляется отъ промышленія о немъ, а если все возложимъ на Его попеченіе, Онъ устроитъ во всякой безопасности и наше имѣніе, и дѣтей. И почему ты удивляешься, если такъ поступаетъ Богъ? Всякій можетъ видѣть, что тоже бываетъ и у людей. Если ты передъ смертью не пригласишь никого изъ близкихъ позаботиться о дѣтяхъ твоихъ, то часто и тотъ, кому бы очень хотѣлось, стыдится и не рѣшается вступиться въ это дѣло самовольно, а если ты возложишь на него такое попеченіе, то, будучи удостоенъ столь великой чести, онъ и самъ вознаградитъ за это величайшею благодарностью.

453 9. Итакъ, если желаешь оставить дѣтямъ своимъ большое богатство, оставь имъ промыслъ Божій. Тотъ, Кто безъ всякаго твоего участія далъ тебѣ душу, образовалъ тѣло и даровалъ жизнь, когда увидитъ, что ты обнаруживаешь столь великую преданность и поручаешь Ему и дѣтей и имъ принадлежащее, неужели не отверзетъ для нихъ всего Своего богатства? Если Илія, прокормленный малымъ количествомъ муки, когда увидѣлъ, что та женщина предпочитаетъ его дѣтямъ, явилъ въ хижинѣ

вдовицы гумно и точило, то подумай, какую милость покажетъ Владыка Иліинъ. Потому станемъ заботиться не о томъ, чтобы дѣтей оставить богатыми, но о томъ, чтобы сдѣлать ихъ добродѣтельными. Если они станутъ надѣяться на богатство, то не будутъ заботиться ни о чемъ другомъ, какъ имѣющіе возможность прикрыть порочность нравовъ обиліемъ денегъ; а когда увидятъ, что они лишены этой опоры, то сдѣлаютъ все, чтобы посредствомъ добродѣтели найти себѣ большее утѣшеніе въ вѣчности. Итакъ, не оставляй богатства, чтобы оставить добродѣтель. Вѣдь крайне безразсудно при жизни своей не дѣлать дѣтей господами того, что имѣемъ, а по смерти давать легкомыслію молодости полную свободу. Когда мы живы, то можемъ требовать у нихъ и отчета и, если они дурно пользуются настоящимъ, можемъ вразумлять и обуздывать ихъ, а по смерти своей, если мы, вмѣстѣ съ нашимъ отсутствіемъ и ихъ молодостью, предоставимъ имъ и свободное пользованіе богатствомъ, то ввергнемъ этихъ несчастныхъ и жалкихъ въ величайшую бездну, подложивъ огонь къ огню и подливши масла въ раскаленную печь. Такимъ образомъ, если желаешь оставить дѣтей подлинно богатыми, то оставь должникомъ ихъ Бога и Ему вручи свое завѣщаніе. Если они сами получатъ богатство, то не будутъ знать, кому отдать его, а встрѣтятся со многими — и клеветниками, и людьми безчестными, если же ты заранѣе отдашь его въ займы Богу, то сокровище останется, конечно, неприкосновеннымъ и возвращеніе его состоится съ большою легкостью. Богъ милостивъ, возвращаетъ намъ то, что долженъ, и взираетъ на Своихъ заимодавцевъ пріятнѣе, нежели на тѣхъ, которые ничего не давали Ему въ займы, и, кому больше всего долженъ, того особенно и любитъ. Потому, если хочешь всегда имѣть Его своимъ другомъ, во многомъ сдѣлай Его своимъ должникомъ. Не столько заимодавецъ радуется тому, что имѣетъ должниковъ, сколько веселится Христосъ, имѣя заимодавцевъ; кому Онъ ничего не долженъ, отъ тѣхъ бѣжитъ прочь, а кому долженъ, къ тѣмъ притекаетъ. Итакъ, станемъ дѣлать все, чтобы имѣть Его должникомъ своимъ,—теперь 454
самое удобное время давать взаймы, теперь настоитъ въ этомъ нужда. Если не дашь Ему теперь, то послѣ удаленія отсюда Онъ не будетъ уже имѣть въ тебѣ нужды. Здѣсь Онъ жаждетъ, здѣсь алчетъ; жаждетъ же потому, что жаждетъ твоего спасенія; вслѣдствіе этого Онъ и проситъ, вслѣдствіе этого Онъ и ходитъ нагъ, приготовляя тебѣ безсмертную жизнь. Итакъ, не презри Его: не самъ напитаться Онъ хочетъ, но напитать тебя, не самъ одѣться, но одѣть тебя и приготовить тебѣ ту золотую ризу, царскую одежду. Не видѣлъ ли ты, что наиболѣе заботливые врачи, ког-

да моютъ больныхъ, и сами моются, хотя это для нихъ и не нужно? Такъ и Христосъ все дѣлаетъ для тебя недужнаго. Поэтому Онъ и не насильно требуетъ у тебя, чтобы дать тебѣ большое вознагражденіе,—чтобы ты понялъ, что Онъ требуетъ не по Своей нуждѣ, а для исправленія твоей нужды. Для того Онъ приходитъ къ тебѣ въ бѣдномъ одѣяніи, протягивая десницу и не гнушается, если дашь самую мелкую монету, не отходитъ, если укоришь, но приступаетъ къ тебѣ снова, такъ какъ Онъ желаетъ, сильно желаетъ нашего спасенія. Итакъ, станемъ презирать имущество, чтобы не быть и намъ презрѣнными отъ Христа; станемъ пренебрегать богатствомъ, чтобы пріобрѣсти его. Если мы будемъ беречь его здѣсь, то несомнѣнно погубимъ и здѣсь, и тамъ, а если будемъ раздавать его со многою щедростью, то въ той и другой жизни насладимся великимъ благополучіемъ. Потому желающій сдѣлаться богатымъ пусть сдѣлается нищимъ, чтобы быть богатымъ, — пусть тратитъ, чтобы собрать, и расточаетъ, чтобы соединить. А если это кажется тебѣ новымъ и страннымъ, то посмотри на сѣятеля и разсуди, что онъ не можетъ иначе собрать большаго, если не разбросаетъ того, что имѣлъ, и не истратитъ того, что приготовилъ. Итакъ, станемъ сѣять и мы, будемъ воздѣлывать небо, чтобы пожать намъ въ большемъ изобиліи и достигнуть вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

453 **Что убо речемъ Авраама отца нашего обрѣсти по плоти? Аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога (IV, 1, 2).**

1. Сказавши, что міръ сдѣлался виновенъ предъ Богомъ, что всѣ согрѣшили и невозможно спастись иначе, какъ чрезъ вѣру, апостолъ старается далѣе доказать, что такое спасеніе — основаніе не для стыда, но для блестящей славы и даже большей, чѣмъ слава отъ дѣлъ. А такъ какъ спасеніе, совершающееся со стыдомъ, внушаетъ нѣкоторую и печаль, то онъ теперь устраняетъ такое предположеніе, хотя уже намекнулъ на это и прежде, когда (спасеніе чрезъ вѣру) назвалъ не только спасеніемъ, но и правдою. *Правда бо Божія*, говоритъ, *въ немъ является* (Рим. I, 17), то есть, онъ такъ спасается, какъ спасается и праведникъ, съ полнымъ дерзновеніемъ. И называетъ это спасеніе не только прав-

дою, но и явленіемъ Бога, а Богъ является въ славныхъ, свѣтлыхъ и великихъ дѣлахъ. Кромѣ того, тоже самое онъ раскры- 454
ваетъ и въ другомъ мѣстѣ, излагая рѣчь въ вопросахъ, какъ онъ обыкновенно всегда дѣлаетъ для ясности и вслѣдствіе увѣренности въ словахъ своихъ. Такъ поступилъ онъ и выше, говоря: *что убо лишшее іудею?* И: *что убо преимѣемъ ли лишшее?* И еще: *гдѣ похвала? Отгнася* (Рим. III, 1, 9, 27). Такъ и здѣсь онъ говоритъ: *что убо речемъ Авраама отца нашего?* Въ виду того, что іудеи постоянно ссылались на то, что патріархъ и другъ Божій первый принялъ обрѣзаніе, апостолъ и хочетъ доказать, что и онъ оправдался вѣрою: это и составляетъ торжество его великой побѣды. Вѣдь нимало не странно оправдаться вѣрою тому, кто не имѣетъ дѣлъ; но украшенному заслугами сдѣлаться праведнымъ не вслѣдствіе ихъ, а по вѣрѣ—это было удивительно и особенно обнаруживало силу вѣры. Поэтому апостолъ, умолчавъ 455
о всѣхъ остальныхъ, обращается съ рѣчью къ Аврааму. Онъ назвалъ его отцемъ по плоти, лишая іудеевъ истиннаго съ нимъ родства и открывая путь къ родству съ нимъ язычникамъ. Потомъ говоритъ: *аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога.* Итакъ, сказавъ, что Богъ оправдываетъ обрѣзаніе отъ вѣры и необрѣзаніе вѣрою, и достаточно раскрывъ это выше, онъ примѣромъ Авраама подтверждаетъ это даже больше, чѣмъ обѣщалъ, вводитъ въ состязаніе вѣру и дѣла и всю борьбу сосредоточиваетъ около праведника, и не безъ намѣренія. Вѣдь онъ сильно возвеличиваетъ Авраама, называя его праотцемъ, съ тою цѣлью, чтобы этимъ заставить іудеевъ во всемъ повиноваться ему. Не говори мнѣ объ іудеѣ, разсуждаетъ (Павелъ), не приводи въ примѣръ того, или другого; я восхожу къ главѣ всѣхъ, откуда и получило начало обрѣзаніе. *Аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася*, говоритъ (апостолъ), *имать похвалу, но не у Бога.* Сказанное неясно,— потому необходимо сдѣлать это болѣе яснымъ. Существуютъ двѣ похвалы: одна за дѣла, другая за вѣру. Апостолъ, сказавъ: *аще отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога,* указалъ здѣсь на то, что можно имѣть похвалу за вѣру, притомъ гораздо большую. Великая сила Павла въ томъ особенно и обнаруживается, что онъ предметъ своего разсужденія обратилъ къ противоположному и доказалъ, что спасеніе чрезъ вѣру гораздо въ большей мѣрѣ имѣетъ все то, что принадлежитъ спасенію отъ дѣлъ, т. е. похвалу и дерзновеніе. Хвалящійся дѣлами можетъ выставлять на видъ собственные труды; а кто вмѣняетъ себѣ въ честь, что вѣруетъ въ Бога, тотъ представляетъ гораздо лучшій предлогъ къ похвалѣ, такъ какъ онъ славитъ и возвеличиваетъ Господа. По вѣрѣ въ Бога признавъ истиннымъ то, чего

не открыла природа видимыхъ вещей, онъ доказалъ тѣмъ искреннюю любовь къ Богу и торжественно возвѣстилъ силу Его; а это свойственно благороднѣйшей душѣ, философскому разуму и высокой мысли. Не красть, не убивать — это свойственно людямъ обыкновеннымъ; но вѣрить, что Богъ силенъ совершить невозможное — для этого нуженъ благородно мыслящій духъ, крѣпко приверженный къ Богу, — потому что это служитъ признакомъ истинной любви. Почитаетъ Бога и тотъ, кто исполняетъ заповѣди, но гораздо болѣе чтитъ Его тотъ, кто умудряется вѣрою; первый послушался Его, а послѣдній пріобрѣлъ о Богѣ надлежащее понятіе, прославилъ и возвеличилъ Его болѣе прославленія дѣлами. Первая похвала принадлежитъ совершающему добрыя дѣла, а послѣдняя прославляетъ Бога и принадлежитъ всецѣло Ему, такъ какъ вѣрующій хвалится высокимъ своимъ представленіемъ о Богѣ, которое и переходитъ въ его славу. Потому (апостолъ) и говоритъ, что онъ имѣетъ похвалу предъ Богомъ, но, впрочемъ, не по этой одной причинѣ, а и по другой. Вѣрующій хвалится не тѣмъ только однимъ, что искренно возлюбилъ Бога, но еще и тѣмъ, что удостоился отъ Него великой чести и любви. Какъ онъ возлюбилъ Бога, имѣя о Немъ высокое понятіе (а это и служитъ доказательствомъ любви), такъ и Богъ возлюбилъ его, тысячекратно повиннаго предъ Богомъ, не только освободивъ его отъ наказанія, но и содѣлавъ праведнымъ. Значитъ, вѣрующій имѣетъ основаніе хвалиться, какъ удостоенный великой любви. *Что бо писаніе глаголетъ? Вѣрова Авраамъ Богови, и вмѣнися ему въ правду. Дѣлающему же мзда не вмѣняется по благодати, но по долгу* (IV, 3, 4). Итакъ, послѣднее важнѣе?—спрашиваетъ онъ.
456 Ни мало, потому что вмѣняется и вѣрующему; но не вмѣнилось бы, если бы онъ и самъ ничего не привнесъ.

2. Такимъ образомъ, и вѣрующій имѣетъ должникомъ Бога, и притомъ въ дѣлахъ не случайныхъ, но великихъ и высокихъ. Доказавъ же высоту его ума и духовнаго разумѣнія, (апостолъ) сказалъ не просто—вѣрующему, но: *вѣрующему во оправдающаго нечестива, вмѣняется вѣра его въ правду* (ст. 5). Пойми же, насколько важно увѣриться и убѣдиться въ томъ, что Богъ и жившаго въ нечестіи можетъ вдругъ не только освободить отъ наказанія, но сдѣлать праведнымъ и удостоить безсмертныхъ почестей. Но не думай, что вѣрующій ниже дѣлающаго потому, что послѣднему вмѣняется не по благодати. Вѣрующаго преимущественно то и дѣлаетъ славнымъ, что онъ воспользовался такою благодатію и обнаружилъ такую вѣру. Замѣть, что вѣрующему назначено и большее воздаяніе, такъ какъ дѣлающему дается мзда, а ему праведность; праведность же гораздо важнѣе

мзды, потому что сама есть воздаяніе, заключающее въ себѣ многія награды. Итакъ, доказавъ сказанное примѣромъ Авраама, (апостолъ) обращается къ Давиду, который подтверждаетъ ту же мысль. Что же говоритъ Давидъ и кого называетъ блаженнымъ? Того ли, кто хвалится дѣлами, или того, кто удостоился благодати и получилъ прощеніе грѣховъ и даръ? А когда я говорю о блаженствѣ, то разумѣю вершину всѣхъ благъ. Какъ праведность выше мзды, такъ блаженство выше праведности. Итакъ, (апостолъ), доказавъ превосходство праведности не только примѣромъ Авраама, получившаго ее, но и разсудочными доводами (сказавъ: *имать бо похвалу, но не у Бога*),—опять раскрываетъ ея важность инымъ способомъ, ссылаясь на Давида, свидѣтельствующаго въ ея пользу. И Давидъ, какъ утверждаетъ (апостолъ), называетъ оправдавшагося чрезъ вѣру блаженнымъ, говоря: *блажени, ихже отпустишася беззаконія* (ст. 7). Повидимому, (апостолъ) приводитъ неподходящее свидѣтельство, такъ какъ Давидъ не сказалъ: блаженны тѣ, коихъ вѣра вмѣнена въ праведность; но (апостолъ) дѣлаетъ это намѣренно, а не по незнанію, чтобы показать большее превосходство вѣры. Если блаженъ тотъ, кто получилъ прощеніе по благодати, то тѣмъ болѣе блаженъ оправданный и обнаружившій вѣру. А гдѣ блаженство, тамъ изъятъ всякій стыдъ и пребываетъ великая слава, потому что блаженство и есть полнота наградъ и славы. Потому (апостолъ), говоря о преимуществѣ дѣлающаго: *дѣлающему же мзда не вмѣняется по благодати*, не подтверждаетъ этого Писаніемъ, а превосходство вѣрующаго доказываетъ свидѣтельствомъ изъ Писанія, словами Давида: *блажени, ихже отпустишася беззаконія и ихже прикрышася грѣси*. Почему ты, спрашиваетъ (апостолъ), смущаешься тѣмъ, что получаешь отпущеніе грѣховъ не по долгу, а по благодати? Но вотъ—этотъ именно (получившій отпущеніе по благодати) и ублажается, такъ какъ (пророкъ) не назвалъ бы его блаженнымъ, если бы не зналъ, что онъ наслаждается многою славою. И (апостолъ) не говоритъ, что такое отпущеніе относится къ обрѣзанію, а что? *Блаженство сіе*,—что гораздо важнѣе прощенія грѣховъ,—*на обрѣзаніе ли, или на необрѣзаніе* (ст. 9)? Итакъ, спрашивается: это великое благо (блаженство) съ чѣмъ находится въ связи, съ обрѣзаніемъ или съ необрѣзаніемъ? Замѣть особенность рѣчи: (апостолъ) доказываетъ, что блаженство не только не чуждо необрѣзанія, но и совмѣщается съ нимъ болѣе обрѣзанія. А такъ какъ и самъ Давидъ, называющій блаженнымъ получившаго проще- 457
ніе грѣховъ, былъ обрѣзанъ и говоритъ обрѣзаннымъ, то замѣть, какое искусство обнаружилъ Павелъ, чтобы сказанное Давидомъ приложить къ необрѣзаннымъ. Усвоивъ блаженство праведности

и доказавъ, что оба они составляютъ одно, (апостолъ) разсматриваетъ, какъ оправдался Авраамъ. Если блаженство свойственно праведнику, а съ другой стороны и Авраамъ оправдался, то посмотримъ, когда онъ оправдался, будучи еще необрѣзаннымъ, или уже обрѣзаннымъ. Будучи необрѣзаннымъ, говоритъ (апостолъ): *како убо вмѣнися ему? въ обрѣзаніи ли сущу, или въ необрѣзаніи? Не во обрѣзаніи, но въ необрѣзаніи. Глаголемъ бо, яко вмѣнися Аврааму вѣра въ правду* (ст. 9, 10). Выше, ссылаясь на Писаніе, (апостолъ) сказалъ: *что бо писаніе глаголетъ? Вѣрова Авраамъ Богови и вмѣнися ему въ правду*; а здѣсь онъ предлагаетъ другое мнѣніе и утверждаетъ, что праведность была въ необрѣзаніи. Потомъ онъ рѣшаетъ новое, возникающее отсюда, возраженіе: если (Авраамъ), разсуждаетъ онъ, оправдался будучи необрѣзаннымъ, то для чего введено обрѣзаніе? *Знаменіе пріятъ*, отвѣчаетъ (апостолъ), *и печать правды вѣры, яже въ необрѣзаніи* (ст. 11). Замѣтилъ ли ты, какимъ образомъ онъ доказалъ, что (скорѣе) іудеи находились въ положеніи незванныхъ гостей (τῶν παρασίτων), чѣмъ тѣ, которые, пребывая въ необрѣзаніи, потомъ пріобщены были къ іудеямъ? Вѣдь если (Авраамъ) оправдался и увѣнчанъ, будучи необрѣзаннымъ, потомъ принялъ обрѣзаніе, а впослѣдствіи вошли и іудеи, то, значитъ, Авраамъ прежде всего есть отецъ необрѣзанныхъ, имѣющихъ съ нимъ родство по вѣрѣ, а потомъ уже отецъ обрѣзанныхъ,—онъ есть сугубый праотецъ. Замѣчаешь ли, что вѣра возсіяла? Пока не было вѣры, патріархъ не оправдался. Замѣчаешь ли, что необрѣзаніе нисколько не препятствуетъ? (Авраамъ) былъ необрѣзанъ, и это не помѣшало ему оправдаться. Слѣдовательно, обрѣзаніе явилось позднѣе вѣры.

3. И почему ты удивляешься, что обрѣзаніе явилось позднѣе вѣры, какъ скоро оно позднѣе и необрѣзанія? И не только позднѣе вѣры, но и гораздо несовершеннѣе ея, и притомъ настолько, насколько знакъ вещи блѣднѣе самой вещи, насколько, напримѣръ, изображеніе воина ниже самого воина. А почему, спросишь, (Авраамъ) нуждался въ подобномъ знаменіи или печати? Не онъ самъ нуждался. Для чего же принялъ? Для того, чтобы сдѣлаться общимъ отцемъ вѣрующихъ какъ въ необрѣзаніи, такъ и въ обрѣзаніи, а не просто только обрѣзанныхъ; потому (апостолъ) присовокупляетъ: *не сущимъ точію отъ обрѣзанія* (ст. 12). Если (Авраамъ)—отецъ необрѣзанныхъ не потому, что самъ былъ необрѣзанъ, хотя оправдался въ необрѣзаніи, но потому, что необрѣзанные подражали ему въ вѣрѣ, то тѣмъ болѣе онъ не будетъ по одному обрѣзанію прародителемъ обрѣзанныхъ, если не присоединится и вѣра. Онъ принялъ обрѣзаніе, говоритъ (апостолъ), для того, чтобы мы, тѣ и другіе, имѣли его пра-

отцемъ и чтобы необрѣзанные не изгнали обрѣзанныхъ. Ты замѣчаешь, какъ необрѣзанные первые имѣли (Авраама) своимъ праотцемъ? Если же обрѣзаніе есть нѣчто почтенное потому, что возвѣщаетъ праведность, то немалое преимущество имѣетъ и необрѣзаніе, которое достигло ея прежде обрѣзанія. Итакъ, ты тогда будешь въ состояніи имѣть (Авраама) праотцемъ, когда будешь *ходить въ стопахъ вѣры* (ст. 12) и когда не станешь упорствовать и спорить, отстаивая законъ. Какой же вѣры? скажи мнѣ. *Яже въ необрѣзаніи.* (Апостолъ) опять принижаетъ іудейскую надменность, вспоминая о времени праведности. И хорошо сказалъ: *въ стопахъ*, чтобы ты, подобно Аврааму, вѣровалъ въ воскресеніе мертвыхъ тѣлъ, такъ какъ и относительно этого онъ обнаружилъ вѣру свою. Такимъ образомъ, если ты отвергаешь необрѣзаніе, то знай ясно, что тебѣ нѣтъ никакой пользы и въ обрѣзаніи. Если ты не послѣдуешь по стопамъ вѣры, то, хотя бы и тысячу 458
разъ былъ обрѣзанъ, не сдѣлаешься чадомъ Авраама, такъ какъ онъ для того и принялъ обрѣзаніе, чтобы не отвергнуть тебя, пребывающаго въ необрѣзаніи. И ты не требуй этого отъ него: дѣло это послужило пособіемъ тебѣ, а не ему. Но скажешь, что обрѣзаніе служитъ знаменіемъ праведности. И это для тебя, теперь же этого уже нѣтъ, такъ какъ тогда ты нуждался въ тѣлесныхъ знаменіяхъ, а теперь въ нихъ нѣтъ уже нужды. Еще спросишь: по вѣрѣ (Авраама) развѣ нельзя было узнать о душевной его доблести? Конечно, можно было, но ты нуждался и въ этомъ дополненіи. Такъ какъ ты не возревновалъ о душевной добродѣтели и не могъ ее увидѣть, то тебѣ и дано чувственное обрѣзаніе, чтобы ты, упражняясь въ этомъ тѣлесномъ знаменіи, мало-по-малу руководился и въ направленіи къ душевному любомудрію, и, со всѣмъ усердіемъ принявши обрѣзаніе, какъ знакъ самаго высокаго достоинства, научился подражать прародителю и почитать его. И это Богъ установилъ не въ одномъ только обрѣзаніи, но и во всемъ прочемъ, напримѣръ, въ жертвахъ, субботахъ и праздникахъ. А что (Авраамъ) для тебя принялъ обрѣзаніе, узнай изъ слѣдующихъ словъ (апостола). Сказавши, что (Авраамъ) принялъ знаменіе и печать, онъ указываетъ и причину, говоря: *яко быти ему отцу обрѣзанія*,—для тѣхъ, которые принимаютъ и внутреннее обрѣзаніе, потому что, если имѣешь только одно наружное обрѣзаніе, то никакой пользы отъ него тебѣ не будетъ. Обрѣзаніе тогда бываетъ знаменіемъ, когда вещь знаменіемъ которой оно служитъ, то есть—вѣра, бываетъ видна въ тебѣ; равнымъ образомъ, если ты не имѣешь вѣры, то и знаменіе не можетъ уже быть знаменіемъ. Чего, въ самомъ дѣлѣ, оно будетъ знаменіемъ, чего печатію, какъ скоро нѣтъ запечатлѣн-

наго? Это было бы подобно тому, какъ если бы ты сталъ показывать намъ денежный мѣшокъ съ печатью, когда внутри его ничего не положено. Такъ же смѣшно и обрѣзаніе, когда внутри нѣтъ вѣры. Если же обрѣзаніе есть знаменіе праведности, а ты не имѣешь праведности, то, значитъ, не имѣешь и знаменія. Для того ты и получилъ знаменіе, чтобы отыскать вещь, знакъ которой ты имѣешь, потому что, если бы ты могъ найти ее безъ знаменія, то ты въ немъ и не нуждался бы. Обрѣзаніе возвѣщаетъ не одну только праведность, но именно праведность въ необрѣзаніи. Значитъ, обрѣзаніе возвѣщаетъ не что иное, какъ именно то, что нѣтъ нужды въ обрѣзаніи. *Аще бо сущіи отъ закона наслѣдницы, испразднися вѣра, и разорися обѣтованіе* (ст. 14). (Апостолъ) доказалъ, что вѣра необходима, что она древнѣе обрѣзанія, сильнѣе закона и утверждаетъ его. Какъ скоро всѣ согрѣшили, то она необходима; если (Авраамъ) оправдался, будучи необрѣзаннымъ, то она древнѣе обрѣзанія; если чрезъ законъ бываетъ познаніе грѣха, а вѣра явилась внѣ закона, то она и сильнѣе его; если, наконецъ, законъ свидѣтельствуетъ о вѣрѣ, а она утверждаетъ его, то она не противоположна ему, но дружественна и пребываетъ съ нимъ въ союзѣ. Теперь (апостолъ) опять, но инымъ способомъ, доказываетъ, что посредствомъ закона невозможно было получить наслѣдія. Сопоставивъ вѣру съ обрѣзаніемъ и отмѣтивъ ея преимущества, онъ опять противополагаетъ ее закону, говоря такъ: *аще бо сущіи отъ закона наслѣдницы, испразднися вѣра.* Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что можно имѣть вѣру и соблюсти законъ, (апостолъ) и доказываетъ, что это невозможно. Кто держится закона въ томъ мнѣніи, что онъ можетъ спасти, тотъ безчеститъ силу вѣры. Потому и говоритъ: *испразднися вѣра,* то есть, нѣтъ нужды въ спасеніи благодатію, такъ какъ вѣра не можетъ показать своей силы, и *разорися обѣтованіе.*
459 Можетъ быть, іудей возразитъ: какая мнѣ нужда въ вѣрѣ? Значитъ, если это справедливо, то съ вѣрою уничтожаются и обѣтованія.

4. Обрати вниманіе на то, что (апостолъ) борется съ іудеями во всемъ отъ самаго начала,—со времени патріарха. Доказавъ его примѣромъ, что праведность есть сонаслѣдница вѣры, онъ доказываетъ тоже самое и относительно обѣтованія; и чтобы іудей не сказалъ: какое мнѣ дѣло до того, что Авраамъ оправдался чрезъ вѣру?—Павелъ и говоритъ, что наиболѣе важное для іудея, именно—обѣтованіе наслѣдія, не можетъ придти въ исполненіе безъ вѣры; а это особенно и устрашаетъ іудеевъ. О какомъ же обѣтованіи онъ говоритъ? О томъ, что іудей есть наслѣдникъ міра и всѣ въ немъ благословляются. А какъ упразднено это

обѣтованіе, (апостолъ) говоритъ далѣе. *Законъ бо гнѣвъ содѣловаетъ: идѣже бо нѣсть закона, (ту) ни преступленія* (ст. 15). Если же законъ производитъ гнѣвъ и дѣлаетъ виновными въ преступленіи, то ясно, что онъ подвергаетъ и клятвѣ, а тѣ, которые подлежатъ клятвѣ и наказанію и виновны въ преступленіи, достойны не наслѣдовать, но подвергнуться наказанію и быть изгнанными. Итакъ, что же бываетъ? Приходитъ вѣра, привлекаемая благодатію, и обѣтованіе приводится въ исполненіе. Гдѣ благодать, тамъ прощеніе, а гдѣ прощеніе, тамъ нѣтъ никакого наказанія; если же и наказаніе отмѣнено и является затѣмъ праведность отъ вѣры, то нѣтъ уже никакого препятствія намъ сдѣлаться наслѣдниками обѣтованія отъ вѣры. *Сего ради отъ вѣры*, говоритъ (апостолъ), *да по благодати, во еже быти извѣстну обѣтованію* Божію *всему сѣмени, не точію сущему отъ закона, но и сущему отъ вѣры Авраамовы, иже есть отецъ всѣмъ намъ* (ст. 16). Видишь ли ты, что вѣра не только утверждаетъ законъ, но и обѣтованіе Божіе дѣлаетъ непреложнымъ; законъ же, соблюдаемый не по времени, напротивъ, и вѣру упраздняетъ, и обѣтованію препятствуетъ.

Этимъ (апостолъ) доказываетъ, что вѣра нетолько не излишня, но и настолько необходима, что безъ нея невозможно и спастись. Вѣдь законъ производитъ гнѣвъ, потому что всѣ его преступили, а вѣра не оставляетъ и повода къ возникновенію гнѣва: *идѣже бо нѣсть закона*, говоритъ (апостолъ), *(ту) ни преступленія*. Видишь ли, какъ вѣра не только истребляетъ совершенный грѣхъ, но и не позволяетъ ему рождаться? Потому (апостолъ) и говоритъ: *по благодати*. Для чего же это? Не для того, чтобы насъ устыдить, но *во еже быти извѣстну обѣтованію всему сѣмени*. Здѣсь (апостолъ) указываетъ два блага,—во-первыхъ, что дары непреложны и, во-вторыхъ, что они даются всему сѣмени, причемъ онъ включаетъ сюда и язычниковъ и показываетъ, что іудеи окажутся внѣ, если станутъ враждовать противъ вѣры. Вѣдь это (вѣра) болѣе надежно, чѣмъ то (законъ): вѣра не вредитъ тебѣ, только не упорствуй, она даже спасаетъ тебя, бѣдствующаго отъ закона. Потомъ (апостолъ), послѣ того какъ сказалъ—*всему сѣмени*, опредѣляетъ, какому сѣмени, и говоритъ: *сущему отъ вѣры*, указывая на родство (Авраама) съ язычниками и на то, что не могутъ мудрствовать объ Авраамѣ тѣ, которые не вѣруютъ, подобно ему. Вотъ вѣра совершила и иное, третье: она сдѣлала родство съ праведникомъ болѣе полнымъ и явила его праотцемъ многочисленнѣйшаго потомства. Потому (апостолъ) наименовалъ его не 460
просто Авраамомъ, но отцемъ всѣхъ насъ, вѣрующихъ. Потомъ, подтверждая сказанное свидѣтельствомъ, (апостолъ) говоритъ: *якоже есть писано, яко отца многимъ языкомъ положихъ тя* (ст. 17).

Видишь ли, что это издревле установлено. Но что же? — возразишь ты: можетъ быть, это говорится объ измаильтянахъ или амаликитянахъ или агарянахъ? Впослѣдствіи (апостолъ) яснѣе доказываетъ, что не о нихъ сказано, а пока для подтвержденія того же самаго спѣшитъ къ другому, опредѣляя образъ такого сродства и раскрывая это съ великимъ глубокомысліемъ. Что именно онъ говоритъ? *Прямо Богу, Ему же вѣрова* (ст. 17). Смыслъ этихъ словъ таковъ: какъ Богъ не есть Богъ частный, но Отецъ всѣхъ, такъ и Авраамъ. И еще: какъ Богъ есть Отецъ нашъ не по естественному родству, а по усвоенію вѣры, такъ и Авраамъ, потому что послушаніе дѣлаетъ его отцемъ всѣхъ насъ. И такъ какъ іудеи думали, что такое родство не имѣетъ никакого значенія, послѣ того какъ они получили другое, болѣе грубое, то (апостолъ) переведя рѣчь на Бога, доказываетъ, что родство по вѣрѣ гораздо важнѣе. А вмѣстѣ съ этимъ открываетъ и то, что (Авраамъ) получилъ его въ награду за вѣру, такъ что, если бы этого не было, то, хотя бы онъ и былъ отцемъ всѣхъ живущихъ на землѣ, выраженіе: *прямо Богу* не имѣло бы мѣста, но даръ Божій былъ бы умаленъ; слово—*прямо* значитъ—подобно. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, что удивительнаго — быть отцемъ тѣхъ, которые произошли отъ него? Это свойственно и всякому человѣку. Но удивительно то, что онъ по дару Божію получилъ тѣхъ, которые не были его дѣтьми по природѣ.

5. Такимъ образомъ, если хочешь повѣрить, что патріархъ былъ удостоенъ чести, то вѣрь, что онъ—отецъ всѣхъ. И (апостолъ), сказавъ: *прямо Богу, Ему же вѣрова*, не остановился на этомъ, но прибавилъ: *животворящему мертвыя, и нарицающему несущая яко сущая* (ст. 17). Здѣсь онъ ведетъ предварительную рѣчь о воскресеніи, которая и нужна была ему для настоящаго предмета. Если для Бога возможно оживлять мертвыхъ и не существующее приводить въ бытіе, то возможно также и не рожденныхъ (отъ Авраама) сдѣлать дѣтьми его. Потому (апостолъ) не сказалъ: приводящему въ бытіе не существующее, но—*нарицающему*, указывая на большую легкость этого дѣла (для Бога). Какъ намъ легко назвать существующее, такъ легко и Ему, даже гораздо легче привести въ бытіе не существующее. А когда (апостолъ) говоритъ, что даръ Божій великъ и неизреченен, и когда разсуждаетъ о силѣ его, то доказываетъ, что и вѣра Авраама достойна этого дара, чтобы ты не подумалъ, что Авраамъ удостоенъ почестей не по заслугамъ. Итакъ, ободривъ слушателя, чтобы онъ не смущался и чтобы іудей не возражалъ и не говорилъ: „какъ можно не дѣтей сдѣлать дѣтьми“, (апостолъ) опять переводитъ рѣчь на патріарха и продолжаетъ: *иже паче упованія*

во упованіе вѣрова, во еже быти ему отцу многимъ языкомъ, по реченному: тако будетъ сѣмя твое (ст. 18).

Какъ сверхъ надежды онъ повѣрилъ съ надеждою? Сверхъ 461
надежды человѣческой, съ надеждою Божіей. (Апостолъ) доказываетъ и величіе дѣла, и устраняетъ невѣроятность сказаннаго, а что было противоположно другъ другу, то согласила вѣра. И если бы (апостолъ) говорилъ о потомствѣ, происшедшемъ отъ Измаила, то слова (*паче упованія*) излишни были бы, потому что это потомство родилось (отъ Авраама) не по вѣрѣ, а по естеству. Но (апостолъ) разумѣетъ здѣсь Исаака, потому что (Авраамъ) увѣровалъ не ради тѣхъ язычниковъ, но ради того, кто долженъ былъ родиться отъ безплодной жены. Значитъ, если (для Авраама) составляетъ награду то, чтобы сдѣлаться отцемъ многихъ народовъ, то ясно, что именно тѣхъ народовъ, ради которыхъ онъ увѣровалъ. А чтобы тебѣ убѣдиться, что (апостолъ) говоритъ именно объ этихъ народахъ, выслушай послѣдующее: *и не изнемогъ вѣрою, ни усмотри своея плоти, уже умерщвленныя, столѣтенъ нѣгдѣ сый, и мертвости ложеснъ Сарриныхъ* (ст. 19). Видишь ли, какъ (апостолъ) указываетъ и препятствія, и высокій, все превосходящій, умъ праведника? Обѣтованное, говоритъ онъ, было сверхъ надежды, это—первое затрудненіе, такъ какъ Авраамъ не имѣлъ возможности увидѣть другого, который бы при такихъ обстоятельствахъ получилъ сына. Жившіе послѣ него взирали на него, а онъ ни на кого не взиралъ, кромѣ единаго Бога, потому и сказано: *паче упованія*. Потомъ, омертвѣвшая плоть его составляла второе затрудненіе, а омертвѣніе утробы Сарриной — третье и четвертое. *Во обѣтованіи же Божіи не усумнѣся невѣрованіемъ* (ст. 20). Богъ не далъ доказательства (Своего обѣтованія) и не совершилъ чуда, но были одни простыя слова, заключающія такое обѣтованіе, (исполненіе) котораго природа не обѣщала. Однако же, (Авраамъ) *не усумнѣся*, говоритъ. (Апостолъ) не сказалъ—не повѣрилъ, но—*не усумнѣся*, то есть не усумнился, не поколебался, хотя и было столько затрудненій. Отсюда мы узнаемъ, что если Богъ обѣщаетъ и тысячи невозможностей, а слышащій не принимаетъ этого, то слабость происходитъ не отъ природы вещей, но отъ неразумія не принявшаго обѣтованій. *Но возможе вѣрою* (ст. 20). Обрати вниманіе на мудрость Павла. Такъ какъ рѣчь была объ исполняющихъ законъ и о вѣрующихъ, то (апостолъ) доказываетъ, что вѣрующій дѣлаетъ больше, чѣмъ исполнитель закона, имѣетъ нужду въ большей силѣ и во многой крѣпости и переноситъ не обыкновенный трудъ. Вѣдь (іудеи) унижали вѣру, какъ нѣчто не требующее труда. Потому (апостолъ), возставая противъ этого, доказываетъ, что не только преуспѣвающій въ цѣломудріи или въ

другой какой-либо добродѣтели, но и являющій вѣру нуждаются въ очень многой силѣ. Какъ первый имѣетъ нужду въ мужествѣ, чтобы отгонять помыслы невоздержанія, такъ и вѣрующій нуждается въ мощной душѣ, чтобы отражать мысли невѣрія. Какъ же укрѣпился (Авраамъ)? Онъ, говоритъ (апостолъ), все предоставилъ вѣрѣ, а не разуму, такъ какъ и онъ (въ противномъ случаѣ) палъ бы. Какъ же онъ преуспѣлъ въ самой вѣрѣ? *Давъ славу Богу*, говоритъ (Павелъ), *и извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити* (ст. 21). Итакъ, не испытывать — значитъ славить Бога, а испытывать — значитъ грѣшить. Если мы, испытывая и изслѣдуя земное, не прославляемъ Бога, то, любопытствуя о рожденіи Владыки, тѣмъ болѣе навлечемъ на себя крайнее наказаніе, какъ оскорбляющіе его. Если не должно входить въ изслѣдованія объ образѣ воскресенія, то тѣмъ болѣе — о тѣхъ неизреченныхъ и страшныхъ тайнахъ. И (апостолъ) не сказалъ просто — повѣривъ, но—*извѣстенъ бывъ*. Таково-то свойство вѣры; она яснѣе доказательствъ разума и болѣе убѣждаетъ, и невозможно, чтобы другой помыселъ, проникнувъ въ область
462 вѣры, поколебалъ ее. Тотъ, кто слѣдуетъ доказательствамъ разума, можетъ и измѣнить свои убѣжденія, а кто утверждается на вѣрѣ, тотъ уже заградилъ свой слухъ для доводовъ, разрушающихъ вѣру. Потому, сказавъ, что (Авраамъ) оправдался вѣрою, (апостолъ) доказываетъ, что онъ вѣрою и прославилъ Бога. Это главнымъ образомъ и свойственно жизни, какъ и сказано: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мѳ. V, 16). Вотъ въ этомъ и проявляется вѣра. Но съ другой стороны, какъ дѣла требуютъ силы, такъ и вѣра. Здѣсь (въ дѣлахъ) часто и тѣло раздѣляетъ трудъ, а тамъ (въ вѣрѣ) проявляется преуспѣяніе одной души; такимъ образомъ, и трудъ ея больше, какъ скоро никто не раздѣляетъ съ нею подвиговъ.

6. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) доказалъ, что все то, что свойственно дѣламъ, какъ-то: имѣть похвалу у Бога, нуждаться въ силѣ и трудѣ и опять прославлять Бога,—въ большей степени принадлежитъ вѣрѣ? Сказавши же о томъ, что (Богъ) силенъ исполнить то, что обѣтовалъ, апостолъ, мнѣ кажется, провозглашаетъ о будущемъ, потому что Богъ обѣтовалъ не одно настоящее, но и будущее, образомъ котораго служитъ настоящее. Итакъ, не вѣровать свойственно уму слабому, малому и скудному, такъ что, всякій разъ какъ кто-нибудь станетъ хулить насъ за вѣру, то мы въ свою очередь будемъ укорять ихъ въ невѣріи, какъ людей несчастныхъ, малодушныхъ, неразумныхъ и слабыхъ, которые ничѣмъ не лучше ословъ. Какъ вѣровать свойственно душѣ воз-

вышенной и благородной, такъ невѣріе служитъ признакомъ души неразумнѣйшей, низкой, опустившейся до безумія животныхъ. Потому, оставивъ тѣхъ (невѣрующихъ), будемъ подражать патріарху и прославимъ Бога, какъ и онъ воздалъ Ему славу. Что же значитъ: *воздалъ славу Богу?* Значитъ: уразумѣлъ Его правду, Его безконечное могущество и, составивъ себѣ надлежащее понятіе о Богѣ, совершенно увѣрился въ (Божіихъ) обѣтованіяхъ. Итакъ, станемъ и мы прославлять Бога вѣрою и дѣлами, чтобы и намъ получить въ награду прославленіе отъ Него, какъ Онъ и сказалъ: *прославляющія Мя прославлю* (1 Цар. 11, 30). Но если бы не было обѣщано и никакой награды, то удостоиться славить Бога само по себѣ было бы славою. Если люди, возглашающіе славословія предъ царями, хвалятся только однимъ этимъ, хотя бы и не получали отъ того никакой другой выгоды, то разсуди, какая намъ хвала, когда чрезъ насъ прославляется нашъ Владыка, а съ другой стороны, какое наказаніе поступать такъ, чтобы Онъ хулился чрезъ насъ, тѣмъ болѣе, что и прославленія Онъ желаетъ для насъ же, потому что самъ не имѣетъ нужды въ этомъ дѣлѣ. Какое, по твоему мнѣнію, существуетъ разстояніе между Богомъ и человѣкомъ? Развѣ не такое же, какое между людьми и червями? Впрочемъ, указавъ и такое разстояніе, я еще ничего не сказалъ, да и вообще нельзя объ этомъ сказать ничего опредѣленнаго. Но неужели ты пожелаешь отъ червя имѣть великую и громкую себѣ славу? Итакъ, если ты и при сильномъ стремленіи къ славѣ не пожелалъ бы этого, то будетъ ли нуждаться въ твоемъ прославленіи Тотъ, Кто свободенъ отъ такого желанія и безконечно выше тебя? Однако, и не имѣя нужды въ твоемъ прославленіи, Онъ говоритъ, что желаетъ его ради тебя. И если Онъ не погнушался сдѣлаться рабомъ ради 463
тебя, то почему ты удивляешься, что по тому же побужденію Онъ принимаетъ и другое? Онъ ничего не считаетъ недостойнымъ Себя, что бы ни способствовало нашему спасенію. Итакъ, зная это, будемъ избѣгать всякаго грѣха, которымъ Богъ хулится. *Якоже лица змiина*, сказано, *бѣжи отъ грѣха* (Сир. xxi, 2). Если ты подойдешь къ грѣху, онъ угрызнетъ тебя; но онъ не самъ къ намъ подходитъ, а мы добровольно бѣжимъ къ нему. Такъ устроилъ Богъ, чтобы мы не подпали владычеству діавола, потому что иначе никто бы не могъ противостоять его силѣ. Потому Богъ удалилъ его, какъ какого-нибудь разбойника и мучителя; онъ не смѣетъ напасть, если только не застигнетъ кого-нибудь въ своихъ владѣніяхъ безоружнымъ и одинокимъ; не дерзаетъ приблизиться, если не увидитъ, что мы идемъ пустынею; а эта пустыня и жилище діавола есть не иное что, какъ

грѣхъ. Итакъ, намъ нужны щитъ вѣры, шлемъ спасенія и мечъ духовный, чтобы не только не потерпѣть намъ зла, но, если діаволъ захочетъ напасть на насъ, отсѣчь ему голову; намъ нужны непрестанныя молитвы, чтобы попрать его ногами. Діаволъ безстыденъ и наглъ; къ тому же нападаетъ снизу, однако, и такимъ способомъ побѣждаетъ. А причина этого та, что мы сами не стараемся оказаться выше его ударовъ: вѣдь онъ не можетъ подняться высоко, но пресмыкается по землѣ, и потому змій есть его образъ. А если Богъ такое указалъ ему мѣсто въ началѣ, тѣмъ болѣе таковъ онъ нынѣ. Если же ты не знаешь, что значитъ нападать снизу, я попытаюсь объяснить тебѣ способъ такой борьбы. Итакъ, что значитъ нападать снизу? Одолѣвать посредствомъ земныхъ вещей, посредствомъ удовольствій, богатства и всего житейскаго. Потому, если діаволъ увидитъ, что кто-нибудь паритъ къ небу, то, во-первыхъ, онъ не можетъ наскочить на него, а во-вторыхъ, если и рѣшается, то быстро самъ упадетъ: вѣдь онъ не имѣетъ ногъ,—не бойся, не имѣетъ и крыльевъ,—не страшись, онъ ползаетъ только по землѣ и пресмыкается среди земныхъ дѣлъ. Пусть же у тебя не будетъ ничего общаго съ землею; тогда тебѣ не потребуется и труда. Діаволъ не умѣетъ сражаться открыто, но, какъ змій, скрывается въ терніяхъ, часто притаиваясь въ прелести богатства. Если ты посѣчешь это терніе, то онъ, тотчасъ придя въ робость, убѣжитъ, а если ты умѣешь заговорить его божественными заклинаніями, то тотчасъ ранишь его. Есть у насъ духовныя заклинанія—имя Господа нашего Іисуса Христа и сила креста. Это заклинаніе не только изгоняетъ дракона изъ его логовища и ввергаетъ въ огонь, но даже исцѣляетъ раны.

Если же многіе, хотя и произносили (это заклинаніе), но не исцѣлились, то это произошло отъ маловѣрія ихъ, а не отъ безсилія произнесеннаго; также точно многіе прикасались къ Іисусу и тѣснили Его, но не получили никакой пользы, а кровоточивая жена, прикоснувшаяся не къ тѣлу, но къ краю одежды Его, остановила долговременные токи крови. Имя Іисуса Христа страшно для демоновъ, страстей и болѣзней. Итакъ, станемъ Имъ украшаться, Имъ ограждаться. Такъ и Павелъ сдѣлался великъ; хотя онъ и былъ одинаковаго съ нами естества, но вѣра сдѣлала его совершенно инымъ, и таково было въ немъ обиліе даровъ, что и одежды его имѣли великую силу. Какого же оправданія достойны мы, если тѣнь и одежды апостоловъ отгоняли смерть, а у насъ даже молитвы не усмиряютъ страстей? Какая причина этого? Большое различіе въ духѣ. Естественныя способности у насъ
461 съ Павломъ общія и равныя: одинаково съ нами онъ родился и

воспитанъ, обиталъ на той же землѣ и дышалъ тѣмъ же воздухомъ. Но въ остальномъ онъ былъ гораздо лучше и совершеннѣе насъ, именно въ отношеніи ревности, вѣры, любви. Станемъ же подражать ему, дадимъ возможность Христу и чрезъ насъ возвѣщать: вѣдь Онъ желаетъ этого болѣе насъ и потому устроилъ органъ слова и не хочетъ, чтобы онъ оставался безъ пользы и безъ дѣйствія, но желаетъ всегда имѣть его у Себя въ рукахъ. Почему же ты не держишь его въ готовности для руки художника, но ослабляешь струны, размягчаешь ихъ роскошною жизнью и дѣлаешь гусли для Него вовсе негодными, тогда какъ слѣдовало бы натянуть и настроить струны, натереть духовною солію? Если Христосъ увидитъ, что душа наша такъ настроена, то извлечетъ изъ нея звуки. А когда это произойдетъ, ты увидишь ликующихъ ангеловъ, архангеловъ и херувимовъ. Итакъ, сдѣлаемся достойными пречистыхъ рукъ; станемъ просить Господа, чтобы Онъ прикоснулся къ сердцу нашему. Но, лучше сказать, и просьбы не нужны: сдѣлай только сердце свое достойнымъ такого прикосновенія, и Господь первый притечетъ къ тебѣ. Если Онъ притекаетъ къ тѣмъ, которые хотятъ прибѣгнуть къ Нему (такъ Онъ превознесъ похвалами Павла, не бывшаго еще таковымъ), то чего Онъ не сдѣлаетъ, когда увидитъ, что ты совершенно приготовился? А какъ скоро Христосъ извлечетъ звуки изъ души нашей, то несомнѣнно снизойдетъ на насъ Духъ и мы будемъ лучше неба, имѣя не солнце и луну отпечатлѣнными на тѣлѣ нашемъ, но самого Владыку солнца, луны и ангеловъ, въ насъ поселившагося и шествующаго.

Я говорю это не для того, чтобы намъ воскрешать мертвыхъ, очищать прокаженныхъ, но для того, чтобы мы явили чудо, которое больше всего этого, именно — любовь. Гдѣ только есть это благо, тамъ немедленно является Сынъ со Отцемъ и снисходитъ благодать Духа. *Идѣже бо*, говоритъ Христосъ, *еста два или тріе собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мѳ. XVIII, 20). Имѣть вокругъ себя лицъ любимыхъ означаетъ сильную привязанность, свойственную сильно любящимъ. Но кто же, спросишь, настолько ничтоженъ, чтобы не захотѣть имѣть съ собою Христа? Мы, враждующіе другъ противъ друга. Можетъ быть кто-нибудь засмѣется надо мною и скажетъ: что ты говоришь? Ты видишь, что всѣ мы собрались подъ одними и тѣми же стѣнами, въ одной и той же церковной оградѣ, составляемъ одно согласное стадо, ни съ кѣмъ не препираемся, руководствуемся всѣ однимъ пастыремъ, всѣ вмѣстѣ слушаемъ, что говорятъ намъ, возсылаемъ общія молитвы,—и ты упоминаешь о брани и враждѣ? Да, напоминаю о брани и говорю это въ полномъ умѣ, не потерявши разсудка. Я вижу то, что

вижу, и знаю, что мы находимся въ одной общей оградѣ, подъ властью одного пастыря. Но потому я особенно и плачу, что при стольких побужденіяхъ къ единодушію мы возстаемъ другъ на друга. Опять спросишь: какую же распрю видишь ты здѣсь? Здѣсь—никакой, но когда разойдемся, одинъ обвиняетъ другого, иной явно оскорбляетъ, этотъ завидуетъ, лихоимствуетъ и грабитъ, тотъ притѣсняетъ, иной предается постыдной любви, иной сплетаетъ тысячи козней. И если бы можно было раскрыть наши души, то вы увидѣли бы все это въ точности и согласились бы, что я не безумствую.

8. Не видите ли вы въ воинскихъ лагеряхъ, что воины, по заключеніи мира, сложивъ съ себя оружіе, безъ всякаго прикрытія и защиты входятъ въ непріятельскій станъ? А когда они защищены оружіемъ, вездѣ стражи, дозоры, ночи безъ сна и постоянно горятъ костры, то это уже не миръ, а война. Это можно
465 наблюдать и среди насъ: мы другъ друга остерегаемся и опасасаемся, каждый съ сосѣдомъ перешептывается на ухо, а какъ скоро увидимъ, что подходитъ посторонній, замолчимъ и все на виду прикроемъ: это свойственно не людямъ довѣрчивымъ, но чрезмѣрно осторожнымъ. Но, скажешь, мы дѣлаемъ это не затѣмъ, чтобы обидѣть, а затѣмъ, чтобы не подвергнуться обидѣ. Потому-то я и скорблю, что, живя среди братьевъ, мы во избѣжаніе обиды нуждаемся въ охранѣ, зажигаемъ такъ много огней и разставляемъ стражу и дозоры. А причина этого—частая ложь, частые обманы, общій недостатокъ любви и непримиримая вражда. Вслѣдствіе этого, конечно, и случается видѣть, что многіе довѣряютъ больше язычникамъ, нежели христіанамъ. Какого стыда, конечно, заслуживаетъ это, сколькихъ слезъ, сколькихъ стенаній! Что же мнѣ дѣлать?—говоришь ты,—этотъ человѣкъ грубъ и несносенъ. А гдѣ твое любомудріе? Гдѣ апостольскіе уставы, повелѣвающіе намъ носить бремена другъ друга? Если не умѣешь обходиться съ братомъ, то какъ можешь хорошо жить съ чужимъ? Если не умѣешь устроиться съ собственнымъ своимъ членомъ, то какъ ты можешь привлечь къ себѣ и приспособить посторонняго? Но что же я буду дѣлать? Я вижу крайнее неудобство проливать слезы, такъ какъ, по примѣру пророка, испустилъ бы обильные источники изъ очей, видя на этомъ полѣ тысячи браней, которыя ужаснѣе видѣнныхъ пророкомъ. Онъ, видя вторженіе варваровъ, говорилъ: *чрево мое болитъ мнѣ* (Іер. IV, 19), а я вижу, что подчиненные одному военачальнику возстаютъ другъ на друга, грызутъ и терзаютъ члены другъ друга, одни изъ-за денегъ, другіе изъ-за славы, иные просто безъ всякой причины смѣются и издѣваются другъ надъ другомъ, наносятъ

другъ другу тысячи ранъ, вижу и мертвыхъ, болѣе обезображенныхъ, чѣмъ на войнѣ, вижу, что осталось одно пустое имя братства, и не могу придумать, какъ достойно оплакать такое печальное зрѣлище. Итакъ, устыдитесь, устыдитесь этой трапезы, которой всѣ мы пріобщаемся; устыдитесь Христа, за насъ закланнаго, и жертвы, здѣсь предложенной. Даже разбойники, принимая участіе въ пищѣ, перестаютъ уже быть разбойниками для тѣхъ, кого они дѣлаютъ своими сотрапезниками: трапеза перемѣняетъ ихъ нравы и дѣлаетъ смиреннѣе овецъ тѣхъ, которые въ другое время лютѣе звѣрей. А мы, участвуя въ этой трапезѣ, пріобщаясь этого брашна, вооружаемся другъ противъ друга, тогда какъ слѣдовало бы дѣлать это противъ діавола, враждующаго со всѣми нами. Потому, конечно, мы съ каждымъ днемъ становимся слабѣе, а онъ сильнѣе. Мы не вмѣстѣ другъ съ другомъ ополчаемся на него, но вмѣстѣ съ нимъ возстаемъ другъ на друга и пользуемся имъ, какъ вождемъ, въ этихъ браняхъ, тогда какъ всѣмъ намъ надлежало бы противъ него одного сражаться; взамѣнъ этого мы, оставивъ его въ покоѣ, обращаемъ стрѣлы противъ братьевъ. Какія стрѣлы? спрашиваешь. Стрѣлы языка и устъ. Вѣдь не только стрѣлы и копья, но и слова наносятъ раны, которыя даже гораздо болѣзненнѣе нанесенныхъ стрѣлами. Какъ мы можемъ прекратить эту борьбу?—спросишь. Если поймешь, что, говоря худо о братѣ, ты источаешь изъ устъ своихъ грязь, если будешь представлять, что клевещешь на того, кто составляетъ одинъ изъ членовъ Христовыхъ, что поѣдаешь собственную плоть свою, что страшный тотъ и нелицепріятный судъ дѣлаешь для себя еще болѣе строгимъ, что стрѣла твоя убиваетъ не пораженнаго ею, но тебя, пустившаго ее. Но онъ обидѣлъ въ чемъ-нибудь и сдѣлалъ зло? Поскорби, но не говори худо; заплачь, но не ради своей обиды, а вслѣдствіе погибели обидчика, какъ и Владыка твой плакалъ объ Іудѣ не потому, что самъ былъ распинаемъ, но потому, что Іуда предалъ Его. Онъ оскорбилъ 466
тебя и укорилъ? Помолись Богу, чтобы Онъ скорѣе надъ нимъ умилосердился. Онъ братъ твой, разрѣшилъ тѣ же самыя болѣзни рожденія, онъ твой сочленъ, призванъ къ одной съ тобою трапезѣ. Но онъ очень часто нападаетъ на меня, говоришь ты. Значитъ, тебѣ высшая и большая награда, и въ этомъ случаѣ тебѣ особенно и справедливо отложить свой гнѣвъ, такъ какъ онъ получилъ смертельный ударъ, его поразилъ діаволъ.

9. Итакъ, не наноси ему ранъ и ты, не падай съ нимъ и самъ: пока стоишь, ты можежь спасти и его, а если нанесеніемъ обиды ниспровергаешь и себя самого, кто потомъ подниметъ васъ? Тотъ, раненный (подниметъ)? Но онъ лежитъ и не сможетъ. Или ты, съ

нимъ вмѣстѣ павшій? Но какъ ты, неспособный подать руку помощи самому себѣ, поможешь другому? Итакъ, стой мужественно и, держа передъ собою щитъ, своимъ долготерпѣніемъ извлеки изъ битвы своего мертваго брата. Его уязвилъ гнѣвъ? Но не уязвляй и ты, а прежде всего извлеки стрѣлу. Если мы такъ станемъ обходиться другъ съ другомъ, то скоро всѣ сдѣлаемся здоровыми, а если станемъ вооружаться другъ противъ друга, то, наконецъ, не нужно будетъ и діавола для нашей погибели. Всякая война тяжела, особенно же война междуусобная. Но эта борьба тяжелѣе и междуусобной, насколько важнѣе права христіанскаго общества, а лучше сказать права и самаго нашего родства. Нѣкогда братъ убилъ Авеля и пролилъ родственную кровь, но это убійство беззаконнѣе того, насколько важнѣе наше родство и насколько ужаснѣе эта смерть. Каинъ поразилъ тѣло, а ты изострилъ мечъ противъ души. Но ты первый потерпѣлъ зло? Не терпѣть, но причинять зло—вотъ что значитъ подвергнуться злу. Смотри же: Каинъ умертвилъ, Авель умерщвленъ, но кто оказался мертвымъ? Тотъ ли, который вопіетъ по смерти и о которомъ сказано: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ* (Быт. IV, 10), или тотъ, который въ жизни трепеталъ и боялся? Конечно, Каинъ, который жалокъ болѣе всякого мертвеца. Видишь ли, насколько лучше подвергнуться обидѣ, хотя бы (обида) простиралась и до убійства? Пойми, что гораздо хуже дѣлать неправду, хотя бы кто-нибудь дошелъ и до убійства. Каинъ поразилъ и убилъ брата, но послѣдній увѣнчанъ, а первый наказанъ; Авель былъ несправедливо истребленъ и умерщвленъ, но онъ, умирая, обвинялъ, одерживалъ верхъ и смирялъ, а оставшійся въ живыхъ молчалъ, покрывался стыдомъ, побѣждался и дѣлалъ все вопреки своему желанію. Онъ убилъ брата, такъ какъ видѣлъ, что онъ любимъ, надѣясь лишить его и любви, но лишь увеличилъ къ нему любовь, и Богъ, по смерти его, больше искалъ его, говоря: *гдѣ есть Авель братъ твой* (Быт. IV, 9)? Ты не потушилъ любви завистью, но сильнѣе воспламенилъ ее; не умалилъ честь убійствомъ, но увеличилъ ее. Прежде самъ Богъ подчинялъ тебѣ брата, но, такъ какъ ты умертвилъ его, онъ по смерти будетъ твоимъ судьею: такова у Меня любовь къ нему. Итакъ, кто изъ нихъ былъ осужденъ: наказывающій или наказанный? Тотъ ли, кто получилъ отъ Бога столь великую честь, или тотъ, кто былъ преданъ новому и необыкновенному мученію? Ты не убоялся его живого, говоритъ (Богъ), потому убойся мертваго; ты не трепеталъ, намѣреваясь приблизить мечъ, потому, проливши кровь, ты будешь объятъ непрестаннымъ страхомъ; при жизни онъ былъ твоимъ рабомъ, и ты не терпѣлъ его, за то по смерти

онъ сдѣлался грознымъ для тебя господиномъ. Итакъ, помышляя 467—468
объ этомъ, будемъ, возлюбленные, избѣгать зависти, потушимъ злобу, воздавая другъ другу любовь, чтобы получить намъ благіе плоды ея, какъ въ настоящей, такъ и въ будущей жизни, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

Не писано же бысть за того единаго точію, яко вмѣ- 467
нися ему въ правду; но и за ны, имже хощетъ вмѣнитися, вѣрующимъ въ воскресившаго Іисуса Господа нашего изъ мертвыхъ (IV, 23, 24).

1. Сказавши многое и великое объ Авраамѣ, о его вѣрѣ, праведности и чести у Бога, апостолъ, чтобы слушатель не возразилъ: „что же намъ отъ этого? вѣдь Авраамъ одинъ оправдался",—опять ставитъ насъ вблизи патріарха. Такова сила духовныхъ глаголовъ. Онъ сказалъ, что тотъ изъ язычниковъ, который недавно пришелъ (къ вѣрѣ) и ничего самъ не сдѣлалъ, не только ничего не имѣетъ меньше вѣрующаго іудея, но и даже патріарха, а лучше сказать, если нужно сказать что-нибудь удивительное, имѣетъ предъ нимъ и преимущество. Наше благородство настолько велико, что вѣра патріарха была только образомъ нашей. И апостолъ не сказалъ: если ему вмѣнилось, то, естественно, вмѣнится и намъ,—чтобы не вывести тебѣ отсюда такого умозаключенія: онъ вѣщаетъ по силѣ божественныхъ законовъ и все основываетъ на изреченіи Писанія. Для чего, говоритъ онъ, и было написано, если не для того, чтобы научить насъ, что и мы также оправдываемся? Вѣдь мы повѣрили тому же Богу и относительно однихъ и тѣхъ же дѣлъ, хотя и не въ отношеніи къ однимъ и тѣмъ же лицамъ. Сказавъ же о нашей вѣрѣ, (апостолъ) говоритъ и о неизреченномъ Божіемъ человѣколюбіи, къ которому онъ всегда обращаетъ (рѣчь), вынося на средину крестъ; это теперь онъ ясно и выразилъ, сказавши: *иже преданъ бысть за прегрѣшенія наша, и воста за оправданіе наше* (ст. 25).

Замѣть, какимъ образомъ (апостолъ), указавъ на причину смерти, обращаетъ ее въ доказательство воскресенія. За что Христосъ распятъ? спросишь ты. Не за собственный грѣхъ, какъ видно изъ Его воскресенія. Если бы Онъ былъ грѣшенъ, то какъ бы воскресъ? А если воскресъ, ясно, что не былъ грѣшникомъ. Если же не былъ грѣшенъ, то какъ Онъ былъ распятъ? Ради другихъ. А если за другихъ, то безъ сомнѣнія и воскресъ. Что-

бы ты не возразилъ: какъ мы можемъ оправдаться, будучи виновны въ столь многихъ грѣхахъ?—(апостолъ) указалъ на Того, Кто изгладилъ всѣ грѣхи,—чтобы утвердить свое ученіе (объ оправданіи), какъ вѣрою Авраама, которою онъ оправдался, такъ и вѣрою въ спасительное страданіе, которымъ мы освободились отъ грѣховъ. Говоря же о смерти Христовой, онъ говоритъ и о воскресеніи. Христосъ умеръ не для того, чтобы подвергнуть насъ наказанію и осужденію, но чтобы облагодѣтельствовать. Онъ и умеръ и воскресъ для того, чтобы сдѣлать насъ праведными. *Оправдившеся убо вѣрою, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ* (v, 1). Что значитъ: *миръ имамы?* Нѣкоторые объясняютъ въ томъ смыслѣ, чтобы мы не враждовали, оспаривая введеніе закона, а мнѣ кажется, что (апостолъ) бесѣдуетъ здѣсь о нашей жизни. Такъ какъ выше, послѣ многихъ разсужденій о вѣрѣ и объ оправданіи посредствомъ дѣлъ, онъ впереди поставилъ вѣру, то, чтобы не подумали, что эти слова служатъ основаніемъ безпечности, (апостолъ) говоритъ: *миръ имамы*, то есть, не будемъ впредь грѣшить и не станемъ возвращаться къ прежнему, потому что это значило бы враждовать противъ Бога. Но
468 спросишь: какъ возможно больше не грѣшить? А какъ было возможно первое (освобожденіе отъ грѣховъ)? Если мы, будучи столько виновны, отъ всего были освобождены Христомъ, то тѣмъ болѣе съ Его помощью окажемся въ состояніи остаться въ томъ положеніи, въ какомъ находимся. Вѣдь не одно и то же—получить миръ, котораго не было, и сохранить уже дарованный, такъ какъ пріобрѣтеніе всегда труднѣе сохраненія; но однако болѣе трудное сдѣлалось уже легкимъ и приведено въ исполненіе. Итакъ, болѣе легкое будетъ для насъ и вполнѣ осуществимо, если станемъ держаться Того, Кто совершилъ для насъ труднѣйшее. А здѣсь, мнѣ кажется, (апостолъ) намекаетъ не только на легкость успѣха, но и на необходимость его. Если Христосъ примирилъ насъ, когда мы находились во враждѣ съ Нимъ, то съ нашей стороны благоразумно пребывать въ примиреніи и явить Ему это воздаяніе, чтобы не оказалось, что съ Отцемъ были примирены злые и неблагодарные. *Имъ же*, продолжаетъ (апостолъ), *и приведеніе обрѣтохомъ вѣрою* (ст. 2). Итакъ, если Христосъ привелъ насъ къ Богу, когда мы были отъ Него далеко, то тѣмъ болѣе Онъ насъ удержитъ, когда мы оказались близко.

2. Не оставляй безъ вниманія, что апостолъ всегда указываетъ два условія: то, что требуется отъ Христа, и то, что требуется съ нашей стороны. Но благодѣянія Христовы разнообразны, многочисленны и превосходны, такъ какъ Онъ умеръ за насъ, примирилъ насъ, привелъ къ Богу и даровалъ неизреченную

благодать; а мы съ своей стороны принесли одну только вѣру,— потому Павелъ и говоритъ: *вѣрою во благодать сію, въ ней же стоимъ* (ст. 2). Какую благодать?—скажи мнѣ. То, что мы были удостоены вѣдѣнія о Богѣ, освобождены отъ заблужденія, познали истину и получили всѣ блага, даруемыя чрезъ крещеніе. Христосъ для того и привелъ насъ, чтобы мы получили эти дары, то есть, чтобы было не просто отпущеніе грѣховъ и одно только примиреніе, но и мы приняли безчисленныя достоинства. Даже и этимъ Онъ не ограничился, но обѣщалъ другія несказанныя блага, превышающія разумъ и слово. Поэтому (апостолъ) указалъ тѣ и другіе дары: словомъ—*благодать* онъ обозначилъ дары настоящіе, которые мы получили, а въ словахъ—*и хвалимся упованіемъ славы Божіей* (ст. 2) открылъ намъ всѣ будущіе дары. И прекрасно онъ сказалъ: *въ нейже стоимъ*. Такова именно благодать Божія: она не имѣетъ конца, не знаетъ предѣла и постоянно простирается на большее, что у людей невозможно. Укажу, напримѣръ, на слѣдующее: иной достигъ начальствованія, славы и владычества, но не удерживается на этомъ навсегда, но скоро лишается, и если этого не отниметъ у него другой человѣкъ, то смерть, явившись, совершенно все похищаетъ. А дары Божіи не таковы: ихъ не могутъ отнять у насъ ни человѣкъ, ни время, ни стеченіе обстоятельствъ, ни самъ діаволъ, ни явившаяся смерть; напротивъ, когда умремъ, будемъ владѣть ими прочнѣе и, постепенно усовершаясь, станемъ пользоваться ими еще въ большей мѣрѣ. Затѣмъ, если ты не увѣренъ въ благахъ будущихъ, то повѣрь имъ на основаніи настоящихъ, которыя уже получилъ. Потому (апостолъ) и сказалъ: *и хвалимся упованіемъ славы Божіей*, чтобы ты узналъ, какую душу нужно имѣть вѣрующему. Ему должно быть несомнѣнно увѣреннымъ не только въ дарованныхъ ему благахъ, но и въ будущихъ, какъ уже дарованныхъ, такъ какъ всякій хвалится тѣмъ, что уже дано ему. А такъ какъ на- 469
дежда на будущія блага столько же тверда и ясна, какъ и надежда на блага дарованныя, то мы, говоритъ (апостолъ), хвалимся и надеждою на будущее,—почему онъ и назвалъ будущія блага *славою*. Вѣдь если эти блага служатъ къ славѣ Божіей, то несомнѣнно и исполнятся, если и не ради насъ, то ради Бога. И что я говорю, продолжаетъ (апостолъ), что будущія блага достойны похвалы? Даже и настоящія бѣдствія способны насъ возвеличить и побудить ими превозноситься. Потому (апостолъ) и присовокупилъ: *не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ* (ст. 3). Итакъ, пойми, каковы будущія блага, какъ скоро мы величаемся и тѣмъ, что представляется для насъ печальнымъ. Таковъ даръ Божій и такъ-то въ немъ нѣтъ ничего непріятнаго.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ подвиги сопровождаются трудомъ, болѣзнью и несчастьемъ, а вѣнки и награды приносятъ удовольствіе; а тамъ не такъ, но и борьба для насъ пріятна не менѣе награды. Такъ какъ испытанія тогда были многочисленны, а царство было только въ упованіяхъ, бѣдствія были подъ руками, а блага въ ожиданіи и все это болѣе ослабляло немощныхъ, то (Павелъ) еще прежде небесныхъ вѣнцевъ даетъ имъ награды, говоря, что должно хвалиться и въ скорбяхъ. Впрочемъ, не сказалъ: вы должны хвалиться, но говоритъ: *хвалимся*, представляя увѣщаніе въ собственномъ своемъ примѣрѣ. Потомъ, такъ какъ сказанное представлялось страннымъ и необыкновеннымъ, то есть, что человѣкъ, борящійся съ голодомъ, находящійся въ узахъ и мукахъ, оскорбляемый и унижаемый, долженъ хвалиться этимъ, то (апостолъ) раскрываетъ это и, что еще важнѣе, утверждаетъ, что настоящія скорби не только по причинѣ будущихъ благъ, но даже сами по себѣ достойны того, чтобы ими хвалиться, потому что скорби сами по себѣ—благо. Почему же? Потому что пріучаютъ къ терпѣнію. Потому, сказавъ: *хвалимся въ скорбехъ*, присовокупилъ и причину, говоря: *вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ* (ст. 3). Замѣть опять искусство Павла, какъ онъ обращаетъ рѣчь свою совершенно къ противоположному. Такъ какъ скорби всего чаще заставляли христіанъ отрекаться отъ будущихъ благъ и ввергали въ отчаяніе, то онъ утверждаетъ, что вслѣдствіе скорбей слѣдуетъ надѣяться, а не отчаиваться въ будущемъ. *Скорбь бо*, говоритъ, *содѣловаетъ терпѣніе, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (ст. 3—5). Скорби не только не лишаютъ этой надежды, но и способны создать ее. Скорбь и до полученія будущихъ благъ приноситъ уже весьма важный плодъ—терпѣніе и подвергающагося испытанію дѣлаетъ опытнымъ, а затѣмъ она нѣсколько содѣйствуетъ и въ отношеніи къ будущимъ благамъ, потому что усиливаетъ въ насъ надежду. Вѣдь ничто такъ не ведетъ къ благой надеждѣ, какъ добрая совѣсть.

3. Потому ни одинъ человѣкъ изъ живущихъ честно не теряетъ увѣренности относительно будущаго, а съ другой стороны многіе изъ нерадивыхъ, угнетаемые лукавою совѣстію, не желаютъ ни суда, ни воздаянія. Итакъ что же, неужели наши блага состоятъ въ однѣхъ надеждахъ? Конечно, въ надеждахъ, но не человѣческихъ, которыя часто разрушаются и посрамляютъ надѣявшагося, когда обѣщавшій покровительство умираетъ, или, хотя и живъ, но перемѣняетъ расположеніе. Но не таковы наши надежды: онѣ тверды и непоколебимы. Тотъ, Кто далъ намъ обѣтованіе, всегда живъ, а мы, имѣющіе воспользоваться ими, хотя

умремъ, но опять воскреснемъ, такъ что нѣтъ ничего, что бы могло насъ посрамить, какъ напрасно и безразсудно утѣшавшихъ себя пустыми надеждами. Итакъ, этими словами достаточно освободивъ слушателей отъ всякаго сомнѣнія, апостолъ не останавливаетъ свою рѣчь на настоящихъ благахъ, но опять переходитъ 470
къ будущимъ, зная, что болѣе слабые люди, хотя и ищутъ настоящихъ благъ, но не довольствуются ими. Въ будущихъ же благахъ онъ удостовѣряетъ благами уже дарованными. Чтобы кто-нибудь не возразилъ: „что же? А если Богу не угодно даровать намъ эти блага? Правда, мы всѣ знаемъ, что Онъ имѣетъ силу, пребываетъ и живетъ, но откуда извѣстно, что Онъ и пожелаетъ нашего блаженства"? — апостолъ и отвѣчаетъ, что это видно изъ благъ, намъ уже данныхъ. Изъ какихъ же именно благъ? Изъ любви, которую Богъ явилъ о насъ.

Что же именно Онъ сдѣлалъ?—спросишь ты. Даровалъ Святого Духа. Потому (апостолъ), сказавъ: *упованіе не посрамитъ*, представилъ и доказательство этого, говоря: *яко любы Божія изліяся въ сердца наша* (ст. 5). И онъ не сказалъ: дана, но: *изліяся въ сердца наша*, указывая на изобиліе. Богъ даровалъ намъ самое величайшее благо, даровалъ не небо, не землю, не море, но то, что драгоцѣннѣе всего этого, — Онъ содѣлалъ людей ангелами, сынами Божіими, братіями Христовыми. Какое же это благо? Духъ Святый. Если бы Богу не угодно было наградить насъ великими вѣнцами послѣ трудовъ, то Онъ не далъ бы столь великихъ благъ прежде трудовъ. Нынѣ же сила любви Его открывается изъ того, что Онъ не медленно и не мало-по-малу даровалъ намъ почести, но вдругъ излилъ весь источникъ благъ, и притомъ прежде подвиговъ. Потому, хотя ты и не очень достоинъ, не отчаивайся, имѣя великимъ своимъ защитникомъ любовь Судіи. По этой причинѣ и апостолъ, говоря: *упованіе не посрамитъ*, все возложилъ не на наши заслуги, но на любовь Божію. Сказавъ же о дарованіи Духа, онъ опять обращается ко кресту и говоритъ: *еще бо Христосъ сущимъ намъ немощнымъ, по времени за нечестивыхъ умре. Едва бо за праведника кто умретъ, за благаго бо негли кто и дерзнетъ умрети: составляетъ же Свою любовь къ намъ Богъ* (ст. 6—8). Эти слова означаютъ слѣдующее. Если не скоро кто-нибудь согласится умереть и за добродѣтельнаго человѣка, то представь любовь твоего Владыки, когда Онъ оказался распятымъ не за добродѣтельныхъ, но за грѣшниковъ и враговъ. Это и (апостолъ) говоритъ далѣе: *яко еще грѣшникомъ сущимъ намъ Христосъ за ны умре. Много убо паче оправдани бывше нынѣ кровію Его, спасемся Имъ отъ гнѣва. Аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его, множае паче примирившеся спасемся въ животѣ Его*

(ст. 8—10). Кажется, какъ будто въ этихъ словахъ заключается тождесловіе, но при внимательномъ чтеніи его не найдется. Смотри же. (Апостолъ) желаетъ убѣдить римлянъ относительно будущихъ благъ и сначала онъ убѣждаетъ ихъ мыслью праведника, говоря, что этотъ совершенно увѣренъ, *яко еже обѣща Богъ, силенъ есть и сотворити;* потомъ доказываетъ это дарованною благодатію; далѣе — скорбями, говоря, что онѣ способны привести насъ къ надеждѣ; опять тѣмъ, что Богъ даровалъ намъ Духа, Котораго мы и приняли, и, наконецъ, доказываетъ это Христовою смертью и нашею прежнею порочностью. И хотя, какъ замѣчено выше, сначала представляется, что сказано одно и то же, но на самомъ дѣлѣ открываются двѣ, три и болѣе различныхъ мыслей: первая—та, что Христосъ умеръ, вторая—что умеръ за нечестивыхъ, третья — что примирилъ, спасъ, оправдалъ, сдѣлалъ безсмертными, сынами и наслѣдниками. Потому, говоритъ (апостолъ), намъ должно укрѣпляться въ упованіи не только смертію
471 Христовою, но и тѣмъ, что даровано чрезъ эту смерть. И хотя уже одно то, что Христосъ умеръ за насъ таковыхъ (грѣшниковъ), было величайшимъ доказательствомъ Его любви, но когда умирающій оказывается еще подателемъ даровъ и притомъ весьма великихъ для тѣхъ, которые ихъ не заслуживали, то такое благодѣяніе превосходитъ всякую мѣру и должно привести къ вѣрѣ и совсѣмъ безчувственнаго. И не другой хочетъ насъ спасти, но Тотъ, Кто насъ, бывшихъ еще грѣшниками, возлюбилъ до того, что самого Себя предалъ за насъ. Видишь ли, какъ и въ этомъ мѣстѣ содержится доказательство относительно надежды на будущее? Прежде этого были два затрудненія къ нашему спасенію: то, что мы были грѣшники, и то, что надлежало спастись смертію Владыки. Но послѣднее, прежде чѣмъ совершилось, было невѣроятнымъ и, чтобы совершиться, нуждалось въ великой любви, нынѣ же, когда это совершилось, и остальное сдѣлалось гораздо легче: вѣдь мы сдѣлались друзьями, и смерти Господа болѣе уже не нужно. Итакъ, Тотъ, Кто пощадилъ враговъ до того, что не пощадилъ Сына, неужели не защититъ сдѣлавшихся друзьями, когда притомъ Ему нѣтъ уже нужды предавать Сына? Иной часто не спасаетъ потому, что не хочетъ, или не можетъ, хотя бы и желалъ. Ни того, ни другого нельзя сказать о Богѣ, послѣ того какъ Онъ отдалъ Сына. А что Богъ и можетъ спасти, (апостолъ) и это доказалъ тѣмъ, что Богъ оправдалъ насъ, бывшихъ грѣшниками. Итакъ, какое, наконецъ, остается для насъ препятствіе достигнуть будущихъ благъ? Никакого. Затѣмъ, чтобы ты, услышавъ о грѣшникахъ, врагахъ, немощныхъ и нечестивыхъ, не сталъ стыдиться и краснѣть, послушай, что говоритъ (апо-

столъ) далѣе: *не точію же, но и хвалимся о Бозѣ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Имъ же нынѣ примиреніе пріяхомъ* (ст. 11). Что значитъ: *не точію же?* Не только мы спасены, говоритъ (апостолъ), но и хвалимся тѣмъ, чего бы, по мнѣнію другихъ, надлежало намъ стыдиться. То, что мы, жившіе въ столь великой порочности, были спасены, служитъ величайшимъ признакомъ сильной любви къ намъ Спасающаго. Онъ спасъ насъ не чрезъ ангеловъ и архангеловъ, но чрезъ Своего Единороднаго. Итакъ то, что Онъ спасъ, спасъ грѣшниковъ, совершилъ это чрезъ Единороднаго, и не просто чрезъ Единороднаго, но кровію Его,—все это сплетаетъ намъ безчисленные вѣнки похвалы. Въ понятіи славы и дерзновенія нѣтъ ничего равнаго тому, какъ быть любимыми отъ Бога и любить Его, насъ возлюбившаго. Это дѣлаетъ блистательными ангеловъ, начала и силы, это больше царства, вслѣдствіе чего Павелъ и поставилъ это прежде царства: и я ублажаю безтѣлесныхъ, потому что они любятъ Богъ и во всемъ повинуются Ему. Потому и пророкъ удивлялся имъ, говоря: *сильніи крѣпостію, творящіи слово Его* (Псал. CII, 20), а Исаія восхвалялъ серафимовъ, приписывая имъ великую добродѣтель, такъ какъ они стоятъ близъ славы Божіей, а это было знакомъ величайшей любви.

4. Итакъ, будемъ и мы подражать горнимъ силамъ и постараемся не только стоять близъ престола, но и быть обителью для сѣдящаго на престолѣ. Онъ возлюбилъ ненавидящихъ и не прекращаетъ любить: *солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мѳ. V, 45). Ты же возлюби любящаго, потому что и Онъ любитъ. А почему же, спросишь, 472
этотъ любящій угрожалъ геенною, наказаніемъ и мученіемъ? Потому самому, что любитъ, такъ какъ, отсѣкая твое лукавство и страхомъ, какъ бы нѣкоторою уздою, удерживая тебя отъ стремленія къ худшему, Онъ все дѣлаетъ и предпринимаетъ, чтобы и пріятными, и прискорбными средствами остановить тебя въ стремительномъ паденіи, привести въ себя самого и отвлечь отъ всякаго порока, который ужаснѣе геенны. А если ты смѣешься по поводу сказаннаго и желаешь лучше постоянно жить въ порокѣ, чѣмъ одинъ день подвергаться наказанію, то это нисколько неудивительно: это признакъ твоего несовершеннаго образа мыслей, твоего опьянѣнія и неисцѣлимой болѣзни,—такъ какъ и малыя дѣти, когда увидятъ, что врачъ намѣревается прижечь или надрѣзать (больное мѣсто), бросаются и бѣгутъ прочь, кричатъ и вырываются и предпочитаютъ лучше страдать отъ постояннаго гніенія тѣла, нежели перенести временную боль, а послѣ этого наслаждаться здоровьемъ. А люди, имѣющіе умъ, знаютъ,

что болѣзнь тяжелѣе надрѣза, а равно и быть порочнымъ хуже, чѣмъ подвергнуться наказанію, такъ какъ отъ одного возможно вылѣчиться и быть здоровымъ, а отъ другого можно погибнуть или остаться въ постоянномъ недугѣ. Но всякому извѣстно, что здоровье лучше болѣзни. Потому и о разбойникахъ должно плакать не тогда, когда имъ ломаютъ ребра, но тогда, когда они подламываютъ стѣны и убиваютъ. Если душа превосходнѣе тѣла, какъ и дѣйствительно она превосходнѣе, то болѣе справедливо стенать и плакать, когда она погибаетъ, если же она не чувствуетъ этого, то тѣмъ болѣе должно скорбѣть о ней. Такъ и предающихся необузданной любви слѣдуетъ жалѣть больше, чѣмъ сильно страдающихъ горячкою, а пьяницъ больше, чѣмъ подвергаемыхъ мученію. Но если все это вреднѣе, то почему, спросишь, мы больше избираемъ это? Потому что многимъ изъ людей, по пословицѣ, нравится худшее и они предпочитаютъ его, миновавъ лучшее. Это можно наблюдать при выборѣ пищи и рода дѣятельности, въ склонностяхъ житейскихъ и въ наслажденіяхъ, въ удовольствіяхъ, въ выборѣ женъ, домовъ, рабовъ, угодій и всего прочаго. Скажи мнѣ, что доставляетъ больше удовольствія—сообщеніе съ женщинами или мущинами? Съ женщинами или съ лошаками? Однакоже мы найдемъ много такихъ, которые избѣгаютъ женщинъ, а имѣютъ соитіе съ безсловесными и наносятъ поруганіе мущинамъ, несмотря на то, что сообразное съ природою пріятнѣе противоестественнаго.

Вообще есть много людей, которые, какъ за пріятнымъ, гонятся за тѣмъ, что смѣшно, непріятно и влечетъ за собою наказаніе. Скажешь, что имъ это кажется пріятнымъ. Но потому-то и жалки эти люди, что непріятное считаютъ пріятнымъ. Такъ они считаютъ наказаніе хуже грѣха, а въ самомъ дѣлѣ это не такъ, но совершенно наоборотъ. Если бы наказаніе было зломъ для грѣшниковъ, то Богъ не присоединилъ бы зла ко злу и не восхотѣлъ бы сдѣлать ихъ еще худшими. Вѣдь тотъ, кто дѣлаетъ все, чтобы истребить зло, не можетъ и увеличивать его. Итакъ, для грѣшника нѣтъ зла быть наказаннымъ, а напротивъ, зло— не быть наказаннымъ, подобно какъ зло для больного — не лѣчиться. Но ничего нѣтъ настолько вреднаго для человѣка, какъ неумѣренная страсть. Неумѣренною же страстью я называю страсть къ наслажденіямъ, праздной славѣ, господству и вообще ко всему тому, что сверхъ потребности. Тотъ, кто проводитъ роскошную и распущенную жизнь, представляется счастливѣе всѣхъ, но на самомъ дѣлѣ онъ всѣхъ несчастнѣе, потому что предаетъ душу свою во власть жестокимъ владычицамъ и мучителямъ. Богъ для того и сдѣлалъ настоящую жизнь нашу исполненною труда,

чтобы избавить насъ отъ таковаго рабства и привести къ полной 473
свободѣ; для того Онъ угрожаетъ наказаніемъ, для того далъ въ удѣлъ нашей жизни заботы, чтобы обуздать склонность къ нѣгѣ. Такъ іудеи, пока были заняты копаніемъ глины и дѣланіемъ кирпичей, и были покорны и непрестанно призывали Бога, а когда получили свободу, начали роптать, огорчать Владыку и погрузились въ тысячи пороковъ. Но что сказать о людяхъ, спрашиваешь ты, которые подъ вліяніемъ скорби не рѣдко измѣняются къ худшему? Такая порча бываетъ слѣдствіемъ не скорби, но людской слабости. Если кто, имѣя больной желудокъ, не можетъ принять горькаго лѣкарства, которое бы его очистило, и погибаетъ, то мы обвиняемъ не лѣкарство, а слабость органа; такъ и здѣсь причина—въ слабости души. Если человѣкъ испортился въ нуждѣ, то тѣмъ болѣе подвергнется этому въ довольствѣ. Если онъ падаетъ, когда связанъ,—а таковъ человѣкъ въ нуждѣ,—то тѣмъ болѣе упадетъ, когда развязанъ. Если въ тѣсныхъ обстоятельствахъ портится, то еще легче испортится въ благополучіи. Но какъ я могу, спросишь, не испортиться подъ вліяніемъ несчастій? Если поймешь, что хочешь или не хочешь, но ты долженъ перенести то, что терпишь; и если станешь переносить съ благодареніемъ, то получишь весьма большую пользу, а если будешь сѣтовать, негодовать и роптать, то и несчастія своего этимъ не убавишь, и воздвигнешь еще большую бурю. Имѣя такія мысли, мы все, что бы ни случилось съ нами по необходимости, будемъ принимать такъ, какъ бы происходило это по нашему желанію. Положимъ, напримѣръ, что одинъ потерялъ любимаго сына а другой—все имущество; если ты разсудишь, что избѣжать происшедшаго было невозможно, а съ другой стороны, что изъ неустранимаго несчастья можно извлечь для себя и нѣкоторую пользу и мужественно перенести случившееся, и если ты, вмѣсто хулы, воздашь хвалу Господу, то несчастія, постигшія тебя противъ твоей воли, вмѣняются тебѣ въ заслугу, какъ бы происшедшія по твоему желанію. Узнаешь ли ты, что похищенъ сынъ преждевременною смертію,—скажи: *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. I, 21). Увидишь ли, что оскудѣло твое имущество,—скажи: *нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отыду* (Іов. I, 21). Ты видишь, что злые благоденствуютъ, а праведные злополучны и терпятъ тысячи несчастій, и не умѣешь найти причину происходящаго? Скажи: *скотенъ быхъ у Тебе, и азъ выну съ Тобою* (Псал. LXXII, 22, 23). А если ты желаешь узнать и причину этого, то помысли, что Богъ назначилъ день, въ который будетъ судить вселенную, и у тебя исчезнетъ всякое недоумѣніе, такъ какъ тогда каждый получитъ по заслугамъ, какъ Лазарь и богатый.

Приведи себѣ на память апостоловъ: они подвергались бичева-
474 нію и гоненію, терпѣли тысячи бѣдствій, они радовались, что удостоились принять поруганіе за имя Христово. И ты, если страдаешь какимъ-либо недугомъ, переноси болѣзнь мужественно и благодари Бога, и такимъ образомъ получишь такую же награду, какъ и апостолы. Но какъ тотъ, кто находится въ болѣзни и мученіяхъ, можетъ воздавать благодареніе Господу? Если ты любишь Его искренно. Если три отрока, вверженные въ пещь, и другіе, находившіеся въ узахъ и въ безчисленныхъ иныхъ бѣдствіяхъ, не преставали благодарить, то тѣмъ болѣе могутъ это дѣлать тѣ, которые находятся въ болѣзняхъ и одержимы тяжкими недугами. Вѣдь нѣтъ, дѣйствительно нѣтъ ничего такого, чего бы не побѣдила любовь. А когда проявляется любовь Божія, то она выше всего, и ни огонь, ни мечъ, ни бѣдность, ни болѣзнь, ни смерть, ни все прочее — не страшны для того, кто пользуется этою любовью; посмѣваясь надъ всѣмъ, онъ станетъ парить къ небу и душевнымъ настроеніемъ окажется нисколько не ниже живущихъ на небѣ; онъ не посмотритъ ни на что иное, ни на небо, ни на землю, ни на море, но устремленъ будетъ къ одной только красотѣ небесной славы; какъ скорби настоящей жизни не смогутъ унизить его, такъ земныя блага и удовольствія не въ состояніи будутъ возвысить и сдѣлать надменнымъ. Итакъ, возлюбимъ и мы эту любовь (вѣдь ей нѣтъ ничего равнаго) и ради настоящаго, и ради будущаго, а лучше сказать, ради самой природы этой любви, потому что мы избавимся отъ наказаній и въ настоящей жизни, и въ будущемъ вѣкѣ и достигнемъ царства. Но и кромѣ избавленія отъ геенны и пріобрѣтенія царства, нужно упомянуть и нѣчто другое важное; выше всего это — любить Христа и быть отъ Него любимымъ. Если у людей взаимная любовь цѣнится выше всякого удовольствія, то какое слово, какая мысль можетъ изобразить блаженство души, которая любитъ Бога и Ему любезна? Это блаженство познается не иначе, какъ только на опытѣ. Потому, чтобы познать опытно таковую духовную радость, блаженную жизнь и сокровище неисчислимыхъ благъ, мы, оставивъ все, станемъ искать этой любви, какъ для собственной нашей радости, такъ и для славы любимаго Бога, потому что Ему принадлежитъ слава и держава со Единороднымъ (Сыномъ) и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Сего ради, якоже единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша (v, 12). 473—474

1. Подобно тому какъ самые лучшіе врачи всегда изслѣдують корень болѣзней и доходятъ до самаго источника зла, такъ дѣлаетъ и блаженный Павелъ. Сказавши, что мы оправданы, и доказавъ это примѣромъ патріарха, ниспосланіемъ Духа и смертію Христовою (такъ какъ Христосъ и не умеръ бы, если бы не хотѣлъ оправдать насъ), онъ теперь разсматриваетъ прежде доказанное съ другой стороны и подтверждаетъ свою рѣчь противоположными доводами, а именно—говоритъ о смерти и грѣхѣ и изслѣдуетъ, какъ, какимъ путемъ и откуда явилась смерть и какъ она возобладала. Итакъ, какъ взошла и возобладала въ мірѣ смерть? Чрезъ грѣхъ одного. Что же значитъ: *въ немже вси согрѣшиша?* То, что какъ скоро палъ одинъ, чрезъ него сдѣлались смертными всѣ, даже и не вкусившіе запрещеннаго плода. *До закона бо грѣхъ бѣ въ мірѣ: грѣхъ же не вмѣняшеся не сущу закону* (ст. 13). Нѣкоторые думаютъ, что апостолъ словомъ—*до закона* назвалъ все время, протекшее до дарованія закона, то есть, когда жили Авель, Ной, Авраамъ и далѣе до самаго рожденія Моисея. Какой же грѣхъ былъ тогда? Иные утверждаютъ, что апостолъ ведетъ рѣчь о грѣхѣ въ раю, такъ какъ грѣхъ этотъ, говорятъ они, еще не былъ отпущенъ и плодъ его процвѣталъ: 475
этотъ грѣхъ и внесъ общую смерть, которая владѣла всѣми и мучила. Но для чего (апостолъ) присовокупляетъ: *грѣхъ же не вмѣняется не сущу закону?* Тѣ, которые держатся изложеннаго нами мнѣнія, утверждаютъ, что (апостолъ) сказалъ это въ отвѣтъ на возраженіе іудеевъ: „если безъ закона нѣтъ грѣха, то какъ смерть истребила всѣхъ, жившихъ до закона?“ А по моему мнѣнію, будетъ болѣе согласно съ разумомъ и съ мыслію апостола то, что намѣреваюсь я сказать. Что же именно? Когда (апостолъ) говоритъ, что грѣхъ былъ въ мірѣ еще до закона, то этимъ, какъ мнѣ кажется, онъ сказалъ то, что, послѣ дарованія закона, возобладалъ уже грѣхъ преступленія и господствовалъ потомъ во все то время, пока существовалъ законъ, такъ какъ грѣхъ не могъ утвердиться, говоритъ (апостолъ), пока не было закона. Итакъ, если этотъ именно грѣхъ, происшедшій отъ нарушенія закона, породилъ смерть, то какъ умерли всѣ жившіе до закона? Вѣдь если смерть имѣла свой корень въ грѣхѣ, а грѣхъ, пока не было закона, не вмѣнялся, то какъ возобладала смерть? Отсюда ясно,

что не этотъ грѣхъ, не грѣхъ преступленія закона, но другой, именно грѣхъ преслушанія Адама, былъ причиною общаго повреждения. Чѣмъ же это доказывается? Тѣмъ, что умерли всѣ жившіе и до закона. *Царствова смерть*, говоритъ (апостолъ), *отъ Адама даже до Моисея и надъ несогрѣшившими*. Какъ царствовала? *По подобію преступленія Адамова, иже есть образъ будущаго* (ст. 14). Итакъ, Адамъ есть образъ Іисуса Христа. Въ какомъ отношеніи, спросишь? Въ томъ, что какъ Адамъ для своихъ потомковъ, хотя они и не вкусили древеснаго плода, сдѣлался виновникомъ смерти, введенной въ міръ Адамовымъ яденіемъ, такъ Христосъ для вѣрующихъ въ Него, хотя и не совершившихъ праведныхъ дѣлъ, сдѣлался виновникомъ праведности, которую даровалъ всѣмъ намъ чрезъ крестъ. Потому (апостолъ), какъ выше, такъ и ниже, высказываетъ одну мысль и много разъ повторяетъ ее, говоря: *якоже единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде*; еще: *прегрѣшеніемъ единаго мнози умроша*; или: *не якоже единѣмъ согрѣшшимъ, дарованіе*; или: *грѣхъ изъ единаго во осужденіе;* еще: *аще бо единаго прегрѣшеніемъ смерть царствова единѣмъ;* еще: *тѣмже убо, якоже единаго прегрѣшеніемъ*; и еще: *якоже ослушаніемъ единаго человѣка грѣшни быша мнози* (Римл. v, 12, 15—19). Апостолъ не отступаетъ отъ *единаго* для того, чтобы на возраженіе іудея: „какимъ образомъ родъ человѣческій спасенъ заслугами одного Христа?"—могъ и ты возразить ему: какимъ образомъ весь родъ человѣческій осужденъ за преслушаніе одного Адама,—тѣмъ болѣе, что нѣтъ и сравненія между грѣхомъ и благодатію, между смертію и жизнію, между діаволомъ и Богомъ, но между ними существуетъ безконечное разстояніе? Потому, когда и свойство дѣла, и могущество совершившаго, и самое соотвѣтствіе дѣла (вѣдь Богу болѣе естественно спасать, нежели наказывать)—все показываетъ, что превосходство и побѣда на сторонѣ Христа, то, скажи мнѣ, какое ты имѣешь основаніе для невѣрія? А что совершившееся согласно съ разумомъ, (апостолъ) доказалъ это слѣдующими словами: *но не якоже прегрѣшеніе, тако и даръ. Аще бо прегрѣшеніемъ единаго мнози умроша, множае паче благодать Божія и даръ благодатію единаго человѣка Іисуса Христа во многихъ преизлишествова* (ст. 15). Это означаетъ слѣдующее: если получилъ столь великую силу грѣхъ и притомъ грѣхъ одного человѣка, то какъ же его не превзойдетъ гораздо большею силою благодать,—благодать Бога, и не только Бога Отца, но и Бога Сына? Это болѣе сообразно съ разумомъ, чѣмъ первое. Чтобы одинъ наказывался по винѣ другого—это представляется не совсѣмъ справедливымъ, но чтобы
476 одинъ былъ спасенъ чрезъ другого—это болѣе благоприлично и сообразно съ разумомъ. Если же произошло первое, то тѣмъ болѣе должно быть и послѣднее.

2. Итакъ, этимъ (апостолъ) доказалъ, что (спасеніе чрезъ одного) и справедливо и сообразно съ разумомъ, а какъ скоро это раскрыто, то и прочее должно быть несомнѣннымъ. Въ слѣдующихъ же словахъ (апостолъ) доказываетъ, что (спасеніе) было и необходимо. Какъ же онъ раскрываетъ это? *Не якоже единымъ согрѣшшимъ, дарованіе; грѣхъ бо изъ единаго во осужденіе, даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе* (ст. 16). Что означаютъ эти слова? То, что одинъ грѣхъ имѣлъ силу навлечь смерть и осужденіе, а благодать изгладила не только этотъ единый грѣхъ, но и другіе грѣхи, за нимъ слѣдовавшіе. Чтобы употребленіемъ словъ—*какъ* и *такъ* не подать мысли, что для зла и добра берется одинаковая мѣра, и чтобы ты, слыша объ Адамѣ, не подумалъ, что изглаженъ только тотъ грѣхъ, который внесъ Адамъ, (апостолъ) и говоритъ, что совершилось отпущеніе многихъ преступленій. Но изъ чего это видно? Изъ того, что послѣ безчисленныхъ грѣховъ, слѣдовавшихъ за грѣхомъ, совершеннымъ въ раю, все кончилось оправданіемъ. Но гдѣ оправданіе, тамъ необходимо и всецѣло слѣдуютъ жизнь и тысячи благъ, равно какъ, гдѣ грѣхъ, тамъ и смерть.

Праведность выше жизни, такъ какъ она—корень жизни. А что были дарованы блага болѣе многочисленныя и былъ истребленъ не одинъ только первородный грѣхъ, но и всѣ прочіе грѣхи, это (апостолъ) показалъ словами: *даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе.* Отсюда съ необходимостью доказывается и то, что смерть исторгнута съ корнемъ. А такъ какъ (апостолъ) сказалъ, что первое было больше второго (т. е. благодатію даровано больше, чѣмъ сколько повреждено грѣхомъ), то нужно было доказать опять и это. Потому онъ сперва сказалъ, что если грѣхъ одного умертвилъ всѣхъ, тѣмъ болѣе можетъ спасти благодать одного; послѣ этого онъ раскрылъ, что благодатію истребленъ не одинъ только первородный грѣхъ, но и всѣ прочіе грѣхи, даже не только истреблены грѣхи, но и дарована праведность, и Христосъ не только принесъ исправленіе въ томъ, что повредилъ Адамъ, но и совершилъ нѣчто гораздо большее и высшее. Когда (апостолъ) объяснилъ это, то опять здѣсь является нужда въ дальнѣйшемъ доказательствѣ. Какъ же онъ раскрываетъ это? *Аще бо единаго прегрѣшеніемъ смерть царствова единѣмъ, множае паче избытокъ благодати и даръ правды пріемлюще въ жизни воцарятся единѣмъ Іисусъ Христомъ* (ст. 17). Смыслъ этихъ словъ таковъ. Что вооружило смерть противъ всей вселенной? То, что только одинъ человѣкъ вкусилъ отъ древа. Если же смерть пріобрѣла такую силу чрезъ преступленіе одного, то какъ скоро найдутся нѣкоторые получившіе благодать и праведность, несравнено превос-

ходящія тотъ грѣхъ, то какимъ образомъ они могутъ оставаться повинными смерти? Потому (апостолъ) не сказалъ здѣсь: благодать, но: *избытокъ благодати,* потому что мы получили отъ благодати не столько, сколько намъ было нужно для освобожденія отъ грѣха, но гораздо больше. Вѣдь мы были освобождены отъ наказанія, совлеклись всякаго зла, были возрождены свыше, воскресли послѣ погребенія ветхаго человѣка, были искуп-
477 лены, освящены, приведены въ усыновленіе, оправданы, сдѣлались братіями Единороднаго, стали Его сонаслѣдниками и сотѣлесными съ Нимъ, вошли въ составъ Его плоти и соединились съ Нимъ такъ, какъ тѣло съ главою. Все это Павелъ и назвалъ избыткомъ благодати, показывая, что мы получили не только врачество, соотвѣтствующее нашей язвѣ, но и здоровье, красоту, честь, славу и такія достоинства, которыя гораздо выше нашей природы. Каждый изъ этихъ даровъ могъ бы самъ по себѣ истребить смерть. А когда всѣ они открыто стекаются вмѣстѣ, тогда смерть истребляется съ корнемъ и не можетъ уже появиться ни слѣда ея, ни тѣни. Это подобно тому, какъ если бы кто за десять оволовъ ввергъ какого-нибудь должника своего въ темницу и не только его самого, но, по винѣ его, и жену его, дѣтей и слугъ, а другой, пришедши, не только внесъ бы тѣ десять оволовъ, но еще подарилъ десять тысячъ талантовъ золота, привелъ узника въ царскій дворецъ, посадилъ на мѣстѣ самой высокой власти и сдѣлалъ бы его участникомъ самой высокой чести и другихъ отличій,—тогда давшій въ заемъ не могъ бы и вспомнить о десяти оволахъ. Также случилось и съ нами. Христосъ заплатилъ гораздо больше того, сколько мы были должны, и настолько больше, насколько море безпредѣльно въ сравненіи съ малою каплею. Итакъ, не сомнѣвайся, человѣкъ, видя такое богатство благъ, не спрашивай, какъ потушена искра смерти и грѣха, какъ скоро излито на нее цѣлое море благодатныхъ даровъ. На это и намекнулъ Павелъ, сказавши, что *избытокъ благодати и даръ правды пріемлюще въ жизни воцарятся.* Когда (апостолъ) ясно доказалъ это, онъ опять употребляетъ прежнее умозаключеніе и усиливаетъ его повтореніемъ, говоря, что если всѣ были наказаны за преступленіе Адама, то всѣ могутъ и оправдаться Христомъ. Потому и говоритъ: *тѣмже убо, якоже единаго прегрѣшеніемъ во вся человѣки вниде осужденіе, такожде и единаго оправданіемъ во вся человѣки вниде оправданіе жизни* (ст. 18). Потомъ, излагая тотъ же доводъ, говоритъ такъ: *якоже бо ослушаніемъ единаго человѣка грѣшни быша мнози, сице и послушаніемъ единаго праведни будутъ мнози* (ст. 19). Сказанное (апостоломъ) ведетъ, повидимому, къ немалому недоумѣнію, которое, впрочемъ, при тщательномъ вниманіи, удобно

разрѣшается. Какое же это недоумѣніе? Рѣчь о томъ, что непослушаніемъ одного человѣка многіе сдѣлались грѣшными. Конечно, нѣтъ ничего непонятнаго въ томъ, что всѣ происшедшіе отъ того, кто согрѣшилъ и сталъ смертенъ, сдѣлались также смертными; но какая можетъ быть послѣдовательность въ томъ, что отъ преслушанія одного сдѣлался грѣшнымъ и другой? Тогда вѣдь окажется, что послѣдній и не подлежитъ наказанію, такъ какъ не самъ собою сдѣлался грѣшникомъ.

3. Итакъ, что значитъ здѣсь слово—*грѣшни*? Мнѣ кажется, оно означаетъ людей, подлежащихъ наказанію и осужденныхъ на смерть. Что всѣ мы послѣ смерти Адама сдѣлались грѣшными, (апостолъ) доказалъ это ясно и многими доводами, но остается вопросъ о томъ, почему это произошло. Но (апостолъ) этого и не касается, такъ какъ это не относится къ предмету его разсужденія. Вѣдь у него идетъ споръ съ іудеемъ, который отрицаетъ и осмѣиваетъ оправданіе чрезъ одного. Потому, доказавъ, что наказаніе отъ одного распространилось на всѣхъ, онъ не присоединилъ рѣчи о томъ, почему это случилось, такъ какъ (апостолъ) не говоритъ ничего лишняго, а ограничивается однимъ только необходимымъ. Правило состязаній не понуждало ни іудея, ни тѣмъ болѣе его говорить объ этомъ, потому онъ и оставляетъ вопросъ не рѣшеннымъ. А если бы кто-либо изъ васъ по- 478
старался узнать объ этомъ, то я скажу, что мы не только не получили никакого вреда отъ этой смерти и осужденія (если только станемъ бодрствовать), но даже имѣемъ пользу отъ того, что сдѣлались смертными. Первая наша отъ этого выгода та, что мы грѣшимъ не въ безсмертномъ тѣлѣ, а вторая та, что это доставляетъ намъ тысячи побужденій къ любомудрію. Предстоящая и ожидаемая нами смерть располагаетъ насъ быть умѣренными, цѣломудренными, воздержными и удаляться всякаго зла. А послѣ этого, или лучше сказать—прежде этого, она доставила уже намъ и другія очень многія блага. Отсюда вѣнцы мученическіе, награды апостольскія; такъ оправдался Авель; такъ оправдался Авраамъ, принесшій на закланіе сына; такъ оправдался Іоаннъ, умерщвленный за Христа; такъ оправдались три отрока; такъ оправдался Даніилъ. Если и мы пожелаемъ, то не только смерть, но и самый діаволъ не сможетъ повредить намъ. Кромѣ этого, нужно сказать о томъ, что насъ ожидаетъ безсмертіе, что послѣ кратковременныхъ вразумленій мы безопасно насладимся будущими благами, будучи приготовлены въ настоящей жизни, будучи наставлены, какъ бы въ нѣкоторомъ училищѣ, болѣзнями, скорбями, искушеніями, нищетою и другими кажущимися намъ бѣдствіями къ тому, чтобы сдѣлаться способными къ принятію будущихъ благъ.

Законъ же привниде, да умножится прегрѣшеніе (ст. 20). Послѣ того, какъ (апостолъ) доказалъ, что вся вселенная осуждена въ Адамѣ, а спасена и освобождена отъ осужденія во Христѣ, онъ благовременно разсуждаетъ опять о законѣ, опровергая мнѣніе относительно его. Законъ, говоритъ онъ, не только не принесъ никакой пользы и не только не оказалъ никакой помощи, но съ появленіемъ его увеличилась и болѣзнь. Но слово *да* (ἵνα) здѣсь указываетъ не на причину, а на слѣдствіе. Вѣдь законъ не данъ для того, чтобы умножился грѣхъ, но данъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы могъ уменьшить и истребить преступленіе; а если случилось противоположное, то не по свойству закона, а по нерадѣнію принявшихъ законъ. Для чего же (апостолъ) не сказалъ: законъ былъ данъ, а говоритъ: *законъ привниде*? Чтобы показать, что нужда въ немъ была временною, а не главною и важнѣйшею, о чемъ (апостолъ) говоритъ и въ посланіи къ Галатамъ, хотя мысль эту выражаетъ иначе, а именно: *прежде пришествія вѣры, подъ закономъ стрегоми бѣхомъ затворени въ хотящую вѣру открытися* (Гал. III, 23). Слѣдовательно, законъ охранялъ стадо не для самого себя, а для другого. Такъ какъ нѣкоторые іудеи были завистливы, распущены и нерадивы къ собственнымъ дарамъ, ради этого и данъ былъ имъ законъ, который бы сильнѣе обличалъ ихъ, ясно показывалъ, въ какомъ они находятся состояніи, и, увеличивъ обвиненіе, сильнѣе ихъ обуздывалъ. Но не бойся: все это послужило не къ большему наказанію, но къ явленію большей благодати. Потому (апостолъ) присовокупилъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (ст. 20). Не сказалъ: изобиловала, но: *преизбыточествова*. Благодать не только освободила отъ наказанія, но и даровала отпущеніе грѣховъ, жизнь и другія блага, о которыхъ мы многократно упоминали; это подобно тому, какъ если бы кто одержимаго горячкою не только избавилъ отъ болѣзни, но сдѣлалъ красивымъ, сильнымъ и уважаемымъ, или голоднаго не только накормилъ, но и сдѣлалъ его господиномъ многихъ владѣній и возвелъ на высочайшую степень власти. А какимъ образомъ умножился грѣхъ? спросишь ты. Законъ далъ
479 безчисленныя заповѣди; а такъ какъ люди преступили ихъ всѣ, то грѣхъ и умножился. Понялъ ли ты, какое различіе между закономъ и благодатію? Законъ послужилъ дополненіемъ осужденія, а благодать умноженіемъ дара.

4. Сказавъ же о неизреченной Божіей щедрости, (апостолъ) снова изслѣдываетъ начало и корень какъ смерти, такъ и жизни. Что же составляетъ корень смерти? Грѣхъ. Потому онъ и сказалъ: *да якоже царствова грѣхъ во смерть, такожде и благодать воцарится правдою въ жизнь вѣчную, Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ*

(ст. 21). Въ этихъ словахъ (апостолъ) представляетъ грѣхъ въ положеніи царя, а смерть въ положеніи воина, который находится подъ его властью и имъ вооружается. Итакъ, если грѣхъ вооружилъ смерть, то вполнѣ ясно, что праведность, сообщаемая благодатію и уничтожающая грѣхъ, не только обезоруживаетъ смерть, но уничтожаетъ ее и ниспровергаетъ все царство грѣха, поскольку она сильнѣе грѣха, произошла не отъ человѣка или діавола, но отъ Бога и благодати, и ведетъ жизнь нашу къ болѣе совершенному и безконечному благу; этой жизни даже и конца не будетъ, изъ чего ты можешь узнать преимущества благодати. Грѣхъ лишилъ насъ настоящей жизни, а явившаяся благодать даровала намъ не только настоящую, но и безсмертную и вѣчную жизнь. Виновникомъ же всего этого былъ для насъ Христосъ. Потому, имѣя праведность, не сомнѣвайся касательно жизни: вѣдь праведность выше жизни, такъ какъ она—матерь ея. *Что убо? Пребудемъ ли во грѣсѣ, да благодать преумножится? Да не будетъ* (VI, 1). (Апостолъ) опять переходитъ къ нравоучительной рѣчи, но не преимущественно держится ея, чтобы не показаться для многихъ непріятнымъ и тягостнымъ, а касается ея только въ связи съ рѣчью о догматахъ. Если и при такомъ искусствѣ въ рѣчи онъ опасался, какъ бы нѣкоторые не были недовольны его словами, почему и оговаривался: *дерзѣе же писахъ вамъ отчасти* (Рим. XV, 15), то тѣмъ болѣе онъ показался бы имъ рѣзкимъ, если бы не дѣлалъ этого. Итакъ, онъ доказалъ, что благодать вполнѣ достаточна для уврачеванія и великихъ грѣховъ. Но все же для неразумныхъ эти слова могли показаться побужденіемъ ко грѣху. Если, могли бы они говорить, благодать явилась въ большей мѣрѣ, когда мы много и согрѣшили, то не престанемъ грѣшить, чтобы обильно являлась и благодать. Чтобы они этого не говорили и не думали, смотри, какъ (апостолъ) устраняетъ ихъ возраженіе,—сначала запрещеніемъ, сказавъ: *да не будетъ*, какъ обыкновенно выражается о чемъ-нибудь по общему признанію крайне нелѣпомъ, а потомъ приводитъ неопровержимое доказательство. Какое же? *Иже бо умрохомъ грѣху, како еще жити будемъ въ немъ* (ст. 2)? Что значитъ— *умрохомъ?* Или то, что всѣ мы подпали тому же приговору, какой произнесенъ противъ грѣха, или то, что мы, увѣровавши и просвѣтившись, сдѣлались мертвыми для грѣха. Лучше принять послѣднее, какъ это видно и изъ дальнѣйшаго. Что же значитъ—сдѣлаться мертвымъ для грѣха? Ни въ чемъ болѣе не слушаться его. Хотя крещеніе и совершило это однажды, то есть, умертвило насъ для грѣха, но далѣе мы сами должны постоянно и со всѣмъ нашимъ прилежаніемъ совершенствоваться, такъ чтобы не слушаться грѣха, что бы онъ ни приказы-

валъ намъ, и оставаться неподвижно, подобно мертвецу. Хотя въ другихъ мѣстахъ (апостолъ) говоритъ, что умеръ самый грѣхъ, но тамъ онъ говоритъ это, желая показать легкость достиженія добродѣтели; здѣсь же, чтобы скорѣе возбудить слушателя, къ нему самому относитъ смерть. Потомъ, такъ какъ сказанное было неясно, то онъ опять объясняетъ тоже самое, пользуясь выраженіями болѣе сильными. *Или не разумѣете*, братія, говоритъ онъ,
480 *яко елицы во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть* (ст. 3, 4). Что значитъ: *въ смерть Его крестихомся?* То, что и мы должны умереть, какъ Онъ, потому что крещеніе есть крестъ. Чѣмъ для Христа былъ крестъ и гробъ, тѣмъ для насъ стало крещеніе, хотя и въ другомъ отношеніи: Христосъ умеръ и погребенъ плотію, а въ насъ умеръ и погребенъ грѣхъ. Потому (апостолъ) не сказалъ: снасажденн смерти, но: *подобію смерти*. То и другое—смерть, но не въ отношеніи къ одному и тому же бытію: во Христѣ—въ отношеніи къ плоти, а въ насъ—въ отношеніи ко грѣху. Какъ во Христѣ, такъ и въ насъ смерть есть истинная. Но хотя грѣхъ и истинно въ насъ умираетъ, однако же нужно опять содѣйствіе и съ нашей стороны. Потому (апостолъ) присовокупилъ: *да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ* (ст. 4). Здѣсь вмѣстѣ съ попеченіемъ о жизни (апостолъ) прикровенно говоритъ и о воскресеніи. Какъ же? Ты, спрашиваетъ (апостолъ), увѣровалъ тому, что Христосъ умеръ и воскресъ? Потому вѣрь и собственному воскресенію, такъ какъ и въ этомъ ты уподобляешься Христу,—и тебѣ предлежатъ крестъ и гробъ. Если ты участвовалъ въ смерти и погребеніи, то тѣмъ болѣе будешь участвовать въ воскресеніи и жизни: когда ты освобожденъ отъ большаго, т. е. отъ грѣха, тебѣ не должно сомнѣваться въ меньшемъ, т. е. въ уничтоженіи смерти. Но (апостолъ) пока предоставляетъ слушателямъ обсуждать это по собственному разумѣнію, а самъ, въ ожиданіи будущаго воскресенія, требуетъ отъ насъ иного воскресенія, именно новой жизни, заключающейся въ перемѣнѣ нравовъ настоящей нашей жизни. Когда блудникъ дѣлается цѣломудреннымъ, корыстолюбецъ—милосерднымъ, жестокій—кроткимъ, то и въ этомъ заключается воскресеніе, служащее началомъ будущаго. Въ какомъ же смыслѣ это есть воскресеніе? Въ такомъ, что грѣхъ умерщвленъ, а праведность воскресла, ветхая жизнь упразднилась, а начата жизнь новая и евангельская. А всякій разъ, какъ слышишь о новой жизни, разумѣй великую перемѣну и большое превращеніе.

5. Но мнѣ остается плакать и тяжко воздыхать, когда представлю, съ одной стороны, какого великаго любомудрія требуетъ

отъ насъ Павелъ, а съ другой — какой безпечности мы предали себя, возвращаясь послѣ крещенія къ прежней старости, поворачивая опять въ Египетъ и вспоминая послѣ манны объ египетскомъ чеснокѣ. Чрезъ десять или двадцать дней по принятіи крещенія мы уже перемѣняемся и снова беремся за прежнія дѣла. Павелъ требуетъ отъ насъ добраго поведенія не на извѣстное число дней, а на цѣлую жизнь нашу, мы же возвращаемся на прежнюю блевотину, даже послѣ юности, полученной отъ благодати, уготовляя себѣ прежнюю старость отъ грѣховъ. Вѣдь любовь къ деньгамъ, служеніе гнуснымъ страстямъ и всякій вообще грѣхъ обыкновенно дѣлаютъ старымъ всякаго совершающаго ихъ, а ветхое и состарѣвшееся близко къ разрушенію. Невозможно, подлинно невозможно видѣть, чтобы и тѣло изнемогало отъ времени такъ, какъ портится и ослабѣваетъ душа отъ множества грѣховъ. Она впадаетъ въ крайнюю болтливость, говоритъ невнятно, какъ старики или безумные, страдаетъ притупленіемъ внѣшнихъ чувствъ, пораженіемъ членовъ тѣла, забывчивостію и гноетеченіемъ изъ глазъ, становится отвратительною для людей и вполнѣ пригодной для діавола. Таковы души грѣшниковъ. Но не таковы души праведниковъ, а юны и бодры, пребываютъ всегда въ полномъ разцвѣтѣ возраста, всегда готовы ко всякой борьбѣ и брани; души же грѣшниковъ, когда подвергаются и слабому нападенію, обыкновенно тотчасъ падаютъ и погибаютъ. 481
Это выразилъ пророкъ, сказавъ, что *яко прахъ, его же возмѣтаетъ вѣтръ отъ лица земли* (Псал. I, 4), такъ непостоянны и подвержены всякому нападенію живущіе во грѣхахъ. Они не видятъ хорошо, не слышатъ правильно, говорятъ нераздѣльно, постоянно заикаются, ротъ ихъ всегда полонъ слюны, и хорошо бы—только слюны, это было бы не такъ отвратительно, но они испускаютъ рѣчи зловоннѣе всякой грязи, а хуже всего то, что они оказываются не въ силахъ выплюнуть слюну такихъ рѣчей, но съ большимъ безстыдствомъ вытаскиваютъ ее рукою, и снова растираютъ ее, такъ какъ она сдѣлалась густою и трудно раздѣлимою. Вѣроятно, вы чувствуете отвращеніе, слыша мое описаніе; тѣмъ отвратительнѣе самый предметъ. Если непріятно это видѣть въ тѣлѣ, то гораздо непріятнѣе въ душѣ. Таковъ былъ тотъ юноша, который, расточивъ все свое имущество, дошелъ до послѣдней порочности, сдѣлавшись разслабленнѣе всякаго больного и помѣшаннаго въ умѣ. Но какъ только онъ пожелалъ, вдругъ сдѣлался молодымъ отъ одного лишь расположенія и перемѣны мыслей. Какъ только онъ сказалъ: возвращусь къ отцу моему (Лук. XV, 18), одно это слово, или правильнѣе сказать, не только слово, но и дѣло, послѣдовавшее за словами, доставили ему все

блага. Онъ не сказалъ: пойду и—остался, но сказалъ: пойду и—пошелъ и совершилъ весь путь свой. Станемъ такъ поступать и мы; если мы будемъ увлечены на чужую сторону, то возвратимся въ отеческій домъ и не побоимся продолжительности пути. Если только пожелаемъ, наше возвращеніе будетъ удобно и весьма скоро, оставимъ только чужую и неродную намъ сторону, то есть, грѣхъ, который далеко отводитъ насъ отъ родительскаго дома. Итакъ, оставимъ грѣхъ, чтобы скорѣе возвратиться подъ отеческій кровъ. Отецъ любвеобиленъ и не меньше, а еще больше полюбитъ насъ кающихся, чѣмъ угождавшихъ Ему, такъ какъ и блуднаго сына отецъ удостоилъ тогда большей чести и самъ, нашедши сына, обрадовался въ большей мѣрѣ. Но какъ мнѣ возвратиться?—говоришь ты. Положи только начало дѣла, и все уже сдѣлано; остановись въ порочной жизни и не иди далѣе, и—ты уже все получилъ. Какъ и съ больными и то уже составляетъ начало улучшенія, если не дѣлается имъ хуже, тоже бываетъ и въ отношеніи ко злу: не иди далѣе и порочныя дѣла придутъ у тебя къ концу. Если ты будешь такъ поступать въ продолженіе двухъ дней, то на третій тебѣ будетъ легче воздержаться, а къ тремъ днямъ ты потомъ приложишь десять, послѣ—двадцать, потомъ—сто, потомъ—и цѣлую жизнь. Чѣмъ далѣе станешь подвигаться впередъ, тѣмъ легче будетъ казаться твой путь; наконецъ, достигнешь самой вершины и тогда сразу насладишься многими благами. Вѣдь и тогда, когда возвратился блудный сынъ, явились свирѣли, гусли, лики, пиршества и празднества; тотъ, кто долженъ былъ потребовать у сына отчета въ безвременной расточительности и въ такомъ продолжительномъ бѣгствѣ, не сдѣлалъ ничего подобнаго, но встрѣтилъ его, какъ заслужившаго похвалу, не сказалъ ему ни одного укоризненнаго слова, даже не показалъ вида, что вспомнилъ о прежней его жизни, но обнялъ его, поцѣловалъ, закололь теленка, облекъ въ одежду и много украсилъ его. И мы, имѣя такіе примѣры, сдѣлаемся смѣлыми и не будемъ отчаиваться. Вѣдь Богъ не столько радуется, когда Его называютъ Владыкою, сколько тогда, когда Его называютъ Отцемъ, не столько тогда, когда Онъ пріобрѣтаетъ раба, сколько тогда, когда пріобрѣтаетъ сына, и Ему болѣе угодно имѣть сына, чѣмъ раба. Все, что Онъ ни дѣлалъ, Онъ дѣлалъ
482 для этого именно, и не пощадилъ Единороднаго Своего, чтобы мы получили усыновленіе, чтобы мы любили Его не только какъ Владыку, но и какъ Отца. И если Онъ достигаетъ этого отъ насъ, то превозносится, какъ и тотъ, кто прославляетъ Его; всѣмъ объ этомъ объявляетъ, хотя не имѣетъ нужды ни въ чемъ нашемъ. Это Онъ дѣлалъ и съ Авраамомъ, непрестанно повторяя: Я Богъ

Авраама, Исаака и Іакова. Хотя слѣдовало бы слугамъ хвалиться этимъ, но теперь Господинъ открыто дѣлаетъ это. Потому и Петра спрашиваетъ: *любиши ли Мя паче сихъ* (Іоан. XXI, 15)? показывая, что прежде любви ничего отъ насъ не требуетъ. Потому и Аврааму велѣлъ принести сына въ жертву, чтобы показать всѣмъ, какъ сильно любитъ Его патріархъ. А желаніе быть сильно любимымъ происходитъ отъ сильной любви. Потому и апостоламъ Христосъ говорилъ: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. X, 37).

6. Поэтому, хотя къ намъ ближе всего душа наша, однако же Богъ ставитъ ее въ отношеніи любви къ Себѣ на второмъ мѣстѣ, такъ какъ желаетъ, чтобы мы любили Его выше всякой мѣры. И мы, когда не сильно къ кому-нибудь расположены, отъ того и не требуемъ сильной привязанности, хотя бы онъ былъ великъ и знаменитъ; когда же кого-нибудь любимъ горячо и искренно, то, хотя бы любимый человѣкъ былъ простъ и незначителенъ, мы взаимную его любовь считаемъ для себя величайшею честью. Такъ и Христосъ вмѣнилъ Себѣ въ славу не только быть нами любимымъ, но и перенести за насъ поношеніе. Но то по одной только Его любви было славою, а что мы переносимъ ради Него, это поистинѣ можетъ быть названо и дѣйствительно есть слава не только по одной любви, но также по величію и достоинству Любимаго нами.

Итакъ, когда мы станемъ стремиться къ величайшимъ вѣнцамъ, то не будемъ считать для себя обременительнымъ и непріятнымъ ни опасности за Него, ни бѣдность, ни болѣзнь, ни поруганіе, ни клевету, ни самую смерть, всякій разъ какъ терпимъ это за Него. Если будемъ бодрствовать, изъ всего этого получимъ величайшую пользу; а если не будемъ бодрствовать, то не получимъ никакой пользы и отъ противоположныхъ дѣлъ. Смотри же: вредитъ ли кто-нибудь тебѣ и враждуетъ? Онъ учитъ тебя бодрствовать и доставляетъ тебѣ случай сдѣлаться подобнымъ Богу. Если ты возлюбишь злоумышляющаго противъ тебя, то уподобишься Тому, Кто *солнце свое сіяетъ на злыя и благія* (Мѳ. V, 45). Другой отнимаетъ отъ тебя имущество? Если ты великодушно это перенесешь, получишь одинаковую награду съ тѣми, которые роздали все нищимъ: (апостолъ) говоритъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте, вѣдяще лучшее имѣти себѣ имѣніе на небесѣхъ, и пребывающее* (Евр. X, 34). Кто-нибудь зло отозвался о тебѣ и укорилъ тебя? Правда ли это, или ложь, но ты сплелъ себѣ величайшій вѣнокъ, если кротко перенесъ укоризну. Клеветникъ также доставитъ намъ большую награду, такъ какъ сказано: *радуйтеся и веселитеся, егда рекутъ всякъ золъ*

глаголъ на вы лжуще: яко мзда ваша многа на небесѣхъ (Мѳ. v, 11, 12). А кто говоритъ о насъ правду, опять приноситъ намъ величайшую пользу, если только слова его переносимъ смиренно. Такъ, фарисей злословилъ мытаря и, хотя говорилъ правду, однако сдѣлалъ изъ мытаря праведника. И нужно ли перечислять всѣ отдѣльные случаи, когда можно въ точности узнать все это,
483 вспомнивъ о подвигахъ Іова? Потому и Павелъ сказалъ: *аще Богъ по насъ, кто на ны* (Рим. VIII, 31)? Итакъ, если мы заботливы, то и отъ непріятнаго получаемъ пользу, а если безпечны, то и отъ полезнаго не дѣлаемся лучшими. Скажи мнѣ: принесло ли Іудѣ пользу пребываніе вмѣстѣ съ Христомъ? Полезенъ ли былъ іудеямъ законъ? Адаму—рай? Евреямъ въ пустынѣ—Моисей? Потому, оставивъ все, должно обратить вниманіе только на то единственно, чтобы намъ благоустроить себя самихъ; если мы сдѣлаемъ это, то и самъ діаволъ никогда не въ состояніи будетъ одолѣть насъ, а принесетъ намъ еще большую пользу, научивъ насъ бодрствовать. Такъ и Павелъ побуждалъ къ бдительности ефесянъ тѣмъ, что изобразилъ лютость діавола. Но мы спимъ и храпимъ, притомъ тогда, когда имѣемъ столь лукаваго противника. И если бы мы узнали, что притаилась змѣя у нашей постели, то, конечно, приложили бы все стараніе къ тому, чтобы убить ее; а когда діаволъ спрятался въ нашихъ душахъ, то мы думаемъ, что съ нами не происходитъ ничего худого, а между тѣмъ мы уже пали. Причина же этого та, что діавола мы не видимъ тѣлесными очами, хотя вслѣдствіе этого намъ слѣдовало бы болѣе бодрствовать и быть осторожными. Вѣдь отъ видимаго врага и уберечься можно легко, а отъ невидимаго мы не можемъ
484 поспѣшно убѣжать, если не будемъ всегда вооружены, тѣмъ болѣе, что діаволъ не умѣетъ сражаться открыто, чтобы тотчасъ самому не попасться въ плѣнъ, но часто подъ видомъ дружбы впускаетъ жестокій ядъ свой. Такъ онъ поступилъ съ женою Іова, внушивъ ей подъ личиною нѣжной любви предложить свой злой совѣтъ; такъ, и бесѣдуя съ Адамомъ, онъ притворяется, что заботится и радѣетъ о немъ, и говоритъ: *отверзутся очи ваши, въ оньже аще день снѣсте отъ древа* (Быт. III, 5); такъ Іеффаю, подъ видомъ благочестія, внушилъ умертвить дочь и принести беззаконную жертву. Замѣтилъ ли ты козни его? Замѣтилъ ли разнообразную его брань? Итакъ, будь остороженъ, оградись отвсюду духовнымъ оружіемъ, постарайся въ точности узнать его замыслы, чтобы самому тебѣ не оказаться плѣнникомъ, а легко захватить его. Такъ Павелъ, въ точности зная всѣ ухищренія діавола, одолѣлъ его, о чемъ и самъ говоритъ: *не не разумѣваемъ бо умышленій его* (2 Кор. II, 11). Подобнымъ образомъ и мы постараемся

узнать козни діавола и избѣгать ихъ, чтобы, одержавъ надъ нимъ побѣду, заслужить похвалу и въ настоящей жизни и въ будущемъ вѣкѣ и получить нетлѣнныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

Аще бо снасаждени быхомъ подобію смерти Его, но и воскресенія будемъ (VI, 5). 483

1. О чемъ я говорилъ уже выше, о томъ скажу и теперь, а именно, что (апостолъ въ посланіи къ Римлянамъ) часто переходитъ къ нравоучительному слову не такъ, какъ въ остальныхъ посланіяхъ, которыя онъ раздѣляетъ на двѣ части и первую назначаетъ для догматическаго ученія, а вторую попеченію о нравахъ; но здѣсь не такъ, а поперемѣнно дѣлаетъ это на протяженіи всего посланія, чтобы слово его было хорошо принято. Итакъ, онъ говоритъ здѣсь, что существуютъ два умерщвленія и двѣ смерти: одно умерщвленіе совершается Христомъ въ крещеніи, а другое должно совершаться нами посредствомъ нашей дѣятельности послѣ крещенія. То, что въ крещеніи погребены прежніе наши грѣхи, составляетъ Христовъ даръ, а пребываніе послѣ крещенія мертвыми для грѣха—это должно быть дѣломъ собственнаго нашего попеченія, хотя и здѣсь, какъ увидимъ, всего болѣе помогаетъ намъ Богъ. Крещеніе имѣетъ силу не только заглаждать прежнія согрѣшенія, но и защищаетъ отъ будущихъ. И какъ для загла́жденія прежнихъ грѣховъ ты принесъ вѣру, такъ и для того, чтобы опять не оскверняться грѣхами послѣ крещенія, ты долженъ обнаружить перемѣну въ усердіи. Совѣтуя это самое, (апостолъ) и говоритъ: *аще бо снасаждени быхомъ подобію смерти Его, но и воскресенія будемъ*. Замѣтилъ ли ты, какъ онъ возвысилъ слушателя, возведя его прямо къ самому Господу и стараясь доказать большое съ Нимъ подобіе. А чтобы ты не сталъ возражать, апостолъ не сказалъ: смерти, но: *подобію смерти*, такъ какъ въ тебѣ не самая сущность умерла, а умеръ грѣховный человѣкъ, т. е. порочность. Не сказалъ также (апостолъ): если мы пріобщились подобію смерти, но какъ говоритъ? *Аще бо снасаждени быхомъ*, 484 намекнувъ словомъ—насажденіе на плодъ его въ насъ. Какъ Христово тѣло, погребенное въ землѣ, принесло плодъ—спасеніе міра, такъ и наше тѣло, погребенное въ крещеніи, принесло плодъ—правду, освященіе, усыновленіе и безчисленныя блага, а впослѣд-

ствіи принесетъ и даръ воскресенія. И такъ какъ мы погребены въ водѣ, а Христосъ въ землѣ, мы въ отношеніи грѣха, а Онъ тѣломъ, то (апостолъ) не сказалъ: снасаждени быхомъ смерти, но: *подобію смерти*, потому что хотя то и другое есть смерть, но не въ отношеніи къ одному и тому же. *Аще снасаждени быхомъ въ смерти*, говоритъ, *и воскресенія будемъ*. Здѣсь онъ разумѣетъ будущее воскресеніе. Такъ какъ выше, когда разсуждалъ о смерти и говорилъ: *или не разумѣете*, братія, *яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся*,—онъ ясно ничего не сказалъ о воскресеніи, но о жизни послѣ крещенія, повелѣвъ *ходить въ обновленіи жизни*, то здѣсь, употребивъ тоже выраженіе, предвозвѣщаетъ уже намъ о будущемъ воскресеніи. А чтобы ты понялъ, что (апостолъ) говоритъ именно о будущемъ воскресеніи, а не о воскресеніи въ крещеніи, онъ, сказавъ: *аще снасаждени быхомъ подобію смерти его*, не сказалъ, что и подобію воскресенія снасаждени будемъ, но просто—*и воскресенія будемъ*. Чтобы ты не возразилъ: „если мы не умерли, какъ умеръ Христосъ, то какъ же мы воскреснемъ, какъ Онъ воскресъ?"—апостолъ, когда упо-
485 мянулъ о смерти, не сказалъ: снасаждени смерти, но—*подобію смерти*; а когда говоритъ о воскресеніи, не сказалъ: подобію воскресенія, но и самаго *воскресенія будемъ*. И опять не сказалъ: были, но: *будемъ*, указывая и этими словами не на бывшее уже, но будущее воскресеніе. Потомъ, желая сдѣлать свою рѣчь достовѣрною, онъ указываетъ на другое воскресеніе, совершающееся здѣсь прежде будущаго, чтобы ты по настоящему увѣровалъ и въ будущее. Сказавъ именно, что *снасаждени воскресенія будемъ*, присовокупилъ: *сіе вѣдяще, яко ветхій нашъ человѣкъ съ нимъ распятся, да упразднится тѣло грѣховное* (ст. 6). Здѣсь (апостолъ) представилъ вмѣстѣ причину и доказательство будущаго воскресенія; и онъ не сказалъ: распятся, но: *съ нимъ распятся*, сближая крещеніе и крестъ. Такъ и выше говорилъ: *снасаждени быхомъ подобію смерти Его, да упразднится тѣло грѣховное*, называя такъ не это наше тѣло, но всю порочность. Какъ именемъ ветхаго человѣка онъ называетъ вообще все зло, такъ тѣломъ ветхаго человѣка опять называетъ зло, слагающееся изъ разныхъ видовъ порока. И что сказанное—не мое предположеніе, послушай, какъ самъ Павелъ объясняетъ это далѣе. Сказавъ: *да упразднится тѣло грѣховное*, онъ присовокупилъ: *яко ктому не работати намъ грѣху* (ст. 6). Желаю, чтобы тѣло было мертво, но не въ томъ смыслѣ, чтобы оно разрушилось и погибло естественною смертію, а въ томъ, чтобы не грѣшило. И дальше (апостолъ) еще болѣе разъясняетъ это, говоря: *умерый бо свободися отъ грѣха* (ст 7). Это (апостолъ) говоритъ о всякомъ человѣкѣ, потому что какъ умершій освобож-

денъ отъ грѣха уже тѣмъ самымъ, что лежитъ мертвъ, такъ и вышедшій изъ крещенія: онъ однажды уже умеръ, поэтому ему должно навсегда оставаться мертвымъ для грѣха.

2. Итакъ, если ты умеръ въ крещеніи, оставайся мертвымъ, потому что всякій умершій не можетъ уже грѣшить; а если ты грѣшишь, то уничижаешь даръ Божій. Такимъ образомъ, потребовавъ отъ насъ столь высокаго любомудрія, (апостолъ) немедленно указываетъ и на награду, говоря: *аще же умрохомъ со Христомъ* (ст. 8). Хотя быть въ общеніи съ Владыкою, прежде всякой иной награды, само по себѣ есть уже величайшій вѣнецъ, но, кромѣ его, говоритъ (апостолъ), я предлагаю тебѣ другую награду. Какую же? Вѣчную жизнь. *Вѣруемъ*, говоритъ онъ, *яко и живи будемъ съ Нимъ* (ст. 8). Откуда же это видно? *Вѣдяще, яко Христосъ воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ* (ст. 9). Обрати опять вниманіе на искусство (апостола), какъ онъ раскрываетъ свою мысль отъ противоположнаго. Такъ какъ крестъ и смерть естественно приводили нѣкоторыхъ въ страхъ, то онъ доказываетъ, что они именно и должны укрѣплять въ надеждѣ. Если Христосъ умеръ однажды, говоритъ (Павелъ), то не подумай, что Онъ смертенъ; напротивъ, вслѣдствіе этого самаго Онъ пребываетъ безсмертнымъ, такъ какъ смерть Его была смертію смерти, и такъ какъ Онъ умеръ, то и не умираетъ. Это и есть—смертію *грѣху умре* (ст. 10). Что значитъ: грѣху? То есть, Самъ по Себѣ Онъ не былъ повиненъ смерти, а умеръ за нашъ грѣхъ. Для того Онъ и умеръ, чтобы истребить грѣхъ, подрѣзать ему жилы и отнять у него всю силу. Замѣчаешь ли ты, какъ (апостолъ) устрашилъ? Если Христосъ не умираетъ въ другой разъ, то нѣтъ и второго крещенія, а если нѣтъ второго крещенія, то ты не долженъ имѣть склонности ко грѣху. Все это (апостолъ) говоритъ, возставая противъ думавшихъ: *сотворимъ злая, да пріидутъ благая*, или: *пребудемъ во* 486
грѣсѣ, да благодать пріумножится. Желая съ корнемъ уничтожить такое мнѣніе, онъ и высказываетъ это. *А еже живетъ*, продолжаетъ, *Богови живетъ* (ст. 10), т. е. непрерывно, такъ что смерть не имѣетъ уже надъ нимъ власти. Если Христосъ умеръ первою смертью, не будучи повиненъ смерти, а за грѣхъ другихъ, тѣмъ болѣе не умретъ Онъ нынѣ, истребивши грѣхъ. Тоже самое выразилъ (Павелъ) и въ посланіи къ Евреямъ, говоря: *единою въ кончину вѣковъ, во отмѣтаніе грѣха, жертвою Своею явися. И якоже лежитъ человѣкомъ единою умрети, тако и Христосъ единою принесеся, во еже вознести многихъ грѣхи, второе безъ грѣхи явится ждущимъ Его во спасеніе* (Евр. IX, 26—28). Апостолъ показываетъ и силу жизни по Богѣ и могущество грѣха,—силу жизни по Богѣ тѣмъ, что Христосъ уже не умретъ, а могущество грѣха тѣмъ,

что онъ побудилъ умереть Безгрѣшнаго; слѣдовательно, какъ же онъ не погубитъ тѣхъ, которые дѣйствительно виновны? Потомъ, такъ какъ (апостолъ) бесѣдовалъ о жизни Христовой, то, чтобы кто-либо не сказалъ: „какое эти слова имѣютъ отношеніе къ намъ“?— онъ присовокупилъ далѣе: *такожде и вы помышляйте себѣ мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови* (ст. 11). Хорошо сказалъ— *помышляйте*, потому что пока невозможно представить видимымъ образомъ то, о чемъ онъ говоритъ. О чемъ же мы должны помышлять, спросишь? *Мертвыхъ себѣ быти грѣху, живыхъ же Богови о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ*, т. е. живущій для Бога достигнетъ всякой добродѣтели, имѣя своимъ споборникомъ самого Іисуса; это и значитъ—*о Христѣ*. Если онъ воскресилъ насъ мертвыхъ, то тѣмъ болѣе можетъ поддержать насъ, когда мы живемъ. *Да не царствуетъ убо грѣхъ въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ, во еже послушати его* (ст. 12). Не сказалъ (апостолъ): да не живетъ, или: да не дѣйствуетъ плоть, но: *да не царствуетъ грѣхъ*, потому что Христосъ пришелъ не упразднить природу, но исправить волю. Затѣмъ, показывая, что мы удерживаемся во власти порока не силою или по необходимости, но добровольно, (апостолъ) не сказалъ: да не господствуетъ, что указывало бы на принужденіе, но: *да не царствуетъ*. Неумѣстно было бы руководимымъ въ царствіе небесное имѣть царемъ грѣхъ и призываемымъ царствовать со Христомъ желать сдѣлаться плѣнниками грѣха, какъ нелѣпо было бы и то, если бы кто-нибудь, снявши съ головы діадему, захотѣлъ быть рабомъ безумной женщины, убогой и одѣтой въ рубище. Потомъ, такъ какъ тяжело побѣдить грѣхъ, то смотри, какъ (апостолъ) и легкость показалъ, и въ трудѣ утѣшилъ, сказавъ: *въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ*. Этимъ онъ даетъ понять, что подвиги временны и скоро прекращаются, а вмѣстѣ напоминаетъ намъ о прежнихъ злыхъ дѣлахъ и о корнѣ смерти, такъ какъ сначала тѣло сдѣлалось смертнымъ чрезъ грѣхъ. Но можно не грѣшить, имѣя и смертное тѣло. Замѣтилъ ли ты все богатство Христовой благодати? Адамъ, еще не имѣя смертнаго тѣла, палъ, а ты можешь быть увѣнчаннымъ, получивъ въ удѣлъ тѣло, подверженное смерти. А какимъ образомъ, спросишь, царствуетъ грѣхъ? Не собственною силою, но по твоей безпечности. Потому, сказавъ: *да не царствуетъ*, объясняетъ самый образъ этого царствованія, присовокупивъ слѣдующія слова. *во еже послушати его въ похотѣхъ его*. Уступить тѣлу все, даже и власть, не составляетъ чести, но есть крайнее рабство и верхъ безчестія. Когда оно дѣлаетъ, что желаетъ, тогда бываетъ лишено всякой свободы, а когда встрѣчаетъ препятствія, тогда оно преимущественно сохраняетъ свое достоинство. *Ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху, но оружія правды* (ст. 13).

3. Итакъ, тѣло служитъ средствомъ и для порока, и для добродѣтели, подобно оружію, которое у пользующагося имъ пригодно на дѣла того и другого рода; такъ однимъ и тѣмъ же оружіемъ защищаются—и воинъ, сражающійся за отечество, и разбойникъ, вооружающійся противъ гражданъ; слѣдовательно, вина падаетъ не на оружіе, а на того, кто употребляетъ его во зло. Тоже самое можно сказать о плоти, которая бываетъ тѣмъ или другимъ не по собственной природѣ, а по расположенію души. Когда ты съ излишнимъ вниманіемъ смотришь на чужую красоту, то оружіемъ неправды бываетъ глазъ не по собственной своей дѣятельности (потому что глазу свойственно смотрѣть и не лукаво смотрѣть), но по лукавству управляющаго имъ помысла; если ты обуздалъ помыслъ, то и глазъ дѣлается орудіемъ правды. Тоже должно сказать о языкѣ, о рукахъ и всѣхъ прочихъ членахъ. И апостолъ хорошо наименовалъ грѣхъ неправдою: кто грѣшитъ, тотъ поступаетъ несправедливо или въ отношеніи себя самого, или въ отношеніи ближняго, но гораздо больше въ отношеніи себя, чѣмъ въ отношеніи ближняго. Итакъ, отводя отъ порока, (апостолъ) ведетъ къ добродѣтели и говоритъ: *но представляйте себе Богови, яко отъ мертвыхъ живыхъ* (ст. 13). Смотри, какъ онъ побуждаетъ простыми наименованіями, тамъ назвавши грѣхъ, а здѣсь Бога. Указавъ, какъ велико различіе между царствующими, онъ лишилъ всякаго извиненія того воина, который оставилъ Бога и пожелалъ подчиниться царству грѣха. И не здѣсь только, но и въ слѣдующихъ словахъ онъ раскрываетъ это, говоря: *яко отъ мертвыхъ живыхъ*. Этими словами онъ показываетъ гибельность грѣха и величіе Божія дара. Представьте себѣ, говоритъ онъ, каковы вы были прежде и каковы вы стали теперь. Кто же вы были? Мертвецы и погибшіе такою гибелью, отъ которой не было никакой возможности избавиться, потому что не было никого, кто бы могъ помочь вамъ. И какими же вы стали изъ тѣхъ мертвецовъ? Живущими жизнью безсмертною. Чрезъ кого? Чрезъ всемогущаго Бога. Итакъ, справедливо подчиниться Ему съ такимъ усердіемъ, какое свойственно сдѣлавшимся изъ мертвыхъ живыми. *И уды ваша орудія правды Богови* (ст. 13). Слѣдовательно, тѣло не есть что-либо худое, если оно можетъ сдѣлаться оружіемъ правды. Сказавъ же объ оружіи, (апостолъ) возвѣстилъ, что наступила тяжкая брань. Потому намъ нужны крѣпкое вооруженіе, духъ мужественный и хорошо свѣдущій въ дѣлахъ браней такого рода, а всего нужнѣе вождь. Но вождь уже присутствуетъ, будучи всегда готовъ для союза съ нами, никогда непобѣдимый; Онъ приготовилъ намъ и крѣпкое оружіе, требуется лишь отъ насъ согласіе употреблять это оружіе какъ должно, подъ условіемъ и вождю по- 487

виноваться, и дѣйствовать оружіемъ за отечество. Итакъ, внушивъ намъ столь великое, напомнивъ объ оружіи, битвѣ и браняхъ, (апостолъ) опять воодушевляетъ воина и возбуждаетъ въ немъ готовность, говоря: *грѣхъ бо вами да не обладаетъ: нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію* (ст. 14). А если грѣхъ болѣе уже не господствуетъ надъ нами, то для чего апостолъ (увѣщевалъ) прежде: *да не царствуетъ грѣхъ въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ, ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху?* Что значитъ эта рѣчь? Здѣсь (апостолъ) мимоходомъ высказываетъ мысль, которую впослѣдствіи долженъ раскрыть и обработать со всѣмъ искусствомъ. Какая же это мысль? Тѣло наше до пришествія Христова было легко доступно грѣху. Вѣдь послѣ смерти въ него вошло большое мно-
488 жество страстей и потому оно сдѣлалось крайне неспособнымъ идти путемъ добродѣтели. Не было еще ни вспомоществующаго Духа, ни крещенія, могущаго умертвить, но оно бѣжало, подобно какому-то необузданному коню, и часто грѣшило, потому что законъ, хотя и предписывалъ, что нужно дѣлать и чего не дѣлать, не давалъ подвизающимся ничего, кромѣ словеснаго увѣщанія. Когда же явился Христосъ, борьба сдѣлалась легче. Потому намъ, какъ получившимъ участіе въ большей помощи, назначены и болѣе трудные подвиги, почему Христосъ и сказалъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидите въ царствіе небесное* (Мѳ. v, 20). Впослѣдствіи апостолъ говоритъ объ этомъ яснѣе, а пока онъ здѣсь кратко намекаетъ на это, показывая, что если мы не слишкомъ подчинились грѣху, то онъ насъ не одолѣетъ. Вѣдь не одинъ только законъ повелѣваетъ, но и благодать, которая простила прежнее и укрѣпляетъ для будущаго. Законъ обѣщалъ вѣнцы послѣ трудовъ, а благодать сперва увѣнчала, а потомъ призвала къ подвигамъ. Но, по моему мнѣнію, здѣсь разумѣется не цѣлая жизнь вѣрующаго, а дѣлается сравненіе между крещеніемъ и закономъ, о чемъ (апостолъ) говоритъ и въ другомъ мѣстѣ, что *писмя убиваетъ, а Духъ животворитъ* (2 Кор. III, 6). Законъ обличаетъ преступленіе, а благодать освобождаетъ отъ него. Какъ законъ, обличая, обнаруживаетъ грѣхъ, такъ благодать, прощая, не позволяетъ оставаться подъ грѣхомъ, такъ что ты въ двоякомъ отношеніи бываешь освобожденъ отъ власти грѣха, потому, во-первыхъ, что не находишься подъ закономъ, и во-вторыхъ, потому что пользуешься благодатію.

4. Итакъ, послѣ того какъ (апостолъ) успокоилъ слушателя предыдущими словами, онъ опять утверждаетъ его, предлагая увѣщаніе въ видѣ возраженія и говоря такъ: *что убо? согрѣшимъ ли, зане нѣсмы подъ закономъ, но подъ благодатію? Да не будетъ* (ст. 15). Хотя сначала (апостолъ) на предложенный вопросъ,

какъ крайне неумѣстный, отвѣчаетъ отрицаніемъ, но потомъ переводитъ рѣчь на увѣщаніе и доказываетъ что легкость подвиговъ велика, говоря такъ: *не вѣсте ли, яко ему же представляете себе рабы въ послушаніе, рабы есте, егоже послушаете, или грѣха въ смерть, или послушанія въ правду* (ст. 16)? Не говорю уже, разсуждаетъ (апостолъ), о геоннѣ и о тяжкомъ будущемъ наказаніи, но о настоящемъ стыдѣ, когда вы становитесь рабами и притомъ рабами добровольными, рабами грѣха, и за такую награду, чтобы снова умереть. Если до крещенія грѣхъ произвелъ тѣлесную смерть, и рана потребовала такого врачеванія, что Владыка всяческихъ приялъ смерть и такимъ образомъ разрушилъ зло, то чего не произведетъ грѣхъ, овладѣвши тобою, когда послѣ столь великаго дара и свободы ты снова и добровольно склонишься подъ его иго? Итакъ, не стремись въ эту бездну, не предавайся добровольно грѣху. Во время войнъ часто воины сдаются и невольно, но здѣсь никто не побѣдитъ тебя, если ты самъ не сдѣлаешься измѣнникомъ. Потому внушивъ надлежащимъ образомъ стыдъ, (апостолъ) устрашаетъ и воздаяніями и указываетъ на возмездія за дѣла того и другого рода, именно—на праведность и смерть, смерть не тѣлесную, но гораздо болѣе ужасную. Въ самомъ дѣлѣ, если Христосъ болѣе уже не умретъ, то кто разрушитъ эту смерть? Никто. Слѣдовательно, необходимо вѣчно терпѣть наказаніе и мучиться, такъ какъ не будетъ уже и чувст- 489
венной смерти, какъ здѣсь, которая дала бы покой тѣлу и разлучила его съ душею: *послѣдній врагъ испразднится смерть* (1 Кор. xv, 26). Отсюда, наказаніе будетъ безсмертно. Но не то ожидаетъ повинующихся Богу, а ихъ наградою будетъ праведность и блага изъ нея произрастающія. *Благодаримъ убо Бога, яко бѣсте раби грѣху, послушасте же отъ сердца, въ оньже и предастеся образъ ученія* (ст. 17). Пристыдивъ рабствомъ, устрашивъ и побудивъ воздаяніями, (апостолъ) опять ободряетъ (слушателей) напоминаніемъ о благодѣяніяхъ. Въ настоящихъ словахъ онъ показываетъ, что они освоводились отъ великихъ золъ, что освободились не собственными силами и что будущее болѣе пріятно. Подобно тому какъ кто-нибудь, освободивши плѣнника отъ жестокаго мучителя и убѣждая не возвращаться къ нему, напоминаетъ объ ужасной его власти, такъ и Павелъ весьма ясно изображаетъ минувшія бѣдствія, говоря и о благодареніи Богу. Нужна была не человѣческая сила, говоритъ онъ, чтобы освободить насъ отъ всѣхъ тѣхъ золъ; но благодареніе Богу, Который восхотѣлъ и возмогъ избавить насъ. И прекрасно сказалъ (апостолъ): *послушасте отъ сердца*, т. е. вы не подверглись принужденію или насилію, но добровольно, по собственному расположенію отстали отъ грѣха.

Въ этомъ заключается какъ похвала, такъ вмѣстѣ и упрекъ. Если вы пришли добровольно и не подверглись никакому принужденію, то какое вы можете имѣть извиненіе и какое оправданіе, когда возвратитесь опять на прежнее? А потомъ, чтобы ты позналъ, что все это зависѣло не отъ нихъ только расположенія, но и отъ Божіей благодати, апостолъ, сказавъ: *послушасте отъ сердца*, присовокупилъ: *въ оньже предастеся образъ ученія.* Послушаніе отъ сердца показываетъ свободную волю, а слово—*предастеся* намекаетъ на помощь Божію. Какой же образъ ученія? Жить правильно и осмотрительно. *Свободшеся же отъ грѣха, поработистеся правдѣ* (ст. 18). (Апостолъ) указываетъ здѣсь на два Божія дара: на освобожденіе отъ грѣха и порабощеніе правдѣ, которое лучше всякой свободы. Богъ поступилъ такъ же, какъ поступаетъ, напримѣръ, тотъ человѣкъ, который, взявши сироту, уведеннаго варварами въ ихъ землю, не только освободилъ его отъ плѣна, но замѣнилъ ему собою попечительнаго отца и возвелъ его въ весьма высокое достоинство. Подобное случилось и съ нами. Богъ не только освободилъ насъ отъ древнихъ золъ, но привелъ въ ангельскую жизнь, уравнялъ намъ путь къ совершеннѣйшей добродѣтели, послѣ того какъ отдалъ насъ подъ защиту праведности, убилъ древнее зло, умертвилъ ветхаго человѣка и руководилъ насъ къ безсмертной жизни. Итакъ, пребудемъ въ этой жизни, какъ дѣйствительно живые, потому что многіе, хотя повидимому и дышатъ и ходятъ, однакоже находятся въ состояніи болѣе жалкомъ, чѣмъ мертвые.

5. Вѣдь существуютъ различные роды мертвенности: есть мертвенность тѣлесная, по которой Авраамъ, будучи мертвъ, не былъ мертвымъ, какъ и сказано: *нѣсть Богъ, Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (Мѳ. XXII, 32); есть мертвенность душевная, которую разумѣлъ Христосъ, говоря: *остави мертвыхъ погребсти своя мертвецы* (Мѳ. VIII, 22); есть и другая мертвенность, достойная похвалы, происходящая при посредствѣ любомудрія, о которой говоритъ Павелъ: *умертвите уды ваша, яже на земли* (Колос. III, 5); наконецъ, есть мертвенность, производящая предыдущую и бывающая въ крещеніи, какъ сказано: *ветхій нашъ человѣкъ распятся* (Рим. VI, 6), т. е. умерщвленъ. Итакъ, зная это, станемъ избѣгать того умерщвленія, по которому мы, и будучи живыми, умираемъ, и не станемъ бояться того, по которому наступаетъ общая смерть. А два
490 другіе рода умерщвленія, изъ которыхъ одно есть блаженное и дано Богомъ, а другое похвально и зависитъ какъ отъ насъ, такъ и отъ Бога, мы и изберемъ и съ ревностью станемъ осуществлять. Одно изъ этихъ двухъ умерщвленій Давидъ ублажаетъ, говоря: *блажени, ихже оставишася беззаконія* (Псал. XXXI, 1), а другое вос-

хваляетъ Павелъ, говоря въ посланіи къ Галатамъ: *иже Христовы суть, плоть распяша* (Галат. v, 24). Изъ другой же пары умерщвленій одно Христосъ называетъ достойнымъ пренебреженія, говоря: *не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити*, а другое—страшнымъ, говоря: *убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ геенн*ѣ (Мѳ. x, 28). Итакъ, избѣгая геенны, изберемъ для себя то умерщвленіе, которое ублажается и восхваляется, чтобы изъ другихъ двухъ мертвенностей одной избѣгать, а другой бояться. Нѣтъ для насъ никакой пользы видѣть солнце, ѣсть и пить, если жизнь наша не ознаменуется добрыми дѣлами. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, какая польза, если царь облекся въ порфиру, имѣетъ при себѣ оружіе, но не управляетъ ни однимъ подданнымъ, а доступенъ всѣмъ, желающимъ оскорбить его и обидѣть? Такъ и для христіанина не будетъ никакой пользы, если онъ, имѣя вѣру и даръ крещенія, окажется подверженъ всѣмъ страстямъ; въ такомъ случаѣ и обида будетъ больше, и стыдъ сильнѣе. Какъ царь, облеченный въ діадему и багряницу, не только такою одеждою не прибавляетъ къ своей чести, но собственнымъ стыдомъ безчеститъ ее, такъ и вѣрующій, если ведетъ порочную жизнь, не только не внушитъ этимъ никакого къ себѣ почтенія, но еще сдѣлается болѣе смѣшнымъ. *Елицы бо беззаконно согрѣшиша*, говоритъ (апостолъ), *беззаконно и погибнутъ, и елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ* (Рим. ii, 12). И въ посланіи къ Евреямъ онъ говорилъ: *отверглся кто закона Моисеова, безъ милосердія при двоихъ и тріехъ свидѣтелехъ умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый* (Евр. x, 28. 29)? И вполнѣ естественно, такъ какъ Я, говоритъ (Христосъ), чрезъ крещеніе покорилъ тебѣ всѣ страсти. Отчего же случилось, что ты оскорбилъ столь великій даръ и сдѣлался вмѣсто одного другимъ? Я умертвилъ и похоронилъ прежніе грѣхи твои, какъ червей,—зачѣмъ же ты породилъ другіе? Вѣдь грѣхи хуже червей: черви точатъ тѣло, а грѣхи повреждаютъ душу и производятъ большее зловоніе. Но мы не чувствуемъ этого, а потому и не спѣшимъ очистить душу. Вѣдь и пьяный не замѣчаетъ дурного запаха отъ испорченнаго вина, а непьяный хорошо это ощущаетъ. Такъ и въ отношеніи грѣховъ—живущій цѣломудренно съ точностью примѣчаетъ ихъ зловоніе и нечистоту, а предавшій себя пороку, какъ бы страдая головою вслѣдствіе какого-то опьяненія, не чувствуетъ даже и того, что онъ боленъ. Самое ужасное дѣйствіе порока состоитъ въ томъ, что впавшимъ въ него онъ не даетъ видѣть всю опасность собственной гибели, напротивъ, валяясь въ грязи, они воображаютъ, будто наслаждаются благоуханіями, потому-то они и не

могутъ освободиться, а будучи полны червей, гордятся, точно украшены драгоцѣнными каменьями. Они даже и не желаютъ истребить ихъ, но откармливаютъ и разводятъ въ самихъ себѣ до тѣхъ поръ, пока не передадутъ ихъ червямъ будущаго вѣка, такъ какъ здѣшніе—приспѣшники будущихъ, а лучше—не только приспѣшники, но родоначальники тѣхъ, никогда неумирающихъ червей, по сказанному: *червь ихъ не умираетъ* (Мар. IX, 44). Они-то возжигаютъ и геенну, никогда не угасающую. Итакъ, чтобы этого не было и съ нами, изсушимъ источникъ золъ, угасимъ пещь,
401 исторгнемъ снизу корень порока, такъ какъ, если худое дерево срубишь поверхъ земли, никакой не сдѣлаешь пользы, потому что снизу останется корень порока, изъ котораго опять пойдутъ худые отпрыски. Что же составляетъ корень зла? Узнай объ этомъ отъ добраго садовника, который въ точности знаетъ это, ухаживаетъ за духовнымъ виноградникомъ и воздѣлываетъ цѣлую вселенную. Что же называетъ онъ причиною всѣхъ золъ? Страсть къ деньгамъ. *Корень бо всѣмъ злымъ*, говоритъ онъ, *сребролюбіе есть* (1 Тим. VI, 10). Отсюда битвы, вражда и войны; отсюда ссоры, брани, подозрѣнія и обиды; отсюда убійство, воровство и гробокопательство; вслѣдствіе сребролюбія не только города и области, но дороги, мѣста обитаемыя и необитаемыя, горы, лѣса, овраги, словомъ—все полно крови и убійствъ. Зло это не щадитъ и моря, но и тамъ неистовствуетъ со всѣмъ бѣшенствомъ, такъ какъ морскіе разбойники постоянно совершаютъ здѣсь нападенія и изобрѣтаютъ новые способы грабежа. Вслѣдствіе сребролюбія извратились законы природы, поколебались союзы родства, рушились права самаго бытія.

6. Власть денегъ вооружила руки не только противъ живыхъ, но и противъ умершихъ; съ сребролюбцами нельзя примириться и при посредствѣ смерти, но они, разломавши гробницы, простираютъ злодѣйскія руки и къ мертвымъ тѣламъ и освободившагося отъ жизни не освобождаютъ отъ злыхъ своихъ умысловъ. Что бы ты ни встрѣтилъ худого, въ домѣ ли, или на торжищѣ, въ судахъ или въ правительственныхъ мѣстахъ, въ царскихъ чертогахъ или гдѣ бы то ни было, ты можешь замѣтить, что все зло возникло изъ сребролюбія. Это именно, это зло наполнило все кровью и убійствами, оно возжгло пламень геенны, оно сдѣлало такъ, что города стали ничѣмъ не лучше, но даже гораздо хуже пустыни. Отъ тѣхъ, которые производятъ грабежи на дорогахъ, можно еще уберечься, такъ какъ они не всегда нападаютъ; а тѣ, которые дѣлаютъ тоже самое среди городовъ, настолько хуже первыхъ, насколько труднѣе отъ нихъ уберечься, такъ какъ они со всею дерзостью отваживаются на такія дѣла, какія пер-

вые производятъ скрытно. Сребролюбцы, привлекши къ союзу съ собою тѣ законы, которые постановлены съ цѣлью упраздненія ихъ лукавства, наполнили города множествомъ убійствъ и преступленій. Скажи мнѣ, не убійство ли и не хуже ли еще убійства—предать нищаго голоду, ввергнуть его въ тюрьму и вмѣстѣ съ голодомъ подвергнуть его и мукамъ и безчисленнымъ истязаніямъ. Хотя ты не самъ все это дѣлаешь, но служишь причиною этого дѣла и совершаешь его больше тѣхъ, которые тебѣ служатъ. Убійца однажды вонзаетъ мечъ и, причинивъ кратковременную боль, не продолжаетъ далѣе мученій; а ты, дѣлая своими клеветами, оскорбленіями и злоумышленіями и самый свѣтъ для него тьмою и заставляя тысячу разъ желать смерти, подумай, сколько причиняешь ему смертей вмѣсто одной. И хуже всего то, что ты грабишь и лихоимствуешь не потому, чтобы тебя угнетала нищета и понуждалъ голодъ, но для того, чтобы больше вызолотить узду у коня, кровлю на домѣ и капители у столбовъ. И какой не можетъ быть достойно геенны все это, когда ты брата, который вмѣстѣ съ тобою сдѣлался участникомъ неизреченныхъ благъ и столько почтенъ отъ Владыки твоего, ввергаешь въ безчисленныя бѣдствія, чтобы украсить камни, помостъ и безсловесныхъ животныхъ, не сознающихъ этого украшенія? И собака 492
у тебя на большомъ попеченіи, а человѣкъ или, лучше сказать, Христосъ, ради собаки и всего сказаннаго осуждается на крайній голодъ. Что хуже такого безразличія? Что ужаснѣе такого беззаконія? Сколько будетъ потребно огненныхъ рѣкъ для такой души? Сотворенный по образу Божію стоитъ обезчещенъ вслѣдствіе твоего безчеловѣчія, а головы муловъ, везущихъ твою жену, сіяютъ обильнымъ золотомъ, а также — покровы и деревянныя принадлежности балдахина; если нужно сдѣлать стулъ или подножіе, все дѣлается изъ золота и серебра; а тотъ, для кого Христосъ сошелъ съ неба и пролилъ драгоцѣнную кровь, вслѣдствіе твоего корыстолюбія, не имѣетъ у себя самой необходимой пищи. Твои ложа отовсюду обложены серебромъ, а тѣла святыхъ лишены и необходимаго покрова; для тебя Христосъ маловажнѣе всего—и слугъ, и муловъ, и ложа, и стула, и подножія. Не говорю уже о другихъ безчестнѣйшихъ вещахъ, предоставляя вамъ самимъ подумать о томъ. Если же ты, слыша это, приходишь въ ужасъ, то перестань такъ поступать и сказанное нисколько тебѣ не повредитъ. Перестань, удержись отъ этого безумія. Явное вѣдь безуміе заботиться объ этомъ. Потому, оставивъ это, возведемъ, наконецъ, когда-нибудь свои взоры на небо, вспомнимъ о будущемъ днѣ, помыслимъ о страшномъ судѣ, о строгомъ отчетѣ, о неподкупномъ приговорѣ; помыслимъ, что Богъ все это видитъ

и однакоже не посылаетъ на насъ молній свыше, хотя дѣла наши не молній только достойны. Но Онъ и этого не дѣлаетъ, ни моря на насъ не воздвигаетъ, ни земли въ срединѣ не разверзаетъ, ни солнца не погашаетъ, ни небу со звѣздами не повелѣваетъ пасть, словомъ сказать, ничего не измѣняетъ, но оставляетъ, чтобы вся тварь оставалась въ порядкѣ и служила намъ. Итакъ, помысливъ объ этомъ, возблагоговѣемъ предъ величіемъ Его человѣколюбія и возвратимся къ своему благородству, потому что нынѣ мы являемся нисколько не лучше, но еще хуже безсловесныхъ. И они любятъ сродное съ ними и довольствуются общностью природы для взаимной склонности другъ къ другу.

А ты, имѣя кромѣ общей природы еще тысячи побужденій быть въ тѣсномъ союзѣ съ собственными своими членами, именно—одареніе разумомъ, участіе въ благочестіи, общеніе въ безчисленныхъ благахъ, сдѣлался однако грубѣе безсловесныхъ животныхъ, обнаруживаешь большую заботу о вещахъ безполезныхъ, и пренебрегаешь храмами Божіими, которые погибаютъ отъ голода и наготы, даже часто самъ подвергаешь ихъ тысячамъ бѣдствій. Если ты поступаешь такъ изъ славолюбія, то надлежало бы тебѣ позаботиться о братѣ больше, чѣмъ о лошади. Вѣдь чѣмъ лучше пользующійся твоимъ благодѣяніемъ, тѣмъ прекраснѣе сплетается тебѣ вѣнецъ за твое усердіе; а теперь, поступая совершенно иначе, ты не чувствуешь, что вооружаешь противъ себя тысячи обвинителей. Кто не скажетъ о тебѣ худо? Кто не обвинитъ тебя въ крайней жестокости и человѣконенавистничествѣ, видя, что ты унижаешь человѣческій родъ и цѣнишь безсловесныхъ выше людей, а вмѣстѣ съ безсловесными и свой домъ и домашнюю утварь? Развѣ ты не слышалъ, какъ апостолы говорили, что первые, принявшіе ученіе, продавали домы и имѣнія,
493 чтобы кормить братій? А ты и у другихъ отнимаешь домы и угодія, чтобы украсить лошадь, деревья, покровы, стѣны, помостъ. А хуже еще то, что не только мужчины, но и женщины страдаютъ этимъ безуміемъ, вовлекаютъ мужчинъ въ большіе напрасные труды и весьма часто принуждаютъ ихъ тратиться на все пустое больше, чѣмъ на необходимое. А если кто-нибудь обличаетъ ихъ въ этомъ, онѣ выдумываютъ оправданіе, достойное всякаго осужденія. И то, и это бываетъ, говорятъ они. Что ты говоришь? Неужели ты не боишься это произносить, ставя алчущаго Христа на ряду съ лошадьми, мулами, ложами и подножками, а лучше сказать и не на ряду, но большую часть ты отдаешь другимъ, а Христу удѣляешь едва и малую долю. Развѣ ты не знаешь, что все принадлежитъ Ему—и ты самъ, и все, что у тебя? Развѣ не знаешь, что Онъ образовалъ тѣло, даровалъ душу, далъ

въ удѣлъ весь міръ? А ты не даешь взамѣнъ этого и малаго воздаянія. Если ты отдаешь въ наемъ и небольшой домикъ, то съ большою точностью требуешь за него плату; а теперь, пользуясь всѣмъ твореніемъ Божіимъ и обитая въ столь великомъ мірѣ, не соглашаешься заплатить и малой цѣны, но и самого себя и все, что имѣешь, отдалъ въ жертву тщеславію, отъ котораго все это и зависитъ. Вѣдь конь, украшенный такимъ нарядомъ, не можетъ отъ этого сдѣлаться лучше въ своемъ достоинствѣ, а также и сидящій на конѣ человѣкъ, который иногда даже теряетъ въ своемъ достоинствѣ. Вѣдь многіе, оставивъ безъ вниманія сѣдока, обращаютъ взоры на убранство коня, на слугъ, идущихъ спереди и сзади и важно выступающихъ, а того, кого они сопровождаютъ, многіе ненавидятъ и смотрятъ, какъ на общественнаго врага. Этого не бываетъ, когда ты украшаешь свою душу, но и люди, и ангелы и самъ Владыка ангеловъ—всѣ сплетаютъ тебѣ вѣнецъ. Такимъ образомъ, если любишь славу, удержись отъ того, что дѣлаешь нынѣ, и не домъ, но душу украшай, чтобы сдѣлаться знаменитымъ и славнымъ; теперь же ничего не можетъ быть ниже тебя, выставляющаго на показъ красоту дома и имѣющаго совершенно пустую душу. Если же ты не выносишь словъ моихъ, послушай, что сдѣлалъ одинъ изъ язычниковъ, и постыдись ихъ любомудрія. Разсказываютъ, что одинъ изъ нихъ, 494
войдя въ великолѣпный домъ, блиставшій обильнымъ золотомъ и сіявшій красотою мраморовъ и колоннъ, когда увидѣлъ, что весь полъ въ домѣ устланъ коврами, плюнулъ въ лице хозяину дома. Потомъ, въ отвѣтъ на упрекъ, онъ сказалъ, что, такъ какъ ни на какомъ другомъ мѣстѣ дома нельзя было этого сдѣлать, онъ и вынужденъ былъ нанести обиду лицу хозяина. Видишь ли, какъ смѣшенъ человѣкъ, украшающій наружность, и какъ презираетъ его всякій, у кого только есть умъ? И вполнѣ справедливо. Вѣдь если бы кто-нибудь заставилъ жену твою ходить въ рубищѣ и быть въ пренебреженіи, а служанокъ одѣлъ въ пышныя одежды, то ты, конечно, не перенесъ бы этого равнодушно, но разгнѣвался и такой поступокъ назвалъ бы крайнею обидою. Такъ помышляй и о душѣ. Когда ты украшаешь стѣны, полъ, домашнюю утварь и все прочее, но не подаешь щедрой милостыни, не упражняешься и въ другихъ дѣлахъ любомудрія, тогда и ты поступаешь точно также и даже гораздо хуже. Вѣдь между рабою и госпожею нѣтъ различія, но между душею и плотію — большое; а если между душею и плотію велико различіе, то гораздо больше между душею и домомъ, между душею и ложемъ и подножкой. Итакъ, какого извиненія ты можешь быть достоинъ, когда все это богато покрываешь серебромъ, а не обра-

щаешь вниманія на то, что душа твоя одѣта въ рубище, неопрятна, томится голодомъ, покрыта ранами и терзается тысячами псовъ, и когда при всемъ этомъ ты еще думаешь хвалиться украшеніемъ наружныхъ вещей? Это верхъ безумія — величаться такими дѣлами тому, кто осмѣянъ, поруганъ, обезображенъ, обезчещенъ и подпалъ самому ужасному наказанію. Потому умоляю, размысливъ обо всемъ этомъ, наконецъ, отрезвимся, придемъ въ себя и это украшеніе совнѣ перенесемъ на душу. Тогда такое украшеніе пребудетъ прочнымъ, а насъ содѣлаетъ равными ангеламъ и доставитъ намъ непреложныя блага, которыхъ да будетъ дано достигнуть всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

493—494 Человѣческо глаголю, за немощь плоти вашея. Якоже бо представисте уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе, тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню (VI, 19).

1. Такъ какъ (апостолъ) потребовалъ (отъ римлянъ) большой строгости въ жизни, повелѣвая имъ быть мертвыми для міра, умереть пороку и пребывать твердыми въ отношеніи къ дѣйствію грѣховъ, и такъ какъ казалось, что онъ говоритъ нѣчто великое и тяжелое, даже превосходящее человѣческую природу, потому, желая доказать, что онъ не требуетъ ничего чрезмѣрнаго и даже не столько, сколько слѣдовало бы отъ человѣка, воспользовавшагося столь великимъ даромъ (благодати), но и очень соразмѣрное съ человѣческими силами и легкое,—онъ раскрываетъ это отъ противнаго и говоритъ: *человѣческо глаголю,* то есть: онъ какъ бы говорилъ по человѣческимъ соображеніямъ, примѣнительно къ тому, что обыкновенно бываетъ; словомъ—*человѣческо* онъ обозначаетъ соразмѣрность (требованія съ силами), какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *искушеніе васъ не достиже, точію человѣческое* (I Кор. X, 13), то есть—соразмѣрное съ силами и малое. *Якоже бо представисте уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе, тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню.* Хотя велико различіе между господами, но однако (апостолъ) требуетъ равномѣрнаго имъ служенія. Надлежало бы предложить гораздо больше и настолько больше, насколько господство правды обширнѣе и лучше владычества грѣха, тѣмъ не менѣе (говоритъ апостолъ) ничего больше не требую, вслѣдствіе

вашей *немощи*. И не сказалъ: по немощи вашей воли или усердія, но: по немощи *плоти вашея,* чтобы сдѣлать рѣчь менѣе непріятной. Но иное—нечистота, а другое—святыня, иное—беззаконіе, а другое—правда. И кто настолько жалокъ и бѣденъ, чтобы не 495
внести такую же ревность въ служеніе Христу, съ какою служилъ грѣху и діаволу? Выслушай, однако, что (говоритъ апостолъ) дальше, тогда ясно узнаешь, что мы не приносимъ и этого малаго. Такъ какъ сказанное такимъ образомъ казалось просто невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ и никто не согласился бы и слышать, что онъ не служитъ Христу столько же, сколько служилъ діаволу, то (апостолъ) слѣдующими словами раскрываетъ это и доказываетъ достовѣрность, выводя на средину самое рабство и говоря, какъ служили грѣху. *Егда бо раби бѣсте грѣха*. говоритъ (апостолъ), *свободни бѣсте отъ правды* (ст. 20). Это имѣетъ такой смыслъ: когда вы жили въ порокѣ, нечестіи и ужасномъ злѣ, то вы жили съ такимъ повиновеніемъ грѣху, что вовсе не дѣлали ничего добраго. Это и есть — *свободни бѣсте отъ правды*, то есть, вы не были подчинены правдѣ, но были совершенно чужды ей. Вы не раздѣляли дѣло служенія между правдой и грѣхомъ, но всецѣло предали себя пороку. Потому и нынѣ, такъ какъ вы отложились къ правдѣ, всецѣло предайте самихъ себя добродѣтели, вовсе не дѣлая ничего худого, чтобы выполнить хотя бы равную мѣру. Но не только нѣтъ сходства во владычествѣ, но и въ самомъ рабствѣ существуетъ большое различіе; это самое (апостолъ) и раскрываетъ съ большою ясностію и показываетъ, въ чемъ состояло рабство прежде и въ чемъ состоитъ теперь. И еще не говоритъ о вредѣ, происходившемъ отъ этого дѣла, а пока объ одномъ позорѣ. *Кій убо тогда имѣете плодъ, о нихже нынѣ стыдитеся* (ст. 21)? Рабство было таково, что и одно воспоминаніе о немъ приноситъ теперь стыдъ. А если воспоминаніе заставляетъ стыдиться, то тѣмъ болѣе самое дѣло. Такимъ образомъ, вы теперь получили двоякую пользу: освободились отъ стыда и узнали, въ какомъ состояніи вы были; равно какъ тогда терпѣли двоякій вредъ: дѣлали достойное стыда и не сознавали стыда; это еще хуже перваго, и однако, вы оставались въ рабствѣ. Достаточно доказавъ такимъ образомъ вредъ прежнихъ дѣяній на основаніи стыда, (апостолъ) переходитъ къ самому послѣдствію. Какое же это послѣдствіе? *Кончина бо онѣхъ смерть* (ст. 21). Такъ какъ стыдъ кажется еще не слишкомъ тягостнымъ бременемъ, (апостолъ) переходитъ къ наиболѣе ужасному, то есть, смерти, хотя достаточно было и сказаннаго выше. Размысли же, какова чрезмѣрность зла, когда, освободившись отъ наказанія, не могли избавиться отъ стыда. Какой награды тебѣ ожидать за та-

кое дѣло, отъ котораго покрываешься стыдомъ и краснѣешь при одномъ воспоминаніи, хотя ты уже избавился отъ наказанія и пользуешься обиліемъ благодати? Но не таково рабство Богу. *Нынѣ же*, продолжаетъ (апостолъ), *свобождшеся отъ грѣха, поработившеся же Богови, имате плодъ вашъ во святыню, кончину же жизнь вѣчную* (ст. 22). Плодомъ прежнихъ дѣлъ, даже по освобожденіи, былъ стыдъ, а плодомъ нынѣшнихъ — освященіе, а гдѣ освященіе, тамъ много и упованія. Концемъ тѣхъ дѣлъ была смерть, а концемъ нынѣшнихъ—жизнь вѣчная.

2. Замѣтилъ ли ты, что (апостолъ) на одно указываетъ, какъ на данное, а на другое, какъ на ожидаемое? Но по данному бываетъ увѣренность въ ожидаемомъ, по освященію—въ жизни. И чтобы не могъ ты сказать, что все есть только ожидаемое, (апостолъ) доказываетъ, что ты и здѣсь уже получилъ плодъ: во-первыхъ, освободился отъ порока и отъ тѣхъ худыхъ дѣлъ, о которыхъ одно воспоминаніе приводитъ въ стыдъ; во-вторыхъ, поработился правдѣ; въ-третьихъ, получилъ освященіе; въ-четвертыхъ, достигъ жизни, и жизни не временной, но вѣчной. Но при всемъ томъ, говоритъ (апостолъ), послужите Богу хотя бы въ той же
496 мѣрѣ, въ какой служили грѣху. Не смотря на то, что Владыка имѣетъ несравнимое превосходство, и разность какъ въ самомъ служеніи, такъ и въ наградахъ, за которыя вы служите, велика, я пока ничего больше не требую. Потомъ, такъ какъ онъ упомянулъ объ оружіи и о царѣ, то продолжаетъ иносказаніе и говоритъ: *оброцы бо грѣха—смерть, дарованіе же Божіе—животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (ст. 23). Сказавъ, что смерть есть возмездіе за грѣхъ, (апостолъ) не сохранилъ подобнаго порядка и въ отношеніи къ дѣламъ добрымъ и не сказалъ: награда за ваши заслуги, но—*дарованіе Божіе*, показывая, что мы освободились не сами собою и получили не долгъ, не награду, не воздаяніе за труды, но все это произошло по благодати. И отсюда видно преимущество благодати, потому что она не только освободила насъ и не только привела къ лучшему, но и совершила все это безъ нашихъ усилій и трудовъ; она не только освободила, но даровала гораздо больше,—даровала чрезъ Сына. Все это указалъ (апостолъ), такъ какъ и о благодати бесѣдовалъ и долженъ былъ отвергнуть законъ. А чтобы то и другое не расположило къ большей безпечности, онъ вставилъ ученіе о строгости жизни, постоянно побуждая слушателя къ заботѣ о добродѣтели. Также и тѣмъ, что смерть назвалъ оброкомъ грѣха, онъ опять хочетъ устрашить и утвердить относительно будущаго. Чѣмъ приводитъ (слушателямъ) на память прежнее, тѣмъ же побуждаетъ ихъ къ благодарности и укрѣпляетъ противъ всего, что бы ни встрѣти-

лось. Итакъ, окончивъ здѣсь нравоученіе, (апостолъ) возвращается къ догматамъ и говоритъ: *или не разумѣете, братіе? Вѣдущимъ бо законъ глаголю* (VII, 1). Такъ какъ онъ сказалъ, что мы умерли для грѣха, то доказываетъ здѣсь, что не только грѣхъ, но и законъ не имѣетъ уже надъ нами власти. А если законъ не имѣетъ власти, тѣмъ болѣе грѣхъ. И желая сдѣлать рѣчь пріятною, объясняетъ это примѣромъ, взятымъ изъ человѣческой жизни. И кажется, что онъ говоритъ объ одномъ, а предлагаетъ два доказательства предмета, первое—то, что жена, по смерти мужа, не подлежитъ закону, касающемуся этого мужа, и ей не возбранено стать женою другого; а второе—то, что въ настоящемъ случаѣ не только мужъ умеръ, но и жена, такъ что можно пользоваться двойною свободою. Если по смерти мужа она освободилась отъ власти, то тѣмъ болѣе она стала свободною, когда и сама оказалась умершею. Если одно обстоятельство освобождаетъ ее отъ власти, тѣмъ болѣе оба обстоятельства вмѣстѣ. Итакъ, приступая къ изложенію доказательства относительно этого, (апостолъ) начинаетъ рѣчь съ похвалы слушателямъ и говоритъ: *или не разумѣете, братіе? Вѣдущимъ бо законъ глаголю*, то есть, говорю о дѣлѣ весьма извѣстномъ и ясномъ, говорю людямъ, знающимъ все это въ точности. *Яко законъ обладаетъ надъ человѣкомъ, во елико время живетъ* (ст. 1). Не сказалъ: надъ мужемъ или женою, но: *надъ человѣкомъ*, такъ какъ это имя принадлежитъ обоимъ. *Умерый бо*, говоритъ, *свободися отъ грѣха* (Рим. VI, 7). Слѣдовательно, законъ положенъ для живыхъ, а на мертвыхъ не простирается. Замѣчаешь ли, какъ онъ изобразилъ двоякую свободу? Потомъ, сдѣлавъ на это намекъ въ началѣ, онъ въ доказательствѣ ведетъ рѣчь о женѣ, говоря такъ: *ибо мужатая жена живу мужу присязана есть закономъ: аще ли же умретъ мужъ ея, разрѣшается отъ закона мужескаго. Тѣмже убо живу сущу мужу прелюбодѣйца бываетъ, аще будетъ мужеви иному: аще ли умретъ мужъ ея, свободна* 497
есть отъ закона, не быти ей прелюбодѣйцѣ, бывшей мужу иному (ст. 2, 3). (Апостолъ) раскрываетъ это часто и съ большою точностью, потому что твердо увѣренъ въ доказываемой имъ истинѣ. И подъ именемъ мужа онъ разумѣетъ законъ, а подъ именемъ жены всѣхъ вѣрующихъ. А потомъ, заключеніе онъ выводитъ не согласно съ предыдущимъ. Слѣдовало бы сказать: такимъ образомъ, братіе мои, законъ не будетъ имѣть надъ вами власти, такъ какъ онъ умеръ. Но онъ не сказалъ такъ, но въ предыдущемъ намекнулъ на это, а въ заключеніи, чтобы сдѣлать свою рѣчь неоскорбительной для іудеевъ, представляетъ жену уже умершею и говоритъ: *тѣмже, братіе моя, и вы умросте закону* (ст. 4). Если какъ то, такъ и другое обстоятельство даетъ

одинаковую свободу, то что препятствуетъ угождать закону, коль скоро это дѣло не приноситъ никакого вреда? *Мужатая жена живу мужу привязана есть закономъ.* Гдѣ теперь находятся клеветники закона? Пусть они услышатъ, какъ (апостолъ), находясь и въ необходимости, не лишаетъ его достоинства, но съ уваженіемъ отзывается о его власти, говоря, что если законъ живъ, то іудей привязанъ къ нему, и что являются прелюбодѣями тѣ, которые преступаютъ и оставляютъ законъ при жизни его; а если кто оставитъ его послѣ смерти, то это нисколько не странно, потому что и у людей поступающій такъ не подлежитъ осужденію. *Аще же умретъ мужъ, разрѣшится отъ закона мужескаго.*

8. Замѣчаешь ли, какъ этимъ примѣромъ онъ показываетъ, что законъ умеръ? Но не въ заключеніи онъ это высказываетъ. *Живу сущу мужу прелюбодѣйца бываетъ жена.* Смотри, какъ онъ настойчивъ въ обвиненіяхъ нарушителей живого закона. Такъ какъ законъ пересталъ существовать, то, безъ всякаго опасенія, можно замѣнить его вѣрою, нимало этимъ его не оскорбляя. *Живу бо сущу закону*, говоритъ (апостолъ), *прелюбодѣйца бываетъ жена, аще будетъ мужеви иному. Тѣмъ же, братіе моя, и вы*—слѣдовало бы сказать: такъ какъ законъ умеръ, вы не виновны въ прелюбодѣяніи, вышедши за другого мужа; но апостолъ не сказалъ такъ, но какъ?—*умросте закону.* Если вы сдѣлались мертвыми, то не находитесь подъ закономъ. Если жена, по смерти мужа, не подлежитъ отвѣтственности, тѣмъ болѣе она свободна отъ этого, когда умретъ сама. Замѣтилъ ли ты мудрость Павла, какъ онъ доказалъ, что по волѣ закона можно разлучиться съ закономъ и стать женою другого мужа. Законъ не запрещаетъ, говоритъ онъ, по смерти перваго мужа выходить за другого. Да и какъ запретить, когда и при жизни мужа позволяетъ женѣ выходить за другого, если она получила разводную? Впрочемъ, (апостолъ) не упоминаетъ о томъ, что служило преимущественно виною женщинъ, потому что хотя это и было позволено, но однако не было совершенно свободно отъ обвиненія. А когда (апостолъ) имѣетъ возможность одержать побѣду съ помощью необходимаго и всѣми признаннаго, тогда онъ не ищетъ излишнихъ доказательствъ, потому что и не имѣетъ въ нихъ нужды. Итакъ, удивительно то, что самъ законъ освобождаетъ насъ отъ вины, въ случаѣ отступленія отъ него, такъ что его есть воля, чтобы мы принадлежали Христу. И самъ законъ умеръ, и мы умерли, и права власти вдвойнѣ уничтожены. Но (апостолъ) не довольствуется однимъ только этимъ, но прибавляетъ и причину; онъ не просто упомянулъ о смерти, но опять прибавилъ, что это совершилъ крестъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ насъ повинными.

Онъ не просто говоритъ: вы освободились, но: смертію Владыки. Именно сказано: *умросте закону тѣломъ Христовымъ*. И убѣждаетъ не отсюда только, но также превосходствомъ второго мужа, при- 498
бавивъ: *во еже быти вамъ иному, возставшему изъ мертвыхъ*. Потомъ, чтобы не возразили: „что же? а если мы не желаемъ выйти за другого мужа? вѣдь законъ не признаетъ прелюбодѣйцею вдову, вступающую во второй бракъ, однакоже и не принуждаетъ къ новому союзу",—чтобы этого не говорили, (апостолъ) и доказываетъ, что мы должны желать новаго союза вслѣдствіе того, что уже сдѣлалъ для насъ Христосъ. Это самое онъ яснѣе выразилъ въ другомъ мѣстѣ, говоря: *нѣсте свои;* и: *куплени есте цѣною*; и еще: *не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. VI, 19, 20; VII, 23); и еще: *единъ за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ* (2 Кор. V, 14, 15). Тоже самое онъ разумѣлъ и здѣсь, сказавъ: *тѣломъ*. Потомъ (апостолъ) убѣждаетъ высокими надеждами, говоря: *да плодъ принесемъ Богови*. Тогда вы приносили плодъ смерти, а теперь Богу. *Егда бо бѣхомъ во плоти, страсти грѣховныя, яже закономъ дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ, во еже плодъ творити смерти* (ст. 5). Видишь ли ты, какой плодъ отъ перваго мужа? И (апостолъ) не сказалъ: когда были мы подъ закономъ,—всячески избѣгая дать какой-нибудь поводъ еретикамъ, но говоритъ: *егда бѣхомъ во плоти*, то есть въ худыхъ дѣлахъ, въ плотской жизни. Не то онъ разумѣетъ, что доселѣ они были во плоти, а теперь ходятъ, сдѣлавшись безплотными. Сказавши это, онъ и не говоритъ, что законъ былъ причиною грѣховъ, и не избавляетъ его отъ ненависти, такъ какъ законъ занималъ положеніе строгаго обличителя, обнаруживая грѣхи; а кто человѣку, нерасположенному повиноваться, даетъ большія повелѣнія, тотъ увеличиваетъ и преступленіе. Потому (апостолъ) не сказалъ: страсти грѣховныя, бывающія подъ закономъ, но говоритъ: *яже закономъ* (διὰ τοῦ νόμου); даже не присовокупилъ: бывающія, но просто: *закономъ*, то есть закономъ обнаруживаемыя или познаваемыя. Потомъ, чтобы не обвинить и плоти, не сказалъ: страсти, которыя производимы были членами, но: *яже дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ*, показывая, что въ человѣкѣ есть иное начало порочности, зависящее не отъ управляемыхъ членовъ, а отъ дѣйствующихъ помысловъ. Душа занимала положеніе художника, а природа плоти была какъ бы гуслями и звучала такъ, какъ заставлялъ художникъ. Потому нестройную игру нужно вмѣнять не гуслямъ, а художнику. *Нынѣ же*, продолжаетъ (апостолъ), *упразднихомся отъ закона* (ст. 6). Видишь ли, какъ онъ опять щадитъ здѣсь и плоть и законъ? Не сказалъ—упразднился законъ, или—упразднилась плоть, но—*мы упразднихомся*. Но когда

же *упраздниховмся?* Когда ветхій человѣкъ, одержимый грѣхомъ, умеръ и погребенъ. Это и выразилъ (апостолъ), сказавъ: *умерше, имже держими бѣхомъ.* Этимъ онъ какъ бы сказалъ: узы, державшія насъ, истлѣли и порвались, такъ что держащему, то есть грѣху, нечего стало держать. Но ты не падай, не предавайся большей безпечности; ты для того освободился, чтобы снова служить, не попрежнему, но *яко работати намъ во обновленіи духа, а не въ ветхости писмене.* О чемъ же говоритъ здѣсь (Павелъ)? Необходимо раскрыть это, чтобы не приходить уже въ смущеніе, всякій разъ какъ встрѣтимся съ подобнымъ выраженіемъ. Когда Адамъ согрѣшилъ, говоритъ (апостолъ), тѣло его сдѣлалось смертнымъ и страстнымъ, въ немъ обнаружилось множество природныхъ недостатковъ, оно стало упрямымъ и необузданнымъ ко-
499 немъ; но Христосъ, пришедши, посредствомъ крещенія сдѣлалъ тѣло для насъ болѣе легкимъ, поднявъ его крыломъ Духа.

4. Потому намъ и предстоятъ подвиги неодинаковые съ подвигами древнихъ, такъ какъ тогда былъ не такъ удобенъ путь. Потому (Христосъ) и требуетъ отъ насъ не только быть чистыми отъ убійства, какъ требовалось отъ древнихъ, но даже быть чистыми отъ гнѣва, предписываетъ намъ воздерживаться не только отъ прелюбодѣянія, но и отъ похотливаго взгляда, не только не нарушать клятвы, но и не клясться, и повелѣваетъ намъ любить вмѣстѣ съ друзьями и враговъ; и во всемъ прочемъ Онъ назначилъ намъ болѣе длинные пути для упражненій, въ случаѣ же неповиновенія угрожаетъ геенною, показывая, что требуемое Имъ не предоставляется ревности подвизающихся, какъ дѣвство и нестяжательность, но непремѣнно должно быть исполнено. Заповѣданное Христомъ необходимо и обязательно, и не исполнившій этого подвергается крайнему наказанію. Потому и сказалъ Онъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Мѳ. v, 20). А кто не увидитъ царства, тотъ неминуемо впадетъ въ геенну. Потому и Павелъ какъ выше говорилъ: *грѣхъ бо вами да не обладаетъ: нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію* (Рим. vi, 14), такъ и теперь говоритъ: *яко работати намъ во обновленіи духа, а не въ ветхости писмене.* Теперь не буква осуждающая, то есть, ветхій законъ, но Духъ вспомоществующій. Потому для древнихъ казалось весьма удивительнымъ, если кто-нибудь соблюдалъ дѣвство; а теперь это явленіе распространилось повсюду во вселенной; и смерть тогда лишь немногіе мужчины презирали, а теперь и въ селахъ и въ городахъ безчисленные сонмы мучениковъ, состоящіе не только изъ мужчинъ, но и изъ женщинъ. Потомъ, сказавши это, (апостолъ) опять разрѣшаетъ возникающее возраженіе и въ этомъ разрѣ-

шеніи доказываетъ то, что желаетъ. При этомъ онъ представляетъ рѣшеніе не прямо, а чрезъ противоположеніе, чтобы при помощи необходимости рѣшенія получить поводъ сказать то, что хотѣлъ, и чтобы сдѣлать свое обвиненіе менѣе рѣзкимъ. Такъ, сказавъ: *во обновленіи духа, а не въ ветхости письмене*, онъ присовокупилъ: *что убо речемъ? Законъ ли грѣхъ? Да не будетъ* (ст. 7). Выше было сказано, что *страсти грѣховныя, яже закономъ дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ*; и еще: *грѣхъ вами да не обладаетъ: нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію*; также: *идѣже нѣсть закона, ту ни преступленія* (IV, 15); и еще: *законъ же привниде, да умножится прегрѣшеніе* (V, 20); и еще: *законъ гнѣвъ содѣлываетъ* (IV, 15). Такъ какъ все это повидимому служило обвиненіемъ закона, то апостолъ, чтобы устранить такое подозрѣніе, представляетъ и возраженіе и говоритъ: *что убо? Законъ ли грѣхъ? Да не будетъ*. Онъ отвѣтилъ отрицательно прежде доказательства, чтобы расположить къ себѣ слушателя и уврачевать соблазняющагося, такъ какъ, услышавъ и удостовѣрившись въ направленіи мыслей апостола, онъ вмѣстѣ съ нимъ будетъ изслѣдовать то, что представляется недоумѣннымъ, и не будетъ подозрѣвать говорящаго; потому-то апостолъ заранѣе и предложилъ возраженіе. При этомъ онъ не выразился—что мнѣ сказать? но—*что убо речемъ?* какъ бы подавались совѣтъ и мнѣніе и какъ бы собралась вся церковь, а возраженіе исходило не отъ апостола, а явилось въ силу послѣдовательности изъ сказаннаго и изъ сущности дѣла. Что буква убиваетъ, никто не станетъ отрицать, говоритъ апостолъ; что духъ животворитъ, и это ясно и никто не можетъ это оспаривать. Итакъ, если въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—что мы можемъ сказать о законѣ? Что онъ есть грѣхъ? *Да не будетъ*. Итакъ, разрѣши недоумѣніе. Ты замѣтилъ, какъ (апостолъ) рядомъ съ собою ставитъ 500
противника и, принявъ тонъ учителя, приступаетъ къ рѣшенію? Въ чемъ же состоитъ рѣшеніе? Законъ не есть грѣхъ, говоритъ апостолъ, *но грѣха не знахъ, точію закономъ*. Обрати вниманіе на высоту мудрости. Что законъ не есть грѣхъ, (апостолъ) изложилъ при помощи возраженія, чтобы, отвергнувъ это и тѣмъ угодивъ іудею, убѣдить его принять менѣе важное. Что же это такое менѣе важное? То, что *грѣха не знахъ, точію закономъ; похоти не вѣдахъ*, говоритъ, *аще не бы законъ глаголалъ: не похощеши* (ст. 7). Ты видишь, какъ мало-помалу онъ показываетъ, что законъ не только есть обвинитель грѣха, но и нѣкоторымъ образомъ подаетъ поводъ къ нему? Впрочемъ, (апостолъ) раскрываетъ, что это случается не по винѣ закона, но отъ неразумныхъ іудеевъ. Онъ постарался заградить уста и манихеевъ, которые обвиняли законъ, именно, сказавъ: *грѣха не знахъ, точію закономъ, и похоти*

не вѣдахъ, аще не бы законъ глаголалъ: не похощеши, присовокупилъ: *вину же пріемь грѣхъ заповѣдію, содѣла во мнѣ всяку похоть* (ст.8).

5. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) освободилъ законъ отъ обвиненій? *Вину пріемь* грѣхъ, говоритъ (апостолъ), а не законъ, увеличилъ похоть, и произошло противоположное тому, чего желалъ законъ, а это зависѣло отъ слабости, а не отъ дурного его характера. Всякій разъ какъ мы питаемъ къ чему-нибудь вожделѣніе, а потомъ встрѣчаемъ препятствіе, то пламя страсти разгорается сильнѣе. Но это происходитъ не отъ закона, который наложилъ запрещеніе съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ отклонить (отъ страсти), а грѣхъ, то есть, твоя безпечность и твоя злая воля употребили добро во зло. Но въ худомъ употребленіи лѣкарства виновенъ не врачъ, а больной. Богъ не для того далъ законъ, чтобы имъ воспламенять похоть, но для того, чтобы угашать ее; случилось же обратное; но вина въ этомъ не его, а наша. Несправедливо было бы обвинять того, кто больному горячкою, не во время желающему холоднаго питья, не даетъ насытиться и тѣмъ усиливаетъ въ немъ страсть этого гибельнаго для него удовольствія; дѣло врача — только запретить, а воздерживаться долженъ самъ больной. Что изъ того, если грѣхъ получилъ поводъ отъ закона? Многіе дурные люди и при посредствѣ добрыхъ приказаній увеличиваютъ собственную порочность. Такъ діаволъ погубилъ Іуду, ввергнувъ въ сребролюбіе и побудивъ воровать принадлежащее нищимъ; но не то обстоятельство, что ему былъ ввѣренъ денежный ящикъ, сдѣлало его таковымъ, а лукавство воли. Оно же изгнало изъ рая Адама и Еву, побудивъ ихъ вкусить отъ древа, и не древо въ томъ было виною, хотя имъ и былъ поданъ поводъ. Не удивляйся, что Павелъ, говоря о законѣ, употребилъ весьма сильныя выраженія; онъ ограничивается необходимымъ, лишая возможности думающихъ иначе найти въ его словахъ поводъ къ возраженію и обнаруживая большое стараніе правильно изобразить настоящее. Потому не просто оцѣнивай настоящую рѣчь, но вникни въ причину, которая заставила (апостола) такъ говорить, представь себѣ неистовство іудеевъ, и непреодолимое ихъ упорство, которое онъ старался преодолѣть. Повидимому онъ много говоритъ противъ закона, но не съ тѣмъ, чтобы обвинить законъ, а съ тѣмъ, чтобы уничтожить упорство іудеевъ. Если же въ вину закону поставить то, что грѣхъ посредствомъ него получилъ поводъ, то окажется, что это случилось и въ новомъ завѣтѣ. И въ новомъ завѣтѣ имѣются безчисленные законы и притомъ относительно многихъ очень важныхъ предметовъ; и всякій можетъ видѣть, что тоже самое бываетъ здѣсь не только относительно похоти, но и вообще относительно

всякаго порока. *Аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ*, говоритъ 501
(Христосъ), *грѣха не быша имѣли* (Іоан. XV, 22). Значитъ, грѣхъ и здѣсь нашелъ для себя содержаніе, а наказаніе сдѣлалось больше. Также и Павелъ, разсуждая о благодати, говоритъ: *колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый* (Евр. X, 29)? Слѣдовательно, и худшее наказаніе получило поводъ отсюда—отъ большаго благодѣянія. Подобно и объ язычникахъ (апостолъ) говоритъ, что они сдѣлались безотвѣтными, потому что, будучи одарены разумомъ, созерцая красоту природы и имѣя возможность этимъ путемъ руководствоваться ко Творцу, не воспользовались, какъ должно, Божіею премудростію. Замѣчай, что добрыя дѣйствія во многихъ случаяхъ для порочныхъ служили поводомъ къ большему наказанію. Но, конечно, не будемъ за это винить Божіихъ благодѣяній; напротивъ, послѣ этого еще болѣе станемъ имъ удивляться и осудимъ настроеніе тѣхъ, которые воспользовались добромъ для противоположныхъ цѣлей. Это же сдѣлаемъ и въ отношеніи закона. Но все это легко и удобопонятно, вызывается же только слѣдующее затрудненіе. Почему (апостолъ) говоритъ: *похоти не вѣдахъ, аще не бы законъ глаголалъ: не похощеши*? Вѣдь если человѣкъ не зналъ похоти, пока не получилъ закона, то почему произошелъ потопъ? За что былъ попаленъ Содомъ? Итакъ, о чемъ же говоритъ (апостолъ)? О похоти напряженной. Потому не сказалъ: произвелъ во мнѣ похоть, но—*всяку похоть*, намекая здѣсь на сильное ея развитіе. Какая же, спросишь, польза отъ закона, если онъ усилилъ страсть? Никакой, но даже большой вредъ. Впрочемъ, не законъ виновенъ, а виновна безпечность принявшихъ законъ. Похоть произведена грѣхомъ, притомъ посредствомъ закона, но тогда, когда законъ заботился не объ этомъ, а о противоположномъ. Значитъ, грѣхъ сдѣлался гораздо сильнѣе закона; но и опять вина въ этомъ не закона, а людской неблагодарности. *Безъ закона бо грѣхъ мертвъ есть* (ст. 8), то есть, не такъ извѣстенъ. Хотя жившіе и до закона знали, что грѣшатъ, но вполнѣ узнали послѣ дарованія закона. Вслѣдствіе того съ этого времени стали подлежать и большему осужденію. Не одно вѣдь и тоже—имѣть обвинителемъ природу или вмѣстѣ съ природой и законъ, который даетъ на все ясныя предписанія. *Азъ же живяхъ кромѣ закона иногда* (ст. 9). Когда же, скажи мнѣ? До Моисея. Смотри, какъ (апостолъ) старается доказать, что законъ и тѣмъ, что сдѣлалъ, и тѣмъ, чего не сдѣлалъ, обременилъ человѣческую природу. Когда я жилъ безъ закона, говоритъ (апостолъ), не подвергался такому осужденію. *Пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе* (ст. 9). *Азъ же умрохъ* (ст. 10). Повидимому въ этомъ заключается обвиненіе закона; но если кто

тщательно изслѣдуетъ, то здѣсь обнаружится похвала закону. Вѣдь законъ не произвелъ грѣха, дотолѣ не существовавшаго, а только обнаружилъ грѣхъ скрытый; въ этомъ и заключается похвала закону. Если до закона грѣшили незамѣтно для себя, то послѣ пришествія закона, хотя и не получили никакой другой пользы, по крайней мѣрѣ въ точности узнали, что грѣшили; а это уже не мало значило въ дѣлѣ освобожденія отъ порока. Если же люди не освободились отъ порока, то это нисколько не говоритъ противъ закона, все для того сдѣлавшаго, но вся вина падаетъ на собственную волю людей, повредившуюся сверхъ всякаго ожиданія.

6. Вѣдь совсѣмъ несообразно съ разумомъ получать вредъ отъ того, что приноситъ пользу, почему (апостолъ) и сказалъ: *и обрѣтеся ми заповѣдь, яже въ животъ, сія въ смерть* (ст. 10). Онъ не сказалъ: сдѣлалась смертію, или породила смерть, но: *обрѣтеся въ смерть*, изъясняя этимъ необычность и странность такой несообразности и все обращая на голову людей. Если ты хочешь
502 узнать цѣль закона, говоритъ (апостолъ), то—онъ велъ къ жизни и для этого данъ; если же отсюда произошла смерть, то вина въ этомъ принявшихъ заповѣдь, а не самой заповѣди, которая ведетъ къ жизни. Еще яснѣе высказалъ это (апостолъ) въ слѣдующихъ словахъ, говоря: *грѣхъ бо вину пріемь заповѣдію, прельсти мя, и тою умертви мя* (ст. 11). Ты замѣтилъ, какъ онъ вездѣ касается грѣха, освобождая законъ отъ всякаго обвиненія? Почему и присовокупилъ, говоря: *тѣмже убо законъ святъ: и заповѣдь свята и праведна и блага* (ст. 12). Если вы желаете, то мы введемъ въ нашу рѣчь толкованія и извращающихъ эти слова (апостола), такъ какъ отъ этого собственная наша мысль будетъ яснѣе. Нѣкоторые утверждаютъ, что (апостолъ) въ этихъ словахъ говоритъ не о законѣ Моисея, но по однимъ—о законѣ естественномъ, а по другимъ—о заповѣди, данной въ раю. Но вѣдь вся цѣль Павла состояла въ томъ, чтобы отмѣнить законъ Моисея, о тѣхъ же законахъ онъ и не ведетъ никакой рѣчи,— и вполнѣ естественно, потому что іудеи боялись и трепетали именно закона Моисеева и вслѣдствіе этого противились благодати. Притомъ же, заповѣдь, данную въ раю, какъ Павелъ, такъ и никто никогда, кажется, не называлъ закономъ. Чтобы это сдѣлалось болѣе явнымъ изъ собственныхъ словъ (апостола), обратимся къ его изреченіямъ, высказаннымъ немного выше. Со всѣмъ вниманіемъ бесѣдуя съ іудеями о жизни, онъ говорилъ: *или не разумѣете, братіе, яко законъ обладаетъ надъ человѣкомъ, во елико время живетъ? Тѣмже вы умросте закону* (VII, 1). Итакъ, если это сказано о естественномъ законѣ, то оказывается, что мы не имѣемъ его, а если это вѣрно, то мы неразумнѣе без-

словесныхъ. Но не такъ это—нѣтъ! Относительно заповѣди, данной въ раю, нѣтъ необходимости и спорить, чтобы не предпринять намъ напраснаго пренія о томъ, что признано всѣми. Въ какомъ же смыслѣ (апостолъ) говоритъ: *грѣха не знахъ, точію закономъ*? Онъ разумѣетъ не совершенное невѣдѣніе, а самое точное знаніе. И если это сказано о законѣ естественномъ, то какой смыслъ имѣютъ слѣдующія слова: *азъ же живяхъ кромѣ закона иногда*? Вѣдь ни Адамъ, ни другой какой человѣкъ никогда, кажется, не жилъ безъ закона естественнаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Богъ сотворилъ (Адама), Онъ вложилъ въ него и этотъ законъ, сдѣлавъ его надежнымъ сожителемъ для всего человѣческаго рода. Кромѣ того, (апостолъ) нигдѣ, кажется, не называетъ естественный законъ заповѣдію, а этотъ законъ называетъ заповѣдію праведною и святою, закономъ духовнымъ. Законъ же естественный данъ намъ не отъ Духа, потому что и варвары, и язычники, и всѣ люди имѣютъ этотъ законъ. Отсюда ясно, что (Павелъ) и выше, и ниже, — вездѣ разсуждаетъ о законѣ Моисеевомъ. Потому и называетъ его святымъ, говоря: *законъ святъ, и заповѣдь свята, праведна и блага.* Хотя іудеи и послѣ закона были нечистыми, неправедными и корыстолюбивыми, но это не упраздняетъ достоинства закона, равно какъ ихъ невѣріе не уничтожаетъ вѣру въ Бога. Такимъ образомъ, изъ всего этого видно, что апостолъ говоритъ это о законѣ Моисеевомъ. *Благое ли убо бысть мнѣ смерть?*—спрашиваетъ апостолъ. *Да не будетъ: но грѣхъ, да явится грѣхъ* (ст. 13), то есть, да будетъ доказано, насколько великое зло—грѣхъ, а также—безпечная воля, стремленіе къ худшему, самое дѣло худое и развращенный умъ, потому что въ этомъ заключается причина всѣхъ золъ. (Апостолъ) увеличиваетъ грѣхъ, 503
показывая преизбытокъ Христовой благодати и поучая, отъ какого великаго зла она избавила человѣческій родъ, такъ какъ это зло отъ всѣхъ врачебныхъ средствъ становилось хуже, а отъ средствъ задерживавшихъ его развитіе разросталось еще больше. Потому онъ и присовокупляетъ, говоря: *да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію* (ст. 13). Ты замѣтилъ, какъ повсюду законъ сплетается съ грѣхомъ? Чѣмъ апостолъ обвиняетъ грѣхъ, тѣмъ самымъ въ большей еще степени онъ доказываетъ и достоинство закона. И онъ не малаго достигъ, показавъ, какое зло грѣхъ, обнаруживъ и изобразивъ всю его ядовитость. Онъ и выразилъ это въ словахъ: *да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію*, то есть, чтобы открылось, какое зло, какая погибель—грѣхъ; а открылось все это чрезъ заповѣдь. Этимъ (апостолъ) доказываетъ и превосходство благодати предъ закономъ,—превосходство, а не противоположность. Не смотри на то, что

принявшие законъ сдѣлались хуже, но прими во вниманіе, что законъ не только не хотѣлъ усилить зло, а даже старался пресѣчь и зло, прежде существовавшее. Если же онъ оказался безсиленъ, то увѣнчай его за назначеніе, а еще больше повергнись предъ могуществомъ Христа, потому что Онъ столь разнообразное и непреоборимое зло уничтожилъ и, вырвавъ съ корнемъ, истребилъ. А всякій разъ, какъ услышишь о грѣхѣ, не подумай, что это какая-либо самостоятельная сила, но—порочное дѣйствіе, постоянно начинающееся и прекращающееся, не существующее прежде совершенія, а послѣ совершенія опять исчезающее. По причинѣ грѣха и данъ былъ законъ; а законъ никогда не дается для истребленія чего-либо естественнаго, но для исправленія произвольнаго худого дѣйствія.

7. Объ этомъ знаютъ и внѣшніе (языческіе) законодатели, и весь человѣческій родъ. Они (законодатели) противодѣйствуютъ только тѣмъ порокамъ, которые происходятъ отъ нерадѣнія, но не обѣщаются пресѣчь тѣхъ, которые получены въ наслѣдство отъ природы, потому что это невозможно. Все природное остается непоколебимымъ, о чемъ неоднократно я вамъ и говорилъ въ другихъ бесѣдахъ. Потому, оставивъ такіе труды, опять займемся нравоучительною рѣчью, а лучше сказать, это и составляетъ часть тѣхъ трудовъ. Если мы изгонимъ изъ себя порокъ и поселимъ въ себѣ добродѣтель, этимъ ясно научимъ, что порокъ не есть природное зло, а спрашивающимъ, откуда зло, мы легко сможемъ заградить уста не словами только, но и дѣлами, когда явимся предъ ними свободными отъ ихъ пороковъ, хотя имѣемъ одинаковую съ ними природу. Не на то станемъ смотрѣть, что добродѣтель трудна, а на то, что возможно въ ней усовершенствоваться, а если постараемся, то это будетъ и легко намъ, и удобно. Если ты говоришь мнѣ о пріятности порока, то скажи и о концѣ его: вѣдь онъ ведетъ къ смерти, какъ добродѣтель руководитъ насъ къ жизни. Но лучше, если угодно, разсмотримъ порокъ и добродѣтель безъ отношенія къ ихъ концу; мы увидимъ, что порокъ самъ въ себѣ заключаетъ большую печаль, а добродѣтель заключаетъ удовольствіе. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, что тяжелѣе худой совѣсти? Что прекраснѣе доброй надежды? Вѣдь ничто, ничто обыкновенно такъ не мучитъ и не угнетаетъ насъ, какъ ожиданіе худого; ничто столько не поддерживаетъ и едва не окрыляетъ, какъ добрая совѣсть. Это можно узнать и на основаніи событій, происходящихъ предъ нами. Такъ, обитающіе въ заключеніи и ожидающіе осужденія, хотя бы наслаждались безчисленными удовольствіями, живутъ безпокойнѣе тѣхъ нищихъ, которые ходятъ по улицѣ, но не сознаютъ за собою ничего худого, потому что ожи-

даніе бѣдствій не позволяетъ испытывать настоящихъ удовольствій. И что говорить о заключенныхъ? Трудолюбивые ремесленники, занимающіеся работами въ теченіе цѣлаго дня, находятся 504
въ гораздо лучшемъ настроеніи, чѣмъ люди свободные и богатые, но сознающіе за собою что-либо худое. Потому мы считаемъ жалкими и гладіаторовъ; хотя мы и видимъ, что они упиваются, веселятся и ѣдятъ въ корчемницахъ, однако называемъ ихъ несчастнѣе всѣхъ, потому что горечь ожидаемой смерти несравненно превосходитъ эти удовольствія. Если же такая жизнь имъ и кажется пріятною, то припомните то, о чемъ я неоднократно говорилъ вамъ,—что нѣтъ ничего удивительнаго, когда живущій въ порокѣ не избѣгаетъ непріятности и муки порока. И вотъ дѣло, достойное только проклятія, представляется любезнымъ для тѣхъ, кто участвуетъ въ немъ. Но мы не ублажаемъ ихъ за это, а напротивъ, вслѣдствіе именно этого считаемъ несчастными, потому что они и сами не сознаютъ, въ какихъ бѣдствіяхъ находятся. Что, напримѣръ, сказать о прелюбодѣяхъ, которые для ничтожнаго удовольствія подвергаются позорному рабству, тратѣ имущества и непрерывному страху, коротко сказать, ведутъ жизнь Каина и даже еще болѣе тяжелую, потому что боятся настоящаго, трепещутъ будущаго, подозрѣваютъ друзей и враговъ, знающихъ и ничего не знающихъ. Даже и во время сна они не освобождаются отъ этого мученія, такъ какъ нечистая совѣсть создаетъ у нихъ страшныя сновидѣнія и этимъ пугаетъ ихъ. Но не таковъ человѣкъ цѣломудренный: онъ проводитъ настоящую жизнь въ радости и совершенной свободѣ. Итакъ, сравни ничтожное удовольствіе съ безчисленными волненіями этихъ ужасовъ, а кратковременный трудъ воздержанія съ спокойствіемъ цѣлой жизни, и ты увидишь, что послѣдній пріятнѣе перваго. А желающій похитить и присвоить себѣ чужое имѣніе, тотъ, скажи мнѣ, развѣ не переноситъ безчисленные труды, непрестанно бѣгая, обманывая лестью рабовъ, свободныхъ, придверниковъ, устрашая, грозя, поступая безстыдно, проводя безъ сна ночи, дрожа, мучась и всѣхъ подозрѣвая? Но не таковъ тотъ, кто пренебрегаетъ деньгами: онъ опять наслаждается полнымъ удовольствіемъ, живя безъ страха и въ совершенной безопасности. А если кому угодно разсмотрѣть и прочіе виды порока, то вездѣ увидитъ большое смятеніе, множество подводныхъ камней. Всего же важнѣе то, что въ добродѣтели начало исполнено трудовъ, а продолженіе пріятно, такъ что этимъ и самый трудъ облегчается; въ порокѣ же все бываетъ наоборотъ,—за удовольствіемъ слѣдуютъ болѣзни и мученія, такъ что отъ этого и самое удовольствіе пропадаетъ. Какъ ожидающій вѣнцовъ нисколько

не чувствуетъ настоящей тяжести, такъ и ожидающій наказаній послѣ удовольствія не можетъ пользоваться чистой радостью, потому что страхъ все приводитъ въ смятеніе. А вѣрнѣе, если внимательнѣе изслѣдовать, то можно найти, что у порочныхъ еще прежде наказанія, опредѣленнаго за худыя дѣла, возникаетъ большое мученіе въ тотъ моментъ, когда они отваживаются на худое.

8. И если угодно, то посмотримъ на людей, которые захватываютъ себѣ чужое и всякими средствами наживаютъ деньги. Не станемъ говорить о страхахъ, опасностяхъ, трепетѣ, мученіи, заботѣ и о всемъ подобномъ, а предположимъ, что этотъ человѣкъ обогащается безпечально и совершенно увѣренъ въ сбереженіи того, что у него есть. Допустимъ все это, хотя оно и невозможно. Но какое удовольствіе пріобрѣтетъ себѣ этотъ человѣкъ? То, что онъ много собралъ? Но это именно и не позволяетъ ему радоваться; пока человѣкъ желаетъ другого и большаго, до тѣхъ поръ продолжаются и его мученія. Всякая страсть тогда доставляетъ
505 удовольствіе, когда останавливается. Испытывая жажду, мы тогда приходимъ въ себя, когда выпиваемъ столько, сколько желаемъ, а пока чувствуемъ жажду, то хотя бы исчерпали всѣ источники, мученіе наше бываетъ больше, и хотя бы выпили тысячи рѣкъ, наше наказаніе бываетъ тяжелѣе. Такъ и ты, хотя бы и пріобрѣлъ все въ мірѣ, но если еще ощущаешь въ себѣ страсть, то тѣмъ больше будешь мучиться, чѣмъ больше станешь исполнять свое желаніе. Итакъ, пойми, что нѣкоторое для тебя удовольствіе заключается не въ томъ, чтобы собирать много, но въ томъ, чтобы не желать обогащенія, а если станешь желать обогащенія, то никогда не перестанешь мучиться. Вѣдь желаніе это безконечно и насколько большій путь ты прошелъ, настолько больше ты удаляешься отъ конца. Неужели это не странность, не помѣшательство, не крайнее безуміе? Итакъ, удержимся отъ перваго шага къ пороку, или, лучше сказать, и совсѣмъ не будемъ касаться порочнаго вожделѣнія, а если прикоснемся, то убѣжимъ въ самомъ же началѣ, какъ и увѣщеваетъ насъ Приточникъ, говоря о женѣ блудницѣ: *отъиди, не умедли и не приближися къ дверемъ домовъ ея* (Прит. v, 8). Тоже самое и я говорю тебѣ относительно любостяжанія. Если бы ты и мало погрязъ въ морѣ этого безумія, съ трудомъ можешь выйти изъ него; и какъ въ водоворотѣ, сколько бы ты ни старался, не преодолѣешь легко (стремленія воды), такъ—и еще гораздо хуже—впавши въ бездну этой страсти, погубишь себя со всѣмъ своимъ имуществомъ. Потому, умоляю, станемъ остерегаться въ началѣ и избѣгать зла малаго, потому что изъ малаго рождается большее. Кто во всякомъ грѣхѣ привыкъ говорить: „это еще ничего", тотъ мало-по-малу все погубитъ. Такая

не чувствуетъ настоящей тяжести, такъ и ожидающій наказаній послѣ удовольствія не можетъ пользоваться чистой радостью, потому что страхъ все приводитъ въ смятеніе. А вѣрнѣе, если внимательнѣе изслѣдовать, то можно найти, что у порочныхъ еще прежде наказанія, опредѣленнаго за худыя дѣла, возникаетъ большое мученіе въ тотъ моментъ, когда они отваживаются на худое.

8. И если угодно, то посмотримъ на людей, которые захватываютъ себѣ чужое и всякими средствами наживаютъ деньги. Не станемъ говорить о страхахъ, опасностяхъ, трепетѣ, мученіи, заботѣ и о всемъ подобномъ, а предположимъ, что этотъ человѣкъ обогащается безпечально и совершенно увѣренъ въ сбереженіи того, что у него есть. Допустимъ все это, хотя оно и невозможно. Но какое удовольствіе пріобрѣтетъ себѣ этотъ человѣкъ? То, что онъ много собралъ? Но это именно и не позволяетъ ему радоваться; пока человѣкъ желаетъ другого и большаго, до тѣхъ поръ продолжаются и его мученія. Всякая страсть тогда доставляетъ
505 удовольствіе, когда останавливается. Испытывая жажду, мы тогда приходимъ въ себя, когда выпиваемъ столько, сколько желаемъ, а пока чувствуемъ жажду, то хотя бы исчерпали всѣ источники, мученіе наше бываетъ больше, и хотя бы выпили тысячи рѣкъ, наше наказаніе бываетъ тяжелѣе. Такъ и ты, хотя бы и пріобрѣлъ все въ мірѣ, но если еще ощущаешь въ себѣ страсть, то тѣмъ больше будешь мучиться, чѣмъ больше станешь исполнять свое желаніе. Итакъ, пойми, что нѣкоторое для тебя удовольствіе заключается не въ томъ, чтобы собирать много, но въ томъ, чтобы не желать обогащенія, а если станешь желать обогащенія, то никогда не перестанешь мучиться. Вѣдь желаніе это безконечно и насколько большій путь ты прошелъ, настолько больше ты удаляешься отъ конца. Неужели это не странность, не помѣшательство, не крайнее безуміе? Итакъ, удержимся отъ перваго шага къ пороку, или, лучше сказать, и совсѣмъ не будемъ касаться порочнаго вожделѣнія, а если прикоснемся, то убѣжимъ въ самомъ же началѣ, какъ и увѣщеваетъ насъ Приточникъ, говоря о женѣ блудницѣ: *отъиди, не умедли и не приближися къ дверемъ домовъ ея* (Прит. v, 8). Тоже самое и я говорю тебѣ относительно любостяжанія. Если бы ты и мало погрязъ въ морѣ этого безумія, съ трудомъ можешь выйти изъ него; и какъ въ водоворотѣ, сколько бы ты ни старался, не преодолѣешь легко (стремленія воды), такъ—и еще гораздо хуже—впавши въ бездну этой страсти, погубишь себя со всѣмъ своимъ имуществомъ. Потому, умоляю, станемъ остерегаться въ началѣ и избѣгать зла малаго, потому что изъ малаго рождается большее. Кто во всякомъ грѣхѣ привыкъ говорить: „это еще ничего", тотъ мало-по-малу все погубитъ. Такая

именно привычка говорить: „это еще не бѣда"—ввела зло, открыла двери разбойнику и ниспровергла стѣны городовъ. Такъ и въ тѣлѣ усиливаются самыя опасныя болѣзни, когда не обращено бываетъ вниманія на незначительныя. Если бы Исавъ не продалъ первородства, то не сдѣлался бы недостойнымъ благословенія; а если бы не сдѣлалъ себя недостойнымъ благословенія, то не дошелъ бы до того, чтобы желать братоубійства. И Каинъ, если бы не возлюбилъ первенства, а уступилъ его Богу, то не занялъ бы второго мѣста; потомъ, занимая второе мѣсто, онъ, если бы послушался увѣщанія, то не совершилъ бы убійства; и опять, совершивъ убійство, если бы онъ обратился къ покаянію, а когда призывалъ его Богъ, если бы не далъ столь безстыднаго отвѣта, то не потерпѣлъ бы послѣдующихъ несчастій.

Если же жившіе до закона отъ такого нерадѣнія мало-по-малу погрязли въ самой глубинѣ зла, то помысли, что потерпимъ мы, призванные къ большимъ подвигамъ, если со всею тщательностью не будемъ обращать на себя вниманія и не угасимъ искры зла, прежде нежели воспламенится цѣлый костеръ. Напримѣръ, ты часто нарушаешь клятву? Не только удерживайся отъ этого, но перестань и клясться; тогда первое сдѣлается уже нетруднымъ, потому что гораздо труднѣе клянущемуся не нарушать клятвы, чѣмъ вовсе не клясться. Ты привыкъ дѣлать обиды, порицать и бить? Предпиши себѣ самому законъ — не сердиться и вовсе не кричать; тогда вмѣстѣ съ корнемъ исторгнется и плодъ. Ты похотливъ и сластолюбивъ? Положи себѣ за правило не смотрѣть на женщинъ, не ходить въ театръ, не любопытствовать на торжищѣ относительно чужой красоты. Гораздо легче сначала не смотрѣть на красивую женщину, чѣмъ, увидѣвъ ее и почувствовавъ вожделѣніе, усмирить вызванную ею бурю. Вѣдь подвиги въ началѣ болѣе легки, а лучше сказать, намъ и не потребуется бороться, если мы не отворимъ дверей врагу и не примемъ сѣмени порока. Потому и Христосъ опредѣлилъ наказаніе всякому, 506
кто смотритъ на женщину безстыдно,—чтобы избавить насъ отъ большаго труда; повелѣваетъ изгонять противника изъ дома прежде, чѣмъ онъ усилился,—тогда, когда легко можно его выгнать. Какая же необходимость принимать на себя лишніе труды и бороться съ противниками, когда возможно и безъ боя доставить себѣ побѣдный трофей и прежде борьбы восхитить себѣ награду? Не смотрѣть на красивыхъ женщинъ не такой большой трудъ, какъ, смотря на нихъ, усмирять себя; лучше же сказать, первое вовсе и не можетъ быть трудомъ, но, послѣ того какъ посмотришь, бываетъ большая непріятность и бѣда.

9. Итакъ, когда трудъ бываетъ меньше, или даже вовсе не

нуженъ бываетъ ни трудъ, ни усиліе, а пользы больше, то зачѣмъ мы стараемся ввергнуть себя въ пучину безчисленныхъ золъ? Вѣдь не смотрѣть на женщину не только легче, но и даетъ болѣе чистую побѣду надъ возникающей отсюда страстью, тогда какъ тотъ, кто смотритъ на нее, если иногда и освобождается отъ вожделѣнія, то съ очень большимъ трудомъ и съ нѣкоторою нечистотою для себя. Тотъ, кто не увидѣлъ красиваго лица, бываетъ чистъ отъ возбуждаемаго имъ вожделѣнія, а кто пожелалъ увидѣть, тотъ, извративъ помыслъ и тысячекратно осквернивъ его, тогда только отвергаетъ скверну похоти, когда захочетъ отогнать ее. Потому и Христосъ, чтобы мы не пострадали отъ этого, запрещаетъ не только убійство, но и гнѣвъ, не только прелюбодѣяніе, но и нечистый взглядъ, не только клятвопреступленіе, но и клятву вообще. Даже и здѣсь не устанавливаетъ мѣру добродѣтели, но, узаконивъ таковое, простирается и далѣе. Отклонивши отъ убійства и повелѣвъ быть чистыми отъ гнѣва, онъ повелѣваетъ и быть готовыми къ перенесенію зла и приготовиться терпѣть его не въ той только мѣрѣ, какой желаетъ злоумышляющій на насъ, но и превосходить ее въ гораздо большей степени и побѣждать чрезмѣрность его неистовства избыткомъ нашего любомудрія. Онъ не сказалъ: если кто ударитъ тебя въ правую щеку, перенеси равнодушно и успокойся, но присовокупилъ, что ты долженъ подставить ему и другую,—говоритъ: *обрати ему и другую* (Мѳ. v, 39). Въ этомъ и состоитъ блестящая побѣда, чтобы предоставить ему больше того, что онъ желаетъ, и предѣлы его злого желанія превзойти богатствомъ своего долготерпѣнія. Такимъ образомъ ты укротишь его бѣшенство, изъ второго поступка получишь награду за первый и укротишь гнѣвъ его.

Видишь ли, что отъ насъ всегда зависитъ, чтобы не терпѣть зла, а не отъ дѣлающихъ намъ зло? Или, правильнѣе сказать, мы сами имѣемъ власть не только не терпѣть зла, но даже испытывать добро. А особенно удивительно то, что, если мы бываемъ бдительны, то не только не подвергаемся обидѣ, но даже отъ тѣхъ, которые насъ обижаютъ, получаемъ большее благодѣяніе, чѣмъ отъ другихъ. Кто-нибудь оскорбилъ тебя? Ты имѣешь власть обиду эту обратить для себя въ похвалу. Если ты со своей стороны оскорбишь, то навлечешь на себя стыдъ, а если будешь благословлять оскорбившаго тебя, то увидишь, что всѣ присутствующіе восхваляютъ тебя и прославляютъ. Понялъ ли ты, какъ мы, если пожелаемъ, получаемъ благодѣяніе отъ тѣхъ, которые насъ обижаютъ? Это же можно сказать и относительно денегъ, ударовъ и всего остальнаго. Если и за все это мы ста-

немъ воздавать противоположнымъ, то какъ тѣмъ, что потерпѣли зло, такъ и тѣмъ, что сдѣлали добро, сплетемъ себѣ сугубый вѣнецъ. И всякій разъ, какъ кто-нибудь, пришедши къ тебѣ, скажетъ: „такой-то человѣкъ оскорбилъ тебя и въ присутствіи всѣхъ постоянно худо отзывается о тебѣ",—ты похвали обидчика въ при- 507
сутствіи говорящихъ; такимъ образомъ, если бы ты и желалъ отомстить, то можешь получить и удовлетвореніе. Всѣ услышавшіе, хотя бы и были очень неразумны, будутъ хвалить тебя, а обидчика твоего возненавидятъ, какъ человѣка, который лютѣе всякаго звѣря, потому что онъ огорчилъ тебя, нисколько тобою не обиженный, между тѣмъ какъ ты, потерпѣвши зло, воздалъ ему добромъ. И такимъ образомъ ты можешь доказать, что все сказанное о тебѣ несправедливо. Кто выражаетъ досаду, когда говорятъ о немъ худо, тотъ своею скорбію доказываетъ, что сознается въ справедливости о немъ сказаннаго; а кто смѣется, то этимъ устраняетъ всякое о себѣ подозрѣніе въ присутствующихъ. Итакъ, смотри, сколько отъ этого ты пріобрѣтаешь себѣ добра: во-первыхъ, избавляешься отъ смущенія и безпокойства, во-вторыхъ, или лучше—считай это первымъ, если имѣешь грѣхи, очистишься отъ нихъ, подобно мытарю, который великодушно перенесъ обвиненіе фарисея. Сверхъ того, такимъ упражненіемъ ты сдѣлаешь свою душу любомудрою, услышишь отъ всѣхъ безчисленныя похвалы и уничтожишь всякое о себѣ подозрѣніе по поводу сказаннаго. Если же хочешь и отмстить обидчику, то это послѣдуетъ въ изобильной мѣрѣ, потому что Богъ накажетъ 508
его за то, что онъ сказалъ, а прежде этого наказанія и твое любомудріе будетъ для него какъ бы жестокимъ ударомъ. Ничто обыкновенно такъ не уязвляетъ нашихъ обидчиковъ, какъ то, что мы смѣемся надъ обидами, намъ нанесенными. И какъ любомудріе самыя обиды обращаетъ для насъ во благо, такъ слѣдствіемъ малодушія бываетъ совершенно противное—и себя мы стыдимъ, и присутствующимъ кажемся виновными въ томъ, что говорили о насъ, и душу свою наполняемъ смятеніемъ, и врага радуемъ, и Бога огорчаемъ, и число грѣховъ своихъ увеличиваемъ. Размысливъ о всемъ этомъ, будемъ избѣгать бездны малодушія, поспѣшимъ въ пристань долготерпѣнія, чтобы и здѣсь обрѣсти покой душамъ своимъ, какъ предрекъ Христосъ, и достигнуть будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ Аминь.

БЕСѢДА XIII.

507 **Вѣмы бо, яко законъ духовенъ есть: азъ же плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхъ (VII, 14).**

1. Такъ какъ (апостолъ) сказалъ выше, что зло увеличилось и что грѣхъ, встрѣтившись съ заповѣдію, сдѣлался болѣе сильнымъ и произошло противоположное тому, къ чему стремился законъ, и такъ какъ онъ привелъ этимъ слушателя въ большее недоумѣніе, то, освободивъ сперва законъ отъ худого подозрѣнія, объясняетъ потомъ причину, вслѣдствіе которой это случилось. Чтобы кто-нибудь, слыша, что грѣхъ получилъ поводъ въ заповѣди, что, когда пришла заповѣдь, грѣхъ ожилъ, что грѣхъ обольстилъ и умертвилъ заповѣдію,—чтобы не подумалъ, что законъ былъ виною всѣхъ этихъ золъ, (апостолъ) прежде всего излагаетъ съ большимъ дерзновеніемъ защиту закона, не только освобождая его отъ обвиненія, но и сплетая ему величайшую похвалу. И это онъ представляетъ не въ такомъ видѣ, что самъ говоритъ въ пользу закона, но какъ бы произноситъ общій приговоръ. *Вѣмы бо*, говоритъ онъ, *яко законъ духовенъ есть*. Этимъ онъ какъ бы сказалъ: всѣми признается и хорошо извѣстно то, что законъ духовенъ, а потому и нельзя допустить, чтобы онъ былъ причиною грѣха и чтобы на немъ лежала вина происшедшихъ золъ. И смотри, какъ онъ не только освобождаетъ его отъ обвиненія, но и хвалитъ безъ мѣры. Назвавши его духовнымъ, онъ показываетъ, что законъ есть наставникъ добродѣтели и врагъ порока, такъ какъ быть духовнымъ значитъ отводить отъ всѣхъ грѣховъ; это именно и дѣлалъ законъ, устрашая, вразумляя, наказывая, исправляя, совѣтуя все относительно добродѣтели. Откуда же, спросишь, произошелъ грѣхъ, если наставникъ былъ такъ достоинъ удивленія? Отъ нерадѣнія учениковъ. Потому (апостолъ) присовокупилъ: *азъ же плотянъ есмь*, изображая человѣка, жившаго и въ законѣ и до закона. *Проданъ подъ грѣхъ*. Послѣ смерти, говоритъ онъ, толпою нахлынули страсти. Когда тѣло сдѣлалось смертнымъ, то оно по необходимости приняло и похоть, и гнѣвъ, и болѣзнь, и все прочее, что требовало многаго любомудрія, чтобы наводнившія насъ страсти не потопили помысла въ глубинѣ грѣха. Сами по себѣ они не были еще грѣхомъ, но произвела это необузданная ихъ неумѣренность. Такъ,—если взять для примѣра одну изъ страстей,—плотская похоть не
508 составляетъ грѣха, но когда она впала въ неумѣренность и, не желая оставаться въ предѣлахъ брака законнаго, стала наскакивать на чужихъ женъ, тогда, наконецъ, сдѣлалась любодѣяніемъ,

но не отъ похоти, а отъ неумѣренности въ ней. И замѣть мудрость Павла. Восхваливъ законъ, онъ немедленно обратился ко временамъ древнимъ, чтобы, показавши, въ какомъ состояніи находился родъ человѣческій тогда (до закона) и послѣ того, какъ полученъ законъ, представить необходимость преизобилующей благодати, что (апостолъ) вездѣ старался раскрыть. Когда онъ говоритъ: *проданъ подъ грѣхъ*, разумѣетъ не только жившихъ подъ закономъ, но и тѣхъ, которые жили до закона и существовали съ самаго начала міра. Потомъ объясняетъ способъ того, какъ человѣкъ проданъ и отданъ. *Еже бо содѣваю*, говоритъ онъ, *не разумѣю* (ст. 15). Что значитъ: *не разумѣю?* Не знаю. Какъ же случилось это? Вѣдь никто никогда не согрѣшилъ въ невѣдѣніи? Видишь ли ты, что если станемъ выбирать слова не съ надлежащею осмотрительностію и не будемъ обращать вниманія на цѣль апостола, то послѣдуетъ множество несообразностей? Если бы люди грѣшили въ невѣдѣніи, то они недостойны были бы и подвергаться наказанію. Поэтому, какъ выше (апостолъ) говоритъ —*безъ закона грѣхъ мертвъ есть,* не то выражая, что тогда грѣшили въ невѣдѣніи, а то, что они знали, но не такъ ясно, потому и наказывались, но не такъ сильно,—и опять, говоря—*похоти не вѣдахъ*, не выражаетъ совершеннаго незнанія, а указываетъ на самое ясное познаніе, равнымъ образомъ, говоря—*содѣла во мнѣ всяку похоть*, не то разумѣетъ, что заповѣдь произвела похоть, но то, что грѣхъ посредствомъ заповѣди усилилъ похоть, такъ и здѣсь, когда говоритъ: *еже бо содѣваю, не разумѣю,* не выражаетъ этимъ совершеннаго невѣдѣнія, потому что какъ же онъ соуслаждался *закону Божію по внутреннему человѣку?* Что же значитъ: *не разумѣю?* Пребываю во мракѣ, увлекаюсь, терплю насиліе, самъ не знаю, какъ впадаю въ обманъ, какъ и мы обыкновенно говоримъ: не знаю, какъ такой-то человѣкъ пришелъ и увлекъ меня,—не оправдывая себя незнаніемъ, а только указывая на какой-то обманъ, нападеніе и умыселъ. *Не еже бо хощу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣловаю* (ст. 15). Какъ же ты не 509
знаешь, что дѣлаешь? Если ты желаешь добра и ненавидишь зло, то это свойственно совершенному знанію. Отсюда ясно, что словами—*не еже хощу* апостолъ не уничтожаетъ свободной воли и не вводитъ какую-то насильственную необходимость. Вѣдь если мы грѣшимъ не произвольно, а по принужденію, то опять наказанія, прежде бывшія, не имѣли бы основанія. Но какъ словомъ —*не разумѣю* (апостолъ) выразилъ не незнаніе, а то, что сказано нами выше, такъ, прибавивъ—*не еже хощу*, обозначилъ не необходимость, а неодобреніе сдѣланнаго, потому что если бы словами—*не еже хощу, сіе творю* онъ не это выразилъ, то почему бы

не присовокупить ему: дѣлаю то, къ чему принуждаюсь и подвергаюсь силою: вѣдь это именно и противоположно волѣ и свободѣ. Но (апостолъ) не сказалъ такъ, а вмѣсто этого поставилъ— *еже ненавижду*, чтобы ты понялъ, что онъ и словами — *не еже хощу* не уничтожилъ свободы. Итакъ, что значитъ: *еже не хощу?* Что́ не хвалю, не одобряю, не люблю; въ противоположность этому онъ прибавилъ и слѣдующее: *но еже ненавижду, то содѣловаю. Аще ли, еже не хощу, сіе творю, хвалю законъ, яко добръ* (ст. 16).

2. Видишь ли ты, что разумъ, пока не поврежденъ, дѣйствительно сохраняетъ свойственное ему благородство? Если и предается пороку, то предается съ ненавистью, что и можетъ быть величайшею похвалою закона, какъ естественнаго, такъ и писаннаго. Что законъ хорошъ, говоритъ (апостолъ), это видно изъ того, что я самъ себя обвиняю, преступая законъ и ненавидя сдѣланное мною; а если бы законъ былъ виновникомъ грѣха, то какимъ образомъ, находя удовольствіе въ законѣ, можно было бы ненавидѣть повелѣваемое закономъ? *Хвалю законъ*, говоритъ (апостолъ), *яко добръ. Нынѣ же не ктому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ. Вѣмъ бо, яко не живетъ во мнѣ, сирѣчь въ плоти моей, доброе* (ст. 17, 18). На этихъ словахъ основываются тѣ, которые возстаютъ противъ плоти и исключаютъ ее изъ числа твореній Божіихъ. Что же мы можемъ сказать на это? Тоже, что сказали недавно, разсуждая о законѣ, потому что какъ тамъ (апостолъ) приписываетъ все грѣху, такъ и здѣсь. Онъ не сказалъ, что плоть дѣлаетъ это, но совершенно напротивъ: *не ктому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ.* Если же говоритъ, что не живетъ въ немъ доброе, то это еще не обвиненіе плоти, такъ какъ то обстоятельство, что не живетъ во плоти доброе, не доказываетъ, что она сама въ себѣ зла. Мы соглашаемся, что плоть ниже и недостаточнѣе души, но вовсе не противоположна ей, не враждебна и не зла, но, какъ гусли—музыканту и какъ корабль—кормчему, такъ и плоть подчинена душѣ; и гусли, и корабль не противоположны тѣмъ, кто управляетъ и пользуется ими, но и вполнѣ согласны, хотя и не одинакаго достоинства съ художникомъ. И подобно тому, какъ тотъ, кто говоритъ, что искусство не въ гусляхъ и не въ кораблѣ, а въ кормчемъ и въ гуслярѣ, не унижаетъ этихъ предметовъ, а показываетъ различіе между художникомъ и искусствомъ, такъ и Павелъ, сказавши: *не живетъ въ плоти моей доброе,* не унизилъ тѣла, а показалъ превосходство души. Вѣдь именно душа всѣмъ завѣдываетъ—и искусствомъ
510 правитъ кораблемъ, или играть на гусляхъ; тоже самое показываетъ здѣсь и Павелъ, приписывая господствующее значеніе душѣ. Раздѣливъ человѣка на двѣ эти половины — душу и тѣло, онъ

утверждаетъ, что плоть болѣе неразумна, лишена пониманія и есть нѣчто управляемое, а не управляющее; душа же премудра, способна познавать, что должно дѣлать и чего не дѣлать, хотя и не имѣетъ столько силъ, чтобы править конемъ, какъ желаетъ; въ этомъ вина можетъ быть не одной плоти, но и души, которая, зная, что должно дѣлать, не приводитъ въ исполненіе признаннаго. *Еже бо хотѣти*, говоритъ (апостолъ), *прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю*. Опять и здѣсь, сказавъ—*не обрѣтаю*, разумѣетъ не невѣдѣніе или сомнѣніе, а нападеніе и козни грѣха; выражая это яснѣе, онъ прибавилъ: *не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сіе содѣваю. Аще ли еже не хощу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (ст. 19, 20). Замѣчаешь ли ты, какъ (апостолъ), освободивъ отъ обвиненія и существо души, и существо плоти, все перенесъ на порочную дѣятельность? Если человѣкъ не хочетъ зла, то душа свободна, а если онъ не дѣлаетъ зла, то и тѣло свободно: все зависитъ только отъ одной злой воли. Душа, тѣло и воля въ сущности не одно и то же, но первыя суть творенія Божіи, а послѣдняя есть движеніе, рождающееся изъ насъ самихъ, которое мы направляемъ, куда хотимъ. Воля сама въ себѣ есть природная способность, данная отъ Бога; но та же воля есть нѣчто и наше собственное и зависитъ отъ нашего разума. *Обрѣтаю убо законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ* (ст. 21). Сказанное неясно; что оно значитъ? Хвалю законъ по совѣсти, разсуждаетъ Павелъ, и, когда я хочу дѣлать доброе, нахожу себѣ въ немъ защитника, который напрягаетъ мою волю; какъ я услаждаюсь закономъ, такъ и онъ одобряетъ мое расположеніе. Видишь ли, какъ (апостолъ) доказываетъ, что съ начала было вложено въ насъ разумѣніе добра и зла, и что законъ Моисея хвалитъ это разумѣніе и самъ восхваляется имъ? Какъ выше онъ не сказалъ: я учусь у закона, но: *хвалю законъ*, такъ и теперь не говоритъ: воспитываюсь закономъ, но: *соуслаждаюся закону*. Что значитъ — *соуслаждаюся*? Соглашаюсь съ нимъ, какъ съ добрымъ, равно какъ и онъ согласенъ со мною, желающимъ дѣлать добро. Человѣку дано было свыше — желать добра и не желать зла. Законъ же, явившись, и во злѣ сдѣлался обвинителемъ очень многаго и въ добрѣ хвалителемъ большаго. Видишь ли ты, что (апостолъ) приписываетъ закону не больше, какъ нѣкоторое усиленіе и дополненіе? Хотя законъ хвалитъ доброе, а я соуслаждаюсь и желаю добра, однакоже злое еще прилежитъ и дѣйствіе его не уничтожено. Такимъ образомъ, законъ для намѣревающагося сдѣлать что-нибудь доброе является въ этомъ только союзникомъ и настолько, насколько онъ самъ себѣ того же желаетъ. А такъ какъ

(апостолъ) неясно это выразилъ, то впослѣдствіи раскрываетъ и приводитъ въ большую ясность, показывая, какимъ образомъ прилежитъ зло и какимъ образомъ законъ содѣйствуетъ желаю-
511 щему дѣлать доброе. *Соуслаждаюся бо закону Божію по внутреннему человѣку* (ст. 22). Я зналъ добро и до закона, говоритъ (апостолъ), и, нашедши его изображеннымъ въ письменахъ, хвалю. *Вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противувоюющь закону ума моего* (ст. 23).

3. Здѣсь опять закономъ противовоюющимъ (апостолъ) назвалъ грѣхъ, не по достоинству, а вслѣдствіе чрезмѣрнаго послушанія повинующихся ему. Какъ маммону онъ называетъ господиномъ и чрево богомъ не по собственному ихъ достоинству, но вслѣдствіе большого рабства подчиненныхъ, такъ и здѣсь назвалъ грѣхъ закономъ вслѣдствіе того, что люди служатъ ему и боятся оставить его такъ же, какъ получившіе законъ страшатся не исполнить закона. И грѣхъ, говоритъ (апостолъ), противится закону естественному; это и есть—*закону ума моего*. И вотъ (апостолъ) изображаетъ состязаніе и битву и весь подвигъ возлагаетъ на законъ естественный. Законъ Моисея данъ послѣ и какъ бы въ добавленіе; но однако и тотъ и другой законъ, одинъ научившій доброму, а другой — восхвалившій, не совершили въ этой борьбѣ ничего великаго: такова побѣждающая и превосходящая власть грѣха. Павелъ, изображая это и говоря о пораженіи въ зависимости отъ силы, сказалъ: *вижду инъ законъ противоюющь закону ума моего, и плѣняющь мя.* Не сказалъ просто—побѣждающій, но—*плѣняющь мя закономъ грѣховнымъ.* Не сказалъ также—влеченіемъ плоти, или—природою плоти, но—*закономъ грѣховнымъ*, то есть, властью, силой. Какъ онъ говоритъ —*сущимъ во удѣхъ моихъ*? Что это значитъ? Не члены называетъ грѣхомъ, но совершенно отдѣляетъ отъ грѣха, потому что иное пребывающее въ чемъ-нибудь, и иное то, въ чемъ оно пребываетъ. Какъ заповѣдь не есть зла, хотя грѣхъ получилъ въ ней поводъ, такъ не зла и природа плоти, хотя грѣхъ чрезъ нее борется съ нами, потому что въ такомъ случаѣ и душа будетъ зла, и еще въ большей мѣрѣ, насколько она имѣетъ власть въ томъ, что должно дѣлать. Но это не такъ, нѣтъ! Если тиранъ или разбойникъ овладѣетъ какимъ-нибудь прекраснымъ зданіемъ или царскимъ дворцомъ, то случившееся не можетъ быть осужденіемъ для дома, а вся вина падаетъ на тѣхъ, кто совершилъ это злоумышленіе. Этого не понимаютъ враги истины, которые вмѣстѣ съ нечестіемъ впадаютъ въ совершенное безуміе. Они не только обвиняютъ плоть, но клевещутъ и на законъ. Хотя плоть и зла, но законъ добръ, потому что воюетъ съ нею и противится ей. А если законъ не

благо, то благо плоть, потому что она, согласно ихъ мнѣнію, борется съ закономъ и враждуетъ противъ него. Какъ же они говорятъ, что плоть и законъ отъ діавола и вводятъ противоположное другъ другу? Видишь ли, какое вмѣстѣ съ нечестіемъ и безразсудство? Но не таково ученіе церкви, которое осуждаетъ только одинъ грѣхъ и утверждаетъ, что оба закона, данные отъ Бога,— и естественный и Моисеевъ,—находятся во враждѣ съ грѣхомъ, а не съ плотію; плоть же есть не грѣхъ, а Божіе твореніе, весьма полезное для насъ и въ подвигахъ добродѣтели, если мы бодрствуемъ. *Окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (ст. 24)? Замѣтилъ ли ты, какова власть зла, какъ оно побѣждаетъ и умъ, находящій удовольствіе въ законѣ? Никто не можетъ сказать, говоритъ (апостолъ), что грѣхъ дѣлаетъ меня своимъ плѣнникомъ, потому что я ненавижу законъ и отвращаюсь отъ него, напротивъ, я нахожу въ немъ удовольствіе, хвалю его, прибѣгаю къ нему, но онъ не получилъ силы спасти даже и прибѣгающаго къ нему, а Христосъ спасъ и убѣгающаго отъ Него. Замѣтилъ ты, какъ велико превосходство благодати? Но 512
апостолъ не раскрылъ этого, а только возстенавъ и горько заплакавъ, подобно человѣку, лишенному помощниковъ, самымъ затруднительнымъ своимъ положеніемъ доказываетъ силу Христову и говоритъ: *окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* Законъ оказался безсильнымъ, совѣсть недостаточною, хотя я хвалилъ доброе, даже не только хвалилъ, но и боролся со зломъ: вѣдь (апостолъ), назвавъ грѣхъ противовоюющимъ, показалъ, что и самъ вооружался противъ грѣха. Итакъ, откуда же будетъ надежда на спасеніе? *Благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ, Господемъ нашимъ* (ст. 25). Видишь, какъ (апостолъ) показалъ необходимость явленія благодати, а также и то, что она есть общій даръ Отца и Сына? Хотя онъ и благодаритъ Отца, но причиною этого благодаренія есть Сынъ. А когда ты слышишь, что онъ говоритъ: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?*—не думай, что онъ обвиняетъ плоть. Онъ не назвалъ ее тѣломъ грѣха, но тѣломъ смерти, то есть, смертнымъ тѣломъ, плѣненнымъ смертію, а не породившимъ смерть; это служитъ доказательствомъ не порочности тѣла, но поврежденности, которой оно подверглось. Какъ тотъ, кто плѣненъ варварами, считается принадлежащимъ къ числу варваровъ не потому, что онъ варваръ, а потому, что находится во власти варваровъ, такъ и тѣло называется тѣломъ смерти, потому что оно находится во власти смерти, а не потому, что произвело смерть. Потому и (апостолъ) желаетъ избавиться не отъ тѣла, но отъ тѣла смертнаго, намекая на то, о чемъ я не-

однократно говорилъ, что тѣло, сдѣлавшись доступнымъ страсти, отъ этого самаго стало легко подвержено грѣху.

4. Но если такова была власть грѣха до благодати, то за что, спросишь, грѣшники наказывались? За то, что имъ даны были такія повелѣнія, которыя можно было исполнять и во время господства грѣха. Законъ не требовалъ отъ нихъ высокаго совершенства въ жизни, но позволялъ пользоваться своимъ имуществомъ, не запрещалъ имѣть многихъ женъ, предаваться гнѣву съ правдою и пользоваться умѣреннымъ наслажденіемъ; имъ столько было сдѣлано снисхожденія, что законъ писанный требовалъ меньше того, сколько повелѣвалъ законъ естественный. Хотя естественный законъ всегда предписывалъ одному мужчинѣ вступать въ бракъ съ одною женщиною, что ясно засвидѣтельствовалъ Христосъ, сказавъ: *яко Сотворивый искони мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть* (Мѳ. XIX, 4), но законъ Моисея, какъ не запрещалъ, разведясь съ одною, вступать въ бракъ съ другою, такъ не препятствовалъ имѣть вмѣстѣ двухъ женъ. Кромѣ того, можно видѣть, что жившіе прежде этого закона, руководимые однимъ естественнымъ закономъ, исполняли и другое больше тѣхъ, которые жили подъ закономъ. Итакъ, жившіе въ ветхомъ завѣтѣ не потерпѣли никакого убытка, когда у нихъ было введено столь умѣренное законодательство. Если же и при этомъ они не могли остаться побѣдителями, то виною служитъ ихъ собственное нерадѣніе. Потому Павелъ и благодаритъ за то, что Христосъ не подвергъ насъ никакому испытанію и не только не потребовалъ отчета въ нашихъ дѣлахъ, но сдѣлалъ насъ способными къ большому поприщу. Поэтому говоритъ онъ: *благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ*, и не говоря уже о спасеніи, какъ о такомъ дѣлѣ, которое, по доказанному выше, всѣми признано, переходитъ къ другому, очень важному, и раскрываетъ, что мы не только освободились отъ прежнихъ грѣховъ, но и на будущее время сдѣлались непобѣдимыми для грѣха. *Ни едино убо нынѣ*, говоритъ, *осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходя-*
513 *щимъ* (VIII, 1). Но (апостолъ) сказалъ объ этомъ не прежде, какъ упомянувъ еще разъ о прежнемъ состояніи. Сказавъ сперва: *тѣмже убо самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію, плотію же закону грѣховному* (VII, 25), присовокупилъ потомъ: *ни едино убо осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ.* А такъ какъ словамъ его противорѣчило то, что многіе грѣшатъ и послѣ крещенія, то онъ спѣшитъ и къ этому и не просто говоритъ: *сущимъ о Христѣ Іисусѣ*, но прибавляя: *не по плоти ходящимъ*, чѣмъ и показываетъ, что все происходитъ уже отъ нашего нерадѣнія, такъ какъ нынѣ возможно ходить не по плоти, а тогда (до Христа) было трудно. По-

томъ это же самое (апостолъ) раскрываетъ иначе, продолжая такъ: *законъ бо Духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть* (ст. 2). Подъ именемъ закона духа (апостолъ) разумѣетъ здѣсь Духа,—какъ грѣхъ назвалъ закономъ грѣха, такъ и Духа называетъ закономъ духа. Но и законъ Моисея онъ наименовалъ также духовнымъ, сказавъ: *вѣмы бо, яко законъ духовенъ есть*. Итакъ, какое же различіе? Большое и безконечное. Тотъ есть законъ духовный, а этотъ законъ Духа. Чѣмъ же отличается одинъ отъ другого? Тѣмъ, что одинъ только данъ Духомъ, а другой принявшимъ его обильно даровалъ Духа. Потому (апостолъ) наименовалъ его также закономъ жизни, въ противоположность закону грѣха, а не закону Моисея. Когда говоритъ: *свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти*, то разумѣетъ здѣсь не Моисеевъ законъ, такъ какъ нигдѣ не называетъ его закономъ грѣховнымъ (да какъ онъ могъ и назвать такъ законъ, который неоднократно именовалъ праведнымъ и святымъ, разрушителемъ грѣха?), но разумѣетъ законъ, противовоюющій закону ума. Эту жестокую брань прекратила благодать Духа, умертвившая грѣхъ и сдѣлавшая борьбу легкою для насъ, сперва увѣнчавшая, а потомъ съ большою помощью увлекающая на подвигъ. И какъ (апостолъ) всегда дѣлаетъ, переходя отъ Сына къ Духу, а отъ Духа къ Сыну и Отцу, все наше вмѣняя Троицѣ, такъ поступаетъ и здѣсь; сказавши: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* показалъ, что Отецъ совершаетъ это чрезъ Сына; потомъ опять приписываетъ это Святому Духу вмѣстѣ съ Сыномъ, когда говоритъ: *законъ Духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть;* послѣ снова приписываетъ Отцу и Сыну. *Немощное бо закона,* говоритъ, *въ немже немоществоваше плотію, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти* (ст. 3). Опять кажется, будто онъ осуждаетъ законъ, но при тщательномъ вниманіи открывается, что онъ очень хвалитъ его, доказывая, что законъ согласенъ со Христомъ и предписываетъ тоже самое. Вѣдь не сказалъ—худое закона, но—*немощное,* и опять—*въ немже немоществоваше,* а не—въ немъ поступалъ худо или злоумышлялъ. Самую немощь приписываетъ не закону, а плоти, говоря: *въ немже немоществоваше плотію.* Плотію же опять здѣсь называетъ не самое существо и основаніе ея, а мудрованіе плотское, почему и освобождаетъ отъ обвиненія какъ тѣло, такъ и законъ, и не только этимъ, но и слѣдующими словами.

5. Если бы законъ былъ враждебенъ, то какъ Христосъ явился къ нему на помощь, выполнилъ его праведность и простеръ руку, осудивъ грѣхъ во плоти? Это именно и оставалось (сдѣлать), потому что законъ давно уже осудилъ грѣхъ въ душѣ. 514

Итакъ, что же? Неужели законъ совершилъ больше, а Единородный Божій меньше? Никакъ. Вѣдь и первое совершилъ преимущественно Богъ, давши законъ естественный, а потомъ приложивши и законъ писанный; иначе не было бы никакой пользы отъ большаго, если бы не было предложено меньшее. Какая въ самомъ дѣлѣ польза знать, что должно дѣлать, не дѣлая этого? Никакой,—напротивъ, за это будетъ даже большее осужденіе. Такимъ образомъ, Кто спасъ душу, Тотъ и сдѣлалъ плоть благопокорною. Учить не трудно, но показать путь, которымъ съ удобствомъ можно достигнусь этого,—вотъ дѣло достойное удивленія. Для того пришелъ Единородный и не прежде удалился, какъ освободивъ насъ отъ того неудобства. Всего же важнѣе самый образъ побѣды: (Христосъ) не другую принялъ плоть, но ту же самую, покоренную, подобно тому, какъ царскій сынъ, увидѣвъ, что на рынкѣ бьютъ женщину худую и продажную, называетъ себя ея сыномъ и такимъ образомъ освобождаетъ ее отъ нападающихъ. Тоже самое сдѣлалъ (Сынъ Божій): Онъ исповѣдалъ Себя Сыномъ человѣческимъ, явился на помощь плоти и осудилъ грѣхъ. Итакъ, грѣхъ не осмѣлился бить ее больше, а лучше сказать онъ уже поразилъ ее ударомъ смерти; но всего удивительнѣе то, что не пораженная плоть, но поразившій грѣхъ подвергся за это осужденію и гибели. Если бы побѣда совершилась не во плоти, это не такъ было бы удивительно, потому что и законъ производилъ это; но удивительно то, что (Христосъ), имѣя плоть, воздвигъ побѣдный трофей, и та самая плоть, которая тысячекратно была побѣждена грѣхомъ, одержала надъ нимъ блистательную побѣду. Смотри же, сколько совершилось необычайнаго: во-первыхъ, грѣхъ не побѣдилъ плоти, во-вторыхъ, онъ самъ былъ побѣжденъ и притомъ побѣжденъ плотію,—вѣдь не одно и тоже—не быть побѣжденной и побѣдить того, кто всегда побѣждалъ,—въ-третьихъ, плоть не только побѣдила, но и наказала, такъ какъ тѣмъ, что (Христосъ) не согрѣшилъ, Онъ явился непобѣжденнымъ, а тѣмъ, что умеръ, Онъ побѣдилъ и осудилъ грѣхъ, сдѣлавъ для него страшною ту самую плоть, которая была прежде презираема. Такъ, Онъ уничтожилъ и силу грѣха, уничтожилъ и смерть, введенную въ міръ грѣхомъ. Пока грѣхъ встрѣчалъ грѣшниковъ, онъ по справедливому основанію наносилъ имъ смерть; когда же, нашедши тѣло безгрѣшное, предалъ его смерти, то, какъ сдѣлавшій несправедливость, подвергся осужденію. Ты видишь, сколько совершилось побѣдъ: плоть не была побѣждена грѣхомъ, но и сама его побѣдила и осудила, и не просто осудила, но осудила, какъ согрѣшившій. (Христосъ) сперва изобличилъ его въ неправдѣ, потомъ осудилъ и осудилъ

не просто силою и властію, но и словомъ правды. Это и выразилъ (апостолъ), сказавши о грѣхѣ: *осуди грѣхъ во плоти*; это тоже значитъ, что сперва изобличилъ въ тяжкомъ грѣхѣ, а потомъ уже осудилъ его. Ты видишь, что всюду осуждается грѣхъ, а не плоть, плоть же увѣнчивается и произноситъ свой приговоръ надъ грѣхомъ? А если сказано, что (Богъ) послалъ Сына *въ подобіи плоти*, то не думай на основаніи этого, что плоть Христа была иная: такъ какъ (апостолъ) сказалъ—*грѣха*, то и прибавилъ слово—*подобіе*. Христосъ имѣлъ не грѣшную плоть, а подобную 515 нашей грѣшной, но безгрѣшную и по природѣ одинаковую съ нами. Такимъ образомъ и отсюда видно, что природа плоти не зла. Христосъ уготовалъ побѣду, не принявши другой плоти, вмѣсто прежней, и не измѣнивъ эту въ существѣ, но, согласившись пребывать въ томъ же самомъ естествѣ, достигъ того, что оно пріобрѣло вѣнецъ за побѣду надъ грѣхомъ, а послѣ этой побѣды воскресилъ его и сдѣлалъ безсмертнымъ. Но какое, спросишь, имѣетъ отношеніе ко мнѣ то, что совершилось въ той плоти? Для тебя преимуществественно это и имѣетъ значеніе, потому и прибавилъ: *да оправданіе закона исполнится въ насъ не по плоти ходящихъ* (ст. 4). Что значитъ *оправданіе*? Конецъ, цѣль, успѣхъ. Чего же законъ желалъ и что нѣкогда производилъ? Чтобы человѣкъ былъ безгрѣшенъ. Это именно нынѣ совершено для насъ Христомъ; Его дѣло было противостать и побѣдить, а наше воспользоваться побѣдою. Итакъ, мы не согрѣшимъ, если не слишкомъ ослабѣемъ и не падемъ, почему (апостолъ) и присовокупилъ: *въ насъ не по плоти ходящихъ*. А чтобы ты, услышавъ, что Христосъ избавилъ тебя отъ грѣховной брани и что, послѣ осужденія грѣха во плоти, исполнилось въ тебѣ оправданіе закона, не отвергъ всякое приготовленіе, апостолъ, какъ выше, сказавъ: *ни едино осужденіе*, присовокупилъ: *не по плоти ходящихъ*, такъ и здѣсь тоже самое прибавилъ къ словамъ: *да оправданіе закона исполнится въ насъ*; а лучше сказать, здѣсь прибавлено и нѣчто гораздо большее. Сказавъ: *да оправданіе закона исполнится въ насъ не по плоти ходящихъ*, присовокупилъ: *но по духу*, давая тѣмъ разумѣть, что должно не только воздерживаться отъ зла, но и украшаться добромъ. Дать тебѣ вѣнецъ—дѣло Христово, а удержать данное—твое. Христосъ совершилъ для тебя то, въ чемъ состояло оправданіе закона, именно, чтобы ты не подлежалъ клятвѣ.

6. Итакъ, не погуби этого дара, но постоянно сохраняй это прекрасное сокровище. Здѣсь (апостолъ) внушаетъ тебѣ, что для нашего спасенія недостаточно крещенія, если послѣ него не покажемъ жизни достойной этого дара. Такимъ образомъ, говоря

и это, онъ опять защищаетъ законъ. И послѣ того, какъ мы увѣровали во Христа, надлежитъ все дѣлать и исполнять, такъ чтобы оправданіе закона, исполненное Христомъ, въ насъ пребывало и не было уничтожено. *Сущіи бо по плоти*, говоритъ (апостолъ), *плотская мудрствуютъ; а иже по духу, духовная. Мудрованіе бо плотское, смерть есть: а мудрованіе духовное, животъ и миръ. Зане мудрованіе плотское, вражда на Бога: закону бо Божію не покаряется, ниже бо можетъ* (ст. 5—7). Но это не есть обвиненіе плоти. Пока она сохраняетъ собственное свое значеніе, не бываетъ ничего несообразнаго; когда же мы позволяемъ ей все, и она, преступивъ свои предѣлы, возстанетъ на душу, тогда все губитъ и портитъ не по собственной своей природѣ, но вслѣдствіе неумѣренности и происходящаго изъ нея безпорядка. *А иже по духу, духовная. Мудрованіе бо плотское, смерть есть.* Не сказалъ: естество плоти или сущность тѣла, но—*мудрованіе плотское*, то, что можно исправить и уничтожить. А говоря это, онъ не приписываетъ плоти
516 собственнаго помышленія,—нѣтъ,—но указываетъ на болѣе грубое стремленіе ума, которому даетъ имя, заимствованное отъ худшей части человѣка, подобно тому какъ часто и цѣлаго человѣка вмѣстѣ съ душею обыкновенно называетъ плотію. *А мудрованіе духовное.* Опять и здѣсь говоритъ о духовномъ помышленіи, какъ и ниже пишетъ: *испытаяй же сердца, вѣсть, что есть мудрованіе духа* (Рим. VIII, 27), и показываетъ многочисленныя блага, проистекающія изъ него для настоящей и будущей жизни. Въ сравненіи со зломъ, какое производится плотскимъ мудрованіемъ, гораздо болѣе добра доставляетъ духовное мудрованіе, что (апостолъ) и выразилъ, сказавши: *животъ и миръ. Животъ*—въ противоположность прежде сказанному—*мудрованіе плоти смерть есть*, а *миръ*—въ противоположность сказанному послѣ, потому что, сказавши—*миръ*, присовокупилъ: *зане мудрованіе плотское вражда на Бога*, что хуже смерти. Потомъ показывая, почему плотское мудрованіе есть смерть и вражда, говоритъ: *закону бо Божію не покаряется, ниже бо можетъ.* Но не смущайся, слыша: *ниже бо можетъ*, такъ какъ это затрудненіе легко разрѣшить. Подъ именемъ плотского мудрованія (апостолъ) разумѣетъ здѣсь помыслъ земной, грубый, пристрастный къ житейскому и къ худымъ дѣламъ, о которомъ говоритъ, что онъ не можетъ покориться Богу. Какая же надежда на спасеніе, если, будучи злымъ, невозможно сдѣлаться добрымъ? Но не это говоритъ (апостолъ), иначе какъ же самъ Павелъ сдѣлался столь великимъ? Какъ—разбойникъ? Какъ—Манассія? Какъ—ниневитяне? Какъ возсталъ Давидъ послѣ своего паденія? Какъ пришелъ въ себя Петръ, отрекшійся (отъ Христа)? Какъ блудный сынъ былъ причисленъ къ стаду Хри-

стову? Какъ возвратили себѣ прежнее блаженство галаты, утратившіе благодать? Итакъ, (апостолъ) не то говоритъ, что худому невозможно сдѣлаться добрымъ, но то, что невозможно, оставаясь порочнымъ, покориться Богу; а кто перемѣняется, тому, конечно, легко сдѣлаться добрымъ и покориться Богу. Онъ не сказалъ, что человѣкъ не можетъ покориться Богу, но говоритъ, что худой поступокъ не можетъ быть добрымъ; это тоже значитъ, что сказать: блудодѣяніе не можетъ быть цѣломудріемъ, а порокъ—добродѣтелью. Такъ, когда (Христосъ) говоритъ въ евангеліи: *не можетъ древо зло плоды добры творити* (Мѳ. VII, 18), то Онъ не отрицаетъ этимъ возможности перехода отъ порока къ добродѣтели, а говоритъ только, что пребываніе въ порокѣ не можетъ приносить добрыхъ плодовъ. Онъ не сказалъ, что худое дерево не можетъ сдѣлаться хорошимъ, а говоритъ, что, оставаясь худымъ, оно не можетъ приносить добрыхъ плодовъ. А что худое можетъ измѣниться, это (Христосъ) показалъ и здѣсь, и въ другой притчѣ, когда говорилъ о плевелахъ, сдѣлавшихся пшеницею, почему и запрещаетъ ихъ выдергивать, *да не когда восторгающе плевелы*, какъ сказалъ Онъ, *восторгнете купно съ ними и пшеницу* (Мѳ. XIII, 29), то есть ту, которая изъ нихъ будетъ. Итакъ, (апостолъ) плотскимъ мудрованіемъ называетъ порокъ, а духовнымъ мудрованіемъ данную благодать и дѣятельность, одобряемую благою волей, и разсуждаетъ здѣсь вовсе не о существѣ и природѣ, а о добродѣтели и о порокѣ. Чего не могъ ты сдѣлать находясь подъ закономъ, говоритъ (апостолъ), то можешь сдѣлать нынѣ,—можешь ходить прямо и правильно, если получишь помощь отъ Духа. Недостаточно вѣдь еще не ходить по плоти, но должно ходить по духу, потому что для нашего спасенія нужно не только уклоняться отъ зла, но и дѣлать добро. А это будетъ, если мы душу предадимъ духу, а плоть убѣдимъ познавать свое положеніе. Такимъ образомъ мы и ее сдѣлаемъ духовною, равно какъ, если станемъ предаваться безпечности, сдѣлаемъ душу плотскою.

7. Такъ какъ даръ сообщенъ не по естественной необходи- 517
мости, но врученъ по свободному произволенію, то отъ тебя уже зависитъ сдѣлаться тѣмъ или другимъ. (Христосъ) совершилъ все, что Отъ Него зависѣло: грѣхъ не противовоюетъ закону ума нашего и не плѣняетъ насъ, какъ прежде, но все это миновало и исчезло, страсти скрылись, страшась и трепеща благодати Духа. Если же ты погашаешь свѣтъ, сталкиваешь возницу и изгоняешь кормчаго, то самому себѣ приписывай причину обуреванія волнами. А что теперь добродѣтель сдѣлалась болѣе исполнимой, потому и стремленіе къ любомудрію увеличилось, ты можешь

видѣть изъ того, въ какомъ состояніи находился родъ человѣческій, когда господствовалъ законъ, и въ какомъ находится нынѣ, когда возсіяла благодать. Что прежде казалось ни для кого невозможнымъ, какъ-то: дѣвство, презрѣніе смерти и другихъ очень многочисленныхъ страданій, то нынѣ съ успѣхомъ исполняется повсюду въ мірѣ. Не только у насъ, но и у скиѳовъ, ѳракіянъ, индійцевъ, персовъ и у другихъ варварскихъ народовъ есть лики дѣвъ, сонмы мучениковъ, общины монаховъ и монахинь, и притомъ въ большемъ числѣ, чѣмъ живущихъ въ брачномъ союзѣ, вездѣ ревностное исполненіе поста, обиліе нищеты, а жившіе подъ закономъ, кромѣ одного или двухъ примѣровъ, не могли и во снѣ того себѣ представить. Итакъ, видя истину событій, взывающую громогласнѣе трубы, не предавайся изнѣженности и не теряй столь великой благодати. Безпечному, и по принятіи вѣры, невозможно спастись. Подвиги сдѣлались легкими для того, чтобы ты, совершая борьбу, побѣждалъ, а не для того, чтобы дремалъ и величіемъ благодати воспользовался какъ предлогомъ къ нерадѣнію, опять погрузившись въ прежнюю тину грѣховъ. Потому (апостолъ) и присовокупляетъ: *сущіи же во плоти, Богу угодити не могутъ* (ст. 8). Итакъ, что же? Неужели, скажутъ, мы будемъ отсѣкать тѣло и станемъ разлучаться съ плотію, чтобы угодить Богу? Неужели ты, ведя насъ къ добродѣтели, повелѣваешь намъ быть самоубійцами? Видишь ли, сколько раждается несообразностей, если сказанное (апостоломъ) мы станемъ понимать буквально? Подъ именемъ плоти Павелъ и здѣсь разумѣетъ не тѣло, не сущность тѣла, а плотскую и мірскую жизнь, исполненную роскоши и распутства, которая цѣлаго человѣка дѣлаетъ плотію. Какъ окрыляемые духомъ дѣлаютъ и самое тѣло духовнымъ, такъ и удаляющіеся духа, служащіе чреву и удовольствіямъ, дѣлаютъ самую душу плотію, не измѣняя ея сущности, но губя ея благородство. Такой образъ выраженія часто встрѣчается и въ ветхомъ завѣтѣ и означаетъ, подъ именемъ плоти, грубую и нечистую жизнь, исполненную гнусныхъ удовольствій. Такъ и Ною было сказано: *не имать духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. VI, 3). Хотя и самъ Ной облеченъ былъ плотію, но быть облеченнымъ плотію не составляло вины, такъ какъ это было естественно; преступно же возлюбить плотскую жизнь. Потому Павелъ говоритъ: *сущіи же во плоти, Богу угодити не могутъ*, и продолжаетъ: *вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ* (ст. 9). И здѣсь опять разумѣетъ не просто плоть, но такую плоть, которую увлекаютъ страсти и предаютъ мученію. Для чего же, спросишь, не сказалъ онъ именно такъ и не указалъ такого различія? Чтобы ободрить

слушателя и показать, что не въ тѣлѣ будетъ жить тотъ, кто истинно живетъ. Такъ какъ всякому извѣстно, что пребываніе 518
во грѣхѣ не свойственно духовному, то (апостолъ) указываетъ нѣчто большее, говоря, что духовный человѣкъ не только не пребываетъ во грѣхѣ, но даже и не во плоти,—еще здѣсь дѣлается ангеломъ, возносится на небо и просто носитъ только тѣло. Если же ты осуждаешь плоть за то, что (апостолъ) по имени ея называетъ жизнь плотскою, то такимъ образомъ будешь осуждать и міръ, потому что по имени его часто называется порочная жизнь, какъ и Христосъ говорилъ ученикамъ: *вы отъ міра нѣсте* (Іоан. XV, 19); и опять братіямъ Своимъ говорилъ: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ, Мене же ненавидитъ* (Іоан. VII, 7). И душу въ такомъ случаѣ придется назвать отчужденною отъ Бога, потому что (апостолъ) живущихъ въ заблужденіи наименовалъ душевными. Но не такъ это,—нѣтъ. Вездѣ необходимо обращать вниманіе не просто на выраженія, но на мысль говорящаго, и нужно въ точности понимать различіе сказаннаго. Одно—добро, другое—зло, иное же—среднее; напримѣръ, душа или плоть есть нѣчто среднее и можетъ сдѣлаться какъ тѣмъ, такъ и другимъ. А духъ всегда благъ и никогда не дѣлается чѣмъ-либо инымъ. Опять, плотское мудрованіе, то есть, порочное дѣйствіе, всегда зло, такъ какъ не покоряется закону Божію. Итакъ, если ты отдашь душу и тѣло лучшему, то и самъ будешь принадлежать къ той же сторонѣ, а если отдашь худшему, сдѣлаешься участникомъ гибели, происходящей отсюда, не по природѣ души или плоти, но по настроенію, имѣющему власть избирать то или другое. А что дѣйствительно это имѣетъ такое значеніе и въ сказанномъ нѣтъ осужденія плоти, мы изслѣдуемъ это точнѣе, опять обратившись къ тому же выраженію. *Вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ*, говоритъ.

8. Какъ это? Неужели они не были во плоти, но пребывали безтѣлесными? Какой же это можетъ имѣть смыслъ? Замѣчаешь ли, что онъ разумѣлъ плотскую жизнь? Для чего же не сказалъ: вы не во грѣхѣ пребываете? Чтобы ты узналъ, что Христосъ не только угасилъ мучительство грѣха, но и плоть сдѣлалъ болѣе легкою и духовною, не чрезъ измѣненіе ея природы, но посредствомъ большаго окрыленія ея. Какъ желѣзо отъ пребыванія въ огнѣ само дѣлается огнемъ, сохраняя собственную природу, такъ и у вѣрующихъ, имѣющихъ Духа, самая плоть перерождается въ ту же дѣятельность, дѣлаясь всецѣло духовною, во всемъ распинаемая и окрыляемая вмѣстѣ съ душею. Таково, напримѣръ, было тѣло говорящаго объ этомъ (апостола), почему оно презирало всякую роскошь и удовольствія, а увеселялось голодомъ, побо-

ями, узами и, терпя это, не скорбѣло. Свидѣтельствуя объ этомъ, (Павелъ) говорилъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея* (2 Кор. IV, 17): такъ было ему хорошо и такъ онъ пріучилъ плоть идти наравнѣ съ духомъ. *Понеже Духъ Божій живетъ въ васъ.* Слово — *понеже* (апостолъ) употребляетъ часто не для означенія сомнѣнія, но при полной увѣренности и вмѣсто „поелику", какъ напримѣръ говоря: *понеже праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ васъ* (2 Солун. I, 6); и въ другомъ мѣстѣ: *толика пострадасте туне, аще точію и туне* (Гал. III, 4). *Аще же кто Духа Христова не имать.* Апостолъ не сказалъ: если вы не имѣете, но непріятное отнесъ къ другимъ. *Сей нѣсть его* (ст. 9), говоритъ.

Аще же Христосъ въ васъ (ст. 10). Опять говоритъ, что Христосъ въ нихъ. О непріятномъ упомянулъ кратко и въ серединѣ, а о пріятномъ говоритъ и прежде, и послѣ, притомъ во многихъ словахъ, такъ что смягчаетъ первое. А говоря объ этомъ, онъ не называетъ
519 Духа Христомъ, — нѣтъ, но показываетъ, что имѣющій Духа не только принимаетъ имя Христа, но и имѣетъ въ себѣ самого Христа. Невозможно, чтобы Христосъ не находился тамъ, гдѣ присутствуетъ Духъ. Гдѣ находится одно изъ лицъ Троицы, тамъ присутствуетъ и вся Троица: Она сама въ Себѣ нераздѣлима и тѣснѣйшимъ образомъ соединена. Что же будетъ, спрашиваешь ты, если Христосъ въ васъ? *Плоть убо мертва грѣха ради, духъ же животъ правды ради* (ст. 10). Видишь ли, сколько бѣдствій возникаетъ отъ того, что не имѣемъ въ себѣ Духа Святого: смерть, вражда на Бога, невозможность угодить Его законамъ, невозможность принадлежать Христу, какъ должно, имѣть Его въ себѣ обитающимъ. Смотри также, сколько благъ бываетъ, если имѣемъ въ себѣ Духа: принадлежать Христу, имѣть въ себѣ самого Христа, соревновать ангеламъ. Это и значитъ—умертвить плоть, т. е. жить вѣчною жизнію, еще здѣсь на землѣ имѣть залогъ воскресенія и съ легкостью идти стезею добродѣтели. (Апостолъ) не сказалъ, что тѣло уже недѣятельно въ отношеніи грѣха, но—мертво для грѣха, чѣмъ и возвышаетъ легкость подвиговъ. Тотъ (кто имѣетъ Христа) увѣнчивается даже безъ дѣлъ и трудовъ. Потому (апостолъ) и присовокупилъ—*для грѣха,* чтобы ты понялъ, что Онъ разъ навсегда истребилъ порокъ, а не естество тѣла. Въ противномъ случаѣ было бы уничтожено многое такое, что можетъ быть полезно для души. Итакъ, не объ этомъ говоритъ (апостолъ), но онъ желаетъ, чтобы тѣло, живя и пребывая, было мертво. Когда наши тѣла, въ отношеніи тѣлесной дѣятельности, нисколько не отличаются отъ лежащихъ въ могилѣ, это и есть знакъ того, что имѣемъ въ себѣ Сына, что въ насъ пребываетъ Духъ. Но ты, услышавъ о смерти, не страшись, потому что имѣешь въ себѣ

дѣйствительную жизнь, за которою не будетъ слѣдовать никакая смерть. Такова жизнь Духа; она уже не покоряется смерти, но губитъ и истребляетъ смерть и сохраняетъ безсмертнымъ то, что получила. Потому (апостолъ), назвавъ тѣло мертвымъ, не сказалъ —Духъ живитъ, но наименовалъ его жизнію, давая тѣмъ разумѣть, что онъ можетъ дать жизнь и другимъ. Потомъ опять, привлекая слушателя, говоритъ о причинѣ и свидѣтельствѣ жизни: это есть праведность. Когда не бываетъ грѣха, не является и смерть, а когда нѣтъ смерти, бываетъ вѣчная жизнь. *Аще ли же Духъ воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, воздвигій Господа оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша живущимъ Духомъ его въ васъ* (ст. 11). Опять (апостолъ) начинаетъ говорить о воскресеніи, потому что надежда воскресенія особенно поощряетъ слушателя и укрѣпляетъ его примѣромъ Христовымъ. Не страшись, говоритъ, того, что ты облеченъ смертнымъ тѣломъ; имѣй въ себѣ Духа, и тѣло несомнѣнно воскреснетъ. Итакъ, что же? Развѣ не воскреснутъ тѣла, не имѣющія Духа? А какъ же всѣмъ должно предстать предъ судилище Христово? Какъ же будетъ достовѣрнымъ ученіе о гееннѣ? Вѣдь если неимѣющіе Духа не воскреснутъ, то нѣтъ и геенны. Итакъ, что значитъ сказанное (апостоломъ)? Всѣ воскреснутъ, но не всѣ въ жизнь, а одни—въ наказаніе, другіе же—въ жизнь. Потому не сказалъ: воскреситъ, но: *оживотворитъ*, что обозначаетъ больше, нежели воскресеніе, и даровано однимъ праведнымъ. Указывая же причину этой чести, онъ прибавилъ, говоря: *живущимъ Духомъ Его въ васъ*. Такимъ образомъ, если ты, живя здѣсь, утратишь благодать Духа и умрешь, не сохранивъ ее въ цѣлости, то безъ сомнѣнія погибнешь, хотя и воскреснешь. Подобно тому, какъ (Христосъ), видя, что въ тебѣ сіяетъ Духъ Его, не восхощетъ предать тебя нака- 520
занію, такъ, увидѣвъ, что Онъ въ тебѣ угасъ, не согласится ввести тебя въ брачный чертогъ, какъ и юродивыхъ дѣвъ. Итакъ, не позволяй тѣлу жить нынѣ, чтобы оно жило тогда; заставь его умереть, чтобы оно не умирало впослѣдствіи. Если оно останется живымъ, оно не будетъ жить, а если умретъ, будетъ тогда жить. Тоже будетъ и при всеобщемъ воскресеніи: тѣло сперва должно умереть и быть погребено, а потомъ сдѣлаться безсмертнымъ. Тоже совершилось и въ крещеніи: сперва человѣкъ распятъ и погребенъ, а потомъ воскресъ. Тоже было и съ Господнимъ тѣломъ: и оно было распято и погребено, а потомъ воскресло.

9. Итакъ, станемъ и мы дѣлать это, будемъ непрестанно умерщвлять тѣло въ дѣлахъ его. Я говорю это не о сущности тѣла,—да не будетъ,—а о склонностяхъ къ порочнымъ дѣламъ. Не терпѣть ничего человѣческаго и не служить удовольствіямъ

—въ этомъ тоже состоитъ жизнь, а лучше сказать, это и есть единственная жизнь. А тотъ, кто покорился удовольствіямъ, не можетъ уже и жить, вслѣдствіе возникающихъ отсюда безпокойствъ, страховъ, опасностей и безчисленнаго роя страстей. Придетъ ли ему мысль о смерти, онъ уже прежде смерти умеръ отъ страха; представится ли ему въ умѣ болѣзнь, обида, бѣдность или что-нибунь другое изъ неожиданнаго, онъ уже погибъ и уничтоженъ. Что можетъ быть несчастнѣе такой жизни? Но не таковъ живущій Духомъ: онъ стоитъ выше и страховъ, и скорби, и опасностей, и всякой перемѣны, потому что ничего не терпитъ, но,—что гораздо важнѣе,—презираетъ все, что бы ни случилось. Какъ же это бываетъ? Если Духъ постоянно живетъ въ насъ, какъ и (апостолъ) не просто сказалъ, чтобы Духъ на короткое только время пребывалъ въ насъ, но всегда жилъ, вслѣдствіе чего и не сказалъ: Духъ жившій, но *живущій*, означая тѣмъ постоянное пребываніе. Итакъ умершій для жизни есть преимущественно таковой (живущій Духомъ). По этой причинѣ (апостолъ) и сказалъ: *духъ живетъ правды ради*. А чтобы сказанное было яснѣе, представимъ себѣ двоихъ людей—одного преданнаго роскоши, удовольствіямъ и житейской прелести, а другого умершаго для всего этого, и посмотримъ, кто изъ нихъ больше живетъ. Пусть одинъ изъ этихъ двоихъ будетъ весьма богатъ и знатенъ, кормитъ тунеядцевъ и льстецовъ, пируетъ и упивается и проводитъ въ этомъ цѣлые дни; а другой, живя въ нищетѣ, постѣ, въ прочемъ суровомъ житіи и любомудріи, только къ вечеру принимаетъ необходимую пищу, или, если хочешь, не ѣстъ по два и по три дня. Кто же у насъ изъ этихъ двоихъ преимущественно живетъ? Хорошо знаю, что многіе укажутъ на того, который веселится и расточаетъ свои имущества, а мы называемъ того, который удовлетворяется умѣренностью. Если же возникаетъ еще споръ и противорѣчіе, то войдемъ въ жилище каждаго, и именно во время самаго веселія, когда богачъ, по твоему мнѣнію, живетъ въ полномъ смыслѣ, и, вошедши, посмотримъ, въ какомъ состояніи каждый изъ нихъ находится: изъ дѣлъ ихъ видно будетъ, кто живъ и кто мертвъ. Итакъ, одного найдемъ за книгами, въ молитвѣ и въ постѣ или бодрствующимъ за какимъ-либо другимъ необходимымъ дѣломъ, трезвящимся и бесѣдующимъ съ Богомъ; а другого найдемъ погруженнымъ въ пьянство и въ состояніи нисколько не лучше мертваго; если же подождемъ до вечера, то увидимъ, что онъ еще больше бываетъ
521 объятъ смертію и въ такомъ состояніи застаетъ его сонъ, между тѣмъ какъ первый проводитъ ночь безъ сна и бодрствуетъ. Итакъ, о которомъ мы можемъ сказать, что онъ преимущественно жи-

веть, о томъ ли, который лежитъ въ безчувственномъ состояніи и служитъ для всѣхъ предметовъ смѣха, или о томъ, кто трудится и бесѣдуетъ съ Богомъ? Если ты подойдешь къ первому и спросишь о чемъ-нибудь необходимомъ, то не услышишь ни слова, какъ отъ мертваго; а если пожелаешь побесѣдовать со вторымъ, хотя бы и ночью, или днемъ, то увидишь, что онъ походитъ болѣе на ангела, нежели на человѣка, и услышишь, какъ онъ любомудрствуетъ о небесныхъ предметахъ. Видишь ли ты, что одинъ живетъ выше всѣхъ живущихъ, а другой лежитъ въ состояніи, которое хуже состоянія умершихъ. Послѣдній, если и примется за какое-нибудь дѣло, видитъ одно вмѣсто другого и подобенъ безумнымъ, а лучше сказать—несчастнѣе и этихъ. Если кто-нибудь обидитъ помѣшаннаго въ умѣ, то всѣ мы чувствуемъ состраданіе къ обиженному и порицаемъ обидчика; а если увидимъ, что кто-нибудь издѣвается надъ такимъ человѣкомъ, то не только не чувствуемъ къ нему жалости, но и осуждаемъ самого лежащаго. И, скажи мнѣ, это ли жизнь? Не хуже ли она безчисленныхъ смертей? Видишь ли ты, что предающійся удовольствіямъ не только мертвъ, но даже хуже мертвеца и несчастнѣе сумасшедшаго? Одинъ возбуждаетъ къ себѣ жалость, а другой ненависть, одинъ получаетъ прощеніе, а другой подвергается наказанію за то именно, чѣмъ и болѣетъ. Если же и по наружности такъ смѣшенъ человѣкъ, у котораго течетъ гнилая слюна и отъ котораго дурно пахнетъ виномъ, то представь, каково положеніе несчастной души, погребенной въ такомъ тѣлѣ, какъ въ гробѣ. Видѣть это—то же самое, какъ если бы кто-нибудь далъ полную власть служанкѣ варварскаго происхожденія, безобразной и безстыдной, издѣваться и оскорблять дѣвицу скромную, благоразумную, свободную, благороднаго происхожденія и прекрасную. Таково пьянство.

10. Кто изъ имѣющихъ умъ не предпочелъ бы лучше тысячу разъ умереть, чѣмъ прожить такимъ образомъ одинъ день? На слѣдующій день послѣ такого смѣшного препровожденія времени человѣкъ повидимому встаетъ и трезвымъ, однако и тогда не имѣетъ совершеннаго цѣломудрія, такъ какъ его глаза подернуты еще туманомъ послѣ бури пьянства. Положимъ даже, что онъ и совершенно трезвъ: какая отъ этого польза? Трезвость его непригодна ни къ чему иному, какъ только замѣтить порицателей его. Пока онъ былъ въ безобразномъ положеніи, то имѣлъ ту выгоду, что не чувствовалъ насмѣшекъ, а съ наступленіемъ дня лишается и этого утѣшенія, потому что самъ замѣчаетъ, какъ слуги перешептываются, жена краснѣетъ отъ стыда, друзья осуждаютъ и враги насмѣхаются. Что можетъ быть печальнѣе

такой жизни—въ теченіе дня служить посмѣшищемъ для всѣхъ, а вечеромъ опять приводить себя въ то же безобразное положеніе? Но что? Ты желаешь, чтобы я представилъ тебѣ въ примѣръ лихоимца? И лихоимство есть пьянство своего рода, даже болѣе непріятное; а если оно есть пьянство, то, безъ сомнѣнія, есть и смерть, притомъ гораздо хуже той смерти, такъ какъ и самое опьяненіе сильнѣе. Не такъ гибельно упиться виномъ, какъ страстью къ деньгамъ; тамъ вредъ ограничивается болѣзнію и оканчивается безчувственностью и гибелью самого упившагося, а здѣсь простирается на тысячи душъ, всюду возбуждая различныя нападенія. Итакъ, противопоставимъ одно другому, посмотримъ, что у нихъ общаго и въ чемъ одинъ превосходитъ другого, и сдѣлаемъ сейчасъ сравненіе обоихъ упившихся. Вѣдь съ тѣмъ блаженнымъ, живущихъ по Духу, ихъ нельзя и сравнивать, а можно только разсматривать въ отношеніи другъ къ другу.
522 Итакъ, представимъ еще разъ трапезу, за которой тысячи убійствъ. Что между ними общаго и въ чемъ они походятъ одинъ на другого? Въ самомъ характерѣ болѣзни: хотя видъ пьянства различенъ, такъ какъ одно производится виномъ, а другое деньгами, но страсть одинакова, потому что они оба одинаково одержимы безумной похотью. Какъ упивающійся виномъ, чѣмъ больше выпьетъ чашъ, тѣмъ больше ихъ желаетъ, такъ и любящій деньги, чѣмъ больше пріобрѣтаетъ, тѣмъ сильнѣе разжигаетъ пламя страсти и тѣмъ большею томится жаждою. Въ этомъ они имѣютъ сходство между собою, а въ другомъ сребролюбецъ, въ свою очередь, имѣетъ преимущество. Въ чемъ же именно? Въ томъ, что одинъ переноситъ нѣчто сообразное съ природою, потому что вино имѣетъ горячительное свойство и, усиливая врожденную сухость, такимъ образомъ производитъ у пьяныхъ жажду. А лихоимецъ вслѣдствіе чего постоянно желаетъ большаго? Отчего происходитъ, что когда онъ больше обогащается, тогда живетъ въ большей нищетѣ? Страсть эта неудобопонятна и походитъ больше на загадку. Но посмотримъ на нихъ, если угодно, когда опьяненіе ихъ прошло; впрочемъ сребролюца никогда и нельзя увидѣть по окончаніи пьянства: онъ всегда находится въ состояніи опьяненія. Итакъ, посмотримъ на нихъ обоихъ въ состояніи опьяненія, разберемъ, кто изъ нихъ смѣшнѣе, и изобразимъ ихъ самыми точными чертами. Представимъ себѣ человѣка, потерявшаго разсудокъ отъ вина, какъ онъ при наступленіи вечера смотритъ во всѣ глаза и никого не видитъ, какъ безцѣльно и безъ причины блуждаетъ кругомъ, натыкается на встрѣчающихся, изрыгаетъ, какъ онъ растрепанъ и обнаженъ до безстыдства, какъ жена, дочь, служанка

и всѣ много смѣются надъ нимъ. Выведемъ также на средину и сребролюбца. Здѣсь поступки достойны не только смѣха, но и проклятія, сильнаго гнѣва и безчисленныхъ громовъ. Впрочемъ, разсмотримъ пока одно смѣшное. И сребролюбецъ, подобно пьяному, никого не узнаетъ, ни друзей, ни недруговъ, также слѣпъ, хотя смотритъ во всѣ глаза, и какъ тотъ вездѣ видитъ вино, такъ этотъ вездѣ видитъ деньги. Изрыгаемое имъ гораздо гнуснѣе, потому что онъ извергаетъ изъ себя не пищу, но слова хулы, оскорбленій, вражды и смерти, привлекая тѣмъ на свою голову тысячи небесныхъ молній. Какъ у пьянаго тѣло бываетъ синее и разслабленное, такова же у сребролюбца душа, а лучше сказать, и самое тѣло у него не свободно отъ этой болѣзни, но подвержено ей въ большей степени, потому что хуже вина изъѣдаютъ и постепенно истощаютъ его заботы, гнѣвъ, безсонница. Одержимый пьянствомъ можетъ хотя ночью протрезвиться, а сребролюбецъ пьянъ постоянно, и днемъ и ночью, и въ бодрственномъ состояніи и во снѣ, подвергаясь наказанію больше всякаго узника и работающихъ въ рудникахъ, или даже другому болѣе тяжелому мученію.

11. Скажи же теперь—жизнь ли это, а не смерть ли, или—не хуже ли и всякой смерти? Смерть доставляетъ покой тѣлу, избавляетъ отъ насмѣшекъ, стыда и грѣховъ, а эти два рода пьянства ввергаютъ во все это; заграждаютъ слухъ, ослѣпляютъ глаза и держатъ разсудокъ въ большомъ мракѣ. Сребролюбецъ ни о чемъ не хочетъ ни слышать, ни говорить, какъ только о прибыли и ростѣ на прибыль, о безстыдныхъ барышахъ, о ненавистныхъ торговыхъ заведеніяхъ, о дѣлахъ приличныхъ рабамъ, а не свободному человѣку; какъ собака, онъ на всѣхъ лаетъ, всѣхъ ненавидитъ, отъ всѣхъ отвращается, противъ всѣхъ враждуетъ безъ 523
всякой къ тому причины, возстаетъ на бѣдныхъ, завидуетъ богатымъ, ни съ кѣмъ не водитъ дружбы. Если онъ имѣетъ жену, дѣтей и друзей и если изъ всего этого нельзя извлечь ему для себя выгоды, то они являются ему врагами болѣе злыми, чѣмъ враги дѣйствительные. Что можетъ быть хуже такого безумія? Что несчастнѣе того, когда человѣкъ самъ себѣ всюду устрояетъ утесы, подводные камни, стремнины, пучины и безчисленныя бездны, когда онъ имѣетъ одно только тѣло и служитъ одному чреву? Если тебя привлекаютъ къ общественнымъ дѣламъ, ты избѣгаешь этого, опасаясь большихъ издержекъ, а самъ на себя налагаешь тысячи дѣлъ, которыя гораздо труднѣе общественныхъ, совершаешь маммонѣ служенія, которыя не только болѣе убыточны, но и болѣе опасны, и приносишь этому злому мучителю не только деньги, тѣлесный трудъ, душевныя мученія и скорби,

но и самое тѣло свое, чтобы у тебя, жалкій и бѣдный человѣкъ, отъ этого варварскаго рабства что-нибудь прибавилось. А развѣ ты не видишь, сколько людей относится на кладбище каждый день, не видишь, что они идутъ въ могилу нагими и лишенными всего и не только не имѣютъ возможности взять ничего изъ своей собственности, но и то, чѣмъ прикрыты, должны уступить червямъ? Смотри же на нихъ ежедневно и, можетъ быть, это укротитъ твою страсть, если только, вслѣдствіе издержекъ на погребеніе, не будешь безумствовать еще больше: вѣдь страсть жестока, болѣзнь ужасна. Потому-то и мы въ каждое ваше собраніе бесѣдуемъ объ этомъ и постоянно оглашаемъ вашъ слухъ, чтобы хотя вслѣдствіе повторенія могъ получиться какой-нибудь успѣхъ. Но не возражайте: эта разновидная страсть готовитъ вамъ многія мученія не только въ будущій день, но и прежде
524 его. Стану ли говорить о тѣхъ, кто постоянно находится въ узахъ, или кто одержимъ долговременною болѣзнью, или борется съ голодомъ, или о комъ-либо другомъ,—ни о комъ не смогу сказать, что онъ терпитъ столько же, сколько сребролюбцы. Что можетъ быть ужаснѣе—для всѣхъ представляться ненавистнымъ и всѣхъ ненавидѣть, ни къ кому не относиться хорошо, никогда не быть сытымъ, всегда терпѣть жажду, непрестанно бороться съ голодомъ, который гораздо тяжелѣе обыкновеннаго, имѣть ежедневныя скорби, никогда не быть въ здоровомъ умѣ, постоянно находиться въ волненіи и тревогахъ? Все это и еще больше этого переносятъ сребролюбцы: въ случаѣ прибыли, хотя бы получили и владѣютъ всѣмъ, они не чувствуютъ никакого удовольствія, потому что желаютъ большаго, а въ случаѣ ущерба, хотя бы потеряли одинъ оболъ, они представляютъ себѣ, что ни съ кѣмъ не случалось большаго несчастія, какъ будто они потеряли и самую жизнь. Какое слово можетъ изобразить это зло? А если такова здѣшняя участь сребролюбца, то помысли, что ожидаетъ его по смерти: лишеніе царства, геенскія муки, вѣчныя узы, внѣшній мракъ, ядовитый червь, скрежетъ зубовъ, скорбь, тѣснота, огненныя рѣки, никогда неугасающая пещь. Собразивъ все это и сравнивъ съ удовольствіемъ отъ денегъ, исторгни съ корнемъ эту болѣзнь, чтобы, получивши истинное богатство и освободившись отъ ужасной этой нищеты, достигнуть тебѣ и настоящихъ и будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIV.

Тѣмже убо, братіе, должни есмы не плоти, еже по 523
плоти жити. Аще бо по плоти живете, имате умрети: аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете (VIII, 12, 13).

1. Показавъ, какова награда духовной жизни, которая вселяетъ въ насъ Христа, оживотворяетъ мертвенныя тѣла, окрыляетъ къ небу, дѣлаетъ стезю добродѣтели болѣе удобной,—(апостолъ) необходимо потомъ представляетъ увѣщаніе, говоря: итакъ, мы не должны жить по плоти. Впрочемъ, онъ не такъ сказалъ, а гораздо выразительнѣе и сильнѣе, говоря, что мы должники духу,—словами: *должни есмы не плоти* онъ именно на это указалъ. И всюду онъ это раскрываетъ, доказывая, что все, совершенное для насъ Богомъ, было не по долгу, а по одной только благодати, все же, происходящее послѣ этого отъ насъ, есть не даръ, а долгъ. На это онъ намекаетъ, когда говоритъ: *цѣною куплени есте, не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. VII, 23), и тоже самое показываетъ, когда пишетъ: *нѣсте свои* (1 Кор. VI, 19). И о томъ же самомъ упоминаетъ еще въ другомъ мѣстѣ, говоря: *яко, аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша*, и: *за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ* (2 Кор. V, 14, 15). Тоже подтверждаетъ и здѣсь словами: *должни есмы*. Потомъ, такъ какъ сказалъ: *должни есмы не плоти*, то, чтобы ты опять не отнесъ этого къ существу плоти, онъ не остановился на этомъ, но присовокупилъ: *еже по плоти жити*. Многое обязаны мы дѣлать и для плоти, питать ее, грѣть, покоить, лѣчить въ болѣзни, одѣвать и оказы- 524
вать ей множество другихъ услугъ. Итакъ, чтобы ты не подумалъ, что (апостолъ) запрещаетъ такое служеніе плоти, онъ, сказавъ *должни есмы не плоти*, поясняетъ это, говоря: *еже по плоти жити*. Запрещаю, говоритъ онъ, имѣть такое попеченіе о плоти, которое доводитъ до грѣха, а съ другой стороны желаю, чтобы были заботы и о ней, что онъ и разъяснилъ впослѣдствіи. А именно, сказавъ: *плоти угодія не творите*, не остановился на этомъ, но присовокупилъ: *въ похоти*. Тому же и здѣсь учитъ, говоря: пусть и плоть будетъ предметомъ попеченія, потому что мы должники ея въ этомъ, но, конечно, не станемъ жить по плоти, то есть, не станемъ дѣлать ее госпожею нашей жизни. Необходимо, чтобы она шла позади, а не впереди, чтобы она не управляла нашею жизнью, а принимала законы Духа. Итакъ, опредѣливъ это и подтвердивъ, что мы должники Духа, потомъ показывая, должниками какихъ благодѣяній мы состоимъ, (апо-

столъ) говоритъ не о прошедшемъ, но о будущемъ, въ чемъ и должно особенно дивиться его благоразумію. Хотя и прежнихъ благодѣяній было достаточно, но однако же онъ не представляетъ ихъ теперь и не говоритъ о неизреченныхъ тѣхъ милостяхъ, а указываетъ на будущія. Многихъ обыкновенно трогаетъ не столько оказанное уже прежде благодѣяніе, сколько ожидаемое и будущее. Намѣреваясь же (говорить о будущихъ благодѣяніяхъ, апостолъ) сперва устрашаетъ скорбными и худыми послѣд-
525 ствіями плотской жизни и говоритъ такъ: *аще бо по плоти живете, имате умрети*, разумѣя здѣсь смерть безсмертную, то есть, наказаніе и мученіе въ гееннѣ. Лучше же сказать, — если тщательно разсмотрѣть это, — живущій по плоти мертвъ даже и въ здѣшней жизни, какъ было уже вамъ объяснено нами въ предыдущей бесѣдѣ. *Аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете.* Замѣчаешь ли ты, что онъ говоритъ не о природѣ тѣла, но о плотскихъ дѣлахъ? Онъ не сказалъ: „если Духомъ умерщвляете тѣлесное естество, будете живы“, но — *дѣянія* и притомъ не всѣ, а порочныя: это ясно и изъ послѣдующаго, гдѣ онъ говоритъ: если сдѣлаете это, будете живы. Да и какъ это было бы возможно, если бы онъ говорилъ о всѣхъ дѣлахъ вообще? Вѣдь и видѣть, и слышать, и говорить, и ходить есть плотское дѣло и если станемъ умерщвлять такія дѣла, то настолько отрѣшимся отъ жизни, что подвергнемся обвиненію и въ самоубійствѣ. Итакъ, какія же дѣла (апостолъ) повелѣваетъ умерщвлять? Тѣ, которыя приводятъ къ пороку, клонятся ко злу, которыхъ не возможно умертвить иначе, какъ Духомъ. Убивши же другія дѣла, можно убить и себя самого, что не позволительно; а эти дѣла умерщвляются только Духомъ. Если Духъ является, всѣ волненія утихаютъ, всѣ страсти усмиряются и ничто не возстаетъ противъ насъ. Замѣтилъ ли ты, какъ (апостолъ) увѣщеваетъ насъ будущими благами (о чемъ я сказалъ выше) и доказываетъ, что мы должники не въ силу только сдѣланнаго уже для насъ? Благодѣяніе Духа, говоритъ онъ, состоитъ не только въ томъ, что Онъ отпустилъ намъ прежніе грѣхи, но и въ томъ, что содѣлываетъ насъ и въ будущемъ непобѣдимыми для грѣха и удостоиваетъ безсмертной жизни. Послѣ того, указывая на новую награду, присовокупилъ: *елицы бо Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи* (ст. 14).

2. Этотъ вѣнецъ гораздо важнѣе прежняго. Потому не просто сказалъ: всѣ живущіи Духомъ Божіимъ, но—*елицы Духомъ Божіимъ водятся*, чѣмъ выражаетъ свое желаніе, чтобы Духъ Божій былъ господиномъ нашей жизни, какъ кормчій управляетъ кораблемъ, или возница парою коней. Не на одно тѣло, но и на

душу (апостолъ) налагаетъ такую узду. Онъ не желаетъ, чтобы душа господствовала, но власть ея подчинилъ силѣ Духа. Чтобы (римляне), уповая на даръ крещенія, не пренебрегли послѣдующей своей жизнью, (апостолъ) говоритъ, что, хотя ты и принялъ крещеніе, однако, если послѣ этого не будешь водиться Духомъ, то утратишь дарованное тебѣ достоинство и право усыновленія. Потому не сказалъ—тѣ, которые приняли Духа, но—*елицы Духомъ Божіимъ водятся*, т. е. тѣ, которые такъ живутъ въ продолженіе цѣлой жизни, *сіи суть сынове Божіи*. А какъ это достоинство дано было и іудеямъ, потому что сказано: *Азъ рѣхъ, бози есте и сынове Вышняго вси* (Псал. LXXXI, 6), и еще: *сыны родихъ и возвысихъ* (Ис. I, 2), и опять: *сынъ мой первенецъ Израиль* (Исх. IV, 22), а также самъ Павелъ говоритъ: *ихже всыновленіе* (Рим. IV, 4), то онъ и раскрываетъ, какое существуетъ различіе между тою и другою честію. Хотя названія одни и тѣ же, говоритъ онъ, но дѣла не одни и тѣ же. И ясное доказательство этого представляетъ въ сравненіи и благоуспѣвшихъ, и сообщенныхъ даровъ, и будущихъ наградъ. И во-первыхъ, показываетъ, какіе дары сообщены были іудеямъ. Какіе же именно? Духъ рабства. Потому присовокупилъ: *не пріясте бо духа работы паки въ боязнь* (ст. 15). 526
Потомъ, не сказавши о противоположномъ рабству, то есть, духѣ свободы, указалъ на то, что гораздо важнѣе, — именно на духъ усыновленія, чрезъ который сообщается и духъ свободы, говоря: *но пріясте духа сыноположенія*. Понятно, что значитъ духъ усыновленія, но что такое духъ рабства, это не понятно, а потому необходимо это объяснить, тѣмъ болѣе, что сказанное (апостоломъ) не только не ясно, но даже совершенно невразумительно. Вѣдь народъ іудейскій не получилъ Духа,—о чемъ же говоритъ здѣсь (Павелъ)? Такъ онъ назвалъ письмена, потому что они были духовны, а равно и законъ духовенъ, и вода изъ камня, и манна: *вси бо*, говоритъ, *тождеже брашно духовное ядоша, и вси тождеже питье духовное пиша* (1 Кор. X, 3). И камень называетъ также духовнымъ, говоря: *піяху же отъ духовнаго послѣдующаго камене* (ст. 4). Такъ какъ всѣ эти дѣйствія были сверхъестественны, то (апостолъ) назвалъ ихъ духовными, хотя участвовавшіе тогда въ нихъ и не приняли Духа. Почему же ветхозавѣтныя письмена были письменами рабства? Разсмотри всю жизнь іудеевъ и тогда ясно узнаешь это. У нихъ и наказанія воздавались вскорѣ, и награда слѣдовала тотчасъ, будучи соразмѣрной и подобной какому-то ежедневному содержанію, выдаваемому слугамъ; повсюду предъ взоромъ ихъ предносился сильный страхъ, строго соблюдались тѣлесныя омовенія, до воздержанія въ поступкахъ включительно. У насъ же не такъ, но очищается помыслъ и совѣсть. (Христосъ)

не говоритъ только—не убивай, но и—не гнѣвайся, или не только—не прелюбодѣйствуй, но и—не смотри нечистымъ окомъ,—чтобы мы не изъ страха настоящаго наказанія, а изъ любви къ Нему пріобрѣтали навыкъ въ добродѣтели и успѣвали во всемъ прочемъ. (Богъ) не обѣщаетъ земли, текущей медомъ и молокомъ, но дѣлаетъ насъ сонаслѣдниками Единороднаго, всѣми мѣрами отклоняя насъ отъ настоящихъ благъ и обѣщая преимущественно даровать такія, какія свойственно получить сдѣлавшимся сынами Божіими; у насъ ничего нѣтъ чувственнаго, ничего тѣлеснаго, но все духовно. Іудеи, хотя и назывались сынами, но какъ рабы, а мы, какъ сдѣлавшіеся свободными, получили усыновленіе и ожидаемъ себѣ неба; съ іудеями (Богъ) бесѣдовалъ чрезъ другихъ, а съ нами самъ лично; іудеи все дѣлали, побуждаемые страхомъ наказанія, а духовные все дѣлаютъ по желанію и любви и доказываютъ это тѣмъ, что преуспѣваютъ сверхъ предписаннаго въ заповѣдяхъ. Іудеи, какъ наемники и неблагодарные, никогда не переставали роптать, а христіане угождаютъ Отцу; тѣ, будучи облагодѣтельствованы, богохульствовали, а мы и въ опасностяхъ благодаримъ. Хотя грѣшникамъ и теперь должно подвергнутся наказанію, но и въ этомъ большое различіе. Іудеевъ священники побивали камнями, сожигали и подвергали отсѣченію членовъ тѣла; равно и мы подлежимъ взысканію, но для насъ достаточно отлученія отъ Отчей трапезы и удаленія отъ созерцанія ея на опредѣленное число дней. Для іудеевъ усыновленіе было только честью наименованія, а у насъ за этимъ слѣдуетъ и дѣло—очищеніе посредствомъ крещенія, дарованіе Духа и ниспосланіе прочихъ благъ. Къ этому можно прибавить много и другихъ доказательствъ нашего благородства и ихъ незначительности. Апостолъ, все это обозначивъ словами—Духъ, страхъ и усыновленіе, представляетъ и другое доказательство того, что мы имѣемъ духа усыновленія. Какое же именно? *О Немже вопіемъ, Авва Отче.*

527 3. Насколько это важно—о томъ хорошо знаютъ просвѣщенные, такъ какъ имъ въ таинственной молитвѣ повелѣвается прежде всего произносить это изреченіе. Итакъ, что же? Развѣ іудеи не называли Бога Отцемъ? Не слышишь ли, что говоритъ Моисей: *Бога рождшаго тя оставилъ еси* (Втор. XXXII, 18)? Не слышишь ли, какъ Малахія укоряетъ и говоритъ: *не Богъ ли единъ созда насъ, не Отецъ ли единъ всѣмъ вамъ* (II, 10)? Но хотя бы были приведены и другія многія изреченія (Писанія), однако мы нигдѣ не найдемъ того, чтобы іудеи называли Бога именемъ Отца и молились Ему. У насъ же и священникамъ, и мірянамъ, и начальникамъ, и подчиненнымъ—всѣмъ повелѣно такъ молиться. И это

есть первое слово, которое мы произносимъ послѣ чудеснаго того рожденія и послѣ новаго и необычайнаго порядка вскормленія. Притомъ, если іудеи когда-нибудь называли Бога Отцемъ, то по собственному разумѣнію, а живущіе по благодати называютъ такъ, побуждаемые силою Духа. Какъ есть духъ мудрости, посредствомъ котораго немудрые сдѣлались мудрыми, что̀ и обнаружилось въ ученіи, какъ есть духъ силы, посредствомъ котораго немощные воскрешали мертвыхъ и изгоняли бѣсовъ, есть также духъ дара исцѣленій, духъ пророчества и духъ языковъ, такъ есть и духъ усыновленія. И какъ о духѣ пророчества мы знаемъ, что имѣющій его предсказываетъ будущее, изрекая не отъ своего ума, но движимый благодатію, такъ должно сказать и о духѣ усыновленія, что принявшій его именуетъ Бога Отцемъ, побуждаемый Духомъ. Апостолъ, желая показать истинное наше происхожденіе, употребилъ и еврейское выраженіе, онъ не сказалъ только—Отче, но—*Авва Отче*, какъ преимущественно законныя дѣти называютъ отца. Итакъ, сказавши о различіи въ жизни, въ дарованной благодати и свободѣ, (апостолъ) представляетъ и новое доказательство превосходства, получаемаго отъ этого усыновленія. Какое же именно? *Самый Духъ*, говоритъ онъ, *спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія* (ст. 16). Я утверждаю это, говоритъ онъ, не только на основаніи слова, но и на основаніи причины, порождающей слово, такъ какъ произношу это по внушенію Духа. Это (апостолъ) еще яснѣе выразилъ въ другомъ мѣстѣ, сказавши: *посла Богъ Духа Сына своего въ сердца наша, вопіюща: Авва Отче* (Гал. IV, 6). Что же значитъ—*Духъ спослушествуетъ духови?* Утѣшитель, говоритъ (апостолъ), свидѣтельствуетъ о сообщенномъ намъ дарованіи. Это—не только голосъ дарованія, но и голосъ Утѣшителя, подавшаго даръ; Онъ самъ посредствомъ дарованія научилъ насъ произносить это слово. А когда свидѣтельствуетъ Духъ, какое можетъ быть недоумѣніе? Если бы это обѣщалъ человѣкъ, или ангелъ, или архангелъ, или другая какая-нибудь подобная сила, то для нѣкоторыхъ сомнѣніе, пожалуй, было бы возможно, но когда высочайшее Существо и даровало это, и свидѣтельствуетъ намъ объ этомъ тѣмъ словомъ, которое повелѣно произносить въ молитвѣ, тогда кто можетъ сомнѣваться въ достоинствѣ? Когда царь кого-нибудь жалуетъ и предъ всѣми объявляетъ о его чести, то осмѣлится ли кто-нибудь изъ подданныхъ ему противорѣчить? *Аще же чада, и наслѣдницы* (ст. 17), продолжаетъ (апостолъ). Замѣчаешь ли, какъ онъ постепенно увеличиваетъ даръ? Такъ какъ можно быть дѣтьми и не сдѣлаться наслѣдниками (вѣдь не всѣ дѣти бываютъ наслѣдниками), то (апостолъ) присовокупляетъ еще: *и наслѣд-*

ницы. Іудеи, помимо того, что не были усыновлены, какъ мы, еще лишены были и наслѣдства: *злыхъ бо злѣ погубитъ, и виноградъ предастъ инымъ дѣлателемъ* (Мѳ. XXI, 41). А прежде того
528 (Христосъ) сказалъ: *яко мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, сынове же царствія изгнани будутъ вонъ* (Мѳ. VIII, 11, 12). Но (апостолъ) и на этомъ не останавливается, а прибавляетъ нѣчто большее. Что же именно? То, что мы наслѣдники Божіи, почему и присовокупилъ: *и наслѣдницы убо Богу.* И что еще важнѣе, не просто наслѣдники, но и *снаслѣдницы Христу.* Видишь ли, какъ (апостолъ) старается приблизить насъ ко Владыкѣ? Такъ какъ не всѣ дѣти бываютъ наслѣдниками, то онъ показываетъ, что мы и дѣти, и наслѣдники. Далѣе, такъ какъ не всѣ наслѣдники бываютъ наслѣдниками великихъ дѣяній, то онъ показываетъ, что мы и это имѣемъ, будучи наслѣдниками Бога. И опять, такъ какъ можно быть наслѣдникомъ Бога, но не сонаслѣдникомъ Единороднаго, то показываетъ, что мы и это имѣемъ. И замѣть мудрость (апостола): когда онъ говорилъ о томъ, что потерпятъ живущіе по плоти, онъ не распространился въ описаніи скорбей, а сказалъ только, что они умрутъ; а коснувшись обѣтованій, говоритъ гораздо обширнѣе, упоминаетъ о воздаяніи наградъ и перечисляетъ различные и великіе дары. Если и быть сыномъ—неизреченная благодать, то представь, насколько важно быть притомъ и наслѣдникомъ. А если это важно, то гораздо выше быть сонаслѣдникомъ. Потомъ, желая показать, что все это не есть даръ одной благодати, и вмѣстѣ придать болѣе достовѣрности словамъ своимъ, (апостолъ) присовокупилъ: *понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся.* Если мы, говоритъ (Павелъ), участвовали (со Христомъ) въ скорбяхъ, тѣмъ болѣе будемъ участвовать въ радостяхъ. Тотъ, кто одарилъ такими великими благами еще не оказавшихъ никакихъ заслугъ, не тѣмъ ли болѣе вознаградитъ ихъ, когда увидитъ, что они и потрудились и столько страдали?

4. Итакъ, доказавъ, что воздаяніе дѣйствительно существуетъ, апостолъ, чтобы рѣчь его получила достовѣрность и чтобы никто не сомнѣвался, снова доказываетъ, что оно имѣетъ также силу благодати,—отчасти для того, чтобы и сомнѣвающіеся повѣрили сказанному, и повѣрившіе не стыдились, будто бы они всегда спасаются по милости, отчасти для того, чтобы ты зналъ, сколько воздаянія Божіи превосходятъ труды твои. Первое онъ выразилъ, сказавъ: *понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся*, а относительно второго прибавилъ, говоря: *яко недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (ст. 18). Въ предыдущихъ словахъ (апостолъ) требуетъ ду-

ховнаго исправленія нравовъ, когда говоритъ: вы не должны жить по плоти, то есть должны удаляться похоти, гнѣва, сребролюбія, тщеславія, зависти; а теперь, послѣ того какъ напомнилъ вѣрующему о всемъ данномъ ему дарѣ, имѣющемъ значеніе и для будущаго, послѣ того какъ укрѣпилъ и возвысилъ его упованіями, поставилъ близъ Христа и объявилъ сонаслѣдникомъ Единороднаго, теперь смѣло выводитъ его на бѣдствія. Не одно вѣдь и тоже побѣждать страсти, въ насъ возникающія, и переносить внѣшнія искушенія—побои, голодъ, лишеніе имущества, заточенія, оковы, веденіе на казнь: для послѣдняго много нужно благородства души и бодрости. И замѣть, какъ (апостолъ) вмѣстѣ принижаетъ и возвышаетъ мудрованіе подвизающихся. Всякій разъ какъ онъ указываетъ на то, что награды выше трудовъ, онъ побуждаетъ къ большимъ трудамъ и не допускаетъ высоко о себѣ думать, какъ побѣждаемыхъ воздаяніемъ вѣнцовъ. И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея* 529
по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ (2 Кор. IV, 17). Эта рѣчь у него была къ болѣе любомудрымъ; здѣсь же онъ не признаетъ страданій легкими, а утѣшаетъ въ нихъ воздаяніемъ будущихъ благъ, говоря: *непщую бо, яко не достойны страсти нынѣшняго времени.* И не сказалъ: ничего не стоятъ въ сравненіи съ будущей радостью, но—что гораздо сильнѣе — въ сравненіи съ будущею славою. Гдѣ радость, тамъ не всегда бываетъ и слава, а гдѣ слава, тамъ, конечно, и радость. Потомъ, сказавъ, что слава есть будущая, доказываетъ, что она уже и существуетъ. Не сказалъ: въ сравненіи съ тою, которая будетъ, но: *хотящей явитися*, т. е. она и теперь есть, но скрыта, что яснѣе онъ выразилъ въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. III, 3). Итакъ, уповай на эту славу: она уже готова и ожидаетъ твоихъ трудовъ. Тебя печалитъ то, что она еще впереди, но это самое и должно радовать тебя, такъ какъ тамъ уготована слава великая, неизреченная и превосходящая настоящее твое состояніе. (Апостолъ) не безъ цѣли сказалъ: *страсти нынѣшняго времени*, но съ намѣреніемъ показать, что будущая слава превосходитъ настоящую, не только качествомъ, но и количествомъ. Нынѣшнія страданія, каковы бы они ни были, прекращаются съ настоящею жизнію, а будущія блага простираются на безконечные вѣка. И такъ какъ (апостолъ) не могъ подробно исчислить и изобразить ихъ словомъ, то наименовалъ ихъ славою, которая въ особенности представляется для насъ пріятною, потому что почитается вершиною и главою всѣхъ благъ. (Апостолъ) и другимъ способомъ ободряетъ слушателя и усиливаетъ рѣчь указаніемъ на твореніе, имѣя въ

виду въ слѣдующихъ словахъ двѣ цѣли: внушить презрѣніе къ настоящему и—желаніе будущаго; вмѣстѣ съ этимъ онъ имѣетъ и третью цѣль, которую правильнѣе назвать первою, именно показать, насколько любезнымъ является Богу человѣческій родъ и въ какой чести у Него естество наше. Кромѣ того, однимъ этимъ ученіемъ (апостолъ), какъ паутину и дѣтскія игрушки, ниспровергаетъ всѣ толки философовъ, составленные ими объ этомъ мірѣ. Но, чтобы это было болѣе ясно, выслушаемъ собственныя апостольскія слова. *Чаяніе бо твари*, говоритъ, *откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ. Суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи* (ст. 19, 20). (Апостолъ) говоритъ здѣсь о слѣдующемъ: тварь эта сильно мучится, чая и ожидая тѣхъ благъ, о которыхъ мы теперь сказали,—чаяніе и есть сильное ожиданіе. А чтобы рѣчь была выразительнѣе, (апостолъ) олицетворяетъ весь этотъ міръ, какъ дѣлаютъ и пророки, говоря, что рѣки рукоплещутъ, холмы скачутъ, горы прыгаютъ,—но не затѣмъ, чтобы мы считали ихъ одушевленными и приписывали имъ какой-нибудь помыслъ, но для того, чтобы мы заключали о преизбыткѣ благъ, простирающихся и на самыя безчувственныя твари.

5. Тоже самое (пророки) нерѣдко дѣлаютъ и при изображеніи чего-нибудь печальнаго, говоря, что виноградникъ плачетъ, вино, горы и своды въ храмахъ громко шумятъ,—чтобы мы опять поняли чрезмѣрность золъ. И апостолъ, подражая (пророкамъ), олицетворяетъ здѣсь твореніе и говоритъ, что оно стенаетъ и мучится, не потому, чтобы дѣйствительно онъ услышалъ стенаніе земли и неба, но съ цѣлью выразить изобиліе будущихъ благъ
530 и желаніе освобожденія отъ настоящихъ золъ. *Суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго.* Что значитъ—*суетѣ тварь повинуся?* Сдѣлалась тлѣнною. Для чего же и по какой причинѣ? По твоей винѣ, человѣкъ. Такъ какъ ты получилъ смертное и подверженное страданіямъ тѣло, то и земля подверглась проклятію, произрастила тернія и волчцы. А что и небо, обветшавшее вмѣстѣ съ землею, впослѣдствіи будетъ имѣть лучшій жребій, послушай, какъ говоритъ объ этомъ пророкъ: *въ началѣхъ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса. Та погибнутъ, Ты же пребываеши, и вся яко риза обетшаютъ и яко одежду свіеши я, и измѣнятся* (Псал. CI, 26, 27). И Исаія восклицаетъ: *воздвигните на небо очи ваша, и воззрите на землю долу, понеже небо яко дымъ утвердися, и земля яко риза обетшаетъ, живущіи же на земли яко сія изомрутъ* (Ис. LI, 6). Понялъ ли ты, какъ тварь послужила суетѣ и какъ она освобождается отъ тлѣнія? Одинъ говоритъ: *яко одежду свіеши я, и измѣнятся*, а Исаія говоритъ: *живущіи же на земли, яко сія изомрутъ*, указывая не

на совершенную гибель, такъ какъ живущіе на землѣ, то есть люди, подвергнутся не конечной, а временной гибели, отъ которой перейдутъ въ безсмертіе; также и тварь. Все это (пророкъ) и выразилъ словами: *яко сія изомрутъ*. Тоже самое говоритъ и Павелъ впослѣдствіи, а пока онъ разсуждаетъ о рабствѣ и показываетъ, отчего оно произошло, и причиною считаетъ насъ самихъ. Итакъ, что же? Неужели тварь, подвергаясь этому изъ-за другого, оскорблена? Нисколько, потому что она для меня и существуетъ. А если она существуетъ для меня, то какимъ образомъ она можетъ подвергаться обидѣ, какъ скоро переноситъ это для моего исправленія? Да и вообще, къ неодушевленному и безчувственному не слѣдуетъ и прилагать понятія о справедливомъ и несправедливомъ. Но Павелъ, послѣ того какъ олицетворилъ тварь, и не входитъ въ дальнѣйшія разсужденія по поводу сказаннаго, а спѣшитъ какъ можно болѣе утѣшить слушателя другою мыслію. Какою же именно? Что ты говоришь? разсуждаетъ онъ: неужели тварь чрезъ тебя потерпѣла зло и стала тлѣнною? Но ей не причинено этимъ никакой обиды, потому что чрезъ тебя же она опять будетъ нетлѣнною, какъ это и указано словомъ — *на упованіи*. Когда же говоритъ — *повинуся не волею*, то этими словами онъ вовсе не показываетъ, что тварь владѣетъ разумомъ, но вразумляетъ тебя, что все было дѣломъ попеченія Христова, а не ея заслуги. Дальше (апостолъ) говоритъ, въ какой надеждѣ (тварь покорилась суетѣ). *Яко и сама тварь свободится* (ст. 21). Что значитъ: *сама?* Не ты одинъ, но то, что ниже тебя, что не имѣетъ ни разума, ни чувства, — и то будетъ съ тобою участвовать въ благахъ. *Свободится*, говоритъ (апостолъ), *отъ работы истлѣнія*, то есть, не будетъ уже тлѣнною, но сдѣлается соотвѣтственною благообразію твоего тѣла. Какъ тварь сдѣлалась тлѣнною, когда тѣло твое стало тлѣннымъ, такъ и тогда, когда тѣло твое будетъ нетлѣннымъ, и тварь послѣдуетъ за нимъ и сдѣлается соотвѣтственною ему. Выражая это, (апостолъ) прибавилъ: *въ свободу славы чадъ Божіихъ*, то есть, посредствомъ свободы. Какъ кормилица, воспитавшая царскаго сына, когда онъ получитъ отеческую власть, наслаждается вмѣстѣ съ нимъ благами, такъ и тварь, по словамъ апостола. Видишь ли ты, что человѣкъ всюду бываетъ впереди и что все для него дѣлается? Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) утѣшаетъ подвизающагося и доказываетъ неизреченное Божіе человѣколюбіе? Зачѣмъ скорбишь по поводу искушеній? говоритъ онъ. Ты терпишь самъ за себя, а тварь за тебя терпитъ. И не только утѣшаетъ, но и доказываетъ достовѣрность сказаннаго имъ. Если надѣется тварь, кото- 531
рая изъ-за тебя стала тѣмъ, что она теперь, тѣмъ болѣе надѣйся

ты, чрезъ котораго тварь будетъ наслаждаться всѣми тѣми благами. И люди обыкновенно одѣваютъ слугъ въ лучшее платье ради чести сына, когда ему нужно показаться во всемъ своемъ достоинствѣ. Такъ и Богъ облекаетъ тварь нетлѣніемъ въ свободу славы чадъ. *Вѣмы бо, яко вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже до нынѣ* (ст. 22).

6. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) стыдитъ слушателя, говоря какъ бы такъ: не будь хуже твари и не прилѣпляйся къ настоящему. Тебѣ не только не должно прилѣпляться, но и нужно воздыхать по поводу замедленія въ твоемъ преселеніи отсюда. Если и тварь такъ дѣлаетъ, тѣмъ болѣе прилично это тебѣ, одаренному разумомъ. Но этого еще мало, чтобы пристыдить тебя, потому (апостолъ) присовокупилъ: *не точію же, но и сами начатокъ духа имуще, и мы сами въ себѣ воздыхаемъ* (ст. 23), то есть, какъ предвкусившіе уже будущихъ благъ. Хотя бы кто былъ и каменнымъ человѣкомъ, все же дарованнаго намъ уже достаточно, чтобы возбудить, отвлечь отъ настоящаго и сугубо окрылить къ будущему,—какъ тѣмъ, что дарованное велико, такъ и тѣмъ, что эти столь великіе и многіе дары только начатокъ. Если же начатокъ таковъ, что чрезъ него можно освободиться отъ грѣховъ и достигнуть праведности и освященія, а (апостолы) изгоняли бѣсовъ и своею тѣнію и одеждами воскрешали мертвыхъ, то представь, каковы всѣ будущія блага. И если воздыхаетъ тварь, которая лишена разума и дара слова и которая о всемъ этомъ не имѣетъ никакого познанія, то тѣмъ болѣе должны воздыхать мы. Но, чтобы еретики не имѣли повода думать, что (апостолъ) осуждаетъ все настоящее, онъ говоритъ далѣе: мы воздыхаемъ не потому, что осуждаемъ настоящее, но потому, что желаемъ большаго. Это самое выразилъ онъ словами: *всыновленія чающе*. Что ты говоришь, Павелъ? Почему ты постоянно обращаешься назадъ и впередъ, то восклицаешь, что мы стали уже сынами, то опять причисляешь это благо къ предметамъ надежды и пишешь, что намъ еще должно получить его? Итакъ, исправляя это послѣдующимъ, (апостолъ) прибавляетъ: *избавленія тѣлу нашему*, то есть, совершенной славы. Теперь участь наша, до послѣдняго нашего издыханія, находится въ тайнѣ, потому что многіе изъ сыновъ дѣлались потомъ псами и плѣнниками. А когда мы переселимся отсюда съ доброю надеждою, тогда даръ сдѣлается неотъемлемымъ, болѣе явнымъ и великимъ, тогда не будетъ и страха, что грѣхъ и смерть могутъ измѣнить его. Тогда только благодать сдѣлается безопасною, когда и тѣло наше освободится отъ смерти и безчисленныхъ страданій. Слово—*избавленіе* значитъ не простой выкупъ, но такой, послѣ котораго уже нельзя воз-

вратиться въ прежній плѣнъ. А чтобы ты не впадалъ въ недоумѣніе, непрестанно слыша о славѣ и не имѣя о ней яснаго понятія, (апостолъ) въ подробности раскрываетъ будущія блага, указывая на измѣненіе твоего тѣла и соотвѣтственно съ тѣмъ и всей твари. Это онъ яснѣе выразилъ въ другомъ мѣстѣ сказавъ: *иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы* (Филип. III, 21). И въ другомъ посланіи онъ пишетъ: *егда же смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда будетъ слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою* (1 Кор. XV, 54). А въ доказательство того, что вмѣстѣ съ разрушеніемъ тѣла послѣдуетъ измѣненіе въ состояніи и всѣхъ предметовъ, участвующихъ въ жизни, (апостолъ) написалъ въ другомъ мѣстѣ: *преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. VII, 31). *Упованіемъ бо спасохомся* (ст. 24), продолжаетъ онъ. Такъ какъ (апостолъ) доселѣ велъ рѣчь объ обѣтованіи будущихъ благъ, а для болѣе немощнаго слушателя казалось прискорбнымъ имѣть лишь надежду на благо, то онъ 532
сперва раскрылъ, что будущія блага гораздо достовѣрнѣе настоящихъ и видимыхъ, много бесѣдовалъ и о дарахъ уже сообщенныхъ и доказалъ, что мы получили начатокъ будущихъ благъ, а затѣмъ, чтобы мы не искали всего здѣсь и не погубили своего благородства, пріобрѣтеннаго чрезъ вѣру, говоритъ: *упованіемъ бо спасохомся*. Смыслъ этихъ словъ слѣдующій. Не нужно здѣсь всего искать, но нужно и надѣяться. Вѣдь мы и принесли Богу только одинъ тотъ даръ, что повѣрили Ему въ обѣтованіе будущихъ благъ, и только однимъ этимъ путемъ мы спаслись. Если мы потеряемъ этотъ путь, то погубимъ свое приношеніе. Спрашиваю тебя, говоритъ: не былъ ли ты виновенъ въ безчисленныхъ худыхъ дѣлахъ? Не погибшій ли ты человѣкъ? Не подлежишь ли ты приговору? Не всѣ ли оказались безсильными спасти тебя? Итакъ, что спасло тебя? Одна только надежда на Бога, одна вѣра въ то, что Онъ обѣщалъ и даровалъ: ты ничего большаго не могъ и принести въ даръ Богу. А если надежда спасла тебя, храни ее и теперь. Какъ скоро она доставила тебѣ столько благъ, то очевидно, что не обманетъ тебя и относительно будущаго. Если она, нашедши тебя мертвымъ, погибшимъ, плѣнникомъ и врагомъ, сдѣлала другомъ, сыномъ, свободнымъ, праведнымъ и сонаслѣдникомъ и доставила тебѣ столько благъ, сколько никто никогда не ожидалъ, то, послѣ столь великой щедрости и благосклонности, неужели она оставитъ тебя въ послѣдующихъ обстоятельствахъ? Итакъ, не говори мнѣ: опять надежды, опять ожиданія, опять вѣра. Такимъ образомъ ты спасся въ началѣ и этотъ единственный даръ ты принесъ жениху. Потому соблюдай его и храни. Если ты будешь требовать здѣсь

всего, то погубишь свою заслугу, при посредствѣ которой ты прославился. Вотъ почему (апостолъ) и присовокупляетъ: *упованіе же видимое нѣсть упованіе: еже бо видитъ кто, что и уповаетъ* (ст. 24)? *Аще ли, егоже не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ* (ст. 25), то есть, если всего будешь искать здѣсь, къ чему тогда и надежда? Что же такое надежда? Твердая увѣренность въ будущемъ. Большаго ли требуетъ отъ тебя Богъ, послѣ того какъ самъ Онъ даровалъ тебѣ всѣ Свои блага? Онъ требуетъ отъ тебя одного только—надежды, чтобы и ты самъ могъ сколько-нибудь содѣйствовать своему спасенію. На это именно и намекаетъ (апостолъ), говоря: *аще ли, егоже не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ*. Богъ вѣнчаетъ надѣющагося такъ же, какъ и того, кто трудится, бѣдствуетъ и переноситъ безчисленныя напасти. Слово—*терпѣніе* указываетъ на усиліе въ трудахъ и большое постоянство. Но однако Богъ и это даровалъ надѣющемуся, чтобы утѣшить утружденную душу.

7. Потомъ, доказывая, что и для этого легкаго труда мы пользуемся сильною помощью, (апостолъ) присовокупляетъ: *сице же и Духъ способствуетъ намъ въ немощехъ нашихъ* (ст. 26). Одно принадлежитъ тебѣ — именно терпѣніе, а другое есть дарованіе Духа, поощряющаго тебя къ надеждѣ и посредствомъ ея облегчающаго и труды твои. Потомъ, чтобы ты зналъ, что благодать не только сопутствуетъ тебѣ въ трудахъ и опасностяхъ, но и содѣйствуетъ въ самыхъ легкихъ, повидимому, дѣлахъ и во всемъ оказываетъ свою помощь, (апостолъ) присовокупилъ, говоря: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*. Этими словами (апостолъ) указываетъ на великое о насъ промышленіе Духа и научаетъ римлянъ не считать полезнымъ все то, что таковымъ представляется по человѣческому сужденію. Такъ какъ христіа-
533 намъ того времени, которыхъ били и изгоняли и которые терпѣли безчисленныя бѣдствія, естественно было искать покоя, считать его полезнымъ для себя и испрашивать у Бога такой благодати, то (апостолъ) говоритъ: не считайте для себя дѣйствительно полезнымъ того, что вамъ таковымъ представляется. Вѣдь и въ томъ, чтобы знать полезное для себя, мы имѣемъ нужду въ Божіей помощи: настолько человѣкъ слабъ и ничтоженъ самъ по себѣ. Потому (апостолъ) и сказалъ: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*. А чтобы ученикъ не стыдился невѣдѣнія, (апостолъ) открылъ, что и сами учители находятся въ невѣдѣніи. Онъ не сказалъ: вы не знаете, но: *не вѣмы*. И что онъ сказалъ это не изъ скромности, обнаружилъ въ другихъ обстоятельствахъ. Онъ непрестанно просилъ Бога въ молитвахъ своихъ о томъ, чтобы увидѣть Римъ, однако это исполнилось не вдругъ послѣ

его молитвы; также и о жалѣ, данномъ ему во плоти, то есть, о бѣдствіяхъ онъ часто молился, и вовсе не получилъ просимаго. Такъ и въ ветхомъ завѣтѣ не получили желаемаго Моисей, просившій увидѣть Палестину, Іеремія, молившійся за іудеевъ, Авраамъ, ходатайствовавшій за содомлянъ. *Но самъ духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными.* Сказанное неясно, вслѣдствіе того, что чудеса, которыя были тогда многочисленны, теперь прекратились. Потому необходимо сказать вамъ о тогдашнемъ состояніи, и такимъ образомъ рѣчь будетъ болѣе ясною. Каково же было тогдашнее состояніе? Всѣмъ тѣмъ, кто тогда принималъ крещеніе, Богъ сообщалъ различныя дарованія, которыя вообще назывались духомъ. *Дуси пророчестіи пророкомъ повинуются* (1 Кор. XIV, 32). Одинъ имѣлъ даръ пророчества и предсказывалъ будущее; другой — даръ мудрости и училъ народъ; иной—даръ врачеванія и исцѣлялъ больныхъ; иной—даръ силы и воскрешалъ мертвыхъ; иной—даръ языковъ и говорилъ на разныхъ нарѣчіяхъ. Кромѣ всѣхъ этихъ даровъ, былъ и даръ молитвы, который также назывался духомъ; кто имѣлъ этотъ даръ, тотъ молился за весь народъ. Такъ какъ мы, не зная многаго полезнаго для насъ, просимъ безполезнаго, то даръ молитвы нисходилъ на кого-нибудь одного изъ тогдашнихъ христіанъ, который одинъ за всѣхъ просилъ общеполезнаго для всей церкви и училъ другихъ молиться. Итакъ, (апостолъ) называетъ здѣсь духомъ какъ самый даръ, такъ и душу, которая получаетъ его, ходатайствуетъ предъ Богомъ и воздыхаетъ. Удостоенный такой благодати, вставъ съ великимъ сокрушеніемъ, съ сильными внутренними воздыханіями припадая къ Богу, просилъ о томъ, что полезно для всѣхъ. Теперь знаменіемъ этого служитъ діаконъ, который приноситъ молитвы за народъ. Указывая на это, Павелъ и говорилъ: *самъ духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными. Испытаяй же сердца* (ст. 27). Видишь ли, что идетъ рѣчь не объ Утѣшителѣ, а о духовномъ сердцѣ? Въ противномъ же случаѣ надлежало бы сказать: испытующій же Духа. Но чтобы ты понялъ, что говорится о духовномъ человѣкѣ, имѣющемъ даръ молитвы, апостолъ и присовокупилъ: *испытаяй же сердца вѣсть, что есть мудрованіе духа*, то есть, духовнаго человѣка. *Яко по Богу проповѣдуетъ о святыхъ.* Ходатайствуетъ не для того, разсуждаетъ (апостолъ), что Богу неизвѣстны наши нужды, но чтобы мы научились молиться о томъ, о чемъ нужно, и просить у Бога угоднаго Ему: это и значитъ—*по Богу*. Такимъ образомъ, это дѣлалось и для утѣшенія присутствующихъ, и для наилучшаго наставленія, такъ какъ Тотъ, Кто сообщаетъ дары и подаетъ безчисленныя блага, былъ Утѣшитель. *Вся же сія,* говоритъ (апо-

столъ), *дѣйствуетъ единъ и тойже Духъ* (1 Кор. XII, 11). И это бы-
534 ваетъ для нашего наученія и для того, чтобы явить любовь Духа, Который нисходитъ къ намъ до такой степени. Потому молящагося слушали всѣ, такъ какъ молитва совершалась по волѣ Божіей. Видишь ли, сколько уроковъ преподаетъ имъ (апостолъ) о любви Бога къ нимъ и о чести, имъ оказываемой.

8. Въ самомъ дѣлѣ, чего не сдѣлалъ для насъ Богъ? Для насъ Онъ создалъ міръ тлѣнный, для насъ и нетлѣнный; для насъ соизволилъ, чтобы пророки терпѣли напасти, для насъ послалъ въ плѣненіе, для насъ попустилъ впасть въ пещь и претерпѣть безчисленныя страданія. Для насъ самихъ создалъ пророковъ, для насъ—и апостоловъ; для насъ предалъ Единороднаго, для насъ наказываетъ діавола, насъ посадилъ одесную, за насъ терпѣлъ поруганія, потому что говоритъ: *поношенія поносящихъ ти нападоша на Мя* (Псал. LXVIII, 10). Но однако, если мы и послѣ этого отступаемъ отъ Него, Онъ не оставляетъ насъ, но опять призываетъ и располагаетъ другихъ просить за насъ, чтобы даровать намъ благодать Свою, какъ и было при Моисеѣ, которому Богъ сказалъ: *остави Мя, и потреблю ихъ* (Исх. XXXII, 10), чтобы тѣмъ побудить его ходатайствовать за іудеевъ; и теперь Онъ дѣлаетъ тоже самое, почему и сообщаетъ даръ молитвы. (Богъ) дѣлалъ это не потому, что самъ нуждается въ нашей молитвѣ, но для того, чтобы мы, спасаясь безъ молитвъ, не сдѣлались худшими. По этой, конечно, причинѣ Онъ неоднократно говоритъ, что примиряется съ іудеями для Давида, для того или другого, дѣлая опять и это съ тою цѣлью, чтобы примиренію дать видъ законности, хотя Онъ болѣе показывалъ бы Себя человѣколюбивымъ, если бы говорилъ, что прекращаетъ гнѣвъ Свой на іудеевъ самъ по Себѣ, а не для того или другого. Но (Богъ) не столько объ этомъ заботился, сколько о томъ, чтобы самая причина примиренія не послужила для спасаемыхъ поводомъ къ безпечности. Такъ, сказавъ Іереміи: *не молися о людехъ сихъ, не услышу бо тебя* (Іер. XI, 14), Онъ желалъ не того, чтобы (пророкъ) пересталъ молиться (вѣдь Богъ весьма желаетъ нашего спасенія), но чтобы устрашить іудеевъ; потому пророкъ, узнавши это, не пересталъ молиться. А чтобы тебѣ убѣдиться, что это сказано съ намѣреніемъ пристыдить (іудеевъ), а не (пророка) отклонить отъ молитвы, послушай, что говоритъ (Богъ): развѣ не видишь, что дѣлаютъ они? И когда говоритъ городу (Іерусалиму): *аще умыешися нитромъ, и умножиши себѣ травы бориовы, порочень еси предо Мною* (Іер. II, 22), то не въ отчаяніе хочетъ ввергнуть, но побудить къ покаянію. Какъ ниневитянъ Онъ устрашилъ и расположилъ къ покаянію больше всего тѣмъ, что изрекъ о нихъ

неопредѣленный приговоръ и не подалъ имъ доброй надежды, такъ поступаетъ и здѣсь, возбуждая (іудеевъ) и внушая имъ почтеніе къ пророку, чтобы хотя такимъ путемъ послушали его. А такъ какъ они пребывали въ неисцѣлимой болѣзни и нисколько не вразумились тѣмъ, что другіе были отведены въ плѣнъ, то (Богъ) сперва увѣщеваетъ ихъ остаться тамъ, а когда они не выдержали этого и стали убѣгать въ Египетъ, то (Богъ) попустилъ это, но требовалъ отъ нихъ, чтобы они не предавались египетскому нечестію. Когда же они и въ этомъ не послушались, Онъ посылаетъ къ нимъ пророка, чтобы не развратились совершенно. И такъ какъ они не пошли на зовъ Его, Онъ самъ идетъ за ними, исправляетъ ихъ, удерживаетъ ихъ отъ большаго нечестія и постоянно сопутствуетъ и слѣдуетъ за ними, какъ нѣжно любящій отецъ за сыномъ, во всемъ терпящемъ неудачи. Для этого (Богъ) посылалъ не только Іеремію въ Египетъ, но и Іезекіиля въ 535
Вавилонъ. Пророки не противились этому, потому что знали, какъ много Владыка любитъ іудеевъ, даже охотно дѣлали это, подобно благодарному рабу, который исполняется жалости къ безпутному сыну (своего господина), когда видитъ, что отецъ о немъ скорбитъ и сокрушается. И чего (пророки) не терпѣли отъ іудеевъ? Они были перепиливаемы пилою, гонимы, поносимы, подвергались безчисленнымъ напастямъ, и послѣ всего этого опять приходили къ нимъ. Самуилъ не переставалъ сокрушаться о Саулѣ, хотя жестоко былъ оскорбленъ имъ и понесъ нестерпимыя обиды; впрочемъ, онъ и не помнилъ ни объ одной изъ нихъ. Іеремія даже написалъ плачъ для іудейскаго народа; а когда персидскій военачальникъ далъ ему полную свободу безопасно жить, гдѣ хочетъ, то онъ предпочелъ терпѣть зло со своимъ народомъ и бѣдствовать на чужой сторонѣ, нежели пребывать въ отечествѣ. Такъ и Моисей, оставивъ царскій дворецъ и придворную жизнь, поспѣшилъ раздѣлить несчастія израильтянъ. Даніилъ въ теченіе двадцати шести дней не вкушалъ хлѣба и томилъ себя самымъ строгимъ постомъ, чтобы умилостивить Бога къ іудеямъ. Три отрока, находясь въ пещи и въ сильномъ огнѣ, возносили усердныя молитвы объ іудеяхъ, а о себѣ не сокрушались, потому что были невредимы; и такъ какъ надѣялись тогда имѣть особенное дерзновеніе, то и молились о нихъ, говоря: *душею сокрушенною и духомъ смиреннымъ да пріяты будемъ* (Дан. III, 39). Ради нихъ Іисусъ Навинъ растерзалъ ризы свои, ради нихъ Іезекіиль проливалъ слезы и сѣтовалъ, видя, что ихъ убивали, а Іеремія говорилъ: *оставите мене, да горцѣ восплачуся* (Ис. XXII, 4). А прежде того, не осмѣливаясь ходатайствовать о совершенномъ прекращеніи бѣдствій, спрашивалъ, когда они окончатся, говоря:

доколѣ Господи? Такъ былъ исполненъ любви весь сонмъ святыхъ мужей. Потому и Павелъ говорилъ: *облецытеся убо, якоже избранніи Божіи святи, во утробы щедротъ, благость, смиреномудріе* (Кол. ııı, 12).

9. Замѣчаешь ли всю выразительность словъ, а также то, какъ (апостолъ) хочетъ, чтобы мы постоянно были милостивы? Не сказалъ просто--будьте милосерды, но—*облецытеся*, давая тѣмъ знать, что милосердіе, подобно одеждѣ, всегда должно быть при насъ. Не сказалъ также просто—облекитесь въ милосердіе, но—*во утробы щедротъ*, чтобы мы подражали естественному чувству нѣжной любви. Но мы поступаемъ напротивъ. Если кто-нибудь подойдетъ съ просьбой о самой малой монетѣ, то мы укоряемъ его, поносимъ, называемъ обманщикомъ. И ты не содрогаешься, человѣкъ, ты не стыдишься того, что за кусокъ хлѣба называешь обманщикомъ? Если онъ и притворяется, то по одному тому заслуживаетъ сожалѣнія, что до такой степени мучится голодомъ, что вынужденъ принимать на себя такую личину. И это—доказательство нашей жестокости. Такъ какъ мы нелегко подаемъ добровольно, то бѣдные поневолѣ должны выдумывать безчисленныя хитрости, чтобы обмануть наше безчеловѣчіе и смягчить жестокость. Иное дѣло, если бы онъ просилъ у тебя серебряной или золотой монеты,—тогда ты имѣлъ бы основаніе подозрѣвать; если же онъ подходитъ къ тебѣ за необходимымъ пропитаніемъ, то зачѣмъ тебѣ безъ нужды любомудрствовать и съ излишнею точностью изслѣдовать, обвиняя его въ бездѣйствіи и лѣности? Если нужно говорить объ этомъ, то не другихъ, а насъ самихъ слѣдуетъ укорять. Потому, когда приходишь къ Богу просить помилованія во грѣхахъ, вспомни объ этихъ словахъ и ты поймешь, что справедливѣе тебѣ самому слышать ихъ отъ Бога, не-
536 жели нищему отъ тебя. И однако Богъ никогда не говорилъ тебѣ такихъ словъ, не сказалъ: иди прочь, ты вѣдь лицемѣръ; хотя ты постоянно ходишь въ церковь и слушаешь Мои законы, но на площади и золото, и свое желаніе, и дружбу, словомъ—все предпочитаешь заповѣдямъ Моимъ; теперь представляешься смиреннымъ, а послѣ молитвы бываешь дерзокъ, жестокъ и безчеловѣченъ; итакъ, уходи отсюда и никогда ко Мнѣ не приходи. Это и даже большее мы достойны бываемъ слышать, однако же Богъ никогда не укорилъ насъ ничѣмъ подобнымъ, но и долготерпитъ, все выполняетъ съ Своей стороны и даетъ намъ больше того, что просимъ. Размысливъ объ этомъ, избавимъ отъ нищеты просящихъ и, хотя бы они притворялись, не станемъ разслѣдовать этого. Вѣдь мы и сами имѣемъ нужду въ спасеніи, притомъ съ снисхожденіемъ, съ человѣколюбіемъ и многою милостью.

Если по нашему входить въ строгое разслѣдованіе, то невозможно когда-либо и спастись, но всѣ должны подвергнуться наказанію и погибнуть. Итакъ, не будемъ строгими судіями другихъ, чтобы и у насъ не потребовали строгаго отчета: а мы вѣдь обременены грѣхами, превышающими всякое помилованіе. Будемъ имѣть больше сожалѣнія къ тѣмъ, которые грѣшатъ, не заслуживая снисхожденія, чтобы и мы сами могли надѣяться на такую къ себѣ милость, хотя, сколько бы мы ни старались, никогда не будемъ въ состояніи оказать такое человѣколюбіе, въ какомъ имѣемъ нужду отъ человѣколюбиваго Бога. Отсюда не безразсудно ли, когда мы сами находимся въ столь великой нуждѣ, строго разбирать дѣла своихъ собратій и все дѣлать противъ самихъ себя? Такимъ образомъ не столько ты выставляешь его недостойнымъ твоего благодѣянія, сколько самого себя — недостойнымъ Божія человѣколюбія. Кто строго взыскиваетъ съ своего собрата, съ того гораздо строже взыщетъ Богъ. Потому не будемъ говорить противъ себя, но, подойдетъ ли кто-нибудь по беззаботности, или по лѣности, станемъ подавать. Вѣдь и мы сами часто, а вѣрнѣе сказать, всегда грѣшимъ по нерадѣнію, и однако Богъ не тотчасъ требуетъ отъ насъ отчета, но даетъ намъ срокъ для покаянія, — каждый день питаетъ насъ, вразумляетъ, учитъ и снабжаетъ всѣмъ прочимъ, чтобы и мы подражали Ему въ такомъ милосердіи. Отложимъ и мы жестокость, свергнемъ съ себя звѣрство, такъ какъ этимъ мы благодѣтельствуемъ больше себѣ самимъ, чѣмъ другимъ. Другимъ даемъ деньги, хлѣбъ, одежду, а себѣ самимъ уготовляемъ величайшую славу, которую и невозможно изобразить словомъ, потому что, облекшись въ нетлѣнныя тѣла, мы прославимся и воцаримся со Христомъ. На сколько это велико, узнаемъ изъ послѣдующаго, а лучше сказать, нынѣ мы не можемъ никакъ получить о томъ яснаго понятія. Но чтобы составить нѣкоторое объ этомъ понятіе, на основаніи настоящихъ нашихъ благъ, постараюсь, сколько могу, изобразить то, что я сказалъ. Скажи мнѣ, если бы кто-нибудь тебя, достигшаго старости и живущаго въ бѣдности, обѣщался вдругъ сдѣлать молодымъ, привести въ цвѣтущій возрастъ, устроить крѣпкимъ и красивымъ больше всѣхъ, дать тебѣ царскую власть надъ цѣлою землею на тысячу лѣтъ и царствованіе твое оградить совершеннѣйшимъ миромъ, то чего не согласился бы ты сдѣлать и вытерпѣть за такое обѣщаніе? Но вотъ Христосъ обѣщаетъ не это, но гораздо болѣе важное. Вѣдь не такъ велико различіе между старостью и молодостью, какъ между тлѣніемъ и нетлѣніемъ, и не такъ велика разность между царствомъ и нищетою, какъ между славою будущею и настоящею, между кото-

рыми такое же различіе, какое между сновидѣніемъ и дѣйствительностью.

537 10. Но я и этимъ еще ничего не объяснилъ, да и вообще нѣтъ словъ изобразить великость различія между будущимъ и настоящимъ, такъ какъ, по причинѣ времени, умомъ совсѣмъ невозможно постигнуть всего различія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сравнить съ настоящимъ жизнь, не имѣющую конца? А миръ будущей жизни столько же отличенъ отъ мира настоящей жизни, сколько миръ отъ войны, нетлѣніе столько же превосходнѣе тлѣнія, сколько чистая жемчужина лучше куска грязи, а лучше— чтобы ни сказалъ кто-нибудь, нисколько не изобразитъ вполнѣ этой разности. Если красоту будущихъ тѣлъ я сравню со свѣтомъ солнечнаго луча, или съ самою яркою молніею, то не скажу еще ничего достойнаго той блистательности. Какихъ же земныхъ сокровищъ, какихъ тѣлъ, или лучше, какихъ душъ не должно презрѣть ради будущаго? Если бы кто-нибудь теперь ввелъ тебя въ царскій дворецъ, доставилъ тебѣ возможность говорить съ царемъ въ присутствіи всѣхъ, даже находиться съ нимъ и вкушать съ одного стола пищу, то ты, конечно, призналъ бы себя счастливѣе всѣхъ. А намѣреваясь взойти на небо, предстать самому Царю вселенной, соревновать въ блистательности съ ангелами, наслаждаться тою неизреченною славою, ты еще колеблешься, нужно ли тебѣ презирать деньги, тогда какъ, хотя бы предстояло тебѣ лишиться и самой жизни, тебѣ слѣдовало бы ликовать, радоваться, окрыляться восторгомъ. Для полученія должности начальника, которая доставляетъ тебѣ поводы къ воровству (я не могу назвать этого честнымъ прибыткомъ), — ты отдаешь все, что имѣешь, одолжаешься у другихъ, а если нужно, не пожалѣешь заложить жену и дѣтей, а когда тебѣ предстоитъ небесное царство, такая власть, въ которой не будешь имѣть преемника, когда самъ Богъ ввѣряетъ тебѣ въ управленіе не уголокъ земли, но цѣлое небо, ты медлишь и отказываешься, жалѣешь денегъ и не понимаешь, что если видимая нами сторона неба такъ прекрасна и привлекательна, то сколько превосходнѣе высшая его часть и небо небесъ?

Но такъ какъ тѣлесными очами пока не возможно увидѣть этого, то вознесись умомъ и, ставши выше видимаго неба, воззри на то небо, которое выше этого, на безконечную высоту, — на свѣтъ, вселяющій ужасъ, на сонмы ангеловъ, на безчисленные лики архангеловъ и на прочія безтѣлесныя силы. И потомъ, спустившись съ этой высоты, возьми нашу картину и представь то, что вокругъ нашего царя, какъ-то: мужей въ одеждахъ, вышитыхъ золотомъ, пары бѣлыхъ муловъ съ золотыми украшеніями,

колесницы съ дорогими камнями, бѣлоснѣжные ковры, бляхи, зыблющіяся на колесницахъ, драконовъ, изображенныхъ на шелковыхъ одеждахъ, щиты съ золотыми выпуклостями на срединѣ, ремни отъ нихъ, испещренные по направленію къ окружности множествомъ камней, коней, убранныхъ въ золото, и золотыя узды. Но какъ только мы увидимъ самого царя, то перестанемъ смотрѣть на все это. Онъ одинъ обращаетъ на себя наше вниманіе, его порфира, діадема, сѣдалище, поясъ, обувь и необыкновенный блескъ внѣшняго вида. Въ точности объединивъ все это, опять возведи отъ этого свой умъ горѣ, къ тому страшному дню, въ который явится Христосъ. Тогда увидишь не пары муловъ, не золотыя колесницы, не драконовъ и щиты, но то, что полно великаго ужаса и производитъ такое поражающее впечатлѣніе, что и сами безплотныя силы приходятъ въ изумленіе, какъ сказано: *силы небесныя подвигнутся* (Мѳ. XXIV, 29). Тогда все небо откроется, отворятся врата небеснаго свода, снизойдетъ единородный Сынъ Божій въ сопровожденіи не двадцати или ста человѣкъ, но въ сопровожденіи тысячъ и темъ ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ и прочихъ силъ, все исполнится ужаса и трепета, земля разсядется, и сколько ни было на свѣтѣ людей — отъ Адама и до того дня, всѣ возстанутъ изъ земли, всѣ будутъ восхищены, а Христосъ явится въ такой славѣ, что и луна, и солнце, и всякій свѣтъ скроется при этомъ блескѣ. Какое слово изобразитъ то блаженство, тотъ блескъ и славу? Бѣдная душа моя! Мнѣ и теперь приходится плакать и тяжело воздыхать при мысли, какихъ мы лишились благъ, какого отчуждены блаженства, именно отчуждены (я и о себѣ говорю тоже), если не совершимъ чего-либо великаго и удивительнаго. Пусть никто не говоритъ мнѣ здѣсь о гееннѣ, такъ какъ лишиться столь великой славы—мучительнѣе всякой геенны, а быть отчуждену отъ этого жребія—хуже безчисленныхъ наказаній. Но однако мы еще стремимся къ настоящему и не помышляемъ о козняхъ діавола, который за малое отнимаетъ у насъ большее, даетъ намъ грязь, чтобы похитить золото, или правильнѣе сказать, небо, показываетъ тѣнь, чтобы отогнать насъ отъ истины и обольщаетъ сновидѣніями (таково и есть настоящее богатство), чтобы, при наступленіи того дня, мы оказались бѣднѣе всѣхъ. 538

11. Итакъ, размысливъ объ этомъ, станемъ, пока не поздно, избѣгать обмана и стремиться къ будущему. Вѣдь нельзя сказать, что мы не знали о кратковременности настоящей жизни, когда дѣла ежедневно громче трубы возглашаютъ о настоящей малоцѣнности, смѣхѣ, позорѣ, опасностяхъ и гибели. Какое извиненіе будемъ мы имѣть, какъ скоро съ великою ревностью гоняем-

ся за тѣмъ, что соединено съ опасностями и стыдомъ, какъ скоро убѣгаемъ того, что безопасно и доставляетъ намъ славу и блескъ, какъ скоро предаемся въ полную власть сребролюбія? Рабство богатства тяжелѣе всякаго мученія, о чемъ хорошо знаютъ всѣ тѣ, которые удостоились освободиться отъ него. Потому, чтобы и вамъ узнать эту прекрасную свободу, разорвите узы, бѣгите отъ сѣтей; пусть у васъ въ домѣ хранится не золото, но то, что дороже безчисленныхъ богатствъ, — милостыня и человѣколюбіе. Это даетъ намъ дерзновеніе предъ Богомъ, а золото покрываетъ насъ великимъ стыдомъ и много содѣйствуетъ діаволу вліять на насъ. Но зачѣмъ же ты вооружаешь своего врага и дѣлаешь его болѣе сильнымъ? Вооружи противъ него свою десницу, всю красоту собери въ свою душу, все богатство свое сложи въ умѣ, пусть небо, а не кивотъ и домъ, хранитъ твое золото, а мы облечемся во все свое, потому что мы сами гораздо лучше стѣнъ и важнѣе основанія дома. Къ чему намъ, забывши о самихъ себѣ, все свое попеченіе обращать на то, чего, уходя отсюда, нельзя взять съ собою, а часто нельзя удержать и оставаясь въ здѣшней жизни, тогда какъ представляется возмож-
539 ность обогатиться такъ, что не только здѣсь, но и тамъ окажемся всѣхъ достаточнѣе? Кто носитъ въ душѣ и поля, и дома, и золото, тотъ, куда бы ни явился, приходитъ со всѣмъ этимъ богатствомъ. Но какъ, спросишь, это возможно? Возможно съ большимъ удобствомъ. Если ты руками нищихъ перенесешь это на небо, то все сложишь въ свою душу, такъ что, хотя бы и смерть пришла къ тебѣ, никто не отниметъ у тебя этого, но ты и въ будущую жизнь переселишься съ богатствомъ. Такимъ сокровищемъ владѣла Тавиѳа, которую прославили не домъ, не стѣны, не камни, не колонны, но прикрытыя ею тѣла вдовицъ, пролитыя слезы, убѣжавшая отъ нея смерть и возвратившаяся жизнь. Станемъ и мы приготовлять себѣ такія хранилища, станемъ и мы строить себѣ такіе домы. Въ этомъ мы будемъ имѣть сотрудникомъ Бога и сами будемъ Его сотрудниками. Богъ привелъ нищихъ изъ небытія въ бытіе; ты же тѣхъ, которые приведены уже въ бытіе и существуютъ, не допустилъ погибнуть отъ голода и другихъ несчастій, врачуя и исправляя ихъ и всѣми мѣрами поддерживая храмъ Божій: что со стороны пользы и славы можетъ сравняться съ этимъ? Но если ты неясно еще понялъ, какое украшеніе даровалъ тебѣ Богъ, повелѣвъ снабжать нищихъ, то размысли самъ съ собою о слѣдующемъ. Если бы Богъ даровалъ тебѣ такую власть, что ты могъ бы возстановить обрушивающееся небо, то не призналъ ли бы ты этого такою честію, которая гораздо выше тебя? Но Богъ удостоилъ тебя еще боль-

шей чести. Онъ поручилъ тебѣ исправлять то, что для Него дороже самыхъ небесъ: а предъ лицемъ Бога ничто видимое не можетъ сравниться съ человѣкомъ. Для человѣка Онъ сотворилъ и небо, и землю, и море; въ немъ Онъ желаетъ обитать больше, чѣмъ на небѣ. Но мы, хотя и знаемъ это, однакоже нимало не имѣемъ старанія и заботы о Божіихъ храмахъ, но, оставивъ ихъ въ небреженіи, строимъ для себя великолѣпные и огромные домы. За это мы и лишаемся всѣхъ благъ, дѣлаемся бѣднѣе всякаго нищаго, потому что украшаемъ тѣ домы, которыхъ, переселясь отсюда, мы не можемъ взять съ собою, и нерадимъ о тѣхъ, 540
которые можно перенести вмѣстѣ съ собою и туда. Вѣдь истлѣвшія тѣла нищихъ, безъ сомнѣнія, воскреснутъ. И тогда Богъ, заповѣдавшій любить нищихъ, собравши ихъ, похвалитъ тѣхъ, которые заботились о нихъ, и подивится тому, что они всякими способами старались поддерживать ихъ жизнь, которая готова была угаснуть то отъ голода, то отъ наготы и холода. А мы, когда предлежатъ намъ столь великія похвалы, все еще медлимъ и не хотимъ принять на себя этого прекраснаго попеченія. Хотя Христосъ не имѣетъ для Себя пристанища, но ходитъ страненъ, нагъ и голоденъ, однакоже ты безъ нужды и пользы строишь загородные домы, бани, галлереи и множество чертоговъ, Христу же не даешь и малаго крова, а украшаешь верхнія части дома для воронъ и коршуновъ. Что можетъ быть хуже такого легкомыслія? Что ужаснѣе этого безумія? Это дѣйствительно признакъ крайняго безумія, а лучше сказать — нѣчто такое, что и нельзя выразить достойнымъ образомъ. Но однако, если пожелаешь, то, конечно, возможно вылѣчиться отъ этой, хотя и тяжкой болѣзни, и не только можно, но даже легко, и не только легко, но гораздо легче освободиться отъ этой опасности, нежели отъ тѣлесныхъ страданій, насколько и Врачъ лучше. Итакъ, станемъ привлекать Его къ себѣ, станемъ просить прикоснуться къ намъ и приложимъ и съ своей стороны все потребное, — я разумѣю желаніе и готовность. Онъ ничего другого не потребуетъ, но какъ скоро приметъ отъ насъ только это, принесетъ съ Своей стороны все остальное. Принесемъ же Ему все, что можемъ, чтобы и здѣсь наслаждаться совершеннымъ здоровьемъ и получить будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XV.

539 **Вѣмы же, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое (VIII, 28).**

1. Мнѣ кажется, что все это мѣсто обращено у апостола къ тѣмъ, которые находятся въ опасностяхъ, лучше же сказать, къ нимъ относится не только это, но и то, что было сказано нѣсколько выше. Такъ, слова: *недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ*, также и то, что *вся тварь воздыхаетъ*, а равно сказанное выше, что *упованіемъ спасохомся, терпѣніемъ ждемъ, о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*, — все это относится къ людямъ, находящимся въ напастяхъ. (Апостолъ) учитъ ихъ избирать не то, что сами они почитаютъ для себя полезнымъ, но то, что внушаетъ Духъ. Вѣдь многое имъ представляется полезнымъ, а въ самомъ дѣлѣ приноситъ великій вредъ. Такъ, покой, освобожденіе отъ опасностей и безмятежная жизнь кажутся для нихъ полезными. И удивительно ли, что они такъ думаютъ, какъ скоро и самому блаженному Павлу представлялось тоже самое? Но однако онъ впослѣдствіи понялъ, что полезное совершенно противоположно этому и, понявши, возлюбилъ. Послѣ того, какъ онъ три раза молилъ Господа освободить его отъ бѣдъ и услышалъ въ отвѣтъ: *довлѣетъ ти благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 9), то сталъ уже радоваться, когда былъ гонимъ, терпѣлъ обиды и невыносимыя страданія. *Тѣмже благо-*
540 *волю*, говоритъ онъ, *въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, въ изгнаніихъ* (ст. 10). Потому онъ и говорилъ: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*, и всѣхъ убѣждалъ предоставить это Духу, потому что Святый Духъ весьма о насъ печется, и это угодно Богу. Итакъ, подготовивъ ихъ всѣхъ этимъ, онъ присовокупляетъ и теперь сказанное, употребляя доводъ, достаточный къ тому, чтобы ободрить ихъ. *Вѣмы бо*, говоритъ онъ, *яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое*. Когда же говоритъ—*вся*, разумѣетъ и то, что намъ кажется прискорбнымъ. Хотя и постигла тебя скорбь или нищета, узы или голодъ, смерть и другое подобное, но Богъ властенъ измѣнить все это въ противоположное, такъ какъ Его неизреченной силѣ свойственно дѣлать для насъ легкимъ и обращать намъ на помощь то, что кажется тяжелымъ. Потому (апостолъ) не сказалъ, что съ любящими Бога не случается что-либо непріятное, но говоритъ, что имъ все содѣйствуетъ ко благу, то есть, Богъ самыя бѣдствія употребляетъ для прославленія бѣдствующихъ, а это гораздо важнѣе, чѣмъ воспрепятствовать наступленію несчастія или отвратить его, когда оно случи-

лось. Такъ сдѣлалъ (Богъ) и съ пещію вавилонской: Онъ не воспрепятствовалъ ввергнуть святыхъ отроковъ въ пещь, и, когда они были ввержены, не угасилъ пламени, но, оставивъ его горѣть, посредствомъ этого пламени сдѣлалъ отроковъ болѣе достойными удивленія. И на апостолахъ показалъ Богъ разныя подобныя чудеса. Если люди, умѣющіе любомудрствовать, могутъ изъ вещей дѣлать употребленіе противоположное ихъ природѣ и, живя въ бѣдности, казаться достаточнѣе богатыхъ и сіять даже въ безчестіи, то тѣмъ болѣе Богъ на любящихъ Его покажетъ не только что-нибудь подобное, но и гораздо большее. Нужно только одно — любить Его искренно, а все остальное послѣдуетъ само собою. Какъ для любящихъ Бога и то, что, повидимому, вредно, обращается въ пользу, такъ не любящимъ Его вредитъ и полезное. Іудеямъ все служило во вредъ — и явленіе чудесъ, и правота догматовъ, и любомудріе ученія; за одно называли они Христа бѣснующимся, за другое богопротивнымъ, а за чудеса покушались убить Его. Напротивъ, разбойникъ распятый, пригвожденный, поносимый, претерпѣвающій безчисленныя страданія, не только не понесъ никакого вреда, но еще получилъ отъ этого величайшую пользу. Видишь ли, какъ *любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое*? Итакъ, сказавъ объ этомъ великомъ благѣ, превышающемъ всецѣло человѣческое естество, такъ какъ оно для многихъ казалось невѣроятнымъ, (апостолъ) удостовѣряетъ въ этомъ, на основаніи происшедшаго, такъ: *сущимъ по предувѣдѣнію званнымъ* (ст. 28). Замѣть, что благо это начинается со времени призванія. Почему же (Христосъ) не призвалъ всѣхъ сначала, и самого Павла призвалъ не вмѣстѣ съ прочими, тогда какъ такая отсрочка представлялась вредною? Но однако самыя дѣла показали, что она была полезна. Говоритъ же здѣсь (апостолъ) о предувѣдѣніи для того, чтобы не все приписать званію, потому что въ такомъ случаѣ стали бы спорить и язычники, и іудеи. Вѣдь если достаточно было одного званія, то почему не всѣ спаслись? Потому онъ и говоритъ, что спасеніе званныхъ совершено не однимъ призваніемъ, но и предувѣдѣніемъ, призваніе же не было вынужденное и насильственное. Итакъ, всѣ были призваны, но не всѣ послушались. *Ихже бо предувѣдѣ, (тѣхъ) и предустави сообразныхъ быти образу Сына Его* (ст. 29). Замѣчаешь ли высоту чести? Чѣмъ былъ Единородный по естеству, тѣмъ они стали по благодати. Однако (апостолу) было недостаточно сказать — *сообразныхъ*, но онъ присовокупилъ еще: *яко быти Ему первородну*. И этимъ не ограничился, но и послѣ этихъ словъ прибавляетъ еще: *во многихъ братіяхъ*, — желая всѣми способами показать явное родство. Впрочемъ, все это

должно разумѣть относительно воплощенія (Сына Божія), потому что по божеству Онъ есть Единородный.

2. Видишь, сколько сообщено намъ благодатныхъ даровъ? Итакъ, не сомнѣвайся и относительно будущихъ даровъ, тѣмъ болѣе, что (апостолъ) представляетъ и другое доказательство Божія человѣколюбія, говоря, что это было прообразовано такъ издревле. Люди дѣлаютъ о другихъ заключенія на основаніи дѣлъ, но Богу изначала все извѣстно и Онъ издревле имѣетъ къ намъ расположеніе. Потому (апостолъ) и говоритъ: *а ихже призва, сихъ и оправда* (ст. 30). Оправдалъ банею возрожденія. *А ихже оправда, сихъ и прослави*. Прославилъ благодатію, усыновленіемъ. *Что убо речемъ къ симъ* (ст. 31)? (Апостолъ) какъ бы такъ говоритъ:
542 не упоминай мнѣ болѣе объ опасностяхъ и злоумышленіи противъ тебя всѣхъ. Если нѣкоторые и не вѣрятъ будущему, но они ничего не могутъ сказать противъ благъ уже дарованныхъ, напримѣръ, объ изначальной къ тебѣ Божіей любви, оправданіи, славѣ. (Богъ) даровалъ тебѣ это посредствомъ того, что для тебя казалось прискорбнымъ. Ты считалъ позорнымъ крестъ, побои, узы, а все это послужило къ исправленію цѣлой вселенной. Какъ ни жестоко тебѣ кажется, что претерпѣлъ (Христосъ), но Онъ обратилъ это въ свободу и спасеніе всей природы; такъ и то, что переносишь ты, твои страданія (Богъ) обыкновенно обращаетъ въ славу тебѣ и похвалу. *Аще Богъ по насъ, кто на ны?* Но кто же не противъ насъ, спросишь ты? Противъ насъ цѣлая вселенная, и мучители, и народы, и родственники, и граждане, но однако всѣ тѣ, которые противъ насъ, такъ далеки отъ возможности вредить намъ, что невольно дѣлаются для насъ виновниками вѣнцевъ, ходатаями безчисленныхъ благъ, такъ какъ Божія премудрость обращаетъ всѣ козни къ нашему спасенію и славѣ. Видишь ли, какъ никто не оказывается противъ насъ. И Іова сдѣлало знаменитымъ то, что противъ него вооружился діаволъ. Діаволъ воздвигъ противъ него друзей, жену, раны, домашнихъ и безчисленныя другія ухищренія, однакоже ничто не было противъ него. И это еще не велико было для Іова, хотя само по себѣ и было весьма велико, а для него гораздо важнѣе было то, что все кончилось въ его пользу. Такъ какъ за него былъ Богъ, то все то, что повидимому было противъ него, оказалось въ его пользу. Тоже случилось и съ апостолами. Іудеи, язычники, лжебратія, правители, народы, голодъ, нищета и безчисленныя бѣдствія возставали противъ нихъ, но ничто не было противъ нихъ. Все это сдѣлало ихъ особенно знаменитыми, славными и достойными похвалы предъ Богомъ и предъ людьми. Итакъ, пойми, что то слово, которое произнесъ Павелъ о вѣрныхъ и истинно рас-

павшихся, не могъ бы сказать о себѣ и увѣнчанный діадемою. Противъ послѣдняго вооружаются многіе иноплеменники, дѣлаютъ покушенія враги, злоумышляютъ тѣлохранители, часто возстаютъ многіе изъ подданныхъ, а противъ вѣрующаго, строго исполняющаго законъ Божій, не можетъ возстать ни человѣкъ, ни демонъ и ничто другое. Если ты лишишь его имущества, то доставишь этимъ награду; если худо отзовешься о немъ, то своимъ злорѣчіемъ сдѣлаешь его блистательнѣе предъ Богомъ; если доведешь его до голода, тѣмъ большая для него слава и большее воздаяніе; а если предашь смерти, что всего ужаснѣе, тѣмъ сплетешь ему мученическій вѣнецъ. Что можетъ сравниться съ жизнію человѣка, противъ котораго ничто не можетъ стоять, которому и намѣревающіеся причинить зло не менѣе приносятъ пользы, чѣмъ и сами благодѣтели? Потому (апостолъ) говоритъ: *аще Богъ по насъ, кто на ны?* Потомъ, не довольствуясь этими словами, представляетъ и здѣсь тотъ величайшій признакъ Божіей къ намъ любви, къ которому онъ всегда обращается,—именно смерть Сына. Не только, говоритъ, оправдалъ и прославилъ и содѣлалъ соотвѣтственными тому образу, но и Сына не пощадилъ для тебя,—потому и присовокупилъ слова: *иже убо Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его, како убо не и* 543
съ Нимъ вся намъ дарствуетъ (ст. 32)? (Апостолъ) говоритъ съ выразительностью и большою горячностью, чтобы показать любовь Божію. Какъ Богъ оставитъ насъ, ради которыхъ не пощадилъ Сына Своего, но за всѣхъ насъ предалъ Его? Пойми же, насколько велика благость—не пощадить Своего Сына, но предать, предать за всѣхъ ничтожныхъ, неблагодарныхъ, враговъ, богохульниковъ. *Како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (ст. 32)? Слова эти означаютъ слѣдующее: если Богъ даровалъ намъ Сына Своего и не просто даровалъ, но предалъ закланію, то, принявъ въ даръ самого Владыку, почему ты еще сомнѣваешься во всемъ прочемъ? Имѣя Господа, почему ты недоумѣваешь относительно прочихъ даровъ? Кто даровалъ врагамъ болѣе важное, тотъ неужели не даруетъ друзьямъ менѣе важнаго? *Кто поемлетъ на избранныя Божія* (ст. 33)?

8. Это сказано противъ утверждавшихъ, что вѣра нисколько не приноситъ пользы, и противъ сомнѣвающихся въ возможности мгновеннаго измѣненія. И смотри, какъ быстро (апостолъ) заградилъ имъ уста, при помощи достоинства избравшаго. И не сказалъ: кто будетъ обвинять рабовъ Божіихъ, но: *избранныя Божія*, потому что избраніе есть знаменіе добродѣтели. Если занимающійся объѣзживаніемъ молодыхъ коней признаетъ ихъ способными къ бѣгу, то никто не можетъ опорочить его, и всякій,

кто станетъ обвинять его, становится смѣшнымъ; тѣмъ болѣе смѣшны тѣ, которые обвиняютъ, когда самъ Богъ избираетъ души. *Богъ оправдаяй, кто осуждаяй* (ст. 34)? (Апостолъ) не сказалъ: Богъ отпускаетъ грѣхи, но, что гораздо важнѣе: *Богъ оправдаяй.* Если приговоръ судьи, и притомъ такого судьи, объявляетъ кого правымъ, то чего заслуживаетъ обвинитель? Итакъ, не должно бояться ни искушеній, потому что за насъ Богъ, Который и доказалъ это Своими дѣлами, ни іудейскаго пустословія, потому что Богъ и избралъ и оправдалъ насъ, а что еще удивительнѣе, оправдалъ смертію Сына. Кто насъ осудитъ, когда самъ Богъ вѣнчаетъ, когда Христосъ за насъ закалается и не только закалается, но и послѣ этого ходатайствуетъ за насъ? *Христосъ Іисусъ умерый, паче же и воскресый изъ мертвыхъ, иже есть одесную Бога, иже и ходатайствуетъ о насъ* (ст. 34). Явившись въ собственномъ Своемъ достоинствѣ, Онъ не прекратилъ Своего о насъ промышленія, но ходатайствуетъ о насъ и постоянно сохраняетъ къ намъ ту же самую любовь. Онъ не ограничился просто закланіемъ, но, что особенно доказываетъ величайшую любовь, не только совершаетъ все, что отъ Него зависѣло, но и умоляетъ объ этомъ другого. Это одно (апостолъ) и пожелалъ выразить словомъ — *ходатайствуетъ*, бесѣдуя человѣколюбиво и снисходительно, чтобы показать любовь; равнымъ образомъ, изъ слова — *не пощадѣ*, если принять его не въ такомъ смыслѣ, будетъ слѣдовать много несообразнаго. А чтобы ты понялъ, что именно это (апостолъ) хочетъ раскрыть, онъ, сперва сказавши, что Христосъ *есть одесную*, потомъ присовокупилъ: *ходатайствуетъ о насъ*, чѣмъ и доказалъ равночестіе и равенство, такъ что ходатайство надобно уже представлять проявленіемъ не меньшаго достоинства, но одной только любви. Когда Онъ самъ есть жизнь, источникъ всѣхъ благъ, имѣетъ равную съ Отцемъ власть, воскрешаетъ мертвыхъ и животворитъ и все прочее дѣлаетъ, то какъ Онъ можетъ нуждаться въ ходатайствѣ для оказанія намъ помощи? Кто лишенныхъ надежды и осужденныхъ освободилъ отъ
544 осужденія собственною властію, сдѣлалъ праведными и сынами, возвелъ ихъ на высочайшую степень чести и осуществилъ на дѣлѣ то, чего и ожидать было невозможно, Тотъ, послѣ совершенія всего этого и послѣ возведенія естества нашего на царскій престолъ, нуждался ли въ ходатайствѣ о томъ, что болѣе легко? Видишь ли, какъ все служитъ доказательствомъ, что слово — *ходатайствуетъ* (апостолъ) употребилъ лишь для того, чтобы выразить горячность и силу любви Его къ намъ, такъ какъ и самъ Отецъ представляется умоляющимъ людей о примиреніи съ Нимъ: *по Христѣ убо посольствуемъ, яко Богу молящу нами*

(2 Кор. v, 20). Но, однако, когда Богъ увѣщеваетъ и когда люди бываютъ отъ имени Христа посланниками къ людямъ, то мы не представляемъ при этомъ ничего унизительнаго для такого достоинства, но изъ такихъ выраженій заключаемъ только объ одномъ, именно о силѣ любви. Такъ поступимъ и здѣсь. Потому, если Духъ ходатайствуетъ воздыханіями неизглаголанными, если Христосъ умеръ и ходатайствуетъ за насъ, если Отецъ не пощадилъ ради тебя Сына Своего, избралъ тебя и оправдалъ, то чего ты боишься, чего трепещешь, пользуясь такою любовію и такимъ попеченіемъ? И (апостолъ), показавъ великое о насъ промышленіе свыше, со всею уже свободою продолжаетъ рѣчь свою и не говоритъ, что и вы должны столько же любить Бога, но, какъ бы приведенный въ восторгъ этимъ неизреченнымъ промысломъ, восклицаетъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Христовой* (ст. 35)? И не сказалъ—Божіей: такъ безразлично ему называть и Христа, и Бога. *Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ?* Обрати вниманіе на мудрость блаженнаго Павла. Онъ не упомянулъ о томъ, что ежедневно уловляетъ насъ въ плѣнъ,—о любви къ деньгамъ, о страсти къ славѣ, о власти гнѣва; но перечисляетъ то, что гораздо мучительнѣе этого и способно побѣдить самую природу, указываетъ на то, что часто противъ нашей воли потрясаетъ крѣпость ума, именно говоритъ о скорбяхъ и тѣснотахъ. И хотя легко перечислить все сказанное, но каждое слово заключаетъ въ себѣ безчисленные ряды искушеній. Когда (апостолъ) говоритъ о скорби, то разумѣетъ и темницы, и узы, и доносы, и изгнанія, и всѣ прочія бѣдствія,—однимъ словомъ указываетъ на безпредѣльное море опасностей и въ одномъ выраженіи открываетъ передъ нами всѣ человѣческія злоключенія. И, не смотря на это, онъ отваживается на всѣ эти бѣдствія. Потому (апостолъ) и употребляетъ образъ рѣчи вопросительный, какъ бы ни мало не сомнѣваясь, что, кто такъ любимъ и находится подъ такимъ промышленіемъ, того ничто не можетъ отлучить отъ любви.

4. Потомъ, чтобы ты не подумалъ, что эти бѣдствія являются признакомъ оставленія, (апостолъ) приводитъ слова пророка, который за долгое время предвѣщалъ это и говорилъ: *яко Тебе ради умерщвляеми есмы весь день: вмѣнихомся якоже овцы заколенія* (ст. 36, срав. Псал. xliii, 23), то есть, намъ опредѣлено терпѣть зло отъ всякаго. Но при столь многочисленныхъ и великихъ бѣдствіяхъ, среди этихъ необычайныхъ несчастій для насъ служитъ достаточнымъ утѣшеніемъ самая причина подвиговъ, или правильнѣе сказать, не только достаточнымъ, но и гораздо большимъ, такъ какъ мы терпимъ это, говоритъ (апостолъ), не для

людей и не для чего-либо житейскаго, но для Царя всяческихъ. И не этимъ однимъ, но и другими многоразличными и многоцвѣтными вѣнцами онъ опять украсилъ подвижниковъ. Такъ какъ имъ, какъ людямъ, невозможно подвергнуться смерти много
545 разъ, то (апостолъ) доказываетъ, что отъ этого награды нисколько не уменьшаются. Хотя по природѣ человѣку дарованъ жребій умереть только однажды, но, если захотимъ, Богъ даровалъ намъ возможность ежедневно подвергаться этому, по своей волѣ. Отсюда ясно, что мы переселимся, имѣя столько вѣнцевъ, сколько проживемъ здѣсь дней, или даже число вѣнцевъ будетъ больше, потому что въ одинъ день можно умереть и однажды, и дважды, и много разъ. Тотъ, кто уготованъ на это, всегда получаетъ совершенную награду. Это разумѣлъ и пророкъ, сказавъ: *весь день*. Апостолъ же привелъ слова его для большаго ободренія слушателей. Если жившіе въ ветхомъ завѣтѣ, говоритъ онъ, имѣвшіе наградою трудовъ своихъ землю и то, что разрушается вмѣстѣ съ настоящею жизнію, настолько презирали настоящую жизнь, искушенія и бѣдствія, то какое извиненіе можемъ имѣть мы, которые и послѣ неба, горняго царства и неизреченныхъ благъ, пребываемъ въ лѣности и не достигаемъ даже той мѣры, какой достигали ветхозавѣтные? (Апостолъ) однакожъ не сказалъ этого, но, предоставивъ это совѣсти слушателей, довольствуется однимъ свидѣтельствомъ и доказываетъ, что тѣла ихъ суть жертва и что они не должны страшиться и смущаться, потому что такъ устроилъ самъ Богъ. (Апостолъ) предлагаетъ имъ и другого рода увѣщаніе. Чтобы кто-нибудь не сказалъ, что онъ просто любомудрствуетъ вопреки дѣйствительному опыту, онъ и присовокупилъ: *вмѣнихомся, яко овцы заколенія*, означая этимъ то, что апостолы ежедневно подвергались смерти. Замѣчаешь ли мужество и кротость? Какъ овцы не противятся, когда ихъ закалаютъ, такъ и мы, говоритъ (Павелъ). Но такъ какъ человѣческій разумъ, и послѣ столькихъ примѣровъ, по своей немощи страшился множества искушеній, то смотри, какъ (апостолъ) снова возстановляетъ слушателя, возвышаетъ его и возвеличиваетъ, говоря: *но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбльшаго ны* (ст. 37). То и удивительно, что мы не только побѣждаемъ, но побѣждаемъ тѣмъ самымъ, посредствомъ чего злоумышляютъ на насъ, и не просто побѣждаемъ, но препобѣждаемъ, то есть, со всею легкостію, безъ трудовъ и пота. Повсюду мы воздвигаемъ памятники побѣдъ надъ врагами, не только тогда, когда въ самомъ дѣлѣ терпимъ, но даже тогда, когда лишь подготовляемъ къ тому душу. И весьма справедливо,—потому что Богъ намъ споборствуетъ. Итакъ, повѣрь, что мы, будучи подвергаемы побоямъ, одолѣваемъ нанося-

щихъ ихъ, будучи изгоняемы, побѣждаемъ гонителей и, умирая, поражаемъ живыхъ. Когда примешь во вниманіе Божію силу и любовь, то увидишь, что нѣтъ никакого препятствія для совершенія такихъ чудесныхъ и необыкновенныхъ дѣйствій и для чрезвычайнаго возсіянія побѣды. Апостолы не просто побѣждали, но со многими чудесами, такъ что можно было понять, что у нихъ была брань съ злоумышляющими не противъ людей, но противъ той неодолимой силы. Смотри, какъ іудеи, окруживъ ихъ, недоумѣваютъ и говорятъ: *что сотворимъ человѣкома сима* (Дѣян. IV, 16)? То и удивительно, что тѣ, которые задерживаютъ ихъ и требуютъ отчета, связывая ихъ и подвергая избіенію, недоумѣвали и были въ затрудненіи, будучи побѣждены тѣми, кого они надѣялись побѣдить. Ни мучитель, ни палачи, ни полчища бѣсовъ, ни самъ діаволъ не могли побѣдить ихъ, но напротивъ всѣ они совершенно побѣждены и видятъ, что все то, что они замышляли противъ нихъ, обращается въ ихъ же пользу. Потому и сказалъ (Павелъ): *препобѣждаемъ*. Это былъ новый способъ побѣды — одолѣвать посредствомъ противоположнаго, никогда не быть побѣждаемымъ и выходить на состязанія, какъ бы имѣя въ своей волѣ окончаніе битвы. *Извѣстихся бо, яко ни* 546
смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ни силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина кая тварь возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ (ст. 38, 39).

5. Велико сказанное, но мы не понимаемъ этого, такъ какъ не имѣемъ настолько великой любви. Но хотя сказанное и велико, апостолъ, желая показать, что оно ничто въ сравненіи съ тою любовію, какою возлюбилъ Богъ, о своей любви говоритъ послѣ любви Божіей, чтобы никто не подумалъ, что онъ превозноситъ самого себя. И смыслъ словъ его таковъ. Къ чему говорить о настоящемъ и о неразлучныхъ съ этою жизнью бѣдствіяхъ? Хотя бы кто-нибудь мнѣ указалъ на будущія состоянія и силы, каковы жизнь и смерть, ангелы, архангелы и всѣ горнія твари,— и этого для меня мало въ сравненіи съ Христовою любовію. Если бы кто сталъ угрожать мнѣ будущею нескончаемою смертію, чтобъ отлучить меня отъ Христа, или обѣщалъ бы мнѣ безконечную жизнь, я не согласился бы. Зачѣмъ же нужно говорить о земныхъ царяхъ и о народныхъ правителяхъ, и именно о томъ или другомъ изъ нихъ? И если ты мнѣ укажешь на ангеловъ, на всѣ горнія силы, на все существующее и на все будущее, то, въ сравненіи съ любовію Христовою, все для меня мало,—все, что находится на землѣ, что на небѣ, что подъ землею, что превыше небесъ. Потомъ, такъ какъ и этого было недостаточно для изоб-

раженія сильной любви, которую (апостолъ) имѣлъ, онъ представилъ нѣчто другое, насколько же великое, и говоритъ: *ни ина кая тварь*. Это означаетъ слѣдующее: если бы существовала другая подобная тварь, какъ видимая, такъ и постигаемая умомъ, и тогда ничто не отвлекло бы отъ той любви.

Выразился же такъ (апостолъ) не потому, чтобы ангелы или другія небесныя силы дѣйствительно отвлекали его отъ Христа,—нѣтъ,—но желая представить въ высшей степени ту любовь, какую имѣлъ онъ ко Христу. Онъ любилъ Христа не ради принадлежащаго Христу, но ради самого Христа, къ Нему устремлялъ взоръ свой и одного страшился — отпасть отъ этой любви. Отпасть отъ любви Христовой для него было ужаснѣе самой геенны, равно какъ пребывать въ любви вожделѣннѣе царства. Итакъ, чего же можемъ быть достойны мы, какъ скоро (апостолъ) въ сравненіи съ Христовою любовію не удивлялся тому, что на небесахъ, а мы предпочитаемъ Христу лежащее въ грязи и въ пыли? Онъ изъ любви ко Христу готовъ былъ подвергнуться гееннѣ и лишиться царства, если бы ему предстояло то и другое, а мы не можемъ пренебречь и настоящей жизнію. Неужели мы достойны даже обуви апостола, будучи такъ далеки отъ величія духа его? Онъ и самое царство вмѣнялъ ради Христа ни во что, а мы презираемъ Христа и придаемъ большое значеніе тому, что принадлежитъ Христу. И хорошо было бы, если бы мы высоко цѣнили хотя бы принадлежащее Христу, но теперь, оставивъ и это, а также царство, которое предложено было намъ, мы каждый день гоняемся за тѣнями и призракомъ, хотя Богъ, по Своему человѣколюбію и величайшей кротости, сдѣлалъ тоже самое, что дѣлаетъ чадолюбивый отецъ, который, видя, что частыя наставленія его не нравятся его сыну, благоразумно предлагаетъ ихъ инымъ образомъ. Такъ какъ мы не имѣемъ надлежащей любви къ Богу, то Онъ предлагаетъ намъ многое другое, чтобы удержать насъ при Себѣ; при всемъ томъ, мы не остаемся съ Нимъ, но бѣжимъ отъ Него къ дѣтскимъ играмъ. Не таковъ
547 былъ Павелъ, но какъ благородный, свободный и любящій отца сынъ, онъ ищетъ только одного—быть вмѣстѣ съ Отцемъ, остальному же не придаетъ большого значенія, а лучше сказать, онъ во многомъ превосходитъ такого сына. Онъ не одинаково цѣнитъ отца и принадлежащее отцу, но когда обращаетъ взоры на отца, ни во что считаетъ принадлежащее ему и предпочелъ бы терпѣть съ нимъ наказанія и побои, нежели веселиться вдали отъ него.

6. Итакъ, ужаснемся мы, которые не можемъ презрѣть денегъ для Бога или, лучше сказать, не можемъ презрѣть денегъ

для самихъ себя. Одинъ Павелъ терпѣлъ все подлинно для Христа,—не для царства, не для чести, но изъ любви ко Христу. А насъ ни Христосъ, ни все Христово не отвлекаетъ отъ житейскихъ занятій, но, какъ змѣи, какъ ехидны или свиньи, или какъ все это вмѣстѣ, мы пресмыкаемся въ грязи. Чѣмъ мы лучше этихъ животныхъ, когда, имѣя столь многіе и великіе примѣры, все еще смотримъ внизъ и даже немного не можемъ посмотрѣть на небо? Богъ за тебя предалъ Сына, а ты не даешь и хлѣба Ему, за тебя преданному, за тебя убіенному. Отецъ для тебя не пощадилъ Его, не пощадилъ, притомъ, истиннаго Своего Сына, а ты не обращаешь и вниманія на Него, когда Онъ томится голодомъ, и притомъ готовясь растратить Его собственность и растратить для себя. Что можетъ быть хуже такого беззаконія? Ради тебя преданъ, ради тебя умерщвленъ, ради тебя странствуетъ, терпя жажду, ты даешь изъ Его же собственности, чтобы получить отъ этого пользу, но ты, не смотря и на это, не даешь ничего. Не безчувственнѣе ли всякаго камня тѣ, которые, при столькихъ побуждающихъ обстоятельствахъ, остаются въ такой діавольской жестокости? Христосъ не ограничился только смертію и крестомъ, но благоизволилъ сдѣлаться нищимъ, странникомъ, безпріютнымъ, нагимъ, быть заключеннымъ въ темницу, терпѣть болѣзни, чтобы хотя этимъ привлечь тебя къ Себѣ. Если ты не воздаешь Мнѣ за то, что Я страдалъ за тебя, говоритъ Онъ, то сжалься надо Мною ради нищеты. Если не хочешь сжалиться надъ нищетою, тронься Моею болѣзнію, умилосердись ради узъ, если же и это не склоняетъ тебя къ человѣколюбію, обрати вниманіе на легкость просьбы. Я не прошу ничего дорогого, но хлѣба, пріюта и утѣшительнаго слова. А если и послѣ этого остаешься жестокимъ, то сдѣлайся добрѣе хотя бы ради царства, ради наградъ, которыя Я обѣщалъ тебѣ. Но и онѣ не имѣютъ для тебя значенія? Такъ склонись жалостью хотя бы къ самому естеству, видя Меня нагимъ, и вспомни о той наготѣ, какую Я терпѣлъ за тебя на крестѣ. А если не хочешь вспомнить о ней, представь наготу, какую терплю въ лицѣ нищихъ. И тогда нуждался Я для тебя, и теперь для тебя же нуждаюсь, чтобы ты, тронувшись тѣмъ или другимъ, захотѣлъ оказать какое-нибудь милосердіе; для тебя Я постился и опять для тебя же терплю голодъ, жаждалъ, вися на крестѣ, жажду и въ лицѣ нищихъ, только бы тѣмъ или 548
другимъ привлечь тебя къ Себѣ и для твоего же спасенія сдѣлать тебя человѣколюбивымъ. Потому, хотя ты обязанъ Мнѣ воздаяніемъ за безчисленныя благодѣянія, но Я не прошу у тебя, какъ у должника, а вѣнчаю тебя, какъ за даръ, и за это малое дарю тебѣ царство. Я не говорю: избавь Меня отъ нищеты, или

дай Мнѣ богатство, хотя именно для тебя Я обнищалъ; но прошу только хлѣба, одежды, небольшаго утѣшенія въ голодѣ. Когда нахожусь въ темницѣ, Я не принуждаю снять съ Меня узы и вывести изъ темницы, но ищу только одного,—чтобы ты навѣстилъ связаннаго за тебя, и это принимаю за большую милость, и за это одно дарю тебѣ небо. Хотя Я избавилъ тебя отъ самыхъ тяжкихъ узъ, но для Меня достаточно и того, если ты захочешь увидѣть Меня связаннаго. Конечно, Я и безъ этого могу увѣнчать тебя, однакоже хочу быть должникомъ твоимъ, чтобы вѣнецъ принесъ тебѣ и нѣкоторое дерзновеніе. И потому, имѣя возможность пропитать самъ Себя, Я хожу и прошу, стою у дверей твоихъ и простираю руку. Я желаю отъ тебя именно получить пропитаніе, потому что сильно люблю тебя, Я стремлюсь къ твоей трапезѣ, какъ это и бываетъ у друзей, и хвалюсь этимъ предъ лицемъ цѣлой вселенной, возвѣщаю о тебѣ постоянно во услышаніе всѣхъ и показываю всѣмъ Своего кормильца. Мы, когда у кого-нибудь питаемся, стыдимся этого и обыкновенно скрываемъ, но сильно насъ любящій Христосъ, хотя бы мы и молчали, всѣмъ разсказываетъ о случившемся со многими похвалами и не стыдится сказать, что мы одѣли Его, когда Онъ былъ нагъ, накормили, когда Онъ былъ голоденъ. Размысливъ о всемъ этомъ, не остановимся на одних только похвалахъ, но исполнимъ слова наши на дѣлѣ. Какая польза отъ этихъ рукоплесканій и этого шума? Я требую отъ васъ одного только—доказательства на дѣлѣ, повиновенія въ дѣйствительности: это моя похвала, это ваше пріобрѣтеніе, это блистательнѣе для меня діадемы. Итакъ, вышедши отсюда, вы и себѣ и мнѣ приготовьте вѣнецъ руками нищихъ, чтобы и въ настоящей жизни питаться намъ доброю надеждою и, переселившись въ будущую жизнь, достигнуть безчисленныхъ благъ, получить которыя да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVI.

547 **Истину глаголю о Христѣ, не лгу, послушествующей ми совѣсти моей Духомъ Святымъ (IX, 1).**

1. Не представлялось ли вамъ великимъ и сверхъестественнымъ то, что я говорилъ въ предыдущей бесѣдѣ о любви Павла ко Христу? Подлинно, все это само по себѣ велико и превосходитъ всякое слово. Но, однако, сказанное теперь столько превос-

ходитъ прежнее, сколько прежнее превосходитъ все, что можно сказать о насъ. Я и самъ не представлялъ, чтобы могло быть что-нибудь выше сказаннаго въ прошлой бесѣдѣ, однако же то, что пришлось прочитать намъ сегодня, гораздо блистательнѣе всего прежняго. Самъ (Павелъ), предвидя это, и объявилъ въ са- 548
момъ началѣ, что онъ намѣренъ коснуться еще важнѣйшаго, чему многіе не повѣрятъ. И прежде всего свидѣтельствуетъ объ истинѣ того, что намѣренъ сказать. Такъ обыкновенно поступаютъ многіе, когда намѣреваются говорить о чемъ-либо для большинства невѣроятномъ и въ чемъ сами они твердо увѣрены. *Истину глаголю*, говоритъ онъ, *не лгу*,—въ томъ свидѣтель мнѣ совѣсть моя. *Яко скорбь ми есть велія, и непрестающая болѣзнь сердцу моему. Молилбыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа* (ст. 2, 3).

Что ты говоришь, Павелъ? Отъ возлюбленнаго Христа, отъ 549
Котораго не могли отлучить тебя ни царство, ни геенна, ни видимое, ни представляемое умомъ, ни другое тому подобное,—отъ этого (Христа) ты желаешь теперь быть отлученнымъ? Что произошло? Не измѣнился ли ты, не погубилъ ли любовь свою? Нѣтъ, говоритъ, не бойся, я только усилилъ въ себѣ эту любовь. Какъ же ты желаешь быть отлученнымъ, домогаешься отчужденія и такого разрыва, послѣ котораго другого уже не найти? Потому что сильно люблю Его, говоритъ. Какъ, скажи мнѣ, и какимъ образомъ? Вѣдь твои слова походятъ на загадку? Но лучше, кажется, сперва узнаемъ, что такое отлученіе, а потомъ уже станемъ спрашивать его объ этомъ, и такимъ образомъ уразумѣемъ эту невыразимую и необыкновенную любовь. Итакъ, что такое отлученіе? Послушай, что говоритъ самъ (Павелъ): *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Кор. XVI, 22), то есть да будетъ отлученъ отъ всѣхъ и сдѣлается чужимъ для всѣхъ. Какъ никто не смѣетъ прикоснуться просто руками или приблизиться къ дару, который посвященъ Богу, такъ (апостолъ) называетъ этимъ именемъ, въ противоположномъ смыслѣ, и отлученнаго отъ церкви, отсѣкая его отъ всѣхъ и какъ можно больше отдаляя, повелѣвая всѣмъ съ большимъ страхомъ удаляться и бѣжать прочь отъ такого человѣка. Къ дару никто не осмѣливался приблизиться изъ уваженія, а отъ отлученнаго всѣ удалились по другому, противоположному чувству. Такимъ образомъ, отлученіе одно, и одинаково то и другое дѣлается для людей чуждымъ, но способъ отлученія не одинаковъ, но одинъ другому противоположенъ. Отъ одного удаляются потому, что это посвящено Богу, а отъ другого потому, что отчуждено отъ Бога и отлучено отъ церкви. Въ послѣднемъ смыслѣ сказалъ и Павелъ: *молилбыхся отлученъ быти отъ Христа*. Не сказалъ просто:

желалъ бы, но усиливаетъ рѣчь и говоритъ: *молилбыхся*. Но если тебя смущаютъ слова, которыя представляются очень слабыми, то ты размысли о самомъ дѣлѣ, и не только о томъ, что (Павелъ) хотѣлъ быть отлученнымъ, но и о самой причинѣ, по которой желалъ этого,—тогда увидишь всю чрезмѣрность его любви. Напримѣръ, онъ и совершилъ обрѣзаніе, но если мы обратимъ вниманіе не на дѣйствіе, а на намѣреніе и причину дѣйствія, то поэтому еще болѣе будемъ удивляться ему. Онъ не только совершилъ обрѣзаніе, а и остригъ волосы и принесъ жертву, но, конечно, мы не считаемъ его за это іудеемъ, а напротивъ, говоримъ, что вслѣдствіе этого онъ въ особенности сдѣлался свободенъ и чистъ отъ іудейства и сталъ истиннымъ служителемъ Христа. А потому, какъ видя, что (Павелъ) обрѣзываетъ и приноситъ жертвы, ты вслѣдствіе этого не осуждаешь его въ приверженности къ іудейству, а преимущественно за это хвалишь, какъ чуждаго іудейства, такъ и видя, что онъ желаетъ быть отлученнымъ, не смущайся этимъ, но, понявши причину, по которой онъ желаетъ этого, тѣмъ болѣе прославляй его за то. А если мы не будемъ разслѣдовать причинъ, то должны будемъ назвать и Илію убійцею, а Авраама не просто убійцею, но еще дѣтоубійцею, а также обвинимъ въ убійствѣ Финееса и Петра; не соблюдая этого правила, мы сдѣлаемъ нелѣпыя заключенія не только о святыхъ, но и о Богѣ всяческихъ. Чтобы этого не было во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, станемъ изслѣдовать обстоятельства, обращая вниманіе на причину, намѣреніе, время и на все то, что можетъ служить къ оправданію происшедшаго. Такъ намъ слѣдуетъ поступить и теперь съ блаженною этою душею. Итакъ, какая причина? Опять самъ возлюбленный Іисусъ. И конечно, (апостолъ) не Его называетъ причиною, такъ какъ говоритъ: я желалъ бы отлученъ
550 быть отъ Него *по братіи моей*. Но это указываетъ только на его смиренномудріе; онъ не хочетъ подать и вида, что говоритъ о дѣлѣ великомъ и что приноситъ это въ даръ Христу. Потому онъ и сказалъ: *сродницѣхъ*,—чтобы скрыть величіе дѣла. А что онъ желалъ всего для Христа, выслушай слѣдующее. Сказавъ: *сродницѣхъ*, присовокупилъ: *ихже всыновленіе и слава и завѣти и законоположеніе и служеніе и обѣтованіе, ихже отцы, и отъ нихже Христосъ во плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки. Аминь* (ст. 4, 5).

2. Что же это, спросишь. Если (Павелъ) хотѣлъ быть отлученнымъ для того, чтобы увѣровали другіе, то ему надлежало о томъ же молиться и за язычниковъ; а если онъ молится только объ іудеяхъ, то показываетъ, что желалъ отлученія не ради Христа, а ради сродства съ іудеями. И, конечно, если бы молился

объ однихъ только язычникахъ, то это не было бы такъ явно, а такъ какъ молится объ однихъ іудеяхъ, то ясно показываетъ, что заботится объ этомъ для славы Христа. Знаю, что слова мои кажутся для васъ странными, но если вы не будете производить шума, то я тотчасъ постараюсь объяснить ихъ. Не безъ причины сказалъ (апостолъ) то, что сказалъ, но на томъ основаніи, что всѣ, порицая Бога, говорили, что изгнаны и лишены чести тѣ, которые удостоились именоваться сынами Божіими, приняли законъ, познали Бога прежде всѣхъ народовъ, пользовались особенною славою, служили Богу прежде всей вселенной, получили обѣтованія, были отцами своихъ колѣнъ и, что всего важнѣе, стали праотцами самого Христа (это и значатъ слова: *отъ нихже Христосъ по плоти*) и что, вмѣсто нихъ, введены люди изъ язычниковъ, никогда не знавшіе Бога. Такъ какъ, говоря это, они хулили Бога, то Павелъ, слыша это, терзался, скорбѣлъ о славѣ Божіей и желалъ быть отлученнымъ, если это было возможно, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы спаслись іудеи,—чтобы такое богохульство прекратилось и не казалось бы, что Богъ обманулъ ихъ прародителей, которымъ обѣщалъ дары. (Павелъ желалъ быть отлученнымъ), чтобы ты понялъ, сколько его сокрушало мнѣніе, будто осталось безъ исполненія обѣтованіе Божіе, данное Аврааму: *тебѣ дамъ землю сію и сѣмени твоему* (Быт. XII, 7). Послѣ же этихъ словъ (апостолъ) присовокупилъ: *не такожe, яко отпаде слово Божіе* (ст. 6). Здѣсь онъ показываетъ, что готовъ все это претерпѣть за слово Божіе, то есть за обѣтованіе, данное Аврааму. Какъ Моисей повидимому ходатайствовалъ за іудеевъ, но все дѣлалъ для славы Божіей [говорилъ: прекрати гнѣвъ,—чтобы не сказали, что Ты не могъ спасти и *изведе погубити ихъ въ пустыни* (Второз. IX, 28)], такъ и Павелъ говоритъ: я пожелалъ быть отлученнымъ, чтобы не сказали, что обѣтованіе Божіе осталось безъ исполненія, что Богъ не сдѣлалъ обѣщаннаго и слова Своего не привелъ въ дѣйствіе. Потому онъ говоритъ это не за язычниковъ (имъ вѣдь не дано было обѣтованія, они не служили Богу и не хулили Его), а молился объ этомъ за іудеевъ, получившихъ обѣтованіе, и за прочихъ близкихъ ему. Замѣчаешь ли, что если бы онъ молился за язычниковъ, то не такъ ясно открывалось бы, что онъ дѣлаетъ это для славы Христовой; а такъ какъ онъ желалъ быть отлученнымъ за іудеевъ, то особенно ясно показалъ, что онъ желалъ этого для Христа. Потому и говорилъ: *ихже всыновленіе, и слава, и служеніе, и обѣтованіе*. 551
У нихъ, говоритъ (апостолъ), законъ, свидѣтельствующій о Христѣ, съ ними заключены были всѣ завѣты, отъ нихъ произошелъ самъ Христосъ, изъ нихъ были всѣ отцы, получившіе обѣ-

тованія; но тѣмъ не менѣе случилось противоположное и они лишились всѣхъ благъ. Потому-то и терзаюсь, говоритъ, и если бы можно было быть исключеннымъ изъ лика Христова, отчужденнымъ не отъ любви Христовой (да не будетъ этого, потому что онъ и дѣлалъ это изъ любви ко Христу), но отъ блаженства и славы, я согласился бы на это, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мой Владыка не подвергался хулѣ и мнѣ ни отъ кого не слышать, будто дѣла Его были тѣнью, будто однимъ Богъ обѣщалъ, а другимъ далъ, Христосъ отъ однихъ родился, а другихъ спасъ. Онъ далъ обѣтованія предкамъ іудеевъ и, оставивъ ихъ потомковъ, ввелъ во владѣніе ихъ благами тѣхъ, которые никогда не знали Его; іудеи трудились, поучаясь закону и читая пророковъ, а язычники, недавно отвратившіеся отъ жертвенниковъ и идоловъ, сдѣлались выше іудеевъ. Гдѣ же тутъ промыслъ Божій? Итакъ, говоритъ (апостолъ), хотя и несправедливо это мнѣніе, но чтобы не говорили этого о моемъ Владыкѣ, я съ удовольствіемъ лишился бы царства и неизреченной той славы и потерпѣлъ бы всѣ бѣдствія, считая величайшимъ изъ всѣхъ для себя утѣшеніемъ въ скорбяхъ не слышать болѣе хулы на возлюбленнаго моего. Если ты еще не понялъ сказаннаго, то представь, что и многіе отцы часто рѣшались на подобное изъ-за своихъ дѣтей и предпочитали быть съ ними въ разлукѣ, только бы видѣть ихъ благополучными, считая ихъ счастіе выше удовольствія жить съ ними вмѣстѣ. Но такъ какъ мы далеки отъ такой любви, то и не можемъ понять сказаннаго.

А нѣкоторые недостойны даже и слышать ученіе Павла и настолько далеко стоятъ отъ величайшей той любви, что думаютъ, будто бы (Павелъ) говоритъ здѣсь о временной смерти. О такихъ я могу сказать, что они такъ же не знаютъ Павла, какъ слѣпые— солнечнаго луча, и даже гораздо больше. Тотъ, кто каждый день умиралъ, подвергался тучамъ опасностей и говорилъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Христовы, скорбь ли, или тѣснота, или гладъ, или гоненіе?*—тотъ, кто не ограничивался сказаннымъ, прошелъ небо и небо небесъ, опередилъ ангеловъ, архангеловъ и все горнее, кто постигъ вмѣстѣ настоящее и будущее, видимое и познаваемое умомъ, печальное, полезное и заключающееся въ томъ и другомъ и вообще ничего не оставилъ безъ вниманія, кто и этимъ не ограничился, но и предполагалъ другое подобное твореніе, еще не существующее,—какъ онъ послѣ всего этого могъ бы упоминать о временной смерти, точно о чемъ-нибудь важномъ.

3. Не такъ это, нѣтъ. Такое мнѣніе свойственно червямъ, гнѣздящимся въ навозѣ. Если бы (апостолъ) говорилъ объ этомъ, то какъ онъ сталъ бы желать быть отлученнымъ отъ Христа?

Вѣдь такая смерть болѣе соединяла съ ликомъ Христовымъ и содѣйствовала доставленію будущей славы. Но есть и такіе, которые осмѣливаются утверждать еще другое, болѣе достойное смѣха. Не смерти желалъ (Павелъ), говорятъ они, но быть сокровищемъ и даромъ Христовымъ. И кто изъ людей, наиболѣе низкихъ и недостойныхъ, не пожелалъ бы этого? Но какъ (Павелъ) могъ бы желать этого за своихъ родныхъ? Итакъ, оставивъ басни и пустословіе (которыя не стоитъ и опровергать, такъ какъ они подобны дѣтскому лепету), возвратимся опять къ самому изреченію (апостола) и, наслаждаясь моремъ любви его, станемъ безо- 552
пасно плавать и размышлять о неизреченномъ пламени, о которомъ кто ни говорилъ бы, ничего не скажетъ достойнаго. (Любовь Павла) была шире всякаго моря, сильнѣе всякаго огня, никакое слово не можетъ изобразить ее по достоинству, одинъ (Павелъ) постигалъ ее, какъ въ совершенствѣ обладавшій ею. Итакъ, повторимъ опять слова его: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти.* Что значитъ: *самъ азъ?* Я, который сдѣлался общимъ учителемъ, оказалъ безчисленныя услуги, ожидаю себѣ безчисленныхъ вѣнцевъ, возлюбилъ Христа настолько, что любовь Его предпочитаю всему на свѣтѣ, ежедневно сгораю за Него и все ставлю ниже любви къ Нему. (Павелъ) заботился не только о томъ, чтобы быть любимымъ отъ Христа, но и о томъ, чтобы крѣпко любить Его, и о послѣднемъ—въ особенности. Потому онъ только это имѣлъ въ виду и все легко переносилъ; во всѣхъ дѣлахъ онъ наблюдалъ за однимъ — удовлетворить этой прекрасной любви. И онъ желалъ быть отлученнымъ, но, какъ не могло это случиться, онъ пытается защитить себя отъ обвиненій и, представивъ то, о чемъ всѣ шумно говорили, старается опровергнуть это. И прежде чѣмъ приступить къ явному оправданію, онъ уже бросаетъ нѣкоторыя сѣмена его. Когда именно говоритъ: *ихже всыновленіе, и слава, и законоположеніе, и служеніе, и обѣтованія,* онъ выражаетъ этимъ не что иное, какъ то, что Богъ желалъ и имъ спастись; это Онъ и доказалъ тѣмъ, что сдѣлалъ прежде, тѣмъ, что отъ нихъ произошелъ Христосъ и Онъ далъ обѣтованія отцамъ ихъ. Но іудеи по собственной неблагодарности отвергли благодѣяніе. Потому (апостолъ) представляетъ то, что свидѣтельствуетъ только о дарѣ Божіемъ, а не служитъ къ ихъ похвалѣ,—всыновленіе же, слава, обѣтованія и законъ именно и были дѣломъ благодати Божіей. Представивъ все это и размысливъ, сколько приложили попеченій о спасеніи іудеевъ Богъ и Сынъ Его, (апостолъ) громогласно воскликнулъ и сказалъ: *Сый благословенъ во вѣки. Аминь.* Такое благодареніе онъ возсылаетъ за всѣхъ единородному Сыну Божію. Что намъ, если другіе хулятъ, говоритъ онъ; мы, зная тайны

Его,. неизреченную премудрость и всеобъемлющій промыслъ, хорошо знаемъ, что Онъ достоинъ не хуленія, а прославленія. Но, не довольствуясь собственнымъ сознаніемъ, онъ старается привести и разсудить доводъ, употребляетъ противъ іудеевъ самыя сильныя выраженія и не прежде оставляетъ ихъ, пока не уничтожаетъ ихъ подозрѣніе. Чтобы не показалось, что онъ бесѣдуетъ какъ съ врагами, онъ и потомъ говоритъ: *братіе, благоволеніе убо моего сердца, и молитва, яже къ Богу по Израили есть во спасеніе* (Рим. х, 1), и здѣсь, кромѣ прочаго, имъ сказаннаго, онъ старается показать, что говоритъ не по враждѣ то, что долженъ сказать противъ нихъ; потому и не отказывается называть ихъ родственниками и братьями. И хотя все, что ни сказалъ, говорилъ для Христа, однако же привлекаетъ къ себѣ и ихъ расположеніе, предварительно пролагаетъ путь своему слову, отклоняетъ отъ себя всякое подозрѣніе касательно того, что намѣренъ сказать противъ нихъ, и потомъ уже приступаетъ къ разсмотрѣнію того, что занимало многихъ. Многіе, какъ замѣтилъ я выше, спрашивали, почему получившіе обѣтованіе погибли, а тѣ, которые никогда не слышали о немъ, спаслись прежде первыхъ? Итакъ, устраняя это недоумѣніе, онъ предлагаетъ свое разрѣше-
553 ніе прежде возраженія. Чтобы кто-нибудь не сказалъ: что же, неужели ты заботишься о славѣ Божіей болѣе, нежели самъ Богъ? Неужели Онъ нуждается въ твоей помощи, чтобы Его слово не погибло? Отвѣчая на это, (апостолъ) и говоритъ: я сказалъ это не въ томъ смыслѣ, что слово Божіе не сбылось, но чтобы доказать любовь ко Христу. И хотя дѣла исполнились въ такомъ видѣ, продолжаетъ (апостолъ), но мы не сомнѣваемся относительно словъ Божіихъ и утверждаемъ, что обѣтованіе непреложно. Богъ говорилъ Аврааму: *тебѣ и сѣмени твоему дамъ землю, и благословятся о сѣмени твоемъ вся народы* (Быт. xvi, 4). Потому посмотримъ, говоритъ, какое это сѣмя, такъ какъ не всѣ, происшедшіе отъ Авраама, его сѣмя, почему и сказано: *не вси бо сущіи отъ Израиля, сіи Израиль. Ни зане суть сѣмя Авраамле, вси чада* (ст. 7).

4. Итакъ, если ты узнаешь, кто называется сѣменемъ Авраама, то увидишь, что обѣтованіе было дано сѣмени его, и поймешь, что слово Божіе не осталось безъ исполненія. Скажи же мнѣ: кто называется сѣменемъ? Не я говорю, отвѣчаетъ (апостолъ), но ветхій завѣтъ изъясняетъ самъ себя, говоря такъ: *во Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя* (Быт. xxi, 12). Объясни, что значитъ — *во Исаацѣ? Сирѣчь, не чада плотская, сія чада Божія: но чада обѣтованія причитаются въ сѣмя* (ст. 8). Замѣть мудрость и высоту ума Павла: въ объясненіи своемъ онъ говоритъ, что не

чада по плоти—дѣти Авраама, но чада Божіи; такъ ветхозавѣтное онъ соединяетъ съ настоящимъ и показываетъ, что и Исаакъ не просто былъ сыномъ Авраама. Смыслъ же его таковъ: тѣ, которые родились по примѣру Исаака,—дѣти Божіи и сѣмя Авраама. Потому и сказалъ—*во Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя*, чтобы ты понялъ, что тѣ, которые родились по образу Исаака, они-то въ особенности—сѣмя Авраама. Какъ же родился Исаакъ? Не по закону природы, не по силѣ плоти, но по силѣ обѣтованія. Что значитъ: по силѣ обѣтованія? *На сіе время пріиду* къ тебѣ *и будетъ Саррѣ сынъ* (ст. 9). Таково было обѣтованіе, и слово Божіе образовало и родило Исаака. И что же? Хотя женскія ложесна и утроба содѣйствовали рожденію, но не сила утробы, а сила обѣтованія произвела чадо. Такъ и мы рождаемся словомъ Божіимъ, потому что то, что рождаетъ насъ и образуетъ въ купели водной, есть слово Божіе, а съ другой стороны, мы, когда крещаемся во имя Отца и Сына и Святаго Духа, рождаемся. Это рожденіе не по естеству, а по обѣтованію Божію. Какъ предрекши рожденіе Исаака, Онъ тогда и исполнилъ его, такъ и о нашемъ рожденіи Онъ предвозвѣстилъ за долгое время чрезъ всѣхъ пророковъ, а потомъ привелъ это и въ исполненіе. Замѣчаешь ли, сколько онъ представилъ доказательствъ и какъ Давшій великія обѣтованія со всею легкостью исполнилъ ихъ. Если же іудеи скажутъ, что слова—*во Исаацѣ наречется ти сѣмя* означаютъ то, будто родившіеся отъ Исаака причитаются ему въ сѣмя, то должно будетъ считать сынами Исаака и идумеевъ, и всѣхъ, происшедшихъ отъ него, потому что праотецъ ихъ Исавъ былъ сынъ Исаака. Но идумеи не только теперь не называются дѣтьми, а даже были весьма чуждыми для израильтянъ. Видишь ли, что не плотскія чада — чада Божіи, но и въ самой природѣ предъизображается рожденіе свыше чрезъ крещеніе? Если же ты скажешь мнѣ о ложеснахъ, то и я могу сказать тебѣ о водѣ. И какъ здѣсь все отъ Духа, такъ тамъ все отъ обѣтованія, потому что 554
ложесна, вслѣдствіе безплодности и старости, были холоднѣе воды. Потому, со всѣмъ вниманіемъ уразумѣемъ свое благородство и покажемъ жизнь достойную его; въ томъ нѣтъ ничего плотского и земного,—пусть не будетъ этого и въ насъ. Не сонъ, не похоть плотская, не объятія и не возбужденіе страсти, но Божіе человѣколюбіе все совершило. И какъ тамъ, когда возрастъ не подавалъ никакой надежды, такъ и здѣсь, когда наступила вслѣдствіе грѣховъ старость, внезапно явился новый человѣкъ, и всѣ мы сдѣлались сынами Божіими, сѣменемъ Авраамовымъ. *Не точію же, но и Ревекка отъ единаго ложа отца нашего Исаака имущи* (ст. 10). Вопросъ былъ важенъ, потому (апостолъ) приво-

дитъ многіе доводы и всѣми мѣрами старается уничтожить затрудненіе. Если страннымъ и неожиданнымъ было то, что іудеи, послѣ столь многихъ обѣтованій, погибли, то болѣе страннымъ представляется, что мы, ничего подобнаго не ожидавшіе, вступили въ ихъ достояніе. Произошло тоже самое, какъ если бы царскій сынъ, которому обѣщано было наслѣдованіе престола послѣ царя, былъ низведенъ въ рядъ лишенныхъ гражданскихъ правъ, а вмѣсто него взятъ былъ изъ темницы человѣкъ, виновный въ безчисленныхъ преступленіяхъ и приговоренный къ казни, и получилъ власть, принадлежащую первому. Что можно сказать по этому поводу? То, что сынъ недостоинъ? Но и тотъ недостоинъ, даже гораздо болѣе. Значитъ слѣдовало или вмѣстѣ наказать, или вмѣстѣ почтить. Подобное, говорю, случилось съ язычниками и съ іудеями, даже и гораздо болѣе странное. Что всѣ недостойны, объ этомъ (апостолъ) объявилъ выше, сказавъ: *вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Рим. III, 23); но то необычайно, что, тогда какъ недостойны были всѣ, спаслись одни язычники. Послѣ этого можно предложить и другой вопросъ, именно: если Богъ не намѣревался исполнить обѣтованій, данныхъ іудеямъ, то для чего Онъ давалъ ихъ? Вѣдь только люди, не зная будущаго и часто подвергаясь обману, обѣщаютъ дары и тѣмъ, которые не достойны получить ихъ; а Тотъ, Кто предвидитъ настоящее и будущее, Кто ясно зналъ, что іудеи сдѣлаются недостойными обѣтованій и, вслѣдствіе этого, не получатъ ничего изъ сказаннаго, для чего и давалъ обѣтованія?

5. Какъ же рѣшилъ это Павелъ? Онъ показалъ, кто такой Израиль, которому Богъ далъ обѣтованія. А когда это было показано, то вмѣстѣ съ тѣмъ было и доказано, что всѣ обѣтованія исполнились. Указывая на это, онъ и сказалъ: *не вси бо сущіи отъ Израиля, сіи Израиль*. (Апостолъ) употребилъ имя Израиля, а не Іакова потому, что это имя было знакомъ его добродѣтели, праведности и дара, полученнаго свыше, и того, что Іаковъ видѣлъ Бога. Но скажешь: всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей, а если всѣ согрѣшили, то почему одни спаслись, а другіе погибли? Потому что не всѣ захотѣли придти, хотя по волѣ Божіей всѣ спасены, такъ какъ всѣ призваны. Впрочемъ, (апостолъ) пока не говоритъ этого, но рѣшаетъ вопросъ болѣе широко, выводя изъ другихъ примѣровъ новый вопросъ, какъ и прежде онъ наибольшее затрудненіе разрѣшилъ другимъ затрудненіемъ. Когда спрашивалось, какъ, послѣ оправданія Христа, всѣ прочіе стали участвовать въ этой праведности, онъ привелъ въ примѣръ Адама, сказавъ: *аще бо единаго прегрѣшеніемъ смерть царствова, множае паче избытокъ благодати пріемлюще въ жизни воцарятся* (Рим. V;

4). Вопроса объ Адамѣ онъ не рѣшаетъ, но его примѣромъ рѣ- 555
шаетъ свой вопросъ и доказываетъ, что есть большее основаніе допускать, чтобы умершій за нихъ имѣлъ надъ ними власть, какую хочетъ. Большинству кажется не совсѣмъ сообразнымъ съ разумомъ, чтобы за грѣхъ одного терпѣли наказаніе всѣ, а гораздо сообразнѣе съ разумомъ и приличнѣе Богу, чтобы за услугу одного всѣ были оправданы. Но, однако, (апостолъ) не рѣшилъ перваго затрудненія, потому что, насколько болѣе оно оставалось неяснымъ, настолько сильнѣе заграждались уста іудея, недоумѣніе касательно послѣдняго затрудненія переходило на первое и послѣднее дѣлалось отъ того яснѣе. Такъ и здѣсь (Павелъ) разрѣшаетъ вопросъ посредствомъ новыхъ затрудненій, потому что у него было состязаніе съ іудеями. Потому-то онъ не рѣшаетъ вполнѣ примѣровъ, имъ представленныхъ, къ чему, какъ состязавшійся съ іудеями, и не былъ обязанъ, но, однако, этими примѣрами объясняетъ все, что ему было нужно. Почему ты удивляешься, говоритъ онъ, что одни изъ іудеевъ спаслись, а другіе нѣтъ? Всякій знаетъ, что въ древности случилось тоже и съ патріархами. Почему одинъ только Исаакъ называется сѣменемъ Авраама, хотя Авраамъ былъ отцемъ Измаила и многихъ другихъ? Не потому ли, что мать Измаила была раба? Но какое это имѣетъ отношеніе къ сыну? Впрочемъ, не спорю; пусть Измаилъ будетъ исключенъ ради матери. Но что сказать о дѣтяхъ Хеттуры? Не свободными ли они были и не отъ свободной ли родились? Почему же они не удостоились преимуществъ, данныхъ Исааку? И что говорю о нихъ? Ревѣкка была единственною женою Исаака, родила двоихъ сыновей и обоихъ отъ Исаака, однако родившіеся, будучи отъ одного и того же отца и отъ одной матери, причинивъ ей однѣ и тѣ же болѣзни рожденія, будучи единокровными, единоутробными и, сверхъ того, близнецами, получили не одинаковыя права. Здѣсь нельзя уже тебѣ сослаться на рабство матери, какъ въ отношеніи къ Измаилу, и на то, что они родились не изъ одной утробы, какъ въ отношеніи къ дѣтямъ Хеттуры и Сарры, но здѣсь въ одинъ и тотъ же часъ чувствовались болѣзни рожденія. Потому и Павелъ, какъ бы считая послѣдній примѣръ болѣе яснымъ, говоритъ, что это сбылось не съ однимъ Исаакомъ, *но и Ревекка отъ единаго ложа Исаака отца нашего имущи. Еще бо не рождшимся, ни сотворшимъ что благо или зло, да по избранію предложеніе Божіе пребудетъ, не отъ дѣлъ, но отъ призывающаго речеся ей, яко болій поработаетъ меньшему: якоже есть писано: Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ* (ст. 11—13). Почему одинъ былъ любимъ, а другой ненавидимъ? Почему одинъ служилъ, а другой принималъ услуги? Развѣ потому, что одинъ

былъ порочень, а другой добръ? Но вѣдь когда они еще не родились, одинъ удостоился чести, а другой былъ осужденъ, такъ какъ еще до рожденія ихъ Богъ сказалъ, *яко болій поработаетъ меньшему*. Почему же Богъ сказалъ это? Потому что Онъ не ждетъ, какъ человѣкъ, окончанія дѣла, чтобы видѣть, кто добръ, кто нѣтъ, но и прежде этого знаетъ, кто порочен и кто нѣтъ. Тоже самое случилось и съ израильтянами, притомъ гораздо чудеснѣе. Что говорить,—продолжаетъ,—объ Исавѣ и Іаковѣ, изъ которыхъ одинъ былъ порочень, а другой добръ? И у израильтянъ грѣхъ былъ общій: они всѣ поклонились тельцу, однако же одни были помилованы, а другіе нѣтъ. *Помилую*, говоритъ, *егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (ст. 15). Это же можно видѣть и на тѣхъ, которые наказываются. Что можно сказать о фараонѣ,— почему онъ былъ наказанъ и подвергся столь великому наказанію? Потому что былъ жестокъ и непокоренъ. Но развѣ онъ одинъ
556 только былъ таковъ, а другого никого не было? Почему же онъ былъ наказанъ такъ строго? Почему и по отношенію къ іудеямъ Богъ не сказалъ обо всемъ народѣ, а также не всѣхъ удостоилъ одинаковой чести? Сказано: *аще будутъ яко песокъ морскій, останокъ ихъ спасется* (Ис. х, 22). И почему же только остатокъ? Видишь ли, сколько недоумѣній вызываетъ разсматриваемый предметъ. И вполнѣ естественно: всякій разъ какъ противника можно привести въ затрудненіе, не тотчасъ предлагай разрѣшеніе. Вѣдь если онъ самъ оказывается виновнымъ въ своемъ невѣдѣніи, то зачѣмъ тебѣ подвергаться излишней опасности? Зачѣмъ ты дѣлаешь его болѣе дерзкимъ, принимая все на себя?

6. Скажи мнѣ, іудей, на какомъ основаніи ты, находясь въ столь большихъ затрудненіяхъ и не имѣя возможности разрѣшить ни одного изъ нихъ, утруждаешь насъ вопросами по поводу призванія язычниковъ? А я, конечно, могу указать вѣрную причину, по которой язычники оправданы, вы же (іудеи) лишились обѣтованій. Итакъ, какая это причина? Та, что они оправданы вѣрою, а вы хотите оправдаться дѣлами закона и, вслѣдствіе такого своего упорства, потеряли все. *Не разумѣюще бо Божія правды, и свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася* (Рим. х, 3). Кратко сказать, блаженный (апостолъ) въ этихъ словахъ даетъ общее рѣшеніе вопроса; но для большей ясности мы изслѣдуемъ подробно каждое слово, имѣя въ виду, что желаніемъ блаженнаго Павла было—научить посредствомъ всего сказаннаго, что одинъ только Богъ знаетъ достойныхъ, а изъ людей никто, и хотя имъ и кажется, будто они хорошо знаютъ, но постоянно ошибаются въ своемъ заключеніи. Знающій же тайны уже ясно знаетъ и то, кто достоинъ вѣнцевъ, а кто—наказанія и мученія.

Потому Онъ многихъ, которые, по мнѣнію людей, были добры, изобличивъ, наказалъ, и многихъ, которые считались порочными, увѣнчалъ и засвидѣтельствовалъ, что они не таковы. Онъ произноситъ приговоръ не по отзыву рабовъ, но по собственному строгому и безпристрастному суду и не ожидаетъ окончанія дѣла, чтобы одного признать дурнымъ, а другого нѣтъ. Впрочемъ, чтобы не сказать опять чего-либо неяснаго, обратимся къ апостольскимъ словамъ. *Не точію же, но и Ревекка отъ единаго ложа имущи.* Хотя я могъ бы, разсуждаетъ (апостолъ), указать и на дѣтей Хеттуры, но не говорю объ этомъ, а чтобы въ совершенствѣ одержать побѣду, привожу въ примѣръ рожденныхъ отъ одного отца и отъ одной матери. Оба родились отъ Ревекки и Исаака, законнаго сына безукоризненнаго и всѣмъ предпочтеннаго отца, которому сказано: *во Исаацѣ наречется ти сѣмя,* и который содѣлался отцемъ всѣхъ насъ. А если онъ нашъ отецъ, то и происшедшіе отъ него должны быть отцами, но этого не было. Ты видишь, что не съ однимъ Авраамомъ, но и съ сыномъ его случилось это,—что вездѣ блистаютъ вѣра и добродѣтель и онѣ означаютъ подлинное родство. Отсюда мы узнаемъ, что дѣти Авраама называются его дѣтьми не только по рожденію, но и потому, что достойны добродѣтели родившаго. А если бы назывались только по одному рожденію, то Исаву надлежало бы пользоваться равными съ Іаковомъ правами, потому что и Исавъ произошелъ отъ омертвѣвшей утробы, и его мать была безплодна. Но требовалось не одно только рожденіе, а и нравъ, который не является чѣмъ-либо случайнымъ, но служитъ къ назиданію въ нашей жизни. И (апостолъ) не говоритъ, что такъ какъ одинъ былъ добръ, а другой порочень, то первый вслѣдствіе этого и былъ предпочтенъ,— чтобы тотчасъ не возразили ему: какъ же? кто болѣе добръ? тѣ 557
ли, кто изъ язычниковъ, или тѣ, кто изъ обрѣзанныхъ? Хотя (апостолъ) могъ бы въ этомъ сослаться на дѣйствительный опытъ, но онъ не дѣлаетъ этого, такъ какъ это казалось ему очень жестокимъ, а онъ все возложилъ на божественный разумъ, съ которымъ никто не можетъ осмѣлиться бороться, за исключеніемъ развѣ совершенно безумнаго. *Еще бо не рождшимся,* говоритъ, *ни сотворившимъ что благо или зло, речеся ей, яко болій поработаетъ меньшему,* и доказываетъ, что никакой нѣтъ пользы въ благородствѣ по плоти, но потребна душевная добродѣтель, которую Богъ знаетъ еще прежде дѣлъ. *Еще бо не рождшимся, ни сотворившимъ что благо или зло, да по избранію предложеніе Божіе пребудетъ, речеся ей, яко болій поработаетъ меньшему.* Избирать отъ самаго рожденія есть дѣло предвѣдѣнія: чтобы обнаружилось, говоритъ, избраніе Божіе, совершившееся по изволенію и предвѣдѣнію; Богъ

съ перваго дня узналъ и предрекъ и добраго, и не добраго. Итакъ, не говори мнѣ, продолжаетъ (апостолъ), что ты прочиталъ законъ и пророковъ и столько времени служилъ. Знающій и испытующій душу знаетъ также, кто достоинъ спасенія. Потому уступи непостижимому въ избраніи; Онъ одинъ правильно знаетъ, кого увѣнчать. Сколько было такихъ, которые, судя по внѣшнему свидѣтельству дѣлъ, казались лучше Матѳея? Но тотъ, кто знаетъ тайны и умѣетъ испытывать способности ума, замѣтилъ жемчужину, лежащую въ грязи, и, миновавъ другихъ и дивясь благообразію Матѳея, избралъ его и, приложивъ къ благородству его воли собственную благодать, явилъ его достойнымъ. Кто способенъ судить о временныхъ этихъ искусствахъ или о всѣхъ прочихъ дѣлахъ, тотъ избираетъ не то, что одобряютъ люди несвѣдущіе, а то, что самъ въ совершенствѣ знаетъ, и одобряемое невѣждами нерѣдко отвергаетъ, а отвергаемое ими одобряетъ. Такъ поступаютъ въ выборѣ коней занимающіеся ихъ обученіемъ, а также и оцѣнщикъ дорогихъ камней и свѣдующіе въ остальныхъ искусствахъ. Тѣмъ болѣе человѣколюбецъ Богъ, безконечная премудрость, одинъ все ясно знающій, не будетъ держаться людскихъ мнѣній, но о всемъ произнесетъ приговоръ по собственной премудрости, совершенно точной и непреткновенной. Такъ Онъ избралъ и мытаря, и разбойника, и блудницу, а первосвященниковъ, старѣйшинъ и правителей предалъ безчестію и отвергъ.

7. Всякій знаетъ, что тоже самое случилось и съ мучениками. Многіе изъ людей, совершенно отверженныхъ, были увѣнчаны во время гоненій, и напротивъ иные, считавшіеся въ народѣ великими, преткнулись и пали. Итакъ, не требуй отчета у Творца, и не спрашивай, почему одинъ былъ увѣнчанъ, а другой наказанъ. Онъ умѣетъ совершать все по справедливости, почему и сказалъ: *Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ*. Что это было справедливо, ты узналъ изъ послѣдствій, но Богъ ясно это зналъ и прежде конца. Онъ требуетъ не только обнаруженія дѣлъ, но и благородной воли и благоразумной мысли. Такой человѣкъ, хотя бы когда-нибудь и согрѣшилъ подъ вліяніемъ какого-нибудь обстоятельства, скоро исправится; хотя бы ему случилось и закоснѣть въ порокѣ, онъ не будетъ презрѣнъ, но всевѣдущій Богъ скоро вспомнитъ о немъ. А равно человѣкъ развращенный, хотя бы и сдѣлалъ что-нибудь повидимому доброе, погибнетъ, потому что дѣлаетъ это съ худымъ расположеніемъ. Такъ Давидъ, совершивъ убійство и прелюбодѣяніе, скоро загладилъ свои преступленія, потому что увлеченъ былъ обстоятельствами и сдѣ-
558 лалъ это не вслѣдствіе привязанности къ пороку; а фарисей, не совершившій ничего подобнаго и даже хвалившійся добрыми

дѣлами, все погубилъ злою волею. *Что убо речемъ? Еда неправда у Бога? Да не будетъ* (ст. 14). Итакъ, Богъ справедливъ и къ намъ, и къ іудеямъ. Потомъ (апостолъ) прибавляетъ другую мысль, которая темнѣе предыдущей. Какую же? *Моисеови бо глаголетъ: помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю* (ст. 15). Опять онъ усиливаетъ возраженіе, прерывая его на половинѣ, разрѣшая и снова вводя другое затрудненіе. Но чтобы слова эти сдѣлать болѣе ясными, необходимо истолковать ихъ. Богъ еще до рожденія Іакова и Исава, разсуждаетъ (апостолъ), сказалъ, *яко болій поработаетъ меньшему*. Итакъ, чтоже? Неужели Богъ несправедливъ. Нисколько. Слушай дальше. Іаковъ и Исавъ различались—одинъ добродѣтелью, другой пороками; но іудеи всѣ совершили одинъ и тотъ же грѣхъ, именно—слили тельца, и однако одни были наказаны, а другіе нѣтъ. Потому Богъ сказалъ: *помилую, его же аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю.* Не твое, Моисей, дѣло знать, кто достоинъ человѣколюбія, но предоставь это Мнѣ. А если не Моисеево дѣло знать это, тѣмъ болѣе не наше. Потому (апостолъ), чтобы убѣдить возражающаго и достоинствомъ лица, не просто привелъ эти слова, но упомянулъ, кому они были сказаны. *Моисеови бо глаголетъ*, говоритъ онъ. Высказавъ же рѣшеніе затрудненія, онъ прерываетъ его на половинѣ, вводя новое противоположное и говоритъ такъ: *тѣмже убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога. Глаголетъ бо Писаніе Фараонови: яко на истое сіе воздвигохъ тя, яко да покажу тобою силу Мою, и да возвѣстится имя Мое по всей земли* (ст. 16, 17). Какъ выше сказалъ, что одни были спасены, а другіе наказаны, такъ и здѣсь говоритъ, что фараонъ былъ сохраненъ для наказанія. Потомъ опять вводитъ противоположеніе. *Тѣмже убо егоже хощетъ, милуетъ, а егоже хощетъ, ожесточаетъ. Речеши убо ми: чесо ради еще укоряетъ? Воли бо Его кто противитися можетъ* (ст. 18, 19)? Видишь ли, какъ (апостолъ) всѣми мѣрами постарался сдѣлать вопросъ затруднительнымъ? И не тотчасъ даетъ рѣшеніе, дѣлая и это съ пользою, но сперва заграждаетъ уста возражающему, говоря такъ: *тѣмже убо, о человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови* (ст. 20)? (Апостолъ) дѣлаетъ это съ цѣлью устранить праздное его любопытство и излишнюю суетливость, налагая на него узду и внушая понимать различіе между Богомъ и человѣкомъ, а также то, какъ непостижимъ божественный промыслъ и превышаетъ наше разумѣніе, и какъ все должно покоряться Богу; и это онъ дѣлаетъ для того, чтобы, убѣдивъ въ этомъ слушателя, укротивъ и смиривъ его мысль, съ большимъ удобствомъ можно было дать свое рѣшеніе и слова свои сдѣлать для слушателя вполнѣ понятными.

И не говоритъ, что невозможно этого рѣшить, но что? Считаетъ преступнымъ и спрашивать объ этомъ, такъ какъ что сказано Богомъ, тому должно повиноваться, а не разслѣдовать, хотя бы мы и не знали причины. Потому (апостолъ) и говоритъ: *ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови?* Замѣчаешь ли, какъ онъ уничижилъ и низложилъ надменность? *Ты кто еси?* Развѣ ты участникъ власти? Ужъ не назначенъ ли ты судьею для Бога? Но вѣдь въ сравненіи съ Богомъ тебя нельзя и назвать чѣмъ-нибудь, нельзя и сказать, что ты то или другое, но ничто. А спросить: *ты кто еси?*—гораздо уничижительнѣе, нежели сказать: ты ничто. И вообще своимъ вопросомъ (апостолъ) выражаетъ большое негодованіе. Онъ не сказалъ: кто ты, говорящій Богу?—но: *противъ отвѣщаяй*, то есть ты, который споришь, противишься. Говорить:
559 „слѣдовало такъ", „не слѣдовало такъ"—это значитъ препираться. Видишь, какъ апостолъ устрашилъ, поразилъ, заставилъ больше трепетать, чѣмъ спрашивать и любопытствовать? Это свойственно опытнѣйшему учителю—не слѣдовать во всемъ желанію учениковъ, но вести ихъ по своей волѣ, сперва исторгнуть терніе, а потомъ бросать сѣмена и не вдругъ давать отвѣтъ на каждый вопросъ. *Еда речетъ зданіе создавшему е: почто мя сотворилъ еси тако? Или не имать власти скудельникъ на бреніи, отъ тогожде смѣшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь* (ст. 20, 21)?

8. Здѣсь (апостолъ) не уничтожаетъ свободной воли, но показываетъ, до какой степени должно повиноваться Богу. Въ томъ, чтобы требовать отчета у Бога, тебѣ приходится чувствовать себя не болѣе, какъ бреніемъ. И не только не должно тебѣ противорѣчить и предлагать вопросы, но даже должно и не говорить, не мыслить, уподобляться той бездушной глинѣ, которая покорна рукамъ горшечника и употребляется имъ, какъ онъ желаетъ. Для того именно и взятъ апостоломъ такой примѣръ, не въ образецъ жизни, но въ доказательство покорнаго и безмолвнаго повиновенія. И должно это наблюдать вездѣ—принимать примѣры не всѣ цѣликомъ, а выбирать изъ нихъ нужное, для чего они и приведены, а все остальное слѣдуетъ отбросить. Когда говорится: *возлегъ почи яко левъ* (Числ. XXIV, 9), то мы беремъ лишь понятіе о непобѣдимомъ и страшномъ, а не звѣрское или что-нибудь другое свойственное льву, и опять, когда говорится: *срящу ихъ аки медвѣдица лишаема* (Ос. XIII, 8), то беремъ понятіе мстительности, а когда говорится: *Богъ нашъ огнь потребляяй есть* (Второз. IV, 14), то беремъ понятіе объ истребительномъ наказаніи; такъ и здѣсь необходимо понимать слова: глина, горшечникъ и сосудъ. Когда (апостолъ) присовокупляетъ и говоритъ:

или не имать власти скудельникъ на бреніи, отъ тогожде смѣшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь?—то не думай, что у Павла это сказано въ смыслѣ творенія или для доказательства необходимости воли, но—для выраженія власти и различія въ распоряженіяхъ. Если же не въ этомъ смыслѣ мы поймемъ слова его, то получатся многія нелѣпыя слѣдствія. Вѣдь если здѣсь идетъ рѣчь о волѣ, то Богъ окажется творцемъ и добра, и зла, а человѣкъ и въ томъ, и въ другомъ ни мало не будетъ виновенъ; тогда окажется, что и Павелъ, увѣнчивая вездѣ свободную волю, самъ себѣ противорѣчитъ. Итакъ, (апостолъ) хочетъ здѣсь раскрыть не что иное, какъ убѣдить слушателя во всей полнотѣ повиноваться Богу и ни въ чемъ не требовать отъ Него отчета. Какъ горшечникъ, разсуждаетъ онъ, изъ одной и той же смѣси дѣлаетъ, что ему угодно, и никто ему не противорѣчитъ, такъ и ты не спрашивай Бога и не любопытствуй, почему Онъ однихъ изъ людей одного и того же рода наказываетъ, а другихъ награждаетъ, но благоговѣй предъ Нимъ и подражай глинѣ и, какъ она покорна рукамъ горшечника, такъ и ты покоряйся волѣ распорядителя вселенной. Онъ ничего не дѣлаетъ безъ цѣли и какъ случится, хотя самъ ты и не постигаешь тайны премудрости. Ты позволяешь горшечнику изъ одной и той же смѣси приготовлять разныя издѣлія и не порицаешь его за это, а у Бога требуешь отчета относительно наказаній и почестей, а не предоставляешь Ему знать, кто достоинъ и кто не достоинъ, но такъ какъ самый составъ имѣетъ одну и ту же сущность, то предполагаешь, что и воля у всѣхъ одна и таже. Какая неосновательность! Вѣдь не отъ горшечника зависитъ, что изъ одной и той же смѣси иное идетъ для почетнаго, а другое для низкаго употребленія, а отъ распоряженія пользующихся издѣліемъ; такъ и здѣсь дѣло зависитъ отъ свободной воли. Кромѣ того, какъ замѣтилъ я выше, примѣръ должно брать въ томъ одномъ отношеніи, что человѣкъ не долженъ противорѣчить Богу, а предоставлять все Его непостижимой мудрости. Примѣръ долженъ быть обширнѣе того предмета, по поводу котораго онъ приводится, чтобы могъ сильнѣе подѣйствовать на слушателей, такъ какъ если бы онъ не былъ обширнѣе и не заключалъ въ себѣ большаго, то и не могъ бы тронуть и возбудить возражающаго, какъ должно. Итакъ, (апостолъ) въ надлежащей мѣрѣ преградилъ неумѣстное упорство (слушателей), а потомъ даетъ и самое рѣшеніе. Какое же? *Аще же хотя Богъ показати гнѣвъ Свой, и явити силу Свою, пренесе во мнозѣ долготерпѣніи сосуды гнѣва совершены въ погибель: и да скажетъ богатство славы Своея на сосудѣхъ милости, яже предуготова*

560

въ славу: ихже и призва насъ не точію отъ іудей, но и отъ языкъ (ст. 22—24). Смыслъ этихъ словъ такой: фараонъ былъ сосудомъ гнѣва, то есть человѣкомъ, который своимъ жестокосердіемъ воспламенилъ гнѣвъ Божій; многократно испытавъ на себѣ Божіе долготерпѣніе, онъ не сдѣлался лучше, но остался неисправимымъ. Потому (апостолъ) назвалъ его не только сосудомъ гнѣва, но и совершеннымъ въ погибель, то есть, готовымъ къ погибели и, конечно, отъ самого себя и по собственной своей волѣ. Какъ Богъ не оставилъ ничего изъ того, что вело къ его исправленію, такъ и самъ онъ не оставилъ ничего изъ того, что служило къ его погибели и лишало его извиненія. Но однако Богъ, зная это, переносилъ все со многимъ долготерпѣніемъ, желая привести его къ раскаянію, такъ какъ если бы не хотѣлъ этого, то и не терпѣлъ бы столько времени. А такъ какъ фараонъ не захотѣлъ воспользоваться (Божіимъ) долготерпѣніемъ для покаянія, но уготовалъ себя во гнѣвъ, то (Богъ) употребилъ его на исправленіе другихъ, чтобы посредствомъ его наказанія сдѣлать другихъ болѣе усердными и показать при этомъ Свое могущество. А что Богъ хочетъ являть Свое могущество не въ наказаніяхъ, но иначе—въ благодѣяніяхъ и милостяхъ, это (апостолъ) постоянно выше утверждалъ. Если и Павелъ не хочетъ въ этомъ показывать свою силу, потому что говоритъ: *не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите* (2 Кор. XIII, 7), то гораздо болѣе Богъ. Но такъ какъ (Богъ) сперва долготерпѣлъ, чтобы привести (фараона) въ раскаяніе, а онъ не раскаялся, то не малое еще время Онъ терпѣлъ его, чтобы вмѣстѣ показать и Свою благость, и Свое могущество, не пожелаетъ ли онъ какъ-нибудь воспользоваться этимъ великимъ долготерпѣніемъ. И какъ, наказавъ (фараона), оставшагося неисправимымъ, (Богъ) показалъ Свое могущество, такъ, помиловавъ многихъ великихъ, но раскаявшихся грѣшниковъ, явилъ Свое человѣколюбіе.

561 9. Но (апостолъ) не назвалъ это человѣколюбіемъ, а славою, показывая, что это преимущественно составляетъ славу Божію и что Богъ заботился объ этомъ болѣе, чѣмъ о всемъ остальномъ. Когда же говоритъ: *яже предуготова въ славу*, то выражаетъ этимъ, что не все происходитъ отъ одного Бога, потому что, если бы это было такъ, то ничто не препятствовало бы спасаться всѣмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ (апостолъ) опять показываетъ предвѣдѣніе Божіе и уничтожаетъ различіе между іудеями и язычниками. А отсюда опять извлекаетъ не малое оправданіе для своихъ словъ. Не только изъ іудеевъ одни погибли, а другіе спаслись, но это же случилось и съ язычниками, почему (Павелъ) не сказалъ: всѣ язычники, но—*отъ языкъ*, и не (сказалъ): всѣ іудеи, но—*отъ іудей*. Какъ

фараонъ сдѣлался сосудомъ гнѣва по собственному беззаконію, такъ и спасшіеся сдѣлались сосудомъ милости по своему благочестію. И хотя большая часть принадлежитъ Богу, но однако и мы привносимъ нѣчто малое отъ себя. Потому (апостолъ) не сказалъ: сосуды заслугъ, или: сосуды дерзновенія, но: *сосуды милости*, показывая, что все принадлежитъ Богу. Также слова: *ни хотящаго, ни текущаго*, хотя и сказаны въ видѣ противоположенія, но, какъ сказанныя отъ лица самого Павла, не представляютъ никакого затрудненія. Когда онъ говоритъ: *ни хотящаго, ни текущаго*, этимъ не уничтожаетъ свободы, но показываетъ, что не все принадлежитъ человѣку, а напротивъ онъ нуждается въ благодати свыше. Должно и желать и совершать подвиги, но надѣяться нужно не на собственные подвиги, а на Божіе человѣколюбіе, какъ и въ другомъ мѣстѣ (апостолъ) сказалъ: *не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. XV, 10). И хорошо сказалъ: *яже предуготова въ славу*. Такъ какъ іудеи укоряли (христіанъ) тѣмъ, что они спасаются по благодати, и думали этимъ пристыдить ихъ, то (Павелъ) вполнѣ устраняетъ такую мысль. Если дѣло спасенія принесло славу Богу, то гораздо болѣе и тѣмъ, чрезъ кого Богъ прославился. Замѣть же благомысліе и неизреченную мудрость (апостола). Разсуждая о наказанныхъ, онъ могъ бы представить въ примѣръ не фараона, но согрѣшившихъ изъ іудеевъ, сдѣлать свою рѣчь болѣе ясною, доказать, что даже и тамъ, гдѣ были одни и тѣ же отцы и одни и тѣ же грѣхи, одни погибли, а другіе были помилованы, и убѣдить ихъ болѣе не недоумѣвать по поводу того, что нѣкоторые изъ язычниковъ спаслись, тогда какъ іудеи погибли. Но (апостолъ), чтобы не сдѣлать свою рѣчь непріятною, не быть вынужденнымъ назвать іудеевъ сосудами гнѣва, въ примѣръ наказанія представляетъ варвара, примѣры же помилованныхъ заимствуетъ изъ іудейскаго народа. И хотя (апостолъ) достаточно оправдываетъ Бога, Который, хорошо зная, что (фараонъ) уготовалъ себя въ сосудъ гнѣва, употребилъ съ Своей стороны все—ожиданіе, долготерпѣніе и не просто долготерпѣніе, но великое долготерпѣніе, — однакоже не захотѣлъ сказать, что (Богъ) также поступалъ и съ іудеями. Почему же одни бываютъ сосудами гнѣва, а другіе сосудами милости? По собственной своей волѣ. Но Богъ, по безмѣрной Своей благости, оказываетъ милость тѣмъ и другимъ. Онъ миловалъ не только спасаемыхъ, но и фараона, сколько могъ, и тѣ, и этотъ пользовались одинаковымъ долготерпѣніемъ. А если (фараонъ) не былъ спасенъ, то совершенно вопреки волѣ Божіей, такъ какъ со стороны Бога (фараонъ) не имѣлъ ничего меньше спасенныхъ. Итакъ (апостолъ), представивъ рѣшеніе вопроса на

основаніи дѣлъ, для большей несомнѣнности сказаннаго приводитъ и слова пророковъ, которые предвозвѣстили тоже. И Осія, говоритъ онъ, давно писалъ объ этомъ такъ: *нареку не люди моя, люди моя, и не возлюбленную, возлюбленну* (ст. 25; срав. Осіи II, 23).
562 Чтобы не сказали: ты вводишь насъ въ заблужденіе, говоря это— (апостолъ) призвалъ во свидѣтели Осію, который взываетъ и говоритъ: *нареку не люди моя, люди моя.* Кто же это были—*не люди моя*? Очевидно, язычники. Кто — *невозлюбленная*? Опять они же. Однакоже о нихъ сказано, что будутъ народомъ, возлюбленною и сынами Божіими. *Тамо нарекутся сынове Бога живаго*, продолжаетъ (апостолъ) (ст. 26). Если станутъ говорить, что это сказано объ увѣровавшихъ изъ іудеевъ, то и тогда наше толкованіе будетъ умѣстно. Если произошла такая перемѣна съ тѣми, которые послѣ многихъ благодѣяній оказались неблагодарными и чуждыми, утратили даже то, что дѣлало ихъ народомъ, то что могло воспрепятствовать призванію и удостоенію за послушаніе такихъ же милостей тѣхъ, которые отчуждены были не послѣ того, какъ приняты, но съ самаго начала были чужды? (Апостолъ) не довольствуется тѣмъ, что сослался на Осію, но послѣ него приводитъ слова Исаіи, который говоритъ согласно съ Осіею. *Исаія же*, продолжаетъ (Павелъ), *вопіетъ о Израили* (ст. 27), то есть смѣло и не скрываясь провозглашаетъ. Итакъ, почему вы обвиняете насъ, когда и пророки громче трубы возглашаютъ тоже? Что же вопіетъ Исаія? *Аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морскій, останокъ спасется* (Ис. X, 22). Ты видишь, что и по словамъ Исаіи не всѣ будутъ спасены, но лишь достойные спасенія? Я не боюсь множества, говоритъ (Богъ), и Меня не устрашаетъ родъ, такъ размножившійся, но Я спасаю только тѣхъ, которые оказываются того достойными. И не просто (пророкъ) упомянулъ о пескѣ морскомъ, но напоминаетъ имъ и о ветхозавѣтномъ обѣтованіи, котораго они сдѣлались недостойными. Итакъ, почему же вы волнуетесь, ссылаясь на то, будто обѣтованіе нарушено, когда всѣ пророки объявляютъ, что не всѣ спасаются? Потомъ онъ говоритъ и объ образѣ спасенія. Замѣчаешь ли точность пророка и благоразуміе апостола, который приводитъ свидѣтельство наиболѣе подходящее? Оно не только показываетъ, что спасутся не всѣ, а нѣкоторые, но и добавляетъ, какъ спасутся. Какъ же они спасутся и какимъ образомъ Богъ удостоитъ ихъ благодѣянія? *Слово скончавая и сокращая въ правдѣ*, говоритъ (пророкъ), *яко слово сокращено сотворитъ Господь на земли* (ст. 28, срав. Ис. X, 23). Это значитъ слѣдующее: не нужно далеко ходить, трудиться и утомлять себя дѣлами законными, напротивъ спасеніе совершится весьма краткимъ образомъ. Та-

кова вѣра: она въ краткихъ словахъ содержитъ спасеніе. *Аще бо исповѣси усты твоими Господа Іисуса*, говоритъ (апостолъ), *и вѣруеши въ сердцѣ твоемъ, яко Богъ Того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися* (Рим. x, 9).

10. Понялъ ли ты, что значитъ: *слово сокращено сотворитъ Господь на земли?* Достойно удивленія то, что краткое слово это принесло не только спасеніе, но и праведность. *И якоже пророче Исаія: аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, якоже Содомъ убо были быхомъ, и якоже Гоморру уподобилися быхомъ* (ст. 29. Срав. Ис. I, 9). Опять (апостолъ) доказываетъ здѣсь нѣчто другое,—именно то, что и немногіе спаслись не сами собою. И они погибли бы и претерпѣли бы участь Содома, то есть подверглись бы истребленію,—такъ какъ и содомляне погибли всѣ безъ исключенія и отъ нихъ не осталось даже и случайнаго сѣмени; и эти, продолжаетъ (апостолъ), погибли бы, какъ и тѣ, если бы Богъ не оказалъ великой благости и не сохранилъ ихъ ради вѣры. Это произошло и во время чувственнаго (вавилонскаго) плѣна, потому что большинство іудеевъ были отведены въ плѣнъ и погибли, а немногіе только спаслись. *Что убо*, говоритъ, *речемъ?* 563
Яко языцы не гонящіи правду, постигоша правду, правду же, яже отъ вѣры. Израиль же гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже (ст. 30, 31). Здѣсь, наконецъ, самое ясное рѣшеніе. Такъ какъ (апостолъ) на основаніи дѣлъ доказалъ, что не *вси сущія отъ Израиля, сіи Израиль*, и подтвердилъ это предками Іакова и Исава и свидѣтельствомъ пророковъ, то онъ потомъ предлагаетъ самое главное рѣшеніе на основаніи Осіи и Исаіи, предварительно усиливъ недоумѣніе. Было два вопроса: о томъ, что язычники получили спасеніе, и о томъ, что они получили его не домогаясь, то есть не позаботившись о немъ. И опять касательно іудеевъ было также два недоумѣнія: іудеи не достигли спасенія, и не достигли не смотря на то, что домогались. Потому (апостолъ) употребилъ самыя сильныя выраженія. Онъ не сказалъ, что имѣли праведность, но—*постигоша*, потому что наиболѣе необычайнымъ и страннымъ было то, что искавшій не получилъ, а не искавшій получилъ. И повидимому словомъ—*гоня* (апостолъ) угождаетъ іудеямъ, но впослѣдствіи онъ наноситъ рѣшительный ударъ. А такъ какъ онъ могъ дать сильное рѣшеніе, то не побоялся и возраженіе сдѣлать болѣе непріятнымъ. Поэтому онъ не бесѣдуетъ о вѣрѣ и о праведности, изъ нея возникающей, но доказываетъ, что іудеи побѣждены прежде вѣры и осуждены по собственнымъ законамъ. Ты, іудей, говоритъ (Павелъ), не нашелъ даже законной праведности, потому что нарушилъ законъ и сталъ повиненъ клятвѣ; а язычники, вошедшіе не при помощи закона, а инымъ путемъ,

нашли праведность больше законной праведности, именно праведность отъ вѣры. Тоже говорилъ (апостолъ) и выше: *аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога* (Рим. IV, 2),—доказывая, что праведность отъ вѣры выше праведности отъ закона. Итакъ, выше я говорилъ, что было два недоумѣнія, а теперь стало три вопроса: что язычники нашли праведность, что нашли ее, не искавши, и что нашли праведность больше праведности отъ закона. Вопросы, противоположные первымъ, возникаютъ и касательно іудеевъ: что Израиль не нашелъ праведности, что онъ не нашелъ ея, несмотря на то, что искалъ, и что не нашелъ даже меньшей праведности. Итакъ, поставивъ слушателя въ затрудненіе, (апостолъ) предлагаетъ потомъ краткое рѣшеніе и излагаетъ причину всего сказаннаго. Какая же это причина? Та, что человѣкъ оправдывается не отъ вѣры, но отъ дѣлъ закона. Вотъ самое ясное рѣшеніе всего мѣста, которое не такъ легко было бы принято, если бы (апостолъ) предложилъ его въ началѣ; а такъ какъ онъ помѣстилъ его послѣ многихъ недоумѣній, доводовъ и объясненій, и употребилъ многочисленныя предварительныя оговорки, то и сдѣлалъ его вполнѣ понятнымъ и доступнымъ. Причиною погибели іудеевъ, говоритъ
564 онъ, было то, что *не отъ вѣры, но* какъ бы *отъ дѣлъ закона* (ст. 32) *хотѣли оправдаться*. Не сказалъ—отъ дѣлъ, но—какъ бы отъ дѣлъ закона, показывая, что они не имѣли и этой праведности. *Преткнушася бо о камень претыканія, якоже есть писано: се полагаю въ Сіонѣ камень претыканія и камень соблазна: и всякъ вѣруяй въ онь не постыдится* (ст. 33). Замѣчаешь ли опять, какъ отъ вѣры получается дерзновеніе и всеобщій даръ. Сказано вѣдь не только объ іудеяхъ, но о всемъ человѣческомъ родѣ. Всякій, говоритъ (апостолъ), и іудей, и эллинъ, и скиѳъ и ѳракіянинъ, и кто бы то ни былъ, если увѣровалъ, будетъ пользоваться большою свободою. У пророка же удивительна его рѣчь не только о томъ, что увѣруютъ, но и о томъ, что не увѣруютъ, такъ какъ преткнуться значитъ не увѣровать. Какъ выше, разсуждая о погибшихъ и спасаемыхъ, (апостолъ) сказалъ: *аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морскій, останокъ спасется,* и еще: *аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, якоже Содомъ убо были быхомъ,* и также: *призва не точію отъ Іудей, но и отъ языкъ,*—такъ и здѣсь говоритъ, что одни увѣруютъ, а другіе преткнутся; а преткновеніе происходитъ отъ невниманія и оттого, что засматриваются на что-нибудь другое. И іудеи, обращая все вниманіе на законъ, преткнулись о камень. Камень же претыканія (апостолъ) назвалъ и камнемъ соблазна, по отношенію къ настроенію и концу невѣрующихъ. Теперь ясно ли для васъ сказанное, или требуетъ

еще большаго поясненія? Думаю, что для внимательныхъ понятно, если же для иныхъ не вразумительно, то можно и, случайно встрѣтившись, спросить и узнать. Для того я и представилъ очень пространное толкованіе, чтобы, прервавъ послѣдовательность рѣчи, не быть вынужденнымъ повредить ея ясности. По той же причинѣ здѣсь я и оканчиваю слово, не предлагая нравоученія, какъ имѣю обыкновеніе дѣлать,—чтобы въ вашей памяти не затемнить множества предметовъ, о которыхъ было говорено. Теперь время заключить рѣчь, кончивъ ее надлежащимъ образомъ, то есть, славословіемъ Богу всяческихъ. Итакъ, давши общій отдыхъ—и себѣ говорившему, и вамъ слушавшимъ, воздадимъ Ему славу, потому что Его царство и сила и слава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА XVII.

Братіе, благоволеніе убо моего сердца и молитва, яже къ Богу, по нихъ есть во спасеніе (х, 1). 563

1. (Апостолъ) намѣренъ опять обвинить (іудеевъ) и притомъ сильнѣе прежняго; потому онъ опять отклоняетъ отъ себя всякое подозрѣніе въ непріязни и пользуется большимъ предварительнымъ разъясненіемъ. Не обращайте вниманія на слова и обличенія, говоритъ онъ, а на то, что я возвѣщаю это не съ враждебнымъ расположеніемъ. Не свойственно вѣдь одному и тому же лицу желать (іудеямъ) спасенія и не только желать, но молиться объ этомъ, и въ то же время ненавидѣть и отвращаться отъ нихъ; а подъ словомъ *благоволеніе* (апостолъ) разумѣетъ здѣсь, именно, сильное желаніе. Замѣть, что и молитва его приходитъ отъ сердца.
Не о томъ онъ прилагаетъ великую заботу и молится, чтобы 564
(іудеи) избѣгли наказанія, но чтобы и спаслись. И не здѣсь только, но и въ слѣдующихъ словахъ (апостолъ) обнаруживаетъ благорасположеніе, какое имѣетъ къ іудеямъ. Онъ съ великимъ усиліемъ старается, сколько можно, извинить (іудеевъ) и ищетъ для нихъ хотя бы нѣкоторой тѣни оправданія, и однако же не успѣваетъ въ этомъ, будучи побѣжденъ свойствомъ дѣлъ. *Свидѣтельствую бо имъ, яко ревность Божію имутъ, но не по разуму* (ст. 2). Итакъ, это достойно извиненія, а не осужденія. Если они были отвергнуты не по человѣческой своей природѣ, а по ревности, то справедливѣе жалѣть ихъ, нежели наказывать. Но замѣть, какъ (апостолъ) мудро и угодилъ имъ словомъ, и обнаружилъ неумѣстное ихъ любопреніе. *Не разумѣюще бо Божія правды* (ст. 3),
говоритъ онъ. Еще предлогъ къ извиненію, который впослѣдствіи 565

усиливаетъ обвиненіе и лишаетъ всякаго оправданія. *И свою правду*, говоритъ, *ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася*. Этими словами онъ показываетъ, что іудеи впали въ заблужденіе больше по упорству и властолюбію, чѣмъ по невѣдѣнію, и даже не представили той праведности, какая требуется закономъ, что (апостолъ) и выразилъ словами—*ищуще поставити*. Впрочемъ, ясно (апостолъ) и не раскрылъ этого, такъ какъ не сказалъ, что они лишены той и другой праведности, но со свойственнымъ ему благоразуміемъ сдѣлалъ только весьма вразумительный намекъ. Если іудеи усиливались еще представить законную праведность, то ясно, что не представили. А если не покорились правдѣ Божіей, то и лишились ея. Праведность же іудеевъ (апостолъ) называетъ собственною или потому, что законъ не имѣлъ уже силы, или потому, что она пріобрѣталась трудами и потомъ; а правдою Божіею онъ называетъ праведность отъ вѣры, потому что она пріобрѣтается единственно по благодати свыше и мы оправдываемся не трудами, но по дару Божію. Но тѣ, которые постоянно противятся Святому Духу и усиливаются оправдаться посредствомъ закона, далеки отъ вѣры; будучи же далекими отъ вѣры и не получивъ оправданія, даруемаго вѣрою, а равно не имѣя возможности оправдаться закономъ, они все потеряли. *Кончина бо закона Христосъ въ правду всякому вѣрующему* (ст. 4). Замѣть благоразуміе Павла. Такъ какъ то и другое онъ назвалъ правдою, то, чтобы увѣровавшіе изъ іудеевъ не подумали, что они имѣютъ одну правду, а лишены другой и потому обвиняются въ беззаконіи (вѣдь имъ, какъ новообращеннымъ, надлежало еще опасаться), и чтобы іудеи опять не предполагали исполнить правду и не говорили: если мы доселѣ не исполнили, то безъ сомнѣнія исполнимъ,—смотри, что дѣлаетъ (апостолъ). Онъ доказываетъ, что праведность одна, что законная праведность заключается въ праведности по вѣрѣ и кто пріобрѣлъ праведность по вѣрѣ, тотъ исполнилъ и праведность законную, а кто отвергъ первую, тотъ лишился и послѣдней. Если Христосъ есть цѣль закона, то не имѣющій Христа, хотя бы и думалъ, что имѣетъ праведность, однако не имѣетъ ея, а имѣющій Христа, хотя бы и не исполнилъ закона, всего достигъ. Цѣль врачеванія есть здоровье. Какъ тотъ, кто можетъ сдѣлать здоровымъ, хотя бы и не зналъ врачебнаго искусства, все имѣетъ, а не умѣющій вылѣчить, хотя бы и думалъ, что слѣдуетъ искусству, всего лишается, такъ бываетъ и относительно закона и вѣры: кто имѣетъ вѣру, тотъ достигъ цѣли закона, а кто внѣ вѣры, тотъ чуждъ и вѣры, и закона. Чего желалъ, именно, законъ? Сдѣлать человѣка праведнымъ. Но онъ оказался безсиленъ, потому что никто не исполнилъ закона. Та-

кова была цѣль закона, къ этому все клонилось, для этого все совершалось—и праздники, и заповѣди, и жертвы, и все остальное, чтобы человѣкъ оправдался. Но этой цѣли вѣрнѣе достигъ Христосъ посредствомъ вѣры. Итакъ, не бойся, говоритъ (апостолъ), что ты нарушаешь законъ, послѣ того какъ пришелъ къ вѣрѣ: ты тогда преступаешь законъ, когда по причинѣ закона не будешь вѣровать во Христа; когда же увѣруешь въ Него, тогда ты исполнилъ и законъ, даже гораздо больше, потому что ты достигъ гораздо большей праведности. Такую свою мысль (апостолъ) подтверждаетъ и Писаніемъ. *Моисей пишетъ правду, юже отъ закона*, говоритъ онъ. Это значитъ: Моисей показываетъ намъ, въ чемъ состоитъ законная праведность и какова она. Итакъ, въ чемъ она состоитъ и какъ пріобрѣтается? Исполненіемъ заповѣдей. *Сотворивый та, живъ будетъ въ нихъ*, говоритъ онъ. Сдѣ- 566
латься праведнымъ по закону нельзя иначе, какъ исполнивши всѣ заповѣди, но это никому не оказалось возможнымъ.

2. Итакъ, праведность эта уничтожилась. Но скажи намъ, Павелъ, о другой праведности, о праведности по благодати,—въ чемъ она состоитъ и какъ пріобрѣтается? Выслушай, насколько ясно (апостолъ) описываетъ ее. Послѣ того какъ онъ обличилъ праведность по закону, онъ переходитъ къ праведности по благодати и говоритъ: *а яже отъ вѣры правда, сице глаголетъ: да не речеши въ сердцы твоемъ: кто взыдетъ на небо? сирѣчь Христа свести. Или кто снидетъ въ бездну? сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести. Но что глаголетъ? Близъ ти глаголъ есть во устѣхъ твоихъ, и въ сердцы твоемъ, сирѣчь глаголъ вѣры, егоже проповѣдаемъ. Яко аще исповѣси усты твоими Господа Іисуса, и вѣруеши въ сердцы твоемъ, яко Богъ Того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися* (ст. 6—9). Итакъ, чтобы іудеи не могли сказать: какимъ же образомъ нашли большую праведность тѣ, которые не нашли меньшей?—(апостолъ) приводитъ безспорное доказательство, что новый путь легче прежняго. Тамъ требовалось исполненіе всѣхъ заповѣдей: когда все исполнишь, живъ будешь; а праведность отъ вѣры не то говоритъ, но что же именно? *Аще исповѣси усты Господа Іисуса, и вѣруеши въ сердцы твоемъ, яко Богъ Того воздвиже отъ мертвыхъ, спасешися.* Потомъ, чтобы вслѣдствіе доказательства, что путь этотъ удобенъ и легокъ, не показалось, что онъ не стоитъ и вниманія, смотри, какъ (апостолъ) распространяется о немъ. Не тотчасъ приступилъ къ тому, о чемъ мы сказали, но что говоритъ? *А яже отъ вѣры правда, сице глаголетъ: да не речеши въ сердцы твоемъ: кто взыдетъ на небо? сирѣчь Христа свести? Или кто снидетъ въ бездну? сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести.* Какъ нерадѣніе и разслабленіе, обезсиливающія труды, сопротивляются добро-

дѣтели, обнаруживающейся въ дѣлахъ, и нужна сильно бодрствующая душа, чтобы не уступить, такъ и всякій разъ, когда необходимо увѣровать, возникаютъ помыслы, возмущающіе и разслабляющіе мысли многихъ и, чтобы отразить ихъ, нужна душа исполненная силъ. Потому (апостолъ) обнаруживаетъ эти самые помыслы, и какъ поступилъ, разсуждая объ Авраамѣ, такъ дѣлаетъ и здѣсь. Доказавши тамъ, что Авраамъ оправдался вѣрою, (апостолъ), чтобы не подумали, что онъ пріобрѣлъ столь великій вѣнецъ напрасно и даромъ, восхваляетъ свойство вѣры и говоритъ: *иже паче упованія во упованіе вѣрова, во еже ему быти отцу многимъ языкомъ. И не изнемогъ вѣрою, ни усмотри своея плоти уже умерщвленныя, и мертвости ложесnъ Сарриныхъ. Во обѣтованіи же Божіи не усумнѣся невѣрованіемъ, но возможе вѣрою, давъ славу Богу и извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити* (Рим. IV, 18—21). Этимъ (апостолъ) доказалъ, что Аврааму нужны были и дѣла, и душа возвышенная, принимающая то, что выше надежды, и не соблазняющаяся видимымъ. Такъ онъ поступаетъ и здѣсь и доказываетъ, что намъ необходимъ умъ любомудрый, воля сильная и стремящаяся къ небесному. Не сказалъ просто: не говори, но: *да не речеши въ сердцы твоемъ*, то есть, даже не подумай сомнѣваться и сказать самому себѣ: какъ это возможно? Видишь ли, что въ томъ преимущественно и состоитъ свойство вѣры, чтобы, отвергнувъ всѣ земныя соображенія, искать того, что выше природы и, отринувъ слабость помысловъ, при-
567 нимать все при помощи всемогущества Божія? Іудеи не только это говорили, а также и то, что оправдаться отъ вѣры невозможно. Но (апостолъ) тоже самое прилагаетъ и къ другому событію, чтобы, показавши, что оно настолько важно, что и по исполненіи своемъ требуетъ вѣры, этимъ убѣдить, что справедливо сплетать вѣнецъ вѣрующимъ. И онъ пользуется изреченіемъ ветхаго завѣта, стараясь всегда избѣгать обвиненій въ нововведеніяхъ и въ противоборствѣ ему. То, что (апостолъ) говоритъ здѣсь о вѣрѣ, Моисей говорилъ іудеямъ о заповѣди, доказывая, что они получили отъ Бога множество благодѣяній. Нѣтъ нужды говорить, разсуждаетъ (апостолъ), что должно взойти на небо, или переплыть обширное море и тогда получить заповѣди, такъ какъ Богъ сдѣлалъ это столь великое и трудное дѣло удобнымъ для насъ. Что значитъ: *близъ ти глаголъ есть*? То есть, легко, потому что спасеніе у тебя въ сердцѣ и на устахъ. Тебѣ не нужно для своего спасенія предпринимать дальній путь, переплывать море и переходить горы, напротивъ, если ты не желаешь даже переступить и порогъ, то можешь спастись и сидя дома, потому что средство ко спасенію у тебя на устахъ и въ сердцѣ. Потомъ, при-

водя новое доказательство относительно легкости слова вѣры, (апостолъ) говоритъ, что Богъ воздвигъ Христа изъ мертвыхъ. Помысли о достоинствѣ совершившаго и ты болѣе не увидишь никакого затрудненія въ этомъ дѣлѣ. Итакъ, что Христосъ есть Господь, это видно изъ воскресенія, какъ (апостолъ) сказалъ и въ началѣ посланія: *нареченнѣмъ Сынъ Божіи изъ воскресенія отъ мертвыхъ* (Рим. I, 4). А что и воскресеніе возможно, это и для совсѣмъ невѣрующихъ доказано силою совершившаго его. Итакъ, какъ скоро оправданіе и очень важно, и легко, и удобопріемлемо, даже иначе и оправдаться невозможно, то не крайнее ли это упорство, оставивъ удобное и легкое, браться за невозможное? Вѣдь никто не можетъ уже сказать, что отказался отъ дѣла по трудности его.

3. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) лишаетъ іудеевъ всякаго извиненія? Какого въ самомъ дѣлѣ оправданія заслуживаютъ тѣ, которые избираютъ самое трудное и неисполнимое, а оставляютъ легкое и могущее ихъ спасти, чего и самый законъ не въ состояніи былъ дать? Все это доказываетъ не что иное, какъ только упорную волю, противящуюся Богу. Законъ обременителенъ, а благодать легка, законъ и при безчисленныхъ усиліяхъ не спасаетъ, а благодать даетъ оправданіе какъ благодатное, такъ и законное. Итакъ, что скажутъ въ свое оправданіе тѣ, которые упорствуютъ противъ благодати и безъ пользы и цѣли держатся закона? Потомъ, такъ какъ (апостолъ) сказалъ нѣчто важное, онъ опять удостовѣряетъ въ этомъ Писаніемъ. *Глаголетъ бо Писаніе*, говоритъ онъ: *всякъ вѣруяй въ Онь не постыдится. Нѣсть бо разнствія Іудееви же и Еллину: той бо* Господь *всѣхъ, богатяй* во всемъ *и во всѣхъ призывающихъ Его. Всякъ бо, иже аще призоветъ имя Господне, спасется* (ст. 11—13). Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) приводитъ свидѣтельства о вѣрѣ и о исповѣданіи? Когда говоритъ: *всякъ вѣруяй*, указываетъ на вѣру, а когда говоритъ: *всякъ, иже аще призоветъ*, разумѣетъ исповѣданіе. Потомъ, снова возвѣщая общность благодати и низлагая надменность іудеевъ, (апостолъ) въ краткихъ словахъ напоминаетъ о томъ, что выше доказывалъ пространно, и опять подтверждаетъ, что нѣтъ разности между іудеемъ и необрѣзаннымъ.
Нѣсть бо разнствія Іудееви же и Еллину, говоритъ онъ. И что 568
выше, когда доказывалъ это, говорилъ объ Отцѣ, то говоритъ здѣсь о Христѣ. Какъ выше, раскрывая тоже самое, сказалъ: *или Іудеевъ Богъ токмо, а и не языковъ? Ей и языковъ, понеже единъ Богъ* (Рим. III, 29 и 30), такъ и здѣсь говоритъ: *той бо* Господь *всѣхъ, богатяй* во всемъ *и во всѣхъ призывающихъ Его.* Видишь ли, какъ (апостолъ) доказываетъ, что Богъ сильно желаетъ нашего спасенія, такъ что считаетъ его даже Своимъ богатствомъ. По-

тому іудеи и нынѣ не должны отчаиваться и думать, что они не могутъ быть прощены, хотя бы и пожелали покаяться. Считающій наше спасеніе Своимъ богатствомъ не перестанетъ обогащаться, такъ какъ и изливать даръ на всѣхъ для Него также есть обогащеніе. А такъ какъ іудеевъ особенно смущало то, что прежде они пользовались преимуществомъ предъ всѣмъ человѣческимъ родомъ, а теперь ради вѣры низвергаются съ ихъ престола и не имѣютъ никакого преимущества предъ остальными, то (апостолъ) неоднократно дѣлаетъ указанія на пророковъ, которые предвѣщаютъ имъ о такомъ равенствѣ. *Всякъ бо вѣруяй въ Онь*, сказано, *не постыдится*, и аще: *всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется.* И чтобы не было возраженій, въ томъ и другомъ мѣстѣ поставлено слово: *всякъ.*

Нѣтъ ничего хуже тщеславія. Оно, именно оно больше всего и погубило іудеевъ. Потому и Христосъ сказалъ имъ: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете* (Іоан. v, 44)? Тщеславіе вмѣстѣ съ гибелью и возбуждаетъ большой смѣхъ и прежде еще будущаго наказанія навлекаетъ здѣсь безчисленныя бѣдствія. И если угодно тебѣ знать это, мы, не касаясь пока небесъ, откуда тщеславіе низводитъ насъ, и геенны, въ которую оно ввергаетъ, разсмотримъ все то, что оно производитъ здѣсь. И дѣйствительно, что можетъ быть вреднѣе, постыднѣе и тяжелѣе тщеславія? Что болѣзнь эта причиняетъ убытки, доказывается безполезными и напрасными издержками на театры, ристалища и на другія столь же ненужныя развлеченія, въ родѣ постройки великолѣпныхъ и пышныхъ домовъ и всякихъ другихъ излишнихъ сооруженій, чего теперь нельзя и описать. Всякому же извѣстно, что человѣкъ расточительный, любящій пышность и страдающій болѣзнію тщеславія, по необходимости дѣлается похитителемъ и корыстолюбцемъ. Чтобы доставить пищу этому звѣрю, онъ налагаетъ свои руки на чужое имущество. И что говорить объ имуществѣ? Этотъ огонь пожираетъ не только деньги, но и души, уготовляетъ не только настоящую, но и будущую смерть. Тщеславіе есть мать геенны, сильно воспламеняетъ адскій огнь и ядовитаго червя. Всякому извѣстно, что оно и на мертвыхъ простираетъ свою власть, а что можетъ быть хуже этого? Всѣ прочія страсти прекращаются со смертію, а тщеславіе и послѣ кончины продолжаетъ свое дѣйствіе и надъ умершимъ тѣломъ силится показать свое свойство. Когда умирающіе заботятся, чтобы имъ были поставлены великолѣпные памятники, на которые надобно истратить все ихъ имущество, и стараются и въ гробѣ показать необыкновенную пышность; когда люди при жизни за одинъ

оволъ или кусокъ хлѣба оскорбляли подошедшихъ нищихъ, а умирая, готовятъ червю обильную пищу,—то какую власть ты найдешь мучительнѣе этой болѣзни? Отъ этого же зла рождается и нечистая любовь, такъ какъ многіе вовлечены въ прелюбодѣяніе не красотою лица, не похотію совокупленія, но желаніемъ 569
похвастаться: я соблазнилъ такую-то и вовлекъ въ любодѣяніе.

4. И нужно ли говорить о другихъ порокахъ, которые произростаютъ отсюда? Я предпочелъ бы лучше быть рабомъ у множества варваровъ, чѣмъ у одного тщеславія, такъ какъ варвары не повелѣваютъ того плѣнникамъ, что приказываетъ тщеславіе своимъ подчиненнымъ. Будь слугою всѣхъ, говоритъ оно, будутъ ли они знатнѣе тебя, или незначительнѣе. Не радѣй о душѣ, не заботься о добродѣтели, смѣйся надъ свободою, жертвуй своимъ спасеніемъ; а если сдѣлаешь какое-либо добро, то дѣлай не изъ угожденія Богу, но на показъ людямъ, чтобы отъ нихъ получить себѣ вѣнецъ; если подаешь милостыню, или постишься, трудъ перенеси, а пользу старайся погубить. Что можетъ быть безчеловѣчнѣе такихъ требованій? Отсюда ведутъ свое начало и зависть, и высокомѣріе, и сребролюбіе—мать всѣхъ золъ. Толпа рабовъ, одѣтые въ золото варвары, тунеядцы, льстецы, высеребренныя колесницы и многое другое, чтó и того смѣшнѣе, употребляются не для удовольствія и пользы, но изъ одного тщеславія. Да, говоришь ты, всякому извѣстно, что страсть эта—зло, но какъ намъ избѣжать ея, — вотъ о чемъ слѣдуетъ сказать. Главное, если ты вполнѣ убѣдишь себя въ томъ, что эта болѣзнь тяжела, то сдѣлаешь самое лучшее начало къ исправленію, потому что и больной немедленно ищетъ врача, какъ скоро прежде всего узнаетъ, что онъ боленъ. А если ты ищешь и другого пути избѣжать (проистекающаго отсюда зла), то взирай непрестанно на Бога и довольствуйся славою, исходящей отъ Него. Если ты замѣтишь, что страсть эта подстрекаетъ тебя и побуждаетъ разсказать о заслугахъ своихъ собратьямъ, то ты прежде всего размысли, что изъ этого разсказа не произойдетъ для тебя никакой выгоды, угаси нелѣпую страсть и скажи душѣ своей: вотъ сколько времени ты мучилась, чтобы разсказать о своихъ заслугахъ, и не могла сохранить молчанія, но всѣмъ объявила,—какая же отъ этого тебѣ польза? Пользы никакой, а вредъ всѣмъ большой — потеря всего того, что ты собрала съ великимъ трудомъ. А послѣ этого подумай и о томъ, что приговоръ и судъ народа ошибочны, къ тому же и скоро исчезаютъ. На часъ они удивляются, а какъ скоро миновало время, обо всемъ забыли; вѣнецъ, дарованный тебѣ Богомъ, похитили, а своего сохранить для тебя не съумѣли. Даже если бы людской вѣнецъ остался у тебя, то

было бы весьма жаль промѣнять его на вѣнецъ Божій; а когда и его не останется, то какое оправданіе мы будемъ имѣть въ томъ, что за преходящее отдаемъ непреходящее и за похвалы немногихъ теряемъ столь великія блага? И хотя бы многіе воздавали тебѣ похвалы, всѣ они достойны сожалѣнія, и тѣмъ больше, чѣмъ больше число людей, дѣлающихъ это. Если ты удивляешься сказанному, послушай, какъ самъ Христосъ подтверждаетъ это: *горе вамъ*, говоритъ онъ, *егда добрѣ рекутъ вамъ вси человѣцы* (Лук. VI, 26). И совершенно справедливо. Если во всякомъ искусствѣ судьями слѣдуетъ избирать художниковъ, то какъ же ты оцѣнку добродѣтели ввѣряешь толпѣ, а не тому, кто больше всѣхъ свѣдущъ въ этомъ, кто можетъ и одобрить и увѣнчать? Итакъ, напишемъ слово Христово на стѣнахъ, на дверяхъ и въ сердцѣ, и постоянно будемъ говорить сами себѣ: *горе* намъ, *егда добрѣ рекутъ* намъ *вси человѣцы*, потому что и тѣ самые, которые говорятъ о тебѣ хорошо, впослѣдствіи осуждаютъ тебя, называя тщеславнымъ, честолюбивымъ, пристрастнымъ къ люд-
570 скимъ похваламъ. Но не такъ дѣлаетъ Богъ; когда Онъ увидитъ, что ты любишь славу Его, тогда особенно похвалитъ тебя, удивится и возвѣститъ о тебѣ. А человѣкъ не такъ, но, считая тебя не свободнымъ, а рабомъ, и часто угождая тебѣ ложною похвалою, состоящею въ пустыхъ словахъ, обыкновенно похищаетъ у тебя истинную награду и подчиняетъ тебя себѣ больше, чѣмъ купленнаго раба. Вѣдь господа имѣютъ рабовъ для того, чтобы они слушались ихъ въ томъ, что приказано, а ты служишь и безъ приказаній. Ты и не ждешь, чтобы услышать что-нибудь отъ нихъ, но какъ только узнаешь, чѣмъ можно угодить имъ, все дѣлаешь, хотя бы они и не приказывали. Какой же геенны достойны будемъ мы, которые услаждаемъ дурныхъ людей и служимъ имъ прежде, нежели прикажутъ, а вовсе не слушаемъ Бога, несмотря на то, что Онъ ежедневно намъ приказываетъ и увѣщеваетъ? Если ты любишь славу и похвалы, то избѣгай похвалы человѣческой, и тогда пріобрѣтешь славу; уклоняйся отъ людскихъ одобреній, и тогда получишь многія похвалы и у Бога и у людей. Вѣдь и мы обыкновенно больше всего прославляемъ того, кто презираетъ славу, обыкновенно хвалимъ и удивляемся тому, кто ни во что ставитъ похвалы и удивленіе; если же мы такъ поступаемъ, то тѣмъ болѣе Богъ всяческихъ. А когда Богъ восхвалитъ тебя и прославитъ, кто можетъ быть счастливѣе тебя? Въ самомъ дѣлѣ, каково различіе между славою и безчестіемъ, таково же различіе между славою небесною и человѣческою, лучше же сказать, гораздо больше, до безконечности. Если же человѣческая слава ни съ чѣмъ несравнима, постыдна и безоб-

разна, то разсуди, какою окажется ея гнусность, когда сопоставимъ ее съ славою небесною. Какъ блудная женщина, находясь на кровлѣ, отдаетъ себя всѣмъ, такъ поступаютъ и рабы тщеславія, а вѣрнѣе сказать, они даже гнуснѣе и блудницъ, потому что блудницы нерѣдко пренебрегаютъ нѣкоторыми изъ полюбившихъ ихъ, а ты предлагаешь себя всякому—и бѣглецамъ, и разбойникамъ, и мошенникамъ. При помощи такихъ и подобныхъ лицъ устраиваются вами зрѣлища, возбуждающія похвалы; и тѣхъ самыхъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ, по твоему же мнѣнію, ничего не стоитъ, ты, когда они собраны вмѣстѣ, предпочитаешь собственному спасенію, этимъ показывая, что ты безчестнѣе каждаго изъ нихъ.

5. Какъ же ты не безчестнѣе, какъ скоро имѣешь нужду въ ихъ похвалахъ и не бываешь доволенъ самъ собою, если не пріобрѣтешь славы отъ другихъ? Кромѣ всего этого, скажи мнѣ, неужели ты не понимаешь, что, будучи человѣкомъ знаменитымъ и всѣмъ извѣстнымъ, ты имѣешь безчисленное множество обвинителей, если согрѣшишь, а оставаясь въ неизвѣстности, ты будешь въ безопасности? Да, говоришь ты: за то и заслугамъ моимъ удивляется безчисленное множество людей. Но въ томъ и несчастіе, что болѣзнь тщеславія вредитъ тебѣ не только тогда, когда ты грѣшишь, а и тогда, когда оказываешь заслуги, и въ одномъ случаѣ она подвергаетъ тебя безчисленнымъ укоризнамъ, въ другомъ же лишаетъ всей награды. Гибельно и исполнено всякаго безчестія любить славу въ дѣлахъ гражданскихъ, а когда та же страсть овладѣетъ тобою и въ дѣлахъ духовныхъ, тогда какое оправданіе останется тебѣ, не желающему воздать Богу такой же чести, какой самъ требуешь отъ домашнихъ? Вѣдь и рабъ смотритъ въ глаза господину, и наемникъ обращаетъ вниманіе на хозяина работы, который долженъ выдать плату, и ученикъ смотритъ на учителя,—а у тебя все напротивъ: ты, оставивъ нанявшаго тебя Бога и Владыку, смотришь на собратій, хотя самъ знаешь, что Богъ и впослѣдствіи будетъ помнить твои заслуги, а человѣкъ помнитъ только въ настоящемъ; для тебя уготовано зрѣлище на небѣ, а ты собираешь зрителей на землѣ. Бо- 571
рецъ, гдѣ подвизается, тамъ ждетъ себѣ и одобреній, а ты, подвизаясь для горняго, заботишься получить награду долу. Что можетъ быть хуже такого безумія? Посмотримъ же, если угодно, и на самые вѣнцы: иной состоитъ изъ высокомѣрія, иной изъ зависти къ другому, одинъ изъ насмѣшки и лести, другой изъ денегъ, иной изъ рабскаго служенія. Какъ дѣти во время игры возлагаютъ другъ на друга вѣнки изъ травы, и часто, увѣнчавъ кого-нибудь такъ, чтобъ онъ самъ не замѣтилъ, смѣются надъ

нимъ сзади, такъ и теперь тѣ, которые тебя хвалятъ, часто сами между собой смѣются, возложивъ на тебя траву. И пусть бы еще только траву, но ихъ вѣнецъ причиняетъ намъ большой вредъ и губитъ всѣ наши заслуги. Итакъ, разсудивъ о ничтожности его, избѣгай вреда. Сколько, по твоему мнѣнію, должно быть хвалящихъ тебя? Сто человѣкъ или вдвое, втрое, вчетверо больше, даже, если хочешь, вдесятеро, во сто разъ больше; пусть будетъ, если угодно, двѣ, четыре, десять тысячъ рукоплещущихъ; но они ничѣмъ не отличаются отъ каркающихъ воронъ, а если ты представишь себѣ зрѣлище ангеловъ, то эти рукоплещущіе окажутся ничтожнѣе червей, а ихъ одобренія слабѣе паутины, дыма, сновидѣнія. Послушай, какъ Павелъ, въ точности узнавшій людскую славу, не только не домогается ея, но и отвращается, говоря: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. VI, 14). Итакъ, и ты возревнуй объ этой похвалѣ, чтобы не разгнѣвать Господа. А ища похвалы людской, ты безчестишь не только себя, но и Бога. Будучи живописцемъ и имѣя у себя ученика, ты и самъ не перенесъ бы равнодушно, если бы онъ не сталъ тебѣ показывать произведеній своего искусства, а выставилъ бы картину на показъ простымъ зрителямъ. Если это обидно для собратій, то гораздо болѣе для Владыки. А если хочешь знать, какія еще есть побужденія презирать людскую славу, то будь исполненъ высокихъ мыслей, смѣйся надъ видимымъ, возрастай въ любви къ истинной славѣ, исполнись духовныхъ помысловъ, скажи душѣ своей, какъ говорилъ Павелъ: *не вѣси ли, яко ангеловъ судити имамы* (1 Кор. VI, 3)? И возбудивъ ее этимъ, вразуми и скажи: неужели ты, судящая ангеловъ, желаешь, чтобы тебя судили нечистые и хвалили, какъ хвалятъ плясуновъ, лицедѣевъ, звѣроборцевъ и наѣздниковъ, которые стремятся къ такимъ именно похваламъ? А ты постарайся быть
572 выше этихъ кликовъ, подражай пустынножителю Іоанну, узнай, какъ онъ презиралъ народную толпу и, видя льстецовъ, не обращалъ на нихъ вниманія; когда же всѣ жители Палестины собрались вокругъ него, удивлялись ему и приходили въ изумленіе, то онъ не хвалился и такою честію, но возставалъ противъ нихъ и, обращаясь къ многочисленному народу, какъ къ ребенку, поражалъ ихъ такими укоризнами: змѣи, *рожденія ехиднова* (Мѳ. III, 7). Хотя они сходились и оставляли города для него, чтобы видѣть эту священную главу, однако ничто не смягчило Іоанна,— такъ онъ далекъ былъ отъ славы и свободенъ былъ отъ всякой гордости. И Стефанъ, видя, что опять тотъ же народъ не чтитъ его, но неистовствуетъ и скрежещетъ зубами, поставивъ себя выше ихъ гнѣва, говоритъ: *жестоковыйніи и необрѣзаніи сердцы*

(Дѣян. VII, 51). И Илія, въ присутствіи войска, царя и всего народа, сказалъ: *доколѣ вы храмлете на обѣ плеснѣ ваша* (3 Цар. XVIII, 21)? Но мы всѣмъ льстимъ, угождаемъ, покупая себѣ этимъ раболѣпнымъ служеніемъ ихъ почтеніе. Вслѣдствіе этого все перемѣнилось, мы лишились благодати первыхъ вѣковъ, дѣла христіанства пришли въ упадокъ и все пренебрежено для людской славы. Итакъ, искоренимъ страсть, и тогда вполнѣ узнаемъ свободу, найдемъ пристань и тишину. Вѣдь тщеславный подобенъ обуреваемымъ волнами, всегда трепещетъ, боится и служитъ очень многимъ господамъ. А кто находится внѣ этой мучительной власти, тотъ подобенъ достигшимъ пристани и наслаждающимся полною свободою. Но не таковъ тщеславный, который сколькимъ бы ни былъ извѣстенъ, столько же имѣетъ и господъ и всѣмъ вынужденъ служить. Какъ же намъ освободиться отъ этого тяжкаго рабства? Если возлюбимъ другую славу, славу истинную. Какъ влюбленныхъ въ красивое лице обыкновенно отвлекаетъ отъ этой любви другое лице, которое красивѣе прежняго, такъ и пристрастныхъ къ людской славѣ можетъ отвлечь отъ нея слава, возсіявшая съ небесъ. Потому, обратимъ взоры на эту послѣднюю, узнаемъ ее въ точности, чтобы, удивившись красотѣ ея, избѣжать намъ позора славы мірской и насладиться многимъ удовольствіемъ, непрестанно утѣшаясь славою небесною, достигнуть которой да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

Како убо призовутъ, въ Негоже не вѣроваша? Како же 571
увѣруютъ, Егоже не услышаша? Какоже услышатъ безъ проповѣдающаго? Како же проповѣдятъ, аще не послани будутъ? Якоже есть писано (x, 14, 15),

1. Апостолъ опять лишаетъ іудеевъ извиненія. Сказавъ: *свидѣтельствую имъ, яко ревность Божію имутъ, но не по разуму*, и еще: *не разумѣюще Божія правды, не повинушася*, онъ показываетъ далѣе, что и за самое незнаніе они должны быть наказаны Богомъ. Впрочемъ, онъ не говоритъ этого прямо, а раскрываетъ, излагая рѣчь въ вопросахъ, и, для большей ясности доказательствъ, все это мѣсто составляетъ изъ возраженій и отвѣтовъ.
Смотри же: выше онъ сказалъ словами пророка, что *всякъ, иже* 572
аще призоветъ имя Господне, спасется. Но, можетъ быть, кто-ни-

будь скажетъ: какъ могли они призывать Того, въ Кого не увѣровали? Потомъ за возраженіемъ у него слѣдуетъ вопросъ: почему не увѣровали? И опять возраженіе,—потому что, несомнѣнно, кто-нибудь могъ бы спросить: какъ они могли увѣровать, не слышавши? Они слышали, отвѣчаетъ (апостолъ). Потомъ опять другое возраженіе: какъ могли услышать безъ проповѣдающаго? И опять отвѣтъ: многіе проповѣдывали и многіе для этого именно и были посланы. Изъ чего же видно, что они были посланы
573 для проповѣди? Тутъ, наконецъ, (апостолъ) приводитъ слова пророка: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая* (Ис. ІІ, 7). Видишь ли, какъ самымъ способомъ проповѣди онъ доказываетъ, что они были проповѣдниками. Апостолы, обходя вселенную, возвѣщали не иное что, какъ неизреченныя блага и совершившійся миръ Бога съ людьми. Потому вы, невѣрующіе, не намъ не вѣрите, говоритъ (Павелъ), но Исаіи, который за многіе годы предвозвѣстилъ, что мы будемъ посланы, станемъ проповѣдывать и станемъ говорить то самое, что и сказали. Итакъ, если спасеніе зависитъ отъ призванія, призваніе отъ вѣры, вѣра отъ слышанія, слышаніе отъ проповѣданія, проповѣданіе отъ посланія, а апостолы были посланы и проповѣдывали, даже вмѣстѣ съ ними ходилъ и пророкъ, указывалъ на нихъ, возвѣщалъ и говорилъ: вотъ тѣ самые, о которыхъ за долгое время я возвѣстилъ свыше и ноги которыхъ я восхвалялъ за способъ проповѣди,—то ясно, что невѣріе есть собственная вина іудеевъ, а со стороны Божіей все сдѣлано. *Но не вси послушаша благовѣствованія: Исаія бо глаголетъ: Господи, кто вѣрова слуху нашему? Тѣмже убо вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ* (ст. 16, 17). Но вотъ іудеи опять дѣлали новое возраженіе, говоря: „если именно эти (апостолы) были посланы и посланы отъ Бога, то слѣдовало, чтобы всѣ ихъ послушались“. И обрати вниманіе на благоразуміе Павла, какъ онъ доказываетъ, что то самое, что приводило въ смущеніе, должно уничтожить волненіе и безпокойство. Почему, говоритъ онъ, послѣ столь многочисленнаго и важнаго свидѣтельства и послѣ подтвержденія его дѣлами, тебя, іудей, соблазняетъ то, что не всѣ послушались благовѣствованія? Но именно это самое, что не всѣ слушаются, при другихъ доказательствахъ достаточно къ тому, чтобы увѣрить тебя въ истинѣ проповѣдуемаго. И объ этомъ издревле предсказалъ пророкъ. Замѣть же неизреченную мудрость (апостола), какъ онъ доказываетъ болѣе того, сколько іудеи ожидали и надѣялись противорѣчить ему. Что говорите вы, спрашиваетъ онъ? То ли, что *не вси послушаша благовѣствованія*? Но Исаія давно предсказалъ и это, вѣрнѣе же сказать, онъ предрекъ

не это одно, но и гораздо большее. Вы ставите въ вину то, что не всѣ послушались, а Исаія говоритъ и больше этого. Что же именно? *Господи, кто вѣрова слуху нашему?* Потомъ, уничтоживъ словами пророка это смущеніе, (апостолъ) держится опять прежней связи. Такъ какъ онъ сказалъ, что нужно сперва призваніе, а призываемымъ нужно увѣровать, а увѣровавшимъ прежде услышать, а готовымъ услышать необходимо имѣть проповѣдниковъ, а проповѣдники должны быть посланы, и такъ какъ онъ доказалъ, что они были посланы и проповѣдывали, то, намѣреваясь предложить еще новое возраженіе, взялъ для этого основаніе изъ другого пророческаго свидѣтельства, которымъ незадолго предъ тѣмъ рѣшилъ возраженіе, и такимъ образомъ соединяетъ его и связываетъ съ предыдущимъ. Послѣ того, какъ привелъ слова пророка: *Господи, кто вѣрова слуху нашему?* онъ, благовременно взявши и другое свидѣтельство, говоритъ: *тѣмже убо вѣра отъ слуха.* И это онъ сказалъ не безъ цѣли, такъ какъ іудеи постоянно искали чудесъ и желали видѣть воскресеніе; и такъ какъ много было такихъ, которые домогались этого, то (апостолъ) и говоритъ, что и пророкъ возвѣстилъ о томъ, что вѣра наша должна происходить отъ слышанія. Потому онъ заранѣе это и доказываетъ, говоря: *тѣмже убо вѣра отъ слуха.* А такъ какъ это, повидимому, было незначительно, смотри, какимъ образомъ онъ усиливаетъ рѣчь свою. Не о простомъ слышаніи сказалъ я, продолжаетъ онъ, не о томъ, что должно услышать человѣческія рѣчи и имъ повѣрить, но говорю о слышаніи высокомъ: *слухъ же глаголомъ Божіимъ.* Проповѣдники не свое говорили, а возвѣщали 574
то, что узнавали отъ Бога; это гораздо выше чудесъ. Богу, когда Онъ говоритъ и совершаетъ чудеса, одинаково должно вѣрить и повиноваться, потому что дѣла и чудеса производятся словомъ Его; такъ именно явилось небо и все прочее.

2. Итакъ, доказавъ, что должно вѣрить пророкамъ, которые всегда говорятъ не свое, но Божіе, и что не нужно искать ничего больше слышанія, (апостолъ) излагаетъ уже то возраженіе, о которомъ я упоминалъ, и говоритъ: *но глаголю: еда не слышаша* (ст. 18)? (Апостолъ) спрашиваетъ: что же изъ того, если проповѣдники были посланы и проповѣдывали то, что имъ повелѣно было,—вѣдь іудеи не слышали? Потомъ со всею полнотою предлагается рѣшеніе возраженія. *Тѣмже убо во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ.* Что ты говоришь, спрашиваетъ (Павелъ), неужели они не слышали? Но услышала вселенная, услышали всѣ предѣлы земные, а вы, у которыхъ проповѣдники провели столько времени и отъ которыхъ они произошли, неужели не слышали? Возможное ли это дѣло? Если

услышали предѣлы вселенной, тѣмъ болѣе вы. Потомъ опять новое возраженіе. *Но глаголю: еда не разумѣ Израиль* (ст. 19)? А если іудеи, хотя и слышали, но не поняли сказаннаго, не узнали, что посланные были тѣ самые проповѣдники, то не заслуживаютъ ли они извиненія ради такого невѣдѣнія? Нимало. Исаія вѣдь указалъ признаки проповѣдниковъ, сказавъ: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ.* А прежде Исаіи изобразилъ ихъ самъ Законодатель, почему (апостолъ) и присовокупилъ: *первый Моисей глаголетъ: азъ раздражу вы о не языцѣ, о языцѣ неразумнѣ прогнѣваю васъ.* Такимъ образомъ должно было узнать проповѣдниковъ не только потому, что іудеи не увѣровали, что проповѣдники благовѣствовали миръ и возвѣщали о благахъ и что слово сѣялось повсюду во вселенной, но и потому, что удостоены были большей чести тѣ, которые ниже іудеевъ, то есть, язычники. Язычники неожиданно стали любомудрствовать о томъ, чего никогда не слышали ни сами они, ни предки ихъ; это было знакомъ высокой чести, которая должна уязвлять іудеевъ, побуждать ихъ къ соревнованію и приводить на память пророчество Моисея—*раздражу вы о не языцѣ.* Не только величіе чести достаточно было къ тому, чтобы подвигнуть іудеевъ къ соревнованію, но и то, что народъ, удостоившійся ея, былъ настолько низокъ, что не достоинъ былъ и названія народа. *Азъ раздражу вы о не языцѣ*, сказано, *о языцѣ неразумнѣ прогнѣваю васъ.* Что было неразумнѣе и ниже язычниковъ? Посмотри, какъ Богъ заранѣе далъ іудеямъ признаки и ясныя знаменія всѣхъ этихъ временъ, чтобы отверзть слѣпоту ихъ. При томъ это происходило не въ тѣсномъ углу, но на сушѣ и морѣ и всюду во вселенной; тѣхъ, кого іудеи прежде презирали, они увидѣли обладателями безчисленныхъ благъ. Итакъ, слѣдовало понять, что это тотъ самый народъ, о которомъ говоритъ Моисей: *раздражу вы о не языцѣ, о языцѣ неразумнѣ прогнѣваю васъ.* Но одинъ ли Моисей сказалъ это? Никакъ, но и послѣ него тоже подтвердилъ Исаія. Потому Павелъ и сказалъ: *первый Моисей*, показывая, что есть и второй, говорящій о томъ же самомъ яснѣе и внятнѣе. И какъ выше сказалъ: *вопіетъ Исаія*, такъ и здѣсь: *Исаія же дерзаетъ и глаголетъ* (ст. 20). Это значитъ, что Исаія старался и употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не выразиться темно, а
575 представить дѣло предъ взорами нашими во всей наготѣ, предпочитая лучше подвергнуться опасности за то, что сказалъ ясно, нежели, заботясь о собственномъ спасеніи, оставить вамъ какой нибудь предлогъ къ извиненію; и хотя пророкъ и не обязанъ былъ говорить объ этомъ такъ ясно, однакоже онъ, чтобы совершенно заградить вамъ уста, обо всемъ предсказываетъ вполнѣ

ясно и опредѣленно. О чемъ же—обо всемъ? И о вашемъ паденіи, и о введеніи язычниковъ, говоря такъ: *обрѣтохся не ищущимъ Мене, явленъ быхъ не вопрошающимъ о Мнѣ.* Кто же эти не искавшіе и не вопрошавшіе? Очевидно, что не іудеи, а язычники, которые никогда не знали Бога. Какъ Моисей отличительный ихъ признакъ выразилъ словами: *о не языцѣ,* и: *о языцѣ неразумнѣ,* такъ и Исаія изображаетъ здѣсь тоже ихъ свойство—незнаніе въ крайней степени. Это и было самымъ важнымъ обвиненіемъ для іудеевъ, что не искавшіе нашли, а искавшіе потеряли. *Ко Израилю же глаголетъ: весь день воздѣхъ руцѣ Мои къ людемъ непокоривымъ и пререкающимъ* (ст. 21). Замѣчаешь ли, что то, что затрудняло и о чемъ многіе недоумѣвали, было извѣстно и раньше и ясно разрѣшено было еще въ пророческихъ писаніяхъ? Чтоже это такое? Ты слышалъ, что Павелъ говорилъ выше: *что убо речемъ? Яко языцы не гонящіи правду постигоша правду: Израиль же гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже.* Тоже говоритъ здѣсь и Исаія,—слова: *обрѣтохся не ищущимъ Мене, явленъ быхъ не вопрошающимъ о Мнѣ*—значатъ тоже, что и сказанное апостоломъ: *языцы не гонящіи правду постигоша правду.* Потомъ, показавъ, что совершившееся было дѣломъ не одной Божіей благодати, но и собственнаго расположенія пришедшихъ, равно какъ и паденіе іудеевъ было слѣдствіемъ упорства непослушныхъ, выслушай, что (апостолъ) прибавилъ: *ко Израилю же глаголетъ: весь день воздѣхъ руцѣ Мои къ людемъ непокоривымъ и пререкающимъ.* Подъ словомъ—*день* онъ разумѣетъ здѣсь все прошедшее время; а *воздѣвать руцѣ* значитъ у него—звать, привлекать и призывать. Потомъ, показывая, что во всемъ этомъ были виновны сами іудеи, говоритъ: *къ людемъ непокоривымъ и пререкающимъ.*

3. Замѣчаешь ли, какъ сильно обвиненіе? Іудеи нетолько не повиновались (Богу) даже тогда, когда призывалъ ихъ, но и еще противорѣчили, и притомъ не разъ, не два, не три, но и во все то время, когда видѣли, что (Богъ) зоветъ ихъ. А язычники, никогда не знавшіе Бога, имѣли силу привлечь Его къ себѣ. Впрочемъ, (апостолъ) не говоритъ, что они сами смогли привлечь къ себѣ Бога, но, низлагая гордость язычниковъ и показывая, что все произвела благодать Божія, онъ выражается: *явленъ быхъ, и обрѣтохся.* Итакъ, язычники свободны отъ всего, спросишь ты? Никакъ, но ихъ дѣломъ было взять найденное и познать открывшееся. Послѣ того, чтобы іудеи не сказали: почему же Онъ не явился и намъ? — (апостолъ) указываетъ и на нѣчто большее, говоря, что Онъ не только имъ являлся, но и не переставалъ простирать руки и призывать, являя заботливость чадолюбиваго

отца и сердобольной матери. Смотри, какое ясное рѣшеніе далъ (апостолъ) на всѣ возникшія выше недоразумѣнія, доказавъ, что іудеи погибли по собственной волѣ и во всѣхъ отношеніяхъ не
576 заслуживаютъ извиненія. Хотя они и слышали и понимали сказанное, но при всемъ томъ не захотѣли придти. И что гораздо важнѣе, Богъ не только далъ имъ услышать и уразумѣть это, но и присоединилъ и болѣе сильныя мѣры для побужденія и привлеченія упорныхъ и противящихся. Какія же именно? Ободреніе ихъ и возбужденіе соревнованія. Вы сами знаете власть этой страсти, знаете, какую силу имѣетъ соревнованіе въ дѣлѣ преодолѣнія всякаго препятствія и въ возстановленіи падшихъ. И нужно ли говорить это о людяхъ, когда соревнованіе оказываетъ великое вліяніе и на безсловесныхъ и на дѣтей въ незрѣломъ возрастѣ? Часто ребенокъ, когда зоветъ его отецъ, не слушается и продолжаетъ упрямиться; но когда видитъ, что ухаживаютъ за другимъ ребенкомъ, онъ безъ всякаго приглашенія бѣжитъ къ родительской груди, и то, чего не могла сдѣлать просьба, легко производитъ соревнованіе. Такъ и Богъ поступилъ съ іудеями. Онъ не только призывалъ ихъ, простиралъ къ нимъ руки, но и возбуждалъ въ нихъ страсть соревнованія, надѣляя благами тѣхъ, которые были гораздо ниже ихъ (а это особенно возбуждаетъ соревнованіе), и притомъ, не тѣми благами, какія даны были іудеямъ, но—что гораздо важнѣе и дѣлаетъ страсть болѣе мучительной—благами гораздо большими и нужнѣйшими, такими, какихъ іудеи и во снѣ себѣ не представляли. Но они и при всемъ томъ не послушались. Итакъ, какого извиненія достойны тѣ, которые показали свое упорство въ столь великой степени? Никакого. Впрочемъ, (апостолъ) самъ не говоритъ этого, но предоставляетъ совѣсти слушателей заключить объ этомъ на основаніи сказаннаго и въ слѣдующихъ словахъ со свойственною ему мудростію опять доказываетъ тоже самое. Какъ онъ поступалъ и выше, вводя въ разсужденіе о законѣ и о народѣ возраженія, въ которыхъ заключалось болѣе сильное обвиненіе, чѣмъ сколько было нужно, потомъ въ рѣшеніи, гдѣ опровергалось обвиненіе, уступалъ въ такой мѣрѣ, въ какой позволяли обстоятельства, чтобы не огорчить своимъ словомъ,—такъ поступаетъ и здѣсь, говоря: *глаголю убо, еда отрину Богъ люди Своя, ихже прежде разумѣ? Да не будетъ* (XI, 1). (Апостолъ), какъ бы взявши основаніе въ сказанномъ, представляетъ себя сомнѣвающимся и, произнеся эти грозныя слова, посредствомъ отрицаній ихъ дѣлаетъ удобопріемлемымъ то, что онъ старался доказать вездѣ выше и что раскрываетъ и здѣсь. Что же такое? То, что хотя число спасенныхъ и невелико, но обѣтованіе непре-

ложно. Потому не просто сказалъ—люди, но присовокупилъ: *ихже прежде разумѣ*. Далѣе, въ доказательство того, что іудеи не отвержены, говоритъ: *ибо и азъ израильтянинъ есмь, отъ сѣмене Авраамля, колѣна Веніаминова*. Я, говоритъ, учитель, проповѣдникъ. А такъ какъ это противорѣчило, повидимому, сказанному выше, именно: *кто вѣрова слуху нашему?* и: *весь день воздѣхъ руцѣ Мои къ людемъ непокоривымъ и пререкающимъ*, и еще: *Азъ раздражу вы о не языцѣ*,—то (апостолъ) не ограничился отрицаніемъ и словомъ: *да не будетъ*, но тоже самое повторяетъ утвердительно и говоритъ: *не отрину Богъ людей Своихъ* (ст. 2). Но, скажешь, это 577
не подтвержденіе, а отрицаніе. Такъ вотъ же тебѣ сперва одно, а потомъ и другое подтвержденіе. Первое,—когда (апостолъ) объявляетъ, что онъ и самъ іудей; если бы Богъ опредѣлилъ отвергнуть іудеевъ, то не избралъ бы изъ среды ихъ Павла, которому ввѣрилъ всю проповѣдь, дѣла цѣлаго міра, всѣ тайны, все домостроительство человѣческаго спасенія. Это—первый доводъ, а второй, за нимъ слѣдующій, заключается въ словахъ: *люди, ихже прежде разумѣ*, то есть, о которыхъ Онъ ясно зналъ, что они способны къ принятію вѣры и примутъ ее, такъ какъ и изъ іудеевъ увѣровали три тысячи и пять тысячъ и великое множество.

4. А чтобы кто-нибудь не возразилъ: развѣ ты составляешь народъ, и изъ того, что ты призванъ, развѣ слѣдуетъ, что призванъ цѣлый народъ?—(апостолъ) присовокупилъ: *не отрину людей Своихъ, ихже прежде разумѣ* (ст. 2). Онъ какъ бы такъ говоритъ: со мною есть три тысячи, есть пять тысячъ, есть великое множество. Такъ что же? Неужели въ трехъ, въ пяти тысячахъ и въ великомъ множествѣ людей заключается то сѣмя, которое уподоблялось можеству небесныхъ звѣздъ и морскому песку? Не явно ли ты насъ обманываешь и вводишь въ заблужденіе, когда себя и немногихъ съ тобою выдаешь за цѣлый народъ? Не пустыми ли надеждами ты обольщаешь насъ, говоря, что обѣтованіе исполнилось, тогда какъ всѣ погибли, и спасеніе досталось въ удѣлъ немногимъ? Это—хвастовство и кичливость, и мы не потерпимъ такихъ ложныхъ заключеній. Но чтобы іудеи не могли сказать этого, смотри, какой отвѣтъ даетъ (апостолъ) въ послѣдующихъ словахъ: не высказывая возраженія, но предупреждая его, онъ предлагаетъ рѣшеніе на основаніи ветхозавѣтной исторіи. Какое же это рѣшеніе? *Или не вѣсте о Иліи*, говоритъ онъ, *что глаголетъ Писаніе, яко проповѣдуетъ Богови на Израиля, глаголя: Господи, пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша и азъ остахъ единъ, и ищутъ души моея. Но что глаголетъ ему* (божественный) *отвѣтъ? Оставихъ Себѣ седмь тысячъ мужей, иже не*

преклониша колѣна предъ Вааломъ. Тако убо и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть (ст. 2—5). Смыслъ этихъ словъ таковъ: Богъ не отвергъ народа, потому что если бы отвергъ, то никого бы не принялъ, а если нѣкоторыхъ принялъ, то не отвергъ. Но если не отвергъ, говоришь ты, то, значитъ, всѣхъ принялъ? Нимало. И при Иліи спаслось не болѣе семи тысячъ, и нынѣ, вѣроятно, много есть увѣровавшихъ. Нисколько не удивительно, если вы и не знаете ихъ, такъ какъ не зналъ ихъ и пророкъ Илія, столь великій мужъ; но Богъ устроялъ Свои дѣла, хотя пророкъ и не зналъ. Замѣть же благоразуміе (апостола), какъ онъ, доказывая то, что предположилъ доказать, незамѣтно увеличиваетъ вину іудеевъ. Онъ для того вспомнилъ о всемъ этомъ свидѣтельствѣ, чтобы яснѣе обнаружить ихъ неблагодарность и показать, что они издревле таковы. А если бы онъ не имѣлъ этого намѣренія, но хотѣлъ доказать одно то, что народъ состоитъ изъ немногихъ, то сказалъ бы только, что и при Иліи осталось семь тысячъ. Но теперь онъ приводитъ все свидѣтельство съ начала, такъ какъ всѣми мѣрами старался доказать, что поступки іудеевъ со Христомъ и апостолами не представляютъ ничего страннаго, но обыкновенны у нихъ и обратились въ привычку. А чтобы они не сказали: мы убили Христа, какъ обманщика, и преслѣдуемъ апостоловъ, какъ обольстителей,—(апостолъ) приводитъ свидѣтельство, въ которомъ говорится: *Господи, пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша.* Потомъ, чтобы не слишкомъ огорчить этимъ словомъ, онъ представляетъ другую причину для приведенія этого свидѣтельства. Онъ приводитъ его
578 будто бы не съ тою главною цѣлію, чтобы обвинить ихъ, но имѣя въ виду доказать нѣчто иное; а между тѣмъ лишаетъ ихъ всякаго извиненія и въ прежнихъ дѣлахъ. Смотри же, какъ обвиненіе получаетъ особенную силу въ зависимости отъ обличающаго лица. Обличителемъ является не Павелъ, не Петръ, не Іаковъ, не Іоаннъ, но тотъ, кому іудеи удивлялись больше всѣхъ, глава пророковъ, другъ Божій, такой ревнитель въ пользу іудеевъ, что рѣшился терпѣть и голодъ, тотъ, кто еще и теперь не умеръ. Что же говоритъ онъ? *Господи, пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша, а азъ остахъ единъ, и ищутъ души моея.* Что можетъ быть ужаснѣе такого звѣрства? Тогда какъ слѣдовало молиться о содѣянныхъ уже грѣхахъ, они намѣревались убить и его. Все это лишаетъ ихъ всякаго извиненія. Вѣдь не во время голода, но при наступившемъ плодородіи, когда позоръ уже уничтоженъ, бѣсы посрамлены, могущество Божіе явлено и самъ царь смирился, — они отважились на такое злодѣяніе, переходя отъ убійствъ къ убійствамъ и умерщвляя учителей и тѣхъ, кто

исправлялъ ихъ жизнь. И что они могли сказать по поводу этого? Неужели и тѣ были обманщиками? Неужели и о тѣхъ не знали, откуда они? Они огорчали васъ? Но они же говорили и полезное. А что же жертвенники? Неужели и они огорчали? Неужели и они оскорбляли? Вотъ какіе примѣры упорства и высокомѣрія всегда показывали іудеи. Потому Павелъ и въ другомъ мѣстѣ, въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ, говоритъ: *таяжде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей, убившихъ и Господа Іисуса и Его пророки, и насъ изгнавшихъ, и Богу не угодившихъ, и всѣмъ человѣкомъ противящихся* (1 Сол. II, 14, 15). Подобное онъ и здѣсь говоритъ,—что іудеи разрушили жертвенники и избили пророковъ. Но что говоритъ ему божественный приговоръ? *Оставихъ Себѣ седмь тысящъ мужей, иже не преклониша колѣна предъ Вааломъ.* Ты спросишь, относится ли это къ настоящему времени? Вполнѣ относится,—этимъ и доказывается, что Богъ обыкновенно всегда спасаетъ достойныхъ, хотя обѣтованіе дано цѣлому народу. Тоже доказываетъ (апостолъ) и выше когда говоритъ: *аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морской, останокъ спасется*; и: *аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, якоже Содомъ убо были быхомъ.* Тоже доказываетъ и здѣсь, почему и присовокупляетъ: *тако и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть.*

5. Смотри, какъ каждое слово (апостола) сохраняетъ свою силу, выражая и благодать Божію, и благоразуміе спасаемыхъ. Словомъ — *по избранію* (апостолъ) показалъ достоинство спасаемыхъ, а словомъ — *благодати* означилъ даръ Божій. *Аще ли по благодати, то не отъ дѣлъ, зане благодать уже не бываетъ благодать. Аще ли отъ дѣлъ, ктому нѣсть благодать: зане дѣло уже нѣсть дѣло* (ст. 6). Апостолъ опять, по выше сказанному, нападаетъ на упорство іудеевъ, и здѣсь возстаетъ противъ нихъ, и здѣсь лишаетъ ихъ извиненія. Вы не можете сказать, говоритъ онъ, что, 579
хотя пророки увѣщевали, Богъ призывалъ, самыя дѣла вопіяли и соревнованіе достаточно было для привлеченія насъ, но повелѣнія были тяжелы и поэтому мы не могли придти, такъ какъ отъ насъ требовали показать дѣла и трудныя заслуги, о чемъ даже и нельзя сказать. Но какъ Богъ могъ потребовать отъ васъ того, что должно было омрачать благодать Его? Говорилъ же онъ это, желая показать, какъ сильно хотѣлъ ихъ спасенія. Не только спасеніе ихъ могло совершиться удобно, но и для Бога было бы величайшей славою явить Свое человѣколюбіе. Итакъ, почему же ты побоялся приступить, когда отъ тебя не требуютъ дѣлъ? Зачѣмъ ты споришь и упорствуешь, когда предлагаютъ тебѣ благодать, а ты безъ нужды и пользы ссылаешься на за-

конъ? Вѣдь закономъ ты себя не спасешь, а даръ этотъ унизишь. Если ты упорно хочешь спасаться закономъ, то уничтожаешь благодать Божію. Потомъ, чтобы не признали этого новымъ ученіемъ, (апостолъ) заранѣе говоритъ, что и тѣ семь тысячъ спасены благодатію. Словами: *тако и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть* онъ именно показываетъ, что и тѣ были спасены благодатію. Тоже самое видно и изъ словъ: *оставихъ Себѣ*, которыми Богъ показываетъ, что большую часть дѣла совершилъ Онъ самъ. А если по благодати, говоришь ты, то почему мы не всѣ спасаемся? Потому, что вы сами не хотите. Благодать, хотя и есть именно благодать, спасаетъ однакожъ желающихъ, а не тѣхъ, которые не хотятъ и отвращаются ея, которые постоянно возстаютъ на нее и противятся ей? Видишь, какъ (апостолъ) вездѣ раскрываетъ ту истину, что невозможно, чтобы слово Божіе не сбылось, и доказываетъ, что обѣтованіе исполнилось на достойныхъ и что достойные, хотя ихъ и немного, могутъ составить народъ Божій (Рим. IX, 6)? Въ началѣ посланія ту же мысль онъ выразилъ съ большею силою, сказавъ: *что бо, аще не вѣроваша нѣцыи*, и не остановившись на этомъ присовокупилъ: *да будетъ же Богъ истиненъ, всякъ же человѣкъ ложь* (Рим. III, 3, 4); и теперь онъ опять раскрываетъ эту мысль другими доводами, доказываетъ могущество благодати и то, что всегда одни спасаются, а другіе погибаютъ. Итакъ, возблагодаримъ Бога за то, что мы оказались въ числѣ спасаемыхъ и, не имѣя возможности спастись дѣлами, были спасены по дару Божію. Благодарность же свою мы засвидѣтельствуемъ не словами только, но и дѣлами и поступками. Благодарность тогда-то бываетъ совершенною, когда мы исполняемъ то, что служитъ къ славѣ Божіей, и когда избѣгаемъ того, отъ чего мы освободились. Вѣдь если мы, оскорбивши царя, вмѣсто того, чтобы подвергнуться наказанію, удостоены награды, потомъ опять оскорбили его, то справедливость требуетъ, чтобы мы, какъ виновные въ крайней неблагодарности, понесли и крайнее наказаніе, притомъ гораздо больше прежняго, потому что прежнее оскорбленіе не такъ доказывало нашу неблагодарность, какъ совершенное послѣ оказанной намъ чести и многихъ услугъ. Потому станемъ избѣгать того, отъ чего мы освободились, и станемъ благодарить не одними устами, чтобы и о насъ не было сказано: *людіе сіи устнами почитаютъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Ис. XXIX, 13). Не странно ли, что небеса возвѣщаютъ славу Божію, а ты, для котораго и небеса славятъ Бога, совершаешь такія дѣла, что чрезъ тебя хулится сотворившій тебя Богъ? Конечно, за это не одинъ тотъ, кто хулитъ, но и ты самъ подле-

жишь наказанію. Небеса славятъ Бога не тѣмъ, что они издаютъ
звукъ, но посредствомъ созерцанія побуждаютъ другихъ къ сла-
вословію; однакоже и о нихъ говорится, что они возвѣщаютъ 580
славу Божію. Такъ и проводящіе достойную удивленія жизнь, хотя безмолвствуютъ, но славятъ Бога, когда чрезъ нихъ другіе славятъ Его. И не столько небо, сколько чистая жизнь возбуждаетъ удивленіе. Поэтому, когда мы бесѣдуемъ съ язычниками, то ссылаемся не на небо, но на людей, которые прежде были хуже звѣрей и которыхъ Богъ сдѣлалъ подобными ангеламъ, и, указывая на эту перемѣну, мы заграждаемъ имъ уста.

6. Человѣкъ гораздо лучше неба и можетъ стяжать душу, превосходнѣе красоты небесной. Небо, будучи видимо въ теченіе такого продолжительнаго времени, убѣдило немного, а Павелъ, проповѣдавшій недолгое время, привлекъ цѣлую вселенную, потому что обладалъ душею, которая не меньше неба и могла всѣхъ привлечь. Вѣдь наша душа не достойна и земли; а его (душа) равноцѣнна и небесамъ. Небо стоитъ, сохраняя свой предѣлъ и законъ, а высота души Павла превзошла всѣ небеса и бесѣдуетъ съ самимъ Христомъ; ея красота такъ велика, что самъ Богъ свидѣтельствуетъ о ней. При сотвореніи звѣздъ дивились ангелы, а Павлу удивился и Христосъ, сказавшій: *сосудъ избранъ Ми есть сей* (Дѣян. IX, 15). Небо часто покрываютъ тучи, а душу Павла не омрачило никакое искушеніе, но и среди бурь она являлась блистательнѣе яснаго полдня и сіяла такъ же, какъ и до мрака. Солнце, въ немъ сіявшее, изливало не такіе лучи, которые могли бы омрачиться отъ стеченія искушеній, но при искушеніяхъ оно блистало еще больше. Потому и сказалъ Христосъ: *довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Итакъ, будемъ ему подражать, и если пожелаемъ, то и въ сравненіи съ нами ничего не будутъ значить ни небо, ни солнце, ни весь міръ, потому что все это для насъ, а не мы для этого. Покажемъ же, что мы достойны того, чтобы все это было создано для насъ. Если же окажемся недостойными этого, то какъ будемъ достойны царства? И если недостойны смотрѣть на солнце тѣ, которые живутъ для хулы на Бога, то богохульствующіе недостойны наслаждаться и тварями, которыя прославляютъ Бога, такъ какъ и сынъ, оскорбляющій отца, недостоинъ пользоваться услугами честныхъ рабовъ. Потому творенія Божіи удостоятся великой славы, а мы подвергнемся наказанію и мученію. И какое будетъ несчастіе, если тварь, для тебя призванная къ бытію, преобразится въ свободу славы чадъ Божіихъ, а мы, бывшіе чадами Божіими, по винѣ которыхъ тварь насладится тѣмъ великимъ блаженствомъ, будемъ посланы за великое нерадѣніе на

гибель и въ геенну. Потому, чтобы этого не было, мы, пріобрѣвъ чистую душу, станемъ и сохранять ее таковою, а лучше сказать—увеличимъ блескъ ея; а если мы осквернили душу, не будемъ отчаиваться. *Аще будутъ грѣси ваши*, говоритъ (Богъ), *яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю* (Ис. 1, 18). А если Богъ обѣщаетъ, ты не сомнѣвайся, но дѣлай то, чѣмъ можешь привлечь эти обѣтованія. Ты совершилъ много худыхъ дѣлъ и преступленій? Что же? Ты не сошелъ еще во адъ, гдѣ никто не исповѣдуется, ристалище еще не уничтожено, но ты стоишь среди поприща и можешь даже послѣднею борьбою возмѣстить всѣ пораженія. Ты не тамъ еще, гдѣ находится богачъ, и тебѣ еще не сказано: *между вами и на-*
581 *ми пропасть велика утвердися* (Лук. XVI, 26). Женихъ еще не пришелъ и никто не побоится дать елея; ты еще можешь купить и оставить для запаса. Никто еще не скажетъ: *еда како не достанетъ намъ и вамъ* (Мѳ. XXV, 9), но есть много продающихъ, есть нагіе, голодные, больные, заключенные въ узы. Однихъ накорми, другихъ одѣнь, лежащихъ посѣти, и елея будетъ у тебя больше источниковъ. Не наступилъ еще день отчета. Воспользуйся временемъ, какъ должно, уменьши долги и тому, кто долженъ сто мѣръ масла, скажи: *пріими писаніе твое, и напиши пятьдесятъ* (Лук. XVI, 6). Также поступай и въ отношеніи денегъ, словъ и всего другого, подражая тому управителю; убѣждай къ тому и себя и родственниковъ. Еще ты въ правѣ говорить это, еще не находишься въ необходимости просить объ этомъ другого, но имѣешь власть давать совѣты и себѣ, и другимъ. А когда переселишься туда, тебѣ невозможно будетъ дѣлать, какъ должно, ни того, ни другого. И справедливо. Тебѣ дано было столько времени, но ты не принесъ пользы ни себѣ, ни другому: какъ же ты сможешь получить такую милость, находясь уже въ рукахъ Судіи? Сообразивъ все это, станемъ заботиться о своемъ спасеніи и не станемъ губить благовременности настоящей жизни. Возможно, вполнѣ возможно и при послѣднемъ издыханіи угодить Богу; возможно и посредствомъ завѣщанія получить одобреніе; хотя и не такъ удобно, какъ при жизни, однакоже можно. Какъ же именно? Если въ число своихъ наслѣдниковъ впишешь Христа и удѣлишь Ему часть изъ всего наслѣдства. Ты не напиталъ Его при жизни своей? По крайней мѣрѣ послѣ смерти, когда ты уже не господинъ своего имѣнія, передай его Христу: Онъ человѣколюбивъ и не строго съ тебя взыскиваетъ. Конечно, и любовь больше и награда больше, если питаешь Его при жизни своей, но если ты и не сдѣлалъ этого, то, по крайней мѣрѣ, исполни второе, оставь Его сонаслѣдни-

комъ своего имущества вмѣстѣ съ дѣтьми своими. А если ты не рѣшаешься и на это, то вспомни, что Отецъ Его сдѣлалъ тебя сонаслѣдникомъ Его, и изгони свое безчеловѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, какое извиненіе ты будешь имѣть, если вмѣстѣ съ своими дѣтьми не сдѣлаешь участникомъ и Того, Кто сдѣлалъ тебя участникомъ неба и умерщвленъ ради тебя? Конечно, самъ Онъ, что ни сдѣлалъ, сдѣлалъ не въ уплату долга, но для обнаруженія благодати, а ты и послѣ столькихъ благодѣяній остался еще и должникомъ Его. Однакоже, при всемъ этомъ, Онъ вѣнчаетъ тебя, какъ будто получаетъ отъ тебя милость, а не долгъ взыскиваетъ, тогда какъ въ дѣйствительности получаетъ отъ тебя только Свое.

7. Итакъ, отдай ему деньги, для тебя уже безполезныя, надъ которыми ты и не господинъ, а Христосъ дастъ тебѣ царство, всегда для тебя полезное, а вмѣстѣ съ нимъ даруетъ тебѣ и здѣшнія блага. Если Онъ будетъ сонаслѣдникомъ дѣтей твоихъ, то облегчитъ ихъ сиротство, избавитъ отъ обидъ, отразитъ злоумышленія, заградитъ уста клеветниковъ; если дѣти твои не будутъ въ состояніи защитить завѣщаніе, то Онъ самъ это сдѣлаетъ, и не допуститъ нарушить. А если и допуститъ, то самъ по Себѣ исполнитъ все написанное съ большею щедростію, по- 582
тому что ты и Его удостоилъ вписать вмѣстѣ съ дѣтьми. Потому, оставь Его своимъ наслѣдникомъ; вѣдь ты къ Нему долженъ идти и Онъ будетъ судить тебя во всемъ здѣсь совершенномъ. Но есть и такіе несчастные и жалкіе люди, которые, не имѣя у себя дѣтей, не соглашаются это сдѣлать, а предпочитаютъ раздѣлить свое имущество сотрапезникамъ и льстецамъ, охотнѣе отдать тому или другому, нежели Христу, столько ихъ облагодѣтельствовавшему. Что можетъ быть неразумнѣе такихъ людей? Если ты сравнишь ихъ съ ослами или съ камнями, то и тогда не выразишь вполнѣ ихъ неразумія и безчувственности, не найдешь и примѣра, которымъ можно было бы достаточно изобразить ихъ безуміе и неразсудительность. И какое найдутъ себѣ оправданіе тѣ, которые не только не накормили Христа при жизни своей, но, и собираясь идти къ Нему, изъ того самаго имущества, которымъ они уже не владѣютъ, не хотятъ подарить Ему и малой доли, но питаютъ къ Нему столь враждебныя и непріязненныя чувства, что не удѣляютъ Ему даже того, что для нихъ самихъ сдѣлалось безполезнымъ? Развѣ ты не видишь сколько людей не удостоились имѣть и такой конецъ, но похищены внезапно? Богъ сдѣлалъ тебя господиномъ для того, чтобы ты смотрѣлъ за принадлежащимъ тебѣ, сказалъ свое слово и распорядился всею своею собственностью. Какое же ты будешь

имѣть оправданіе, когда, получивъ отъ Него такую великую милость, пренебрегаешь Его благодѣяніемъ и ведешь себя совершенно противно тому, какъ вели себя твои праотцы по вѣрѣ? Они еще при жизни своей продавали все и приносили къ ногамъ апостоловъ, а ты и при смерти не даешь никакой доли нуждающимся. Хотя освобождать другихъ отъ нищеты при жизни своей и лучше и подаетъ многое дерзновеніе, но ты, если не захотѣлъ того, по крайней мѣрѣ при смерти сдѣлай что-нибудь доблестное. Не большую, правда, любовь ко Христу означаетъ это, однакоже—любовь. Вѣдь если и не будешь имѣть первенства съ агнцами, но немаловажно находиться и позади нихъ, а не стоять съ козлищами и ошуюю. А если ты не исполняешь и этого, то что скажешь въ защиту свою, какъ скоро не дѣлаютъ тебя человѣколюбивымъ ни страхъ смерти, ни то, что деньги становятся уже для тебя безполезными, ни то, что доставишь безопасность дѣтямъ, ни то, что и себѣ пріобрѣтешь тамъ великое снисхожденіе? Потому совѣтую преимущественно при жизни своей удѣлять большую часть имущества нуждающимся. А если нѣкоторые настолько малодушны, что не могутъ рѣшиться на это, тѣ, хотя бы по необходимости, пусть сдѣлаются человѣколюбивыми. При жизни своей ты былъ такъ пристрастенъ къ деньгамъ, какъ будто былъ безсмертнымъ, но теперь, когда самъ видишь, что ты смертенъ, хотя теперь оставь такую мысль и распорядись своимъ добромъ, какъ смертный, или, лучше сказать, какъ назначенный постоянно наслаждаться безсмертною жизнію. Какъ ни тяжко, какъ ни ужасно то, что намѣренъ сказать я, однакоже необходимо это сказать: Владыку причисли къ рабамъ своимъ. Вѣдь ты отпускаешь на волю рабовъ? Освободи и Христа отъ голода, нужды, узъ и наготы. Ты пришелъ въ ужасъ, услышавъ это? Гораздо ужаснѣе будетъ, если не сдѣ-
583 лаешь этого. Здѣсь одно слово приводитъ тебя въ трепетъ, но что скажешь тамъ, когда переселишься туда, услышишь слова гораздо болѣе ужасныя и когда увидишь орудія нестерпимаго мученія? Къ кому ты прибѣгнешь? Кого призовешь союзникомъ своимъ и помощникомъ? Авраама ли? Но онъ не услышитъ. Или мудрыхъ дѣвъ? Но онѣ не дадутъ тебѣ елея. Отца или дѣда? Но никто изъ нихъ, сколько бы ни былъ святъ, не властенъ от-
584 мѣнить грознаго приговора. Размысливъ о всемъ этомъ, проси и моли Того, Кто одинъ властенъ загладить твое рукописаніе и угасить вѣчный огонь, Его преклони на милость, всегда питая и одѣвая, чтобы и отсюда тебѣ отойти съ благою надеждою, и, явившись туда, насладиться вѣчными благами, которыхъ достигнуть да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человѣколю-

біемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIX.

Что убо? Егоже искаше Израиль, сего не получи, а избраніе получи: прочіи же ослѣпишася (xi, 7). 583

1. (Апостолъ) сказалъ, что Богъ не отвергъ Своего народа и, объяснивъ, въ какомъ смыслѣ Онъ не отвергъ, прибѣгъ снова къ пророкамъ и доказалъ на основаніи ихъ, что большая часть іудеевъ погибла; но, чтобы не подумали, что онъ обвиняетъ ихъ самовольно, оскорбляетъ своей рѣчью и нападаетъ на нихъ, какъ врагъ, онъ прибѣгаетъ къ Давиду и къ Исаіи, говоря: *якоже есть писано: даде имъ Богъ духа умиленія* (ст. 8). Но намъ лучше начать рѣчь съ сказаннаго выше. (Павелъ), упомянувъ о случившемся при Иліи и показавъ, что такое благодать, присовокупилъ: *что убо? Егоже искаше Израиль, сего не получи.* Это не только вопросъ, но и обличеніе. (Апостолъ) говоритъ, что іудей борется самъ съ собою, ищетъ оправданія и не хочетъ принять его. Потомъ, снова лишая іудеевъ оправданія, онъ доказываетъ ихъ неблагодарность тѣмъ, что нѣкоторые получили, и говоритъ: *а избраніе получи.* Избранные и осуждаютъ іудеевъ, какъ и Христосъ сказалъ: *аще же Азъ о веельзевулѣ изгоню бѣсы, сынове ваши о комъ изгонятъ? Сего ради тіи вамъ будутъ судіи* (Лук. xi, 19). Чтобы никто не осуждалъ самое свойство дѣла, а всякій винилъ настроеніе іудеевъ, (апостолъ) и упоминаетъ о получившихъ, а потому и употребилъ весьма выразительное слово, изображающее вмѣстѣ и благодать свыше, и собственное ихъ стараніе. Онъ сказалъ—*получи*—не съ цѣлью отвергнуть свободную волю, но чтобы обозначить величіе благъ и то, что большее, хотя и не все, было свойственно благодати. И у насъ о человѣкѣ, которому выпала большая выгода, есть обычай говорить: такой-то получилъ, или нашелъ,—потому что большая часть пріобрѣтается не человѣческими трудами, но по дару Божію. *Прочіи же ослѣпишася.* Замѣть, когда отверженіе остальныхъ (апостолъ) осмѣлился назвать собственнымъ именемъ. Онъ и прежде говорилъ объ этомъ, но обвинителями представлялъ пророковъ, а теперь самъ уже является обвинителемъ. Однакоже и здѣсь не довольствуется собственнымъ своимъ мнѣніемъ, но опять указываетъ на пророка Исаію; сказавъ — *ослѣпишася*, присовокупилъ: *якоже есть писано: даде имъ Богъ духа умиленія.*

Откуда же произошло это ослѣпленіе? (Апостолъ) и прежде объяснилъ причины его и всю вину сложилъ на голову самихъ іудеевъ, доказывая, что они подверглись ослѣпленію за неумѣстное упорство; и теперь онъ повторяетъ тоже самое. Когда говоритъ: *очи не видѣти, и уши не слышати,* обвиняетъ не иное что, какъ упорную ихъ волю. Имѣя очи, чтобы видѣть чудеса, получивъ уши, чтобы слышать чудесное ученіе, они ни тѣми, ни другими не воспользовались, какъ должно. Подъ словомъ же—*даде* разумѣй здѣсь не содѣйствіе, а попущеніе. Умиленіемъ
584 же здѣсь (апостолъ) называетъ навыкъ души къ худшему, совершенно неисцѣлимый и неисправимый. И въ другомъ мѣстѣ Давидъ говоритъ: *яко да воспоетъ тебѣ слава моя, и не умилюся* (Псал. XXIX, 13), то есть, не перемѣнюсь. Какъ умилившійся въ благочестіи не легко измѣняется, такъ и умилившійся во злѣ тоже съ трудомъ можетъ уклоняться отъ него, потому что умилиться значитъ не иное что, какъ укрѣпиться и прилѣпиться къ чему-нибудь. Потому (апостолъ), желая выразить, что воля іудеевъ неисцѣлима и трудно исправима, назвалъ это духомъ умиленія. Потомъ въ доказательство того, что іудеи за такое невѣріе подвергнутся крайнему наказанію, опять ссылается на пророка, который угрожаетъ имъ тѣмъ именно, что съ ними случилось и исполнилось. Пророкъ именно говоритъ: *да будетъ трапеза ихъ въ сѣть, и въ ловъ, и въ соблазнъ* (ст. 9), то есть, роскошь и всѣ блага пусть минуютъ и погибнутъ и пусть они будутъ легко обладаемыми для всѣхъ. А чтобы видно было, что іудеи переносятъ это въ наказаніе за грѣхи, (Давидъ) присовокупилъ: *и въ воздаяніе имъ. Да помрачаются очи ихъ, еже не видѣти и хребетъ ихъ выну сляцай* (ст. 10). Нужно ли здѣсь какое-либо толкованіе? Не ясно ли это и для совсѣмъ неразумныхъ? Еще прежде нашихъ словъ случившійся исходъ событій засвидѣтельствовалъ сказанное пророкомъ. Когда іудеи были столь легко захвачены, когда легко плѣнены? Когда былъ такъ согбенъ хребетъ ихъ? Когда они подвергались столь великому рабству? И важнѣе всего то, что этимъ бѣдствіямъ не будетъ конца, какъ намекнулъ пророкъ. Онъ не просто сказалъ: *хребетъ ихъ сляцай,* но и присовокупилъ: *выну.* Если же ты, іудей, утверждаешь, что бѣдствія кончатся, то суди о настоящемъ по прошедшему. Ты отправился въ Египетъ, но прошло двѣсти лѣтъ, и, при всемъ твоемъ нечестіи и при самомъ тяжкомъ твоемъ блудодѣяніи, Богъ скоро освободилъ тебя отъ этого рабства. По освобожденіи изъ Египта, ты поклонился тельцу, принесъ сыновъ своихъ въ жертву Веелфегору, осквернилъ храмъ, погрузился во всѣ виды порока, забылъ самую природу, наполнилъ мерзкими жертвами горы, дебри, холмы,

источники, рѣки, сады, убилъ пророковъ, опрокинулъ жертвенники и въ высшей степени преуспѣлъ въ порокахъ и нечестіи; однакоже Богъ, предавъ тебя вавилонянамъ на семьдесятъ лѣтъ, опять извелъ въ прежнюю свободу, возвратилъ тебѣ и храмъ, и отечество, и древній образъ пророчества; опять у тебя были и пророки, и благодать Духа, а лучше сказать, даже и во время самаго плѣна ты не былъ оставленъ, но и тамъ были у тебя Даніилъ и Іезекіилъ, а въ Египтѣ Іеремія и въ пустынѣ Моисей.

2. Послѣ этого ты снова обратился къ прежнимъ порокамъ, 585
предался распутству и при нечестивомъ Антіохѣ установилъ эллинскій образъ жизни. Но и тогда, три года или немного больше пробывъ въ подданствѣ у Антіоха, чрезъ Маккавеевъ вы опять воздвигли себѣ знаменитые побѣдные памятники. Но теперь у васъ нѣтъ ничего подобнаго, а все пошло иначе. И особенно удивительно то, что прежніе пороки прекратились, а наказаніе увеличено и нѣтъ никакой надежды на перемѣну вашего положенія. Прошло не семьдесятъ, не сто и не двѣсти лѣтъ, но триста и гораздо болѣе, однако же нельзя найти и тѣни подобной надежды, и при томъ тогда, когда вы не служите идоламъ, не дѣлаете ничего такого, на что отваживались прежде.

Какая же причина этого? Та, что образъ замѣненъ истиною и законъ исключенъ благодатію. Издревле предрекая это, пророкъ и сказалъ: *хребетъ ихъ выну сляцай*. Замѣчаешь ли точность пророчества, какъ оно предсказало невѣріе, показало упорство, обнаружило слѣдующій затѣмъ судъ и обозначило нескончаемость наказанія? Такъ какъ многіе изъ людей наиболѣе грубыхъ не вѣрили будущему и хотѣли судить о будущемъ по настоящему, то Христосъ и въ этомъ случаѣ доказалъ Свое могущество двоякимъ образомъ, какъ тѣмъ, что увѣровавшихъ язычниковъ превознесъ выше неба, такъ и тѣмъ, что неувѣровавшихъ іудеевъ привелъ въ крайнюю нищету и предалъ неотвратимымъ бѣдствіямъ. Итакъ, апостолъ, сильно поразивъ ихъ изображеніемъ ихъ невѣрія, а равно прошедшихъ и будущихъ бѣдствій, снова утѣшаетъ слѣдующими словами: *глаголю убо: еда согрѣшиша, да отпадутъ? Да не будетъ* (ст. 11). Когда (апостолъ) доказалъ, что іудеи подвержены безчисленнымъ бѣдствіямъ, онъ потомъ придумываетъ и утѣшеніе. И обрати вниманіе на благоразуміе Павла: обвиненіе онъ заимствовалъ у пророковъ, а утѣшеніе предлагаетъ самъ отъ себя. Никто не будетъ спорить, говоритъ (апостолъ) что грѣхи іудеевъ велики, но посмотримъ, дѣйствительно ли паденіе ихъ такъ велико, что нельзя помочь ему и нѣтъ средствъ исправить дѣло. Нѣтъ, оно не таково. Замѣчаешь ли, какъ онъ снова касается ихъ и, въ ожиданіи утѣшенія, представляетъ ви-

новными въ грѣхахъ, въ которыхъ они и сами сознаются? Но посмотримъ, какое онъ придумываетъ для нихъ утѣшеніе. Какое же это утѣшеніе? Когда войдетъ вся полнота язычниковъ, тогда говоритъ (апостолъ), весь Израиль спасется, то есть, во время второго пришествія и при концѣ міра. Но не тотчасъ говоритъ объ этомъ (Павелъ), а послѣ сильныхъ упрековъ, послѣ того, какъ приложилъ обвиненія къ обвиненіямъ, послѣ того какъ разъ, два и многократно привелъ свидѣтельства одного пророка за другимъ—Исаіи, Иліи, Давида, Моисея, Осіи, которые всѣ вопіютъ противъ нихъ. Но чтобы этимъ не ввергнуть іудеевъ въ отчаяніе и не заградить пути къ вѣрѣ, а увѣровавшимъ изъ язычниковъ не дать повода къ высокомѣрію, чтобы они, возгордившись, не потерпѣли ущерба въ вѣрѣ, (апостолъ) снова утѣшаетъ іудеевъ, говоря: *но тѣхъ паденіемъ спасеніе языкомъ.* Мы должны не просто слушать то, что говорится, но вникать въ мысль и намѣреніе говорящаго, въ то, чего онъ старался достигнуть, о чемъ и всегда умоляю любовь вашу. Если мы съ такимъ размышленіемъ будемъ принимать каждое слово, то ни въ одномъ не встрѣтимъ затруд-
586 ненія. А въ настоящемъ случаѣ главная цѣль (апостола) состоитъ въ томъ, чтобы въ увѣровавшихъ изъ язычниковъ истребить высокомѣріе, которое могло возникнуть подъ вліяніемъ сказаннаго выше; вѣдь язычники, научившись скромности, такимъ образомъ безопаснѣе пребудутъ въ вѣрѣ, а іудеи, освободившись отъ отчаянія, охотнѣе приступятъ къ благодати. Итакъ, обращая вниманіе на эту цѣль (апостола), выслушаемъ все сказанное имъ въ настоящемъ мѣстѣ. Что же онъ говоритъ? Чѣмъ доказываетъ, что іудеи пали не безнадежно, и что они не въ конецъ отвержены? Указаніемъ на язычниковъ, говоря такъ: *тѣхъ паденіемъ спасеніе языкомъ, во еже раздражити ихъ.* Это не апостола только слова, но и притчи въ евангеліяхъ имѣютъ такой же смыслъ. Такъ, устроившій брачный пиръ для сына тогда уже сталъ звать съ распутій, когда не захотѣли придти званные (Мѳ. XXII, 9). И насадившій виноградникъ тогда только отдалъ его другимъ виноградарямъ, когда первые убили наслѣдника (Мѳ. XXI, 38). И кромѣ притчи (Христосъ) говорилъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Мѳ. XV, 24). А когда стала приступать къ нему хананейская женщина, Онъ сказалъ и еще больше: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ* (ст. 26). И Павелъ къ возставшимъ противъ него іудеямъ сказалъ: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Божіе: а понеже недостойны творите сами себе, се обращаемся во языки* (Дѣян. XIII, 46).

3. И всѣмъ этимъ онъ показываетъ, что порядокъ событій былъ таковъ: сперва слѣдовало придти іудеямъ, а потомъ языч-

никамъ; но такъ какъ іудеи не увѣровали, порядокъ измѣненъ, и невѣріе и паденіе іудеевъ сдѣлали то, что язычники вошли прежде. Потому (апостолъ) и говоритъ: *тѣхъ паденіемъ спасеніе языкомъ, во еже раздражити ихъ.* И не дивись, если прежде случившимся онъ называетъ то, что было слѣдствіемъ: онъ хочетъ ободрить пораженныя ихъ сердца; а смыслъ словъ его таковъ: Іисусъ пришелъ къ іудеямъ, но они, несмотря на великое множество совершенныхъ Имъ чудесъ, не приняли Его, а распяли; послѣ этого Онъ началъ привлекать къ Себѣ язычниковъ, чтобы ихъ честь уязвила безчувственность іудеевъ и хотя бы взаимнымъ соревнованіемъ убѣдить ихъ придти къ Нему, такъ какъ надлежало прежде принять іудеевъ, а потомъ и насъ, почему и сказалъ (апостолъ): *сила бо Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему, Іудеови же прежде, и Еллину* (Рим. I, 16). А такъ какъ іудеи удалились, мы—вторые стали первыми. Вотъ видишь, какую честь онъ выводитъ для нихъ и изъ этого. Во-первыхъ,—ту, что мы призваны тогда уже, когда они не захотѣли; во-вторыхъ,—ту, что мы призваны не для нашего единственно спасенія, но чтобы и они сдѣлались лучше, возревновавъ нашему спасенію. Что же, скажетъ кто-нибудь. Неужели мы не были бы призваны и спасены, если бы это не стало нужнымъ ради іудеевъ? Конечно, не были бы призваны и спасены прежде іудеевъ, а спаслись бы въ надлежащемъ порядкѣ. Потому и (Христосъ), посылая учениковъ, не просто сказалъ: *идите ко овцамъ погибшимъ дому Израилева*, но: *идите паче* (Мѳ. X, 6),—показывая тѣмъ, что послѣ іудеевъ должно идти и къ язычникамъ. И Павелъ опять не сказалъ: вамъ бѣ лѣпо глаголати слово, но: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати* (Дѣян. XIII, 46),—показывая, что во второй пріемъ надлежало проповѣдывать и намъ. Все же это и сдѣлано и сказано для того, чтобы іудеи не прибѣгали къ безстыдному извиненію, будто они были 587
оставлены безъ вниманія, а потому и не увѣровали. Потому и Христосъ, хотя все предвидѣлъ, однако же пришелъ къ нимъ первымъ. *Аще ли же прегрѣшеніе ихъ богатство міра, и отпаденіе ихъ богатство языковъ, кольми паче исполненіе ихъ* (19)? Здѣсь (апостолъ) говоритъ пріятное іудеямъ. Если бы они и тысящекратно пали, то язычники не спаслись бы, не принявши вѣры; а равно и іудеи не погибли бы, если бы не впали въ невѣріе и упорство. Но, какъ сказалъ я, (апостолъ) утѣшаетъ падшихъ іудеевъ, въ совершенствѣ доказывая, что они могутъ надѣяться на свое спасеніе, если перемѣнятся. Если, говоритъ (апостолъ), столь многіе получили спасеніе, когда они (іудеи) преткнулись, и столь многіе были призваны, пока они были отвержены, то подумай, что будетъ, когда они обратятся. Не сказалъ: кольми паче обра-

щеніе ихъ, или измѣненіе ихъ, или исправленіе, но: *кольми паче исполненіе ихъ*, то есть, когда всѣ они придутъ ко Христу. А этими словами онъ показываетъ, что тогда будетъ большая и почти полная мѣра благодати и дара Божія. *Вамъ бо глаголю языкомъ, понеже убо есмь азъ языкомъ апостолъ, службу мою прославляю, аще како раздражу мою плоть, и спасу нѣкія отъ нихъ* (ст. 13, 14). (Апостолъ) опять старается освободить себя отъ дурного подозрѣнія и хотя, повидимому, наноситъ ударъ обратившимся изъ язычниковъ, смиряя ихъ высокое о себѣ мнѣніе, но слегка поражаетъ и іудея; онъ ищетъ, чѣмъ бы прикрыть такую погибель іудеевъ и утѣшить ихъ въ этомъ, однако же ничего не находитъ по сущности самаго дѣла. На основаніи того, что онъ сказалъ, іудеи достойны были еще большаго осужденія, когда другіе, будучи гораздо ниже ихъ, приняли то, что для нихъ было приготовлено. Потому отъ іудеевъ онъ переходитъ къ язычникамъ и помѣщаетъ вводную рѣчь о нихъ, желая показать, что все это онъ говоритъ для того, чтобы научить ихъ скромности. Хвалю васъ, говоритъ онъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что имѣю въ этомъ необходимость, какъ назначенный для служенія вамъ, а во-вторыхъ, чтобы чрезъ васъ спасти мнѣ другихъ. И не говоритъ: братій моихъ, сродниковъ моихъ, но: *плоть*. Потомъ, указывая на ихъ упорство, не говоритъ: не могу ли какъ-нибудь убѣдить, но: *аще како раздражу и спасу*, и при этомъ опять не говоритъ: всѣхъ, но: *нѣкія отъ нихъ:* такъ жестокосерды были іудеи. И опять въ самомъ упрекѣ (апостолъ) обнаруживаетъ превосходство язычниковъ; хотя іудеи и язычники взаимно служатъ другъ другу въ дѣлѣ спасенія, однако же неодинаково: іудеи доставляютъ блага язычникамъ невѣріемъ своимъ, а язычники іудеямъ своею вѣрою. Отсюда видно, что язычники и равны съ іудеями и превосходятъ ихъ.

4. Но что можешь сказать ты, іудей? Если бы мы не были отвержены, то вы не были бы призваны такъ скоро? Это говоритъ и язычникъ: если бы я не былъ спасенъ, въ тебѣ не возникла бы ревность. А если ты желаешь узнать, въ чемъ мы превосходимъ, то—скажу тебѣ—я спасаю тебя тѣмъ, что увѣровалъ, а ты, преткнувшись, даровалъ намъ возможность придти прежде тебя. Потомъ (апостолъ), чувствуя, что нанесъ ударъ іудеямъ, обращается къ прежней рѣчи и говоритъ: *аще бо отложеніе ихъ примиреніе міру, что пріятіе, развѣ жизнь изъ мертвыхъ* (ст. 15)? Но и это опять обвиняетъ іудеевъ, какъ скоро другіе извлекли для себя выгоду изъ ихъ грѣховъ, а они не воспользовались даже
588 добрыми дѣлами другихъ. Не удивляйся также, если (апостолъ) приписываетъ іудеямъ то, что случилось по необходимости,—онъ,

какъ я говорилъ неоднократно, ведетъ такъ рѣчь, чтобъ однихъ смирить, а другихъ ободрить. Между тѣмъ, какъ я сказалъ выше, если бы іудеи тысячу разъ были отвергнуты, а язычники не показали вѣры, то послѣдніе никогда бы и не спаслись. Но (апостолъ) содѣйствуетъ слабой сторонѣ и помогаетъ утружденной. Вникни же и въ то, въ чемъ онъ угождаетъ іудеямъ, утѣшая ихъ только на словахъ. *Аще бо отложеніе ихъ*, говоритъ онъ, *примиреніе міру*. А что изъ того іудеямъ? *Что пріятіе, развѣ жизнь изъ мертвыхъ?* Но и въ этомъ нѣтъ для нихъ пользы, если бы они не были приняты. А что говоритъ (апостолъ), означаетъ слѣдующее: если Богъ, прогнѣвавшись на іудеевъ, оказалъ столько милости другимъ, то чего Онъ не даруетъ имъ, послѣ того какъ примирится съ ними? Но какъ воскресеніе мертвыхъ зависитъ не отъ принятія ихъ, такъ не отъ нихъ же и нынѣшнее наше спасеніе. Напротивъ, они были отвержены за свое неразуміе, а мы спаслись своею вѣрою и благодатію свыше. И все это не можетъ принести имъ никакой пользы, если они не покажутъ надлежащей вѣры. Затѣмъ (апостолъ), по обыкновенію своему, переходитъ къ новой похвалѣ, но не дѣйствительной, а только кажущейся, подражая искуснѣйшимъ врачамъ, которые также ободряютъ больныхъ, насколько позволяетъ свойство болѣзни. Что же говоритъ онъ? *Аще ли начатокъ святъ, то и примѣшеніе: и аще корень святъ, то и вѣтви* (ст. 16). Начаткомъ и корнемъ онъ называетъ здѣсь Авраама, Исаака, Іакова, пророковъ, патріарховъ и всѣхъ прославившихся въ ветхомъ завѣтѣ, а вѣтвями тѣхъ изъ потомковъ ихъ, которые увѣровали. Потомъ, такъ какъ іудеи противопоставляли ему многочисленность неувѣровавшихъ, то смотри, какъ онъ опровергаетъ такое возраженіе и говоритъ: *аще нѣцыи отъ вѣтвей отломишася* (ст. 17). Но вѣдь выше ты, (Павелъ), выше сказалъ, что погибли очень многіе, немногіе же спаслись,— какъ же здѣсь, говоря о погибшихъ, употребляешь слово: *нѣцыи*, указывающее на немногихъ? Я не противорѣчу себѣ, отвѣчаетъ (апостолъ), но спѣшу уврачевать и привлечь утружденныхъ. Замѣчаешь ли, какъ въ цѣлой этой рѣчи онъ обнаруживаетъ одно намѣреніе, именно желаніе утѣшить іудеевъ? А если потеряешь это изъ вида, то получится много противорѣчій. Ты обрати еще вниманіе на мудрость (апостола), какъ онъ, повидимому, говоритъ въ пользу іудеевъ и придумываетъ для нихъ утѣшеніе, но незамѣтно поражаетъ ихъ и словами—*корень* и *начатокъ*—показываетъ, что они не имѣютъ никакого извиненія. Въ самомъ дѣлѣ, подумай о негодности вѣтвей, когда онѣ, имѣя сладкій корень, не уподобляются ему, и о негодности мѣсива, когда оно не измѣняется отъ начатка. *Аще ли нѣцыи отъ вѣтвей отломишася.*

Отломилась большая часть вѣтвей, но (апостолъ), какъ я сказалъ, хочетъ утѣшить іудеевъ, потому приводитъ не свои собственныя, но ихъ слова, и этимъ незамѣтно уязвляетъ ихъ, доказывая, что они отступили отъ родства съ Авраамомъ; это именно (апостолъ) и старался сказать, т. е., что у іудеевъ нѣтъ ничего общаго съ Авраамомъ. Если корень святъ, а они не святы, то значитъ, они далеки отъ корня. Потомъ, повидимому, утѣшая іудея, снова поражаетъ его своимъ обвиненіемъ язычниковъ. Сказавъ: *аще нѣцыи отъ вѣтвей отломишася*, присовокупилъ: *ты же дивія маслина сый, прицѣпился еси въ нихъ*. Насколько малоцѣннѣе былъ языч-
589 никъ, настолько болѣе скорбитъ іудей, видя, что онъ наслаждается его достояніемъ; язычнику же не столько великъ стыдъ отъ его малоцѣнности, сколько велика честь отъ его перемѣны. И замѣть мудрость (апостола); онъ не сказалъ: ты посаженъ, но: *прицѣпился еси*, чѣмъ опять уязвляетъ іудея, и показываетъ, что язычникъ сталъ на деревѣ вмѣсто іудея, а іудей лежитъ на землѣ. А потому не остановился на этомъ и, сказавъ: *прицѣпился еси*, не кончилъ рѣчи, хотя уже и все сказалъ этимъ, но продолжаетъ описывать благоденствіе язычника и распространяется въ изображеніи чести, говоря: *и причастникъ корене и масти масляныя сотворился еси*. И, повидимому, (апостолъ) поставилъ язычника въ положеніе какого-то добавленія, однако показываетъ, что онъ отъ этого не терпитъ никакого вреда, а имѣетъ все, что свойственно вѣтви, вышедшей отъ корня. И чтобы ты, услышавъ: *ты же прицѣпился еси*, не подумалъ, что язычникъ униженъ въ сравненіи съ природною вѣтвію, смотри, какъ (апостолъ) равняетъ его, говоря: *и причастникъ корене и масти маслинныя сотворился еси*, то есть, получилъ то же благородство и ту же природу. Потомъ, сказавши съ упрекомъ: *не хвалися на вѣтви* (ст. 18), (апостолъ), повидимому, утѣшаетъ іудея, на самомъ же дѣлѣ показываетъ его малоцѣнность и большое безчестіе. Потому не сказалъ: не хвались, но: *не хвалися на вѣтви*, не превозносись предъ ними, какъ предъ отломленными, потому что ты поставленъ на ихъ мѣсто и пользуешься тѣмъ, что имъ принадлежало.

5. Видишь ли, какъ повидимому укоряетъ язычниковъ, а на самомъ дѣлѣ уязвляетъ іудеевъ? *Аще ли же хвалишися*, продолжаетъ, *не ты корень носиши, но корень тебе* (ст. 18). Чтоже отъ этого пользы отломленнымъ вѣтвямъ? Ничего. Какъ я уже замѣтилъ, (апостолъ) придумывая, повидимому, и нѣкоторую слабую тѣнь утѣшенія, даже тѣмъ самымъ, чѣмъ укоряетъ язычниковъ, наноситъ смертельный ударъ іудеямъ. Сказавъ: *не хвалися на вѣтви*, и: *аще ли хвалишися, не ты корень носиши*, онъ показалъ іудею, что совершившееся достойно того, чтобы имъ хва-

литься, хотя и не должно хвалиться; а этимъ возбуждаетъ и поощряетъ его къ вѣрѣ, представляетъ себя защитникомъ его, показываетъ ему понесенный имъ ущербъ и то, что другіе владѣютъ его собственностію. *Речеши убо: отломишася вѣтви, да азъ прицѣплюся* (ст. 19). Опять въ видѣ возраженія раскрываетъ противоположное прежнему, показывая, что и не задолго предъ этимъ сказанное онъ говорилъ не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, а единственно для привлеченія іудеевъ. Спасеніе язычниковъ произошло не вслѣдствіе прегрѣшеній іудеевъ и не прегрѣшеніе ихъ есть богатство міру, а равно мы спаслись не потому, что они пали, но совершенно напротивъ. (Апостолъ) показываетъ особенный о язычникахъ промыслъ, хотя повидимому слова выражаютъ иное, и все это мѣсто излагаетъ въ видѣ возраженія, освобождая себя отъ подозрѣнія въ непріязненности и дѣлая рѣчь свою удобопріемлемой. *Добрѣ* (ст. 20). (Апостолъ) похвалилъ сказанное, а потомъ снова устрашаетъ, говоря: *невѣріемъ отломишася, ты же вѣрою прицѣпился*. Вотъ опять новая похвала язычникамъ и новое обвиненіе іудеевъ. Но (апостолъ) опять низлагаетъ кичливость первыхъ, присовокупляя и говоря: *не высокомудрствуй, но бойся*. Это не дѣло природы, но дѣло вѣры и невѣрія. И повидимому онъ опять заграждаетъ уста язычнику, но на самомъ дѣлѣ поучаетъ іудея, что не должно обращать вниманія на естественное родство, почему и присовокупляетъ: *не высокомудрствуй*, и не сказалъ: смиряйся, но: *бойся*, такъ какъ 590
высокомѣріе производитъ презрѣніе и нерадѣніе. Потомъ, намѣреваясь въ печальномъ видѣ изобразить ихъ несчастіе и сдѣлать свою рѣчь менѣе непріятною, онъ излагаетъ это въ видѣ предостереженія для язычника, и сказавъ: *аще бо Богъ естественныхъ вѣтвей не пощадѣ* (ст. 21), не продолжилъ такъ: и тебя не пощадитъ, но говоритъ: *да не како и тебе не пощадитъ*. Такимъ образомъ, исключая изъ рѣчи жесткія выраженія и побуждая вѣрующаго быть дѣятельнымъ, онъ іудеевъ привлекаетъ, а язычниковъ смиряетъ. *Виждь убо благость и непощадѣніе Божіе: на отпадшихъ убо непощадѣніе, а на тебе благость, аще пребудеши въ благости, аще ли же ни, то и ты отсѣченъ будеши*. (Апостолъ) не сказалъ: видишь заслуги свои, видишь труды свои, но: видишь человѣколюбіе Божіе, показывая этимъ, что все совершено благодатію свыше, и располагая тебя къ трепету. Самое основаніе похвалы заставляетъ тебя бояться. Владыка сталъ къ тебѣ милостивъ, потому и бойся,—вѣдь блага не остаются у тебя неотъемлемыми, если ты сдѣлаешься нерадивъ; равно какъ и для іудеевъ не неотвратимо зло, если они перемѣнятся. И ты будешь отсѣченъ, говоритъ (апостолъ), если не пребудешь въ вѣрѣ. *И*

они же, аще не пребудутъ въ невѣрствіи, прицѣпятся (ст. 23), потому что не Богъ отсѣкъ ихъ, но они сами отломились и отпали. И прекрасно сказалъ (апостолъ): отломились. Богъ никогда ихъ такъ не отвергалъ, хотя они согрѣшали многократно и во многомъ. Замѣчаешь ли, какова сила свободы и какова власть воли? Ничто не остается безъ измѣненія, ни твое благо, ни его зло. Видишь ли, какъ (апостолъ) и возстановилъ отчаивающагося іудея, и смирилъ самонадѣяннаго язычника? И ты, іудей, слыша о строгости, не приходи въ отчаяніе; и ты, язычникъ, слыша о благости, не надѣйся на себя. Богъ не пощадилъ тебя и отсѣкъ для того, чтобы ты пожелалъ возвратиться; а тебѣ оказалъ благость для того, чтобы ты пребывалъ: не сказалъ (апостолъ)—въ вѣрѣ, но—*въ благости*, т. е. чтобы ты дѣлалъ достойное Божія человѣколюбія, потому что требуется не одна вѣра. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) не позволяетъ однимъ лежать, а другимъ высокомудрствовать, но первыхъ возбуждаетъ къ соревнованію, на примѣрѣ язычниковъ показывая іудею возможность снова стать на ихъ мѣстѣ, такъ же, какъ язычникъ напередъ занялъ мѣсто іудея? Чтобы язычники не превозносились предъ іудеями, (апостолъ) устрашаетъ ихъ примѣромъ іудеевъ и тѣмъ, что съ ними случилось, а іудею внушаетъ смѣлость тѣмъ, что сдѣлано для эллина. И ты будешь отсѣченъ, говоритъ (апостолъ) язычнику, если вознерадишь. И іудей отсѣченъ, но онъ прицѣпится, если постарается, потому что и ты прицѣпился. И вполнѣ разумно (апостолъ) обращаетъ всю рѣчь къ язычнику, какъ онъ обыкновенно и всегда дѣлаетъ, исправляя слабыхъ ударомъ, наносимымъ болѣе сильнымъ. Тоже самое онъ дѣлаетъ и въ концѣ посланія, разсуждая о разборчивости въ яствахъ. Потомъ онъ доказываетъ тоже самое не только будущимъ, но и прошедшимъ, такъ какъ это сильнѣе убѣждаетъ слушателя. И намѣреваясь соблюсти безспорную послѣдовательность сужденій, онъ прежде всего предлагаетъ доказательство на основаніи всемогущества Божія. Хотя іудеи отсѣчены и отвержены и другіе заступили ихъ мѣсто, но ты, при всемъ томъ, не отчаивайся. *Силенъ бо есть Богъ*, говоритъ онъ, *паки прицѣпити ихъ*, такъ какъ Онъ производитъ и то, что сверхъ надежды.

Но если ты ищешь ряда событій и послѣдовательности заключеній, то на себѣ самомъ имѣешь вполнѣ достаточный при-
591 мѣръ. *Аще бо ты*, говоритъ (апостолъ), *отъ естественныя отсѣченъ дивія маслины, и чрезъ естество прицѣпился еси къ добрѣй маслинѣ, кольми паче сіи, иже по естеству, прицѣпятся своей маслинѣ* (ст. 24)? Если вѣра смогла произвести то, что не по природѣ, тѣмъ болѣе произведетъ то, что согласно съ природой.

Если язычникъ, отсѣченный отъ естественныхъ своихъ родителей, не по природѣ присоединился къ Аврааму, тѣмъ болѣе можешь ты получить свое собственное. Язычнику по природѣ свойственно зло, такъ какъ онъ по природѣ и былъ дикою масличною; добро же не въ его природѣ и не по природѣ онъ прицѣпился къ Аврааму. А тебѣ, напротивъ, по природѣ свойственно добро; ты, если захочешь возвратиться, утвердишься не на чужомъ, какъ язычникъ, а на собственномъ корнѣ. Итакъ, можешь ли ты быть достоинъ какого-либо извиненія, когда для язычника стало возможнымъ то, что не въ его природѣ, а ты оказался не въ силахъ сдѣлать то, что въ твоей природѣ, и даже погубилъ это? Затѣмъ, такъ какъ (апостолъ) сказалъ: *чрезъ естество*, и: *прицѣпился еси*, то, чтобы ты не подумалъ, что іудей имѣетъ предъ тобою нѣкоторое преимущество, онъ опять устраняетъ такое заключеніе, говоря, что и іудей привьется. *Кольми паче сіи*, говоритъ онъ, *иже по естеству, прицѣпятся своей масличнѣ?* И еще: *силенъ Богъ прицѣпити ихъ*. И выше сказалъ: *аще не пребудутъ въ невѣрствіи, прицѣпятся*. А всякій разъ, какъ слышишь, что (апостолъ) постоянно употребляетъ выраженіе: *чрезъ естество* и: *по естеству*, не подумай, что онъ разумѣетъ здѣсь эту непреложную природу, но этими наименованіями онъ означаетъ какъ сообразное и соотвѣтствующее, такъ и несообразное природѣ. Добрыми и злыми бываютъ не естественныя дѣйствія, а только дѣйствія ума и воли. Замѣть же, какъ (апостолъ) смягчаетъ рѣчь свою. Сказавъ язычнику, что онъ будетъ отсѣченъ, если не пребудетъ въ вѣрѣ, а также іудеямъ,—что и они привьются, если не пребудутъ въ невѣріи, (апостолъ), умолчавъ о болѣе непріятномъ, упоминаетъ только о болѣе пріятномъ и на этомъ оканчиваетъ свою рѣчь, подавая іудеямъ большія надежды, если только они сами пожелаютъ. Потому и продолжаетъ такъ: *не бо хощу васъ не вѣдѣти тайны сея, братія, да не будете о себѣ мудри* (ст. 26). Тайною называетъ онъ здѣсь неизвѣстное и сокровенное, въ чемъ много и чудеснаго и непонятнаго. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *се тайну вамъ глаголю: вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся* (I Кор. XV, 51). Въ чемъ же состоитъ эта тайна? *Яко ослѣпленіе отъ части Израилеви бысть*. Здѣсь опять наноситъ ударъ іудею, хотя, повидимому, унижаетъ и язычника. Разумѣетъ же онъ подъ этимъ тоже, что говорилъ и выше, именно, что не со стороны всѣхъ іудеевъ было невѣріе, а лишь со стороны *части*, какъ онъ и говорилъ: *аще ли кто оскорбилъ мене, не мене оскорби, но отъ части, да не отягчу всѣхъ васъ* (2 Кор. II, 5); и въ другомъ мѣстѣ: *аще васъ прежде отъ части насыщуся* (Рим. XV, 24). Такъ и здѣсь онъ вы-

ражаетъ тоже, о чемъ говорилъ выше: *не отрину Богъ людей Своихъ, ихже прежде разумѣ*, и еще: *еда согрѣшиша, да отпадутъ? Да не будетъ.* И здѣсь онъ подтверждаетъ это именно, что не цѣлый народъ отверженъ, но многіе уже увѣровали, или должны увѣровать впослѣдствіи. А такъ какъ онъ возвѣстилъ о важномъ, то приводитъ въ свидѣтели пророка, говорящаго тоже. Что произошло ослѣпленіе, (апостолъ) не представляетъ свидѣтельства, такъ какъ это для всѣхъ очевидно, а что іудеи увѣруютъ и спасутся, онъ опять указываетъ на Исаію, который восклицаетъ и говоритъ: *пріидетъ отъ Сіона избавляяй, и отвратитъ нечестіе отъ Іакова* (ст. 26). Потомъ, указавъ на знаменіе спасенія, чтобы кто-нибудь не отнесъ и не приложилъ его ко временамъ про-
592 шедшимъ, говоритъ: *и сей имъ отъ Мене завѣтъ, егда отъиму грѣхи ихъ* (ст. 27, срав. Ис. LIX, 20, 21; XXVII, 9). Не тогда совершится это, когда они будутъ обрѣзываться, приносить жертвы, совершать и прочія законныя дѣла, но когда получатъ отпущеніе грѣховъ. А если это предвозвѣщено и еще не исполнилось на іудеяхъ, которые еще не получили отпущенія грѣховъ посредствомъ крещенія, то несомнѣнно исполнится. Потому (апостолъ) и присовокупилъ: *нераскаянна бо дарованія и званіе Божіе* (ст. 29). Но не этимъ однимъ онъ утѣшаетъ ихъ, а и тѣмъ, что уже случилось, и при этомъ случившееся впослѣдствіи ставитъ какъ происшедшее раньше, говоря такъ: *по благовѣствованію убо врази васъ ради; по избранію же возлюблени отецъ ради* (ст. 28). Чтобы язычникъ не гордился, говоря: „вотъ я предъ тобою, говори мнѣ не о томъ, что можетъ случиться, но что уже случилось“,—(апостолъ) удерживаетъ его отъ этого, говоря: *по благовѣствованію убо врази васъ ради.* Такъ какъ вы были призваны, то они сдѣлались упорнѣе.

7. Однако же Богъ и при этомъ не пресѣкъ вашего призванія, но ожидаетъ, пока войдутъ всѣ, имѣющіе увѣровать изъ язычниковъ, и тогда уже придутъ и іудеи. Потомъ (апостолъ) даруетъ іудеямъ еще новое утѣшеніе, говоря: *по избранію же возлюблени отецъ ради.* Что же это такое? Гдѣ враги, ихъ ожидаетъ наказаніе, а гдѣ возлюбленные, имъ добродѣтель предковъ не принесетъ никакой пользы, если они не увѣруютъ. Впрочемъ, какъ я замѣтилъ прежде, (апостолъ) не перестаетъ утѣшать ихъ словами, чтобы привлечь. Потому, раскрывая сказанное выше и инымъ путемъ, онъ продолжаетъ: *якоже бо и вы иногда противистеся Богови, нынѣ же помиловани бысте сихъ ради противленія: такожде и сіи нынѣ противишася вашей милости, да и тіи помилованы будутъ. Затвори бо Богъ всѣхъ въ противленіе, да всѣхъ помилуетъ* (ст. 30—32). Здѣсь (апостолъ) показываетъ, что прежде

были призываемы язычники, а потомъ, когда они не захотѣли, избраны іудеи, и что впослѣдствіи опять случилось тоже самое: такъ какъ іудеи не захотѣли вѣровать, то снова были призваны язычники. Но (апостолъ) не останавливается и на этомъ и все обращаетъ не къ тому, что іудеи отвержены, а къ тому, что и они опять будутъ помилованы. Смотри: онъ язычникамъ даетъ столько же, сколько прежде далъ іудеямъ. Такъ какъ вы, язычники, говоритъ (апостолъ), были нѣкогда непослушны, то пришли іудеи; и опять, такъ какъ они стали непослушными, пришли вы. Однако же они не совсѣмъ погибнутъ, потому что Богъ *затвори всѣхъ въ противленіе*, то есть, всѣхъ обличилъ, показалъ непослушными, не для того, чтобы остались непослушными, но для того, чтобы упорствомъ однихъ спасти другихъ, іудеевъ чрезъ язычниковъ, и язычниковъ чрезъ іудеевъ. Смотри же: вы были непослушны, и они спаслись; потомъ они стали непослушными, и вы спасены, но спасены не для того, чтобы снова удалиться, подобно іудеямъ, но для того, чтобы и ихъ привлечь, побудивъ къ соревнованію. *О глубина богатства и премудрости и разума Божія, яко не испытани судове Его* (ст. 23)! Здѣсь, обратившись мыслію къ первымъ временамъ, размысливъ о древнемъ Божіемъ домостроительствѣ отъ начала міра и до настоящихъ событій, разсудивъ о томъ, какъ разнообразно Богъ все устроялъ, (апостолъ) пришелъ въ изумленіе и воскликнулъ, удостовѣряя тѣмъ слушателей, что несомнѣнно совершится то, о чемъ онъ сказалъ. Иначе онъ не сталъ бы восклицать и изумляться, еслибы это не могло вполнѣ осуществиться. И онъ знаетъ, что это глубина, но какая глубина, этого не знаетъ. Это рѣчь человѣка изумляющагося, но не такого, который знаетъ все. Исполненный же удивленія и изумленія предъ благостію, онъ возвѣстилъ о ней двумя 593
выразительными словами, какія нашелъ: *богатство* и *глубина*; въ изумленіе онъ приведенъ тѣмъ, что Богъ и захотѣлъ, и смогъ совершить это, и произвелъ противоположныя дѣйствія одно другимъ: *яко не испытани судове Его.* Не только невозможно постигнуть это, но даже и изслѣдовать. *И неизслѣдовани путіе Его*, то есть, способы домостроительства, потому что и ихъ не только невозможно познать, но даже и изслѣдовать. И я, говоритъ (апостолъ), не все нашелъ, но малую часть, далеко не все; одинъ Богъ совершенно знаетъ Свои дѣла. Потому (апостолъ) и присовокупилъ: *кто бо разумѣ умъ Господень? или кто совѣтникъ Ему бысть? или кто прежде даде Ему, и воздастся ему* (ст. 34, 35)? Эти слова означаютъ то, что Богъ, будучи такъ премудръ, не отъ другого заимствуетъ премудрость, но самъ есть источникъ благъ; что Онъ, столько для насъ совершившій и столько намъ даро-

вавшій, не заимствованное у другого дать намъ, но излилъ это отъ Себя; что Онъ никого не долженъ вознаграждать, какъ взявшій что-либо у другого, но всегда самъ есть главный виновникъ благъ.

Богатство въ томъ преимущественно и состоитъ, чтобы во всемъ имѣть изобиліе и ни въ чемъ не одолжаться другому. Потому (апостолъ) и присовокупилъ: *яко изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая* (ст. 36). Онъ самъ создалъ, самъ сотворилъ, самъ поддерживаетъ, потому что богатъ и не имѣетъ нужды брать у другого, потому что премудръ и не нуждается въ совѣтѣ. И что я говорю—въ совѣтѣ? Никто не въ состояніи даже знать, что принадлежитъ Ему, Онъ одинъ богатъ и премудръ. Великое богатство проявилось въ томъ, что язычники такъ были обогащены, а великая мудрость въ томъ, что учителями іудеевъ сдѣланы тѣ, которые ниже ихъ. Потомъ, послѣ того какъ (апостолъ) приведенъ былъ въ изумленіе, онъ воздаетъ благодареніе, говоря: *Тому слава во вѣки. Аминь.* Онъ всегда въ удивленіи заключаетъ рѣчь славословіемъ, какъ скоро говоритъ о чемъ-нибудь столько же важномъ и неизреченномъ. Такъ онъ поступаетъ, говоря о Сынѣ: и тамъ, исполнившись удивленія, онъ присовокупилъ тоже, что и здѣсь: *отъ нихъ же Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки. Аминь* (Рим. IX, 5).

8. Будемъ и мы подражать апостолу и всегда станемъ прославлять Бога своею заботливостію въ жизни, а не будемъ полагаться на добродѣтели предковъ, имѣя въ виду примѣръ іудеевъ. Вѣдь нѣтъ у христіанъ, нѣтъ родства плотского, а есть только близость по Духу. Такимъ образомъ и скиѳъ дѣлается сыномъ Авраама, а сынъ Авраама становится для него болѣе чуждымъ, нежели скиѳъ. Потому не будемъ полагаться на заслуги отцевъ, но хотя бы ты имѣлъ и удивительнаго по жизни родителя, однако же не думай, что этого достаточно тебѣ для спасенія, чести и славы, если ты не сдѣлаешься роднымъ ему и въ нравахъ; а равно, если бы ты имѣлъ дурного отца, не думай, что и ты вслѣдствіе этого подвергнешься осужденію и позору, хотя бы самъ послѣ ты и жилъ хорошо. Что было безславнѣе язычниковъ? Однако же они посредствомъ вѣры скоро сдѣлались родными святыхъ. Что было ближе іудеевъ къ Богу? Однако же и они за невѣріе были отчуждены. Плотское родство есть дѣло природы и необходимости, по нему мы всѣ родные, потому что всѣ родились отъ Адама, и по отношенію къ Адаму и Ною и къ общей всѣмъ матери землѣ—всѣ мы другъ другу родные въ одинаковой степени. То родство достойно награды, которое раздѣляетъ насъ отъ людей порочныхъ. Въ этомъ отношеніи не всѣ

между собою родные, а только тѣ, которые согласны по образу 594
жизни. Въ этомъ отношеніи не того мы называемъ братомъ, кто родился отъ одной съ нами матери, но того, кто оказываетъ одинаковую съ нами ревность. Такъ и Христосъ однихъ называетъ чадами Божіими, а другихъ сынами діавола, сынами противленія, сынами геенны, сынами погибели. Такъ Тимоѳей по добродѣтели сдѣлался сыномъ Павла и наименованъ *приснымъ чадомъ* (1 Тимоѳ. 1, 2); а сына сестры Павла мы не знаемъ и по имени; хотя по плотскому рожденію онъ былъ близокъ Павлу, но никакой пользы не получилъ отъ этого, а Тимоѳей далекъ былъ и по плотскому рожденію, и по мѣсту жительства, какъ гражданинъ города Листры, однако же сталъ всѣхъ ближе. Потому и мы постараемся сдѣлаться сынами святыхъ, или лучше сдѣлаемся сынами Божіими. А что намъ можно сдѣлаться сынами Божіими, послушай, что сказано: *будите совершени, якоже Отецъ вашъ небесный* (Мѳ. v, 48). Потому и въ молитвѣ мы называемъ Бога Отцемъ и тѣмъ напоминаемъ себѣ не только о благодати, но и о добродѣтели, чтобы намъ не дѣлать ничего недостойнаго такого родства. Но спросишь: какъ можно сдѣлаться сыномъ Божіимъ? Если ты свободенъ будешь отъ всѣхъ страстей, а по отношенію къ оскорбителямъ и обидчикамъ будешь вести себя кротко. Такъ и Отецъ твой поступаетъ съ тѣми, которые хулятъ Его. И Христосъ, хотя и часто говорилъ о многихъ предметахъ, но нигдѣ не говорилъ: будьте подобными Отцу вашему, но когда сказалъ: *молитеся за творящихъ вамъ напасть, и добро творите ненавидящимъ васъ* (Мѳ. v, 41), тогда упомянулъ и объ этой наградѣ за подвигъ. Ничто такъ насъ не приближаетъ къ Богу и не дѣлаетъ подобными Ему, какъ это совершенство. Потому и Павелъ, когда говоритъ: *бывайте подражатели Богу* (Ефес. v, 1), разумѣетъ именно это.

Мы имѣемъ нужду во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ, но больше всего въ человѣколюбіи и кротости, потому что и сами мы нуждаемся въ человѣколюбіи. Такъ какъ мы каждый день много грѣшимъ, то и нужно намъ много милосердія. Много или мало оцѣнивается не количествомъ подаваемаго, а достаткомъ подающаго. Богатый пусть не думаетъ о себѣ много, а бѣдный пусть не унываетъ, какъ подающій мало, потому что часто бѣдный подаетъ и больше богатаго. Вслѣдствіе бѣдности вамъ не слѣдуетъ считать себя несчастными, такъ какъ она даетъ намъ возможность болѣе удобно подавать милостыню. Кто имѣетъ у себя много, тотъ удерживается и высокомѣріемъ и желаніемъ пріобрѣсти больше, а кто имѣетъ у себя мало, тотъ освобожденъ отъ мучительства обѣихъ этихъ страстей, потому находитъ и боль-

ше случаевъ дѣлать добро. Онъ безъ труда идетъ въ темницу, посѣщаетъ больныхъ, подаетъ чашу холодной воды, а богачъ, надменный своимъ богатствомъ, не допуститъ себя до этого. Итакъ, не сѣтуй на нищету, потому что нищета даетъ тебѣ большую возможность пріобрѣсти небо. Хотя бы ты и ничего не имѣлъ, но у тебя есть сострадательное сердце, и за это тебѣ готова награда. Потому и Павелъ повелѣлъ *плакать съ плачущими* (Рим. xII, 15) и съ узниками обращаться такъ, какъ бы и мы *были съ ними въ узахъ* (Евр. xIII, 3). Имѣть многихъ сostраждущихъ доставляетъ нѣкоторое утѣшеніе не только плачущимъ, но и находящимся въ другихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; иногда одно слово можетъ укрѣпить удрученнаго не меньше, чѣмъ деньги. И Богъ повелѣлъ давать деньги нуждающимся не для того только, чтобы помогать имъ въ нищетѣ, но и для того, чтобы научить насъ состраданію къ бѣдствіямъ ближняго. А сребролюбецъ ненавистенъ не только потому, что презираетъ живу-
595 щихъ въ скудости, но и потому, что самъ привыкаетъ къ жестокости и безчеловѣчію, а равно презирающій деньги для бѣдныхъ тѣмъ и любезенъ, что милосердъ и человѣколюбивъ. И Христосъ, когда ублажаетъ милостивыхъ, ублажаетъ и хвалитъ не просто подающихъ денежную милостыню, но дѣлающихъ это съ добрымъ расположеніемъ. Итакъ, будемъ имѣть такое усердіе къ дѣламъ милосердія, и всѣ блага послѣдуютъ за этимъ. Имѣющій человѣколюбивое и милосердное расположеніе, если есть у него
596 деньги, раздастъ ихъ, если увидитъ кого-нибудь въ несчастіяхъ, станетъ плакать и проливать слезы, если встрѣтитъ обижаемаго, заступится, если найдетъ бѣдствующаго, подастъ ему руку. Имѣя сокровище благъ—человѣколюбивую и милосердную душу, онъ изольетъ изъ нея все нужное для братій и получитъ всѣ уготованныя Богомъ награды. А чтобы и намъ достигнуть ихъ, прежде всего позаботимся сдѣлать свое сердце кроткимъ. Такимъ образомъ мы и въ этой жизни совершимъ много добрыхъ дѣлъ; и сподобимся будущихъ вѣнцовъ, достигнуть которыхъ да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XX.

**Молю убо васъ, братіе, щедротами Божіими, предста- 595
вите телѣса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше (xii, 1).**

1. Сказавъ многое о Божіемъ человѣколюбіи и показавъ неизреченную Божію попечительность, несказанную и неизслѣдимую благость, (апостолъ) этою самою благостію пользуется для того, чтобы убѣдить облагодѣтельствованныхъ Богомъ—явить жизнь, достойную дара. И будучи столь великъ и высокъ, онъ не отказывается умолять ихъ, къ тому же умолять не о томъ, что послужило бы для его пользы, но о томъ, отчего могли получить пользу они сами. И удивительно ли, что онъ не отказывается умолять, если представляетъ умоляющимъ самое милосердіе Божіе? Такъ какъ отъ Божіихъ щедротъ, говоритъ онъ, излились на васъ безчисленныя блага, то постыдитесь ихъ и побойтесь, потому что самыя эти щедроты обращаются къ вамъ съ просьбою не дѣлать ничего ихъ недостойнаго. И я, говоритъ (апостолъ), умоляю васъ тѣми же щедротами, которыми вы спасены. Такъ и желающій пристыдить много облагодѣтельствованнаго обыкновенно представляетъ умоляющимъ самого благодѣтеля. О чемъ же ты умоляешь, скажи мнѣ? *Представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше.* Такъ какъ сказалъ: *жертву*, то, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что повелѣваетъ закалать тѣла, тотчасъ присовокупилъ: *живу*. Потомъ, отличая ее отъ іудейской, продолжаетъ: *святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше*, іудейская же жертва плотская и не очень благоугодная. *Кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ*, говоритъ (Богъ) (Ис. i, 12). И въ другихъ многихъ мѣстахъ Писанія видимъ, что Богъ отвергаетъ іудейскія жертвы. Но не отвергаетъ этой жертвы, напротивъ даже требуетъ ея, когда и іудейская принесена. Потому и сказалъ: *жертва хвалы прославитъ Мя* (Псал. xlix, 23). И еще сказано: *восхвалю имя Бога моего съ пѣснію, и угодно будетъ Богу паче тельца юна, роги износяща и пазнокти* (Псал. lxviii, 31, 32). И въ другомъ мѣстѣ, отвергая іудейскую жертву и сказавъ: *еда ямъ мяса юнча, или кровь козловъ пію?* — (Господь) присовокупилъ: *пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя* (Псал. xlix, 13, 14). Такъ и Павелъ повелѣваетъ здѣсь: *представите тѣлеса жертву живу.*

Но какъ тѣло, спросишь ты, можетъ служить жертвою? Глазъ пусть не смотритъ ни на что дурное, и онъ уже сдѣлался жертвою; языкъ пусть не говоритъ ничего постыднаго, и онъ сталъ

приношеніемъ; рука пусть не дѣлаетъ ничего беззаконнаго, и она стала всесожженіемъ. А вѣрнѣе сказать, и этого не достаточно, но мы должны и дѣлать добро: пусть рука творитъ милостыню, уста благословляютъ обидящихъ, слухъ постоянно упраж-
596 няется въ слушаніи слова Божія. Вѣдь жертва не имѣетъ никакой нечистоты, она есть начатокъ всего. Принесемъ же Богу начатокъ рукъ, ногъ, устъ и всего прочаго; такая жертва благоугодна, какъ и іудейская была нечиста: *требы ихъ*, сказано, *хлѣбъ жалости имъ* (Ос. IX, 4). Но не такова наша жертва. Въ іудейской приносимое въ жертву дѣлалось мертвымъ, а наша дѣлаетъ жертвуемое живымъ. Когда мы умертвимъ члены наши, тогда и въ состояніи будемъ жить; этотъ способъ жертвоприношенія новый, потому и родъ огня необыкновенный. Нѣтъ нужды въ дровахъ и въ сгораемомъ веществѣ, но огонь нашъ горитъ самъ собою и не сожигаетъ жертву, а болѣе оживляетъ ее. Такой жертвы Богъ требовалъ издревле, почему пророкъ и сказалъ: *жертва Богу, духъ сокрушенъ* (Псал. L, 19). Такую жертву приносили три отрока, говоря: *нѣсть князя, и пророка, ни мѣста, еже пожрети и обрѣсти милость; но душею сокрушенною и духомъ смиреннымъ да пріяты будемъ* (Дан. III, 38, 39). Замѣть же, какъ (апостолъ) съ большою точностью пользуется словомъ. Не сказалъ онъ: сдѣлайте тѣла свои жертвою, но: *представите*, и этимъ какъ бы сказалъ: вы не имѣете уже ничего общаго съ ними, вы отдали ихъ другому. Какъ тѣ, которые предоставили боевыхъ коней, не имѣютъ уже на нихъ права собственности, такъ и ты, предоставивъ члены свои на брань съ діаволомъ, на это грозное ополченіе, не отвлекай ихъ для собственныхъ своихъ услугъ. При этомъ (апостолъ) внушаетъ еще и то, что, готовясь принесть члены свои въ жертву, мы должны сдѣлать ихъ безукоризненными, потому что представляемъ ихъ не кому-либо изъ живущихъ на землѣ людей, но самому Царю вселенной—Богу, и не для употребленія ихъ только на брани, но чтобы возсѣдалъ на нихъ самъ Царь. Господь не отказывается возсѣдать на нашихъ членахъ, но и весьма этого желаетъ, и чего не избралъ бы царь, служащій одному съ нами Господу, то избираетъ Владыка ангеловъ. Итакъ, если члены твои должны быть принесены и сдѣлаться жертвой, то отсѣки отъ нихъ всякую скверну, потому что пока есть въ нихъ что-либо скверное, они не могутъ быть жертвой. Такъ, глазъ, если смотритъ на предметы, возбуждающіе сладострастіе, не можетъ быть принесенъ въ жертву, а равно и рука хищная и любостяжательная, ноги хромающія при движеніи и ходящія на зрѣлища, чрево раболѣпствующее сластолюбію и возжигающее страсти къ удовольствіямъ, сердце питающее гнѣвъ или нечистую любовь, языкъ говорящій срамное.

2. Поэтому со всѣхъ сторонъ должно разсмотрѣть, нѣтъ ли въ 597
нашемъ тѣлѣ чего сквернаго. Если приносившіе ветхозавѣтныя жертвы обязаны были все осматривать и имъ не позволялось приносить безухаго, безхвостаго, покрытаго коростой или проказой, тѣмъ болѣе мы, которые приносимъ не безсловесныхъ овецъ, но себя самихъ, должны наблюдать большую осмотрительность и во всѣхъ отношеніяхъ быть чистыми, чтобы можно было сказать намъ съ Павломъ: *азъ бо уже жренъ бываю, и время моего отшествія наста* (2 Тм. IV, 6). И такъ какъ (Павелъ) былъ чище всякой жертвы, то и назвалъ себя жертвою. И съ нами это будетъ, если мы истребимъ ветхаго человѣка, умертвимъ земные члены, распнемъ для себя міръ. Въ такомъ случаѣ мы не будемъ уже нуждаться ни въ ножѣ, ни въ жертвенникѣ, ни въ огнѣ, или правильнѣе говоря, все это будетъ намъ нужно, но не руками сдѣланное, а все будетъ дано намъ свыше,—и огонь свыше, и ножъ, а широта неба будетъ для насъ жертвенникомъ. Если въ то время какъ Илія приносилъ чувственную жертву, пламень, сошедшій съ неба, истребилъ все—и воду, и дрова, и камни, то тѣмъ болѣе совершится это съ тобою. Если ты и имѣешь что-нибудь неустойчивое и житейское, но принесешь жертву съ истиннымъ расположеніемъ, то снишедшій огонь Духа потребитъ все житейское и исполнитъ все приношеніе. Что же такое *словесное служеніе?* Духовное служеніе, жизнь во Христѣ. Какъ служащій и священнодѣйствующій въ Божіемъ дому, каковъ бы ни былъ въ другое время, при служеніи сосредоточивается въ себѣ и дѣлается болѣе благоговѣйнымъ, такъ и мы цѣлую жизнь должны быть въ такомъ расположеніи духа, какъ совершающіе служеніе Богу и священнодѣйствующіе. А это будетъ, если ты каждый день станешь приносить Богу жертвы, сдѣлаешься священникомъ своего тѣла и добродѣтели, возникающей въ душѣ, напримѣръ, когда пренесишь цѣломудріе, милостыню, кротость и незлобіе. Исполняя это, ты будешь совершать словесное служеніе, то есть, не имѣющее ничего тѣлеснаго, ничего грубаго и чувственнаго. Итакъ, самыми наименованіями ободривъ слушателя и доказавъ, что каждый бываетъ священникъ собственнаго тѣла и жизни, (апостолъ) говоритъ и о способѣ, по которому можно во всемъ достигнуть успѣха. Какой же это способъ? *Не сообразуйтеся вѣку сему, но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего* (ст. 2), потому что образъ этого вѣка приверженъ къ землѣ, низокъ, кратковремененъ, не имѣетъ ничего возвышеннаго, постояннаго, правильнаго, а все извращенное. И ты, если хочешь идти правильнымъ путемъ, не напечатлѣвай въ себѣ образа настоящей жизни, потому что въ немъ нѣтъ ничего постояннаго и твер-

даго. Поэтому апостолъ и назвалъ его образомъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. VII, 31). Въ немъ нѣтъ ничего постояннаго, прочнаго, но все временно, почему и сказалъ: *вѣку сему*, указывая этимъ на тлѣнность, а словомъ: *образъ*—на вещественность. Укажешь ли ты на богатство, славу, тѣлесную красоту, удовольствія, на все прочее, что люди считаютъ великимъ,—все это только образъ, а не дѣйствительная вещь, явленіе,—личина, а не постоянная какая-либо сущность. Но ты не сообразуйся съ этимъ, говоритъ (апостолъ), а преобразуйся обновленіемъ ума. Онъ не сказалъ: преобразуйся наружно, но преобразуйся по существу, показывая этимъ, что міръ имѣетъ наружный только образъ, а добродѣтели принадлежитъ не наружный, но истинный, существенный образъ,
508 который имѣетъ природную красоту и не нуждается во внѣшнемъ украшеніи и формахъ, одновременно появляющихся и исчезающихъ, такъ какъ все это исчезаетъ прежде, чѣмъ появится. Итакъ, если ты отбросишь внѣшность, то тотчасъ достигнешь (настоящаго) образа.

Вѣдь ничего нѣтъ слабѣе порока, ничто такъ скоро не ветшаетъ. Потомъ, такъ какъ людямъ ежедневно свойственно грѣшить, то (апостолъ) утѣшаетъ слушателя, говоря, чтобы онъ ежедневно обновлялся. Какъ мы поступаемъ съ домами, постоянно починяя тѣ изъ нихъ, которые обветшали, такъ поступай и съ самимъ собою. Ты согрѣшилъ сегодня, душа твоя обветшала? Не отчаивайся, не унывай, но обнови ее покаяніемъ, слезами, исповѣданіемъ, добрыми дѣлами и никогда не переставай это дѣлать. Но какъ мы можемъ дѣлать это? *Во еже искушати вамъ лучшее, что есть воля Божія, благая и угодная и совершенная* (ст. 2); это и значитъ: обновляйтесь,—чтобы вамъ познать полезное для себя и волю Божію; или: вы тогда можете обновиться, когда узнаете полезное для себя, и то, чего хочетъ Богъ. Если ты позналъ это и научился распознавать свойства вещей, то ты постигъ и весь путь добродѣтели. Спросишь: кто же не знаетъ для себя полезнаго и того, въ чемъ состоитъ воля Божія? Всѣ тѣ, которые стремятся къ настоящему, которые считаютъ завиднымъ богатство, а бѣдность унижаютъ, которые домогаются власти, стремятся къ внѣшней славѣ, считаютъ себя великими, когда настроятъ великолѣпныхъ домовъ, купятъ пышныя гробницы, имѣютъ толпу слугъ и водятъ за собою множество евнуховъ. Такіе люди не знаютъ, что для нихъ полезно и въ чемъ состоитъ воля Божія,—вѣдь то и другое—одно и тоже.

3. Что полезно для насъ, того хочетъ Богъ, и чего хочетъ Богъ, то полезно для насъ. Итакъ, чего же хочетъ Богъ? Того,

чтобы мы жили въ нищетѣ, смиренномудріи, въ презрѣніи славы, въ воздержаніи, а не въ роскоши, въ скорби, а не въ нѣгѣ, въ печали, а не въ веселіи и смѣхѣ, жили бы и во всемъ остальномъ, что заповѣдалъ намъ Богъ. Но многіе отвращаются отъ этого,—настолько они далеки отъ того, чтобы признавать это полезнымъ и волею Божіею; и потому они никогда не могутъ даже приблизиться къ подвигамъ добродѣтели. Такіе люди, не зная и того, что такое добродѣтель, но вмѣсто ея восхищаясь порокомъ и, вмѣсто цѣломудренной супруги, вступая въ союзъ съ блудницею, какъ могутъ отрѣшиться отъ настоящаго вѣка? Потому, прежде всего прочаго, намъ надлежитъ имѣть правильное сужденіе о вещахъ, и если мы еще не слѣдуемъ добродѣтели, то, по крайней мѣрѣ, научимся хвалить ее, если еще не избѣгаемъ порока, то, по крайней мѣрѣ, навыкнемъ порицать худое, чтобы пока приговоры наши были неподкупны. Вступивъ на этотъ путь, мы будемъ имѣть возможность приняться потомъ и за дѣла. Потому и Павелъ повелѣваетъ обновляться, *во еже искушати вамъ, что есть воля Божія*. Здѣсь онъ укоряетъ, какъ мнѣ кажется, и іудеевъ, державшихся закона. Хотя была воля Божія— и на жизнь ветхозавѣтную, но не преимущественная, а приспособленная къ слабости іудеевъ, совершенная же и благоугодная воля открыта въ жизни новозавѣтной. И когда апостолъ новозавѣтную жизнь наименовалъ разумнымъ служеніемъ, то назвалъ такъ въ противоположность жизни ветхозавѣтной. *Глаголю бо благодатію давшеюся мнѣ, всякому сущему въ васъ не мудрствовати* 590
паче, еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовати въ цѣломудріи, коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры (ст. 3). Выше сказавъ: *молю васъ щедротами Божіими*, здѣсь опять говоритъ: *глаголю благодатію*. Замѣть смиренномудріе учителя, замѣть кротость его души. Для столь великаго увѣщанія и совѣта онъ никакъ не признаетъ достаточными собственныя свои слова, но въ подтвержденіе ихъ ссылается то на милосердіе Божіе, то на благодать. Не отъ себя предлагаю я слово, говоритъ онъ, но отъ Бога. И не сказалъ: говорю вамъ премудростію Божіею, или закономъ Божіимъ, но: *благодатію*, постоянно напоминая о благодѣяніяхъ, чтобы внушить имъ большую благодарность и доказать, что и благодать требуетъ исполненія того, о чемъ говорится. *Всякому сущему въ васъ*. Не тому только или другому, но и начальнику и подчиненному, рабу и свободному, неученому и мудрецу, женщинѣ и мужчинѣ, юношѣ и старцу,—это общій законъ, потому что Господній. Итакъ, апостолъ никого не обижаетъ словомъ своимъ, предлагая наставленія всѣмъ, даже и тѣмъ, которые

невиновны, чтобы виновные удобнѣе приняли это вразумленіе и исправленіе.

И что говоришь ты, скажи мнѣ? *Не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати.* Здѣсь онъ указываетъ на смиренномудріе, мать всѣхъ благъ, подражая въ этомъ своему Учителю. Какъ Христосъ, взойдя на гору, чтобы предложить нравоучительное слово, началъ рѣчь прежде всего о смиренномудріи и его положилъ основаніемъ: сказавъ: *блажени нищіи духомъ* (Мѳ. v, 3), такъ и Павелъ, переходя отъ догматическихъ истинъ къ нравственнымъ, преподалъ урокъ о добродѣтели вообще, требуя отъ насъ достойной удивленія жертвы, но, намѣреваясь изобразить добродѣтель въ частности, начинаетъ съ смиренномудрія, какъ бы съ главы, и совѣтуетъ *не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати,*—потому что такова воля Божія, *но мудрствовати въ цѣломудріи.* Слова эти означаютъ слѣдующее: мы пріобрѣли благоразуміе, чтобы обращать его не въ высокомѣріе, но въ скромность. И апостолъ не сказалъ: думайте о себѣ смиренномудренно, но: *цѣломудренно,* разумѣя здѣсь подъ цѣломудріемъ не противоположную надменности добродѣтель и не удаленіе отъ невоздержности, но умъ трезвенный и здравый: имѣть здравыя мысли и называется цѣломудріемъ. Такимъ образомъ, показавъ, что нескромный не можетъ быть цѣломудреннымъ, то есть, устойчивымъ и здравымъ, но заблуждается, выходитъ изъ границъ и бываетъ неразумнѣе всякаго безумнаго, (апостолъ) смиренномудріе назвалъ цѣломудріемъ. *Коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры.* Такъ какъ подаяніе дарованій привело многихъ изъ римлянъ и изъ коринѳянъ къ высокомѣрію, то обрати вниманіе, какъ (апостолъ) дѣлаетъ ясной причину этой болѣзни и мало-помалу удаляетъ ее. Сказавъ, что должно *мудрствовати въ цѣломудріи,* онъ присовокупилъ: *коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры,* называя здѣсь вѣрою духовное дарованіе. Словомъ же: *раздѣлилъ*—онъ утѣшилъ и того, кто получилъ меньшій даръ, и смирилъ того, кто воспользовался большимъ даромъ. Если Богъ раздѣлилъ, а не твое преуспѣяніе имѣетъ значеніе, то почему ты много думаешь о себѣ?

4. Если же кто скажетъ, что здѣсь говорится о вѣрѣ, а не о дарованіи, то это еще болѣе доказываетъ, что (апостолъ) смиряетъ тщеславныхъ. Если вѣра есть причина дара, ею творятся чудеса и все это отъ Бога, то на какомъ основаніи ты думаешь
600 о себѣ много? Вѣдь если бы Богъ не пришелъ на землю и не воплотился, то вѣра не имѣла бы такихъ успѣховъ. Такимъ образомъ всѣ блага имѣютъ начало въ Богѣ. А если Онъ самъ даетъ, то умѣетъ и раздѣлить; Онъ самъ всѣхъ сотворилъ и о всѣхъ

одинаково печется. Отъ Его человѣколюбія зависѣло какъ дать, такъ и сколько дать. Тотъ, Кто явилъ благость въ главномъ, именно въ томъ, что сообщилъ дары Свои, не оставитъ тебя и въ отношеніи мѣры. Если бы Онъ хотѣлъ лишить тебя чести, то не далъ бы тебѣ и самаго перваго, а если Ему благоугодно было спасти и почтить тебя (а для того Онъ и пришелъ на землю и распредѣлилъ такое множество благъ), то для чего ты приходишь въ смущеніе и страхъ и изъ разумнаго становишься глупцемъ, стыдя себя больше, чѣмъ глупый по природѣ? Быть глупымъ по природѣ не составляетъ вины, а сдѣлаться глупымъ, имѣя разумъ, неизвинительно и влечетъ за собою большое наказаніе. Таковы тѣ, которые по причинѣ своей мудрости много о себѣ думаютъ и впадаютъ въ крайнее высокомѣріе. Ничто вѣдь такъ не дѣлаетъ глупымъ, какъ кичливость. Потому и пророкъ, называя варвара глупцемъ, говорилъ: *юродъ бо юродивая изречетъ* (Ис. XXXII, 6). А чтобы ты могъ заключить о его глупости изъ собственныхъ рѣчей его, послушай, что говоритъ онъ: *выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, я буду подобенъ Вышнему* (Ис. XIV, 13, 14). *Вселенную всю объиму рукою моею яко гнѣздо, и яко оставлена яица возму* (Ис. X, 14). Что можетъ быть глупѣе этихъ словъ? Но и всякое хвастливое слово легко навлекаетъ на себя такое же нареканіе. И если я буду тебѣ представлять всѣ рѣчи высокомѣрныхъ, ты не различишь, высокомѣрнымъ ли это сказано, или глупцемъ; такимъ образомъ въ нихъ одинъ и тотъ же недостатокъ. И другой варваръ говоритъ опять: *азъ есмь Богъ, а не человѣкъ* (Іезек. XXVIII, 2), и еще другой: не возможетъ Богъ спасти вась или исхитить изъ рукъ моихъ (Дан. III, 15); также и египтянинъ: *не вѣмъ Господа, и Израиля не отпущу* (Исх. V, 2). Таковъ и безумецъ, упомянутый у пророка, говорившій въ сердцѣ своемъ: *нѣсть Богъ* (Псал. XIII, 1). Таковъ и Каинъ, сказавшій: *еда стражъ брату моему есмь азъ* (Быт. IV, 9)? Различишь ли ты, какія слова сказаны высокомѣрными и какія глупцами? Высокомѣріе, не соблюдая умѣренности и возникая помимо ума (почему и называется ἀπόνοια), создаетъ и глупыхъ, и тщеславныхъ. И если начало премудрости есть страхъ Господень, то начало глупости есть невѣдѣніе Господа. Итакъ, если вѣдѣніе Бога есть мудрость, а невѣдѣніе—глупость, невѣдѣніе же происходитъ отъ гордости (а начало гордости есть невѣдѣніе Господа), то слѣдуетъ, что гордость есть крайняя глупость. Таковъ былъ и Навалъ, если не предъ Богомъ, то предъ человѣкомъ, сдѣлавшійся отъ высокомѣрія безумнымъ; впослѣдствіи онъ умеръ отъ страха. Какъ скоро человѣкъ потеряетъ мѣру благоразумія, то по причинѣ душевной слабости дѣлается вмѣстѣ робкимъ, и дерз-

кимъ. Какъ тѣло, когда потеряетъ равномѣрное соединеніе жизненныхъ силъ, становится разстроеннымъ и подвергается всякимъ болѣзнямъ, такъ и душа, когда утратитъ свою возвышенность и смиренномудріе, впавши въ нѣкоторое болѣзненное состояніе, дѣлается и робкою, и дерзкою, и безумною, и наконецъ, перестаетъ узнавать саму себя. А кто не знаетъ самого себя, какъ узнаетъ то, что выше его? Какъ одержимый умопомѣшательствомъ, когда не узнаетъ себя, не знаетъ и того, что у него подъ ногами, и какъ глазъ, когда самъ слѣпъ, помрачаетъ и всѣ прочіе
601 члены, такъ бываетъ и съ высокомѣріемъ. Потому высокомѣрные несчастнѣе и помѣшанныхъ въ умѣ, и глупыхъ по природѣ; они возбуждаютъ смѣхъ подобно послѣднимъ, и непріятны подобно первымъ, и хотя столько же разстроены въ умѣ, какъ помѣшанные, но не возбуждаютъ столько сожалѣнія, какъ тѣ; они безумствуютъ, какъ и глупцы, но не заслуживаютъ оправданія, какъ тѣ, а внушаютъ только одно отвращеніе. Имѣя недостатки тѣхъ и другихъ, они лишены оправданія, подобно тѣмъ и другимъ, будучи смѣшны не только своими рѣчами, но и всѣми пріемами. Скажи мнѣ: для чего ты вытягиваешь шею? Для чего ходишь, привставъ на пальцы, поднимаешь брови и надуваешь грудь? Вѣдь ты не можешь волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ, а ходишь будто по воздуху, представляя себя владыкою всего? Тебѣ, можетъ быть, хотѣлось бы, чтобы у тебя выросли крылья, чтобы не ходить тебѣ по землѣ; можетъ быть, тебѣ желательно сдѣлаться необыкновеннымъ. А теперь развѣ ты не дѣлаешь изъ себя чуда, когда, будучи человѣкомъ, замышляешь летать? Но лучше сказать, ты летаешь уже внутренно, все тебя поднимаетъ вверхъ. Какъ мнѣ назвать тебя? Чѣмъ истребить твое высокоуміе? Если я назову тебя пепломъ, прахомъ, дымомъ и пылью, то я, хотя и назвалъ низкіе предметы, но ни одинъ не изображаетъ тебя въ точности, какъ я хотѣлъ бы; вѣдь я желаю представить всю надутость и пустоту людей высокомѣрныхъ. Какой же намъ найти образъ, имъ соотвѣтствующій? Мнѣ кажется, что они подобны зажженному льну. Какъ вспыхнувшій ленъ, повидимому, раздувается и приподнимается, но отъ легкаго прикосновенія руки опадаетъ и оставляетъ самый мелкій пепелъ,
602 таковы же и души высокомѣрныхъ: ихъ пустую надутость можетъ смирить и уничтожить случайное прикосновеніе. Всякій высокомѣрный по необходимости долженъ быть слабымъ, потому что высокое не бываетъ крѣпко, но, какъ водяные пузыри скоро лопаются, такъ и высокомѣрные легко погибаютъ. Если ты не вѣришь этому, то представь мнѣ человѣка наглаго и высокомѣрнаго и увидишь, что отъ случайнаго обстоятельства онъ прихо-

дитъ въ большую робость, чѣмъ иной отъ паденія. Какъ хворостъ быстро обращается въ пепелъ, едва вспыхнетъ охватившій его пламень, а толстыя деревья не легко воспламеняются и долго поддерживаютъ пламя, такъ души твердыя и непоколебимыя съ трудомъ и воспламеняются, и сгораютъ, а надъ слабыми въ одно мгновеніе времени совершается и то, и другое. Итакъ, зная это, будемъ упражняться въ смиренномудріи. Нѣтъ ничего могущественнѣе его, оно тверже камня, крѣпче адаманта, ставитъ насъ въ большую безопасность, чѣмъ крѣпости, города и стѣны, будучи выше всѣхъ ухищреній діавола, тогда какъ высокомѣріе дѣлаетъ насъ доступными всякимъ случайнымъ нападеніямъ, лопаясь, какъ сказано выше, легче водяного пузыря, разрываясь скорѣе паутины и разсѣиваясь быстрѣе дыма. Потому, чтобы намъ утвердиться на твердомъ камнѣ, отложивъ высокомѣріе, возлюбимъ смиренномудріе. Тогда и въ настоящей жизни найдемъ спокойствіе, и въ будущемъ вѣкѣ насладимся всѣми благами, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXI.

Якоже бо во единомъ тѣлеси многи уды имамы, уды 601
же вси не тожде имутъ дѣланіе: такожде мнози едино тѣло есмы о Христѣ, а по единому, другъ другу уди (xII, 4, 5).

1. Апостолъ употребилъ здѣсь тоже сравненіе, какимъ онъ воспользовался въ посланіи къ Коринѳянамъ, когда врачевалъ ихъ отъ того же самаго недуга. Сила этого врачества велика и значеніе примѣра достаточно для того, чтобы избавить отъ болѣзни высокомѣрія. Почему, говоритъ онъ, ты думаешь о себѣ высоко, тогда какъ другой, напротивъ, принижаетъ себя? Не всѣ ли мы, большіе и малые, составляемъ одно тѣло? А когда по отношенію къ главѣ мы одно тѣло, а по отношенію другъ къ другу члены, то зачѣмъ ты отсѣкаешь себя высокомѣріемъ, зачѣмъ стыдишься брата? Какъ онъ есть твой членъ, такъ и ты его членъ, и въ этомъ отношеніи существуетъ большая равночестность. (Апостолъ) предложилъ два достаточные довода, чтобы побудить слушателей отложить высокомѣріе: первый тотъ, что мы члены другъ друга, не только малый для большаго, но и большій для меньшаго, а второй тотъ, что всѣ мы составляемъ одно тѣло; вѣрнѣе же сказать, имъ представлено три довода, такъ

какъ онъ доказалъ, что всѣмъ сообщено одно благодатное дарованіе. Итакъ, не думай о себѣ много,—вѣдь все, что ты получилъ, дано тебѣ отъ Бога, а не самъ ты пріобрѣлъ. По этой причинѣ (апостолъ), коснувшись духовныхъ дарованій, не сказалъ, что одинъ получилъ больше, а другой меньше, а какъ назвалъ дарованія? Различными. Онъ говоритъ: *имуще дарованія*, не большія и меньшія, но—*различна*. Что за дѣло, если не то же тебѣ ввѣрено, когда ты принадлежишь къ тому же тѣлу? И (апостолъ), начавъ говорить о дарованіи, заканчиваетъ рѣчь словами о милостынѣ, прилежаніи и заступничествѣ. И такъ какъ нѣкоторые изъ римлянъ, какъ и естественно, были добродѣтельны, но не имѣли дара пророчества, то (апостолъ) доказываетъ, что и быть добродѣтельнымъ есть также даръ, притомъ гораздо большій дара пророчества (онъ доказалъ это въ посланіи къ Коринѳянамъ), такъ какъ
602 первый влечетъ за собою награду, а послѣдній лишенъ вознагражденія, и все въ немъ—даръ и благодать. Поэтому говоритъ: *имуще же дарованія по благодати даннѣй намъ различна: аще пророчество, по мѣрѣ вѣры* (ст. 6). Такъ какъ онъ достаточно утѣшилъ слушателей, то желаетъ побудить ихъ къ подвигамъ и сдѣлать болѣе ревностными, указывая на то, что и отъ нихъ самихъ зависитъ получить большій или меньшій даръ. Чтобы смирить гордыхъ, онъ утверждаетъ, что дается это отъ Бога, когда, напримѣръ, говоритъ: *коемуждо яко же Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры*, и еще: *по благодати даннѣй намъ*. А чтобы поощрить безпечныхъ, онъ присовокупляетъ, что первое основаніе полагаютъ сами люди, какъ онъ утверждаетъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, побуждая къ тому и другому. Когда говоритъ: *ревнуйте дарованій* (1 Кор. XII, 31), показываетъ, что и они сами бываютъ причиною различія даруемаго; а когда говоритъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя коемуждо, якоже хощетъ* (1 Кор. XII, 11), показываетъ, что получившіе даръ не должны имъ превозноситься: въ обоихъ случаяхъ (апостолъ) врачуетъ недугъ коринѳянъ,—какъ онъ поступаетъ и здѣсь. И опять, поощряя къ возстанію падшихъ, говоритъ: *аще пророчество, по мѣрѣ вѣры*. Хотя пророчество дается по благодати, но изливается не просто, а получая мѣру отъ принимающихъ, и течетъ настолько, насколько великъ будетъ принесенный сосудъ вѣры. *Аще ли служеніе, въ служеніи* (ст. 7). Здѣсь служеніе взято въ общемъ смыслѣ: и апостольство называется служеніемъ, и всякое доброе духовное дѣло—служеніе. Конечно, это наименованіе употребляется и для означенія частной дѣятельности, но здѣсь сказано вообще. *Аще*
603 *учай, во ученіи*. Замѣть, какъ (апостолъ) не наблюдаетъ строгаго порядка, но малое ставитъ на первомъ мѣстѣ, а великое послѣ,

научая опять тому же самому, т. е. не гордиться и не превозноситься. *Аще утѣшаяй, во утѣшеніи* (ст. 8). И это—видъ ученія, такъ какъ сказано: *аще есть въ васъ слово утѣшенія къ людемъ, глаголите* (Дѣян. XIII, 15). Потомъ, показывая, что не велика польза держаться добродѣтели безъ надлежащаго соблюденія закона, присовокупляетъ: *подаваяй, въ простотѣ*. Не достаточно того, чтобы подать, но должно дѣлать это и съ щедростью; такъ и всегда это разумѣется подъ словомъ—*простота*; вѣдь и дѣвы (юродивыя) имѣли елей, но не имѣли его въ избыткѣ, почему и лишены были всего. *Начальствуяй, со тщаніемъ*. Не довольно быть начальникомъ, но надобно начальствовать съ усердіемъ и готовностью. *Милуяй, съ добрымъ изволеніемъ*. Недостаточно благотворить, но должно и это дѣлать нескудно и безъ скорби, или лучше сказать, не только безъ скорби, но еще съ веселымъ и радостнымъ духомъ, потому что не одно и то же не быть печальнымъ, и радоваться. То же самое съ большимъ тщаніемъ доказывалъ Павелъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ; побуждая ихъ къ щедрости, онъ говорилъ: *сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ; а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. IX, 6), и научая, съ какимъ расположеніемъ должно это дѣлать, онъ присовокупилъ: *не отъ скорби, ни отъ нужды* (ст. 7). Въ совершающемъ благотвореніе должно быть то и другое—и щедрость, и веселое расположеніе. Зачѣмъ ты плачешь, подавая милостыню? Зачѣмъ скорбишь, оказывая милосердіе, и тѣмъ лишаешься плода заслугъ своихъ? Если ты скорбишь, то нѣтъ въ тебѣ милосердія, но ты жестокъ и безчеловѣченъ. Вѣдь если ты самъ скорбишь, то какъ можешь ободрить того, кто въ горѣ? Пріятно то, чтобы онъ не подозрѣвалъ ничего дурного, а также и то, когда подаешь ему съ радостію, потому что для людей ничто не представляется столько унизительнымъ, какъ принимать что-нибудь отъ другихъ, если только ты особенною веселостью не отвратишь подозрѣнія и не покажешь, что самъ получаешь больше, нежели даешь, что скорѣе роняешь, чѣмъ возстановляешь принимающаго. Потому (апостолъ) и говоритъ: *милуяй, съ добрымъ изволеніемъ*.

2. Кто съ печальнымъ лицомъ получаетъ царскую власть? Кто остается въ унынiи, получивъ прощеніе грѣховъ? Итакъ, обращай вниманіе не на трату денегъ, но на пользу отъ этой траты. Если сѣятель радуется, хотя и сѣетъ въ неизвѣстности на будущее, тѣмъ болѣе долженъ радоваться воздѣлывающій небо. Если ты и мало далъ, но съ радостію, то далъ много, равнымъ образомъ, если ты и много подалъ, но съ прискорбіемъ, то изъ многаго сдѣлалъ мало. Такъ двѣ лепты вдовицы превзошли многіе таланты, потому что ея расположеніе было исполнено щедрости.

Скажешь: какъ можетъ подавать съ радушіемъ тотъ, кто самъ живетъ въ крайней бѣдности и имѣетъ во всемъ недостатокъ? Спроси вдовицу, у нея научишься, какъ это можно дѣлать, и узнаешь, что не бѣдность создаетъ затруднительное положеніе, но собственная воля производитъ какъ это, такъ и все противоположное. Можно и въ бѣдности быть великодушнымъ, и при богатствѣ малодушествовать. Потому (апостолъ) требуетъ при подаяніи простоты, при благотвореніи радушія, при начальствованіи
604 усердія. Онъ желаетъ, чтобы мы помогали нуждающимся не только деньгами, но и словами, дѣлами, тѣлеснымъ трудомъ и всѣмъ прочимъ. И сперва упомянувъ о главномъ родѣ вспомоществованія—ученіемъ и увѣщаніемъ (все это болѣе необходимо, такъ какъ служитъ пищею душѣ), потомъ уже переходитъ къ вспоможенію деньгами и всѣмъ инымъ. Затѣмъ, научая, какъ можно успѣть въ этихъ добродѣтеляхъ, представляетъ ихъ мать—любовь. Именно говоритъ: *любы нелицемѣрна* (ст. 9). Если будешь имѣть любовь, то не почувствуешь ни траты денегъ, ни тѣлеснаго труда, ни тяжести ученія, ни пота и служенія, но все будешь переносить мужественно, потребуется ли помочь ближнему тѣлесными трудами, деньгами, словомъ, или инымъ чѣмъ. Какъ (апостолъ) требуетъ не одного только подаянія, но въ простотѣ, не одного начальствованія, но съ усердіемъ, не одной только милостыни, но съ радушіемъ, такъ онъ не просто требуетъ и любви, но любви непритворной, а такова истинная любовь, и если это будетъ, все прочее послѣдуетъ само собою. Вѣдь оказывающій милосердіе, если оказываетъ его съ радушіемъ, даетъ себѣ самому; начальствующій, если начальствуетъ усердно, доставляетъ пользу себѣ самому; и подающій, если подаетъ со щедростью, надѣляетъ себя самого. А такъ какъ любовь бываетъ и въ худыхъ дѣлахъ, напримѣръ, любовь людей развратныхъ или думающихъ только о деньгахъ и хищеніяхъ, или предающихся пьянству и пирамъ, то (апостолъ), очищая любовь отъ этого, говоритъ: *ненавидяще злаго.* И онъ не сказалъ: удаляйтесь зла, но: ненавидьте его, и не просто ненавидьте, но весьма сильно ненавидьте. Предлогъ ἀπὸ во многихъ мѣстахъ (у апостола) означаетъ усиленіе, такъ, напримѣръ, въ словахъ: ἀποκαραδοκία—заботливость (Рим. VIII, 19), ἀπεκδεχόμενοι—ожидая (1 Кор. I, 7) и ἀπολύτρωσις—искупленіе (Рим. III, 24). Такъ какъ многіе, хотя и не дѣлаютъ зла, но имѣютъ злыя пожеланія, то (апостолъ) и сказалъ: ἀποστυγοῦντες—*отвращайтесь съ ненавистью.* Онъ хочетъ, чтобы наши помышленія были чисты, и чтобы мы имѣли въ отношеніи къ пороку полную вражду, ненависть и войну. Изъ того, что я сказалъ вамъ, говоритъ (апостолъ),—возлюбите другъ друга,—не заключайте, что я предлагаю и въ ху-

дыхъ дѣлахъ содѣйствовать другъ другу. Я предписываю вамъ совершенно противоположное—чуждаться зла не только дѣломъ, но и расположеніемъ, и не только чуждаться такого расположенія, но и совершенно отвращаться зла и ненавидѣть его. Но (апостолъ) не довольствуется только этимъ, а требуетъ упражненія въ добродѣтели, говоря: *прилѣпляйтеся благому*. Не сказалъ—дѣлайте добро, но—будьте расположены къ нему; это онъ выразилъ, повелѣвъ *прилѣпляться*. Такъ Богъ, сопрягая мужа и жену, сказалъ: *прилѣпится къ женѣ своей* (Быт. II, 24). Послѣ того (апостолъ) излагаетъ причины, по которымъ мы должны любить другъ друга. *Братолюбіемъ другъ ко другу любезни* (ст. 10). Вы—братья, говоритъ (апостолъ), и произошли изъ одной утробы, уже и по этой причинѣ правильно было бы, чтобы вы любили другъ друга. Это и Моисей сказалъ дравшимся египтянамъ: вы—братья, для чего же обижаете другъ друга (Исх. II, 13)? И (апостолъ), когда ведетъ рѣчь о внѣшнихъ, говоритъ: *аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте*; когда же разсуждаетъ о своихъ, 605
говоритъ: *братолюбіемъ другъ ко другу любезни*. Тамъ требуетъ, чтобы они не ссорились, не ненавидѣли, не отвращались другъ друга, а здѣсь повелѣваетъ любить другъ друга и не просто любить, но любить сильно. Любовь, говоритъ онъ, должна быть не только не притворная, но крѣпкая, горячая, пламенная. Что пользы, если любишь, хотя искренно, однако же не горячо? Потому (апостолъ) и сказалъ: *другъ ко другу любезни*, то есть, любите горячо. Не жди, чтобы другой проявилъ къ тебѣ любовь, но самъ стремись къ нему и начни первый, такъ какъ тогда ты пріобрѣтешь награду и за его любовь.

3. Показавъ причину, по которой мы обязаны любить другъ друга, (апостолъ) объясняетъ, какъ любовь наша можетъ сдѣлаться непоколебимою, почему и присовокупляетъ: *честію другъ друга больша творяще*. Такимъ-то образомъ любовь возникаетъ и поддерживается. И ничто не пріобрѣтаетъ намъ столько друзей, какъ стараніе превзойти ближняго почтительностью. Отъ этого возрастаетъ не только любовь, но и честь. Какъ описанное выше происходитъ отъ любви, такъ любовь отъ чести, а равно и честь—отъ любви. Потомъ, чтобы мы оказывали не только уваженіе, апостолъ требуетъ и еще другого, большаго, говоря: *тщаніемъ не лѣниви* (ст. 11). И то рождаетъ любовь, когда вмѣстѣ съ почтительностью мы оказываемъ и услуги, потому что ничто такъ не заставляетъ любить, какъ почтеніе и попечительность. Не достаточно любить, но нужно имѣть и это, а лучше сказать, и это происходитъ отъ любви, равно какъ и любовь отъ этого разгорается, вообще одно подкрѣпляетъ другое. Многіе,

хотя сердечно другъ друга любятъ, однакоже не подаютъ руки помощи. Потому апостолъ отовсюду укрѣпляетъ любовь. А какъ мы можемъ быть *тщаніемъ не лѣниви? Духомъ горяще.* Ты замѣчаешь, что апостолъ во всемъ требуетъ усиленія. Онъ сказалъ: не только подавайте, но не скудно, не только начальствуйте, но съ усердіемъ, не только совершайте дѣла милосердія, но съ радостію, не только будьте почтительны, но предупреждайте въ почтеніи другихъ, не только любите, но любите непритворно, но только воздерживайтесь отъ зла, но ненавидьте его, не только держитесь добраго, но прилѣпляйтесь къ нему, не только будьте дружелюбны, но съ нѣжностью, не только будьте тщательны, но неослабно, не только имѣйте духъ, но пламенѣйте духомъ, то есть, будьте ревностны и возбужденны. Если ты будешь имѣть все теперь исчисленное, то привлечешь Духа, а если пребудетъ въ тебѣ Духъ, то сдѣлаетъ тебя усерднѣе ко всему исчисленному, когда же воспламененъ будешь Духомъ и любовію, тогда все сдѣлается для тебя легкимъ. Неужели ты не знаешь, насколько ужасны для всѣхъ волы, когда они имѣютъ на спинѣ огонь? Такъ и ты сдѣлаешься нестерпимымъ для діавола, если возьмешь оба эти пламени. *Господеви работающе.* Посредствомъ всего этого возможно служить Богу. Все, чтобы ты ни дѣлалъ для брата, восходитъ къ Владыкѣ твоему и Онъ, какъ бы самъ получивъ отъ тебя благодѣяніе, вознаграждаетъ тебя за это. Замѣчаешь ли, куда (апостолъ) направилъ помыслы исполняющаго это? Показавъ, какъ можетъ возгорѣться огонь Духа, (апостолъ) говоритъ далѣе: *упованіемъ радующеся, скорби терпяще, въ молитвѣ пребывающе* (12). Все это служитъ для воспламененія того огня. И такъ какъ апостолъ требовалъ уже денежныхъ издержекъ, тѣлесныхъ трудовъ, покровительства, усердія, ученія и другихъ подвиговъ, то вмѣстѣ съ любовью и Духомъ поощряетъ еще
606 подвижника надеждою. Ничто такъ не дѣлаетъ душу мужественною и на все готовою, какъ добрая надежда. Между тѣмъ до полученія ожидаемыхъ благъ (апостолъ) даетъ другую награду. Такъ какъ надежда касается будущаго, то, говоритъ онъ, въ бѣдствіи будьте терпѣливы. Прежде будущихъ благъ, въ настоящей жизни ты пожнешь великій плодъ отъ бѣдствій, — сдѣлаешься терпѣливымъ и опытнымъ. Сверхъ того, (апостолъ) представляетъ и другую помощь, говоря: *въ молитвѣ пребывающе.* Итакъ, когда любовь доставляетъ тебѣ удобство, Духъ вспомоществуетъ, надежда облегчаетъ, бѣдствія дѣлаютъ тебя опытнымъ и способнымъ переносить все мужественно, когда, сверхъ того, ты имѣешь и другое сильнѣйшее оружіе—молитву и помощь, испрашиваемую по молитвѣ, тогда что останется труднаго

въ исполненіи заповѣдей? Ничего. Видишь ли, какъ (апостолъ) отовсюду утвердилъ подвижника и доказалъ, что заповѣди его весьма легки? Замѣть также, что опять онъ начинаетъ говорить о милостынѣ и не просто о милостынѣ, но о милостынѣ святымъ. Выше, сказавъ: *милуяй съ добрымъ изволеніемъ*, онъ отверзъ руку для всѣхъ, а здѣсь онъ говоритъ, конечно, о вѣрующихъ, почему присовокупляетъ: *требованіемъ святыхъ пріобщающеся* (ст. 13). Не сказалъ: помогайте святымъ въ нуждахъ, но: принимайте участіе въ ихъ нуждахъ, показывая, что они болѣе получаютъ, нежели даютъ, и что это дѣло есть купля, такъ какъ есть общеніе. Ты даешь деньги, а они даютъ тебѣ дерзновеніе предъ Богомъ. *Страннолюбія держащеся*. Не сказалъ апостолъ: будьте страннопріимны, но: ревнуйте о страннопріимствѣ,—научая насъ, чтобы мы не ожидали, когда нуждающіеся придутъ къ намъ, но сами бѣжали къ нимъ и догоняли ихъ. Такъ поступалъ Авраамъ. Цѣлый день провелъ онъ, выжидая этого прекраснаго лова и, увидѣвъ, вскочилъ, побѣжалъ на встрѣчу, поклонился до земли и сказалъ: *Господи, аще убо обрѣтохъ благодать предъ Тобою, не мини раба Твоего* (Быт. XVIII, 3). Онъ не сдѣлалъ такъ, какъ мы, которые, какъ скоро увидимъ странника или нищаго, поднимаемъ брови и не хотимъ удостоить ихъ даже словомъ; а если, склоненные безчисленными просьбами, мы прикажемъ слугамъ подать небольшую монету, то думаемъ, что съ нашей стороны выполнено все должное. Не такъ поступилъ Авраамъ, но представлялъ изъ себя просителя и слугу, хотя не зналъ, кого приметъ у себя.

4. А мы ясно знаемъ, что принимаемъ у себя Христа, однакоже не дѣлаемся вслѣдствіе этого кроткими. Авраамъ зоветъ, проситъ, кланяется, а мы оскорбляемъ приходящихъ къ намъ. Авраамъ все исправляетъ самъ съ женою, а мы не хотимъ заставить слугъ. Если угодно тебѣ посмотрѣть на самое угощеніе, предложенное Авраамомъ, то и здѣсь увидишь великую щедрость, состоявшую не въ обиліи предложеннаго, но въ богатствѣ усердія. Сколько было тогда людей достаточныхъ? Но ни одинъ не сдѣлалъ ничего подобнаго. Сколько было вдовицъ въ землѣ Израильской? Но ни одна не приняла въ домъ свой Илію. Сколько опять было достаточныхъ людей и при Елисеѣ? Но одна соманитянка пожала плодъ страннопріимства, подобно Аврааму, который отличался въ свое время щедростію и усердіемъ. Особенно же заслуживаетъ удивленія то, что онъ совершилъ это, не зная, кто были пришедшіе къ нему. Такъ и ты не любопытствуй, потому что принимаешь ради Христа; а если всякій разъ будешь допытываться, то часто будешь проходить и мимо чело-

607 вѣка достойнаго и лишишься слѣдовавшей за то награды. Между тѣмъ принимающій и недостойнаго не дѣлается виновнымъ, но имѣетъ свою награду: *пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу пріиметъ* (Мѳ. x, 41). А кто отъ неумѣстнаго любопытства обходитъ человѣка достойнаго удивленія, тотъ навлекаетъ на себя наказаніе. Итакъ, не любопытствуй о жизни и дѣлахъ: вѣдь за одинъ кусокъ хлѣба подвергать обслѣдованію цѣлую жизнь— это признакъ крайняго тщеславія. Если бы онъ былъ убійцей, разбойникомъ или подобнымъ тому, неужели, по твоему мнѣнію, онъ не стоитъ куска хлѣба и немногихъ монетъ? Господь твой и для него повелѣваетъ сіять солнцу, а ты считаешь его не стоющимъ дневного пропитанія? Но я скажу тебѣ и еще больше: хотя бы ты хорошо зналъ, что онъ исполненъ безчисленныхъ золъ, и тогда ты не будешь имѣть оправданія, если лишишь его дневного пропитанія. Ты рабъ Того, Кто сказалъ: *не вѣсте, коего духа есте вы* (Лук. IX, 53); ты слуга Того, Кто оказывалъ услуги метавшимъ въ Него камнями, или лучше сказать, Кто за нихъ распятъ. Не говори мнѣ, что онъ убилъ человѣка; если онъ намѣревается убить и тебя самого, и въ такомъ случаѣ не презирай его, когда онъ голоденъ. Вѣдь ты ученикъ Того, Кто желалъ спасенія распявшимъ Его, Кто даже на крестѣ говорилъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34). Ты рабъ Того, Кто оказалъ услугу ударившему Его, увѣнчалъ поносившаго Его даже на крестѣ. Можетъ ли что-нибудь съ этимъ сравниться? Вѣдь сначала оба разбойника поносили Его; не смотря на это, одному изъ нихъ Онъ отверзъ рай. Онъ плачетъ о тѣхъ, которые намѣреваются убить Его, безпокоится и смущается, видя предателя, не потому, что самъ будетъ распятъ, но потому, что тотъ погибнетъ; смущается, потому что предвидитъ удавленіе, а за удавленіемъ наказаніе. Зная лукавство Іуды, Онъ до послѣдняго часа терпѣлъ его и не отринулъ, но цѣловалъ предателя. Твой Владыка цѣлуетъ, допускаетъ прикоснуться къ устамъ Своимъ того, кто вскорѣ имѣлъ пролить честную кровь Его; а ты нищаго не удостоиваешь и куска хлѣба, не уважаешь закона, дарованнаго Христомъ? Вѣдь этими дѣйствіями Онъ доказалъ, что не должно отвращаться не только нищихъ, но и тѣхъ, которые ведутъ насъ на смерть. Итакъ, не говори мнѣ, что такой-то человѣкъ причинилъ тебѣ зло, но подумай, что сдѣлалъ Христосъ предъ самымъ крестомъ, посредствомъ цѣлованія, которымъ предалъ Его Іуда,—желая исправить предателя. И смотри, въ какой стыдъ должно бы привести его это цѣлованіе. Христосъ сказалъ: *Іудо, лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предаеши* (Лук. XXII, 48)? Кого бы не смягчилъ, кого бы не тронулъ этотъ

голосъ, какого звѣря, какой адамантъ? Но онъ не смягчилъ того несчастнаго. Потому не говори, что такой-то убилъ такого-то, и вслѣдствіе этого я отвращаюсь его. Если кто хочетъ пронзить тебя мечемъ, погрузить руку въ гортань твою, ты поцѣлуй эту руку, потому что Христосъ облобызалъ уста, причинившія Ему смерть.

5. И ты не подвергай ненависти, но слезами и милосердіемъ воздавай злоумышляющему, потому что такой заслуживаетъ нашего сожалѣнія и слезъ. Вѣдь мы рабы Того, Кто цѣловалъ предателя (я никогда не перестану повторить это), Кто произнесъ слова, нѣжнѣе самаго цѣлованія. Господь не сказалъ Іудѣ: скверный, вселукавый и предатель, такую ли воздаешь ты Намъ на- 608
граду за столько благодѣяній? Но что говоритъ Онъ? *Іудо*, т. е. называетъ его по имени, что свойственно болѣе сожалѣющему и призывающему, чѣмъ гнѣвающемуся. Онъ не сказалъ также: предаешь своего Учителя, Владыку и Благодѣтеля, но говоритъ: *предаешь Сына человѣческаго*. Хотя бы Я и не былъ твоимъ Учителемъ и Владыкою, но можно ли предавать Того, Кто расположенъ къ тебѣ такъ милостиво и искренно, что цѣлуетъ тебя во время предательства, когда цѣлованіе служитъ знакомъ предательства? Благословенъ Ты, Господи. Какого смиренія, какого незлобія Ты показалъ намъ примѣръ? Такъ поступилъ Христосъ съ Іудою, а въ отношеніи къ тѣмъ, которые пришли съ дреколіями и мечами, онъ поступилъ иначе. И что можетъ быть скромнѣе сказаннаго имъ Господомъ? Имѣя возможность сразу всѣхъ ихъ истребить, онъ не сдѣлалъ ничего подобнаго, но вступаетъ въ разговоръ, чтобы пробудить въ нихъ стыдъ, и говоритъ: *яко на разбойника ли изыдосте со оружіемъ и дрекольми* (Мѳ. XXVI, 55)? Повергши ихъ предъ Собою на землю, когда они лежали безъ чувствъ, Онъ добровольно предалъ опять Себя и спокойно взиралъ, какъ они возлагали узы на святыя руки, хотя могъ все мгновенно поколебать и ниспровергнуть. А ты и послѣ этого жестоко обходишься съ нищимъ? Если бы онъ былъ виновенъ въ безчисленныхъ преступленіяхъ, то достаточно его бѣдности и голода, чтобы смягчить твою душу, если она не слишкомъ огрубѣла. А ты стоишь какъ звѣрь, уподобляясь гнѣвомъ льву; но и львы никогда не могутъ вкушать мертвыхъ тѣлъ, а ты, видя человѣка, истомленнаго множествомъ золъ, наступаешь на лежащаго, терзаешь его тѣло обидами, присоединяешь бурю къ бурѣ и прибѣгшаго къ пристани ударяешь объ утесъ и подвергаешь крушенію, которое ужаснѣе морского. И какъ скажешь Богу: помилуй меня? Просишь себѣ отпущенія грѣховъ, а самъ обижаешь человѣка, который ни въ чемъ не погрѣшилъ противъ

тебя, осуждаешь за то, что онъ терпитъ голодъ и нужду, и превосходишь всякихъ звѣрей своей жестокостью. Звѣри, когда понуждаетъ ихъ голодъ, кидаются на обычную свою пищу, а ты, безъ всякаго понужденія и необходимости, пожираешь брата, грызешь, терзаешь, если не зубами, то словами, которыя язвительнѣе всякаго укушенія. Какъ же ты совершишь святое приношеніе, когда гортань твоя обагрена кровью человѣческой? Какъ произнесешь слово мира устами, которыя полны вражды? Какъ будешь ѣсть чувственную пищу, когда ты собираешь столько яда? Ты не помогаешь бѣдному, зачѣмъ же тебѣ и угнетать? Не поднимаешь лежащаго, для чего же низвергаешь? Не избавляешь отъ печали, зачѣмъ же огорчаешь? Не даешь денегъ, для чего же оскорбляешь словами? Неужели ты не слышалъ, какому наказанію подвергаются и на какія мученія осуждаются тѣ, которые не кормятъ нищихъ? Имъ будетъ сказано: *идите во огнь, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Мѳ. XXV, 41). Если такъ осуждаются тѣ, которые не кормятъ нищихъ, то какому подвергнутся наказанію тѣ, которые не только не кормятъ, но еще оскорбляютъ? Какому они подлежатъ мученію и какой гееннѣ? Итакъ, чтобы не возжечь противъ себя столько золъ, уврачуемъ этотъ злой недугъ, пока имѣемъ власть, и обуздаемъ языкъ свой. Не только не станемъ оскорблять нищихъ, но будемъ утѣшать ихъ и сло-
609—610 вомъ и дѣломъ, чтобы уготовать себѣ многое милосердіе и получить обѣтованныя намъ блага, достигнуть которыхъ да даруетъ Богъ всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ и проч.

БЕСѢДА XXII.

609 Благословляйте гонящія вы, благословите, а не кленитe (XII, 14).

1. Научивъ римлянъ, какъ надлежитъ быть расположенными другъ къ другу, и тѣсно соединивъ между собою члены (тѣла Христова), апостолъ, наконецъ, выводитъ ихъ на внѣшнее ратоборство, облегчивъ его предшествовавшими своими наставленіями. Какъ не исправившему своихъ домашнихъ дѣлъ очень трудно устроить чужія, такъ, достигши опытности въ управленіи своими дѣлами, очень легко управиться съ посторонними. Потому и Павелъ идетъ такимъ же путемъ и послѣ обязанностей къ своимъ излагаетъ обязанности къ постороннимъ и говоритъ: *благословляйте гонящія вы*. Не сказалъ: не помните обидъ, не мстите, но потребовалъ гораздо большаго; первое свойственно и человѣку любомудрому, а послѣднее свойственно лишь ангелу.

И сказавъ: *благословите*, присовокупилъ: *а не клените*, чтобы мы не дѣлали того и другого, но только благословляли. Гонители бываютъ для насъ виновниками наградъ. А если будешь бодрствовать, то сверхъ этой награды самъ приготовишь себѣ другую. Онъ доставитъ тебѣ награду за гоненіе, а самъ пріобрѣтешь ее за благословеніе гонителя, представляя этимъ вѣрнѣйшее доказательство любви своей ко Христу. Какъ проклинающій гонителя показываетъ, что онъ не съ большою радостію терпитъ гоненіе за Христа, такъ благословляющій обнаруживаетъ этимъ сильную любовь. Итакъ, не укоряй гонителя, чтобы тебѣ самому получить большую награду, а его научить, что это есть дѣло желанія, а не необходимости, что это составляетъ для тебя торжество и веселіе, а не бѣдствіе и униженіе. Потому и Христосъ сказалъ: *радуйтеся, егда рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще* (Мѳ. v, 11, 12). Потому и апостолы возвращались, радуясь тому, что они не только услышали дурное, но и подверглись бичеванію. Сверхъ того, ты пріобрѣтешь и другую малую выгоду, такъ какъ приведешь въ изумленіе противниковъ и вразумишь ихъ своими дѣлами, что ты готовишься къ другой жизни. Какъ скоро замѣтитъ твой гонитель, что ты съ радостію и охотно терпишь зло, то на основаніи дѣлъ ясно пойметъ, что у тебя есть иныя надежды, превосходящія все настоящее. А если станешь вести себя иначе, будешь плакать и скорбѣть, то откуда онъ можетъ узнать, что ты ожидаешь другой жизни? И вмѣстѣ съ этимъ ты исправишь и другого, потому что твой гонитель увидитъ, что ты не оскорбляешься обидами, но еще благословляешь обидѣвшаго, и онъ перестанетъ тебя гнать. Итакъ, вотъ сколько происходитъ отсюда добра: награда твоя увеличится, искушеніе уменьшится, гонитель прекратитъ гоненіе, Богъ прославится, а любомудріе твое сдѣлается для заблуждающагося урокомъ, руководствующимъ къ благочестію. Потому не только оскорбителямъ, но и гонителямъ и притѣснителямъ (апостолъ) повелѣлъ воздавать противоположнымъ. И теперь онъ заповѣдуетъ благословлять ихъ, а раньше убѣждалъ оказывать имъ благодѣянія. *Радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими* (ст. 15). Такъ какъ можно благословлять и не проклинать, но дѣлать это не изъ любви, то (апостолъ) хочетъ, чтобъ мы были согрѣты дружбой. Потому онъ и присовокупилъ, что должно не только благословлять, но и соболѣзновать и сострадать, когда видимъ, что другіе впали въ несчастіе. Хорошо, скажешь: (апостолъ) справедливо предписалъ, чтобы мы 610
скорбѣли съ плачущими, но для чего онъ далъ другое повелѣніе, которое не заключаетъ въ себѣ никакой важности? Напротивъ, для того, чтобы радоваться съ радующимися, душѣ нужно бо-

лѣе любомудрія, нежели для того, чтобы плакать съ плачущими. Къ послѣднему влечетъ насъ сама природа, и нѣтъ такого каменнаго человѣка, который бы не плакалъ при видѣ несчастнаго; но для того, чтобы, видя человѣка въ благополучіи, не только ему не завидовать, но еще раздѣлять съ нимъ радость, нужна душа очень благородная. Потому (апостолъ) и сказалъ объ этомъ раньше. Ничто такъ не располагаетъ насъ къ любви, какъ то, когда мы раздѣляемъ другъ съ другомъ и радость и печаль. Не чуждайся же сострадания, на томъ основаніи, что ты далеко стоишь отъ несчастія. Когда твой ближній терпитъ зло, ты долженъ несчастіе его считать общимъ. Раздѣляй съ нимъ слезы, чтобы облегчить печаль его, раздѣляй радость, чтобы упрочить веселіе, укрѣпить любовь и самому раньше его получить пользу, такъ какъ посредствомъ плача ты дѣлаешься милостивымъ, а посредствомъ радости очищаешься отъ зависти и недоброжелательства. Смотри же, какъ необременительна заповѣдь Павла. Вѣдь онъ не сказалъ: избавь отъ бѣды,—чтобы ты не могъ возразить, что это во многихъ случаяхъ не возможно,—но предписалъ болѣе легкое, что совершенно въ твоей власти. Если ты не можешь отвратить несчастія, то проливай слезы, и этимъ уже ты многое отгонишь; если не можешь увеличить благополучія, то принеси свою радость, и этимъ ты уже сдѣлаешь большое облегченіе. Потому, (апостолъ) повелѣваетъ не только не завидовать, но, что гораздо важнѣе, и сорадоваться; это гораздо больше значитъ, нежели не завидовать. *Тожде другъ ко другу мудрствующе: не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся* (ст. 16).

2. Опять апостолъ, какъ и въ началѣ рѣчи, весьма заботится о смиренномудріи; вѣдь римляне и по мѣсту жительства, и по другимъ многимъ причинамъ, какъ и естественно, были исполнены гордости, почему апостолъ постоянно и старается удалить болѣзнь и низложить надменность. Ничто такъ не раздираетъ тѣла Церкви, какъ высокомѣріе. Что же значатъ слова: *тожде другъ ко другу мудрствующе?* Къ тебѣ въ домъ пришелъ нищій? Будь съ нимъ единомысленъ, не принимай на себя надменнаго вида, вслѣдствіе своего богатства, потому что во Христѣ нѣтъ ни богатаго, ни бѣднаго. Не стыдись наружнаго одѣянія, а принимай по внутренней вѣрѣ. Равнымъ образомъ, если увидишь плачущаго, не считай его недостойнымъ утѣшенія, если увидишь благоденствующаго, не стыдись пріобщиться къ его удовольствію и возрадоваться, но какъ думаешь о себѣ, такъ думай и о немъ. Будьте единомысленны между собою, говоритъ апостолъ. Напримѣръ, ты считаешь себя важнымъ человѣкомъ? Считай и его такимъ же. Ты подозрѣваешь, что онъ человѣкъ

ничтожный и малый? Произнеси такой же судъ и о себѣ, и отбрось всякое неравенство. А какъ это можетъ быть? Если ты отложишь высокомѣріе. Потому (апостолъ) и присовокупилъ: *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся*, то есть, снизойди, примѣнись, приспособься къ его низости. Не просто раздѣляй смиренныя его чувствованія, но и помогай, подавай ему руку, не чужую, а свою, какъ отецъ заботится о сынѣ и голова о тѣлѣ. 611
Тоже самое говоритъ (апостолъ) и въ другомъ мѣстѣ: *поминайте юзники, аки съ ними связани* (Евр. XIII, 3). Подъ именемъ же *смиренныхъ* (апостолъ) разумѣетъ здѣсь не просто смиренномудрыхъ, но униженныхъ и презираемыхъ. *Не бывайте мудри о себѣ*, то есть не думайте довлѣть самимъ себѣ. И въ другомъ мѣстѣ Писаніе говоритъ: *горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни* (Ис. V, 21). Потому (апостолъ) опять подрываетъ высокомѣріе, низлагаетъ кичливость и гордость. Ничто такъ не отвращаетъ и не отдѣляетъ насъ отъ остальныхъ людей, какъ то, если кто-нибудь думаетъ, что онъ довлѣетъ самому себѣ, почему Богъ и поставилъ насъ въ зависимости другъ отъ друга. Хотя ты и уменъ, но имѣешь нужду въ другомъ, а если думаешь, что не нуждаешься, то ты сталъ неразумнѣе и слабѣе всякаго. Кто такъ думаетъ, тотъ самъ себя лишитъ всякой помощи, и если въ чемъ-нибудь согрѣшитъ, то не будетъ искать никакого исправленія и извиненія, прогнѣвитъ Бога своимъ высокомѣріемъ и совершитъ множество грѣховъ. Часто, очень часто бываетъ, что умный не видитъ должнаго, а менѣе умный открываетъ, что нужно. Это случилось съ Моисеемъ и тестемъ его, съ Сауломъ и отрокомъ его, съ Исаакомъ и Ревеккою. Итакъ, не считай для себя униженіемъ имѣть нужду въ другомъ. Напротивъ, это больше возвышаетъ тебя, дѣлаетъ сильнѣе, знаменитѣе и безопаснѣе. *Ни единому же зла за зло воздающе* (ст. 17). Если ты другого упрекаешь въ злоумышленіи, то зачѣмъ и самого себѣ дѣлаешь отвѣтственнымъ въ этой винѣ? Если онъ сдѣлалъ зло, то для чего ты не уклоняешься отъ подражанія ему? Замѣть, что (апостолъ) не сдѣлалъ здѣсь никакого разграниченія, но далъ общій законъ. Онъ не сказалъ: не воздавай зломъ за зло вѣрующему, но говоритъ: *не воздавай ни единому*, хотя бы то былъ злодѣй или кто бы то ни было. *Промышляюще добрая предъ всѣми человѣки. Аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте*, то есть —*да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки* (Мѳ. V, 16). Мы должны жить не для тщеславія, но для того, чтобы не подать повода укорять насъ тѣмъ, которые желаютъ этого. Потому (апостолъ) и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *безпреткновенни бывайте Іудеемъ и Еллиномъ и церкви Божіей* (1 Кор. X, 32). Хорошо также сказалъ (апостолъ)

и послѣдующее: *аще возможно, еже отъ васъ.* Вѣдь иногда невозможно быть въ мирѣ, напримѣръ, когда идетъ рѣчь о благочестіи, когда возникаетъ борьба за обижаемыхъ. И что удивительнаго, если не всегда возможно быть въ мирѣ со всѣми людьми, какъ скоро (апостолъ) устранилъ необходимость этого между мужемъ и женою, сказавъ: *аще ли невѣрный отлучается, да разлучится* (1 Кор. VII, 15)? Смыслъ словъ (апостола) таковъ: насколько зависитъ отъ тебя, никому не подавай повода ко враждѣ и ссорѣ—ни іудею, ни язычнику; если же увидишь, что какънибудь нарушается благочестіе, не предпочитай согласія истинѣ, но стой за нее мужественно, даже до смерти; но и въ этомъ случаѣ не враждуй душою, не отвращайся добрымъ расположеніемъ, а возставай только противъ поступковъ. Вотъ что значатъ слова: *еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте.* Если бы другой не соблюдалъ мира, ты не воздвигай бури въ душѣ своей, но внутренно будь его другомъ, однакоже нимало не измѣняя истинѣ, какъ замѣтилъ я выше. *Не себе отмщающе, возлюбленніи, но дадите мѣсто гнѣву: писано бо есть: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (ст. 19). Какому гнѣву должны мы давать мѣсто? Божію. Такъ какъ обиженный всего болѣе желаетъ видѣть и насладиться возмездіемъ за свою обиду, то Богъ даетъ тоже самое въ большей мѣрѣ: если ты самъ не отмстишь, Онъ будетъ
612 твоимъ мстителемъ. Итакъ, Ему, говоритъ (апостолъ), предоставь отмщеніе. Вотъ что значатъ слова: *дадите мѣсто гнѣву.*

3. Потомъ для большаго успокоенія (апостолъ) привелъ свидѣтельство и, этимъ еще болѣе ободривъ слушателя, требуетъ отъ него и большаго любомудрія, говоря: *аще убо алчетъ врагъ твой, ухлѣби его, аще ли жаждетъ, напой его. Сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его* (Притч. XXV, 22, 23). *Не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое* (ст. 20, 21). Зачѣмъ я говорю, продолжаетъ (апостолъ), что надобно жить въ мирѣ съ врагомъ? Я повелѣваю и благодѣтельствовать ему. *Ухлѣби его, напой,* сказано. А такъ какъ онъ заповѣдалъ весьма трудное и великое, то присовокупилъ: *сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его.* Апостолъ сказалъ это для того, чтобы обидчика смирить страхомъ, а обиженнаго поощрить надеждою воздаянія. Когда обиженный ослабѣваетъ (духомъ), то не столько поддерживается собственными благами, сколько наказаніемъ оскорбившаго его. Вѣдь ничто такъ не пріятно, какъ видѣть врага наказаннымъ. А чего человѣкъ желаетъ, то (апостолъ) и даетъ ему прежде; когда же ядъ извлеченъ, предлагаетъ ему увѣщанія болѣе возвышенныя, говоря: *не побѣжденъ бывай отъ зла.* (Апостолъ) зналъ, что врагъ, хотя бы онъ былъ звѣрь, будучи на-

кормленъ, не останется врагомъ, и что обиженный, хотя бы онъ былъ весьма малодушенъ, накормивъ и напоивъ врага, не станетъ уже и самъ желать наказанія его. Потому, будучи увѣренъ въ значеніи дѣла, онъ не только не запретилъ, но дѣлается щедрымъ на наказаніе. Не говоритъ, что ты отмстишь, но—*угліе огненно собираеши на главу его*. А потомъ и заповѣдалъ ему, говоря: *не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое*. И этимъ онъ какъ бы слегка намекнулъ, что не должно поступать съ такимъ намѣреніемъ, такъ какъ помнить обиду—значитъ уже быть побѣждену зломъ. Сначала (апостолъ) не сказалъ этого, потому что было еще неблаговременно; когда же истощилъ гнѣвъ слушателя, тогда и присовокупилъ, говоря: *побѣждай благимъ злое*. Это и есть побѣда. Вѣдь и боецъ удачнѣе одерживаетъ побѣду не тогда, когда подвергаетъ себя ударамъ противника, но когда приводитъ себя въ такое положеніе, что противникъ принужденъ тратить силу на воздухъ. Такимъ образомъ, онъ не только самъ спасается отъ ударовъ, но и истощаетъ всю силу противника. Тоже бываетъ и при оскорбленіяхъ. Когда ты въ свою очередь наносишь обиду, тогда побѣждаетъ тебя не человѣкъ, а, что гораздо постыднѣе, низкая страсть, потому что тобою овладѣлъ гнѣвъ; когда же ты молчишь, ты побѣдилъ, безъ труда воздвигъ себѣ трофей и будешь имѣть тысячи людей, готовыхъ увѣнчать тебя и сознающихъ ложь злословія. Кто возражаетъ, тотъ своими возраженіями показываетъ, что онъ уязвленъ, а кто уязвляется, тотъ внушаетъ подозрѣніе въ томъ, что сознается въ сказанномъ о немъ; а если ты отвѣтишь смѣхомъ, то ты смѣхомъ уже опровергъ худое о тебѣ сужденіе. И если ты желаешь получить ясное доказательство справедливости моихъ словъ, то спроси самого врага своего, что для него больнѣе, то ли, что ты, разгорячившись за оскорбленіе, платишь ему оскорбленіемъ, или то, что ты смѣешься надъ обидчикомъ? Ты скорѣе услышишь послѣднее. Онъ не столько радуется тому, что не подвергся въ свою очередь оскорбленію, сколько уязвляется тѣмъ, что не можетъ вывести тебя изъ терпѣнія. Развѣ ты не видѣлъ, что находящіеся во гнѣвѣ, ни во что ставя наносимые имъ удары, со всею стремительностью кидаются и злѣе дикаго вепря стараются только нано- 613
сить раны ближнему, на одно это обращаютъ вниманіе и объ этомъ заботятся больше, чѣмъ о томъ, чтобы предохранить себя отъ болей? Итакъ, когда ты лишилъ врага того именно, чего особенно онъ желаетъ, то ты лишилъ его всего, унизилъ и показалъ, что онъ достоинъ презрѣнія, что онъ ребенокъ, а не мужъ, а самъ ты, получивъ извѣстность человѣка любомудраго,

заставишь другихъ думать о немъ, какъ о негодномъ звѣрѣ. Такъ мы и будемъ поступать и во время нанесенія намъ побоевъ, и когда желаемъ бить, а не будемъ платить ударомъ за ударъ. Но хочешь ли нанести смертельный ударъ? Ударившему тебя подставь другую щеку—и этимъ нанесешь ему тысячи ранъ. Тѣ, которые рукоплещутъ и удивляются, сдѣлаются для него хуже побивающихъ камнями, а прежде этихъ осудитъ и приговоритъ его къ ужасному наказанію совѣсть, и онъ пойдетъ прочь со стыдомъ, какъ осужденный на смерть. Если же ты заботишься и о людской славѣ, то и ея достигнешь въ большей мѣрѣ такимъ поступкомъ. И вообще къ тѣмъ, которые подвергаются несчастіямъ, мы имѣемъ нѣкоторое сострраданіе, а когда увидимъ людей, которые не сопротивляются, но и сами предаютъ себя, то не только сожалѣемъ, но и удивляемся имъ.

4. Это именно нынѣ и побуждаетъ меня плакать,—то, что мы, имѣя возможность получить и настоящія блага и достигнуть будущихъ, если бы какъ должно повиновались заповѣдямъ Христа, теряемъ то и другое, потому что не слѣдуемъ заповѣданному и излишне мудрствуемъ. Христосъ все узаконилъ надлежащимъ образомъ, и показалъ, что служитъ къ нашей славѣ и что къ нашему позору. И, конечно, Онъ предписалъ не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать учениковъ Своихъ смѣшными, но заповѣдалъ все это потому, что не злословить, когда слышишь злословіе, и не дѣлать зла, когда терпишь его,—это возвеличиваетъ насъ предъ всѣми. А если это такъ, то гораздо лучше на злорѣчіе отвѣчать добромъ, хвалить оскорбляющихъ и благодѣтельствовать злоумышляющимъ на насъ. Потому Христосъ и далъ такую заповѣдь. Онъ щадитъ учениковъ Своихъ и ясно знаетъ, что дѣлаетъ человѣка малымъ и великимъ. А если Онъ щадитъ и знаетъ, то зачѣмъ ты упорствуешь и хочешь идти инымъ путемъ? Вѣдь побѣждать посредствомъ зла есть одинъ изъ діавольскихъ законовъ, почему и достигаютъ такимъ образомъ побѣды всѣ подвизающіеся на олимпійскихъ играхъ, которыя посвящены діаволу. Не таковъ, но совершенно противоположенъ порядокъ наградъ на поприщѣ Христовомъ: тамъ узаконено увѣнчивать не поражающаго, но поражаемаго. Таково поприще Христово, которое всѣ постановленія имѣетъ совершенно противоположныя и не только побѣдою, но и самымъ способомъ
614 побѣды возбуждаетъ еще большее удивленіе; то, что въ другомъ мѣстѣ считается пораженіемъ, здѣсь составляетъ побѣду. Это сила Божія, это небесное поприще, это ангельское зрѣлище.

Знаю, что и ваши сердца теперь согрѣты, что и вы теперь стали мягче воска; но вы всего этого лишаетесь, какъ только

удаляетесь отсюда. Потому-то я и скорблю, что мы не исполняемъ на дѣлѣ сказаннаго, хотя и должны пріобрѣсти отъ этого величайшія выгоды. Если мы обнаружили кротость, то сдѣлаемся для всѣхъ непобѣдимыми и ни одинъ человѣкъ, ни малый, ни большой, не въ состояніи будетъ причинить намъ вреда. Если кто-нибудь станетъ говорить о тебѣ худо, онъ тебѣ не повредитъ нисколько, а себѣ самому нанесетъ величайшій вредъ, если кто причинитъ тебѣ обиду, весь вредъ падетъ на обидчика. Развѣ ты не видѣлъ и на судахъ, что обиженные бываютъ спокойны, стоятъ совершенно смѣло и говорятъ свободно, а обидчики стоятъ съ поникшею головою, въ стыдѣ и страхѣ? Но что мнѣ говорить о злорѣчіи и обидахъ? Если кто изострить на тебя мечъ и руку свою обагритъ въ твоей гортани, то не сдѣлаетъ тебѣ никакого вреда, а себя самого убьетъ. Это можетъ засвидѣтельствовать тотъ, кто первый палъ отъ руки брата. Онъ отошелъ въ безмятежную пристань, стяжавъ безсмертную славу, а братоубійца проводилъ жизнь хуже всякой смерти, стеня и трясясь и на самомъ тѣлѣ нося улику своего злодѣянія. Конечно, не послѣдняго пожелаемъ мы, а перваго. Кто терпитъ зло, въ томъ не живетъ зло, потому что не онъ его произвелъ, а принялъ совнѣ и посредствомъ терпѣнія обратилъ въ добро. А кто сдѣлалъ зло, въ томъ остается язва зла. Іосифъ не былъ ли въ темницѣ, а жена блудница, умыслившая на него зло, не жила ли въ свѣтломъ и великолѣпномъ домѣ? Однако кѣмъ бы изъ нихъ ты желалъ быть? Не говори мнѣ о воздаяніи, но изслѣдуй дѣло само въ себѣ, и тогда въ тысячу разъ предпочтешь темницу съ Іосифомъ тому дворцу, который вмѣщалъ въ себѣ блудницу. А если заглянешь въ душу того и другой, то увидишь, что душа Іосифа пользуется всѣмъ просторомъ и свободою, а душа египтянки пребываетъ въ тѣснотѣ и стыдѣ, въ униженіи и въ страхѣ, въ великой тоскѣ; хотя, повидимому, она побѣдила, но это была не побѣда. Итакъ, зная это, приготовимъ себя къ злостраданіямъ, чтобы намъ и освободиться отъ злостраданій и получить будущія блага, достигнуть которыхъ да будетъ дано всѣмъ намъ благодатію и человѣколюбіемъ и проч.

БЕСѢДА XXIII.

Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется (XIII, 1).

1. (Апостолъ) много разсуждаетъ объ этомъ предметѣ и въ 613
другихъ посланіяхъ, когда говоритъ о покорности слугъ господамъ и подначальныхъ начальникамъ. А это онъ дѣлаетъ съ

цѣлію показать, что Христосъ ввелъ Свои законы не для ниспроверженія общаго гражданскаго устройства, но для лучшаго его исправленія, и вмѣстѣ хочетъ научить, чтобы мы не предпринимали лишнихъ и безполезныхъ войнъ. Съ насъ достаточно тѣхъ
614 козней, какія строятся противъ насъ за истину, а лишнихъ и безполезныхъ испытаній присоединять не слѣдуетъ. Замѣть же, какъ благовременно завелъ (апостолъ) рѣчь объ этомъ предметѣ. Послѣ того, какъ предложилъ слушателямъ различныя требованія любомудрія, расположилъ ихъ жить въ мирѣ съ друзьями и врагами, научилъ быть полезными для счастливыхъ, для несчастныхъ, для нуждающихся и, кратко сказать, для всѣхъ, послѣ того какъ насадилъ житіе приличное ангеламъ, истощилъ гнѣвъ, смирилъ высокомѣріе и совершенно умягчилъ ихъ сердце,—
615 послѣ всего этого предлагаетъ наставленіе о повиновеніи властямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если обижающимъ должно воздавать противоположнымъ, то тѣмъ болѣе надлежитъ повиноваться дѣлающимъ добро. Но это побужденіе (апостолъ) отлагаетъ къ концу своего увѣщанія, а пока не представляетъ такихъ доказательствъ, о которыхъ я упомянулъ, а призываетъ насъ дѣлать это по сознанію долга. И желая внушить, что это всѣмъ повелѣвается, не однимъ только мірянамъ, но и священникамъ и монахамъ, онъ объявляетъ объ этомъ въ началѣ, говоря такъ: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется;* хотя бы ты былъ апостолъ или евангелистъ, хотя бы ты былъ пророкъ и кто-либо другой, но подчиненіе власти не подрываетъ благочестія. И (апостолъ) не просто сказалъ—да будетъ послушна, но—*да повинуется.* Первое основаніе такого законоположенія, удовлетворяющее и правильнымъ разсудочнымъ доводамъ, состоитъ въ томъ, что власти учреждены отъ Бога. *Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога,* говоритъ (апостолъ). Какъ это? Неужели всякій начальникъ поставленъ отъ Бога? Не то говорю я, отвѣчаетъ (апостолъ). У меня теперь идетъ рѣчь не о каждомъ начальникѣ въ отдѣльности, но о самой власти. Существованіе властей, при чемъ одни начальствуютъ, а другіе подчиняются, и то обстоятельство, что все происходитъ не случайно и произвольно, такъ чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнамъ,—все это я называю дѣломъ Божіей премудрости. Потому (апостолъ) и не сказалъ, что нѣтъ начальника, который не былъ бы поставленъ отъ Бога, но разсуждаетъ вообще о существѣ власти и говоритъ: *нѣсть власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть.* Такъ и Премудрый, когда говоритъ, что *отъ Господа сочетавается жена мужеви* (Прит. XIX, 14), разумѣетъ здѣсь, что бракъ установленъ Богомъ, а не то, что Богъ сочетаваетъ каждаго вступающаго въ

бракъ, такъ какъ мы видимъ, что многіе вступаютъ въ бракъ съ дурнымъ намѣреніемъ и не по закону брака, и этого мы, конечно, не можемъ вмѣнить Богу. Но что сказалъ Христосъ: *сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть; и рече: сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей* (Мѳ. XIX, 4, 5), тоже самое разумѣлъ и Премудрый. Такъ какъ равенство часто доводитъ до ссоръ, то Богъ установилъ многіе виды власти и подчиненія, какъ-то: между мужемъ и женою, между сыномъ и отцемъ, между старцемъ и юношею, рабомъ и свободнымъ, между начальникомъ и подчиненнымъ, между учителемъ и ученикомъ. И почему ты удивляешься этому въ отношеніи къ людямъ, когда тоже самое Богъ устроилъ и въ тѣлѣ? И здѣсь Онъ не всѣ члены устроилъ равночестными, но сдѣлалъ одинъ меньше, другой важнѣе, одни для управленія, другіе для подчиненія. Тоже самое можно замѣтить и у безсловесныхъ: у пчелъ, у журавлей, въ стадахъ дикихъ овецъ. Даже и море не лишено такого благоустройства, и тамъ многія породы рыбъ управляются одною, которая и предводительствуетъ прочими и подъ начальствомъ которой онѣ отправляются въ отдаленныя путешествія. А безначаліе вездѣ есть зло и бываетъ причиной безпорядка. Апостолъ, сказавъ, откуда возникаютъ власти, присовокупилъ: *тѣмже противляйся власти, Божію повелѣнію противляется* (ст. 2). Смотри, куда онъ ведетъ дѣло, чѣмъ устрашаетъ и какъ доказываетъ, что повиноваться—наша обязанность. Чтобы вѣрующіе не сказали: ты насъ унижаешь и дѣлаешь презрѣнными, подчиняя начальникамъ тѣхъ, которые должны получить небесное царство,—(апостолъ) доказываетъ, что и въ настоящемъ случаѣ онъ подчиняетъ ихъ не начальникамъ, но опять Богу, такъ какъ подчиняющійся властямъ повинуется Богу. Впрочемъ, (апостолъ) не говоритъ это въ такихъ, напримѣръ, словахъ: кто слушается начальниковъ, тотъ повинуется Богу; но 616
устрашаетъ противоположнымъ и тоже самое подтверждаетъ съ большею силою, сказавъ: кто не повинуется начальнику, тотъ противится Богу, узаконившему это. И онъ вездѣ старается внушать это, т. е., что мы не даримъ властямъ повиновеніе, но исполняемъ долгъ. Такими наставленіями (апостолъ) и вѣрующихъ побуждалъ къ повиновенію, и невѣрующихъ начальниковъ располагалъ въ пользу (христіанскаго) благочестія. Вѣдь тогда повсюду носилась молва, обвинявшая апостоловъ въ возстаніи и нововведеніяхъ, а также въ томъ, будто они и словомъ и дѣломъ стараются подорвать всѣ общественные законы. А доказавъ, что общій нашъ Владыка повелѣваетъ всѣмъ соблюдать эти законы, можно и заградить уста клеветниковъ, обвиняющихъ въ нововведеніяхъ, и съ большею смѣлостію защищать истинное ученіе.

2. Итакъ, не стыдись такого повиновенія, говоритъ (апостолъ). Этотъ законъ далъ Богъ, Который грозно и отмщаетъ тѣмъ, которые нарушаютъ его. Если ты ослушаешься Его, то Онъ накажетъ тебя не случайнымъ наказаніемъ, а самымъ строгимъ, и никакія отговорки не спасутъ тебя, да и отъ людей ты понесешь жесточайшее наказаніе, потому что никто за тебя не вступится, а Бога ты сильно прогнѣваешь. Это самое и внушаетъ (апостолъ), говоря: *противляющіися же себѣ грѣхъ пріимутъ*. Затѣмъ, послѣ страха, (апостолъ) доказываетъ пользу повиновенія и убѣждаетъ на основаніи разсудочныхъ доводовъ, говоря такъ: *князи бо не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ* (ст. 3). Прежде онъ нанесъ сильный ударъ и привелъ слушателей въ страхъ, а теперь опять дѣлаетъ послабленіе и, какъ мудрый врачъ, даетъ успокаивающее лѣкарство, утѣшаетъ и говоритъ: чего боишься, чего ужасаешься? Развѣ начальникъ наказываетъ дѣлающаго добро? Развѣ онъ страшенъ для заботящагося о добродѣтели? Потому (апостолъ) и присовокупляетъ: *хощеши же ли не боятися власти, благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него*. Видишь ли, какъ онъ дѣлающаго добро примирилъ съ начальникомъ, показавъ, что начальникъ поставленъ хвалить его? Видишь ли, какъ онъ устранилъ всякій гнѣвъ? *Божій бо есть слуга тебѣ во благое* (ст. 4). Начальникъ не только не страшенъ для тебя, но еще и хвалитъ тебя, не только не препятствуетъ тебѣ, но еще и содѣйствуетъ. Если же ты имѣешь въ его лицѣ помощника и хвалителя, то почему не подчиняешься? Онъ и вообще дѣлаетъ для тебя добродѣтель болѣе достижимой, такъ какъ наказываетъ злыхъ, а добрымъ оказываетъ благодѣянія и почести и этимъ содѣйствуетъ волѣ Божіей; потому (апостолъ) и назвалъ его слугою. Смотри: я даю тебѣ совѣты относительно цѣломудрія и онъ того же требуетъ по законамъ; я увѣщеваю тебя, что не должно быть любостяжательнымъ и похищать, и онъ надъ тѣмъ же поставленъ судіею. Такимъ образомъ, онъ нашъ сотрудникъ и помощникъ, на это онъ и посланъ Богомъ. Значитъ, онъ въ двоякомъ отношеніи достоинъ уваженія—и потому, что онъ посланъ Богомъ, и потому, что приставленъ къ одинаковому съ нами дѣлу. *Аще ли злое твориши, бойся*. Такимъ образомъ, не начальникъ создаетъ страхъ, но наша порочность. *Не бо безъ ума мечъ носитъ*. Замѣчаешь ли, какъ (апостолъ) представляетъ его вооруженнымъ, подобно какому-нибудь воину, чтобы сдѣлать страшнымъ для грѣшниковъ? *Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвъ злое творящему*. А чтобы ты, услышавъ о наказаніи, мщеніи и мечѣ, не побѣжалъ прочь, (апостолъ) снова подтверждаетъ, что начальникъ исполняетъ Божій законъ. Что изъ того, если онъ и самъ того

не знаетъ? Но Богъ такъ устроилъ. Итакъ, если начальникъ, наказываетъ ли онъ, или награждаетъ, Божій есть слуга, потому что защищаетъ добродѣтель и изгоняетъ порокъ, чего и самъ Богъ хочетъ, то зачѣмъ ты противишься тому, кто производитъ столько добра и споспѣшествуетъ успѣху твоихъ дѣлъ? Вѣдь многіе сначала навыкли добродѣтели ради начальниковъ, а впослѣдствіи прилѣпились къ ней изъ-за страха Божія. На людей болѣе грубыхъ не столько дѣйствуетъ будущее, сколько настоящее. Потому тотъ, кто и страхомъ и почестями предрасполагаетъ души людей, чтобы онѣ были способны воспринять слово ученія, по справедливости названъ Божіимъ слугою. *Тѣмъ же потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть* (ст. 5). Что значитъ: *не токмо за гнѣвъ*? Ты долженъ повиноваться, говоритъ (апостолъ), не потому только, что, не подчиняясь, противишься Богу и отъ Бога и людей навлекаешь на себя великія бѣдствія, но и потому, что начальникъ, какъ охранитель мира и гражданскаго благоустройства, есть величайшій твой благодѣтель. Вѣдь отъ властей для государствъ бываютъ безчисленныя блага; если упразднить ихъ, все погибнетъ и не устоятъ ни города, ни села, ни дома, ни торжище и ничто другое, но все испровергнется, такъ какъ болѣе сильные поглотятъ болѣе слабыхъ. Такимъ образомъ, если бы за неповиновеніемъ и не слѣдовалъ гнѣвъ, то и тогда тебѣ надлежало бы подчиняться, чтобы тебѣ не оказаться безсовѣстнымъ, а также и неблагодарнымъ по отношенію къ благодѣтелю. *Сего бо ради и дани даете*, продолжаетъ (апостолъ): *служители бо Божіи суть во истое сіе пребывающе* (ст. 6). Не перечисляя въ частности всѣхъ благодѣяній, какими государства обязаны своимъ правительствамъ, какъ-то: благочиніе, миръ и другія услуги, происходящія отъ военныхъ властей и отъ завѣдующихъ общественными дѣлами, (апостолъ) на все это приводитъ одно слѣдующее доказательство. Платя дань правительству, говоритъ онъ, этимъ самымъ ты свидѣтельствуешь, что оно благодѣтельствуетъ тебѣ. Замѣть мудрость и благоразуміе блаженнаго Павла. То, что признавалось тягостнымъ и обременительнымъ, то есть налоги, онъ обращаетъ въ доказательство попечительности властей. За что, спрашиваетъ онъ, мы даемъ царю дани? Не за то ли, что онъ заботится о насъ, и не даемъ ли мы эту награду правителю за его попеченіе? Конечно, мы не стали бы платить даней, если бы заранѣе не знали, что покровительство начальства будетъ для насъ полезно; потому издревле, съ общаго согласія, всѣми принято, чтобы правители содержались на нашъ счетъ, потому что они, оставивъ собственныя дѣла, заботятся о дѣлахъ общественныхъ и все свое время тратятъ на то чтобы наша собственность была неприкосновенна.

617

3. Но сказавши о внѣшнихъ побужденіяхъ (къ признанію властей), апостолъ опять возвращается къ прежнему своему доказательству, потому что такимъ образомъ онъ удобнѣе могъ привлечь на свою сторону вѣрующихъ, и снова показываетъ, что такъ угодно Богу, чѣмъ и заключаетъ свое увѣщаніе, говоря: *служители бо Божіи суть.* Потомъ, изображая заботы и труды начальниковъ, онъ присовокупляетъ: *во истое сіе пребывающе,* т. е. на то посвящена вся жизнь ихъ, къ тому направляются и всѣ ихъ заботы, чтобы ты наслаждался миромъ. Потому и въ другомъ посланіи (Павелъ) повелѣваетъ не только подчиняться начальникамъ, но и молиться за нихъ, причемъ, показывая общую отъ этого пользу, присовокупилъ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ* (1 Тим. II, 2). Вѣдь начальники не мало содѣйствуютъ намъ въ устройствѣ настоящей жизни тѣмъ, что дѣйствуютъ оружіемъ, отражаютъ непріятелей, усмиряютъ крамольниковъ въ городахъ, разрѣшаютъ всякія ссоры. Не говори мнѣ, что иной
618 употребляетъ власть во зло, но обрати вниманіе не благочинность строя, и увидишь великую мудрость у того, кто въ началѣ узаконилъ это. *Воздадите убо всѣмъ должная: емуже убо урокъ, урокъ; а емуже дань, дань; а емуже страхъ, страхъ; и емуже честь, честь. Ни единому же ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга* (ст. 7, 8). Апостолъ продолжаетъ рѣчь о томъ же самомъ и повелѣваетъ приносить начальникамъ не только деньги, но и честь и страхъ. Какъ же онъ выше сказалъ: *хощеши ли не боятися власти, благое твори,* а теперь говоритъ: *воздадите страхъ?* Здѣсь подъ страхомъ онъ разумѣетъ высшую степень почтенія, а не страхъ, происходящій отъ худой совѣсти, какой разумѣлъ выше. И не сказалъ: дайте, но: *воздадите,* притомъ присовокупилъ: *должная,* такъ какъ исполненіе этого не есть даръ, но долгъ, и если не исполнишь, то будешь наказанъ, какъ неблагодарный. Не думай, что достоинство твоего любомудрія унижается и терпитъ ущербъ, если въ присутствіи начальника ты встанешь или откроешь голову. Если (апостолъ) узаконилъ это, когда начальниками были язычники, то тѣмъ болѣе должно это быть нынѣ, когда мы имѣемъ начальниками вѣрующихъ. Если же скажешь, что самому тебѣ ввѣрено больше, то знай, что еще не пришло твое время; вѣдь ты еще странникъ и пришлецъ, а будетъ время, когда окажешься свѣтлѣе всѣхъ. Нынѣ *животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ. Егда же Христосъ явится, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ* (Колосс. III. 3, 4). Итакъ, не ищи себѣ воздаянія во временной жизни; но если бы и со страхомъ надлежало тебѣ предстать предъ начальникомъ, не думай, что это недостойно твоего благородства. Такъ угодно Богу, чтобы началь-

никъ, принявшій отъ Него власть, имѣлъ свою силу. Если и не сознающій за собою ничего худого предстаетъ предъ судьею со страхомъ, то тѣмъ болѣе долженъ страшиться дѣлающій дурное. А ты отъ этого будешь еще въ большей чести, потому что униженіе создается не тѣмъ, что ты оказываешь другому почтеніе, а тѣмъ, что не оказываешь его. И начальникъ тебѣ же больше станетъ удивляться, и хотя бы былъ даже невѣрный, прославитъ твоего Господа. *Ни единому ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга.* (Апостолъ) снова обращается къ матери всѣхъ благъ, къ наставницѣ во всемъ сказанномъ выше, къ создательницѣ всякой добродѣтели, и говоритъ, что и любовь есть долгъ нашъ, но не такой, какъ подать или оброкъ, но постоянный. Онъ желаетъ, чтобы долгъ этотъ никогда не былъ уплаченъ, а лучше сказать, чтобы онъ всегда уплачивался, но не вполнѣ, а такъ, чтобы намъ постоянно оставаться въ долгу. Вѣдь это и есть такого рода долгъ, чтобы всегда его уплачивать и всегда быть должнымъ. Сказавъ же, какъ должно любить, (апостолъ) указываетъ и пользу любви, говоря: *любяй бо друга, законъ исполни.* И этого не считай милостію, такъ какъ и это долгъ; ты обязанъ любить брата по духовному съ нимъ родству, и не только по родству, но и потому, что мы члены другъ для друга, и если любовь въ насъ оскудѣетъ, то все разрушится. Итакъ, люби брата Если отъ любви къ нему ты пріобрѣтаешь ту пользу, что исполняешь законъ, то ты обязанъ любить его и потому, что облагодѣтельствованъ имъ. *Еже бо: не прелюбы сотвориши, не убіеши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши, и аще кая ина заповѣдь, въ семъ словеси совершается, во еже: возлюбиши искренняго твоего, якоже самъ себе* (ст. 9). (Апостолъ) не сказалъ просто—исполняется, но—*совершается,* то есть, сокращенно и вкратцѣ вмѣщается весь составъ заповѣдей, такъ какъ начало и конецъ добродѣтели—лю- 619
бовь; она—и корень и необходимое условіе, и вершина добродѣтели. А если любовь есть начало и полнота, то что ей равняется?

4. Впрочемъ, (апостолъ) требуетъ не просто любви, а любви въ высшей степени, такъ какъ не просто сказалъ: *возлюбиши искренняго твоего,* но присовокупилъ: *якоже самъ себе.* И Христосъ сказалъ, что на любви утверждаются законъ и пророки (Мѳ. XXII, 40), и, указавъ два вида любви, смотри, какое высокое мѣсто далъ любви къ ближнему. Сказавъ: *возлюбиши Господа Бога твоего, сія есть первая заповѣдь,* онъ продолжалъ: *вторая же,* и здѣсь не замолчалъ, а прибавилъ: *подобна ей, возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе.* Что можетъ сравняться съ такимъ великимъ человѣколюбіемъ, съ такою кротостью? Хотя мы безко-

нечно отстоимъ отъ Бога, однако же Онъ любовь нашу другъ къ другу ставитъ близъ любви къ Нему самому и одну называетъ подобною другой. Потому для той и другой любви Онъ положилъ почти равную мѣру, и о любви къ Богу сказалъ: *всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею*, а о любви къ ближнему—*яко самъ себе* (Мѳ. xxii, 37—39). А Павелъ говоритъ, что если нѣтъ любви къ ближнему, то немного пользы и отъ любви къ Богу. Какъ мы, когда любимъ кого-нибудь, говоримъ, что если ты полюбилъ его, то и меня полюбилъ, такъ и Христосъ, выражая это, сказалъ: *подобна ей*, а Петру: если любишь Меня, *паси овцы Моя* (Іоан. xxi, 16). *Любы искреннему зла не творитъ: исполненіе убо закона любы есть* (ст. 10). Замѣчаешь ли, что любовь имѣетъ то и другое совершенство—и воздержаніе отъ зла (*зла бо*, сказано, *не творитъ)*, и дѣланіе добра (сказано—она есть *исполненіе закона*), не только вкратцѣ представляя для насъ ученіе о томъ, что должно дѣлать, но и дѣлая легкимъ исполненіе этого. Она не только заботится о томъ, чтобы мы уразумѣли полезное для насъ (это дѣлаетъ и законъ), но и много споборствуетъ намъ въ исполненіи обязанностей, совершая въ насъ не одну какую-либо часть заповѣдей, но всю добродѣтель во всей ея полнотѣ. Потому, будемъ любить другъ друга, и такимъ образомъ возлюбимъ любящаго насъ Бога. У людей такъ бываетъ, что когда ты полюбишь кого, то другой, любящій его, вооружается противъ тебя; но Богъ требуетъ, чтобы и ты пріобщился любви, и ненавидитъ того, кто не раздѣляетъ съ Нимъ любви. Любовь человѣческая исполнена зависти и злобы, а любовь Божія свободна отъ всякой страсти. Потому Богъ и ищетъ сообщниковъ любви. Люби вмѣстѣ со Мною, говоритъ Онъ, тогда и Я больше буду любить тебя. Вотъ слова безпредѣльно любящаго! Если ты любишь любимыхъ Мною, тогда Я вижу, что и Меня ты любишь усердно. Богъ сильно желаетъ нашего спасенія и доказалъ это въ самомъ началѣ. Послушай, что говорилъ Онъ, когда творилъ человѣка: *сотворимъ человѣка по образу* Божію (Быт. i, 26), и еще: *сотворимъ ему помощника, не добро быти ему единому* (Быт. ii, 18). И потомъ, когда первый человѣкъ впалъ въ преступленіе, замѣть, какъ Богъ кротко укорялъ его; Онъ не сказалъ ему: нечистый и пребеззаконный, получивъ отъ Меня такъ много благодѣяній, ты и послѣ всего этого повѣрилъ діаволу и, оставивъ Благодѣтеля, послушался демона! Но что говоритъ? *Кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси* (Быт. iii, 11)? Такъ сказалъ бы и отецъ сыну, которому онъ приказалъ не трогать меча и который, не послушавшись, ранилъ себя: отчего ты раненъ? Оттого,

что меня не послушался. Замѣчаешь ли, что это—слова больше друга, чѣмъ Владыки, друга, подвергшагося обидѣ, но и при 620 всемъ томъ не переставшаго любить? Будемъ же и мы подражать Богу и, когда станемъ укорять другихъ, будемъ сохранять такую же кротость. Съ тою же снисходительностію укоряетъ Богъ и жену, а правильнѣе сказать, слова, обращенныя къ женѣ, были не укоризной, а совѣтомъ, вразумленіемъ и предостереженіемъ на будущее время. Потому Богъ не говоритъ ничего такого змію, такъ какъ онъ былъ изобрѣтателемъ зла и не могъ сложить вины на другого. Зато Богъ сильно наказалъ его, и даже не остановился на этомъ, но и самую землю подвергъ общему съ нимъ проклятію. Если же Онъ и человѣка изгналъ изъ рая и осудилъ на трудъ, то за это въ особенности и должно поклоняться Ему и удивляться. Такъ какъ жизнь, протекающая въ удовольствіяхъ, приводитъ человѣка къ нерадѣнію, то Богъ пресѣкаетъ для него веселіе, и скорбями, какъ стѣною, ограждаетъ нерадѣніе, чтобы мы возвратились къ любви Его. А какъ поступилъ Онъ съ Каиномъ? Не съ такою ли же кротостію? Будучи опять оскорбленъ имъ, Онъ не отвѣчаетъ обидою, но увѣщеваетъ и говоритъ: *вскую испаде лице твое* (Быт. IV, 6)? Хотя поступокъ Каина не заслуживаетъ никакого извиненія, что и доказываетъ младшій братъ, но при всемъ томъ Богъ не укоряетъ его, но говоритъ: *не согрѣшилъ ли еси? Умолкни*, не приложи къ тому, *къ тебѣ обращеніе его*, то есть, брата, *и ты тѣмъ обладаеши* (Быт. IV, 7). Если ты боишься, говоритъ Богъ, что ради этой жертвы я навсегда лишу тебя правъ первородства, то ободрись: я отдаю въ твои руки полную власть надъ братомъ, исправься только и люби брата, который ничѣмъ тебя не обидѣлъ; Я забочусь о васъ обоихъ. И Меня болѣе всего радуетъ то, чтобы вы не враждовали другъ на друга. Такъ Богъ, подобно чадолюбивой матери, употребляетъ всѣ средства и мѣры, чтобы ни одинъ человѣкъ не былъ отторгнутъ отъ другого.

5. А чтобы тебѣ яснѣе изъ примѣра понять сказанное мною, подумай о Ревеккѣ, какъ она тревожилась и прибѣгала къ разнымъ способамъ, когда старшій сынъ враждовалъ противъ младшаго. Вѣдь хотя и любила она Іакова, но не отвращалась и отъ Исава, почему и говорила: *да не когда безчадна буду отъ обоихъ васъ въ день единъ* (Быт. XXVII, 45). По такому же побужденію и Богъ говорилъ Каину: *не согрѣшилъ ли еси?. Умолкни, къ тебѣ обращеніе его*,—желая предотвратить убійство и стараясь водворить между братьями миръ. Даже когда Каинъ убилъ брата, Богъ не лишилъ его Своего промышленія, но опять съ кротостію обращается къ братоубійцѣ и говоритъ: *гдѣ есть Авель братъ твой*

(Быт. IV, 9),—чтобы хотя такимъ образомъ заставить его сознаться въ преступленіи. Но Каинъ, какъ и прежде, и даже съ большимъ и грубѣйшимъ безстыдствомъ, упорствуетъ. Но и послѣ этого Богъ не оставляетъ его, а словами оскорбляемаго и пренебрегаемаго друга говоритъ ему: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ* (Быт. IV, 10). И вмѣстѣ съ убійцею опять поражаетъ проклятіемъ землю, на нее изливаетъ гнѣвъ Свой, и говоритъ: проклята земля, *яже разверзе уста своя, пріяти кровь брата твоего* (Быт. IV, 11),—подражая въ этомъ случаѣ плачущимъ по умершимъ. Такъ поступилъ и Давидъ, узнавъ, что Саулъ палъ; онъ проклиналъ горы, принявшія кровь Саула, и восклицалъ: *горы Гелвуйскія, да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ: яко тамо повержень бысть щитъ сильныхъ* (2 Цар. I, 21). Такъ и Богъ, какъ бы возглашая надгробную пѣснь Авелю, говоритъ: *гласъ крове брата твоего во-*
621 *піетъ ко Мнѣ; и нынѣ проклятъ ты отъ земли, яже разверзе уста своя, пріяти кровь брата твоего отъ руки твоея.* Этими словами Богъ хотѣлъ укротить кипящій гнѣвъ Каина и возбудить въ немъ любовь хотя бы къ умершему. Ты угасилъ жизнь его, говоритъ Господь, почему же не угашаешь вражды? Но что еще дѣлаетъ Господь? Онъ любитъ и Авеля и Каина, потому что Онъ сотворилъ ихъ обоихъ. Какъ же поступить Ему теперь? Оставить убійцу безъ наказанія? Но онъ можетъ сдѣлаться отъ этого еще хуже. Или наказать его? Но Богъ чадолюбивѣе всякаго отца. Итакъ, смотри, какъ Онъ и наказываетъ Каина, и въ самомъ наказаніи обнаруживаетъ любовь, или лучше сказать, не наказываетъ, а только исправляетъ. Онъ не предалъ его смерти, но связалъ трепетомъ, чтобы онъ могъ загладить вину свою, чтобы хотя такимъ путемъ могъ онъ возвратиться въ лоно любви Божіей и примириться съ Авелемъ, хотя и умершимъ, такъ какъ Богъ не хотѣлъ, чтобы Каинъ ушелъ изъ этого міра во враждѣ противъ умершаго брата. Такъ поступаютъ любящіе, которые, когда не могутъ возбудить къ себѣ любви благодѣяніями, прибѣгаютъ къ строгимъ мѣрамъ и угрозамъ, побуждаемые къ этому не внушеніемъ своей воли, но любовію, чтобы хотя такимъ средствомъ привлечь къ себѣ тѣхъ, которые ихъ презираютъ. Конечно, такая любовь возникаетъ въ другихъ подъ вліяніемъ принужденія, однако же они и ею утѣшаются, вслѣдствіе сильной своей любви; такимъ образомъ и наказаніе бываетъ слѣдствіемъ любви. Вѣдь тѣ, которые не оскорбляются тѣмъ, что ихъ ненавидятъ, не желаютъ и наказывать. Это самое Павелъ подтверждаетъ въ посланіи къ Коринѳянамъ говоря: *кто есть веселяяй мя, точію пріемляяй скорбь отъ мене* (2 Кор. II, 2)? Такимъ образомъ, всякій разъ, когда усиливаютъ наказаніе, тогда доказываютъ и любовь.

Такъ и египтянка, вслѣдствіе сильной любви, жестоко наказала Іосифа. Но она наказала по злому побужденію, потому что любовь ея была безстыдна; а Богъ наказываетъ съ доброю цѣлію, потому что Его любовь достойна любящаго. И чтобы ты уразумѣлъ силу любви Его, Богъ не отказывается употреблять болѣе грубыя выраженія, приписывать Себѣ страсти человѣческія и называть Себя ревнивымъ. *Азъ бо есмь Богъ ревнитель* (Исх. xx, 5), говоритъ Онъ.

Потому, возлюбимъ Его такъ, какъ Онъ желаетъ, — это Онъ 622
считаетъ великимъ дѣломъ. Если мы и отвращаемся отъ Него, Онъ не перестаетъ призывать насъ, если и не хотимъ обратиться, Онъ наказываетъ, потому что любитъ, а не для того, чтобы подвергать наказанію. Послушай, что у Іезекіиля говоритъ Онъ городу, Имъ любимому и презиравшему Его: *Азъ соберу на тя вся похотники твоя, и предамъ тя въ руцѣ ихъ; и побіютъ тебе каменіемъ, и изсѣкутъ, и отъимется рвеніе Мое отъ тебе, и почію, и ктому не попекуся* (Іезек. xvi, 37—42). Могъ ли больше этого сказать горячо любящій другъ, презираемый своею возлюбленною и, не смотря на это, еще пламенѣющій къ ней любовію? Богъ все дѣлаетъ, чтобы склонить насъ любить Его; для этого Онъ не пощадилъ и Сына Своего. Но мы непреклонны и жестокосерды. Сдѣлаемся же, наконецъ, кроткими и возлюбимъ Бога, какъ любить должно, чтобы мы могли съ полнымъ удовольствіемъ наслаждаться добродѣтелію. Если тотъ, кто имѣетъ любимую жену, нисколько не чувствуетъ ежедневныхъ огорченій, то представь, какимъ удовольствіемъ будетъ наслаждаться тотъ, кто любитъ божественною и чистою любовію. Въ этомъ, именно въ этомъ заключается небесное царствіе, въ этомъ наслажденіе благами, удовольствіе, веселіе, радость, блаженство, а вѣрнѣе—что бы я ни сказалъ объ этомъ, ничто не въ состояніи будетъ изобразить его, но одинъ только опытъ можетъ съ нимъ познакомить. Потому и пророкъ сказалъ: *насладися Господеви* (Псал. xxxvi, 4), и въ другомъ мѣстѣ: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (Псал. xxxiii, 9). Итакъ, станемъ повиноваться и насладимся любовію Его. И тогда еще здѣсь мы узримъ царствіе, поживемъ ангельскою жизнію и, пребывая на землѣ, будемъ имѣть у себя нисколько не меньше, чѣмъ обитающіе на небѣ, а послѣ переселенія отсюда, свѣтлѣе всѣхъ предстанемъ престолу Христову и будемъ наслаждаться неизреченною славою, быть участниками которой да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIV.

621 **И сіе вѣдяще время, яко часъ уже намъ отъ сна востати (xiii, 11).**

1. Апостолъ, послѣ того какъ предписалъ все то, что нужно, побуждаетъ римлянъ къ совершенію добрыхъ дѣлъ и самою краткостію времени. Время суда, говоритъ онъ, стоитъ уже при дверяхъ, какъ онъ писалъ коринѳянамъ: *яко время прекращено есть прочее* (1 Кор. vii, 29), а также евреямъ: *еще мало елико елико, грядый пріидетъ и не укоснитъ* (Евр. x, 37). Но тамъ онъ говорилъ, возстановляя трудящихся и утѣшая въ подвигахъ отъ постоянныхъ искушеній, а здѣсь онъ пробуждаетъ спящихъ; и дѣйствительно, это слово (апостола) полезно для насъ въ обоихъ случаяхъ. Что же значитъ это: *часъ уже намъ отъ сна востати?* Это значитъ: близко воскресеніе, близокъ страшный судъ, близокъ день, какъ раскаленная пещь, и намъ должно уже освободиться отъ нерадѣнія. *Нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ.* Видишь ли, какъ (апостолъ) представляетъ уже имъ воскресеніе? Съ теченіемъ времени, говоритъ онъ, настоящая
622 жизнь истрачивается, а жизнь будущаго вѣка становится ближе. Если ты приготовился и исполнилъ все заповѣданное Богомъ, то день этотъ будетъ для тебя днемъ спасенія, въ противномъ же случаѣ этого не будетъ. Впрочемъ, (апостолъ) пока убѣждаетъ указаніемъ не на скорби, а на блага, и такимъ образомъ отвлекаетъ римлянъ отъ пристрастія къ настоящему. Затѣмъ, такъ какъ было вполнѣ естественно, что они сначала, вскорѣ по принятіи вѣры, отличались большею ревностію, потому что въ нихъ еще сильно было чувство, а съ теченіемъ времени всякая ревность ослабѣла, то (апостолъ) и внушаетъ, что слѣдуетъ поступать совершенно напротивъ и, съ теченіемъ времени, не ослабѣвать, но болѣе процвѣтать. Вѣдь чѣмъ ближе къ намъ царь, тѣмъ болѣе мы должны быть готовы, чѣмъ ближе награда, тѣмъ больше мы должны возбуждать себя къ подвигамъ. Такъ дѣлаютъ и состязающіеся въ бѣгѣ: они, когда приближаются къ цѣли и къ полученію награды, тогда еще больше напрягаютъ свои силы. Потому-то (апостолъ) сказалъ: *нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ. Нощь убо прейде, а день приближися* (ст. 12).
623 Итакъ, если ночь оканчивается, а день приближается, то займемся уже дневными дѣлами, а не ночными. Такъ бываетъ и въ дѣлахъ житейскихъ: какъ только мы замѣчаемъ, что ночь близится къ утру, и услышимъ пѣніе ласточки, то будимъ каждый своего ближняго, хотя бы ночь еще и не прошла; а когда, наконецъ,

она пройдетъ, то мы понуждаемъ другъ друга, говоря: наступилъ день, и, одѣвшись, разставшись съ грезами и освободившись отъ сна, принимаемся за всѣ дневныя дѣла, чтобы день засталъ уже насъ готовыми, чтобы намъ не пришлось вставать и потягиваться тогда, когда солнечные лучи уже сіяютъ. Какъ мы ведемъ себя въ дѣлахъ житейскихъ, такъ будемъ поступать и въ дѣлахъ духовныхъ: совлечемъ съ себя мечтанія, освободимся отъ грезъ настоящей жизни, отложимъ глубокій сонъ и, вмѣсто одеждъ, облечемся въ добродѣтель. Все это ясно и выразилъ (апостолъ), сказавъ: *отложимъ убо дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта.* Вѣдь день призываетъ насъ въ строй и на сраженіе. Но не бойся, услышавъ объ ополченіи и оружіи. Тяжело и нежелательно облекаться въ вещественное оружіе; но облечься въ духовное оружіе вожделѣнно и достожелательно, потому что это есть оружіе свѣта. Оно являетъ тебя свѣтлѣе солнечныхъ лучей, испускающихъ яркое сіяніе, оно ставитъ тебя въ безопасность, потому что есть *оружіе*; оно дѣлаетъ тебя свѣтоноснымъ, потому что оно есть оружіе *свѣта*. Что же? Поэтому не нужно и сражаться? Сражаться необходимо, но не опасайся при этомъ бѣдъ и трудовъ, потому что это не брань, а ликованіе и торжество. Таково свойство этого оружія; таково могущество вождя. Облеченный въ это оружіе такъ же украшенъ, какъ и женихъ, выходящій изъ брачнаго чертога, потому что онъ вмѣстѣ и воинъ и женихъ. Сказавъ же: *день приближися*, (апостолъ) изображаетъ его не приближающимся, но уже наступившимъ. Онъ говоритъ: *яко во дни, благообразно да ходимъ* (ст. 13), потому что день уже насталъ. И чѣмъ преимущественно большинство людей побуждается къ дѣятельности, этимъ (апостолъ) и привлекаетъ ихъ, т. е. благообразіемъ. И онъ не сказалъ—ходите, но—станемъ ходить, чтобы сдѣлать увѣщаніе не тяжкимъ и упрекъ легкимъ. *Не козлогласованіи и піянствы.* Здѣсь (апостолъ) не пить запрещаетъ, а пить безъ мѣры, не употребленіе вина изгоняетъ, но пьянство. Такъ и въ слѣдующихъ словахъ онъ предписываетъ мѣру наслажденій, говоря: *не любодѣяніи и студодѣяніи.* И здѣсь онъ возбраняетъ не совокупленіе съ женщинами, а блудъ. *Не рвеніемъ и завистію.* (Апостолъ) угашаетъ главныя страсти—вожделѣніе и гнѣвъ, и возбраняетъ не только самыя страсти, но и источникъ ихъ.

2. Ничто вѣдь такъ не разжигаетъ вожделѣніе и не воспламененяетъ гнѣвъ, какъ нетрезвость и пьянство. Потому (апостолъ), сказавъ сначала: *не козлогласованіи и піанствы*, присовокупилъ потомъ: *не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію.* И на этомъ онъ не остановился, но, совлекши съ насъ худыя одежды, послушай, какъ украшаетъ, говоря: *но облецытеся*

Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ (ст. 14). Не сказалъ—облекитесь въ дѣла; но возвелъ слушателей выше. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ говорилъ о порокахъ, то сказалъ и о дѣлахъ, а когда началъ рѣчь о добродѣтели, то не говоритъ уже о дѣлахъ, но объ оружіи, показывая тѣмъ, что добродѣтель поставляетъ обладаю-
624 щаго ею въ совершенной безопасности и полномъ блескѣ. Даже и этимъ онъ не ограничился, но простираясь выше, вмѣсто одѣянія, даетъ намъ—что возбуждаетъ великій трепетъ—самого Владыку, самого Царя. Кто въ Него облеченъ, тотъ вполнѣ вмѣщаетъ въ себѣ всякую добродѣтель. Когда же говоритъ: *облецытеся*, то повелѣваетъ намъ отовсюду окружать себя Имъ. Подобное тому онъ выражаетъ и въ другихъ мѣстахъ, именно: *аще же Христосъ въ насъ* (Рим. VIII, 10), и еще: *во внутреннемъ нашемъ человѣцѣ вселитися Христу* (Ефес. III, 16, 17). Апостолъ желаетъ, чтобы душа наша была домомъ Христовымъ, чтобы Христосъ облегалъ насъ, какъ одежда, былъ для насъ всѣмъ и внутри и совнѣ. Христосъ есть наше исполненіе, такъ какъ Онъ *исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Ефес. I, 23). Онъ путь, Онъ супругъ и женихъ: *обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту* (2 Кор. XI, 2). Онъ корень и питіе, пища и жизнь: *живу не ктому азъ*, говоритъ (Павелъ), *но живетъ во мнѣ Христосъ* (Галат. II, 20). Онъ апостолъ, архіерей и учитель, отецъ, братъ и сонаслѣдникъ, сообщникъ въ гробѣ и въ крестѣ: *спогребохомся Ему*, сказано, *и снасаждени быхомъ подобію смерти Его* (Рим. VI, 4, 5). Онъ ходатай: *по Христѣ бо посольствуемъ* (2 Кор. V, 20). Онъ защитникъ нашъ предъ Отцемъ, потому что, какъ говоритъ (Павелъ), *ходатайствуетъ о насъ* (Рим. VIII, 34). Онъ домъ и обитатель: *во мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. VI, 56). Онъ другъ: *вы друзи Мои есте* (Іоан. VI, 14). Онъ основаніе и краеугольный камень, а мы Его члены и нива, Его зданіе, вѣтви и сотрудники. И чѣмъ только не желаетъ Онъ сдѣлаться для насъ, чтобы всякимъ способомъ прилѣпить и присоединить къ Себѣ? Все это свойственно безмѣрно любящему. Итакъ, покорись Ему и, возставъ отъ сна, облекись въ Него, а облекшись, держи въ покорности предъ Нимъ и плоть свою. Это и разумѣлъ (апостолъ), сказавъ: *плоти угодіе не творите въ похоти*. Какъ выше онъ запретилъ не употребленіе вина, но пьянство, не брачную жизнь, но распутство, такъ и теперь запрещаетъ не попеченіе о плоти, но попеченіе, простирающееся до похотей, то есть, сверхъ нужды. А что самъ онъ велитъ имѣть попеченіе о плоти, послушай, какъ говоритъ объ этомъ Тимоѳею: *мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ недуговъ* (1 Тим. V, 23). Подобно и во всемъ прочемъ имѣй попеченіе о плоти, но для поддержанія здоровья, а не для удовлетворенія чувствен-

пости. Вѣдь это не значитъ, конечно, имѣть попеченіе, когда подкладываешь огонь и разжигаешь печь. А чтобы точнѣе вамъ узнать, когда попеченіе о плоти простирается до похоти, и чтобы избѣгать такого попеченія, представьте себѣ людей, предающихся пьянству, объяденію, пристрастныхъ къ нарядамъ, забавамъ, ведущихъ жизнь изнѣженную и роскошную, и тогда вы поймете сказанное (апостоломъ). Такіе люди все дѣлаютъ не для поддержанія здоровья, а для того, чтобы веселиться и распалять похоть. Но ты, облекшись во Христа и отвергнувъ все это, стремись только къ одному тому, чтобы имѣть здоровое тѣло, заботясь о немъ столько, сколько нужно для этого, далѣе же того не простирайся, но все свое попеченіе употреби на заботы о духовномъ. Такимъ образомъ ты, не будучи отягченъ этими различными похотями, будешь въ состояніи возстать отъ грѣховнаго сна. Подлинно, настоящая жизнь есть сонъ и случающееся въ жизни этой ничѣмъ не отличается отъ сонныхъ грезъ. И какъ спящіе говорятъ сами съ собою и часто видятъ нѣчто совсѣмъ недѣйствительное, такъ и мы поступаемъ и даже гораздо хуже того. Сдѣлавшій или сказавшій что-нибудь непристойное во снѣ, освободившись отъ сна, обыкновенно освобождается и отъ стыда и не подвергается наказанію. Не то будетъ съ нами послѣ этой жизни, но позоръ и наказаніе будутъ вѣчными. Равнымъ образомъ, тѣ, которые богатѣютъ во снѣ, съ наступленіемъ дня, удо- 625
стовѣряются, что напрасно льстили себя богатствомъ; въ настоящей же жизни часто удостовѣреніе приходитъ и прежде наступленія дня, и прежде, чѣмъ мы переселимся отсюда, эти грезы уже разсѣиваются. Итакъ, оттрясемъ, наконецъ, этотъ лукавый сонъ. Если день застигнетъ насъ спящими, то мы сдѣлаемся добычею неумирающей смерти. Да и до наступленія того дня всѣмъ здѣшнимъ врагамъ—и людямъ, и демонамъ — легко будетъ нападать на насъ; если даже они захотятъ умертвить насъ, никто имъ въ томъ не воспрепятствуетъ. Если бы много было бодрствующихъ, то не было бы и такой опасности; но такъ какъ теперь кой-гдѣ одинъ и другой, зажегши свѣтильникъ, бодрствуютъ, всѣ же прочіе, какъ въ глубокую ночь, погружены въ сонъ, то намъ необходимо совершенное бодрствованіе и полная осторожность, чтобы не потерпѣть ужасныхъ бѣдствій.

3. Но не кажется ли намъ, что и нынѣ ясный день? Не думаемъ ли мы, что всѣ бодрствуемъ и трезвимся? Можетъ быть, вы и засмѣетесь словамъ моимъ, но я, конечно, скажу: всѣ мы подобны погруженнымъ въ сонъ и храпящимъ среди глубокой ночи. И если бы можно было видѣть безтѣлесное существо, то я показалъ бы вамъ, какъ очень многіе предаются крѣпкому сну,

а между тѣмъ діаволъ подкапываетъ стѣны, умерщвляетъ спящихъ и похищаетъ внутреннія сокровища, дѣлая все безъ опасенія, какъ въ глубокой тьмѣ. А лучше сказать, хотя и невозможно видѣть этого глазами, опишемъ въ словѣ и размыслимъ, сколько существуетъ людей, отягченныхъ злыми страстями, сколько одержимыхъ тяжкимъ помраченіемъ сладострастія и угасившихъ въ себѣ свѣтъ Духа. Потому они, вмѣсто одного, смотрятъ и слушаютъ другое и не обращаютъ вниманія ни на что, здѣсь излагаемое. Если же я говорю неправду и ты стоишь теперь въ состояніи бодрствованія, то скажи мнѣ, что здѣсь происходило сегодня, если, дѣйствительно, ты все это слышалъ не какъ сонъ? Знаю, что нѣкоторые мнѣ отвѣтятъ, да я и говорю это не о всѣхъ. Но ты повинный въ томъ, о чемъ здѣсь сказано, ты, который пришелъ сюда напрасно, скажи, какой пророкъ, какой апостолъ бесѣдовалъ нынѣ съ нами и о чемъ? Но ты не можешь сказать этого, потому что въ это время ты о многомъ бесѣдовалъ самъ съ собою, какъ бы во снѣ, и не слышалъ того, что внѣ тебя происходило въ самой дѣйствительности. Тоже самое я долженъ сказать и женщинамъ, потому что и онѣ пребываютъ въ глубокомъ снѣ, и хорошо было бы, если бы только во снѣ. Вѣдь спящій не говоритъ ничего ни худого, ни хорошаго, а бодрствующій, подобно вамъ, много изрекаетъ словъ на несчастіе собственной своей головы, высчитывая проценты, оцѣнивая залоги, вспоминая о безстыдныхъ барышахъ и посѣвая множество терній въ душѣ своей, а доброму сѣмени не давая пустить даже небольшого ростка. Но возстань отъ сна, исторгни съ корнемъ эти тернія, отрезвись отъ опьяненія, отъ котораго и сонъ. Я разумѣю здѣсь опьяненіе, происходящее не только отъ вина, но и отъ житейскихъ заботъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ вина. И въ этомъ я увѣщеваю не однихъ богатыхъ, но и бѣдныхъ, всего же болѣе тѣхъ, которые устраиваютъ дружескія пиршества. Вѣдь это не есть ни удовольствіе, ни отдыхъ, но наказаніе и мука, потому что удовольствіе состоитъ не въ постыдномъ разговорѣ, но въ благопристойной бесѣдѣ, не въ пресыщеніи, а въ насыщеніи. Если же ты считаешь это удовольствіемъ, то покажи мнѣ и въ
626 теченіе вечера это удовольствіе; но ты не можешь. Я еще не говорю о вредѣ, происходящемъ отсюда, а пока бесѣдую съ тобой объ удовольствіи, тотчасъ происходящемъ; едва пиръ окончился, какъ веселіе тотчасъ обыкновенно и улетаетъ. Но если еще упомяну о рвотѣ, о тяжести въ головѣ, о безчисленныхъ болѣзняхъ, о плѣненіи души, то что ты скажешь мнѣ на это? Неужели мы должны позорно вести себя потому, что бѣдны.

Но говоря это, я не запрещаю вамъ сходиться и совмѣстно

отобѣдать, а запрещаю вамъ позорить себя, желаю. чтобы ваше удовольствіе было дѣйствительнымъ удовольствіемъ, а не обращалось въ наказаніе, въ муку, въ пьянство и буйное веселіе. Пусть узнаютъ язычники, что христіане лучше всѣхъ умѣютъ веселиться, но веселиться благопристойно, такъ какъ сказано: *радуйтеся Господеви съ трепетомъ* (Псал. II, 11). Какъ же должно радоваться? Возглашая гимны, совершая молитвы, воспѣвая псалмы вмѣсто позорныхъ тѣхъ пѣсенъ. Такимъ образомъ самъ Христосъ будетъ присутствовать при твоей трапезѣ и исполнитъ благословенія все пиршество,—когда ты будешь молиться, когда будешь пѣть духовныя пѣсни, когда призовешь нищихъ къ участію въ предлагаемомъ тобою, когда на своемъ пирѣ ты будешь соблюдать полное благочиніе и умѣренность; такимъ образомъ мѣсто собранія ты сдѣлаешь церковію,—когда, вмѣсто неприличныхъ криковъ и рукоплесканій, будешь воспѣвать Владыку всяческихъ. Не говори мнѣ, что нынѣ заведенъ другой обычай; но исправь то, что худо. *Аще ясте*, говоритъ (апостолъ), *аще ли піете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (1 Кор. x, 31). А отъ вашихъ пировъ рождаются у васъ худыя пожеланія; отсюда распутныя дѣла, отсюда жены ваши оказываются въ презрѣніи, а блудницы въ чести; отсюда гибель домовъ, безчисленныя бѣдствія, все приходитъ въ безпорядокъ и вы, оставивши чистый источникъ, устремляетесь къ грязному болоту. А что тѣло развратной женщины есть такое именно болото, объ этомъ я спрашиваю не кого другого, а тебя самого, валявшагося въ этомъ болотѣ,—не стыдишься ли ты самого себя, не считаешь ли ты самъ себя нечистымъ послѣ грѣха? Потому, умоляю васъ, бѣгайте блуда и матери блуда—пьянства. Зачѣмъ ты сѣешь тамъ, гдѣ не можешь пожать, или лучше сказать, если и пожнешь, то самый плодъ покроетъ тебя большимъ безславіемъ? Если и родится ребенокъ, то и тебѣ будетъ позоръ, и онъ по твоей винѣ будетъ страдать, какъ незаконнорожденный и худородный. Хотя бы ты оставилъ ему тысячи, всетаки безчестенъ въ домѣ, безчестенъ въ городѣ, безчестенъ и предъ судомъ тотъ, кто рожденъ отъ блудницы или отъ рабы; безчестенъ и ты самъ, какъ при жизни, такъ и по смерти, потому что, когда и умрешь, останутся послѣ тебя памятники твоего позора. Итакъ, зачѣмъ же ты все безчестишь?

4. Да и зачѣмъ ты сѣешь тамъ, гдѣ самая нива усиливается погубить плодъ, гдѣ множество причинъ безплодія, гдѣ прежде рожденія совершается убійство, такъ что ты не только предоставляешь блудницѣ оставаться блудницей, но и дѣлаешь ее убійцею? Видишь ли, какъ отъ пьянства происходитъ блудъ, отъ блуда прелюбодѣяніе, отъ прелюбодѣянія убійство, или правильнѣе

сказать, нѣчто хуже убійства, я даже не знаю, какъ и назвать это, такъ какъ здѣсь не умерщвляется рожденное, но самому рожденію полагается препятствіе. Итакъ, что же? Не значитъ ли это, что ты оскорбляешь даръ Божій, борешься съ божественными законами, стремишься, какъ за благословеніемъ, за тѣмъ, что есть клятва, сокровищницу рожденія дѣлаешь сокровищницею убійства, женщину, сотворенную для дѣторожденія, располагаешь
627 къ убійству? Вѣдь порочная женщина, чтобы всегда быть пріятною и привлекательною для своихъ любовниковъ и выманивать отъ нихъ больше денегъ, не отказывается и это сдѣлать и тѣмъ собираетъ великій огонь на твою голову, такъ какъ хотя рѣшеніе (на преступленіе) и принадлежитъ ей, но главною причиною бываешь ты. Отсюда возникаетъ и идолослуженіе. Многіе женщины, чтобы сдѣлаться пріятными, употребляютъ наговоры, возліянія, любовныя снадобья и другія безчисленныя средства. Но, несмотря на столь великій позоръ убійства и идолослуженія, многимъ это дѣло представляется безразличнымъ, многимъ и изъ тѣхъ, которые имѣютъ собственныхъ женъ: здѣсь-то и бываетъ наибольшее стеченіе пороковъ. Здѣсь приготовляются врачебныя средства не только противъ плода въ утробѣ блудницы, но и противъ оскорбленной супруги, здѣсь бываютъ тысячи злоумышленій, призываніе демоновъ и вызываніе мертвыхъ, отсюда возникаютъ ежедневныя ссоры, непримиримая борьба и поминутныя столкновенія. Потому и Павелъ, сказавъ—*не любодѣяніи и студодѣяніи*, присовокупилъ: *не рвеніемъ и завистью*, такъ какъ зналъ, что слѣдствіемъ перваго бываетъ вражда, гибель домовъ, обиды законнымъ дѣтямъ и тысячи золъ. Чтобы намъ избѣжать всего этого, облечемся во Христа и всегда съ Нимъ пребудемъ, а облечься во Христа значитъ никогда не оставаться безъ Него, но всегда являть Его въ себѣ своею святостью и правотою. И о друзьяхъ, чтобы изобразить ихъ сильную любовь и неразрывную связь, мы говоримъ, что одинъ облеченъ въ другого, такъ какъ облекшійся представляется тѣмъ, во что облеченъ. Потому пусть и въ насъ всегда остается Христосъ. Какъ же Онъ явится? Если Ты будешь подражать Ему и дѣламъ Его. Что же сдѣлалъ Христосъ? *Сынъ человѣческій*, говоритъ (Онъ о Себѣ), *не имать гдѣ главу подклонити* (Лук. IX, 58). И ты подражай этому. Когда надлежало вкусить пищу, Христосъ употреблялъ ячменные хлѣбы; когда былъ въ пути, не имѣлъ у себя ни коней, ни вьючныхъ животныхъ, но ходилъ пѣшкомъ даже до утомленія; когда необходимо было уснуть, ложился вмѣсто возглавія на кормѣ лодки;
628 когда надо было возлежать, приказывалъ садиться на травѣ. И одежды Его были не дорогія; часто Онъ ходилъ одинъ, никого

при Себѣ не имѣя. Далѣе, узнавъ всѣ слова и дѣла Его на крестѣ и среди различныхъ поруганій и вообще всю жизнь Его, старайся подражать ей; такимъ образомъ ты и облечешься во Христа, если попеченій о плоти не будешь простирать до похотей, каковое занятіе не доставитъ тебѣ никакого удовольствія. Вѣдь пожеланія такого рода рождаютъ новыя, еще болѣе безпокойныя, и ты никогда не достигнешь насыщенія, но будешь причинять себѣ великое мученіе. Какъ томимый непрестанною жаждою, хотя бы предъ нимъ были тысячи источниковъ, не извлекаетъ изъ того никакой пользы, не имѣя возможности угасить болѣзни, такъ бываетъ и съ человѣкомъ, непрестанно живущимъ въ похотяхъ. Но если будешь ограничиваться потребнымъ, то никогда не подвергнешься такой горячкѣ, но освободишься отъ всего этого—и отъ пьянства и отъ распутства. Потому, ѣшь столько, сколько нужно для утоленія голода, одѣвайся такъ, чтобы быть только прикрытымъ, не наряжай своей плоти въ одежды, чтобы не погубить ее, потому что посредствомъ излишней нѣги сдѣлаешь ее болѣе слабою, разстроишь ея здоровье и приведешь ее въ совершенное изнеможеніе. Итакъ, чтобы плоть твоя была прекрасною колесницею души, чтобы кормчій безопасно сидѣлъ у кормила, чтобы воинъ легко могъ владѣть оружіемъ,—наблюдай во всемъ благочиніе. Не тотъ, кто много имѣетъ, но тотъ, кто немногимъ удовлетворяется, бываетъ непобѣдимымъ. Первый, хотя бы и не потерпѣлъ обидъ, боится, а послѣдній, хотя бы и былъ обиженъ, останется въ лучшемъ расположеніи духа, чѣмъ не обиженный, и потому будетъ благодушнѣе. Потому не о томъ будемъ стараться, чтобы никто не обижалъ насъ, но о томъ, чтобы не могъ сдѣлать намъ обиды и тотъ, кто бы захотѣлъ. А этого не иначе возможно достигнуть, какъ ограничивая себя однимъ необходимымъ и не желая большаго. Такимъ образомъ мы будемъ имѣть возможность и здѣсь наслаждаться радостью, и получить будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іусуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXV.

Изнемогающаго же въ вѣрѣ пріемлите, не въ сомнѣніе 627
помышленій. Овъ бо вѣруетъ ясти вся, а изнемогаяй зелія да ястъ (XIV, 1, 2).

1. Знаю, что слова эти многимъ трудны для пониманія. Потому прежде всего необходимо изложить содержаніе всего этого

мѣста и сказать, что (апостолъ) желалъ исправить, когда писалъ объ этомъ. Итакъ, что же онъ хотѣлъ исправить? Были многіе изъ увѣровавшихъ іудеевъ, которые, имѣя совѣсть, связанную закономъ, и по принятіи вѣры, наблюдали строгую разборчивость въ пищѣ, еще не осмѣливаясь совершенно отступить отъ закона. Затѣмъ, воздерживаясь только отъ свиного мяса, они, чтобы не подпасть нареканію, стали потомъ воздерживаться и отъ всего мясного и ѣли одни только овощи съ такимъ разсчетомъ, чтобы происходящее казалось соблюденіемъ поста, а не закона. Съ другой стороны, были и болѣе совершенные въ вѣрѣ, которые, сами нисколько не соблюдая подобной разборчивости въ пищѣ, отягощали и огорчали соблюдавшихъ ее своими укоризнами и обличеніями, ввергая ихъ въ уныніе. Потому блаженный Павелъ опасался, чтобы они, имѣя намѣреніе исправить неважный недостатокъ, не испортили всего, желая отклонить немощныхъ въ вѣрѣ отъ разборчивости въ пищѣ, не довели ихъ до отпаденія отъ
628 вѣры и, стараясь прежде времени все возвести къ совершенству, не нанесли бы вреда настоящему ихъ благу, а непрестанными своими укоризнами не поколебали бы ихъ въ исповѣданіи Христовомъ, такъ что послѣ этого нельзя было бы исправить ни того, ни другого. Смотри же, какъ благоразумно дѣйствуетъ апостолъ и какъ съ свойственною ему мудростью онъ заботится о пользѣ той и другой стороны. Онъ не рѣшается сказать укоряющимъ: „вы дѣлаете худо", чтобы не утвердить другихъ въ разборчивости, а равно и не говорить: „хорошо вы дѣлаете", чтобы они не стали нападать еще сильнѣе, но употребляетъ соразмѣрное запрещеніе: повидимому, онъ укоряетъ сильнѣйшую сторону, однако же его укоризна вся падаетъ и на противную сторону. Это самый легкій способъ исправленія, когда, обращая слово къ одному, наносишь ударъ и другому. Тогда тому, кому дѣлается запрещеніе, не дается повода сердиться, и въ него непримѣтнымъ образомъ вливается врачество исправленія. Замѣть же, какъ благоразумно и благовременно (апостолъ) дѣлаетъ это. Сказавъ: *плоти угодія не творити въ похоти*, переходитъ вдругъ къ настоящей рѣчи, чтобы нельзя было подумать, что онъ говоритъ въ пользу тѣхъ, которые запрещали разборчивость и совѣтовали ѣсть все. Слабую сторону всегда надо больше беречь, почему и (апостолъ) обращается прямо къ сильнѣйшей сторонѣ и говоритъ такъ: *изнемогаю-*
629 *щаго же въ вѣрѣ.* Видишь ли, что нанесенъ уже одинъ ударъ наблюдающему разборчивость? Назвавъ его изнемогающимъ, (апостолъ) показываетъ, что онъ боленъ. Потомъ наноситъ другой ударъ, сказавъ: *пріемлите.* Этимъ онъ опять показываетъ, что онъ нуждается въ большой заботливости, что также служитъ

признакомъ крайней болѣзни. *Не въ сомнѣніе помышленій.* Вотъ онъ нанесъ третій ударъ. Этими словами онъ показываетъ, что грѣхъ его настолько великъ, что возбуждаетъ сомнѣніе даже въ тѣхъ, которые, хотя сами не участвуютъ въ этомъ грѣхѣ, однакоже соединены узами дружбы съ совершающими его и заботятся о его уврачеваніи. Примѣчаешь ли, какъ, повидимому, онъ говоритъ однимъ, а затѣмъ незамѣтно и слегка упрекаетъ и другихъ? Послѣ того, сравнивая тѣхъ и другихъ, однихъ хвалитъ, а другихъ обличаетъ. Именно, говоря: *овъ убо вѣруетъ ясти вся*, онъ восхваляетъ вѣру, а присовокупивъ: *изнемогаяй зелія ястъ*. порицаетъ немощь въ вѣрѣ. Потомъ, послѣ того, какъ нанесъ весьма сильный ударъ, снова ободряетъ немощнаго, говоря такъ: *ядый не ядущаго да не укоряетъ* (ст. 3). Не сказалъ: позволяй такъ дѣлать, или: порицай, или: не побуждай къ исправленію; но: не укоряй, не презирай, показывая, что они (не ядущіе) совершали дѣло достойное большого смѣха. Но о томъ, кто вѣруетъ ясти вся, (апостолъ) выразился иначе. Какъ же именно? *И не ядый ядущаго да не осуждаетъ.* Какъ болѣе совершенные унижали не ядущихъ, считая ихъ маловѣрными, неистинными христіанами, носящими внутри себя скрытый недугъ и придерживающимися еще іудейства, такъ послѣдніе осуждали первыхъ, считая ихъ нарушителями закона или даже предающимися объяденію, такъ какъ многіе изъ нихъ были, вѣроятно, обращенные изъ язычества. Потому (апостолъ) присовокупилъ: *Богъ бо его пріятъ.* Но онъ не сказалъ этого о не ядущемъ, хотя унижать повидимому слѣдовало бы ядущаго, какъ маловѣрнаго. (Апостолъ) же сказалъ наоборотъ, показывая этимъ, что ядущій не только не заслуживаетъ уничиженія, но и самъ можетъ уничижать другихъ. Но самъ (апостолъ) не осуждаетъ ли ядущаго, спросишь ты? Нисколько, потому и присовокупилъ: *Богъ бо его пріятъ.* Итакъ, зачѣмъ ты говоришь о законѣ ему, какъ преступнику? Богъ принялъ его, то есть, явилъ въ немъ неизреченную благодать свою и освободилъ его отъ всякой вины. Потомъ (апостолъ) снова обращаетъ рѣчь къ твердому въ вѣрѣ: *ты кто еси судяй чуждему рабу* (ст. 4)? Отсюда видно, что и твердые въ вѣрѣ не только уничижали, но и осуждали слабыхъ. *Своему Господеви стоитъ или падаетъ.*

2. Вотъ опять новый ударъ. Упрекъ обращенъ, повидимому, на сильнаго, но касается слабаго. Когда (апостолъ) говоритъ: *станетъ же*, то показываетъ, что онъ еще колеблется, требуетъ большого вниманія и такого попеченія, что для его уврачеванія нужно призвать на помощь Бога. *Силенъ бо есть Богъ поставити его*, продолжаетъ онъ. Такъ говорится о людяхъ весьма безна-

дежныхъ. Но чтобы ты въ немъ не отчаивался, (апостолъ), несмотря на слабость, называетъ его Божіимъ рабомъ, говоря: *ты кто еси судяй чуждему рабу?* Между тѣмъ и здѣсь опять незамѣтно наноситъ ударъ слабому. Я приказываю тебѣ не судить его не потому, что дѣйствія его не заслуживаютъ осужденія, но потому, что онъ чужой рабъ, то есть не твой, а Божій. Потомъ, снова ободряя его, не говоритъ: падаетъ,—но какъ? *Стоитъ или падаетъ.* Если случится съ нимъ то или другое, все это зависитъ отъ Господа. Если онъ падетъ, ущербъ для Бога, а равно, если
630 стоитъ, пріобрѣтеніе для Бога же. Впрочемъ, такое равнодушіе было бы совершенно недостойно попечительности, приличной христіанамъ, если бы мы опять не стали обращать вниманіе на цѣль Павла, который хочетъ, чтобы слабымъ въ вѣрѣ не дѣлали укоризнъ прежде времени. Но, какъ я всегда говорилъ, необходимо принимать во вниманіе расположеніе, съ какимъ что-либо говорится, сущность предмета, о которомъ говорится, и то, что старается исправить ведущій рѣчь. (Апостолъ), сказавши это, пристыдилъ укоряющаго не безъ основанія. Если Богъ, разсуждаетъ (Павелъ), подвергаясь ущербу, пока не дѣлаетъ ничего, то не безвременно ли дѣйствуешь ты и не выходишь ли изъ границъ, муча и безпокоя слабаго въ вѣрѣ брата? *Овъ убо разсуждаетъ день чрезъ день, овъ же судитъ на всякъ день* (ст. 5). Здѣсь, какъ думаю, (апостолъ) слегка намекаетъ и на постъ. Естественно, что нѣкоторые изъ постившихся постоянно осуждали не постившихся, или, можетъ быть, и между разборчивыми въ пищѣ были такіе, которые въ извѣстные дни наблюдали эту разборчивость, а въ другіе нѣтъ, почему (апостолъ) и сказалъ: *кійждо своею мыслію да извѣствуется.* Этимъ онъ избавилъ разборчивыхъ отъ страха, назвавъ ихъ дѣйствіе безразличнымъ, а у тѣхъ, которые слишкомъ много нападали на нихъ, онъ отнялъ поводъ къ укоризнамъ, вразумивъ ихъ, что не слѣдуетъ съ такимъ большимъ усердіемъ постоянно безпокоить людей за ихъ разборчивость; и не нужна такая ревность не по свойству самаго дѣла, но по соображенію времени, потому что укоряемые ими были еще новыми въ вѣрѣ. Въ посланіи къ Колоссянамъ онъ запрещаетъ это весьма строго, говоря: *блюдитеся, да никтоже васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіамъ міра, а не по Христѣ* (Колос. II, 8). И еще: *да никто же убо васъ осуждаетъ о ядѣніи или о питіи и никто же васъ да прельщаетъ* (II, 16, 18). И въ посланіи къ Галатамъ онъ со всею строгостью требуетъ отъ нихъ высшаго разсужденія и совершенства въ этомъ отношеніи. Но здѣсь онъ не прибѣгаетъ къ такой настойчивости, такъ какъ вѣра еще недавно была насаждена у римлянъ. А потому

мы и не должны на всѣхъ распространять словъ (апостола): *кійждо своею мыслію да извѣствуется.* Такъ, когда идетъ рѣчь объ ученіи, послушай, какъ онъ говоритъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте,* хотя бы то былъ ангелъ, *анаѳема да будетъ* (Гал. I, 8, 9). И въ другомъ мѣстѣ: *боюся же, да не како, яко же змій Еву прельсти, такъ истлѣютъ и разумы ваша* (2 Кор. XI, 3). И въ посланіи къ Филиппійцамъ пишетъ: *блюдитеся отъ псовъ, блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей, блюдитеся отъ сѣченія* (Филип. III, 2). Но въ римлянахъ еще рано было исправлять это и потому онъ сказалъ: *кійждо своею мыслію да извѣствуется.* Такъ какъ рѣчь шла и о постѣ, то, низлагая гордость однихъ и изгоняя страхъ другихъ, онъ присовокупилъ слѣдующее: *мудрствуяй день, Господеви мудрствуетъ, и не мудрствуяй день, Господеви не мудрствуетъ. Ядый, Господевиястъ, благодаритъ бо Бога, и не ядый, Господеви не ястъ, и благодаритъ Бога* (ст. 6). Опять онъ касается здѣсь того же самаго. Смыслъ же его словъ слѣдующій: сущность не во временныхъ дѣлахъ (ѣсть или не ѣсть), спрашивается только, для Бога ли дѣлаетъ тотъ и другой, благодареніемъ ли оканчиваютъ оба? Вѣдь и тотъ и другой благодарятъ Бога. А если благодарятъ оба, то различіе не велико. Замѣть же, какъ и здѣсь (апостолъ) скрытнымъ образомъ наноситъ ударъ придерживающимся іудейства. Если главное состоитъ въ томъ, чтобы благо- 631
дарить, то ясно, что благодаритъ тотъ, кто ѣстъ, а не тотъ, кто не ѣстъ. Какъ благодарить тому, кто придерживается еще закона? То же самое подтвердилъ (Павелъ) въ посланіи къ Галатамъ: *иже закономъ оправдастеся, отъ благодати отпадосте* (Гал. V, 4). Впрочемъ, онъ здѣсь не раскрываетъ этой мысли, а только намекаетъ на нее, потому что еще было не время, но пока терпитъ и тѣхъ, которые придерживались закона, а яснѣе раскрываетъ это въ послѣдующихъ словахъ, говоря: *никтоже бо насъ себѣ живетъ, и никто же себѣ умираетъ. Аще бо живемъ, Господеви живемъ; аще умираемъ, Господеви умираемъ* (ст. 7, 8). Дѣйствительно, тотъ, кто живетъ для закона, можетъ ли жить для Христа? Впрочемъ, въ этихъ словахъ (апостолъ) не одно только это разсматриваетъ, но и удерживаетъ твердыхъ въ вѣрѣ отъ поспѣшности въ исправленіи слабыхъ и убѣждаетъ ихъ быть терпѣливыми, доказывая, что Богъ не можетъ презрѣть немощныхъ, но въ надлежащее время исправитъ ихъ.

3. Что же это значитъ: *никто же насъ себѣ живетъ?* Мы не свободны, мы имѣемъ надъ собою Владыку, Который хочетъ, чтобъ мы были живы, и не желаетъ нашей смерти, и для Котораго наша жизнь или смерть важнѣе, чѣмъ для насъ самихъ. Этимъ (апостолъ) показываетъ, что Богъ заботится о насъ больше,

нежели мы сами, что Онъ жизнь нашу почитаетъ для Себя пріобрѣтеніемъ, а смерть потерею. Если мы умираемъ, то умираемъ не только для себя, но и для Господа. Подъ смертью же разумѣетъ здѣсь (апостолъ) смерть духовную, состоящую въ отпаденіи отъ вѣры. Что Богъ печется о насъ, въ этомъ достаточно насъ убѣждаетъ и то, что мы для Него живемъ и для Него умираемъ. Однако (апостолъ) не довольствуется этимъ, но присовокупляетъ еще новое подтвержденіе, говоря: *аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы.* Здѣсь онъ отъ смерти духовной переходитъ къ смерти естественной, чтобы рѣчь его не показалась жестокою, и представляетъ новый самый важный признакъ Божія о насъ промышленія. Какой же именно? *На сіе бо,* говоритъ, *Христосъ и умре и воскресе и оживе, да и мертвыми и живыми обладаетъ* (ст. 9). Такимъ образомъ и это должно удостовѣрить тебя въ томъ, что Господь всегда печется о нашемъ спасеніи и исправленіи. Если бы Онъ столько не промышлялъ о насъ, то какая была бы нужда въ домостроительствѣ? Тотъ, Кто употребилъ для усвоенія насъ Себѣ столько попеченія, что принялъ на себя зракъ раба и умеръ, пренебрежетъ ли тобою послѣ совершенія этого? Не возможно это, не возможно. Онъ не захочетъ, чтобы погибло столь великое дѣло. *На сіе бо,* говоритъ (апостолъ), *и умре.* Это подобно тому, какъ если бы кто-нибудь сказалъ: такой-то человѣкъ не согласится бросить своего раба, потому что бережетъ собственное стяжаніе. Но не такъ мы любимъ деньги, какъ Богъ наше спасеніе. Онъ далъ за насъ не деньги, а Свою кровь, и потому не можетъ оставить тѣхъ, за которыхъ далъ столь великую цѣну. Замѣть также, какъ (апостолъ) показываетъ и неизреченное могущество Божіе. *На сіе бо,* говоритъ онъ, *и умре и оживе, да и мертвыми обладаетъ.* И выше сказалъ: *аще бо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы.* Видишь ли, какъ сильно Его владычество? Видишь ли, какъ непреоборима Его крѣпость и какъ всеобъемлющъ Его промыслъ? Не говори мнѣ о живыхъ, разсуждаетъ (апостолъ): Богъ промышляетъ и объ умершихъ. А если промышляетъ объ умершихъ, то ясно, что также и о живыхъ. Онъ ничего не оставилъ внѣ Своего владычества, но на людей пріобрѣлъ еще большія права, чтобы промышлять о насъ больше,
632 чѣмъ о всемъ прочемъ. Человѣкъ платитъ деньги за раба и потому тщательно бережетъ его, а Богъ заплатилъ смертію и, конечно, не можетъ считать маловажнымъ спасеніе того, кого онъ купилъ столь великою цѣною и пріобрѣлъ во владѣніе съ такимъ усердіемъ и усиліемъ. А все это (апостолъ) говоритъ съ цѣлью пристыдить іудействующаго христіанина и убѣдить его, чтобы онъ помнилъ о величіи благодѣянія, потому что онъ былъ мертвъ и

ожилъ, потому что онъ не получилъ никакой пользы отъ закона, и было бы съ его стороны крайнею неблагодарностью, если бы онъ, оставивъ Того, Кто явилъ ему столько милостей, прибѣгъ бы снова къ закону. Итакъ, достаточно упрекнувъ его, (апостолъ) снова ободряетъ его, говоря: *ты же почто осуждаеши брата твоего? или ты что уничижаеши брата твоего* (ст. 10)? Здѣсь, повидимому, (апостолъ) уравниваетъ обоихъ, но однако полагаетъ между ними большое различіе. Онъ прекращаетъ ихъ споры прежде всего наименованіемъ брата, а потомъ напоминаніемъ о страшномъ днѣ суда, такъ какъ, сказавши: *что уничижаеши брата твоего*, присовокупилъ: *вси бо предстанемъ судищу Христову*. И говоря это, онъ, повидимому, опять дѣлаетъ упрекъ болѣе совершенному, но на самомъ дѣлѣ старается потрясти духъ іудействующаго христіанина, не только посрамляя его напоминаніемъ объ оказанномъ ему благодѣяніи, но и устрашая будущимъ наказаніемъ: *вси бо*, говоритъ, *предстанемъ судищу Христову. Писано бо есть: живу Азъ, глаголетъ Господь; яко Мнѣ поклонится всяко колѣно, и всякъ языкъ исповѣстся Богови. Тѣмже убо кійждо насъ слово о себѣ дастъ Богу* (ст. 11, 12). Видишь ли, какъ (Павелъ) опять потрясаетъ духъ одного, нанося ударъ, повидимому, другому? Слова его значатъ тоже, какъ если бы онъ сказалъ: о чемъ ты заботишься? Вѣдь не ты будешь наказанъ за него? Онъ не высказалъ этого прямо, но это именно разумѣлъ, только выразилъ гораздо легче, сказавъ: *вси бо предстанемъ судищу Христову. Тѣмже убо кійждо насъ о себѣ слово дастъ Богу*. (Апостолъ) привелъ также слова пророка, который свидѣтельствуетъ о всеобщемъ повиновеніи Богу, о повиновеніи безусловномъ всѣхъ, жившихъ въ ветхомъ завѣтѣ, и вообще всѣхъ безъ исключенія. Не просто сказано — всякій поклонится, но—*исповѣстся*, то есть, дастъ отчетъ въ томъ, что сдѣлалъ.

4. Итакъ, представляя себѣ общаго Владыку, сѣдящаго на престолѣ, будь внимателенъ къ себѣ, не раздирай и не раздѣляй церкви, отторгаясь отъ благодати и возвращаясь къ закону, такъ какъ и законъ принадлежитъ Ему. И что говорю — законъ? Ему принадлежатъ всѣ жившіе и въ законѣ и до закона. И не законъ потребуетъ у тебя отчета, а Христосъ, какъ у тебя, такъ и у всего человѣческаго рода. Видишь ли, какъ (апостолъ) освободилъ немощнаго въ вѣрѣ отъ страха закона? Потомъ, чтобы не показалось, что онъ говоритъ объ этомъ съ намѣреніемъ устрашить немощныхъ, но что онъ перешелъ къ этому по связи рѣчи,— (апостолъ) продолжаетъ разсуждать о томъ же предметѣ, говоря: *не къ тому убо другъ друга осуждаемъ; но сіе паче судите, еже не полагати претыканія брату, или соблазна* (ст. 13). Это къ одному

относится не больше, чѣмъ и къ другому, а потому можетъ быть приложено къ обоимъ, и къ совершенному, который соблазняется разборчивостью въ пищѣ, и къ несовершенному, для котораго служатъ преткновеніемъ слишкомъ рѣзкія укоризны. Смотри же, какому мы подвергнемся наказанію, если просто соблазняемъ
633 ближнихъ? Если здѣсь, гдѣ вся ошибка состояла въ неблаговременности упрековъ, (апостолъ) воспрещаетъ ихъ, чтобы не соблазнялся и не претыкался братъ, то чего будемъ достойны мы, когда соблазняемъ брата, совсѣмъ не имѣя намѣренія исправить его? Если не сохранить — есть преступленіе, какъ это видно на примѣрѣ закопавшаго въ землю талантъ, то чего не навлечемъ мы на себя, соблазняя другого? Ты скажешь: что же мнѣ дѣлать, если онъ соблазняется самъ по себѣ, будучи слабъ? Потому-то самому тебѣ и слѣдовало бы переносить все. Если бы онъ былъ крѣпокъ, то и не имѣлъ бы нужды въ такой попечительности, а теперь, такъ какъ онъ очень слабъ, въ силу этого и нуждается въ большой заботѣ. Итакъ, представимъ ему это и станемъ поддерживать его во всѣхъ случаяхъ. Вѣдь мы дадимъ отвѣтъ не за свои только грѣхи, но и за все то, въ чемъ мы служили соблазномъ для другихъ. А если трудно отвѣчать и за свои грѣхи, то какъ мы спасемся, когда на насъ будетъ возложена и эта отвѣтственность? Не будемъ же считать для себя извиненіемъ того, что найдемъ сообщниковъ въ нашихъ грѣхахъ, такъ какъ отъ этого увеличится только наше наказаніе. Такъ и змій наказанъ строже жены, а жена больше мужа; Іезавель понесла болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ Ахаавъ, отнявшій виноградникъ, потому что она была главною виновницею этой несправедливости и ввела въ соблазнъ царя. И ты, если сдѣлаешься виновникомъ гибели другихъ, подвергнешься болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ доведенные тобою до паденія. Не такъ пагубно самому согрѣшить, какъ ввести въ грѣхъ другихъ, почему (апостолъ) и говоритъ: *не точію сія творятъ, но и соизволяютъ творящимъ* (Рим. I, 32). Такимъ образомъ, когда мы видимъ, что другіе грѣшатъ, не только не станемъ побуждать ихъ къ грѣху, но постараемся извлечь изъ бездны порока, чтобы за гибель другихъ намъ самимъ не подвергнуться наказанію; будемъ непрестанно помнить о страшномъ судѣ, объ огненной рѣкѣ, о неразрѣшимыхъ узахъ, о непроницаемомъ мракѣ, о скрежетѣ зубовъ и ядовитомъ червѣ. Но Богъ человѣколюбивъ, говоришь ты. Значитъ, по твоему, все это одни слова? Богачъ, презрѣвшій Лазаря, не мучится (Лук. XVI). Юродивыя дѣвы не изгоняются изъ брачнаго чертога? Отказавшіеся накормить Христа не пойдутъ въ огонь, уготованный діаволу и ангеламъ его? Одѣтый въ грязныя одежды не будетъ

связанъ по рукамъ и ногамъ и не будетъ осужденъ на гибель? Требовавшій сто динаріевъ не будетъ преданъ истязателямъ? И неправда то, что сказано о прелюбодѣяхъ: *червь ихъ не умираетъ, и огнь ихъ не угасаетъ* (Мар. IX, 48)? Неужели все это однѣ только угрозы? Да, говоришь ты. Но на какомъ основаніи, скажи мнѣ, ты осмѣливаешься утверждать это и произносить отъ себя такой приговоръ? Я могу доказать тебѣ противное на основаніи и словъ и дѣлъ Христа. Если ты не вѣришь относительно будущаго наказанія, то, по крайней мѣрѣ, повѣрь тому, что уже совершилось, такъ какъ то, что уже было, что исполнилось на самомъ дѣлѣ, не пустыя угрозы и слова. Кто при Ноѣ навелъ потопъ на всю вселенную, произвелъ столь ужасное истребленіе водою и гибель всего нашего рода? Кто потомъ низвелъ молнію и огонь на землю содомскую? Кто погрузилъ въ море цѣлый Египетъ? Кто истребилъ шестьсотъ тысячъ человѣкъ въ пустынѣ? Кто попалилъ огнемъ сонмъ Авироновъ? Кто повелѣлъ землѣ разверсть уста свои и поглотить Корея, Даѳана и бывшихъ съ ними? Кто при Давидѣ въ одно мгновеніе поразилъ семьдесятъ тысячъ? Упоминать ли еще о наказаніяхъ въ отдѣльности? О Каинѣ, преданномъ на непрестанное мученіе? О сынѣ Харміинѣ, который былъ побитъ камнями со всѣмъ его родомъ? О собиравшемъ дрова въ въ субботу и подвергшемся такому же наказанію? О сорока двухъ отрокахъ, которые при Елисеѣ были съѣдены звѣрями и которымъ не послужилъ извиненіемъ юный ихъ возрастъ? 634

5. А если ты хочешь видѣть подобные примѣры и во времена благодати, то представь себѣ, какія наказанія претерпѣли іудеи, какъ жены ихъ ѣли собственныхъ своихъ дѣтей, однѣ жарили ихъ, а другія приготовляли иначе; какъ онѣ при нестерпимомъ голодѣ, среди различныхъ и тяжкихъ войнъ, подвергались такимъ чрезвычайнымъ бѣдствіямъ, съ какими не могутъ сравниться никакія ужасныя злоключенія прежнихъ временъ. А что все это навелъ на нихъ Христосъ, послушай, какъ самъ Онъ предсказываетъ это и въ притчахъ, и въ ясныхъ и вразумительныхъ словахъ,—въ притчахъ, когда говоритъ: *враги Моя оны, иже не восхотѣша Мене, да Царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо и изсѣцыте предо Мною* (Лук. XIX, 27), а также въ притчахъ о виноградникѣ, и о бракѣ; а въ ясныхъ и открытыхъ словахъ, когда угрожаетъ, что *падутъ во остріи меча, и плѣнены будутъ во вся языки; и будетъ на земли туга языкомъ отъ нечаянія, шума морскаго и возмущенія, издыхающимъ человѣкомъ отъ страха* (Лук. XXI, 24—26). *И будетъ скорбь велія, яковаже не была отъ начала міра доселѣ, ниже иматъ быти* (Мѳ. XXIV, 21). Извѣстно также всѣмъ, какому наказанію подверглись Ананія и Сапфира за утае-

ніе нѣсколькихъ монетъ. Не замѣчаешь ли и нынѣ ежедневныхъ несчастныхъ случаевъ? Развѣ это не бываетъ? Неужели ты не видишь, что и нынѣ погибаютъ отъ голода, страдаютъ проказою и другими тѣлесными болѣзнями, живутъ въ постоянной нищетѣ и терпятъ тысячи невыносимыхъ бѣдствій?

Итакъ, какое можетъ быть основаніе однихъ наказывать, а другихъ нѣтъ? Если Богъ вполнѣ справедливъ, что и несомнѣнно, то, конечно, и ты подвергнешься наказанію за грѣхи свои. Если же ты думаешь, что Богъ тебя не накажетъ, потому что Онъ человѣколюбивъ, то слѣдовало бы и тѣхъ не наказывать. Но, какъ сказали мы выше, Богъ и здѣсь многихъ наказываетъ, чтобы вы, какъ скоро не вѣрите словамъ угрозъ, повѣрили дѣйствительнымъ наказаніямъ. И такъ какъ старое не такъ насъ устрашаетъ, то Онъ вразумляетъ безпечныхъ современными событіями, которыя совершаются при каждомъ поколѣніи. Почему же, спросишь, Богъ не наказываетъ всѣхъ здѣсь? Чтобы инымъ дать предопредѣленное отъ Него время для покаянія. А для чего Онъ не наказываетъ всѣхъ тамъ? Чтобы не оказалось много не вѣрующихъ въ Божій промыслъ. Теперь и я спрошу тебя: сколько разбойниковъ было поймано и сколько было такихъ, которые умерли безъ наказанія? Гдѣ же Божіе человѣколюбіе и правосудіе? Если бы никто совершенно не наказывался, то ты могъ бы прибѣгнуть къ этому (возраженію), но когда одни наказаны, а другіе нѣтъ, и притомъ безъ наказанія остались тѣ, которые больше и согрѣшили, то какой можетъ быть смыслъ въ томъ, что за одни и тѣ же преступленія бываютъ неодинаковыя наказанія, и не можетъ ли показаться, что наказанные обижены? Итакъ, почему же не всѣ наказываются здѣсь? Послушай, что отвѣчаетъ тебѣ на это самъ Христосъ. Когда упала башня и нѣсколько человѣкъ погибли, то тѣмъ, которые приходили отъ этого въ недоумѣніе, Христосъ сказалъ: *мните ли, яко сіи грѣшнѣйши паче всѣхъ бяху? Ни, глаголю вамъ; но аще не покаетеся, вси такожде погибнете*
635 (Лук. XIII, 2—5). Этимъ Онъ учитъ насъ не надѣяться, что какъ скоро другіе подверглись наказанію, мы, хотя и согрѣшимъ много, останемся безъ наказанія. Если не покаемся, то непремѣнно будемъ наказаны. За что же, спросишь, намъ терпѣть вѣчное наказаніе, когда мы грѣшили здѣсь недолгое время? А какъ же здѣсь человѣкъ, въ одно мгновеніе совершившій одно только убійство, осуждается на всю жизнь работать въ рудникахъ? Но Богъ, скажешь, такъ не поступаетъ. Какъ же Онъ разслабленному попустилъ тридцать восемь лѣтъ терпѣть столь тяжкое наказаніе? Что Онъ, дѣйствительно, наказалъ его за грѣхи, послушай, что говоритъ Христосъ: *се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не*

горше ти что будетъ (Іоан. v, 14). Однако же разслабленный, говоришь ты, получилъ освобожденіе отъ наказанія? Но тамъ этого не будетъ. Что тамъ, дѣйствительно, не будетъ освобожденія отъ наказанія, послушай, какъ объ этомъ говоритъ самъ Христосъ: *червь ихъ не умираетъ, и огнь не угасаетъ* (Мар. ix, 44). И еще: *пойдутъ одни въ жизнь вѣчную, а другіе въ муку вѣчную* (Мѳ. xxv, 46). Итакъ, если будетъ жизнь вѣчная, то и наказаніе вѣчное. Или ты не знаешь, сколько было угрозъ іудеямъ? Исполнились ли эти угрозы, или остались только на словахъ? Сказано: *не останетъ камень на камени* (Лук. xxi, 6)—и, дѣйствительно, остался ли камень на камени? Христосъ сказалъ: *будетъ скорбь велія, якова же не была*, и неужели не сбылось и это? Прочитай исторію Іосифа, и ты не въ состояніи будешь даже придти въ себя, услышавъ о бѣдствіяхъ, какія претерпѣли іудеи въ дѣйствительности. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы огорчить васъ, но чтобы привесть васъ въ безопасность, чтобы, утѣшая васъ напрасными надеждами, не подвергнуть болѣе тяжкимъ наказаніямъ. И скажи мнѣ: почему же ты не заслуживаешь наказанія за грѣхи твои? Не сказалъ ли Богъ тебѣ заранѣе все? Не запретилъ ли Онъ тебѣ? Не устрашилъ ли? Не употребилъ ли тысячи средствъ для твоего спасенія? Не даровалъ ли тебѣ баню пакибытія и не простилъ ли всѣ прежніе грѣхи твои? И послѣ этой бани, послѣ отпущенія грѣховъ, не оказалъ ли Онъ тебѣ, когда ты опять сталъ грѣшить, другую помощь въ покаяніи? Не сдѣлалъ ли Онъ тебѣ легкимъ путь отпущенія грѣховъ и послѣ этого?

6. Итакъ, выслушай, что заповѣдалъ Богъ. Если будешь прощать грѣхи ближнему, то и Я, говоритъ Онъ, прощу тебѣ. Какое же въ этомъ неудобство? *Судите сиру*, сказано, *оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжемся, глаголетъ Господь; и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Ис. i, 18). Какая же въ этомъ трудность? *Глаголи ты беззаконія твоя, да оправдишися* (Ис. xliii, 26). Какая въ этомъ тягость? *Грѣхи твоя милостынями искупи* (Дан. iv, 24). Какой въ этомъ трудъ? Мытарь сказалъ: *милостивъ буди мнѣ грѣшному*, и *сниде оправданъ* (Лук. xviii, 13, 14). Трудно ли подражать мытарю? Но, не смотря на все это, ты не хочешь убѣдиться, что есть наказаніе и мученіе. Но, можетъ быть, ты скажешь, что діаволъ не подвергается наказанію? Сказано: *идите во огнь, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Мѳ. xxv, 41). А вѣдь если бы не было геенны, то и діаволъ не наказывался бы; если же онъ наказывается, то ясно что и мы, совершая дѣла его, будемъ наказаны, такъ какъ и мы преслушали заповѣдь Божію, хотя не ту же, какую онъ. Какъ же ты не боишься дерзко говорить о Богѣ? Вѣдь когда ты го-

воришь, что Богъ человѣколюбивъ и не наказываетъ, то по твоему выходитъ, что Онъ уже не человѣколюбивъ, если накажетъ. Замѣчаешь ли, на какія мысли наводитъ васъ діаволъ? Что же? Неужели монахи, поселившіеся въ горахъ и показавшіе множество подвиговъ, останутся не увѣнчанными? Вѣдь если злые не наказываются и нѣтъ никакого воздаянія, то иной можетъ сказать, что и добрые не награждаются. Я съ этимъ не согласенъ, скажешь ты, такъ какъ съ благостью Божіей болѣе
636 сообразно существованіе только одного царства, а не геенны. Значитъ, блудникъ, прелюбодѣй, совершившій тысячи преступленій будетъ наслаждаться тѣми же благами, какими и отличившійся цѣломудріемъ и святостію? Значитъ, Павелъ станетъ на ряду съ Нерономъ, или даже діаволъ на ряду съ Павломъ? Если нѣтъ геенны, а воскресеніе будетъ общее, то и злые удостоятся тѣхъ же благъ, какихъ и праведники? Какой же безумецъ можетъ утверждать это? Или, лучше сказать, кто изъ демоновъ осмѣлится говорить это? Вѣдь бѣсы признаютъ геенну, потому *и возописта глаголюще: пришелъ еси сѣмо прежде времени мучити насъ* (Мѳ. VIII, 29). Какъ же ты не боишься, не ужасаешься отрицать то, что признаютъ даже бѣсы? Какъ ты не замѣчаешь какой учитель внушаетъ тебѣ это злое наставленіе? Кто обольстилъ человѣка въ началѣ и предложеніемъ большихъ надеждъ исторгъ у него блага, бывшія уже въ рукахъ, тотъ и нынѣ наущаетъ тебя такъ говорить и думать; діаволъ для того и убѣждаетъ нѣкоторыхъ думать, что нѣтъ геенны, чтобы ввергнуть въ нее; напротивъ, Богъ для того угрожаетъ геенною и уготововалъ ее, чтобы ты, зная объ этомъ, такъ жилъ, чтобы не впасть въ нее. Если діаволъ и теперь, когда есть геенна, увѣряетъ тебя, что ея нѣтъ, то, если бы дѣйствительно ея не было, какая была бы нужда свидѣтельствовать о ней бѣсамъ, которые всего болѣе стараются о томъ, чтобы мы и не подозрѣвали существованія геенны, чтобы, не страшась ея, стали безпечнѣе и впали съ ними въ геенскій огонь? Почему же, спросишь, они свидѣтельствовали тогда о гееннѣ? Потому, что не переносятъ принуждающей ихъ къ тому необходимости. Итакъ, размышляя о всемъ этомъ, пусть перестанутъ говорящіе это обманывать себя и другихъ, такъ какъ за эти слова они понесутъ наказаніе, потому что смѣются надъ страшными вещами, приводятъ къ безпечности многихъ желающихъ истинно заботиться о своемъ спасеніи и даже нимало не подражаютъ язычникамъ-ниневитянамъ. Тѣ, будучи во всемъ несвѣдующими, когда услышали, что городъ ихъ будетъ истребленъ, не только не обнаружили невѣрія, но и возстенали, облеклись во вретище, смирились и не прежде переставали все это

дѣлать, пока не утолили гнѣва Божія. А ты, зная столько случаевъ суда Божія, словами своими уничтожаешь то, что сказалъ Богъ? Потому участь твоя будетъ противоположна участи ниневитянъ. Тѣ, устрашившись словъ, не подверглись наказанію на самомъ дѣлѣ, а ты, презирая угрозы на словахъ, понесешь наказаніе на самомъ дѣлѣ. Теперь слова эти кажутся тебѣ баснею, но не покажутся такими тогда, когда убѣдишься въ нихъ на дѣлѣ. Неужели ты не видишь, что сдѣлалъ Христосъ и здѣсь на землѣ? Не одинаковаго жребія Онъ удостоилъ двухъ разбойниковъ, но одного ввелъ въ царство, а другого послалъ въ геенну. Но что мнѣ говорить о разбойникѣ и человѣкоубійцѣ? Христосъ не пощадилъ и апостола, когда онъ сдѣлался предателемъ, но, предвидя, что онъ стремится въ петлю, удавится и разсядется (вѣдь сказано: *просѣдеся посредѣ, и изліяся вся утроба его* (Дѣян. I, 18),—предвидя, говорю, все это, однако попустилъ ему претерпѣть это, чтобы посредствомъ настоящаго удостовѣрить тебя во всемъ будущемъ. Итакъ, не обманывайте сами себя, довѣряя діаволу,—вѣдь это его внушенія. Если судьи, господа, учители и даже люди необразованные награждаютъ добрыхъ и наказываютъ злыхъ, то возможно ли, чтобы Богъ поступилъ иначе и добраго сравнялъ съ порочнымъ? Когда же совершится освобожденіе отъ пороковъ? Если и нынѣ люди порочные, ожидая наказанія и находясь среди столь великаго страха,—страха 637
судей и законовъ,—не отстаютъ отъ худыхъ дѣлъ, то когда же они перестанутъ совершать злыя дѣла, если, по переселеніи въ вѣчность, избавятся отъ всякаго страха и не только не впадутъ въ геенну, но еще получатъ царство? Это ли будетъ человѣколюбіе, скажи мнѣ, чтобы усиливать порокъ, награждать зло, удостоивать одной чести цѣломудреннаго и распутнаго, вѣрнаго и нечестиваго, Павла и діавола? Но долго ли намъ вести 638
такія пустыя рѣчи? Умоляю же васъ, освободитесь отъ этого безумія, будьте благоразумными, внушите душѣ страхъ и трепетъ, чтобы она освободилась отъ будущей геенны и, проживши настоящую жизнь въ цѣломудріи, сподобилась будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVI.

637 **Вѣмъ и извѣщенъ есмь о Господѣ Іисусѣ, яко ничтоже скверно само собою, точію помышляющему что скверно быти, оному скверно есть (XIV, 14).**

1. Апостолъ, сдѣлавъ сперва запрещеніе осуждающему брата и отклонивъ его отъ укоризны, переходитъ потомъ къ наставленію и спокойно поучаетъ болѣе слабаго, показывая и здѣсь великую кротость. Онъ не говоритъ, что этотъ будетъ наказанъ, не употребляетъ даже и подобнаго выраженія, но чтобы лучше убѣдить его въ справедливости своихъ словъ, только освобождаетъ его отъ страха въ этомъ дѣлѣ и говоритъ: *вѣмъ и извѣщенъ есмь*. Потомъ, чтобы кто-нибудь изъ невѣрующихъ не могъ возразить: „какое намъ дѣло, что ты убѣжденъ? Вѣдь ты еще не настолько для насъ достовѣренъ, чтобы слова твои предпочесть самому закону и тому, что возвѣщено намъ свыше",—(апостолъ) и присовокупляетъ: *о Господѣ*, то есть, я узналъ это отъ Господа, Онъ самъ удостовѣрилъ меня въ этомъ, значитъ, это—приговоръ не человѣческаго ума. Но, скажи, въ чемъ ты увѣренъ и что знаешь? *Яко ничтоже скверно само собою*. Ничего нѣтъ нечистаго по природѣ, говоритъ (апостолъ), но дѣлается нечистымъ отъ воли употребляющаго, и для него одного бываетъ не чисто, а не для всѣхъ. *Помышляющему что скверно быти, оному скверно есть*. Почему же не исправить брата, чтобы онъ не считалъ чего-либо нечистымъ? Почему не употребить всей своей власти, чтобы отклонить отъ этой привычки и мнѣнія—признавать что-либо нечистымъ для всѣхъ. Боюсь, отвѣчаетъ (апостолъ), чтобы не огорчить его, почему и присовокупилъ: *аще же брашна ради братъ твой скорбитъ, уже не по любви ходиши* (ст. 15). Замѣчаешь ли, какъ онъ старается сперва привлечь его къ себѣ, показывая, что имѣетъ къ нему такое большое вниманіе, что, дабы не огорчить его, не рѣшается приказывать даже вполнѣ необходимаго, но лучше хочетъ привлечь его снисходительностію и любовію? И даже послѣ того, какъ разсѣялъ страхъ его, онъ привлекаетъ не силою и не принуждаетъ, но предоставляетъ ему полную волю, потому что не одно и тоже отклонить отъ употребленія пищи—и причинить огорченіе. Видишь ли, сколько онъ заботится о сохраненіи любови? Онъ зналъ, что любовь можетъ все исправить, а потому и требуетъ здѣсь отъ слушателей большаго. Не только не должно вамъ, говоритъ, доводить ихъ до крайности, но если бы требовалось сдѣлать снисхожденіе, то не должно и отъ этого отказываться. Потому присовокупляетъ: *не брашномъ твоимъ того*

погубляй, за него же Христосъ умре. Неужели ты не считаешь брата стоющимъ того, чтобы посредствомъ воздержанія отъ пищи пріобрѣсти его спасеніе? Христосъ не отказался сдѣлаться ради 638
него рабомъ и умереть, а ты для его спасенія не соглашаешься отказаться отъ пищи? Хотя Христосъ и зналъ, что не всѣмъ принесетъ пользу, однакоже исполнилъ Свое дѣло и умеръ за всѣхъ. А ты знаешь, что ради пищи губишь его въ болѣе важномъ и, не смотря на это, споришь, считаешь презрѣннымъ того, кого Христосъ призналъ достойнымъ столь великихъ почестей, безчестишь того, кого Онъ возлюбилъ? Христосъ умеръ не только за немощного въ вѣрѣ, но и за врага, а ты для немощного въ вѣрѣ не хочешь воздержаться отъ пищи? Христосъ совершилъ самое великое дѣло, а ты не хочешь сдѣлать малаго, хотя Онъ Владыка, а ты братъ. Этихъ словъ достаточно для того, чтобы вразумить и немощного въ вѣрѣ, такъ какъ видно, что онъ малодушенъ и, получивъ отъ Бога великіе дары, не жертвуетъ и малымъ. *Да не хулится убо ваше благое. Нѣсть бо царство Божіе брашно и питіе* (ст. 16, 19). Подъ именемъ *благого* (апостолъ) разумѣетъ здѣсь или вѣру, или надежду на будущія блага, или совершенное благочестіе. Ты не только не помогаешь брату, говоритъ (апостолъ), но заставляешь хулить самое ученіе, Божію благодать и даръ. Всякій разъ какъ ты споришь, упорствуешь, огорчаешь, раздираешь церковь, укоряешь брата и обходишься съ нимъ враждебно, тогда внѣшніе хулятъ, такъ что отъ этого не только ничего не исправляется, но и дѣлается все совершенно противоположное. Ваше благо состоитъ въ любви, въ братствѣ, въ единеніи, въ союзѣ, въ жизни мирной и кроткой. Потомъ (апостолъ) опять, чтобы освободить одного отъ страха, а другого отъ упорства, говоритъ: *нѣсть бо царство Божіе брашно и питіе.* Неужели этимъ мы можемъ достигнуть благополучія? И въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ тоже: *ниже аще ямы, избыточествуемъ: ниже аще не ямы, лишаемся* (1 Кор. VIII, 8). Здѣсь нѣтъ нужды въ доказательствѣ, а достаточно лишь сказать. Смыслъ же апостольскихъ словъ таковъ: если ты ѣшь, то неужели это введетъ тебя въ царство? Укоряя за то, что считаютъ это важнымъ, (апостолъ) упомянулъ не только о пищѣ, но и о питьѣ. Итакъ, чтоже вводитъ въ царство? *Правда, миръ, радость,* добродѣтельная жизнь, братскій миръ, которому противится эта любовь къ спорамъ, радость, происходящая отъ согласія и нарушаемая этою враждою. Это сказано апостоломъ не одной изъ двухъ сторонъ, но обѣимъ, такъ какъ благовременно было это сказать и тѣмъ и другимъ.

2. Потомъ, послѣ словъ: *миръ и радость* (а миръ и радость бываютъ и въ худыхъ дѣлахъ) присовокупилъ: *о Дусѣ Сватѣ.*

Погубившій брата нарушилъ миръ и радость и обидѣлъ его больше, чѣмъ похитившій у него деньги; и, что еще хуже, другой спасъ, а ты оскорбляешь и губишь. А какъ скоро пища и мнимое совершенство не вводятъ въ царство, а приводятъ къ тому, что противоположно этому царству, то какъ же не слѣдуетъ пренебрегать малымъ, подъ условіемъ утвердить великое! Потомъ, такъ какъ укоризны происходили частію и отъ тщеславія, (апостолъ) присовокупляетъ далѣе: *иже бо сими служитъ Христови, благоугоденъ есть Богови, и искусенъ человѣкомъ* (ст. 18). Всѣ будутъ удивляться въ тебѣ не столько совершенству, сколько миру и согласію. Послѣднимъ благомъ воспользуются отъ тебя всѣ, а первымъ никто. *Тѣмже убо миръ возлюбимъ, и яже къ созиданію другъ ко другу* (ст. 19). Первое (сохранять миръ) относится къ немощному, а послѣднее къ соблазняющему брата, чтобы онъ не поколебалъ его въ вѣрѣ. Впрочемъ, (апостолъ), сказавъ: *ко взаимному назиданію*, отнесъ эти слова вообще и къ тому и другому и показалъ, что безъ мира трудно назидать. *Не брашна ради разоряй дѣло Божіе* (ст. 20). Дѣломъ Божіимъ онъ называетъ спасеніе брата и усиливаетъ страхъ, доказывая, что соблазняющій брата дѣлаетъ противное тому, о чемъ заботится. Ты не только не созидаешь, какъ думаешь, говоритъ (апостолъ), но разрушаешь, и притомъ не человѣческое дѣло, а Божіе, не для чего-либо важнаго, но для маловажной вещи—*брашна ради*. Потомъ, чтобы такою снисходительностію не утвердить брата въ худомъ настроеніи, опять излагаетъ общее положеніе, говоря такъ: *вся бо чиста, но зло человѣку претыканіемъ ядущему*, то есть, съ лукавою совѣстью. Такимъ образомъ, если ты станешь принуждать и онъ станетъ ѣсть, то не будетъ въ этомъ никакой пользы, потому что не яства дѣлаютъ нечистымъ, а расположеніе, съ какимъ ѣшь. Потому, если ты не исправишь расположенія, то весь твой трудъ напрасенъ, даже вреденъ. Вѣдь не одно и тоже считать что-нибудь нечистымъ и, считая нечистымъ, ѣсть. Въ послѣднемъ случаѣ ты грѣшишь вдвое, усиливая своимъ упорствомъ предразсудокъ и заставляя ѣсть нечистое; такимъ образомъ, пока не убѣдишь, дотолѣ и не принуждай. *Добро не ясти мясъ, ниже пити вина, ни о немже братъ твой претыкается, или соблазняется, или изнемогаетъ* (ст. 21). Опять (апостолъ) требуетъ большаго,—не только не принуждать, но и оказывать снисхожденіе. Такъ и самъ онъ поступалъ нерѣдко, именно, когда обрѣзывалъ, стригъ волосы и приносилъ іудейскую жертву. Онъ не говоритъ слабому—дѣлай, но предлагаетъ это въ видѣ своего мнѣнія, чтобы слабѣйшаго не сдѣлать еще болѣе безпечнымъ. И чтоже онъ говоритъ? *Добро не ясти мясъ.* И что говорю

о мясѣ? Воздерживайся также отъ вина и отъ всего, что только служитъ соблазномъ, потому что ничто не можетъ быть наравнѣ со спасеніемъ брата. Это и показалъ Христосъ, Который сошелъ съ небесъ и все претерпѣлъ ради насъ, что ни претерпѣлъ. Смотри же, какъ (апостолъ) вразумляетъ и другого, говоря: *претыкается, или соблазняется, или изнемогаетъ.* Не говори мнѣ, продолжаетъ онъ, что это безразсудно, но помни, что это можетъ и исправить. Для тебя достаточное оправданіе въ томъ, что ты помогаешь немощному, а себѣ ни мало не вредишь, такъ какъ твой поступокъ—не лицемѣріе, но созиданіе и сбереженіе. Если ты будешь принуждать его, онъ станетъ противиться и осуждать тебя и еще болѣе утвердится въ томъ, чтобы воздерживаться отъ пищи; а если окажешь ему снисхожденіе, то онъ 640
сначала полюбитъ тебя, безъ всякаго подозрѣнія будетъ слушать твое ученіе и, наконецъ, ты получишь возможность незамѣтно посѣять въ немъ правые догматы. А если онъ сразу возненавидитъ тебя, то ты заградилъ входъ словамъ своимъ. Итакъ, не принуждай брата, но самъ воздерживайся для него, воздерживайся не какъ нечистаго, но потому, что онъ соблазняется и что больше полюбитъ тебя. Такъ повелѣлъ и Павелъ, говоря: *добро не ясти мясъ,* не потому, что это нечисто, но потому, что братъ соблазняется и изнемогаетъ. *Ты вѣру имаши? О себѣ самъ имѣй* (ст. 22). Здѣсь, кажется мнѣ, (апостолъ) слегка намекаетъ на тщеславіе болѣе совершеннаго въ вѣрѣ. Смыслъ словъ его таковъ: ты желаешь доказать мнѣ, что ты во всемъ исправенъ и совершенъ? Не доказывай мнѣ, а довольствуйся свидѣтельствомъ совѣсти.

3. О вѣрѣ же онъ говоритъ здѣсь не въ отношеніи къ догматамъ, а въ отношеніи къ предмету разсужденія. О ней сказано: *усты исповѣдуется во спасеніе* (Рим. x, 10); также: *иже отвержется мене предъ человѣки, отвергуся его и азъ* (Мѳ. x, 33). Она постыдитъ тебя, если ее не исповѣдуешь, она посрамитъ, если исповѣдуешь не во время. *Блаженъ не осуждаяй себе, о немже искушается.* Опять (апостолъ) наноситъ ударъ болѣе слабому и доказываетъ, что для него довольно одобренія совѣсти. Хотя другой человѣкъ и не увидитъ твоего блаженства, но ты въ самомъ себѣ будь доволенъ своимъ блаженствомъ. Такъ какъ (апостолъ) сказалъ: *о себѣ самъ имѣй,* то, чтобы ты не почелъ этого суда малымъ, утверждаетъ, что оно для тебя лучше вселенной. Хотя бы и всѣ обвиняли тебя, но если самъ ты не осуждаешь себя и совѣсть не укоряетъ, ты—блаженъ. Но (апостолъ) не о всѣхъ безъ исключенія далъ такой отзывъ. Много есть людей, которые сами себя не осуждаютъ, хотя и весьма грѣшны; эти несчастнѣе

всѣхъ; но пока (апостолъ) держится настоящаго своего предмета. *А сомняяйся, аще ясть, осуждается* (ст. 23). Опять (апостолъ) увѣщеваетъ щадить немощного. Какая польза ѣсть съ сомнѣніемъ и осуждать самого себя? Я одобряю того, кто ѣстъ и ѣстъ безъ всякаго сомнѣнія. Видишь ли, какъ онъ ведетъ его къ тому, чтобы не только ѣлъ, но и ѣлъ съ чистою совѣстію. Потомъ объясняетъ и причину, по которой осуждается, присовокупляя: *зане не отъ вѣры*, т. е. осуждается не потому, что нечисто, но потому, что не по вѣрѣ, такъ какъ не былъ увѣренъ, что это чисто, но думалъ, что прикоснулся къ нечистому. А этимъ (апостолъ) вразумляетъ ихъ, сколько они дѣлаютъ вреда, принуждая другихъ безъ предварительнаго убѣжденія прикасаться къ тому, что, по ихъ мнѣнію, не чисто, и желаетъ хотя этимъ удержать ихъ отъ укоризны по отношенію къ немощнымъ въ вѣрѣ. *Всяко же, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть.* Когда, говоритъ, онъ не убѣжденъ и не вѣритъ, что чисто, то какъ не согрѣшитъ ему? Все же это говорится Павломъ относительно настоящаго предмета, а не вообще. И смотри, сколько онъ заботится, чтобы не соблазнить другого? Выше говорилъ: *аще брашна ради братъ твой скорбитъ, уже не по любви ходиши.* А если не должно огорчать, тѣмъ болѣе не должно соблазнять. И еще: *не брашна ради разоряй дѣло Божіе.* Если разорить церковь и преступно и нечестиво, но тѣмъ болѣе разорить храмъ духовный,—вѣдь человѣкъ честнѣе церкви, такъ какъ Христосъ умеръ не за стѣны, а ради этихъ храмовъ.

641 Итакъ, будемъ съ своей стороны во всемъ осмотрительны и не подадимъ никому и малаго повода для нападенія на насъ. Настоящая жизнь есть поприще,—повсюду необходимо имѣть множество глазъ и не должно думать, что для защиты достаточно невѣдѣнія. Возможно, вполнѣ возможно и за невѣдѣніе подвергнуться наказанію, если оно непростительно. И іудеи были въ невѣдѣніи, однако же ихъ незнаніе не было поставлено имъ въ извиненіе. И язычники были въ невѣдѣніи, однако и они не имѣютъ оправданія. Когда не знаешь того, что знать невозможно, ты не подвергнешься обвиненію, а когда не знаешь того, что можно и удобно тебѣ знать, то подвергнешься крайнему наказанію. Вообще же, если мы не будемъ слишкомъ безпечны, но употребимъ всѣ зависящія отъ насъ самихъ мѣры, то Богъ подастъ намъ руку и въ неизвѣстномъ. Такъ Павелъ говорилъ филиппійцамъ: *аще ино что мыслите, и сіе Богъ вамъ открыетъ* (Филип. III, 15). Когда же мы не хотимъ совершить того, что въ нашей власти, то лишимся и этого содѣйствія. Такъ и случилось съ іудеями. *Сего ради въ притчахъ глаголю имъ*, говоритъ (Христосъ), *яко видяще не видятъ* (Мѳ. XIII, 13). Какъ же они видя

не видѣли? Видѣли изгоняемыхъ бѣсовъ, и говорили—*бѣса имать*. Видѣли воскрешаемыхъ мертвыхъ, и не поклонились Христу, но замышляли убить Его. Не таковъ былъ Корнилій. Такъ какъ онъ тщательно дѣлалъ все то, что отъ него зависѣло, то Богъ приложилъ ему и остальное. Потому, не спрашивай, почему Богъ презрѣлъ такого-то язычника, который былъ добръ и справедливъ. Во-первыхъ, людямъ невозможно знать, кто справедливъ, а это извѣстно Тому, Кто образовалъ сердце каждаго; потомъ, можно сказать и то, что этотъ язычникъ часто самъ не заботился и не старался. Но какъ, скажешь, онъ могъ дѣлать это, какъ скоро онъ человѣкъ простой? Обрати однакожъ вниманіе на этого простого и скромнаго человѣка и узнай его въ дѣлахъ житейскихъ, и ты увидишь, что онъ употребляетъ здѣсь большую старательность и что, если бы онъ захотѣлъ употребить ее и въ дѣлахъ духовныхъ, не оказался бы оплошнымъ, такъ какъ истина яснѣе солнца. Куда бы кто ни направился, удобно достигнетъ своего спасенія, если захочетъ быть внимательнымъ и не будетъ почитать спасенія дѣломъ маловажнымъ. Вѣдь не одною Палестиною ограничены такія дѣла, не заключены же они въ одномъ небольшомъ уголкѣ вселенной? Развѣ ты не слышалъ, что говоритъ пророкъ: *яко вси познаютъ Мя отъ мала даже и до великаго* (Іер. XXXI, 34)? Не видишь ли ты, что дѣйствительность доказала справедливость этого? Какое извиненіе могутъ имѣть тѣ, которые видятъ, что ученіе истины распространилось всюду, и не любопытствуютъ и не заботятся узнать его?

4. Ты скажешь: неужели ты требуешь этого отъ поселянина и варвара? Не только отъ поселянина и варвара, но и отъ того, кто оказался и грубѣе нынѣшнихъ варваровъ. Скажи мнѣ, почему въ дѣлахъ житейскихъ обижаемый умѣетъ возразить, подвергающійся насилію—противодѣйствовать и вообще всякій дѣлаетъ и совершаетъ все, чтобы не понести даже малаго вреда, а въ дѣлахъ духовныхъ не наблюдаютъ того же самаго благоразумія? Когда поклоняются камню, считаютъ его богомъ и совершаютъ празднества, тогда тратятъ деньги, обнаруживаютъ сильный страхъ и никто не бываетъ нерадивымъ по простотѣ своей, а когда надлежитъ взыскать истиннаго Бога, тогда мнѣ напоминаютъ о простотѣ и невѣдѣніи? Не такъ это, нѣтъ, но виною всему наша безпечность. Кого ты считаешь болѣе простыми и грубыми — современниковъ ли Авраама или своихъ? Очевидно, что современниковъ Авраама. Когда было легче найти благочестіе, тогда или теперь? Очевидно, что теперь. Теперь у всѣхъ уже возвѣ- 642
щается имя Божіе; пророки предрекли, событія уже совершились и язычество изобличено; а тогда большая часть людей оставалась

безъ ученія, грѣхъ владычествовалъ, законъ не былъ пѣстуномъ, не было ни пророковъ, ни чудесъ, ни ученія, ни множества знающихъ Бога и ничего другого тому подобнаго, но все лежало какъ бы въ глубокомъ мракѣ въ безлунную и зимнюю ночь. Но однако тотъ удивительный и благородный мужъ, при стольких затрудненіяхъ, познал Бога, упражнялся въ добродѣтели и возбудилъ многихъ къ такой же ревности, хотя при этомъ совсѣмъ не былъ опытенъ во внѣшней мудрости. Да и какъ и гдѣ онъ могъ научиться, если и самыхъ письменъ не было еще изобрѣтено? Но такъ какъ онъ все съ своей стороны сдѣлалъ, то и Богъ также не оставилъ его. Вѣдь нельзя же сказать, что Авраамъ заимствовалъ религію отъ отцевъ, такъ какъ отецъ его былъ идолопоклонникъ. Однако, происходя отъ такихъ предковъ, будучи варваромъ, будучи воспитанъ среди варваровъ и не имѣя никакого учителя въ благочестіи, онъ познал Бога и всѣхъ своихъ потомковъ, пользовавшихся и закономъ и пророками, превзошелъ настолько, что и невозможно выразить. А почему? Потому что не слишкомъ заботился о житейскомъ, но всего себя посвятилъ духовному. А Мелхиседекъ не жилъ ли въ тѣ же времена, и не просіялъ ли настолько, что былъ названъ священникомъ Божіимъ? Невозможно, совершенно невозможно, чтобы бодрствующій когда-либо былъ презрѣнъ. Пусть это не смущаетъ васъ, но зная, что все зависитъ отъ расположенія, будемъ внимательны къ самимъ себѣ, чтобы сдѣлаться намъ лучше. Не будемъ требовать отчета у Бога и испытывать, почему Онъ одного оставилъ, а другого призвалъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ уподобимся отверженному рабу, который съ излишнимъ любопытствомъ входилъ въ домашнія распоряженія господина. Жалкій и бѣдный человѣкъ! Тогда какъ тебѣ надобно позаботиться, какъ самому дать отчетъ и умилостивить Владыку, ты требуешь отчета въ томъ, въ чемъ самъ долженъ его дать, и оставляешь безъ вниманія то, за что понесешь наказаніе.

Итакъ,—спрашиваешь,—что мнѣ сказать язычнику? То, что выше сказано. И ты заботься не о томъ только, что сказать язычнику, но и о томъ, какъ исправить его. Когда онъ, изслѣдуя твою жизнь, соблазняется ею, то на основаніи этого и позаботься, что говорить тебѣ. Вѣдь за него, хотя онъ и соблазняется, ты не дашь отвѣта, а за жизнь свою, если она приноситъ вредъ, ты подвергаешься крайней опасности. Когда онъ увидитъ, что ты любомудрствуешь о царствѣ и тѣмъ не менѣе прилѣпленъ къ настоящему, боишься геенны и трепещешь здѣшнихъ бѣдствій, тогда и позаботься. Когда, видя это, онъ станетъ укорять тебя и скажетъ: если желаешь царства, то почему не презираешь настоя-

щаго; если ожидаешь страшнаго суда, то почему не презираешь здѣшнихъ бѣдствій; если надѣешься на безсмертіе, почему страшишься смерти?—когда онъ предложитъ тебѣ такіе вопросы, ты позаботься, что отвѣтить. Когда онъ увидитъ, что ты, ожидая неба, боишься потери денегъ, бываешь весьма радъ каждой малой монетѣ и за небольшую серебряную монету отдаешь душу, тогда и подумай: вѣдь это, это именно и соблазняетъ язычника. Такимъ образомъ, если ты заботишься о своемъ спасеніи, доказывай это не словами, а дѣлами. Изъ-за того вопроса никто 643
никогда не хулилъ Бога, а вслѣдствіе худой жизни вездѣ слышны безчисленныя хулы. Потому постарайся исправить ее, такъ какъ язычникъ опять спроситъ (тебя): откуда мнѣ знать, что Богъ заповѣдалъ возможное? Вотъ ты, будучи христіаниномъ по самому рожденію и воспитанный въ этой превосходной религіи, ничего такого не исполняешь. Что ты скажешь на это? Безъ сомнѣнія станешь отвѣчать: я укажу тебѣ другихъ, которые исполняютъ, именно: монаховъ, обитающихъ въ пустыняхъ. Но не стыдно ли тебѣ признавать себя христіаниномъ и отсылать къ другимъ, какъ будто ты не можешь доказать того, что и самъ совершаешь дѣла христіанскія? Язычникъ тотчасъ возразитъ тебѣ: какая мнѣ необходимость ходить по горамъ и изслѣдовать пустыни? Если невозможно философствовать, живя въ городахъ, то это можетъ быть большимъ обвиненіемъ христіанской жизни, для осуществленія которой необходимо оставить города и бѣжать въ пустыни. Но ты покажи мнѣ человѣка, который имѣетъ жену, дѣтей и домъ, и однакоже живетъ благочестиво. Что мы скажемъ на это? Не придется ли намъ потупить взоры свои и устыдиться? Не то заповѣдалъ Христосъ, но что же? *Да просвѣтится свѣтъ вашъ* 644
предъ человѣки (Мѳ. v, 16), не въ горахъ, не въ пустыняхъ, не въ непроходимыхъ дебряхъ. Говорю это не въ укоръ живущимъ въ горахъ, но изъ сожалѣнія къ обитателямъ городовъ, которые изгнали изъ нихъ добродѣтель. Потому умоляю васъ ввести пустынножительное любомудріе и въ города, чтобы они сдѣлались истинными городами, такъ какъ это можетъ исправить язычника и предохранить отъ безчисленныхъ соблазновъ. Такимъ образомъ, если хочешь и его освободить отъ соблазна, и себѣ пріобрѣсти безчисленныя награды, исправь жизнь свою и сдѣлай ее во всемъ блистательною, *яко да видятъ* люди *ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего иже на небесѣхъ* (Мѳ. v, 16). Тогда мы насладимся и будущею неизреченною и великою славою, получить которую да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXVII.

643 **Могущему же васъ утвердити по благовѣствованію моему, и проповѣданію Іисусъ Христову, по откровенію тайны, лѣты вѣчными умолчанныя, явлшіяся же нынѣ писаніи пророческими по повелѣнію вѣчнаго Бога, въ послушаніе вѣры, во всѣхъ языцѣхъ познавшіяся: единому Богу, Іисусомъ Христомъ, Ему слава во вѣки. Аминь.** (xiv, 24—26).

1. Это всегдашній обычай Павла — заключать увѣщаніе молитвами и славословіемъ, такъ какъ онъ зналъ, что это имѣетъ не малое значеніе, и привыкъ дѣлать это по сильной любви и благочестію. Чадолюбивому и боголюбивому учителю свойственно не только научать словомъ, но и молитвами испрашивать у Бога помощи учащимся. Такъ поступаетъ (Павелъ) и въ настоящемъ случаѣ. Вотъ послѣдовательность его рѣчи: *могущему же утвердити васъ слава во вѣки. Аминь.* Здѣсь онъ опять имѣетъ въ виду немощныхъ и къ нимъ обращаетъ слово. Когда онъ предлагалъ обличенія, то обличалъ и тѣхъ и другихъ, но теперь, когда молится, онъ приноситъ молитву за немощныхъ. Сказавъ же: *утвердити*, присовокупляетъ и то, какимъ именно образомъ: *по благовѣствованію моему*. Этимъ онъ даетъ знать, что они еще не были утверждены и, хотя стояли, но колебались. Потомъ, чтобы словамъ своимъ придать болѣе достовѣрности, присовокупилъ: *и проповѣданію Іисусъ Христову*, т. е. и самъ Христосъ объ этомъ проповѣдывалъ. А если самъ Христосъ такъ проповѣдалъ, то это не наше ученіе, а Его законы. (Апостолъ), любомудрствуя о самой проповѣди, показываетъ, что она есть даръ великаго благодѣянія и высокой цѣнности. И это онъ сперва раскрываетъ изъ указанія на лицо проповѣдавшее, потомъ изъ свойства истинъ проповѣданныхъ, такъ какъ проповѣдано было благовѣстіе, и, наконецъ, изъ того, что оно не было никому открыто прежде насъ. На это и указалъ (апостолъ), сказавъ: *по откровенію тайны*. Это—доказательство величайшей къ намъ любви, если Богъ сдѣлалъ насъ участниками тайнъ и никто не удостоенъ этого прежде насъ.
644 *Лѣты вѣчными умолчаянныя, явлшіяся же нынѣ.* Тайна эта предопредѣлена была издревле, но явилась нынѣ. Какъ же явилась? *Писаніи пророческими.* Здѣсь (апостолъ) опять освобождаетъ немощнаго отъ страха. Чего ты боишься? Чтобы не отступить отъ закона? Но этого хочетъ законъ, это предсказано имъ издревле.

А если ты допытываешься, почему тайна явилась нынѣ, то совершаешь не безопасное дѣло, когда любопытствуешь о тайнахъ

Божіихъ и требуешь отчета, такъ какъ не любопытствовать тебѣ должно о нихъ, но принимать ихъ съ любовью и радостью. Потому (апостолъ), желая остановить такое стремленіе ума, и присовокупилъ: *по повелѣнію вѣчнаго Бога, въ послушаніе вѣры.* Вѣра требуетъ послушанія, а не любопытства, и когда повелѣваетъ Богъ, должно повиноваться, а не изслѣдовать. Потомъ (апостолъ) новыми убѣжденіями подкрѣпляетъ ихъ вѣру, говоря: *во всѣхъ языцѣхъ познавшіяся.* Не ты одинъ, но цѣлая вселенная такъ вѣруетъ и научена тому не человѣкомъ, но Богомъ. Потому и присовокупилъ: *Іисусомъ Христомъ.* Тайна не только возвѣщена, но и утверждена: то и другое есть дѣло Іисуса Христа. А потому должно читать такъ: *могущему же васъ утвердити Іисусомъ Христомъ.* То и другое, какъ я сказалъ, (апостолъ) приписываетъ Ему, или лучше сказать, не только то и другое, но еще и славу, принадлежащую Отцу. Потому и сказалъ: *Ему же слава во вѣки. Аминь.* Славословитъ (апостолъ), опять выражая изумленіе предъ непостижимостію этихъ тайнъ. И нынѣ вѣдь, когда тайны открыты, невозможно постигнуть ихъ умомъ, но должно узнавать не иначе, какъ вѣрою. Прекрасно сказалъ (апостолъ): *единому премудрому Богу.* Когда размыслишь, какъ Богъ ввелъ (въ церковь) язычни- 645
ковъ и присоединилъ ихъ къ древнимъ праведникамъ, какъ Онъ спасъ отчаявшихся въ спасеніи, какъ недостойныхъ земли возвелъ на небо, отпадшихъ отъ настоящей жизни ввелъ въ высшую жизнь, безсмертную и неизреченную, попираемыхъ демонами сдѣлалъ равными ангеламъ, отверзъ рай, уничтожилъ все древнее зло и все это совершилъ въ непродолжительное время, путемъ удобнымъ и краткимъ, тогда уразумѣешь премудрость Божію, увидѣвъ, что язычники внезапно научились отъ Іисуса Христа тому, чего не знали ни ангелы, ни архангелы. Итакъ, въ то время, какъ тебѣ надлежало удивляться Его премудрости и прославлять Его, ты вращаешься около мелочей и все еще сидишь подъ тѣнью: это свойственно мало прославляющему (Христа). Кто не имѣетъ упованія на Него и не руководится вѣрою, тотъ не исповѣдуетъ величія дѣлъ Его. Но (Павелъ) самъ воздаетъ за нихъ славу Богу, побуждая этимъ и другихъ къ той же самой ревности. Когда же ты услышишь, что (апостолъ) говоритъ: *единому премудрому Богу*, не подумай, что это сказано къ униженію Сына. Если все то, въ чемъ обнаруживается премудрость Божія, совершено чрезъ Христа, безъ Него не совершено ни одного дѣла, то ясно, что Онъ и въ премудрости равенъ Отцу. Для чего же (апостолъ) сказалъ: *единому?* Для противопоставленія всей твари. Такимъ образомъ, воздавъ славословіе, онъ отъ молитвы опять переходитъ къ увѣщанію и, обращая рѣчь къ сильнѣйшимъ, говоритъ такъ: *должни*

есмы мы сильніи (xv, 1). Словомъ — *должни* показываетъ, что это дѣло обязанности, а не дара. Что же мы должны дѣлать? *Немощи немощныхъ носити.*

2. Видишь ли, какъ (апостолъ) возвысилъ ихъ похвалами, не только назвавши сильными, но и поставивъ на ряду съ собою? И не этимъ однимъ онъ привлекаетъ ихъ къ себѣ, но и указаніемъ на пользу ближняго, безъ всякаго обремененія для нихъ самихъ. Ты силенъ, говоритъ онъ, и, если снизойдешь, не потерпишь вреда, а ему, если ты не будешь сносить его немощей, угрожаетъ крайняя опасность. И не сказалъ—немощныхъ, но— *немощи немощныхъ*, привлекая и призывая ихъ къ милосердію, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *вы духовніи исправляйте таковаго* (Гал. vi, 1). Ты сталъ силенъ? Воздай должное Богу, содѣлавшему тебя сильнымъ. Но ты воздашь должное и въ томъ случаѣ, если уврачуешь немощь изнемогающаго. Вѣдь и мы были немощны, но по благодати сдѣлались сильными. Такъ должно поступать не только въ этомъ случаѣ, но и по отношенію къ немощнымъ другого рода. Такъ, если кто вспыльчивъ или гордъ, или имѣетъ какой-нибудь другой недостатокъ, ты переноси. Какъ же это возможно? Выслушай, что далѣе говоритъ (апостолъ). Сказавъ: *должни есмы носити*, онъ присовокупилъ: *и не себѣ угождати. Кійждо же васъ ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію* (ст. 2). Вотъ что говоритъ (апостолъ): ты силенъ? Пусть немощной получитъ доказательство твоей силы, пусть узнаетъ твою крѣпость: угождай ему. И не просто сказалъ (апостолъ): *да угождаетъ*, но присовокупилъ: *во благое*, и не только — во благое, но, — чтобы совершенный не сказалъ: вотъ я влеку его къ добру,—присовокупилъ—*къ созиданію.* Такимъ образомъ, если ты богатъ или облеченъ властію, не себѣ угождай, но бѣдному и имѣющему нужду, такъ какъ этимъ ты и пріобрѣтешь истинную славу, и принесешь
646 много пользы. Вѣдь житейская слава быстро улетаетъ, а слава духовная остается, если будешь это дѣлать къ созиданію. Потому (апостолъ) требуетъ этого отъ всѣхъ, — онъ не говоритъ — тотъ, или другой, но—*кійждо васъ*. Потомъ, такъ какъ онъ заповѣдалъ важное и повелѣлъ совершенному оставить свое совершенство, чтобы уврачевать немощи другого, то опять представляетъ въ примѣръ Христа, говоря: *ибо и Христосъ не Себѣ угоди* (ст. 3). Такъ всегда дѣлаетъ Павелъ. Когда онъ разсуждалъ о милостынѣ, то на Него указалъ, говоря: *вѣсте благодать Господа, яко васъ ради обнища, богатъ сый* (2 Кор. viii, 9); когда побуждалъ къ любви, убѣждалъ тѣмъ же примѣромъ, сказавъ: *якоже и Христосъ возлюби насъ* (Ефес. v, 25); когда совѣтовалъ переносить стыдъ и бѣдствія, прибѣгъ къ Нему же, говоря: *Иже вмѣсто предлежащія*

Ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ (Евр. XII, 2). Такъ и здѣсь показываетъ, что самъ Христосъ поступалъ такимъ образомъ и что пророкъ еще издревле предвозвѣстилъ это, почему и присовокупилъ: *якоже есть писано: поношенія поносящихъ Тебе нападоша на Мя.* Чтоже значитъ: *не Себѣ угоди?* Христу можно было не подвергаться злословію и не терпѣть того, что онъ перенесъ, если бы Онъ захотѣлъ имѣть въ виду только Себя, но однако Онъ не захотѣлъ, а заботясь о насъ, презрѣлъ Себя. Почему же не сказалъ (апостолъ): истощилъ Себя? Потому что Онъ хотѣлъ выразить не только то одно, что Сынъ Божій сдѣлался человѣкомъ, но и то, что Онъ подвергался поруганіямъ и пріобрѣлъ отъ многихъ худую славу, такъ какъ Его считали безсильнымъ. Ему говорили: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста* (Мѳ. XXVII, 40), и: *иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти* (Мѳ. XXVII, 42)? Поэтому (апостолъ) и упомянулъ объ обстоятельствѣ, которое ему было нужно для настоящаго предмета, но однако и здѣсь высказываетъ гораздо болѣе того, сколько обѣщалъ. Изъ его словъ видно, что былъ злословимъ не только Христосъ, но и Отецъ, такъ какъ сказано: *поношеніе поносящихъ Тебе нападоша на Мя.* А это, между прочимъ, означаетъ, что не случилось ничего новаго и необычайнаго. Тѣ самые, которые въ ветхомъ завѣтѣ научились поносить Бога, безумствовали и противъ Сына Его. А написано это для того, чтобы мы подражали (Сыну Божію). Здѣсь (апостолъ) поощряетъ вѣрующихъ и къ терпѣнію въ искушеніяхъ, говоря: *елика бо преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася: да терпѣніемъ и утѣшеніемъ Писаній упованіе имамы* (ст. 4), то есть, чтобы мы не отпали. Существуютъ различные подвиги—внутренніе и внѣшніе, чтобы мы, почерпая укрѣпленіе и утѣшеніе изъ Писаній, оказывали терпѣніе и чтобы, живя въ терпѣніи, пребывали въ надеждѣ. Изъ нихъ одно располагаетъ къ другому—терпѣніе къ надеждѣ, надежда къ терпѣнію, но оба они почерпаются изъ Писанія. Потомъ (апостолъ) опять обращаетъ рѣчь свою въ молитву, говоря: *Богъ же терпѣнія и утѣшенія да дастъ вамъ тожде мудрствовати другъ ко другу о Христѣ Іисусѣ* (ст. 5). Такъ какъ (апостолъ) предложилъ свое увѣщаніе, представилъ въ примѣръ дѣянія Христа и привелъ свидѣтельство изъ Писанія, то теперь показываетъ, что Богъ, давшій Писаніе, самъ даетъ и терпѣніе. Потому сказалъ: *Богъ же терпѣнія и утѣшенія да дастъ вамъ тожде мудрствовати другъ ко другу о Христѣ Іисусѣ.* Вѣдь это свойственно любви—думать о другомъ тоже, что всякій думаетъ и о себѣ.

3. Потомъ (апостолъ), показывая опять, что онъ требуетъ не 647
просто любви, присовокупилъ: *о Христѣ Іисусѣ;* такъ онъ и всегда

поступаетъ, потому что есть и другая любовь. Что же бываетъ плодомъ согласія? *Да единодушно*, говоритъ, *едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа* (ст. 6). Не сказалъ просто—одними устами, но повелѣлъ дѣлать это и одною душею. Видишь ли, какъ онъ объединилъ цѣлое тѣло и какъ заключилъ опять рѣчь славословіемъ? Этимъ онъ болѣе всего и убѣждаетъ къ единомыслію и согласію. Потомъ снова продолжаетъ тоже увѣщаніе, говоря: *тѣмже пріемлите другъ друга, якоже и Христосъ пріятъ васъ во славу Божію* (ст. 7). Еще примѣръ высокій и пріобрѣтеніе неизреченное: вѣдь Бога особенно и прославляетъ то, что мы находимся въ общей оградѣ. Такимъ образомъ, если ты, огорчаясь за себя, заводишь раздоръ съ братомъ твоимъ, то, подумавши, что, отложивъ гнѣвъ, прославишь своего Владыку, примирись съ братомъ, если не для него самого, то для славы Божіей, или лучше сказать, прежде всего для славы. Объ этомъ непрестанно повторялъ и Христосъ и, бесѣдуя съ Отцемъ, Онъ сказалъ: *о семъ да разумѣютъ вси, яко Ты Мя посладъ еси, аще едино будутъ* (Іоан. XVII, 21—23).

Итакъ, послѣдуемъ увѣщанію и будемъ въ единеніи другъ съ другомъ. Къ этому онъ побуждаетъ не однихъ немощныхъ, но всѣхъ вообще. Если бы кто-нибудь и захотѣлъ отдѣлиться отъ тебя, ты не отдѣляйся отъ него и не произноси этого холоднаго слова: „если онъ любитъ меня, то и я буду любить его; если не любитъ меня правый глазъ мой, и его вырву". Это сатанинскія рѣчи, достойныя мытарей и языческаго малодушія. А ты, какъ призванный къ высшей жизни и вписанный на небѣ, подчиненъ и высшимъ законамъ. Не говори этого, когда онъ не хочетъ любить тебя, но тогда именно и покажи большую любовь, чтобы этимъ привлечь его. Вѣдь и онъ членъ, а когда членъ по какой-нибудь необходимости отдѣляется отъ остальнаго тѣла, то мы употребляемъ всѣ мѣры, чтобы опять присоединить его и даже въ этомъ случаѣ оказываемъ больше заботливости. И награда бываетъ больше, когда ты привлечешь нерасположеннаго къ любви. Если Христосъ повелѣваетъ звать на обѣдъ людей, которые не могутъ воздать намъ тѣмъ же, чтобы мы могли получить за это большее воздаяніе (Лук. XIV, 12), то тѣмъ болѣе должно дѣлать это относительно любви. Если любимый тобою и самъ тебя любитъ, то онъ оказалъ уже тебѣ воздаяніе, а если любимый тобою не любитъ тебя, то онъ поставилъ за себя Бога должникомъ твоимъ. Сверхъ того, когда онъ любитъ тебя, то не много нужно тебѣ прилагать о немъ попеченія, а когда не любитъ, тогда особенно онъ и имѣетъ нужду въ твоей помощи. Потому не обращай причину попеченія въ причину нерадѣнія и не го-

вори: „такъ какъ онъ боленъ (вѣдь охлажденіе любви есть болѣзнь), то и я о немъ не забочусь“, но согрѣй охладѣвшаго. Но скажешь: что же мнѣ дѣлать, если онъ не согрѣвается? Продолжай дѣлать свое. Что дѣлать, если онъ еще больше станетъ отвращаться отъ меня? Этимъ онъ готовитъ тебѣ еще большее воздаяніе и тѣмъ больше обнаруживаетъ въ тебѣ подражателя Христа. Если и взаимная любовь есть признакъ учениковъ Христовыхъ: *о семъ разумѣютъ*, говоритъ Христосъ, *яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35), то представь себѣ, какъ важно любить ненавидящаго? Вѣдь и Владыка твой любилъ и призывалъ къ Себѣ ненавидѣвшихъ Его, и насколько слабѣе они были, настолько болѣе заботился о нихъ и громко проповѣдывалъ: *не требуютъ здравіи врача, но болящіи* (Мѳ. IX, 12). Онъ и удостоивалъ трапезы Своей мытарей и грѣшниковъ, и вообще, насколько великое безчестіе причинилъ Ему народъ іудейскій, настолько, или лучше сказать, гораздо больше Онъ оказывалъ ему попеченія и расположенія. И ты подражай Ему. Это дѣло не малое, но безъ него, какъ говоритъ Павелъ, и ве- 648
ликій мученикъ не можетъ угодить Богу. Не говори: такъ какъ онъ ненавидитъ меня, то и я не люблю его. Напротивъ, поэтому особенно ты и долженъ любить его. Да и вообще невозможно скоро возненавидѣть любящаго, но всякій, хотя бы онъ былъ и звѣремъ, будетъ любить любящихъ его; это дѣлаютъ и язычники и мытари, говоритъ Христосъ (Мѳ. V, 46. 47). А если всякій любитъ любящихъ, то кто не полюбитъ тѣхъ, которые любятъ, будучи ненавидимы? Итакъ, докажи это на себѣ, не переставай говорить: „сколько бы ты меня ни ненавидѣлъ, я не перестану любить тебя“,—и ты побѣдишь этимъ всякое упорство, смягчишь всякую душу. Вѣдь эта болѣзнь бываетъ или отъ воспламененія, или отъ охлажденія, но сила любви своею теплотою обыкновенно врачуетъ то и другое. Развѣ не случалось тебѣ видѣть, что преданные позорной любви терпятъ отъ блудныхъ женщинъ побои, оплеванія, ругательства и тысячи непріятностей? Но что же, всѣ эти оскорбленія могутъ ли охладить любовь ихъ? Нисколько, но они еще болѣе разжигаютъ ее. И хотя женщины, оскорбляющія ихъ, безчестны и по своей непотребной жизни, и по своему низкому и безвѣстному происхожденію, а оскорбляемые часто могутъ указать и знаменитыхъ предковъ и разсказать объ иной извѣстности, однакоже и это не ослабляетъ въ нихъ любви, не отвращаетъ отъ любимой женщины.

4. Какъ же не стыдно намъ, если въ любви, угодной Богу, мы не можемъ показать такой силы, какую имѣетъ любовь діавольская и демонская? Какъ ты не понимаешь, что любовь, угод-

ная Богу, есть сильнѣйшее оружіе противъ діавола? Или ты не замѣчаешь, что злой демонъ стоитъ на стражѣ, привлекаетъ къ себѣ ненавидимаго тобою и хочетъ сдѣлать его своимъ членомъ? А ты бѣжишь мимо и теряешь награду за борьбу? Вѣдь наградою служитъ братъ твой, лежащій между тобою и врагомъ твоимъ; если ты побѣдишь, то получишь вѣнецъ, а если будешь безпеченъ, то удалишься неувѣнчаннымъ. Перестань же изрекать эти сатанинскія слова: „если братъ мой ненавидитъ меня, я не хочу и видѣть его". Ничего нѣтъ постыднѣе такой рѣчи; хотя многіе считаютъ это знакомъ благородной души, но нѣтъ ничего неблагороднѣе, безумнѣе, жестокосерднѣе этого. Потому я особенно и сокрушаюсь, что многіе считаютъ злыя дѣла добродѣтелью и что пренебрегать и презирать другихъ кажется имъ дѣломъ прекраснымъ и честнымъ. Это и есть самая опасная сѣть діавола, когда порокъ облекается доброю славою,—потому онъ и неистребимъ. Я самъ слышалъ, какъ многіе ставятъ себѣ въ честь то, что они не подошли къ человѣку, который отъ нихъ отворотился, хотя твой Владыка и этимъ хвалится. Сколько разъ оплевывали Его люди? Сколько разъ отворачивались отъ Него? Но Онъ не перестаетъ приходить къ нимъ. Итакъ, не говори: я не могу подойти къ людямъ, меня ненавидящимъ, но скажи: я не могу оплевать тѣхъ, которые оплевываютъ меня. Это будетъ рѣчь ученика Христова, а первое—рѣчь діавольская. Это сдѣлало многихъ знаменитыми и славными, а первое—презрѣнными и смѣшными. Потому мы и удивляемся Моисею, что, когда самъ Богъ говорилъ: *остави Мя, и возъярився гнѣвомъ на ня потреблю ихъ* (Исх. xxxii, 10, 32), онъ не могъ презрѣть тѣхъ, которые многократно отвращались отъ него, но сказалъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави, аще же ни, изглади мя*. Такъ Моисей былъ другомъ и подражателемъ Богу. Не будемъ хвалиться тѣмъ, чего должно стыдиться, не будемъ произносить словъ, употребляемыхъ на рынкѣ людьми
649 порочными: „плевать мнѣ на всѣхъ". А если и другой кто-нибудь скажетъ это, обличимъ его и заставимъ молчать, какъ человѣка, который хвалится тѣмъ, чего надлежало бы стыдиться. И скажи мнѣ: что говоришь ты? Ты презираешь человѣка вѣрующаго, а Христосъ не презиралъ его, когда онъ былъ и невѣрующимъ. Что я говорю—не презиралъ? Христосъ возлюбилъ его такъ, что и умеръ за него, хотя онъ былъ врагомъ Его и покрытъ безобразіемъ. Христосъ много возлюбилъ его и въ такомъ состояніи, а ты презираешь его теперь, когда онъ сталъ прекрасенъ и достоинъ удивленія, сдѣлался членомъ Христовымъ, тѣломъ Вла-
650 дычнимъ. Какъ же ты не думаешь о томъ, что произносишь, какъ не чувствуешь, на что рѣшаешься? Христосъ ему глава,

трапеза, одежда, жизнь, свѣтъ, женихъ, Христосъ для него все, а ты смѣешь говорить: плюю на него, и не на него одного, но на всѣхъ ему подобныхъ. Удержись, человѣкъ, отложи свое безуміе, узнай своего брата, пойми, что такія слова приличны человѣку безумному или помѣшанному, и скажи совершенно обратное: хотя бы онъ и тысячу разъ на меня плюнулъ, я не отойду отъ него. Такимъ образомъ ты и брата пріобрѣтешь, и будешь жить во славу Божію, и сдѣлаешься причастникомъ будущихъ благъ, достигнуть которыхъ да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ и проч.

БЕСѢДА XXVIII.

Глаголю же Христа Іисуса служителя бывша обрѣзанія по истинѣ Божіей, во еже утвердити обѣтованія отцевъ (xv, 8). 649

1. Апостолъ, держась прежняго предмета рѣчи, опять бесѣдуетъ о попеченіи Христа и показываетъ, сколько Онъ сдѣлалъ для насъ и какъ Онъ не Себѣ угодилъ. А вмѣстѣ съ этимъ доказываетъ также, что вѣрующіе изъ язычниковъ — наибольшіе должники Богу. Если же они наиболѣе одолжены, то ихъ обязанность—носить немощныхъ изъ іудеевъ. Такъ какъ (апостолъ) нанесъ послѣднимъ сильный ударъ, то чтобы отъ этого не возгордились первые, онъ опять смиряетъ ихъ высокомѣріе, доказывая, что іудеямъ блага дарованы по обѣтованію отцамъ ихъ, а призваннымъ изъ язычниковъ—по одному милосердію и человѣколюбію, почему онъ и говоритъ: *а языкомъ по милости, прославити Бога*. Но, чтобы сказанное было для тебя яснѣе, снова выслушай слова (апостола), и тогда поймешь, что значитъ выраженіе: Христосъ, ради истины Божіей, сдѣлался служителемъ обрѣзанія, чтобы исполнить обѣщанное отцамъ. Итакъ, что же здѣсь разумѣется? Обѣтованіе, данное Аврааму, заключалось въ слѣдующихъ словахъ: *тебѣ дамъ землю и сѣмени твоему* (Быт. XIII, 15), и: *о сѣмени твоемъ благословятся вси языцы* (XXII, 18). Но послѣ того всѣ, происшедшіе отъ сѣмени Авраама, сдѣлались достойными наказанія, такъ какъ нарушеніе закона навлекло на нихъ гнѣвъ и, наконецъ, лишило обѣтованія, даннаго отцамъ. Поэтому Сынъ, пришедши на землю, содѣйствовалъ Отцу оправдать эти обѣтованія и привести ихъ въ исполненіе. Когда Онъ исполнилъ весь законъ, а въ немъ и обрѣзаніе, и когда и этимъ исполненіемъ закона, а также посредствомъ креста освободилъ людей отъ проклятія за преступленіе закона, то не допустилъ обѣтова-

ніе до паденія. Итакъ, когда (апостолъ) называетъ (Іисуса Христа) служителемъ обрѣзанія, то разумѣетъ, что Онъ Своимъ пришествіемъ, исполненіемъ всего закона, принятіемъ обрѣзанія и тѣмъ, что сдѣлался сѣменемъ Авраамовымъ, снялъ клятву, избавилъ людей отъ гнѣва Божія и, наконецъ, тѣхъ, которые готовы были принять обѣтованіе, сдѣлалъ способными къ этому и однажды навсегда освободилъ ихъ отъ преткновеній. А чтобы обвиняемые не сказали: какъ же самъ Христосъ былъ обрѣзанъ и соблюдалъ весь законъ? — (апостолъ) выводитъ отсюда противоположное заключеніе. Христосъ исполнилъ это, говоритъ онъ, не для того, чтобы законъ оставался въ силѣ, но чтобы отмѣнить его, избавить тебя отъ лежащей на тебѣ клятвы и совершенно освободить отъ владычества закона. Такъ какъ ты преступилъ законъ, то
650 Христосъ исполнилъ его не для того, чтобы и ты исполнялъ, но чтобы утвердить за тобою обѣтованія, данныя отцамъ, которыя погубилъ у тебя законъ, показавъ, что ты нарушилъ его и недостоинъ наслѣдія. Такимъ образомъ и ты спасенъ по благодати, потому что прежде былъ отверженъ. Итакъ, не возражай, не упорствуй, придерживаясь безвременно закона, который лишилъ бы тебя и обѣтованія, если бы Христосъ не пострадалъ за тебя такъ много. Пострадалъ же Онъ столько не потому, чтобы ты былъ достоинъ спасенія, но чтобы показать вѣрность Божію. Потомъ, чтобы призванный изъ язычниковъ этимъ не возгордился, (апостолъ) продолжаетъ: *а языкомъ по милости, прославити Бога* (ст. 9). Это значитъ: іудеи, хотя и недостойны были, однакоже имѣли обѣтованія, а ты и этого не имѣешь, но спасенъ по одному человѣколюбію. Правда, и іудеямъ, если бы не пришелъ Христосъ, обѣтованія не дали бы никакого преимущества, но (апостолъ) для того упоминаетъ объ обѣтованіяхъ, чтобъ язычники смирились и не возставали на немощныхъ. О язычникахъ онъ и говоритъ, что они спаслись только по милости, а потому и обязаны особенно славить Бога. А слава Богу воздается тогда, когда мы живемъ въ союзѣ и единеніи, когда единодушно благословляемъ Бога, переносимъ того, кто немощнѣе насъ, и не презираемъ отторгающагося члена. Послѣ этого (апостолъ) приводитъ свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что вѣрующіе изъ іудеевъ должны быть въ единеніи съ призванными изъ язычниковъ и говоритъ: *якоже есть писано: сего ради исповѣмся Тебѣ во языцѣхъ, Господи, и имени Твоему пою. Возвеселитеся языцы съ людми Его. Хвалите Господа вси языцы, похвалите Его вси людіе. Будетъ корень Іессеовъ, и востаяй владѣти надъ языки, на Того языцы уповаютъ* (ст. 9—12). Все это приводитъ (апостолъ) въ доказательство того, что должно всѣмъ соединиться и славить Бога, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сми-

ряетъ іудея, чтобы онъ не превозносился предъ язычникомъ, потому что всѣ пророки призываютъ и язычниковъ, и чтобы внушить скромность и язычнику, показывая, что онъ больше воспользовался благодатью.

2. Потомъ опять заключаетъ рѣчь молитвою, говоря: *Богъ же упованія да исполнитъ васъ всякія радости и мира въ вѣрѣ, избыточествовати вамъ во упованіи, силою Духа Святаго* (ст. 13), то есть, чтобы вамъ освободиться отъ взаимнаго огорченія и не пасть когда-нибудь подъ вліяніемъ искушеній; а это случится тогда, когда вы будете избыточествовать въ упованіи. Упованіе же есть причина всѣхъ благъ. Оно подается отъ Святаго Духа, но не 651
просто отъ Духа, а если привнесемъ нѣчто и съ своей стороны. Потому (апостолъ) сказалъ: *въ вѣрѣ*. Вы можете исполниться радости въ томъ случаѣ, если будете вѣровать, если будете надѣяться. Но онъ не сказалъ—если будете надѣяться, а—когда будете избыточествовать надеждою, такъ чтобы не только найти для себя утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, но и радоваться отъ богатства вѣры и надежды. Этимъ вы и Духа Святаго привлечете и, когда Онъ придетъ, сохраните всѣ блага. Какъ жизнь наша поддерживается пищею, а пища создаетъ жизнь, такъ, если имѣемъ добрыя дѣла, будемъ имѣть и Духа, а если имѣемъ Духа, будемъ имѣть и добрыя дѣла. Равно и наоборотъ, если не имѣемъ добрыхъ дѣлъ, Духъ улетаетъ отъ насъ, а если лишимся Духа, то будемъ хромы и на добрыя дѣла. Какъ скоро отступитъ отъ насъ Святый Духъ, приходитъ къ намъ духъ нечистый, какъ это и случилось съ Сауломъ. И что изъ того, если онъ не мучитъ насъ, какъ Саула? Онъ давитъ насъ иначе—худыми дѣлами. Потому намъ нужны гусли Давида, чтобы для души воспѣвать божественныя пѣсни, то есть и пѣсни Давидовы, и пѣсни добрыхъ дѣлъ. А если будемъ дѣлать только одно изъ двухъ и, слушая пѣснопѣнія, будемъ противоборствовать Псалмопѣвцу своими дѣлами, какъ нѣкогда Саулъ, то самое врачество обратится намъ въ осужденіе и безуміе сдѣлается болѣе опаснымъ. Прежде чѣмъ мы стали слушать, злой демонъ боится, чтобы мы, послушавши пѣснопѣнія, не исправились, а когда, выслушавъ, остаемся все тѣми же, это освобождаетъ его отъ страха. Потому воспоемъ пѣснь дѣлъ, чтобы изгнать изъ себя грѣхъ, который лютѣе демона. Вѣдь демонъ не всецѣло лишаетъ насъ неба, но иногда человѣку бдительному даже содѣйствуетъ, а грѣхъ рѣшительно отлучаетъ отъ небеснаго царства. Грѣхъ есть добровольный демонъ, самовольное безуміе, а потому никто о немъ не жалѣетъ, никто его не извиняетъ. Итакъ, для души, лежащей во грѣхѣ, будемъ воспѣвать пѣсни, заимствуя ихъ какъ изъ остальнаго Писанія, такъ и у блажен-

наго Давида. Пусть поютъ уста, пусть поучается умъ. И одно пѣснопѣніе уже не маловажно. Если мы обучимъ пѣснопѣнію языкъ, то, когда языкъ будетъ пѣть, душа устыдится желать противнаго. И не это одно благо мы пріобрѣтемъ, но и то, что узнаемъ многое для насъ полезное. Въ псалмахъ говорится тебѣ и о настоящемъ и о будущемъ, и о видимомъ и о невидимой твари. Если хочешь знать о небѣ, всегда ли оно пребудетъ такимъ, какъ теперь, или измѣнится, Давидъ ясно тебѣ отвѣтитъ, говоря: *небеса яко риза обетшаютъ, и яко одежду свіеши я, и измѣнятся* (Псал. ci, 27). А если хочешь слышать о видѣ небесъ, слушай опять: *простираяй небо яко кожу* (Псал. ciii, 2). Или угодно тебѣ знать больше о поверхности небесъ, онъ же опять скажетъ тебѣ: *покрываяй водами превыспренняя небесъ* (Псал. ciii, 3). И на этомъ онъ не останавливается, но описываетъ тебѣ широту и высоту небесъ и показываетъ, что они равномѣрны. *Елико отстоятъ востоцы отъ западъ*, говоритъ онъ, *удалилъ есть отъ насъ беззаконія наша. По высотѣ небеснѣй отъ земли утвердилъ есть Господь милость Свою на боящихся Его* (Псал. cii, 11, 12). Любопытствуешь ли ты объ основаніяхъ земли, и это не будетъ скрыто
652 отъ тебя, но послушай, какъ Давидъ воспѣваетъ и говоритъ: *на моряхъ основалъ ю есть* (Псал. xxiii, 2). Желаешь ли знать, отчего бываютъ землетрясенія, онъ освободитъ тебя отъ всякаго недоумѣнія, говоря такъ: *призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Псал. ciii, 32). Спросишь ли о пользѣ ночи, и объ этомъ узнаешь, услышавши отъ него, что *въ ней прейдутъ вси звѣріе дубравніи* (ст. 20). Спросишь, къ чему полезны горы, онъ отвѣтитъ тебѣ: *горы высокія еленемъ* (ст. 18). Для чего камни, скажетъ тебѣ: *камень прибѣжище хирогрилламъ и заяцемъ* (ст. 18). Для чего безплодныя дерева,—знай: *тамо птицы вогнѣздятся* (ст. 17). Для чего источники въ пустыняхъ? *На тыхъ птицы небесныя привитаютъ и звѣри сельныя* (ст. 11, 12). Для чего вино? Не для утоленія только жажды,—на это достаточно и воды,—но для того, чтобы веселить и утѣшать тебя: *вино веселитъ сердце человѣка* (ст. 15). Понявши это, будешь знать, въ какой мѣрѣ должно употреблять вино. Чѣмъ питаются птицы и полевые звѣри? Слушай, что говоритъ Давидъ: *вся къ Тебѣ чаютъ, дати пищу имъ во благо время* (ст. 27). Или спросишь: для чего рабочій скотъ,—онъ отвѣчаетъ, что и это для тебя. *Прозябаяй траву скотомъ*, говоритъ онъ, *и злакъ на службу человѣкомъ* (ст. 14). Какая польза тебѣ отъ луны? Слушай, что говоритъ Давидъ: *сотворилъ есть луну во времена* (ст. 19). И что Богъ сотворилъ все существующее, видимое и невидимое, и этому онъ ясно научилъ, говоря: *Той рече, и быша; Той повелѣ, и создашася* (Псал. cxlviii, 5). И что бу-

детъ освобожденіе отъ смерти, онъ же научаетъ тебя этому, говоря: *Богъ избавитъ душу мою отъ руки адовы, егда пріемлетъ мя* (Псал. XLVIII, 16). Откуда произошло наше тѣло? И объ этомъ говоритъ: *помяну, яко персть есмы* (Псал. CII, 14). Куда пойдетъ оно опять? *Въ персть свою возвратится* (Псал. CIII, 29). Для чего сотворено все? Для тебя. *Славою и честію вѣнчалъ еси его, и поставилъ еси его надъ дѣлы руку Твоею* (Псал. VIII, 6, 7). Есть ли у людей что-нибудь общее съ ангелами? И на это отвѣчаетъ, воспѣвая такъ: *умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ* (ст. 6). О любви Божіей говоритъ: *якоже щедритъ отецъ сыны, ущедри Господь боящихся Его* (Псал. CII, 13). И о томъ, что ожидаетъ насъ послѣ жизни, о безмятежной той участи онъ учитъ: *обратися душе моя въ покой твой* (Псал. CXIV, 6). Для чего такъ обширно небо? И на это скажетъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. XVIII, 1). Для чего бываетъ ночь и день? Не для того только, чтобы свѣтить и давать покой, но и назидать: *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ* (ст. 3). Какъ море облегаетъ землю? *Бездна, яко риза одѣяніе ея* (Псал. CIV, 6). Такъ стоитъ въ еврейскомъ текстѣ.

3. А начавши съ того, что доселѣ было сказано, вы узнаете и о всемъ прочемъ, о Христѣ и воскресеніи, о будущей жизни и упокоеніи, о мученіи, о нравоученіи и о всѣхъ догматахъ, и такимъ образомъ найдете, что книга Давида исполнена безчисленныхъ благъ. Если ты впадешь въ искушенія, то почерпнешь въ ней большое для себя утѣшеніе; если впадешь въ грѣхи, то найдешь въ ней множество врачеваній; если впадешь въ нищету или въ скорбь, то увидишь въ ней для себя многія пристани. Если ты справедливъ, то найдешь въ ней твердую опору; если ты грѣшенъ, то въ ней же почерпнешь великое утѣ- 653
шеніе. А если ты праведенъ и терпишь бѣдствія, то послушай, что говоритъ Давидъ: *тебе ради умерщвляемся весь день, вмѣнихомся яко овцы заколенія. Сія вся пріидоша на ны, и не забыхомъ Тебе* (Псал. XLIII, 23, 18). Если добрыя дѣла твои побуждаютъ тебя къ надменности, выслушай сказанное Псалмопѣвцемъ: *не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живый* (Псал. CXLII), и немедленно смиришься. Если ты грѣшникъ и отчаиваешься въ самомъ себѣ, повторяй часто воспѣваемое имъ: *днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, яко въ прогнѣваніи* (Псал. XCIV, 8), и вскорѣ возстанешь. Если ты носишь на головѣ своей вѣнецъ и много о себѣ думаешь, научись отъ него, что *не спасается царь многою силою, и исполинъ не спасется множествомъ крѣпости своея* (Псал. XXXII, 16), и тогда сдѣлаешься скромнѣе. Если ты богатъ и сла-

венъ, слушай опять воспѣваемое имъ: *горе вамъ, надѣющіися на силу свою, и о множествѣ богатства своего хвалящіися* (Псал. XLVIII, 7): и: *человѣкъ, яко трава дніе его, яко цвѣтъ сельный тако оцвѣтетъ* (Псал. CII, 15); и: *не снидетъ съ нимъ слава его* (Псал. XLVIII, 18),—и не станешь ничего земного считать великимъ. Если такъ малоцѣнно то, что всего блистательнѣе, слава и могущество, то чтоже другое на землѣ можетъ быть достойно твоего вниманія? Но ты пребываешь въ уныніи? Выслушай, что говоритъ Давидъ: *вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на*
654 *Бога, яко исповѣмся Ему* (Псал. XLI, 6). Но ты видишь благоденствующихъ не по достоинству? Скажи: *не ревнуй лукавнующимъ, зане яко трава скоро изсшутъ, и яко зеліе злака скоро отпадутъ* (Псал. XXXVI, 1, 2). Ты видишь, что и праведные и грѣшные наказываются? Узнай, что не одна и та же причина этого: *многи раны грѣшному* (Псал. XXXI, 10), говоритъ Давидъ. Говоря же о праведныхъ, онъ не упомянулъ о ранахъ, но: *многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь* (Псал. XXXIII; 20): и еще: *смерть грѣшниковъ люта* (ст. 22); и: *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. CXV, 26). Повторяй это постоянно и получай отсюда наставленіе, такъ какъ каждое изъ этихъ словъ заключаетъ въ себѣ неизмѣримое море мыслей. Мы только слегка коснулись этого, а если захотите со вниманіемъ изслѣдовать сказанное, увидите великое богатство. Но и сказаннаго уже достаточно для насъ, чтобы освободиться отъ обдержащихъ насъ страстей. Если Давидъ запрещаетъ тебѣ завидовать, скорбѣть и унывать безвременно, учитъ презирать богатство, бѣдствія, нищету и самую жизнь вмѣнять ни во что, то этимъ избавляетъ тебя отъ всѣхъ страстей. Возблагодаримъ же за это Бога и воспользуемся сокровищемъ такъ, чтобы чрезъ терпѣніе и утѣшеніе, почерпаемыя въ Писаніи, сохранить намъ надежду и насладиться будущими благами, достигнуть которыхъ да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ и проч.

БЕСѢДА XXIX.

653 **Извѣщенъ же есмь, братія моя, и самъ азъ о васъ, яко и сами вы полни есте благости, исполнени всякаго разума, могуще и иныя научити (XV, 14).**

1. Апостолъ выше сказалъ: *понеже есмь азъ языкомъ апостолъ, службу мою прославляю* (Рим. XI, 13), также: *да не како и тебе не пощадитъ* (Рим. XI, 21), и еще: *не бывайте мудри о себѣ* (Рим. XII, 16), и потомъ: *ты же почто осуждаеши брата твоего* (Рим.

XIV, 10), опять: *ты кто еси, судяй чуждему рабу* (Рим. XIV, 4), а также употреблялъ много другихъ подобныхъ выраженій. И послѣ того какъ онъ высказалъ въ своемъ посланіи много жесткаго, въ заключеніе онъ врачуетъ (нанесенныя раны) и чѣмъ началъ, тѣмъ и оканчиваетъ. Въ началѣ сказалъ онъ: *благодарю Бога моего о всѣхъ васъ, яко вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ* (Рим. I, 8). Здѣсь же говоритъ: *извѣщенъ есмь, яко вы полни есте благости, могуще и иныхъ научити,* и въ этомъ мѣстѣ сказано даже больше, нежели въ первомъ. Онъ не сказалъ—услышалъ я, но—*извѣщенъ есмь,* т. е. я не имѣю нужды узнавать отъ другого, но я самъ увѣренъ въ васъ, я самъ, который васъ обличалъ и обвинялъ. *Яко полни есте благости:* это относится къ недавно сдѣланному увѣщанію. (Апостолъ) какъ бы такъ говоритъ: я и не считалъ васъ жестокими и братоненавистными, когда совѣтовалъ принимать другъ друга, не оставлять и не разорять дѣла Божія,— я знаю, что вы полны благости. Благостію же, какъ думаю, именуетъ онъ здѣсь полноту добродѣтели. И не сказалъ — имѣете благость, но—*полни есте благости.* Съ такою же выразительностью и продолжаетъ: *исполнени всякаго разума.* Что было бы пользы, если бы они, при своей любви, не знали, какъ должно обращаться съ любимыми? Потому (апостолъ) присовокупилъ: *исполнени всякаго разума, могуще и иныя научити,* не только научиться, но и научить другихъ. *Дерзѣе же писахъ вамъ, отъ части* (ст. 15). Обрати вниманіе на смиренномудріе Павла и на его мудрость, какъ онъ, нанесши передъ этимъ глубокую рану, когда уже достигъ, чего хотѣлъ, пользуется опять многимъ врачеваніемъ. Довольно уже было для ихъ успокоенія, кромѣ сказаннаго, одного 654
того, что (апостолъ) сознается въ излишней смѣлости. То же дѣлаетъ онъ и въ посланіи къ Евреемъ, говоря такъ: *надѣемся же о васъ, возлюбленніи, лучшихъ и придержащихся спасенія, аще и тако глаголемъ* (Евр. VI, 9). Подобно и къ Коринѳянамъ пишетъ: *хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ преданія, тако держите* (I Кор. II, 2). И въ посланіи къ Галатамъ говоритъ: *азъ надѣюся о васъ, яко ничтоже ино разумѣти будете* (Гал. V, 10). И во всѣхъ посланіяхъ Павла повсюду можно встрѣтить ту же мысль, но здѣсь преимущественно, потому что римляне пользовались большимъ уваженіемъ и надменный ихъ умъ надлежало смирять не только строгими, но и кроткими мѣрами. Апостолъ и употребляетъ тѣ и другія. Поэтому и здѣсь онъ говоритъ имъ: *дерзѣе писахъ вамъ,* но не довольствуясь этимъ, присовокупилъ: *отъ части,* то есть слегка. Но и на этомъ не останавливается, а что говоритъ? *Яко воспоминая вамъ.* И не сказалъ онъ—уча васъ, или — напоминая вамъ, но — *воспоминая,* то есть, немного напо-

миная. Замѣчаешь ли, какъ конецъ соотвѣтствуетъ началу? Какъ въ началѣ посланія (апостолъ) говорилъ: *вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ* (Рим. I, 8), такъ и въ концѣ прибавилъ: *ваше бо послушаніе ко всѣмъ достиже* (Рим. XVI, 19). И какъ въ началѣ сказалъ: *желаю бо видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное ко утвержденію вашему, сіе же есть, соутѣшитися* (Рим. I, 11, 12), такъ и здѣсь выразился: *яко воспоминая*. И здѣсь и тамъ онъ сходитъ съ учительской каѳедры и бесѣдуетъ съ ними, какъ съ братьями, какъ съ друзьями и какъ съ равными. А это главное достоинство учителя — дѣлать рѣчь свою разнообразною для
655 пользы слушателей. Замѣть же, какъ (апостолъ) сказавъ: *дерзнѣе писахъ вамъ*, притомъ: *отъ части*, и еще: *яко воспоминая вамъ*, не ограничился этимъ, но, выражаясь еще скромнѣе, присовокупилъ: *за благодать данную ми отъ Бога*, какъ и въ началѣ онъ сказалъ: *долженъ есмь* (Рим. I, 14), какъ бы говоря: не самъ я восхитилъ себѣ честь, не самъ первый взялся за дѣло, но Богъ повелѣлъ мнѣ это и притомъ по благодати, а не потому, что нашелъ меня достойнымъ для этого. Итакъ, не огорчайтесь: не я возстаю, а Богъ повелѣваетъ. И какъ тамъ (апостолъ) сказалъ: *Ему же служу во благовѣствованіи Сына Его*, такъ и здѣсь, сказавъ: *за благодать данную ми отъ Бога*, присовокупилъ: *во еже быти ми служителю Іисусъ Христову во языцѣхъ, священнодѣйствующу благовѣствованіе Божіе* (ст. 16). Послѣ достаточнаго доказательства сказаннаго, (апостолъ) обращаетъ рѣчь къ важнѣйшему достоинству (своего апостольства) и называетъ его не просто служеніемъ, какъ въ началѣ, но священнымъ служеніемъ и священнодѣйствіемъ. Проповѣдывать и благовѣствовать—это мое священство, это жертва, мною приносимая. А священника никто не можетъ упрекнуть въ томъ, что онъ заботится о безпорочности приношеній жертвы. Такими словами (апостолъ) вмѣстѣ окрыляетъ помыслы вѣрующихъ, показывая имъ, что они жертва, и оправдываетъ себя тѣмъ, что ему такъ повелѣно. Мой жертвенный ножъ, говоритъ онъ, есть евангеліе и слово проповѣди, а цѣль моя не та, чтобы самому прославиться и сдѣлаться знаменитымъ, но *да будетъ приношеніе, еже отъ языкъ, благопріятно и освященно Духомъ Святымъ*, то есть, да будутъ пріятны Богу души научаемыхъ мною. Богъ, изведши меня на это дѣло, не столько хотѣлъ меня прославить, сколько имѣлъ попеченіе о васъ.

2. Какъ же приношеніе можетъ сдѣлаться благопріятнымъ? Во Святомъ Духѣ. Не одна вѣра нужна, но и духовная жизнь, чтобы мы могли удержать въ себѣ Духа, даннаго однажды. Не дрова и огонь, не жертвенникъ и ножъ, но Духъ для насъ—все. Потому я всѣми мѣрами стараюсь, чтобы этотъ огонь не угасалъ,

такъ какъ мнѣ поручено это. Почему же ты говоришь объ этомъ тѣмъ, кто не имѣетъ нужды? Потому-то, отвѣчаетъ (апостолъ), я не учу, а напоминаю. Какъ (въ ветхомъ завѣтѣ) священникъ предстоялъ (предъ Богомъ), возжигая огонь, такъ я предстою, возбуждая ваше усердіе. И замѣть, онъ не сказалъ: да будетъ приношеніе отъ васъ, но: *приношеніе, еже отъ языкъ*, а подъ словомъ — *отъ языкъ* разумѣетъ вселенную, т. е. всю землю и море, и такимъ образомъ смиряетъ гордость римлянъ, чтобы они не считали недостойнымъ имѣть своимъ учителемъ того, чье вліяніе простирается до предѣловъ вселенной. Тоже сказалъ онъ и въ началѣ посланія: *якоже и въ прочихъ языцѣхъ. Эллиномъ же и варваромъ, мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь* (Рим. I, 13, 14). *Имамъ убо похвалу о Христѣ Іисусѣ въ тѣхъ, яже къ Богу* (Рим. XV, 17). Такъ какъ (апостолъ) весьма смирилъ себя, то опять возвышаетъ слово и дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы римляне не признали его презрѣннымъ. Возвышая же себя и говоря: *имамъ похвалу*, не измѣняетъ своему обычаю. Хвалюсь, говоритъ онъ, не самимъ собою, не усердіемъ своимъ, но благодатію Божіею. *Не смѣю бо глаголати что, ихже не содѣя Христосъ мною, въ послушаніе языковъ, словомъ и дѣломъ, въ силѣ знаменій и чудесъ, силою Духа Божія* (ст. 18, 19). Никто не можетъ сказать, говоритъ (апостолъ), что слова мои — одно хвастовство. Я могу представить многіе признаки такого моего священнодѣйствія и доказательства моего 656
рукоположенія—не подиръ, не звонцы, не увясло и кидаръ, какъ у ветхозавѣтныхъ, но то, что гораздо болѣе внушаетъ благоговѣйнаго страха—знаменія и чудеса. Нельзя сказать, что я былъ поставленъ Богомъ и не выполнилъ порученнаго, а лучше сказать, и не я это совершилъ, а Христосъ, почему я и хвалюсь въ Немъ, хвалюсь не маловажными какими-нибудь дѣлами, но духовными. Это самое и означаютъ слова: *яже къ Богу*. А что я совершилъ то, на что былъ посланъ, и что слова мои не хвастовство, объ этомъ свидѣтельствуютъ чудеса и послушаніе язычниковъ. *Не смѣю бо глаголати что, ихже не содѣя Христосъ мною, въ послушаніе языковъ, словомъ и дѣломъ, въ силѣ знаменій и чудесъ, силою Духа Божія*. Смотри, какъ (апостолъ) усиливается доказать, что все принадлежитъ Богу, а не ему. Если я говорю что-нибудь или дѣлаю, или совершаю чудеса, все это производитъ Христосъ, все производитъ Духъ Святый. Говоря это, онъ вмѣстѣ показываетъ и достоинство Духа. Замѣчаешь ли, насколько все это— жертва, приношеніе и символы — чуднѣе и страшнѣе ветхозавѣтнаго служенія? Говоря: *словомъ и дѣломъ, въ силѣ знаменій и чудесъ*, (апостолъ) подъ этимъ разумѣетъ ученіе, любомудріе относительно царства Божія, явленіе дѣлъ и жизни, воскрешеніе

мертвыхъ, изгнаніе бѣсовъ, прозрѣніе слѣпыхъ, хожденіе хромыхъ и всѣ другія чудесныя дѣйствія, какія совершилъ въ насъ Духъ Святый. Далѣе, въ подтвержденіе этого онъ указываетъ на множество учениковъ, такъ какъ, между прочимъ, и объ этомъ было упоминаніе, и потому присовокупилъ: *якоже ми отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнити благовѣствованіе Христово.* Итакъ, онъ перечисляетъ города и страны, народы и племена, не только въ римской державѣ, но и у варваровъ. Не только соверши путь чрезъ Финикію, Сирію, Киликію, Каппадокію, но и представь всѣ и за ними лежащіе народы—сарацыновъ, персовъ, армянъ и прочихъ варваровъ. (Апостолъ) сказалъ — *и окрестъ* для того, чтобы ты шелъ не прямою только и большою дорогою, но и всякою, и мысленно проникъ и въ Южную Азію. И какъ, сказавъ: *въ силѣ знаменій и чудесъ*, онъ изобразилъ однимъ словомъ всю совокупность чудесъ, такъ и въ одномъ словѣ: *окрестъ* онъ соединилъ опять безчисленные города, народы, племена и страны. Вообще же онъ далекъ былъ отъ всякой кичливости и говорилъ это для римлянъ съ тою цѣлью, чтобы они не много о себѣ думали. Въ началѣ онъ сказалъ: *да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцѣхъ* (Рим. I, 13), а здѣсь ссылается на обязанность священства. Такъ какъ онъ раньше употребилъ нѣсколько жесткихъ выраженій, то здѣсь яснѣе показываетъ власть свою. Потому тамъ онъ просто сказалъ: *якоже и въ прочихъ языцѣхъ*, а здѣсь указываетъ и всѣ мѣста своего проповѣданія и такимъ образомъ отовсюду подрываетъ ихъ надменность. И не просто сказалъ — проповѣдывать евангеліе, но: *исполнити благовѣствованіе Христово. Сице же потщахся благовѣстити, идѣже не именовася Христосъ* (ст. 20).

3. Вотъ еще новое преимущество (апостола), который не только благовѣствовалъ многимъ народамъ и обратилъ ихъ, но и не приходилъ съ проповѣдію къ тѣмъ, которые были уже научены. Онъ такъ былъ далекъ отъ того, чтобы привлечь себѣ чужихъ учениковъ и дѣлать это для собственной славы, что училъ только тѣхъ, которые не слышали проповѣди. Потому и не ска-
657 залъ онъ: гдѣ не увѣровали во Христа, но—что значительнѣе—*не идѣже именовася Христосъ.* Для чего же онъ заботился объ этомъ? *Да не на чужемъ основаніи созижду*, говоритъ. А этими словами онъ доказываетъ, что чуждъ тщеславія, и вмѣстѣ внушаетъ римлянамъ, что пишетъ къ нимъ не по любви къ славѣ и не изъ желанія получить отъ нихъ честь, но потому, что исполняетъ свое служеніе, совершаетъ священнодѣйствіе и заботится объ ихъ спасеніи. *Основаніе* же, положенное апостолами, онъ называетъ *чуждымъ* не по свойству лицъ и не по характеру пропо-

вѣди, но по отношенію къ наградѣ каждаго. Ихъ проповѣдь сама по себѣ не была для него чуждою, но была чуждою только по отношенію къ наградѣ, такъ какъ чужда была для него награда за труды, понесенные другими. Послѣ того (апостолъ) показываетъ, что такимъ образомъ исполнилось пророчество, говоря такъ: *якоже есть писано: имже не возвѣстися о Немъ, узрятъ: и иже не слышаша, уразумѣютъ* (ст. 21). Видишь ли, что Павелъ спѣшилъ туда, гдѣ требовалось больше труда и пота? *Тѣмже и возбраненъ быхъ многажды пріити къ вамъ* (ст. 22). Смотри опять, какъ (у апостола) заключеніе посланія сходно съ началомъ. Въ началѣ онъ сказалъ: *яко множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ доселѣ* (Рим. I, 13), а здѣсь представляетъ причину, по которой былъ задержанъ не разъ и не два, но многократно. Какъ тамъ говоритъ: *множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ*, такъ и здѣсь: *возбраненъ быхъ многажды пріити къ вамъ*. Вѣдь то, что онъ многократно собирался къ нимъ, всего болѣе доказываетъ его сильное желаніе быть у нихъ. *Нынѣ же ктому мѣста не имый въ странахъ сихъ* (ст. 23). Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что писалъ къ нимъ и приходилъ не для снисканія у нихъ себѣ славы? *Желаніе же имый пріити къ вамъ отъ многихъ лѣтъ. Яко аще пойду во Испанію, уповаю мимо грядый видѣти васъ, и вами проводитися тамо, аще васъ прежде отъ части насыщуся* (ст. 24). Чтобы римлянамъ не показалось унизительнымъ, если бы (апостолъ) сказалъ: „иду къ вамъ, потому что нѣтъ у меня другого дѣла", онъ опять обращаетъ къ нимъ слово любви и говоритъ: *желаніе имый пріити къ вамъ отъ многихъ лѣтъ*. Я желалъ придти къ вамъ не потому, чтобы имѣлъ свободное время, но чтобы разрѣшиться тѣмъ желаніемъ, которымъ давно мучусь. Но чтобы этимъ опять не возбудить въ нихъ гордости, смотри, какъ онъ смиряетъ ихъ, говоря: *аще пойду во Испанію, уповаю мимо грядый видѣти васъ*. Потому онъ и написалъ это, чтобы они не подумали много о себѣ, такъ какъ онъ желаетъ вмѣстѣ и любовь свою показать, и ихъ не допустить до кичливости. Поэтому онъ часто говоритъ объ одномъ и томъ же и попеременно раскрываетъ то и другое. А для того, чтобы римляне опять не сказали: „онъ хочетъ только мимоходомъ быть у насъ", (апостолъ) присовокупилъ: *и вами проводитися*, то-есть, вы сами будете свидѣтелями, что спѣшу не изъ презрѣнія къ вамъ, но увлекаемый нуждою. А такъ какъ и это еще печалитъ ихъ, то онъ успокаиваетъ ихъ утѣшительнымъ словомъ: *аще васъ прежде отъ части насыщуся*. Выраженіемъ—*мимоидый* онъ показываетъ, что не ищетъ отъ нихъ славы, а словомъ—*насыщуся* выражаетъ, что стремится къ нимъ изъ любви и притомъ не простой любви, но сильной, почему и не сказалъ—насыщуся,

но—*отъ части насыщуся*. Никакое время не можетъ насытить меня и дать мнѣ пресыщеніе отъ пребыванія съ вами. Видишь ли, какъ онъ доказываетъ любовь свою тѣмъ, что, при всей не-
658 обходимости поспѣшить, онъ не прежде оставитъ ихъ, какъ насытится? И то уже служитъ признакомъ любви его, что онъ употребляетъ выраженія, исполненныя такой теплоты. Вѣдь онъ не сказалъ—увижусь съ вами, но—*насыщуся*, подражая выраженіямъ родителей. Въ началѣ онъ говорилъ: *да нѣкій плодъ имѣю*. а здѣсь выражается: *да насыщуся*; то и другое обнаруживаетъ сильное влеченіе сердца. Въ первомъ содержится величайшая имъ похвала, если отъ послушанія они должны даровать (апостолу) плодъ, а во второмъ онъ уже прямо показываетъ искреннюю привязанность. Такъ же точно писалъ онъ и къ Коринеянамъ: *да вы мя проводите, аможе аще пойду* (1 Кор. xvi, 6), во всемъ выражая свою ни съ чѣмъ несравнимую любовь къ ученикамъ. Этимъ онъ всегда и начиналъ свои посланія и оканчивалъ. Какъ чадолюбивый отецъ любитъ своего единственнаго родного сына, такъ онъ любилъ всѣхъ вѣрныхъ, почему и говорилъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)? Это прежде всего остальнаго и нужно имѣть учителю. Потому и Петру Христосъ сказалъ: если любишь Меня, *паси овцы Моя* (Іоан. xxi, 16). Кто любитъ Христа, тотъ любитъ и стадо Его. И Моисея Богъ поставилъ вождемъ народа іудейскаго послѣ того, какъ онъ показалъ свое усердіе къ своимъ единоплеменникамъ. Подобно и Давидъ взошелъ на царство, явивши прежде привязанность къ своимъ соотечественникамъ. Еще въ юности онъ такъ скорбѣлъ о людяхъ, что готовъ былъ отдать свою душу, когда умертвилъ иноплеменника. Хотя и спрашивалъ: *что сотворите мужу, иже убіетъ иноплеменника оного* (1 Цар. xvii, 26), но говорилъ это не потому, что домогался награды, но только хотѣлъ, чтобы ему оказали довѣріе и допустили до ратоборства съ нимъ. И потому, когда послѣ побѣды онъ пришелъ къ царю, то и ничего не сказалъ объ этомъ. И Самуилъ отличался сильною любовію, почему и говорилъ: *да никакоже ми согрѣшити Господу, оставити еже молитися о васъ ко Господу* (1 Цар. xii, 23). Такъ, или лучше сказать, гораздо болѣе и Павелъ сгоралъ любовію ко всѣмъ подчиненнымъ ему. Поэтому и учениковъ онъ такъ расположилъ къ себѣ, что говорилъ: *яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертѣвше дали бысте ми* (Гал. iv, 15). Потому и Богъ болѣе всего укоряетъ іудейскихъ учителей за недостатокъ любви, говоря: *оле пастыри Израилевы, еда пасутъ пастыри самихъ себе, не овецъ ли пасутъ пастыри?* Но они поступали иначе: *се млеко ядите*, говоритъ (Богъ), *и волною одѣваетеся и тучное закалаете*,

а овецъ Моихъ не пасете (Iезек. xxxiv, 3). И Христосъ, представляя образецъ совершеннѣйшаго пастыря, говорилъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. x, 11). Такъ поступалъ и Давидъ во многихъ случаяхъ, а особенно тогда, когда страшный гнѣвъ угрожалъ истребленіемъ цѣлому народу. Видя общую гибель, онъ восклицалъ: *азъ есмь согрѣшаяй, азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша* (2 Цар. xxiv, 17)? Поэтому и при выборѣ наказаній онъ избралъ не голодъ, не преслѣдованіе отъ непріятелей, но смерть, посылаемую отъ Бога, въ той надеждѣ, что она пощадитъ другихъ, а прежде всѣхъ поразитъ его самого. Когда же этого не случилось, онъ плачетъ и говоритъ: *да будетъ на мнѣ рука Твоя*, а если этого не достаточно, *и на дому отца моего. Ибо азъ есмь пастырь согрѣшивый.* Онъ говорилъ какъ бы такъ: если бы и они согрѣшили, я подлежалъ бы наказанію за то, что не исправлялъ ихъ; когда же грѣхъ былъ собственно мой, то по всей справедливости мнѣ должно подверг- 659
нуться наказанію. И желая увеличить вину свою, Давидъ именуетъ себя пастыремъ. Такъ онъ и остановилъ гнѣвъ, такъ и умолилъ Бога отмѣнить опредѣленіе. Таково исповѣданіе праведника: *праведный себе самаго оглагольникъ въ первословіи* (Притч. xviii, 17); такова попечительность и сострадательность совершеннѣйшаго пастыря. Гибель подданныхъ такъ же терзала сердце Давида, какъ смерть родныхъ дѣтей, почему онъ и просилъ Бога обратить гнѣвъ на него самого. И онъ сдѣлалъ бы это въ самомъ началѣ пораженія, если бы не надѣялся, что оно, идя своимъ путемъ, достигнетъ и его. Когда же онъ замѣтилъ, что это не совершается, а бѣдствіе истребляетъ только подданныхъ, то онъ не стерпѣлъ этого и былъ уязвленъ болѣе, чѣмъ смертью первенца своего Амнона. Тогда онъ не просилъ себѣ смерти, а теперь желаетъ пасть прежде другихъ. Такимъ надобно быть начальнику, который долженъ скорбѣть болѣе о чужихъ, нежели о собственныхъ несчастіяхъ. Такую же скорбь чувствовалъ Давидъ, лишившись сына, изъ чего можно видѣть, что онъ любилъ его не больше, чѣмъ подданныхъ. Хотя Авессаломъ былъ необузданный юноша и замышлялъ отцеубійство, однако же Давидъ говорилъ: *кто дастъ смерть мнѣ вмѣсто тебе* (2 Цар. xviii, 39)? Что ты говоришь, блаженный и кротчайшій изъ всѣхъ людей? Сынъ стремился умертвить тебя, окружилъ тебя безчисленными бѣдствіями, а ты, какъ скоро его не стало и одержана побѣда, молишь себѣ смерти? Да, отвѣчаетъ. Не для меня пріобрѣтена эта побѣда войскомъ; во мнѣ кипитъ брань сильнѣе прежней, и сердце мое разрывается теперь больше прежняго. Такъ Давидъ и подобные ему заботились о ввѣренныхъ имъ.

5. А блаженный Авраамъ прилагалъ великое попеченіе даже и о тѣхъ, которые не были ему ввѣрены, и даже такое попеченіе что подвергалъ себя великимъ опасностямъ. Не въ пользу одного только племянника своего совершилъ онъ то, что совершилъ, но и для содомлянъ, и не прежде пересталъ преслѣдовать персовъ, какъ освободилъ всѣхъ содомлянъ. Хотя можно было ему возвратиться назадъ по освобожденіи одного Лота, однакоже Авраамъ не захотѣлъ этого, потому что заботился равно о всѣхъ, какъ и доказалъ это впослѣдствіи. Когда содомлянамъ угрожало не нашествіе войска иноплеменниковъ, но гнѣвъ Божій готовъ былъ истребить до основанія города ихъ, когда настояла нужда не въ оружіи, не въ брани, не въ ополченіи воиновъ, но въ молитвѣ, тогда Авраамъ ходатайствовалъ за нихъ съ такою заботливостью, какъ будто бы ему самому предстояла погибель. Вслѣдствіе этого и разъ, и два, и три, и многократно приступаетъ онъ къ Богу, даже ссылается на слабость человѣческой природы, говоря: *азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27). И такъ какъ зналъ, что содомляне сами навлекли на себя гнѣвъ Божій, то умоляетъ спасти ихъ ради другихъ. И Богъ говорилъ ему: *еда утаю Азъ отъ Авраама, раба Моего, яже Азъ творю* (ст. 17), чтобы мы уразумѣли изъ этого, сколько праведникъ человѣколюбивъ. И Авраамъ не пересталъ бы умолять Бога, если бы Богъ первый не отошелъ отъ него. Хотя, повидимому, онъ молился о праведныхъ, но на самомъ дѣлѣ все это было для содомлянъ. Вѣдь души святыхъ исполнены кротости и человѣколюбія какъ къ своимъ, такъ и къ чужимъ; они жалѣютъ даже безсловесныхъ. Потому и Премудрый
660 сказалъ: *праведникъ милуетъ души скотовъ своихъ* (Притч. XII, 10), а если скотовъ, то гораздо болѣе людей. Но такъ какъ я вспомнилъ о животныхъ, то представимъ себѣ, сколько тяжелыхъ трудовъ переносятъ пастухи овецъ въ Каппадокійской странѣ, заботясь о безсловесныхъ. Часто занесенные снѣгомъ, по три дня сплошь остаются они въ такомъ положеніи. Говорятъ также, что не меньше бѣдствій переносятъ пастухи и въ Ливіи, по цѣлымъ мѣсяцамъ скитаясь по этой суровой пустынѣ, наполненной самыми свирѣпыми звѣрями. А если столько заботъ бываетъ о безсловесныхъ то какое извиненіе будемъ имѣть мы, когда намъ ввѣрены разумныя души, а мы спимъ такимъ глубокимъ сномъ? Можно ли тутъ думать объ отдыхѣ? Можно ли искать покоя? Напротивъ, для этихъ овецъ не должно ли идти повсюду и подвергать себя тысячѣ смертей? Или вы не знаете цѣны этого стада? Не для него ли твой Владыка совершилъ безчисленныя дѣянія и пролилъ даже Свою кровь? А ты ищешь покоя? Что же можетъ быть хуже такихъ пастырей? Развѣ ты не понимаешь, что и

Христово стадо окружено волками, которые злѣе и свирѣпѣе ливійскихъ? Неужели ты не представляешь себѣ, какую душу должно имѣть тому, кто принимаетъ на себя начальство въ церкви? Народные правители, совѣщеваясь о дѣлахъ маловажныхъ, дни и ночи проводятъ въ бодрствованіи, а мы, подвизающіеся для неба, спимъ и днемъ. Кто же послѣ этого избавитъ насъ отъ наказанія за такую безпечность? Если бы даже надлежало рѣзать тѣло, если бы предстояло испытать безчисленныя смерти, то не слѣдовало ли бы спѣшить на все это, какъ на торжество? Пусть слышатъ это не одни пастыри, но и овцы,— чтобы сдѣлать пастырей болѣе усердными и побудить ихъ къ большой ревности, оказывая имъ всякое послушаніе и повиновеніе и ничего другого. Такъ заповѣдалъ и Павелъ, говоря: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся; тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). Подъ словомъ же—*бдятъ* онъ разумѣетъ безчисленные труды, заботы и опасности. Добрый пастырь, именно такой, какого и желаетъ Христосъ, состязается въ подвигахъ съ многочисленными мучениками. Вѣдь мученикъ однажды за Христа умеръ, а пастырь, если онъ таковъ, какимъ долженъ быть, тысячекратно умираетъ за стадо, онъ даже каждый день можетъ умирать. Поэтому и вы, зная трудъ его, содѣйствуйте ему молитвами, усердіемъ, готовностью, любовью, чтобы и мы для васъ, и вы для насъ сдѣлались похвалою. Потому и Христосъ, ввѣряя стадо Свое первоверховному изъ апостоловъ, который болѣе всѣхъ любилъ Его, предварительно спрашивалъ: *любиши ли Мя* (Іоан. XXI, 16)?—чтобы ты уразумѣлъ, что попеченіе о стадѣ Христовомъ является преимущественнымъ признакомъ любви къ самому Христу, такъ какъ для этого нужна мужественная душа. Но это сказано мною о совершенныхъ пастыряхъ, не о мнѣ самомъ и о подобныхъ намъ, но о пастырѣ,—если есть такой,—въ родѣ Павла, или Петра, или Моисея. Итакъ, будемъ имъ подражать, какъ начальствующіе, такъ и подчиненные,—вѣдь и подчиненному можно отчасти быть пастыремъ своего дома, друзей, домашнихъ, жены, дѣтей; а если мы такъ будемъ управлять дѣлами своими, то достигнемъ всѣхъ 661—662
благъ, получить которыя да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ, и проч.

БЕСѢДА XXX.

661 **Нынѣ же гряду во Іерусалимъ, служай святымъ. Благоволиша бо Македоніа и Ахаіа общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ, живущимъ во Іерусалимѣ. Благоволиша бо, и должни имъ суть (xv, 25—27).**

1. Такъ какъ (апостолъ) сказалъ: *не имѣю мѣста въ сихъ странахъ*, и: *съ давнихъ лѣтъ имѣю желаніе идти къ вамъ*, а между тѣмъ нужно было ему еще промедлить, то, чтобы римляне не подумали, что онъ смѣется надъ ними, онъ объясняетъ причину, по которой пока не можетъ придти къ нимъ, и говоритъ: *гряду во Іерусалимъ*. Но, говоря о причинѣ своего промедленія, (апостолъ), кажется, имѣетъ въ виду и другое, именно—побудить ихъ къ милостынѣ и сдѣлать ихъ въ этомъ болѣе усердными. Если бы онъ не объ этомъ заботился, ему довольно было бы сказать: *гряду во Іерусалимъ*. Но теперь присовокупляетъ и причину этого путешествія: *гряду*, говоритъ, *служай святымъ*. Даже останавливается на этихъ словахъ, приводитъ доказательства, говоря: *должни суть*, и еще: *аще въ духовныхъ ихъ причастники быша языцы, должни суть и въ плотскихъ послужити*,—чтобы и римляне научились подражать имъ. Здѣсь особенно нужно подивиться мудрости (апостола) въ томъ, что онъ придумалъ такой способъ дать совѣтъ, такъ какъ на римлянъ онъ могъ болѣе этимъ подѣйствовать, нежели прямымъ увѣщаніемъ. Вѣдь они почли бы для себя оскорбительнымъ, если бы (апостолъ) представилъ имъ коринѳянъ и македонянъ въ образецъ подражанія. Поэтому коринѳянъ, въ посланіи къ нимъ, увѣщеваетъ такимъ образомъ: *сказую же вамъ благодать Божію данную въ церквахъ Македонскихъ* (2 Кор. VIII, 1); равно и на македонянъ дѣйствовалъ примѣромъ коринѳянъ: *яже отъ васъ ревность раздражи множайшихъ* (2 Кор. IX, 2). Равнымъ образомъ и примѣромъ галатовъ онъ также пользуется, когда говоритъ: *якоже устроихъ церквамъ Галатійскимъ, тако и вы сотворяйте* (1 Кор. XVI, 1). Но съ римлянами (апостолъ поступаетъ) иначе, болѣе осторожно. Такимъ же образомъ онъ поступаетъ и относительно проповѣди, когда говоритъ: *или отъ васъ слово Божіе изыде, или васъ единыхъ достиже* (1 Кор. XIV, 36), потому что соревнованіе всего сильнѣе. Потому (апостолъ) многократно повторяетъ это; такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: какъ *во всѣхъ церквахъ повелѣваю* (1 Кор. VII, 17); и еще: *якоже вездѣ во всякой церкви учу* (1 Кор. IV, 17); и къ Колоссаямъ говоритъ: *якоже благовѣстіе Божіе есть плодоносно и растимо во всемъ мірѣ* (Колос. I, 6). Такъ поступаетъ и здѣсь, говоря о милостынѣ. И

смотри, съ какимъ величіемъ онъ употребляетъ выраженія. Онъ не сказалъ—иду отнести милостыню, но—*гряду служай.* А если Павелъ служитъ, то разсуди, какъ это важно, когда самъ учитель вселенной беретъ на себя трудъ отнести подаянія, и хотя намѣревался путешествовать въ Римъ и сильно желалъ видѣться съ римлянами, однакоже первое предпочитаетъ послѣднему. *Благоволиша бо Македоніа и Ахаіа,* то есть, признали дѣломъ хорошимъ и пожелали *общеніе нѣкое сотворити.* Опять не сказалъ—милостыню, но—*общеніе.* Не безъ цѣли также поставилъ слово—*нѣкое,* но чтобы римляне не приняли сказаннаго за укоризну себѣ. И не сказалъ просто—къ нищимъ, но—*къ нищимъ святымъ,* убѣждая двоякимъ образомъ къ вспомоществованію, какъ нищетою, такъ и добродѣтелію. Даже и этимъ не ограничился, но присовокупилъ: *должни суть.* Потомъ доказываетъ, почему должны. *Аще бо,* говоритъ, *въ духовныхъ ихъ причастники быша языцы, должни суть и въ плотскихъ послужити имъ.* Это значитъ: для нихъ пришелъ Христосъ, имъ, обратившимся изъ іудеевъ, принадлежатъ всѣ обѣтованія, отъ нихъ Христосъ, потому и самъ Онъ сказалъ: *спасеніе отъ іудей есть* (Іоан. IV, 22); отъ нихъ апостолы, отъ нихъ пророки, отъ нихъ всѣ блага. И вселенная сдѣлалась причастницею всего этого. Итакъ, говоритъ (апостолъ), если вы сдѣлались причастниками болѣе важнаго и если, по евангельской притчѣ, вечеря была приготовлена для нихъ, а вы пришли и вкусили предложеннаго, то и вы должны допустить ихъ до участія въ тѣлесныхъ благахъ и удѣлить имъ. Но (апостолъ) не сказалъ прямо—допустить до участія, а—*послужити,* поставивъ ихъ какъ бы въ разрядъ діаконовъ или приносящихъ подати царямъ. Не сказалъ также—въ тѣлесныхъ вашихъ, какъ (выше сказано)—*въ духовныхъ ихъ,* потому что духовныя блага принадлежатъ однимъ іудеямъ, а тѣлесныя не однимъ язычникамъ, но и всѣмъ вообще. И (апостолъ) повелѣлъ, чтобы имѣнія принадлежали всѣмъ, а не однимъ владѣльцамъ. *Сіе убо скончавъ, и запечатлѣвъ имъ плодъ сей* (ст. 28), то есть, какъ бы положивъ въ царскую сокровищницу, въ неприступное и безопасное мѣсто. И не сказалъ—милостыню, но опять—*плодъ,* показывая, что подающіе милостыню и сами получаютъ прибыль. *Пойду вами во Испанію.* Снова упоминаетъ объ Испаніи, показывая свое попеченіе и расположеніе къ жителямъ ея. *Вѣмъ же, яко грядый къ вамъ, во исполненіи благословенія благовѣстія Христова пріиду* (ст. 29). Что значитъ: *во исполненіи благословенія?* (Апостолъ) говоритъ здѣсь или объ имуществахъ, или вообще о всякомъ добромъ дѣлѣ. Онъ имѣетъ обыкновеніе называть благословеніемъ милостыню, какъ и многое другое. Напримѣръ, когда говоритъ: *якоже благословеніе, а не яко лихоим-*

662

ство (2 Кор. IX, 5). Даже и въ ветхомъ завѣтѣ было обыкновеніе называть такъ милостыню. Но такъ какъ (апостолъ) присовокупилъ здѣсь—*благовѣстія*, то мы утверждаемъ, что подъ благословеніемъ разумѣется не одно имущество, а и все прочее. Онъ какъ бы такъ говоритъ: я знаю, что, пришедши къ вамъ, найду васъ во всемъ благополучными, изобилующими въ благахъ и достойными многихъ добрыхъ похвалъ, согласно евангелію. Вотъ удивительный способъ давать совѣтъ—предупредить ихъ похвалами. А такъ какъ (апостолъ) уклоняется отъ того, чтобы предложить мысль свою въ видѣ увѣщанія, то и приступаетъ къ такому способу исправленія. *Молю же вы Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и любовію Духа* (ст. 30).

2. (Апостолъ) опять упоминаетъ здѣсь о Христѣ и о Духѣ, но вовсе не говоритъ объ Отцѣ. Я замѣчаю объ этомъ для того, чтобы ты, когда (апостолъ) упоминаетъ объ Отцѣ и Сынѣ, или объ одномъ Отцѣ, не исключалъ ни Сына, ни Духа. И не сказалъ (апостолъ)—Духомъ, но—*любовію Духа*. Какъ Христосъ и какъ Отецъ возлюбили міръ, такъ и Духъ. Но о чемъ же умоляешь ты, (Павелъ), скажи мнѣ? *Споспѣшествуйте ми въ молитвахъ о мнѣ*
663 *къ Богу. Да избавлюся отъ противлящихся во Іудеи* (ст. 31). Итакъ, (апостолу) предстояла великая борьба, почему онъ и проситъ ихъ молиться. И не сказалъ—да вступлю въ состязаніе, но—*да избавлюся*, какъ повелѣлъ Христосъ: *молитеся, да не внидете въ напасть* (Мѳ. XXVI, 41). (Апостолъ) этими словами, съ одной стороны, показываетъ, что на него намѣреваются напасть какіе-то злые волки и вообще звѣри, а не люди, съ другой же стороны онъ имѣетъ въ виду показать, что онъ справедливо принялъ на себя трудъ служить святымъ, какъ скоро невѣрующихъ такъ много, что нужно было молиться объ избавленіи отъ нихъ. Живущіе среди столь многочисленныхъ враговъ могли погибнуть отъ голода, поэтому необходимо было доставлять имъ пропитаніе изъ другихъ мѣстъ. *И да служба моя, яже во Іерусалимѣ, благопріятна будетъ святымъ*, то есть, да будетъ пріятна моя жертва и охотно принято подаяніе. Видишь ли, какъ опять онъ возвысилъ достоинство принимающихъ милостыню, если проситъ молитвы многочисленнаго народа, для того, чтобы посылаемое было принято? А съ другой стороны, этимъ онъ показываетъ, что недостаточно дать для того, чтобы милостыня была принята. Когда кто-нибудь подаетъ по принужденію, или изъ тщеславія, или неправедно пріобрѣтенное, тогда плодъ теряется. *Да съ радостію пріиду къ вамъ волею Божіею* (ст. 32). Какъ говорилъ въ началѣ: *аще когда поспѣшенъ буду волею Божіею пріити къ вамъ*, такъ и здѣсь прибѣгаетъ къ той же волѣ Божіей и говоритъ: для того спѣшу и

молю Бога избавиться отсюда, чтобы скорѣе увидѣть васъ и увидѣть съ удовольствіемъ, не подвергаясь тамъ никакой скорби. *И упокоюся съ вами.* Смотри, какъ онъ опять показываетъ, что въ немъ нѣтъ надменности. Не сказалъ—научу васъ и наставлю въ вѣрѣ, но—*упокоюся съ вами.* Но вѣдь (апостолъ) самъ подвизался и боролся, какъ же говоритъ—*упокоюся съ вами?* Онъ говоритъ это въ угожденіе римлянамъ, располагаетъ ихъ къ большему усердію, дѣлая участниками въ побѣдныхъ вѣнцахъ и показывая, что они также подвизаются и трудятся. Потомъ, по обыкновенію своему, присовокупляетъ къ увѣщанію своему молитву, говоря: *Богъ же мира со всѣми вами. Аминь* (ст. 33). *Вручаю же вамъ Фиву сестру, сущу служительницу церкве, яже въ Кегхреехъ* (XVI, 1). Ты видишь, сколько (апостолъ) уважаетъ Фиву, если упомянулъ о ней прежде всѣхъ и назвалъ сестрою, а называться сестрою Павла—дѣло не малое. Сказалъ и о должности ея, наименовавъ служительницею. *Да пріимете ю о Господѣ достойнѣ святымъ* (ст. 2), то есть, для Господа примите ее съ честью,—потому что принимающій для Господа даже и незначительнаго человѣка принимаетъ со тщаніемъ. А такъ какъ Фива была святая, то разсуди самъ, какимъ попеченіемъ она въ правѣ была пользоваться. Потому (апостолъ) присовокупилъ: *достойнѣ святымъ*, то есть, какъ слѣдуетъ принимать святыхъ. Вы должны услуживать ей по двумъ причинамъ—потому что принимаете ее для Господа и потому что она святая. *И споспѣшествуйте ей, о ней же аще отъ васъ потребуетъ вещи.* Видишь ли, какъ это не обременительно? Не сказалъ—избавьте ее отъ всѣхъ нуждъ, но—снабдите, чѣмъ можете, подайте руку помощи, какія бы нужды она у васъ ни имѣла; и притомъ говоритъ не о всѣхъ ея нуждахъ, но о тѣхъ, какія будетъ имѣть у васъ, а нуждаться она будетъ въ томъ, чѣмъ можете располагать и вы. Потомъ опять несказанная похвала: *ибо сія заступница многимъ бысть, и самому мнѣ.* Замѣчаешь ли благоразуміе (Павла?) На первомъ мѣстѣ онъ поставилъ похвалу, въ серединѣ увѣщаніе, а потомъ опять похвалу, съ 664
обѣихъ сторонъ защищая похвалами нужду блаженной жены. Какъ же не блаженна Фива, какъ скоро удостоилась такого свидѣтельства отъ Павла и была въ состояніи оказывать помощь самому Павлу, учителю вселенной? Это вѣнецъ всѣхъ ея совершенствъ, почему (апостолъ) и поставилъ это въ концѣ, сказавъ: *и самому мнѣ.* Что же значитъ—*и самому мнѣ?* Тому, кто былъ проповѣдникомъ вселенной, претерпѣлъ безчисленныя страданія и одинъ довлѣлъ для многихъ тысячъ. Итакъ, мужи и жены, будемъ подражать этой святой, а равно и той, которую вмѣстѣ съ мужемъ именуетъ (Павелъ) послѣ Фивы. Кто же они? *Цѣлуйте*,

говоритъ, *Прискиллу и Акилу, споспѣшника моя о Христѣ Іисусѣ* (ст. 3). О добродѣтели ихъ свидѣтельствуетъ и Лука, когда говоритъ: *пребысть у нихъ Павелъ, бяху бо скинотворцы хитростію* (Дѣян. xviii, 3), и когда извѣщаетъ, что Прискилла приняла къ себѣ Аполлоса, *и извѣстнѣе тому сказаша путь Господень* (ст. 26).

3. Но какъ ни велики эти доблести, а гораздо важнѣе то, что сказалъ Павелъ. Что же онъ говоритъ? Сперва называетъ ихъ своими споспѣшниками, показывая, что они раздѣляли съ апостоломъ несказанные труды и опасности. Потомъ говоритъ, что они *по души моей своя выя положиша* (ст. 4). Видишь ли, что они были совершенные мученики? Вѣдь при Неронѣ, какъ и естественно, опасности были безчисленны, когда онъ приказалъ всѣмъ іудеямъ удалиться изъ Рима. *Ихъ же не азъ единъ благодарю, но и вся церкви языческія*. Здѣсь (апостолъ) разумѣетъ страннолюбіе и вспомоществованіе деньгами и удивляется имъ въ томъ, что они пролили кровь свою и отдали все имѣніе на общую пользу. Видишъ ли ты, что и немощь естества не воспрепятствовала благороднымъ женщинамъ идти стезею добродѣтели? И вполнѣ естественно, потому что *во Христѣ Іисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. iii, 28). И что сказалъ (апостолъ) о Фивѣ, тоже говоритъ и о Прискиллѣ. Какъ о той сказано: *сія заступница многимъ бысть и самому мнѣ*, такъ и объ этой: *не азъ единъ благодарю, но и вся церкви языческія*. И чтобы не подумали, что это сказано изъ лести, представляетъ другихъ свидѣтелей, которые многочисленнѣе женъ. *И домашнюю ихъ церковь*. Они были настолько добродѣтельны, что обратили домъ свой въ церковь, такъ что всѣ ихъ домашніе сдѣлались вѣрующими, и домъ ихъ былъ открытъ для всѣхъ странныхъ. (Апостолъ) не имѣлъ обыкновенія безъ основанія называть домы церквами, если въ нихъ не было большого благочестія и не былъ утвержденъ особенный страхъ Божій. Поэтому и Коринѳянамъ сказалъ: *цѣлуйте Акилу и Прискиллу съ домашнею ихъ церковію* (1 Кор. xvi, 19), и объ Онисимѣ онъ писалъ, говоря: *Павелъ Филимону и Апфіи возлюбленнѣй и домашней твоей церкви* (Флм. i, 2). Конечно, и въ супружеской жизни можно быть достойнымъ удивленія и благороднымъ. Вотъ и Акила съ Прискиллою жили въ супружествѣ и весьма просіяли, хотя занятіе ихъ и было незамѣчательно: они дѣлали палатки; однакоже добродѣтель покрыла все и показала ихъ свѣтлѣе солнца. Ни ремесло, ни брачный союзъ не вредили имъ, но они явили такую любовь, какой требовалъ Христосъ, сказавъ: *больши сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. xv, 13). Они исполнили то, что служитъ признакомъ Христова ученика, взяли крестъ и послѣдо-

вали за Христомъ, такъ какъ дѣлавшіе это для Павла тѣмъ болѣе показывали такое же мужество для Христа. Пусть услышатъ 665
это и богатые, и бѣдные. Если жившіе трудами рукъ своихъ и управлявшіе рабочимъ заведеніемъ показали столько щедрости, что сдѣлались полезными для многихъ церквей, то какое извиненіе будутъ имѣть богачи, презирающіе нищихъ? Тѣ въ угожденіе Богу не пощадили своей крови, а ты бережешь и немногія монеты, часто презирая и собственную свою душу. Но, можетъ быть, усердные къ учителю не таковы были къ ученикамъ? И этого нельзя сказать: вѣдь ихъ благодарили, говоритъ (апостолъ), и церкви языческія. Хотя они были изъ іудеевъ, однакоже вѣровали настолько искренно, что и язычникамъ служили со всѣмъ усердіемъ. Такими и должны быть женщины, которымъ должно украшаться не плетеніемъ волосъ, или золотомъ, или драгоцѣнною одеждою, но добрыми дѣлами (1 Тим. II, 9. 10).

Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, какая царица столько знаменита и такъ прославляется, какъ эта жена скинотворца? Она у всѣхъ на устахъ и такъ будетъ не десять и двадцать лѣтъ, но до пришествія Христова. И притомъ, всѣ прославляютъ ее за то, что украшаетъ ее болѣе царской діадемы. Да и что болѣе важно, что равняется съ тѣмъ, чтобы быть заступницею Павла и съ опасностями для себя спасать учителя вселенной? Разсуди, сколько было царицъ и имена ихъ преданы забвенію, а имя жены скинотворца и ея мужа проносится повсюду, и сколько солнце освѣщаетъ землю, столько слава ея обтекаетъ во вселенной: и персы, и скиѳы, и ѳракіане, и живущіе въ отдаленныхъ предѣлахъ земли прославляютъ и ублажаютъ благочестивую жизнь этой женщины. Какое богатство, сколько діадемъ и царскихъ багряницъ ты съ удовольствіемъ отдалъ бы, чтобы только получить о себѣ такое свидѣтельство! Нельзя также сказать, чтобы они, подвергаясь опасностямъ и не щадя имущества, не радѣли и о проповѣди: за это именно (апостолъ) и называетъ ихъ сослужителями и споспѣшниками. Сосудъ избранія не стыдится назвать женщину своею споспѣшницею, даже хвалится этимъ, потому что не смотритъ на природу, а вѣнчаетъ добрую волю. Что равняется такому украшенію? Гдѣ теперь ваше богатство, расточаемое повсюду? Что значатъ наряды? Гдѣ суетная слава? Разсмотри внимательнѣе убранство этой женщины, которымъ не тѣло облекается, но украшается душа, которое никогда не складывается и не хранится въ ящикѣ, но возлагается на небѣ.

4. Посмотри на ихъ трудъ въ проповѣди, на ихъ мученическій вѣнецъ, на ихъ щедрость касательно имущества, на ихъ

любовь къ Павлу, на ихъ усердіе ко Христу и сравни съ этимъ себя, свое попеченіе о деньгахъ, свою привязанность къ блудницамъ, свои распри за клочекъ сѣна, тогда увидишь, кто были они и кто ты. Или лучше, не только сравни, но и поревнуй женщинѣ и, сложивъ съ себя ношу травы (это твои драгоцѣнныя одежды), возьми небесное украшеніе и поучись у Прискиллы и Акилы, отчего они сдѣлались такими. Отчего же? Они два года содержали у себя въ домѣ Павла. А чего не могли произвести въ душѣ ихъ эти два года? Ты скажешь: что же мнѣ дѣлать,—у меня нѣтъ Павла? Если захочешь, то ты имѣешь больше, нежели они. Не лицезрѣніе Павла, а слова его сдѣлали ихъ таковыми. Итакъ, если тебѣ угодно, съ тобою непрестанно готовы
686 бесѣдовать и Павелъ, и Петръ, и Іоаннъ, и цѣлый сонмъ пророковъ и апостоловъ. Возьми книги этихъ блаженныхъ мужей, постоянно занимайся ихъ писаніями и они могутъ и тебя сдѣлать подобнымъ женѣ скинотворца. И что говорить о Павлѣ? Если хочешь, будешь имѣть у себя самого Владыку Павла,—и Онъ будетъ съ тобою бесѣдовать языкомъ Павла. И другой есть способъ принять къ себѣ Господа,—когда станешь принимать святыхъ, служить вѣрующимъ въ Него. Тогда, и по отшествіи ихъ, у тебя останется много памятниковъ благочестія. И столъ, за которымъ питался святой, и стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, и ложе, на которомъ онъ возлежалъ, даже по удаленіи его способны привести въ чувство умиленія того, кто принималъ его къ себѣ. Съ какимъ, думаешь, умиленіемъ входила соманитянка въ ту горницу, гдѣ жилъ Елисей, взирала на столъ и на ложе, гдѣ спалъ этотъ святой мужъ? Какими благочестивыми чувствованіями воодушевлялась она при этомъ? А если бы этого не было, если бы она не получала отъ этого великой пользы, то не принесла бы въ эту горницу мертваго сына. Если мы, по прошествіи многаго времени, приходя туда, гдѣ Павелъ жилъ, былъ связанъ, сидѣлъ и бесѣдовалъ, окрыляемся мыслію и отъ видимыхъ нами мѣстъ переносимся къ представленію того самаго времени, то что, естественно, происходило въ душѣ тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ принимали его въ своемъ домѣ, когда событія были еще очень свѣжи? Итакъ, зная это, будемъ принимать къ себѣ святыхъ, чтобы домъ нашъ просіялъ и очистился отъ терній, чтобы жилище наше сдѣлалось пристанью, будемъ принимать ихъ и умывать имъ ноги. Ты не лучше, не благороднѣе и не богаче Сарры, хотя бы ты была и царицею. Она имѣла триста восемнадцать домочадцевъ, когда и двоихъ слугъ имѣть считалось богатствомъ. И что я говорю о трехъ стахъ восемнадцати домочадцахъ? Въ сѣмени и обѣтованіяхъ

она владѣла цѣлою вселенною, имѣла супругомъ друга Божія, покровителемъ самого Бога, а это больше всякаго царства. Однако же при такой знаменитости и славѣ сама приготовляла тѣсто, исполняла всѣ домашнія дѣла и прислуживала гостямъ какъ рабыня. Ты не благороднѣе Авраама, а онъ исполнялъ дѣла слугъ, послѣ своихъ знаменитыхъ дѣяній, послѣ побѣдъ, послѣ чести, оказанной ему египетскимъ царемъ, послѣ того, какъ онъ отразилъ персидскихъ царей и воздвигъ себѣ замѣчательные памятники. Не смотри на то, что приходящіе къ тебѣ святые по наружности убоги и часто бываютъ бѣдны и покрыты рубищами, а помни сказанное Христомъ: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѳ. XXV, 40), и: *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: яко ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца нашего небеснаго* (Мѳ. XVIII, 10). Принимай съ усердіемъ тѣхъ, которые приносятъ тебѣ безчисленныя блага своими привѣтствіями мира. Вмѣстѣ съ Саррою приведи себѣ на память и Ревекку, которая, отвергнувъ всякую гордость, сама черпала воду, напоила и пригласила къ себѣ въ домъ странника, а потому и получила великія награды за свое страннолюбіе. Но ты, если захочешь, получишь еще большія. Тебѣ Богъ дастъ въ награду не только сына, но и самое небо, небесныя блага, избавленіе отъ геенны, прощеніе грѣховъ. Великъ, весьма великъ плодъ страннолюбія. Такъ и Іоѳоръ, будучи даже 667
иноплеменникомъ, удостоился имѣть зятемъ того, кто съ такою властію повелѣвалъ морю, и такую добрую добычу для него уловили въ свою сѣть его дочери. И ты, размысливъ объ этомъ и представивъ въ умѣ мужество и благочестіе тѣхъ женъ, постарайся попрать земную гордость, нарядныя одежды, дорогія золотыя украшенія и благовонія; отложивъ нѣгу, роскошь и мѣрную поступь, обрати все свое попеченіе на душу и воспламени въ сердцѣ своемъ страсть къ небесному. Если овладѣетъ тобою эта любовь, ты увидишь нечистоту и гнусность настоящаго и сама будешь смѣяться надъ тѣмъ, что теперь удивляетъ тебя. Вѣдь женщинѣ, украшенной духовными совершенствами, не свойственно домогаться такихъ смѣшныхъ вещей. Потому, сбросивъ все то, что ставятъ себѣ въ большую честь жены торгующихъ, 668
а также занимающіяся пляской и музыкой, укрась себя благочестіемъ, страннолюбіемъ, попеченіемъ о святыхъ, умиленіемъ, частыми молитвами. Это лучше золотыхъ одеждъ, драгоцѣннѣе дорогихъ камней и запястій, это и передъ людьми дѣлаетъ почтенными, и у Бога приноситъ тебѣ великую награду. Это украшеніе церкви, а то—театра, это достойно неба, а то—коней и муловъ; въ тѣ убранства облекаются и мертвыя тѣла, а это

сіяетъ только въ доброй душѣ, въ которой живетъ Христосъ. Итакъ, станемъ пріобрѣтать себѣ такое украшеніе, чтобы и насъ вездѣ прославляли, и мы угодили Христу во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXI.

667 Цѣлуйте Епенета возлюбленнаго ми, иже есть начатокъ Ахаіи во Христа (xvi, 5).

1. Думаю, что многіе, даже считающіе себя весьма ревностными, оставляютъ безъ вниманія эту часть посланія, какъ безполезную и не заключающую въ себѣ ничего важнаго; полагаю, что они разсуждаютъ подобнымъ образомъ и о родословной, помѣщенной въ Евангеліи: такъ какъ она представляетъ списокъ именъ, то они и заключаютъ, что отсюда нельзя извлечь большой пользы. Но золотыхъ дѣлъ мастера собираютъ и мелкіе опилки, а эти люди проходятъ мимо и большихъ слитковъ золота. Итакъ, чтобы они не подверглись этому, — и сказаннаго прежде достаточно, чтобы удержать ихъ отъ такой безпечности. А что и отсюда можетъ быть не малая польза, это мы уже доказали въ предыдущей бесѣдѣ, когда такими привѣтствіями возбудили ваше вниманіе. Попытаемся и теперь также извлечь изъ этого мѣста благородный металлъ, потому что и въ голыхъ именахъ можно открыть великое сокровище. Если вникнешь, почему Авраамъ названъ этимъ именемъ, почему (названы) Сарра, Израиль и Самуилъ, то и изъ этого извлечешь свѣдѣнія о многомъ. То же самое ты можешь извлечь для себя изъ наименованія временъ и мѣстъ. Внимательный человѣкъ и отсюда обогащается, а нерадивый не получаетъ пользы и отъ самаго очевиднаго. Не мало обучаютъ насъ любомудрію имена Адама, его сына, жены и многихъ другихъ, потому что имена—памятники многихъ событій: ими выражаются и Божіе благодѣяніе и благодарность матерей, такъ какъ матери, зачавшія во чревѣ по обѣтованію Божію, въ воспоминаніе такого благодѣянія Божія и давали дѣтямъ имена. Но зачѣмъ теперь намъ любопытствовать объ именахъ, когда нерадятъ о многихъ изреченіяхъ Писанія, когда неизвѣстны самыя имена многихъ книгъ? Однако же и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать знаніями относительно этого. *Подобаше бо*, какъ сказано, *вдати сребро торжникомъ* (Мѳ. xxv, 27). Итакъ, хотя бы и никто не захотѣлъ воспользоваться этимъ, мы сдѣлаемъ свое дѣло и докажемъ, что въ Писаніи нѣтъ ничего лишняго и безъ цѣли сказаннаго. Если бы и въ настоящемъ мѣстѣ не заключа-

лось ничего полезнаго, оно не было бы приложено къ посланію и Павелъ не написалъ бы того, что написалъ. Но есть люди настолько нерадивые, легкомысленные и недостойные неба, что считаютъ излишними не только имена, но и цѣлыя книги, какъ-то: книгу Левитъ, Іисуса Навина и многія другія. Многіе изъ таковыхъ безумцевъ отвергли и весь ветхій завѣтъ и, давъ волю этому злому навыку, убавили многое и въ новомъ завѣтѣ. Впро- 668
чемъ, намъ мало теперь дѣла до такихъ нетрезвыхъ умомъ и живущихъ по плоти людей, а ревнитель любомудрія и любитель духовной бесѣды пусть знаетъ, что въ Писаніи даже повидимому маловажное сказано не напрасно и не безъ цѣли и что ветхій завѣтъ заключаетъ въ себѣ много полезнаго. *Сія вся образи писана быша въ наученіе наше* (1 Кор. x, 11), говоритъ (апостолъ). Потому и Тимоѳею онъ говорилъ: *внемли чтенію, утѣшенію* (1 Тим. iv, 13), побуждая его читать всѣ книги Писанія, хотя онъ имѣлъ такой духовный даръ, что изгонялъ бѣсовъ и воскрешалъ мертвыхъ. Но обратимся къ предмету рѣчи. *Цѣлуйте Епенета возлюбленнаго ми.* Изъ этого можно видѣть, что (апостолъ) воздаетъ каждому особую похвалу. И быть возлюбленнымъ Павла, который умѣлъ любить не изъ милости, но съ разборомъ,—такая похвала не мала, а напротивъ очень велика и показываетъ въ Епенетѣ много добродѣтелей. Потомъ слѣдуетъ другая похвала: *иже есть начатокъ Ахаіи.* Этимъ (апостолъ) показываетъ, что Епенетъ или прежде всѣхъ притекъ ко Христу и увѣровалъ, что также составляетъ не малую похвалу, или показалъ благочестіе больше всѣхъ остальныхъ. Потому, сказавъ: *иже есть начатокъ Ахаіи,* (апостолъ) не умолкъ, чтобы не сталъ ты здѣсь разумѣть мірскую славу, но присовокупилъ: *во Христѣ.* Если первенствующій въ гражданскихъ дѣлахъ считается великимъ и знаменитымъ, то тѣмъ болѣе первенствующій въ дѣлахъ духовныхъ. И такъ какъ Епенетъ, какъ вѣроятно, былъ низкаго рода, то (апостолъ) указываетъ истинное его благородство и преимущество и этимъ украшаетъ его. Онъ говоритъ, что Епенетъ не для одного Коринѳа, но для цѣлаго народа былъ *начаткомъ,* то есть, сдѣлался какъ бы дверію и входомъ для прочихъ. А такимъ дается не малая награда, потому что такой человѣкъ получитъ великое воздаяніе и за добродѣтели другихъ, какъ не мало содѣйствовавшій имъ въ началѣ. *Цѣлуйте Маріамъ, яже много трудися о насъ* (ст. 6). Что это? Опять вѣнчается и восхваляется женщина, а мы, мужчины, опять пристыжены, или лучше сказать, не только пристыжены, но и почтены, — почтены тѣмъ, что у насъ есть такія женщины, а пристыжены тѣмъ, что мы, мужчины, далеко отстаемъ отъ нихъ. Но если постараемся узнать, чѣмъ укра-

шаются эти женщины, то и мы вскорѣ уподобимся имъ. Чѣмъ же онѣ украшаются? Пусть слышатъ это мужчины и женщины: не
669 перстнями, не ожерельями, не евнухами, не служанками, не златотканными одеждами, но трудами за истину. *Яже много трудися о насъ*, говоритъ (апостолъ), т. е. не за себя одну, не для собственнаго только усовершенствованія въ добродѣтели она трудилась, какъ и нынѣ дѣлаютъ многія женщины, постясь и ложась на землѣ, но и для спасенія другихъ, принявши на себя подвиги апостоловъ и евангелистовъ. Какъ же говоритъ (Павелъ): *женѣ же учити не повелѣваю* (1 Тим. II, 12)? Онъ запрещаетъ женщинѣ занимать почетное мѣсто среди церкви и засѣдать на возвышеніи, но не запрещаетъ учить словомъ; въ противномъ случаѣ какъ онъ могъ бы сказать женѣ, имѣющей невѣрующаго мужа: *что бо вѣси жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. VII, 16), и какъ могъ бы позволить женщинѣ обучать дѣтей, говоря: *спасется же чрезъ чадородіе, аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ* (1 Тим. II, 15)? И какъ же Прискилла наставляла въ вѣрѣ Аполлоса? Итакъ, (апостолъ) запрещаетъ въ этихъ словахъ не частныя назидательныя бесѣды, но собесѣдованія въ общихъ собраніяхъ, что прилично однимъ учителямъ. И опять, когда мужъ — человѣкъ вѣрующій, вполнѣ совершенный и могущій учить жену, но жена мудрѣе его, то (апостолъ) не запрещаетъ ей учить и исправлять. И здѣсь онъ не сказалъ: которая многому научила, но: *много трудися*, давая тѣмъ разумѣть, что Марія, кромѣ слова, служила и инымъ образомъ, именно тѣмъ, что подвергалась опасностямъ, давала деньги и совершала путешествія.

2. Вѣдь тогда женщины были неустрашимѣе львовъ и раздѣляли съ апостолами труды проповѣдничества, почему съ ними вмѣстѣ путешествовали и служили во всемъ остальномъ. И за Христомъ слѣдовали женщины, служившія имуществомъ своимъ и ухаживавшія за Учителемъ. *Цѣлуйте Андроника и Іунію сродники моя* (ст. 7). Хотя и это кажется похвалою, однакоже слѣдующее гораздо важнѣе. Что же именно? *И сплѣнники моя.* Вотъ величайшій вѣнецъ, вотъ громкая слава.

Гдѣ же былъ плѣнникомъ Павелъ, называющій ихъ своими соплѣнниками? Плѣнникомъ онъ не былъ, но пострадалъ больше всякаго плѣнника, такъ какъ не только былъ разлученъ съ своимъ отечествомъ и домомъ, но боролся съ голодомъ, непрестанною смертію и тысячами другихъ несчастій. Для плѣнника то въ особенности ужасно, что, разлучаемый съ своими, онъ часто дѣлается изъ свободнаго рабомъ. А здѣсь можно указать безчисленное множество искушеній, какимъ подвергался блаженный

Павелъ, влачимый съ мѣста на мѣсто, бичуемый, связываемый, побиваемый камнями, ввергаемый въ море, окруженный тысячами злоумышленниковъ. Плѣнники, послѣ отведенія въ плѣнъ, не имѣютъ уже ни одного врага, но плѣнившіе ихъ прилагаютъ о нихъ большое попеченіе. А Павелъ всегда находился среди враговъ, вездѣ видѣлъ копья, изощренные мечи, ополченія и битвы. А такъ какъ и бывшіе съ нимъ по необходимости участвовали во многихъ опасностяхъ, то онъ и называетъ ихъ своими соплѣнниками, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Аристархъ сплѣнникъ мой* (Колос. IV, 10). Потомъ слѣдуетъ новая похвала: *иже суть нарочиты во апостолѣхъ*. Конечно, и быть апостоломъ важно; но посуди, какъ велика похвала — быть прославившимся среди 670
апостоловъ; прославились же они своими дѣлами, своими заслугами. Вотъ каково было любомудріе этой женщины, удостоившейся наименованія апостольскаго. Но (Павелъ) и на этомъ не останавливается, а присоединяетъ еще другую похвалу, говоря: *иже и прежде мене вѣроваша во Христа*. И это — предупредить другихъ и придти прежде — есть весьма большая похвала. Смотри же, сколько святая душа (Павлова) чиста была отъ тщеславія. При всей своей славѣ (Павелъ) предпочитаетъ себѣ другихъ, не скрываетъ того, что пришелъ послѣдній, и не стыдится признаться въ этомъ. И чему дивиться, если онъ не стыдится этого, когда онъ не отказывается раскрывать и прежнюю жизнь свою, называя себя хульникомъ и гонителемъ? А такъ какъ онъ не могъ предпочесть ихъ въ этомъ другимъ апостоламъ, то отыскалъ того, кто пришелъ ко Христу послѣ другихъ, именно себя, и изъ этого составилъ имъ похвалу, говоря: *иже и прежде мене вѣроваша во Христа. Цѣлуйте Амплія возлюбленнаго ми* (ст. 8). (Апостолъ) опять обращаетъ въ похвалу любовь свою, потому что любовь Павла была любовь для Бога и заключала въ себѣ безчисленныя блага. Если великимъ считается заслужить любовь царя, то какая похвала быть возлюбленнымъ Павла? Если бы онъ не обладалъ многими добродѣтелями, то не привлекъ бы его любви къ себѣ. (Апостолъ) не только не любилъ живущихъ худо и беззаконно, но даже предавалъ проклятію. Такъ, напримѣръ, говоритъ: *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Кор. XVI, 22), и: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. I, 9). *И Урвана спослѣшника нашего о Христѣ* (ст. 9). Эта похвала больше предыдущей, потому что въ ней заключается и предыдущая. *И Стахія возлюбленнаго ми*. И этого опять вѣнчаетъ тѣмъ же. *Цѣлуйте Апеллія, искусна о Христѣ* (ст. 10). Ничто не равняется съ этою похвалою — быть безукоризненнымъ и не подать даже повода къ укоризнѣ

въ дѣлахъ по Богу. И когда (апостолъ) говоритъ: *искусна о Христѣ*, онъ разумѣетъ всякую добродѣтель. Почему же (апостолъ) не употребляетъ въ привѣтствіяхъ своихъ такихъ выраженій: господина моего такого-то, владыку моего? Потому что та похвала важнѣе этой: въ этой выражается одна честь, а въ апостольской похвалѣ указывается добродѣтель. И (апостолъ) не случайно почтилъ ихъ одинаковой похвалой, привѣтствуя многихъ низшихъ на ряду съ высшими и знатными. Тѣмъ, что привѣтствуетъ ихъ и привѣтствуетъ вмѣстѣ съ другими въ томъ же посланіи, (апостолъ) оказалъ всѣмъ равную честь, а тѣмъ, что каждаго хвалитъ въ частности, представилъ намъ особую добродѣтель каждаго. И это онъ дѣлаетъ для того, чтобы не породить зависти, почтивъ однихъ и не почтивъ другихъ, а также, чтобы не смѣшать недостойныхъ съ достойными и не довести до нерадѣнія, удостоивъ той же чести всѣхъ и неодинаково достойныхъ.

3. Смотри же, какъ (апостолъ) опять обращается къ славнымъ женщинамъ, сказавъ: *цѣлуйте сущыя отъ Аристовула, и Иродіона сродника моего, и иже отъ Наркисса* (которые, вѣроятно, были не таковы, какъ прежде упомянутые, почему и не названы по именамъ), и воздавъ имъ надлежащую похвалу, именно что они были вѣрные,—это и означаютъ слова: *сущыя о Господѣ*,—опять начинаетъ привѣтствовать женщинъ, говоря: цѣлуйте *Трифену и Трифосу, труждающіяся о Господѣ* (ст. 12). (Апостолъ) о Маріи говоритъ: *трудися о насъ*, объ этихъ же женщинахъ гово-
671 ритъ, что онѣ еще трудятся. Не малая это похвала—всегда быть въ дѣлѣ и не только содѣйствовать, но и трудиться. А Персиду (апостолъ) называетъ возлюбленною, показывая, что она выше упомянутыхъ предъ нею. Онъ говоритъ: *цѣлуйте Персиду возлюбленную*, и свидѣтельствуетъ о многихъ ея трудахъ слѣдующими словами: *яже много трудися о Господѣ*. Такъ умѣлъ онъ назвать каждаго по достоинству, однихъ поощряя къ большему усердію тѣмъ, что никого не лишаетъ принадлежащаго ему, но возвѣщаетъ и о малѣйшемъ преимуществѣ каждаго, а другихъ дѣлая болѣе ревностными тѣмъ, что возбуждаетъ въ нихъ своими похвалами соревнованіе къ дѣламъ первыхъ. *Цѣлуйте Руфа избраннаго о Господѣ, и матерь его и мою* (ст. 13). И здѣсь опять все хорошо, когда такой сынъ, такая мать, домъ, полный благословенія, и корень, соотвѣтствующій плоду. (Апостолъ) безъ основанія не сказалъ бы—*матерь его и мою*, если бы не свидѣтельствовалъ этимъ о многихъ добродѣтеляхъ женщины. *Цѣлуйте Асинкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ерміа, и сущію съ ними братію* (ст. 14). Здѣсь смотри не на то, что (апостолъ) перечислилъ ихъ, не приписавъ имъ никакой похвалы, но на то, что, хотя они были

и гораздо ниже всѣхъ, однакоже удостоились его привѣтствія. Лучше же сказать, и то не малая похвала, что называетъ ихъ братіями, равно какъ и другихъ съ ними святыхъ, когда говоритъ: *цѣлуйте Филолога и Іулію, Нирея и сестру его, и Олимпана, и сущыя съ ними вся святыя* (ст. 15). Вотъ самое высокое достоинство, неизреченное величіе чести. Потомъ, чтобы не подать повода къ распрямъ тѣмъ, что однихъ привѣтствуетъ такъ, а другихъ иначе, однихъ по имени, а другихъ вообще, однихъ съ большими, а другихъ съ меньшими похвалами, (апостолъ) опять уравниваетъ всѣхъ равночестіемъ любви и святымъ лобзаніемъ, говоря: *цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ* (ст. 16). Этимъ миромъ онъ удаляетъ отъ нихъ всякій помыслъ, могущій смутить ихъ, и всякій поводъ къ малодушію, чтобы высшій не презиралъ низшаго, и низшій не завидовалъ высшему, но удалены были презрѣніе и зависть, а святое лобзаніе все умиротворило и уравнило. Поэтому не только повелѣваетъ имъ привѣтствовать другъ друга, но и посылаетъ имъ привѣтствіе всѣхъ церквей,—говоритъ: *цѣлуютъ вы*, не того или другого въ частности, но всѣхъ вообще, *церкви Христовы*. Замѣчаешь ли, какую не малую пользу мы получили отъ этихъ привѣтствій? Сколько сокровищъ мы прошли бы мимо, если бы этой части посланія не изслѣдовали съ тщательностью, разумѣю—такою, какая была для насъ возможна? А если бы отыскался мудрый и духовный мужъ, то онъ проникъ бы глубже и увидѣлъ бы больше жемчужинъ. Но такъ какъ иные неоднократно спрашивали, почему (апостолъ) въ этомъ посланіи многихъ привѣтствуетъ, чего онъ не дѣлалъ въ другихъ посланіяхъ, то можно бы сказать на это, что (апостолъ) поступаетъ такимъ образомъ потому, что еще никогда не видѣлъ римлянъ. Но на это скажутъ, что онъ не видѣлъ и колоссянъ, однакоже не дѣлаетъ этого. Но римляне были знаменитѣе прочихъ и въ Римѣ, какъ въ болѣе безопасномъ и столичномъ городѣ, жили переселившіеся туда изъ другихъ городовъ. И такъ какъ они жили на чужой сторонѣ и имѣли нужду въ большемъ покровительствѣ, нѣкоторые же изъ нихъ были лично 672
знакомы Павлу, а другіе, находясь въ Римѣ, весьма много служили ради него, то и естественно было (апостолу) похвалить ихъ въ посланіи. Вѣдь и тогда слава Павла была не мала, но настолько велика, что удостоившіеся его посланія въ самомъ этомъ писаніи находили для себя большую защиту. Павла не только уважали, но и боялись. Иначе онъ не сталъ бы говорить такъ: *сія заступница многихъ бысть и самому мнѣ;* и еще: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти*. Онъ и въ посланіи къ Филимону сказалъ: *якоже Павелъ старецъ, нынѣ же и узникъ Іисуса Христа*

(Фил. I, 9), а въ посланіи къ Галатамъ: *се азъ Павелъ глаголю вамъ* (Гал. V, 2), и: *пріясте мя, яко Іисуса Христа* (Гал. IV, 14). Также въ посланіи къ Коринѳянамъ говорилъ: *яко не грядущу ми къ вамъ разгордѣшася нѣцыи* (1 Кор. IV, 18), и еще: *сія же преобразихъ на себе и Аполлоса васъ ради, да отъ насъ научитеся не паче написанныхъ мудрствовати* (1 Кор. IV, 6). Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что о Павлѣ всѣ имѣли высокое мнѣніе. Потому желая, чтобы они были въ безопасности и въ уваженіи, (апостолъ) привѣтствуетъ и отличаетъ каждаго по возможности. Одного назвалъ возлюбленнымъ, другого сродникомъ, иного возлюбленнымъ и сродникомъ, иного соплѣнникомъ, одного споспѣшникомъ, другого искуснымъ, иного избраннымъ. Равнымъ образомъ и касательно женщинъ онъ указываетъ на званіе; такъ Фиву назвалъ не просто—служительницею (потому что, въ противномъ случаѣ, онъ также наименовалъ бы Трифену и Персиду), но говоритъ, что она имѣла и рукоположеніе діаконисы, одну называетъ споспѣшницею и сотрудницею, другую матерью, относительно третьей указываетъ труды, какіе она понесла. Инымъ онъ обращаетъ въ похвалу славу ихъ дома, другихъ привѣтствуетъ именемъ братій и святыхъ, однихъ отличаетъ тѣмъ, что удостоиваетъ привѣтствія, другихъ тѣмъ, что привѣтствуетъ по имени, иныхъ тѣмъ, что именуетъ начаткомъ, а иныхъ отличаетъ по старшинству; болѣе же всѣхъ восхваляетъ Прискиллу и Акилу. Хотя всѣ они были вѣрные, но не всѣ были равны между собою, различались другъ отъ друга подвигами. А потому (апостолъ), побуждая всѣхъ къ большимъ трудамъ, не утаилъ ничьей похвалы. Вѣдь если бы болѣе трудящіеся получали не большую награду, многіе сдѣлались бы болѣе нерадивыми.

4. Потому и въ царствѣ небесномъ не всѣмъ равная честь, и между учениками Христа не всѣ были равны, но трое превосходили прочихъ, даже между этими тремя было опять много различія, такъ какъ у Бога соблюдается во всемъ точность въ высшей степени. *И звѣзда бо отъ звѣзды,* такъ сказано, *разнствуетъ во славѣ.* Хотя всѣ были апостолами, всѣ двѣнадцать должны были сѣсть на престолахъ, всѣ оставили свое и послѣдовали за Христомъ, однакоже Онъ избралъ троихъ. Опять и объ этихъ троихъ Онъ сказалъ, что иные займутъ мѣсто ниже, а другіе выше. Онъ сказалъ: *а еже сѣсти одесную и ошую, нѣсть Мнѣ дати, но имже уготовано есть* (Мар. X, 40). Петру отдаетъ предъ ними первенство, говоря: *любиши ли Мя паче сихъ* (Іоан. XXI, 15)? А Іоаннъ любилъ Его болѣе прочихъ. И испытаніе всѣхъ вообще будетъ строгое: хотя бы ты немного превосходилъ ближняго, хотя бы это преимущество было весьма мало и даже ничтожно,

Богъ не оставитъ и его безъ вниманія. Это ясно можно видѣть и въ ветхомъ завѣтѣ. И Лотъ былъ праведенъ, но не такъ, какъ Авраамъ, тоже и Езекія, но не столько, какъ Давидъ, и всѣ пророки, но не такъ, какъ Іоаннъ. Итакъ, гдѣ тѣ, которые и при такомъ правосудіи Божіемъ не допускаютъ существованія геенны? Если праведники не всѣ получатъ равныя награды, хотя бы и мало превосходили другъ друга (*звѣзда бо отъ звѣзды*, какъ сказано, *разнствуетъ во славѣ*), то какъ же грѣшники получатъ одно 673
и тоже съ праведниками? И человѣкъ не допуститъ такого сліянія, а тѣмъ болѣе Богъ. Но если угодно, я докажу вамъ это различіе и строгое правосудіе на самихъ грѣшникахъ и на основаніи того, что уже произошло. Смотри же: согрѣшилъ Адамъ, согрѣшила и Ева, и хотя оба преступили заповѣдь, однакоже не въ равной степени согрѣшили, почему не одинаково и наказаны. Различіе было такъ велико, что Павелъ сказалъ: Адамъ *не прельстися, жена же прельстившаяся въ преступленіи бысть* (1 Тим. II, 14). Хотя прельщеніе было одно, однакоже по строгому испытанію Божію оказалось такое различіе, что Павелъ могъ сказать это. Опять Каинъ наказанъ, а Ламехъ, послѣ него совершившій убійство, не понесъ подобнаго наказанія, хотя и здѣсь убійство, и тамъ убійство, даже Ламехово убійство гораздо ужаснѣе, потому что Ламехъ, и подъ воздѣйствіемъ примѣра, не сдѣлался лучше; но, такъ какъ онъ убилъ не брата и не послѣ сдѣланнаго ему вразумленія, не имѣлъ нужды въ обличителѣ и не отвѣчалъ съ безстыдствомъ на вопросъ Божій, напротивъ,—никѣмъ не обличаемый, самъ себя укорилъ и осудилъ, то онъ и получилъ себѣ прощеніе, а Каинъ, поступившій совершенно иначе, былъ наказанъ. Замѣть, съ какою точностію Богъ испытываетъ каждое дѣло. Поэтому иначе Онъ наказалъ жившихъ предъ потопомъ и иначе содомлянъ; и израильтянъ онъ также различно наказывалъ и въ Вавилонѣ и при Антіохѣ, показывая, что Онъ строго взвѣшиваетъ наши дѣла. Одни работали семьдесятъ, другіе четыреста лѣтъ, иные ѣли собственныхъ дѣтей и перенесли тысячи другихъ ужаснѣйшихъ бѣдствій, и при всемъ томъ не получили избавленія, какъ израильтяне, такъ и тѣ, которые заживо сгорѣли въ Содомѣ. Сказано: *отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй, нежели граду тому* (Мѳ. X, 15). Если бы Богъ не наблюдалъ за тѣмъ, грѣшимъ ли мы, или дѣлаемъ добро, то, можетъ быть, было бы нѣкоторое основаніе сказать, что нѣтъ наказанія, а если Онъ такъ много печется о томъ, чтобы мы не грѣшили, и употребляетъ такія большія мѣры, чтобы исправить насъ, то очевидно, что Онъ наказываетъ и согрѣшающихъ и вѣнчаетъ дѣлающихъ добро. Обрати опять вниманіе на непостоян-

ство (въ сужденіяхъ) большинства людей. Здѣсь жалуются на Бога, что Онъ часто бываетъ долготерпѣливъ и равнодушно взираетъ на то, что многіе злодѣи, распутники, притѣснители остаются безъ наказанія; тамъ опять горько и сильно ропщутъ на то, что Богъ угрожаетъ имъ наказаніемъ, хотя, конечно, если последнее огорчаетъ ихъ, то первое слѣдовало бы восхвалить и одобрить. О, безуміе! О, скотское и ослиное разсужденіе! О, грѣхолюбивая и преданная пороку душа! Вѣдь всѣ эти сужденія происходятъ отъ любви къ удовольствіямъ, а если бы разсуждающіе такимъ образомъ захотѣли прилѣпиться къ добродѣтели, то они скоро убѣдились бы въ гееннѣ и не стали болѣе сомнѣваться.

Спрашиваешь, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? Но что тебѣ до этого за дѣло? Нужно знать, что она есть, а не то, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ скрывается. Нѣкоторые пустословятъ и говорятъ, что она находится на Іосафатовой долинѣ, основываясь на томъ, что здѣсь была какая-то давняя война, и теперь превращая ее въ геенну. Но Писаніе этого не говоритъ. Ты спрашиваешь: въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? По моему мнѣнію,
674 гдѣ-нибудь внѣ всего этого міра. Какъ царскія темницы и рудокопни бываютъ вдали, такъ и геенна будетъ гдѣ-нибудь внѣ этой вселенной.

4. Итакъ, станемъ спрашивать не о томъ, гдѣ она находится, но какъ избѣжать ея, а также на томъ основаніи, что Богъ не всѣхъ наказываетъ здѣсь, ты не долженъ не вѣрить будущимъ наказаніямъ; вѣдь Онъ человѣколюбивъ и долготерпѣливъ, потому угрожаетъ и не тотчасъ ввергаетъ (въ геенну). *Не хощу смерти грѣшника* (Іезек. xviii, 32), говоритъ Онъ. А если нѣтъ смерти для грѣшника, то это напрасно сказано. Знаю, что для васъ всего непріятнѣе рѣчь о гееннѣ, но для меня нѣтъ ничего пріятнѣе этого. О, если бы вы и за обѣдомъ, и за ужиномъ, и въ банѣ—вездѣ бесѣдовали о гееннѣ! Тогда мы не сѣтовали бы на настоящія бѣдствія и не услаждались бы земными благами. Да и что ты назовешь несчастіемъ: нищету, болѣзнь, плѣнъ, лишеніе членовъ тѣла? Все это достойно смѣха въ сравненіи съ будущимъ наказаніемъ. Хотя бы ты указалъ мнѣ на томящихся всегда отъ голода, на лишенныхъ зрѣнія съ младенчества, на живущихъ нищенствомъ,—и это ничего не значитъ въ сравненіи съ будущимъ мученіемъ. Потому будемъ непрестанно говорить о гееннѣ, память о которой не допуститъ насъ впасть въ нее. Или ты не слышишь, что говоритъ Павелъ: *иже муку пріимутъ вѣчную отъ лица Господня?* Или не слышалъ, каковъ былъ Неронъ, котораго Павелъ называетъ антихристовою тайною? *Тайна бо уже дѣется беззаконія*, говоритъ онъ. Итакъ, что же? Неужели ничего не по-

терпитъ Неронъ? Ничего не потерпитъ антихристъ? Ничего діаволъ? А слѣдовательно, антихристъ и діаволъ всегда будутъ, потому что, оставшись безъ наказанія, не оставятъ злобы своей. Да, говоришь ты, всякому извѣстно, что есть наказаніе и геенна, но впадутъ въ геенну одни невѣрующіе. Почему же, скажи мнѣ? Потому, отвѣчаешь, что вѣрующіе познали своего Владыку. Что же изъ этого? Если жизнь ихъ нечиста, то они подвергнутся за это большему наказанію, чѣмъ невѣрные. *Елицы бо безъ закона согрѣшиша, безъ закона и погибнутъ; и елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ* (Рим. II, 12). И еще: *рабъ вѣдѣвый волю господина своего, и не сотворивъ, біенъ будетъ много* (Лук. XII, 47). Но если это сказано безъ цѣли и намъ не придется отдавать отчетъ въ жизни, то и діаволъ не будетъ наказанъ, потому что онъ знаетъ Бога лучше многихъ изъ людей, и всѣ бѣсы знаютъ Бога, трепещутъ Его и признаютъ Судіею. Значитъ, если не потребуется отъ насъ отчета въ жизни и въ злыхъ дѣлахъ, то и бѣсы избѣгнутъ наказанія. Нѣтъ, это не такъ! Не обманывайте сами себя, возлюбленные. Если нѣтъ геенны, то какъ же апостолы будутъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ? Какъ же Павелъ говоритъ: *не вѣсте ли, яко аггеловъ судити имамы, а не точію житейскихъ* (1 Кор. VI, 3)? Для чего же Христосъ сказалъ: *мужіе Ниневитстіи востанутъ на судъ, и осудятъ родъ сей* (Мѳ. XII, 41); и еще: *земли Содомстѣй отраднѣе будетъ въ день судный* (XI, 24)? Итакъ, зачѣмъ ты шутишь тѣмъ, чѣмъ шутить не должно? Зачѣмъ ты обманываешь себя самого и вводишь въ заблужденіе душу свою? Зачѣмъ борешься противъ Божія человѣколюбія? Богъ уготовалъ геенну и угрожаетъ ею для того именно, чтобы мы, сдѣлавшись отъ страха лучше, не впали въ нее. Такимъ образомъ, кто не позволяетъ говорить о гееннѣ, тотъ незамѣтно дѣлаетъ не что иное, какъ этимъ обманомъ толкаетъ и ввергаетъ другого въ геенну. Не ослабляй же рукъ, подвизающихся въ 675
добродѣтели, не усиливай нерадѣнія въ людяхъ, погруженныхъ въ сонъ. Если бы большинство людей повѣрили, что нѣтъ геенны, то когда они отстанутъ отъ порока? Гдѣ же явится правда? Не говорю о правдѣ въ отношеніи къ грѣшникамъ и праведникамъ, но въ отношеніи къ грѣшникамъ и къ грѣшникамъ. Почему одинъ наказанъ здѣсь, а другой не наказанъ за одни и тѣ же грѣхи, или и гораздо болѣе тяжкіе? Если нѣтъ геенны, ты не въ состояніи будешь отвѣчать на такое возраженіе. А потому и прошу васъ оставить такую смѣшную мысль и этимъ заградить уста возражающихъ противъ этого. Въ самыхъ малыхъ дѣлахъ, какъ худыхъ, такъ и добрыхъ, будетъ строгое испытаніе. И за нескромный взглядъ мы подвергнемся наказанію, дадимъ отчетъ за празд-

ное слово, за смѣхъ и злорѣчіе, за помыслъ и пьянство, а равно и въ добрыхъ дѣлахъ—за чашу студеной воды, за ласковое слово, за одинъ вздохъ получимъ награду. Сказано: *даждь знаменія на*
676 *лица стенящихъ и болѣзнующихъ* (Іезек. IX, 4). Какъ же ты смѣешь говорить, что Богъ, съ такою строгостію испытующій нашу жизнь, напрасно и безъ причины угрожаетъ геенною? Прошу тебя, не губи такими суетными надеждами и себя самого, и тѣхъ, которые вѣрятъ тебѣ. Если ты не вѣришь нашимъ словамъ, спроси іудеевъ, эллиновъ, всѣхъ еретиковъ, и всѣ они какъ бы одними устами отвѣтятъ, что будетъ судъ и воздаяніе. Но тебѣ не достаточно человѣческаго свидѣтельства? Тогда спроси самихъ бѣсовъ и услышишь, какъ они вопіютъ: *что пришелъ еси сѣмо прежде времени мучити насъ* (Мѳ. VIII, 29)? Сообразивъ же все это, убѣди душу твою не предаваться суетнымъ мыслямъ, чтобы она на опытѣ не извѣдала геенны, а напротивъ, уцѣломудрившись помышленіемъ о гееннѣ, могла бы не только избѣжать будущихъ мученій, но и получить будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXXII.

675 **Молю же вы, братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры кромѣ ученія, ему же вы научистеся; и уклонитеся отъ нихъ. Таковіи бо Господеви нашему Іисусу Христу не работаютъ, но своему чреву; и благими словесы и благословеніемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ (XVI, 17, 18).**

1. Опять увѣщаніе и послѣ увѣщанія молитва. Сказавъ: остерегайтесь вводящихъ раздѣленія и не слушайтесь ихъ, (апостолъ) присовокупилъ: *Богъ же мира да сокрушитъ сатану подъ ноги ваша*, и: *благодать Господа съ вами* (ст. 20). Замѣть же, какъ снисходительно онъ увѣщеваетъ, дѣлая это не какъ совѣтникъ, но какъ слуга и даже съ большимъ къ нимъ уваженіемъ. (Апостолъ) называетъ ихъ братіями и проситъ, говоря: *молю вы, братіе*. Потомъ предостерегаетъ ихъ, обнаруживая козни вредныхъ людей. Но такъ какъ эти люди не дѣйствовали явно, то (апостолъ) говоритъ: *молю же вы, блюдитеся*, то есть, тщательно изслѣдуйте, узнавайте, испытывайте. Кого же именно остерегаться? *Творящихъ распри и раздоры кромѣ ученія, емуже вы научистеся*,—потому что раздѣленіе всего болѣе подрываетъ церковь, это—діавольское ору-

жіе, имъ все ниспровергается. Пока единеніе соблюдается въ тѣлѣ (церкви), до тѣхъ поръ діаволъ не можетъ имѣть доступа, но отъ раздѣленія происходитъ соблазнъ. Отчего же раздѣленіе? Отъ ученій, противныхъ ученію (апостоловъ). Откуда же такія ученія? Отъ служенія чреву и прочимъ страстямъ. *Таковіи бо*, говоритъ (апостолъ), *Господеви не работаютъ, но своему чреву*. Такимъ образомъ, не было бы ни соблазновъ, ни раздѣленія, если бы не было выдумано ученіе противное ученію апостольскому; указывая на это, (апостолъ) и говоритъ здѣсь: *кромѣ ученія*. Онъ не сказалъ: которому мы научили, но: *ему же вы научистеся*, чѣмъ предупреждаетъ ихъ и показываетъ, что они совершенно убѣждены, услышали и приняли ученіе. Что же намъ дѣлать съ этими зловредными людьми? (Апостолъ) не сказалъ: идите противъ нихъ и бейте, но: *уклонитеся отъ нихъ*. Если бы они дѣлали это по незнанію или по заблужденію, то ихъ слѣдовало бы исправить, но такъ какъ они съ сознаніемъ грѣшатъ, то удаляйтесь отъ нихъ прочь. И въ другомъ мѣстѣ (апостолъ) говоритъ: *отлучайтеся отъ всякаго брата безчинно ходяща* (2 Солун. III, 6). И относительно (Александра) ковача онъ даетъ такой же совѣтъ Тимоѳею, говоря: *отъ негоже и ты себе блюди* (2 Тим. IV, 15). Потомъ, укоряя тѣхъ, которые осмѣливаются вводить раздѣленіе, онъ показываетъ и причину этого ихъ поступка, говоря: *таковіи бо Господеви нашему Христу не работаютъ, но своему чреву*. То же самое онъ говорилъ и въ посланіи къ Филиппійцамъ: *имже богъ чрево* (Филип. III, 19). А здѣсь, какъ думаю, (апостолъ) дѣлаетъ намекъ на обратившихся изъ іудеевъ, которыхъ обыкновенно всегда укоряетъ въ чрезмѣрномъ чревоугодіи. И въ посланіи къ Титу онъ сказалъ о нихъ: *зліи звѣріе и утробы праздныя* (Тит. I, 12). Также Христосъ, обвиняя ихъ въ этомъ, говоритъ: *снѣдаете домы вдовицъ* (Мѳ. XXIII, 14). И пророки обличали ихъ въ томъ же,—сказано: *уты, утолстѣ, и отвержеся возлюбленный* (Второз. XXXII, 15). Потому и Моисей увѣщевалъ ихъ такъ: *ядый и насытився вспомни Господа Бога твоего* (VI, 11 и 12). И по свидѣтельству евангелія іудеи говорили Христу: *кое знаменіе являеши намъ* (Іоан. II, 18)?—и, оставивъ все остальное, упоминаютъ только о маннѣ. Такимъ образомъ изъ всего можно видѣть, что іудеи были заражены страстію чревоугодія. Какъ же брату Христа не стыдиться имѣть учителями рабовъ чрева? Итакъ, чревоугодіе служитъ причиною заблужденія, а способъ злоумышленія есть опять другая болѣзнь, именно—лесть. *Благими словесы прельщаютъ сердца незлобивыхъ*, говоритъ (апостолъ). Хорошо сказано: *благими словесы*. Услуги льстецовъ только на словахъ, а сердце ихъ не таково, но исполнено коварства. Далѣе (апостолъ) не сказалъ: прельщаютъ васъ,

но: *сердца незлобивыхъ.* Даже и этимъ не ограничился, но, чтобы слова его показались не слишкомъ рѣзкими, продолжаетъ: *ваше бо послушаніе ко всѣмъ достиже* (ст. 19). Это сказано не съ тѣмъ, чтобы избавить ихъ отъ стыда, но чтобы предупредить похвалами и множествомъ свидѣтелей удержать въ повиновеніи. Не я одинъ, говоритъ, свидѣтельствую, но цѣлая вселенная. И не сказалъ (апостолъ): ваше благоразуміе, но: *ваше послушаніе,* то есть, повиновеніе, а это свидѣтельствовало о великой кротости. *Радуюся же*
677 *еже о васъ.* Не малая и это похвала. Потомъ за похвалою слѣдуетъ увѣщаніе. Освободивъ ихъ отъ обличенія, (апостолъ), чтобы они по забвенію не могли сдѣлаться болѣе нерадивыми, снова дѣлаетъ имъ намеки и говоритъ: *хощу же васъ мудрыхъ убо быти во благое, простыхъ же въ злое.* Видишь ли, какъ тонко онъ опять обличаетъ ихъ, когда они и не подозрѣваютъ этого, такъ какъ этимъ (апостолъ) намекаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ уже обольщены. *Богъ же мира да сокрушитъ сатану подъ ноги ваша вскоръ* (ст. 20). Такъ какъ (апостолъ) сказалъ о вводящихъ раздоры и соблазны, то говоритъ теперь о Богѣ мира, чтобы они смѣло надѣялись на освобожденіе отъ нихъ. Кто любитъ миръ, тотъ ниспровергаетъ все, нарушающее миръ. И не сказалъ (апостолъ)—покоритъ, но, что гораздо важнѣе—*сокрушитъ,* сокрушитъ не только тѣхъ, которые вводятъ раздоры, но и вождя ихъ—сатану. И не просто сокрушитъ, но сокрушитъ *подъ ноги ваша,* такъ что они одержатъ побѣду и сдѣлаются знаменитыми вслѣдствіе этой побѣды. (Апостолъ) утѣшаетъ также и непродолжительностію времени, а именно присовокупилъ—*вскоръ.* Такимъ образомъ, въ словахъ его заключались вмѣстѣ и молитва и пророчество. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами.* Вотъ величайшее оружіе, несокрушимая стѣна, непоколебимая крѣпость,—(апостолъ) для того и напомнилъ имъ о благодати, чтобы сдѣлать ихъ болѣе ревностными. Если вы освободились отъ болѣе опаснаго и освободились по одной благодати, то тѣмъ болѣе освободитесь отъ меньшаго, когда сдѣлались и друзьями и присоединили собственныя свои усилія.

2. Видишь, какъ (апостолъ) не отдѣляетъ и молитву отъ дѣлъ, и дѣла отъ молитвы. Засвидѣтельствовавъ объ ихъ послушаніи, онъ потомъ сталъ молиться, показывая этимъ, что, если мы со всѣмъ усердіемъ ищемъ спасенія, то необходимо для насъ и то и другое, и собственныя усилія, и благодать Божія. Въ благодати Божіей мы не только прежде имѣли нужду, но и теперь имѣемъ, какъ бы мы ни были велики и искусны. *Цѣлуетъ васъ Тимоѳей споспѣшникъ мой* (ст. 21). Видишь опять обычныя похвалы? *И Лукій и Іасонъ и Сосипатръ сродницы мои.* Объ Іа-

сонѣ упоминаетъ также и Лука и представляетъ намъ его мужество, говоря: *влечаху его ко градоначальникомъ, вопіюще* (Дѣян. xvii, 6). Естественно, что и остальные были люди примѣчательные, такъ какъ (Павелъ) не упомянулъ бы просто о сродникахъ, если бы они не были подобны ему по благочестію. *Цѣлую вы и азъ Тертій, написавый посланіе сіе* (ст. 22). И это не малая похвала—быть писцемъ Павла; но, конечно, Тертій говоритъ это не въ похвалу себѣ, но чтобы служеніемъ своимъ привлечь къ себѣ горячую любовь римлянъ. *Цѣлуетъ вы Гаіе страннопріимецъ* (ξένος) *мой и церкве всея* (ст. 23). Замѣчаешь ли, какой вѣнецъ сплелъ ему (апостолъ), засвидѣтельствовавъ о столь великомъ его страннолюбіи и собравъ всю церковь къ нему въ домъ? Словомъ ξένος онъ называетъ здѣсь страннопріимца. А когда услышишь, что Гаій принималъ у себя въ домѣ Павла, дивись не только щедрости, но и строгой жизни Гаія, потому что, если бы Гаій не былъ достоинъ добродѣтелей Павла, то Павелъ и не пошелъ бы къ нему въ домъ. Стараясь исполнить многія изъ заповѣдей Христовыхъ болѣе того, сколько ими предписывалось, (апостолъ) не преступилъ бы того закона, которымъ повелѣвалось напередъ освѣдомляться о принимающихъ и останавливаться въ домахъ у достойныхъ. *Цѣлуетъ вы Ерастъ строитель градскій, и Куартъ братъ* (ст. 23). Не безъ основанія (апостолъ) прибавилъ слова: *строитель градскій*, но какъ писалъ и Филиппійцамъ: *цѣлуютъ вы иже отъ Кесарева дома* (Фил. ii, 22), чтобы показать, что про- 678
повѣдь коснулась и людей знатныхъ,—такъ и здѣсь съ тою же самою цѣлію упоминаетъ о достоинствѣ Ераста, давая этимъ понять, что внимательному къ себѣ человѣку не служатъ препятствіемъ ни богатство, ни заботы по должности, ни другое тому подобное. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами. Аминь* (ст. 24). Видишь ли, чѣмъ должно все начинать и оканчивать? Это самое апостолъ положилъ и въ основаніе своего посланія, этимъ же и покрылъ все зданіе, одновременно испрашивая римлянамъ у Бога благодать—мать всѣхъ благъ и напоминая имъ о всѣхъ благодѣяніяхъ Божіихъ. Это преимущественная черта доблестнаго учителя — помогать ученикамъ не только словомъ, но и молитвою, почему и сказано: *мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ* (Дѣян. vi, 4). Кто же будетъ молиться о насъ, послѣ того какъ Павелъ отошелъ отъ насъ? Подражатели Павла,—сдѣлаемся только достойными этого ходатайства о насъ, чтобы не только здѣсь слышать намъ голосъ Павла, но и по удаленіи туда удостоиться намъ видѣть Христова подвижника; или лучше сказать, если здѣсь будемъ слушать его, то, безъ сомнѣнія, и тамъ его увидимъ, и хотя будемъ стоять и не возлѣ него, но,

несомнѣнно, увидимъ его во всемъ блескѣ близъ царскаго престола, гдѣ славословятъ херувимы, гдѣ парятъ серафимы. Тамъ мы и увидимъ Павла вмѣстѣ съ Петромъ, какъ главнаго и первоверховнаго въ ликѣ святыхъ, и тамъ вполнѣ насладимся его любовію. Если въ этой жизни онъ столько любилъ людей, что, при всемъ желаніи разрѣшиться и быть со Христомъ, предпочиталъ оставаться во плоти (Фил. I, 23), то тѣмъ болѣе пламенную любовь онъ покажетъ тамъ. Поэтому и я люблю Римъ; хотя можно хвалить въ немъ многое—его обширность, древность, красоту, многолюдство, могущество, богатство, военныя доблести, но, оставивъ все это, я прославляю его за то, что Павелъ при жизни своей писалъ къ римлянамъ, весьма любилъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними лично и жизнь свою кончилъ въ Римѣ. И городъ (Римъ) этимъ знаменитъ болѣе, чѣмъ всѣмъ прочимъ. Подобно великому и могучему тѣлу, Римъ имѣетъ два свѣтлыя ока—тѣла этихъ святыхъ апостоловъ. Не такъ блистательно небо, когда солнце разливаетъ лучи свои, какъ блистателенъ городъ римлянъ, озаряющій всѣ концы вселенной этими двумя свѣтилами. Оттуда будетъ восхищенъ Павелъ, оттуда Петръ. Помыслите и содрогнитесь, какое зрѣлище представитъ Римъ, когда Павелъ и Петръ возстанутъ тамъ изъ своихъ гробовъ и будутъ восхищены во срѣтеніе Христа, какую розу подноситъ Римъ Христу, какіе два вѣнца украшаютъ этотъ городъ, какія золотыя цѣпи опоясываютъ его, какими обладаетъ онъ источниками. Потому я и удивляюсь Риму, а не множеству золота, не колоннамъ, не прочимъ украшеніямъ, но этимъ столпамъ Церкви.

3. Кто дастъ мнѣ нынѣ прикоснуться къ тѣлу Павла, прильнуть ко гробу и увидѣть прахъ этого тѣла, которое восполнило въ себѣ недостатокъ скорбей Христовыхъ, носило язвы Хри-
679 стовы, повсюду посѣяло проповѣдь, прахъ того тѣла, въ которомъ Павелъ обтекъ вселенную, прахъ тѣла, посредствомъ котораго вѣщалъ Христосъ, возсіялъ свѣтъ блистательнѣе всякой молніи, возгремѣлъ гласъ, бывшій для демоновъ ужаснѣе всякаго грома, при помощи котораго Павелъ изрекъ тѣ вожделѣнныя слова: *молилбыхся отлученъ быти по братіи моей* (Рим. IX, 3), въ которомъ онъ говорилъ предъ царями и не стыдился, а мы познали Павла и самого Владыку его. Не столько страшенъ для насъ громъ, сколько страшенъ для демоновъ голосъ его. Если демоны трепетали одеждъ его, то тѣмъ болѣе голоса его. Этотъ голосъ привелъ демоновъ связанными, очистилъ вселенную, прекратилъ болѣзни, изгналъ порокъ, водворилъ истину; въ этомъ голосѣ присутствовалъ самъ Христосъ и всюду съ нимъ шествовалъ; голосъ Павла былъ тоже, что херувимы. Какъ

возсѣдаетъ Христосъ на небесныхъ силахъ, такъ возсѣдалъ онъ и на языкѣ Павла. Подлинно достоинъ былъ принять Христа этотъ языкъ, вѣщавшій только угодное Христу и, подобно серафимамъ, воспарившій на неизреченную высоту. Что превыспреннѣе такого голоса, который вѣщаетъ: *извѣстихся бо, яко ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина кая тварь возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ* (Рим. VIII, 38, 39)? Сколько, ты думаешь, крыльевъ, сколько очей было у этого голоса? Потому-то онъ и говорилъ: *не неразумѣваемъ бо помышленій Его* (2 Кор. II, 11): потому-то и бѣгали демоны, когда не только слышали вѣщанія Павла, но и видѣли одежду его, хотя бы Павелъ и находился далеко. Я желалъ бы увидѣть прахъ этихъ устъ, посредствомъ которыхъ Христосъ изглаголалъ великія и неизреченныя тайны, даже большія тѣхъ, какія возвѣстилъ самъ, потому что какъ чрезъ учениковъ Онъ и совершилъ больше, такъ и изглаголалъ больше,—прахъ тѣхъ устъ, которыми Духъ далъ вселенной дивныя свои провѣщанія. Чего не совершили благія уста Павла? Изгнали бѣсовъ, избавили отъ грѣховъ, заградили уста мучителямъ, связали языкъ философовъ, привели вселенную къ Богу, убѣдили варваровъ быть любомудрыми, преобразовали все на землѣ и на небѣ устраивали такимъ образомъ, какъ желалъ Павелъ, потому что онъ, по данной ему власти, вязалъ и разрѣшалъ тѣхъ, кого хотѣлъ. Я желалъ бы увидѣть прахъ не только устъ, но и сердца Павлова, которое можно, не погрѣшая, назвать сердцемъ вселенной, источникомъ тысячи безчисленныхъ благъ, началомъ и стихіею нашей жизни. Изъ этого сердца разливался на все духъ жизни и передавался членамъ Христовымъ, будучи сообщаемъ не посредствомъ жилъ, но посредствомъ добровольныхъ благихъ дѣлъ. Это сердце было такъ пространно, что вмѣщало въ себѣ цѣлые города, племена и народы. *Сердце наше распространися* (2 Кор. VI, 2), говоритъ (апостолъ). Однако же и это столь пространное сердце нерѣдко сжимала и угнетала расширяющая его любовь, какъ говоритъ самъ (Павелъ): *отъ печали многія и туги сердца написахъ вамъ* (2 Кор. II, 4). Я желалъ бы видѣть и разрушившееся это сердце, которое воспламенялось противъ каждаго изъ погибающихъ и вторично мучилось болѣзнями рожденія о чадахъ, родившихся несовершенными, которое видитъ Бога (какъ сказано: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ*), которое сдѣлалось жертвою (*жертва Богу духъ сокрушенъ*—Псал. XL, 19), было превыше небесъ, про- 680
страннѣе вселенной, блистательнѣе луча солнечнаго, горячѣе огня, тверже алмаза и источило рѣки, какъ сказано: *рѣки отъ*

чрева его истекутъ воды живы (Іоан. VII, 38). Въ этомъ сердцѣ былъ источникъ текущій и напаяющій не лице земли, но человѣческія души, изъ него и ночью, и днемъ истекали не простыя рѣки, но источники слезъ, оно жило новою, а не этою—нашею жизнію. *Живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20), говоритъ (Павелъ). Итакъ, сердце его было Христовымъ сердцемъ, скрижалію Духа Святаго, книгою благодати. Оно трепетало за чужіе грѣхи: *боюся*, говоритъ (апостолъ), *еда како всуе трудихся въ васъ* (Гал. IV, 2), *да не како, якоже змій Еву прельсти* (2 Кор. XI, 3), *еда како пришедъ, не якпхъ же хощу, обрящу васъ* (2 Кор. XII, 20); а за себя оно и боялось, и имѣло дерзновеніе: *боюся*, говоритъ (апостолъ), *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX, 27), и также: *извѣстихся, яко ни ангели, ни начала не возмогутъ разлучити насъ* (Римъ VIII, 38); оно удостоилось такъ возлюбить Христа, какъ не любилъ никто другой, презирало смерть и геенну, сокрушалось отъ братскихъ слезъ: *что творите*, говоритъ (Павелъ), *плачуще и сокрушающе ми сердце* (Дѣян. XXI, 13); это сердце было самое терпѣливое, однакоже и въ теченіе короткаго времени не могло стерпѣть отчужденія ѳессалоникійцевъ.

4. Я желалъ бы увидѣть прахъ рукъ, бывшихъ въ узахъ,—рукъ, чрезъ возложеніе которыхъ (Павелъ) подавалъ Духа и которыми написалъ онъ эти письмена: *видите, колицѣми книгами писахъ вамъ моею рукою* (Гал. VI, 11), и еще: *цѣлованіе моею рукою Павлею* (1 Кор. XVI, 21),—прахъ рукъ, увидѣвъ которыя ехидна упала въ огонь. Я желалъ бы увидѣть прахъ очей, которыя не напрасно потеряли зрѣніе, прозрѣли во спасеніе вселенной и еще въ тѣлѣ удостоились увидѣть Христа, которыя смотрѣли на земное и не видѣли, созерцали незримое, не знали сна, бодрствовали среди ночей и не страдали тѣмъ, что свойственно завистникамъ. Я желалъ бы увидѣть прахъ тѣхъ ногъ, которыя обтекли вселенную и не утомились, которыя были заключены въ колоду, когда поколебалась темница, которыя обошли обитаемую и необитаемую землю и многократно по ней путешествовали (Дѣян. XVI, 24, 26). Но зачѣмъ говорить въ подробностяхъ? Я желалъ бы увидѣть гробъ, въ которомъ положено оружіе правды, оружіе свѣта, члены нынѣ живые, но мертвые тогда, когда находился Павелъ въ живыхъ, члены, въ которыхъ жилъ Христосъ, члены распятые міру, члены Христовы, во Христа облеченные, храмъ Духа, святое зданіе, члены связанные Духомъ, пригвожденные страхомъ Божіимъ, носящіе на себѣ язвы Христовы. Это тѣло ограждаетъ Римъ, оно надежнѣе всякаго укрѣпленія и безчисленныхъ стѣнъ. А съ нимъ и тѣло Петра, потому что Па-

велъ почиталъ Петра еще при жизни: *взыдохъ соглядати Петра* (Гал. I, 18), говоритъ онъ. Потому благодать удостоила его и послѣ смерти быть съ Петромъ подъ однимъ кровомъ. Я желалъ бы увидѣть этого духовнаго льва. Какъ левъ, дышащій пламенемъ на стада лисицъ, напалъ онъ на сборище бѣсовъ и философовъ и, подобно быстрой молніи, ворвался въ діавольскія полчища. И діаволъ не могъ стоять противъ него прямо и открыто, но такъ боялся и трепеталъ, что, какъ скоро замѣчалъ его тѣнь и слышалъ его голосъ, бѣжалъ далеко. Такъ Павелъ, будучи вдали, предалъ сатанѣ впадшаго въ блудодѣяніе и потомъ опять исхитилъ изъ рукъ его (1 Кор. V, 35). Такъ поступалъ и съ дру- 681—682
гими, чтобы научились не богохульствовать. И смотри, какъ Павелъ поощряетъ, возбуждаетъ и укрѣпляетъ подчиненныхъ своихъ. Такъ Ефесеямъ онъ говоритъ: *нѣсть наша брань противу крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ* (Ефес. VI, 12), и потомъ указываетъ на награду въ небесномъ, говоря, что подвизаемся не ради земного, но ради неба и небеснаго; а другимъ пишетъ: *не вѣсте ли, яко аггеловъ судити имамы, а не точію житейскихъ* (1 Кор. VI, 3)? Итакъ, размысливъ о всемъ этомъ, будемъ мужественны. И Павелъ былъ человѣкъ, и онъ имѣлъ одинакое съ нами естество, и все прочее было у него общее съ нами. Но такъ какъ онъ явилъ великую любовь ко Христу, то взошелъ превыше небесъ и сталъ съ ангелами. Такимъ образомъ, если и мы захотимъ хотя нѣсколько вознестись и возжечь въ себѣ этотъ огонь, то и мы будемъ въ состояніи подражать святому (апостолу). А если бы это было невозможно, то (Павелъ) не восклицалъ бы: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. IV, 16). Итакъ, не будемъ только удивляться ему, не станемъ только изумляться предъ нимъ, но и будемъ подражать ему, чтобы, по отшествіи отсюда, намъ удостоиться узрѣть его и участвовать въ неизреченной славѣ, достигнуть которой да будетъ дано всѣмъ намъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

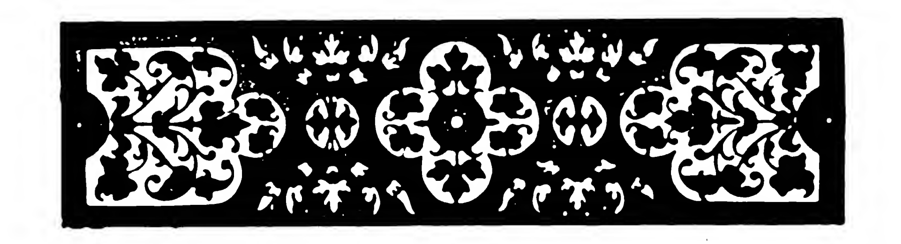
ТВОРЕНІЯ,

ПРИПИСЫВАЕМЫЯ СВ. ІОАННУ ЗЛАТОУСТУ

и

въ патрологіи Миня отнесенныя къ разряду

SPURIA.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

Слово увѣщательное о покаяніи, въ которомъ напоминаются и подвергаются порицанію всѣ людскіе пороки. Слово 1.

1. Хорошо, и въ высшей степени хорошо непрестанно памятовать 681
о Богѣ. Да и можетъ ли что быть лучше этого? Въ самомъ дѣлѣ, воспоминаніе о судахъ Его доставляетъ утѣшеніе, по слову пророка: *помянухъ судьбы твоя отъ вѣка, Господи, и утѣшихся* (Пс. CXVIII, 52). А какимъ утѣшеніемъ и радостію можетъ наслаждаться человѣкъ, памятующій непрестанно о Богѣ, — какъ снова говоритъ тотъ же пророкъ: *помянухъ Бога и возвеселихся* (Пс. LXXVI, 4)? Вкусившій же радости этого воспоминанія уже не допускаетъ памятованія ни о чемъ иномъ, какъ только о Богѣ, говоря: *Господи, помяну правду Тебе единаго* (Пс. LXX, 16); и опять: *помяну имя Твое во всякомъ родѣ и родѣ* (Пс. XLIV, 18). И въ другомъ мѣстѣ снова говоритъ вообще: *помянутся и обратятся ко Господу вси концы земли* (Пс. XXI, 21). Видишь ли, какую пользу доставляетъ памятованіе о Богѣ? Какую силу имѣетъ оно, привлекая къ себѣ даже и концы земли? Оно не только освободило людей отъ идолослуженія, но уничтожило окончательно и самую память о немъ. Вѣдь исполненные памятованіемъ о Богѣ, просвѣщенные и познавшіе истиннаго Бога говорятъ о пустыхъ идолахъ: *не помяну именъ ихъ устнама моима* (Пс. XV, 4). Видишь ли силу памятованія о Богѣ? Видишь ли благое измѣненіе? Замѣчаешь ли славное переселеніе? Поистинѣ *сія измѣна десницы Вышняго* (Пс. LXXVI, 11), именно прише-

ствія Христа, Который пребываетъ одесную Отца, чрезъ Котораго произошло все. Итакъ, справедливо въ началѣ слова я сказалъ, что лучшее изъ всѣхъ благъ есть памятованіе о Богѣ. Испытавъ таковое памятованіе и постигнувъ пользу его, пророкъ, какъ бы забывъ о всѣхъ удовольствіяхъ и радостяхъ, даже и до вкушенія пищи, говорилъ: *Господи, помяну правду Тебе единаго* (Пс. LXX, 16), и: *не забуду оправданій Твоихъ* (Пс. CXVIII, 93). Также и апостолъ (Павелъ), постигши и вкусивъ пользу этого памятованія, говорилъ Тимоѳею, и не только ему, но
682 и всякому человѣку: *поминай Іисуса Христа, воставшаго отъ мертвыхъ* (2 Тим. II, 8). И подобно тому, какъ человѣкъ, скрывшій сокровище въ какомъ-либо мѣстѣ, каждый часъ, днемъ и ночью, всѣми своими помыслами пребываетъ съ нимъ, и какъ человѣкъ, связанный желѣзными оковами, остается на одномъ мѣстѣ и не можетъ отступить отъ него ни на шагъ, какъ говоритъ Господь: гдѣ сокровище, тамъ и сердце ваше (Лук. XII, 34),—точно также и тотъ, кто сильно желаетъ славнаго пришествія небеснаго Жениха, побуждаемый божественною любовію и неутомимымъ желаніемъ, непрестанно вспоминаетъ только о Немъ одномъ, восклицая непрестанно со святымъ псалмопѣвцемъ Давидомъ: *помянухъ Бога и возвеселихся* (Пс. LXX, 4). Это заповѣдалъ намъ и Господь, сказавъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. XXII, 19). Видишь ли, какъ Господь желаетъ, чтобы мы памятовали о Немъ? Итакъ, будемъ всегда помнить, христолюбцы, о Богѣ и не забывать Его, чтобы и къ намъ Духъ Святый не обратился со словами упрека: *Бога рождшаго тя оставилъ еси, и забылъ еси Бога питающаго тя* (Второз. XXXII, 18). Но не престанемъ помнить о Немъ и неустанно взывать къ Нему, чтобы Онъ и самъ вспомнилъ о насъ: *помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіе Твое* (Лук. XXIII, 42). Но какъ прекрасно памятованіе о Богѣ, вслѣдствіе доставляемой имъ неистощимой радости, такъ равнымъ образомъ приноситъ великую пользу и выгоду и воспоминаніе не только о радостяхъ и веселіи, но также и о печаляхъ и несчастіяхъ, такъ какъ оно въ послѣднемъ случаѣ дѣлаетъ человѣка лучшимъ и заставляетъ его быть болѣе ревностнымъ. О какихъ печаляхъ, скажешь ты? Мнѣ кажется, они не безызвѣстны тебѣ; но ты хочешь узнать о нихъ теперь? Изъ числа многихъ, послушай хотя о нѣсколькихъ: вспомни тѣ жалобныя слова, съ которыми обращался къ страннолюбивому патріарху Аврааму претерпѣвающій мученія богачъ, который, вслѣдствіе своего жестокосердія, не былъ въ состояніи перейти ту ужасную пропасть, которую ему ископало это жестокосердіе; равнымъ образомъ, вспомни и о тѣхъ пяти неразумныхъ дѣвахъ, которыя за немилосердіе свое не были впущены женихомъ въ чертогъ брачный; вспомни, далѣе, поношеніе, стыдъ и посрамленіе тѣхъ, которые будутъ поставлены по лѣвую сторону и, наконецъ, этотъ ужасный приговоръ—*идите отъ Мене прокля-*
683 *тіи* (Мѳ. XXV, 41). Особенно же подумай о томъ, кто, связанный по

рукамъ и по ногамъ, былъ исторгнутъ изъ блестящаго царскаго брачнаго пира съ великимъ позоромъ и былъ вверженъ въ то страшное и ужасное мѣсто, гдѣ *плачъ и скрежетъ зубовъ* (Мѳ. VIII, 12), одно только слышаніе котораго причиняетъ мученія. Итакъ, воспоминаніе подобнаго рода примѣровъ, какъ мы сказали раньше, приноситъ не малую пользу душѣ, потому что воспоминаніе о Богѣ, какъ сказано, доставляетъ веселіе вспоминающему и влечетъ его къ небесному; памятованіе же о событіяхъ печальныхъ, возбуждая страхъ въ человѣкѣ и производя сокрушеніе сердечное, дѣлаетъ его бдительнымъ и ревностнымъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, вспоминая невозвратную утрату царства небеснаго, не бываетъ мучимъ угрызеніями совѣсти, не скорбитъ и не сокрушается сердцемъ своимъ? Кто не орошаетъ слезами постель свою, грудь и все тѣло, помышляя о столь великой потерѣ, которая совершенно лишаетъ всякаго утѣшенія? Вѣдь всякая ошибка или несчастіе, какое случается прежде смерти человѣка, можетъ быть исправлена и получить облегченіе; каждый, до тѣхъ поръ пока онъ пребываетъ среди людей, находитъ вмѣсто утраченнаго что-нибудь другое и облегчаетъ свою скорбь, между тѣмъ какъ это несчастіе, постигающее человѣка по смерти, причиняетъ неутѣшную скорбь, потому что уже невозможно возвратить утраченнаго и сколько бы человѣкъ ни сокрушался, сколько бы ни воздыхалъ, ни скорбѣлъ, ни обливался слезами и какъ бы ни взывалъ громко, — все оставляется безъ вниманія. Потому-то взываетъ къ намъ все Св. Писаніе, потому съ великимъ тщаніемъ установлены для нась законы, потому состязанія, потому моленія и прошенія, потому плачъ и бдѣніе, потому лежаніе ницъ, истощеніе тѣлесное, сухоядение, отреченія, дѣвство. нищета духовная, службы, милостыни, удаленіе отъ міра, потому терпѣніе въ несчастіяхъ, перенесеніе обидъ, вражды, гоненій, заушеній и оплеваній и всевозможныхъ испытаній, въ подражаніе Господу, Стефану и прочимъ святымъ, — чтобы намъ въ день суда не удалиться совершенно отъ цѣли нашихъ стремленій, несмотря на то, что мы имѣемъ заповѣди Господа нашего, ограждающія насъ болѣе, чѣмъ всякій городъ и крѣпость. Какія заповѣди? *Азъ съ вами есмь* (Мѳ. XXVIII, 20); *не оставлю васъ сиры* (Іоан. XIV, 18); *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло* (Мѳ. X, 28); сохраняйте главу (Колос. II, 19); Я есмь глава всякому мужу (1 Кор. XI, 3); сохраняйте главу, не забывайте Господа Бога (Второз. VIII, 11); имѣюще искупленіе душъ вашихъ въ тѣлѣ и крови Моей (Ефес. I, 7); *сіе творите въ мое воспоминаніе* (Лук. XXII, 19) и во спасеніе ваше. Видишь ли, какъ Госпось повелѣваетъ не забывать о Немъ и убѣждаетъ, какъ уже сказано, непрестанно памятовать о Немъ? Вотъ почему я и обращаюсь къ каждому человѣку съ тѣми же словами, съ какими обращался и Павелъ къ Тимоѳею: сынъ Тимоѳей, всегда вспоминай и не забывай Бога, питающаго тебя, и не забывай всѣхъ воздаяній Его (Пс. CII, 2). Въ особенности же часто вспоминай

о тѣхъ ужасныхъ словахъ Судіи, которыя Онъ произнесъ безъ всякаго снисхожденія, обращаясь къ стоящимъ по лѣвую сторону, а также и тѣ. которыя были сказаны пяти неразумнымъ дѣвамъ, или тѣ, которыя Онъ изрекъ устами патріарха Авраама немилосердному богачу; кромѣ того— и слова, сказанныя тому корыстолюбивому богачу, который безмѣрно расширялъ житницы свои. Развѣ ты не знаешь, какой приговоръ произнесъ Онъ тому и другому? Развѣ не вспоминаешь о тѣхъ суровыхъ словахъ? Развѣ и на короткое время не удерживаешь въ сердцѣ своемъ ничего изъ прочтенныхъ божественныхъ словъ? Если ты не знаешь ихъ, то, скажи, зачѣмъ же ты являешься въ церковь? Не для того ли ты стремишься сюда, чтобы услышать божественныя слова и получить пользу себѣ? Если дѣйствительно ты приходишь сюда съ этою цѣлью, то усердіе твое похвально и на тебѣ исполнятся слова Господни: *овцы моя гласа Моего слушаютъ* (Іоан. x, 27). А я знаю, что многіе собираются сюда не ради Бога и не для того, чтобы слушать священныя слова Его. Вотъ я вижу, какъ одни дремлютъ, другіе оборачиваются въ разныя стороны, третьи разговариваютъ съ друзьями. Самъ Господь нашъ милосердно обращается къ намъ со словами: *вы друзи Мои есте* (Іоан. xi, 14), а мы, позабывъ, что Онъ говоритъ, предпочитаемъ Ему своихъ друзей! Я вижу, какъ другіе непристойно шумятъ и осмѣливаются дѣлать это въ то самое время, когда Богъ говоритъ съ нами. О, какая величайшая дерзость, какое непростительное безстыдство, какое ужасное безуміе! Когда царь, сходный съ нами по своимъ склонностямъ, говоритъ къ народу, всѣ, подобно бездушнымъ столбамъ, остаются безмолвными, до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ говорить. И не только въ такихъ случаяхъ, но даже и тогда, когда читаются народу царскія письмена, слушателямъ вмѣняется въ обязанность сохранять въ это время
684 великую тишину, такъ чтобы казалось, будто тамъ нѣтъ еще никого, кромѣ одного только читающаго письмена царскія. А здѣсь—пророки, апостолы, патріархи, которые выше всѣхъ царей, возвѣщаютъ волю Божію, научаютъ, какъ угождать Ему и какимъ образомъ возможно для насъ перейти трудное море житейское,—и мы, несмотря на это, считаемъ слова ихъ пустою болтовнею, и даже болѣе того, — упорно занимаясь пустыми рѣчами, считаемъ это отдыхомъ. Неужели этимъ воздается почтеніе Господу, Который сказалъ бесѣдующимъ съ нами святымъ: *вы есте свѣтъ міра* (Мѳ. v, 14)? Но что я говорю о служителяхъ и рабахъ? Самъ Господь всяческихъ и Царь славы, Котораго трепещетъ вся тварь и хвалитъ всякое дыханіе, говоритъ съ нами чрезъ святыя Евангелія, увѣщеваетъ насъ, устрашаетъ, ободряетъ, призываетъ къ Себѣ и даруетъ намъ Свое необъятное и нетлѣнное царство, а мы такъ слушаемъ Его, какъ будто бы къ намъ обращался съ назойливою рѣчью какой-либо незначительный человѣкъ или бѣднякъ, и не оказываемъ Ему даже такого вниманія, съ какимъ относимся къ своему другу. Поистинѣ

суетни сынове человѣчестіи (Пс. LXI, 10), и поистинѣ благовременно сказать имъ: *когда вы будете умны, невѣжды* (Пс. XCIII, 8)? Совершенно подходятъ къ нимъ и слова другого пророческаго псалма: *исчезоша въ суетѣ дніе ихъ* (Пс. LXXVII, 53), такъ какъ и отвергши ангельскую пѣснь и божественныя слова, и считая ихъ глупой болтовней, они съ любовью занимаются празднословіемъ и предаются сну. Но сонъ этихъ людей не есть обычный сонъ, а лѣность, тяжкій сонъ души, потеря чувствительности, слѣпота сердечная, расхищающая сокровища Духа Божія. Поэтому пророкъ молилъ Господа, говоря: *просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть* (Пс. XII, 4), поэтому и Соломонъ съ укоризною сказалъ: *когда же отъ сна возстанеши* (Притч. VI, 9)? Они-то и услышатъ слово: *что здѣ стоите весь день*, и даже всю жизнь, *праздны* (Мѳ. XX, 6)? Люди подобные имъ и на собраніяхъ остаются уединенными, и въ праздники не бываютъ торжественны, въ молитвахъ не благословенны, не вспоминаются святыми, недостойны мира, который преподается имъ, не расположены къ церкви, недостойны общенія и на смертномъ одрѣ бываютъ тревожны, боязливы, печальны и преданы мрачному отчаянію. О нихъ-то предсказалъ пророкъ въ словахъ: *въ той день погибнутъ вся помышленія ихъ* (Пс. CXLV, 4).

2. Видишь, какой вредъ причиняетъ лѣность? Она есть жестокій сонъ, узилище душъ, собесѣдница, сожительница и наставница изнѣженныхъ. Поэтому и Павелъ называетъ нѣкоторыхъ за чрезмѣрную лѣность и изнѣженность женщинами, и не просто женщинами, но женщинами, утопающими въ грѣхахъ (2 Тим. III, 6), такъ какъ у такихъ женщинъ есть обыкновеніе проводить вмѣстѣ время, вмѣстѣ сидѣть и болтать непристойное; ихъ не пасетъ Богъ, онѣ *не предложиша Бога предъ собою* (Пс. LIII, 5); *всегда учащяся, и николиже въ разумъ истины пріити могущія* (2 Тим. III, 7). Кто же всѣмъ сердцемъ своимъ любитъ Бога, и имѣетъ непрестанное памятованіе о Немъ, тотъ, когда услышитъ вѣстника, призывающаго къ той страшной и животворящей божественной трапезѣ, поспѣшно встаетъ и помышляетъ прежде всего о томъ, не имѣетъ ли онъ чего-нибудь противъ другого, или другой не имѣетъ ли чего противъ него самого, и тогда, устранивши это препятствіе ко спасенію и освободившись отъ столь тяжкихъ узъ, спѣшитъ къ слушанію божественныхъ словесъ, подобно тому, какъ олень къ потокамъ воды (Пс. XLI, 2), и такимъ образомъ, стремясь съ вѣрою и любовію, достигаетъ божественнаго духовнаго пристанища, и препоясавшись, съ сокрушенною душею, оставивъ всѣ земныя заботы, приготовляется къ слушанію ангельскаго пѣнія. Такъ святой псалмопѣвецъ Давидъ взываетъ: *пріидите и видите дѣла Божія. Пріидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ* (Пс. LXV, 5 и XXXIII 12), и веселію, жертвѣ правды и возношенію; пріидите, видите тельца упитаннаго на жертвенникѣ, агнца Божія, закалаемаго, но не умираю-

щаго. *Возвеличите Господа и вознесемъ имя Его вкупѣ. Вкусите и видите яко благъ Господь* (Пс. xxxiii, 4, 9). Затѣмъ Исаія, ласточка церковная, громогласно восклицаетъ: *яко овча на заколеніе ведеся. Возвеселитеся небеса*, и да возрадуется земля, *яко помилова Богъ* народъ Свой (Ис. liii, 7 и xliv, 23). Приди, народъ мой, послушай,
685 что повелѣваетъ Господь устами моими: скажите, братіе, ненавидящимъ васъ и гнушающимся, да прославится имя Господне. Наконецъ, преемникъ Исаіи, Павелъ, лира Духа Святаго, красота церковная, обиталище Христа, съ высокаго амвона громогласно и съ дерзновеніемъ возглашаетъ: *пасха наша за ны пожрень бысть Христосъ* (1 Кор. v, 7), *Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (1 Кор. i, 30). *Да искушаетъ же человѣкъ себѣ, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да піетъ* (1 Кор. xi, 28). Что же значитъ: искушаетъ себя? Это значитъ—пусть онъ размышляетъ о написанномъ, испытываетъ себя, чтобы не явиться неприготовленнымъ къ воспринятію тѣла и крови Господней, чтобы приготовиться такъ, какъ Симеонъ, какъ Анна пророчица и какъ Іосифъ съ плащаницею чистою. Если ты такъ приготовилъ себя, то смѣло, съ вѣрою и со страхомъ приступай, громко взывая: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Мѳ. xvi, 16),—и ты не будешь осужденъ, такъ какъ позаботился стать достойнымъ. *Ядый бо и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ* (1 Кор. xi, 29). Смотрите, братіе, пусть никто не воздаетъ зломъ за зло (Римл. xii, 17). *Солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ* (Ефес. iv, 26). *Блюдите, како ходите* (Ефес. v, 15). Видишь ли, какія блага и какую радость получаетъ человѣкъ, любящій Бога и ради Него являющійся на собранія? Послушай еще, что говоритъ Іоаннъ: *дѣти, послѣдняя година есть, и антихристъ грядетъ, и нынѣ антихристи мнози быша* (1 Іоан. ii, 18). Но *не всякому духу вѣруйте*, потому что много обольстителей появилось въ мірѣ (1 Іоан. iv, 1). Затѣмъ братъ Божій Іаковъ, явившись среди насъ, говоритъ: *всяку радость имѣйте братіе моя, егда во искушенія впадете различна. Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе, зане искусенъ бывъ пріиметъ не увядающій вѣнецъ жизни, его же обѣща Богъ любящимъ его* (Іаков. i, 2, 12). Вслѣдъ за нимъ восходитъ великій Петръ и восклицаетъ: возлюбленные, близокъ всему конецъ; будьте бдительны и бодрствуйте въ молитвахъ (1 Петр. iv, 7). *Отложше убо всяку злобу и всяку лесть и лицемѣріе и зависть и вся клеветы, яко новорожденніи младенцы, словесное нелестное млеко возлюбите* (1 Петр. ii, 1—2). Далѣе за чтеніемъ слѣдуетъ небесная бесѣда ангеловъ, прославленіе Бога, пѣніе горнихъ силъ, какъ то видѣлъ и записалъ блаженный Іоаннъ въ словахъ: я слышалъ голоса горнихъ силъ, какъ бы голосъ многочисленныхъ народовъ и какъ бы голоса громовъ сильныхъ, говорящихъ: аллилуіа (Апок. xix, 6)! Наконецъ, послѣ того, какъ будетъ все

предвозвѣщено и перестанутъ предвозвѣстники и служители провозглашать и объявлять восшествіе Господа на амвонъ, въ то время, какъ священники сидятъ и служители пребываютъ въ молчаніи, при наступленіи часа, когда явится на горнемъ мѣстѣ безпредѣльный Владыка и Господь славы, а народъ приготовится къ внимательному слушанію божественныхъ и животворящихъ словъ и по собственному побужденію приблизится къ амвону. въ наступившей великой тишинѣ, когда уже не позволительно, ради чрезмѣрной славы являющагося, сидѣть ни первосвященнику, ни священнику, ни царю, тогда исполняющіе служеніе ангельское восклицаютъ со властію, обращаясь ко всѣмъ и великимъ и малымъ: встанемъ всѣ и выслушаемъ, что говоритъ Господь Богъ; встанемъ и выслушаемъ, что повелѣваетъ и желаетъ Царь царей; встанемъ и выслушаемъ слово и заповѣди жизни вѣчной, потому что заповѣди Его есть жизнь вѣчная. Что же означаетъ это «встанемъ»? Знаю, что многіе разумѣютъ здѣсь только простое вставаніе съ сѣдалищъ, я же усматриваю въ этомъ словѣ болѣе широкое и глубокое значеніе и полагаю, что оно означаетъ не только возстаніе съ сѣдалищъ, но имѣетъ и болѣе таинственный смыслъ. Оно значитъ—будемъ твердо стоять въ вѣрѣ, будемъ правы сердцемъ, правы въ помышленіяхъ, въ любви, въ исповѣданіи, внимательны ко всѣмъ заповѣдямъ Господнимъ, будемъ стремиться къ небесному. Какъ существа, одаренныя разумомъ, мудрствуйте о горнемъ и не устремляйте взоры свои къ землѣ, подобно безсловеснымъ животнымъ. Затѣмъ, когда всѣ поднимутся и станутъ со страхомъ, послушай, что будетъ повѣствовать намъ Господь въ Писаніи, какъ предвозвѣстилъ пророкъ Давидъ, что повелитъ, что заповѣдуетъ, чего пожелаетъ страшный въ совѣтахъ (Пс. LXV, 5). Тогда воздвигается та многоцѣнная жемчужина, чаяніе народовъ, свѣтильникъ міра, милость, излившаяся изъ устъ Спасителя нашего Бога, облегченіе страждущихъ, освобожденіе связанныхъ, искупленіе грѣшниковъ, возстановленіе пад- 686
шихъ, исцѣленіе болящихъ, надежда отчаянныхъ, подкрѣпленіе изнуренныхъ, радость кающихся, убѣжище гонимыхъ, освобожденіе изъ рабства плѣненныхъ, сѣть, не умерщвляющая, но оживотворяющая тѣхъ, кто потопаетъ въ соленомъ морѣ міра, источникъ воды, основаніе вселенной, четыре рѣки, истекающія изъ рая, т. е. изъ божественныхъ устъ Христа. И послѣ того, какъ раскрыто будетъ божественное, священное и непорочное Евангеліе, снова со страхомъ возглашаютъ земные ангелы, т. е. священники, обращаясь къ народу: будемъ внимательны, т. е. здѣсь пусть сосредоточится мысль каждаго, сюда пусть обратятся сердца всѣхъ, пусть никто не будетъ разсѣянъ, никто не озирается по сторонамъ, никто не шепчетъ. Будемъ внимательны, потому что говорящій—Богъ; будемъ внимательны, потому что Царь неба и земли и всей твари бесѣдуетъ съ нами; будемъ внимательны,—Пастырь великій раздѣляетъ душамъ пищу жизни; будемъ внимательны,—такъ какъ смерть

поправшій и побѣдившій міръ обѣщаетъ намъ недостойнымъ безмѣрную радость и безконечное царство. О, человѣколюбіе безпредѣльное! О, благость неизреченная! Самъ непостижимый, невмѣстимый, Творецъ и Господь всяческихъ, Котораго трепещутъ небеса, земля и море, предъ Которымъ преклоняется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ (Филип. II, 10), бесѣдуетъ съ нами недостойными, не чрезъ ангела, не чрезъ серафима или какого-либо иного служителя, но непосредственно самъ исполняя предсказанія Исаіи пророка, сказавшаго: не посланникъ, не ангелъ, но самъ Господь *пріидетъ и спасетъ насъ* (Ис. XXXV, 4). Подобнымъ образомъ и Давидъ предвозвѣстилъ это, сказавъ, что самъ *Господь повѣсть въ писаніи людей* (Пс. LXXXVI, 6). Поэтому самъ святый апостолъ, обращаясь къ намъ со словомъ упрека, писалъ: *сего ради подобаетъ намъ лишше внимати* (Евр. II, 1), ради того, что говоритъ Господь. Въ самомъ дѣлѣ, если слово, изреченное ангеломъ, оказалось непреложнымъ, и всякое преступленіе и непослушаніе получило должное возмездіе, то какъ избѣжимъ этого возмездія мы, пренебрегшіе столь великимъ спасеніемъ, которое будучи сначала проповѣдано самимъ Господомъ, было затѣмъ подтверждено намъ тѣми, которые сами слышали его? Потому мы должны быть особенно внимательны. Почему же, скажи, Павелъ? Потому, что Господь ангеловъ и всякаго дыханія говоритъ намъ не чрезъ ангела и не посредствомъ какихъ-либо иныхъ силъ, какъ говорилъ древнимъ, но самъ, подобно какому-нибудь бѣдняку, повѣствуетъ и возвѣщаетъ намъ повелѣнія Отца. Кто не ужаснется, кто не придетъ въ изумленіе предъ этимъ? Кто не будетъ пораженъ столь великою жалостію и снисхожденіемъ Человѣколюбца?

3. Неужели этими словами мы не убѣдимъ васъ, чтобы по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ многихъ были болѣе внимательны къ словамъ говорящаго Господа? Я вѣрю, что многіе среди васъ съ великимъ слушаютъ вниманіемъ, не развлекаясь ничѣмъ,—они и услышатъ слова Господа, говорящаго Отцу Своему: сіи *вѣроваша, яко Ты Мя послалъ еси. Отче, соблюди ихъ во имя Твое* (Іоан. XVII, 8, 11). Не увѣровавшіе же услышатъ слово: вы не изъ числа овецъ Моихъ, потому что овцы Мои слушаютъ Моего голоса. Неужели вы не устрашились, слыша эти слова? Доколѣ вы будете столь безчувственны? Доколѣ будете младенцы по уму? Доколѣ не будете внимать говорящему и стоять, горѣ имѣя сердца, какъ подобаетъ христіанамъ, а не превращая церковь въ стойло, сходбище и кабакъ? Смотрите, какъ бы на васъ не исполнились ужасныя слова, сказанныя апостоломъ: и какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предалъ ихъ нечистотѣ (Рим. I, 28). Мы же, оставивши тѣхъ, которые погубили душу свою, и о комъ сказалъ Соломонъ отъ лица Господа: *звахъ, и не послушасте, простирахъ словеса, и не внимасте* (Притч. I, 24), обратимся къ предложенному и, приблизившись къ амвону, послушаемъ, что говоритъ среди насъ Господь Богъ,

великій евангелистъ, возвѣщающій намъ на землѣ небесныя повелѣнія Отца. Ясно же, что, какъ Богъ мира, Онъ преподастъ миръ народу своему. Онъ призываетъ къ себѣ обремененныхъ, какъ благій, поддерживаетъ ихъ, какъ справедливый царь; называетъ блаженными плачущихъ въ покаяніи, и несчастными тѣхъ, кто живетъ лицемѣрно; почитаетъ блаженными бдительныхъ и называетъ несчастными безпечныхъ; будучи самъ сострадателенъ, прославляетъ сострадательныхъ и, какъ милосердный, ублажаетъ милостивыхъ: *блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ* (Мѳ. v, 7). Будучи же совершенно чуждъ немилосердія и жестокости и непричастенъ злобѣ, Онъ совершенно отвергаетъ отъ себя немилосердіе и отвращается отъ жестокосердныхъ, немилостивыхъ, скупыхъ, и обращается къ нимъ съ рѣчью, то самъ непосредственно, то чрезъ патріарха Авраама или чрезъ другихъ святыхъ. Онъ обвиняетъ и укоряетъ тѣхъ, которые будутъ поставлены по лѣвую сторону, за то, что они, имѣя возможность творить дѣло милосердія, не были милостивы. Судія требуетъ дѣлъ милосердія не отъ бѣдныхъ, которые и сами нуждаются въ чужой помощи, а отъ тѣхъ, которые, въ изобиліи получивъ дары Божіи и забывъ о Даровавшемъ, хвалятся, какъ будто они не получили,—ихъ-то Онъ укоряетъ и обвиняетъ, говоря: безумные и безжалостные! Не Я ли далъ вамъ все, что вы имѣете? Что вы принесли въ міръ? Не нагими ли вы родились и снова нагими уйдете отсюда? Или вы не слыхали словъ апостола: *ничтоже внесохомъ въ міръ, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тимоѳ. vi, 7)? Подумай, безумецъ, вѣдь ты ничего не имѣешь собственнаго, кромѣ произволенія, или благого, какъ повелѣлъ Богъ, или жестокаго, какъ пожелалъ ты. Сребро или злато мои (Агг. II, 9). *Небо престолъ Мой, земля подножіе ногъ Моихъ* (Ис. LXVI, 1); концы земли въ рукѣ Моей; все подчинено Мнѣ: небо и всѣ воинства ангеловъ, земля и море, вся тварь и всякое дыханіе принадлежатъ Мнѣ, повинуются, покоряются и служатъ,—только ты одинъ, жестокосердый, оказался чуждъ Моего человѣколюбія. Скажи мнѣ, безумецъ, кто распростеръ землю? Кто умножилъ растенія? Кто даетъ сѣменамъ произрастаніе? Кто посылаетъ дождь на землю во время молотьбы и необходимый вѣтеръ вѣющему? Кто укротилъ громадныхъ быковъ и заставилъ ихъ пахать землю, молотить на гумнѣ, тащить повозки? Не далъ ли Я все это въ изобиліи одинаково какъ достойнымъ, такъ и вамъ, желая имѣть въ лицѣ васъ управителей своихъ и распорядителей Моихъ даровъ, для того, чтобы въ трудное время и во дни голода вы удѣлили и Мнѣ? Но *Я взалкахся, и не дасте ми ясти* (Мѳ. xxv, 42). Я далъ, и я же алкалъ, искалъ своего, и вы не дали Мнѣ ѣсть. Я не требовалъ чрезмѣрныхъ тратъ, ни роскоши, ни запасовъ на дорогу, но только ѣсть, въ виду настоятельной необходимости,—и вы не дали Мнѣ ѣсть. Часто, въ то время, какъ вы роскошествовали благодаря Моимъ дарамъ и шумно веселились одѣтые въ дорогія одежды, Я стоялъ у две-

рей. покрытый рубищемъ, мучимый холодомъ, изнемогая отъ голода, не будучи въ состояніи даже произнести слова отъ сильнаго голода,—и вы не дали Мнѣ ѣсть. Я не просилъ ни вина, ни мяса, ни сикера, просилъ одного хлѣба,—и вы не дали Мнѣ ѣсть. Какая неумолимая, какая безмѣрная жестокость! Какое великое помраченіе! Какъ вы не вспомнили о Томъ, Кто даровалъ вамъ это изобиліе? Какъ вы не подумали о праведномъ Іовѣ, который восклицалъ: *нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отыду* (Іов. I, 21)? Или никогда вы не слыхали, какъ священникъ во время таинственной трапезы взываетъ ко Мнѣ и, воздавая Мнѣ благодареніе, говоритъ: Твоя отъ Твоихъ приносимъ Тебѣ? А вы хвалитесь, какъ будто ничего не получили; вы хотѣли бы въ такомъ изобиліи спокойно пребывать всю жизнь. Пророкъ, изобразивъ въ своемъ лицѣ подобнаго рода людей, прекрасно обнаружилъ этотъ недугъ ихъ, сказавъ: *азъ же рѣхъ во обиліи моемъ: не подвижуся во вѣкъ* (Пс. XXIX, 7). Да, ты не далъ хлѣба, потому что не позналъ Бога, давшаго тебѣ. Почему же ты по крайней мѣрѣ не принялъ Его въ домъ свой? А и это заслуживаетъ великой награды. Почему не посѣтилъ Меня, когда Я былъ боленъ? А я не оставилъ бы безъ вниманія и этого прихода твоего. Почему не пришелъ ко Мнѣ, когда я находился въ темницѣ и не ободрилъ меня словомъ утѣшенія? Ты не потерялъ бы и здѣсь награды своей. Почему не одѣлъ меня, когда я былъ нагъ и не напоилъ меня чашею воды, когда я жаждалъ? Какую великую награду получилъ бы ты отъ Меня! Вы же, имѣя возможность сдѣлать все это, не сдѣлали, но осуетились въ умствованіяхъ и омрачилось несмысленное сердце ваше (Римл. I, 21), и вы лишили себя вѣчной жизни и понесли непоправимую потерю. Что же, наконецъ, я скажу вамъ? Неужели сказать—*пріидите?* Но это слово не соотвѣтствуетъ вашей жестокости, потому что слова—*пріидите благословенніи* были сказаны другимъ. Ихъ вѣдь удостоились всѣ тѣ, которые стояли по правую сторону отъ Меня, они стали
698 наслѣдниками этой славы, они получили эту радость; милостивые и сострадательные предвосхитили это царство. Безчеловѣчные не имѣютъ наслѣдія въ вѣчныхъ обителяхъ, въ дворецъ Мой не входитъ немилосердный, недостоинъ небеснаго чертога жестокій; не вселяется въ горнихъ обителяхъ скупой; но только одни милостивые, одни только сострадательные, страннопріимцы, воспитатели сиротъ, защитники вдовицъ и немощныхъ, покровители утомленныхъ, ходатаи за притѣсняемыхъ, утѣшители удрученныхъ несчастіями, благодѣтели нуждающихся, утѣшители отчаивающихся, служители немощныхъ, опора злостраждущихъ, утѣшители плачущихъ и малодушныхъ, отцы для тѣхъ, которые находятся въ тяжеломъ рабствѣ, усердные помощники находящимся въ бѣдѣ или въ нуждѣ, союзники связанныхъ, наставники заблудшихъ, податели покрова нагимъ, поручители за должниковъ, и скажу кратко, щедрые податели нуждающимся и нищимъ,—вотъ кто обитатели Моего чертога и наслѣд-

ники вѣчныхъ благъ! Для таковыхъ является жилищемъ горній градъ; за таковыхъ Я молилъ Отца Моего: хочу, Отче, чтобы тамъ, гдѣ Я, были и они, да видятъ славу Мою (Іоан. XVII, 24); таковымъ Я сказалъ и непрестанно говорю: *вы друзи мои есте* (XX, 14). А что скажу Я вамъ? Буду ли милосердъ къ вамъ? Но Я не вижу въ васъ плодовъ милосердія. Окажу ли вамъ состраданіе? Но Я не вижу у васъ сострадательности. Прощу ли васъ? Но ваше преступленіе больше того, сколько можетъ быть прощено. Вы не только не проявили состраданія ко Мнѣ, когда Я просилъ хлѣба, но отняли даже у Меня и то рубище, которымъ Я былъ покрытъ, и обнажили Меня, а хлѣбъ, который Мнѣ далъ другой милосердный человѣкъ, вырвали у Меня изо рта. Сколько разъ Я приходилъ къ дверямъ твоимъ, видѣлъ столъ, переполненный обиліемъ яствъ, множество псовъ, питающихся отъ стола, видѣлъ возлежащихъ на ложахъ; а предо Мною вы затворили двери, отвергли Меня съ безчестіемъ и даже не бросили Мнѣ хотя бы куска хлѣба, какъ одному изъ псовъ? Сколько разъ изгоняли вы Меня изъ-подъ крова, когда наступали холода, и вводили подъ кровъ вашихъ лошадей, не помысливъ о томъ, что Я не ради собакъ и лошадей былъ распятъ на крестѣ и пролилъ Свою кровь? Вы имѣете попеченіе о домашнемъ скотѣ, заботитесь о собакахъ и лошадяхъ, а когда видите нищихъ и бѣдныхъ,— которые суть члены Мои,—погибающихъ отъ голода, холода и жажды, смѣетесь надъ ними, проклинаете и отвращаете лице свое отъ нихъ, особенно же отъ тѣхъ, которые лежатъ пораженные проказой. Ихъ члены ранѣе смерти преданы землѣ, тѣла ихъ многими считаются мрачными и отвратительными, но души ихъ возсіяютъ подобно солнцу. Вы же, предаваясь роскоши и веселію, получили блага въ вашей земной жизни. А теперь, что скажу я вамъ? Или вы не слыхали, что будущее осужденіе уготовано тѣмъ, которые не сотворили милости? А вѣдь вы не только не были милостивыми, но и были совершенно безжалостны. Почему вы похитили у нищаго даже и то, что онъ имѣлъ? Вѣдь тотъ, кто не оказываетъ милосердія, подвергается наказанію за то, что онъ не подалъ,—какое же наказаніе претерпитъ тотъ, кто отнимаетъ и похищаетъ чужое? Что я скажу о вашемъ жестокосердіи? Я вижу, что ваше преступленіе гораздо больше того, что можетъ быть прощено; ваша рана не поддается никакому врачеванію; ваше несчастіе не имѣетъ утѣшенія, ваше бѣдствіе не поправимо, язва не исцѣлима, болѣзнь неизлѣчима, ваши грѣхи совершенно не заслуживаютъ прощенія. Отнынѣ уже не имѣетъ силы раскаяніе, непригодно утѣшеніе, безполезны слезы и жалобы. Вы не вспомнили обо Мнѣ, вы не слушали апостоловъ, гнушались Моихъ священныхъ Писаній, не сжалились надо Мною, когда Я алкалъ. Выслушайте же относящіяся къ вамъ суровыя слова, которыя навлекло на васъ жестокосердіе: *идите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный* (Мѳ. XXV, 41).

4. Вы видѣли, какой тяжелый и суровый приговоръ? Видѣли несчастіе, совершенно не имѣющее утѣшенія? Видѣли утрату, превосходящую всякія утраты? Вы слышали о страшномъ удаленіи немилосердныхъ? Слышали, какое обиталище ожидаетъ тѣхъ, которые не творятъ дѣлъ милосердія? Вы узнали, куда посылаются безчеловѣчные, въ какую далекую страну отправляются тѣ, которые угнетаютъ и оскорбляютъ бѣдныхъ? Вы хотите снова услышать, въ какой покой, въ какое веселіе
689 отправляются они? Въ огонь, уготованный діаволу и ангеламъ его. Немилосердные,—устрашитесь и облекитесь одеждою состраданія! Безжалостные,—вострепещите и научитесь милосердію! Мучители,—смутитесь и удержитесь отъ злыхъ дѣлъ вашихъ! Похитители,—убойтесь и не стремитесь къ хищеніямъ (Псал. LXI, 2)! Помыслимъ всѣ о томъ страшномъ часѣ, когда у насъ потребуютъ отчета, и каждый изъ насъ пусть отвратится отъ пути зла; будемъ подражать ниневитянамъ и будемъ готовы, какъ повелѣлъ Господь. Я могъ бы сказать подробно и о тѣхъ, которые оскверняютъ одежду свою распутствомъ и которые со стыдомъ изгоняются съ брачнаго царскаго пира, лишаются радости и почестей и ввергаются во тьму внѣшнюю, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ. Но прежде изъяснимъ дальнѣйшее относительно немилосердныхъ, такъ какъ еще о нихъ надлежитъ сказать печальное слово. Вѣдь и пять неразумныхъ дѣвъ не были допущены за немилосердіе свое, а не потому, что нарушили дѣвство, такъ какъ онѣ были дѣвы; не за то, что онѣ не постились, не предавались бодрствованію, не за то, что мало занимались псалмопѣніемъ, не за то, что не предавались изможденію и истощенію тѣла,—все это онѣ совершили съ великимъ усердіемъ, обнаруживъ великіе труды, и перенесли тяготу и зной дня,—но за свое немилосердіе. Оно—мать всѣхъ золъ, родительница ненависти, возбуждающая гнѣвъ Бога и Отца, изгоняющая Духа Святого,—немилосердіе, которое кроткаго и тихаго Христа, подателя мира, не склоннаго ко гнѣву, приводитъ въ гнѣвъ, какъ написано: *тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ* (Пс. II, 5). *Тогда*,—когда же это? Очевидно тогда, когда съ великою скорбію скажетъ имъ: *идите отъ Мене, проклятіи*. Видишь ли виновницей какихъ благъ является немилосердіе? Плодъ его—братоненавистничество, его пріобрѣтеніе—сребролюбіе, его служеніе—скупость; торжество его преисполнило мѣру скорби Божіей; его житница полна жестокости, на его торжищѣ—всевозможное изобиліе, но совершенный недостатокъ милосердія, состраданія и человѣколюбія Божія; обитатели его—тѣ, кто находится по лѣвую сторону, его ученикъ—немилосердный богачъ, который нѣкогда презрѣлъ нищаго Лазаря, лежащаго у воротъ его; его подруги и ученицы—пять неразумныхъ дѣвъ; его сограждане продаютъ и покупаютъ совершенно все, кромѣ милосердія и любви, а потому они и услышатъ слова: *не вѣмъ васъ* (Мѳ. XXV, 12). Его наслѣдники услышатъ: *идите отъ Мене*; его купцы владѣютъ всѣмъ, кромѣ

божественнаго благоволенія, подобно тому, какъ и вышеупомянутыя не-
разумныя дѣвы исправно совершили все: соблюли дѣвство, предавались
посту, псалмопѣнію, бодрствованію, воздержанію, лежанію на землѣ, су-
хояденію, молитвѣ, лишали себя омовенія, понесли великіе труды, пре-
бывали въ молчаніи; но сверхъ всего этого онѣ пріобрѣли еще ужасное
и пагубное имущество, т. е. богоненавистное немилосердіе, которое сдѣ-
лало всѣ вышеперечисленныя добродѣтели и труды ихъ безполезными.
О, немилосердіе, братоненавистное и богоненавистное! О, немилосердіе,
вмѣстилище гнѣва Божія! О, немилосердіе, имѣющее мѣстопребы-
ваніемъ своимъ огонь внѣшній, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ! Видишь,
какъ повидимому малое пріобрѣтеніе уничтожаетъ столь многочислен-
ныя и великія добродѣтели и заслуги? Повѣрьте мнѣ, братіе, страхъ
и трепетъ обнимаетъ меня, когда я размышляю о томъ, какъ одинъ
этотъ недугъ сдѣлалъ безполезными и негодными всѣ тѣ добрыя
дѣла, а самихъ подвижниковъ — безызвѣстными, потому что они услы-
шатъ слова: *аминь глаголю вамъ, не вѣмъ васъ* (Мѳ. xxv, 12). Что же
значатъ эти слова? Не то, конечно, что не узнаетъ ихъ Тотъ, Кто
знаетъ все прежде бытія ихъ, но то, что не ради Него были всѣ под-
виги и труды ихъ, а на показъ людямъ и не по любви къ Богу. Вотъ
почему и тѣ, кто послѣдовалъ совѣту немилосердія, лишились не только
небеснаго жениха, но и безконечнаго созерцанія прекраснѣйшаго рая.
Тамъ, гдѣ совершается что-либо безъ любви, Христосъ не имѣетъ, гдѣ
главу преклонить. И дѣйствительно, немилосердіе, получивъ свободу и
поспѣшно занявъ необерегаемое мѣсто, удерживаетъ его всецѣло въ
своей власти, изгоняетъ любовь и сострạданіе, удаляетъ милосердіе,
заставляетъ отступить ангела мира, и наконецъ, мѣсто, лишенное любви
Божіей и милосердія, становится домомъ пустымъ и обиталищемъ вся-
каго грѣха и духа нечистаго, становится землею чужою, землею забве- 690
нія, гдѣ не познается Богъ. Поэтому они и слышатъ слова — *не вѣмъ
васъ*. О, ужасное чудовище! Какіе плоды виноградника истребило оно и
не насытилось? Оно поглотило все множество тѣхъ, которые находились
по лѣвую сторону, ставъ для нихъ виновникомъ огня вѣчнаго; оно, найдя
себѣ мѣсто въ сердцѣ пяти неразумныхъ дѣвъ, сдѣлавъ ихъ своими
ученицами и закрывъ такимъ образомъ для нихъ двери брачнаго чер-
тога, сдѣлало ихъ неизвѣстными жениху. О, негоднѣйшее и ненаситимое
чудовище! Сколькихъ оно поглотило, сколькихъ истребило, сколькихъ
убило, сколькихъ сожгло въ томъ огнѣ? Но оно не трогаетъ сострада-
тельныхъ и милосердныхъ,—да не будетъ,—милосердный торжествуетъ, не
боясь осужденія, такъ какъ *совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ*
(1 Іоан. IV, 18); по непреложному же слову Господа огонь уготованъ діаволу
и ангеламъ его (Мѳ. xxv, 41). А я скажу — и ученикамъ его, о кото-
рыхъ мы только что сказали, т. е. тѣмъ, которые находятся по лѣвую
сторону, и неразумнымъ дѣвамъ. Всѣ они, равно и тѣ, кто поступаютъ

подобнымъ же образомъ, являются его учениками. Оно же, сдѣлавъ своимъ ученикомъ и того богача, низвергло его въ мѣсто мученія, гдѣ онъ, палимый огнемъ, взывалъ громкимъ голосомъ: *стражду во пламени семъ* (Лук. xvi, 24). Такими-то дарами награждаетъ немилосердіе любящихъ его. Оно ископало и ту великую пропасть предъ богачемъ, чтобы онъ не могъ никогда перейти въ мѣсто облегченія и найти покой; оно искапываетъ и дѣлаетъ эти пропасти, такъ какъ другого искусства это чудовище не знаетъ. Горе тебѣ, немилосердіе, и ученикамъ твоимъ! Горе тебѣ, жестокость, и тѣмъ, кѣмъ ты владѣешь! Какая польза для Тебя въ томъ, что ты удаляешь отъ Бога такое множество людей? Послушай же, что отвѣчаетъ немилосердіе: дѣло мое—искапывать пропасти, запирать двери, осквернять одежды, затворять сердце, чтобы оно не знало милосердія; прибыль для меня—пріобрѣтать множество друзей и предавать ихъ погибели; радость моя — привлекать возможно большее число учениковъ, чтобы ниспослать ихъ въ адъ. Когда тѣ, кто находился по лѣвую сторону, посрамленные, предстали и подверглись поношенію и обвиненію, — я торжествовало; когда они ниспосылались въ огонь вѣчный, который я уготовало имъ,—я возвеселилось; когда они, рыдая, удалялись со скрежетомъ зубовнымъ, низвергаемые демонами,—и я вмѣстѣ толкало ихъ и радовалось; и когда десять дѣвъ приготовились идти на встрѣчу жениху, я окружало ихъ; но пять изъ нихъ я не было въ состояніи отклонить, такъ какъ вокругъ себя они имѣли множество бѣдныхъ, нищихъ и немощныхъ, которые охраняли ихъ вмѣстѣ съ ангелами; я увидѣло также и десницу Господню, осѣняющую ихъ, и устрашилось; за то остальныхъ пять, которыя оказались совершенно чуждыми любви Божіей, я сдѣлало своими ученицами, внушило имъ не покупать масла и погасило свѣтильники ихъ немилосердіемъ, омрачило сердца ихъ, вслѣдствіе чего онѣ, не имѣя свѣтильниковъ, не были впущены въ чертогъ жениха. Другія же пять, будучи готовы, вошли вмѣстѣ съ женихомъ, а я заперло двери и не позволило войти тѣмъ пяти, которыя стали моими. Мое дѣло—затворять двери передъ людьми и не дозволять имъ достигать вѣчной жизни. Всѣ тѣ, кому я внушу сдѣлаться моими учениками и научу не покупать масла, не могутъ войти туда и удалиться отъ меня.

5. О, страшное и ужасное чудовище, снова скажу я! Какое множество людей отвратило оно отъ пути милосердія, сдѣлавъ ихъ сынами геенны! Послушайте, немилосердные, затворяющіе сердце свое предъ нуждающимися, послушайте, скупцы и злодѣи! Подобно тому какъ тѣ, которые не творятъ дѣлъ милосердія, суть ученики немилосердія, точно также и тѣ, которые притѣсняютъ другихъ, дурно обходятся съ ними, вредятъ имъ, бьютъ, ввергаютъ въ темницу хотя бы и невинныхъ, грабятъ, похищаютъ, порабощаютъ свободныхъ братьевъ, которые морятъ голодомъ рабовъ своихъ, оставляютъ ихъ нагими и безпощадно бьютъ ихъ,

которые беззаконно разграбляютъ имущество вдовъ и сиротъ, обогащаясь на ихъ счетъ, всѣ подобные являются чадами немилосердія и учениками его. Вѣдь сострадательный и милосердный Богъ повелѣлъ прощать наказанія даже виновнымъ и недостойнымъ. Что же претерпятъ тѣ, которые притѣсняютъ невинныхъ? Подумайте, скупцы, чьими друзьями являетесь вы по неразумію; послушайте, немилосердные, чьими учениками стали вы по собственной волѣ; послушайте, мучители, изнуряющіе братьевъ 691
своихъ, чьими слугами и помощниками являетесь вы, и узнавши, какой покой, какіе дары приготовили они вамъ тамъ, какія рѣки, ямы, пропасти, тьму внѣшнюю, скрежетъ зубовъ и другія подобныя мученія,— устранитесь, затрепещите, смутитесь, и оставивши это безстыдное, богоненавистное и братоненавистное немилосердіе, сдѣлайтесь учениками сострадательнаго и милосерднаго Бога, всѣхъ милующаго и всепрощающаго. Всѣ вы, ученики и друзья немилосердія, облекитесь состраданіемъ: пока есть у насъ время, научимся милосердію и состраданію, научимся прощать. Вы, которые нѣкогда поступали жестоко, перестаньте, никого не обижайте и довольствуйтесь своимъ содержаніемъ. Заботящіеся о чувственныхъ наслажденіяхъ и немилосердные, облекитесь одеждою сострадания, какъ повелѣваетъ Христосъ устами Павла. Вы, строющіе огромные дома и собирающіе въ нихъ все то, что почитается за благо, руками и трудами бѣдныхъ, не получающихъ ни пищи, ни платы за труды свои, вспомните, что услыхалъ нѣкогда ненасытный неразумный богачъ, горевавшій подобно отчаявшемуся бѣдняку и говорившій: «что мнѣ дѣлать, у меня нѣтъ бо́льшихъ житницъ»? Припомните тотъ приговоръ, который произнесъ Богъ этому богачу, и откройте сокровища ваши и давайте милостыню; приготовляйте себѣ сокровище неоскудѣваемое на небеси, какъ повелѣваетъ Господь (Лук. xii, 33). Вы, собравшіе себѣ невѣрное богатство корыстію и неправдою, пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ, какъ повелѣваетъ Господь, чтобы они, когда вы обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители (Лук. xvi, 9). Вы, обижающіе, вспомните о Томъ, Кто творитъ судъ обидимымъ, и устрашитесь; вы, лишающіе наемниковъ платы, вспомните о Томъ, Кто сказалъ: лишающій платы наемника какъ бы проливаетъ кровь (Прем. Іис. с. Сирах. xxxiv, 22): лишенный же вами вопіетъ—«и дошли вопли жнущихъ на нивахъ вашихъ до ушей Господа Саваоѳа». Бьющіе братьевъ, перестаньте; и лучше начнемъ заушать себя, памятуя тягчайшее обвиненіе тѣхъ, которые заушали безгрѣшнаго Господа, или обвиненіе того, кто ударилъ Его, и съ сокрушеніемъ вздохните, такъ какъ часто въ братѣ, котораго ты бьешь, скрывается Христосъ, и ты снова заушаешь Его. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тѣ, кого мы заушаемъ, облеклись во Христа, по слову апостола, сказавшаго: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Галат. iii, 26); за нихъ Онъ умеръ, съ ними и заушается. Неужели, слыша это, ты не устрашишься, не вострепещешь, не пере-

станешь бить слугъ своихъ? Неужели послѣ того, какъ ты услышалъ это, не онѣмѣла рука твоя? Я, говоря только объ этомъ, прихожу въ трепетъ,—а ты, дѣлающій это, должно быть обладаешь душею какого-нибудь звѣря, если остаешься неумолимо жестокимъ? Развѣ тебѣ не возмѣрится тою же самою мѣрою, какою ты мѣришь самъ? По крайней мѣрѣ хотя немного удержись въ своемъ легкомысліи, чтобы не собрать себѣ *гнѣва въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія; Иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его* (Рим. II, 5—6). Но я снова нѣсколько повторю и напомню каждому вообще, что надлежитъ дѣлать. Жестокіе богачи, ежедневно веселящіеся, помните о томъ немилосердномъ богачѣ, которому собственная его жестокость не позволяетъ перейти той лежащей предъ нимъ пропасти, которую вырыла ему жестокость, и устрашитесь. Гордящіеся только однимъ своимъ дѣвствомъ и исполненные жестокости, не забывайте о неразумныхъ дѣвахъ. Затворяющіе сердце свое предъ нуждающимися, помышляйте всегда о тѣхъ, которые стоятъ по лѣвую сторону, съ великимъ стыдомъ преклоняя внизъ головы, и слышатъ скорбныя слова: *идите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный* (Мѳ. XXV, 41), и устрашитесь. Похищающіе чужое, послушайте того, кто говоритъ устами святыхъ: *въ руку руцѣ вложивъ неправедно, не безъ муки будетъ злыхъ* (Притч. XI, 21); и опять: *Азъ Господь, ненавидяй грабленія отъ неправды* (Ис. LXI, 8); и въ другомъ мѣстѣ: *на восхищеніе не желайте* (Псал. LXI, 11). Притѣсняющіе сиротъ и вдовъ, помыслите о томъ, Кто ихъ покровитель и отмститель за нихъ: Богъ отецъ сиротъ и судія вдовъ, сказалъ Давидъ (Пс. LXVII, 6). Дѣвственники, превозносящіеся надъ находящимися въ супружествѣ, помните, что сказалъ Христосъ устами Павла: *честна женитва, и ложе не скверно* (Евр. XIII, 4). Разрушающіе храмъ Божій блудодѣяніемъ, послушайте,
692 что снова говоритъ Онъ: *блудникомъ и прелюбодѣемъ судитъ Богъ* (тамъ же). Цѣлующіе коварно, помните и не забывайте коварнаго лобзанія Іуды, предавшаго Іисуса. Тати, послушайте, что сказалъ о васъ Господь пророку Захаріи: что ты видишь, Захарія? И сказалъ: серпъ летающій; длина его двадцать локтей и ширина его десять локтей. И сказалъ Господь: *сія клятва, исходящая на лице земли; зане всякъ тать отъ сего даже до смерти отмщенъ будетъ; и внидетъ въ домъ татя, и въ домъ клянущагося именемъ Бога во лжу, и вселится посредѣ дому его, и скончаетъ его, и древа его, и каменіе его* (Зах. V, 2—4). Не достаточно ли этого для васъ, тати, чтобы удержаться отъ вашего злого пути? Или же мнѣ привести еще другія божественныя слова, которыя отклонили бы васъ и осудили и заставили бы васъ покаяться хоть бы изъ-за страха? Послушайте же, что говоритъ еще и апостолъ: тать *ктому да не крадетъ, но да труждается, дѣлая своима рукама благое, да иматъ подаяти требующему* (Ефес. IV, 28), и опять: *татіе царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI, 10). Но довольно вышесказаннаго о

татяхъ, если они пожелаютъ. Злопамятные, послушайте, что говоритъ Петръ: *не воздающе зла за зло, или досажденія за досажденіе, но отложше всяку злобу* и всякую клевету, *яко новорожденни младенцы*, живите (1 Петр. III, 9 и II, 1—2). Если ты когда-нибудь, будучи побѣжденъ и поставленъ въ необходимость уступить другому, возненавидишь этого человѣка, то не дерзай говорить: «я люблю Бога»,—потому что велико для тебя бремя и осужденіе въ братоненавистничествѣ тяжелѣе всякаго бремени,—и не принимай на себя лжи,—потому что ненавидящій брата своего и говорящій: я люблю Бога, тотъ лжецъ (1 Іоан. IV, 20), какъ написано. Сребролюбцы, подумайте, что вы любите, по слову апостола; если же этого не знаете, пріидите, послушайте, и я объясню вамъ, какое зло вы любите: *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе* (1 Тим. VI, 10). Вы не знаете столь любимаго вами чудовища, которое губитъ вашу душу? Ни одинъ сребролюбецъ никогда не былъ человѣколюбивымъ, а кто не человѣколюбивъ, тотъ не любитъ и Христа.

6. Подумайте, насколько безстыдно и отвратительно (корыстолюбіе): оно не устыдилось честнаго и блаженнаго сонма апостоловъ, предъ которымъ трепещутъ демоны, одна тѣнь отъ которыхъ изгоняла болѣзни, а прикосновеніе къ тѣлу исцѣляло недуги, подъ ноги которыхъ были покорены всѣ племена, цари, вельможи и мудрецы. Но, несмотря на все это, оно, безстыдное, напало подобно разбойнику и льву рыкающему и похитило апостола, и притомъ изъ числа двѣнадцати избранныхъ, славныхъ, верховныхъ, который наравнѣ съ остальными одиннадцатью не былъ лишенъ ни благословенія Христа, ни благодатныхъ даровъ Его, котораго Учитель, по своей великой щедрости, одарилъ также, какъ и остальныхъ, давъ ему даръ исцѣленій и власть надъ врагомъ. Мало того, благій и незлобивый Господь собственными руками омылъ, какъ и остальнымъ ученикамъ, ноги его, подвизавшіяся противъ Учителя. Какую, думаешь ты, имѣлъ онъ силу, получивши отъ Бога и Владыки всѣхъ власть надъ демонами и болѣзнями всякаго рода? Я скажу—она превосходила силою всѣхъ царей и вельможъ и была страшнѣе всякой власти. Подумайте же, сребролюбцы, чему подвергнемся мы, не обладая никакими славными дѣлами добродѣтели, если уже такого славнаго воина сребролюбіе, покоривъ себѣ какъ беззащитнаго и безпомощнаго, сдѣлало своимъ плѣнникомъ? Но что я говорю объ апостолахъ и ученикахъ? Оно не устрашилось самого Господа и Владыки всѣхъ, но наложило руки и на Него, продало непродаваемаго, обезчестило Владыку, достойнаго всякой славы и почести, подвергло заушеніямъ Того, предъ Кѣмъ преклоняются всѣ колѣна, и оплеваніямъ Того, Кого съ трепетомъ чтутъ небесныя воинства, и, наконецъ, — скажу еще болѣе того, — предало смерти начальника жизни, животворящаго все. Пусть же никто среди людей не хвалится, пусть никто не пребываетъ непреклоннымъ въ своемъ легкомысліи, пусть никто не осмѣливается сказать — «меня ни-

когда не побѣждаетъ страсть». Много разъ она побѣждала тебя,—и ты считаешь себя побѣдителемъ? Она побѣдила апостола Христова,—и ты пренебрегаешь? Она сдѣлала плѣнникомъ Вождя,—а ты не заботишься
693 и хвастаешься? Смотри, не упади тогда, когда тебѣ кажется, что ты стоишь. Хочешь, я укажу тебѣ, во сколькихъ случаяхъ ты былъ побѣжденъ, не сознавая этого? Хочешь, я открою тебѣ, какъ много дѣлаешь ты дурного и проводишь жизнь, какъ будто неповинный? Слушай: ты клялся страшнымъ именемъ Божіимъ, чего не осмѣливаются дѣлать и ангелы, — это дурно, какъ ясно показалъ Господь; ты лгалъ, — это порокъ; злословилъ,—значитъ былъ побѣжденъ; сберегалъ свои деньги въ то время, какъ братъ твой, даже болѣе, самъ Христосъ, алкалъ и терпѣлъ наготу, — ты понесъ тяжкое и непоправимое пораженіе, которое возведетъ на тебя это величайшее и страшное обвиненіе: *взалкахся, и не дасте Ми ясти* (Мѳ. xxv, 42), и слѣдующее—что еще хуже: ты не умилосердился надъ братомъ Христа, взывающимъ о помощи. Въ скоромъ времени, оставивъ все здѣсь, ты отправишься туда, откуда для тебя нѣтъ возврата, и окажешься въ числѣ тѣхъ, которые услышатъ: *идите отъ Мене, проклятіи*, и проч. Видишь, во сколькихъ случаяхъ ты оказался побѣжденнымъ, и не понимаешь этого? Видишь, во сколькихъ преступленіяхъ виновенъ ты, и будучи совершенно побѣжденъ и жалокъ, проводишь жизнь въ безпечности, подобно побѣдителю и невинному? Ты развѣ не слышалъ, что написано — побѣждающій наслѣдуетъ вѣчныя блага, которыя ясно изобразилъ Іоаннъ въ Апокалипсисѣ, повѣствуя о томъ, что онъ видѣлъ: безпредѣльную радость, вѣчное веселіе, жизнь съ Господомъ всѣхъ, со всѣми святыми, ангелами и архангелами; разсказавъ же и о многомъ другомъ удивительномъ, наконецъ прибавилъ: побѣждающій наслѣдуетъ это (Апок. xxi, 7). Мы сказали ранѣе о побѣдѣ, если вы помните, но ради нерадивыхъ снова скажемъ, о какой онъ говоритъ побѣдѣ. О той побѣдѣ, которою побѣдилъ Господь нашъ и которую ясно показалъ намъ, сказавъ: *дерзайте, Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. xvi, 33). Слышишь, о какой Онъ говоритъ побѣдѣ? Побѣдившій наслѣдуетъ радость. О, какое блаженное наслѣдіе! О, жребій, преисполненный всякой радости! Много, братіе, нужно борьбы, много трудовъ, много слезъ, много молитвъ и сокрушенія сердечнаго. Какой способъ употребить намъ, какое изобрѣсти средство, какой найти путь, чтобы не лишиться намъ тѣхъ предвозвѣщенныхъ благъ, которыя открыты были блаженному Іоанну? Кого спросить намъ, чтобы онъ научилъ насъ, какъ мы можемъ сдѣлаться наслѣдниками этихъ неизреченныхъ благъ, *яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9)? Господь, научающій разумѣнію, научитъ насъ, какимъ образомъ надлежитъ побѣждать міръ. Смѣло приступимъ къ Нему и спросимъ Его чистосердечно; будемъ подражать славному сонму апостоловъ и подобно тому, какъ они, приступивъ къ Нему, спросили о кончинѣ міра и обо всемъ и узнали истину отъ

самой Истины, такъ приступимъ къ Нему теперь и мы, хотя мы и недостойны, ничтожны и весьма далеки отъ достоинства апостоловъ. Онъ не далеко отстоитъ отъ тѣхъ, которые ищутъ Его въ истинѣ, какъ говоритъ пророкъ: *близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ* (Псал. CXLIV, 18). Скажи намъ, Господи, скажи намъ, какъ надлежитъ побѣждать міръ; Господи, научи насъ творити волю Твою; Господи, направь насъ на путь Твой, чтобы когда-нибудь не поглотила насъ пучина злого вѣка сего (Псал. CXLII, 10 и LXVIII, 16); Господи, Господи, не оставь насъ; Господи, кромѣ Тебя иного не знаемъ; Господи, помилуй насъ, такъ какъ мы немощны; Господи не оставь насъ сиротами; Учитель благій, что намъ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную (Лук. X, 25)? Послушаемъ, что Онъ скажетъ въ отвѣтъ на это: идите за Мною, слѣдуйте по стопамъ Моимъ, будьте Моими подражателями, станьте добровольно нищими, чтобы обогатиться по образу Моей побѣды. Послушайте, что повѣствуетъ апостолъ: насъ ради *обнища богатъ сый* (2 Кор. VIII, 9); *смирилъ себе, послушливъ бывъ даже до смерти* (Филип. II, 8). Такъ и всякій, кто хочетъ побѣдить, пусть смиритъ себя; правда, ему надлежитъ сдѣлать это въ большей мѣрѣ, поскольку онъ рабъ, но если уже онъ не можетъ этого, то пусть по крайней мѣрѣ сдѣлаетъ такъ, какъ я, Владыка; пусть претерпитъ гоненія, поруганія, безчестіе, заушенія и заплеванія. Кто живетъ такъ, согласно съ истиннымъ исповѣданіемъ, тотъ побѣждаетъ міръ и получаетъ въ наслѣдіе исчисленныя Іоанномъ блага, которыя желаютъ видѣть ангелы. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никого сильнѣе того, кто становится нищимъ ради Господа; никто такъ не страшенъ демонамъ, какъ смиренный; кто желаетъ побѣдить міръ и то, что въ мірѣ, побѣдить высокоумца и гордеца, тотъ соблюдетъ заповѣди Мои, какъ и Я сохранилъ заповѣди Отца Моего, бывъ послушнымъ даже до смерти, претерпѣвъ поруганіе, безчестіе, заушенія и заплеванія,—и такимъ образомъ онъ побѣждаетъ міръ. Этотъ способъ устрашилъ и обезсилилъ діавола, сокрушилъ зубы его, попралъ силу и уничтожилъ власть его; этимъ да хвалится хвалящійся, какъ написано: *да хвалится братъ смиренный въ высотѣ своей* (Іак. I, 9), такъ какъ онъ побѣждаетъ міръ. Видишь ли высоту смиренія? Видишь ли побѣду бѣдности? Видишь ли непобѣдимую силу того, кто смиренъ сердцемъ? О, бѣдность, богатѣйшая всѣхъ царей! О, смиреніе, могущественнѣйшее гигантовъ! О, послушаніе, щитъ и праща противъ зла. Поистинѣ, напрасно безпокоится всякій человѣкъ, который хочетъ инымъ образомъ побѣдить міръ. Не заблуждайся, человѣкъ! Нѣтъ никого сильнѣе Христа, но и Онъ самъ такимъ именно образомъ выступилъ въ бой и побѣдилъ, научивъ насъ непреодолимому способу одерживать побѣду: этимъ способомъ Онъ низвергъ того гордеца, этимъ средствомъ Онъ низложилъ того, кто говорилъ — «я буду подобенъ Вышнему»; этою хитростію побѣдилъ Онъ міръ и сокрушилъ зубы міродержателя, гонимый, преслѣдумый, под- 694

вергшійся поруганіямъ и заплеванію. Видишь ли непобѣдимое оружіе? Видишь ли побѣду и средство? Видишь ли непобѣдимую силу бѣдности для Бога? Видишь ли, какъ страшенъ демонамъ тотъ, кто облекся смиреніемъ? Онъ, какъ мы сказали, является подражателемъ Господа, вожделѣненъ ангеламъ, чтимъ апостолами, сопричисленъ къ мученикамъ, страшенъ демонамъ, побѣдитель міра, наслѣдникъ вѣчныхъ и нетлѣнныхъ благъ. На него никогда не нападаетъ страхъ, отъ него бѣжитъ во страхѣ весь легіонъ демоновъ, такъ какъ они видятъ въ немъ побѣдителя міра—Христа, поправшаго ихъ и сокрушившаго ихъ ничтожную силу.

7. Научившись способу и искусству (побѣждать), не будемъ же, дѣти мои, нерадивы, но будемъ подражать Господу нашему и, уподобившись Ему по смиренію и добродѣтелямъ, будемъ побѣждать при Его содѣйствіи; особенно же будемъ вожделѣть тѣхъ благъ, о которыхъ такъ часто мы слышали; не будемъ предаваться лѣности, не дадимъ сна очамъ нашимъ, чтобы не быть намъ побѣжденными ужаснымъ міродержцемъ, чтобы онъ не сказалъ когда-нибудь: «я превозмогъ Его». Смотри же, возлюбленный, не дай дреманія вѣждамъ твоимъ,—смотри, чтобы не уснулъ хранящій тебя. Нечестивые ходятъ вокругъ. Противникъ вашъ діаволъ, какъ рыкающій левъ, ищетъ кого поглотить (1 Петр. v, 8). Зная это, возбудимъ, дѣти, себя отъ сна, приготовимся къ борьбѣ, и опять спустя немного будемъ готовы къ защитѣ. Доколѣ будемъ мы невнимательны къ словамъ Господа, сказавшаго: *будите готови* (Мѳ. xxiv, 44), разумѣется къ отшествію изъ настоящей жизни? Какой отвѣтъ дадимъ мы тогда, когда Судія раскроетъ книги, не какія-либо чуждыя намъ, которыхъ мы не знаемъ, но тѣ, которыя мы предлагаемъ вамъ, которыя ежедневно читаемъ и слышимъ, и которыя показываютъ намъ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ правильное исполненіе всякой заповѣди? Какъ мы скроемся отъ тѣхъ, кого мы преслѣдовали, или отъ тѣхъ, кого презирали или кому причинили много зла, а особенно отъ тѣхъ, которые, стоя вблизи Судіи, будутъ взывать: отмсти за насъ нынѣ, Господи,—Ты Богъ отмщеній, Владыка. Что же надлежитъ дѣлать? Скажите, если знаете,—потому что, какъ уже было показано, невозможно избѣжать рукъ Судіи и мы знаемъ, что ничто не скрыто отъ Него. Вѣдь и самый адъ будетъ обнаженъ и все будетъ открыто предъ глазами Его: всякое дѣло, всякій поступокъ, добрый или злой, малый или великій, обнаружится тогда предъ взоромъ, въ присутствіи ангеловъ, всѣхъ силъ небесныхъ и всякой души человѣческой. Извѣстно намъ и то, что *тогда будетъ похвала комуждо отъ Бога* (1 Кор. iv, 5), и что каждый понесетъ заслуженное имъ: готовые войдутъ вмѣстѣ съ Нимъ въ вѣчныя обители, предъ нерадивыми же заперты будутъ двери; и скажу еще болѣе ужасное: наказанія тѣ не имѣютъ конца, но продолжаются, какъ открыто намъ, въ безконечные вѣка; мы слышали и о томъ, что всѣ мы должны будемъ предстать предъ суди-

лище Христово во всей наготѣ своей, чтобы каждый получилъ по дѣламъ своимъ; знаемъ, что судъ будетъ безъ снисхожденія, ежедневно говоримъ, что Онъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его, и знаемъ всѣ, что всякій согрѣшившій и не позаботившійся о томъ, чтобы раскаяться, подвергается вѣчному наказанію. 695
Если же мы знаемъ хорошо все это, то почему не трепещемъ? Почему не скорбимъ? Почему не возбуждаемъ другъ друга послѣдовать спасительному и угодному Богу рѣшенію? Придите же всѣ вѣрные и любящіе Бога, придите, соберемся единодушно вмѣстѣ, а если невозможно, чтобы собрались вмѣстѣ всѣ предѣлы (земли), то пусть соберется хотя каждая отдѣльная область, если же трудно и это, то пусть по крайней мѣрѣ соберется городъ со своею окрестною страною; собравшись же въ большомъ количествѣ, испытаемъ другъ друга относительно того страшнаго судилища; узнаемъ сначала, готовы ли мы; разсмотримъ по отношенію къ каждому проступку, какой приговоръ начерталъ ему Господь. Такимъ образомъ каждый, познавъ свой грѣхъ и осужденіе за него, исправится прежде чѣмъ распущено будетъ собраніе, если только онъ не пребудетъ неисправимымъ. Вѣдь если царь не уступаетъ того, что слѣдуетъ ему, но тщательно добивается своего, и всякій начальникъ требуетъ должнаго, то насколько болѣе потребуетъ съ насъ всѣ наши долги праведный Судія? Поэтому умоляю вашу любовь во Христѣ, пусть никто не уходитъ отсюда, имѣя за собою долгъ. Здѣсь находится средство оправданія, есть много способовъ, много путей къ жизни. Пусть даже и многочисленны грѣхи, но гораздо болѣе ихъ милосердіе Божіе,—часто мы изъясняли это вамъ, хотя вполнѣ это и неизъяснимо, все же опять обращусь съ тѣмъ же къ вашей любви во Христѣ. Послушаемъ же внимательно со страхомъ Божіимъ и обильными слезами. Нерадивые—будемъ бдительны, дремлющіе—пробудимся, подвергающіеся искушеніямъ—возложимъ все попеченіе на Господа, такъ какъ написано, что Онъ печется о насъ. Соберемся здѣсь съ мыслями, выслушаемъ добрыя правила, правила спасительныя, искусства полезныя для души, путь обращенія и покаянія, краткую божественную рѣчь и нелицемѣрное наставленіе. Напрягите только, какъ я сказалъ, вашъ умъ и пусть никто не слушаетъ разсѣянно и лѣниво; то средство, о которомъ я намѣренъ говорить, приводитъ на память всѣмъ присутствующимъ всякаго рода проступокъ, для того, чтобы каждый изъ насъ, познавъ свой грѣхъ, плакалъ, вздыхалъ, исправилъ грѣхъ, приготовился къ защитѣ. Я снова хочу напомнить вамъ о тѣхъ печальныхъ и ужасныхъ наказаніяхъ, какъ я уже сдѣлалъ это въ началѣ слова; говоря о нихъ, мы не причиняемъ вамъ никакого вреда, но напротивъ, приносимъ великую пользу: вѣдь, какъ говорятъ, частымъ паденіемъ капля долбитъ камень. Итакъ, откуда же начать мнѣ? Какой представлю проступокъ, какой недугъ, чтобы указать соотвѣтствующее болѣзни врачеваніе? Несомнѣнно тотъ, который является самымъ

великимъ зломъ. Что же это такое? Безъ сомнѣнія, это—гордость, которая низвергла съ неба на землю денницу. Слушай же прежде всего ты, гордецъ,—вспомни, что написано: Богъ гордымъ противится; отринь далеко отъ себя этотъ страшный недугъ, чтобы не пріобрѣсти себѣ въ Богѣ противника; вспомни о томъ, кто ниспалъ съ неба на землю и вмѣсто пребыванія съ Богомъ и остальными сослужителями—ангелами пребываетъ нынѣ въ преисподней, въ мѣстѣ мрака и погибели; помышляй непрестанно о Господѣ славы, какъ Онъ, будучи богатъ, обнищалъ. Вспоминай, какимъ подвергался Онъ кознямъ, клеветамъ и заушеніямъ, и во страхѣ смирись, чтобы получить спасеніе и быть превознесену въ день посѣщенія, такъ какъ близъ Господь сокрушеннымъ сердцемъ и смиряющій себя превознесенъ будетъ. Впавшіе въ грѣхъ блудодѣянія пусть престанутъ и болѣе никогда не впадаютъ въ него, но пусть вспоминаютъ слова апостола, сказавшаго: *блудникомъ и прелюбодѣемъ судитъ Богъ* (Евр. XIII, 4), и еще: *всякъ грѣхъ, его же аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть: а блудяй, во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. VI, 18), а также: *блудницы царствія Божія не наслѣдятъ* (ст. 9). Не забывайте же и о томъ, кто осквернилъ блудомъ брачную одежду и съ позоромъ былъ изгнанъ съ царскаго брачнаго пира: *и покайтеся, приближибося царствіе небесное* (Мѳ. III, 2). Прелюбодѣи, устрашитесь божественнаго голоса, возгласившаго: *не прелюбы сотвори,* и словъ апостола: *блудникомъ и прелюбодѣемъ судитъ Богъ.* Вспомните также, что сказалъ Соломонъ: *прелюбодѣй же за скудость ума погибель души своей содѣваетъ* (Притч. VI, 32). Послушайте также, что говоритъ Господь женѣ прелюбодѣйной: иди, и впредь не грѣши (Іоан.
696 VIII, 11). И скажу кратко: покайтесь! Послушайте, что возвѣщаетъ апостолъ: *открывается бо гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ* (Рим. 1, 18). Вы, мужчины, предающіеся постыдному разврату съ мужчинами, вострепещите, прежде чѣмъ придетъ Судія, такъ какъ вы возстаете дерзко противъ природы, и подумайте о томъ, какія наказанія постигнутъ таковыхъ, если они не принесутъ покаянія съ великимъ усердіемъ, соотвѣтствующаго преступленію. Вспомните, что говоритъ апостолъ: *неправедницы царствія Божія не наслѣдятъ, ни блудницы, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложницы* (1 Кор. VI, 9) царства Божія не наслѣдуютъ. Почему же, скажи, Павелъ, впали они въ такое тяжкое прегрѣшеніе? Такъ какъ они *не искусиша имѣти Бога въ разумѣ* (Рим. VI, 28), то и предалъ ихъ Богъ въ вожделѣніяхъ сердца ихъ въ нечистоту, чтобы осквернились тѣла ихъ въ нихъ самихъ. Видишь ли причину ужаснаго паденія? Поэтому-то тотъ же самый апостолъ и увѣщеваетъ, чтобы мы не были похотливы на злое и не были рабами страстей (1 Кор. X, 6): *имже бо кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть* (2 Петр. II, 19). Поэтому надлежитъ непрестанно молиться, непрестанно проливать слезы и скорбѣть, чтобы Господь изба-

вилъ насъ отъ скверныхъ чувствованій этого смертнаго тѣла; и будемъ, наконецъ, стремиться къ тому, что дѣйствительно вожделѣнно, во что проникнуть своимъ взоромъ стремятся и ангелы.

8. Будемъ же и мы стремится къ этому и усердно предадимся покаянію, чтобы чрезъ него сдѣлаться намъ столь же непорочными, какъ были мы до паденія. Таково именно свойство, такова сила покаянія, этого драгоцѣннаго пріобрѣтенія,—что оно снова возвращаетъ кающемуся его прежнее достоинство, которое онъ имѣлъ до паденія. Я осмѣлюсь сказать, что нѣкоторые стали даже болѣе совершенными. Понесши множество трудовъ, проливъ обильныя слезы, они омыли скверну грѣха, согласно сказавшему: *омыеши мя, и паче снѣга убѣлюся* (Пс. L, 9). Но необходимо великое усердіе, такъ какъ мы не знаемъ, въ какой часъ похититъ насъ взыскатель и нѣтъ никого, кто бы защитилъ насъ. Вотъ почему божественный голосъ непрестанно и взываетъ къ намъ: *будите готови*. Ты, призванный судить, избѣгай произносить осужденіе, внимая словамъ Господа—*не судите* (Лук. VI, 37), и не взыскивай съ безсильнаго, но вспоминай о Господѣ, сказавшемъ: *не судите на лица, но праведный судъ судите* (Іоан. VII, 24), и еще: *не осуждайте, да не осуждени будете* (Лук. VI, 37). Если же ты, осуждая другого, самъ дѣлаешь то же, ты не избѣжишь осужденія Божія. Послушай, какъ порицаетъ таковыхъ апостолъ, говоря: *сего ради безотвѣтенъ еси, о человѣче, судяй* (Рим. II, 1) тѣхъ, которые поступаютъ худо, а самъ дѣлающій то же: *имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши. Научая убо иного, себе ли не учиши? Проповѣдуя не красти, крадеши? Глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши* (ст. 21, 22)? *Изми первѣе бервно изъ очесе твоего*, какъ сказалъ Господь: *имъ же бо судомъ судите*, говоритъ Онъ, *судятъ вамъ* (Мѳ. VI, 5, 2). Смотри же, судящій другого, не принимай даровъ для того, чтобы (осудить) невиннаго, потому что написано: *горе оправдающимъ нечестива даровъ ради, и, еже есть праведное праведнаго, вземлющимъ* (Ис. V, 23). Поэтому, если какой-либо судія признаетъ себя виновнымъ въ подобномъ преступленіи, пусть онъ позаботится скорѣе покаяніемъ искупить свою вину, потому что вотъ Судія судей стоитъ при дверяхъ. Итакъ не будемъ впредь судить другъ друга, но будемъ другъ друга любить, другъ другу помогать, другъ за друга молиться, чтобы за это получить исцѣленіе благодатію Господа нашего Іисуса Христа. Если кто преданъ гнѣву и ярости, пусть послушаетъ, что говоритъ апостолъ: *всяка горесть, и гнѣвъ, и ярость, да возмется отъ васъ* (Ефес. IV, 31), и еще: *гнѣвъ мужа правды Божія не содѣловаетъ* (Іак. I, 20), а также: *отложите гнѣвъ, ярость, злобу, хуленіе, срамословіе отъ устъ вашихъ* (Колос. III, 8). Особенно же слушай пророка, который увѣщеваетъ тебя: *престани отъ гнѣва, и остави ярость* (Псал. XXXI, 8). Затѣмъ и Соломонъ говоритъ: съ мужемъ гнѣвливымъ

не соводворяйся (Притч. XXII, 24). Таковой человѣкъ является не служителемъ Бога, но рабомъ владѣющаго имъ порока, согласно написанному: *имже бо кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть* (2 Петр. II, 19). И поспѣшно отложивъ гнѣвъ, съ усердіемъ покайтеся, чтобы вамъ не быть внезапно перенесенными въ то мѣсто, гдѣ собраны сыны гнѣва и изъ котораго мы да будемъ исторгнуты благодатію Господа нашего Іисуса Христа. Предающіеся объяденію и проводящіе
697 жизнь свою въ роскоши, послушайте, что съ угрозою провозгласилъ Господь: *горе вамъ, насыщенніи нынѣ: яко взалчете* (Лук. VI, 25), а также и то, что сказалъ пророкъ: *яде Іаковъ и насытися и остави Бога, сотворшаго его* (Второз. XXXII, 15). Видишь ли, какъ удаляются отъ Бога люди, предающіеся роскоши, относительно которыхъ апостолъ, называя ихъ невѣрующими въ Бога, сказалъ: *имже Богъ чрево и слава въ студѣ ихъ, иже земная мудрствуютъ* (Филипп. III, 19). Послушай далѣе, какъ предостерегаетъ Богъ всѣхъ чрезъ Моисея, говоря: *вонми себѣ, да не* когда *ядый и насытився, забудеши Господа Бога твоего* (Втор. VI, 11. 12), и поспѣшивъ оставить роскошь, эту мать всѣхъ пороковъ и всякаго зловонія, восприми благоуханіе, т. е. воздержаніе, этотъ даръ Духа Святаго, по ученію апостола, и берегись, чтобы и тебѣ не услышать, подобно тому, утопавшему въ роскоши и ненавидѣвшему бѣдныхъ богачу, этихъ словъ: *воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ* (Лук. XVI, 25). Притомъ непрестанно пребывай въ покаяніи, которое является основаніемъ нашего спасенія, такъ какъ мы не знаемъ ни дня, ни часа, въ который придетъ Господь нашъ. Предающіеся пьянству и тѣмъ добровольно удаляющіе себя отъ нетлѣннаго царства небеснаго, послушайте, что возвѣщаетъ пророкъ: горе пьянымъ (Ис. XXV, 1), а также и апостола, говорящаго, что *піаницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. VI, 10), и снова повелѣвающаго: *не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ* (Ефес. V, 18), и оставивши вино, особенно же пьянство, не допускающее насъ въ царство небесное, возлюбите то вино, которое приготовилъ нашъ Богъ изъ Священнаго Писанія, вино сокрушенія, по слову пророка, и вкушая его въ умиленіи, покайтесь со слезами, потому что сладостны слова Господа. Возлагающіе надежду по неразумію своему на плоть свою, послушайте, что возвѣщаетъ Богъ устами святыхъ: *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный* (Ис. XL, 6), и еще: (проклятъ человѣкъ) дѣлающій плоть опорой своей: *зане суетно спасеніе человѣческо* (Іерем. XVII, 5. Псал. LIX, 13). Поэтому и апостолъ пишетъ: *да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога* (2 Кор. I, 9), подобно тому какъ и пророкъ также говоритъ: *благо есть надѣятися на Господа, неже̇ли надѣятися на человѣка* (Пс. с. XVII, 8). Покайтеся,—такъ какъ идетъ нелицепріятный Судія, чтобы упразднить всякое начальство, власть и силу (1 Кор. XV, 24), и нѣтъ ничего сильнѣе Его. Тайные убійцы,

занимающіеся чародѣйствомъ, наслѣдники мѣста убійцъ, скрытые волки, демоны во плоти, обитатели преисподней, сыны вѣчнаго мрака, дѣти огня неугасимаго, послушайте, что говоритъ о таковыхъ людяхъ святой евангелистъ Лука въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ въ слѣдующихъ словахъ: *многіе отъ сотворшихъ чародѣянія, собравше книги, сожигаху предъ всѣми, и сложиша цѣны ихъ, и обрѣтоша сребра пять темъ* (Дѣян. xix, 19). Видишь ли скорое послушаніе и тотчасъ слѣдующее за нимъ спасеніе? Видишь ли, какъ велики были немощи ихъ? Но скорое послушаніе исправило все. И вы, заблуждающіеся подобнымъ же образомъ и обольщенные разумомъ, съ презрѣніемъ отвергните отъ себя столь ужасное и жестокое обольщеніе и, какъ бы убѣгая отъ змѣя, поспѣшите принести соотвѣтствующее покаяніе, прежде нежели насъ постигнетъ этотъ невыносимый грозный приговоръ и плачъ,—время близко, не будьте нерадивы. Страдающіе ненавистью и завистью, этою тяжкою болѣзнію, вспомните о тѣхъ завистникахъ, которые услышали слова: *друже, не обижу тебе, возми твое и иди* (Мѳ. xx. 14). Куда же это? Безъ сомнѣнія, во тьму кромѣшнюю. Отбросьте поэтому и вы отъ себя эту немощь и покайтеся, потому что *страшно есть еже впасти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. x, 31). Не признающіе божественнаго Писанія и оскорбляющіе Духа Святаго, говорившаго устами ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ писателей, что будете дѣлать вы въ тотъ ужасный день, когда возсядетъ Судія и раскроются книги, отъ которыхъ вы съ презрѣніемъ отвращаетесь нынѣ? Куда убѣжите? Гдѣ скроетесь отъ лица Того, Кто будетъ говорить на основаніи всего божественнаго Писанія и представитъ всѣ священныя книги? Горе и погибель постигнетъ васъ, если только вы, поспѣшно предавшись плачу и рыданію, не умолите Утѣшителя-Бога, Котораго вы прогнѣвали. Вы не знаете словъ Господа—*испытайте писаній* (Іоан. v, 39)? Не знаете, какъ Онъ называетъ заблудшими незнающихъ Писанія? Послушайте апостола, который называетъ Писаніе богодухновеннымъ, полезнымъ, словомъ здра- 698
вымъ и исцѣляющимъ, священными письменами, закономъ свободы. Послушайте также, какъ устами Соломона Духъ Святый называетъ васъ нечестивыми въ слѣдующихъ словахъ: *премудрость же и наказаніе нечестивіи уничижатъ* (Притч. I, 7).

9. Внимая сказанному, покайтесь и содѣлайте себя достойными оправданія, прежде чѣмъ придетъ день Господень. Вообще кратко скажу, всякій человѣкъ, который не поспѣшитъ исправиться и безъ исправленія отойдетъ изъ настоящей жизни, пусть ожидаетъ слѣдующаго: *открывается гнѣвъ Божій съ небесе*, не на тотъ или другой грѣхъ, *но на всякое нечестіе и неправду человѣковъ* (Рим. I, 18), одинаково какъ мужей, такъ и женъ, такъ какъ нѣтъ различія, всѣ согрѣшили. Поэтому-то и святой апостолъ по благодати ему данной написалъ также и относительно женъ, сказавъ: жены (должны быть) честны, служитель-

ницы вѣрныя во всемъ. А учить женѣ не позволяю, ни властвовать надъ мужемъ, но быть въ безмолвіи (1 Тим. ііі. 11 и ii, 12). имѣть попеченіе о домѣ, учить добру. чтобы вразумляли молодыхъ. любили мужей. не порабощались пьянству (Тит. ii, 3. 4). И относительно вдовицъ онъ также писалъ: *вдовицы чти, сущія истинныя вдовицы* — всякую, которая пребываетъ въ молитвахъ и моленіяхъ, *аще чада воспитала есть, аще странныя пріятъ, аще святыхъ нозѣ умы, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (1 Тим. v. 3. 10). Равнымъ образомъ и о старцахъ и старицахъ говорилъ Духъ Святый устами святыхъ. и относительно рабовъ и господъ давалъ Онъ наставленія, говорилъ относительно царей, воиновъ. епископовъ; Онъ не обошелъ молчаніемъ ничего, что можетъ быть полезнымъ, потому что. какъ сказано, открывается гнѣвъ (Божій) съ неба на всякое нечестіе и неправду людей, безразлично малыхъ ли, или великихъ (Рим. i, 18). Я напомнилъ обо всемъ любви вашей для того. чтобы вамъ извѣстны были всѣ заповѣди, чтобы всякое начальство, и власть. и всякій возрастъ узналъ рѣшеніе Божіе и волю Его, зналъ о Его страшномъ пришествіи съ неба, объ ужасныхъ наказаніяхъ и о томъ скорбномъ отдѣленіи. и чтобы каждый приложилъ стараніе свое къ тому, чтобы исправить свою жизнь и уготовать себѣ оправданіе. чтобы не предать себя своею безпечностью и не лишиться неизреченныхъ и вѣчныхъ благъ. Итакъ, берегись, безпечный, оставаться въ безпечности, чтобы не быть тебѣ побѣжденнымъ веселіемъ и удовольствіями! Смотри, не пренебреги богатствомъ благости, милосердія и долготерпѣнія Божія и не собери. какъ говоритъ апостолъ, на себя гнѣва въ день гнѣва. Обратись же на истинный путь; бодрствуй, будь бдителенъ; достаточно для тебя прошедшаго времени; не оставайся непреклоннымъ въ своемъ обольщеніи и стремленіи къ наслажденіямъ, чтобы не укрѣпиться тебѣ въ неправдѣ своей. Ты не видишь ангела, который слѣдуетъ за тобою и записываетъ дѣла твои? Или не знаешь, что, благодаря твоему упрямству и медлительности, рана становится болѣе тяжелой, запись бываетъ болѣе суровой. сильнѣе возбуждается гнѣвъ противъ тебя? Ты не знаешь, что отъ частаго совершенія зло становится трудно преоборимымъ, подобно тому, какъ рисунокъ, будучи легко начерченъ на доскѣ, стирается безъ труда. а изображенный глубокими чертами изглаживается съ трудомъ? Смотри, не презирай Того, Кто будетъ судить тебя; смотри, чтобы тебѣ, упорствуя, не совершить беззаконія, не заслуживающаго прощенія. Вотъ почему благій утѣшитель Духъ заблаговременно утвердилъ всѣхъ относительно всего и напомнилъ намъ обо всемъ,—и о томъ, какъ блудникъ изгоняется со стыдомъ съ брачнаго царскаго пира, и о томъ, какъ пять неразумныхъ дѣвъ за свою жестокость не допускаются до участія въ небесной радости, о томъ. какъ тотъ богачъ за свою исполненную наслажденій жизнь и жестокосердіе сдѣлался наслѣдникомъ ужаснаго мѣста

мученій. Точно также и другой богачъ, расширявшій житницы свои и собиравшій много, но не получавшій отъ этого никакой прибыли, справедливо заслужилъ обращенія къ себѣ—«безумный». Не безъизвѣстно вамъ и то, какой приговоръ услышали поставленные на лѣвой сторонѣ за свою скупость. Вора же Господь назвалъ убійцей, сказавъ: *тать не приходитъ, развѣ да украдетъ и убіетъ и погубитъ* (Іоан. x, 10). Это и подобное этому сказалъ устами святыхъ Духъ Святой, я же напомнилъ вамъ, и сверхъ всего этого апостолъ взываетъ: *блюдите, да не отречетеся глаголющаго* (Евр. xп, 25). Но уже довольно будетъ для васъ сказаннаго, особенно же для болѣе прилежныхъ, — благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, устроившаго все въ предсказанное время для нашего спасенія и призывающаго насъ въ Свое вѣчное царство, молитвами помянутыхъ святыхъ, Ему же слава и дер- 699—700
жава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, какъ было въ началѣ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ недѣлю Сыропустную о покаяніи и милостынѣ. Слово II. 699

1. Воиновъ земного царя предрасполагаютъ къ бою звуки трубъ, воиновъ же небеснаго Царя Іисуса Христа возбуждаетъ къ словословію и къ страху Божію чтеніе божественныхъ Писаній: первыхъ—къ борьбѣ съ чувственными врагами и непріятелями, а насъ—къ борьбѣ противъ враговъ невидимыхъ и демоновъ, какъ говоритъ Павелъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителямъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебесныхъ* (Ефес. vi, 12). Смотрите, братіе, какіе у насъ враги, смотрите, съ какими непріятелями намъ надлежитъ сражаться! Какъ видите, они злобны, безстыдны, такъ какъ насильно вынуждаютъ насъ къ совершенію всякихъ грѣховъ. Если они потерпятъ неудачу въ одномъ, приступаютъ къ другому: если имъ не удастся и это, переходятъ къ слѣдующему, и просто сказать, переходя отъ одного къ другому, они не отстаютъ до тѣхъ поръ, пока не добьются желаемаго. Одного они возбуждаютъ къ блуду, другого къ прелюбодѣянію; того къ похищенію чужого, иного къ воровству у ближняго; одного къ ненасытной жадности, другого къ зависти и ненависти; того къ убійству или злословію, другого къ клеветѣ и братоубійству; одного къ чревоугодію и развращенію дѣтей, другого къ ограбленію храмовъ и безстыдству; того къ человѣкоугодничеству и честолюбію, иного къ немилосердію и жестокости; одного къ запирательству и клятвамъ, другого къ оскорбленіямъ и поруганіямъ; того къ гнѣву и ярости, другого къ ростовщичеству, ревности и раздору, а того къ богохульству и нечистымъ помысламъ; однимъ они внушаютъ не оказывать состра-

данія бѣднымъ, другимъ—нарушать границы сосѣдей; однихъ заставляютъ лишать платы наемниковъ,—а что можетъ быть болѣе достойно сожалѣнія, чѣмъ это?—другихъ побуждаютъ лишать крова и одежды сиротъ; тѣхъ—притѣснять вдовъ, иныхъ—чтобы они не входили въ церковь; другихъ ввергаютъ въ безконечное множество пороковъ, которымъ нѣтъ числа и для изображенія которыхъ мнѣ не хватило бы времени всей жизни. Смотрите, братіе, въ какія преступленія впадаемъ мы каждый день, а все-таки остаемся невнимательными. Но, горе мнѣ, что станетъ со мною, если я разскажу объ этомъ? Повѣрьте мнѣ, братіе, страхъ и трепетъ объемлетъ меня, когда я описываю только это, ужасъ нападаетъ на меня, я нѣмѣю и у меня является желаніе плакать, когда я помышляю о томъ, въ какое множество пороковъ, тяжкихъ и діавольскихъ, уловляемся мы. Зачѣмъ же мы остаемся нерадивыми? Что медлимъ? Какого времени ожидаемъ? Зачѣмъ пренебрегаемъ нашимъ спасеніемъ? Почему не помышляемъ о своей смерти? Почему остаемся нерадивыми и не бѣжимъ отъ этого? До какихъ поръ будемъ безучастны къ себѣ? Доколѣ будемъ предаваться роскоши, пьянству, удовольствіямъ, сладострастію, ненасытной жадности, хищеніямъ, неправдѣ? Доколѣ будемъ нападать на нищихъ, грабить бѣдныхъ? Доколѣ будемъ служить богатству, деньгамъ и золоту? Доколѣ будутъ владѣть нами сребролюбіе, уловительница душъ, зависть, ложь, клевета, злословіе, постыдныя и необузданныя вожделѣнія? Зачѣмъ мы колеблемся? Чего ожидаемъ? Зачѣмъ не во время чувствуемъ утомленіе? Зачѣмъ насмѣхаемся надъ собою самими? Зачѣмъ тщетно терзаемъ себя? Зачѣмъ овладѣваемъ чужимъ, волнуемся, утомляемся, собираемъ себѣ скоропреходящее? Принесемъ же наконецъ покаяніе, воспрянемъ, станемъ бдительны,—молю васъ, братіе,—пробудимся отъ тяжкаго грѣховнаго сна! *Пріидите, услышите, и повѣмъ вамъ, вси боящіися Бога* (Пс. LX, 16); придите, послушайте словъ и дѣлъ духовныхъ и спасительныхъ; придите, примите совѣтъ спасительный и угодный Богу; придите, узнайте, какъ намъ прославить Бога, Спасителя нашего; придите, прежде чѣмъ расторгнется союзъ жизни, придите, прежде чѣмъ затворятся двери жизни, прежде чѣмъ придетъ смерть и
700 найдетъ васъ неприготовленными; придите, прежде чѣмъ зайдетъ солнце и померкнетъ свѣтъ. Придите, *услышите вси языцы, внушите вси живущіи по вселеннѣй*; придите, *земнородіи и сынове человѣчестіи, вкупѣ богатъ и убогъ* (Псал. XLVIII, 2—3); придите, благородные и славные, рабы и свободные; придите, всякое сословіе, всякій возрастъ, мужи вмѣстѣ и жены, малые и великіе, юноши и старцы; придите священники Господни и вся полнота Церкви отъ края и до края вселенной; придите, *юноши и дѣвы, старцы съ юнотами* (Псал. CXLVIII, 12); придите, цари земные, мудрые и неразумные; придите, *припадемъ предъ Господемъ, сотворшимъ насъ: яко той есть Богъ нашъ, и мы людіе пажити Его, и овцы руки Его* (Псал. XCIV, 6—7). Придите, братіе, и познаемъ, что

никакой пользы не принесутъ намъ концы земли. Придите, посмотрите— нагими вошли мы, и снова нагими уйдемъ отсюда. Придите, исповѣдаемся предъ Господомъ со слезами, стенаніями, милостыней и состраданіемъ къ бѣднымъ, и Онъ самъ научитъ насъ, какъ получить намъ спасеніе. Скажемъ и мы Ему: Господи, согрѣшихомъ на небо и предъ Тобою! Прими обращеніе и раскаяніе наше, прими наше стенаніе и слезы, прими раскаяніе насъ грѣшныхъ, прими рыданіе и вопль нашъ даже до смерти! Прими насъ несчастныхъ, жившихъ безстыдно; прими, Человѣколюбче, насъ, сильно прогнѣвавшихъ Тебя! Прими насъ, Владыко, проведшихъ всю жизнь въ распутствѣ, во всякомъ лукавствѣ и нечистотѣ! Прими, Господи Боже, насъ, преступившихъ заповѣди Твои! Прими, Владыко, насъ, недостойныхъ рабовъ Твоихъ, и не воздай намъ по дѣламъ рукъ нашихъ! Исповѣдуемъ тебѣ, Владыко, что по грѣхамъ нашимъ мы недостойны даже и жизни; исповѣдаемъ, Господи, что мы не достойны даже смотрѣть на это солнце, такъ какъ нѣтъ такого грѣха, нѣтъ ни одного такого злодѣянія, котораго не совершили бы мы, несчастные; но прими насъ, Господи, какъ блуднаго сына, прими, какъ разбойника, прими какъ блудницу и мытаря! Господи, обрати насъ! Господи, вразуми насъ и не прогнѣвайся на насъ, но будь милостивъ ко грѣхамъ нашимъ! Ты еси Богъ нашъ и развѣ Тебе иного не знаемъ. Господи, исторгни насъ отъ враговъ нашихъ и не вниди въ судъ съ рабами Твоими! Господи, Ты еси Богъ, и мы народъ Твой. Мы согрѣшили, допустили беззаконіе и неправду, сотворили зло, погрѣшили во всемъ, не послушали заповѣдей Твоихъ, и потому далеко уклонились отъ Тебя. Но помилуй, Господи, дѣла рукъ Твоихъ; помилуй, Владыко, тѣхъ, которые хитростію змѣя изгнаны были изъ рая; помилуй насъ, и облеки насъ въ хитонъ веселія и одежду спасенія; помилуй насъ, которыхъ діаволъ лишилъ помощи Твоей! Милосердый, помилуй тѣхъ, которые оставили Тебя и служили ему; помилуй заблудшихъ; помилуй не сохранившихъ заповѣдей Твоихъ и послѣдовавшихъ злодѣяніямъ демоновъ; помилуй осквернившихъ себя грѣхами; помилуй тѣхъ, которые находились подъ властію діавола; помилуй осквернившихся распутствомъ; помилуй, милосердый, помилуй, благій, помилуй, долготерпѣливый, такъ какъ руки наши совершили всякое зло, всякое оскверненіе, любостяжаніе и неправду! Мы осквернили душу, которую Ты создалъ по образу Своему, осквернили тѣло, осквернили чувство. Языкъ нашъ сталъ мечемъ острымъ, направленнымъ противъ ближняго, глаза наши исторгаютъ пламя, наши руки полны крови, наши ноги быстры на совершеніе зла, уста наши осквернены злословіемъ и, словомъ сказать, мы осквернили и землю и воздухъ. Подлинно наши неправедныя дѣла дошли даже до неба, наши хищенія превысили горы, любостяжаніе превысило облака, наши пороки достигли неба, наши грѣхи не простительны, наши проступки не имѣютъ 70
извиненія, наши ошибки неисправимы, и вотъ земля не можетъ выно-

сить нашихъ злодѣяній, а потому, Господи, мы нуждаемся въ милосердіи Твоемъ. Ты знаешь немощь естества нашего: помилуй, Господи, твореніе рукъ Твоихъ! Вотъ мы взываемъ къ милосердію Твоему, не лиши насъ помощи Твоей, ниспошли намъ недостойнымъ милость Твою, даруй намъ грѣшнымъ заступленіе Свое, яви намъ лице Свое,—и мы спасемся. Говоря и дѣлая это, братіе мои, будемъ избѣгать всякаго порока и нечистоты, будемъ избѣгать всякой неправды и любостяжанія, будемъ избѣгать тщеславія, пьянства и всякой алчности, будемъ избѣгать чревоугодничества—этой матери всѣхъ золъ, будемъ избѣгать сребролюбія—начала и корня всѣхъ золъ, будемъ избѣгать братоненавистничества и жестокости, будемъ избѣгать злословія и клеветы, будемъ избѣгать блуда, прелюбодѣянія и всякой хулы, будемъ избѣгать воровства и хищенія, будемъ избѣгать честолюбія, лицепріятія, раздора, ревности и всѣхъ обольщеній настоящей суетной жизни,—для того, чтобы Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пришедши и найдя насъ нерадивыми, не разсѣкъ насъ и не произнесъ надъ нами своего приговора: *связавши имъ руки и ноги, возьмите ихъ и вверзите во тьму кромѣшнюю: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ* (Мѳ. XXII, 13). О, какъ тяжко будемъ мы тогда, братіе, плакать, скорбѣть, рыдать и терзаться безъ всякой уже пользы для себя! Горе намъ, если мы въ тотъ ужасный часъ окажемся нераскаянными: лучше бы было намъ не родиться, чѣмъ явиться такими. Будемъ же, братіе, горько плакать, чтобы не подвергнуться тамъ вѣчному наказанію; будемъ милосерды, чтобы и самимъ намъ быть помилованными и получить прощеніе; расточимъ сами свои сокровища, для того, чтобы другіе послѣ нашей смерти, проѣдая и пропивая собранное нашими трудами и предаваясь роскоши, не стали воспѣвать: *сокровищствуетъ* богатый, *и не вѣсть, кому соберетъ я* (Псал. XXXVIII, 7), и еще: *се человѣкъ, иже не положи Бога помощника себѣ* (Псал. LI, 9). Какая намъ, братіе, польза, если мы трудимся, а трудами рукъ нашихъ будутъ наслаждаться другіе? Отошлемъ сокровища свои туда, чтобы тамъ снова найти ихъ,—*еже бо аще сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ* (Галат. VI, 7). Пусть никто не говоритъ въ оправданіе себѣ: я имѣю жену и дѣтей и не могу поэтому расточать имущество свое, чтобы, умирая, не оставить ихъ нищими.

2. Не будемъ же, братіе, умоляю всѣхъ васъ, не будемъ безпокоиться о близкихъ своихъ; есть на небесахъ милосердный Богъ, Который заботится и поддерживаетъ женъ и дѣтей, Имъ самимъ сотворенныхъ. Будемъ заботиться только о насъ самихъ, будемъ самихъ себя жалѣть, самихъ себя приготовлять, самихъ себя обезпечивать относительно предстоящаго суда. Вѣдь въ тотъ часъ, кромѣ нашихъ дѣлъ, не будутъ въ состояніи избавить насъ отъ невѣроятныхъ мученій ни дѣти, ни жена, ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни родственники, даже болѣе того—ни самъ Авраамъ, ни Ной, ни Даніилъ, ни Петръ, ни Павелъ. Съ неба

грядетъ Тотъ, Кто будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, грядетъ Испытующій сердца и утробы, грядетъ—и кто въ состояніи будетъ избѣжать рукъ Его? Грядетъ сѣдящій на престолѣ херувимовъ и взоромъ своимъ проникающій бездны; грядетъ Богъ боговъ и Господь господствующихъ; грядетъ Начальникъ начальствующихъ и Судія судей; грядетъ Царь царствующихъ и Рѣшитель рѣшающихъ; грядетъ Тотъ, Кто обнаруживаетъ и обличаетъ всякое дурное и сокровенное тайное дѣло; грядетъ Тотъ, Кто дѣлаетъ яснымъ и открываетъ тайныя прегрѣшенія; грядетъ Тотъ, Кто дѣлаетъ извѣстными предъ лицомъ всѣхъ намѣренія, дѣла, слова и всякое помышленіе; грядетъ истинный и неусыпный глазъ, нелицепріятный Судія, не мздоимный испытатель, предающій огню и отсылающій въ геенну всякое мерзкое дѣяніе и постыдное удовольствіе; грядетъ Тотъ, Кто любитъ миръ и ненавидитъ всякое злое слово, всякое хищеніе и всякій грѣхъ и предаетъ вѣчному наказанію творящихъ соблазны; грядетъ Тотъ, отъ лица Котораго бѣжитъ земля, изсушается море, свивается, подобно свитку, небо, ниспадаютъ звѣзды, возмущается воздухъ, померкаетъ солнце, луна не даетъ свѣта своего, силы небесныя колеблются, трепещутъ херувимы, изумляются серафимы, ужасаются ангелы, страшатся архангелы, колеблются небо и преисподняя и все трепещетъ; грядетъ Тотъ, Кто не смотритъ на лице человѣка и не оказываетъ сострадáнія нищему на судѣ; грядетъ Тотъ, Кто воздаетъ каждому по дѣламъ его, Кто обличаетъ и предаетъ на позоръ намѣренія и предпріятія всякаго дыханія; грядетъ Тотъ, Кто милуетъ милостивыхъ и осуждаетъ жестокихъ, *страшный въ совѣтѣхъ паче сыновъ человѣческихъ* (Псал. LXV, 5); грядетъ Тотъ, предъ Которымъ преклоняется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ; грядетъ Тотъ, престолъ Котораго—пламень огненный и колесница Его—огонь палящій; грядетъ, чтобы спасти и прославить праведныхъ, грѣшниковъ же предать мученіямъ; грядетъ объявить блаженными жаждущихъ и несчастными пресыщенныхъ; грядетъ, чтобы оказать почести тѣмъ, кто предается подвигамъ и бодрствуетъ въ молитвахъ и псалмопѣніяхъ, въ благодареніи, прошеніи и терпѣніи, а безпечныхъ и нерадивыхъ предать мученіямъ и наказаніямъ; грядетъ страшный и неумолимый къ грѣшникамъ, которыхъ удалитъ отъ Себя съ великою угрозою,—и кроткій, снисходительный и нѣжный по отношенію къ праведнымъ. И что же Онъ говоритъ къ нимъ? *Пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѳ. XXV, 34),—не за то, что вы пріобрѣли на землѣ большое богатство, и не за то, что владѣли многочисленными рабами и невольницами, не за то, что вы были благороднаго происхожденія и славны, не за то, что вы получили многочисленныя помѣстья и виноградники, не за то, что вы построили житницы и великолѣпныя жилища, не за то, что вы имѣли большое количество паръ воловъ и стада овецъ, не за то, что вы наслаждались богатой и обильной трапезой, или

облекались въ пышныя одежды и умащались благовонными мазями и ароматами, не за то, что вы пользовались отъ всѣхъ большимъ почетомъ, были прославляемы, превозносимы и величаемы, не за то, что постились или бодрствовали, не за то, что вы сохранили дѣвство или претерпѣли бѣдствія,—но за то, что *взалкахся, и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя* (ст. 35); вы видѣли Меня странникомъ и приняли Меня въ свои дома, и весьма утѣшили Меня; вы видѣли Меня нагимъ, и одѣли Меня; видѣли Меня лежащимъ въ болѣзни, и посѣтили Меня и удостоили великаго попеченія; видѣли Меня въ темницѣ, и пришли ко Мнѣ съ великимъ усердіемъ. И говорятъ Ему праведники: Господи! Когда мы видѣли Тебя алчущимъ, и накормили, или жаждущимъ, и напоили, или странникомъ, и приняли, или нагимъ, и одѣли, или больнымъ, или въ темницѣ, и послужили Тебѣ? Судія же отвѣчаетъ имъ: истинно, истинно говорю вамъ, такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, бѣдныхъ, отверженныхъ, странниковъ, смиренныхъ, уничиженныхъ, обиженныхъ, бѣдствующихъ, нуждающихся, преслѣдуемыхъ, терпящихъ голодъ и жажду, израненныхъ, изнуренныхъ трудомъ, изнеможенныхъ, мучимыхъ,—такъ какъ вы сдѣлали одному изъ всѣхъ ихъ, то сдѣлали и Мнѣ; согрѣли Мои члены, Мнѣ послужили, Моей душѣ доставили покой; поэтому *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*. Придите, во-первыхъ, тѣ, которые сохранили вѣру чистой и незапятнанной; придите, которые ради Меня обнищали нищетою духовною; придите тѣ, которые во имя Мое обитали въ пустыняхъ, горахъ, пещерахъ и пропастяхъ земныхъ вмѣстѣ со звѣрями; придите плачущіе и угнетенные; придите тѣ, которые алкали и жаждали ради Меня; придите изгнанные за правду; придите тѣ, которые претерпѣли поношенія и ненависть за имя Мое; придите чистые сердцемъ; придите милостивые; придите щедрые; придите сострадательные; придите воспитатели сиротъ: придите страннопріимцы; придите защитники вдовъ; придите заступники немощныхъ; придите утѣшители слабыхъ; придите тѣ, которые посѣтили находящихся въ темницѣ; придите поручители должниковъ; придите тѣ, которые во имя Мое насытили души алчущихъ и жаждущихъ; придите горячіе заступники несправедливо порабощенныхъ и подвергшихся опасности; придите милосердые освободители изгнанниковъ и находящихся въ жестокомъ рабствѣ; придите тѣ, которые ради Меня проводили спокойную и безмятежную жизнь; придите тѣ, которые до самой смерти пребывали въ дѣвствѣ, предавались подвигамъ и проводили честную жизнь; придите тѣ, которые сохранили въ цѣломудріи и чистотѣ неоскверненными и непорочными тѣло и душу; придите проведшіе всю свою жизнь въ постѣ, бдѣніяхъ и псалмопѣніяхъ; придите
703 тѣ, которые ежедневно и ночью и днемъ пребывали въ церкви; придите украшавшіе и заботившіеся о жертвенникахъ Моихъ; придите презрѣв-

шіе земное и воспримите небесное; придите оставившіе ради Меня отцовъ и матерей, сыновей и дочерей, жилища, поля и родныхъ, воспримите блага Іерусалима небеснаго; придите и посмотрите славу Мою, возрадуйтесь и возвеселитесь, потому что велика ваша награда на небесахъ; придите и видите, у какого Владыки вы были слугами, радуйтесь и веселитесь, потому что вамъ принадлежитъ царство небесное. Внидите въ радость Господа вашего, получите блага, которыхъ не видѣлъ глазъ и не слышало ухо, и о которыхъ не помышлялъ умъ человѣческій; войдите въ сокровищницу Отца Моего, куда вожделѣваютъ проникнуть взоромъ ангелы, получите награду и вѣнецъ за ваши подвиги. Вы перенесли тяготу и зной дня,—получите за это царство небесное; претерпѣли голодъ и жажду, лежаніе на землѣ и сухоядѣніе,—насладитесь же несравненною славой и неизреченною радостію, которую Я приготовилъ вамъ, друзьямъ Моимъ; успокойтесь же, наконецъ, во дворахъ райскихъ, въ обителяхъ свѣтлыхъ, въ роскоши и веселіи безконечномъ, въ жилищахъ великолѣпныхъ и славныхъ; войдите въ мѣста свѣтлыя и успокойтесь отъ трудовъ вашихъ, которые вы понесли ради Меня. Почійте со святыми моими ангелами, апостолами, пророками и со святыми отъ вѣка Мнѣ благоугодившими; войдите въ чертогъ Мой, гдѣ нѣтъ ни труда, ни печали, ни воздыханія, ни слезъ, но жизнь безконечная. Таковыми дарами щедро одаряю Я тѣхъ, которые соблюли слово Мое; такія почести оказываю Я тѣмъ, которые почитали Меня; такъ Я прославляю тѣхъ, которые прославили Меня; такъ Я успокаиваю тѣхъ, которые даютъ покой членамъ Моимъ—бѣднымъ и немощнымъ; такъ Я ублажаю тѣхъ, которые заботятся о церквахъ Моихъ; такъ Я воздаю богато, обильно и сторицею, воздаю жизнью вѣчной. Вы дали Мнѣ ломоть хлѣба—возьмите за него царство небесное; вы дали Мнѣ сребренники—получите рай сладости; вы дали Мнѣ ветхую одежду—Я облекаю васъ неприступнымъ свѣтомъ; вы дали Мнѣ чашу воды—получите живительную воду отдохновенія; вы ввели Меня подъ кровъ—и вотъ Я дарую вамъ пребываніе со святыми ангелами; вы дали Мнѣ тлѣнное—примите нетлѣнное; дали Мнѣ скоропреходящее—примите вѣчное; вы удостоили Меня вашей трапезы—получите веселіе вѣчное; освободили Меня изъ темницы, посѣтили Меня больного, утолили голодъ и жажду Мою, омыли ноги Мои, согрѣли Меня оцѣпенѣвшаго отъ холода—и вотъ Я дарую вамъ лоно Авраамово. Я получилъ грязь,—даю жемчугъ, получилъ траву,—даю золото, потому что все, что только ни принадлежитъ вамъ, въ сравненіи съ Моими дарами есть трава и грязь, ваше—земное, Мое—небесное, все, что ни принадлежитъ вамъ, подлежитъ уничтоженію, а принадлежащее Мнѣ есть свѣтъ, жизнь, радость и успокоеніе. Я знаю, сколько вы сдѣлали для Меня; знаю, сколько вы удѣлили изъ устъ вашихъ и насытили душу Мою; знаю и не забылъ, сколько разъ оказали вы Мнѣ гостепріимство,—и за все это Я дарую вамъ, друзьямъ Моимъ, на вѣки вѣковъ всѣ тѣ блага, какія существуютъ какъ на небѣ, такъ и на землѣ.

3. Вы видѣли, братіе, выгоду милостыни, познали силу ея, постигли могущество ея и уразумѣли пользу ея. Потомъ Господь обращается съ словомъ своимъ къ тѣмъ, которые находятся по лѣвую сторону, къ немилосерднымъ, къ тѣмъ, которые безстыдно провели жизнь свою. *Взалкахся бо*, говоритъ Онъ, *и не дасте Ми ясти, возжадахся и не напоисте Мене* и слѣд. (Мѳ. xxv, 42). Сколько разъ приходилъ Я къ дверямъ вашимъ, требуя исполненія заповѣди, и вы прогоняли Меня, недобившагося ничего? Сколько разъ приходилъ Я въ дома ваши и видѣлъ преисполненную всяческихъ благъ трапезу, отъ которой питались блудницы, танцовщики и льстецы, а вы не сочли Меня достойнымъ даже куска хлѣба? Развѣ Я просилъ вашего? Но вы и изъ принадлежащаго Мнѣ не дали Мнѣ ѣсть. Сколько разъ приходилъ Я въ дома ваши во время суровой зимы, нагой и босой, не имѣя силы даже говорить отъ чрезмѣрнаго изнуренія, вы же съ презрѣніемъ оставили Меня снаружи и не оказали Мнѣ вниманія, хотя бы какъ одному изъ псовъ? А потому
704 идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, гдѣ червь неусыпный и скрежетъ зубовъ,—такъ какъ вы были немилостивы не только ко Мнѣ, но часто даже препятствовали и любящимъ Меня быть милостивыми, и убѣждали ихъ говоря: нищіе — воры, что вы милуете ихъ? Вы кормили собакъ, ухаживали за лошадьми, заботились о домашнемъ скотѣ, присматривали за ослами, имѣли попеченіе о свиньяхъ и овцахъ, и ни разу не оказали милости членамъ Моимъ—бѣднымъ и немощнымъ, а потому и вы не будете помилованы. Вы не знаете, несчастные, что за бѣдныхъ всякій человѣкъ получаетъ спасеніе? Или вы не читали, что Я назвалъ ихъ братьями Моими? Вы не слышали, что говоритъ Писаніе: *милуяй нища, взаимъ даетъ Богови* (Притч. xix, 17)? Не знаете того, что судъ безъ милости не оказавшимъ милости (Іак. ii, 13)? О, какъ сильно взывали братья Мои—нищіе, жалуясь на свою участь, плача и рыдая! Съ какими только словами не обращались они къ вамъ, чтобы склонить ваше неумолимое сердце, говоря: «помилуйте, помогите, — подайте, благодѣтели, подайте, милостивые, — подайте, други Божіи, — подайте, сострадательные»!—и употребляли безчисленное множество другихъ словъ и способовъ, которые были бы въ состояніи смягчить даже камни и сдѣлать кроткими дикихъ звѣрей, вы же ожесточили сердце свое и не только не оказали имъ милосердія и не утѣшили ихъ, но еще и гнали ихъ съ мѣста на мѣсто, такъ что многіе изъ нихъ погибли отъ холода и голода. Сколькихъ сиротъ вы несправедливо обидѣли, сколько обездолили вдовъ, сколько притѣсняли слабыхъ, сколькихъ вы сдѣлали безсильными, нагими, плѣнниками, сколькихъ наемниковъ вы лишили платы, за что и подвергнетесь вѣчному мученію! Развѣ вы не научились изъ примѣра пяти неразумныхъ дѣвъ, что безъ милостыни не приноситъ никакой пользы никогда ни одна добродѣтель? Назови ты дѣвство, постъ, молитву, бодрствованіе, сухоядение, голодъ или жажду, назови что бы то

ни было, но если эти добродѣтели твои не сопровождаются милостыней,— всѣ онѣ не имѣютъ никакого значенія. Что еще сказать вамъ противъ вашего жестокосердія? Поэтому *идите отъ Мене, проклятіи, въ огнь вѣчный* (Мѳ. XXV, 41). Въ Мой чертогъ не входитъ немилосердный, недостоинъ небесныхъ обителей жестокій, въ Мой рай не приходитъ порочный, клеветникъ и лукавый; не удостоивается Моего жилища блудникъ, прелюбодѣй и мужеложникъ; не возлягутъ за Моей трапезой неумолимый или скупецъ; не достигнутъ горнихъ обителей хищникъ и лихоимецъ; къ Моему царству не приблизятся воръ или злорѣчивый; къ небесному алтарю не приступятъ лжецъ, клеветникъ или пьяница; не успокоится въ дому Моемъ сребролюбецъ или обманщикъ; за завѣсу небесную не преступятъ нечистый, безстыдный или оскверненный; не достигнетъ вѣчнаго покоя нерадивый, сонливый или человѣкоубійца; къ Моей вечери не прикоснется гнѣвливый, недовольный или злопамятный; не будутъ совсѣмъ обитать въ брачномъ чертогѣ Моемъ болтунъ, выдумщикъ и насмѣшникъ; безстыдный и завистливый не наслѣдуютъ вѣчныхъ обителей. Пусть никто не обманываетъ себя; ни одинъ неправедный или кто-нибудь подобный не удостоится войти въ царство небесное, но войдутъ лишь только щедрые даятели, нищіе духомъ, плачущіе, кроткіе, алчущіе и жаждущіе правды, чистые сердцемъ, миротворцы; таковые внидутъ въ царство небесное, возрадуются и возвеселятся, потому что награда ихъ велика на небесахъ. Вы же, безчеловѣчные и немилосердные, идите въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Такъ какъ вы были немилостивы, то и сами не будете помилованы. Отойдите же отъ Меня дѣлающіе беззаконіе; идите проклятые и ненавистные во тьму вѣчную, гдѣ червь неусыпающій и огонь неугасающій: тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ. *И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный* (Мѳ. XXV, 46). Итакъ, братіе, зная это, поспѣшимъ обратиться съ развращеннаго пути нашего, покаемся, будемъ стенать и ударять себя въ грудь, нерадивые станемъ бдительны, пробудимся, будемъ оплакивать грѣхи наши! И если кого чѣмъ обидѣли или похитили что-нибудь, отдадимъ обратно, чтобы не подвергнуться осужденію; будемъ милосердны, чтобы и намъ обрѣсти милость; и если имѣемъ что противъ кого-нибудь, бѣднаго ли или богатаго, простимъ отъ всего сердца нашего, какъ повелѣлъ Христосъ, чтобы и намъ не подвергнуться окончательному осужденію въ день суда, подобно тѣмъ немилосерднымъ и человѣконенавистникамъ. Будемъ другъ къ другу ми- 705—706
лосердны, человѣколюбивы, кротки, доброжелательны, снисходительны, долготерпѣливы, будемъ другъ другу помогать, другъ друга поддерживать, другъ другу уступать, другъ друга исправлять, другъ друга увѣщевать, носить тяготы другъ друга, чтобы избѣжать вышеупомянутыхъ наказаній и, совершивъ настоящую жизнь въ отпущеніи грѣховъ, сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса

Христа, Которому слава и держава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О покаяніи. Слово III.

705 Я изображу, возлюбленные, цѣлительную силу покаянія, чтобы намъ достигнуть пристани спасенія. Мы уязвлены грѣхомъ,—исцѣлимся же покаяніемъ; посредствомъ грѣха насъ уязвилъ діаволъ,—посредствомъ покаянія исцѣлилъ Христосъ; тотъ прочно укоренился чрезъ грѣхъ,—Господь сѣкирою покаянія съ корнемъ уничтожилъ грѣхъ. Вотъ, говоритъ Онъ, сѣкира лежитъ у каждаго дерева. *Всяко убо древо еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ, и во огнь вметаемо* (Мѳ. ш, 10). Діаволъ посѣялъ грѣхъ, какъ плевелы,—Христосъ серпомъ покаянія вырѣзалъ плевелы грѣха. Грѣхъ есть тяжкій недугъ, но прекрасное дѣло—покаяніе. Будемъ поэтому избѣгать страшнаго перваго и любить вожделѣнное второе! Чрезъ грѣхъ діаволъ низводитъ насъ въ геенну,—чрезъ покаяніе Христосъ вводитъ насъ въ царство небесное. Ты согрѣшилъ? Упокойся: вѣдь не столько ужасно совершить грѣхъ, сколько является дурнымъ пребываніе во грѣхѣ, первое имѣетъ оправданіе, послѣднее же влечетъ за собой не имѣющее прощенія наказаніе. Въ самомъ дѣлѣ, и Петръ согрѣшилъ, отрекшись отъ Христа, и Павелъ, преслѣдуя Христа, совершилъ беззаконіе, а равнымъ образомъ и Давидъ, совершивъ прелюбодѣяніе и убійство, сдѣлалъ заслуживающее смерти. Но если они и согрѣшили, какъ люди, зато покаялись, какъ святые; хотя они случайно и впали въ сѣти грѣха, но зато, освободивъ свой умственный взоръ отъ пагубнаго невѣрія, прибѣгли къ покаянію, чтобы посредствомъ него получить прощеніе прегрѣшеній. Поспѣшимъ, поэтому, и мы прибѣгнуть къ покаянію! Пусть діаволъ и обременилъ насъ грѣхомъ, но зато облегчаетъ насъ Господь Іисусъ Христосъ, родившійся отъ святой Дѣвы Маріи, чрезъ покаяніе принимая бремя грѣха на Себя, какъ сказано: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. I, 29). Діаволъ вложилъ въ людей грѣхъ,—Господь освободилъ людей отъ хрѣха. Первый внушилъ человѣку грѣхъ для того, чтобы посредствомъ него погубить человѣка,—Господь удалилъ грѣхъ, чтобы освободить человѣческую природу отъ грѣха. До пришествія Христа діаволъ былъ страшенъ, до креста нестерпимъ былъ грѣхъ; нынѣ же крестъ сокрушилъ жало грѣха; Господь Іисусъ, явившись на землю, низвергъ діавола съ лица земли, подобно молніи. Я видѣлъ *сатану*, говоритъ Онъ, *яко молнію съ небесе спадша* (Лук. х, 18). Смерть Христа разрушила царство смерти. Въ самомъ дѣлѣ, хотя и *царствова смерть отъ Адама даже до Моисея и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адамова, иже есть образъ будущаго* (Римл. v, 14),—но

послѣ смерти Господа она (смерть) стала игрушкой даже для дѣтей. Поэтому всѣ мы послѣ воскресенія Христа говоримъ, посрамляя гордость смерти: *гдѣ ти, смерте, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда* (1 Кор. XV, 55)? До креста совѣтъ змѣя вдохнулъ смерть, послѣ же креста, послѣ страданій Христовыхъ, вотъ старцы и женщины, юноши и дѣвы, попираютъ змѣй и скорпіоновъ и всякую силу вражію, подобно тѣмъ, которые давятъ въ точилѣ виноградъ. Я сказалъ вамъ это, чтобы показать паденіе грѣха и силу покаянія. Поэтому не изощряй противъ себя жала грѣха, пусть безпечность твоя не является поощреніемъ для грѣха. Ты не осуждаешься за совершеніе грѣха, но подвергаешься наказанію за то, что согрѣшивъ не покаялся. Подобно тому, какъ Господь, зная немощь нашего тѣла, далъ людямъ искусство врачеванія, и повелѣлъ землѣ производить растенія, пригодныя для врачеванія, точно также, зная склонность души къ паденію и раны грѣха, Онъ далъ покаяніе, какъ бы врачество для душъ, и вложилъ въ божественныя и священныя писъ- 706
мена средства къ покаянію, какъ бы травы, чтобы каждый изъ насъ имѣлъ въ нихъ цѣлительный пластырь и, прикладывая его къ себѣ при содѣйствіи вѣры, избѣжалъ болѣзни. Но пусть наше покаяніе не ограничивается только одними словами, такъ какъ нелѣпо было бы, если бы оно состояло только въ словахъ и Церковь Господа нашего Іисуса Христа не созидалась посредствомъ дѣлъ. Исповѣдуй, человѣкъ, прегрѣшенія твои, открой грѣхъ свой, чтобы ты могъ получить прощеніе своего грѣха. Если ты откроешься, то получишь въ даръ прощеніе прегрѣшеній. Пусть будетъ свидѣтелемъ намъ Давидъ, который говоритъ: *рѣхъ: исповѣмъ на мя беззаконіе Мое Господеви, и ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. XXXI, 5). Если ты теперь исповѣдаешь прегрѣшенія свои, то получишь прощеніе, такъ какъ настоящее время есть время милостей, въ будущемъ же вѣкѣ ты если и будешь плакать, то плачъ твой будетъ совершенно безполезенъ, и если бы ты даже покаялся,—не получишь прощенія, потому что *во адѣ кто исповѣстся тебѣ* (Псал. VI, 6)? Но если даже ты тогда и исповѣдуешь прегрѣшенія свои, ты не принесешь себѣ никакой пользы. Вѣдь и богачъ, когда увидалъ, что нищета Лазаря превратилась въ избытокъ, а его собственное богатство обратилось въ крайнюю бѣдность, стеналъ, но не былъ помилованъ; плакалъ и скорбѣлъ, но не получилъ утѣшенія; просилъ оказать ему милость, но не получилъ ея, потому что и самъ, когда его просили, не хотѣлъ ничего дать. Будучи богатъ здѣсь, онъ сталъ бѣденъ тамъ; здѣсь, по причинѣ богатства, онъ былъ крайне надмененъ, тамъ, явившись бѣднымъ, жалобно взывалъ; здѣсь обладалъ потоками вина и источниками благовонныхъ мазей, а тамъ не получилъ даже капли воды, хотя и умолялъ о томъ, но оборачивался туда и сюда, будучи палимъ невещественнымъ огнемъ. Прибѣгнемъ же и мы къ покаянію, такъ какъ—время покаянія; потушимъ пламя грѣха сле-

зами покаянія. Смотри, чтобы, въ надеждѣ на долготерпѣніе Божіе, тебѣ не оставить сердце свое нераскаяннымъ; пусть благость Божія не сдѣлаетъ душу твою непреклонной, такъ какъ она побуждаетъ и приводитъ тебя къ покаянію. Смотри же, *по жестокости твоей и непокаянному сердцу*, не собери *себѣ гнѣва въ день гнѣва и откровенія и праведнаго суда Божія, иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его* (Рим. II, 5, 6). Согрѣшилъ ты? Покайся, чтобы безпечностію своей не причинить себѣ неизцѣлимой болѣзни. Съ появленіемъ свѣта разсѣевается тьма,—когда является покаяніе, уничтожается грѣхъ. Совершенствуй самого себя подобно тому, какъ земледѣлецъ воздѣлываетъ ниву: вырви грѣхъ подобно плевеламъ, какъ терніе уничтожь беззаконіе, какъ вѣтвь дикой маслины, какъ дикое безплодное дерево истреби грѣхъ. При видѣ грѣха, веселятся демоны,—усматривая покаяніе, радуются ангелы, и, по словамъ Господнимъ, радуются ангелы Божіи объ одномъ грѣшникѣ кающемся (Лук. XV, 7). Не обнажай себя, человѣкъ, не отвергай отъ себя всеоружія Духа Святаго, чтобы не сдѣлаться тебѣ для враговъ легко побѣдимымъ; возьми щитъ покаянія и отрази стрѣлы похоти. Сладокъ блудъ, но вреденъ: тяжко цѣломудріе, но полезно. Блудъ находитъ пособника себѣ въ свойствѣ тѣла, цѣломудріе имѣетъ помощника въ благодати Духа. Итакъ, гдѣ блудъ, тамъ обитаетъ діаволъ; гдѣ цѣломудріе, тамъ пребываетъ Господь Іисусъ Христосъ. Поэтому блаженный Павелъ говоритъ: *аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ*; и въ другомъ мѣстѣ: *вземъ ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничи? Да не будетъ* (1 Кор. III, 17 и VI, 15). Остановимъ же бурный натискъ грѣха якоремъ покаянія, чтобы безпрерывное дуновеніе вожделѣній не заставило насъ претерпѣть крушеніе. Но мореплаватели, претерпѣвая кораблекрушеніе, погибаютъ въ водахъ, грѣшники же тонутъ, подобно свинцу, въ огненной рѣкѣ, текущей предъ судилищемъ
707 Христовымъ, и не съ колесницами и конями, но вмѣстѣ съ помышленіями и желаніями. Будемъ же благоговѣть предъ благостію Христа, почтимъ страданія Его, не сдѣлаемъ безполезными ранъ Его, не дадимъ предпочтенія постыдному желанію предъ Его благимъ желаніемъ и заповѣдію Его, не воздадимъ зломъ благодѣтелю, не возьмемъ у Него членовъ, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы, такъ какъ мы не имѣемъ власти надъ ними; мы куплены (дорогою) цѣною (1 Кор, VI, 20). Кто же насъ продалъ и кто купилъ? Насъ продалъ діаволъ посредствомъ грѣха, а искупилъ насъ Христосъ посредствомъ праведности. Какъ же Онъ купилъ насъ? Далъ ли золото или серебро? Нѣтъ, но кровію Своею, которая много цѣннѣе золота и драгоцѣнныхъ камней; Онъ искупилъ всѣ наши грѣхи, а они многочисленны и различными и многочисленными способами препятствуютъ нашему спасенію. Какіе грѣхи? Грѣхи закона; но не потому, что законъ есть грѣхъ,—нѣтъ,—а потому, что
708 безъ закона я не позналъ бы грѣха. Такъ какъ законъ подвергъ меня,

какъ нарушителя его, проклятію, то поэтому Іисусъ Христосъ, явившись, искупилъ меня отъ клятвы закона, сдѣлавшись за насъ клятвою (Галат. III, 13). Не дадимъ поэтому предпочтенія земной попечительности о насъ діавола предъ домостроительствомъ Христа: ради пріятности грѣха не пренебрежемъ прелестію покаянія. Если ты боишься грознаго приговора,—прибѣгни къ заповѣди; если желаешь избѣжать будущаго осужденія,—*уклонися отъ зла, и сотвори благо* (Псал. XXXIII, 15), т. е. оставь грѣхъ и соверши покаяніе, чтобы Тотъ, Кто не хочетъ смерти грѣшниковъ, но обратились бы и были живы, цѣня душевное усердіе твое, даровалъ тебѣ отпущеніе грѣховъ. Мы же за сказанное воздадимъ хвалу и славу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О милостынѣ.

Луга украшаются разнообразными цвѣтами, изъ которыхъ одни 707
доставляютъ наслажденіе для зрѣнія, другіе благоуханіемъ своимъ пріятны для обонянія, иные полезны для врачеванія и всѣ вообще являются пригодными для человѣка; точно также и Церковь имѣетъ чтеніе божественныхъ Писаній, евангельское, апостольское и пророческое, и остальныя священныя книги, и всѣ онѣ относятся ко Христу. Но на обыкновенныхъ лугахъ, когда восходитъ солнце, то оно изсушаетъ цвѣты и красота ихъ внѣшняго вида исчезаетъ; на этомъ же лугу восходитъ Солнце правды и одного вразумляетъ, другого оправдываетъ, третьяго милуетъ. Поистинѣ это Солнце возсіяло сегодня надъ нами въ евангельскихъ словахъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѳ. XXV, 40). Снова напоминаніе о бѣдныхъ, снова порицаніе богатымъ. Я порицаю не достоинство, — да не будетъ,—но неумѣренность; осуждаю не богатство, но тѣхъ, которые пользуются имъ дурно; богатство является благомъ для тѣхъ, которые хорошо распоряжаются имъ; равнымъ образомъ прекрасна и бѣдность для тѣхъ, которые съ терпѣніемъ переносятъ ее. Вѣдь и Авраамъ былъ богатъ, но ни предъ кѣмъ не гордился, и Лазарь былъ бѣденъ, но никогда не жаловался, хотя и претерпѣвалъ величайшую нужду. Но зачѣмъ я представилъ только двухъ свидѣтелей? Пусть предстанетъ здѣсь во свидѣтели и блаженный Іовъ, испытавшій на себѣ и то и другое. Когда онъ былъ богатъ, онъ говорилъ: домъ мой былъ открытъ для всякаго человѣка; когда же сталъ бѣденъ, сказалъ: *Господь дадe, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако бысть* (Іов. XXXI, 32 и I, 21). Какъ сильно возставалъ противъ него діаволъ, но не сокрушилъ праведника! Онъ издержалъ колчанъ стрѣлъ, и не ранилъ воина; пододвинулъ осадныя орудія, и не поколебалъ башни; сотрясалъ дерево, и не сорвалъ пло-

довъ; обломалъ вѣтви, но не вырвалъ корня; подкопалъ стѣну, и не похитилъ сокровище. Подъ сокровищемъ же я разумѣю не золото или серебро, но его непоколебимую вѣру, такъ какъ это именно, принадлежащее Іову сокровище хотѣлъ похитить діаволъ. Видишь обильный плодъ? Видишь вѣру, твердую какъ скала? Видишь башню, стоящую несокрушимо? Видишь воина непоколебимаго въ бою? Видишь удалившагося діавола? Видишь Бога дарующаго награду? Видишь посрамленнаго діавола? Я не знаю, какимъ именемъ назвать этого праведника. Назову ли борцомъ? Но онъ одержалъ много побѣдъ въ борьбѣ. Воиномъ ли? Но онъ болѣе крѣпокъ сердцемъ. Назову ли его башнею? Но онъ болѣе возвышенъ мыслію. Скалою ли? Но онъ тверже скалы. Деревомъ ли? Но онъ болѣе красивъ. Сокровищемъ ли? Но онъ драгоцѣннѣе сокровища. Я не знаю, какимъ именемъ назвать этого праведника. Пусть слышатъ богатые, пусть слышатъ бѣдные, какъ этотъ блаженный во
708 время благоденствія своего распоряжался богатствомъ своимъ, а въ бѣдности сколько выдержалъ испытаній, и всетаки не погибла надежда его на Бога. Видишь ли, какъ хорошо богатство для тѣхъ, кто хорошо распоряжается имъ, и какъ хороша бѣдность для тѣхъ, кто терпѣливо переноситъ ее? Не говори мнѣ: я боюсь бѣдности. Ты боишься бѣдности и не боишься Бога? Страшишься нищеты и не боишься грѣха? Не бойся бѣдности, а бойся грѣха, матери наказанія. Если ты будешь имѣть другомъ царя, онъ обогатитъ тебя: и если ты будешь любить Христа и нищихъ, Онъ сдѣлаетъ тебя богатымъ. Онъ обогащаетъ и дѣлаетъ бѣдными, смиряетъ и возвышаетъ, поднимаетъ съ земли бѣднаго и воздвигаетъ съ гноища нищаго. Господь требуетъ отъ тебя исполненія заповѣди, и ты не даешь Ему? Вѣдь когда ты слышишь слова Его — «такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ», — ты можешь видѣть, что, давая бѣдному, ты даешь Богу. Если ты не дашь Ему, то какъ самъ ты будешь просить Его въ тотъ день, чтобы Онъ помиловалъ тебя? Развѣ Онъ не станетъ обвинять тебя, говоря: ты видѣлъ Меня алчущимъ, и не накормилъ; видѣлъ жаждущимъ, и не напоилъ; видѣлъ нагимъ, и не одѣлъ? Что ты скажешь Ему въ отвѣтъ? Какое заслужишь прощеніе? Ты одѣтъ въ шелкъ, въ мягкія пуховыя одежды, а бѣдный не имѣетъ и рубища; ты лакомишься фазанами, курами и гусями и всякими другими яствами, а бѣдный не въ состояніи насытить чрево свое хлѣбомъ и овощами; у тебя въ дому позолоченныя стѣны, разнообразныя мраморныя статуи, колонны и золотыя капители у колоннъ, а бѣдный не имѣетъ и крова. При этомъ иногда домъ твой пріобрѣтенъ тобой путемъ хищеній и любостяжаній; но вотъ ты умираешь и уходишь, не захвативъ съ собою ничего, а домъ твой остается твоимъ постояннымъ обвинителемъ, обличающимъ дѣла твои. Вѣдь всякій проходящій мимо станетъ говорить: «это домъ того извѣстнаго грабителя и лихоимца; сколько онъ погубилъ вдовъ, сколько оби-

дѣлъ сиротъ, сколько расхитилъ имѣній, сколько ограбилъ нищихъ». Не говори мнѣ: «я намѣстникъ». Я не знаю высокаго званія и не осуждаю его; я осуждаю только дурныхъ, которые дурно пользуются дарованными имъ благами. Хорошо быть богатымъ, потому что все, что ни сотворилъ Богъ, весьма хорошо. Ты видишь бѣдняка и превозносишься, а не думаешь о томъ, что бѣдный, какъ и ты, есть такой же человѣкъ, — то живое существо, которое составляетъ предметъ особыхъ попеченій для Бога, тотъ самый человѣкъ, ради котораго распростерто небо, человѣкъ, ради котораго солнце совершаетъ путь свой и луна знаетъ западъ, человѣкъ, ради котораго сіяютъ звѣзды, ради котораго наполнено море, ради котораго основана земля на водахъ, ради котораго горы, ущелья и холмы, ради котораго рощи, лѣса, долины и равнины, ради котораго источники, рѣки и озёра, ради котораго земля произрастила зеленую траву, ради котораго вода производитъ живыхъ существъ, ради котораго скоты, четвероногія, гады и птицы, ради котораго времена и годы, мѣ- 709
сяцы, дни, часы и ночи, ради котораго ангелы и архангелы, начала и власти, престолы, господства, херувимы и серафимы. Но зачѣмъ я перечисляю столь многое? Ради вѣдь него Господь пролилъ кровь Свою. Человѣкъ искупленъ драгоцѣнною кровію, а ты его презираешь? Развѣ потому, что онъ бѣденъ, онъ уже не такой человѣкъ, какъ и ты? Не потому ли ты и превозносишься предъ нимъ? Но бѣдныхъ избралъ Богъ, а не богатыхъ. Петръ, верховный изъ апостоловъ, основаніе Церкви, поистинѣ Петръ, какъ по имени, такъ и по значенію, не былъ ли бѣднымъ, не былъ ли несчастнымъ и отверженнымъ, не былъ ли ничтожнымъ и презрѣннымъ, не былъ ли рыбакомъ? Точно также и Іаковъ и Іоаннъ не были ли бѣдными и рыбаками? И проходя, Іисусъ увидѣлъ ихъ и отца ихъ Зеведея, починивающихъ разорванныя сѣти (Марк. I, 19). О, высшая степень бѣдности! Они были настолько бѣдны, что не были въ состояніи купить сѣти для рыбной ловли, но починяли старыя и однимъ искусствомъ поддерживали другое: искусствомъ починки искусство рыболовства. Точно также и Матѳей не былъ ли сборщикомъ податей? И проходя, Іисусъ увидѣлъ его, сидящаго у сбора пошлинъ, и говоритъ ему: встань и слѣдуй за Мною. И онъ всталъ и послѣдовалъ за Нимъ (Мѳ. IX, 9). Онъ не думалъ о томъ, что онъ исполнялъ порученное ему царемъ дѣло, но имѣлъ въ виду лишь то, что его призываетъ Царь царствующихъ; и вотъ тотъ, который прежде похищалъ чужое, теперь совершенно отвратился отъ своихъ дѣлъ, тотъ, кто прежде былъ волкомъ, теперь сталъ агнцемъ. Бросилъ Петръ сѣти, и получилъ ключи царства небеснаго. Оставилъ Матѳей сборъ податей, и получилъ Евангеліе. Равнымъ образомъ и Павелъ не былъ ли ремесленникомъ? Не владѣлъ ли ножемъ и не рѣзалъ ли кожи? Не получилъ ли письма отъ начальниковъ синагоги чтобы идти и привести плѣнниками святыхъ? И явился ему Іисусъ на пути, и осіялъ его свѣтъ, и сказалъ ему

(Господь): *Савле, Савле, что мя гониши?* Онъ же обернувшись сказалъ: *кто еси, Господи?* Господь же сказалъ: Я Іисусъ Назорей. Котораго ты гонишь (Дѣян. IX, 9, XXII, 8). И упавъ ницъ, онъ ослѣпъ. Почему же Онъ прибавилъ «Назорей»? Для того, чтобы онъ не подумалъ, что Тотъ, Кто призываетъ его съ неба, есть другой Іисусъ. Вѣдь іудеи говорили, что Іисусъ не вознесся, но что Его украли ученики Его. Поэтому Онъ и сказалъ—*Іисусъ Назорей*, чтобы онъ зналъ, что тотъ же самый былъ и тогда и теперь. Итакъ, Павелъ пришелъ, будучи приведенъ за руку, въ Дамаскъ и отправился къ Ананіи, и тотъ возложилъ руки на глаза Павла и исцѣлилъ его. Это длинный разсказъ, но я хочу передать вамъ его въ немногихъ словахъ. Прозрѣвши, онъ тотчасъ сталъ учить во имя Іисуса. Іудеи же, услышавши, что Павелъ учитъ во имя Господа нашего Іисуса Христа, искали схватить его, но ученики Павла, узнавши объ этомъ, посадили его въ корзину и спустили его по стѣнѣ, и такимъ образомъ онъ убѣжалъ и пришелъ въ Іерусалимъ. О, блаженная та корзина, которая принесла вселенной такую снѣдь! Подобнымъ образомъ и блаженный Іоаннъ не обиталъ ли въ пустынѣ и послѣ этого сталъ гражданиномъ неба? Не питался ли акридами и дикимъ медомъ? А всѣ пророки и апостолы развѣ не были бѣдными? И не чрезъ этихъ ли бѣдняковъ уготовалъ (Господь) спасеніе людей? Сколько царей, властителей, консуловъ, вождей и правителей умерло отъ начала вѣка, и всѣ они преданы забвенію, а эти несчастные, отверженные, ничтожные и презрѣнные не забыты. Вотъ царь, облеченный въ порфиру, украшенный діадемой, вѣнчанный славой, въ золотомъ шлемѣ, окруженный воинами, отправляется къ гробницѣ рыбака, бѣдняка, несчастнаго, презрѣннаго, обнимаетъ его, проливаетъ слезы и молится Тому, кто прославилъ его. Кто внушаетъ царю дѣлать это? Кто? Я скажу. Послушайте меня, прошу васъ, и будьте внимательны къ словамъ моимъ. Тотъ, Кто сказалъ имъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*; и Я буду съ вами во всѣ дни жизни вашей и до скончанія вѣка (Мѳ. XXVIII, 19, 20), — Этотъ даровалъ имъ столь великое искусство. Видишь ли, какую силу имѣютъ бѣдные? И не только одно
710 это, но и бѣсноватые приходятъ къ гробницамъ ихъ и получаютъ исцѣленіе. Видишь ли, что мертвые могущественнѣе живыхъ? Не отвергай же впредь нищихъ. Входитъ нищій во дворъ твой, прося милостыни, и ждетъ два часа, не получая ничего, а иногда ты приказываешь слугѣ выгнать его вонъ. Развѣ ты не знаешь, что если выгоняешь нищаго вонъ, ты преслѣдуешь Христа? Вѣдь Онъ самъ сказалъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ. Видишь ли, что если обижаешь бѣднаго, ты оскорбляешь Христа? Все, что ты ни дѣлаешь для бѣднаго, обращается на Христа, какъ сказалъ Онъ самъ. Я говорю это, и не перестану говорить, такъ какъ говорить для меня не тягостно, а для васъ назидательно (Филипп. III, 1). Я не перестану

наставлять васъ до тѣхъ поръ, пока вы не сдѣлаетесь лучшими, такъ какъ написано: *блаженъ повѣдаяй во уши послушающихъ* (Сир. xxv, 12). Непослушаніе причиняетъ смерть. Ты видишь нищаго и не оказываешь ему милости? Какъ послѣ этого ты входишь въ церковь и молишься? Какъ отверзаешь уста свои и призываешь Бога? Ты не краснѣешь отъ стыда? Не трепещешь? Не страшишься? Ты входишь въ Церковь, чтобы просить Бога? Сотвори же милостыню, чтобы одновременно были записаны и милостыня и прошеніе твое. Иногда нѣкоторые обращаются съ просьбой къ земному царю, тратятъ множество золота, но часто не имѣютъ никакого успѣха, и дѣло остается только на бумагѣ,—а ты не хочешь приложить къ прошенію своему и двухъ оболовъ? Здѣсь царь земной въ началѣ пишетъ одно рѣшеніе, а заключительное рѣшеніе часто бываетъ обратно; но Царь царей, если что рѣшитъ, то рѣшеніе Его остается твердымъ и неизмѣннымъ. Видишь ли, какъ просьба исполняется за два обола? Вотъ почему двѣ умывальницы находятся предъ дверями церкви, одна съ водой, въ которой ты омываешь руки, другая — это рука нищаго, въ ней ты очищаешь душу свою. Войди въ церковь и омой руки свои, вложи оболъ въ руку нищаго и очисти душу свою. Если же ты, придя въ церковь, омоешься и станешь молиться, но не дашь ничего нищему, какая тебѣ польза? Ты имѣешь богатство и скрываешь его въ землѣ, но ночью приходятъ воры, подкапываютъ домъ и похищаютъ сокровище твое, и вставши утромъ ты видишь, что оно украдено. Хочешь, чтобы сокровище твое не было похищено? Дѣлай то, что я говорю тебѣ, и никогда, во вѣки, оно не будетъ украдено у тебя. Ты имѣешь сокровище? Вложи его въ чрево нищихъ и будь спокоенъ, оно никогда не можетъ быть похищено. Если ты закопаешь его въ землю, то потеряешь его, если же и не потеряешь и оно сохранится, то послѣ твоей смерти имъ обогатятся другіе. Какая же польза для тебя, если ты трудишься, изнуряешь себя, а другіе, отъ которыхъ ты не получишь награды, владѣютъ имуществомъ твоимъ и будутъ предаваться веселію? Ты не слышалъ, что говоритъ пророкъ? Собираетъ сокровища богатый и не знаетъ, кому соберетъ ихъ (Пс. xxxviii, 7). Онъ же и въ другомъ мѣстѣ снова говоритъ: *безуменъ и несмысленъ погибнутъ, и оставятъ чуждимъ богатство свое*; и: *не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ, или егда умножится слава дому его; яко внегда умрети ему, не возьметъ вся, ниже снидетъ съ нимъ слава его* (Пс. xlviii, 11, 17—18). И въ Евангеліи Господь говоритъ безумному богачу: *безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебѣ: а еже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. xii, 20)? Видишь, сколько бѣдствій претерпѣваютъ тѣ, которые собираютъ себѣ сокровище на землѣ? Но *собирайте* сокровище себѣ на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ (Мѳ. vi, 20), и оно останется неразграбленнымъ. Несчастный и презрѣнный! Ты возлагаешь надежду на землю и не вѣришь Богу, сказавшему: «то, что вы

сдѣлали одному изъ сихъ меньшихъ, сдѣлали Мнѣ»? Ты развѣ не знаешь,
что есть нѣкоторые бѣдные земледѣльцы, достойные состраданія, кото-
рые снискиваютъ себѣ насущный хлѣбъ собственными трудами и во
время посѣва не знаютъ, откуда имъ достать сѣмянъ,—что тогда такой
земледѣлецъ, взявъ одежонку свою или своей жены, а часто и самыя
орудія земледѣлія, отдаетъ ихъ въ закладъ и получаетъ взаймы одну,
а то двѣ или три мѣры, или сколько можетъ понадобиться на его пашню,
и полученными такимъ образомъ подъ закладъ сѣменами засѣваетъ
землю, вѣря ей и ожидая нѣкоторое время, пока земля произраститъ
плодъ? Онъ ввѣрилъ землѣ полученное взаймы, а ты не вѣришь Богу?
Онъ повѣрилъ своему товарищу, а ты не вѣришь Владыкѣ? Какое, скажи
мнѣ, заслуживаешь ты прощеніе? Я говорю это не ради того, чтобы
осуждать васъ за чрезмѣрную жестокость, — нѣтъ, — но для того, чтобы
711 возбудить въ васъ готовность творить милостыню. Ты любишь крово-
жадное золото, для всѣхъ вожделѣнное и всѣмъ враждебное, всѣми лю-
бимое и противъ всѣхъ злоумышляющее, скоропреходящее и неблаго-
дарное? Или вы не знаете, что значитъ его сообщество? Подобно про-
дажной блудницѣ, оно съ этимъ говоритъ, тому киваетъ головою; сегодня
условливается съ однимъ, завтра переходитъ къ другому; сегодня ты
начальникъ, а завтра подчиненный, сегодня богатъ, а завтра бѣденъ,
сегодня произносишь судъ, а завтра самъ подвергаешься осужденію.
Видишь измѣнчивость жизни, какъ она пробѣгаетъ подобно тѣни и раз-
сѣивается, точно легкій дымъ, какъ разрывается, точно паутина? Не
перестану я наставлять васъ: будете ли вы поступать такъ, или не
будете, я всетаки стану говорить и не замолчу, потому что написано:
блаженъ повѣдаяй во уши послушающихъ Непослушаніе причиняетъ
смерть. Подражайте по крайней мѣрѣ той бѣдной вдовѣ, которая по-
жертвовала два обола, и была оправдана за свое доброе расположеніе.
Ты не въ состояніи дать двухъ оболовъ? Дай одинъ. Не имѣешь и од-
ного? Дай хлѣба. Не имѣешь даже и хлѣба? Такъ вздохни хоть, когда
712 увидишь нищаго, и молитва твоя будетъ принята. Вѣдь Тотъ, Кто знаетъ
тайныя помышленія каждаго, Кто знаетъ все прежде, чѣмъ оно совер-
шится, знаетъ, что ты далъ бы, если бы имѣлъ. Онъ хочетъ добраго
расположенія, испытуетъ и смотритъ на сердце,—человѣкъ смотритъ на
лице, а Богъ на сердце. Итакъ, умоляю васъ, соблюдайте наставленія,
которыя я предлагаю вамъ, — потому (узнаютъ всѣ, что вы) Мои уче-
ники, если будете любить другъ друга (Іоан. xiii, 35). Это слова самого
Господа, сказанныя Имъ ученикамъ. И еще: возлюби Господа Бога
твоего всею крѣпостію твоею и ближняго твоего, какъ самого себя: въ
сихъ двухъ заповѣдяхъ весь законъ и пророки (Марк. xii, 30, 31, Мф.
xvii, 37, 39, 40). Итакъ, умоляю васъ быть милосердными другъ къ другу,
страннолюбивыми, любящими бѣдныхъ: особенно же будемъ непрестанно
являть любовь свою къ Богу, чтобы мы могли удостоиться вѣчной жизни,

которой всѣ да сподобимся достигнуть, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава, держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

На провозглашеніе поста. Слово 1.

Сегодня Богъ призываетъ родъ человѣческій къ исцѣленію, такъ 711
какъ Онъ чрезъ пророка назвалъ постъ исцѣленіемъ, сказавъ: *освятите постъ, проповѣдите цѣльбу* (Іоил. I, 14). Зная, что Адамъ былъ изгнанъ изъ рая зараженный уже многими язвами, Богъ назначилъ ему исцѣленіемъ постъ, и совершенно справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, чего только не исцѣляетъ постъ? Какого душевнаго недуга не уничтожаетъ? Изгоняя пресыщеніе и неумѣренность, онъ обновляетъ сердце; уничтожая роскошь жизни, подавляетъ пылъ гнѣва, утишаетъ жестокую ненависть, снимаетъ бремя вожделѣній, уничтожаетъ горячку страстей, изгоняетъ надменное тщеславіе, отгоняетъ безсонныя заботы, снимаетъ гной съ глазъ, очищаетъ душевныя и тѣлесныя чувства,—такъ какъ этотъ художникъ получилъ силу врачеванія свыше отъ Творца. Итакъ, кто любитъ здоровье, пусть усердно предается посту, который не требуетъ платы за исцѣленіе, но еще и самъ прибавляетъ награду. Какую же награду даетъ онъ? Прекрасно узнать и это. Онъ даетъ въ награду не оболы, но цѣломудренные помыслы, не золото, но добрые нравы, не серебро, но чистоту членовъ, не драгоцѣнные камни, но благоговѣйныя мысли, не блестящія одежды, но безгрѣшныя тѣлесныя чувства. Даетъ въ награду блудницамъ—цѣломудріе, пьяницамъ—трезвость, скупымъ—щедрость, сребролюбцамъ—любовь къ бѣднымъ, братоненавистникамъ—братолюбіе и гостепріимство, малодушнымъ—великодушіе, а что важнѣе всего—животворя, онъ приближаетъ къ Богу. Вѣдь невозможно, совершенно невозможно пребывать съ Богомъ тѣмъ, которые прежде не позаботились уврачевать себя постомъ. Такъ отъ вѣка одни явились врагами, другіе же друзьями Божіими, соотвѣтственно тому, какъ сдѣлало ихъ тѣми или другими невоздержаніе или воздержаніе. Адамъ, вкусивъ отъ запрещеннаго плода, убѣжалъ отъ Бога, какъ врагъ; Каинъ, не принесшій Богу начатковъ плодовъ, стеналъ и трепеталъ, какъ враждебный Богу; современники Ноя, утопавшіе въ роскоши, возбудили противъ себя Судію; проводившіе жизнь въ удовольствіяхъ содомитяне, какъ враги Божіи, навлекли на себя небесный громъ; ѣда воспрепятствовала Исаву стать избранникомъ и получить права первородства; пища и питье сдѣлали врагомъ Израиля Того, Кто велъ его со знаменіями и чудесами; за вино и сикеръ пророкъ обвинилъ народъ; вино и пьянство лишало Ирода дружбы Іоанновой и Христовой. Узнавши тѣхъ, которые стали врагами Бога вслѣд- 712
ствіе невоздержанія, узнай и друзей Божіихъ, сдѣлавшихся таковыми

благодаря посту. Авель явилъ свое дружество Богу не тѣмъ, что насладился отъ плодовъ своихъ, но тѣмъ, что принесъ ихъ Богу; Моисей за то, что постился, получилъ наименованіе друга, славнаго и вѣрнаго; за постъ Илія, какъ другъ Божій, былъ взятъ на небо; пророки за то, что предавались посту, какъ други Божіи, познали тайны Его; Исаія, послѣ того какъ постился, созерцалъ шестокрылатыхъ серафимовъ; Іезекіиль, предаваясь посту, видѣлъ многоочитіихъ херувимовъ; постившихся въ Вавилонѣ посѣтилъ, какъ друзей, Богъ, пославъ ангела вверженнымъ въ горящую печь и пророка Аввакума тому, который былъ брошенъ въ ровъ; благодаря посту, ниневитяне сдѣлались изъ враговъ Божіихъ друзьями, подобнымъ же образомъ обратился изъ врага въ друга и Давидъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ любилъ жену Уріи, онъ былъ врагомъ Бога, когда же смирилъ душу свою постомъ, онъ услышалъ слова: *обрѣтохъ Давида, сына Іессеова, мужа по сердцу моему* (Дѣян. XIII, 22). Почему Іоаннъ, сынъ Захаріи, былъ другомъ жениха? Потому что онъ пребывалъ въ пустынѣ, собирая въ пищу себѣ акриды и дикій медъ. А почему Анна? Потому что, пребывая въ постѣ и молитвахъ, она дни и ночи служила Богу. Почему друзья Божіи Петръ и Іоаннъ? Потому что, постясь, они вошли въ храмъ въ девятый часъ для молитвы. Почему другъ Павелъ? Потому что изнуреніемъ порабощалъ плоть свою. Почему другъ Тимоѳей? Потому что питьемъ воды погасилъ пламя удовольствій. Почему другъ Корнилій? Потому что, постясь, при содѣйствіи Петра, получилъ спасеніе. Почему други мученики за Христа? Потому что они презрѣли плоть и временную жизнь. Видишь, какъ Богъ призываетъ народъ при посредствѣ поста не только къ исцѣленію, но и къ дружбѣ божественной, стремясь содѣлать Адама святымъ, здравымъ, цѣломудреннымъ, другомъ, воздержнымъ, щедрымъ, скромнымъ и родственнымъ Ему? Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ быть другомъ Божіимъ, какъ не стать родственнымъ Богу? Итакъ, стань чрезъ постъ другомъ Божіимъ, сдѣлайся чрезъ постъ родственнымъ Богу. Не оставайся невоздержнымъ, не оставайся врагомъ, не оставайся немощнымъ, не оставайся покрытымъ ранами, не оставайся разслабленнымъ. Вотъ и сегодня предстоитъ тебѣ въ этой прекрасной церкви, новомъ Іерусалимѣ, Христосъ; вотъ предстоитъ четыредесятница, представляя тебѣ духовную купель, исцѣляющая въ теченіе года не единственнаго только больного, но цѣлый народъ. Вотъ Іерусалимъ, вотъ Христосъ, вотъ четыредесятница,—духовная купель. Войди съ радостію, насладись съ веселіемъ потоками ея, омой тѣло, омой сердце, очисти душу, очисти извнутри и снаружи умъ
713 свой отъ грязи грѣха; омой Адама, когда услышишь слова Христа: *востани, возми одръ твой, и ходи* (Марк. II, 9). *Еда падаяй не востаетъ* (Іерем. VIII, 4)? Стой, имѣя стопы евангельскія, богобоязненные помыслы, щедрыя руки, колѣна непоколебимыя, бедра непричастныя удовольствіямъ, чресла свободныя отъ вожделѣній, бедра и чрево здравыя, исполненныя

закона Божія, грудь и сердце чистыя, шею и нравъ покорные, душу и умъ благоговѣйные, уста скромныя, зрѣніе не уклоняющееся, слухъ совершенно здоровый и уста произносящія слова, пріятныя Христу. Стань таковымъ, чтобы тебѣ воспользоваться четыредесятницей, какъ бы духовною купелью. Вѣдь того, чтобы ты посредствомъ нея омылся совершенно отъ беззаконія твоего, желаетъ Іисусъ; вземлющій грѣхи міра желаетъ, чтобы посредствомъ нея ты очистился отъ грѣха, получилъ чрезъ нее исцѣленіе, обновился, очистился и снова, при посредствѣ ея, пришелъ въ мѣру возраста. Сказать ли тебѣ еще и нѣкоторую тайну (пусть только это не послужитъ тебѣ поводомъ пребывать, въ надеждѣ на щедрость и благость Судіи, въ дремотѣ)? Христосъ посредствомъ поста желаетъ возвратить тебѣ, уже возрожденному водою и Духомъ и божественнымъ огнемъ, прежнее достоинство. Вотъ я открылъ тебѣ тайну врача и судіи. Поэтому прошу и умоляю тебя, не пребывай непрестанно въ своемъ паденіи въ надеждѣ на то, что ты имѣешь готовое средство исцѣленія; не 714
дѣлай непрестанно того, что не угодно Богу, только потому, что ты имѣешь наготовѣ покаяніе, могущее примирить тебя съ Нимъ; не предавайся мірскимъ удовольствіямъ, оставляя до другого времени угожденіе Богу; не медли сдѣлать это въ надеждѣ на то, что ты имѣешь средство очищенія. Будущее неизвѣстно, неизвѣстенъ завтрашній день, неизвѣстенъ сегодняшній, неизвѣстно настоящее время; мы путники въ этомъ мірѣ, и называемся не господами, но странниками и пришельцами. Мы не сможемъ склонить къ себѣ судію тогда, когда предстанемъ на судъ, и когда отъ насъ потребуютъ отчета, для насъ не будетъ возможности получить въ свое распоряженіе достаточно времени и хотя бы одного мгновенія. Итакъ, пусть тѣ, которые придутъ взять душу нашу, не найдутъ насъ, подобно тому веселящемуся богачу, пребывающими въ ночи невоздержанія, во тьмѣ нечестія, во мракѣ любостяжанія, но пусть застанутъ насъ въ день поста, въ день святости, въ день братолюбія, во свѣтѣ благочестія, во утрѣ вѣры, милостыни и молитвы, чтобы, найдя насъ сынами дня, они привели насъ къ Солнцу правды, не въ качествѣ воздвигнувшихъ житницы нечестія, но какъ совершенно опустошившихъ ихъ и послѣ того, какъ мы обновили себя постомъ и покаяніемъ, благодатію Христа, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

О постѣ. Слово II. 713

Снова призываетъ насъ святой постъ къ полученію благъ, снова содѣлываетъ насъ подвижниками, снова желаетъ, чтобы мы стали мужественны, чтобы показать насъ побѣдителями страстей, явить въ большемъ блескѣ красоту души и сплести за труды наши вѣнцы на наши головы. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, постъ, какъ не вѣнецъ подвиговъ,

виновникъ наградъ и путь спасенія? Постъ избавляетъ отъ рабства и даетъ свободу, возвращаетъ изъ плѣна въ отечество, постъ исцѣляетъ душевныя раны, постъ обновляетъ растлѣнную грѣхами душу, возбуждаетъ ее, укрѣпляетъ умъ, внушаетъ страхъ Божій, уничтожаетъ страсти, смиряетъ помыслы. Во дни поста угасаютъ похоти, процвѣтаютъ добродѣтели, является въ большей чистотѣ красота цѣломудрія и тѣло обращается въ душу, дѣлаясь вопреки природѣ духовнымъ. Будь веселъ во время поста и не будь печаленъ подобно лицемѣрамъ, которые принимаютъ на себя мрачныя лица на показъ людямъ, теряя такимъ образомъ награду за постъ. Вѣдь это слова Спасителя: во время поста помажь голову твою и умой лице благотвореніемъ, возсіяй добродѣтелями, чтобы явиться постящимся только предо Мною однимъ, видящимъ тайны (Мѳ. VI, 17, 18). Не отвращайся, возлюбленный, отъ поста, такъ какъ онъ есть мать добродѣтелей, корень благъ, источникъ цѣломудрія, стражъ благочестія, совоскормленникъ святыхъ, сожитель ангеловъ, врагъ діавола, другъ Духа Святаго; ради него оставляютъ насъ похоти и удаляются демоны, ослабѣваетъ гнѣвъ, умерщвляются вожделѣнія, оживаютъ и возсіяваютъ въ насъ добродѣтели; благодаря ему утихаютъ страсти и унимается мятежъ удовольствій, а умъ плыветъ какъ бы по спокойному морю и, благополучно преодолѣвая, при посредствѣ этого воздержанія, треволненія бури злыхъ дѣлъ, приводитъ корабль къ пристани добродѣтели. Наконецъ, ты будешь имѣть неотъемлемую выгоду, имущество несокрушимое, если предашься исполненію заповѣдей Духа Святаго, если, утвердивъ мысль свою въ страхѣ Божіемъ, отвергнешь временное, когда услышишь слова Священнаго Писанія: «не любите міра, ни того, что въ мірѣ». Не будемъ любить прелестей этого міра, которыя, становясь какъ бы тяжелымъ бременемъ для корабля души, потопляютъ его. Развѣ ты не знаешь, что пріятность всякой пищи ограничивается только горломъ и не простирается далѣе, а наказаніе, которое она влечетъ за собою, подвергаетъ безконечнымъ мученіямъ? Невоздержность омрачаетъ тѣхъ, кто не постится, обезображиваетъ душевную красоту, живого дѣлаетъ мертвымъ, побуждаетъ къ совершенію беззаконій, возбуждаетъ удоволь-
714 ствія, умножаетъ войны, будитъ вожделѣнія; наконецъ, ты становишься неспособенъ къ добродѣтели, такъ какъ, когда ослабѣютъ члены и ты вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія вина потеряешь разсудокъ, ты уже не въ состояніи болѣе противоборствовать и становишься легкопобѣдимымъ для враговъ, подобно тому, какъ гонимый вѣтромъ корабль, не имѣющій кормчаго, который могъ бы бороться съ натискомъ волнъ, бросается въ разныя стороны и ему уже не остается ничего болѣе, какъ ожидать крушенія. Итакъ, умоляю, не будемъ послѣ поста предаваться роскошной жизни, и не будемъ уничтожать многихъ трудовъ нерадѣніемъ, но, присоединяя труды къ трудамъ, такъ будемъ ожидать награды. Когда кто присоединитъ къ наградѣ награду, тотъ имѣетъ въ запасѣ великую

прибыль. Не будемъ же уничтожать силы поста, не позволимъ уму нашему быть сокрушеннымъ сладостью жизни, чтобы не уготовать душѣ непоправимаго зла. Если ты хочешь послѣ поста уврачевать свое тѣло, сдѣлавшееся слабымъ, то врачуй его воздержаніемъ, чтобы душа твоя подобно легко нагруженному кораблю, возвышалась надъ волнами нечестія; если поднимутся искушенія вожделѣній, она будетъ готова противоборствовать и управлять помыслами, чтобы сохранить отъ крушенія нашъ корабль. У насъ есть и союзница въ борьбѣ—сестра поста, разумѣю молитву: смерть ли, искушеніе ли, или какое-либо другое изъ золъ,—все уничтожается молитвою и постомъ. Что я говорю? Постъ обращаетъ въ бѣгство демоновъ, разрушаетъ власть діавола, особенно если постъ имѣетъ союзницей своей и молитву: постъ и молитва возвели на небо Илію, избавили отъ смерти ниневитянъ, постъ сохранилъ Даніила невредимымъ отъ львовъ, постъ сохранилъ неповрежденными среди огненной печи трехъ отроковъ, постъ сдѣлалъ Моисея достойнымъ безпримѣрной славы, постъ сдѣлалъ Елисея главою пророковъ. Что сказать еще? Если бы постъ не служилъ средствомъ ко спасенію и достиженію вѣчной жизни, Богъ не заповѣдалъ бы съ самаго начала поститься. Вѣдь если бы Адамъ соблюлъ постъ, смерть не приблизилась бы къ нему, онъ не лишился бы достоинства, дарованнаго ему Богомъ, не былъ бы изгнанъ изъ рая сладости и не былъ бы осужденъ на эту тягостную жизнь; но такъ какъ онъ послушался голоса чрева, то и подвергся смерти. Постъ есть образъ жизни ангеловъ, и что еще важнѣе—постился самъ Спаситель, не потому, что Онъ нуждался во врачеваніи постомъ, но для того, чтобы показать намъ примѣръ поста ко спасенію. Итакъ, возьми постъ въ спутники себѣ на всю жизнь, чтобы онъ оберегалъ тебя, избавилъ тебя отъ смерти, спасъ тебя отъ искушеній и привелъ тебя къ пристани царства небеснаго, благодатію Господа и Бога нашего Іисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

О постѣ. Слово III. 715

Недавно, братіе, изъ слышаннаго вы узнали, какъ благодѣтельно начало поста. Въ самомъ дѣлѣ, постясь мы были угощаемы, какъ бы вкусною пищею, вещественными началами міра, когда не съ малымъ, но напротивъ съ великимъ тщаніемъ созерцали духовнымъ окомъ Бога, простирающаго небо, украшающаго твердь, укрощающаго море, дающаго пищу изъ земли. И обрати вниманіе на удивительное обстоятельство: женщины сначала раждаютъ дѣтей и только тогда доставляютъ имъ пищу, такъ что если бы не появилось на свѣтъ дитя, материнская грудь осталась бы безплодной; земля же произвела пищу прежде сотворенія Адама, и до рожденія была приготовлена пища младенцу, до рожденія была уго-

тована трапеза первому человѣку; Богъ сказалъ: «да произраститъ (земля) зелень», и потомъ уже сотворилъ человѣка изъ праха (Быт. I, 11 и II, 7); и сдѣлалъ это Онъ не безъ цѣли, но для того, чтобы человѣкъ, явившись изъ земли, живя на ней, называя ее своею матерію и взирая на нее, не превозносился, но обращался къ Богу съ слѣдующими словами Авраама: *азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27). Такими словами исповѣдалъ себя нѣкогда предъ Богомъ этотъ страннолюбецъ, умоляя Господа; прекрасно и для насъ произносить ихъ. Вѣдь эти слова являются самымъ надежнымъ средствомъ къ обузданію естества: они не позволяютъ человѣку, если онъ станетъ любить землю, вести безпорядочную жизнь, такъ какъ онъ самъ есть земля. Если онъ любитъ землю, то пусть владѣетъ своимъ тѣломъ, сдѣлаетъ его плодоноснымъ, и добродѣтели представитъ, какъ дань, виноградарю вселенной. Отецъ Мой, говоритъ Онъ, виноградарь (Іоан. XV, 1). Станетъ ли когда-нибудь страстно желать золота тотъ, кто знаетъ, что оно земля? Станетъ ли любить когда-нибудь блестящія одежды тотъ, кто называетъ себя прахомъ? Будетъ ли когда-нибудь ревностно стремиться къ достиженію почета тотъ, кто признаетъ себя землей? Ясно для всякаго, что человѣкъ, который помышляетъ объ этихъ словахъ, не скажетъ зла ближнему, не подниметъ руки своей противъ сосѣда и не станетъ клеветать на него. Такъ премудры и прекрасны были слова этого страннолюбца! *Азъ есмь*, сказалъ онъ, земля и пепелъ; онъ не говоритъ: я созданіе Твое,—что было истинно; не говоритъ: я образъ Твой,—что было справедливо; не говоритъ: вдохновеніе божественное,—что было бы правильно; или: одаренная разумомъ статуя,—что можно было бы сказать безопасно; но, умолчавъ обо всемъ этомъ и предавъ забвенію по чувству богобоязненности, онъ показываетъ себя предъ Судіею землею и пепломъ. Размышляя объ этихъ словахъ, каждый пусть подвизается въ милосердіи, предается смиренію, уступаетъ первенство ближнему, не превозносится достоинствомъ, не надмевается могуществомъ, не гордится властію, не полагается на богатство, не кичится здоровьемъ, не хвастается краснорѣчіемъ. Вѣдь кто сегодня пользуется почетомъ,—завтра будетъ въ землѣ; кто сегодня въ славѣ,—завтра въ гробу; кто сегодня на престолѣ,—завтра предается печали; гордый сегодня—завтра въ могилѣ; кто сегодня занимаетъ судейское мѣсто,—завтра покоится въ гробницѣ; сегоднешній вождь—завтра превратится въ пепелъ; знаменитый сегодня—завтра станетъ пылью; кому завидуютъ сегодня,—завтра возбудитъ отвращеніе; знатный сегодня—завтра сдѣлается неизвѣстнымъ; внушающій сегодня страхъ—завтра облеченъ будетъ въ погребальныя пелены и повязки; краснорѣчивый сегодня—завтра безгласенъ; окруженный сегодня толпою льстецовъ—завтра пища червямъ; благообразный сегодня—завтра безобразенъ; несчастный сегодня—завтра отвратителенъ. Прекрасно сказалъ Премудрый: *почто гордится земля и пепелъ* (Сир. X, 9)? Зная

это, Анна, мать пророка Самуила, отдавая сына своего на служеніе Богу, говорила въ молитвѣ: *да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ* (1 Цар. п, 10), но пусть желающій хвалиться хвалится тѣмъ, что разумѣетъ и знаетъ Господа. *Да не хвалится*, говоритъ она, *премудрый*, потому что, обратившись въ пепелъ, мудрецъ становится безразсуднымъ. *Да не хвалится сильный*, потому что, являясь въ гробу пылью, онъ теряетъ красоту тѣлесную, подобно травѣ. *Да не хвалится богатый*, потому что онъ пришлецъ и случайный гость богатства, какъ воспѣлъ Давидъ. Когда же говоритъ— мудрый, сильный, богатый смиряетъ гордость тѣхъ, кто полагаетъ на- 716
дежду на обманчивыя волны житейскаго моря. Поистинѣ, настоящее есть волнующееся море, а конецъ каждаго, какъ доказываетъ опытъ, неизвѣстенъ; настоящее—это волнующееся море, и набѣгающія одна за другою волны его ежедневно обуреваютъ душу. Въ самомъ дѣлѣ, одного оно надмеваетъ почтомъ, другого властію, того подавляетъ могуществомъ, а этого приводитъ къ погибели богатствомъ или красотою; всѣхъ же, такъ сказать, низвергаетъ душевными вожделѣніями въ пучину пороковъ. Но ты, вѣрный, по слову апостола, человѣкъ Божій, бѣги отъ волнъ вожделѣній, уклонись отъ житейскихъ бурь, и возвышаясь надъ страстями, какъ бы надъ волнами, плыви по житейскому морю, ввѣривъ душевную ладью спасительному древу. Мачтой пусть будетъ тебѣ крестъ, якоремъ—вѣра, канатомъ—надежда, весломъ—молитва, кормиломъ—правые помыслы, парусомъ—Христосъ, попутнымъ вѣтромъ—Духъ Святый, кормчимъ—Отецъ всяческихъ. Если ты будешь плыть такимъ образомъ, для тебя не будетъ неизвѣстнымъ конецъ жизни. Плывя такъ, Ной переплылъ покрывавшее вселенную море; плывя такъ, Авраамъ уступилъ первенство Лоту, и назвалъ себя землею; благодаря этому, и Исаакъ также достигъ желаемаго; плывя такъ, Іаковъ остался непорочнымъ и избѣжалъ треволненій, прося у Бога не богатства, а только хлѣба и одежды, потому что стремящіеся къ богатству впадаютъ въ искушенія. Плывя такъ, Іосифъ избѣжалъ бури козней и похоти; плывя такъ, Моисей, Іисусъ (Навинъ) и остальной сонмъ пророковъ и праведниковъ ввѣрили себя, подобно ладьѣ, десницѣ Творца, какъ бы безопасной отъ морскихъ волнъ пристани. Вѣдь *праведныхъ души*, сказано, *въ руцѣ Божіей*, такъ какъ, совершивъ благополучно плаваніе, онѣ имѣютъ пристанищемъ десницу Божію: они имѣютъ общеніе съ Богомъ, и все-таки называютъ себя землею и пепломъ. Но какое великое безуміе, какое великое изступленіе ума! Авраамъ бесѣдовалъ съ Богомъ, былъ избранъ отцемъ народовъ, пришлецъ—сталъ наслѣдникомъ обѣтованія. хотѣлъ принести въ жертву, какъ агнца, первенца своего—и въ то же время называлъ себя землею и пепломъ, а вотъ нынѣ люди, являющіеся лишь управителями, а не обладателями, незначительнаго участка земли, украшенные лишь временнымъ и скоропреходящимъ достоинствомъ (такъ

какъ истинное достоинство есть благочестіе), облеченные временной властью, обладающіе минутнымъ могуществомъ, говорившіе развѣ только съ царемъ или намѣстникомъ, а не бесѣдовавшіе съ Богомъ,—эти люди, принесшіе въ церковь дары, полученные путемъ хищеній, или подавъ нищимъ нѣсколько мелкихъ монетъ, тотчасъ горделиво поднимаютъ голову и говорятъ съ нами, какъ бы взирая съ высоты неба, хотя они-то поистинѣ и являются землею и пепломъ, и даже болѣе того—землею безплодною. Въ самомъ дѣлѣ, братіе, душа корыстолюбца—это мѣсто, поросшее терніемъ, душа сребролюбца—безплодное поле, пользованіе чужимъ — безплодное пріобрѣтеніе, тѣло блудника — пустынное поле, замыслы гордыхъ—мѣсто полное пропастей, слова обвинителей—не приносящая прибыли торговля, злоумышляющій противъ ближняго своего—сообщникъ діавола, и старанія его—напрасный трудъ. Познавъ все это въ церкви, возненавидимъ же хищенія, будемъ упражняться въ добродѣтеляхъ, будемъ избѣгать нечестія, будемъ ревностно стремиться къ любви, уклонимся отъ похоти, возлюбимъ непорочность, будемъ гнушаться обмана, будемъ относиться другъ къ другу чистосердечно, потому что, какъ говоритъ (Давидъ), *оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгоняхъ* (Пс. с, 5). Явимъ себя землею плодородною, произращающими побѣги правды, приносящими плоды человѣколюбія, воздержанія и справедливости, приносящими Богу зрѣлыя виноградныя гроздья исповѣди. И когда вы исполните даже все это, говоритъ (Христосъ), говорите: мы рабы ничего нестоющіе (Лук. XVII, 10). Это слова Владыки Христа; Ему слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

715—716

О постѣ. Слово IV.

Источники, когда ихъ черпаютъ, изливаютъ тѣмъ болѣе чистую воду и, удовлетворяя потребность и утоляя жажду всѣхъ, текутъ неизсякаемой струею изъ нѣдръ земныхъ. Всѣ,—богатый и бѣдный, мудрый и неразумный,—могутъ по мѣрѣ потребности своей утолить водою ихъ свою
717 жажду; и всѣмъ доставляя въ изобиліи питье, источники сохраняютъ свое сокровище неисчерпаемымъ. Такъ, подобно источнику, который одинъ напояетъ многихъ, и одно Священное Писаніе просвѣщаетъ умы многихъ. Придите поэтому и вы, возлюбленные, приступимъ къ вышеупомянутому источнику и сдѣлаемся участниками наставленія о постѣ. Какъ было достаточно его для богатаго, такъ и намъ, бѣднымъ, не будетъ въ немъ недостатка. Постясь, Илія, правящій колесницею, милотью и жезломъ раздѣлилъ рѣку. Онъ же, постясь, заключилъ небо, словомъ своимъ удержалъ дождевыя облака; онъ же, за то, что постился, управляя огненными конями, вознесся въ огненной колесницѣ на небо; постясь, Моисей, слуга Божій, раздѣлилъ море, превративъ его, обильное рыбою, въ сушу

спасъ выведенныхъ изъ плѣна евреевъ и потопилъ египтянъ. Постъ вложилъ въ десницу Моисея священный жезлъ, ударивъ которымъ по скалѣ, онъ заставилъ ее произвести годную для питья воду. Постъ, умудривъ Даніила, сдѣлалъ его истолкователемъ тайныхъ сновъ. Тотъ же Даніилъ, постясь, укротилъ во рву дикихъ звѣрей, и явившись пастыремъ львовъ, заставилъ ихъ самихъ взирать на небо. Постъ сохранилъ невредимыми тѣла трехъ отроковъ и превратилъ въ росу всепожирающій пламень вавилонской печи. Благодаря посту, пророкъ Іона обуздалъ кита, и воспользовавшись имъ какъ бы подъяремнымъ животнымъ, отправился въ Ниневію. Онъ удалился не туда, куда угодно было этому животному, но самъ китъ отправился туда, куда хотѣлъ находившійся въ немъ и управлявшій имъ. Предавшись посту, ниневитяне спасли свой городъ и изсушили посаженное пророкомъ растеніе. Постъ—это даръ Божій, постъ—пища ангеловъ, постъ посвятилъ въ таинства Моисея, постъ утвердилъ въ вѣрѣ Авраама, постъ оправдалъ Исаака, постъ сопутствовалъ Іакову, постъ возвеличилъ Іосифа, постъ возвысилъ Мельхиседека, постъ увелъ Лота изъ Содома, постъ подвизался съ Іовомъ, постъ умудрилъ пророковъ, постъ далъ крѣпость царямъ, постъ избралъ священниковъ, постъ 718
просвѣтилъ лице Моисею, постъ совершалъ служеніе съ Аарономъ, постъ предводительствовалъ вмѣстѣ съ Іисусомъ Навиномъ, постъ далъ оружіе Гедеону, постъ укрѣпилъ Сампсона, постъ зачалъ Самуила, постъ ратоборствовалъ съ Сауломъ, постъ благословилъ Исаію, постъ сдѣлалъ краснорѣчивымъ Іеремію, постъ освятилъ Захарію, постъ умудрилъ Іоанна, постъ подкрѣпилъ Петра, постъ доставилъ награду Павлу, постъ запечатлѣлъ вселенную, постъ попралъ силу огня, постъ обезсилилъ племя львовъ, постъ смирилъ гордость драконовъ, постъ изсушилъ рѣки, постъ—возстановленіе рая, постъ, сверхъ всего сказаннаго, укрѣпивъ тѣло Христа, стремительно отразилъ нападенія діавола. Постъ—собесѣдникъ дѣвственницъ, постъ—умноженіе домовъ, постъ—защитникъ кающихся, постъ—супругъ молитвы, постъ—основаніе богатства, постъ—утѣшеніе бѣдныхъ, постъ—помощникъ изнуренныхъ, постъ отгоняетъ сонъ и побуждаетъ къ пѣснопѣнію, постъ—вода, напояющая насъ и уготовляющая намъ источникъ безсмертія. О, постъ! Ты хлѣбомъ располагаешь души наши къ благочестію и солью уничтожаешь зловоніе грѣховъ нашихъ. О, постъ! Ты сорока днями обращаешь воздухъ въ ступени, по которымъ возводишь насъ на небеса. О, постъ! Ты устами постящихся призываешь милость и судъ Божій, какъ только что слышали мы. Давидъ, это веселіе святыхъ пророковъ, изображая праведный судъ, соединенный съ милостію, т. е. судъ будущій, взывалъ къ Богу: *милость и судъ воспою Тебѣ, Господи* (Пс. с, 1). Постъ имѣетъ общеніе съ херувимами, постъ пребываетъ съ серафимами, постъ уготовалъ жилище Еноху въ раю, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

717

О постѣ. Слово V.

Сегодня, возлюбленные, воздадимъ поклоненіе врачу. Вотъ предстоитъ постъ, который, даруя спасеніе душъ и тѣлесъ, являетъ какъ бы чудесное воскресеніе, для того, чтобы мы, умастившись имъ какъ бы масломъ, приготовились къ духовнымъ подвигамъ. Молитва и постъ—занятіе ангеловъ, постъ—врата райскія, постъ—очищеніе грѣшниковъ, постъ—дерзновеніе къ Богу, постъ—непорочность сердца, постъ—основаніе всѣхъ благъ, дарованныхъ намъ Богомъ, постъ—освященіе души, постъ—здравіе тѣлесное, постъ—безопасность дома, наставникъ юношей, хранитель дѣтей, трезвенность старцевъ, украшеніе и скромность женщинъ. Когда же къ молитвѣ и посту присоединяется и милостыня, тогда подвизающійся въ благочестіи является богатымъ у Бога, такъ какъ благотворящій бѣдному даетъ взаймы Богу (Притч. xix, 17). Видишь ли, что Богъ сдѣлался поручителемъ за людей? Поэтому и пророкъ, укоряя іудеевъ за то, что они совершали постъ не съ полнымъ усердіемъ, говорилъ: *не сицеваго поста Азъ избрахъ, глаголетъ Господь, еже смирити человѣку душу свою* (Ис., LVIII, 5). Какая, въ самомъ дѣлѣ, польза поститься на словахъ, а на дѣлѣ совершать убійства? Какая польза воздерживаться отъ пищи и оскверняться блудомъ? Ты не ѣшь мяса, но за то терзаешь плоть брата своего. Какая прибыль въ томъ, чтобы не увеселяться виномъ и упиваться богатствомъ? Какая польза не ѣсть хлѣба и опьяняться гнѣвомъ? Какая прибыль изнурять себя постомъ и въ то же время злословить ближняго? Какая польза воздерживаться отъ пищи и похищать чужое? Какая необходимость изсушать тѣло и не питать алчущихъ? Какая польза терзать члены и не оказывать милости вдовамъ и сиротамъ? Какая выгода проводить время въ созерцаніи и сокрушеніи и въ то же время не оказывать покровительства сиротамъ, удрученнымъ несчастіями? Нѣтъ никакой пользы для людей въ томъ, что они носятъ одно только названіе христіанъ, а не имѣютъ за собою добрыхъ дѣлъ, такъ какъ предъ Богомъ не имѣютъ значенія внѣшнія достоинства, но требуются дѣла. Вѣдь и Іуда былъ въ числѣ апостоловъ и вмѣстѣ съ прочими пользовался равною честію, но, предавшись сребролюбію, принялъ удавленіе; подобно тому и въ настоящее время многіе носятъ овечью шкуру, а внутри являются хищ-
718 ными волками. Если ты хочешь поститься, то возненавидь сребролюбіе: оно великое зло. Ты постишься? Въ такомъ случаѣ избѣгай прелюбодѣянія, избѣгай блуда, избѣгай клеветы, избѣгай лжи, злословія, вражды, богохульства и всякой суеты. Ты постишься? Избѣгай тогда любостяжанія, хищенія, раздора и губящей душу зависти. Ты постишься? Избѣгай гнѣва, блуда, ревности, клятвопреступленія и всякой несправедливости. Ты постишься? Избѣгай объяденія, матери всякаго нечестія, которое

удаляетъ насъ отъ самого Бога,—объяденія, которое низвергаетъ насъ въ пучину погибели. Если ты постишься ради Бога, то избѣгай всякаго дѣла, которое ненавидитъ Богъ, и Онъ приметъ твое покаяніе съ благосклонностію. Настоящее время—время покаянія, а не покоя; покаяніе же возстановляетъ падшую душу, содѣлываетъ ее изъ отчужденной дружественною Богу; покаяніе ободряетъ душу истерзанную, укрѣпляетъ колеблющуюся, исцѣляетъ сокрушенную, дѣлаетъ здоровой уязвленную. Прибѣгнемъ же, братіе, прибѣгнемъ къ покаянію; время каяться, а не предаваться роскоши и бездѣйствію; время сѣтованія и плача, а не надменности и гордости; время исповѣди, печали и воздыханій, а не безпечности и нерадѣнія. Покаяніе—помощница наша къ достиженію царства небеснаго, входъ въ рай, наслажденіе вѣчнымъ веселіемъ; покаяніе—избавленіе отъ грѣховъ, очищеніе безчестія; покаяніе—мать спасенія, ниспроверженіе діавола, уничтоженіе пороковъ; покаяніе разрѣшаетъ узы грѣховъ, спасаетъ отчаявшіяся души, просвѣщаетъ помраченныхъ, обращаетъ къ Богу отверженныхъ, призываетъ заблудшихъ; покаяніе—отрада и утѣшеніе всѣхъ отчаянныхъ; покаяніе—цѣлебное и спасительное средство для всякой душевной и тѣлесной немощи. Но возвратимся къ предложенному. Ты постишься? Не презирай бѣднаго. Постишься? Обрати вниманіе на слезы вдовы. Ты постишься? Одѣнь нагого. Ты постишься? Обрати вниманіе на несчастныхъ сиротъ. Ты постишься? Если имѣешь возможность, то подавай милостыню, если же 719
нѣтъ, то не похищай по крайней мѣрѣ чужого. Ты постишься? *Удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои еже не глаголати льсти* (Пс. XXXIII, 14), и этого достаточно тебѣ для спасенія. Ты постишься? Не принимай на себя мрачнаго лица, подобно лицемѣрамъ, не кажись унылымъ, но помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не передъ людьми, но предъ Тѣмъ, Кто испытуетъ сердца и утробы (Мѳ. VI, 16—18). Если будешь поститься, то постись такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, чтобы тебѣ не понести напрасныхъ трудовъ и не погубить награды своей. Если ты станешь поститься, то смотри, не давай денегъ своихъ въ ростъ. Ты постишься? Разорви рукописаніе насильственныхъ договоровъ; прости, чтобы и тебѣ получить прощеніе; отпусти брату твоему оскорбленіе, нанесенное тебѣ, чтобы и тебѣ получить отпущеніе; будь милостивъ, чтобы и самому заслужить помилованіе; отпусти вину ближнему. Ты постишься? Умилостивь того, кого ты обидѣлъ; не завидуй никогда брату, не питай ни къ кому ненависти. Ты постишься? Не предавайся тщеславію. Ты постишься? Избѣгай блуда, оскверняющаго нашу душу и тѣло,—блуда, удаляющаго насъ отъ Бога и отъ святыхъ,—блуда, который уготовляетъ для насъ вѣчный и неугасимый огонь. Ты постишься? Не клевещи на бѣднаго, чтобы не прогнѣвать Сотворившаго его. Ты постишься? Питай алчущихъ, напой 720
жаждущихъ, одѣнь нагихъ, доставь покой странникамъ, посѣти боль-

ныхъ, не оставь безъ вниманія находящихся въ темницѣ, будь милосердъ къ изнуреннымъ, заботься о страждущихъ и скорбящихъ, будь сострадателенъ, нѣженъ, добръ, кротокъ, миротворецъ, будь долготерпѣливъ, милостивъ, не мстителенъ, миролюбивъ, богобоязливъ,—чтобы Богъ благосклонно принялъ твой постъ и даровалъ тебѣ пользу отъ покаянія твоего, съ великимъ прибавленіемъ. Братъ не въ состояніи оказать намъ никакой помощи въ тотъ страшный день суда, а окажутъ ее покаяніе и милостыня. Ихъ-то, умоляю васъ, братіе, и будемъ соблюдать со всевозможнымъ тщаніемъ, чтобы намъ получить награду отъ Бога и услышать эти вожделѣнныя слова: *пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра: взалкахся бо, и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя; страненъ бѣхъ*, боленъ, нагъ и въ темницѣ, и послужили Мнѣ (Мѳ. xxv, 34—36). Да сподобимся же всѣ мы услышать эти слова, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому подобаетъ слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

719

О постѣ. Слово VI.

Снова время поста, снова поводъ къ веселію, снова зрѣлище подвиговъ, снова звукъ трубы Христовой, возвѣщая прекрасное состязаніе, собираетъ борцовъ на бой, снова возвѣщается ежегодное пришествіе Христа. Очистимъ же всѣ себя, чтобы достойно принять Его. Вѣдь если возвѣщеніе о прибытіи смертнаго царя заставляетъ тѣхъ, которые собираются принять его, со страхомъ и трепетомъ приготовлять дома свои, чтобы доставить достойное жилище тому, кто будетъ обитать въ немъ, то насколько болѣе мы, готовящіеся принять истиннаго Царя, должны содѣлать себя достойными предъ Тѣмъ, Кто будетъ обитать въ насъ? Пусть сегодня предстанетъ намъ пророкъ Іеремія, который, будучи посланъ Господомъ, услышалъ отъ Него: вотъ Я поставилъ тебя сегодня надъ народами, чтобы ты искоренялъ и насаждалъ, разрушалъ и созидалъ (Іерем. I, 10). Послушаемъ его: это онъ уготовляетъ храмы Царя великаго. Искоренимъ похоти, насадимъ воздержаніе, разоримъ нечестіе, будемъ созидать добродѣтели, изгонимъ ложь и стяжаемъ истину, отринемъ гордость и принесемъ покаяніе, истребимъ гнѣвъ и замѣнимъ его кротостію. Христосъ говоритъ: на комъ успокоюсь? На кроткомъ и молчаливомъ и трепещущемъ словъ Моихъ (Ис. LXVI, 2). Не приготовляй дома изъ камней, Всевышній не въ рукотворенныхъ живетъ (Дѣян. VII, 48). Приготовь храмъ, одаренный разумомъ, укрась его добродѣтелями: настоящее время способствуетъ въ этомъ тебѣ. О немъ Павелъ говоритъ: вотъ время коротко, такъ что имѣющіе женъ должны быть какъ не имѣющіе, и покупающіе какъ не пріобрѣтающіе, и пользующіеся міромъ

этимъ какъ не пользующіеся, потому что проходитъ образъ міра этого (1 Кор. VII, 29—31). Нѣтъ нужды ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ, нѣтъ нужды въ драгоцѣнныхъ камняхъ и обширныхъ зданіяхъ, нужны только чистая душа и искреннее разскаяніе. Предвѣстники земного царя, возвѣщающіе прибытіе его, не несутъ ничего небеснаго, но только все земное: одинъ щиты, другой латы, иной золотыхъ драконовъ, тотъ позлащенныя одежды; самъ же царь несетъ на себѣ самомъ власть надъ всѣмъ — порфиру и діадему. Предтечи же небеснаго Царя не несутъ ничего земного, но все достойное Царя: Моисей возвѣщаетъ законъ царскій, Исаія — постъ, Іеремія — молитву, Іоаннъ — крещеніе покаянія; самъ же Царь несетъ порфиру и діадему, посредствомъ которыхъ дѣлаетъ свободными всѣхъ: его порфира—тѣло, діадема—слово. Увидавъ Его, Іоаннъ взываетъ, говоря: мы всѣ отъ части (ср. 1 Кор. XIII, 9). Моисей даетъ Израилю законъ, Исаія пророчествуетъ Израилю, точно также и Іеремія, я же (возвѣщаю) міру крещеніе покаянія; но никто не даетъ свободы. При- 720
шелъ Тотъ, Кто имѣетъ власть надъ всѣми; Онъ есть возвѣщаемый нами, Онъ есть Царь славы; Онъ даруетъ благодать не одному народу, но становится спасеніемъ всему міру. Агнца имѣлъ и (ветхозавѣтный) законъ, но онъ закалался за одинъ народъ, и не отпускалъ грѣховъ, такъ какъ только былъ образомъ. Послѣ этого Исаія возвѣщаетъ агнца: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ. Родъ его кто исповѣсть?* Судъ его отъ него взятся (Ис. LIII, 7, 8). Это истинный Агнецъ, возвѣщенный на словахъ, нынѣ же являющійся въ дѣйствительности; это тотъ Агнецъ, Который предалъ Себя за весь міръ; это Агнецъ Божій, вземлющій грѣхъ міра. Пророки посредствомъ писаній предсказывали будущее, но не открывали самыхъ событій, и если послѣднія совершаются въ дѣйствительности, они подтверждаютъ истину написаннаго. Давидъ пророчествовалъ о томъ, что должно было совершиться съ Іисусомъ, но такъ какъ исполненіе этого еще не наступило, то и писанія, по домостроительству Божію, были покрыты тѣнью. Если бы іудеи знали, что написанное подтверждается дѣйствительностію, они, изъ-за страха быть обличенными ею, уничтожили бы писанія. Такъ Давидъ говоритъ во второмъ псалмѣ: *вскую шаташася языцы, и людіе научишася тщетнымъ* (Пс. II, 1)? Онъ говоритъ о высокомѣріи Ирода и Каіафы: *предсташа цари земстіи, и князи собрашася вкупѣ*; о зломъ умыслѣ противъ Господа: *на Господа и на Христа Его. Расторгнемъ узы ихъ, и отвержемъ отъ насъ иго ихъ* (ст. 2—3). Говоря же о крестѣ, сказалъ въ двадцать первомъ псалмѣ: *обыдоша мя псп мнози, юнцы тучніи одержаша мя. Ископаша руцѣ мои и нозѣ мои, исчетоша вся кости моя. Тіи же смотриша и презрѣша мя: раздѣлиша ризы моя себѣ, и о одежди моей меташа жребій* (Пс. XXI, 13, 17—19). Эти слова были тѣнью; когда же исполнилось то, что было возвѣщено ими, тогда

тѣнь исчезла, и іудеи видятъ пригвожденныя ими самими руки и ноги, обличаются своими собственными книгами, въ которыхъ содержатся указанія на это, и уже не въ состояніи уничтожить написаннаго. Съ совершенною очевидностію исполнились оба предсказанія: писаніе оказалось согласнымъ съ дѣйствительно случившимся. Исаія говоритъ: *яко овча на заколеніе ведеся, и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ. Судъ его взятся. Родъ его кто исповѣсть?* Іудеи читали писаніе, но не понимали его дѣйствительнаго значенія, такъ какъ законъ имѣлъ тѣнь будущихъ благъ, а не самый
721 образъ (Евр. x, 1). Когда же настало время исполненія предсказаннаго,— истинный Агнецъ веденъ былъ на закланіе, истинная Овца приносилась въ жертву за весь міръ, совершилось дѣйствительное очищеніе людей, проливалась истинная кровь за спасеніе всего міра,—іудеи совершили это; и послѣ того какъ исполнилось пророчество Исаіи, іудеи были посрамлены. Если же іудеи захотятъ отрицать это, я приведу имъ во свидѣтельство Давида, приведу Исаію, обличу ихъ на основаніи ихъ же собственныхъ писаній. Защитникомъ мнѣ относительно Распятаго является и Моисей: онъ, желая возвѣстить имъ о Томъ, Кто имѣлъ быть распятъ на крестѣ, возвѣстилъ это чрезъ письмена. Поэтому говоритъ: если умолчу и я, то возопіютъ самыя дѣла. Какія же дѣла? Этого не знаютъ іудеи, такъ какъ пребываетъ тѣнь закона. Но приходитъ время, когда дѣла становятся ясными, тѣнь исчезаетъ, и событія находятъ себѣ подтвержденіе въ писаніяхъ. Нѣкогда въ пустынѣ появились змѣи и стали уязвлять людей. Тогда Моисей сдѣлалъ мѣднаго змія и пригвоздилъ его ко кресту, повелѣвъ всякому, укушенному зміемъ, подходить и получать исцѣленіе: Богъ благоволилъ сначала явить это въ образѣ, для того, чтобы, когда явится истина, тѣнь исчезла и образъ показалъ истину. А что это событіе было образомъ истины, такъ открылъ Моисей: это не есть истина, это образъ, истина имѣетъ придти. Вы увидите жизнь вашу висящей предъ глазами вашими ночью и днемъ, и не будете увѣрены въ жизни вашей (Второз. xxviii, 63). Жизнію, висящею
722 предъ іудеями, онъ называетъ Христа, такъ какъ іудеи не вѣрили, что Онъ есть дѣйствительно жизнь. Но почему Моисей повѣсилъ змія на крестѣ? Во образъ Христа; такъ какъ грѣхъ произошелъ чрезъ змѣя и чрезъ древо, то надлежало и Христу уничтожить происшедшій чрезъ древо грѣхъ, древомъ же и истребить проклятіе, постигшее насъ чрезъ змѣя, принявъ его на себя, чтобы, сдѣлавшись за насъ клятвой, даровать намъ правду Божію. Онъ вѣдь не зналъ грѣха, но былъ распятъ за насъ, чтобы мы сдѣлались правдою Божіею. Змѣй же, повѣшенный на древѣ, не былъ истиной, онъ былъ образомъ, тѣнь же скрывала истину. Явилась Истина, Христосъ; восшелъ на древо. Тогда я приведу іудеямъ слова Моисея и загражду уста ихъ: и вы увидите жизнь вашу висящей предъ глазами вашими ночью и днемъ, и не будете увѣрены

въ жизни вашей (Втор. xxviii, 63). А какъ вамъ сказалъ о Немъ блаженный Давидъ? Восшелъ на высоту, плѣнилъ плѣнъ, далъ дары для человѣковъ (Пс. lxvii, 19). Восшелъ на высоту, т. е. на крестъ, плѣнилъ діавола, разрушилъ смерть, пригвоздилъ грѣхъ, уничтожилъ проклятіе и низвергъ змѣя съ древа. Съ явленіемъ истины отвергаются образы: Онъ воздвигаетъ знамя побѣды противъ діавола и даетъ тѣмъ, которые слушаютъ Его, власть надъ діаволомъ, говоря имъ: за васъ Я былъ подъ клятвой, за васъ Я подъ закономъ, за васъ Я подъ свидѣтельствомъ, ради васъ война, ради васъ побѣда. Вотъ Я далъ вамъ власть наступать на змѣй и скорпіоновъ и на всю силу вражію (Лук. x, 19). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О постѣ. Слово VII. 721

И сегодня является пророкъ Іеремія, уготовляющій храмы Царя великаго, и бесѣдуетъ съ нами, говоря: *поновите себѣ поля, и не сѣйте на терніи* (Іерем. iv, 3). Нынѣ онъ бесѣдуетъ одинаково со всѣми, будучи наученъ Господомъ. Онъ нѣкогда, за то, что не желалъ говорить непослушному народу, претерпѣлъ то, что разсказалъ самъ. Видя, что родъ человѣческій оскверненъ грѣхами, онъ не захотѣлъ говорить, сказавъ: нынѣ убійства, воровство и прелюбодѣяніе распространились по землѣ, и потому я удерживаю слово свое, до тѣхъ поръ, пока они не очистятся. Подобно тому, какъ вѣрный рабъ, которому ввѣрено драгоцѣнное муро, не вливаетъ его въ грязный сосудъ, чтобы муро не потеряло своего благоуханія, точно также и пророкъ, получивъ слово, болѣе цѣнное, чѣмъ муро, при видѣ оскверненныхъ людей, удерживается отъ сѣянія слова. Но оно было во внутренностяхъ его, какъ бы горящій огонь, онъ истомился и не могъ удержать его (Іер. xx, 9). Тогда Богъ сказалъ ему: ты былъ посланъ для проповѣданія, почему же молчишь? Ты былъ посланъ для сѣянія, зачѣмъ же удерживаешь сѣмя? Сѣй безъ различія то, что Я ввѣрилъ тебѣ; сѣй между терніями, сѣй па каменистыхъ мѣстахъ, сѣй на доброй землѣ. Ты долженъ сѣять, а земля принести плодъ. Если взойдутъ тернія и заглушатъ сѣмя, ты не будешь виновенъ; если добрая земля принесетъ плодъ, она возвращаетъ сѣмя, какъ земля добрая. Ты рабъ: Я ввѣрилъ тебѣ деньги,—отдай ихъ торговцамъ, и Я, возвратясь, потребую ихъ назадъ отъ торговцевъ. Если они возвратятъ мнѣ вдвое больше того, сколько Я ввѣрилъ имъ, то Я поставлю ихъ, вмѣсто малаго, надъ многимъ, вмѣсто земного, надъ небеснымъ. Если же они, получивъ сѣмена, не приложатъ старанія къ тому, чтобы принести плодъ, но предадутся заботамъ міра сего, каковыя суть терніи, то сдѣлаются достойными огня. Если же на каменистыхъ мѣстахъ не окажется достаточно глубокаго слоя земли, т. е., если какой

человѣкъ явится жестокосердымъ—не будетъ имѣть вѣры и изсушитъ сѣмя, тотъ подвергнется наказанію за свое жестокосердіе. Точно также и тѣ, которымъ ввѣрены были деньги, если принесутъ ихъ обратно въ двойномъ количествѣ, то получатъ еще болѣе; кто же принесетъ только одинъ талантъ, который былъ ввѣренъ ему, тотъ осужденъ будетъ на мученіе. Ты же проповѣдуй безъ различія, такъ какъ ты посланъ врачемъ къ немощнымъ. Вѣдь и земледѣлецъ обработываетъ землю невоз-
722 дѣланную и сѣетъ на той, которая не была засѣяна, такъ какъ земля воздѣланная и засѣянная не нуждается въ обработкѣ или во вторичномъ посѣвѣ, равно какъ не требуетъ врача и здоровый; точно также и праведный не нуждается въ наставленіи, и желаетъ прозрѣть не тотъ, кто видитъ, но слѣпой. Такъ и Господь говоритъ въ Евангеліи: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники* къ покаянію (Мѳ. IX, 13). Согласно съ этимъ и Павелъ сказалъ: *Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ* (1 Тим. I, 15). Точно также и Петръ говоритъ въ книгѣ Дѣяній: *мужіе братіе, очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа* (2 Кор. VII, 1). И не говорите: отецъ у насъ Авраамъ; говорю вамъ, что Богъ можетъ изъ камней сихъ воздвигнуть дѣтей Аврааму (Мѳ. III, 9). Вотъ почему пророкъ, получивъ наставленіе проповѣдывать всѣмъ безъ различія, взывалъ: *поновите себѣ поля, и не сѣйте на терніи* (Іер. IV, 3). Подобно тому, какъ невоздѣланная земля распахивается при помощи дерева и желѣза, которыя влекутся волами, и тогда только земледѣлецъ засѣваетъ землю, такъ и мы по отношенію къ людямъ возьмемъ дерево, желѣзо и влекущихъ воловъ. Деревомъ пусть будетъ крестъ, желѣзомъ—гвозди, волами—законъ и пророки, которые ученіемъ своимъ влекутъ насъ къ Распятому на крестѣ, чтобы Онъ, видя насъ приготовленными, послалъ Духа Святаго для освященія водъ, для возрожденія обновленныхъ ученіемъ, согласно словамъ блаженнаго Давида: *послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. CIII, 30). Собственно здѣсь разумѣется человѣкъ, такъ какъ *вдуну въ лице его, и бысть человѣкъ въ душу живу* (Быт. II, 7). Давидъ же говоритъ: *приступите къ Нему и просвѣтитеся, и лица ваша не постыдятся* (Пс. XXXIII, 6). Опять и въ Евангеліи Христосъ, призвавъ учениковъ, дунулъ въ лице ихъ (и сказалъ): *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. XX, 22). Распашемъ же себѣ новыя нивы, отложимъ древнее нечестіе, исторгнемъ терніи непослушанія, такъ какъ когда Адамъ оказалъ непослушаніе, онъ былъ изгнанъ изъ рая и услышалъ отъ Господа эти слова: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ: тернія и волчцы возраститъ тебѣ* (Быт. III, 17). Зная это, пророкъ возвѣщалъ: *поновите себѣ поля, и не сѣйте на терніи*, убѣждая насъ этими словами
723 обновить себя покаяніемъ, уничтожить терніи, т. е. постигшее насъ за непослушаніе наказаніе. Терніи же въ человѣкѣ, это—раздоры, зависть, гнѣвъ, вражда, нечистота, корыстолюбіе, прелюбодѣяніе, человѣкоубійство.

Ева, зачавши, первоначально родитъ Каина, который сдѣлался виновникомъ зависти, изобрѣтателемъ убійства, отцомъ лицемѣрія, творцомъ лжи. Когда Господь спросилъ его: гдѣ Авель, братъ твой? онъ тотчасъ порождаетъ ложь, сказавъ: развѣ я сторожъ брату моему? Богъ же, желая на основаніи этого случая убѣдить его въ томъ, что Онъ знаетъ все, сказалъ: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ* (Быт. IV, 9, 10). Конечно, кровь вопіетъ не посредствомъ словъ, такъ какъ она не имѣетъ дара слова, но самое дѣло жестокостію своею предаетъ позору братоубійцу. Вотъ почему пророкъ и взываетъ: *поновите себѣ поля, и не сѣйте на терніи.* Вы знаете изъ Дѣяній Апостольскихъ, какъ Симонъ волхвъ, не обновивъ (себя) и не исторгнувъ терній, пришелъ къ апостоламъ, чтобы принять крещеніе. Но какимъ онъ пришелъ, такимъ же и возвратился назадъ, не потому, что крещеніе не имѣло силы, но потому, что онъ самъ не вѣровалъ въ Распятаго на крестѣ и Пригвожденнаго. Онъ не вѣрилъ пророкамъ, которые, подобно воламъ, влекутъ знаменія креста, желѣзо и дерево, и обновляютъ ученіемъ своимъ родъ человѣческій. Вотъ почему онъ не только не освобождается отъ проклятія Адамова, но подвергается и вторичному проклятію и къ одному беззаконію его присоединяется другое, чтобы онъ не достигъ оправданія Божія: ему не принесло никакой пользы крещеніе. Онъ пришелъ къ апостоламъ, говоря: возьмите деньги, и дайте мнѣ власть сію, чтобы тотъ, на кого я возложу руки, получилъ Духа Святаго (Дѣян. VIII, 19). Но Петръ сказалъ ему: нѣтъ тебѣ въ этомъ части и жребія, потому что ты захотѣлъ даръ Божій получить за деньги (ст. 21, 20). Онъ не послушался пророковъ, не воздѣлалъ духовной нивы своей, а потому не получилъ и Духа Святаго, возвѣщеннаго пророками. Устрашитесь этого примѣра, распашите себѣ новыя нивы и не сѣйте между терніями. Если ты исторгнешь тернія, то получишь сѣмя, принесешь плодъ и сдѣлаешься причастнымъ Духу Святому. Такъ, послушавшись пророка, Корнилій 724
обновилъ себя, искоренилъ терніи и принесъ плодъ Богу (Дѣян. гл. X). Ему явился ангелъ и сказалъ: Корнилій, милостыни твои взошли предъ Богомъ. Этотъ добрый земледѣлецъ вырвалъ терніи, обновилъ въ себѣ человѣка и плодъ его восшелъ предъ Богомъ. Видишь ли плодъ покаянія? Онъ восшелъ отъ земли на небо и предсталъ съ дерзновеніемъ предъ Богомъ. Какъ добрыя дѣла съ дерзновеніемъ ходатайствуютъ за насъ, такъ, наоборотъ, дурныя навлекаютъ суровое обвиненіе. Ты знаешь, какъ добрыя дѣла ходатайствовали за Корнилія, послушай же, какъ строго обвиняетъ Каина совершенное имъ убійство: вотъ какъ говоритъ Господь Каину: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ*, и вотъ какое было опредѣлено ему наказаніе: *стеня и трясыйся будеши на земли* (Быт. IV, 10, 12). А вотъ послушай, какова награда за милостыню и молитву. Что говоритъ ангелъ? Пошли въ Іоппію и призови Петра, и онъ научитъ тебя, что тебѣ надлежитъ дѣлать (Дѣян. X, 5, 6).

Пришелъ Петръ, и когда началъ говорить, сошелъ на Корнилія Духъ Святой, подобно тому какъ и на апостоловъ. Видишь награду за постъ, молитву и милостыню,—ниспосланіе Духа Святого? Настоящее время—время поста и милостыни; провидя это время, Илія постился въ теченіе сорока дней,—поэтому онъ возносится въ огненной колесницѣ и даже до настоящаго дня пребываетъ въ тѣлѣ. Объ этомъ времени пророчествовалъ Моисей, когда постился сорокъ дней: поэтому онъ получилъ законъ для исправленія своихъ единоплеменниковъ. Этому времени научилъ насъ Христосъ, постившійся сорокъ дней, чтобы внушить намъ съ готовностію прибѣгать къ этому спасительному средству, которымъ воздѣлывается душевная нива, посредствомъ котораго вырываются терніи, укрощаются страсти, разрушаются дѣла діавола, которымъ освящаются воды Іордана, посредствомъ котораго возрождается человѣкъ, благодаря которому нисходитъ Духъ Святой и которымъ даруется жизнь и воскресеніе. О немъ предвозвѣстили пророки, ему научилъ Христосъ; возлюбимъ же и послѣдуемъ ему, присоединивъ еще милостыню и молитву, чтобы получить намъ, подобно Корнилію, Духа Святого, и прославимъ Отца и Сына и Святого Духа. Ему слава во вѣки. Аминь.

---

723 О терпѣніи, и томъ, что не слѣдуетъ горько оплакивать умершихъ.

Сегодня съ гораздо большимъ тщаніемъ, чѣмъ въ предыдущіе дни, приступимъ къ слову наставленія: вѣдь часто слово доставляетъ утѣшеніе въ болѣзни, и соотвѣтствующее наставленіе можетъ уничтожить печаль. И дѣйствительно я замѣчаю, что сегодня среди васъ нѣтъ многихъ изъ тѣхъ, которые были вчера съ вами,—но одни изъ нихъ призваны къ Господу, другіе лежатъ на одрѣ болѣзни и эти всѣ ожидаютъ смерти. Поэтому, какъ я вижу, предаетесь сѣтованію и вы. Вижу великое волненіе въ городѣ, великое смятеніе въ Церкви, неумѣренныя слезы предающихся печали, неумѣстные жесты и поступки у многихъ. Я часто увѣщевалъ и напоминалъ вамъ относительно этого, т. е. того, что слѣдуетъ съ терпѣніемъ и благодареніемъ переносить смерть дѣтей и близкихъ родственниковъ, а не вести себя столь непристойно и не считать погибшими тѣхъ, которые отошли ко Господу, особенно въ томъ случаѣ, когда умираютъ невинные младенцы. Поэтому будемъ оплакивать не ихъ, но скорѣе себя самихъ, проводящихъ жизнь свою во грѣхахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы не будемъ бдительны нынѣ, то когда же, наконецъ, обратимся на истинный путь? Если тебя не въ состояніи образумить смерть брата твоего, то кто будетъ въ состояніи исправить тебя? Если ты не исправишь жизнь свою при видѣ лежащаго предъ тобою мертвеца, то когда же ты будешь умо-

лять Бога? Вотъ мы смотримъ, вотъ научаемся на самомъ опытѣ. Поэтому умоляю васъ, пощадимъ себя, не будемъ напрасно и безполезно волноваться, не будемъ воображать себѣ, что мы безсмертны. Одна дорога смерти для всѣхъ, и нѣтъ другой; она—всеобщая чаша, которую предстоитъ испить всѣмъ; единственный часъ, и часъ тяжелый, единственный мостъ, не имѣющій выхода; всеобщая необходимость, един- 724
ственная дань и всеобщій конецъ; она—божественный, нелицепріятный мечъ. Въ самомъ дѣлѣ, смерть не страшится царя, не оказываетъ почтенія первосвященнику, не жалѣетъ сѣдинъ, не снисходитъ къ красотѣ, не щадитъ юности, не чувствуетъ состраданія къ единственному сыну, не трогается слезами, не трепещетъ предъ начальникомъ, не боится тирана; отъ нея нельзя откупиться деньгами, она не смотритъ ни на лицо, ни на достоинство, но одинаково постигаетъ всѣхъ. Тѣ, которые сегодня находятся съ нами, завтра будутъ лежать тамъ, предъ нами; тѣ, которые сегодня дружески цѣлуютъ насъ, завтра далеко отправляются отъ насъ, возбуждая наше состраданіе; кто сегодня наслаждается жизнію, завтра будетъ въ гробу; люди замѣчательные сегодня—завтра пожираются червями; умащенные сегодня благовонными мазями—завтра будетъ издавать зловоніе; предающіеся нынѣ здѣсь веселію—завтра будутъ плакать тамъ, и, просто сказать, тѣ которые сегодня окружены толпою прихлѣбниковъ, завтра будутъ осуждены. Часто мы, разыскивая ихъ и не зная еще о ихъ смерти, спрашиваемъ другъ друга: гдѣ такой-то начальникъ? и слышимъ въ отвѣтъ: онъ уже скончался. Или: гдѣ тотъ вельможа?—задаемъ вопросъ,—и узнаемъ, что онъ уже умеръ. Гдѣ тотъ гордый царь? Онъ, говорятъ, отправился на тотъ свѣтъ. Гдѣ такой-то другъ? Онъ переселился туда же. Туда? Куда же это? Туда, гдѣ пребываетъ Судія судей; туда, гдѣ Тотъ страшный, что могущественнѣе страшныхъ; туда, гдѣ Царь вѣчный и Судія неподкупный. Туда? Никто не въ состояніи сказать, гдѣ, какъ, въ какомъ мѣстѣ или въ какомъ видѣ обрѣтаются тѣ, которые ушли отсюда раньше насъ; мы знаемъ только одно то, что они находятся тамъ, гдѣ пребываетъ Единый вѣчный, Единый безсмертный, гдѣ Единый благій и человѣколюбивый, Творецъ душъ и тѣлесъ. Они отправились въ то великое и страшное су- 725
дилище, гдѣ нѣтъ веселія, а только печаль, гдѣ нѣтъ украшеній, а помраченіе, гдѣ нѣтъ развлеченія, а испытаніе, гдѣ нѣтъ порицанія, а защищеніе, гдѣ нѣтъ возможности къ обогащенію, а есть ужасъ, гдѣ нѣтъ лицепріятія, а судъ праведный, гдѣ мы всѣ предстанемъ нагими, одинаково рабы и свободные, благородные и незнатные, грѣшные и праведные, богатые и бѣдные,—одни посрамленными, а другіе увѣнчанными. Гдѣ будетъ тамъ надменность царей? Гдѣ гордость начальниковъ? Гдѣ жестокость богачей? Гдѣ лицепріятіе судей? Гдѣ призрачная красота юности? Юность, безсмысленная, надѣющаяся на долгую жизнь; юность, мятежная сердцемъ, заботящаяся только объ удовольствіяхъ; юность.

часто и во многомъ погрѣшающая, злоугождающая плоти; юность, вводимая лестію въ обманъ, грязь, несчастная, трава легко увядающая, колосъ легко сокрушимый; юность, сонъ легко предающійся забвенію, тѣнь безпредметная; юность, не вѣрующій въ Бога возрастъ, лѣнивое сердце, надменный взоръ, свѣтильникъ легко погашаемый; юность, волненіе крови, другъ нечистоты; юность, необузданный конь, способный на всякое губительство. Но, несмотря на это, горделивый здѣсь—является жалкимъ тамъ; упивающійся здѣсь—тамъ нуждается въ каплѣ воды; предающійся злословію здѣсь—тамъ будетъ съ опаленнымъ языкомъ; кто облекается здѣсь въ шелковыя одежды, тотъ предстанетъ тамъ нагимъ. Не говори мнѣ: «дай въ мое распоряженіе сегодняшній день и возьми завтрашній»,—вѣдь я смотрю не на то, каковъ ты здѣсь, но предусматриваю тебя тамъ, гдѣ ты будешь. Не говори мнѣ: «Богъ милосердъ, и если я согрѣшу, Онъ окажетъ мнѣ состраданіе»; но подумай о томъ, что Онъ милосердуетъ здѣсь, а тамъ испытуетъ; снисходитъ здѣсь, но изслѣдуетъ тамъ; здѣсь терпѣливо ожидаетъ обращенія, тамъ же предаетъ огню. Гдѣ, братіе, будетъ тамъ премудрый, гдѣ вельможа? Гдѣ безпокойство? Гдѣ великолѣпные обѣды? Гдѣ пиршество? Гдѣ тѣ, которые съ тимпанами и плясками упиваются виномъ? Гдѣ прихлѣбники и увеселительныя зрѣлища, особенно если братья наши алчутъ и жаждутъ, претерпѣваютъ несчастія и страждутъ, терпятъ наготу, проливаютъ слезы, страстно желаютъ смерти и съ отчаянія ищутъ ее? Ахъ! Эта чаша, столь ужасная для всѣхъ, является желаемой для тѣхъ, которые испытываютъ бѣдствія, и жизнь, страстно любимая всѣми, становится ненавистной для нихъ, и свѣтъ, вожделѣнный для насъ, возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе. Благословенъ Богъ, совершающій все на пользу. Братіе! Смерть не есть зло, она, напротивъ, полезна. Это не мои слова: *смерть мужу покой,*—сказалъ божественный Іовъ (Іов. ш, 23); и это потому, что тотъ, кто умираетъ, не грѣшитъ уже болѣе, прекращаетъ любостяжаніе, перестаетъ умножать злыя дѣла свои и увеличивать тяжесть бремени своего, перестаетъ прогнѣвлять Бога своего. Слушай внимательно: смерть есть утѣшеніе для младенцевъ, смерть—освобожденіе для рабовъ, отдохновеніе для труждающихся, расплата для должниковъ, смерть—это избавленіе для удрученныхъ заботами, облегченіе для утомленныхъ, смерть—препятствіе для грѣха. Если бы намъ не предстояла смерть, мы пожирали бы другъ друга; если бы мы не ожидали пришествія Судіи, мы не имѣли бы надежды на жизнь; если бы мы не ждали наказанія, мы никакимъ образомъ не перестали бы дѣлать зло, и не прекратили бы растлѣвающихъ насъ преступленій. Видишь человѣколюбіе Господа? Наказаніе за преступленіе стало спасительнымъ. Если умершій былъ человѣкъ праведный, то радуйся, такъ какъ онъ съ дерзновеніемъ идетъ къ Господу въ надеждѣ получить покой; если же онъ былъ грѣшникъ, не скорби, такъ какъ онъ избѣгъ

тѣхъ золъ, которыя готовился навлечь на себя. Если бы мы имѣли остаться здѣсь, то было бы справедливо оплакивать умершихъ, но разъ мы всѣ непремѣнно отправляемся туда, то не будемъ такъ скорбѣть о тѣхъ, которые немногимъ опередили насъ, и не будемъ ослаблять нашихъ хорошихъ дѣлъ, совершаемыхъ въ отношеніи къ умершимъ, черезъ дѣла худыя. Или ты не видишь, что совершаемъ мы по отношенію къ прежде отшедшимъ? Мы выносимъ ихъ съ пѣніемъ псалмовъ и гимновъ, знаменуя чрезъ то благодарность Господу, и надѣваемъ на себя новыя одежды, предзнаменуя новую одежду нашего нетлѣнія. Возливаемъ мvро и елей, вѣруя, что мvро крещенія сопутствуетъ имъ, оказывая помощь въ пути; провожаемъ ихъ съ фиміамомъ и восковыми свѣчами, показывая тѣмъ, что они, освободившись отъ настоящей мрачной жизни, направились къ истинному свѣту; обращаемъ гробъ къ востоку, предзнаменуя таковымъ положеніемъ его воскресеніе тому, кто покоится въ немъ. Итакъ, не будемъ мы, вѣрующіе въ воскресеніе, предаваться скорби такъ, какъ прочіе, не имѣющіе надежды. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто не 726
надѣется на воскресеніе, по справедливости считаетъ умершаго погибшимъ. Но пусть утѣшаются этимъ язычники, пусть дѣлаютъ это самаритяне, мы же будемъ внимать Христу и вѣрить, *яко грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. v, 25), возстанутъ находящіеся въ гробахъ и обновится земля.

Итакъ, если мертвые воскреснутъ, а они воскреснутъ несомнѣнно, то, умоляю васъ, не будемъ вести себя такъ непристойно около умершихъ; не будемъ мы, вѣрующіе, подражать невѣрнымъ; не будемъ растерзывать одеждъ своихъ, но скорѣе будемъ сокрушаться душею, такъ какъ испить ту же самую чашу предстоитъ и намъ. Не будемъ всплескивать руками, чтобы не уподобиться язычникамъ; не будемъ приглашать плакальщицъ, чтобы не возбудить еще болѣе гнѣва Божія; не будемъ остригать волосъ на головѣ, чтобы не посрамить Главу нашу—Христа; не будемъ въ теченіе многихъ дней предаваться плачу, чтобы не явиться невѣрующими въ воскресеніе; не будемъ изрекать устами своими никакихъ богохульныхъ словъ, чтобы не причинить тѣмъ вреда и умершему и себѣ самимъ. Ты потерялъ сына? Принеси благодареніе, воспой хвалу, склонись въ благоговѣніи предъ Тѣмъ, Кто взялъ обратно то, что Онъ далъ тебѣ; прославь Того, Кто избралъ Имъ же созданнаго и принялъ нерастлѣннымъ плодъ чрева твоего; прославь Того, Кто спасъ сына утробы твоей; воздай, подобно Іову, поклоненіе Всещедрому; воздай благодареніе за то, что ты сподобился принести Господу безпорочную жертву, жертву святую, даръ чистый, новаго Исаака, подобно тому, какъ сдѣлалъ это нѣкогда Авраамъ. Христосъ взялъ,—поклонимся Ему; Создавшій разрушилъ созданіе Свое,—не будемъ роптать; Творецъ потребовалъ къ Себѣ твореніе,—не будемъ противиться, да мы и не въ

состояніи сдѣлать этого. Ты потерялъ брата? Поклонись благоговѣйно Христу, взявшему его, такъ какъ Онъ нѣкогда ради тебя сталъ смертнымъ. Ты отдалъ младенца? Воздай благодареніе Ему, такъ какъ Онъ нѣкогда ради тебя былъ младенцемъ и возлежалъ въ ясляхъ. Онъ взялъ у тебя раба? Воспой Ему хвалу, такъ какъ Онъ, творецъ всяческихъ, принялъ ради тебя зракъ раба. Ты схоронилъ своего единственнаго сына? Прославь, пади ницъ, проникнись благоговѣніемъ, вспомни, что ради тебя Богъ предалъ на смерть Единороднаго воплотившагося Сына Своего. Ты потерялъ дочь—невѣсту? Воздай благодареніе, чтобы не потерять со скорбію и другой. Ты проводилъ жену, мать дѣтей? Воспой хвалу, будь твердъ, чтобы не оскорбить Бога и не умереть самому. Что ты дѣлаешь, человѣкъ?—я снова повторю то же самое. Ты видишь лежащаго предъ собою умершаго и осмѣливаешься богохульствовать? Присутствуешь при столь великой тайнѣ и противоборствуешь Тому, Кто разлучилъ душу съ тѣломъ? Говоришь Богу: «упокой», а самъ оскорбляешь Бога? Зачѣмъ ты судишься съ Судьею? Зачѣмъ противишься Непобѣдимому? Зачѣмъ возмущаешься духомъ? Зачѣмъ предаешься безмѣрно печали? Ты не видишь, какая это великая тайна? Не знаешь, какой тяжкій конецъ ожидаетъ и насъ? Но какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, мы проходимъ черезъ него. Ты не видишь, что труденъ путь? Но всѣ мы идемъ по нему. Приди въ себя, человѣкъ? Умершій трепещетъ, а ты смѣешься? Онъ истязуется, а ты мечтаешь что-то? Онъ трепещетъ, а ты не приготовляешься? Онъ цѣпенѣетъ отъ изумленія, весь въ тревогѣ, видя то, чего онъ никогда не видалъ, и слыша то, чего никогда не слыхалъ. Поэтому онъ потѣетъ подобно жнецамъ въ полѣ, прощается со всѣми нами и шлетъ всѣмъ послѣднія привѣтствія, пока языкъ не потеряетъ способности говорить. Прощайте, братіе, говоритъ онъ, прощайте, и молитесь за меня! Я отправлюсь въ путь, по которому не шелъ никогда, иду въ міръ душъ, откуда никто никогда не возвращался, въ тѣ страшныя обители, гдѣ для меня нѣтъ спутника, въ то ужасное судилище, гдѣ я не знаю, что станетъ со мною, въ ту неизвѣстную мнѣ область, о которой никто ничего не сообщалъ мнѣ. Вотъ я ищу защитника себѣ,—и никого не находится, кто бы защитилъ меня; вотъ ищу избавителя себѣ,—и нѣтъ никого, кто бы избавилъ меня; вотъ я ищу сопутника себѣ,—и не находится никого сострадающаго мнѣ. Гдѣ отецъ, произведшій меня на свѣтъ, гдѣ мать, въ мукахъ родившая меня, гдѣ братъ? Какъ можетъ избавить одинъ человѣкъ другого тамъ, гдѣ не въ состояніи избавить братъ брата? Вотъ что говорятъ намъ оставляющіе насъ и отправляются затѣмъ въ вѣчный путь свой. *Кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не узритъ смерти?* Или: *кто избавитъ душу свою изъ руки адовы* (Пс. XXXVIII, 49)? Благословенъ Богъ, братіе, за то, что вотъ лежитъ человѣкъ мертвымъ и уже не предается ничему житейскому, вотъ упокоился, вотъ оставилъ все суетное. Не продолжительна была

болѣзнь,—и кончилось все; одинъ часъ,—и тотъ, кто былъ видимъ, становится какъ бы невидимымъ; одно мгновеніе—и *изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою* (Пс. CXLV, 4), изъ которой онъ взятъ. Въ тотъ день погибнутъ всѣ помышленія наши, въ тотъ часъ оставитъ 727
человѣкъ отца своего и мать, друзей и родныхъ, сыновей и дочерей, и отправится одинъ, оставленный всѣми, въ вѣчный путь свой. Пойдемъ вмѣстѣ съ тѣми, которые отправляются въ путь ранѣе насъ, прежде чѣмъ умремъ и мы; сядьте и не причиняйте безпокойства умершему; замолчите и прекратите шумъ; успокойтесь, взгляните и смотрите на великое таинство; трепещите и ожидайте того же самаго себѣ; смотрите вы, цари, и впредь не думайте о себѣ много; смотрите вы, правители, и впредь не гордитесь; глядите на умершаго, лишеннаго жизни, и впредь не считайте себя ни царями, ни правителями. Въ самомъ дѣлѣ, что это за царь, если онъ не избавляетъ и самого себя? Но вотъ и онъ трепещетъ этой чаши, вотъ и онъ, подобно обыкновенному человѣку, испытываетъ безпокойство, вотъ и онъ сталъ совершенно несчастнымъ; тотъ, кто недавно возбуждалъ страхъ, мертвъ; тотъ, предъ кѣмъ вчера трепетали виновные, самъ предстоитъ въ качествѣ виновнаго; вотъ онъ смущенъ, весь потрясенъ, вотъ пропали совершенно вся его мудрость и могущество, вотъ онъ пораженъ совершенно. Онъ видитъ силы ангельскія, и позабылъ о своей собственной силѣ; видитъ страшныя воинства ангеловъ, и познаетъ, что его собственное могущество подобно паутинѣ; видитъ красоту Господню, и измѣнилъ образъ свой; слышитъ приговоръ душѣ своей, и весь вострепеталъ тѣломъ, и съ изумленіемъ и вниманіемъ какъ бы размышляетъ самъ съ собою о томъ, куда дѣвалась надменность царей и могущество правителей. Да! Вотъ истинный порядокъ вещей, вотъ сила крѣпкая, вотъ могущество дѣйствительное, вотъ образы страшные, вотъ воинство безсмертное. Помышляя объ этомъ и подобномъ тому, еще болѣе таинственномъ, что знаютъ одни только уже испытавшіе это умершіе, люди лежащіе на одрѣ болѣзни—одни вскакиваютъ съ мѣста, желая убѣжать, не будучи однако въ состояніи этого сдѣлать, другіе скрежещутъ зубами, иные бьютъ себя по лицу, нѣкоторые жалобно вращаютъ взоры, видя, какъ силы постепенно покидаютъ тѣло, какъ языкъ лепечетъ и старается обезопасить свое сокровище, какъ приступаютъ враждебныя силы, требуя отчета, обвиняя и намѣреваясь похитить, а затѣмъ является и тать, произноситъ приговоръ и исторгаетъ душу изъ тѣла. Тогда намъ настаетъ нужда во многихъ молитвахъ, во множествѣ добрыхъ дѣлъ, въ великомъ предстательствѣ ангеловъ, въ великомъ водительствѣ при нашемъ воздушномъ восхожденіи. Вѣдь если здѣсь, отправляясь въ чужую страну или городъ, мы нуждаемся въ руководителѣ, то сколько защитниковъ и руководителей нужно намъ для того, чтобы спастись и миновать начала, власти и невидимыхъ міроправителей этой воздушной области, которыхъ Священное

Писаніе называетъ гонителями, сборщиками пошлинъ и взыскателями? Доброй спутницей является тогда для насъ милостыня и сострâданіе, такъ какъ онѣ въ состояніи безпрепятственно привести насъ къ вратамъ небеснымъ и спасти; прекрасными защитниками становятся тамъ для насъ бѣдные, къ которымъ мы были милостивы здѣсь, до смерти. Поэтому придемъ прежде сами, прежде чѣмъ предупредятъ насъ; поспѣшимъ, прежде чѣмъ будемъ застигнуты смертію. Жизнь коротка, путь спасенія дологъ, конецъ близокъ, страхъ великъ и нѣтъ никого избавляющаго. Взойдемъ въ гробъ, пока еще находимся въ живыхъ; посмотримъ, чѣмъ станемъ мы спустя короткое время, и не будемъ заблуждаться; посмотримъ, какому подвергнемся мы разрушенію, и исправимся; посмотримъ, во что мы наконецъ обратимся, и позаботимся о кончинѣ. Вы всѣ, взирающіе на красоту, полюбопытствуйте, что становится съ нею во гробѣ; вы надмевающіеся начальствомъ и властію, взгляните на гробы, и убойтесь Бога; вы, питающіе другъ къ другу вражду и злопамятство и не прощающіе, придите и научитесь какъ прощать. Взгляни съ вниманіемъ на гробъ, посмотри на лежащихъ тамъ тѣхъ, которые когда-то были царями; посмотри на тѣхъ, которые были когда-то начальниками, теперь же въ гробахъ; посмотри на страшное зрѣлище останковъ и скажи: какой тамъ царь, какой начальникъ, какой воинъ, какой военачальникъ, какой богатый и какой бѣдный, какой юноша и какой старикъ, какой красивый и какой эѳіоплянинъ? Можешь ли сказать ты, что все это не представляетъ собою праха, что все это не пепелъ, не зловоніе? Или, что все, что было когда-то милымъ, теперь не возбуждаетъ отвращенія? О, безуміе! Что это за великое таинство предо мною? Тотъ, кто вчера былъ для меня желаннымъ, сегодня лежитъ предо мною, возбуждая отвращеніе; кто вчера былъ членомъ моимъ, на того гляжу сегодня, какъ на чуждаго; кого недавно я обнималъ, къ тому сегодня не хочу даже и прикоснуться; обливаю его слезами, какъ близкаго мнѣ, и въ то же время бѣгу отъ
728 гноя его, какъ будто онъ совершенно чуждъ мнѣ. Чувство состраданія побуждаетъ меня подойти къ тому, кто издаетъ уже смрадъ, но меня удерживаютъ сдѣлать это тлѣніе и черви. Я представляю себѣ недавній образъ умершаго, но никакъ не могу усмотрѣть его въ немъ. Куда дѣвалась красота лица? Вотъ оно уже почернѣло. Гдѣ выразительные и красивые глаза? Вотъ они померкли навсегда. Гдѣ красота волосъ? Вотъ она уже пропала. Гдѣ высоко поднятая шея? Она уже сокрушена. Гдѣ полный жизни языкъ? Онъ уже умолкъ. Гдѣ красота рукъ? Она пропала. Куда дѣвался высокій ростъ? Онъ исчезъ. Гдѣ великолѣпныя одежды? Они уже сгнили. Гдѣ благовонные муро и ароматы? Сгнили и они. Гдѣ веселіе юности? Вотъ миновало и оно. И вообще, гдѣ преисполненный гордости человѣкъ? Вотъ онъ снова обратился въ прахъ. Однако не останавливайся мыслію своею только на гробѣ, но перейди затѣмъ и

къ воскресенію; пойми и вѣрь, что находящійся предъ тобою умершій снова воскреснетъ и умолкнувшій нынѣ языкъ снова получитъ способность говорить тогда, когда преклонится предъ Богомъ всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдуетъ Его; и, какъ говоритъ Даніилъ: *зряхъ, дондеже престоли поставишася, и Ветхій денми сѣде. Престолъ Его пламень огненный, колеса его огнь палящъ. Рѣка огненная течаше исходящи предъ нимъ: тысяща тысящъ предстояху Ему и тмы темъ служаху Ему. Судище сѣде, и книги отверзошася* (Дан. VII, 9, 10). Поистинѣ тамъ будетъ великій страхъ, великій трепетъ, невыразимое мученіе, непрестанный плачъ, неумолкаемые стоны. Когда внезапно взойдетъ Судія на высокій и славный престолъ свой, тогда небо совьется подобно свитку, спадутъ звѣзды, предстанутъ силы ангельскія, отверзутся гробы, возстанутъ тѣла, иссякнутъ источники, поколеблются бездны, придетъ въ смятеніе вся земля. Что будетъ тогда съ нами? Какими, въ самомъ дѣлѣ, явимся мы, когда будемъ давать отчетъ за свои дѣла, помышленія, за всякое праздное слово, за прегрѣшенія свои, содѣланныя во дни или въ нощи, вольныя и невольныя? Вотъ о чемъ намъ надлежитъ заботиться, объ этомъ усердно помышлять днемъ и ночью. Какое разумное основаніе укажемъ мы тогда въ свое оправданіе? Чѣмъ защитимъ себя, скажи мнѣ, человѣкъ? Вотъ ты въ теченіе пятидесяти или ста лѣтъ предаешься веселой жизни, обогащаешься, рождаешь дѣтей, женишь сыновей, выдаешь замужъ дочерей, начальствуешь и царствуешь надъ племенами и народами,—и послѣ всего этого наступаетъ смерть, послѣ смерти осужденіе, которому нѣтъ конца и послѣ котораго нѣтъ уже покаянія, потому что, какъ сказано, *нѣсть въ смерти, поминаяй Тебѣ, во адѣ же кто исповѣстся Тебѣ* (Пс. VI, 6)? Поистинѣ никто. И хотя бы мы пришли тогда въ величайшее смущеніе, безконечно умоляли, все-таки не будетъ никого, кто избавилъ бы насъ. Потому-то мы считаемъ особенно блаженными умирающихъ дѣтей, потому-то всѣ мы говоримъ: о, если бы мы умерли будучи дѣтьми! Итакъ, не будемъ предаваться печали, когда увидимъ, что нашихъ дѣтей постигаетъ та участь, которой мы желали бы и для себя. Вѣдь это только для насъ чаша смерти исполнена опасности, для дѣтей же она спасительна, и то, что во всѣхъ возбуждаетъ ужасъ, желанно для нихъ, что для насъ является началомъ имѣющаго постигнуть насъ тамъ наказанія, становится для нихъ источникомъ спасенія. За что, въ самомъ дѣлѣ, потребовали бы отчета у тѣхъ, которые совершенно не испытали грѣха? За что подверглись бы наказанію тѣ, которые не имѣли познанія ни добра, ни зла? О, блаженная смерть счастливыхъ дѣтей! О, смерть невинныхъ! Ты поистинѣ начало новой вѣчной жизни. О, конецъ, становящійся началомъ безконечной радости! Но что говорятъ малодушные? «Это, говорятъ, былъ у меня единственный сынъ, красивый и благородный; онъ былъ продолженіемъ

рода моего, наслѣдникомъ состоянія моего, онъ былъ утѣшеніемъ скорби
моей, онъ былъ опорой въ старости моей, онъ былъ гордостью родины,
онъ былъ отпрыскомъ рода моего, весь пріятный на видъ, кроткій,
обходительный, ласковый, желанный для своихъ и чужихъ, для всѣхъ, кто
видѣлъ и слышалъ его; и вотъ онъ-то, будучи таковымъ, внезапно выр-
ванъ у меня изъ рукъ: тотъ, кого я видѣлъ недавно, не является болѣе
взору моему, но покинувъ родителя своего, ушелъ къ Творцу; оставивъ
меня, питавшаго его, удалился къ Призвавшему: разлученный съ утробой
матери сошелъ въ могилу земли, всеобщей матери. Скажи мнѣ, неужели
мнѣ не оплакивать этого сына? Неужели не буду скорбѣть о немъ? Не-
ужели не буду беречь его, какъ зѣницу ока? Я совершенно не въ со-
стояніи, говоритъ онъ, сдѣлать этого, и хотя бы ты представилъ мнѣ
великое множество доказательствъ, привелъ безчисленное количество
доводовъ для убѣжденія меня въ томъ, что родителямъ не слѣдуетъ
729 оплакивать своихъ дѣтей,—ты не убѣдишь меня, потому что такъ опре-
дѣлилъ самъ Богъ, сдѣлавъ это закономъ природы и вложивъ въ сердце
родителей огонь любви къ дѣтямъ». Но я совсѣмъ не говорю тебѣ
этого, человѣкъ, не поставляю непремѣннымъ закономъ того, будто
совершенно уже не нужно плакать о дѣтяхъ, и если бы я сталъ утвер-
ждать это, я сказалъ бы то, что совершенно невозможно. Вѣдь и я по-
винуюсь законамъ природы и не противлюсь умѣренной скорби, такъ
какъ и я смертенъ, рожденъ матерью и обладаю одинаковыми съ дру-
гими природными свойствами. Я знаю рыданіе отцовъ, знаю стоны ма-
терей, знаю одолѣвающую ихъ безпредѣльную печаль, знаю томленіе
скорби. знаю ихъ любовь къ дѣтямъ и силу воображенія, какъ они живо
рисуютъ предъ собою отсутствующаго сына. какъ будто былъ онъ тутъ
предъ ними, со слезами представляютъ себѣ его образъ, видя какъ бы
предъ глазами своими свойственные ему жесты, слова и всѣ поступки.
Но не такъ поступилъ достойный удивленія Іовъ: когда погибли его
дѣти, рабы, волы, верблюды и все имущество его, онъ не пришелъ въ
смятеніе, не произносилъ хулы, какъ дѣлаютъ это многіе, но всталъ, и
павъ на землю, изъ которой взятъ былъ, поклонился Господу и сказалъ:
*самъ нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отъиду тамо.
Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть.
Буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. 1, 21). Я рабъ и, по-
корный Создателю, не противлюсь Ему; да и не представляетъ собою
ничего ужаснаго это. Умерли сыновья, но не погибли. Какой пастырь
не имѣетъ власти надъ стадомъ своимъ? Добрый пастырь избралъ овецъ
своихъ. Спустя немного отойдемъ отсюда и мы. Будемъ же и мы по-
дражать Іову и не станемъ предаваться безмѣрной скорби. Будемъ пла-
кать какъ вѣрующіе и не будемъ вести себя непристойно, подобно не-
вѣрнымъ; будемъ плакать такъ, какъ оплакивалъ Лазаря Христосъ,—
онъ и заплакалъ для того, чтобы показать тебѣ мѣру и предѣлъ. Зачѣмъ,

въ самомъ дѣлѣ, нужно было Ему плакать о томъ, кого Онъ спустя немного хотѣлъ воскресить? Это Онъ сдѣлалъ для того, чтобы ты узналъ, въ какой мѣрѣ нужно предаваться плачу, чтобы мы обнаруживали и свойственное природѣ нашей состраданіе и не позволяли себѣ подражанія невѣрнымъ, а, наконецъ, умоляли и о томъ, чтобы насъ постигла такая именно участь, какая выпала на долю тѣхъ, которые закончили путь жизни своей въ добродѣтели, свойственной этому возрасту, чтобы намъ, по отшествіи въ тотъ міръ, не увидать собственныхъ дѣтей своихъ наслаждающимися покоемъ, въ то время, какъ сами мы подвергнемся нестерпимому мученію. Вѣдь всѣ дѣти, оставившіе это ненавистное и достойное оплакиванія тѣло прежде чѣмъ они стали причастны нечистотѣ и растлѣнію, обращаются къ родителямъ съ такою рѣчью, выражая ее, если и не словами, то самымъ дѣломъ: не плачьте совершенно безполезно о насъ, отцы! Вѣдь вы хотѣли бы, чтобы мы проводили вмѣстѣ съ вами эту суетную жизнь, гдѣ нѣтъ ничего усладительнаго, а все преисполнено скорби, гдѣ все обманчиво и непрочно, гдѣ нѣтъ ничего вѣрнаго и неизмѣннаго; Господь же и Богъ нашъ, возлюбившій насъ, исторгъ насъ изъ этой суетной жизни, какъ бы изъ пасти льва; удалилъ насъ 730
отъ грѣховъ вѣка сего, подобно тому, какъ розу изъ терній; подобно доброму пастырю отдѣлилъ насъ, какъ возлюбленнѣйшихъ агнцевъ, отъ васъ, какъ будто изъ мрака къ свѣту. И мы проводимъ жизнь свою въ странѣ живыхъ, гдѣ все спокойно и безмятежно, гдѣ все преисполнено свѣтомъ и богоугодно, гдѣ нѣтъ ни одного несправедливаго и жестокаго, гдѣ нѣтъ ни грѣха, ни порока, гдѣ свѣтъ неприступный и радость неизреченная, гдѣ нѣтъ ни труда, ни слезъ, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни заботъ, ни стоновъ, ни рыданія, но гдѣ пребываетъ один только Богъ, восхваляемый и прославляемый. Святые ангелы тихо разлучили насъ съ тѣломъ; мы невредимо миновали начальниковъ и властей тьмы воздушной, такъ какъ имѣли добрыхъ вождей. Они вѣдь не нашли въ насъ того, чего искали; не усмотрѣли въ насъ ничего такого, что они надѣялись увидать. Они увидали у насъ неоскверненное тѣло, и были посрамлены; увидали невинную и чистую душу, и устыдились; увидали неоскверненный, чистый и безпорочный языкъ, и умолкли; мы избѣжали и презрѣли ихъ; побѣдили ихъ и воспѣли, торжествуя надъ ними: *сѣть сокрушися, и мы избавлени быхомъ. Благословенъ Богъ, иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ* (Пс. cxxIII, 7, 6). Поэтому и ангелы, встрѣчая насъ, радовались, праведные привѣтствовали насъ, святые возликовали, говоря: «благополучно пришли агнцы Христовы». Предъ нами открылась сладость рая, явилось предъ нами лоно Авраама, дружески насъ принялъ Господь, обратился къ намъ радостно съ рѣчью, взглянулъ на насъ милостивымъ окомъ, а потому и вписалъ насъ въ книгу живота. Мы же сказали милостивому Судіи: Судія праведный! Ты лишилъ насъ земного, не лиши же насъ небеснаго! Ты разлучилъ насъ съ родителями, не отлучи

же насъ отъ святыхъ! Мы имѣемъ на себѣ неповрежденной Твою печать крещенія, приносимъ Тебѣ, благодаря дѣтству нашему, не оскверненное тѣло. Итакъ, не завидуйте же нашему спасенію, которое обрѣли мы безпорочно такъ рано, и не плачьте о насъ, такъ какъ мы, получивъ нетлѣнное вмѣсто тлѣннаго, перешли отъ худшаго къ лучшему. Мы воспѣваемъ хвалу вмѣстѣ съ ангелами, торжествуемъ вмѣстѣ со святыми, и даже ходатайствуемъ за васъ, пребывающихъ во грѣхахъ; мы сопричислены къ младенцамъ, избіеннымъ за Христа Иродомъ; мы веселимся вмѣстѣ съ сыновьями Іова. Поэтому не тревожьтесь за насъ, а скорѣе плачьте о самихъ себѣ и заботьтесь о вашей собственной праведной кончинѣ; зная же и твердо вѣруя, что Господь взялъ насъ къ Себѣ ради нашей же пользы и сдѣлалъ насъ соучастниками святыхъ, вы, когда юныя и невинныя дѣти, отнятыя отъ васъ, явятся къ намъ сюда, радуйтесь и веселитесь и воспѣвайте вмѣстѣ съ праведнымъ Іовомъ: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословенно* (Іов. I, 21) отнынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

729
О терпѣніи.

Томимые жаждой путники представляютъ въ умѣ своемъ находящійся вдали источникъ и, побуждаемые желаніемъ достичь его, скорѣе спѣшатъ къ нему, чтобы утолить свою жажду и струями его погасить палящій ихъ внутренній жаръ. Точно также и вы, возлюбленные, жаждущіе слова истины, съ охотою устремляетесь къ истинному источнику, Господу нашему Іисусу Христу. Вѣдь это Онъ сказалъ: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ* (Іоан. VII, 37), и еще Онъ говоритъ: *блажени алчущіи и жаждущіи правды* (Мѳ. V, 6). Устремляясь желаніемъ своимъ къ этому источнику, блаженный Давидъ воспѣвалъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже* (Пс. XLI, 2). Но чтобы не показалось, что мы оставили подлежащій теперь нашему изъясненію отдѣлъ Писанія, послѣ такого вступленія обратимся къ прочитаннымъ словамъ; такимъ образомъ намъ покажется болѣе блистательной рѣчь и будетъ пріятна намъ церковь. Возвратимся же къ предложенному. Итакъ, что же означаютъ только что слышанныя нами слова, сказанныя блаженнымъ Давидомъ: *терпя потерпѣхъ Господа, и вняТъ ми, и услыша молитву мою* (Пс. XXXIX, 2)? Великимъ знаменіемъ побѣды явилось предъ нами терпѣніе: мы нашли, что всѣ святые были увѣнчаны терпѣніемъ и имѣли его своимъ учите-
730 лемъ. Посмотри на блаженнаго Авраама, который былъ уже столѣтнимъ старикомъ и не имѣлъ еще дѣтей, и однако чрезъ терпѣніе предъ взоромъ его былъ сладостный плодъ. Дерево потеряло листья, корень былъ преисполненъ силы; тѣло состарѣлось, духъ сохранялъ силу, и чрезъ

терпѣніе онъ получилъ все же плодъ въ лицѣ Исаака. Посмотри на блаженнаго Іова, подвижника міра, боровшагося и разрушившаго силу діавола: сколько боролся противъ него діаволъ, и не сокрушилъ борца? Онъ истратилъ цѣлый колчанъ стрѣлъ, употребилъ осадныя орудія, но не поколебалъ башни; поднялъ волненіе, но не потопилъ корабля; обломалъ вѣтви, но не вырвалъ корня; поднялъ бурю, но не потрясъ скалы. Видишь терпѣніе праведника? Видишь борьбу подвижника? Видишь скалу твердо стоящую? Видишь воина, готоваго къ бою? Видишь башню, незыблемо стоящую? Видишь праведника прославляемаго и діавола, со стыдомъ обращающагося въ бѣгство? Посмотри, если угодно, и на вѣнецъ терпѣнія его. Послѣ того, какъ захвачены были волы его, истреблены овцы, послѣ того, какъ обрушился домъ и погибли сразу сыновья его (вѣдь онъ видѣлъ ихъ родившимися въ различное время, но всѣхъ вмѣстѣ подвергшимися смерти),—итакъ, послѣ столь тяжелыхъ утратъ приступила къ 731
нему жена съ такими словами: доколѣ ты будешь терпѣть, говоря: «подожду еще немного въ надеждѣ спасенія моего?» Вотъ погибли съ земли память твоя, сыновья твои и дочери твои, болѣзни чрева моего и труды, которыми напрасно я трудилась; самъ же ты сидишь въ смрадѣ червей, проводя ночь подъ открытымъ небомъ; а я скитаюсь и служу, перехожу съ мѣста на мѣсто, изъ дома въ домъ, ожидая, когда зайдетъ солнце, чтобы успокоиться отъ трудовъ и болѣзней, которыя нынѣ удручаютъ меня. Но скажи нѣкое слово къ Богу, и умри (Іов. II, 9). Онъ же, взглянувъ на нее, произнесъ эти славныя и всѣми восхваляемыя слова: *аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. II, 10)? Видишь ли изобиліе терпѣнія? Видишь ли непоколебимое знаніе? Постигшія его бѣдствія не ослабили терпѣнія его, и несмотря на то, что они обрушивались на него одно за другимъ, подобно набѣгающимъ волнамъ, корабль не потонулъ. Видишь ли терпѣніе праведника? Видишь ли вѣнецъ, сплетаемый праведному терпѣніемъ? Посмотри и на нищаго Лазаря, болѣе, впрочемъ, богатаго, чѣмъ богачи, какъ и онъ за терпѣніе свое покоится на лонѣ Авраама. Этотъ Лазарь сидѣлъ у воротъ дома богача, снѣдаемый голодомъ, и въ то время какъ тотъ богачъ ежедневно наполнялъ чрево свое разнообразными роскошными яствами, Лазарь неимѣлъ и куска хлѣба, чтобы насытить чрево свое; тотъ кормилъ при хлѣбниковъ, а этого лизали псы; тотъ имѣлъ чаши, переполненныя виномъ, а этотъ успокоивалъ язвы свои; тотъ имѣлъ украшенный золотомъ домъ, дорогія мраморныя украшенія, золотыя покрывала на голову, Лазарь же не имѣлъ и крова; тотъ облекался въ шелковыя и пуховыя одежды, а Лазарь не имѣлъ и рубища. Но смотри, какой былъ плодъ терпѣнія. Вотъ умеръ богачъ (а смерть богатаго—истинная смерть: смерть грѣшниковъ люта), умеръ и Лазарь, или, скорѣе, переселился въ иную жизнь. Онъ взятъ былъ ангелами, сталъ обитателемъ неба, богатый же горѣлъ въ гееннѣ; тотъ въ избыткѣ пользовался водою, а этотъ горѣлъ

въ геенне и страстно желалъ получить хотя бы каплю воды; тотъ покоился на лонѣ Авраама, а этотъ былъ пожираемъ червемъ неусыпающимъ. И посмотри, если угодно, на терпѣніе блаженнаго Лазаря. Онъ не говорилъ въ душѣ: я, проводя добродѣтельную жизнь, претерпѣваю нужду, а онъ, живя нечестиво, пользуется богатствомъ; у него постоянно въ распоряженіи рабы, служащіе ему; онъ почитается людьми счастливымъ, а я несчастнымъ; ему съ великимъ искусствомъ служатъ повара, хлѣбники и хлѣбодары, бани въ городѣ, бани въ помѣстьяхъ, сады и парки. Онъ ежедневно пользовался высочайшимъ почетомъ; земля приносила ему обильные плоды, и онъ не удѣлялъ ничего нуждающимся; деревья, отягощенныя плодами, клонились къ землѣ и онъ, подъ тяжестью золъ, не устремлялъ взора своего на небо. Лазарь же сидѣлъ въ одиночествѣ, терпѣніемъ побѣждая обуревающую его бѣдность. Видишь ли терпѣніе праведника? Видишь ли жестокость богача? Видишь ли терпѣливость бѣднаго? Видишь ли немилосердіе богача? Вотъ, какую награду принесло терпѣніе. Посмотри также и на трехъ отроковъ, пребывавшихъ въ пещи огненной и пренебрегшихъ ею такъ, какъ будто они находились на вольномъ воздухѣ,—какъ эти юноши отважились подвергнуться такому мученію и не помышляли ни о грозномъ пламени, ни о томъ, какія ужасныя мученія они будутъ претерпѣвать. Но у нихъ настолько высока была сила терпѣнія, что они сказали: *аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и тѣлу златому, еже поставилъ еси, не кланяемся* (Дан. ш, 18). Итакъ, они смѣло пошли на мученія и ходили въ печи, воспѣвая Бога, какъ будто бы на лугу или въ зеленѣющемъ саду; и они ходили тамъ подобно человѣку, проводящему жизнь въ веселіи, и говорили: *благословенъ еси Господи, Боже отецъ нашихъ, хвально и прославлено имя Твое во вѣки* (Дан. ш, 26). И смотри, какъ терпѣніе, прозябши, породило затѣмъ смиренномудріе: *яко праведенъ еси о всѣхъ, яже сотворилъ еси намъ* (ст. 27). Хотя бы они и сотворили какіе грѣхи,
732 всѣ ихъ очистила сила пламени, но не смотря и на это они говорили въ терпѣніи своемъ: *яко праведенъ еси о всѣхъ, яже сотворилъ еси намъ*. Видишь терпѣніе праведныхъ? Они не помышляли о томъ, что тѣла ихъ будутъ пребывать въ огнѣ, но оказались тверже стали и настолько мужественными, что даже не стояли въ печи на одномъ мѣстѣ. Они, ходя, благословляли Бога и прославляли Его (ст. 24). И не только они одни, но призывали съ собою всю тварь, солнце и луну, звѣзды небесныя, море и рѣки, источники и озера, и землю, горы и холмы, ущелья и равнины, дни и ночи. И обрати вниманіе на удивительное обстоятельство: они въ порядкѣ воспѣвали и прославляли Бога. Прочти о твореніи міра, и ты найдешь тамъ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. I, 1). Затѣмъ Богъ по порядку совершаетъ твореніе. Такъ и отроки, знавшіе законъ и познавшіе Бога, говорили такъ: благосло-

вите небеса Господа, (благословите) звѣзды небесныя Господа, благословите Господа всѣ воды, которыя превыше небесъ, благословите солнце и луна Господа (Дан. ш, 59 и слѣд.). И смотри наконецъ, что всего удивительнѣе: *благословите Ананія, Азарія и Мисаилъ Господа* (ст. 88). Какъ въ твореніи міра законодатель, повѣствуя объ этомъ, говорилъ послѣ того, какъ закончено было созданіе твари: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію Нашему (быт. I, 26),—такъ и эти отроки, только уже совершенно закончивъ всеобщее пѣснословіе, говорятъ наконецъ: *благословите Ананія, Азарія и Мисаилъ Господа.* Видишь терпѣніе праведныхъ? Видишь сплетенный имъ вѣнецъ? Видишь крѣпость мужественныхъ юношей? Видишь ревность, болѣе сильную, чѣмъ огонь? Видишь уста равноангельскія? Видишь языкъ сослужащій ангеламъ? Видишь терпѣніе подвижниковъ? Они не устрашились смерти, не измѣнились лица ихъ въ виду предстоящаго имъ мученія, но преисполненные веселія и радости они говорили: *аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и тѣлу златому, еже поставилъ еси, не кланяемся.* Видишь ли, какъ во всѣхъ случаяхъ терпѣніе способствуетъ достиженію царства небеснаго? Посмотри, если хочешь, и на блаженнаго Даніила, вверженнаго въ ровъ львиный и научившаго львовъ воздержанію. Вѣдь звѣри не осмѣлились тронуть тѣла пророка, такъ какъ онъ воспитанъ былъ въ терпѣніи. Итакъ, этотъ блаженный Даніилъ, войдя въ ровъ львиный, не устрашился, но обратился съ молитвою къ Богу,—и чрезъ терпѣніе онъ обратилъ жестокость звѣрей въ кротость, ихъ природная жестокость перемѣнилась въ кротость, такъ что Даніилъ стоялъ среди нихъ, какъ пастухъ среди овецъ (Дан. XIV). Видишь измѣненіе природы? И мучитель былъ посрамленъ, и можно было видѣть странное и удивительное явленіе: львы сдѣлались болѣе кротки, чѣмъ царь. Они, получивъ пищу, не смотря на мучившій ихъ голодъ, не осмѣлились коснуться тѣла пророка, предложенной имъ трапезы и вкусной пищи,—они отреклись отъ собственной природы своей по силѣ терпѣнія пророка, и онъ не потерпѣлъ никакого зла отъ нападенія звѣрей, такъ какъ надѣялся на Господа: и самая природа дикихъ звѣрей умѣетъ благоговѣть предъ образомъ Божіимъ. Вотъ почему Давидъ, прекрасно зная, что для боящагося Господа ничего не можетъ быть страшнаго на видъ, говоритъ: *и поперещи льва и змія* (Пс. xc, 13); равнымъ образомъ и Господь говоритъ: вотъ, я далъ вамъ власть наступать на змѣй и скорпіоновъ, и на всю силу вражію (Лук. x, 19), и снова говоритъ Давидъ: *аще бо и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. xxп, 4). Посмотри также, если угодно, и на блаженнаго Илію, заключившаго словомъ своимъ небо на три года и шесть мѣсяцевъ, какъ и онъ пребывалъ въ терпѣніи, не вкушая хлѣба и не употребляя воды, но изъ-за страха предъ Іезавелью удалился въ пустыню и скитался по

ущельямъ: и этотъ столь великій мужъ за терпѣніе свое былъ питаемъ вóронами (3 Цар. xvii, 6). Онъ остался у потока Хораѳа, пребывая въ терпѣніи, и вóроны кормили его, хотя вóронъ по закону и считался нечистымъ. Пусть предстанетъ іудей: какъ возможно это, чтобы пророка твоего кормили вóроны? Скажи мнѣ, какъ возможно это? Вѣдь Моисей назвалъ ворона нечистымъ (Лев. xi, 15), а пророкъ твой получалъ пищу отъ нечистаго. Неужели не было другой птицы? Неужели въ той
733 странѣ не было ни горлицы, ни голубя, если приносилъ пищу вóронъ? Разъясни мнѣ, іудей, этотъ недоумѣнный вопросъ относительно птицы. Развѣ Моисей не далъ закона относительно вóрона и не причислилъ его къ разряду нечистыхъ? Какъ же въ такомъ случаѣ пророкъ, который, какъ ты вѣришь, придетъ въ другой разъ, который вознесся на огненной колесницѣ, который заключилъ небо на три съ половиною года, какъ этотъ пророкъ, силою молитвы своей воскрешавшій мертвыхъ, могъ быть питаемъ вóрономъ? Развѣ тотъ, кто заключилъ небо, не былъ въ состояніи достать себѣ хлѣба? Это сдѣлано было для того, чтобы показать тебѣ, что ветхій завѣтъ разрушалъ постановленіе закона. И этотъ святой провелъ всю жизнь свою въ подвигѣ постояннаго терпѣнія, да и всѣ святые, какъ мы знаемъ, подвизались въ терпѣніи. Посмотри, если угодно и на блаженнаго Давида, какъ онъ былъ самымъ послѣднимъ изъ людей и меньшимъ изъ братьевъ, а потомъ царствовалъ надъ братьями своими; онъ поразилъ камнемъ столь сильнаго врага, обратилъ въ бѣгство полчища его и сокрушилъ силу его подобно паутинѣ, и всетаки, несмотря на такіе подвиги, онъ подвергся сильному преслѣдованію со стороны Саула, хотя Давидъ и оказывалъ ему благодѣяніе,—а именно когда онъ игралъ на гусляхъ, отступалъ злой духъ отъ Саула,—и хотя Давидъ часто находилъ Саула въ такомъ положеніи, что могъ легко убить его, все же по незлобію своему оставлялъ его невредимымъ, а когда Саулъ не разъ покушался убить его, онъ опять таки всецѣло ввѣрялъ себя Богу.

Посмотри также и на блаженнаго Іосифа, подвижника цѣломудрія, какъ и онъ усердно предавался терпѣнію. Прежде всего противъ него злоумышляли изъ-за сновъ братья его. И обрати вниманіе на зависть братьевъ. Если сны вѣрны, то какими средствами возможно предотвратить то, что они предсказываютъ? Если же сновидѣнія ложны, то что завидуете вы тому, кто обольщается ими? И замѣть, возлюбленный, удивительную вещь: онъ видѣлъ, что солнце, луна и одиннадцать звѣздъ покланялись ему. Это услышали его братья, или скорѣе, ученики діавола, наученные отцемъ ихъ діаволомъ зависти и убійству, сестрамъ беззаконія ихъ, которыхъ сочеталъ и Павелъ, сказавъ: *исполненныхъ зависти, убійства* (Рим. i, 29). Они подумали, что онъ будетъ царствовать надъ ними и вознамѣрились убить его. Но блаженный Іосифъ устоялъ въ борьбѣ. Когда братья его пошли пасти скотъ въ Сихемъ, отецъ его ска-

валъ: братья твои не пасутъ ли въ Сихемѣ? Пойди, я пошлю тебя, и посмотри, здоровы ли братья твои и цѣлъ ли скотъ, и принеси мнѣ отвѣтъ (Быт. XXXVII, 13). Когда же онъ отправился къ нимъ, братья издали увидали его идущаго и сказали другъ другу: вотъ идетъ тотъ сновидецъ: пойдемъ убьемъ его, и увидимъ, что будетъ изъ его сновъ (ст. 19, 20). Видишь, какъ совѣщаются они совершить братоубійство? Снова ихъ совѣтникомъ сталъ діаволъ, и они съ готовностію послѣдовали внушеніямъ его. Братъ пришелъ къ нимъ и они сняли съ него одежду, но онъ не лишился терпѣнія. Если онъ и потерялъ покровъ тѣлесный, то не потерялъ цѣломудрія своего и надежды на Бога, но ввѣрилъ Ему защиту свою. Братья его закололи козленка, обагрили кровью его одежду Іосифа и принесли ее къ отцу: узнай, чья это одежда. Отецъ узналъ разноцвѣтную одежду сына, началъ горько скорбѣть и, оплакивая его, сказалъ: хищный звѣрь съѣлъ Іосифа. И поистинѣ дикими звѣрями были тѣ, которые сдѣлали это, и даже болѣе жестокими, чѣмъ самые звѣри, такъ какъ составили заговоръ убить родного брата и рѣшились совершить братоубійство. Но блаженный Іосифъ подвизался въ терпѣніи: онъ былъ брошенъ въ ровъ, но претерпѣлъ и это. Скажите мнѣ, злодѣи, зачѣмъ вы такъ жестоко поступили съ братомъ своимъ? Развѣ недостаточно было для васъ снять съ него одежду, что вы еще бросили его и въ ровъ? Неужели вы не помыслили о томъ, что Богъ на небеси видитъ все? Неужели не содрогнулось тѣло ваше? Неужели не пришло въ ужасъ сердце ваше, когда вы рѣшились сдѣлать это? Неужели вы не знаете, что главная заповѣдь закона *«не убій»*,—и постарались прежде всего нарушить ее, да еще по отношенію къ брату? Затѣмъ братья, посовѣтовавшись между собою, рѣшили продать Іосифа въ рабство. Въ это время шли въ Египетъ измаильтяне. Братья увидали ихъ и, вытащивъ Іосифа изо рва, продали имъ царя своего, чтобы онъ, будучи рабомъ, не сталъ царствовать. Измаильтяне отправились (съ Іосифомъ) въ Египетъ. И замѣть,
какъ одно испытаніе слѣдуетъ за другимъ. Приступила къ Іосифу египтянка 734
и пыталась пагубными рѣчами прельстить праведнаго, говоря: *пребуди со мною* (Быт. XXXIX, 7), и я вознагражу тебя и осыплю дарами: мои рабы будутъ подъ властію твоею, я надѣлю тебя безчисленными сокровищами, отдамъ въ распоряженіе твое весь домъ свой и сама буду служанкой твоей, лишь исполни только желаніе мое, Іосифъ, исцѣли рану души моей, погаси сжигающее меня пламя, ороси пылающее страстью сердце мое, снизойди къ несчастной душѣ моей. Но онъ сказалъ ей въ отвѣтъ: женщина! я никогда не былъ рабомъ, и только благодаря зависти и ненависти попалъ сюда въ рабство. Не оскверняй цѣломудрія моего, не лишай меня благородства моего; я не измѣню чувству своему, не брошусь въ уста смерти, не погублю чести родственниковъ моихъ. Я правнукъ Авраама, который съ дерзновеніемъ бесѣдовалъ съ Богомъ и которому сказалъ Богъ: *воистину благословляя благословлю тя, и умно-*

жая умножу сѣмя твое, яко звѣзды небесныя, и яко песокъ вскрай моря (Быт. XXII, 17). Дѣдъ мой—Исаакъ, тотъ, что готовъ былъ принести себя въ жертву; отецъ мой—Іаковъ, боровшійся съ ангеломъ, тотъ, который видѣлъ лѣствицу небесную, утвержденную отъ земли до неба, и ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ по ней. Ему я прихожусь сыномъ; я не бѣглецъ и не жестокій человѣкъ; я проданъ сюда не потому, что былъ осужденъ, но нахожусь здѣсь только благодаря зависти и ненависти. Когда же египтянка не смогла и такими словами своими склонить Іосифа къ прелюбодѣянію, ни поколебать цѣломудрія его льстивыми рѣчами своими, она удержала его за одежду, онъ же, оставивъ одежду свою, убѣжалъ раздѣтымъ. Видишь ли терпѣніе? Подвижникъ цѣломудрія выбѣжалъ, говоря: изъ-за змѣя мы облеклись въ одежду, чрезъ цѣломудріе снимаемъ ее; изъ-за непослушанія получили одѣяніе, ради заповѣди Божіей, возвѣщающей: *не прелюбы сотвори*, слагаемъ его съ себя. И онъ вышелъ нагимъ, но зато облеченнымъ во Христа. Вспѣнилось уже море, взбушевалось готовое разразиться бурей и потопить корабль вмѣстѣ съ людьми, но оказалось безсильно, и несмотря на такую бурю, онъ плылъ какъ бы по спокойному морю. Какое волненіе подняло оно и все-таки не причинило вреда пловцу! Проломало корабль, но не похитило груза. Сколько причинило тревоги, но не лишило сокровища! Наконецъ, увидѣвши, что она не достигла желаемаго, египтянка начинаетъ уже клеветать и говорить мужу своему: ты ввелъ сюда раба-еврея, чтобы онъ ругался надо мною (Быт. XXXIX, 17). Услышавши это, тотъ воспылалъ гнѣвомъ и ввергъ Іосифа въ темницу. Вѣдь тѣ, которые пребывали во мракѣ, имѣли нужду въ свѣтильникѣ и томимымъ голодомъ нуженъ былъ хлѣбодаръ. Посмотри же здѣсь еще и на новый подвигъ. Не достаточно было для него, что онъ лишенъ былъ отца, не достаточно козней братьевъ и удаленія изъ родной земли, но къ этому присоединились еще нападки женщины и заключеніе въ темницу. Итакъ, возлюбленные, онъ находился въ темницѣ. Въ ту же темницу ввержены были главный виночерпій и главный хлѣбодаръ. Оба они видѣли сны и лица ихъ стали печальны. Увидѣлъ ихъ Іосифъ и сказалъ имъ: отчего у васъ печальныя лица? Они же сказали ему: намъ видѣлись сны, а истолковать ихъ некому. Тогда Іосифъ говоритъ имъ: разскажите мнѣ, что видѣлъ каждый изъ васъ (Быт. XL, 3 и слѣд.). Зачѣмъ говоришь ты это, Іосифъ? Развѣ ты не видѣлъ сновъ? Исполненіе ихъ еще не наступило. Ты видѣлъ, что солнце и луна покланяются тебѣ,—и вотъ ты проданъ въ рабство; ты видѣлъ, что снопы братьевъ твоихъ окружили твой снопъ и поклонились ему,—и вотъ ты заключенъ въ темницѣ. Зачѣмъ же ты спрашиваешь, если благодаря братьямъ своимъ претерпѣваешь несчастіе? Зачѣмъ такъ безумствуешь? Нѣтъ, я не безумствую, говоритъ онъ; я знаю, какой вѣнецъ будетъ мнѣ за терпѣніе, знаю, какая польза будетъ отъ этихъ моихъ бѣдствій, знаю, какъ украшенъ буду за это, потому что

никто не увѣнчивается, если незаконно будетъ подвизаться (2 Тим. II, 5), а также и блаженный Давидъ сказалъ: *терпя потерпѣхъ Господа, и вняmъ ми* (Пс. XXXIX, 2). Видишь терпѣніе подвижника? Видишь постоянство? Видишь непобѣжденное благородство души? Видишь непоколебимаго борца? Видишь того, кто увѣнчанъ за цѣломудріе? Видишь корабль невинности? Видишь кормило юношей? Видишь обузданіе для полныхъ силы? Видишь кормчаго удовольствій? Видишь борьбу его и состязаніе? Итакъ, вы всѣ, юноши, примите во вниманіе это, такъ какъ нѣтъ 735
ничего могущественнѣе терпѣнія. Терпѣніе—это корень всѣхъ благъ, мать благочестія, отпрыскъ веселія, плодъ неувядающій, башня непреоборимая, гавань не тревожимая бурями. Видите, какою благою наградою является терпѣніе? Обратимся, если угодно, и къ блаженной Сусаннѣ, которая также подвизалась въ терпѣніи (Дан. XIII), и посмотримъ на это мужество души въ тѣлѣ женщины, на цѣломудріе женщины, память о которой сохраняется вѣчно вмѣстѣ съ побѣдой. Вѣдь и эта блаженная Сусанна подвизалась на всенародномъ зрѣлищѣ, гдѣ подвигъ ея видѣли и Богъ, и ангелы, и начала и власти. И ея терпѣніе я хочу изобразить въ этомъ словѣ. Итакъ, эта блаженная Сусанна вошла по обыкновенію въ садъ для прогулки, а двое беззаконныхъ старѣйшинъ спрятались въ этомъ саду. Сусанна, подобно одинокому агнцу, гуляла въ саду, а двое старѣйшинъ, притаившись подобно волкамъ, выжидали какъ бы схватить ее. Они нашли ее пребывающей наединѣ и подбѣжали къ ней, она же не устрашилась и не смутилась предъ такимъ ихъ нападеніемъ, но оставалась непоколебимой въ цѣломудріи. Они сказали ей: мы имѣемъ похотѣніе на тебя, покорись намъ; мы старѣйшины народа (тѣ, которые ка- 736
зались управляющими народомъ, сами топятъ себя), намъ подчиненъ законъ (напротивъ, законъ, возвѣстившій: *не пожелай жены искрянняго твоего* (Исх. XX, 17), осудилъ васъ); если же ты не покоришься намъ, мы обвинимъ тебя въ томъ, что съ тобою былъ юноша. Но она, услышавши эти слова, застонала и сказала: *тѣсно ми отвсюду*. Для меня вожделѣннѣе смерть за цѣломудріе, чѣмъ нарушеніе супружеской вѣрности. Тогда они, лишившись добычи, обвинили ее предъ народомъ, но она молчала, зная пользу терпѣнія. Ее осудили за нарушеніе цѣломудрія, возложили руки на нее и она пошла на смерть. Народъ призналъ обвиненіе, но всевѣдущій Богъ возбудилъ Духомъ Святымъ Даніила, который обнаружилъ тайные замыслы, распутство старѣйшинъ и непорочность Сусанны. Первые были посрамлены, а послѣдняя прославлена; тѣ презрѣнны, а эта въ славѣ. Вы знаете теперь, какую великую награду доставляетъ терпѣніе. Поэтому, всѣ, имѣя предъ собою образецъ терпѣнія, подражайте ревностно ему, такъ какъ *претерпѣвый до конца, той спасется* (Мѳ. XXIV, 13), во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

735 # О спасеніи души.

Возлюбленные! Всѣ вы, оставившіе суетныя и тлѣнныя дѣла настоящей жизни, старайтесь, чтобы снова не возвратиться къ нимъ вашею душею. Вѣдь богатство преходитъ, слава погибаетъ, красота увядаетъ, все измѣняется, разсѣивается подобно дыму, проходитъ какъ тѣнь и исчезаетъ подобно сновидѣніямъ. Вотъ почему Соломонъ и говорилъ: *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. I, 2), а также и Давидъ говоритъ: *образомъ ходитъ человѣкъ* (Псал. XXXVIII, 7). Напрасно безпокоятся всѣ тѣ, которые предаются заботамъ о дѣлахъ настоящей жизни,—поистинѣ они напрасно безпокоятся, напрасно тревожатся, напрасно подвергаются невзгодамъ, собирая и сберегая то, что они въ скоромъ времени должны будутъ оставить, чего мы не въ состояніи будемъ взять съ собою, но оставивши все, отправимся къ страшному Судіи нагими, какъ и родились. Хотя бы мы собрали себѣ всѣ сокровища, всетаки мы отправимся отсюда нагими, омраченными, жалкими, печальными, смущенными, смиренными, сокрушенными, въ страхѣ и трепетѣ, пристыженными, скорбящими, опустивши долу лице свое и скрывая его отъ стыда, въ такомъ видѣ пойдемъ мы, въ такомъ видѣ воскреснемъ и предстанемъ на то страшное и ужасное, чуждое всякому лицепріятію судилище, гдѣ трепещутъ ангелы, гдѣ поставляются страшные престолы, гдѣ открываются книги дѣяній нашихъ, гдѣ рѣка огня неугасимаго, гдѣ червь неукротимый, гдѣ безпросвѣтный мракъ, гдѣ холодная пропасть, гдѣ скрежетъ зубовъ, гдѣ непрестанный плачъ, гдѣ неумолкающіе стоны, гдѣ неутѣшная скорбь, гдѣ нѣтъ мѣста смѣху, а только лишь рыданію, гдѣ нѣтъ радости, а только стенаніе, гдѣ нѣтъ удовольствія, но судъ, гдѣ нѣтъ мѣста словамъ, а только трепету. Поистинѣ ужасно слышать, возлюбленные, а еще ужаснѣе видѣть, какъ вся тварь предстанетъ и дастъ отвѣтъ за слова, дѣла и помышленія, которыми мы согрѣшили днемъ или ночью. Великій будетъ тогда, братіе, страхъ, великое бѣдствіе, какого никогда не было и не будетъ до самаго дня того. Тогда явятся ангелы, зазвучатъ трубы, спадутъ звѣзды, солнце померкнетъ, небо совьется (подобно свитку), земля поколеблется, предстанутъ силы небесныя, воскликнутъ серафимы, смятется все, что вверху и внизу, земное и преисподнее, отверзутся гробы, возстанутъ и соберутся тѣла умершихъ и приготовится судилище. Великій будетъ страхъ, невыразимый трепетъ, несказанное будетъ бѣдствіе, которое наступитъ тогда,—ужасная зима, великая скорбь, тяжкое несчастіе, непрестанное смущеніе,
736 великій вопль. Послушай, что говоритъ Даніилъ: видѣлъ я, наконецъ въ ночномъ видѣніи,—что поставлены были престолы и возсѣлъ Ветхій днями. Одѣяніе на немъ было бѣло, какъ снѣгъ, и волосы главы Его, какъ чистая волна, престолъ Его, какъ пламя, колеса Его—пылающій

огонь. Огненная рѣка проходила предъ Нимъ, тысячи тысячъ предстояли предъ Нимъ и тьмы темъ служили Ему; судьи сѣли, и раскрылись книги. Тогда вострепеталъ духъ мой. Я Даніилъ видѣлъ, и видѣнія головы моей смутили меня (Дан. VII, 9—10, 15). Увы! Пророкъ устрашился видѣнія будущаго суда. Что же испытаемъ мы, когда въ дѣйствительности предстанемъ на судъ, когда, будучи собраны отъ востока солнца даже до запада, мы предстанемъ нагими и обнаружимъ отягощающее всѣхъ насъ бремя грѣховъ? Тогда будутъ горѣть въ пламени языки клеветниковъ, и не найдется никого, кто остудилъ бы ихъ; тогда сокрушены будутъ неумолимыми ангелами зубы злословящихъ; тогда задрожатъ связанныя руки сребролюбцевъ и, будучи разрублены на части, испытаютъ ужасныя мученія; тогда заграждены будутъ огнемъ уста празднословящихъ и безъ всякаго милосердія будутъ вырваны глаза у завистливыхъ. Гдѣ тогда будутъ родители, гдѣ братья, гдѣ отецъ, гдѣ мать, гдѣ родственники, гдѣ друзья? Гдѣ надменность царей, гдѣ могущество начальниковъ, гдѣ высокомѣріе властителей, гдѣ гордость судей? Гдѣ рабы и рабыни? Гдѣ украшеніе одеждъ, гдѣ разноцвѣтные драгоцѣнные камни, гдѣ блестящее золото и звонкое серебро? Гдѣ блестящіе перстни и изысканная обувь, гдѣ одежды изъ шелка и виссона? Гдѣ снѣди, благовонныя мази и безполезныя куренія? Гдѣ сберегаемыя сокровища? Гдѣ убранныя ложа? Гдѣ тѣ, которые презирали бѣдныхъ и не заботились о нуждающихся? Гдѣ тѣ, которые мнили себя мудрецами? Гдѣ тѣ, которые, упивались виномъ при звукахъ литавръ и среди плясокъ? Гдѣ тѣ, которые вѣчно смѣялись и насмѣхались надъ людьми благочестивыми? Гдѣ тѣ, которые изнуряли работою рабовъ своихъ и презирали страхъ Божій? Гдѣ тѣ, которые не вѣрили въ будущія наказанія и проводили жизнь, какъ будто бы они были безсмертными? Гдѣ тѣ, которые говорили: будемъ ѣсть и пить, потому что завтра умремъ? Гдѣ говорившіе: дай въ мое распоряженіе сегодняшній день и возьми завтрашній? Гдѣ говорившіе: будемъ наслаждаться настоящимъ и предаваться заботамъ о немъ? Гдѣ тѣ, которые говорили: Богъ милосердъ и не накажетъ грѣшниковъ? О, какъ жестоко раскаются въ своихъ словахъ тѣ, которые говорятъ это! Какъ будутъ скорбѣть они, но не будетъ никого, кто сжалился бы надъ ними! Какъ будутъ стенать, но
никто не избавитъ ихъ! Какъ въ сильномъ сокрушеніи будутъ говорить 737
они: о, горе намъ, потому что мы посмѣялись надъ самими собою, горе, потому что мы погубили себя! Насъ наставляли, а мы не обращали на это вниманія; насъ увѣщевали, а мы пренебрегали увѣщаніями; насъ предостерегали, а мы не вѣрили; слушая Священное Писаніе, мы все же впадали въ заблужденіе. Праведенъ судъ Божій: мы получаемъ достойное по дѣламъ нашимъ. Горе намъ, потому что мы за временныя удовольствія подвергаемся вѣчному наказанію, за кратковременное нерадѣніе ввергаемся въ вѣчный огонь, изъ-за суетной славы лишились

славы Божіей, за мимолетное веселіе лишены радости райской, изъ-за богатствъ тлѣнныхъ потеряли богатство царства небеснаго. Мы наслаждались въ жизни временной, а тѣ, которые лишены были этихъ наслажденій, веселятся здѣсь. Изнурявшіе себя постомъ теперь предаются роскоши, подвизавшіеся предаются веселію въ небесномъ брачномъ чертогѣ, расточившіе свое богатство пожинаютъ съ радостію, плакавшіе наслаждаются вѣчнымъ веселіемъ, презрѣвшіе блага земныя получили небесныя, одни только мы несчастные преданы вѣчному мученію. И вотъ теперь мы взываемъ, но нѣтъ никого, кто смилостивился бы надъ нами, стенаемъ—и нѣтъ спасающаго насъ. Итакъ, чтобы и намъ вмѣстѣ съ такими безумцами не произносить подобныхъ рѣчей въ будущей жизни, придите, предупредимъ похитителя душъ нашихъ; поспѣшимъ, пока еще есть время; будемъ сокрушаться, покаемся, возстанемъ, молю васъ, отъ сна нерадѣнія нашего, сбросимъ съ себя бремя грѣховъ и безпечности нашей, простремъ руки наши къ могущему спасти насъ и скажемъ: *Господи, Спаси ны, погибаемъ* (Мѳ. VIII, 25)! Поспѣшимъ только прежде, чѣмъ зайдетъ солнце, прежде, чѣмъ заперты будутъ двери, прежде, чѣмъ наступитъ ночь. Вѣдь никто не предается занятіямъ послѣ того, какъ будетъ распущено собраніе; никто не увѣнчивается, никто не подвизается послѣ того, какъ окончится зрѣлище. Поэтому поспѣшимъ; необходимо, братіе, спѣшить и спѣшить сильно, чтобы намъ поспѣть во время, чтобы и намъ, когда мы будемъ стучаться, не услышать въ отвѣтъ: *не вѣмъ васъ;* поспѣшимъ поскорѣе, хотя бы нѣсколько и пристыженные. Сколько разъ мы оскорбляли Господа? Сколько разъ прогнѣвляли благодѣтеля? Онъ оказываетъ намъ благодѣянія, а мы ежедневно пренебрегаемъ ими; Онъ милосердствуетъ о насъ, а мы отвергаемъ милости Его; Онъ питаетъ насъ, заботится и защищаетъ насъ, а мы ежедневно нарушаемъ заповѣди Его и не стыдимся. Устыдимся же, наконецъ, потому что время близко, наступаетъ день суда, и намъ нужно будетъ дать отчетъ во всей нашей жизни. Перестанемъ же, наконецъ, предаваться неумѣренной роскоши и постыдному смѣху, чтобы не плакать горько въ будущемъ; перестанемъ злословить, ненавидѣть и обижать братьевъ; перестанемъ собирать себѣ сокровища, предаваться сластолюбію и блуду; предадимся молитвамъ, моленіямъ, чтенію слова Божія, посту и покаянію; обновимъ жизнь свою, исповѣдуемся, обратимся на путь истины, потому что—время обращенія. Покаемся, будемъ плакать, явимъ предъ Богомъ истинное раскаяніе и возненавидимъ грѣхъ; понесемъ здѣсь, молю васъ, малые труды, чтобы потомъ не подвергнуться великому наказанію; будемъ, братіе, подвизаться заблаговременно, чтобы не подвергнуться вѣчнымъ мученіямъ. Время коротко, судъ продолжителенъ, конецъ близокъ, страхъ великъ, и не будетъ никого, кто смилостивился бы надъ нами. Каждый будетъ желать вернуть время, которое онъ потратилъ дурно, но не получитъ его. Горе клеветнику, потому что онъ, горя въ пламени, будетъ

просить капли воды, и не получитъ ея! Горе невѣрующему, потому что онъ подвергнется вѣчному наказанію! Горе нерадивому, потому что онъ отправляется къ строгому Судіи! Горе тому, кто не предавался подвигамъ, потому что онъ преданъ будетъ неумолимымъ ангеламъ! Теряющій золото находитъ вмѣсто него другое, но нельзя найти другого времени покаянія. Не будемъ, братіе, щадить тѣлъ нашихъ, но будемъ изнурять ихъ, такъ какъ *блажени алчущіе и жаждущіе, блажени плачущіе* (Мѳ. v, 6). Вѣдь тѣло—это земля, и вотъ наступитъ часъ, придетъ страшный, тягостный и неизбѣжный день, и земля возвратится въ землю, 738
и прахъ снова станетъ прахомъ. Будемъ же, возлюбленные, бодрствовать, умоляю васъ о томъ, отправимся въ путь, успокоимся; наступитъ, несомнѣнно наступитъ часъ смерти нашей,—не будемъ же обольщать сами себя. Пусть, возлюбленные, мы будемъ роскошествовать, пусть будемъ обогащаться въ теченіе пятидесяти или ста лѣтъ; потомъ настанутъ болѣзни и старость, а что будетъ послѣ этого? Слабость и смерть и тотъ ужасный часъ, котораго мы ждемъ, котораго страшимся, и все же не заботимся о немъ. Великій страхъ обойметъ насъ тогда, братіе, такъ какъ ужасно видѣть, какъ душа будетъ отдѣлена отъ тѣла; велико мученіе того часа, когда языкъ не въ состояніи внятно произнести слова, когда мы безпрестанно обращаемъ взоры наши во всѣ стороны, узнаемъ окружающихъ насъ друзей и братьевъ, и все-таки не можемъ сказать имъ слова. Мы слышимъ, какъ они плачутъ о насъ, и не въ состояніи утѣшить ихъ; видимъ скорбящихъ и рыдающихъ дѣтей, и переселяемся въ иную жизнь со скорбію о нихъ. Да и что я говорю о дѣтяхъ? Вѣдь въ тотъ часъ мы не въ состояніи заботиться ни о дѣтяхъ, ни о братьяхъ, и никакая другая забота не будетъ владѣть нами, кромѣ помышленія о грѣхахъ нашихъ, о томъ, какъ мы предстанемъ предъ Судіей, какой отвѣтъ дадимъ Ему, какая ожидаетъ насъ участь. И вотъ, когда мы будемъ размышлять объ этомъ, внезапно явятся предъ нами неумолимые ангелы. Тогда, при видѣ ихъ, мы, если окажемся не готовыми, сильно смутимся, будемъ пытаться убѣжать съ одра смерти, но окажемся безсильными сдѣлать это, будемъ умолять жалобными взорами, печальнымъ лицемъ своимъ, склонять, просить, говоря имъ: смилуйтесь надо мною, ангелы, страшные предстатели предъ престоломъ Божіимъ, и не уносите меня, не принесшаго добрыхъ плодовъ и нечистаго, къ Судіѣ; не разлучайте меня грѣшнаго съ тѣломъ,—прошу и умоляю васъ объ этомъ; будьте милостивы и благосклонны, и позвольте мнѣ хотя въ теченіе короткаго времени принести покаяніе, сокрушаться, плакать, творить милостыню, такъ какъ я дурно потратилъ и провелъ свою жизнь. Но ангелы, выслушавъ эти слова, скажутъ намъ: о, несчастная душа! Ты проводила всѣ дни свои въ безпечности, а теперь хочешь каяться? О, погибшая душа! Солнце зашло для тебя, время твое окончилось, и Богъ повелѣлъ разлучить тебя съ тѣломъ. Иди и прими осужденіе на

вѣчный огонь по дѣламъ твоимъ: для тебя нѣтъ уже надежды на спасеніе, но предстоитъ тебѣ вѣчное мученіе. Возлюбленные! Слыша эти слова и вѣруя, что они истинны, а не вымышленны, будемъ подвизаться, прежде чѣмъ наступитъ тотъ часъ, и если мы привыкли грѣшить, то исторгнемъ такую привычку покаяніемъ. Не будемъ, братіе, обольщать себя: есть будущій судъ и вѣчное наказаніе, огонь неугасимый и червь неумирающій, тьма внѣшняя и преисподняя, скрежетъ зубовъ и великій плачъ, какъ повѣдалъ намъ о томъ Господь въ Евангеліи; а непреложенъ Тотъ, Кто сказалъ: *небо и земля мимо идетъ, словеса же Моя не мимо идутъ* (Мѳ. XXIV, 35). Поэтому всѣ мы, проводящіе жизнь свою въ грѣхахъ, устрашимся и вострепещемъ, и приложимъ свое стараніе къ тому, чтобы путемъ покаянія сподобиться намъ пребывать со святыми. Не говори: я укралъ, я убилъ, я блудодѣйствовалъ, и меня не приметъ Богъ! Не говори ничего подобнаго, потому что Онъ принимаетъ всѣхъ, какъ принялъ разбойника, мытаря и блудницу. Не будемъ только отчаиваться, не будемъ, умоляю васъ, безпечными. Будемъ стучаться путемъ покаянія и говорить: Господи, отверзи намъ, недостойнымъ и грѣшнымъ! Не отвращайся отъ насъ ради имени святаго Твоего, но смилуйся надъ нами и не лиши насъ царствія Твоего! Ты бо еси Богъ отчаивающихся, спасеніе всѣхъ, прибѣгающихъ къ Тебѣ, и Твое есть царство, и сила и слава со безначальнымъ Отцемъ и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

739 Къ оглашеннымъ.

На мірскихъ состязаніяхъ многіе раздѣляютъ трудъ, участвуя въ бѣгѣ, а одинъ получаетъ побѣдный вѣнокъ; трудъ и потъ борьбы здѣсь для многихъ, а радость награды достается одному. Въ нашемъ же духовномъ ристалищѣ церкви у всѣхъ хотя одинъ бѣгъ благочестія, но сколько бѣгущихъ, столько и вѣнцовъ. И нѣтъ ничего удивительнаго. Среди состязующихся стоитъ здѣсь богатый и ни въ чемъ не имѣющій недостатка раздаятель наградъ—Христосъ, принимающій и желаніе каждаго за самый подвигъ и воздающій всякому соотвѣтствующую награду. Онъ не оказываетъ предпочтенія вельможѣ и не презираетъ бѣдняка; не оказываетъ вниманія человѣку, пользующемуся славой, и не отвергаетъ слабаго, не вѣнчаетъ сѣдины и не уничижаетъ юности, не посмѣвается праведнику и съ гнѣвомъ не взираетъ на прибѣгающаго грѣшника: Онъ всѣмъ одинаково распростираетъ сѣть щедротъ, всѣхъ одинаково влечетъ въ мрежу благочестія. Онъ предложилъ ее одну и ту же для всѣхъ, и, какъ мы только что слышали, ко всѣмъ велегласно обращается съ призывомъ человѣколюбія: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѳ. XI, 28). Пріидите всѣ, преплывающіе

это горькое море жизни, ввѣрьте Мнѣ кормило спасенія: Я умѣю бороться противъ дьявольскихъ утесовъ и доставлю вамъ необуреваемый путь спасенія. Пріидите всѣ: угрожаетъ великая буря грѣха; у Меня есть пристань, которая спасаетъ человѣка и топитъ діавола. О, призывъ, обнажающій грѣхъ! О, гласъ, похищающій всю силу демона! О, врачество, идущее ко всякому больному! О, даръ, льющійся безпрепятственно желающимъ! О, источникъ, спѣшащій напоить всѣхъ жаждущихъ жизни! *Аще кто*, говоритъ, *жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ и піетъ* (Іоан. VII, 37),—если, т. е., кто жаждетъ источниковъ спасенія, если кто желаетъ воды жизни, если кто помышляетъ объ истинномъ вѣдѣніи, если кто жаждетъ жаждой благочестія. Жаждалъ и Іуда жаждой предательства; жаждалъ и Иродъ погибелью младенцевъ; жаждала синагога убійствомъ пророковъ; жаждала Іезавель виноградника Навуѳея; жаждала Далила безсилія Сампсона; жаждала Иродіада крови Предтечи; жаждали іудеи смерти Спасителя,—но жаждали жаждой, приносящей погибель, жаждали жаждой, причиняющей болѣзненный жаръ, жаждали жаждой, причиняющей наказаніе. Если же кто жаждетъ, какъ жаждалъ Закхей Моего лицезрѣнія, какъ жаждала кровоточивая исцѣленія, какъ жаждала блудница омовенія отъ грѣха, какъ жаждалъ Матѳей достоинства евангелиста, какъ жаждалъ разбойникъ рая, какъ жаждалъ Ѳома осязанія животворящихъ ранъ, какъ жаждалъ евнухъ царицы эѳіопской крещенія, пламенѣя принять которое, воскликнулъ апостолу: *се вода: что возбраняетъ ми креститися* (Дѣян. VIII, 36)?—(тотъ пусть приходитъ и пьетъ). Слушай, оглашаемый: источникъ жизни не только зоветъ, но и увѣщеваетъ. *Пріидите*, говоритъ, *вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы*. Я готовъ всячески облагодѣтельствовать родъ человѣческій, дождемъ хочу источить источникъ даровъ благодати. Пріидите всѣ; хотя бы десятки тысячъ было немощныхъ, пусть всѣ приходятъ. Пусть никто не считаетъ Меня врачемъ, который можетъ изнемочь, врачуя вселенную: Я не устаю отъ врачеванія, разъ Я не оказался медлителенъ въ созданіи; богатства Моего не уменьшаетъ міръ, получая участіе въ благахъ Моихъ; даруя, Я не дѣлаюсь бѣднымъ; когда Меня расхищаютъ, Я радуюсь, когда Меня разворяютъ, услаждаюсь; Я не уменьшаюсь, когда Меня опустошаютъ, и Мнѣ пріятно, когда Меня обкрадываютъ; свидѣтельницей тому—кровоточивая, которая украла и за то увѣнчана была и по душѣ и по тѣлу. *Пріидите вси труждающіися*. Видишь ли, христолюбецъ, какъ велика щедрость Создателя къ роду человѣческому? Что же ты нерадишь, оглашаемый? Что медлишь? Приди къ Господу, Который зоветъ тебя. Не слышишь ли, какъ мудрецъ увѣщаетъ тебя, говоря: *не медли обратитися ко Господу и не отлагай день отъ дне, внезапу бо изыдетъ гнѣвъ Господень* (Сир. V, 8, 9). Онъ сокращаетъ время, зная, какъ легко и быстро измѣняется человѣческая природа. Въ самомъ дѣлѣ, многіе, допускавшіе незначительную отсрочку, полагали, что они мудро по-

заботились о себѣ въ обоихъ отношеніяхъ,—надѣясь не лишиться участія и въ ожидаемыхъ благахъ, и въ то же время разсчитывая воспользоваться пока удобнѣе жизнью,—но прежде чѣмъ воспользоваться необходимымъ, были похищены смертью и преданы вѣчнымъ мученіямъ и наказаніямъ; думая скрасть себѣ нѣсколько времени, они не подумали о томъ, что у нихъ похищается все спасеніе неожиданною смертію, постигшею ихъ до наступленія старости. Потому-то Господь Христосъ и назвалъ смерть человѣка татемъ,—*яко же*, говоритъ, *тать въ нощи, тако пріидетъ* (1 Өесс. v, 2),—чтобы мы, страшась неожиданности ея нападенія, не надѣялись на продолжительный срокъ, назначенный намъ. Мы не имѣемъ власти отсрочить время, не можемъ продлить жизнь свою, какъ хотѣли бы. Потому намъ и не дано вѣдѣнія нашего преставленія, чтобы мы уменьшали безмѣрность своихъ грѣховъ, научаясь страхомъ смерти быть воздержнѣе. Пересчитаемъ, сколько людей каждый день относится на кладбище; посмотримъ, какое тутъ множество юношей попадается среди старцевъ. Зачѣмъ же ты, оглашаемый, небрежешь о безопасности своей души, и, отвергнувъ страхъ смерти, представляешь мнѣ время, какъ сильнаго противника? Сколько людей, наслаждавшихся удовольствіями жизни и похвалявшихся своимъ здоровьемъ какъ бы неизмѣнной силой, неожиданно было унесено, какъ пыль вихремъ, въ могилу! Итакъ, поелику мы не въ силахъ опредѣлить себѣ срокъ жизни, не будемъ отвергать страхъ кончины. Сколько безпечныхъ, ожидавшихъ долговѣчной жизни, погибло подъ пепломъ пожаровъ? Сколько поглощено землетрясеніями? Скольнихъ погребло море во время плаванія? Скольнихъ поглотило внезапное разверстіе земли? Скольнихъ путешественниковъ увлекли разлившіяся рѣки? Сколько погибло отъ нападеній звѣрей и разбойниковъ? Сколькихъ скосилъ мечъ войны? Сколькихъ истребили неожиданныя болѣзни? Сколько людей, покинувшихъ свое отечество, приняли смерть и не удостоились даже общаго погребенія? Не слышишь ли, какъ часто взываетъ Господь и возвѣщаетъ близость конца? *Сѣкира при корени* деревъ *лежитъ* (Мө. III, 10). Что такое сѣкира? Смерть. Что такое корень? Жизнь человѣка. Кто сѣкущій? Приговоръ Господа, который выражается въ посѣченіи: *земля еси и въ землю отыдеши* (Быт. III, 19). Итакъ, отвратившись отъ нея, придемъ на зовъ Христа; поспѣшимъ перейти изъ тьмы къ свѣту; поспѣшимъ къ Господу, Который дастъ намъ упокоеніе, подчинивъ плоть духу; поспѣшимъ, устремимся быстрѣе смерти, предваримъ ангеловъ, являющихся для заступничества за насъ. Настоящая жизнь подобна слову, и срокъ жизни проходитъ какъ тѣнь. Время уходитъ, а образъ жизни не улучшается; дѣла текутъ впередъ, Судія ждетъ, повелѣніе поспѣшаетъ, приступаютъ ангелы, обвиняетъ совѣсть,—и что мы сдѣлаемъ, когда будемъ призваны на судъ? Итакъ, возлюбимъ добрую жизнь, возненавидимъ привычку грѣшить, позаботимся о будущемъ своемъ оправданіи, пріобрѣтемъ чистоту жизни,

потому что только чистые сердцемъ узрятъ Бога (Мѳ. v, 8); возлюбимъ вѣнцы, даруемые Господомъ, съ великимъ усердіемъ совершимъ стезю жизни, имѣя помощникомъ въ подвигѣ самого подвигоположника Христа, потому что *любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое* (Рим. VIII, 28). И даже еще болѣе удивительное выслушай: во время подвига Господь самъ помогаетъ борющимся, и въ часъ побѣды сидитъ въ качествѣ раздаятеля наградъ; укрѣпляетъ на борьбу, и самъ же немного спустя возлагаетъ вѣнцы; соратоборствуетъ, сообщаетъ борцу силу, даетъ средства для побѣды, и вслѣдъ затѣмъ самъ же воздаетъ награды какъ побѣдителю. Откуда это видно? Послушай, какъ восклицалъ Давидъ: *съ нимъ есмь въ скорби, изму его и прославлю его* (Пс. хс, 15). О, неизреченное человѣколюбіе! О, превысшая всякаго слова благость! Въ самомъ дѣлѣ, смотри, что говоритъ Господь. Во время, говоритъ, скорби Я съ нимъ, принимаю участіе въ его трудномъ положеніи, исторгаю изъ опасности. Все это Я дѣлаю какъ помощникъ въ борьбѣ. Вслѣдъ же за тѣмъ, въ качествѣ уже раздаятеля наградъ и Господа, проявляю свою щедрость, говоря: *прославлю его, долготою дней исполню его.* То же дѣлаетъ обычно Господь и въ отношеніи къ подающему милостыню: Онъ 741
сгибаетъ руку нищему, принимающему милостыню. Когда ты слышишь про руку Христа, разумѣй длань, носящую предѣлы вселенной. Итакъ, Онъ неизреченно протягиваетъ десницу, тайно принимаетъ оболы, замѣчаетъ лицо дающаго, на землѣ принимаетъ благодѣяніе, и на небѣ уготовляетъ награды. Какъ же, и когда совершаетъ Онъ воздаяніе? *Егда пріидетъ*, говорится, *Сынъ человѣческій во славѣ* Отца Своего *и вси святіи ангели съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы своея, и соберутся предъ Нимъ вси языцы: и разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже разлучаетъ пастырь овцы отъ козлищъ: и поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю.* И *речетъ сущимъ одесную Его: пріидите благословенніи Отца Моего* (Мѳ. xxv, 31—34),—потому что вы нашли въ Судіи должника; не бойтесь престола, но притеките къ сидящему какъ къ облагодѣтельствованному вами; представляю вамъ росписку, которую выдалъ вамъ; не скрываю благодѣянія, чтобы вы не потеряли чего-нибудь изъ Моей благости; не отрицаю подаянія вашего, но спѣшу воздать за него. Пріидите, вы проявили сѣмя милосердія, Я уготовилъ вамъ жатву радости. Скажи, Господи, по какой причинѣ? Я взалкалъ, и вы дали Мнѣ ѣсть. Пусть же никто не отвергаетъ нищаго какъ безсильнаго, потому что отвергающій его отвергаетъ алчущаго Судію буду- 742
щихъ вѣковъ. Итакъ, пріобрѣтемъ себѣ должника въ лицѣ Того, кто будетъ судить насъ на томъ свѣтѣ. *Милуяй нища*, сказано, *взаимъ даетъ Богови* (Прит. xix, 17). Потщимся стать достойными жребія стоящихъ одесную, возненавидимъ мерзкое сродство съ козлищами, будемъ стремиться къ общенію съ агнцами. Въ нашей вѣдь власти избрать себѣ лучшее. Для того Судія и предвозвѣстилъ намъ этотъ страшный Госпо-

день судъ, и суровый приговоръ, чтобы мы, зная угрозу, могли избѣжать злостраданія. Не пройдемъ вниманіемъ изреченія Павла: *снисканіе веліе благочестіе* (1 Тим. VI, 6). Оно не подлежитъ отчету (но въ потребное время помышляетъ о суровости Судіи), не боится обвиняющаго голоса предъ престоломъ, не ожидаетъ осужденія, но ждетъ утѣшенія; оно есть преизобильное вкушеніе благъ, неотъемлемое богатство, неизмѣнное достоинство, неизсякаемая прибыль, предходящая помощь, сопутствующая благодать, услада сердца, веселіе души, отрада совѣсти, скорое оправданіе, источникъ дерзновенія. *Благочестіе на все полезно есть* (1 Тим. IV, 8), имѣя обѣтованія жизни настоящей и будущей, которой и мы да сподобимся достигнуть благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

741 Порицаніе растлѣвающимъ дѣвъ Христовыхъ.

Что сказать вамъ, жалкіе и несчастные, вожди злыхъ похотей? Какъ вы хотите избѣжать руки Бога живого? Что сдѣлаете вы, когда Обручившійся съ этою дѣвою придетъ судить живыхъ и мертвыхъ? Что скажете вы въ свою защиту, совершивъ такое преступленіе противъ невѣстъ Христовыхъ? И вы до такой степени простерли свою дерзость? И вы не трепетали? Не убоялись? Не содрогнулись отъ ужаса? Не пощадили своихъ душъ? Или не знаете, что тяжелѣе этого преступленія нѣтъ ни одного? Или не знаете, что дѣвы—это храмъ Божій? Или не знаете, что Духъ Божій обиталъ въ нихъ? Тѣхъ, которыя ежедневно бесѣдуютъ со Христомъ о неизсякаемыхъ и вѣчно пребывающихъ брачныхъ дарахъ, и которыхъ Павелъ привелъ и представилъ Христу чистыми дѣвами, вы загрязнили навозомъ и зловоніемъ? О, какъ вы дерзнули растлить невѣстъ Христовыхъ, вы, виновники злой похоти? Если осмѣлится кто-нибудь поступить такъ съ дѣвицей сорабой, то не остается безъ взысканія; а вы, вооружающіеся противъ невѣстъ Христа, общаго и имъ и вамъ Господа, неужели надѣетесь избѣжать наказанія? Не слышали ль вы, что говоритъ апостолъ: *судъ безъ милости не сотворшему милости* (Іак. II, 13)? И что можетъ быть печальнѣе этого? Однимъ мечемъ вы совершаете два убійства, убивая и себя, и ихъ, потому что такое растлѣніе въ глазахъ здравомыслящихъ есть смерть. О, кто не возстенаетъ, кто не оплачетъ, кто не возскорбитъ и не возрыдаетъ о такомъ преждевременномъ убійствѣ? Кто не оплачетъ такую неожиданную смерть? Кто не поскорбитъ о томъ неправедномъ пораженіи? Брачные дары и росписка хранятся у законнаго мужа, соединившагося непорочно, у небеснаго жениха Христа, и дѣва предается обольстителю? Но скажетъ которая-нибудь: я соединилась съ Христомъ по необходимости; у

меня не было намѣренія соединяться съ Нимъ; я хотѣла соединиться съ сорабомъ. И ты. несчастная. осмѣлилась говорить противъ себя же самой? Пусть ты не имѣла расположенія и любви къ Господу, но Онъ возжелалъ тебя. Слушай, несчастная, я скажу тебѣ и увѣрю тебя въ этомъ хотя бы тѣмъ, что бываетъ въ этомъ мірѣ. Говорю о дѣлахъ житейскихъ: если одинъ вмѣсто другого похититъ дѣвицу, то при равенствѣ условій того и другого, такое похищеніе признается дозволительнымъ, и законъ и царь попускаютъ похищеніе, потому что похититель имѣлъ въ виду не обезчестить, а почтить, и могъ представить приданое и брачные дары. Итакъ, если у людей нѣтъ никакой измѣны въ данномъ случаѣ, поскольку она происходитъ согласно преднамѣченной цѣли, то что же скажешь въ свою защиту ты, похищенная вопреки твоимъ ожиданіямъ 742
Господомъ? Не необходимостью называю я то, что ты удостоилась сочетаться съ Господомъ. а строительствомъ и человѣколюбіемъ Господа, желавшаго, чтобы ты, недостойная, подъ видомъ необходимости стяжала превысшій тебя безпорочный бракъ. Итакъ не говори: я по нуждѣ избрала дѣвство; не будь неблагодарна небесному Жениху, который удостоилъ взять тебя, рабыню, не имѣющую ни приданаго, ни знатнаго рода. Ты Его рабыня, если бы и не хотѣла того. Потому умоляю тебя, дѣва, быть покорной безъ всякаго противорѣчія и постыдныхъ разсужденій. И если ты еще не нарушила духовнаго брака, храни непоколебимо договоръ; если же преступила и пала, встань, умоляю тебя, встань. Подлѣ тебя стоитъ благой и человѣколюбивый Господь, презрѣнный тобою; Онъ не отвергаетъ сожительства съ тобою; подай Ему свою руку. Если ты позорно отвергла первую руку, то не отвергай по крайней мѣрѣ эту. Онъ не презираетъ твоихъ ранъ, а лѣчитъ язву души и тѣла, потому что Онъ сострадательный врачъ. Открой Ему исповѣданіемъ болѣзнь твою, чтобы Онъ незримо возложилъ спасительное врачество, потому что Онъ не пришелъ призвать праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію. Онъ пришелъ къ тебѣ лежащей; встань же, возьми одръ твой, и иди въ домъ твой, то есть, въ пристань покаянія. Впредь не смотри ни плотскими, ни духовными очами на своего обольстителя, виновника геенны и червя неусыпающаго. Возьми, говоритъ, возьми отсюда, потому что не хочу, чтобы ты лежала. Разорви символъ грѣха; омойся слезами, омойся не въ купальнѣ, а въ церкви. Богъ силенъ даровать тебѣ прежнее достоинство. Не учи горшечника, какъ исправить свое созданіе. Ты согрѣшила? Молчи, не говори: какъ можно быть возстановленной въ прежнемъ достоинствѣ? Не говори такъ, дѣва, потому что *Богъ оправдаяй* и *кто осуждаяй* (Рим. VIII, 33, 34). Слушай, какъ Господь порицаетъ отчаяніе, говоря чрезъ Іеремію пророка: *или ритины нѣсть въ Галаадѣ, или врача нѣсть тамо? Чесо ради* не пришло исцѣленіе *дщере людей моихъ* (Іер. VIII, 22)? О, сострадательный врачъ! Не въ преступленіи обвиняетъ, а въ нерадѣніи. Не сказалъ: за-

чѣмъ ты получила рану?—а: зачѣмъ не получила исцѣленія? Не сказалъ: зачѣмъ ты пала?—а: зачѣмъ не встала? А что Господь хочетъ чрезъ покаяніе сдѣлать тебя еще болѣе славною, послушай, какъ Онъ
743 говоритъ о томъ чрезъ пророка Исаію: *аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю* (Ис. I, 18). И апостолъ не болѣлъ бы безполезнымъ трудомъ, если бы не получилъ напередъ удостовѣренія въ благости Господа; не говорилъ бы: *чадца моя, ими же паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Гал. IV, 19). Такъ какъ ты, говоритъ онъ, созданную по образу Божію душу свою предала душегубителю демону, сдѣлавъ члены Христа членами блудницы, то я до тѣхъ поръ не перестану стенать и скорбѣть, пока не увижу опять вообразившагося въ тебѣ Христа, пока не увижу тебя облеченною въ красоту цѣломудрія. Не отвергай награды покаянія, молю тебя, прошу и заклинаю. Будь мужественна, очистись, укрѣпись духовно,—повторяетъ апостолъ увѣщаніе: *по Христѣ молю, примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. V, 20); молитъ апостолъ, чтобы опять призвать ко Христу обрученную Ему и нарушившую договоръ. Человѣколюбецъ Господь говоритъ: Я не помню причиненной обиды; опозорено Мое ложе, обезчещенъ Мой союзъ, но ни за что, сдѣланное тобою, не обвиняю тебя. Зачѣмъ ты не противостала нападавшему противнику? Какъ ты не отвратила ядоносныхъ стрѣлъ его знаменіемъ креста Моего? Не для того ли вселился Я въ дѣвственную утробу, чтобы природа, обезчещенная нѣкогда путемъ обмана, получила свою честь черезъ дѣвство? Врагъ плѣнилъ дѣвственницу Еву, и чрезъ дѣву Я опять ввелъ ее въ рай. Не слышала ли ты Моихъ словъ, что нѣтъ никого, кто оставилъ бы отца, или мать, или домъ, отвергъ бы все житейское, и не получилъ бы сторицею и не наслѣдовалъ бы жизнь вѣчную? Не слышала ли, какъ говорю Я чрезъ Исаію пророка: *работающіи Ми возвеселятся* (Ис. LXV, 14)? Не чрезъ того же ли раба Моего Исаію обѣщалъ Я соблюдающимъ тѣло свое въ непорочности, что они наслѣдуютъ великія блага и получатъ плоды, лучшіе сыновъ и дщерей? Не чрезъ дѣвство ли возшолъ Онъ на небо? Не ради ли дѣвства Іоаннъ, сынъ Заведеевъ, названъ былъ Мною сыномъ грома и сыномъ матери Моей? Не слышала ли ты апостола Павла, который говоритъ: *плоти угодія не творите* (Рим. VIII, 14)? Такъ, скажи, Господи; но помилуй рабу твою недостойную и яростію Своею не обличи меня, и гнѣвомъ Своимъ не накажи меня. Но первовиновникъ зла и человѣкоубійца—врагъ изострилъ противъ меня ядоносную стрѣлу, обольстилъ сердце мое, плѣнилъ чувствилища мои, и я забыла страхъ Твой и праведное воздаяніе Твое; возникшій внутри меня огнь помрачилъ очи ума моего. Безотвѣтна и въ томъ, Господи, что не призвала Тебя въ то время на помощь себѣ. Согрѣшила, Господи, согрѣшила, оставивъ Тебя, и сдѣлавшись рабой постыдной и позорной страсти. Тогда и Онъ скажетъ тебѣ: хорошо было

тебѣ подумать о томъ, чтобы не посланы были скоро истязатели души твоей. И гдѣ тогда было бы исповѣданіе и покаяніе? Потому Я *и говорю: бдите, яко не вѣсте* ни дня, ни часа (Мѳ. xxiv, 42). Итакъ, отнынѣ уже не согрѣшай, не оставляй Меня, чтобы не зваться блудницей. И мы, поэтому, молимъ: примиритесь съ Богомъ, и ты, дѣва, скажи такъ: *умыю въ неповинныхъ руцѣ мои, и обыду жертвенникъ твой, Господи* (Пс. xxv, 6), потому что Ты воздвигъ меня лежащую, оживотворилъ омертвѣвшую, сдѣлалъ свѣтлой огрязненную, извлекъ удой благочестія погруженную въ глубинѣ грѣха, привелъ домой заблудившую, 744
искупилъ плѣненную, не отвергъ оскорбившую, возввалъ убѣжавшую, омылъ окровавленную, отнялъ уловленную похотію, достойную глубинъ адовыхъ сдѣлалъ обитательницей неба, освободилъ отъ геенны, избавилъ отъ меча, разрѣшилъ отъ узъ, удостоивъ вѣчной жизни, исхитилъ отъ опасности, посрамилъ діавола, раздралъ рукописаніе. О, дѣлатель благихъ слезъ! Что можетъ быть славнѣе этихъ чудесъ! Пріидите же всѣ, подвергшіяся такой опасности крушенія, познайте, уразумѣйте и научитеся, что плодъ грѣха есть смерть, а плодъ Духа—жизнь, миръ и святость. Всѣ вы, нынѣ ли, или когда бы то ни было желающіе избѣжать этой смерти, примите все сказанное въ руководство спасенія, и всегда помышляйте объ этомъ всѣ, особенно же монашествующіе и дѣвы, посвятившія тѣла свои Господу. *Духомъ ходите и похоти плотскія не совершайте* (Гал. v, 16). Похоть произрастила плодъ грѣховный—смерть, плодъ же духовный—жизнь вѣчную, нетлѣніе, святость и миръ по душѣ и по тѣлу. Потому да будетъ извѣстно всѣмъ вамъ, что на всемъ древѣ добродѣтели нѣтъ ни одной добродѣтели почетнѣе дѣвства, и подобной ей не найдется, если инокъ или дѣва не согрѣшитъ мыслію, потому что согласіе въ мысляхъ все дѣло совершаетъ. Не ложенъ сказавшій: *всякъ иже воззритъ на жену ко еже вождельти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцы своемъ* (Мѳ. v, 28). А между мужчиной и женщиной нѣтъ никакого различія, потому что всѣ мы происходимъ отъ одного смѣшенія, какъ свидѣтельствуетъ Евангеліе, когда говоритъ, что желаніе мужа и желаніе плоти есть одно и то же. Потому и дѣвѣ Христовой должно всю себя соблюдать чистою и непорочною, устремлять сердце къ жениху и создателю своему Христу, мысленными очами взирать на Того, Кто превосходитъ красотою всѣхъ сыновъ человѣческихъ, отвращаться всякаго празднаго слова, не служащаго къ назиданію, не вступать безъ разбору въ сношенія со всякимъ мужчиной, а особенно удаляться тѣхъ, которые ведутъ себя непристойно. Если, впрочемъ, есть увѣренность въ пользѣ для души, то не слѣдуетъ избѣгать мужей, ведущихъ себя благопристойно. Не нужно быть ни слишкомъ смѣлой, ни медлительной; не слѣдуетъ заниматься пустыми разговорами съ непристойными женщинами. Клятва пусть совсѣмъ не сходитъ изъ устъ вашихъ, потому что Господне повелѣніе запрещаетъ клясться даже твоей

собственной главой: все, говоритъ, большее, чѣмъ «да» и «нѣтъ», отъ лукаваго есть (Мѳ. v, 37). Всѣ же нечистые и постыдные помыслы и всякія искушенія плоти должны изгонять страхомъ и любовію Христовою и образомъ креста Его. Вотъ что, отцы и матери, братья и сестры и всѣ чада, предложилъ я вамъ для пользы вашей, — особенно же монахамъ и дѣвственницамъ. Соблюдайте эти наставленія и не преткнетесь, но удостоитесь и вы быть названными наслѣдниками Христа, коихъ всѣхъ уготованныхъ благъ да покажетъ насъ достойными и содѣлаетъ наслѣдниками Отецъ милосердія и Богъ всякаго утѣшенія, благодатію и щедротами и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу подобаетъ слава, честь и поклоненіе, со всесвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

745

Противъ еретиковъ.

Видя васъ въ ликѣ торжествующихъ пѣвцовъ добродѣтели и воиновъ ея, я предлагаю вамъ въ одно время, какъ торжествующимъ пѣвцамъ, сладкогласіе нравственнаго ученія, въ другое время звучу вамъ, какъ воинамъ, на подобіе трубы, суровыми рѣчами догматическаго ученія. Образъ благочестія слагается изъ того и другого, причемъ нравственность представляетъ собою какъ бы тѣло, а соединенное съ нею познаніе догматовъ занимаетъ положеніе благоустроенной души. Подобно тому какъ въ тѣлѣ, когда оно разъединено съ душой, составъ членовъ безполезенъ, хотя его и хвалятъ, такъ точно и красота нравственности мертва, если не одушевляется силой догматовъ. Что пользы въ цѣломудренномъ образѣ жизни, когда цѣломудрствующій не знаетъ хорошо Судію цѣломудрія? Какая прибыль отъ милостыни, когда Судія милостыни негодуетъ, какъ отвергаемый? Какая выгода воинамъ въ томъ, что они дѣлаютъ много доблестнаго, когда они враги царю? Все стяжаніе добродѣтели остается безполезно, если въ корнѣ своемъ не имѣетъ правыхъ догматовъ. Плоды добродѣтелей должны происходить отъ корня, и нервы ихъ отправляться изъ головы. Держась этой головы, и составляя съ нею члены добрыхъ дѣлъ, мы и совершаемъ все тѣло благочестія, объемля голову тѣла—Христа, потому что *той есть*, говорится, *глава тѣлу церкве* (Кол. I, 18). Этой головы не удостоились имѣть еретики. Подобаетъ поэтому молиться, чтобы называющіеся христіанами не поступали такъ безумно противъ Христа. Намъ же теперь нужно и благодарить ихъ за безуміе, такъ какъ своимъ бѣшенствомъ они заставляютъ насъ пробудиться, побуждаютъ насъ къ желанной битвѣ. Люблю я битву, которая лучше мира, люблю войну, которая блаженнѣе любви, люблю состязаться съ ученіемъ, которое, будучи обращено къ эллинамъ, заслуживаетъ уваженія, потому что защищаетъ Христа, а будучи обращено къ намъ, вызываетъ

опроверженіе, такъ какъ мы мыслимъ выше о Христѣ. Таково было ученіе Арія. Когда онъ обращался съ рѣчью къ эллинамъ, то говорилъ почтительно о Христѣ; когда же разсуждалъ съ нами, то говорилъ противъ Христа. Таковъ былъ Евномій. Когда онъ порицалъ язычество, то выставлялъ на позоръ обоготвореніе твари; а когда говорилъ съ нами, то утверждалъ такое боготвореніе, такъ какъ говорить, что Богъ Слово—созданный Богъ, значитъ признавать видъ боготворенія, поклоненіе твари. Что ты дѣлаешь, слѣпотствующій еретикъ? Ты вводишь Христа, созидающаго то, что Онъ разрушилъ; думаешь, что уничтожилъ боготвореніе и поклоненіе твари, а на самомъ дѣлѣ насаждаешь его еще болѣе. Не унижай высоты и чистоты христіанства; не дѣлай его сроднымъ язычеству, потому что почитаніе твари, будетъ ли большимъ или меньшимъ почитаемое твореніе, родственно почитанію языческому. Вотъ почему Павелъ порицаетъ эллиновъ не за то, что они мало почитали Создателя, а за то, что они вообще служили твари вмѣсто Творца (Рим. I. 25). Въ маломъ ли, или въ великомъ служить твари, это все равно. Лучше же сказать, еретикъ погрѣшаетъ противъ божественнаго естества больше даже эллиновъ. Не такъ оскорбляетъ Божество тотъ, кто называетъ тварь Богомъ, какъ тотъ, кто именуетъ Бога тварью. Первый, боготворя тварь, облекаетъ раба въ царскую порфиру, второй же, представляя Бога тварью, низводитъ Божество до положенія частнаго лица. Язычникъ, который подозрѣваетъ въ твари Божество, всячески чтитъ Его; между тѣмъ Арій не чтитъ Его, потому что не выноситъ именованія Его Богомъ. Онъ не отрицаетъ почитанія и поклоненія Христу, но скорбитъ, когда Его почитаютъ высшими почестями. Если кто-нибудь назоветъ Его несозданнымъ, аріанинъ тотчасъ гнѣвается; если назовутъ неподвластнымъ, сердится; если назовутъ соучастникомъ отеческаго достоинства, выходитъ изъ себя, какъ будто получивъ еще большую рану; если назовутъ самовластнымъ подателемъ даровъ, и противъ этого скрежещетъ зубами. По имени они христіане, по мыслямъ же ненавистники Христа. Смотри, Арій, какую власть отвергаешь ты; слушай, какъ Онъ владычественно различнымъ образомъ повелѣваетъ то одному, то другому. *Дамъ ти*, говоритъ, *ключи царства небеснаго* (Мѳ. XVI, 29); или: *ты днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. XXIII, 43); или: оставь собираніе податей и слѣдуй за Мною (Мѳ. IX, 9); не бойся, но говори, потому что Я съ тобою (Дѣян. XVIII, 9, 10); тебѣ говорю, прокаженный, очистись (Мѳ. VIII, 3); иди и умойся въ купели силоамской, и прозри (Іоан. IX, 7); отпускаются тебѣ, 746
разслабленный, грѣхи твои (Мѳ. IX, 2): море, замолкни, перестань (Мрк. IV, 39); идите за Мною и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ (Мѳ. IV, 19); *разорите церковь сію и треми деньми воздвигну ю* (Іоан. II, 19); *научите вся языки; и се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. XXVIII, 19, 20). Не сказалъ Онъ такимъ образомъ: тебѣ дастъ ключи царства небеснаго Отецъ; тебя введетъ въ рай Отецъ; про-

каженный, волею Отца очистись; ты повелѣніемъ Отца прикажи морю: умолкни, перестань; вы идите за Мною, и Отецъ сдѣлаетъ васъ ловцами человѣковъ,—но изрекаетъ все это собственною властію. Если же иногда Онъ говоритъ съ меньшею властію, какъ напр.: *Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси мя,* то указываетъ и причину такого смиренія, говоря: *народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси* (Іоан. XI, 41, 42). И среди окружавшихъ Его многіе вѣнчали Его самыми возвышенными словами хвалы. Такъ приступалъ къ Нему съ просьбой о слугѣ своемъ сотникъ и, насколько только могъ, превозносилъ Его похвалами. *Господи,* говорилъ онъ, *нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши, но токмо рцы слово, и исцѣлѣетъ отрокъ мой,* и съ похвалою получилъ просимый даръ: *аминь глаголю вамъ,* сказалъ Христосъ, *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ.* Но *иди, и якоже вѣровалъ еси, буди тебѣ* (Мѳ. VIII, 8, 10, 13). Равнымъ образомъ кровоточивая жена, воздавшая честь и славу хитону Господа, не говоря уже о божествѣ, съ похвалами получила даръ. И разбойникъ удостоенъ былъ рая за то, что назвалъ распятаго царемъ. Сравнительно съ этими вѣровавшими, отъ насъ конечно требуется тѣмъ болѣе вѣры Владыкѣ Христу, чѣмъ болѣе получили мы вѣдѣнія о Немъ. Но пусть будетъ, Арій, хотя бы подобное тогдашнему. Ты не хочешь, чтобы я мыслилъ что-либо болѣе высокое о Христѣ, чѣмъ позволяетъ вышесказанное. Желаніе конечно худое, но пусть остановится оно по крайней мѣрѣ здѣсь. Зачѣмъ же ты влагаешь въ уста призывавшихъ Его болѣе низкія рѣчи? Въ ихъ словахъ я имѣю примѣры для молитвы. Не говорю Христу: Господи, вспомни о мнѣ въ служеніи твоемъ, но возглашаю слова, ради которыхъ услышанъ былъ разбойникъ: *Господи, помяни мя во царствіи твоемъ* (Лук. XXIII, 42). Не говорю Богу Слову: Господи, распорядитель даровъ Отца,—потому что сотникъ не дозволяетъ мнѣ этого, взывая: Господи, *токмо рцы слово и исцѣлѣетъ отрокъ мой* (Мѳ. XIII, 8). Не говорю Ему: Господи, если попросишь у Отца, то спасенъ буду,—я не приношу Божеству словъ, выражающихъ меньшую вѣру, чѣмъ имѣла кровоточивая женщина, Арій. Называю Сына такъ, что Онъ радуется моему названію; приступаю къ Нему съ такими словами, съ какими приходили получившіе просимое отъ Него. Если же разбойникъ, женщина и вѣрный воинъ кажутся тебѣ недостойными принятія какъ учители вѣры, то устыдись по крайней мѣрѣ лика апостоловъ, призывавшихъ Христа всякій разъ, когда настояла нужда въ сверхъестественныхъ дарахъ. Что говоритъ Петръ, исцѣляя разслабленнаго? *Енее, исцѣляетъ тя Іисусъ Христосъ* (Дѣян. IV, 12); равно какъ, совершая другое исцѣленіе, говоритъ: нѣтъ ни въ какомъ другомъ имени спасенія (Дѣян. IV, 12). Что сказалъ Ананія, исцѣляя Павла? *Савле брате, Господь Іисусъ явлей ти ся на пути, посла мя, яко да прозриши и исполнишися Духа Свята* (Дѣян. IX, 17). О чьей силѣ для себя молился Павелъ? *Сладцѣ,* говоритъ, *похвалюся въ немощехъ моихъ, да вселится въ мя сила*

Христова (2 Кор. xii, 9). Кого просили Іаковъ съ Іоанномъ о наказаніи самаритянъ? *Господи*, говорятъ они, *хощеши ли, речема, да огнь снидетъ съ небесе и потребитъ ихъ* (Лук. ix. 54)? А ликъ ангеловъ что возвѣстилъ о Немъ людямъ? *Той*, говорятъ, *спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Мѳ. i, 21). И это было, однако, ниже Его достоинства, потому что это не гимнъ, восхваляющій Сына соотвѣтственно Его величію; и сколько бы ты ни простиралъ свои похвалы, сколько бы славы ни воздалъ Ему словами, ты въ концѣ концовъ вмѣстѣ съ Давидомъ смиренно воскликнешь: *что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми* (Пс. cxv, 3)? Если же, Арій, наименованіе «несозданный» превышаетъ достоинство Сына, то измѣни, пожалуй, слова Давида и взывай: Господи, 747—748
если я назову Тебя несозданнымъ, чѣмъ воздашь Ты мнѣ, почтившему Тебя большею честью, чѣмъ подобаетъ? Но противъ таковыхъ возвыситъ свой голосъ Іоаннъ и скажетъ: безумные и слѣпые, мы недостойны развязать ремня обуви Его. Итакъ, въ виду всего этого, воспрянемъ къ славословію божественнаго естества; постараемся имѣть высокія мысли въ пѣснословіяхъ Бога; всѣми силами вознесемъ на высоту Того, Кому мы поклоняемся; изгонимъ убогую мысль во время богословія; почтимъ Отца высокими хвалами въ честь Сына; прославимъ славу Родителя, воздавъ равную честь одинаковой съ Нимъ природѣ Рожденнаго; исповѣдуемъ истину рожденія; снищемъ себѣ любовь Отца черезъ служеніе Рожденному изъ Него, потому что—говоритъ Христосъ, — если кто любитъ Меня, того возлюбитъ Отецъ Мой (Іоан. xiv, 21). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О милостынѣ. 747

Опять намъ Господомъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ данъ удобный случай бросить сѣмена милостыни въ уши ваши; опять Христосъ даровалъ намъ подражать сѣятелю, сѣющему сѣмя свое на доброй землѣ и получающему плодъ сторицею. Вотъ зазвучала труба, чтобы возвѣстить о дѣлахъ рукъ; вотъ толпы, сошедшіяся на зрѣлище милостыни. Итакъ, пусть будутъ вызваны на середину боголюбцы, щедролюбцы и нищелюбцы; пусть вызваны будутъ любители вѣнцовъ. Здѣсь присутствуетъ Богъ въ качествѣ раздаятеля наградъ, принимая отъ нищелюбцевъ незначительные денежные дары и даруя имъ за то царство небесное. Итакъ, никто изъ васъ, умоляю, да не лишится таковой благодати, никто да не презритъ этого великаго и преміpнаго дара ради небольшихъ денегъ,—ни бѣдный, ни богатый, ни рабъ, ни свободный, ни мудрый, ни простецъ, ни мужчина, ни женщина, но всѣ, умоляю, поспѣшимъ купить себѣ царство небесное. И пусть ни одинъ бѣднякъ не говоритъ мнѣ: я бѣденъ. Къ бѣднякамъ и нужно сна-

чала обратиться съ рѣчью, такъ какъ они думаютъ, что ихъ оправданіе является достоуважительнымъ предъ Богомъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, часто говоритъ бѣдный? Я не имѣю денегъ, у меня не хватаетъ средствъ для ежедневнаго пропитанія, цѣлый день тружусь и изнуряю себя, чтобы какъ-нибудь только поддержать свое существованіе, ношу тяжести, занимаюсь плотничнымъ, кузнечнымъ ремесломъ, изсушаю силу тѣла, а ты сидишь и присуждаешь меня отдавать труды мои чужимъ? Но скажи мнѣ, всецѣло ли своими считаешь ты эти труды, и своей ли собственностью признаешь твои тѣлесныя силы? Или ты не вѣришь, что если немного удѣлишь изъ своихъ, какъ говоришь ты, трудовъ, то дашь милостыню Тому, кто даровалъ тебѣ крѣпость и силу на трудъ? Вѣрнѣе сказать, кромѣ немногаго, все отдай тѣлу своему, чтобы пріобрѣсти великое для души сокровище. Развѣ вслѣдствіе того, что ты, имѣя десять оболовъ, девять изъ нихъ отдашь тѣлу и одинъ душѣ, у тебя исчезнутъ всѣ средства къ жизни? Если ты имѣешь пятьдесятъ оболовъ, и дашь Богу пять оболовъ ради немощныхъ, а сорокъ пять себѣ, то укрѣпишь душу твою вѣрою, пріобрѣтешь силу и для тѣла по молитвѣ другихъ, получишь благодатную помощь на новые труды и на новое пріобрѣтеніе гораздо большаго, и сдѣлаешься богаче богатыхъ на милостыню. Но ты, конечно, скажешь мнѣ: какую же выгоду получу я отсюда? Ту, что ты не будешь уже называться бѣднякомъ, а заимодавцемъ Бога. Но откуда же, скажешь, это со мной станется? Повѣрь Писанію, которое говоритъ: *милуяй нища въ заимъ даетъ Богови* (Пр. XIX, 17); и отъ Христа можешь слышать: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѳ. XXV, 40). Сидя на площади, не видалъ ли ты зачастую проходящаго богача и не называлъ ли его счастливцемъ, говоря: блаженъ этотъ богачъ, что не имѣетъ нужды въ чужой помощи, а напротивъ самъ еще даетъ взаймы. И однако этотъ богачъ даетъ взаймы людямъ, а ты Богу; тотъ отъ каждаго получаетъ плоды тяжкихъ трудовъ
748 съ усиліемъ и препирательствами, съ грѣхомъ, а ты получаешь отъ Бога плодъ сторицею безъ трудовъ и заботъ, съ радостью; тотъ получаетъ на краткую эту жизнь, а ты наслѣдуешь жизнь вѣчную, безконечную. Если же ты не вѣришь мнѣ, то повѣрь Богу, Который клятвенно увѣряетъ тебя, говоря: истинно говорю вамъ, что вы получите во сто кратъ и жизнь вѣчную наслѣдуете (Мѳ. XIX, 28—29). Итакъ не думай, что ты причиняешь себѣ ущербъ, подавая бѣднымъ; ты не бѣднѣешь, отъ подаянія бѣднымъ. Если бѣднякъ пожалѣетъ бѣдняка, бѣднѣе онъ не становится, а является достойнымъ похвалы и только болѣе обезпечиваетъ себя отъ бѣдности. Слышалъ ли ты, что̀ говоритъ пророкъ: *юнѣйшій бызъ, ибо состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы* (Пс. XXXVI, 25)? И еще: *весь день милуетъ и взаимъ даетъ праведный, и сѣмя его во благословеніе будетъ* (тамъ же ст. 6)? *Во благословеніе*—почему? Потому, что сѣющій

въ благословеніи, въ благословеніи и собираетъ жатву. Тотъ, кто заботится объ одеждѣ твоей, позаботится и о душѣ твоей. Подлинно, ничто такъ не одѣваетъ душу, какъ призрѣніе вдовицы, сироты и убогаго, потому что оно не позволяетъ ей явиться нагою предъ Богомъ въ тотъ страшный и грозный день; напротивъ, облеченная черезъ милостыню въ одежду свѣта, она явится предъ Богомъ со всею славою, потому что Богъ говоритъ чрезъ пророка: *раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищыя безкровныя введи въ домъ твой*; и *тогда* будетъ *рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ, и предыдетъ предъ тобою правда твоя* (Ис. LVIII, 7—8).

Видѣлъ ли, какая награда уготована тебѣ за кусокъ хлѣба или за одинъ оболъ? Узналъ, какой свѣтъ приноситъ тебѣ плодъ милостыни? Желаешь ли знать теперь, какое великое сокровище доставляетъ намъ небольшое подаяніе бѣднымъ? Желаешь знать, какъ бѣдняки, и кто именно, черезъ самое скудное подаяніе получили въ удѣлъ великія сокровища? Слушай. Удостовѣримъ тебя въ этомъ не только свидѣтельствами новаго завѣта, но и ветхаго, чтобы тебѣ путемъ нищелюбія пріобрѣсти небесное сокровище. Нѣкогда голодъ по всей землѣ истреблялъ людей, голодъ столь великій, что каждый день какъ бы рѣка людей и животныхъ гибла отъ смерти, и не въ теченіе непродолжительнаго времени, а цѣлыхъ трехъ съ половиной лѣтъ, такъ что вся земля погибала. Причиной же такого бѣдствія было идолопоклонство израильтянъ и нечестіе Ахаава съ Іезавелью, по причинѣ котораго Илія, хотя былъ онъ и человѣкъ, смогъ наложить на небеса запоры, сказавъ: *живъ Господь, аще будетъ дождь, точію отъ устъ* моихъ (3 Цар. XVII, 1). И не было дождя на землѣ въ теченіе трехъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ. Послѣ этого нечестивый царь, чувствуя наконецъ, что пророкъ Илія былъ служителемъ такого опредѣленія, началъ разыскивать его, чтобы предать смерти. Убѣжавъ вслѣдствіе этого въ землю иноплеменниковъ, пророкъ нашелъ вдовую женщину, у которой осталось отъ голода только
немного пшеничной муки и немного елея, въ коихъ она полагала всю 749
надежду жизни и своей собственной и дѣтей своихъ. И сказалъ ей пророкъ Илія: принеси мнѣ немного хлѣба въ рукѣ твоей (3 Цар. XVII, 11). *Живъ Господь Богъ твой*, сказала ему женщина, *аще есть у мене опрѣснокъ, но токмо горсть муки въ водоносѣ и мало елеа въ чванцѣ: и се, соберу два полѣнца, и вниду, и сотворю е себѣ и дѣтемъ моимъ, и снѣмы, и умремъ* (ст. 12). Доходитъ ли кто-либо изъ насъ теперь до такой бѣдности? Да не будетъ! И однако изъ этого остатка, за которымъ должна послѣдовать смерть, вдовица сдѣлала прежде всего и принесла пророку опрѣснокъ, позабывъ о себѣ и своихъ дѣтяхъ. И какую же награду получила она за такую убогую милостыню? Слушай ясныя слова пророка. *Тако глаголетъ Господь: водоносъ муки не оскудѣетъ, и чванецъ елеа не умалится* (ст. 14). Доколѣ? *Дондеже*

дастъ Господь дождь на землю. Вотъ почему пророкъ говоритъ: *благословенъ человѣкъ, иже надѣется на Господа*, и будетъ надежда его *во время бездождія* и не будетъ у него ни умаленія, ни недостатка (Iерем. XVII, 7). И слово пророка стало дѣломъ: ни водоносъ не оскудѣлъ, ни чванецъ не умалился. О, человѣкъ, или ты бѣднѣе этой вдовицы? Или тебѣ угрожаетъ такой голодъ, что ты не можешь сдѣлать милостыни? Нѣтъ, не такъ обстоитъ дѣло; ты и имѣешь, что подать. и можешь, кто бы ты ни былъ, и особенно если ты вѣрующій. Для тѣла ты очень щедръ, а для души скупъ. Милостыня—пища души. И какъ вино и хлѣбъ служатъ на пищу и веселіе тѣла, такъ и мылостыня съ молитвой являются врачествомъ и радостью для души. И какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою, какъ не милостыню только? Если не знаешь этого, узнай и отъ новозавѣтной вдовицы, которая за двѣ лепты пріобрѣла цѣлое царство небесное, отъ самого Бога всяческихъ удостоилась получить похвалу за такую бѣдность, и плодъ милостыни которой возшелъ до самыхъ небесъ. Не видишь ли, какъ Спаситель въ святомъ Евангеліи прославляетъ вдовицу, бросившую въ сокровищницу двѣ лепты и даруетъ ей вѣнецъ небесный? Онъ замѣтилъ благоуханіе души ея, видѣлъ эту нищелюбивую бѣдность, видѣлъ, какъ нуждающаяся въ средствахъ приноситъ даръ вмѣстѣ съ ненуждающимися. Много было богатыхъ, которые вложили много въ сокровищницу; но при этомъ присутствовалъ Богъ, Онъ же вмѣстѣ и человѣкъ, Который судитъ не по лицамъ и испытаетъ сердца человѣческія. И послушаемъ, какой же приговоръ износитъ Онъ относительно этихъ богатыхъ: аминь, аминь *глаголю вамъ, яко вдовица сія множае всѣхъ вверже* (Лук. XXI, 3). Я, говоритъ, принимаю не все ввергаемое, но испытываю произволеніе приносящихъ даръ. Аминь, аминь *глаголю вамъ, яко вдовица сія множае всѣхъ вверже.* Почему же? Потому что тѣ принесли отъ избытковъ своихъ, а она отдала всѣ свои средства. Итакъ, поелику судъ Его былъ праведенъ, скажемъ и мы всѣ Богу, какъ сказалъ пророкъ: *праведенъ еси Господи, и прави суди твои* (Пс. CXVIII, 137), потому что Ты испытываешь произволеніе человѣческое и не за множество приношеній опредѣляешь царство; Ты взираешь не на приносимое, а на расположеніе приносящихъ. Итакъ прошу васъ, пусть никто не медлитъ вложить хотя бы двѣ лепты, хотя бы десять оболовъ въ сокровищницу вдовъ и сиротъ,—такъ вѣдь и священное Писаніе учитъ, что всякій принимается у Бога сообразно тому, какое имѣетъ онъ произволеніе. Итакъ, да не будетъ та трапеза чужда твоего приношенія, но имѣй участіе въ ней, чтобы получить тебѣ участіе съ приносящими, разумѣю милость у милостиваго Бога, сказавшаго: будьте милостивы, чтобы съ вами было поступлено милостиво. Подобно тому, какъ вѣруешь ты, что есть ангелъ, принимающій на небѣ молитвы людей и приносящій ихъ Богу, и ты стараешься вмѣстѣ со всѣми вознести моленія свои Богу, чтобы даръ

твоей молитвы былъ принятъ вмѣстѣ со всѣми, такъ точно вѣруй, что и здѣсь есть ангелъ, который принимаетъ даруемое тобою бѣднымъ и приноситъ твой даръ Богу. И кто этотъ ангелъ, какъ не тотъ, который принесъ Богу молитвы и милостыни Корнилія и сказалъ ему: *Корниліе, милостыни твоя и молитвы твоя взыдоша на память предъ* 750
Бога (Дѣян. x, 3. 4)? И если его молитвы были приняты, когда онъ былъ еще язычникомъ, потому что онъ сталъ вѣрнымъ только послѣ словъ ангела, то насколько же болѣе будутъ приняты твои, христолюбецъ, молитвы?

Нужно намъ, наконецъ, обратиться съ словомъ увѣщанія и къ богатымъ, въ особенности къ тѣмъ, которые любятъ бѣдныхъ и дѣлаютъ это по собственному влеченію (а они позаботились хорошо напоиться водою для плодоношенія отъ такихъ мужей и учителей, которые были нашими предшественниками); но такъ какъ они и отъ насъ ожидаютъ слова о бѣдныхъ, то не замедлимъ обратиться съ увѣщаніемъ къ нимъ и направить ихъ на путь милостыни, чтобы и имъ не быть обвиненными предъ Богомъ, и мнѣ не быть осужденнымъ предъ ангелами. А почему, я скажу. Если я не отдамъ на вашу благую трапезу словъ божественнаго Писанія, какъ серебро мѣняльщику, тотчасъ же обвиненъ буду предъ Богомъ и услышу отъ Него: *подобаше тебѣ сребро мое вдати торжникомъ и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ лихвою* (Мѳ. XXV, 27). Въ этомъ именно и былъ обвиненъ, какъ читается въ святомъ Евангеліи, рабъ, которому ввѣренъ былъ динарій, и который скрылъ его. А какъ о серебрѣ говоритъ пророкъ, слушай: *словеси Господня словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли, очищено седмерицею* (Пс. XI, 7). Такъ и пророку говоритъ Богъ: сынъ человѣческій, засвидѣтельствуй народу этому, и въ другомъ еще мѣстѣ: *утѣшайте, священницы, люди моя, глаголите* въ уши *Іерусалиму* (Ис. XL, 1, 2). Итакъ, получивъ такія заповѣди, увѣщаю всѣхъ васъ обратиться къ милостынѣ, чтобы не быть мнѣ осужденнымъ предъ вами въ тотъ часъ, если кто-нибудь,— чего да не будетъ,—услышитъ изъ васъ въ тотъ страшный день отъ Судіи: злой рабъ, зачѣмъ ты не помиловалъ сораба своего? И какъ ты хочешь теперь быть помилованнымъ? И опять: кайтесь теперь, потому что тамъ нѣтъ времени для покаянія; чтобы кто-нибудь, будучи обвиняемъ въ тотъ страшный часъ, не сказалъ: я не наученъ былъ пастыремъ, не позналъ, что дастъ человѣкъ въ замѣну души своей, и онъ не сказалъ намъ, что милостыня искупляетъ грѣхи, не разъяснилъ намъ данное ему отъ Тебя Писаніе, которое говоритъ: *блаженъ разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь* (Пс. XL, 1), а только удалилъ насъ отъ іудейскаго невѣрія и отвлекъ отъ суевѣрія эллиновъ, и отъ нечестія ихъ мы отстали чрезъ его наученіе. Если бы онъ наставилъ насъ и относительно милостыни, мы показали бы несомнѣнно и ея плоды. Вотъ почему я не перестаю со всею смѣлостію увѣщевать васъ, но

убѣждаю и заклинаю и богатыхъ и бѣдныхъ, мужей и женъ—пощадите ваши души и искупите ихъ деньгами вашими отъ будущаго гнѣва, облегчите милостыней бремя грѣховъ вашихъ, будьте милостивы, чтобы быть помилованными. Милостыня имѣетъ такую же силу, какъ и святое крещеніе: подобно тому, какъ святая купель очищаетъ грѣхи людей, такъ и милостыня очищаетъ прегрѣшенія милосердныхъ душъ. Не мое это слово, а такъ учитъ божественное Писаніе, говоря, что милостыни вѣрны и очищаютъ грѣхи. Деньги, если бы мы и не хотѣли того, остаются здѣсь, а душа, хотя бы мы и не желали, переселяется отсюда, чтобы дать отчетъ во грѣхахъ. Потому и Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ Евангеліи говоритъ: *кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? Или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою* (Мѳ. XVI, 26)? Итакъ, умоляю, слушай слова эти, потому что во время благополучія ими пренебрегаютъ, во время же скорби они показываютъ силу божественнаго закона. Часто слышитъ человѣкъ: *кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ*, и не обращаетъ вниманія на значеніе этихъ словъ. Но если ты пренебрежешь этимъ изреченіемъ во время благополучія, то познаешь силу сказаннаго во время скорби. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлаетъ Богъ, когда видитъ человѣка, который всячески бережетъ свое имущество, но отвращается отъ милостыни, и все рѣшается потерпѣть, чтобы не лишиться только своихъ денегъ? Во время бѣдствія Онъ заставляетъ его познать законъ Божій,—а какъ, слушай. Представь себѣ купца, который плаваетъ
751 по морямъ и только и помышляетъ о пріобрѣтеніяхъ, который готовъ все потерпѣть, лишь бы не потерять одного обола, тысячами клятвъ обременяетъ душу, чтобы не лишиться только чего-нибудь изъ своего имущества. И этотъ жестокій скупецъ въ часъ бѣдствія, когда подвергается бурѣ и опасности въ морѣ, когда поднимается волненіе, когда море клокочетъ, и волны вздымаются до самаго неба,—тотчасъ же у этого скупца исчезаетъ сребролюбіе, и тотъ, кто подвергалъ себя всякимъ трудамъ, чтобы скопить деньги, выбрасываетъ собственными своими руками все, что имѣетъ, и отдаетъ свое богатство морю. Спроси же его тотчасъ: что ты дѣлаешь, человѣкъ? Что безумствуешь? Зачѣмъ безполезно бросаешь свои деньги? Море не сохранитъ твоихъ вкладовъ; оно не похоже на землю, принявшую сѣмена, и не воздастъ тебѣ съ лихвою; оно не принимаетъ сѣмянъ, чтобы дать колосья. Зачѣмъ же ты безполезно даешь неблагодарной стихіи? Зачѣмъ ввѣряешь невѣрнымъ волнамъ? Зачѣмъ даешь вкладъ твой на храненіе морю, которое ничего не отдаетъ? Богу ты не хотѣлъ дать твоихъ денегъ, а бросаешь ихъ дикому морю? Что же отвѣтитъ онъ тотчасъ? Хочу лучше спасти душу свою, чѣмъ пріобрѣсти весь міръ. Теперь узналъ ты это: *что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою?* Теперь ты узналъ изреченіе Христа, когда Онъ увѣщевая говорилъ: *кая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ,*

душу же свою отщетитъ? Но тебя не научилъ законъ? Пусть же научитъ тебя хоть страхъ. Тебя не научило ученіе Бога? Пусть же научитъ тебя безуміе моря. О, несообразное дѣло! О, всему научающая нужда! Море получаетъ все силою, а Богъ, склоняя къ царству небесному, не получаетъ даже и части. Ты ввѣряешь морю, которое не обѣщаетъ тебѣ ничего хорошаго, и не вѣришь Богу, обѣщающему и дарующему тебѣ въ сто разъ больше. Хочешь, предложу тебѣ и другой образъ такого бѣдственнаго положенія? Нужно вѣдь и указаніемъ страш- 752
наго, и представленіемъ благъ, отовсюду доставить пользу душѣ твоей. Итакъ, представь себѣ и тѣхъ людей, которые занимаются дѣлами своими на землѣ, которые все предпринимаютъ и дѣлаютъ, чтобы что-нибудь пріобрѣсти, рѣшаются на клятву и на всякое клятвопреступленіе, чтобы получить только одинъ лишній оболъ, потому что такіе люди презираютъ законы Божіи. Пророки проповѣдуютъ, а они затыкаютъ уши; учители вопіютъ, а они насмѣхаются надъ ихъ увѣщаніями. И что же въ концѣ концовъ съ ними случается,—не со всѣми, а именно съ ними бываетъ такъ? Часто такой купецъ попадаетъ въ руки разбойниковъ; и вотъ тотъ, который только и смотрѣлъ на богатство и проникнутъ былъ ненасытимой страстью сребролюбія, тотчасъ же свергаетъ эту болѣзнь и становится щедръ на дары, потому что онъ видитъ ножъ, который заноситъ разбойникъ, и страсть его исчезаетъ; нападаетъ разбойникъ, и вотъ онъ, наконецъ, оказывается щедрымъ и съ мольбою предлагаетъ свои деньги. Что же говоритъ онъ тогда разбойнику? Возьми все, и только душу мою оставь. Пусть и такой слышитъ: нынѣ ты узналъ, что дастъ человѣкъ въ замѣну за душу свою. Разбойнику, который хочетъ взять все, ты даешь всячески упрашивая, хотя онъ причиняетъ тебѣ одинъ только вредъ; Богу же, хотящему взять только нѣкую часть, ты не даешь, хотя Онъ въ изобиліи доставляетъ тебѣ всѣ блага, и земныя и небесныя. Но ты не столько боишься Бога, сколько разбойника. Страшишься обнаженнаго меча, а огонь геенны, которымъ угрожаетъ Богъ, презираешь. Да не будутъ же, молю, кто-нибудь изъ васъ таковымъ; да вы и не таковы, потому что любите Христа и знаете все, что имѣетъ быть съ людьми. Оградите души ваши прежде отшествія отсюда и познайте Того, Кто сказалъ въ Евангеліи: *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ* (Мѳ. v, 7). Итакъ Ему, милующему и питающему и прощающему вину Богу воспошлемъ славу, съ Отцемъ и всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Посланіе къ монахамъ. 751

Говоритъ божественный апостолъ: *непрестанно молитеся, безъ гнѣва и размышленія* (I Ѳесс. v, 17 и I Тим. II, 8), и хорошо ска-

залъ: *безъ размышленія*, потому что всякое размышленіе, удаляющее умъ отъ Бога, хотя бы и казалось хорошимъ, на самомъ дѣлѣ есть всецѣло обманное, чтобы не сказать—діавольское. Все это брань діавола, желающаго удалить и отвратить умъ отъ Бога и отвлечь его къ мірскимъ заботамъ и удовольствіямъ. Извнутри, въ сердцѣ онъ внушаетъ заповѣди и благія дѣла и различныя разумныя, а лучше сказать безумныя мысли, на которыя совсѣмъ не должно обращать вниманія. Въ томъ вѣдь и состоитъ вся брань души, чтобы не удалить умъ отъ Бога, не останавливаться и не соглашаться съ нечистыми помыслами, и не обращать вниманія на то, что изображаетъ въ сердцѣ этотъ достойный всякаго порицанія древній живописецъ—діаволъ. Иногда онъ представляетъ образы, иногда внѣшвій видъ и цвѣтъ, а послѣ всего этого и лица, и несчастный человѣкъ, находясь на одномъ мѣстѣ, въ обольщеніи думаетъ, что онъ гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ, и кажется ему, что онъ кого-то видитъ, говоритъ съ лицами, и занимается дѣлами, которыя суть діавольскіе обманы. Поэтому нужно сдерживать и управлять умъ, нужно взнуздывать его, нужно укрощать всякій помыслъ и всякое внушеніе лукаваго призываніемъ имени Господа нашего Іисуса Христа; и гдѣ находится тѣло, тамъ пусть будетъ и умъ, чтобы между Богомъ и сердцемъ не было ни-
752 какого средостѣнія или преграждениія, помрачающаго сердце и удаляющаго его отъ Бога. Если же когда и случится, что діаволъ увлечетъ умъ, то не должно долго останавливаться на помыслахъ, чтобы согласіе на дѣло не было вмѣнено предъ Богомъ въ день суда, когда Богъ будетъ судить сокровенное людей. Итакъ, отдавайте все время Господу Богу нашему и оставайтесь съ этимъ, доколѣ Онъ умилосердится надъ нами, и не ищите ничего другого, кромѣ одной только милости у Господа славы. Ища же милости, ищите ее смиреннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ и взывайте отъ утра до вечера и, если возможно, всю ночь: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ,—и понуждайте къ этому дѣлу умъ вашъ до самой смерти. Подлинно, много усилій требуетъ дѣло это, потому что *узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ* (Мѳ. VII, 14), и употребляющіе усиліе входятъ въ него; царство небесное принадлежитъ употребляющимъ усиліе. Итакъ, увѣщеваю васъ, не удаляйте сердецъ вашихъ отъ Бога, но будьте тверды и охраняйте ихъ, всегда памятуя Господа нашего Іисуса Христа, доколѣ не вмѣстится въ сердцѣ вашемъ имя Господа, и ни о чемъ иномъ не помышляйте, какъ о томъ лишь, чтобы возвеличился Христосъ въ васъ. Итакъ умоляю васъ, никогда не оставляйте правила этой молитвы, но ѣдите ли, пьете ли, совершаете ли путь или иное что дѣлаете, непрестанно взывайте: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ,—чтобы самая память имени Господа
753 нашего Іисуса Христа возбуждала насъ къ борьбѣ съ врагами. Душа, употребляющая усиліе, все можетъ найти съ этой памятью,—и хорошее и дурное. Сначала она можетъ увидѣть въ сердцѣ злое, а затѣмъ и

доброе. Эта память можетъ смирить сердце, можетъ обличить живущій въ насъ грѣхъ, и эта же память можетъ истребить его; эта память можетъ поколебать всю силу врага въ сердцѣ, эта память можетъ побѣдить ее и по частямъ искоренить. Имя Господа нашего Іисуса Христа, сходя въ глубину сердца, смиряетъ дракона, владѣющаго помыслами, а душу спасаетъ и животворитъ. Потому непрестанно сохраняйте въ сердцѣ имя Господа Іисуса, чтобы сердце поглотило Господа, и Господь—сердце, и такимъ образомъ два стали едино. Дѣло же это не одного или двухъ дней, а требуетъ долгаго времени, борьбы и труда, пока не изгнанъ будетъ врагъ и не вселится Христосъ, *яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, ко властемъ, къ духовомъ злобы* (Ефес. VI, 12), какъ говоритъ апостолъ. Молиться же нужно такъ, чтобы умъ былъ всецѣло собранъ и напряженъ, и должно призывать Бога съ скорбящей душой, не говорить многихъ словъ, не растягивать молитву, а говорить немного простыхъ словъ, потому что не отъ множества словъ, а отъ трезвенности ума зависитъ услышаніе, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Анны, матери Самуила. Итакъ, нужны не многія слова, а частая молитва, какъ повелѣлъ чрезъ Павла Христосъ, съ небольшими перерывами. Если ты растянешь свою рѣчь, то часто можешь разсѣяться вниманіемъ и дать діаволу возможность совершенно безстрашно подойти къ тебѣ и обольстить и отвлечь твою мысль отъ того, что ты говоришь; если же ты будешь совершать постоянныя молитвы и все время займешь такими молитвами, то будешь въ состояніи совершать ихъ съ великой трезвенностью. Хочешь ли знать, какъ нужно бодрствовать, молиться, трезвиться и пребывать въ молитвахъ? Иди къ Аннѣ, узнай, что сдѣлала она (1 Цар. I, 9, 13). Встали, говорится, всѣ отъ трапезы, и она обратилась тотчасъ не къ сну, не къ отдыху,—почему мнѣ думается, что и сидя за трапезой она вела себя воздержно и не обременяла себя какими-нибудь яствами, такъ какъ иначе она не пролила бы такихъ слезъ. И не потому она была услышана, что много и громко кричала, а потому, что вопіяла много въ сердцѣ своемъ. *Гласъ ея*, говорится, *не слышашеся*, и Богъ ее услышалъ, потому что не такъ нужны слова, какъ мысль, не такъ простертіе рукъ, какъ напряженная душа, не такъ внѣшній видъ, какъ настроеніе души. Хотя бы ты былъ и не въ церкви, вопій и говори: Господи Іисусе Христе, помилуй мя,—хотя бы и не двигая устами, а взывая въ сердцѣ: Богъ слышитъ и молчащихъ. Не мѣсто требуется, а образъ молитвы; молись, гдѣ бы ты ни былъ; ты самъ храмъ, не ищи мѣста. Море было впереди, сзади египтяне, а среди нихъ Моисей, ничего не говорившій; и говоритъ ему Богъ: *что вопіеши ко Мнѣ* (Исх. XIV, 15)? Такъ и ты, когда постигнетъ тебя искушеніе, прибѣгай къ Богу, призови Господа Іисуса. Развѣ Онъ человѣкъ, чтобы тебѣ нужно было искать мѣста? Богъ всегда близокъ. *Еще глаголющу ти, речетъ: се* есмь (Ис. LVIII, 9). Ты еще

не кончишь молитву, какъ Онъ дастъ просимое. Если мысль твоя чиста отъ непристойныхъ страстей, то гдѣ бы ты ни былъ, на торжищѣ ли, въ пути ли, на морѣ ли, или въ гостинницѣ, ты можешь призвать Бога и получить просимое. Но я, скажешь, много разъ просилъ, и не получилъ. Несомнѣнно, это потому, что ты худо просилъ, или съ невѣріемъ, или съ гордостію, или же неполезнаго тебѣ, если же просилъ часто и полезнаго, то не съ настойчивостью, потому что написано: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. XXI, 19), и: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мѳ. X, 22). Если ты просишь не съ усиліемъ и великой настойчивостью, то не получаешь. Сначала нужно пожелать, а пожелавши просить истинно съ вѣрою и терпѣніемъ полезнаго каждому, при чемъ тебя ни въ чемъ не осуждала бы совѣсть, какъ просящаго нерадиво или легкомысленно,—и тогда ты получишь, разъ того хочетъ Богъ. Вѣдь Онъ лучше тебя знаетъ, что полезно тебѣ, и можетъ быть
754 вслѣдствіе этого отлагаетъ исполненіе просьбы, премудро заставляя тебя быть прилежнымъ къ Нему, чтобы ты зналъ, что значитъ даръ Божій, и хранилъ данное со страхомъ. Все вѣдь, что пріобрѣтается съ великимъ усиліемъ, стараются сохранять, чтобы, потерявъ полученное, не погубить и великихъ усилій, и, отвергнувъ благодать Господа, не оказаться недостойнымъ вѣчной жизни. Какую пользу пріобрѣлъ Соломонъ, скоро получившій даръ мудрости и погубившій его? Итакъ, не малодушествуй, если не скоро получаешь просимое тобой. Если бы благой Господь зналъ, что ты, получивъ скоро благодать, не погубишь ее, то Онъ готовъ былъ бы дать тебѣ ее даже ранѣе просьбы твоей, а теперь Онъ дѣлаетъ это, заботясь о тебѣ. Если рабъ, получившій талантъ и сохранившій его въ цѣлости, былъ осужденъ за то, что не получилъ на него прибыли, то тѣмъ болѣе будетъ осужденъ погубившій его. Внимай себѣ и отовсюду озирай себя; неусыпно стереги себя окомъ ума; ты ходишь среди сѣтей, незамѣтныя петли всюду разставлены врагомъ. Итакъ все осмотри, чтобы подобноسернѣ (δορκάς) спастись отъ сѣтей. Серна неуловима сѣтями вслѣдствіе остроты зрѣнія, почему и названіе свое получила отъ зоркости (ὀξυδορκία). Нужно знать и то, что мы не можемъ соблюсти и никакой другой заповѣди, равно какъ и самой любви ни къ Богу, ни къ ближнему, если будемъ блуждать мыслью отъ одного къ другому; но и упражненіе въ благоугожденіи Богу по Евангелію Христову совершается въ удаленіи отъ мірскихъ заботъ и при совершенномъ отчужденіи отъ непристойныхъ развлеченій. Такъ и ученикамъ, имѣвшимъ безпорочное и чуждое легкомыслія расположеніе, Господь засвидѣтельствовалъ, говоря: вы *нѣсте отъ міра* сего (Іоан. XV, 19), и наоборотъ засвидѣтельствовалъ, что міръ не можетъ ни принять познанія Бога, ни вмѣстить Духа Святаго: *Отче,* говоритъ, *праведный, и міръ Тебе не позна,* и: *Духъ истины, его же міръ не можетъ пріяти* (Іоан. XVII, 25 и XIV, 17). Итакъ, тому, кто истинно хочетъ слѣдовать Богу, нужно отрѣшиться отъ

узъ житейскихъ привязанностей, а это совершается чрезъ удаленіе и забвеніе старыхъ привычекъ. Послѣ же того, какъ это будетъ сдѣлано, подобаетъ со всякою осторожностью блюсти сердце свое, чтобы не потерять какъ-нибудь мысль о Богѣ, или не осквернить память чудесъ Его суетными помышленіями, но путемъ постояннаго и чистаго памятованія имѣть святую мысль о Богѣ отпечатлѣнною въ душахъ нашихъ, какъ бы неизгладимую печать. Такъ препобѣждаетъ въ насъ любовь къ Богу, вмѣстѣ и возбуждая насъ къ исполненію заповѣдей Господа, и сама въ свою очередь черезъ нихъ становясь прочной и неизмѣнной. И объ этомъ свидѣтельствуетъ Господь, въ одномъ случаѣ говоря: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите*, въ другомъ: *аще заповѣди Моя соблюдете, пребудете въ любви Моей* (Іоан. XIV, 15 и XV, 10), и еще съ болѣе трогательнымъ увѣщаніемъ: *якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ и пребываю въ Его любви* (Іоан. XV, 10). Тотъ, кто въ дѣятельности своей нарушаетъ строгость заповѣди, очевидно имѣетъ слабую память о Богѣ. Полезно быть невысокомѣрнымъ душою и оставаться наединѣ въ своемъ домѣ, потому что проводить жизнь смѣшанно съ другими вредно. Потому, чтобы намъ не получить какихъ-либо возбужденій чрезъ уши или глаза, и имѣть возможность пребывать въ молитвѣ, будемъ сначала жить уединенно въ своемъ домѣ, и такимъ образомъ мы побѣдимъ и прежніе навыки, въ которыхъ мы проводили жизнь, чуждую заповѣдей Божіихъ. И кто изъ такихъ людей когда-нибудь можетъ исполнить хотя бы одно это изреченіе: если кто идетъ ко Мнѣ, *да отвержется себе* (Мѳ. XVI, 24)? Нужно намъ отречься отъ себя и, взявъ крестъ Христовъ, такимъ образомъ слѣдовать за Нимъ. Отреченіе же отъ себя состоитъ въ совершенномъ забвеніи прошедшаго и отказѣ отъ своихъ желаній. Если же въ нашей памяти останется что-нибудь земное и тлѣнное и умъ будетъ погруженъ въ такомъ случаѣ какъ бы въ грязь, то душа не будетъ видна Богу и неподвижна будетъ на желаніе небесныхъ красотъ и уготованныхъ намъ по обѣтованію благъ. Однимъ словомъ, не дозволительно заботиться даже и о необходимомъ, какъ напр. о пищѣ и одеждѣ, чтобы мы не были стѣснены злыми мірскими помыслами какъ бы терніями, препятствующими приносить плодъ сѣмени, брошенному Дѣлателемъ душъ нашихъ, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, сказавшимъ: 755
эти суть упавшіе въ тернія, которые снѣдаются заботами, богатствомъ и удовольствіями жизни, и не приносятъ плода (Мѳ. XIII, 22). Такимъ образомъ, имѣя въ сердцѣ постоянную память о Богѣ, мы не дадимъ ни времени грѣхамъ, ни оставимъ мѣста въ сердцахъ своихъ врагу. Внимательность и привычка не заноситься легко придутъ къ дѣтямъ при правильномъ воспитаніи, если, именно, за ними будутъ постоянно наблюдать приставники и смотрѣть, гдѣ находится ихъ умъ и о чемъ они размышляютъ. Простота возраста, безхитростность и неспособность къ лжи легко обнаруживаютъ тайны души; а чтобы не слышать постоянно

напоминаній не дѣлать запрещеннаго, такія дѣти начинаютъ избѣгать мыслей о непристойномъ, боясь стыда порицаній.

И рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему (Быт. i. 26), говоря о внутреннемъ человѣкѣ. Но скажешь: Онъ говоритъ намъ не о помыслахъ: Онъ сказалъ о человѣкѣ, что онъ созданъ по образу Божію; помыслъ же какимъ образомъ будетъ человѣкъ? Слушай, что говоритъ апостолъ: *аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. iv, 16). Я признаю двухъ человѣковъ, одного видимаго, и другого скрывающагося въ видимомъ. У насъ есть внутренній человѣкъ, такъ что мы какъ бы двойные, и слѣдовательно мы правильно говоримъ, что внутри мы человѣки, совнѣ же нѣтъ, потому что то, что составляетъ наше совершенство, мы имѣемъ въ разумной душѣ; такъ что тѣло есть только орудіе души человѣка, собственно же человѣкомъ является то, что составляетъ душу. И повелѣніе: *да обладаютъ* сказалъ Богъ тѣлу, или разуму? Въ душѣ способность властвованія или въ тѣлѣ? Гдѣ же способность властвовать, какъ не въ силѣ разума? Чѣмъ болѣе лишается человѣкъ силы тѣла, тѣмъ болѣе возвышается способностью разума. Не сказалъ Богъ: сотворимъ по образу нашему и да гнѣваются, потому что не страсти восприняты въ образъ Божій, а разумъ — владыка страстей. Тебѣ дано владычество надъ неразумными, чтобы ты властвовалъ надъ неразумной страстью. Итакъ, если ты властвуешь надъ звѣрями, почему не властвуешь и надъ внутренними звѣрями? Если властвуешь надъ внѣшними, почему оставляешь безъ подчиненія внутренняго? Итакъ ты созданъ владыкой; не имѣй же неустойчивыхъ помысловъ, не будь легкомысленъ и непостояненъ мыслью. Неразумно вѣдь, если ты повергаешь летающихъ внѣ, не повергнуть себя, когда ты такъ легкомысленно заносишься. Итакъ, не возносись безумно выше того, что ты есть, и не думай больше, чѣмъ подобаетъ человѣческой природѣ; не надмевайся, если тебя хвалятъ, не ищи славы и не считай себя чѣмъ-то великимъ, потому что иначе будешь какъ птица, не имѣющая опоры и носимая
756 то туда, то сюда. Властвуй надъ своими помыслами, чтобы быть господиномъ всего, потому что данная намъ власть надъ животными должна сдѣлать насъ способными и къ властвованію надъ самими собою. Подобно тому, какъ нѣтъ никакой пользы ни въ домѣ, ни въ городѣ, ни въ дверяхъ, если нѣтъ того, кто бы ихъ стерегъ и зналъ, когда ихъ нужно замкнуть, и когда открыть, такъ точно и монаху нѣтъ пользы отъ прочихъ добродѣтелей, если его умъ не будетъ привратникомъ его желаній, который съ точностью и великимъ благоразуміемъ управлялъ бы закрытіемъ и открытіемъ сердца, и зналъ бы, кого нужно изгонять и кого вводить. И если какой-нибудь помыслъ проникнетъ насильно, слѣдуетъ задушить его внутри, и не допускать, чтобы онъ обнаружилъ себя въ словахъ, но изсушить его въ самомъ корнѣ, тщательно охранять въ безопасности дверь, и злымъ желаніямъ не позволять и родиться, а заро-

дившіяся уже подавлять. Потому и Богъ повелѣваетъ уничтожать внутри злые помыслы, говоря: *иже воззритъ на жену ко еже вождел҃ѣти* и т. д. (Мѳ. v, 28). Видишь ли, какъ Онъ не дозволяетъ даже и произростать или брать начало худымъ помысламъ—похоти и гнѣву? Онъ говоритъ: *гнѣваяйся на брата своего, повиненъ есть геенн҃ѣ огненн҃ѣй* (Мѳ. v, 22). Пусть двери будутъ заключены, говоритъ Онъ, и злые помыслы скоро будутъ побѣждены, потому что отъ гнѣва и похоти происходитъ всякій грѣхъ въ душѣ. Потому и Давидъ молится Богу, говоря: *не уклони сердце мое* (Пс. cxl, 4). Это не значитъ, что Богъ уклоняетъ его,—нѣтъ! Но смыслъ слова такой: не дозволь уклониться или обратиться на лукавые помыслы. Подлинно въ нихъ источникъ зла и нечестія. Подобно тому, какъ глазу, постоянно вращающемуся, и то обращающемуся въ стороны, то вверхъ и внизъ, невозможно видѣть ясно предметъ, а необходимо остановиться вниманіемъ на видимомъ предметѣ, если хотятъ разсмотрѣть его надлежащимъ образомъ, такъ точно и умъ человѣка, обремененный тысячами заботъ, неспособенъ ясно взирать на истину, и долженъ быть готовъ принять сердцемъ впечатлѣнія, идущія отъ божественнаго ученія, чтобы это ученіе подавило прежнія дурныя привычки. Иначе божественное не можетъ начертаться въ душѣ, какъ не истребивъ изъ нея слѣдовъ прежнихъ привычекъ. Умъ, не разсѣевающійся по внѣшнимъ предметамъ и не расплывающійся чрезъ чувства по міру, собирается въ себя самого, а чрезъ себя восходитъ къ мысли о Богѣ, и блистая этою красотою, забываетъ даже самую природу и не увлекается ни заботой о пищѣ, ни попеченіемъ объ одеждѣ, но свободный отъ земныхъ заботъ, все свое стараніе обращаетъ на пріобрѣтеніе вѣчныхъ благъ, коихъ всѣ мы и да сподобимся во Христѣ Іисусѣ Господѣ.

На Благовѣщеніе пресвятой Богородицы. 755—756

Воспраздпуемъ сегодня праздникъ царственныхъ таинъ. Вся тварь радуется вкупѣ. Звѣзды небесныя направляли спѣшившихъ на торжество, земля въ лицѣ пастырей спѣшила на поклоненіе. Исаія быстрымъ ходомъ пророчества шествовалъ, чтобы показать торжествующимъ Дѣву. Іеремія, хотя и отказываясь, все же шествовалъ, показывая самого Господа этого торжества и говоря: *Сей Богъ нашъ* (Вар. III, 36). Захарія спѣшилъ, неся торжествующимъ радость, объявляя повелѣніе о Господнемъ пришествіи и говоря: *радуйся, дщи Сіоня: се, царь твой грядетъ тебѣ кротокъ, всѣдъ на подъяремника и жребца юна* (Зах. IX, 9). Марія и Іосифъ положили въ ясляхъ драгоцѣнную жемчужину. Волхвы, увидѣвъ и изумившись красотѣ Младенца, повѣдали о Немъ Ироду, какъ достойномъ царѣ; онъ же, услышавъ и съ хитростью скрывъ смер-

тоносное поклоненіе, старался увидѣть эту жемчужину, но такъ какъ былъ недостоинъ, то не получилъ желаемаго, и какъ осмѣянный, недоумѣвалъ, что ему дѣлать. Безплотные ангелы, ликуя на этомъ торжествѣ, говорили: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ* (Лук. II, 14). О, странное и дивное чудо! Всякій языкъ превосходитъ предметъ праздника, чтобы восхвалить Марію, къ которой посланный ангелъ взывалъ: *радуйся, благодатная, Господь съ тобою* (Лук. I, 28). Она же въ трепетѣ, смущеннымъ окомъ глядѣла на говорившаго, и изумляясь видѣнію, обсуждала въ умѣ своемъ сказанныя слова и что̀ значитъ это привѣтствіе, говоря: о, странникъ, страннымъ голосомъ странное говоришь ты. Или ты не знаешь обычая привѣтствующихъ, или испытываешь меня, легко ли мною овладѣть? *Радуйся*—говорятъ всѣ привѣтствующіе, но *благодатная*—странно, особенно для тѣхъ, кто обѣщается вмѣстѣ съ благочестіемъ хранить и чистоту. Поэтому съ суровымъ лицомъ и гнѣвнымъ взоромъ, грозно обратившись къ говорившему, она изгоняла его словами: уйди, уйди, человѣкъ, съ порога моего; такъ ли ты, входя, началъ? Ты не угоденъ мнѣ, хотя бы и думалъ иначе. Ты хочешь увлечь меня, какъ Еву, матерь рода человѣческаго; не побѣдить тебѣ красоты лица моего, ни чувства долга, которое имѣю я къ бѣдному жениху
757 моему. Бѣги изъ дома моего, прежде чѣмъ пришелъ старецъ; оставь это мѣсто, чтобы не обвинилъ тебя этотъ старецъ, потому что ревнивъ онъ. Лучше тебѣ удалиться, потому что если онъ увидитъ, что ты говоришь со мной и обѣщаешь мнѣ то, что невозможно для человѣческой природы, то и себѣ самому причинитъ зло, и мнѣ скорбь и слезы. Но ангелъ неустрашимо говорилъ: *радуйся, благодатная.* Увидя его настойчивость, Дѣва прислушалась къ словамъ, желая точнѣе узнать цѣль говорившаго, и послѣ этого, слыша *радуйся, благодатная*, приняла это привѣтствіе. Ангелъ же присовокупляетъ: *Господь съ тобою.* Лишь только Дѣва услышала—*Господь съ тобою*, тотчасъ позвала говорившаго внутрь. Ты, говоритъ, принесъ съ собою Господа—войди внутрь и скорѣе повѣдай, зачѣмъ явился. И ангелъ сказалъ ей: *се, зачнеши во чревѣ и родиши Сына, и наречеши имя ему Еммануилъ; сей будетъ велій* (Лук. I, 31, 32), Богъ сильный, князь мира, властитель, Отецъ будущаго вѣка. И Дѣва отвѣчаетъ: нѣтъ еще ни брака, нѣтъ ни брачнаго чертога, и уже рожденіе? Ты не знаешь, что дѣлаешь. Если тебѣ, какъ страннику, что-нибудь нужно, то возьми и иди, а не предрекай некстати того, чего не знаешь. Во всякомъ случаѣ, если я и зачну сына, то непремѣнно отъ Іосифа. Тогда ангелъ говоритъ: не обманываю тебя: *сей будетъ велій.* Какимъ же образомъ великъ?—отвѣчаетъ Дѣва: обручникъ мой бѣденъ, и я крайне бѣдна; имущества у меня нѣтъ, денегъ мы не имѣемъ, родомъ не знатны и, сверхъ того, насъ заставляютъ идти на перепись. Конечно, какъ плательщикъ подати, онъ заплатитъ дидрахму, а ты говоришь: будетъ великъ? Перестань, перестань давать такія обѣ-

щанія. Но ангелъ въ отвѣтъ: ты не вѣришь меньшему,—прими же, хотя бы и не хотѣла, большее: *Сынъ Вышняго наречется*. И Дѣва: уйди же изъ дома моего, чтобы не услышалъ Іосифъ и не объявилъ священникамъ и, какъ лишаемый супружества, не отсѣкъ сѣкирой шеи твоей, потому что ты говоришь со мною на порогѣ обители моей. Ты обѣщаешь принести мнѣ жениха съ неба? Но какое же небесное существо расположено къ браку? Всѣ небесныя существа суть безтѣлесные духи; какъ же безтѣлесное соединится съ тѣлеснымъ? Изъ тѣла и безтѣлеснаго Сынъ Вышняго наречется. Откуда же, спрашиваетъ Дѣва, будетъ имѣть отца имѣющій родиться, какъ ты говоришь, отъ меня? Въ томъ и заключается, Дѣва,—отвѣчаетъ ангелъ,—величайшее чудо, что ты не познаешь мужа и родишь Того, о Комъ я говорю, и дитя не окажется сиротой; Оно изойдетъ изъ утробы твоей, не повредивъ затворовъ, и ты не утратишь дѣвства, вскормишь рожденнаго тобою, и на рукахъ своихъ будешь носить младенца, и узришь Его сѣдящаго на херувимахъ. Этому рожденному тобою *дастъ Господь Богъ престолъ Давида Отца его, и воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію его не будетъ конца* (Лук. I, 32, 33). И Дѣва къ нему: противъ воли ты впалъ въ противорѣчіе. Уста твои обвиняютъ тебя и рѣчь твоя обличаетъ тебя. Незадолго предъ тѣмъ ты говорилъ: *Сынъ Вышняго наречется* рождаемый, а теперь говоришь уже: Сынъ Давидовъ. Что значитъ эта рѣчь? То ты хочешь возвести мой умъ къ небесамъ, то низвести опять на землю. Какому же слову вѣрить мнѣ? Первому или второму? Вѣдь ты говоришь: *дастъ Господь* Ему *престолъ Давида отца его и царству его не будетъ конца*. Ни одинъ царь не былъ безсмертнымъ, никто не избѣжалъ общаго конца; надъ всѣми владычествуетъ и всѣхъ постигаетъ смерть; всѣхъ истязуютъ черви; никто изъ царей не избѣжалъ затворовъ ада; всѣми владѣетъ смерть, всѣхъ стережетъ въ гробахъ; никто не ускользнулъ отъ ея узъ, никто не избѣжалъ ея сѣтей: ни Саулъ, впервые освятившій царскую діадему, ни Давидъ, который объявленъ былъ царемъ чрезъ помазаніе изъ рога, ни Самуилъ, отецъ царей, чрезъ елей указавшій достойнаго и отвергшій недостойнаго, ни мудрѣйшій Соломонъ, мечемъ обличившій ложь блудницы, ни Езекія, слезами отвратившій смертный приговоръ. Какъ же мой сынъ будетъ царствовать во вѣки? И ангелъ отвѣчаетъ: въ томъ и есть, Марія, дивное таинство, что всѣ умерли, а твой сынъ побѣдитъ смерть, воздвигнетъ мертвыхъ, воскреситъ умер-
шихъ, отверзетъ гробы, сокрушитъ запоры ада и возставитъ многія тѣла 758
усопшихъ, потому что безсмертный отъ безсмертнаго рожденный умертвитъ смерть своею смертію. Итакъ перестань не вѣрить, чтобы не подпасть обвиненію. Тотъ, о комъ я говорю тебѣ, уже вошелъ чрезъ слухъ твой въ чрево твое, совершая обновленіе его. И Дѣва въ отвѣтъ: чтобы я согласилась съ этимъ, сначала увѣрь меня, какимъ образомъ имѣющій родиться отъ меня безъ отца будетъ и Сыномъ Вышняго и Сыномъ

Давида, какъ говоришь ты, и какъ ты назвалъ двухъ отцовъ? Сначала узнай, отвѣчаетъ ангелъ, и тогда противорѣчь. Когда говорю тебѣ: Сынъ Вышняго, я указалъ тебѣ на безстрастно рожденнаго прежде вѣковъ отъ Отца, а когда говорю: Сынъ Давида, сказалъ такъ потому, что ты произошла отъ отца Давида. Итакъ, получивъ увѣреніе, храни слова мои, потому что и я рабъ Того, котораго ты имѣешь родить. Сказавъ это Дѣвѣ, ангелъ оставилъ ее. И она, размышляя въ себѣ, говорила: повѣдать Іосифу или лучше скрыть тайну? Если приходившій солгалъ, то раздражу противъ себя языкъ старца. И когда такъ размышляла Дѣва, чрево ея увеличивалось и младенецъ игралъ въ немъ. Обезпокоившись этимъ, Марія прикрыла множествомъ покрововъ животъ свой, желая скрыть отъ Іосифа, но не могла скрыть града, лежащаго вверху горы. Видъ чрева поразилъ Іосифа, и онъ подозрительнымъ окомъ смотрѣлъ на Дѣву. Онъ хотѣлъ и укорить ее, и понуждался молчать; хотѣлъ укорить, какъ продавшую сокровище дѣвства, но прежняя жизнь возбраняла это сдѣлать. Въ концѣ концовъ онъ истерзалъ скорбью душу свою. Увы, говорилъ онъ, что сдѣлать мнѣ? Лицо какъ у дѣвы, видъ какъ у дѣвы, глаза какъ у дѣвы, смѣхъ и рѣчь какъ у дѣвы, а чрево не дѣвы, а матери. Увы мнѣ, увы, не могу болѣе терпѣть, видя это. Не открыть ли наконецъ дѣло, не обличить ли Марію? Позоръ будетъ общій. Не разгласить ли мнѣ во всеуслышаніе, чтобы не назваться отцомъ младенца, рождающагося безъ сѣмени? Никто не можетъ обвинить дѣву, потому что носимый во чревѣ не имѣетъ дѣтородителя. Пожалуй мнѣ опасно и молчать и говорить объ этомъ. Что же сдѣлать мнѣ? Призвать ли и расспросить, или объявить не спрашивая? Лучше обличу, —какъ повелѣваетъ Писаніе: не сдѣлала ли преступленія? Итакъ, призвавъ ее съ суровымъ видомъ, онъ сталъ судіей бывшаго въ утробѣ Судіи. Скажи мнѣ точно, говорилъ онъ, что случилось съ тобой. Не скрой отъ меня, что произошло съ тобой. Никто не можетъ слышать словъ твоихъ: я умѣю сохранять тайны: никто не узнаетъ дѣла, только мнѣ скажи все вѣрно. Откуда въ тебѣ то, что я вижу? Покажи мнѣ его отца, и я освобожу тебя отъ вины: ты получишь прощеніе, какъ женщина, побѣжденная плотскимъ желаніемъ. И Дѣва отвѣчала ему: если ты ищешь Его отца, то не найдешь Его никогда, если же сочтешь Его сирымъ, то ошибешься и въ этомъ. Тогда Іосифъ говоритъ: ты не можешь, Марія, ничего солгать: какъ онъ можетъ не быть сирымъ и не имѣть отца? И Дѣва въ отвѣтъ: если ты хочешь знать, кто, Іосифъ, (такъ какъ ты не знаешь), то не повѣришь мнѣ, если скажу тебѣ истину. Ты видишь чрево, и не видишь сокрытаго въ немъ Господа; замѣчаешь чрево, и не помышляешь о рожденномъ прежде денницы изъ Отца и обитающемъ во Мнѣ. Если скажу тебѣ, что сказалъ мнѣ ангелъ, ты скажешь: о самой себѣ ты свидѣтельствуешь, и свидѣтельство твое не истинно. Іосифъ говоритъ: приведи слышавшихъ и бывшихъ при томъ, представь истинныхъ свидѣтелей. И Дѣва сказала:

если этого хочешь ты, никогда не найдешь: одинъ онъ посланъ былъ ко мнѣ единой, и одинъ наединѣ говорилъ со мною; никто не присутствовалъ, потому что никто не имѣлъ быть отцемъ рождаемаго. Но такъ какъ слова Дѣвы не удостоились вѣры, то, подумавъ, она пришла къ другой мысли и сказала: чрево выдаетъ меня, младенецъ, играющій въ утробѣ моей, обвиняетъ меня, зачѣмъ же мнѣ еще болѣе возбуждать противъ себя Іосифа? Покрою молчаніемъ уста свои и разсужусь невидимо съ ангеломъ: гдѣ теперь ты, сказавшій мнѣ: *радуйся, благодатная?* Въ какихъ мѣстахъ обрѣтаешься? Скажи, чтобы я явилась тамъ, и повисла на выи твоей, пока ты не придешь и не увѣришь Іосифа, чей сынъ тотъ, кто играетъ въ ложѣ чрева моего. Я не могу сносить, чтобы старецъ подозрительно смотрѣлъ и роптал. И я не знаю, гдѣ ты медлишь; приди и защити меня. Когда такимъ образомъ говорила Марія, ангелъ внезапно является Іосифу и, давъ ему увѣреніе, воспретилъ изгнать 759—760
Дѣву, говоря Іосифу: *не убойся пріяти Маріамъ жены твоея* (Мѳ. I, 20). Возвѣщаю тебѣ не участіе въ бракѣ, а домостроительство божественныхъ таинъ. Ты не являешься отцемъ? Не ищи на землѣ отца, ни на небесахъ матери. Отъ всякаго сиротства рожденіе свободно, потому что Онъ единый отъ единаго прежде вѣковъ существуетъ единственнымъ образомъ. Нынѣ же единый отъ единой, какъ знаетъ Онъ единъ. Не смущайся относительно Маріи, не огорчай рождаемаго отъ Маріи, не допытывайся о способѣ рожденія, чтобы не сдѣлалъ тебѣ зла младенецъ, не допытывайся относительно ковчега, чтобы не лишиться вклада. Непороченъ сосудъ, неоскверненно сокровище, чистъ алавастръ, безсѣменно рожденіе, несочетанна бракомъ дѣвица, не знаетъ брачнаго чертога дѣва, несѣченна скала, заключенъ вертоградъ, запечатанъ источникъ, не засѣяно поле, не насаждена лоза, не задумано рожденіе. Если не вѣришь моимъ словамъ, жди времени рожденія. И если будетъ плачъ и стенаніе у Маріи, какъ у прочихъ женъ, то—человѣкъ, а не Богъ, рождаемый отъ Маріи. И сказалъ Іосифъ: если это такъ, какъ ты сказалъ, архангелъ, то *вскую шаташася языцы, и людіе поучишася тщетнымъ* (Пс. II, 1)? И сказалъ ангелъ: если хочешь знать, узнай теперь же, потому что Господь сказалъ рождаемому: *Сынъ Мой еси ты, азъ днесь родихъ тя* (тамъ же, ст. 7), и Ему подобаетъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слова: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси (Мѳ. XVIII, 18); о притчѣ о ста овцахъ; на слова Евангелиста: аще два совѣщаета и слѣд., и на слова: колькраты, аще согрѣшитъ въ мя братъ мой, отпущу ему (Мѳ. XVIII, ст. 12, 19, 21)? 759

Источникъ, обладая однимъ и тѣмъ же свойствомъ воды, утоляетъ жажду многочисленныхъ и разнообразныхъ животныхъ. Къ нему при-

ходятъ на водопой стада быковъ и овецъ, къ его водамъ устремляются табуны четвероногихъ и разнообразныя породы дикихъ звѣрей, къ нему же слетаются и многочисленныя стаи птицъ и пьютъ изъ него воду, утоляя палящую жажду. И не только одни безсловесныя животныя удовлетворяютъ потребность свою водою источника, но онъ доставляетъ изъ нѣдръ земныхъ въ изобиліи питье и одареннымъ разумомъ людямъ,— и такимъ образомъ всѣ живыя существа—пресмыкающіяся, птицы, четвероногія и, наконецъ, одаренные разумомъ люди насыщаются водою, получая ее изъ одного источника. Таково же, возлюбленные, и свойство божественнаго Писанія, хотя оно и одно: имѣя источникомъ своимъ едину мудрость Божію, оно умудряетъ многочисленныя и разнообразныя сердца людей. Имъ умудряются наставники, имъ воспитываются ученики, благоухаютъ церкви, напаяются жаждущіе, просвѣщаются находящіеся во тьмѣ. А что это дѣйствительно такъ,—въ этомъ мы легко можемъ убѣдиться изъ только что прочтеннаго Евангелія. Въ самомъ дѣлѣ, что сказалъ Господь? *Аминь глаголю вамъ, елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси.* Одни и тѣ же слова, но многоразлично раздѣляются сообразно потребности и пользѣ каждаго; одни и тѣ же слова, но одинаково пригодны старцамъ и юношамъ, женщинамъ, дѣвушкамъ и мужамъ, ученикамъ и учителямъ. *Елика аще свяжете на земли будутъ связана на небеси.* Тебѣ дана власть вязать и разрѣшать: ты связалъ самъ себя цѣпями сребролюбія,—разрѣши же себя чрезъ исполненіе заповѣди о любви къ бѣднымъ; ты связалъ себя страстію къ удовольствіямъ,—разрѣши себя воздержаніемъ; ты связалъ себя зловѣріемъ Евномія,—разрѣши себя чрезъ исповѣданіе православнаго ученія. Наставники! Свяжите ученіе Евномія, Арія и Мараѳонія, и разрѣшите намъ заключающіяся въ Евангеліяхъ желанія Отца, Сына и Святаго Духа; свяжите силою молитвъ вашихъ къ Богу демоновъ, возстающихъ противъ вѣрующихъ, и разрѣшите въ крещеніи обращающихся изъ среды язычниковъ, расторгнувъ узы грѣховъ ихъ; свяжите чрезъ отлученіе тѣхъ, которые согрѣшили послѣ крещенія, и снова разрѣшите ихъ, если они принесутъ покаяніе, принявъ ихъ какъ братьевъ, потому что истинны слова: *елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ.* Такъ дѣлали и апостолы. Нѣкогда Павелъ связалъ коринѳскаго блудника, и снова разрѣшилъ его, когда онъ чистосердечно раскаялся; такъ же и Петръ связалъ человѣка, захотѣвшаго послѣ крещенія пріобрѣсти за деньги даръ Божій, и затѣмъ разрѣшилъ его, когда онъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ сталъ умолять его. Наконецъ, они связали многихъ согрѣшившихъ нераскаянно, другихъ же, покаявшихся, разрѣшили. Петръ связалъ Ананію и Сапфиру, искушавшихъ Духа Господня, и разрѣшилъ Тавиѳу отъ узъ смерти, воскресивъ ее изъ мертвыхъ; разрѣшилъ увѣровавшаго Корнилія сотника и связалъ въ Римѣ Симона волхва, обманывавшаго своими волхвованіями; Павелъ связалъ волхва

Елиму, ослѣпивъ его словомъ своимъ, и разрѣшилъ служанку, изгнавъ изъ нея духа прорицательнаго; самъ связалъ себя узами предательства 760
Іуда, и разрѣшилъ раскаяніемъ грѣхъ отреченія своего Петръ; связалъ себя Павелъ, когда преслѣдовалъ Церковь Христову, но затѣмъ самъ разрѣшилъ себя, когда познадъ на пути путь истины. Многое также связали и разрѣшили пророки. Такъ Илія Ѳесвитянинъ заключилъ дождевыя облака, чтобы не дать дождя нечестивымъ, и онъ же снова раскрылъ ихъ, когда царь Ахавъ палъ предъ нимъ; ученикъ Иліи Елисей разрѣшилъ Неемана Сиріянина, исцѣливъ его отъ проказы, и связалъ Гіезія, солгавшаго ради денегъ, обративъ на него проклятіемъ своимъ проказу; Даніилъ истолковалъ сонъ Новуходоносора и связалъ вооруженныя полчища халдеевъ, ополчивъ ихъ противъ ихъ же самихъ; онъ же разрушилъ храмъ идоловъ, ниспровергнувъ Вила и убивши дракона, и заградилъ уста кровожадныхъ львовъ. Сокрушили и три отрока силу огня, оставшись несожженными имъ, и нарушили повелѣніе царя, отказавшись поклониться образу его. Но больше, чѣмъ всѣ вышепоименованные, вязалъ и рѣшилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Онъ разрушилъ возникшую между нами и Богомъ вражду и связалъ виновника зла—змѣя, чрезъ котораго возникла эта вражда; Онъ связалъ всѣхъ демоновъ, ополчающихся противъ людей и освободилъ всѣхъ людей, одержимыхъ ими; Онъ сокрушилъ обращенный противъ насъ огненный мечъ, и освободилъ связаннаго на крестѣ разбойника, введя его въ рай сладости; Онъ связалъ братоубійцу Каина, осудивъ его на постоянный трепетъ, и освободилъ отъ страха разслабленнаго, укрѣпивъ члены его; Онъ освободилъ Исаака, связаннаго Авраамомъ и связалъ вмѣсто него овна, запутавшагося въ чащѣ кустарника; Онъ связалъ Іуду, возлюбившаго сребренники, и разрѣшилъ начальника мытарей Закхея, раздавшаго деньги свои бѣднымъ; Онъ связалъ стадо принадлежавшихъ іудеямъ свиней, предавъ ихъ демонамъ, и освободилъ привязанную ослицу и жребя, пославъ учениковъ Своихъ; Онъ связалъ безплодную смоковницу, изсушивъ корни ея, и разрѣшилъ прикоснувшуюся къ Нему женщину, сказавъ ей: дерзай, дщерь, ты свободна отъ немощи твоей (Мѳ. ix, 22). Онъ разрѣшилъ отъ узъ связаннаго Петра и связалъ убійцу Ирода, предавъ тѣло его на съѣденіе червямъ; Онъ утвердилъ основанную на твердой скалѣ православную Церковь, и сокрушилъ воздвигнутую на нетвердомъ пескѣ скинію инославныхъ; связали и іудеи Христа, но Христосъ разрушилъ храмъ ихъ, разрушилъ ихъ Іерусалимъ, ниспровергъ ихъ установленія, упразднилъ обрѣзаніе, разрушилъ синагоги ихъ, лишилъ ихъ закона и пророковъ и разсѣялъ ихъ, подобно мякинѣ, по всѣмъ городамъ и странамъ. И діаволъ связалъ Господа, вознеся его на крестъ, но Христосъ расторгъ его ненасытное чрево, сокрушилъ его плотоядные зубы, уничтожилъ силу его, сокрушивъ ее о твердую скалу Свою, разодралъ одежду его, пре-

клонилъ главу его, подвергъ его на вѣки плачу и неутѣшной печали за то, что онъ повергъ человѣка, проводившаго жизнь свою въ радости, въ печаль о грѣхахъ своихъ. Онъ угасилъ свѣтъ безстыдныхъ глазъ его, покрылъ стыдомъ презрѣнное лице его, пронзилъ его острымъ
761 копьемъ, поразилъ его мечемъ, имѣющимъ три лезвія, разрушилъ надежду его, изслѣдовалъ тайныя убѣжища его, развѣялъ по вѣтру достоянія его, низвергъ жестокихъ сыновей и внуковъ демоновъ его, сожегъ огнемъ неугасимымъ рукотворенныхъ идоловъ его, низринулъ въ бездну ложе его, разрушилъ мрачныя хранилища его, открылъ двери ада и, освободивъ всѣхъ связанныхъ имъ и взявъ ихъ съ собою, возшелъ на небеса къ Отцу Своему, подобно исполину, какъ говоритъ пророкъ: *возрадуется яко исполинъ тещи путь* свой; *отъ края небесе исходъ его, и срѣтеніе его до края небесе: и нѣсть, иже укрыется теплоты его. Возрадуется яко исполинъ тещи путь* свой (Пс. xvIII, 6. 7). Онъ возрадовался, какъ мы только что слышали изъ Евангелія, потому что нашелъ одну заблудшую овцу. Онъ оставилъ девяносто девять незаблудшихъ овецъ, т. е. ангельскія силы, въ горахъ, разумѣется на небесахъ, и пришелъ къ заблудшей овцѣ, взывающей и говорящей: *заблудихъ яко овча погибшее: взыщи раба твоего, яко заповѣдей твоихъ не забыхъ* (Пс. cxvIII, 176). Услышавши эти слова заблудившейся овцы, Онъ преклонилъ небеса и сошелъ, чтобы взыскать заблудившуюся овцу, и нашедши ее возрадовался. *Возрадуется яко исполинъ тещи путь.* Онъ радуясь прошелъ путь съ небесъ на землю, а затѣмъ съ земли снисшелъ въ преисподнюю и, освободивъ тамъ всѣ, находившіяся во власти діавола, души, возвратился на землю и снова восшелъ отъ земли на небо къ Отцу Своему, подобно исполину. *И нѣсть, иже укрыется теплоты его* (Пс. xvIII, 7). Когда ты слышишь о теплотѣ Христовой, помышляй о томъ, что Онъ есть солнце правды. *И нѣсть иже укрыется теплоты Его.* Въ самомъ дѣлѣ, кто, умерщвленный ужаснѣйшей смертію, укроется отъ теплоты Духа Его, и не всѣ ли воскреснутъ изъ мертвыхъ? Вострубитъ — и мертвые возстанутъ нетлѣнными. Что же значатъ, возлюбленные, слѣдующія далѣе слова? Хотя мы сказали изъ многаго немногое въ объясненіе этихъ словъ: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ*, но обратимъ наше вниманіе на слѣдующій затѣмъ стихъ: истинно говорю вамъ, что если двое согласятся вмѣстѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чего бы ни попросили, будетъ дано имъ (Мѳ. xvIII, 19). Авраамъ, согласившись съ женой своей Саррой, что выразилось въ томъ, что онъ побѣжалъ къ воламъ, а она поспѣшила приготовить хлѣбы (для странниковъ), получили сына, что является въ старости дѣломъ необычайнымъ. Патріархъ Іаковъ, согласившись съ матерью своей, получилъ вѣчное благословеніе. Моисей и Ааронъ, согласившись, опустошили весь

Египетъ, и освободили народъ еврейскій. Единомысленные Іисусъ и Халевъ одни только наслѣдовали землю обѣтованную. Деворра, согласившись съ Babакомъ, побѣдила жесточайшаго тирана. Іудиѳь, согласившись со своею служанкой, побѣдила иноплеменника Олоферна. Товія, согласившись съ ангеломъ, связалъ человѣкоубійцу—злого духа жены своей—и снялъ слѣпоту съ глазъ отца своего. Езекія и Исаія, помолившись вмѣстѣ, поразили сто восемьдесятъ пять тысячъ иноплеменниковъ. Павелъ и Сила, помолившись вмѣстѣ въ темницѣ, достигли того, что отъ землетрясенія поколебались основанія темницы. Впрочемъ возможно и иначе понимать эти слова — «если двое согласятся вмѣстѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чего бы ни попросили, будетъ дано имъ». Если придутъ въ соглашеніе эти два сильно разнствующія между собою и борющіяся другъ съ другомъ начала, т. е. плоть и духъ, такъ какъ плоть вожделѣваетъ вопреки духу, а духъ—вопреки плоти,—если, повторяю я, войдутъ между собою въ соглашеніе эти два начала, такъ что духъ будетъ господствовать, а плоть находиться въ подчиненіи, первый будетъ поступать благоразумно, а послѣднее не будетъ противоборствовать,—тогда между душею и плотію будетъ находиться Господь и о какомъ бы дѣлѣ они ни стали просить, оно, чего бы ни попросили они, будетъ дано имъ. Многіе вѣдь, достигши подобнаго состоянія, были услышаны, какъ напр., Илія на горѣ, Даніилъ во рву львиномъ, Іона во чревѣ кита, Езекія на одрѣ болѣзни своей, Петръ въ Іоппіи, Корнилій въ Кесаріи. Также были услышаны и многія женщины, хотя онѣ молились и однѣ. такъ напр. Сарра, дочь Рагуилова, въ Екбатанахъ, Іудиѳь (въ шатрѣ) на кровлѣ дома своего и Сусанна на судилищѣ беззаконныхъ. Тогда приступилъ, какъ сказано, Петръ и сказалъ Господу: сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? До семи ли разъ (Мѳ. xviii, 21)? Что же отвѣчаетъ 762
ему Господь? «Не только, говорю тебѣ, до семи, но до седмижды семидесяти разъ». Такъ какъ онъ слышалъ, что Господь сказалъ: *елика аще свяжсте на земли, будутъ связана не небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ*, то и дополняетъ обѣщаніе Господа, желая вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, насколько велика эта милосердная снисходительность Господа. Ты сказалъ намъ: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана и на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена и на небесѣхъ*. Итакъ, сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшитъ противъ меня? До семи ли разъ? Господь же, имѣя въ виду немощь милости его по отношенію къ ближнему, сказалъ ему: «не только говорю тебѣ до семи, но до седмижды семидесяти разъ». Ты, будучи человѣкомъ бѣднымъ, попросилъ о скудномъ, Я же, какъ щедрый Богъ, дарую милость Свою въ изобиліи. Не только до семи, но до седмижды семидесяти разъ. Но эти слова заключаютъ въ себѣ сокровенную тайну. Если земледѣлецъ не вскопаетъ глубоко заступомъ земли, онъ не получитъ въ будущемъ обильныхъ плодовъ; точно также и мы,

если не углубимъ умъ свой въ Писанія, не обрѣтемъ скрытаго въ нихъ сокровища Духа Святаго. Сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшитъ противъ меня? До семи ли разъ? Почему онъ не сказалъ— до восьми, до шести, до десяти разъ, но «до семи ли разъ?» Потому, что Богъ сотворилъ все въ шесть дней, а въ седьмой день почилъ отъ дѣлъ своихъ. Петръ вопрошаетъ Господа о тайнѣ, желая узнать правила церковныя, т. е.: если братъ мой будетъ согрѣшать противъ меня въ продолженіе всей жизни своей, въ послѣдній же день жизни своей, т. е. въ день седьмой, раскается, прощать ли ему? Господь же говоритъ въ отвѣтъ: ты не только въ настоящемъ вѣкѣ отпустишь ему прегрѣшенія его, но простишь ему и въ будущемъ вѣкѣ, который продолжительнѣе настоящаго въ седмижды семьдесятъ разъ. Вѣдь истиненъ Тотъ, Кто сказалъ тебѣ, что *елика аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена на небесѣхъ*. Но раскроемъ еще болѣе глубокую мысль. Сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшитъ не противъ Тебя, Бога, но противъ меня? Господь же отвѣчаетъ ему: ты будешь прощать согрѣшенія противъ Меня не только до семи, но до седмижды семидесяти разъ. Вѣдь непреложны сказанныя Имъ слова: всякій грѣхъ и хула простится человѣкомъ, хула же на Духа Святаго не простится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ (Мѳ. xii, 31, 32). Благодареніе же Богу за то, что мы не боимся этого грѣха, потому что мы не изрекаемъ хулы на Духа Святаго, но покланяемся и прославляемъ Его. Но изслѣдуемъ еще эти слова,— вѣдь какъ расплавленное въ горнилѣ золото дѣлается болѣе блестящимъ, такъ и Писаніе, будучи изслѣдуемо, становится болѣе яснымъ. Сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшитъ противъ меня? До семи ли разъ? Онъ зналъ, что законъ прощаетъ людямъ прегрѣшенія въ седьмой день вѣка сего, такъ какъ послѣдній не имѣлъ восьмого дня воскресенія, не явился еще Христосъ, имѣющій день воскресенія: вотъ почему и Давидъ, находясь подъ закономъ, восхваляетъ Бога седмикратно въ день, именно онъ говоритъ: *седмерицею днемъ хвалихъ Тя* (Псал. cxviii, 164), а не восьмикратно, потому что не пришелъ еще Христосъ,—восьмой день воскресенія; я еще пребываю подъ закономъ, подъ закономъ буду служить Тебѣ; я еще сынъ рабы, т. е. синагоги, я еще не родился отъ свободной; поэтому онъ говоритъ: *азъ рабъ твой, и сынъ рабыни твоея* (Псал. cxv, 7). Вѣдь только у возрожденныхъ благодатію христіанъ мать—свободная, какъ говоритъ апостолъ: *а вышній Іерусалимъ свободь есть, иже есть мати всѣмъ намъ* (Галат. iv, 26). Итакъ, сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? До семи ли разъ? Какъ бы такъ онъ говорилъ: какъ Ты повелѣваешь прощать прегрѣшенія братьямъ моимъ, такъ ли, какъ повелѣваетъ дѣлать это законъ (такое именно значеніе имѣютъ слова—«до семи разъ»), или же въ большей мѣрѣ? Но Господь преизобилуетъ благодатію, говоря: «не только до семи, но до седмижды семидесяти разъ».

Насколько Слово превосходитъ законъ, настолько и благодать превосходитъ законъ, такъ какъ не Богъ—Слово изъ закона, но законъ изъ Слова. И стоитъ, возлюбленные, узнать, какова польза, проистекающая 763 изъ Слова, чтобы постичь, насколько Слово могущественнѣе закона. Законъ даетъ іудеямъ десять словъ (заповѣдей),—и не принесъ имъ никакой пользы, а намъ Богъ далъ единое Слово и спасъ чрезъ Него всѣхъ. Но изслѣдуемъ еще глубже написанное, при содѣйствіи Духа. Вѣдь тотъ, кто открылъ сокровище, не уходитъ, взявши одно только золото и серебро, но разыскиваетъ также и разные драгоцѣнные камни. Сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшитъ противъ меня? До семи ли разъ? Сокровенная тайна, возлюбленные, заключается въ словахъ этихъ, и скрыта отъ многихъ. Но ты со всѣмъ тщаніемъ вникни въ эту мысль, потому что она весьма тонка, быстрѣе птицы и легко можетъ ускользнуть отъ умственнаго взора, даже у тѣхъ, кто обладаетъ острымъ зрѣніемъ. Сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшитъ противъ меня? Семь разъ? Заслуживаетъ изслѣдованія, почему Петръ сказалъ: «до семи ли разъ», а Господь нашъ отвѣтилъ ему: «до седмижды семидесяти разъ». Но Петръ имѣлъ въ виду вину убійства, какъ самую тяжелую и ужасную, и въ тайнѣ хотѣлъ узнать правила церковныя,— 764 повелѣваетъ ли ему Господь прощать въ крещеніи вину убійства. Имѣл въ виду, что Каинъ коварно убилъ брата своего и впалъ такимъ образомъ въ семикратную вину,—такъ какъ Каинъ первый среди людей совершилъ убійство, первый сталъ лицемѣрить, первый солгалъ, первый осквернилъ кровью землю, первый отверзъ врата смерти, которая еще не касалась человѣка, если бы Каинъ, побуждаемый завистію, не произвелъ ее на свѣтъ, —итакъ Петръ, имѣя въ виду, что совершенное Каиномъ убійство подлежитъ семикратному наказанію, приступаетъ къ Господу, таинственно вопрошая его: сколько разъ прощать брату моему, если онъ согрѣшаетъ противъ меня? До семи ли разъ? Т. е. повелѣваешь ли Ты въ крещеніи прощать вину братоубійцы Каина? Что же отвѣчаетъ ему на это Господь? Прощай въ крещеніи не только вину Каина до семи разъ, но даже и вину Ламеха до седмижды семидесяти разъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слова іудеевъ: „бѣса ли имаши"?—и на слова: „не судите на лица" (Іоан. VII, 20 и 24). 763

Подобно тому какъ блестящая луна, разсѣевая ночной мракъ, прекрасно освѣщаетъ какъ бы факеломъ путь мореплавателямъ и путешественникамъ и такимъ образомъ дѣлаетъ безпрепятственнымъ путешествіе для каждаго, точно такъ же и учитель Церкви, разливая посредствомъ слова, подобно лунѣ, свѣтъ богопознанія, приводитъ къ Истинѣ —

Христу какъ тѣхъ, которые въ настоящемъ житейскомъ морѣ идутъ по скорбному пути удовольствій, такъ и тѣхъ, которые ведутъ христіанскій образъ жизни. И Священное Писаніе называетъ обыкновенно учителей Церкви, ведущихъ святую жизнь, сообразно достоинству ихъ, луною и звѣздами, какъ говоритъ пророкъ Давидъ: *луну и звѣзды, яже Ты основалъ еси* (Пс. VIII, 4). Но съ большею ясностію можно видѣть различіе святыхъ, называемыхъ по значенію своему солнцемъ, луною и звѣздами, изъ словъ апостола, который говоритъ: *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ, звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ въ славѣ* (1 Кор. XV, 41). Такъ и мы, свѣтя подобно самой малой звѣздѣ, явственно покажемъ вамъ сіяніе заключающихся въ Евангеліи мыслей. Итакъ, по словамъ евангелиста, іудеи говорили Господу: *бѣса ли имаши*? Онъ же отвѣчалъ имъ: *не судите на лица, но праведный судъ судите*. О, іудеи! Вы говорите, что во Мнѣ бѣсъ: сравните же Мои дѣла съ вашими и, подвергнувъ ихъ суду вашей совѣсти, скажите: кто же имѣетъ бѣса—Я или вы? *Не судите на лица, но праведный судъ судите*. Вы перешли, какъ по зеленому лугу, чрезъ Чермное море, получили въ пустынѣ чудеснымъ образомъ сладкую воду, источенную изъ скалы, и перепеловъ, ниспавшихъ съ неба, и вотъ послѣ того какъ вы получили столь многія и другія еще большія блага, вы, когда Моисей взошелъ на гору, сдѣлавши (золотого) тельца, поклонились легіону бѣсовъ, Я же, пришедши, отгналъ отъ рода человѣческаго этотъ легіонъ бѣсовъ. Итакъ, скажите, кто же имѣетъ бѣса? Я или вы? *Не судите на лица, но праведный судъ судите*. Вы приносите въ жертву бѣсамъ сыновей и дочерей своихъ, Я же воскресилъ изъ мертвыхъ сына вдовы и дочь начальника синагоги: перваго воздвигнувъ здравымъ изъ гроба, въ которомъ онъ лежалъ, однимъ прикосновеніемъ руки ниспославъ на лежащаго въ гробу свою исцѣляющую силу, а вторую пробудилъ отъ смерти, какъ бы отъ сна, словомъ. Кто же имѣетъ бѣса? Я или вы? *Не судите на лица, но праведный судъ судите*. Вы, убивши подъ вліяніемъ лживыхъ словъ Іезавели Навуѳея, уничтожили виноградникъ, порождающій веселіе, и обратили его въ поле овощей, составляющихъ пищу немощныхъ, потому что, по слову апостола, немощный ѣстъ овощи, (Рим. XIV, 2), а Я, исцѣливъ и сдѣлавъ здравыми въ мгновеніе ока тѣхъ, которые подобно стелющимся по землѣ огороднымъ овощамъ впали въ немощь, далъ имъ въ пищу хлѣбъ небесный и снова возвратилъ ихъ въ прежнее состояніе, говоря: *Азъ есмь лоза, вы же рождіе* (Іоан. XV, 5). Скажите же, кто имѣетъ бѣса? Я или вы? *Не судите на*
764 *лица, но праведный судъ судите*. Вы погубили Исаію, перепиливъ его деревянною пилою, Я же возстановилъ разрушенную смертію человѣческую природу, соединивъ ее при участіи древа крестнаго. Итакъ скажите, кто же имѣетъ бѣса? Я или вы? *Не судите на лица, но праведный судъ судите*. Вы удушили пророка Іеремію, ввергнувъ его въ

грязный ровъ, а Я извлекъ погибшее въ грязи вашихъ удовольствій пророческое слово и утвердилъ его въ душахъ послѣдователей Моихъ. Скажите же, кто имѣетъ бѣса? Я или вы? *Не судите на лица, но праведный судъ судите.* Вы убили великаго Захарію между храмомъ и алтаремъ, имя же Захарія значитъ памятованіе о Богѣ; Я же, пришедши, оживилъ этого Захарію, памятованіе о Богѣ, убитаго вами между храмомъ и алтаремъ, т. е. между тѣломъ и душею (вѣдь тѣло есть храмъ души, какъ и душа жертвенникъ Божій, на которомъ возносится жертва разумнаго служенія и ѳиміамъ молитвъ); ожививъ же это памятованіе о Богѣ, Я вселилъ его въ сердца людей, чтобы всѣ принявшіе его служили Богу. Скажите же, кто имѣетъ бѣса? Я или вы? *Не судите на лица, но праведный судъ судите.* Эти слова помнили и ученики Господа. Когда книжники и фарисеи запрещали имъ учить о имени Христа и говорили имъ: *не запрещеніемъ ли запретихомъ вамъ не учити о имени* Іисусовѣ? *И се, исполнисте Іерусалимъ ученіемъ вашимъ* (Дѣян. v, 28),—тогда апостолы отвѣтили имъ, убѣждая вмѣстѣ съ тѣмъ не судить несправедливо: *аще праведно есть васъ послушати паче, нежели Бога, судите* (Дѣян. iv, 19). Смотри также, возлюбленный, какъ въ только что воспѣтомъ нами псалмѣ пророкъ ясно говоритъ о пришествіи во плоти Господа и о томъ, что не слѣдуетъ судить несправедливо: *Богъ ста*, говоритъ онъ, *въ сонмѣ боговъ, посредѣ же боги разсудитъ* (Псал. lxxxi, 1). Кто же могъ быть Богомъ, ставшимъ въ сонмѣ Боговъ, какъ безъ сомнѣнія не Христосъ, Который сталъ въ сонмѣ іудеевъ, бывшихъ нѣкогда богами и которымъ отвѣчено было: «Я сказалъ—вы боги?» Поскольку дѣло зависѣло отъ милости Божіей, Онъ назвалъ ихъ богами, поскольку же отъ нечестія ихъ, они умирали какъ люди и падали подобно тому, какъ палъ одинъ изъ начальниковъ, и начальниковъ не земныхъ, изъ числа людей, но тѣхъ, которые ниспали съ небесныхъ высотъ, относительно которыхъ Павелъ говоритъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началамъ, и ко властемъ, и къ міродержителямъ тьмы сей, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. vi, 12). Итакъ, *Богъ ста въ сонмѣ боговъ, посредѣ же боги разсудитъ.* Онъ произнесетъ судъ богамъ изъ числа тѣхъ, которые нѣкогда были богами, т. е. іудеямъ. И Духъ Святый говоритъ имъ: *доколѣ судите неправду, и лица грѣшниковъ пріемлете* (Пс. lxxxi, 2)? И Господь говоритъ: *не судите на лица, но праведный судъ судите.* Затѣмъ снова говоритъ Духъ Сватый: *судите сиру и убогу* (Пс. lxxxi, 3). 765
Смотри, какъ Онъ даетъ наставленія о всемъ, что касается Христа, научаетъ всему, желая уничтожить нечестіе ихъ, именно Онъ говоритъ: *судите сиру и убогу, смиренна и нища оправдайте* (Пс. lxxxi 3). Но можетъ быть кто-нибудь изъ слушателей, слыша названіе Господа сирымъ, скажетъ, что мы впадаемъ въ погрѣшность. Въ самомъ дѣлѣ то, что Онъ бѣденъ, можно легко понять изъ словъ апостола: Онъ, будучи

богатъ, обнищалъ ради насъ (2 Кор. VIII, 9); но кто можетъ быть названъ сиротою, кромѣ того, кто не имѣетъ ни отца, ни матери? Послушай же, что говоритъ относительно Христа апостолъ: безъ отца, безъ матери, безъ родословія (Евр. VII, 3). Господь безъ отца на землѣ по человѣчеству и безъ матери на небесахъ по божеству: *судите сира и убога*, Кто обнищалъ ради насъ. Онъ сталъ вѣдь всѣмъ для всѣхъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ апостолъ, для того, чтобы пріобрѣсти всѣхъ. *Смиренна и нища оправдайте. Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. XI, 19). Но что говоритъ Онъ? *Не познаша, ниже уразумѣша: во тмѣ ходятъ* (Пс. LXXXI, 5). Они не познали того, что Богъ Слово сталъ ради насъ плотію, — а Слово стало плотію, не измѣнившись, но поелику оно обитало съ нами. Они не познали вѣчнаго образа Божества въ образѣ раба; не познали, такъ какъ, если бы они познали, то не распяли бы Господа славы. Но они также и не разумѣли; они не разумѣли силы чудесъ Его, образомъ сколькихъ знаменій служили они; они не разумѣли сокровища, скрытаго на полѣ, т. е. Божества, скрытаго во плоти и пребывающаго на небесахъ съ Отцемъ; они не разумѣли совершившагося надъ Лазаремъ; не разумѣли того, что отваленный отъ гроба камень означаетъ то, что отвратились неразумныя сердца людей; не разумѣли того, прообразомъ чего былъ гробъ и лежащій въ немъ четверодневный Лазарь, а именно, что въ образѣ тѣла гробъ заключалъ въ себѣ умершую и умерщвленную душу. Подлинно тѣло наше до пришествія Христа было гробомъ, какъ Онъ говоритъ въ
766 Евангеліи: гробы окрашенные (Мѳ. XXIII, 27). Поистинѣ мы были гробами, преисполненными смертныхъ грѣховъ, такъ какъ имѣли душу, изможденную страстями, четверодневную и уже смердящую, т. е. душу, составленную изъ четырехъ основныхъ добродѣтелей — благоразумія, справедливости, мужества и воздержанія. Равнымъ образомъ и тѣло состоитъ изъ четырехъ элементовъ—теплаго, холоднаго, влажнаго и сухого. Они не знали и не разумѣли, такъ какъ, не воспринявши свѣта— Христа, блуждаютъ во тьмѣ. *И свѣтъ во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ* (Іоан. I, 5). *Да подвижатся вся основанія земли* (Пс. LXXX, 5), земли не той, которую мы попираемъ ногами, но той, о которой говорится: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19). Вѣдь основаніемъ тѣла является душа, съ удаленіемъ которой, какъ бы съ уничтоженіемъ основанія, разрушается жилище, въ которомъ мы обитаемъ. *Да подвижатся вся основанія земли*: это значитъ—пусть души совершенно оставятъ идолослуженіе и обратятся къ богопознанію. Далѣе говорится: *воскресни, Боже, суди земли* (Пс. LXXXI, 8). Возстань Ты, Распятый, возстань, носившій на главѣ Своей во образѣ терноваго вѣнца грѣхи наши. *Воскресни, Боже, суди земли.* Землю, сказано, а не небо. Не бойся, возлюбленный: если ты возродился водою и Духомъ,—ты уже небо. *Елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Галат. III, 27).

Яковъ перстный, *такови и перстніи*: *и яковъ небесный*, *тацы же и небесніи* (1 Кор. xv, 48). *Воскресни*, *Боже*, *суди земли*, *яко Ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ*. Ты Христосъ, Которому Отецъ далъ власть надъ всѣми, власть судить всѣхъ. Вѣдь Отецъ не судитъ никого, Онъ весь судъ отдалъ Сыну, чтобы чтили Сына, когда чтутъ Отца (Іоан. v, 22. 23). *Ты наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ*, потому что Тебѣ сказалъ Отецъ: *проси отъ Мене*, *и дамъ Ти языки достояніе Твое*, *и одержаніе Твое концы земли* (Пс. п, 8). Воздадимъ же славу Христу Іисусу Господу нашему, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О покаяніи. 765

Желая украсить головы слушателей вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ золотистыхъ цвѣтовъ, мы, срывая съ неувядаемыхъ луговъ перстами Христа прекрасные цвѣты, будемъ умолять ангеловъ, которые назначены Духомъ Божіимъ споспѣшествовать намъ. Вѣдь ты достоинъ, народъ или, скорѣе, храмъ Божій, быть украшеннымъ таковымъ вѣнкомъ. Въ особенности же вы, сохранившіе неоскверненнымъ и чистымъ храмъ Божій, освѣщая пурпурными устами и блестящимъ жемчугомъ пребывающія во тьмѣ души, явите имъ сіяніе благочестія. Протяните имъ съ любовію руки и какъ бы изъ глубины невѣдѣнія возведите ихъ къ дивному свѣту надежды. Кто же необдуманно разорилъ страстями храмъ Божій, не предавайтесь совершенно отчаянію, но покаяніемъ опять возобновите его. Вѣдь подобно тому, какъ благоразумный мужъ со тщаніемъ возобновляетъ и исправляетъ домъ свой, по небрежности его сгнившій и ставшій негоднымъ, такъ что онъ ничѣмъ не уступаетъ дому, выстроенному вновь, точно также и обитающій въ душѣ нашей разумъ чрезъ покаяніе снова возстановляетъ ее, ослабленную грѣхами и павшую. Въ самомъ дѣлѣ, покаяніе возстановляетъ павшую душу, отдаленную отъ Бога снова дѣлаетъ любезной Ему; покаяніе разсѣеваетъ облегающій душу мракъ и отгоняетъ смерть; покаяніе воздвигаетъ душу проклятую, исправляетъ увѣчную, исцѣляетъ сокрушенную и дѣлаетъ здравой израненную. Прибѣгнемъ же къ покаянію, приводящему насъ къ царству небесному, изглаждающему грѣхи, къ матери спасенія. Покаяніе—прогнаніе діавола и ниспроверженіе демоновъ. О, покаяніе! Изъ-за тебя пророкъ Іона бѣжалъ отъ лица Божія, ты отвратило назначенный Богомъ смертный приговоръ и выставило лжецомъ вѣстника смерти, потому что ты, явившись на помощь, воспрепятствовало осуществленію приговора Божія, произнесеннаго надъ ниневитянами, и открыло имъ обильный источникъ жизни. Покаяніе, съ которымъ, сопровождая его слезами, обратился къ Богу царь Езекія, даровало ему жизнь вмѣсто смерти. О, покаяніе! Ты восходишь отъ земли 766
на небо, превышаешь силы ангельскія, приближаешь чрезъ посредство

Духа Божія къ престолу Господню, становишься собесѣдникомъ Бога, ты изъ сокровищъ Божіихъ, какъ бы изъ своихъ собственныхъ, получаешь жизнь и съ дерзновеніемъ даруешь ее тѣмъ, которые обладаютъ тобою. О, покаяніе! Ты цѣлительница страстей, ты смягчаешь грозный приговоръ, погашаешь пламень ярости, смиряешь гнѣвъ и возжигаешь неугасимый свѣтильникъ дружбы. О, покаяніе! Зародившись въ сердцѣ человѣка, ты тотчасъ пребываешь и на небесахъ; блаженный Давидъ, предавшись тебѣ, избѣжалъ осужденія на вѣчное наказаніе за два совершенные имъ грѣха—убійство и прелюбодѣяніе. О, покаяніе! Ты расторгаешь узы грѣховъ и спасаешь охраняемыя тобою души. Сокрушенно вздыхая изъ глубины сердца, покаяніе умилостивляетъ Бога, а источая изъ глазъ слезы умиленія, оно просвѣщаетъ крещеніемъ оскверненныя души. О, покаяніе! Ты, происходя изъ смертнаго человѣка, являешься средствомъ, доставляющимъ безсмертіе. Преисполненная тобою душа говоритъ: я черна, но красива (Пѣсн. пѣсн. 1, 4): черна вслѣдствіе горькаго плача о грѣхахъ, красива благодаря прекрасному сіянію, изливаемому покаяніемъ. О, покаяніе! Защитница Петра и помощница и поборница Павла: если тебя обрѣтетъ христоубійца фарисей, онъ станетъ носящимъ Христа галилеяниномъ. Покаяніе дѣлаетъ сокрушенную душу твердой, какъ металлъ, и тотчасъ измѣняетъ сердце, покрытое терніями. Нѣкоторые говорятъ, что состарѣвшійся орелъ, устремившись въ безпредѣльную высоту и окунувшись въ свѣтлѣйшій источникъ, снова становится молодымъ. Таково и покаяніе, такъ какъ оно поднимаетъ душу, преисполненную имъ, въ безпредѣльную высоту, очищаетъ въ источникѣ слезъ ея грѣховную старость и облекаетъ ее новизною Духа. Вотъ почему Духъ и говоритъ пребывающей въ покаяніи душѣ: *обновится яко орля юность твоя* (Псал. сii, 5). Великій врачъ душъ нашихъ, зная, что покаяніе является дѣйствительнѣе всѣхъ добродѣтелей, и убѣждаетъ,
767 говоря: *покайтеся, приближибося царствіе небесное* (Мѳ. iii, 2). Приступите смѣло къ покаянію,—*воззрите на древнія роды, и видите, кто вѣрова Господеви, и постыдѣся? Или кто пребысть въ страсѣ Его, и оставися? Или кто призва Его, и презрѣ и? Зане щедръ и милостивъ Господь, и оставляетъ грѣхи, и спасаетъ во время скорби* (Іис. с. Сир. ii, 10—11). Не стыдись, сынъ, исповѣдывать грѣхи свои; вѣдь есть стыдъ, который приводитъ ко грѣху, и есть стыдъ, который составляетъ славу и красоту. Душа, принесшая покаяніе въ настоящей жизни, получаетъ отпущеніе грѣховъ, потому что во адѣ кто исповѣдуется Господу (Псал. vi, 6)? Предайся сокрушенію о грѣхахъ своихъ, чтобы получить спасеніе, потому что сказано: *егда возвратився воздохнеши, тогда спасешися* (Ис. xxx, 15). Скажи ты грѣхи *твои, яко да оправдишися во словесѣхъ твоихъ и побѣдиши, внегда судити ти* (Ис. xliii, 26 и Псал. l, 6). Говори ты грѣхи свои. *Грѣхъ юности моея, и невѣдѣнія моего не помяни. По милости Твоей помяни мя Ты, ради благости Твоея,*

Господи (Псал. XXIV, 7). Подумай, вѣдь настоящая жизнь подобна мимолетной тѣни. Куда дѣвались наслажденія прошедшихъ временъ? Гдѣ суетныя заботы? Гдѣ скорби? Гдѣ радости? Не подобны ли они облакамъ, гонимымъ бурею? Все миновало. Не будемъ же заботиться только о настоящей жизни, но и о будущей. *Поминай*, сказано, *послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. VII, 39). Подумай о днѣ и часѣ смерти, какимъ немощнымъ будешь ты лежать на постели, не имѣя никого, кто могъ бы оказать тебѣ помощь; представь себѣ стоящихъ вокругъ тебя друзей, сосѣдей, родственниковъ, братьевъ, домочадцевъ, какъ всѣ они въ одинъ голосъ сѣтуютъ, обливаются слезами, остаются неутѣшными и скорбятъ о тебѣ: представь равнымъ образомъ и дѣтей, стоящихъ около тебя по ту и другую сторону, ожидающихъ по обыкновенію услышать голосъ отца, рыдающихъ и не слышащихъ тебя, какъ затѣмъ явится скорбящая жена, желая умереть вмѣсто тебя и прежде тебя,—и ты увидишь ужасныхъ ангеловъ, требующихъ отчета у души твоей. Если душа совершала дѣла, достойныя награды, она будетъ охраняема ангелами; если же она была не милосердна по отношенію къ со- 768
племенникамъ нищимъ, она будетъ осуждена безъ милости: *судъ бо безъ милости*, сказано, *не сотворшему милости* (Іак. II, 13). Проникни въ тайники души твоей, разсмотри совершенныя тобою дѣла, сравни дѣла добрыя со злыми, и если увидишь, что злыя превосходятъ добрыя, покрой ихъ дѣлами добрыми, чтобы не увидѣть нѣкогда грѣховъ, противодѣйствующихъ тебѣ. Помысли о червѣ неумирающемъ, тьмѣ безпросвѣтной и объ огнѣ неугасимомъ, котораго не въ состояніи потушить вода, но который побѣждаетъ покаяніе. О, покаяніе! Ты погашаешь вѣчный и неугасимый огонь, сокрушаешь червя неумирающаго и разсѣеваешь и освѣщаешь безпросвѣтную тьму. О, покаяніе! Ты несокрушимый оплотъ души, укрѣпленный городъ, въ которомъ царствуютъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святой. О, покаяніе! Ты сокрушаешь жало смерти, попираешь діавола, умерщвляешь змѣя, прославляешь Христа и даешь жизнь. О, покаяніе! Ты въ скорби рождаешь радость, въ слезахъ находишь утѣшеніе и посредствомъ слезъ избавляешь отъ вѣчнаго плача. О, покаяніе! Ты сѣешь со слезами и пожинаешь съ радостію. О, покаяніе! Ты рубищемъ уготовляешь блестящую брачную одежду Христа. О, покаяніе! Ты изгоняешь изъ души свойства Каина и вселяешь любовь и радость непорочности. О, покаяніе! Ты уничтожаешь зловоніе грѣховъ и сообщаешь благоуханіе добрыхъ дѣлъ. О, покаяніе! Ты сожительница мира и дружбы, союзница любви, цвѣтокъ, благоухающій надеждой, пасущіеся на тебѣ златорунные агнцы изливаютъ пурпуровые лучи Троицы. Но чтобы не показалось, что мы, продолжая рѣчь свою, забавляемъ себя, положимъ конецъ нашему слову и отошлемъ васъ на сотворенный Богомъ лугъ, на которомъ растутъ благоухающія деревья, растенія догматовъ, которыя чрезъ отцовъ насадилъ вамъ Богъ для покрова Церкви, чрезъ Господа нашего

Іисуса Христа, Которому слава и держава со Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

767

О вѣрѣ.

Учитель Церкви подобенъ врачу, такъ какъ онъ, когда Церковь бываетъ одержима многочисленными и разнообразными недугами, даетъ каждому больному, по свойству недуга его, соотвѣтствующее лѣкарство. Напримѣръ, въ лѣчебницу церковную явились нѣкоторые, одержимые сильнымъ недугомъ гордости, — и вотъ они, получивъ мазь смиренія, исцѣлили недугъ чрезмѣрной гордости. Другіе прибѣгли пылая гнѣвомъ,— и эти, будучи успокоены врачеваніемъ духовнымъ, поборолн недугъ свой. Иные прибѣгли, будучи возбуждаемы плотскими чувствами къ сладострастію,—получивъ мазь цѣломудрія, и они препоясали себя непорочностью. Поэтому придите, возлюбленные, и поелику прежній учитель исцѣлилъ души немощныхъ тройною вѣрой, послѣдуемъ и мы по стопамъ его. Я думаю, что многіе изъ предстоящихъ здѣсь желаютъ услышать о вѣрѣ, не потому, чтобы они нуждались въ этомъ, такъ какъ они здоровы, но изъ желанія исцѣлить посредствомъ нея немощныхъ. Вѣдь многіе бываютъ сами здоровы, но въ то же время не въ состояніи собственными силами исцѣлить больныхъ. Поэтому, возлюбленные, хотя я имѣлъ въ виду изъяснить вамъ только что прочтенное изъ Евангелія мѣсто и этимъ питіемъ напоить присутствующихъ, я пока оставляю это и исполню то, что обѣщалъ. Вѣдь намъ, ученикамъ апостола, надлежитъ быть всѣмъ для всѣхъ, чтобы всѣмъ принести пользу. Но я умоляю васъ оказать мнѣ снисхожденіе, если въ своей рѣчи я впаду въ погрѣшность. Вѣдь говорящіе безъ приготовленія часто погрѣшаютъ, такъ какъ умъ не въ состояніи и рассматривать Писаніе и въ то же время слѣдить за красотою рѣчи. Вы же сами явите здѣсь вашего внутренняго человѣка и сердце въ совершеннѣйшей чистотѣ, чтобы каждый изъ васъ не только слушалъ, но вникалъ и познавалъ силу каждой вещи. Итакъ, самое важное дѣло—вѣра въ Отца, непостижимое, неосязаемое, невидимое, безпорочное,
768 почитаемое и покланяемое въ безмолвіи. Вѣра имѣетъ начало отъ Отца, идетъ чрезъ Сына, исполняется въ Духѣ Святомъ; вѣра—сѣдалище души, основаніе жизни, безсмертный корень; животворящій корень вѣры — Отецъ, не увядаемая вѣтвь—Сынъ, безсмертный плодъ—Духъ Святый,—Троица простая, несложная, несказанная, неизъяснимая, нераздѣльная по сходству, по достоинству, по дѣйствію, по божеству, по величію, раздѣльная по ипостасямъ и именамъ, но единая по существу и силамъ. Троица, существующая прежде вѣковъ, не отъ начала получившая бытіе, но безначальная, вѣчная, нестарѣющаяся, безсмертная, безконечная, не увеличивающаяся, не уничтожающаяся, но неразрушимая; рав-

нымъ образомъ не въ настоящее только время открылась и служитъ предметомъ поклоненія, но Ей отъ вѣка воздавали поклоненіе на небесахъ ангелы, прославляли на землѣ отцы, почитали пророки, возвѣщали апостолы, Ее нынѣ величаетъ Церковь. Начнемъ же, возлюбленные, съ неба: покажемъ сначала единое господство, поклоненіе и величіе Троицы. Высшіе ангелы, силы, херувимы и серафимы, воспѣвая неумолчно троекратное: святъ, святъ, святъ! возсылаютъ славу единому господству. Патріархъ Авраамъ, увидавъ трехъ ангеловъ въ шатрѣ подъ дубомъ Мамврійскимъ, воздалъ единое господство и равенство ангеловъ Троицѣ. Три ангела, дубъ, шатеръ и Авраамъ,—крестъ, церковь и родъ человѣческій. Самъ Авраамъ совершилъ трехдневный путь, чтобы принести въ жертву Богу сына своего Исаака. Трехдневный путь для принесенія Исаака въ жертву, — трехдневны и крестныя страданія Единороднаго. А что дѣйствительно Авраамъ въ лицѣ Исаака видѣлъ тайну Христа,—объ этомъ свидѣтельствуетъ Христосъ, говоря: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой: и видѣ и возрадовася* (Іоан. VIII, 56). Трехдневный путь совершаетъ и Моисей для жертвоприношенія Богу, потому что онъ говоритъ фараону: *поидемъ путемъ трехъ дній, да пожремъ Господу Богу нашему* (Исх. III, 18). Взявъ три мѣры 769
муки, Сарра приготовила хлѣбы: три мѣры муки, Сарра и хлѣбы означаютъ тройственную вѣру и Церковь, сохраняемую въ тайникахъ сердецъ человѣческихъ. Взявъ три вѣтви и бросивъ ихъ въ воду, Іаковъ напоилъ овецъ Лавана: три вѣтки, вода и пьющія овцы—это Троица, крещеніе и просвѣщаемый народъ. Три дня и три ночи пребывалъ Іона во чревѣ кита: три дня и три ночи Іона и китъ прообразуютъ пребываніе Единороднаго во адѣ. А что это дѣйствительно такъ, ясно изъ словъ: подобно тому какъ Іона въ чревѣ кита пребылъ три дня и три ночи, такъ же и Сынъ человѣческій пребудетъ въ сердцѣ земли три дня и три ночи (Мѳ. XII, 40). Ниневитяне, постившіеся въ теченіе трехъ дней, остались живы: три дня, постъ и оставшіеся живыми ниневитяне означаютъ свѣтоносную Троицу, воздержаніе отъ злыхъ дѣлъ и жизнь міра. Пророкъ Илія, трижды возливъ воду на дрова и на части быковъ, низвелъ на нихъ огонь съ неба: троекратное возліяніе воды, дрова, части быковъ и небесный огонь означаютъ троекратное крещеніе, крестъ, члены Христовы и свѣтъ небесный. Даніилъ, открывши окна дома своего, три раза въ день молился, обращаясь къ востоку, и получилъ просимое: это таинственно показываетъ, что надлежитъ и намъ, отверзши душевныя очи, обращаться на востокъ съ мольбою къ Отцу, Сыну и Святому Духу. Три невинные отрока, вверженные въ пещь огненную, сами не пострадали нисколько, халдеевъ же сожгли: три невинные отрока, печь и халдеи означаютъ нетлѣнную Троицу, судъ и погибающихъ демоновъ. Блаженный Павелъ преподаетъ Церкви три добродѣтели, говоря: *вѣра, надежда, любовь* (1 Кор. XIII, 13): вѣра въ Отца, надежда на Сына и

исполненіе закона—любовь (Рим. XIII, 10), потому что плодъ Духа есть любовь. Самъ Павелъ трижды молилъ Господа: *о семъ*, говоритъ онъ, *трикраты Господа молихъ* (2 Кор. XII, 8). И обрати вниманіе на мудрость его, выражающуюся въ самомъ простомъ словѣ: онъ не сказалъ: я въ третій разъ молилъ Господа, но *трикраты*. Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, три лица, но единое господство. *Трищи*, говоритъ онъ, *палицами біенъ быхъ* (2 Кор. XI, 25),—это значитъ: я исповѣдалъ три ипостаси, но только однажды утвердилъ на камени исповѣданія вѣру въ Троицу къ единому согласію души. И *трикраты*, говоритъ онъ, *корабль опровержеся со мною*, т. е. потопилъ бремя грѣховъ іудейскихъ въ источникѣ крещенія во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Женщина, взявши три мѣры муки и положивъ въ нихъ малую закваску, которой подобно царство небесное, заквасила все тѣсто; а три мѣры муки, малая закваска и женщина, заквасившая тѣсто, означаютъ премудрость (Божію), которая чрезъ посредство тѣла Христова обращаетъ весь родъ человѣческій къ вѣрѣ въ Троицу. Какъ бы запечатлѣвая всѣ эти тайны, Господь нашъ преподалъ ученикамъ своимъ единое крещеніе въ троекратномъ погруженіи тѣла, сказавъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѳ. XXVIII, 19). Мы легко докажемъ единое дѣйствіе (Троицы), а разъ будетъ доказано единое дѣйствіе Отца и Сына и Святаго Духа, то совершенно необходимо признать единую сущность, такъ какъ кто имѣетъ единое дѣйствіе, тѣ обладаютъ и единою сущностію. Итакъ, начнемъ говорить о міротвореніи, объ усыновленіи, о свободѣ, объ устроеніи неба и земли и, вообще, всякомъ дѣлѣ и обо всемъ остальномъ, касающемся потребностей жизни нашей, какъ совершены они были Отцомъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Начнемъ съ первыхъ и перейдемъ къ послѣдующимъ и такимъ образомъ по порядку доведемъ до конца наше слово. Отецъ сотворилъ небо не безъ участія Слова и Духа: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Пс. XXXII, 6). Всю вселенную наполнилъ Отецъ, какъ написано: небо и землю наполняю Я, говоритъ Господь (Іерем. XXIII, 24). Наполнилъ и Сынъ, потому что *вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть* (Іоан. I, 3). Послушай, что говоритъ Премудрость относительно Духа: *Духъ Господень исполни вселенную* (Прем. I, 7). Что же? Высочайшее изъ твореній, человѣкъ, былъ созданъ не однимъ только Отцомъ, но при содѣйствіи Сына, при исполненіи Духа Святаго. *Сотворимъ*,
770 говоритъ Богъ, *по образу нашему и по подобію* (Быт. I, 26). *Сотворимъ*, говоритъ Онъ, а не говоритъ: сотворю Я, сотворишь Ты, сотворитъ Онъ, но: *сотворимъ*. Если бы Онъ сказалъ: сотвори Ты, Онъ показалъ бы въ Немъ слугу; доказывая же равное достоинство, Онъ говоритъ: *сотворимъ человѣка*. Общее рѣшеніе, общее дѣло, общее и твореніе. А что дѣйствительно человѣка сотворили Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Давидъ, который, обращаясь къ Богу,

говоритъ: *руцѣ Твои сотвористѣ мя и создастѣ мя* (Псал. cxviii, 73). Ты не одинъ сотворилъ меня, сотворила меня не одна только рука Твоя, которою является Единородный Сынъ Твой. *Руцѣ Твои сотвористѣ мя*, т. е. Слово и Духъ. Какъ будто бы онъ такъ говорилъ: премудрость Слова создала меня, разумъ Духа сотворилъ меня, при Твоемъ совершеніи. Точно также и Іовъ говоритъ, обращаясь къ Богу: *руцѣ Твои сотвористѣ мя и создастѣ мя* (Іов. x, 8). Вѣдь и небеса и силы небесныя сотворены чрезъ Него, какъ говоритъ Давидъ: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и духомъ устъ Его вся сила ихъ* (Псал. xxxii, 6), у пророка же Осіи говорится: Его руцѣ создастѣ воинство небесное (Осія xiii, 4). Этими словами онъ показываетъ, что воинство небесное создано чрезъ посредство Духа и Слова. *Сотворимъ человѣка по образу нашему*, не сказано: по образамъ нашимъ, но: *сотворимъ человѣка по образу нашему*: слово—*сотворимъ*—во множественномъ числѣ, слова же—*по образу нашему*—въ единственномъ. И чтобы кто-нибудь не предположилъ, что человѣкъ созданъ былъ только по образу Отца, Онъ прибавилъ слово: *нашему*. Вотъ почему, послѣ того какъ этотъ первозданный образъ Адама, ставшій вслѣдствіе нарушенія заповѣди враждебнымъ Богу, сталъ нуждаться въ обновленіи и очищеніи, онъ возрождается въ крещеніи не во имя одного только Отца, но и Сына и Святаго Духа, такъ какъ и первоначально онъ созданъ былъ такимъ же образомъ. Итакъ подлинно Отецъ запечатлѣваетъ въ крещеніи, какъ говоритъ Павелъ: создавшій насъ на сіе самое Богъ, помазавшій насъ и запечатлѣвшій насъ (2 Кор. v, 5; i, 21, 22). Запечатлѣваетъ также и Духъ Святый: не оскорбляйте Духа Святаго, Которымъ вы запечатлѣны въ день искупленія (Ефес. iv, 30). Будучи же запечатлѣны въ сердцахъ нашихъ Отцомъ и Духомъ, мы преображаемся не въ два образа, но въ одинъ—въ образъ Сына Его. Изъ этого же слѣдуетъ, что слова «въ одинъ» относятся къ Отцу и Сыну и Святому Духу. Запечатлѣваемые въ сердцахъ нашихъ, мы становимся подобными Сыну и образомъ Божіимъ, какъ восклицаетъ (Павелъ), говоря: *мужъ убо не долженъ есть покрывати главу, образъ и слава Божія сый* (1 Кор. xi, 7). Гораздо болѣе Духъ Святый есть образъ Божій. Великъ Сынъ, безпредѣленъ и Духъ Святый. *Велій Господь нашъ, и велія крѣпость Его* (вѣдь Христосъ есть сила Божія), *и разума Его нѣсть числа* (Псал. cxlvi, 5). Это значитъ: Духъ Святый Божій есть Духъ премудрости и разума. Отецъ есть миръ: *се Азъ уклоняю на ня, аки рѣку мира* (Ис. lxvi, 12). И Сынъ есть миръ, какъ говоритъ Павелъ: *Той есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино* (Ефес. ii, 14). Миръ и Духъ Святый: *плодъ же духовный есть*, говоритъ апостолъ, *любы, миръ* (Галат. v, 22). Отецъ есть источникъ: *яко у Тебе источникъ живота* (Псал. xxxv, 10), источникъ и Сынъ: *Мене оставиша источника воды живы* (Іерем. ii, 13). А если бы не былъ источникомъ и Духъ Святый, то Павелъ не сказалъ бы: и всѣ мы

однимъ Духомъ крестились (1 Кор. XII, 13). Но съ большей очевидностью можно видѣть, что Духъ Святый сравнивается съ источникомъ, изъ словъ Господа, такъ какъ пришедши Іисусъ возгласилъ, говоря: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ* воду, и: *якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы. Сіе же рече о Дусѣ, Егоже хотяху пріимати вѣрующіе въ Него* (Іоан. VII, 37—39). Отецъ есть свѣтъ: *яко Богъ свѣтъ есть* (Іоан. I, 5); свѣтъ и Сынъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. VIII, 12); свѣтъ и Духъ,—такъ какъ въ противномъ случаѣ Павелъ не сказалъ бы: *Духа не угашайте* (I Солун. V, 19). Но такъ какъ нѣкоторые считаютъ это какъ бы насильственнымъ толкованіемъ, то пусть особенно скажетъ Давидъ: *во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Пс. XXXV, 10), т. е. Духа Святаго. Отецъ освобождаетъ человѣка, преданнаго въ рабство грѣху; освобождаетъ и Сынъ, такъ какъ Онъ сказалъ іудеямъ: *аще убо Сынъ вы свободитъ, воистину свободни (будете)* (Іоан. VIII, 36); освобождаетъ и Духъ, такъ какъ *идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. III, 17); освобождаетъ законъ Духа: законъ
771 же Духа освободилъ тебя отъ рабства тлѣнія (Рим. VIII, 2). Благъ Отецъ; благъ Сынъ: *аще*, говоритъ Онъ, *око твое лукаво есть, яко азъ благъ есмь* (Мѳ. XX 15)? Благъ и Духъ Святый: *Духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву* (Псал. CXLII, 10). Отецъ пребываетъ, гдѣ хочетъ, такъ какъ Онъ никому не подчиненъ; пребываетъ, гдѣ хочетъ, и Сынъ, такъ какъ Онъ свободенъ; пребываетъ, гдѣ хочетъ, и Духъ: *Духъ идѣже хощетъ дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ и камо идетъ* (Іоан. III, 8). Все обнимаетъ собою Отецъ, все обнимаетъ и Сынъ, все обнимаетъ и Духъ Святый, такъ какъ Давидъ говоритъ: *камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу* (Псал. CXXXVIII, 7)? Всемогущъ Отецъ, какъ говоритъ Іовъ: *вѣмъ*, Господи, *яко вся можеши, невозможно же Тебѣ ничтоже* (Іов. XLII, 2); всемогущъ Сынъ, какъ говоритъ онъ маловѣрующему, въ Евангеліи: *вѣрующему вся возможна* (Марк. IX, 22); всемогущъ и Духъ Святый, потому что Духъ Святый, сказано, есть сила Божія, Духъ разума, святой, многообразный, тонкій, удободвижимый, ясный, достовѣрный, невредимый, проницательный, свободный, благодѣтельный, человѣколюбивый, неизмѣнный, непоколебимый, безпечальный, всемогущій и всевидящій. И не только самъ Духъ Святый всевидящъ, но и людей дѣлаетъ епископами (т. е. надзирающими), какъ свидѣтельствуетъ о томъ Павелъ въ книгѣ Дѣяній, говоря: *внимайте себѣ и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави епископы* (Дѣян. XX, 28). Послалъ пророковъ Отецъ, послалъ пророковъ Сынъ, послалъ и Духъ Святый, какъ восклицаетъ Исаія, одинъ изъ пророковъ, говоря: и нынѣ Господь, Господь послалъ меня, и Духъ Его. Сыномъ были посланы апостолы: вотъ, говоритъ Онъ, посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ (Мѳ. X, 16); были посланы они и Духомъ Святымъ, какъ говорится въ книгѣ Дѣяній: *сія убо послана*

бывша отъ Духа Свята, снидоста въ Селевкію (Дѣян. XIII, 4). Призвалъ апостоловъ Отецъ, призвалъ апостоловъ и Сынъ, а равнымъ образомъ призвалъ ихъ и Духъ Святый: *служащимъ же имъ Господеви*,—имъ, т. е. апостоламъ,—*рече Духъ Святый: отдѣлите Ми Варнаву и Павла на дѣло, на неже призвахъ ихъ* (Дѣян. XIII, 2). Отдѣлите вы, отдѣлите Мнѣ Варнаву и Павла. Я говорю какъ господинъ, вы повинуйтесь какъ рабы. «Когда же они постились и служили Господу». Замѣть—«и служили». Гдѣ тѣ, которые говорятъ, что Духъ Святый есть духъ служебный? Если Духъ Святый есть духъ служебный, то онъ есть одинъ изъ ангеловъ или святыхъ апостоловъ, потому что Богъ творитъ ангелами своими духовъ и служителями своими огонь пылающій (Псал. CIII, 4). Но Духъ Святый не есть духъ служебный, а Ему самому служатъ: когда они служили, Духъ Святый сказалъ: отдѣлите Мнѣ. Это слова господина: *отдѣлите Ми Варнаву и Павла на дѣло, на неже призвахъ ихъ*. Вы теперь отдѣлите Мнѣ Павла и Варнаву, такъ какъ Я 772
уже избралъ ихъ отъ чрева матери ихъ. И такъ какъ Павелъ былъ призванъ Духомъ Святымъ, то онъ и былъ избранъ апостолами къ благовѣстію, какъ говоритъ онъ въ первомъ посланіи: рабъ, призванный апостолъ, избранный къ благовѣстію Божію (Рим. I, 1). Но это, возлюбленные, нынѣ измыслили тѣ, которые занимаются богохульствомъ вмѣсто того, чтобы заниматься, какъ надлежитъ, Священнымъ Писаніемъ и познавать Господа и эти слова: *упразднитеся и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ* (Псал. XLV, п). Нынѣ они измыслили и другой богохульный вопросъ и спрашиваютъ насъ: имѣетъ ли престолъ Отецъ? А мы отвѣчаемъ имъ: да,—потому что Богъ (возсѣлъ) на святомъ престолѣ своемъ (Псал. XLVI, 9). Имѣетъ ли престолъ Сынъ? Да, отвѣчаемъ мы, потому что о Сынѣ написано: *престолъ Твой, Боже, во вѣкъ вѣка.* Но когда ты слышишь о престолѣ Божіемъ, разумѣй престолъ, соотвѣтствующій божественному достоинству, т. е. власть, царство, господство, потому что Св. Писаніе говоритъ съ нами, примѣняясь къ нашимъ человѣческимъ понятіямъ. Но гдѣ написано, что имѣетъ престолъ и Духъ Святый, чтобы мы, заключая отъ престола къ равенству чести, могли признать господство? Совершенно не слѣдовало бы намъ отвѣчать имъ на подобный вопросъ. Вѣдь если рабы, рожденные изъ земли,—я разумѣю апостоловъ,—удостоились сѣсть на престолахъ: вотъ вы двѣнадцать, сказано, сядете на престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ (Мѳ. XIX, 28),—то въ гораздо большей степени (достоинъ этого) Духъ Святый. Кромѣ этого они спрашиваютъ: гдѣ слава Духа? Прославляется Отецъ, прославляется Сынъ: гдѣ же прославляется Духъ Святый?—допытываются невѣрующіе. Пусть скажутъ объ этомъ вѣрующіе и засвидѣтельствуетъ Исаія: *видѣхъ Господа (сѣдяща) на престолѣ высоцѣ*,—онъ говоритъ о Духѣ, какъ это немного послѣ будетъ видно,—*и превознесеннѣ, и исполнь домъ славы Его. И серафими стояху окрестъ Его, шесть крилъ единому и*

шесть крилъ другому: *и взываху*: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ*: *исполнь* небо и *земля славы* Твоея (Ис. vi, 1—3). Обрати здѣсь вниманіе свое и замѣть о тронѣ и славѣ. И сказалъ Господь ко мнѣ: кого Мнѣ послать и кто пойдетъ къ этому народу іудейскому? И скажетъ имъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете, потому что огрубѣло сердце народа сего, и ушами своими съ трудомъ слышатъ и слѣд. (Ис. vi, 8—10). Является, спустя много вѣковъ послѣ этого пророчества, Павелъ, приходитъ въ Римъ, бесѣдуетъ съ іудеями, желая склонить ихъ къ вѣрѣ въ Единороднаго, но они отвратили лице свое и не увѣровали. Тогда онъ вспоминаетъ это пророчество, которое уже исполнилось. Что же онъ говоритъ имъ? Хорошо сказалъ о васъ Духъ Святый чрезъ пророка Исаію: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и слѣд. (Дѣян. xxviii, 25, 26). Вотъ Тотъ, Кого Исаія называетъ Господомъ Саваоѳомъ, сидящимъ на высокомъ престолѣ и прославляемымъ ангелами, признается Павломъ Духомъ Святымъ. Кто же еще будетъ настолько безуменъ, чтобы сомнѣваться, что долженъ почитать Господа и Бога и Духа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

771 ## О надеждѣ.

Всѣ люди по природѣ способны къ занятіямъ, такъ какъ по природѣ надѣлены разумомъ и прозорливостію. Каждый изъ нихъ предается или занятію земледѣліемъ, путешествіемъ или какому-либо другому искусству, ободряемый надеждою. Всѣ съ готовностію переносятъ труды и усилія, опасности и скорби, въ ожиданіи будущихъ благъ. Такъ земледѣлецъ, напрягая силы и члены свои и согнувъ спину и взявъ въ обѣ руки шестъ и плугъ, съ готовностію переноситъ и зимніе морозы и тѣ мученія, которыя доставляютъ ему комья земли и растущія терніи, утѣшая себя въ трудахъ ожиданіемъ будущихъ плодовъ. И путешественникъ, идя по непроходимымъ и крутымъ дорогамъ и отбивая о твердую землю подошвы ногъ, обливаясь обильнымъ потомъ съ головы до ногъ, мужественно переноситъ зной и недостатокъ въ водѣ и пищѣ, ради ожидаемой имъ отъ путешествія пользы. Также и врачи переносятъ зловоніе при вскрытіи распухшихъ ранъ и не отказываются грязнить руки при опорожненіи желудковъ и изліяніяхъ гноя ради выздоровленія больныхъ и ради ожидаемой ими самими богатой награды отъ врачуемыхъ. А мореплаватели, покинувши землю и разсѣкая темноголубую поверхность соленаго моря, переносятъ и сильные противные вѣтры и ужасное безпокойство, напряженіе запутавшихся снастей, ужасный шумъ парусовъ и скрипъ рей, и видятъ предъ своими глазами страшныя ревущія волны,—и все это ради ожидаемаго ими спасенія и выгоды отъ плаванія. Всѣ эти люди и громадное число другихъ переносятъ труды

(772 in margin at line "ніе при вскрытіи")

и опасности въ надеждѣ на кратковременное благо. Тѣмъ болѣе богобоязненный народъ христіанскій, разумѣю мужей и женъ (вѣдь Богу служитъ не только мужчина, но и женщина), съ готовностію переноситъ, и не тѣлесными силами, но душевнымъ мужествомъ, гоненія и голодъ, постъ, бодрствованіе, лежаніе на землѣ и тяжесть другихъ невыразимыхъ скорбей, и притомъ какъ тотъ, такъ и другой полъ, ради без- 773
смертной и блаженной надежды на небесахъ. Итакъ пусть каждый остается при своемъ дѣлѣ и утверждается въ надеждѣ: земледѣлецъ духовной нивы, вверги плугъ ученія въ способное къ воспріятію мѣсто разума; затѣмъ, ниспровергши предварительно еретическія сѣмена, исторгни побѣги іудейскихъ и языческихъ лукавыхъ умствованій, чтобы, очистивъ душу, посѣять въ ней святыя сѣмена вѣры, радость надежды и сладость любви. Вѣдь не одному только Іереміи далъ Богъ власть разрушать худшее и насаждать лучшее, но и тебѣ, въ словахъ: *се дахъ словеса моя во уста твоя; се поставихъ тя днесь надъ языки и надъ царствы, да искорениши и разориши и расточиши, и паки созиждеши и насадиши* (Iерем. 1, 9—10). Итакъ, искореняй дикіе порывы сладострастія и насаждай чистыя представленія цѣломудрія, разоряй насажденія зла и насаждай образъ жизни Христа, расточи отвратительныя ученія и устреми умъ свой къ благимъ помысламъ. Домостроитель! Разрушь созданные въ душахъ людей хитростію діавола злые образы и созидай храмъ Божій, полагая въ основаніе Сына Христа, тотъ краеугольный камень, на которомъ созидаются прекрасныя дѣла правды. Поступая такимъ образомъ, ты, хотя бы и подвергался страданіямъ, терпи; не унывай, если будешь испытывать гоненія и не уклоняйся, хотя бы тебѣ и пришлось терпѣть голодъ, но съ готовностію переноси все, ради ожидаемаго тобою пріобрѣтенія райскаго наслажденія. Ты путникъ, по слову сказавшаго: *соверши стопы моя въ стезяхъ твоихъ, да не подвижутся стопы моя* (Псал. xvi, 5); избѣгай широкаго и просторнаго пути, ведущаго къ погибели; возьми посохъ Духа, который совершаетъ два дѣла: убиваетъ сидящаго на пути коварнаго дракона и поддерживаетъ тебя, ослабѣвающаго и падающаго отъ искушеній. Переноси постигшее тебя испытаніе; если томишься жаждой, — прибѣгни къ безсмертному источнику—Христу; если алчешь,—ищи хлѣба жизни, чтобы тебѣ не ослабѣть и не упасть, будучи обезсиленнымъ наслажденіями; укрѣпись силами, взирая на конецъ пути и надѣясь на полученіе въ царствѣ небесномъ жизни, подобной жизни ангеловъ. Врачъ душъ! Вырѣжь мечемъ духовнымъ распухшія и покрытыя гноемъ язвы гордости, омой водою ученія нечистоту страстей, исцѣли раны, нанесенныя душамъ человѣческимъ грѣхомъ, пользуясь для того, какъ говоритъ Христосъ, виномъ и елеемъ; виномъ свяжи, чтобы ослабѣвшій человѣкъ не предавался болѣе вожделѣніямъ, а елеемъ смягчи душевныя страданія и обѣщай скорое отпущеніе преждесодѣланныхъ прегрѣшеній. Не пренебрегай нищимъ, при-

нимая въ разсчетъ денежную выгоду, и не презирай богатаго изъ-за отвратительнаго богатства, но одинаково призывай и бѣднаго и богатаго къ воздержанію. Не лишай никого надежды, даже и самаго отчаяннаго грѣшника, чтобы не ввергнуть въ бездну грѣха, но протяни руку свою
774 погибающему, говоря: Господь пришелъ спасти не праведниковъ, но грѣшниковъ,—чтобы они, ставъ ревностными и уклонившись отъ зла, стали творить добрыя дѣла и спаслись. Дѣлай все ради выздоровленія больныхъ, питая себя надеждою спасаемыхъ, т. е. радостію, ожидаемою отъ Бога. Подобно борцу, подвизайся законно, потому что никто не увѣнчивается, если незаконно будетъ подвизаться (2 Тим. II, 5). *Нѣсть (наша) брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ* тьмы сея, *къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. VI, 12). Люби аскетическіе подвиги и избѣгай діавольскихъ сѣтей. Взирай на Павла, бѣгущаго, упражняющагося въ бою, подвизающагося. Я бѣгу такъ, говоритъ онъ, чтобы получить; бьюсь не такъ, чтобы только бить воздухъ; но усмиряю тѣло мое, чтобы проповѣдуя (другимъ), самому не остаться недостойнымъ (1 Кор. IX, 26, 27). Итакъ бѣги, чтобы получить, бейся и подвизайся, чтобы побѣдить врага; умастись елеемъ благочестія; ты имѣешь примѣры борьбы, оставленные тебѣ святыми отцами: вооружись же незлобіемъ Моисея, цѣломудріемъ Іосифа, кротостію Давида, дѣвствомъ Иліи, постомъ Елисея, нищетою Исаіи, вѣрою Павла и Петра и любовію Христа, чтобы, послѣ того какъ ты будешь прекрасно подвизаться во всѣхъ этихъ добродѣтеляхъ, получить тебѣ знамя побѣды изъ руки Божіей. Ты пастырь словесныхъ овецъ Христовыхъ? Собери овецъ въ дворъ овчій, обрати заблудшихъ, свяжи надломленныхъ, уврачуй истерзанныхъ волками, оттони волковъ, созови собакъ на защиту стада, не сонливыхъ, но лающихъ и собирающихъ стадо Господне, а тѣхъ отгони. Покажи вѣчно цвѣтущій злакъ, прозябшій изъ Маріи, укажи безсмертный источникъ крещенія, омой водою слезъ оскверненную овцу, переноси всякій трудъ и тяготу, чтобы получить тебѣ неувядаемый вѣнецъ славы, когда явится пастыреначальникъ Христосъ. Ты овца? Повинуйся пастырю своему, не убѣгай изъ ограды, люби вѣру, не уклоняйся отъ жезла пастыря, такъ какъ онъ поражаетъ тебя не для того, чтобы убить, а для того, чтобы отвратить тебя отъ заблужденія. Почитай безъ разсужденія прозябшій изъ жезла Іессеева цвѣтъ, пей воду изъ безсмертнаго источника, истекающаго изъ высокой скалы, чтобы потомъ вселиться во дворы веселія; не собирай богатства, а тѣмъ болѣе не люби его; избѣгай заботы о деньгахъ; не собирай имѣній, изъ-за которыхъ возникаютъ преступленія, но раздавай обильно пищу нищимъ, въ надеждѣ собрать обильную и спѣлую жатву души. Бѣдный, не малодушествуй, не проклинай жизнь свою, не богохульствуй, но воздай благодареніе, перенеси кратковременное бремя бѣдности, взирай на прообразъ твой—Лазаря и утвердись въ надеждѣ, такъ какъ и ты сдѣлаешься

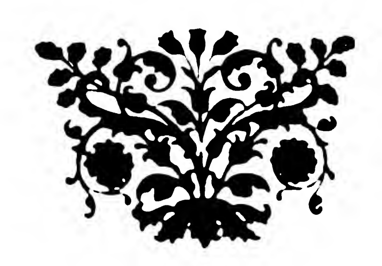
участникомъ успокоенія на лонѣ Авраама. Да сподобитъ и насъ всѣхъ Господь Богъ достигнуть его во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О любви. 773

Никакое слово не достаточно для того, чтобы по достоинству изобразить любовь, такъ какъ она не земного, но небеснаго происхожденія. Я думаю даже, что и языкъ ангеловъ не въ состояніи въ совершенствѣ изслѣдовать её, такъ какъ она безпрерывно исходитъ изъ великаго разума Божія. Итакъ, неужели, на томъ основаніи, что ее не могутъ въ совершенствѣ изъяснить ни человѣческій, ни ангельскій языкъ, и мы откажемся отъ этого? Ни въ коемъ случаѣ, потому что Богу пріятны и самыя великія жертвы богачей, но въ то же время пріятны бываютъ и иныя жертвы, хотя бы и самыя незначительныя, разъ онѣ принесены нелицемѣрно и по доброму побужденію, подобно тому какъ была предпочтена дарамъ тѣхъ, которые принесли много золота, жертва евангельской вдовы, бросившей въ сокровищницу двѣ лепты. Такъ и мы, возлагая надежду на Господа, помощника и исправителя рѣчей, съ сердечнымъ усердіемъ ввергнемъ въ сокровищницу души вашей два динарія любви. А этими двумя динаріями, по моему мнѣнію, являются двѣ
заповѣди, на которыхъ утверждается весь законъ и пророки. Вѣдь Го- 774
сподь сказалъ въ Евангеліи: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и ближняго твоего какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки (Мѳ. XXII, 37, 39, 40). Любовь къ Богу и любовь къ ближнему—это двѣ заповѣди, взаимно связанныя между собою: кто исполняетъ первую изъ нихъ и не исполняетъ второй, тотъ является чуждымъ и той, которую онъ исполняетъ. Подобно тому какъ душа безъ тѣла, или, наоборотъ, тѣло безъ души, не носятъ названія человѣка, точно также и любовь къ Богу, если она не сопровождается любовію и къ ближнему, не есть любовь, и наоборотъ, любовь къ ближнему, разъ она не соединяется съ любовію къ Богу, не называется любовью. Вотъ почему рѣдко можно встрѣтить совершенную любовь. Язычники не знаютъ ея, хотя повидимому и питаютъ любовь другъ къ другу, они чужды ей, такъ какъ не знаютъ Бога. Іудеи, хотя и имѣютъ любовь между собою, но поелику возненавидѣли Господа закона, гласящаго: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ
твоимъ*, питали ненависть вмѣсто любви, и распяли Господа славы, 775
какъ Онъ говоритъ у пророка: *и положиша ненависть за возлюбленіе мое* (Пс. CVIII, 5). Не обладаютъ этого любовью и тѣ, кто говоритъ, что Сынъ Божій есть созданіе или тварь, хотя бы они и имѣли любовь

другъ къ другу. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ тотъ, кто любитъ Отца, можетъ назвать Его творцомъ и создателемъ Христа, а не родителемъ? Или какъ можетъ говорить, что любитъ Сына тотъ, кто утверждаетъ, что Онъ есть созданіе и тварь? Хотя бы человѣкъ, не любящій Сына, и говорилъ, что онъ любитъ Отца, онъ все же лишенъ любви къ Отцу, какъ говоритъ апостолъ: всякій, не имѣющій Сына, не имѣетъ и Отца (1 Іоан. II, 23). Не имѣютъ этой любви и тѣ, кто называетъ созданіемъ и тварью Духа (Святаго), хотя они повидимому исповѣдуютъ и любятъ Отца, потому что если кто не имѣетъ Духа Христова, тотъ не Его. Итакъ, истинною любовью обладаютъ тѣ, которые православно мыслятъ объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ и питаютъ взаимную любовь другъ къ другу. Любовь исповѣдуетъ Отца, поклоняется Сыну и славословитъ Духа Святаго; любовь не раздѣляетъ единства Троицы. О, любовь! Сожительница ангеловъ, совоспитанница отцовъ, сослужительница пророковъ, сподвижница мучениковъ, сопричастница апостоловъ, союзъ Церкви! Любовь не знаетъ войны, не имѣетъ враговъ, водворяетъ миръ; любовь укрощаетъ жаждущій крови гнѣвъ, дѣлаетъ достойными уваженія одаренныхъ разумомъ людей; любовь, не вмѣщающаяся въ мірѣ, обитаетъ въ смиренномъ сердцѣ; любовь, сладчайшая меда и молока, доставляетъ сладость не только устамъ, но изливаетъ ее и въ глубину сердца; любовь соединяетъ всѣхъ, ею утверждается земное и умножается небесное; любовь, ради которой Богъ послалъ Сына Своего въ міръ: такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго (Іоан. III, 16), (пославъ) Его въ міръ за насъ; любовь научила переносить опасности на морѣ и на сушѣ; любовь дѣлаетъ со-
776 вершенными, ублажаетъ и увѣнчиваетъ мучениковъ; любовь смотритъ на ближняго, какъ на самое себя и считаетъ свою собственность принадлежащей всѣмъ; любовь считаетъ какъ бы собственною нужду ближняго; любовь уготовляетъ общую трапезу всѣмъ, какъ бѣдному, такъ и богатому, мудрому и неразумному; любовь исполняетъ сладостію претерпѣвающую огорченія душу, врачуетъ страждущую, оживляетъ смиренную; любовь распространяетъ неугасимый свѣтъ дѣвства и съ усердіемъ ищетъ своихъ; любовь отверзаетъ врата царства небеснаго и вводитъ въ него вѣнценосное дѣвство, а равно не препятствуетъ войти въ него тѣмъ, кто проводитъ жизнь въ честномъ бракѣ; любовь любитъ милостыню и уготовляетъ блистающіе золотомъ вѣнцы творящимъ ее; любовь не знаетъ гордости и прославляетъ смиренныхъ; любовь избѣгаетъ злословія и находитъ удовольстіе въ благословеніи; любовь внушаетъ согласіе мужамъ и женамъ, пребывающимъ въ супружествѣ, и не желаетъ, чтобы они когда-либо разлучались другъ отъ друга; любовь побуждаетъ отцовъ любить дѣтей, а дѣтей—служить родителямъ, какъ господамъ своимъ; любовь убѣждаетъ господъ быть милостивыми по отношенію къ слугамъ своимъ и увѣщеваетъ слугъ искренно служить господамъ; лю-

бовь исключаетъ страхъ и вселяетъ въ сердце дерзновеніе къ Богу. какъ сказано: *совершенна любы* вонъ *изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. IV, 18): любовь сплела намъ этотъ вѣнецъ отцовъ и утвердила въ насъ сладостный и плодоносный корень надежды; любовь вводитъ стадо въ ограду Церкви и питаетъ его неувядающей роскошью рая; любовь сдѣлала единымъ и внимательнымъ слухъ всѣхъ насъ и расширила рѣчь нашу; любовь воспитываетъ тѣло, воспламеняетъ духъ, убѣляетъ душу; любовь дѣлаетъ достойными уваженія труды подвижниковъ и отверзаетъ имъ радостное лоно Сына. Да сподобитъ же Господь всяческихъ и насъ этого лона во вѣки вѣковъ. Аминь.



ОГЛАВЛЕНІЕ IX-го ТОМА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА

Книга первая.

БЕСѢДЫ НА ДѢЯНІЯ АПОСТОЛЬСКІЯ.

БЕСѢДА VI на Дѣян. II, 22.

БЕСѢДА VII на Дѣян. II, 27.

БЕСѢДА VIII на Дѣян. III, 1.

БЕСѢДА IX на Дѣян. III, 12.

БЕСѢДА X на Дѣян. IV, 1.

БЕСѢДА XI на Дѣян. IV, 23.

БЕСѢДА XII на Дѣян. IV, 36—37.

БЕСѢДА XIII на Дѣян. V, 17—18.

БЕСѢДА XIV на Дѣян. V, 34.

БЕСѢДА XV на Дѣян. VI, 8.

БЕСѢДА XVI на Дѣян. VII, 9—7.

БЕСѢДА XVII на Дѣян. VII, 35.

БЕСѢДА XVIII на Дѣян. VII, 54.

БЕСѢДА XIX на Дѣян. VIII, 26—27.

БЕСѢДА XX на Дѣян. IX, 10—12.

БЕСѢДА XXI на Дѣян. IX, 26—27.

БЕСѢДА XXII на Дѣян. X, 1—4.

БЕСѢДА XXIII на Дѣян. X, 23—24.

БЕСѢДА XXIV на Дѣян. X, 44—46.

БЕСѢДА XXV на Дѣян. XI, 19.

БЕСѢДА XXVI на Дѣян. XII, 1—3.

БЕСѢДА XXVII на Дѣян. XII, 18—19.

БЕСѢДА XXVIII на Дѣян. XIII, 4—5.

БЕСѢДА XXIX на Дѣян. XIII, 16—17.

БЕСѢДА XXX на Дѣян. XIII, 42.

БЕСѢДА XXXI на Дѣян. XIV, 14—15.

БЕСѢДА XXXII на Дѣян. XIV, 28, XV, 1.

БЕСѢДА XXXIII на Дѣян. XV, 13—15.

БЕСѢДА XXXIV на Дѣян. XV, 35—56.

БЕСѢДА XXXV на Дѣян. XVI, 13—14.

БЕСѢДА XXXVI на Дѣян. XVI, 25—26.

БЕСѢДА XXXVII на Дѣян. XVII, 1—3.

БЕСѢДА XXXVIII на Дѣян. XVII, 16—17.

БЕСѢДА XXXIX на Дѣян. XVII, 32—33.

БЕСѢДА XL на Дѣян. XVIII, 18.

БЕСѢДА XLI на Дѣян. XIX, 8.

БЕСѢДА XLII на Дѣян. XIX, 21—23.

БЕСѢДА XLIII на Дѣян. XX, 1.

БЕСѢДА LIV на Дѣян. XXVIII, 2—3.

Книга вторая.

БЕСѢДЫ НА ПОСЛАНІЕ КЪ РИМЛЯНАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

БЕСѢДА VI къ Римл. II, 17—18.

БЕСѢДА VII къ Римл. III, 9—19.

БЕСѢДА VIII къ Римл. IV, 1—2.

БЕСѢДА IX къ Римл. IV, 23—24.

БЕСѢДА X къ Римл. V, 12.

БЕСѢДА XI къ Римл. VI, 5.

БЕСѢДА XII къ Римл. VI, 19.

БЕСѢДА XIII къ Римл. VII, 14.

БЕСѢДА XIV къ Римл. VIII, 12—12.

БЕСѢДА XV къ Римл. VIII, 23.

БЕСѢДА XVI къ Римл. IX, 1.

БЕСѢДА XVII къ Римл. X, 1.

БЕСѢДА XVIII къ Римл. X, 14—15.

БЕСѢДА XIX къ Римл. XI, 7.

БЕСѢДА XX къ Римл. XII, 1.

БЕСѢДА XXI къ Римл. XXII, 4—5.

БЕСѢДА XXII къ Римл. XII, 14.

БЕСѢДА XXIII къ Римл. XIII, 1.

БЕСѢДА XXIV къ Римл. XIII, 11.

БЕСѢДА XXV къ Римл. XIV, 1—2.

БЕСѢДА XXVI къ Римл. XIV, 14.

БЕСѢДА XXVII къ Римл. XIV, 24—26.

БЕСѢДА XXVIII къ Римл. XV, 8.

БЕСѢДА XXIX къ Римл. XV, 14.

БЕСѢДА XXX къ Римл. XV, 25—27.

БЕСѢДА XXXI къ Римл. XVI, 5.

БЕСѢДА XXXII къ Римл. XVI, 17—18.

ТВОРЕНІЯ,

приписываемыя св. Іоанну Златоусту и въ Патрологіи Миня отнесенныя къ разряду Spuria.

СТРАН.